

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО»
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ (г. ЯЛТА)

**ЯЛТА
2020**

**II МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

**ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО
ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И ТЕХНОЛОГИИ**

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2020

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ ВО «КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В.И. ВЕРНАДСКОГО»
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ (г. ЯЛТА)**

Институт народонаселения и гуманитарных исследований Болгарской академии наук,
Республика Болгария (г. София)
Кокшетауский университет имени Абая Мырзахметова,
Республика Казахстан (г. Кокшетау)
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет» (г. Киров)
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена» (г. Санкт-Петербург)
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Краснодар)
ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет» (г. Самара)

**ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО
ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЁЖИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И ТЕХНОЛОГИИ**

Сборник материалов

Второй международной научно-практической конференции

(г. Ялта, 8-10 октября 2020 г.)

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2020

УДК 159.99
ББК 74.0
П 84

*Рекомендовано Ученым советом Гуманитарно-педагогической академии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
в г. Ялта от 30 сентября 2020 года (протокол № 8)*

П 84 Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии : сборник материалов Второй Международной научно-практической конференции, 8-10 октября 2020 года / под научной ред. В.В. Коврова. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2020. – 668 с.
ISBN 978-5-907376-13-7

Материалы сборника включают статьи участников Второй Международной научно-практической конференции «Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии», проведенной 8-10 октября 2020 года в г. Ялта Республики Крым

В сборнике трудов освещаются: проблемы и противоречия ценностно-нормативного и правового обеспечения государственной политики и социального партнёрства в профилактике отклоняющегося поведения детей и молодёжи; отечественный и зарубежный опыт и инновационные практики функционирования моделей межведомственного взаимодействия по вопросам реализации вариативных социально-психолого-педагогических технологий сопровождения детей с отклоняющимся поведением; современные реалии и практика подготовки специалистов системы профилактики девиантного поведения детей и молодежи; научно-методические и практические достижения в области девиантологии.

Материалы сборника могут быть использованы преподавателями, научными работниками, аспирантами и студентами в научно-исследовательской, учебно-методической и практической деятельности в сфере профилактики и коррекции девиантного поведения детей и молодежи.

УДК 159.99
ББК 74.0

© Коллектив авторов, 2020
© Гуманитарно-педагогическая академия
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (г. Ялта), 2020
© ИТ «АРИАЛ», макет, оформление, 2020

ISBN 978-5-907376-13-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблема профилактики и коррекции девиантного поведения взрослеющего поколения детей является фундаментальной междисциплинарной проблемой, определяемой в программах государственной политики России в качестве приоритетной. Реализация стратегии опережающего развития страны и регионов должна опираться на современные мировые и национальные тенденции общественного развития, научно-практические и организационные инновации в данной сфере.

В материалах сборника представлены научные статьи авторов – участников Второй Международной научно-практической конференции «Профилактика девиантного поведения детей и молодёжи: региональные модели и технологии».

Содержание сборника представлено материалами, включёнными в три раздела:

- Государственная политика и социальное партнёрство в профилактике отклоняющегося поведения детей и молодёжи: проблемы и противоречия ценностно-нормативного и правового обеспечения;

- Психологические и социально-педагогические аспекты профилактики девиантного поведения детей и молодёжи: инновационные практики модернизации моделей и технологий сопровождения;

- Современные реалии и практика подготовки специалистов системы профилактики девиантного поведения детей и молодёжи.

В представленных научных материалах сборника трудов, авторами обсуждаются подходы оптимизации государственной политики и социального партнёрства в деле профилактики отклоняющегося поведения несовершеннолетних и молодёжи, вопросы модернизации региональных систем профилактики социальных рисков и различных видов проявлений девиантного поведения в детской и молодёжной среде, основанной на принципах системности и комплексности межведомственного взаимодействия, непрерывности, адресности, единства профилактической деятельности на всех уровнях законодательной и исполнительной власти, сотрудничества в регионах всех слоёв и структур общества, включая некоммерческие и волонтерские организации, религиозные конфессии и другие группы населения, анализу эффективности моделей управления, координации взаимодействия и сотрудничества между основными структурами и уровнями региональной системы профилактики девиантного поведения детей и молодёжи; рассматриваются вопросы, связанные с совершенствованием нормативно-правового регулирования региональных систем профилактики девиантного поведения детей и молодёжи.

Авторы рассматривают современные вызовы и новые требования к специалистам, работающим с несовершеннолетними и молодёжью с девиантным, противоправным, аддиктивным поведением, с детьми – жертвами преступных посягательств и буллинга, детьми из социально уязвимых групп, находящимися в трудных жизненных, социально-опасных и юридически значимых ситуациях; современные тенденции и опыт подготовки специалистов для организаций и учреждений – субъектов профилактики отклоняющегося поведения детей и молодёжи в регионах, обеспечение современного уровня качественной профессиональной подготовки специалистов в сфере девиантологии на этапах университетского и последиplomного и иного профессионального образования.

В материалах статей отражаются подходы с целью: интеграции основных профилактических принципов и мероприятий, касающихся профилактики девиантного поведения детей и молодёжи, в программы развития регионов на долгосрочный и краткосрочный период; обеспечения необходимых условий для разработки инновационных программ профилактики, образования и просвещения, адресованных специалистам сферы социально-психолого-педагогической помощи детям и молодёжи и развитию социально-педагогических и психологических форм помощи и сопровождения в системе профилактики девиантного поведения детей и молодёжи; совершенствования сотрудничества государственных, общественных институтов и СМИ по вопросам профилактики девиантного поведения детей и молодёжи.

РАЗДЕЛ 1.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЁРСТВО В ПРОФИЛАКТИКЕ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЁЖИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ЦЕННОСТНО- НОРМАТИВНОГО И ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК: 159.9

КАТЕГОРИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ В СИСТЕМЕ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ СОЗНАНИЯ¹

Акопов Гарник Владимирович,

доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой общей и социальной психологии
ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет», г. Самара

Белкин Антон Игоревич,

доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры общей и социальной психологии
ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет», г. Самара

Ярушкин Николай Николаевич,

доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры общей и социальной психологии
ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет», г. Самара

Аннотация. Статья посвящена анализу категории правосознание в контексте категориальных пространств сознания. Рассматриваются юридические и психологические аспекты правосознания и его роль в системе категориальных пространств сознания. Описаны социально-психологические механизмы и функции правосознания, а также понятия и категории, семантически связанные с категорией правосознания.

Ключевые слова: наука, сознание, правосознание, система категориальных пространств.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the category of legal consciousness in the context of categorical spaces of consciousness. Legal and psychological aspects of legal consciousness and its role in the system of categorical spaces of consciousness are considered. Socio-psychological mechanisms and functions of legal consciousness are described, as well as concepts and categories semantically related to the category of legal consciousness.

Keywords: science, consciousness, legal consciousness, a system of categorical space.

Постановка проблемы. Категория правосознания является важнейшей категорией системы категориальных пространств сознания, отражающей специфику влияния на сознание характера и содержания общественных отношений. Выстраивание системы категориальных пространств сознания в контексте разрабатываемого авторами методологического подхода предполагает их классификацию и типологизацию в зависимости от специфики

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00816 «Многомерность сознания как проблема современной психологии: типологизация подходов и конструирование системы категориальных пространств».

опосредования социально-групповым и индивидуальным сознанием ценностей и норм общества.

Цель статьи. Статья посвящена анализу категории правосознания в системе категориальных пространств сознания. Определяется многомерность и многофакторность правового сознания как социального и психологического явления, которое имеет юридическую и психологическую составляющие, проявляющиеся в отношении индивида к существующему праву и в его правоприменительном поведении.

Изложение основного материала исследования. Категория правосознания определяется как одна из базовых (основных) структурных компонентов системы категориальных пространств сознания. Важным уточнением является тезис о том, что образ общественных отношений вместе с правоприменительным поведением и системой социальной регуляции присутствует в содержании правового сознания. Это важно для тех обществ, которые прошли «обработку» дисциплинарной властью и общественное сознание которых дезавуирует разницу между моралью и законом. В этом случае правовое сознание в большинстве своих аспектов совпадает с моральным сознанием. Для тех обществ, где моральное сознание и правовое сознание находятся в логических отношениях пересечения и не сводятся друг к другу, правовое сознание является специфической системой категориальных пространств, которая взаимодействует и самоопределяется, прежде всего с системой морального сознания. Данное методологическое уточнение имеет значимость в контексте исследований многомерности сознания и системы категориальных пространств сознания.

Отметим социально-психологические аспекты опосредования категории правовое сознание индивидуумами в контексте значимых для них социальных отношений. Одной из важнейших задач уголовно-исполнительной системы является восстановление нарушенных личностных качеств осужденного, необходимых для его будущей полноценной жизнедеятельности в обществе. Это предполагает глубинную личностную перестройку осужденного и, прежде всего, его сознания, что представляет собой чрезвычайно сложную психологическую проблему, успешное решение которой во многом определяется адекватными методологическими позициями в определении сущности таких основных понятий, как «право», «сознание», «правовое сознание». В связи с этим отметим ряд аспектов:

1. Известно, что жизнедеятельность человека в обществе регулируется социальными механизмами – социальными нормами и социальным контролем. Центральное место среди них занимает право, правовое регулирование, суть которых заключается в упорядочении общественных отношений путем обязательного подчинения поведения субъектов этих отношений государственно-санкционированным нормам.

По мнению М.И. Еникеева, право можно рассматривать как социальный институт реализации базовых ценностей общества посредством системы общеобязательных норм, реализуемых принудительной силой государства, а правовое регулирование – форма социального регулирования в соответствии с требованиями и дозволениями норм права, основанная на осознании субъектами права своих прав и обязанностей [7].

2. В процессе образования и воспитания под воздействием общественного мнения и многих других общественных и субъективных факторов, человек усваивает существующие в обществе правовые нормы, которые, превратившись в его личные убеждения, становятся внутренними мотивами поведения. Это означает, что в процессе воздействия право оказывает определенное воздействие на формирование ценностных ориентаций личности и на правовую культуру как часть общей культуры человека.

3. Понять психологические механизмы и закономерности правоприменительного поведения личности, то есть поведения, соответствующего правовым нормам, невозможно без глубокого анализа структуры и условий формирования ее сознания и правосознания.

Согласно Л.С. Выготскому, сознание представляет собой сложное, системное образование, обладающее культурно-исторической природой знаковых и символических

средств, имеющее различные уровни и формы репрезентации мира субъекту, в котором реальность отражается через призму присвоенного человеком общественного опыта [6].

4. Сознание определяет предварительную мысленную модель действий, предвидя их последствия, обладает способностью отдавать себе отчет в том, что происходит в нем самом и в окружающем мире, осуществляя этим самым управление поведением человека.

5. Правосознание – это одна из форм общественного сознания, на которое оказывают воздействие социально-политические, экономические, культурные факторы, оно взаимосвязано и взаимодействует с политическим сознанием, моралью, искусством, религией, философией, наукой.

Следовательно, категория правосознания является базовой категорией категориальных пространств сознания, с которой начинается выстраивание системы категориальных пространств сознания. Другие системы сознания первоначально обусловлены общим представлением о необходимом и должном, допустимом и табуированном. Многомерность системы категориальных пространств сознания с необходимостью включает правовое измерение, фиксирующее и определяющее природные и социальные феномены в соотношении с общественными нормами и социальным контролем общества.

Отметим, существовавшую, на наш взгляд, ограниченность отечественной юридической науки в понимании механизмов правосознания, которая была связана, прежде всего, с тем, что оно рассматривалось, с юридической точки зрения как отражение общественных отношений, не имеющей самостоятельного социально-регуляторного значения. В этом контексте утверждалось, что само право, как система юридических норм, является единственным и непосредственным регулятором общественных отношений и деятельности людей в юридически значимых ситуациях. Правосознанию в данной схеме отводилась лишь функция отражения правовых явлений в общественном и индивидуальном сознании.

В контексте нашего исследования и разрабатываемого методологического подхода к рассмотрению сознания правовое сознание непосредственно связано с социально-прикладным поведением и является его важнейшим регулятором.

В советской юридической психологии правосознание фактически отождествлялось со сферой знаний о праве и практике его применения. В настоящее время изменились представления о сущности этого понятия. В настоящее время в современной юридической психологии признано, что правосознание входит в качестве важнейшего элемента в систему непосредственного регулирования как правомерного, так и противоправного поведения личности.

Выделяют три основные функции правосознания. Познавательной функции соответствует определенная сумма юридических знаний и умений, или правовая подготовка. Оценочной функции отвечает система оценок и мнений по юридическим вопросам, или оценочные отношения к праву и практике его исполнения и применения. Регулятивная функция осуществляется за счет социально-правовых установок, ценностных ориентаций. Именно уровень правосознания определяет особенности правоприменительного поведения личности, в том числе и его различные дефекты, выражающиеся в нарушениях правовых и моральных норм. В связи с этим важнейшей задачей уголовно-исполнительной системы является выявление этих дефектов и коррекция основных функций правового сознания осужденного [8].

Из приведенного выше обзора можно сделать вывод, что в содержании категории правосознания представлены два рода определяющих характеристик:

- 1) характеристики, связанные с правовыми положениями;
- 2) характеристики связанные с явлениями сознания.

Рассматривая совокупности соответствующих базовых понятий, можно говорить о двух терминологических пространствах, отображающих основополагающие представления юридической науки и науки сознания. В своем пересечении эти пространства определяют категорию правосознания. Рассмотрим последовательно составные части обозначенного пересечения. Юридические понятия в категории «правосознание» представлены такими

терминами как: законы, юридические нормы, право, правовые знания, правовые нормы, правовые отношения, правовая ответственность, правовое поведение, правовая культура, правоприменение, правовая социализация, субъекты права, правовая регуляция, правовая саморегуляция, правовой контроль, правовой самоконтроль, правовые интересы, правовые ожидания, правовые ограничения (личности, группы), правовые установки, правовые представления, правовые убеждения, правовое сознание и т.д. В вышеприведенных понятиях приведены как базовые (основополагающие) термины юриспруденции, такие как право (законы), субъекты права, правовая регуляция (правоприменение), так и производные понятия, логически связанные с базовыми. Если ограничиться тремя названными базовыми понятиями, то, очевидно, можно выстроить трехмерное пространство категорий юриспруденции. При этом, конечно, возникает вопрос о том, насколько полно такое пространство охватывает все многообразие юридических явлений в современном обществе. Возможно, что необходимо увеличить число базовых категорий до четырех или более для достаточно полного охвата всего множества, правовых отношений. Заметим, что мы содержательно дифференцируем слова «термин», «понятие» и «категория», наделяя термин – обычным словарным значением, понятие – конкретным научным в рамках той или иной научной дисциплины, а категории – концептуальным содержанием в рамках соответствующей науки.

Термины и словосочетания, непосредственно связанные с психологией сознания, в характеристиках и в словосочетаниях понятия «правосознание» суть следующие: общение и обобщение, знание, отношение, постановка целей, планирование, предвосхищение, предвидение, рефлексия (внешнего мира, себя, своего поведения), самосознание (способность отдавать отчет о своих действиях, поступках, намерениях и т.д.), целенаправленное поведение, произвольная (по своему усмотрению) регуляция поведения, контроль (объектов внешнего мира и других людей), самоконтроль, познание, самопознание, общение (внешнее и внутренний диалог); выстраивание своих знаний, представлений, желаний – в определенную систему (мировоззрение), осмысление как наделение смыслом внешнего мира и себя в нем и др. В этой совокупности терминов, связанных с понятием сознания, возможно также конструирование трехмерного пространства на основе таких базисных понятий, как «знание», «отношение» (смысл) и «рефлексия». Сопряжение понятийных пространств юридической и науки сознания оформляет категорию правового сознания, в содержательной основе которого концептуальные построения юриспруденции и психологии сознания.

Следует признать, что в существующих сегодня разработках по юридической психологии, оформленная таким образом категория правового сознания не в полной мере использует соответствующие возможности как теоретического, так и прикладного (практического) значения. Это особенно остро ощущается в судебно-психологической экспертизе по проблемам уровня, широты и качества сознания лиц в юридически значимой ситуации. Отметим также, что представленное выше терминологическое пространство сознания основано на учениях о сознании Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева и других авторов советского периода российской психологии. Современные представления о сознании существенно и многоаспектно дополняют ранее оформленные. Например, двухфакторная модель сознания, предложенная Г.В. Акоповым, позволяет исследовать сознание с позиций коммуникативной и творческой активности человека [1; 2; 3; 4]. Еще более широкий спектр исследований сознания в различных парадигмах можно встретить в зарубежной науке сознания. Поликонцептуальность отображения явлений сознания в современном обществе не случайна и не является прихотью авторов различных теорий. Процессы глобализации и их психологические последствия, в частности, ускоряющийся переход от традиционного общества к обществу инноваций и соответствующее социальное расслоение, все большая индивидуализация повседневной жизни, расширяющиеся технологические возможности все более автономного удовлетворения индивидуальных потребностей и другие особенности новейшего времени способствуют значительной

дифференциации не только видов, типов и форм сознания, но также самих механизмов осознания.

Важнейшей характеристикой сознания является его коммуникативный характер. Коммуникация рассматривается как основной процесс конструирования психосоциальной идентичности в условиях информационного общества, связанного с возникновением тотальной знаковой среды. В настоящее время возрастает ее значение как канала меж и внутрикультурной трансляции смыслов и средства конституирования идентичности. Виды и формы коммуникации коррелируются с процессами структуризации социального взаимодействия и расширения сознания, средствами достижения группового единства и реализации идентичности [8].

К одному из важнейших механизмов сознания можно отнести процессы внутренней коммуникации. Внутренняя коммуникация обладает значительным развивающим потенциалом, через нее субъект дублирует, переосмысливает и встраивает Я-концепцию в оценочную информацию, полученную извне, и сам становится автором обращенных к себе оценок. В функциях внутренней коммуникации содержатся как позитивные, так и негативные влияния внутренней коммуникации на деятельность и личность субъекта. Среди основных функций выделяют: смыслообразование и реализацию процессов мышления, самосознание, формирование мировоззрения и адаптацию, самоорганизацию, развитие сознания и личности. Возвращаясь к понятию правового сознания, можно констатировать многомерность и многофакторность лежащего в его основе социального и психологического явления. В зависимости от той или иной исходной правовой системы различных времен различных цивилизаций и государств, а также различных по доминирующей характеристике социальных сообществ (этнических, религиозных и т.д.) будет определяться юридическое основание понятия «правовое сознание». Это основание не может быть полным без психологической составляющей, сопряженно, либо органично связанной с юридическим основанием. В связи с таким определением правового сознания, несомненно, предстоят определенные сложности в его апробации и использовании в юридической практике. Без специальных институтов психолого-юридического обеспечения современных следственных, судебных и т. д. экспертиз широты, качества и уровня сознания лиц, привлекаемых и гражданской или уголовной правовой ответственности, эти сложности со временем будут многократно возрастать. Устойчивое и бесконфликтное развитие общества обычно связывают со стабильной и всеобщей правовой системой. Вместе с тем, как ясно из вышеизложенного, различные виды и типы, и формы сознания, в связи с технологическим прогрессом в биомедицинской, инженерно-технической, социокультурной и других сферах жизнедеятельности человека, становятся не более динамичными. Возрастает не только многообразие видов и форм сознания, изменяются также механизмы сознания, определяющие характер связи осознаваемого и бессознательного во всем спектре отношений как внешнего (окружающий человека мир), так и внутреннего плана (рефлексия, самосознание, внутренняя коммуникация и др.).

Выводы. В настоящее время расширяется и углубляется объективное противоречие между инертной системой права и становящейся все более подвижной системой сознания «индивид – социальные группы – общество». Новые процессы, в том числе процессы коммуникации, расширяют содержание системы категориальных пространств сознания. Категория правосознания является важнейшей категорией системы категориальных пространств сознания, отражающей специфику влияния на сознание характера и содержания общественных отношений. Современные общественные процессы приводят к тому, что эта категория сознания становится важнейшей в самоопределении и самоидентификации личности и в выстраивании системы категориальных пространств. Она отражает такой категориальный признак как дозволенность-табуированность, то есть соотносит воспринимаемые явления с системой общественного сознания и общественной жизни.

Поиск способов расширения данного противоречия представляет, на наш взгляд, актуальную задачу, решение которой предполагает объединение усилий специалистов

юридической и психологической науки. Отдельной и также сложной темой, без соответствующих организационных и методических решений, являются развитие и формирование правового сознания в процессах социализации детей и юношества, ресоциализации подростков и взрослых, подготовки учащихся вузов по соответствующим направлениям и программам профессионального образования. Нам представляется, что современные информационные и образовательные технологии, совокупно с организационными и управленческими мерами, будут способствовать решению обозначенных задач, обусловленных необходимостью дальнейшей гуманизации правовых отношений в современном обществе.

Литература

1. Акопов Г.В. Психология сознания: вопросы методологии, теории и прикладных исследований. – М.: Изд-во Института психологии РАН. – 2010.
2. Акопов Г.В. Категориальные пространства в постановках и решениях проблемы сознания // Актуальная психология: Научный вестник – Ереванский государственный университет, Армения. – 2019, № 2(4). – С. 63-71.
3. Акопов Г.В. Категория сознания в современной психологии (избранные работы, опубликованные в 2003 – 2018 гг.). – Самара: Изд-во ООО «Порто-принт», 2019. – 278 с.
4. Акопов Г.В. Новые концептуальные возможности психологической оценки способности к осознанной регуляции поведения в юридически значимой ситуации // Армянский журнал психического здоровья. – 2018. – Том 9. – №1. Приложение. – С. 17-20.
5. Белкин А.И., Ионесов В.И. Коммуникация в контексте сознания и социодинамики культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2016. – Т. 5. – №4. – С. 315-322.
6. Выготский Л.С. Диагностика развития и педагогическая клиника трудного детства. – М.: Учпедгизд, 1936. – 25 с.
7. Еникеев М.И. Общая и юридическая психология: учебник. – М.: Юридическая литература, 1996. – Ч. 1. – 512 с.
8. Ярушкин Н.Н. Правовая психология: учебное пособие. – Самара: СамГПУ, 2000. 130с.

УДК: 364.075.71

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АДВОКАЦИЯ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ДЕТЕЙ С ОВЗ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Алехина Екатерина Валентиновна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
г. Воронеж;

Поветкина Татьяна Евгеньевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
г. Воронеж

Аннотация. В данной статье содержится обзор проблем социально-педагогической адвокации по правам детей с ОВЗ. Авторы анализируют причины необходимости проведения социально-педагогической адвокации, ее особенности и возможные перспективы ее применения для защиты прав и законных интересов детей с ОВЗ.

Ключевые слова: адвокация, социально-педагогическая адвокация, права детей с ОВЗ, социально-педагогическая технология.

Annotation. This article provides an overview of the problems of social and pedagogical advocacy for the rights of children with disabilities. The authors analyze the reasons for the need for

social and pedagogical advocacy, its features and possible prospects for its application to protect the rights and legitimate interests of children with disabilities.

Keywords: advocacy, social and pedagogical advocacy, rights of children with disabilities, social and pedagogical technology.

Постановка проблемы. Социально-педагогическая адвокация по правам детей с ОВЗ – достаточно активно применяющаяся сейчас технология. Однако ее реализация имеет ряд проблем, осознание которых поможет выйти на более высокий уровень эффективности адвокации.

Целью статьи является осмысление проблем, возникающих при проведении социально-педагогической адвокации, и попытка определить перспективы ее реализации в Российской Федерации.

Изложение основного материала исследования. Социально-педагогическая адвокация является по своей природе социально-педагогической технологией. Естественно, что все социально-педагогические признаки принадлежности к этой технологии имеют материнские корни.

В последние несколько десятилетий адвокация использовалась общественными организациями в интересах ВИЧ-инфицированных, людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией, наркозависимых, реже отдельных категорий женщин и детей.

В России адвокация появилась в конце 90-х годов XX века и использовалась правозащитными организациями, имеющими связи с зарубежными коллегами.

Встречаются различные трактовки понятия «адвокация».

«Адвокация – это ряд мероприятий, направленных на лиц, принимающих решения, и политических деятелей, с целью поддержки конкретных политических вопросов» [3].

«Адвокация – это термин из практики деятельности общественных организаций, который обозначает кампанию по представительству и защите прав и интересов определённой социальной группы; процесс, направленный на смену политики, законодательства и/или практики его применения» [1].

В русском языке «адвокация» определяется как особый род социозащитной деятельности с характерными чертами.

Адвокация может быть отнесена к социальному партнерству.

В общем виде, социальное партнерство предполагает несколько вариантов его понимания как социального явления. С одной стороны, это юридическая форма организации совместной деятельности. С другой стороны, это форма организации совместной деятельности, не закрепленная в учредительных документах, но подтвержденная фактически (договором, положением) или не закрепленная вообще. Адвокация относится к последнему варианту социального партнерства. Социальными партнерами выступают лица, чьи права нарушены, их родственники и представители общественных организаций, инициативные граждане, которые представляют интересы без соответствующего закрепления отношений.

С технологической точки зрения адвокация относится к социальному проектированию.

«Социальное проектирование – это конструирование индивидом, группой или организацией действия, направленного на достижение социально значимой цели и локализованного по месту, времени и ресурсам» [2].

Именно эти характеристики социального проектирования позволяют отнести адвокацию к этому типу социальных технологий.

Объектом воздействия адвокации принято считать государственные и муниципальные органы власти, организации и учреждения. Целью воздействия является законодательные или структурные изменения в интересах конкретных граждан или определенных социальных групп. Предметом адвокации является неблагополучие и неэффективность в решении социальных проблем. Часто адвокация имеет направленность на изменение социальной ситуации, политики, положения тех или иных групп.

С точки зрения теории общественных отношений, отношения, которые складываются в процессе адвокации, можно определить как, с одной стороны, альтруистические, а с другой, прагматические.

В силу специфики деятельности адвокатура – есть защита прав и законных интересов наиболее уязвимых категорий. Поэтому отношения между агентами адвокации, то есть некоммерческими (общественными) организациями, инициативными членами общества, защищающими права сторонних лиц, инициативными членами сообществ и родителями и их детьми, чьи права нарушены, носит альтруистический характер. Адвокатура является некоммерческой деятельностью, в процессе осуществления которой не преследуется цель получения выгоды со стороны агентов адвокации. То есть все виды деятельности в рамках адвокации реализуются бесплатно для тех, чье право нарушено.

В то же время, восстановление нарушенных прав и законных интересов для самих субъектов адвокации зачастую несет или прямую материальную выгоду (денежного и неденежного характера), или непрямую (возможность обучения рядом с домом, получение реабилитационной и коррекционной помощи за счет государства и т.п.). Поэтому адвокатура имеет так же прагматический характер.

Социально-педагогическая адвокатура, как уже было ранее сказано, является по сути социально-педагогическим проектом. Но имеет определенное отличие. Социально-педагогическая адвокатура выходит за рамки социально-педагогического проектирования, не ограничиваясь только педагогическими средствами, зачастую влияя на решение социальных проблем несовершеннолетних опосредовано.

Наиболее часто социально-педагогическая адвокатура в нашей стране в последнее время используется для защиты прав и законных интересов детей с ОВЗ. Связано это с возросшей социальной активностью как отдельных родителей этих детей, так и с увеличением количества общественных организаций. Многие общественные организации используют технологию адвокации. Но недопонимание ее социально-педагогического характера делает адвокатские кампании менее эффективными.

Основные часто встречающиеся социально-правовые проблемы семей, воспитывающих детей с ОВЗ, связаны с вопросами реализации прав, получения социальных льгот, получения качественных и бесплатных медицинских услуг, получения ранней помощи, создания специальных условий для получения образования, вопросы социального сопровождения и другие.

На начальном этапе, когда проблемы с нарушением у ребенка тех или иных функций становятся очевидными, родителям необходимо принять решение о начале процедуры признания ребенка (или взрослого) инвалидом. Если родители готовы сделать этот шаг, то им важно не только знать перечень необходимых документов, но и понимать детали этого процесса, в интересах ребенка и семьи вникать в сущность разработки индивидуальной программы реабилитации и абилитации (ИПРА), ориентироваться в нормативных актах. Практически одновременно с выявлением нарушений (у детей от рождения до 3 лет ребенка) должна начинаться ранняя помощь ребенку и семье. Своевременное начало ранней помощи позволяет заложить прочный фундамент для дальнейшего развития ребенка и оказать поддержку родителям в преодолении трудной жизненной ситуации, создавшейся в результате инвалидности или рисков ее возникновения у ребенка. В связи с этим родителям необходимо понимать цели, этапы и содержание ранней помощи, тем более что данная услуга достаточно нова для системы социальной защиты.

Большое количество проблем связано с реализацией права ребенка с особыми образовательными потребностями на образование. В настоящее время в организации образования немало болевых точек, которые вызывают беспокойство со стороны родителей – например, прохождение психолого-медико-педагогической комиссии (ПМПК), надомное обучение, семейная форма образования, выбор варианта образовательной программы, организация образования по специальному индивидуальному плану развития (СИПР), тьюторское сопровождение и др. Родителям зачастую сложно выбрать образовательную

организацию и форму получения образования, но это их право, и важно разумно распорядиться им в интересах ребенка.

Нормализация жизни семей, воспитывающих детей с инвалидностью, недостижима без социальной поддержки со стороны государства – социальной пенсии по инвалидности, реабилитационных мероприятий, льготного лекарственного обеспечения, получения технических средств реабилитации, социально-бытового обслуживания, обеспечения жильем, реализации трудовых прав и получения налоговых льгот. Возможность получения социальной поддержки от государства – важный блок социально-правовых проблем. На сегодня многие регионы имеют дополнительные инструменты регионального регулирования обеспечения прав семей с детьми-инвалидами. И это также дает дополнительные возможности для реализации прав ребенка с ОВЗ.

Некоммерческие организации применяют различные технологии адвокации.

1. Выпуск информационных материалов, буклетов, справочников, которые становятся навигатором в существующем правовом поле для родителей и законных представителей детей с нарушениями развития, информируют родителей о законодательных и практических аспектах оказания помощи детям и взрослым с инвалидностью и их семьям.

2. Консультационные пункты, семейные/родительские приемные (ВОРДИ, РОО «Контакт», МГАРДИ, ВРООИ «Искра надежды» и др.) «Родительская приемная» – помогает родителям и законным представителям детей с ОВЗ построить реабилитационный, медицинский, образовательный и иные социальные маршруты ребенка, а также семьи в целом. Консультируют и помогают: сами родители (члены НКО) и специалисты (юристы, врачи, педагоги, психотерапевты, психологи и т.п.).

3. Горячая линия (РООИ «Перспектива», ВОРДИ, Ассоциация «Аутизм-регионы» и др.). Основной целью «Горячей линии» является получение и обработка информации о фактах нарушений прав лиц с ОВЗ и инвалидностью, оказание консультативной юридической помощи лицам с ОВЗ и инвалидностью и их семьям, принятие мер оперативного реагирования по существу обращений, анализ обращений и выдвижение законодательных инициатив на их основе.

4. Организация юридической службы по правам лиц с ОВЗ и инвалидностью (РООИ «Перспектива»). Данная служба на постоянной основе оказывает бесплатную юридическую помощь гражданам. Юристы консультируют инвалидов по Skype, телефону и очно, представляют интересы людей с инвалидностью в суде, проводят бесплатные просветительские кампании и вебинары, из которых инвалиды узнают о своих правах.

5. Семинары, вебинары, лектории, web-школа. Обучение и просвещение родителей о правах детей с ОВЗ одна из самых доступных и эффективных мер по повышению родительской активности и эффективности мероприятий по защите прав детей с ОВЗ и инвалидностью. Последнее время все большее распространение приобретают вебинары и web-школы.

6. Технологии самоадвокации, родительские группы самопомощи.

Если говорить об содержании адвокационной кампании, то в ней можно выделить несколько этапов: информирование, формулировка проблемы, поиск решения, достижения результата. Каждый этап в данной деятельности достаточно специфичен.

Информирование родителей о законодательных и практических аспектах оказания помощи детям и взрослым с инвалидностью и их семьям имеет огромное значение, поскольку жизненный маршрут каждого ребенка зависит от своевременности и правильности решений, принимаемых взрослыми, их компетенции и умения отстаивать права своих детей.

Информированный родитель должен принять важные решения относительно получения ребенком статуса инвалида или статуса ОВЗ, выбора образовательного учреждения и модели обучения (инклюзия, ресурсный класс, коррекционный класс и др.), выполнения рекомендаций ПМПК, возможности участия в общественно-государственном управлении школой и др. Но выбор родителя должен быть квалифицированным, взвешенным и максимально учитывающим все обстоятельства. Для этого родителю должна быть оказана

максимальная информационная, организационная, юридическая, психологическая и прочая поддержка, которая поможет сделать этот выбор правильно. Одна из особенностей адвокационных кампаний – это переформулирование проблемы, представленной родителем ребенка с ОВЗ. Родители очень редко могут адекватно сформулировать проблему и свои ожидания по ее решению, в этом вопросе нужна профессиональная поддержка.

Последний этап – достижение результата, тоже имеет свою специфику. В процессе адвокационной кампании родители часто теряют интерес, теряют свои человеческие ресурсы и не доходят до конца, они опасаются возможных негативных последствий для своего ребенка (часто, надуманных), боятся серьезного участия в системе правосудия, участия в судах и т.д. Добиваясь незначительных промежуточных результатов, родители нередко удовлетворяются ими и теряют интерес к дальнейшей борьбе. Это является определенной проблемой социально-педагогической адвокации, поскольку каждая победа в отдельном случае несет системные решения и изменения во всей социальной системе, и непосредственно влияет на многих людей, имеющих сходные проблемы.

Как мы уже упомянули, при реализации социально-педагогической адвокации возникает ряд проблем.

Первая проблема выражается в сложностях передачи персональной информации. Дело в том, что в связи с неформальным характером отношений субъектов социально-педагогической адвокации, очень сложно соблюсти требования по хранению и передаче персональной информации третьим людям. А в силу того, что эта информация касается несовершеннолетних, и ее неправомерное использование может нанести им вред, проведение адвокации может быть затруднено.

Вторая проблема заключается в завышенных требованиях со стороны родителей, детей с ОВЗ. Обращаясь за адвокацией, родители ориентируются не на возможный результат, а на идеальный. На промежуточном этапе может возникнуть недопонимание со стороны родителей, недовольство результатами адвокации и т.п. Это может привести к прекращению адвокационной кампании.

Третьей проблемой является экстремизм в настроениях родителей детей с ОВЗ. Среди родителей последних поколений вообще, и среди родителей, детей с ОВЗ, в частности, распространенным явлением можно назвать родительский экстремизм – готовность осуществлять родительские обязанности любыми, в том числе крайними методами. Отстаивание интересов своего ребенка превращается в навязывание окружающим его, как абсолютной ценности, что может ущемлять интересы других людей. Это может провоцировать родителей предоставлять ложную информацию лицам, проводящим адвокацию. Это может приводить к растрате ресурсов без успешного завершения.

Четвертой проблемой является поиск ресурсов для социально-педагогической адвокации. Важным ресурсом прежде всего могут быть: педагогические, социальные и медицинские работники, сотрудники муниципальных и региональных органов исполнительной власти, общественные организации и другие сочувствующие лица. Проблема состоит в том, что проведение социально-педагогической адвокации зачастую имеет интуитивный характер. Готовности к участию, а тем более к инициированию адвокации среди педагогов нет. Кроме этого, к сожалению, большинство вышеперечисленных лиц являются зависимыми от вышестоящего руководства, на которое зачастую направлена адвокация, что делает невозможным их участие.

Пятая проблема заключается в региональных особенностях деятельности общественных организаций. В связи с тем, что в отдельных регионах общественные организации представлены лучше, адвокация проходит в них более успешно. В регионах, где пока еще нет высокой общественной активности, адвокационная деятельность более трудозатратна.

Несмотря на единое правовое поле в Российской Федерации, положение детей и взрослых целевой группы в разных регионах отличается. При этом объективно качество их жизни зависит от активности родительского сообщества на местах, умения выстроить конструктивный диалог с региональными властями по всем вопросам, касающимся жизни

инвалида, так как решение вопросов образования, соцзащиты, здравоохранения, досуга и т.д. является обязательством субъектов РФ. В то же время местные и региональные НКО, которые оказывают услуги семьям детей-инвалидов и взрослых с ментальной инвалидностью и другими нарушениями в различных направлениях и объемах, не имеют системного влияния на решение вопросов повышения качества жизни целевых групп на региональном и федеральном уровнях.

Шестая проблема заключается в отсутствии или малом уровне родительской активности. Во всем мире родители являются движущей силой законодательных и практических изменений по улучшению качества жизни своих детей. Благодаря развитию массовой активности родительской общественности в регионах происходит повышение требований к организациям, предоставляющим услуги образования, здравоохранения, социальные услуги и средства технической реабилитации и пр. Результатом такой активности является повышение качества услуг, развитие их вариативности и индивидуализации, развитие системы комплексной долгосрочной помощи и услуг детям и взрослым с инвалидностью по запросам их родителей/законных представителей со стороны государственных ведомств и организаций, а также социально ориентированных НКО.

В свете обозначенных проблем необходимо определить перспективы применения социально-педагогической адвокации по правам детей с ОВЗ.

Социально-педагогическая адвокация может реализовываться любыми заинтересованными лицами, даже иметь характер самоадвокации. При условии определенных знаний и навыков.

Социально-педагогическая адвокация для семей с детьми с ОВЗ имеет очень важное значение, так как затрагивает базовые потребности таких детей: в медицинском обслуживании, в обучении и воспитании, в общении со сверстниками и т.п. Поэтому необходимо широко распространять опыт адвокатирования в среде активистов общественных организаций.

Распространение интернета и использование онлайн ресурсов для распространения опыта проведения адвокационных кампаний позволяет даже в отдаленных регионах проводить адвокации по правам детей с ОВЗ. Исследование проблем детей с ОВЗ по материалам адвокационной деятельности ВРООИ «Искра надежды» (Воронеж) за 2018 год демонстрирует достаточно широкую географию (23 региона РФ).

И, наконец, внимание государства в последнее время к нуждам детей с ОВЗ, активное формирование общественного мнения о необходимости активного включения этих детей в жизнь социума, дает все основания полагать, что проведение адвокационных кампаний в перспективе будет более эффективным и менее ресурсозатратным.

Выводы. Социально-педагогическая адвокация – относительно новая, но уже активно используемая социально-педагогическая технология. При ее проведении возникает ряд проблем, обусловленных особенностями отношений, возникающих в процессе ее реализации, ее социально-педагогическим характером и региональными особенностями.

Литература

1. Какая разница между адвокацией, адвокатурой и лоббизмом // Судебно-юридическая газета. 2010. 19 апреля (N 31). С. 13. - Режим доступа: <http://sud.ua/newspaper/2010/04/19/35955-kakayaraznitsa-mezhdy-advokatsiej-adv-okatyroj-i-lobbizmom/print>
2. Луков В.А. Социальное проектирование: учеб. пособие для студентов вузов / В.А. Луков. 9-е изд. – М.: Моск. гуманитар. ун-т: Флинта, 2010. – 240 с.
3. Проведение кампаний по адвокации. Пособие Служба Партнерства EuroCASO в Восточной Европе (EuroCASO's Eastern European Partnership Office). – Вильнюс, 2004. – 51 с.

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ¹

Баева Людмила Владимировна,

доктор философских наук, доцент, декан факультета социальных коммуникаций
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Аннотация. Цель статьи обосновать необходимость создания в формирующейся системе цифрового образования в России безопасной коммуникативно-образовательной среды. Раскрыты и охарактеризованы угрозы и риски безопасности учащегося, связанные с процессом цифровизации обучения, в том числе касающиеся этических, когнитивных, антропологических, психологических последствий перехода к онлайн-обучению. На основе изучения потенциальных угроз предложены компоненты безопасной коммуникативно-образовательной среды, направленные на противодействия основным угрозам и систему профилактических действий. Они направлены на решение проблем диагностики и мониторинга рискованных процессов (психологических, коммуникативных, мотивационных и др.), обеспечения защиты персональных данных, прав и свобод личности в цифровой среде и формирования социальных навыков, патриотического, нравственно-ориентированного поведения, способности работы в социальной среде (как в традиционной, так и в цифровой).

Ключевые слова: безопасная коммуникативно-образовательная среда, цифровизация образования, информационная этика, безопасность, риски, угрозы.

Annotation. The goal of the article is to substantiate the need to create a safe communicative and educational environment in the emerging system of digital education in Russia. The threats and risks of student safety associated with the process of digitalization of learning, including ethical, cognitive, anthropological, psychological consequences of the transition to online learning, are disclosed and characterized. On the basis of studying of potential threats the system of safe communicative and educational environment directed on counteraction to the main threats and system of preventive actions is developed. Elements of the system are aimed at solving the problems of diagnosis and monitoring of risk processes (psychological, communicative, motivational, etc.), ensuring the protection of personal data, rights and freedoms in the digital environment and the formation of social skills, Patriotic, morally-oriented behavior, the ability to work in a social environment (both traditional and digital).

Keywords: safe communicative and educational environment, digitalization of education, information ethics, security, risks, threats.

Постановка проблемы. В условиях цифровых трансформаций общества и его основных сфер вопросы социальной безопасности также оказываются одними из приоритетных и обеспечивающих жизнедеятельность и эффективность остальных элементов системы. По мере развития тренда на цифровое образование в мире актуализировались и проблемы, связанные с изучением его влияния на человека. Оценка влияния цифрового образования на человека становится необходимой составляющей для достижения его положительного эффекта. Игнорирование этой проблемы способно снизить ожидания об инновационных трансформациях системы образования и вызвать негативные сценарии и последствия (для здорового образа жизни, когнитивной, социальной, эмоциональной сфер).

Обеспечение безопасности и устойчивости в современном открытом обществе становится одной из ведущих задач, обеспечивающих эффективность развития любой его

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-29-14007 МК «Оценка влияния цифровизации образовательного и социального пространства на человека и разработка системы безопасной коммуникативно-образовательной среды».

системы. Прежде всего, речь идет о защите от негативного информационно-психологического воздействия, оказываемого на современного человека разнообразными источниками в условиях развития цифровой среды. Безопасность мы рассматриваем как защиту от потенциальных и реальных угроз человеку или социальным системам, ведущим к ухудшению (нарушению) здоровья, жизни, прав, свобод, достоинства личности под влиянием информационно-психологического воздействия.

Целью статьи является обоснование необходимости создания в формирующейся системе цифрового образования в России безопасной коммуникативно-образовательной среды.

Изложение основного материала исследования. Переход к цифровому образованию активно происходит в мире и России на протяжении последних лет, однако, в 2020 году в условиях пандемии COVID-19 он получил новый ускоренный импульс. После цифрового «поворота» система образования в школах и вузах оказалась в условиях беспрецедентного эксперимента, позволившего сделать важные аналитические выводы о влиянии цифровизации на образование. Полученные данные показали, что помимо существенных достоинств цифрового обучения, с ним оказываются связаны новые проблемы безопасной коммуникации в электронной образовательной среде. Изучение теоретических источников последних лет и исследование практик применения онлайн-обучения показало, что основные проблемы, на которые необходимо обратить внимание с позиции безопасности, в условиях цифровизации образования заключаются в следующем:

1. Возможное ослабление когнитивных навыков (в том числе, творческого, критического мышления), связанное с системой подачи информации, представленной в готовом (не требующем анализа и обработки) упрощенном для восприятия виде, снижение результатов обучения, способностей к творчеству новых знаний, самостоятельной вербальной презентации знаний, аналитических, критических, логических навыков мышления. В группе риска оказываются учащиеся, ориентированные на решение типовых заданий, проведение контроля знаний исключительно с помощью тестирований.

2. Возможное ослабление навыков межличностной коммуникации, социальных навыков (диалога, взаимопомощи, ответственности, вовлеченности, работы в командах, лидерства и др.), связанных с виртуализацией общения и обучения. В группе рисков окажутся учащиеся, лишенные (полностью или в значительной степени) возможности социального взаимодействия в реальной образовательной среде и внеаудиторной деятельности, начиная с начальной ступени образования.

3. В условиях полного погружения в цифровую коммуникацию возможны экзистенциальная дезориентация, уход в виртуальные миры, склонность к саморазрушительному поведению, высокая подверженность зависимостям и манипуляторному воздействию, в том числе негативному, что связано с незрелостью самостоятельного, критического мышления. В группе риска окажутся учащиеся, для которых цифровое образование будет осуществляться с уровня начальной школы, а также учащиеся с предрасположенностью к различного рода зависимостям, находящиеся в кризисных состояниях, лишенные социальной поддержки и высокой восприимчивостью к внешнему влиянию.

4. При отсутствии сформированных навыков цифровой коммуникации вероятны моральный плюрализм и терпимость к асоциальным и аморальным явлениям в информационной среде, что связано с отсутствием воспитательного компонента в цифровом обучении, с одной стороны, и виртуализацией образа жизни, его уподоблением игре со множественными выборами поведенческих сценариев. В группе риска окажутся учащиеся, у которых формирование этических норм в семье ослаблено или отсутствует.

5. Возможное ухудшение основных параметров здоровья при отсутствии физических нагрузок и доминировании «экранных часов». В группе риска находятся все субъекты цифрового образования при отсутствии регулярных физических нагрузок.

6. Рискогенным может оказаться усиление общей растущей зависимости от гаджетов и интернет-коммуникации. В мире уже подробно исследована интернет-игровая зависимость, которая характерна для части поклонников видеоигр и ее разрушительное влияние на образ жизни геймера. Зависимость от социальных сетей, интернет-развлечений различного рода также находятся в поле зрения ученых как имеющие негативный потенциал влияния. Полный переход среды обучения в цифровое пространство может усилить зависимости от сетевой коммуникации, не только адаптируя человека к цифровой среде, но и делая его несвободным от нее.

7. Определенные угрозы безопасности личности могут быть связаны с нарушением прав человека в цифровой среде, в том числе авторских прав, чести и достоинства, конфиденциальности и др.

8. В исключительных случаях могут проявляться угрозы, вызванные целенаправленными кибератаками и кибертерроризмом, они могут касаться не только получение доступа к закрытой информации, распространению фейковой информации, но и киберзапугивания, кибербуллинга, кибермошенничества в различных формах.

Каждый из рисков представляет собой комплекс разнообразных угроз для человека, которые могут активироваться при наличии тех или иных уязвимостей, который усиливаются в зависимости от групп риска. В связи с этим развитие цифровой среды в системе образования должно учитывать оценку степени тех или иных угроз для физического и душевного здоровья личности и быть ориентированным на создание безопасной информационно-коммуникативной образовательной среды, включающей как информационно-технологическую, этическую, коммуникационную, психологическую и иные составляющие.

Цифровизация услуг, как правило, имеет своими задачами повышение удобство для граждан, сокращение времени и расходов, стандартизацию контента и централизацию управления. При этом открываются новые возможности, в том числе высвобождается время, сокращаются расходы на кадровые условия, амортизацию помещений и т.д. Эти задачи стоят и в системе образования. Цифровизация образования позволит создать возможности обучения независимо от места и времени, с гибким графиком и траекторией изучения курсов, избежать стрессовых ситуаций, неизбежно сопровождающих учащихся в школе, а также перенести обучение в ту среду, которая уже стала для «цифрового поколения» детей основной. Она сможет устранить субъективность оценки педагога, заменить социальный контроль и психологическое давление на ученика объективными оценками, универсальными требованиями, имеющими прозрачную проверку. Для реализации таких масштабных изменений необходимы результаты предварительных педагогических экспериментов с убедительными положительными результатами, общественное одобрение, правовая проработанность, возможность альтернативных (традиционных) форм обучения. Физическое и психическое здоровье ребенка должно быть гарантированным от различного рода негативных воздействий, а ученик, несмотря на формы обучения, должен оставаться личностью, с навыками коммуникации как в реальной, так и в цифровой среде.

Одним из актуальных примеров в высшей школе является практика создания открытых университетов, наряду с традиционными. Возможно, создание открытых школ, наряду с традиционными, окажется полезным опытом, который покажет преимущества новой формы обучения для основной системы образования.

Другим важным шагом на пути цифровых трансформаций системы образования должна стать система безопасной коммуникативно-образовательной среды, защищенная от угроз нарушения прав и свобод личности, защиты его персональных данных, а также с возможностью гибкого реагирования на формирование аддиктивного поведения, ослабления мотивации к учебе и когнитивных навыков, утраты навыков социальной адаптации и коммуникации и др. В ее рамках получит обоснование идея о том, что в условиях цифрового обучения, где индивидуальное обучение доминирует над коллективным, необходимым остаются навыки межличностной коммуникации, побуждающей человека к саморазвитию и творчеству. В тоже время характер виртуальной коммуникации задает новые контуры

общения и информационного воздействия на акторов, что может иметь в том числе и рискогенные и негативные последствия, которые необходимо диагностировать и блокировать.

На основе объединения современных теорий информационной безопасности и цифровой культуры наиболее эффективна модульная система институционально-коммуникационной безопасности для образовательной среды, включающая управленческий, психолого-педагогический, ценностно-мотивационный, когнитивно-информационный и этико-нравственный модули. В ее составе необходимы не только инструменты защиты персональных данных учащихся, но и элементы распознавания психоэмоционального состояния обучающегося, позволяющая эффективно отслеживать рискогенные факторы, в том числе связанные с программированием поведения, (саморазрушительное, агрессивное поведение, формирование аддиктивного поведения, утрату самоконтроля и др.).

Другой важный элемент безопасной коммуникативно-образовательной среды связан с подбором наиболее эффективных форм обучения с учетом индивидуализации образовательных траекторий учащихся для снижения рисков когнитивной сфере. Подобная система позволит диагностировать риски (выявленные на первом этапе реализации проекта и даст возможность педагогу составить психологический портрет обучающегося, выявить группы риска и референтные группы, способные обучать других (принцип обучения «равных равными»).

Важной составляющей подобной системы в составе этико-нравственного модуля должны стать и обязательное изучение дисциплин «Этика и безопасность в цифровой среде» для системы среднего образования и «Этика и безопасность цифрового социума» для системы высшего образования для профилактики рискогенных последствий информационного воздействия на обучающихся и формирования цифровой культуры поведения.

Важными для профилактики аддиктивного поведения являются компоненты, связанные с мониторингом психологических, когнитивных, эмоциональных особенностей личности, своевременная диагностика которых способна выявить потенциальные риски и уязвимости, разработать систему и методику профилактических мер. Система контроля результатов обучения и удовлетворенности качеством образования призвана стать еще одним важным элементом противодействия риску снижения мотивации обучения и уровня знаний. Все эти элементы обеспечивает с позиции информационной безопасности система защиты обучающегося и его персональных данных.

Выводы. В современном российском обществе осуществляются значительные по масштабам и беспрецедентности изменения, касающиеся перехода системы образования в цифровую среду. Эти процессы будут сопровождаться изменениями как в социальной, правовой, так и в методологической и методической областях, чтобы обеспечить безопасность и эффективность этого процесса для учащихся. Для реализации этих планов необходимо научное прогнозирование и анализ возможных последствий и перспектив, в том числе анализ рисков и угроз в различных сферах.

Анализ современных исследований по этой тематике показывает, что среди ученых нет однозначного видения в оценке влияния онлайн-обучения на человека и его «жизненный мир». При заметных преимуществах, связанных с широким доступом к онлайн-платформам и индивидуальной настройке учебного плана ряд аспектов цифровизации обучения, начиная с перестройки основной системы, вызывают серьезные рискогенные тенденции. Проведенный прогностический анализ показывает, что наиболее существенные риски могут быть связаны с дисфункциями либо дезориентацией личности в коммуникативной, когнитивной, этико-нормативной, духовно-патриотической сферах.

Существенное воздействие цифровизация образования может оказать и на физические параметры здоровья, увеличив «экранное время», формируя зависимости от гаджетов, оказывая влияние на зрение, опорно-двигательную систему, навыки здорового образа жизни в целом. Под угрозой также могут оказаться социальные навыки: способности к работе в команде, лидерству, уважению к людям, эмпатии, ответственности. Переход к онлайн-обучению способен трансформировать и когнитивные навыки личности, что может быть

связано с ослаблением критического и системного мышления, функций памяти, вербального воспроизведения знаний и др. Эти риски и угрозы могут быть дополнены если рассматривать эту проблему с позиции информационной безопасности, где негативное влияние может быть связано с использованием больших данных, персональной информации, с кибератаками и кибермошенничеством.

Изучение этих рисков приводит к необходимости создания системы коммуникативно-образовательной среды для цифрового образования, в которую входят модули, элементы и подсистемы, обеспечивающие безопасное и эффективное вхождение личности в цифровое пространство для обучения и воспитания.

Литература

1. Johnston J. & Barker L. T. (Eds.), *Assessing the impact of technology in teaching and learning: A sourcebook for educators* (pp. 119–137). Ann Arbor, MI: Institute of Social Research, University of Michigan.
2. *Assessment experiences in digital technologies in education*. Education Sector of UNESCO Office in Brazil, Sant Paulo. 2016. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000247330>
3. Ragad M. Tawafak, Awanis BT Romli, *Assessing the Impact of Technology Learning and Assessment Method on Academic Performance: Review Paper // EURASIA Journal of Mathematics, Science and Technology Education*, 2018, 14(6), p.1305-8215.
4. Gable, G., Sedera, D., & Chan, T. *Re-conceptualizing information system success: the IS-Impact Measurement Model*. *Journal of the Association for Information Systems*, 9(7), 377-408.

УДК: 342.723

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ¹

Балашова Татьяна Николаевна,
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права
Института права и экономики ФГБОУ ВО «Елецкий
государственный университет им. И.А. Бунина», г. Елец

Аннотация. В статье проводится исследование отдельных социально-правовых аспектов роли государства в профилактике девиантного поведения несовершеннолетних. Выделяются факторы, обуславливающие проблему защиты детства в современной России. В результате определяются новые направления совершенствования государственной системы профилактики и безнадзорности несовершеннолетних, направленной на сокращение их девиантного поведения.

Ключевые слова: девиантное поведение, профилактика, государство, несовершеннолетние, семейная политика.

Annotation. The article studies certain socio-legal aspects of the state's role in preventing deviant behavior of minors. The article highlights the factors that determine the problem of child protection in modern Russia. As a result, new directions are being defined for improving the state system of prevention and neglect of minors, aimed at reducing their deviant behavior.

Keywords: deviant behavior, prevention, state, minors, family policy.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00076 «Правовые и социальные аспекты обеспечения безопасности несовершеннолетних в Российской Федерации».

Постановка проблемы. Одним из критериев благополучия и стабильности общества является социализация несовершеннолетних. От уровня социальной адаптации и образованности подрастающего поколения во многом зависит развитие общества и государства в целом. Большое количество острых социальных проблем в последнее время привели к серьезным внутренним конфликтам в обществе. Все чаще ответной реакцией детей на вызовы окружающего их мира, проявляющиеся в неоправданной жестокости, насилии, агрессии, враждебности, индивидуализме, становится девиантное поведение. В связи с этим существенно повышается общественная значимость проблемы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних. В последние годы в России среди подростков наблюдается увеличение уровня преступности, злоупотребления спиртными напитками, токсикомания, наркомания, антисоциальное поведение. Рост проявления девиации среди несовершеннолетних ставит перед государством задачу создания эффективной системы профилактики и устранения факторов и условий, способствующих этому негативному явлению.

Целью статьи является исследование социально-правовых аспектов роли государства в профилактике девиантного поведения несовершеннолетних в современной России.

Изложение основного материала исследования. Реформирование российского общества, охватившее все стороны его жизни, наряду с позитивными преобразованиями, стимулирующими совершенствование многих сфер деятельности человека, вызвало и ряд негативных тенденций: социально-экономическая нестабильность, безработица, падение уровня жизни многих людей, социальная и психологическая дезориентация и дезадаптация, резкое снижение востребованности общечеловеческих нравственных и духовных ценностей, сложная криминальная обстановка, ослабление деятельности социальных институтов, призванных заниматься воспитанием и др. Сложившаяся социокультурная ситуация обуславливает рост таких неблагоприятных явлений, как алкоголизм, наркомания, нравственная деградация, омоложение преступности и пр. Наиболее чувствительными к социальным и психологическим катаклизмам оказываются дети. Именно в подростковом возрасте наблюдается резкий рост таких поведенческих характеристик, как агрессивность, недисциплинированность, конфликтность, неумение владеть собой, в которых нередко кроются истоки правонарушений и преступности несовершеннолетних. Поэтому не случайно защита несовершеннолетних является в настоящее время приоритетным направлением реализации функций государства.

Однако проблема защиты детства в современной России обусловлена рядом аспектов, среди которых можно выделить:

- отказ от существовавшей ранее советской системы воспитания и образования подрастающего поколения, не самым благоприятным образом сказавшийся на положении несовершеннолетних;

- отсутствие конституционно-правовых оснований организации и деятельности государственных органов, занимающихся профилактикой правонарушений несовершеннолетних;

- отсутствие эффективного правового регулирования межведомственного взаимодействия государственных органов, органов местного самоуправления, занимающихся профилактикой девиантного поведения несовершеннолетних;

- отсутствие эффективных механизмов профилактики детской беспризорности, наркомании, насилия над детьми;

- низкий уровень развития системы специализированных учреждений для детей с отклоняющимся поведением, недостаточное внедрение новых реабилитационных технологий адаптации их в обществе;

- недостаточность формирования современных защитных институтов в духовно-нравственной и социальной сферах и др.

В связи с этим, государственная политика Российской Федерации в отношении несовершеннолетних должна строиться с учетом существующих проблем в сфере защиты

детства и быть направленной на обеспечение наиболее эффективного воспитания, полноценного образования, успешную социализацию.

По данным Росстата, на 1 апреля 2020 года в России проживали 146,7 миллиона человек, из которых 22,4% – дети. Это самая высокая доля детей в общей структуре населения страны за последние 10 лет – в 2010 году дети и подростки составляли 21,4% населения [1].

В 2018 году почти 23% несовершеннолетних в России жили в семьях с уровнем денежных доходов ниже прожиточного минимума. Причем самый высокий уровень бедности среди детей был зарегистрирован в многодетных семьях – 40,6%. Уровень бедности среди детей почти в два раза превышает общероссийский показатель: в 2018 году за чертой бедности (включая детей) проживало 18,4 млн человек, или 12,6% населения.

В 2020 году с 87,3% до 89,02% увеличилась доля детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в замещающих семьях, от общего числа детей-сирот [2]. Отмечается и рост подростковой преступности. В 2019 году на 4% выросло число совершённых несовершеннолетними тяжких и особо тяжких преступлений. Если в 2018 году их было 9716, то в 2019-м – 10113 [3]. Увеличение в последние три года числа особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними, говорит о серьезных недостатках в борьбе с подростковой преступностью. О серьезности ситуации говорит и выросшее почти до 145 тысяч число подростков, поставленных в 2019 году на учет подразделениями по делам несовершеннолетних. Из них более чем 70 тысяч совершили административные правонарушения, не достигнув 16-летнего возраста. Стабильно высоким остается удельный вес несовершеннолетних, раньше уже совершавших преступления. Около половины осужденных в 2019 году несовершеннолетних воспитывались в семье с одним родителем. Почти десять процентов – воспитывались вне семьи и подавляющее большинство имело низкий уровень образования.

К одним из факторов, обуславливающих девиантное поведение несовершеннолетних, относятся социально-психологические факторы, обусловленные особенностями взаимодействия ребенка в семье, на улице, в школьном коллективе. Исследователи, изучающие отклоняющееся поведение личности, указывают на непосредственную связь между ростом подростковой противоправности и семейным неблагополучием. Государственное признание ценности семьи и ее роли в воспитании подрастающего поколения отражено в ст.7 и ч.1 ст. 38 Конституции РФ. За период действия Конституции РФ было предпринято много шагов по формированию эффективной правовой основы регулирования семейных отношений. Современная правовая база в сфере семейных отношений включает Семейный кодекс, целый ряд федеральных законов, среди которых: ФЗ от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», ФЗ от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», Федеральный закон ФЗ от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» впервые упорядочил права и обязанности органов опеки и попечительства, осуществил ревизию форм устройства детей в семью, признал приемную и патронатную семьи разновидностями «платной» опеки и попечительства. Социальный запрос на конкретизацию правового регулирования семейных отношений выразился в принятии Закона Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (далее - Закон о поправке к Конституции РФ). В нем большое внимание было уделено проблемам семейной политики, основанной на том, что центральной ценностью для семейного законодательства являются интересы несовершеннолетних. В законе акцентируется, что благополучие ребенка неразрывно связано с благополучием семьи и определяется им. В частности, в Законе о поправке к Конституции РФ нашли закрепление следующие основные положения, касающиеся выстраивания государством эффективной семейной политики.

Во-первых, в Законе о поправке к Конституции РФ определяется, что важнейшим приоритетом государственной политики российской Федерации являются дети. Обязанностью

государства является создание необходимых условий, способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Обеспечивая приоритет семейного воспитания, государство возлагает на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения (ч. 4 ст. 67.1).

Во-вторых, на Правительство РФ возложена обязанность осуществления в России единой социально ориентированной государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей (п. «в» ч. 1 ст. 114).

В-третьих, были откорректированы положения ст.ст.71 и 72 Конституции. К числу вопросов исключительного ведения России отнесено установление единых правовых основ системы здравоохранения, системы воспитания и образования, в том числе непрерывного образования (п. «е» ст. 71). Конкретизированы вопросы совместного ведения России и ее субъектов в части защиты семьи. К ним дополнительно отнесены: защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях.

Важность семьи в эффективном нравственном воспитании ребенка является бесспорной. В связи с этим, государством предусмотрено предоставление на федеральном уровне гарантий прав детей, оставшихся без попечения, на образование, медицинское обеспечение, жилище. В новых конституционных положениях определена важность совершенствования существующих правил о приемной и патронатной семье. Необходимо рассматривать патронатную семью наравне с приёмной, как полноценную разновидность платной опеки (попечительства). Для адаптации приемной семьи к появлению ребенка необходимо развивать сеть социально ориентированных организаций, осуществляющих социальное и психологическое консультирование.

Важное значение в предупреждении девиантного поведения среди несовершеннолетних играют органы местного самоуправления. Дети должны расти в условиях равного доступа к образованию и помощи со стороны взрослых – педагогов, социальных работников, психологов, медиков. Решению этих задач будет способствовать конституционная поправка, касающаяся изменения роли местного самоуправления, которое войдет в единую систему публичной власти. В настоящее время именно на муниципальном уровне решаются вопросы доступности как общего, так и дополнительного образования. Если ранее действия муниципальной власти входили в противоречие с целями национального уровня, в частности – в вопросе обеспечения детей кружками и секциями, школьным транспортом, питанием, то теперь за счет выстраивания более продуктивного диалога появится возможность ставить задачи, в частности, по реальному увеличению охвата детей дополнительным образованием. Это позволит уделить больше внимания ребятам из «группы риска», детям, испытывающим сложности в обучении, «трудным» подросткам.

Важным элементом государственного механизма предупреждения отклоняющегося поведения несовершеннолетних является система профилактики их безнадзорности и правонарушений. В ст. 4 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» определен перечень органов и учреждений, входящих в эту систему. Система включает в себя: комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защитой населения, органы опеки и попечительства, органы управления образованием, органы внутренних дел, органы службы занятости, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением и др. В структурах указанных органов могут создаваться учреждения, осуществляющие отдельные функции по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в порядке, установленном законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации.

Вышеназванные органы решают задачи в целях профилактики во взаимодействии друг с другом. Данное взаимодействие представляет собой сложное явление, что обусловлено

многообразием соответствующих общественных отношений. При взаимодействии субъекты системы, осуществляющие деятельность в пределах своих компетенций, исключают их дублирование. В связи с этим отсутствует необходимость привлечения дополнительных сил и средств, что позволяет разрабатывать целевые профилактические программы, а также индивидуальные программы комплексной реабилитации семьи, находящейся в социально-опасном положении.

Современные условия диктуют новые направления совершенствования системы профилактики и безнадзорности несовершеннолетних, среди которых:

- изменение вектора превентивной практики в сторону преобладания мер защиты несовершеннолетнего над мерами принудительного характера и наказания;

- повышение роли семьи как основного института социализации несовершеннолетних, осуществление всесторонних мер поддержки семье и сохранение традиционных семейных ценностей;

- создание социально ориентированных организаций, осуществляющих работу по коррекции девиантного поведения несовершеннолетних, социальное и психологическое консультирование семей, в особенности – находящихся в трудной жизненной ситуации.

- четкое разграничение превентивной и воспитательной компетенций между органами, входящими в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, при условии сохранения межведомственного взаимодействия и участия в реализации государственной молодежной политики;

- недопущение введения ювенальных технологий, влекущих неоправданное вмешательство государства в жизнь семьи и в целом серьезно угрожающих традиционным семейным ценностям.

Выводы. Анализ социально-правовых аспектов роли государства в профилактике девиантного поведения несовершеннолетних в Российской Федерации показывает, что в настоящее время предпринимается немало различных государственных мер по охране интересов матери и ребенка, повышению роли семьи и традиционных семейных ценностей, социальной поддержке нуждающихся семей, совершенствованию правового регулирования семейных отношений, ревизии существующих ювенальных технологий, посягающих на права несовершеннолетних, переориентации системы профилактики правонарушений несовершеннолетних от репрессивных начал на защитно-охранные. Дети должны расти в условиях равного доступа к образованию и помощи со стороны взрослых – педагогов, социальных работников, психологов, медиков, что будет способствовать снижению девиантных проявлений среди подрастающего поколения. Современная нормативно-правовая база в сфере охраны детства во многом ориентирована на возрождение превентивной государственной политики по отношению к несовершеннолетним с девиантным поведением. Это может, по нашему мнению, стать прочной основой для успешной адаптации подрастающего поколения россиян к происходящим в обществе переменам.

Литература

1. Доля детей в численности населения РФ достигла исторического максимума // https://ria.ru/organization_Rosstat [Дата обращения 10.08.2020 г.]

2. Росстат: уровень бедности среди детей в РФ почти в два раза выше, чем среди взрослых // <https://www.znak.com/2020-08-04/rosstat> [Дата обращения 10.08.2020 г.]

3. СК отметил рост подростковой преступности в 2019 году // https://news.rambler.ru/crime/43772169/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink [Дата обращения 10.08.2020 г.]

4. Арифулина Р.У., Белогорская Л.В. Становление системы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних в России // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 11. – С. 127-133.

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ, БЕСПРИЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Вихляев Александр Александрович,
преподаватель кафедры административной деятельности ОВД
ФГКОУ ВО «Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя», г. Москва
Харламова Дарья Андреевна,
командир отделения института-факультета
психологии служебной деятельности ОВД
ФГКОУ ВО «Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя», г. Москва

Аннотация. Данная статья посвящена актуальной теме на сегодняшний день, а именно вопросам беспризорности, безнадзорности и правонарушениям среди несовершеннолетних. Необходимо отметить, что именно актуальная и эффективная профилактика – это одна из фундаментальных основ реализации государственно-властной политики по поддержанию нормального функционирования общественных отношений, складывающихся среди несовершеннолетних. Система профилактики безнадзорности, беспризорности и правонарушений, среди несовершеннолетних должна осуществляться на поэтапной основе, с соблюдением строгой стадийной процедуры реализации деятельности. В статье авторы попытались сформулировать основные проблемы профилактики отклоняющегося поведения подростков, дать характеристику современному уровню профилактики девиантного и делинквентного поведения несовершеннолетних, обозначить пути выхода из обозначенных проблем.

Ключевые слова: несовершеннолетний, безнадзорность, беспризорность, административно-правовой деликт, профилактика, органы внутренних дел, межведомственное взаимодействие.

Annotation. This article is devoted to a topical topic today, namely the issues of homelessness, neglect and juvenile delinquency. It should be noted that actual and effective prevention is one of the fundamental bases for the implementation of state-power policy to maintain the normal functioning of social relations among minors. The system of prevention of neglect, homelessness and delinquency among minors should be implemented on a step-by-step basis, in compliance with a strict stage-by-stage procedure for implementing activities. In the article, the authors tried to formulate the main problems of prevention of deviant behavior of adolescents, to characterize the current level of prevention of deviant and delinquent behavior of minors, to identify ways out of these problems.

Keywords: minor, neglect, homelessness, administrative and legal tort, prevention, internal Affairs agencies, interdepartmental interaction.

Постановка проблемы. В условиях современных реалий, перед государством как никогда остро встают вопросы профилактики и предупреждения противоправного поведения несовершеннолетних. Развитие коммуникационных технологий, конфликты поколений, наличие культурных и социальных дифференциаций приводят к разобщенности в современном обществе, и, как результат, – отстраненности и отрешенности от объективной реальности и психологическим девиациям в поведении молодого поколения россиян.

Одной из важнейших проблем, требующей разрешения на современном этапе, является недостаточная проработка механизма противодействия отклонениям в поведении несовершеннолетних.

Сейчас, как никогда, остро встает вопрос по совершенствованию системы профилактики, направленной на предупреждение и недопущение отклонений в поведении

несовершеннолетних и контроль за исполнением родителями и иными ответственными за воспитание несовершеннолетних лицами возложенных на них обязанностей.

Целью статьи является теоретический анализ проблематики беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних; поиск факторов, влияющих на поведение подростков, и проблем, связанных с реализацией правоохранительной функции в указанном направлении; проработка путей разрешения обозначенных проблем, а также рассмотрение условий развития и совершенствования системы профилактики безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних.

Изложение основного материала исследования. В настоящее время в России происходит модернизация действующего административного законодательства: от сферы государственного управления до административно-юрисдикционной деятельности. В связи с этим определенное внимание заслуживают вопросы, затрагивающие институты юридической ответственности и профилактики беспризорности и правонарушений среди несовершеннолетних.

Отклоняющееся поведение и деликты, совершаемые несовершеннолетними, безусловно, относятся к числу наиболее важных проблем, вызывающих особую озабоченность общества и государства.

Уже сейчас можно сказать, что своевременно принятые меры, направленные на предупреждение противоправного поведения несовершеннолетних, показали свою значимость – за последние 3 года отмечается значительный спад правонарушений, совершенных несовершеннолетними (или в соучастии с ними).

Согласно данным правовой статистики, представленным официальным сайтом Генеральной прокуратуры Российской Федерации [1], в 2017 году было выявлено 42 504 преступления, совершенных несовершеннолетними, что составляло 7,5% от общего количества совершенных преступлений по России, основная доля которых приходилась на подростков в возрасте 16-17 лет – 25 103, для несовершеннолетних 14-15 лет показатели составили 13 233 преступления.

В 2018 году количество совершенных несовершеннолетними преступлений уже составляло 40 860 (7,5%). Возрастные показатели преступности также заметно сократились – среди несовершеннолетних, достигших возраста 14-15 лет, они составили 13 169, а в возрастной группе 16-17 лет – 23 580 преступлений.

В 2019 году уровень преступности среди несовершеннолетних продолжил свое снижение и составил 37 953 преступления (7,3%). Количество преступлений, совершенных подростками в возрасте 14-15 лет, сократилось до 12 215, а 16-17 лет – упало до 21 892.

Однако, не смотря на значительные успехи в области профилактики преступлений уровень административно-правовых деликтов продолжает оставаться на достаточно высоком уровне. Самыми распространенными административными правонарушениями среди несовершеннолетних являются мелкое хулиганство, повреждение чужого имущества, употребление наркотических и психоактивных веществ, алкоголя, сиффинг, причинение побоев.

Административно-правовые деликты, безусловно, тесно связаны с иными противоправными действиями и в любой момент могут перерасти в уголовно-наказуемые деяния.

Действующим законодательством предусмотрен широкий перечень субъектов, осуществляющих профилактику противоправного поведения несовершеннолетних. Однако, нам хотелось выделить особую роль государства (в целом) и органов внутренних дел (в частности) в указанном направлении.

Необходимость организации и совершенствования деятельности органов внутренних дел, как главного субъекта профилактики безнадзорности, беспризорности и правонарушений среди несовершеннолетних вызвана рядом аспектов, которые, по своей сути, имеют множественное законодательное и правоприменительное обоснование.

Во-первых, государство, являясь гарантом обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан обязано обеспечивать защиту несовершеннолетним лицам, а также контролировать надлежащее исполнение обязанностей по воспитанию, содержанию и обучению несовершеннолетнего со стороны родителей или законных представителей. Реализация исполнения указанного обязательства осуществляется государством посредством органов внутренних дел.

Во-вторых, органы внутренних дел (полиция) созданы и функционируют «для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности» [2; ст. 1]. Безусловно, такие явления как безнадзорность, беспризорность, а также совершение правонарушений несовершеннолетними «подпадают» под указанное назначение полиции, а значит, на них должно быть обращено соответствующее внимание правоохранителей, реализующих свою деятельность в соответствии с упомянутым федеральным нормативным правовым актом.

В-третьих, правильно подобранная профилактика видится нам наиболее эффективной формой противодействию выше сказанным негативным явлениям среди несовершеннолетних. При этом, безусловно, мы не имеем в виду легкость в плане организации профилактических мероприятий. Напротив, зачастую организовать, например, производство по конкретному делу об административном правонарушении, в условиях установленной на законодательном уровне стадийности данного процесса, известности всех процессуально значимых действий уполномоченных должностных лиц, гораздо менее затруднительно, чем, работая в условиях существенной латентности, фактически, осуществляя поиск изначально неочевидных фактов о тех или иных аспектах, детерминирующих противоправную деятельность.

Таким образом, можем сказать, что актуальная и эффективная профилактика – это одна из фундаментальных основ реализации государственно-властной политики по поддержанию нормального функционирования общественных отношений, затрагивающих интересы современных подростков.

Система профилактики безнадзорности, беспризорности и правонарушений среди несовершеннолетних должна осуществляться на поэтапной основе, с соблюдением строгой стадийной процедуры реализации деятельности.

Первой стадией исследуемого нами процесса должно выступать выявление полицией причин и условий безнадзорности, беспризорности и правонарушений среди несовершеннолетних. Следует отметить, что выявление рассматриваемых социально-негативных факторов является одной из задач производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 24.1 КоАП РФ.

Согласимся с А.В. Равнюшкиным, который отмечает, что «выявление причин и условий, способствующих совершению правонарушений, является деятельностью, направленной на осуществление общей профилактики правонарушений, которая организуется и проводится государственными органами посредством реализации средств политического, экономического, правового, социального, идеологического и технического характера. В силу этого деятельность полиции по реализации мероприятий общей профилактики, по мнению диссертанта, носит несколько узкий характер, в то время как совокупность мер индивидуальной профилактики, напротив, является весьма широкой. Это выявление лиц, склонных к правонарушениям, и воздействие на них с целью отказа от противоправных намерений» [3, с. 23].

В систему профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних кроме органов внутренних дел также входят комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защитой населения, федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере образования, органы местного самоуправления, органы опеки и попечительства, учреждения уголовно-исполнительной системы [4, ст. 4].

Для успешной реализации всех поставленных задач необходимо комплексное взаимодействие между данными органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних.

Однако, в реализации указанной стадии профилактики полицией безнадзорности, беспризорности и правонарушений, среди несовершеннолетних, наличествует явственно очерченная проблема. Как правило, причины и условия устанавливаются и становятся очевидными лишь после совершения правонарушений, или же при обнаружении данных негативных явлений. На наш же взгляд, суть самой профилактики в данном случае заключается в так называемой «работе на опережение», при которой конкретные детерминанты совершенного правонарушения не становятся новостью для сотрудников полиции уже после совершенного противоправного деяния.

В этой связи, на сегодняшний день «необходимо применение комплекса административно-правовых средств, направленных на своевременное выявление и нейтрализацию причин и условий, способствующих совершению правонарушений среди несовершеннолетних» [3, с. 20].

В основе данного комплекса должна лежать постоянная работа уполномоченных на то должностных лиц, прежде всего, участковых уполномоченных полиции, а также инспекторов по делам несовершеннолетних, заключающаяся в непрерывном общении с «подучетным элементом», лицами, проживающими на обслуживаемой территории, фиксировании даже малейших изменений оперативной обстановки, обращении внимания на «центры притяжения» асоциально настроенных граждан, а также места скопления подростков.

Второй стадией исследуемого нами процесса выступает непосредственное предупреждение самих данных негативных явлений. Определив конкретные причины и условия совершения правонарушений среди несовершеннолетних, сотрудники ОВД обязаны осуществить комплекс административно-правовых мер по недопущению реализации конкретных детерминантов правонарушения. Форма применяемых на стадии предупреждения административно-правовых деликтов, преимущественно, внеправовая, организационно-просветительская, комплексная.

Использование полицией данных средств поможет уменьшить уровень проявления безнадзорности, беспризорности и совершения правонарушений среди несовершеннолетних, не дать возможность совершить противоправные действия, а также оценить действия родителей или законных представителей, и, в случае наличия в их действиях правонарушений, - привлечь к юридической ответственности. Полиция при осуществлении профилактической деятельности применяет административно-правовые средства, как убеждения, так и принуждения с учетом конкретной обстановки.

При этом, на наш взгляд, первой группе средств уделяется недостаточное внимание, хотя (и мы в этом глубоко убеждены), именно в ней кроется основной смысл превенции правонарушений среди несовершеннолетних и в случае своей эффективной реализации, именно меры убеждения в наибольшей вероятностной перспективе позволят не допустить правонарушения и его вредных социально-негативных последствий.

Крайне важной составляющей убеждения, применяемого сотрудниками полиции в целях предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних, выступает применение индивидуального подхода к каждому случаю. Наиболее ярким примером может быть дифференциация деятельности участковых уполномоченных полиции и инспектора по делам несовершеннолетних в указанном направлении работы. Для положительного разрешения конфликта данным субъектам необходимо установление психологического контакта с несовершеннолетними. Следует строить индивидуально-профилактическую работу и применять методы профилактического воздействия так, чтобы избежать конфликта, ведь необходимо учитывать возрастные особенности несовершеннолетних лиц, и их социальное положение, их психологическое состояние в данный момент.

Названная нами форма профилактики носит ярко выраженный индивидуальный характер. Однако, важно также проводить мероприятия более общего характера,

направленные на превенцию в отношении неограниченного круга лиц. Реализация указанных мер может носить разноплановый характер, но, как правило, связана с доведением до несовершеннолетних и родителей, правовых последствий негативного, противоправного поведения, а также негативных явлений. И, безусловно, сотрудники полиции должны занимать особое место в осуществлении указанной работы. Важность работы полиции в данном направлении подчеркивается несколькими аспектами.

Во-первых, органы внутренних дел представляют собой наиболее приближенную к населению категорию правоохранителей. Помимо численности (Министерство внутренних дел – самое многочисленное в плееде правоохранительных органов), указанный тезис обосновывается тем фактом, что по направлению своей деятельности, сотрудники полиции «перекрывают» практически весь спектр общественных отношений, регулирующих функционирование важнейших общественных и государственных институтов.

Во-вторых, органы внутренних дел имеют реальную возможность участвовать и эффективно это делать, в общесоциальном доведении до общества указанных аспектов превенции противоправного поведения. Речь в данном случае идет о силах, средствах, имеющейся организационно-правовой основе деятельности и множестве иных дефиниций. Поэтому, сотрудники полиции обязаны и имеют возможность оказывать всяческое содействие иным органам и организациям, а также быть самими ответственными, за проведение мероприятий по воздействию на «мнение» несовершеннолетних лиц относительно ведения правового и благопристойного образа жизнедеятельности.

Третья стадия исследуемого нами процесса связана с непосредственным пресечением правонарушений, среди несовершеннолетних. Непосредственное пресечение административных правонарушений связано с рядом целенаправленных действий сотрудника полиции, специфика и тактика осуществления которых полностью зависят от конкретных обстоятельств и вида выявленного правонарушения. Основная цель в данном случае – прекратить дальнейшее совершение противоправного деяния, предусмотреть условия, при которых в дальнейшем будет невозможен возврат к осуществлению правонарушения. В этих целях сотрудники полиции применяют меры административно-правового воздействия на несовершеннолетнего. Но в данном случае, важно применить данные меры не во вред самому несовершеннолетнему, а помочь ему «встать на верный путь».

Выводы. Проведенное исследование показало, что, к сожалению, несмотря на значимость задач системы профилактики полицией безнадзорности, беспризорности и правонарушений, среди несовершеннолетних в настоящее время тяжело подобрать именно тот актуальный и эффективный комплекс профилактических мероприятий, и, по возможности, сработать на «опережение». Так же не всегда органы и учреждения системы профилактики идут на своевременное комплексное взаимодействие друг с другом в исследуемой сфере, имеются проблемы с информированием.

Как можно заметить, круг субъектов профилактики является достаточно обширным, и, в связи с этим, обеспечить полный спектр взаимодействия между ними крайне сложно. Однако, в настоящее время можно выделить несколько основных контекстных групп взаимодействия:

1. Межведомственное взаимодействие. Ярким примером в данном случае выступают подразделения ФСИН России и органов внутренних дел: взаимодействие организуется как в соответствии с осуществлением индивидуальной профилактики в отношении несовершеннолетних в целом, так и в обеспечении контроля за соблюдением несовершеннолетними, содержащимися в пенитенциарных учреждениях, требований, предъявляемых к ним;

2. Взаимодействие между государственными органами не правоохранительного характера. К ним можно отнести образовательные учреждения, а также органы, осуществляющие управление в сфере образования. Указанному взаимодействию присущи все основные формы совместной деятельности, в том числе информационный обмен, совместное планирование и проведение согласованных мероприятий.

Главными вопросами, встающими перед субъектами профилактики в условиях современных социальных реалий, безусловно являются:

1) построение идеального механизма взаимодействия между всеми субъектами профилактики в области предупреждения негативных проявлений и социальной дезадаптации подростков;

2) упразднение бюрократических препон и сокращение процессуально-служебного документооборота, возникающих в процессе взаимодействия субъектов в процессе рассмотрения административных дел, связанных с реализацией государственных институтов, направленных на разрешение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, своевременному предупреждению и пресечению противоправного поведения несовершеннолетних.

Следует отметить, что действующее федеральное законодательство, регулирующее сферу взаимодействия субъектов профилактики, морально устарело, а дополнения, вносимые в него, не могут обеспечить должное структурирование и комплексность во взаимодействии. Зачастую, процесс взаимодействия имеет сложное алгоритмирование, приводящее к значительным ресурсным и временным затратам, и, как результат, – к минимизации общения субъектов профилактики с несовершеннолетними. В качестве примера можно привести заочные рассмотрения административных дел комиссиями по делам несовершеннолетних, без участия несовершеннолетних и их родителей или законных представителей, или отстраненность преподавательского состава образовательных учреждений от непосредственной профилактики девиантного поведения несовершеннолетних с перекладыванием указанных функций на органы внутренних дел [5, с. 34].

Выход из сложившейся ситуации, безусловно видится в осуществлении следующих мер:

1) полной модернизации федерального законодательства в части организации процедур взаимодействия субъектов профилактики;

2) совершенствовании информационно-технических средств связи и передачи необходимой информации;

3) цифровизации процесса рассмотрения административных дел (использование режимов видеоконференций, онлайн-сервисов);

4) построении строгих процедур и механизмов взаимодействия между субъектами;

5) совершенствовании и сокращении документооборота.

Только комплексное использование сил и средств всех субъектов профилактики при модернизации данного процесса с уходом от бюрократических процедур к непосредственной профилактике позволят вывести уровень предупреждения и выявления фактов безнадзорности, беспризорности и правонарушений на высокий превентивный уровень.

Проведенное исследование также показало, что, к сожалению, несмотря на значимость задач системы профилактики полицией безнадзорности, беспризорности и правонарушений, среди несовершеннолетних очень тяжело подобрать именно тот актуальный и эффективный комплекс профилактических мероприятий.

Литература

1. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации (вкладка «Правовая статистика»). [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru/> (Дата обращения: 03.08.2020).

2. Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ «О полиции» «Российская газета», № 25, 08.02.2011.

3. Равнюшкин А.В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения органами внутренних дел правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений. Автореферат. Дисс. канд. юрид. наук. – М., 2015.

4. Федеральный закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 № 120-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 июня 1999 г. № 26 ст. 3177.

5. Вихляев А.А. О некоторых проблемах, возникающих при выявлении и пресечении правонарушений, совершаемых несовершеннолетними // Актуальные вопросы административной деятельности полиции. Сборник научных трудов. Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. – Москва, 2019.

УДК: 316.624.2

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ¹

Власенко Мария Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
Института права и экономики ФГБОУ ВО «Елецкий
государственный университет им. И.А. Бунина», г. Елец

Аннотация. Актуальность указанной проблематики обусловлена тем, что защита прав каждого ребенка, создание эффективной системы профилактики правонарушений, совершаемых в отношении детей, и правонарушений самих детей определены ключевыми задачами концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020. Много нерешённых проблем в данной области, наличие пробелов в праве обуславливает необходимость совершенствования правовых норм, направленных на профилактику девиантного поведения несовершеннолетних. Цель статьи заключается в характеристике национальных источников правового регулирования профилактики девиантного поведения несовершеннолетних, анализе их современного состояния и направления развития законодательства. В ходе исследования были выявлены проблемы, связанные с обеспечением информационной безопасности в России и сформулированы предложения по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: профилактика девиантного поведения, защита прав несовершеннолетних, система органов и учреждений профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Annotation. The relevance of this problem stems from the fact that the protection of the rights of every child, creating an effective system of prevention of offences committed against children and violations of children themselves identified the key objectives of the concept of development of system of prevention of neglect and offenses of minors in the period up to 2020. There are many unresolved problems in this area, and gaps in the law make it necessary to improve legal norms aimed at preventing deviant behavior of minors. The purpose of the article is to characterize the national sources of legal regulation of prevention of deviant behavior of minors, to analyze their current state and the direction of development of legislation. The study identified problems related to ensuring information security in Russia and formulated proposals for improving legislation in this area.

Keywords: prevention of deviant behavior, protection of the rights of minors, system of bodies and institutions for the prevention of neglect and juvenile delinquency.

Постановка проблемы. Основным национальным приоритетом в Российской Федерации является обеспечение безопасного детства. Будучи социальным государством, РФ реализует политику, направленную на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Одним из направлений социальной политики РФ является профилактика девиантного поведения несовершеннолетних. На сегодняшний день накоплен

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00076 «Правовые и социальные аспекты обеспечения безопасности несовершеннолетних в Российской Федерации».

значительный практический опыт по решению проблем девиантного поведения несовершеннолетних.

Целью статьи является комплексное теоретическо-правовое исследование государственной политики РФ в сфере профилактики девиантного поведения несовершеннолетних и направлений её совершенствования.

Изложение основного материала исследования. Существенный рост девиантного поведения в России, который начался в конце прошлого века, в период кардинальных перемен в жизни членов постсоветского социума, продолжается сегодня и привлекает пристальное внимание исследователей различных сфер. Безгин В.Б, Жеребчиков Д.В., изучая социальные девиации в исторической ретроспективе, приходят к выводу о том, что разрушение привычных форм социального контроля неизбежно приводило к количественному росту отклонений, их качественному изменению. Под влиянием модернизации конца XIX - начала XX в., когда ощущался динамизм социальных процессов, социальные отклонения в поведении несовершеннолетних могли принимать как лёгкие формы (неуважение к родителям, хулиганство и т.д.), так и крайние формы (преступность и т.д.) [4, с. 190]. Как раз в обозначенный выше период, по мнению Арифудиной Р.У., Белогорской Л.В., впервые была предпринята попытка построения государственной системы предупреждения девиантного поведения несовершеннолетних [1, с. 127]. Можно выделить несколько этапов правового регулирования сферы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних:

1 этап (1918-1929 гг.) характеризуется созданием таких специализированных органов, как совет защиты детей, комиссия по улучшению жизни детей, детская социальная инспекция, детские правовые консультации.

2 этап (1929-1950 гг.): происходит ужесточение ответственности несовершеннолетних, ликвидация комиссий по делам несовершеннолетних, возложение обязанностей на органы милиции, создание приёмников-распределителей для несовершеннолетних, детских комнат милиции.

3 этап (1953-1970 гг.) примечателен восстановлением деятельности комиссий по делам несовершеннолетних, учреждением советов общественности по работе с несовершеннолетними при домовых комитетах, оперативных отрядов дружинников, созданием специальных учебно-воспитательных профессиональных училищ, прослеживается чёткая тенденция снижения уровня преступности несовершеннолетних.

4 этап (1971-1999 г.) характеризуется постепенным утрачиванием системного подхода в профилактической деятельности и декларативностью принимаемых нормативных актов.

Изучение представителями исторической науки сферы девиантных явлений прошлого имеет высокое практическое значение и позволяет применять полученные результаты к сегодняшней действительности. Проблему девиации можно отнести к категории сложных междисциплинарных явлений, при этом каждая наука имеет собственные подходы к ее рассмотрению и обоснованию. В качестве факторов, способствующих возникновению асоциального поведения подростков, выступают социально-экономическая нестабильность общества, усиление влияния псевдокультуры, семейное неблагополучие, отсутствие контроля за поведением детей [8, с. 126], «расширение границ доступности средств массовой информации и иных ресурсов при низком уровне безопасности информационной среды для обучающихся» [11]. Настораживает то, что девиантное поведение подростков характеризуется негативной динамикой по причине участия подрастающего поколения в организованных группах, занимающихся преступной деятельностью. Как справедливо отмечает В.А. Шуняева, субъекты микро- и макросреды могут посредством негативного влияния оказывать разрушительное воздействие на несовершеннолетнего, развивая в нем низкий уровень правосознания и правовой культуры, что приводит его в дальнейшем в преступный мир [20, с. 3].

По оценке Росстата численность детей и подростков в возрасте до 18 лет, постоянно проживающих в Российской Федерации, выросла на 234,7 тыс. человек (0,8%) и составила 30 215 тыс. человек. Доля детей и подростков в общей численности населения увеличилась с

20,4% до 20,6%. [5] Исследователи отмечают, что «несмотря на тенденцию снижения зарегистрированной преступности несовершеннолетних в России наблюдается ухудшение ее качественных характеристик» [14, с. 67].

Профилактика отклонений в поведении несовершеннолетних представляет собой такое воздействие общества, институтов социального контроля, отдельных граждан на причины девиантного поведения и факторы, ему способствующие, которое приводит к сокращению или желательному изменению структуры девиаций и несовершеннолетним асоциальных поступков [2, с. 74]. Выделяют общие и специальные государственные меры в сфере профилактики девиантного поведения несовершеннолетних и [3, с. 47-48]. Общая профилактика включает улучшение административно-правовых, социально-экономических, социокультурных, социально-педагогических условий. Специальная профилактика включает в себя меры коррекционно-реабилитационной направленности в отношении подростков из группы риска, несовершеннолетних, меры социальной, психолого-медико-педагогической реабилитации и содействия напрямую семьям из группы риска.

Государственная политика в сфере общей профилактики девиантного поведения несовершеннолетних направлена прежде всего на формирование и совершенствование нормативно-правовой базы, в том числе в сфере опеки и попечительства, защиты прав несовершеннолетних. Правовую основу профилактики девиантного поведения несовершеннолетних составляют Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, Кодекс об административных правонарушениях РФ, Семейный кодекс РФ, Федеральный закон от 24 июля 1998 г. №124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ, Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», так же ряд подзаконных нормативных актов, среди которых важнейшим является Распоряжение Правительства РФ от 22.03.2017 N 520-р «Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года» и др.

На основании Указа Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 года № 240 [20], период с 2018-2027 гг. объявлены десятилетием детства. Раздел XIII плана Основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства, утвержденного распоряжением Правительства РФ от 6 июля 2018 г. № 1375-р [16], содержит следующие направления деятельности в сфере профилактики девиантного поведения и защиты прав и интересов детей:

- совершенствование законодательства в сфере профилактики отклоняющегося поведения (внесения изменений и дополнений в Семейный кодекс РФ, направленных на защиту интересов несовершеннолетних, в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (применении принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, впервые совершивших преступления небольшой и средней тяжести); совершенствование системы профилактики суицида среди несовершеннолетних;

- создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, поддержание социальной устойчивости каждой семьи;

- противодействие криминализации подростковой среды; профилактика деструктивного поведения и криминальной субкультуры;

- организация межведомственного взаимодействия;

- усиление профилактической работы с несовершеннолетними, находящимися в местах лишения свободы или подвергшимся наказанию, не связанному с изоляцией от общества, и их родителями.

Специальная профилактика имеет свои цели и задачи. Приоритетными направлениями

деятельности субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних являются: профилактика семейного неблагополучия; недопущение всех форм дискриминации несовершеннолетнего; раннее выявление семейного неблагополучия; приоритет воспитания ребенка в родной (кровной) семье; межведомственный подход при оказании помощи семье и детям, находящимся в трудной жизненной ситуации, в том числе формирование координирующих органов, проведение совместных специализированных мероприятий и ведение банка данных таких семей; снижение количества несовершеннолетних, совершивших преступления, совершивших повторные преступления, в общей численности несовершеннолетних, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях; снижение количества суицидов и суицидальных попыток среди несовершеннолетних; психодиагностическим обследованием несовершеннолетних с целью выявления острых кризисных состояний, признаков психических отклонений, прогноза риска деструктивных форм поведения, в том числе склонности к суицидальному поведению; индивидуальная профилактическая работа с привлечением всех субъектов системы профилактики с целью предупреждения девиантного поведения несовершеннолетних.

Представляет интерес позиция А.А. Беженцева, который выделяет вариант системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, состоящей из четырех формирований органов и учреждений: общесоциальной профилактики, первичной специальной профилактики, вторичного специального предупреждения, уголовно-правового и исполнительного предупреждения, отбывания наказания [3, с. 41].

Следует отметить, что четкий перечень органов и учреждений, входящих в систему профилактики девиантного поведения несовершеннолетних не зафиксирован, проблема их классификации является актуальной на сегодняшний день [9; 13; 18].

В настоящее время исследователи выявили сокращение субъектов государственной профилактики социальных девиаций несовершеннолетних лиц. При этом направление их деятельности стало более профильно-направленным, нежели профилактическим.

Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав осуществляют координацию межведомственных мероприятий, направленных на раннее выявление семейного неблагополучия, выявление социально опасного положения несовершеннолетних и семей, организацию комплексной реабилитационной работы с семьей и детьми, находящихся в социально-опасном положении, социальное сопровождение семей из «групп риска», постановку на учет и снятие с учета семей группы риска, профилактику правонарушений и преступлений, алкоголизма, наркомании, экстремизма, травматизма и смертности детей от внешних причин. Анализ деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в сфере решения проблем профилактики совершения несовершеннолетними правонарушений свидетельствует о том, что их деятельность связана с реализацией комплекса профилактических мероприятий совместно с субъектами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и в рамках межведомственного взаимодействия.

Медиация и восстановительный подход эффективно используются для решения задачи профилактики и коррекции в работе с детьми и подростками. В образовательном учреждении деятельность по защите прав детей осуществляют педагоги, социальные педагоги, психологи, комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений, школьные службы примирения (медиации). Ряд авторов видят в создании школьных служб медиации ряд положительных моментов, среди которых сокращение общего количества конфликтных ситуаций, повышение эффективности ведения профилактической и коррекционной работы, направленной на снижение проявления асоциального поведения обучающихся; сокращение количества правонарушений, совершаемых несовершеннолетними [6, с. 14-18]. Другие авторы, наоборот, видят ряд проблем в связи с их деятельностью [8, с. 25-26].

В целях повышения эффективности психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса и оказания комплексной психолого-педагогической, медицинской

и социальной помощи участникам образовательных отношений с учетом их особенностей и образовательных потребностей Минпросвещения России разработана и утверждена Концепция развития психологической службы в системе образования в Российской Федерации на период до 2025 года [12].

Одной из первостепенных задач профилактики является создание благоприятных условий для полноценного развития и социализации несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, находящихся в социально опасном положении или в неблагополучных семьях, в том числе детей и подростков с девиантным поведением, совершивших общественно опасные деяния, освободившихся из мест лишения свободы.

Специальные учебно-воспитательные учреждения открытого и закрытого типа занимают особое место в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Данные учреждения обеспечивают реабилитацию несовершеннолетних в возрасте от 11 до 18 лет, совершивших общественно опасные деяния, а также комплексную профилактику правонарушений, совершаемых детьми и подростками с девиантным поведением. Специальные учебно-воспитательные учреждения открытого типа, расположенные в 13 субъектах РФ, выполняют функции профилактического учреждения и создаются для детей и подростков в возрасте от 8 до 18 лет с устойчивым противоправным поведением; подвергшихся любым формам психологического насилия; отказывающихся посещать образовательные организации; испытывающих трудности в общении с родителями.

Деятельность указанных учреждений направлена на преодоление последствий школьной и социальной дезадаптации детей и подростков с девиантным поведением, формирование у них осознанной потребности в получении образования, профессии, способности к самооценке, самоконтролю, осмыслению собственных возможностей и перспектив. Несмотря на продуктивную работу законодательных и исполнительных органов в сфере профилактики девиантного поведения несовершеннолетних, существуют еще определенные проблемы в этой сфере.

Выводы. Воспитание несовершеннолетних рассматривается как стратегический общенациональный приоритет, требующий консолидации усилий различных институтов гражданского общества и ведомств на федеральном, региональном и муниципальном уровнях [17]. Девиантное поведение является проблемой общества в целом, и его профилактика способствует успешному духовному и нравственному развитию государства и общества. Проведенное исследование позволило констатировать, что для решения комплексной проблемы девиантного поведения несовершеннолетних на уровне государства, данная проблема должна пониматься как социально важная, ключевыми принципами решения которой, являются: обеспечение интересов несовершеннолетних при последующих социально-экономических преобразованиях; согласование деятельности, распределение полномочий и увеличение ответственности органов власти всех уровней в решении проблем несовершеннолетних; соответствие законодательства о несовершеннолетних международным правовым стандартам [7; 11]; обеспечении их законных прав на воспитание, образование, социальную и правовую защиту; в качестве базового подхода в данной профилактике могут выступать – социальная, правовая защита, медицинская, психологическая и педагогическая помощь, коррекция и реабилитация несовершеннолетних и семей из группы риска; необходимость межведомственного подхода специализированных органов, учреждений, организаций и служб, реализующих функции административно-правовой, социальной охраны, защиты, медико-психолого-педагогической помощи, коррекции и реабилитации несовершеннолетних.

Литература

1. Ариффулина Р.У., Белогорская Л.В. Становление системы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних в России // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований / Р.У. Ариффулина, Л.В. Белогорская. – 2016. – 127-133.
2. Бабак Ю.В. Роль государства в профилактике девиантного поведения подростков //

- Вестник Ярославского государственного университета / Ю.В. Бабак. – 2008. – № 10. – С. 73-80.
3. Беженцев А.А. Новаии в структурировании системы превенции административной деликтности несовершеннолетних / А.А. Беженцев // Юристь-Правоведъ – 2019. – №1 (88). – С. 41-49.
  4. Безгин В.Б., Жеребчиков Д.П. Социальные девиации периода российской модернизации в современных исторических исследованиях/ В.Б. Безгин, Д.П. Жеребчиков // Russian Journal of Education and Psychology. – 2015. – №5 (49). – С.190-206.
  5. Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в российской федерации 2018 год [Электронный ресурс] <https://mintrud.gov.ru/docs/1361>(дата обращения 01.08.2020 г.)
  6. Гребенкин Е.В. Школьная медиация: подходы, контексты, особенности /Е.В. Гребенкин // Сибирский педагогический журнал. – 2017. – № 3. – С. 14-18.
  7. Декларация прав ребенка: Провозглашена резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г. [Электронный ресурс] <http://www.un.org/russian/document/declarat/childdec.htm>. (Дата обращения: 10.06.2020 г.)
  8. Зернова Г.П. Опыт реализации служб школьной медиации в России: проблемы, противоречия, риски / Г.П. Зернова // История и педагогика естествознания. – 2017. – № 4. – С. 25-26.
  9. Ислентьева В.Н. Отклоняющееся поведение подростков как социальная проблема современного российского общества: автореф. ... канд. юрид. наук / В.Н. Ислентьева. 22.00.04. – Нижний Новгород, 2004. – 24 с.
  10. Ихисонова В.В. К вопросу об исследовании причин девиантного поведения подростков В.В. Ихисонова // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. – №5. – С. 125-127.
  11. Конвенция о правах ребенка: Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г. Вступила в силу 2 сентября 1990 г. // <http://www.un.org/russian/document/convents/childcon.htm>. (Дата обращения: 20.07.20.)
  12. Концепция развития психологической службы в системе образования в Российской Федерации на период до 2025 года, утв. Минобрнауки России от 19.12.2017// Официальные документы в образовании. – 2018. – № 5.
  13. Лексунова А.К. Эффективность системы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних в учреждениях Санкт-Петербурга/ А.К. Лексунова // Скиф. – 2017. – № 15. – С. 235-242.
  14. Писаревская Е.А. Правовое обеспечение профилактики преступности несовершеннолетних на местном уровне/ Е.А. Писаревская // Российский следователь. – 2019, N 9. – С. 67-69.
  15. Распоряжение Правительства РФ от 22.03.2017 N 520-р «Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года» (вместе с "Планом мероприятий на 2017 - 2020 годы по реализации Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года") //Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 14. – Ст. 2088.
  16. Распоряжение Правительства РФ от 06.07.2018 N 1375-р (ред. от 14.12.2019) «Об утверждении плана основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – N 29. – Ст. 4475.
  17. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р [Электронный ресурс] <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf> (Дата обращения 3.08.2020 г.)
  18. Татарова С.П. Девиантное поведение подростков и социальные технологии его

профилактики в условиях перехода российского общества к рыночным отношениям. Автореф. ... доктора соц. наук /С.П. Татарова. 22.00.04. – Улан-Уде: Бурятский государственный университет, 2007. – 38 с.

19. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс] <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 3.08.2020 г.)

20. Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» [Электронный ресурс] <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 3.08.2020 г.)

21. Шуняева В. А. Двойственность влияния отдельных факторов микро- и макросреды на несовершеннолетних в процессе профилактики их девиантного поведения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ В.А. Шуняева. – М., 2006. – 23 с.

УДК: 159.99; 159.922; 316.62

СИСТЕМНАЯ БИОПСИХОСОЦИОДУХОВНАЯ ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Герасимова Вера Вадимовна,

кандидат психологических наук,

начальник отдела психологического сопровождения

Министерства по делам молодежи Республики Татарстан

г. Казань

Аннотация. В статье раскрывается биопсихосоциодуховный подход профилактики девиантного поведения у молодежи, в том числе посредством реформирования региональной системы психологической помощи населению в целом и сферы государственной молодежной политики в частности.

Ключевые слова: молодежь, профилактика асоциального поведения, биопсихосоциодуховная парадигма, система психологической помощи населению.

Annotation. The article reveals a biopsychosocial-spiritual approach to the prevention of deviant behavior in young people, including through reformatting the regional system of psychological assistance to the population in general and the sphere of state youth policy in particular.

Keywords: youth, prevention of antisocial behavior, biopsychosocial-spiritual paradigm, system of psychological assistance to the population.

Постановка проблемы. Молодежная аудитория является основной мишенью для воздействий деструктивного характера. Этому способствуют и особенности психологического портрета современной молодежи, проявляющиеся в эмоциональной, когнитивной и поведенческой сферах. В эмоциональной сфере у представителей молодого поколения отмечается наличие тревожности, страхов, конфликтности, эмпатийной – блокады, инфантилизма, переживание одиночества. В когнитивной сфере присутствует сужение интересов, мотивационный вакуум, снижение или отсутствие ценности своей жизни и здоровья, экзистенциальный вакуум, наличием проблем в идентификации, следовательно, в самосознании, самопринятии, самоопределении, самоконтроле и саморегуляции. В поведенческой сфере выражена прерывистость в последовательности действий, деструктивность в системе межличностных отношений, демонстративность или аутсайдерство. Значительная часть молодежи зачастую имеют завышенные ожидания и требования, часто не подкрепленные реальными навыками и достижениями. Они ориентированы на немедленное вознаграждение, импульсивные, категоричные, не

признающие авторитетов, уверенные во вседозволенности. Именно эти маркеры являются основой для формирования различного рода девиаций.

Анализ научных исследований и практического опыта иллюстрирует, то что, организация работы по профилактике девиантного поведения тяготеет к ее реализации по определенному виду девиаций, ориентированием не на работу с причинами отклонений, а его последствиями. В настоящее время актуализировано переформатирование существующих подходов в контексте единой методологической стратегии.

Для реализации целенаправленной и эффективной работы по профилактике девиантного поведения в молодежной среде необходим ряд условий, а именно:

- наличие целостной и системной методологической профилактической парадигмы, объясняющей природу возникновения девиаций не отдельно по каждому ее виду, а в едином, универсальном ключе с конкретными рекомендациями, инструментами практической деятельности;

- полноценное и скоординированное включение отраслевых психологических служб социального сектора (образование, сфера молодежной политики, социальная защита, здравоохранение) в профилактическую работу;

- синхронизация деятельности субъектов профилактики направленные не на отчетный показатель – количество мероприятий и охват, а на качественные адресные результаты;

- соответствующая проблематике обеспеченность основных профилактических мероприятий финансовыми и материально-техническими ресурсами.

В статье мы сосредоточимся на раскрытии содержательного контента первых двух позиций в организации работы по профилактике девиантного поведения в молодежной среде.

Цель статьи – формирование у субъектов профилактики и других заинтересованных лиц представлений о научной системной биопсихосоциодуховной парадигме профилактики девиантного поведения в молодежной среде и организационных инструментах ее реализации на примере формирования и развития региональной системы психологической помощи населению.

Изложение основного материала исследования. Проблема девиантного поведения молодежи является межведомственной, требующей мультидисциплинарного, интегративного подхода к изучению его причин, коррекции и профилактики.

Современная наука, международная администрация (ВОЗ) и религии, определяют человека как существо биопсихосоциальное. Содержание понятия разработал русский академик В.М. Бехтерев. Термин предложил G. Engel. Всемирная Организация Здравоохранения определяет здоровье, как «состояние полного физического, душевного (духовного) и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических недостатков».

В Республике Татарстан профессором А.М. Карповым разработана научная доктрина: потребностно-иерархический (матрешечный) принцип интеграции образов человека, общества и мира в формате современной научной парадигмы человека. В ней основные потребности человека соединены между собой в действующую конструкцию, в которой ее элементы соотносятся между собой по конфигурации, размерам, масштабам, по функциональной значимости, по целевой направленности, критериям нормативности. Биопсихосоциодуховная, потребностно-иерархическая структура человека представлена в образе матрешки с нормативным возрастанием масштабов потребностей от биологических через психологические и социальные к духовным.

Образ матрешки отличается от других моделей тем, что он замкнутый, более жесткий и однозначный, даже принудительный. Попытки изменить нормативное соотношение потребностей приводят к разрушению всей конструкции. Если, например, внутренняя матрешка в укладке увеличится в масштабах или отклонится от оси, то это сожмет, деформирует и разорвет все последующие фигуры и разрушит всю матрешечную укладку на фрагменты. Приведем детализацию элементов предложенной структуры «матрешки». Биологический структурный элемент человека достаточно стабилен и предназначен для

обеспечения целостности и гармоничности человека в границах тела. Для обеспечения жизни и деятельности организм нуждался в одних и тех же строительных и энергетических ресурсах – воздухе, воде, еде, тепле, одежде и др. Их можно точно рассчитать по физиологическим и гигиеническим нормам.

Масштаб биологических потребностей жестко ограничен потребностями поддержания внутреннего физического и химического баланса (гомеостаза). Как недостаточное, так и избыточное потребление даже самых полезных продуктов причиняет не пользу, а вред здоровью. В процессе воспитания и образования эти знания нужно давать людям и формировать у них навык добровольного ограничения потребления в соответствии с научно разработанными нормами и рекомендациями, для своего же блага, на основе разумного эгоизма.

Психологическая и социальная организация жизни людей предназначена для обеспечения их целостности и гармоничности в пространстве собственной личности и общества.

Психологические потребности предназначены для осознания своего образа «Я», индивидуальных проявлений памяти, мышления, способностей, ощущений, знаний, умений, навыков, привычек, влечений, желаний, интересов, склонностей, убеждений, идеалов, особенностей характера.

Социальные потребности обеспечивают целостность и гармоничность человека в границах (в пространстве) общества – в сфере общения, дружбы, любви, совместной деятельности. Человеку нужны семья, друзья, профессия, образование, работа, деньги, отдых, средства связи, развлечения, профессиональный и социальный рост, признание и соблюдение гражданских прав и законов, государство, власть и др. Масштаб этих потребностей соответствует среднему контуру в матрешке. Он больше масштаба биологических потребностей, но он также достаточно определенный, и меньше масштаба духовных потребностей.

Важно отметить, что эти потребности известны, их масштаб можно определить и просчитать, они естественным образом ограничены нижестоящими биологическими и вышестоящими нравственными потребностями человека. Но если биологическая и духовная организация человека жестко заданы свыше, то в психологической и социальной организации есть свобода выбора и высокая вероятность искушений. Человек имеет право выбора границы потребления – проявлять чрезмерный эгоизм, жадность, безответственность, употреблять психоактивные вещества, обманывать, присваивать чужое и т.п. Свобода выбора цели в жизни, профессии, круга общения, идеологии, способов достижения своих целей проявляется тем, что выборы разных людей часто не совпадают. На этой почве возникают конфликты.

Отрыв психологических и социальных потребностей от биологических и духовных приводит к разрушению соматического и психического здоровья, социальной и нравственной деградации. Это подтверждают закономерности развития всех форм асоциального поведения.

Духовная организация человека предназначена для целостности и гармоничности человека в пространстве семьи, общества, человечества. У нее нет биологических, психологических, социальных, территориальных и временных границ. Духовность проявляется добровольным принятием и исполнением нравственных норм, доброты, милосердия, ответственности за детей, больных, стариков, за прирученных животных, за сохранение природы; нестяжательность, совесть, справедливость; способность смело и умело защищать семью, род, культуру, традиции предков, страну.

Нормативный «матрешечный принцип» биопсихосоциодуховной структуры человека определяет духовные потребности основным, наружным, самым масштабным контуром в иерархическом и смысловом структурировании потребностей, который определяет форму и масштаб, и ориентацию личности в целом [2].

Таким образом, для сохранения здоровья молодых людей и стабильности общества нужно добровольно, на основе разумного эгоизма, сохранять нормативную иерархию

масштабов и приоритетов биологических, социальных и духовных потребностей у себя и у других людей.

Приведенная методология профилактики получила широкое распространение в теоретической подготовке субъектов профилактики и соответственно, в реализации практической деятельности.

В Республике Татарстан сущность и принципы биопсихосоциодуховной парадигмы нашли свое отражение в архитектонике проектируемой системы психологической помощи населению и непосредственной психологической деятельности специалистов практиков. Очевидно, что психологическая помощь представляет собой универсальный инструмент нивелирования отклоняющихся форм поведения и стабилизации психологического состояния различных категорий населения. С 2019 года запущен процесс по полноценному и скоординированному включению отраслевых психологических служб социального сектора (образование, сфера молодежной политики, социальная защита, здравоохранение) в профилактическую работу в рамках реализации Концепции формирования и развития системы психологической помощи населению в Республике Татарстан до 2022 года (далее – Концепция).

Правительством Республики Татарстан Министерству по делам молодежи Республики Татарстан (далее – Министерство) были переданы полномочия по формированию и развитию системы психологической помощи населению в Республике Татарстан, через реализацию следующих функций:

- координация системы оказания психологической помощи населению;
- мониторинг деятельности учреждений различной ведомственной принадлежности;
- участие в формировании и поддержании в актуальном состоянии информационно-справочной базы данных нормативно-правовых актов;
- совершенствование и развитие системы статистической отчетности и учета деятельности учреждений и специалистов, оказывающих психологические услуги;
- цифровая оценка эффективности деятельности психологов;
- ведение единой автоматизированной системы учета предоставления психологических услуг;
- ведение реестра организаций, предоставляющих психологические услуги [3].

За период с мая 2019 года по август 2020 Министерством спроектирована республиканская структура системы управления психологической деятельностью, укомплектован Ресурсный центр по координации деятельности психологических служб на базе ГБУ РЦМИПП. По новому направлению в сфере государственной молодежной политики в настоящее время трудится 22 профессионала, семь из которых имеют ученые степени.

Проведено исследование актуального состояния психологических служб образования, социальной защиты, здравоохранения и сферы молодежной политики в частности и формируемой системы в целом. В исследовании приняло участие 1155 психологов. Результаты исследования свидетельствуют о неравномерности в распределении психологических служб по муниципальным образованиям. Плотность кадровых ресурсов для оказания квалифицированной психологической помощи в крупных городах, таких как г. Казань, г. Набережные Челны, г. Нижнекамск, г. Альметьевск, г. Чистополь и г. Лениногорск, значительно выше, чем в муниципальных районах. Наибольшее количество специалистов-психологов работают в системе образования преимущественно в школах, в сфере молодежной политики – в комплексном центре г. Казани «Доверие», в системе социальной защиты – в комплексных центрах социального обслуживания населения, а в здравоохранения – в наркодиспансерах. Исследование позволило выявить и основные проблемы профессиональной деятельности специалистов формируемой системы психологической помощи населению в Республике Татарстан, среди которых: недостаточность материально-технических условий для работы, размытость требований к полномочиям и функционалу, трудности в прохождении повышения квалификации по актуальной проблематике, сложности

взаимодействия с коллегами из смежных служб, отсутствие супервизии и эффективной системы профилактики профессионального выгорания [1].

Для решения выявленных проблем в рамках реализации Концепции Министерством организована работа по развитию нормативно-правового обеспечения психологической деятельности, проведению исследований по актуальным запросам управленческого, профессионального и тематического плана, организации работы по совершенствованию компетенций специалистов – психологов, а также материально-технической и научно-методической оснащенности и выведения на новый качественный уровень межведомственного взаимодействия психологических служб и их специалистов.

На сегодняшний день в Татарстане:

- сформирована Межведомственная рабочая группа по Координации мероприятий Концепции по формированию и развитию системы психологической помощи населению при Министерстве по делам молодежи;

- разработан Комплексный план мероприятий по реализации Концепции формирования и развития системы психологической помощи населению в РТ до 2022 года;

- разработан проект положения о Межведомственном экспертном совете системы психологической помощи населению Республики Татарстан;

- разработан Межведомственный регламент осуществления супервизии специалистов, осуществляющих психологическую деятельность в системе психологической помощи населению в Республике Татарстан;

- организована работа по аккумулярованию информационной базы по профильным психологическим кафедрам организаций высшего профессионального образования и дополнительного профессионального образования, функционирующих на территории Республики Татарстан;

- разработан и запущен социологический опрос профессорско-преподавательского состава психологического профиля с целью актуализации их позиции по формированию системы психологической помощи и привлечению научного потенциала к ее реализации. По промежуточным данным в РТ работает 12 докторов психологических наук и 57 кандидатов психологических наук;

- проведено пилотное исследование среди родительского контингента г. Казань, Зеленодольск, Набережные Челны по изучению причин обращения к психологу, возможности и готовности к указанному обращению, портрета специалиста, который вызывает доверие, и предложение родительской общественности по совершенствованию существующей системы психологической помощи населению.

Разработан перечень рекомендуемого оснащения субъектов системы психологической помощи населению в Республике Татарстан дифференцированного по функционалу по ведомственной принадлежности и для муниципалитетов.

Развернута работа по развитию актуальной практики восстановительной медиации и профилактики конфликтных ситуаций в подростково-молодежной среде Республики Татарстан, созданию цифровой платформы статистической отчетности и учета деятельности психологических служб системы психологической помощи населению.

В условиях межведомственного взаимодействия разработаны 3 методических продукта:

1. Практическое руководство «Клиенто-ориентированные техники эффективного взаимодействия в психологической деятельности». Основанием для его создания стала острая их потребность в эффективном инструментарии, позволяющем осуществлять персонифицированную психологическую деятельность, с учетом личностных особенностей клиентов, их запросов и ресурсов. Практическое руководство прошло экспертизу Экспертного совета при Антинаркотической комиссии в РТ и рекомендовано к использованию протоколом от 12.12.2019 № 1. Практическое руководство издано в количестве 600 экземпляров, организована его презентация в рамках обучающих семинаров в муниципальных образованиях РТ. Книга размещена на сайте Министерства в вкладке «Научно-методические

материалы» (http://minmol.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2241735.pdf), и на сайте ГБУ «РЦМИИП» (http://rcmipp.tatarstan.ru/rus/elektronnaya-biblioteka.htm?pub_id=2240130).

2. Научно-методическое пособие для психологов и специалистов, работающих с молодежью «Теоретические, методические и инструментальные основы сохранения психологического здоровья молодёжи и профилактика вовлечения в массовые протестные мероприятия и экстремистские/террористические организации», тираж 1000 экземпляров (https://minmol.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2253907.pdf).

3. Учебно-методическое пособие «Особенности адаптации в условиях вынужденной самоизоляции» тираж – 500 экз.

Создана и введена в работу на официальном портале Министерства по делам молодежи Республики Татарстан вкладка «Государственная система управления психологической деятельностью в Республике Татарстан» (<https://minmol.tatarstan.ru/gosudarstvennaya-sistema-upravleniya.htm>).

В части, касающейся совершенствования организации психологической помощи в сфере государственной молодёжной политики (далее – ГМП) разработано:

- положение о психологической службе ГМП;
- положение об Экспертном совете психологов, работающих в сфере ГМП;
- типовое положение об учреждении «Центр психолого-педагогической помощи детям и молодежи» и типовое положение, регулирующее деятельность центров экстренной психологической помощи по телефону для детей и молодежи органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан в области молодёжной политики;
- типовые формы отчетности вышеуказанных учреждений;
- положение о порядке аттестации работников в области государственной молодёжной политики Республики Татарстан;
- положение об обеспечении деятельности детского телефона доверия с единым общероссийским номером;
- регламент работы органов по делам молодежи и учреждений, осуществляющих деятельность в сфере молодёжной политики, с единым банком данных Республики Татарстан о несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, и их семьях с использованием информационной системы «Учет и мониторинг семей и несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, в Республике Татарстан», в котором одними из участников формирования этого банка являются центры психолого-педагогической помощи детям и молодежи и центры экстренной психологической помощи по телефону для детей и молодежи, включая службы детского телефона доверия с единым общероссийским номером.

В Республике Татарстан деятельность, направленная на профилактику девиантных форм поведения молодежи, занимает одну из приоритетных позиций. Ее реализация обеспечивается финансовыми, нормативно-правовыми, методологическими и инструментальными ресурсами, в том числе через привлечение ресурса профессионального психологического сообщества отраслевых психологических служб социального сектора.

Выводы. В Республике Татарстан разработана системная биопсихосоциодуховная парадигма профилактики девиантного поведения. Ее принципы и сущность представляет собой универсальный, адресный, доступный и результативный инструмент комплексной профилактики девиаций, который лег в основу региональной модели формируемой системы психологической помощи населению.

Литература

- 1 Актуальное состояние системы психологической помощи населению Республики Татарстан (информационно-аналитические материалы) https://minmol.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2177751.pdf

2 Карпов А.М. Здравствуйте, если хотите. Образовательно-воспитательные основы интеграции медицины, экологии, образа жизни и власти. – Казань, 2008. – 224 с.

3 Концепция формирования и развития системы психологической помощи населению в Республике Татарстан на 2019 – 2022 годы, утверждена постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 04.03.2019 года № 149 https://minmol.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1989774.pdf

4 Самозащита от вовлечения в массовые протестные мероприятия и экстремистские организации: учебно-методическое пособие / А.М. Карпов [и др.]. – Казань: Участок ротاپринтной печати НБ КГМА, 2017. – 40 с.

УДК: 376; 159.97

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Горбунова Наталья Владимировна,
доктор педагогических наук, профессор
директор Гуманитарно-педагогической академии (филиал),
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Ялта

Аннотация. Автор рассматривает феномен социального партнерства как фактор профилактики отклоняющегося поведения молодежи. В классической трактовке, социальное партнерство рассматривается как система отношений в социально-трудовой сфере, направленных на согласование и защиту интересов наемных работников и работодателей. Социальное партнерство в высшей школе кроме этого аспекта отражает еще и его направленность на повышение качества профессиональной подготовки будущих специалистов, профилактику отклоняющегося поведения.

Ключевые слова: социальное партнерство, отклоняющееся поведение, девиантное поведение, молодежь, профилактика, коррекция.

Annotation. The author considers the phenomenon of social partnership as a factor in the prevention of deviant behavior of young people. In the classical interpretation, social partnership is viewed as a system of relations in the social and labor sphere, aimed at harmonizing and protecting the interests of employees and employers. In addition to this aspect, social partnership in higher education also reflects its focus on improving the quality of professional training of future specialists, preventing deviant behavior.

Keywords: social partnership, misbehavior, deviant behavior, youth, prevention, correction.

Постановка проблемы. В современном мире коррекция отклоняющегося поведения молодежи является актуальной и важной проблемой. В обществе наблюдается увеличение молодежи с отклоняющимся поведением, разнообразными проявлениями форм девиаций. Молодежь способна самостоятельно принимать решения, выбирать модели общепринятого поведения в обществе. Молодые люди строят свое поведение и общение в соответствии с нравственными, культурными, духовными ценностями общества. В то же время в обществе происходит девальвация духовных ценностей. Зная о том, чего от них ждут взрослые, какие социальные требования предъявляет социум, все же при принятии решения у молодежи доминируют личные потребности, желания. Молодежь не всегда может предвидеть последствия рискованного поведения, принять ответственное решение. Успешная профилактика и коррекция отклоняющегося поведения молодежи возможна при систематической и комплексной работе по коррекции отклонений в поведении молодых людей.

Цель статьи заключается в рассмотрении феномена социального партнерства как фактора профилактики и необходимого социально-психологического-педагогического средства в деле профилактики и коррекции девиантного поведения детей и молодежи в различных по типу социальных средах.

Изложение основного материала исследования. Девиантное поведение ученые трактуют как систему действий и поступков людей, социальных групп, противоречащих принятым в обществе социальным нормам и стандартам поведения. Существенным показателем девиантного поведения являются отклонения от нормального поведения. Гармоничное поведение, как и девиации, характеризуется сбалансированностью психических процессов, адаптивностью и самоактуализацией, духовностью и самоактуализацией (Ю.О. Клейберг, И.С. Кон, Н.Ю. Максимова, Е.Л. Милютин) [4; 6; 7]. Сложная природа девиантного поведения обусловлена следующими факторами: психопатологией, нарушениями эмоционально-волевой сферы, торможением развития субъектных качеств, дисгармонией социально-психологического развития, неустойчивостью внимания, быстрой утомляемостью, изменением настроения, отсутствием решительности, нарушением душевного равновесия. Среди значимых факторов девиаций взрослеющего ребёнка в психологии и педагогике выделяются: стремление к самоутверждению, стремление к «обретению чувства взрослости», удовлетворение «заинтересованности в признании» со стороны различных референтных групп, акцентуации характера, реакция эмансипации, реакция группирования, потребность изменить психическое состояние в стрессовой ситуации, повышенная тревожность, инфантилизм и др.

В условиях становления экономики знаний, конкурентоспособность страны на мировом рынке определяется прежде всего состоянием развития человеческого капитала. Знание и информация, наряду с другими факторами производства, становятся ключевыми экономическими ресурсами. Именно квалифицированные кадры являются носителем такого ресурса, как знания, качество и объем, которые определяют уровень конкурентоспособности специалиста, что, в свою очередь, влияет на уровень конкурентоспособности предприятия.

Нормативно-правовой базой работы по профилактике отклоняющегося поведения выступают: Концепция ООН о правах ребенка, Конституция РФ, Семейный кодекс РФ, Закон РФ «Об образовании», Приоритетный национальный проект «Образование», Федеральная программа развития образования, Национальная доктрина образования в РФ, ФЗ РФ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», Гражданский кодекс РФ, Трудовой кодекс РФ, Федеральный закон №120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений», Информационно-методическое письмо по совершенствованию работы органов управления и УО в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, Письмо МО РФ от 21.03.2002 г. № 419/28 -5 «О мерах по выявлению и учету детей в возрасте 6-15 лет, не обучающихся в образовательных учреждениях».

Девиантное поведение – это устойчивое поведение личности, проявляющееся в поступках человека, отклоняющееся от каких-либо норм, причиняющее реальный вред личности или обществу. Девиантное поведение молодежи выражается в позитивной (граффити, сверхценные увлечения, «зацикленность» на учебной деятельности) и негативной формах (курение, употребление алкоголя, наркотиков, токсических веществ, бродяжничество, попрошайничество, проституция). Классификация отклоняющегося поведения молодежи основана на социально-психологическом подходе: антидисциплинарное, антисоциальное, делинквентное противоправное, аутоагрессивное поведение.

Чаще всего девиантное поведение проявляется как форма проявления дефицита морального и нравственного развития личности в нашем обществе; как нормальная реакция на ненормальные для ребенка условия, в которых он оказался; как язык общения с социумом, когда другие социально приемлемые способы общения исчерпали себя или недоступны.

Среди классических форм отклоняющегося поведения молодежи можно выделить: пьянство, наркотизм, проституцию, суицид, агрессию, преступность. Классификация

отклоняющегося поведения на основе дифференциации отклонений в зависимости от типа нарушаемой базовой нормы строится с учетом особенностей общественной реакции и характера самого отклонения и включает девиантное и противоправное поведение. Культурно-одобряемыми формами отклоняющегося поведения являются гениальность, социальное творчество, новаторская деятельность. Следует констатировать, что в современных условиях наблюдается изменение форм отклоняющегося поведения в связи с девальвацией норм и ценностей, социально принятых в обществе.

Именно налаживание функционирования системы социального партнерства является залогом поддержания соответствующего уровня конкурентоспособности и обеспечение (поддержание) социального диалога в обществе. Так, актуальным на современном этапе развития отечественной экономики является изучение особенностей становления института социального партнерства, выявление недостатков функционирования и разработка направлений дальнейшего его совершенствования.

Вопросам социального партнерства уделяется много внимания в научных трудах (В. Борисов, А.А. Гришнова, А.М. Колот, С. Либнер, В.В. Новиков, Г. О'Доннелл) [1; 3; 5]. Однако недостаточно изученными остаются проблемы функционирования системы социального партнерства, ее значение и особенности развития.

Термин «социальное партнерство» появился впервые в промышленно развитых странах Запада в конце XIX в. в условиях зарождения производственной демократии. После Второй мировой войны в трудовом законодательстве стран Запада начали все больше закрепляться уступки работодателей наемным работникам в виде предоставления последним права на соучастие в управлении производством. В отдельных странах Запада появились общие рабочие советы на производстве, функционирование которых было законодательно закреплено. Так, по закону Федеративной Республики Германии «О производственные советы» 1949 такие советы создаются и действуют на паритетных началах, из представителей работодателей и наемных работников. Эти советы стали называться органами социального партнерства. Попытки преодолеть противоречия между трудом и капиталом способствовали созданию специальных организаций, одной из которых стала в 1919 г. Международная организация труда (МОТ).

Одним из главных факторов возникновения социального партнерства стала научно-техническая революция, в результате которой повысились требования к качеству рабочей силы, появилась потребность в гуманизации отношений между наемными работниками и работодателями.

Сегодня действенные системы социального партнерства функционируют во многих европейских странах, а именно: Ирландия, Австрия, Бельгия, Швеция, Германия, Франция. Ученые определяют социальное партнерство как систему отношений в социально-трудовой сфере, которая направлена на согласование и защиту интересов наемных работников и работодателей (А.М. Колот) [5]; как систему институтов, механизмов и процедур, призванных поддерживать баланс интересов сторон, участвующих в переговорах об оплате и условиях труда (работодателей и наемных работников) способствовать достижению взаимоприемлемого для них компромисса ради реализации как корпоративных, так и общесоциальных целей (В. Борисов) [1]. В образовательном процессе высшей школы социальное партнерство и усилия социальных партнеров направлены на повышение качества профессиональной подготовки будущих специалистов.

Значительный опыт, накопленный развитыми странами, в плоскости социального партнерства свидетельствует о многообразии его моделей, обусловленном национальными и региональными особенностями каждой из стран. МОТ в своих документах придерживается позиции, что единой модели социального партнерства, которая была бы пригодна для всех стран не существует. В самом общем виде сформированы модели социального партнерства можно разделить на следующие: «американская», основанная на широком участии наемных работников в собственности предприятия; «немецкая», базирующаяся на привлечении наемных работников в управление производством через специально созданные органы, на

тарифной автономии; «скандинавская», которая заключается в привлечении персонала к распределению результатов производства.

Согласно статьи 24. Основные принципы социального партнерства Трудового кодекса РФ, основными принципами социального партнерства являются «равноправие сторон; уважение и учет интересов сторон» [9].

К основным принципам социального партнерства относятся: соблюдение норм законодательства; полномочия представителей сторон; равноправие сторон в свободе выбора и обсуждении вопросов, составляющих содержание коллективных договоров и отношений; добровольность сторон в принятии на себя обязательств; систематичность контроля и ответственность за выполнение обязательств.

Основным средством социального партнерства коллективно-договорное регулирование социально-трудовых отношений, которое реализуется через систему соглашений на федеральном, отраслевом, территориальном, профессиональном уровнях, а также посредством заключения коллективных договоров на предприятиях, в организациях и учреждениях. Содержание коллективных договоров не охватывает все важные стороны социально-трудовых отношений, в связи с чем не обеспечивается достаточная социальную защиту, не осуществляется должная поддержка и сохранение знаний и навыков наемных работников. Необходимо дополнительное, более конкретизированное прописывание содержания соглашений, особенно в отношении постоянного повышения квалификации работников и дополнительных социальных гарантий.

Система социального партнерства имеет ряд недостатков: недостаточно развитые некоторые элементы системы (законодательные, организационные, социально-экономические); содержание коллективных договоров не охватывает все важные стороны социально-трудовых отношений; недостаточное количество привлечения наемных работников в процесс коллективно-договорного регулирования; недостаточно налаженным является взаимодействие социальных партнеров на региональном и отраслевом уровнях; профсоюзы не выполняют в полной мере свои функции, по защите социально-экономических прав и интересов наемных работников; не имеется вполне сложившегося класса работодателей, как активного субъекта социального партнерства; подписание коллективных договоров не гарантирует их добросовестного исполнения, а иногда связано с неумением и нежеланием социальных партнеров достигать компромисса; недостаточной является материальная база общественных организаций, занимающихся вопросами социального партнерства. В рамках этой системы главными вопросами социально-трудовых отношений являются: обеспечение эффективной занятости, улучшение условий и охраны труда, постоянное повышение квалификации и обучение наемных работников, решаются на почве договорных отношений между социальными партнерами. Обозначенные положения, во многом являются рискогенными обстоятельствами, объясняющими ненормативность поведения человека (группы) и появление разнообразных по типу и виду девиаций молодежи в различных социальных средах.

Как справедливо утверждают ученые (В.Д. Гатальский), поведенческие девиации молодежи детерминированы: психологическими особенностями личности; изменениями системы ценностей и образа жизни; ближайшим социальным окружением [2].

Ключевые принципы профилактики отклоняющегося поведения современной молодежи:

- принцип доверия, предусматривающий открытость, установление доверительных отношений между всеми участниками образовательного процесса;
- принцип активности, предполагающий деятельностное отношение ко всему происходящему, активное участие молодежи во всех коррекционных процедурах и мероприятиях;
- принцип командной работы, включающий знание сущности, структуры, функций и видов общения; умение эффективно работать в команде;

- принцип взаимодействия, предусматривающий эффективное общение, взаимодействие всех участников образовательного процесса;
- принцип социального партнерства.

Выделим условия, обеспечивающие эффективность профилактики отклоняющегося поведения молодежи на основе социального партнерства:

- стимулирование максимальной активности и самостоятельности молодежи;
- развитие вариативных форм психолого-педагогического сопровождения и коррекция отклоняющегося поведения различных социальных (и возрастных) групп молодого поколения;
- привлечение к системе партнерских отношений социальных групп и слоев, которые в настоящее время в нее не включены, либо роль и влияние (участие) которых минимизировано;
- реформирование законодательных и нормативных актов по вопросам социального партнерства и социально-трудовых отношений, с целью приведения их в соответствие с актуальными вызовами современности, принятыми в России конституционными поправками, и нормами международного права;
- проведение мероприятий по повышению осведомленности широких масс общества о социальном партнерстве.

Для профилактики отклоняющегося поведения молодежи необходимо овладеть практическими навыками анализа информации, характеризующей состояние и тенденции отклоняющегося поведения подростков и молодежи как на региональных уровнях, так и в общероссийском масштабе; навыками получения необходимой информации из различных типов источников, включая Интернет и зарубежную литературу; приемами ведения дискуссии и полемики, навыками публичной речи и письменного аргументированного изложения собственной точки зрения.

Задачами профилактики отклоняющегося поведения являются: выявление причин и форм девиантного поведения; координация взаимодействия педагогов, родителей, специалистов субъектов профилактики; создание психологического комфорта и безопасности детей в школе, семье; повышение психолого-педагогической компетентности родителей и педагогов; формирование ценности здорового образа жизни и его активная (системная и комплексная) пропаганда в широкой социальной среде; формирование социально-позитивного отношения к обществу, к сверстникам; развитие позитивных эмоций и умение управлять отрицательными; способствовать адаптации личности к жизни в обществе; формирование черт социально-успешной и самоактуализирующейся личности.

Одной из эффективных форм профилактики отклоняющегося поведения молодежи является проведение интерактивного коллоквиума с приглашением к участию в нем социальных партнеров: работодателей, практикующих психологов, медиков. Приведем вопросы для обсуждения на интерактивном коллоквиуме: Социальное поведение: норма и отклонение. Понятие «отклоняющееся поведение». Изучение отклоняющегося поведения на современном этапе развития общества. Социальная значимость отклоняющегося поведения (латентные функции и дисфункции). Проблематика оценки и критериев стандартного и отклоняющегося поведения. Основные понятия девиантологии: «норма», «социальная норма», «мнение», «общественное мнение». Относительность и противоречивость системы социальных норм, общественного мнения и отклоняющегося поведения. Социальные нормы как средства регуляции деятельности, поведения людей и отношения между ними. Социальные нормы и ценности. Функции социальных норм. Классификация социальных норм. Функциональная нагрузка общественного мнения. Место и роль социальных норм в процессах формирования и функционирования общественного мнения.

Применительно к системе высшего образования и реализации целостного образовательного процесса в вузе важными направлениями работы по профилактике отклоняющегося поведения обучающихся являются:

- организация в ходе образовательного процесса коррекционной работы с целью поднятия самооценки студента, реализации позитивной Я-концепции, достижения уверенности в собственных силах, развития чувства справедливости;

- использование на учебных занятиях практических рекомендаций (методических указаний) по формированию здорового образа жизни, осознание ценности здоровья, позитивного отношения к себе и обществу;

- внедрение интерактивных методов обучения для развития коммуникативной компетентности обучающихся, минимизация влияния одной из причин отклоняющего поведения – дефицитарности конструктивного общения средствами активных социально-педагогических технологий;

- актуализация воспитательной работы с обучающимися, с опорой на современные (востребованные студентами) формы взаимодействия на уровне всех субъектов образовательного процесса «студент – преподаватель – родитель – работодатель»), создание и развитие авторской воспитательной системы вуза (его отдельных подразделений) с творческим использованием традиционных форм работы со стороны профессорско-преподавательского состава вуза;

- критическое переосмысление и оптимизация взаимодействия с родителями обучающихся, актуализация информационно-правового просвещения родителей (лиц их замещающих), а также опора на «воспитательный потенциал семьи» и «профессиональный компетентностный потенциал родителей» к организации вариативной воспитательной работы со студентами в вузе.

Нам представляется, что значимыми и востребованными в современной вузовской образовательной практике социально-психолого-педагогическими технологиями в деле профилактики отклоняющегося поведения молодёжи, являются (должны являться):

- социальный контроль, понимаемый как процесс целенаправленного воздействия сообщества или социальной группы на личность, с целью контроля и анализа его поведения и приведения его в соответствие с общепринятыми в данной системе нормами, а так же как система «внутреннего контроля» (самоконтроля) (Я.И. Гишинский, К.Е. Игошев, Р. Парк, Э. Росс, Н.Д. Смелзер, А.М. Яковлев и др.);

- коррекция, как процесс влияния внешнего социума на конкретного индивида (группу) с целью исправления определенных свойств личности и характера (асоциальных и антисоциальных признаков и групповых характеристик), способствующих преодолению девиантного поведения и (или) конкретных девиаций (Ю.А. Клейберг, Н. Петрова, В.П. Кашенко и др.).

- профилактика, в том числе «ненасильственная профилактика»), как процесс влияния государственных, общественных, социально-медицинских и организационно-воспитательных мероприятий, направленных на предупреждение, устранение или нейтрализацию основных причин и условий, вызывающих различного рода социальные отклонения в поведении подростков (В.Г. Бочарова, Е.В. Змановская, А.А. Реан, М.А. Галагузова и др.).

Организация системы профилактической деятельности, в аспекте рассмотрения этой проблемы с позиций социального партнёрства и сотрудничества со стороны всех её субъектов, должна характеризоваться своим многоуровневым характером и определяться:

– в решении социально-экономических, идеологических, культурных задач общегосударственного масштаба по более полному удовлетворению материальных и духовных потребностей людей по формированию социальной зрелости и гражданской активности подростков и молодежи;

– в воспитательных воздействиях, осуществляемых по месту работы, учебы подростков и представителей молодёжи, направленных на оздоровление микро- и мезо-среды жизнедеятельности взрослеющего человека;

– в индивидуальной воспитательно-профилактической работе, направленной на предупреждение аморальных явлений, противоправных действий и поведения отдельных лиц.

Важно также обратить внимание на оптимизацию как общей, так и индивидуально-ориентированной профилактики на раннем (первичном), вторичном, и третичном этапах её организации. В этом аспекте проблема социального партнёрства в профилактике девиантного поведения подростков и молодёжи, с нашей точки зрения, содержательно и на уровне социально-психологического (и социально-педагогического) смыслов и взаимодействия, требует современного теоретико-методологического осмысления, с учётом новых вызовом (рисков и непосредственных угроз) социализации взрослеющего поколения. Это касается:

- ненасильственного воспитания (перевоспитания), как процесса «взаимодействия без насилия» его субъектов и направленного на формирование ценностно-смысловых установок, положительных волевых качеств, позволяющих взрослеющему ребёнку осознанно отказаться от девиантного поведения и принять требования, предъявляемые со стороны различных социальных сред (М.А. Алемаскин, Б.Н. Алмазов, И.А. Баева, И.В. Дубровина, Г.А. Коджаспирова, С.А. Расчётина, А.А. Реан В.А. Ситаров и др.).

- личностно-развивающей помощи, как процесса поддержки ребенка в достижении заявленных им целей (М.А. Галагузова, И.В. Дубровина, М.В. Шакурова и др.);

- системного социального сопровождения – взаимодействия сопровождающего и сопровождаемого, как процесса, направленного на обеспечение, создание психолого-педагогических условий для принятия субъектом развития оптимальных решений в различных ситуациях жизненного выбора. (В.Г. Бочарова, В.П. Иванова, И.К. Куприянов и др.).

- комплексной реабилитации, как пути преодоления девиантного поведения в широком научно-гуманитарном контексте: педагогическом (С.Г. Вершловский, А.В. Гордеева, А.Г. Печенюк), медицинском (В.А. Доскин, М.М. Кабанов, Е.Т. Лильин), психологическом (Т.З. Волкова, Р.В. Овчарова), правовом (Я.И. Гишинский, Ю.А. Клейберг и др.).

Выводы. Сложные социально-экономические условия развития современного общества, девальвация нравственных и духовных ценностей, норм, правил и культуры поведения современной молодежи обуславливают все более участвующие случаи отклоняющегося поведения в молодежной среде. В этой связи особую важность приобретает необходимость поиска эффективных путей, средств, методов, технологий профилактики девиантного поведения молодежи на основе всемерного участия всех субъектов системы профилактики отклоняющегося поведения государства и общества и опоре на политику эффективную организацию принципа социального партнёрства в процессе социализации взрослеющих граждан.

Литература

1. Борисов В. Есть ли в России социальное партнерство? // Человек и труд. – 1999. – №11. – С. 68-73.

2. Гатальский В.Д. Педагогика профилактики и коррекции девиантного поведения учащейся молодежи // Человек и образование. Академический вестник Института образования взрослых Российской академии образования. – 2010. – № 2 (23). – С. 18-23.

3. *Гришнова О.А.* Людський капітал: формування в системі освіти і професійної підготовки. – К.: Т-во «Знання», КОО, 2001. – 254 с.

4. Клейберг Ю.А. Психологическая безопасность юной личности: девиантологический концепт // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2017. – № 4. – С. 107-119.

5. Колот А.М. Розвиток наук про працю та соціально-трудоу відносини на засадах міждисциплінарності / А.М. Колот // Соціально-трудоу відносини: теорія та практика. – 2014. – № 2. – С. 7-25.

6. Кон И.С. Психология ранней юности. – М.: Просвещение, 1989. – 256 с.

7. Максимова Н.Ю. Порушення екологічності стосунків як детермінанта девіантної поведінки / Н.Ю. Максимова // Актуальні проблеми психології: зб. наук. праць Інституту психології імені Г.С. Костюка НАПН України; / [ред. кол.: С.Д. Максименко (гол. ред.), Н.В.

Чепелева (заст. гол. ред.), В.О. Моляко та ін.]. – Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2014. – Т. VII. Екологічна психологія. Вип. 36. – С. 262-270.

8. Познизов В. РТК – базовий інститут отечественной системы социального партнерства, функционирующей в интересах человека труда // Человек и труд. – 2008. – № 2. Доступный з [http:// www.chelt.ru](http://www.chelt.ru).

9. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.08.2020) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/1c24608b876dff0b95c5c4598520a79298a07de7/

УДК: 378.14

ПОЛИЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЕЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ (НА ПРИМЕРЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА)

Дорошенко Оксана Викторовна,

соискатель кафедры педагогики

Учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности
ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»,
г. Москва

Аннотация. В предложенной статье рассматриваются вопросы, как помогают сопутствующие службы, в первую очередь психологи становлению карьерного роста сотрудников полиции, их преодолении сложных ситуаций, связанных с охраной общественного порядка, преодолению психологических и физических травм.

Ключевые слова: карьера, полицейский, психолог, здоровье, офицер, безопасность, семья.

Annotation. The proposed article addresses the issues of how related services help, primarily psychologists, to the career development of police officers, how to overcome difficult situations related to the protection of public order, and to overcome psychological and physical injuries.

Keywords: career, policeman, psychologist, health, officer, security, family.

Постановка проблемы. Сотрудники полиции, занимающиеся борьбой с преступностью и противодействием правонарушениям, сталкиваются порой с различными психологическими проблемами. Для решения данных проблем и существуют специалисты, оказывающие помощь и поддержку.

Целью статьи является теоретическое и эмпирическое обоснование имеющегося материала по рассматриваемому вопросу с целью преодоления возможного профессионального выгорания.

Изложение основного материала. Принимая во внимание принципы поведенческой науки и психического здоровья к проблемам сотрудников полиции, их семей, общества и осуществляют свою деятельность полицейские психологи, выполняя широкий спектр функций.

В полицейской психологии, или, как правильно ее называют в США, «психологии полиции и общественной безопасности», психологи-профессионалы помогают сотрудникам полиции и сотрудникам подразделений общественной безопасности в выполнении их работы, лечении физического и психического здоровья сотрудников полиции, жертв, свидетелей, сотрудников общественной безопасности, членов семей сотрудников полиции и других. Специалисты данных подразделений также помогают обеспечить, чтобы полицейские департаменты и сотрудники придерживались строгих кодексов этики, быть

квалифицированными и компетентными, а также оказывают помощь, в которой нуждаются обычные сотрудники, чтобы суметь осуществлять общественную безопасность.

Обзор психологии полиции: что такое психологическая служба полиции? Сотрудники полиции и правоохранительных органов регулярно сталкиваются с опасными ситуациями, угрожающими их собственной личной безопасности, работая в условиях, которые имеют различные негативные последствия для психического здоровья не только офицеров и сотрудников, но и их семей. Кроме того, сотрудники полиции проводят свои дни в частых встречах с некоторыми из самых жестоких членов общества: психически больными, наркоманами и преступниками, которые с большой вероятностью нуждаются в психиатрических услугах. Кроме того, поскольку полицейская служба – это такая опасная карьера, офицеры и сотрудники тщательно проверяются, прежде чем они получают пистолет и значок, которые необходимы им в работе.

Вот тут-то и возникает психолого-педагогическая составляющая. По своей сути полицейская педагогика и психология – это использование психолого-педагогических принципов в ситуациях, связанных с субъектами органов общественной безопасности и сотрудниками полиции. Согласно докладу Министерства¹ внутренних дел США, «психология полиции – это применение принципов поведенческой науки и психического здоровья к проблемам сотрудников полиции, их семей, департамента и общества. Полицейские психологи выполняют широкий спектр функций, которые можно разделить на несколько широких категорий».

Эти категории включают в себя клинические и психиатрические услуги, включая разбор стрессов после критических инцидентов, травматические вмешательства после перестрелок, индивидуальную и семейную терапию, консультирование по вопросам злоупотребления психоактивными веществами и управление стрессом в масштабах всего департамента. Оперативная помощь и вспомогательные услуги могут быть необходимы в чрезвычайных обстоятельствах и особых случаях, таких как кризисные переговоры, ситуации с заложниками, профилирование преступников, расследование, тайные и специальные задания и вмешательство потерпевших.

Полицейские психологи также играют административную роль в том, что они помогают разным департаментам определять, какие кандидаты могут стать лучшими офицерами, поддерживать связь между полицией и общественностью, предоставлять экспертные заключения и обеспечивать руководство и подготовку кадров. В каждой роли полицейский психолог должен использовать психологические принципы, чтобы облегчить работу и обеспечить ясность в каждой ситуации.

Что включается в деятельность полицейского психолога? Полицейский психолог выполняет целый ряд обязанностей; однако главная цель каждого полицейского психолога – пролить свет на внутреннюю работу человеческого разума в ситуациях, когда это не очевидно. Они применяют психологические принципы при работе с людьми в отделах полиции и за их пределами, собирают доказательства и данные для подготовки рекомендаций, уточняют показания свидетелей, консультируют сотрудников во время допросов и, в целом, дают представление о скрытых отделах человеческого мозга, когда это требуется.

Для выполнения своей работы на оптимальном уровне полицейским психологам необходимы разнообразные специализированные навыки и знания, в том числе:

- глубокое понимание основных психологических принципов;
- понимание функций различных отделов полиции и органов управления общественной безопасности;
- условия труда и стрессоры, присущие только сотрудникам правоохранительных органов;
- нормальные и патологические реакции на стресс и травмы;
- конфиденциальность должностных лиц, потерпевших, свидетелей и других лиц;

---

¹ См.: <https://careersinpsychology.org/>

- конфиденциальность в отношении секретной информации и личных данных;
- отличные наблюдательные и аналитические навыки;
- терпение и сострадание без осуждения, особенно когда дело связано с преступниками или ситуациями неправомерного поведения;
- хорошие коммуникативные навыки, как устные, так и письменные;
- здоровая доза скептицизма, которая необходима при работе с теми, кто не всегда бывает полностью честен;
- глубокое чувство этики и нравственности;
- хорошая организация труда и учет навыков;
- своевременность – необходимые для завершения непрерывного образования часы и лицензионные и сертификационные требования.

Чем актуальна психолого-педагогическая составляющая работы? Как правило, полицейские психологи работают в департаментах полиции или других органах общественной безопасности, но государственные и федеральные государственные учреждения также могут использовать их услуги. Кроме того, полицейские психологи могут заниматься частной практикой или консультированием, либо в качестве одиноких практиков, либо вместе с другими полицейскими психологами.

В то время как повседневные обязанности широко варьируются, основная роль полицейского психолога заключается в работе с полицейскими, сотрудниками общественной безопасности, семьями, жертвами, свидетелями, членами правовой и судебной системы и другими участниками или пострадавшими от правоохранительных органов. Типичные обязанности в любой данный день могут включать:

- обучение офицеров основам психологии;
- проведение интервенций после кризиса;
- предоставление консультаций при шоке, травме, горе и тяжелой утрате;
- предложение когнитивно-поведенческой терапии офицерам, сотрудникам, свидетелям и т. д.;
- помощь офицерам справляться со стрессом, особенно в секретных ситуациях;
- диагностика и лечение психических расстройств;
- проведение «психологических аутопсий»¹, в ходе которых полицейский психолог формулирует профиль жертвы самоубийства;
- предоставление велнес-коучинга² для достижения сотрудниками полиции наилучшего физического, эмоционального, умственного, и духовного состояния;
- формирование одноранговых групп поддержки;
- подготовка офицеров к суровым полевым условиям;
- оценка кандидатов для найма;
- помощь в кризисных ситуациях или переговорах о заложниках;
- создание криминальных профилей;
- прогнозирование исходов различных ситуаций и терапевтических подходов.

Этот список неполон, но он указывает на широту типичных ситуаций, с которыми типичный полицейский психолог в США может столкнуться в течение одного дня, недели или месяца.

Выводы. Интересный опыт психологов полиции США заключается и в их административной роли, указывая какие кандидаты могут стать лучшими офицерами, поддерживать связь между полицией и общественностью, чтобы облегчить работу и обеспечить ясность в каждой ситуации.

---

¹ Психологическая аутопсия (лат. *opsis* – разглядывание, видение) – процедура, заключающаяся в посмертном создании психологического профиля человека (установление иерархической структуры его личностных качеств).

² Wellness – всесторонний подход к оздоровлению человека, который начал формироваться в конце 50-х годов XX века.

Литература

1. Базулина А.А. Педагогическая проблема оценки качества образования. В книге: Актуальные проблемы административной деятельности органов внутренних дел. Материалы межведомственной научно-практической конференции. – 2019. – С. 27-31.
2. Дорошенко О.М. Роль личности в обеспечении правового регулирования профессиональной компетенции сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних. Административное и муниципальное право. – 2009. – № 7 (19). – С. 51-53.
3. Дорошенко О.М. Подготовка выпускников вузов МВД к воспитательной деятельности по профилактике асоциального поведения несовершеннолетних. // Сборник научных трудов Москва-Смоленск, 2008. – С. 208-214.

УДК: 101.1; 316.621

НОРМАТИВНЫЙ КОНТЕКСТ И АГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Зографова Йоланда Константинова,
доктор философии, профессор социальной психологии,
директор Института народонаселения и гуманитарных исследований
Болгарской академии наук, г. София, Республика Болгария

Аннотация. В статье анализируются подходы к изучению места и роли нормативного контекста и социальных норм в формировании и проявлении агрессии у подростков и молодежи. Поднимаются вопросы относительно включения социальной среды и ее роли в проявлении агрессии в сфере исследования этого феномена. Предлагаются возможности для концептуального расширения исследований агрессии и нормативных факторов.

Ключевые слова: агрессивное поведение, нормативные убеждения, информационно-процессуальные модели.

Annotation. The paper presents an analytical overview on different approaches to study the place and role of normative and social context in the appearance and manifestations of aggressiveness in adolescents and young people. A central topic is that of the inclusion of social milieu in research approaches, particularly social environment's role in the incitement of aggressive behaviour. The paper also suggests possibilities for conceptual broadening of the study of aggressiveness and normative factors.

Keywords: aggressive behavior, normative beliefs, information-processing models.

Постановка проблемы. Исследования последних нескольких десятилетий в области агрессии позволили детально изучить конкретные механизмы формирования и проявления агрессивного поведения. Эти исследования проводятся в рамках различных концептуальных и методологических направлений социальной психологии. Особенно активно развивается один из них – социально-когнитивный подход, в рамках которого накоплен обширный эмпирический и экспериментальный опыт по выявленным аффективным и когнитивным регуляторным механизмам агрессии, в т.ч. у подростков и молодых людей. В то же время нет аналогичного исследовательского интереса к нормативным регуляторным механизмам, роли и влиянию самих социальных норм на агрессивное поведение. Этот аспект проблем в области агрессивного поведения и, в частности, агрессии подростков и молодых людей особенно сложен для эмпирических и экспериментальных исследований. Требуется комплексная и систематическая формулировка такого анализа, поскольку нормативность человеческих отношений реализуется в зависимости от специфики культуры, социального контекста, уровня гражданского общества и его представителей. Еще один момент, о котором следует помнить исследователям, – это различные типы и уровни нормативного контекста.

Изложение основного материала.

Предварительным условием для этого типа анализа является включение в исследование социального контекста, социальной среды и конкретной ситуации. В большинстве случаев ищутся индивидуальные особенности и проявления агрессии, а также ее цели и последствия, при этом социальная конкретизация явления опускается.

Информационно-процессуальные модели и нормативные воздействия.

Однако в информационно-процессуальных моделях и подходах проявляется интерес к социальной природе проявляемой агрессии, а также к влиянию специфики социальной среды на межличностном уровне. В информационных моделях личность действует на основе познаний и эмоций, приобретенных в предыдущих ситуациях во время раннего детского развития.

В наиболее разработанных и эмпирически проверенных информационно-процессуальных моделях Андерсона и Бушмана или Хьюзмана установлены общие механизмы регулирования для различных типов агрессии – для инструментальной / проактивной / агрессии и для враждебной / реактивной / агрессии [4; 5, с. 6]. По логике этих моделей, схемы и сценарии создаются с раннего возраста и сохраняются в памяти, а исследования показывают, что они проявляются позже в благоприятных ситуациях для проявления того или иного поведения, в том числе агрессивного.

В социальной психологии существует большое скопление количественных данных и анализ различных взаимосвязей между явлениями в области агрессии, видами агрессии, способами контроля и предотвращения деструктивности, в том числе агрессии и тормоза в школе. В то же время исследования социальных аспектов, социальной конкретизации и значения агрессии развиваются медленнее. Действительно, сама суть этого поведения реализуется в смысле социальных отношений и ситуаций – вреда, распада человеческих отношений, нарушения социальных норм, а зачастую и создания конфликтов. Все эти существенные элементы агрессии не могут иметь место вне социальной сферы и в определенном контексте. Однако в экспериментальных исследованиях и формулировках исследователь часто вводит субъективные и / или двусмысленные коннотации из-за различных общих принципов и норм в разных группах, обществах и культурах. Исследователи часто полностью исключают определенные социальные условия и проводят свои исследования в «чистой» среде, включая только индивидуальные особенности и механизмы поведения.

В социально-когнитивных моделях сценарии / сценарии / агрессивного поведения и способы принятия решений в различных ситуациях являются важными предикторами уровня индивидуального поведения. Сценарии «содержат как процедурные, так и декларативные знания и подсказывают, какие события будут происходить в окружающей среде, как человек будет вести себя в ответ на эти события и каков вероятный результат такого поведения» [6, с. 89].

Но нормативные убеждения, а также взгляды на человеческие отношения, социальный опыт являются очень важными факторами как на индивидуальном, так и на надиндивидуальном, групповом уровне.

Место социальной среды и социальной конкретизации в исследовании агрессии.

В социально-когнитивных или, как их называют, информационно-процессуальных моделях, и социальная среда, и социальный опыт присутствуют в определенной степени, но либо только как отдельный эпизод, как случай, либо как ситуация, они очень ограничены. Однако в одной из моделей, модель Хьюзмана и Доджа, явно включен способ, которым социальная среда воспринимает поведение, а также то, как люди интерпретируют реакцию социальной среды [4]. В данном случае нас интересует, что нормативных убеждения определяют как главный регулятор агрессивного поведения. А нормативные убеждения являются прямым выражением социальных норм. Через социальные нормы конкретизируются влияния непосредственного, а также более широкого социального окружения, социальной группы или сообщества. Место и роль социальных норм рассматривается с точки зрения

содержащихся в них знаний о правильности или неправильности, принятии или неприятии определенных действий, и это отражается в нормативных убеждениях человека [6].

Предполагается, что сценарии и нормативные суждения регулируют поведение с самого раннего возраста детей, и поэтому необходимо развивать информационно-процессуальные умения в детстве.

Дело в том, что, несмотря на сильное развитие проблемной зоны агрессии, в том числе детской и школьной, гораздо меньше присутствует социальный контекст, как и влияние нормативного контекста. Это связано со спецификой исследовательских подходов, которые получили распространение на протяжении многих десятилетий и зарекомендовали себя как ведущие. Прежде всего, используются специфические тесты, а также экспериментальные ситуации, которые не позволяют учитывать более широкие социальные и социально-психологические факторы.

Социальные нормы и агрессия.

Социальную природу агрессии можно проанализировать, выделив основные компоненты, характерные, на наш взгляд, для различных наборов факторов, допускающих или вызывающих агрессивное поведение. Здесь мы их только отмечаем из-за требований к объему статьи. Их можно было развивать по любым направлениям и включать в систематические исследования:

- в области нормативных компонентов системы социального регулирования – общепринятые нормы, правила; групповые нормы
- в области системы социального регулирования – компоненты с характеристиками легитимности / незаконности поведения
- в области социальной среды и конкретной социальной ситуации – компоненты и характеристики социальной среды (см. подробный анализ [3]).

Этот базовый уровень компонентов неспецифичен и в целом соответствует феноменологии различных форм поведения, в т.ч. и агрессивный. В качестве особо важного общего условия развития агрессивного поведения, форм девиантности, деструктивности является *социально-психологический климат на макроуровне и на микроуровне*. Он может способствовать и / или предотвращать агрессию в различных сферах и на разных уровнях общественной жизни, особенно в школьной среде.

В связи с исследованием нормативного контекста агрессии в школе наиболее актуальными и близкими являются компоненты конкретной социальной среды, а также принятые правила и нормы в этой среде. Так сказать, мы не могли говорить об этом типе явлений вне социальной конкретизации, ни как конкретное социально-историческое время, так и как конкретную среду – социально-групповая. И, как мы упоминали выше, социально-психологический климат должен входить в анализ и поддерживать исследования в контексте межличностных и межгрупповых отношений в школе, в организации и т. д.

Особенно важным фактором нормативных влияний является принадлежность индивидов к определенной группе или их отнесение к выбранной ими социальной категории. Это особенно важно для подростков и молодых людей. Они проходят периоды формирования и развития личной и социальной идентичности, которая глубоко связана со спецификой социальных групп, к которым они принадлежат или хотят принадлежать. Теория социальной идентичности и теория социальной категоризации доказывают, что то, к какой группе принадлежит человек, во многом определяется ценностями, целями, престижем группы, которой человек хотел бы следовать. Даже простое наименование и разделение людей на разные группы может привести к противостоянию между ними. Результатом является так называемый внутригрупповой фаворитизм, который может даже спровоцировать дискриминационное отношение и агрессивное поведение без особой причины. Отождествление с той или иной группой и отнесение к социальной категории определяют многие способы поведения человека по отношению к другим [10]. Школьная среда предрасполагает к формированию групп, отождествлению индивида с выбранной им группой и нетерпимому отношению к «другим», внешним группам-классам. Так сказать, минимальная

групповая парадигма имеет возможность реализоваться [10], и если нормативный контекст недостаточно развит, это может привести к агрессивным отношениям и ухудшению социально-психологического климата в школе.

Исследования нормативных убеждений и агрессии среди подростков.

В последние годы был проведен ряд лонгитюдных исследований и анализов с целью изучения изменений в нормативных убеждениях и соответствующих типах поведения, особенно агрессивного и просоциального, среди учащихся на протяжении их перехода в школу из разных классов. В различных исследованиях исследователи достигли аналогичных результатов – в изучении физической и межличностной агрессии. Обе формы или два типа агрессии по-разному развиваются в годы становления и роста личности в детстве и перехода к подростковому возрасту. Физическая агрессия обычно снижается с возрастом и переходом в более высокий класс, в то время как межличностная агрессия увеличивается, что подтверждается в лонгитюдных исследованиях. Однако, по некоторым данным, помимо того факта, что существует различие по полу, когда у мальчиков выше как физическая, так и межличностная агрессия, проявления обеих форм с годами уменьшились. Более того, хотя общая цель обоих типов поведения – причинение вреда, постепенно набирает силу мнение о том, что это две формы с разными мотивациями и провоцирующими разные оценки.

Феномен конформизма групповым нормам особенно силен в классе, в школе. Вхождение в новую среду, особенно при переходе на другой уровень образования и / или в другую школу, создает условия для индивидуального поведения, позволяющего легко подчиняться групповым нормам, чтобы субъект был принят группой. В то же время в ученической группе индивид часто стремится быть принятым группой и завоевать популярность среди других. Это также способствует реализации различных агрессивных форм на межличностном уровне, если они связаны с подобной популярностью [9].

Известно, что в раннем подростковом возрасте присутствие сверстников оказывает наибольшее влияние как на различные типы агрессивного поведения, так и на просоциальное поведение [8]. Нормы, установленные изначально или уже сформированные, а также изменяющиеся с течением времени, являются важным фактором и элементом социализации в школьной среде. Есть два основных типа норм – описательные и статусные. Первый относится к тому, какое поведение приемлемо в данной среде, а второй – к тому, какое поведение и в какой степени оно связано с популярностью сверстников. Исследователи с основанием связывают объяснение принятия норм сверстниками с теорией социальной идентичности Тажфеля. Как отмечалось выше, важно то, что на групповом уровне существует тенденция разделять нас и них, даже при отсутствии для этого причин. Кроме того, отношение и готовность быть принятыми в группе, которая их привлекает, приводит людей к соответствию в поведении и принятию ценностей, норм и правил предпочитаемой ими группы [10].

Влияние сформированной иерархии и отношенческих подструктур в группе сверстников, в ученическом классе на создание и принятие норм поведения хорошо доказано при изучении «трудного класса» [2]. Физиогномика этого типа трудных классов определяется в основном агрессивными моделями поведения, которые доминируют и характерны для атмосферы такого класса. Его структура формируется ядром, антуражем и периферией [2]. В такой среде статусные нормы соблюдаются в соответствии с намеченной популярностью или, так сказать, рейтингом агрессивного лидера и его последователей. Образцы поведения, соответствующие принятым нормам и в соответствии со степенью популярности различных членов группы, вряд ли допускают развитие просоциальных норм и поведения, поскольку ведущей характеристикой этого типа класса является агрессивность в стиле отношений и поведения на групповом и индивидуальном уровне.

Систематическое исследование агрессии среди учеников в болгарских школах разработало модель, которая включает в себя различные механизмы этого поведения и такие факторы как отношения между учителями и учениками, влияние семьи, влияние СМИ, нормативные убеждения к агрессии и моральная дезангажированность. Доказано, что освобождение от моральных обязательств связано с проявлением агрессии в конкретных

ситуациях, в свою очередь, нормативные нагласы к агрессии является одним из основных факторов формирования и проявления агрессии у подростков. Но комплекс факторов, а не только отдельные факторы, на самом деле дает наиболее надежное направление для изучения агрессивного поведения учеников [1]. Нарушение норм как объяснительный механизм агрессивного поведения и его существенная особенность [3] напрямую связаны с моральной дезангажированностью. Можно говорить о формировании и активном действии воспринимаемых общих норм поведения в школьной среде у подростков. Эти принятые собственные правила и нормы являются «псевдонормами», которые допускают агрессивное, вредное поведение, оправдывая его различными средствами защиты. Например, ученик воспринимает, что кто-то готов напасть на него, и таким образом оправдывает свою последующую агрессию, даже если на самом деле не был объектом нападения. Известно, что приписывание агрессивных намерений является сильным предиктором личной агрессии.

С развитием онлайн-общения, социальных сетей и различных других электронных каналов коммуникации развивается и киберагрессия, часто приобретая серьезные масштабы из-за возможности нарушения норм и возможности сокрытия личности агрессора. Как face-to-face агрессия, так и агрессия в Интернет-пространстве связаны с нормативными установками подростков и молодежи, с высокой толерантностью к агрессивным реальным действиям, то же самое и с проявленной кибер-агрессией [12]. Также есть сходство в самих проявлениях реальной агрессии и проявляемой онлайн.

Особое значение имеют поиски исследований и результаты, касающиеся долгосрочного развития реляционной или косвенной агрессии [7]. Опять же, оказывается, что выработка нормативного одобрения этого типа поведения предшествует его проявлению и развитию. В исследованиях анализируются различия в развитии и изменения в нормативных убеждениях и агрессии в школе. Результаты показывают, что мальчики снова с более высоким нормативным одобрением агрессивности, и, кроме того, с переходом в более высокие классы наблюдается рост нормативного принятия и одобрения косвенной агрессии. Выводы заключаются в том, что нормы на уровне группы, а точнее на уровне класса влияют на последующую межличностную агрессию более явно, чем индивидуальные нормативные убеждения. Информационно-процессуальная модель наиболее близка к объяснению полученных результатов [11].

Выводы. Таким образом, очевидно, что развитие знаний и моделей в области проблем агрессии у подростков и молодых людей имеет ценные концептуальные достижения и возможности для практического применения. С другой стороны, некоторые аспекты не были разработаны систематически – особенно влияние нормативного контекста на агрессию, социальную ситуацию в ее разновидностях и реализацию различных типов агрессивного поведения. Перед социально-психологическими знаниями стоит предизвикательство расширить поле исследований в направлении получения концептуальных, методологических и практических результатов в отношении влияния нормативного контекста на агрессию и отклонения в поведении и установках среди подростков.

Литература

1. Бонев, Т. Изследване на социалнопсихологични и личностови фактори на агресията в училищна среда. Психологични изследвания, кн. 1, 2019. – С. 241-254.
2. Димитрова, Е. Роль школьного психолога в диагностке и коррекции «трудного класса» в школе. В сборнике: Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии. / Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, 8-10 октября 2019 года. / под редакцией Коврова В.В. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – 498 с. – С. 75-80.
3. Зографова, Й. Проблемът за агресивността – развитие на концептуалната сфера и възможности за разширение. Психологични изследвания, кн.1, 2008. – С. 99-120.
4. Зографова, Й. Информационно-процесуалните модели в изучаването на агресивността. Психологични изследвания, кн. 2, 2005. – С. 5-16.

5. Anderson, C. and B. Bushman, (2002). Human aggression. Annual Review of Psychology, 53, 27-51.
6. Huesmann, R., 1998. The Role of Social Information Processing and Cognitive Schema in the Acquisition and Maintenance of Habitual Aggressive Behavior. In: Green, R & E. Donnerstein /Eds./ Human Aggression: Theories, Research and Implications for Social Policy. New York Acad. Press.
7. Krahe B and Busching R (2014) Interplay of normative beliefs and behavior in developmental patterns of physical and relational aggression in adolescence: a four-wave longitudinal study. Personality and Social Psychology, Front. Psychol. 5:1146. doi:10.3389/fpsyg.2014.01146
8. Laninga Wijnen, L. Harakeh, Z., Dijkstra, J., Veenstra, R., and W. Vollebergh, 2016. Aggressive and Prosocial Peer Norms: Change, Stability, and Associations With Adolescent Aggressive and Prosocial Behavior. Development Journal of Early Adolescence, 1-26.
9. Laninga-Wijnen, L., & Harakeh, Z. & Dijkstra, J. & Veenstra, R. & W. Vollebergh 2020. Who Sets the Aggressive Popularity Norm in Classrooms? It's the Number and Strength of Aggressive, Prosocial, and Bi-Strategic Adolescents, Journal of Abnormal Child Psychology 48:13-27 <https://doi.org/10.1007/s10802-019-00571-0>
10. Tajfel, H. Human groups and social categories: studies in Social Psychology. Cambridge. – 1981.
11. Werner, N. and L. Hill, 2010. Individual and Peer Group Normative Beliefs About Relational Aggression. Child Development, Vol 81, N 3, 826-836
12. Wright, M. and Y. Li, 2013. Normative Beliefs About Aggression and Cyber Aggression Among Young Adults: A Longitudinal Investigation Aggressive Behavior, Vol. 39, 161-170.

УДК: 316.42

ПРОФИЛАКТИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ И АГРЕССИИ У ПОДРОСТКОВ: ИЗ ПРАКТИКИ РАБОТЫ КОМИССИИ ПО БОРЬБЕ С АНТИСОЦИАЛЬНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В БОЛГАРИИ

Иванова Десислава Асенова,

кандидат психологии, заместитель председателя
Болгарской ассоциации по профилактике наркомании,
г. София, Республика Болгария

Крастев Иван Димитров,

кандидат психологии, доцент кафедры психологии философского факультета
ОО РБ «Югозападный университет «Неофит Рилски»,
г. Благоевград, Республика Болгария

Аннотация: Представлены актуальные психосоциальные проблемы агрессивного поведения несовершеннолетних, вызванные употреблением психоактивных веществ. Ставится дискуссией вопрос о психологически грамотной оценке компонентов агрессивного поступка, а именно: влияние веществ и преморбидная склонность к агрессии подростков. Приведен пример из практики, который включает выдвинутую проблематику.

Ключевые слова: местные комиссии, психоактивных веществ, агрессия, антиобщественные действия, девиантное поведение, психологическое консультирование, дети.

Abstract: The article presents the actual psychosocial problems of aggressive behavior of minors caused by the use of psychoactive substances. The subject of discussion is the question of a psychologically competent assessment of the components of an aggressive act, namely: the influence of substances and the premorbid tendency to aggression in adolescents. An example from practice, which includes the put forward problematics.

Keywords: local commission, psychoactive substances, aggression, anti-social behavior act, deviant behaviour, psychological counseling, children.

Постановка проблемы. Антисоциальное поведение подростков в Болгарии обсуждается на разных институциональных уровнях и вызывает полемические реакции [5]. В последние годы профессионалы помогающих профессий (психологи, педагоги, общественные воспитатели, социальные работники, медиаторы и др.) все чаще работают с детьми, агрессивное поведение которых связано с употреблением психоактивных веществ [8].

В соответствии с Законом о борьбе с антисоциальными действиями несовершеннолетних создана Центральная комиссия по борьбе с антиобщественными проявлениями несовершеннолетних при Совете министров Республики Болгарии. На региональном уровне существуют местные комиссии по борьбе с антиобщественными действиями несовершеннолетних [4].

Деятельность местных комиссий контролируется Центральной комиссией. Данная Комиссия разрабатывает и предлагает программы и меры по предупреждению и ограничению криминогенных факторов в целях предотвращения совершения антиобщественных действий или преступлений и противодействия им, а также разрабатывает превентивные программы, способствующих нормальному развитию и воспитанию подростков [1]. Местные комиссии являются компетентными органами, которые занимаются делами антиобщественных действий, совершенных несовершеннолетними, и преступлениями, совершенными подростками, которые освобождены от уголовной ответственности в соответствии со статьей 61 Уголовного кодекса Республики Болгарии [4].

Для решения этой острой проблемы работают профессионалы как из Центральной, так и из региональных комиссии. К сожалению, случаи, связанные с антисоциальными действиями демонстрируют явную тенденцию к росту. Особенно важным в каждом случае является поиск ответа на вопрос: в какой степени агрессивное поведение подростков вызвано употреблением психоактивных веществ (обычно алкоголя и наркотиков) и / или выявление других деструктивных факторов социальной среды. Важное место в этом случае отводится практикующим психологам (социальным, клиническим) как экспертам, оценивающим «относительный вес» причин, влияющим на совершение того или иного девиантного или делинквентного действия, например проявление крайней агрессивности, разрушительных вандальных поступков. Всесторонняя оценка серьезности тех или иных факторов, ведущих к антисоциальному акту, имеет важное значение для планирования адекватных мер по консультированию несовершеннолетнего правонарушителя, его родителей или лиц, их заменяющих [6].

Употребление психоактивных веществ и агрессия у подростков. Существуют множество теорий о происхождении и природе насилия и агрессии, каждая из которых имеет определенную объяснительную модель. Важно отметить, что на этом этапе развития психологии не принят единая, и универсальная модель для объяснения природы и причин насилия и агрессии и связанного с ними деструктивного поведения человека [12]. Традиционно агрессивное поведение ассоциируется с физической борьбой между двумя людьми (драки, удары и т. д.), а также ломкой (порчей) вещей и предметов. Принято считать, что агрессивное поведение – это личный выбор агрессора. В тоже время он может вести себя по-другому (просоциально), но вполне сознательно решает быть «плохим». Однако в обоих случаях это понятие неполное и ограниченное, особенно когда речь идет о детях.

Более общее и точное определение может быть следующие: агрессивное поведение – это любое поведение при котором кто-то причиняет вред другому живому существу, другому человеку или самому себе, а также поведение, направленное на повреждение или разрушение вещей и объектов [11]. Знание природы и причин агрессивного поведения детей помогает психологам, педагогам и воспитателям, а также родителям адекватно синхронизировать свои усилия по решению проблемы агрессивного поведения подростков. Чтобы достичь эту цель необходимо сделать углубленный психологический анализ сознания и поведения любого

ребенка в социальной среде или ученика, проявляющего агрессивное поведение со сверстниками в школе.

Психологи утверждают, что не всякое агрессивное поведение вредно и неприемливо. Так называемая «спортивная злость» или стремление выиграть в спортивном состязании, победа над своими противниками, является приемлемым типом проявления агрессии. В детстве противостояние авторитету взрослых (родителей, учителей) представляется как «естественная часть процесса взросления и формирования собственной личности». Это такой тип агрессивного поведения, который является в определенной степени даже полезным [2]. Разрушение или разборка предмета, чтобы увидеть, как он работает или что находится внутри, может быть исследовательским поведением умного и любопытного (любопытного) ребенка.

Агрессивное поведение становится проблемой, когда его результаты приводят к реальному вреду другим людям, причиняя им боль и страдания, порчу ценных вещей [3]. В этом смысле очень часто агрессивное поведение не является результатом сознательного личного выбора. К основным причинам относятся провокация и психическое давление. Провокация имеет двойное значение: может быть конструктивной, когда приводит к положительным изменениям и эффектам; в тоже время может быть пагубным и разрушительным событием, когда приводит к умышленным действиям, направленным против отдельных лиц или групп людей с целью спровоцировать ответное действие или реакцию, ведущие к неприятным и/или разрушительным последствиям. Системная, последовательная и целенаправленная провокация может перерасти в преследование, искусственное создание конфликтной ситуации или подстрекательство [2].

Психическое давление может проявляться в преследовании. Это особый тип агрессивного поведения, который всегда направлен на живое существо – объекты или предметы не могут быть преследованы [10]. Преследование также исключает случайность, оно носит целенаправленный и преднамеренный характер. Агрессор осознает, что он причиняет физическую или моральную боль, заставляет свою жертву чувствовать себя плохо, и это его цель. Кроме того, эти люди редко осознают, что делают что-то не так. Обычно они думают, что их жертва этого заслуживает, или бросают им вызов: так и следует относиться к ней. Преследование – это злонамеренное поведение, оно не случайно. У этих людей есть четкая и осознанная цель: причинить вред своей жертве, причинить ей боль, унижить ее, заставить ее страдать физически или морально [6].

Когда антиобщественное поведение несовершеннолетнего осуществляется после употребления психоактивных веществ, то оно обычно характеризуется значительно более выраженной агрессией, но в некоторых случаях оно никаким образом не вызвано действиями потерпевших. В последние годы часто наблюдаются случаи, когда подросток заявляет, что не помнит, что точно причинил и именно кому и в какой степени причинил вред, заявляя, что в момент агрессии, он находился под воздействием наркотиков и / или алкоголя.

Это поднимает перед экспертами в местных комиссиях ряд психологических и моральных вопросов, которые оценивают тяжесть деяния и назначают наказание виновному. Некоторые из них касаются психологических триггеров, спровоцировавших агрессивный акт, а другие вопросы, определяют выбора меры наказания, оценивая риски нового антиобщественного поведения, которое несовершеннолетний правонарушитель может снова совершить под воздействием психотропных веществ. Психологически грамотная оценка компонентов, а именно влияние веществ и склонности к агрессии (преморбидно) – имеет первостепенное значение как для справедливого наказания, так и для планирования адекватных психосоциальных вмешательств по отношению к ребенку [12].

Случай из практики. Впервые мы получили дело на Петра (имя мальчика изменено), 15-летнего ученика профессиональной школы, употребляющего марихуану. Рядом со школой его нашли курящим «травку» в компании одноклассников. Он признается полиции, что эта сигарета принадлежит ему.

Мальчик милый, общительный, умный. Его родители заботливы и трудолюбивы, много работают, чтобы обеспечить ему все условия для нормальной жизни – чистый, аккуратный дом, приличную одежду, питание, хороший компьютер, приличный телефон. Он ни в чем не нуждается. Мать чувствует себя подавленной, живет с чувством неудачницы; как родитель, беспокоится о жизни и здоровье своего единственного ребенка. Год назад ее сын стал для неё «проблемной ситуацией». До 14 лет мальчик лучезарный, общительный, имеет много друзей, любит помогать родителям по хозяйству. Позже он подружился с двумя мальчиками, родители которых были разлучены. Их воспитывают пожилые бабушка и дедушка. Их родители ведут своя жизнь, они не проводят время со своими детьми. Вечерами Пётр стал чаще задерживаться со своими новыми друзьями, поздно приходит домой, а иногда не приходит домой всю ночь. По возвращению домой, он находится в приподнятом настроении, не обращает внимания на замечания родителей. Постепенно он становится агрессивным, злым, беспечным. Его мать опасается, что он может попасть в беду. Почти каждую ночь она чувствует навязчивый запах «травы» / марихуаны / следы на его одежде. Она считает, что именно употребление наркотика является причиной его плохого (вербально-агрессивного) поведения в общении с родителями.

После седьмого класса он поступил в элитную школу с очень хорошими результатами. У него хорошие возможности, он очень обаятельный, быстро заводит дружбу с одноклассниками, активно занимается спортом. Но в девятом классе он начинает сначала с прогулов по отдельным предметам без уважительной причины, затем отсутствует целыми днями. Он также нарушает дисциплину в классе, становится грубым, высокомерным, агрессивным по отношению к одноклассникам. Решением педагогического совета, он был исключен из школы. Попытка нашей Комиссии вернуть его в школу в нормальных условиях провалилась. Директор школы непреклонен в том, что корни отклоняющегося поведения мальчика должны быть «выкорчеваны», чтобы они не распыляли свои „ядовитые семена» среди других учеников.

Высокомерный, дерзкий, ищущий сильных ощущений, провоцирующий других детей на физическое противостояние. Мы пытались включить его в спортивный клуб, чтобы он мог тратить свою энергию. Принимает участие в массовом избиении – одна банда против другой. В Комиссии приходит второе дело из Районного суда за хулиганство, и к тому же он целый месяц был в гипсе. Все эти встречи с полицией, судом, комиссией, а так же сломанная рука его не пугают. Он продолжает жить чрезвычайно опасно не только для себя, но и для других.

Однажды ночью на дискотеке с друзьями они накуриваются марихуаной, распивают спиртное, ведут себя вызывающе и провокативно. Молодой человек делает им замечание. Это их задевает и они решают разправится с ним. Когда молодой человек уходит с дискотеки, они все в троем последуют за ним. Один из них передал Петру нож, он настигает свою жертву и трижды ударяет молодого человека ножом в поясницу. Позже Петр утверждал, что ничего не помнит об этой ночи. Дело из прокуратуры в комиссию больше не поступает. Это деяние представляет высокую степень общественной опасности, и Петр будет нести ответственность перед Районным судом. Петру недавно исполнилось 16 лет. В итоге – год за употребления марихуаны, алкоголя приводят к искалеченной жизни.

Заключение. Большинство молодых людей обычно развивают адекватную социальную компетентность и формируют адекватные социальные навыки на всю жизнь [9]. Однако небольшая часть подростков не в состоянии справиться с разными влияниями и давлениями, которыми они подвергаются, и, таким образом, становятся уязвимыми к вредному воздействию психотропных веществ и, в некоторых случаях, к агрессивному поведению. Слишком часто наркотики не воспринимаются как вредные, что увеличивает вероятность недооценки рисков [7].

Типичный пример такого отношения представляют убеждения подростков об употреблении каннабиса. Об этом свидетельствуют результаты Европейского школьного исследовательского проекта по алкоголю и другим наркотикам (ESPAD), проведенного среди учащихся в возрасте 15-16 лет в 35 европейских странах в 2003 году. В среднем употребление каннабиса в этих странах составляет 9%. В Болгарии этот процент составляет 8%. В тоже время

21% от населения употребляли его хотя бы раз в жизни. Однако, согласно более позднему отчету ESPAD (2015), ситуация в Болгарии ухудшается. К сожалению исследования показывают, что болгарские школьники демонстрируют более высокий уровень употребления наркотиков по сравнению с другими европейскими странами [7].

Практический опыт работы в местной комиссии по борьбе с антисоциальными действиями несовершеннолетних в Благоевграде подтверждает вышеупомянутые результаты. Исследования Болгарской ассоциации по профилактике наркомании, также подтверждают эти факты. На современном этапе в Болгарии существует острая необходимость в хорошо подготовленных специалистах для работы с детьми, совершившими агрессивные действия после употребления психоактивных веществ. Их профессиональная деятельность по профилактике подобных случаев, была бы более эффективной в случае использования сертифицированных профилактических программ, направленных на ограничение данного негативного психосоциального феномена.

Литература

1. Александрова, В. Предлагаю приютительство: Глазами профессионала // Общественное воспитание. – 2007. – 5. – С. 48-79.

2. Григоров, И. Роль «психических ускорителей» для несовершеннолетних правонарушителей. // Общественное воспитание. – 2007. – 5. – С. 48-79.

3. Дети в конфликте с законом. Оценка ювенальной юстиции в Болгарии. под редакцией Петровой-Димитровой, Н. Региональный офис ЮНИСЕФ для стран Центральной и Восточной Европы, СНГ и Балтии. – 2002 г., София, Болгария, ISBN –954-9724-50-6.

4. Закон о борьбе с антиобщественными проявлениями несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Название изменить. – Изв. 11/1961 г.) вступил в силу 15.03.1958, отражая деноминацию от 05.07.1999. Режим доступа: <https://www.lex.bg/laws/ldoc/2123897345> (дата обращения: 12. 05. 2019).

5. Иванова, Д. А., Крастев, И. Д. (2019) Психологическое консультирование детей с девиантным поведением в комиссиях по борьбе с антисоциальным воздействием несовершеннолетних в Болгарии. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции / под редакцией Коврова В.В. – Симферополь, 2019, Издательство Типография «Ариал» (Симферополь), Ялта, Крым, Россия – 498 с. – С. 22-29.

6. Информационно-образовательное руководство по альтернативным моделям поведения в ответ на агрессию и провокацию. Издание Центрального комитета по борьбе с антисоциальными актами несовершеннолетних к Совету Министров Республики Болгарии – 2015, София, Болгария.

7. Калотеракис, Ф. (2020). Лечение несовершеннолетних с расстройствами, связанными с наркотиками. Справочник. под редакцией Буторина, Н., НЦОЗА, София, Болгария // Справочник реализован в рамках программы: Снижение спроса наркотических средств, Министерство здравоохранения Республики Болгарии.

8. Канчелов, А. Смертельный вирус. // Общественное воспитание. – 2015. – 3. – С. 48-79.

9. Ковров В.В., Мириманова М.С., Оганесян Н.Т. Образовательная система образовательного учреждения как ресурс психологической безопасности. Учебное пособие. – М.: Эконом-информ, 2012. – 181 с.

10. Мутафова М., Иванова Д., Стоянова С. (2015). Самоотношение при зависимостях и отношение к собственной внешности в возрасте 20-45 лет. В кн .: Психология – традиции и перспективы. Том II, 132-137, Психология – традиции и перспективы. – 2015: 132-137.

11. Подготовка педагогического специалиста по профилактике школьного насилия, агрессии и других негативных проявлений. Пособие для учителей. под редакцией Боянова Б., Алексиева Е. и Станкова М., София, Болгария, 2013, ISBN – 978-954-936930-4.

12. Стефанова, Н. Наркомания – повод для преступлений несовершеннолетних. Классика и инновации в профилактике антиобщественного поведения несовершеннолетних. // Сборник статей по материалам Национальной научно-практической конференции, Асеновград – 2013,

Местного комитета по борьбе с антиобщественными действиями несовершеннолетних и Центра общественной поддержки муниципалитета Асеновграда, Болгарии, Издательство «Победа – PR», Асеновград, Болгария. – 2013. – С. 73-77.

УДК: 159.99: 343.9

ЛИМИНАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ФЕНОМЕН

Клейберг Юрий Александрович,
академик РАЕН, доктор психологических наук,
доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры социальной работы и психологии,
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Аннотация. Тенденции развития современной девиантологической науки предполагают дополнения и уточнения к известным типологиям, классификациям и характеристикам девиантного поведения, что является оправданным с точки зрения актуализации и институционализации девиантологических феноменов.

В статье представлена феноменология одной из модификаций девиантного поведения – лиминальное поведение, которое может являться предпосылкой как конструктивного, так и деструктивного девиантного поведения.

Ключевые слова: поведение, девиантное поведение, лиминальное поведение, «преддевиантный синдром».

Annotation. Development trends of modern deviant science presuppose additions and refinements to the well-known typologies, classifications, and characteristics of deviant behavior, which is justified from the point of view of actualization and institutionalization of deviant phenomena.

The article presents the phenomenology of one of the modifications of deviant behavior – liminal behavior, which can be a prerequisite for both constructive and destructive deviant behavior.

Keywords: behavior, deviant behavior, liminal behavior, “pre-deviant syndrome”.

Постановка проблемы. Существующая ныне научная аргументация сложившихся девиантологических концепций (Я.И. Гишинский, Е.В. Змановская, Ю.А. Клейберг, Ю.Ю. Комлев, Н.В. Майсак, В.Д. Менделевич, Е.В. Руденский, Т.А. Хагуров, С.В. Шепелева и др.), характеризует поведение человека как конструктивное (социальное творчество), деструктивное (социальная патология) и социально-нейтральное (не вызывающее особых опасений для общества – попрошайничество, бродяжничество и др.). По нашему мнению, необходимы некоторые дополнения и уточнения к имеющимся классификациям и характеристикам девиантного поведения. В соответствии с законом единства и борьбы противоположностей Г.В.Ф. Гегеля [2, с. 818], между этими тремя видами поведения человека существует некая «крипта» взаимоперемещения из одного состояния в другое. Значит, и между вышеназванными видами отклоняющегося поведения тоже существует маргинальный или пороговый (лиминальный) тип девиантного поведения. Лиминальное поведение также включает в себя элементы «нормальности» и «аномальности», конструктивности и деструктивности, одобрения и порицания (наказания, санкции, изоляция).

Целью статьи является актуализация и институционализация лиминального поведения, как преддевиантного поведения, как промежуточной стадии девиантности.

Изложение основного материала исследования. Лиминальное поведение часто характеризуется, как преддевиантное («преддевиантный синдром»), имеющее определенные социальные и психологические предпосылки и характерные признаки: аффективный,

конфликтный, агрессивный, антисоциальный типы поведения, негативное отношение к учебе, низкий уровень интеллекта и т.п.

Лиминальное поведение, как промежуточная стадия девиантности, характеризуется повторением ситуативных форм отклоняющегося поведения, которые проявляются в непослушании, отрицании, агрессии, невыполнении некоторых социальных требований и норм социальной группы, субкультуры, этноса, общества. У преддевиантного поведения, как отмечают С.В. Шепелева [11] и С.Г. Колесов [8] отсутствуют защитные механизмы личности, обеспечивающие восстановление равновесия (согласия) между социальной средой и личностью в различных формах адаптивного поведения. Эта особенность характерна и для лиминального поведения.

Поэтому лиминальное поведение, по нашему мнению, – это специфическое, импульсивно-ситуативное проявление девиантности, девиантного поведения, обусловленное ограничивающими, фрустрационными условиями и оказывающее деструктивное влияние на процессы межличностных отношений и социализацию личности [4]. Оно может быть также и эпатажным, и компульсивным.

В медицинской науке сложилась логическая триада развития человеческого организма: здоровье – предболезнь – болезнь [1]. Здоровье – это совершенство саморегуляции, максимальная адаптация к окружающей среде, состояние общего душевного комфорта, обеспечивающее адекватную поведенческую реакцию. Предболезнь – это стадия функциональной готовности организма к развитию определенного заболевания. «Тело здоровое, но не до предела, тело не здоровое, но и не больше» – так отзывался Авиценна об этом периоде, то есть это еще не болезнь, но уже и не здоровье). Болезнь – это жизнедеятельность организма с измененными и нарушенными функциями.

Следуя психологической логике (Е.В. Змановская, Ю.А. Клейберг), «социализация – дезадаптация – депривация – изоляция», мы предлагаем понимать лиминальное поведение в следующей логической взаимосвязи: «социальная норма – преддевиантность – девиантность – постдевиантность».

Социальная норма (social norm) – одно из средств воздействия общества на формирование личности. Значение социальных норм определяется обязательностью содержащихся в них правил, требований, предъявляемых обществом, классом, коллективом, социальной группой к поведению человека в тех или иных конкретных ситуациях, а также тем, что они служат средством социального контроля. Социальные нормы являются важным элементом механизма социального управления, психологической регуляции и коррекции поведения человека, стимулирования его творческой и социальной активности.

Уровень развития личности определяется степенью освоения и интериоризации ею социальных норм [7, с. 32-33].

Преддевиантность (pre-deviation): мотивация, целеполагание, планирование, замысел и алгоритм ориентировочных действий, организация, превенция и профилактика. Девиантное поведение на этом этапе часто бывает немотивированным. Юная личность, как правило, желает соответствовать требованиям общества, но по каким-то причинам она не может этого сделать «здесь и сейчас». Это фиксируется в ее самосознании и проявляется в самооценке, и провоцирует подростка на поиск альтернативных путей самореализации в других направлениях. Часто это является сигналом для психологической помощи в разрешении какой-то значимой для юного человека проблеме, ведь сам он справиться с ней, в силу отсутствия опыта, не может.

Девиантность (deviance): совершение действия, поступка, поведения. Мною выдвинуты четыре общих сущностно-содержательных значений (так называемых «четыре Д»), объясняющих генезис и феноменологию девиантности (2018):

1. Девиантность не существует сама по себе, вне контекста общества и процессов, происходящих в нем.

2. Девиантность обусловлена потребностями личности (людей).

3. Девиантность мотивирована, то есть она является мотивом-детерминантой поведения человека (социальной группы) в различных социальных условиях.

4. Девиантность ситуативна и функциональна и отражает социально-психологическую сторону нахождения личности в социальной группе, субкультуре, обществе [6].

Исходя из этих сущностно-содержательных значений девиантности, следует обратить внимание на интересный момент: девиантность характеризуется и как объективный поведенческий феномен, и как субъективный реальный поведенческий акт, выступающий аттрактором (притягивающим условием) для устойчивого развития девиантогенной и криминогенной социализации, самоорганизации личности (социальной группы) и интериоризации девиантных норм. Это, в свою очередь, создает ситуацию массовой маргинализации и криминализации общества, что, в конечном счете, угрожает государственной безопасности.

Девиантность складывается, как мне думается, из: 1) девиаций, порождающих саму девиацию; 2) девиаций, тиражирующих «нормы» самих девиаций; 3) девиаций, нарушающих девиации [6, с. 161-162].

Постдевиантность (post-deviation): осознание поступка (рефлексия), оценка, коррекция, реабилитация. Приоритетом является деятельность специалистов, направленная на саморазвитие личности; умение управлять собой; технологии, направленные на коррекцию самооценки, установки с негативной на позитивную; формирование системы позитивных ценностей, норм, мотивации. Реабилитационная и реадaptационная работа, а также предупреждение рецидивов девиантных проявлений. Здесь наблюдается на личностном уровне глобальная ломка социальных стереотипов, разрушение сложившейся системы норм и ценностей, переосмысление выбранного жизненного пути и поступков.

С помощью психолога на этой стадии дезадаптированная личность начинает осуществлять свои функции снова в пределах адаптивной нормы, то есть социализируется заново. Усиливается взаимодействие адаптационных и компенсаторных механизмов. Появляется новый смысл жизни.

Конструирование перехода от «дезадаптивно-деструктивного (разрушительного) синдрома», который имеет глубинные причины и различные формы проявления (психосоматические расстройства, неврозы, девиантное поведение) к «адаптационно-конструктивному (созидательному) синдрому», то есть к устранению дефицита структуры Я, формированию адекватной Я-концепции, целостного представления о себе как уникальной и целостной личности, ранее утерявшей «интеграцию идентичности» (по М. Милер), является суперактуальным направлением в психологии девиантного поведения для гармоничной социализации подростков и молодежи.

А.В. Мудрик (1997) определяет социализацию как развитие человека на протяжении всей жизни во взаимодействии с окружающей средой; процесс усвоения и воспроизводства социальных норм, культурных ценностей, а также саморазвитие в том обществе, к которому этот индивид принадлежит. По его мнению, социализация происходит:

- в процессе стихийного взаимодействия человека с обществом;
- в процессе влияния со стороны государства на те или иные категории людей;
- в процессе целенаправленного создания условий для развития человека;
- в процессе саморазвития [9, с. 26].

М.И. Рожков поддерживает точку зрения А.В. Мудрика и утверждает, что в процессе социализации решаются две группы задач: социальная адаптация и социальная автономизация личности [10, с.11].

Однако социальная адаптация предполагает активное приспособление индивида к условиям социальной среды, а социальная автономизация – реализацию совокупности установок на себя, устойчивость в поведении и отношениях, которая соответствует представлению личности о себе, ее самооценке.

Социализация бывает *первичной* – знакомство с ценностями общества и формами поведения, обеспечиваемое индивиду в семье; *социализация повторной* – подготовка

индивида к вступлению в культуру и окружение, которые стали для него незнакомыми из-за кризиса, травм, изменения жизненных обстоятельств. Данный механизм напрямую связан с *ресоциализацией* – изменением ставших неадекватными ценностей, норм и отношений человека в соответствии с новыми социальными предписаниями и правилами.

Еще в XIX веке французский педагог и социолог Эмиль Дюркгейм, одним из первых обративший внимание на проблему социализации человека, подчеркивал, что любое общество стремится сформировать человека в соответствии с имеющимися у него некими универсальными моральными, интеллектуальными и даже физическими идеалами [3, с. 35].

Важно подчеркнуть, что содержание процесса социализации определяется заинтересованностью общества в том, чтобы гендерная, профессиональная, социальная, политическая и др. социализация его граждан прошла успешно и стала позитивной. Необходимо также иметь в виду, что требования к личности в разнообразных аспектах предъявляет не только общество в целом, но и различные социальные группы и институты социализации, особенности которых обуславливают не идентичность и специфичность этих требований, содержание которых к тому же детерминировано возрастом и социальным статусом человека.

Таким образом, в заключение сформулирую следующие **выводы**:

Во-первых, лиминальное поведение с общесоциальных позиций следует оценивать, как негативное, но не критичное.

Во-вторых, данный тип поведения широко распространен среди несовершеннолетних подростков и молодежи.

В-третьих, лиминальное поведение очень часто может являться предпосылкой девиантного и противоправного поведения.

В-четвертых, возможна профилактика лиминального поведения несовершеннолетних путем выявления и коррекции неблагополучия в системе их отношений с окружающими, в том числе с педагогами и воспитателями, членами семьи, из числа лиц ближайшего микросоциума.

В-пятых, деятельность социальных институтов, ответственных за воспитание подрастающего поколения, предполагает восстановление тех позитивных качеств, которые доминировали у несовершеннолетнего до появления признаков социальной лиминальности, а также формирование стремления компенсировать свое социальное неблагополучие интересующим их видом деятельности (творчество, спорт, труд, волонтерство и др.).

И последнее. Известно, что существуют как минимум три закона причинности: 1) закон равенства (причина равна следствию, следствие адекватно породившей его причине); 2) закон однозначности (одна причина – одно следствие); 3) закон реактивной детерминации (внешнее воздействие специфично преломляется через внутренние реактивные силы живого). Каждый человек формирует свою детерминанту, опираясь как на генетические программы, так и на приобретенные в процессе социализации и ресоциализации.

Психология девиантного поведения призвана помочь юной личности сформировать у нее детерминанты рефракции негативных (деструктивных) воздействий среды в условия самостимулирующего роста и самосовершенствования.

Литература

1. Артюнина Г.П., Гончар Н.Т., Игнаткова С.А. Основы медицинских знаний: здоровье, болезнь и образ жизни; учебное пособие для вузов. – Псков, 2003. – 304 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – М., 1998. – С. 818. – 1080 с.
3. Дюркгейм Э. Социология образования / Под ред. В.С. Собкина и В.Я. Нечаева. – М., 1996. – С. 35. – 342 с.
4. Клейберг Ю.А. Введение в ювенальную психологию: учебное пособие для вузов. – Тверь: Изд-во Тверского государственного университета, 2019. – 246 с.
5. Клейберг Ю.А., Салимгереев М.К. Ювенальная девиантология: теоретико-прикладные основы и перспективы развития. Коллективная монография. – Махачкала: АЛЕФ, 2019. – 130 с.

6. Клейберг Ю.А. Основы ювенальной девиантологии: учебное пособие в 5-ти книгах. – Кн. 1. Ювенальная психология. – Лондон-Москва: Изд-во Академии образования Великобритании, 2018. – 332 с.
7. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения: учебное пособие для вузов. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во МГОУ, 2017. – 416 с.
8. Колесов С.Г. Проблема преддевиантного симптомокомплекса личности. [Электронный ресурс]. URL: <http://konferent.ru/nauka/868> (дата обращения: 04.09.2019).
9. Мудрик А.В. Введение в социальную педагогику. Учебное пособие. – М.: Институт практической психологии. – 1997. – С. 26. – 320 с.
10. Рожков М.И. Организация воспитательного процесса в школе. – М., 1993. – С. 11. – 453 с.
11. Шепелева С.В. Социально-психологическая профилактика преддевиантного поведения у детей дошкольного возраста: дис. .. канд. психол. наук. – Кострома, 2003. – 253 с.

УДК 32.019.51

СИМВОЛ ДЕТСТВА В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СМИ¹

Клещенко Людмила Леонидовна,

кандидат политических наук, старший преподаватель
кафедры политологии ФГБОУ ВО «Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена»,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. Статья рассматривает особенности использования образа детства в СМИ различных идеологических ориентации. Отмечается, что тема детства значима и для либеральных, и для консервативных СМИ. Автор приходит к выводу, что либеральное восприятие детства более гомогенно, чем консервативное, что связано с тем, что среди консервативных изданий встречаются как провластные, так и оппозиционные.

Ключевые слова: детство, дети, политический символ, делегитимация власти, символическая политика.

Annotation. The article examines the features of using the image of childhood in the media of various ideological orientations. It is noted that the theme of childhood is significant for both liberal and conservative media. The author concludes that the liberal perception of childhood is more homogeneous than the conservative one, which is because both Pro-government and opposition publications are found among conservative publications.

Keywords: childhood, children, political symbol, delegitimation of power, symbolic politics.

Постановка проблемы. Символ детства является значимым ресурсом политической мобилизации, к использованию которого прибегают различные политические акторы. Настоящее исследование посвящено выявлению специфики использования образа детства в СМИ различных идеологических ориентаций. В качестве источников исследования использовались статьи в либеральных и консервативных СМИ, написанные с 26 марта по 26 апреля 2017 года. Выбор данного хронологического периода обусловлен повышенным вниманием к отмеченной теме в связи с организацией антикоррупционных митингов, в которых приняли участие подростки и молодежь.

Целью статьи является сравнительный анализ репрезентации образов детства и детей в либеральных и консервативных СМИ современной России.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта 20-011-31716 «Поколенческий разрыв» в легитимации и делегитимации власти в современной России: политический дискурс и общественное мнение

Изложение основного материала исследования.

Либеральные СМИ

В качестве либерального дискурса в настоящем исследовании маркированы материалы, для которых характерна апелляция к таким ценностям, как частная собственность, правовое государство, права и свободы человека, свободный рынок, индивидуализм, политический плюрализм, демократия. Либеральный дискурс широко представлен в Интернет-среде, в том числе, в блогосфере, новостных агрегаторах, тематических группах в социальных сетях, мессенджерах [1].

Для выполнения цели исследования были проанализированы все упоминания темы «детства» в период с 26 марта до 26 апреля 2017 года в федеральном издании «Новая газета», интернет-издании «Медуза», радиостанции «Эхо Москвы», блоге А. Навального (<https://navalny.com/>). Выбранные СМИ имеют широкую аудиторию, что подтверждают мониторинговые исследования ООО «Медialogия» [2]. Таким образом, критерием отбора изданий для анализа выступил объем аудитории. Кроме того, при выборе изданий автор руководствовался критерием разнообразия их форм («Новая газета» – печатное издание, «Медуза» – интернет-издание, блог А. Навального <https://navalny.com/> — коллективный тематический блог, «Эхо Москвы» – радиостанция).

Блог А. Навального содержит текстовые, видео и фотоматериалы, связанные с деятельностью Фонда борьбы с коррупцией, созданного А. Навальным, а также политические новости.

Русскоязычное интернет-издание «Медуза», зарегистрированное в Латвии, выпускает собственные материалы, а также является агрегатором новостей, отбираемых в ручном режиме. В 2017 году «Медуза» являлась самым цитируемым российским интернет-изданием.

Федеральная «Новая газета» – общественно-политическое издание, выпускается с периодичностью 3 раза в неделю. Материалы газеты размещаются также на интернет-ресурсе <https://www.novayagazeta.ru/>.

«Эхо Москвы» – российская круглосуточная информационно-разговорная станция, в 2017 году являлась самой цитируемой радиостанцией [3]. Материалы размещаются также на интернет-ресурсе <https://echo.msk.ru/>. В настоящем исследовании были проанализированы транскрипты радиоэфира и блоги на сайте радиостанции.

Смысловые единицы анализа: 1) дети как неполноценные взрослые (индикаторы: несамостоятельность, зависимость, послушность, подчиненность, слабость, беспомощность, несерьезность, пассивность, нерешительность, некомпетентность, неразумность, инфантилизм, эмоциональность, капризность); 2) дети как жертвы (индикаторы: беспомощность, безобидность, уязвимость, страдание); 3) дети как герои (индикаторы: мужество, бесстрашие, собственное мнение, решительность, инициативность, энергичность, любознательность, благородство, активность); 4) дети как будущее (индикаторы: олицетворение вечности, олицетворение будущего, надежда на лучшее будущее, символ продолжения жизни); 5) «дети как неиспорченные обществом взрослые» (индикаторы: миролюбие, высшая мудрость, чистота, безгрешность, беззаботность, человечность, искренность, мечтательность); 6) дети как помощники взрослых» (индикаторы: послушность, дисциплинированность, исполнительность, ответственность).

В рассмотренный период проблемы детей и детства упоминаются в либеральных СМИ в контексте таких тем, как политика, семья, школа, благотворительность, социальные проблемы. Отмечается рост внимания к теме детства после антикоррупционных митингов: так, с 26 по 30 марта «Новая газета» опубликовала 10 материалов, относящихся к теме детства (из 38); «Медуза» – 24 (из 83), «Эхо Москвы» – 34 из (из 421).

Исследование показало, что в либеральных СМИ наиболее широко представлены следующие образы детства: «дети-герои», «дети-жертвы», «дети-неполноценные взрослые». Позитивные отличия детей от взрослых: энергичность, активность, инициативность, мужество, бесстрашие, решительность, честность, любознательность – создают образ «детей-героев», самостоятельных субъектов политики, которые показаны как альтернатива взрослым,

пассивный конформизм которых не позволяет им активно участвовать в политике. [4] Говоря об участии детей и подростков в политике, либеральные СМИ особо подчеркивают его автономный характер, публикуют большое количество материалов, содержащих прямую речь подростков [5].

«Дети-жертвы» – это дети, которые являются объектами преследования тех, перед чьей властью они уязвимы и беспомощны – власти, правоохранительных органов. Образ «дети жертвы» конструируется с помощью таких слов, как «запрещать», «задерживать», «пострадать», «сядут», «судить», «пугать», «потерять» и др. Дети могут быть жертвами обстоятельств, несправедливости, войны, деятельности взрослых, правоохранительных органов. Использование образа «дети-жертвы» сопряжено с негативными реакциями читателя на действия органов власти, потому способно провоцировать утрату доверия властным институтам и способствовать делегитимации власти. Манипулятивное использование образа «детей-жертв» связано с упоминанием наличия детей у задержанных политиков-оппозиционеров [6], а также с описанием страдания детей при аресте их родителей [7].

Негативные смысловые оттенки образа детства (инфантильность, несерьезность, несамостоятельность, капризность) используются в либеральном дискурсе преимущественно при упоминании детей вне политического контекста, а также при формировании образов отдельных политиков. Ярким примером является образ Д. Медведева в либеральных СМИ, в котором сочетаются негативные детские качества: премьер-министр предстает несамостоятельной фигурой, не способной к серьезному политическому диалогу, беззащитной, некомпетентной.

Важным отличием подачи материала по теме «детство и политика» в рассмотренных изданиях является то, что «Медуза» не называет несовершеннолетних «детьми», предпочитая говорить о «подростках», в «Новой газете», напротив, в заголовках статей о политической активности подростков речь идет именно о «детях» [8]. В отличие от рассмотренных СМИ, блог А. Навального использует образ детства не только для привлечения внимания к рассматриваемым темам, но и в качестве средства усиления мобилизационных призывов: «А я сегодня выхожу по совершенно личной причине. Вот этому парню по имени Захар Навальный сегодня исполняется 9 лет... не хочу, чтоб Захар жил в бедной стране» [9].

Консервативные СМИ

В свою очередь, спектр консервативных СМИ в современной России чрезвычайно широк, что обусловлено популярностью консервативных идей в современном российском обществе [10], а также многообразием течений современного российского консерватизма. В частности, существуют такие консервативные течения, как монархизм, национализм, неоконсерватизм, младоконсерватизм и другие. Общим для данных течений является критика «европейских ценностей», приверженцами которых позиционируют себя либералы, поддержка курса на защиту национальных интересов и суверенитета, примат фактора силы во внешней политике. В то же время, по отношению к действующему политическому режиму консервативные СМИ могут занимать как провластную, так и оппозиционную позицию. Кроме того, консервативные течения разнятся в своих оценках религии, традиционной семьи, исторического прошлого России: одни рассматривают в качестве идеала политического устройства Советский Союз, другие – Российскую империю.

Среди консервативных СМИ для целей настоящего исследования выбраны интернет-издание «Спутник и погром» (<https://sputnikipogrom.com/>), официальный сайт телеканала «Царьград» <https://tsargrad.tv/>, информационно-аналитическая служба «Русская народная линия» <http://ruskline.ru/>, газета «Комсомольская правда»: два провластных религиозных («Русская народная линия», «Царьград»), одно провластное светское («Комсомольская правда», федеральное издание), а также одно оппозиционное СМИ («Спутник и погром»).

«Спутник и погром» – общественно-политическое интернет-издание, учрежденное в 2012 году, посещаемость, по данным СМИ – 1,4 млн. человек в месяц в 2017 году, [11] один из самых популярных националистических информационных ресурсов 2017 года. [12] Заблокирован по требованию Генеральной прокуратуры РФ в 2017 году в связи с пропагандой

национальной розни, закрыт в 2018 году. Важным отличием издания является его оппозиционная направленность, которая, как предполагают его создатели, и послужила причиной его закрытия [13].

«Русская народная линия» – информационно-аналитическая служба, существует с 2010 года (ранее – под названием «Русская линия» с 1998). Издание публикует статьи, комментарии и новости, «православный взгляд на важнейшие политические, общественные, экономические и культурные проблемы» [14]. Девиз: «Православие, самодержавие. Народность».

Телеканал «Царьград» – информационно-аналитический круглосуточный телеканал, основанный в 2015 году. С 01.12.2017 года «Царьград» перешел на Интернет-вещание. Позиционирует себя как «первый русский консервативный информационно-аналитический телеканал» [15].

«Комсомольская правда» – ежедневная общественно-политическая газета, а также интернет-издание (<https://www.kp.ru/>). Является старейшим печатным СМИ России (существует с 1925 года). Современное издание публикует политические, экономические новости, новости спорта, науки, культуры.

В рассмотренный период проблемы детей и детства упоминаются в консервативных СМИ в контексте таких тем, как политика, семья, школа, история, ювенальная юстиция, аборт. По аналогии с ситуацией в либеральных СМИ, в конце марта 2017 года отмечается рост интереса к тематике детства после антикоррупционных митингов.

Исследование показало, что в консервативном дискурсе доминируют образы «дети-неполноценные взрослые» и «дети-жертвы».

Важным отличием консервативных СМИ от либеральных является отказ детям в политической субъектности. В публикациях консервативных СМИ подчеркиваются несамостоятельность, несерьезность, безответственность, некомпетентность детства, зависимость от лидеров. Митинги сравниваются со «школьной дискотекой», участников которой обманул «дядя Леша», пообещавший денежную компенсацию за задержание [16]. Участники митингов характеризуются как «школьники», «студизусы», «школота», «дети навалного», «тинейджеры», «молодняк», «детвора», «инфантильные недоросли» [16].

Исключение составляет издание «Спутник и погром», где представлено иное отношение к политическому участию молодежи, схожее с либеральным: образ детства используется для противопоставления поколений: старшего (советского), и молодого, лишённого советского опыта. Это единственный пример использования образа детей-героев в консервативном дискурсе. Как представляется, его использование связано именно с оппозиционным характером издания.

Если сравнения детей и взрослых в оппозиционных СМИ выигрышны для детей и молодежи, то провластные, напротив, критикуют новое поколение: «Степень развращённости и нехорошей опытности современных школьников вполне соответствует взрослому человеку недавнего прошлого»; [17] «...Если их спросить, что такое коррупция, думаю, из них ответят очень немногие. Точно так же, как о Пушкине и о Гоголе. Это невежественные люди, испорченные современной школой. Они сами не понимают, зачем выходят - но выходят» [18].

Консервативные СМИ подчеркнуто отказывают современным детям в праве быть героями: «те подростки, которые в 15 лет командовали подразделениями, или совершали блестящие операции в тылу врага – они были другими в плане мотивации. Они это делали, потому что они были идеологичны, мотивированны, и их детская жестокость и простота подхода были идеальны в тех ситуациях...здесь же вышел скучающий и тоскливый, пресыщенный и вяло жующий» [19].

Консервативные СМИ используют образ «детей-неполноценных взрослых» для описания событий внутренней политики, и, прежде всего, своих политических оппонентов: «Милюков, Родзянко, Гучков, Керенский не шли ни в какое сравнение с господином Навальным. Это все равно что сравнивать профессора университета и первоклассника» [20]; а также во внешнеполитическом дискурсе, для описания политиков других стран, чтобы

подчеркнуть отсутствие у них политического опыта: «молодая республика» (об Украине) [21], «юная президентская администрация» [22] (о США).

Образ «дети жертвы» используется в консервативном дискурсе для делегитимации лидеров протестного движения. В ряде публикаций «Русской народной линии» антикоррупционные митинги 26 марта названы «крестовым походом детей». [17] Крестовый поход детей – религиозное движение 1212 года, не санкционированное Папой римским, в ходе которого погибли и пропали без вести многие юные крестоносцы. Семантика детского крестового похода включает также такой смысл, как предательство детей, – по одной из версий, участники крестового похода были проданы в рабство обманувшими их мореплавателями. Использование образа детского крестового похода применительно к митингам призвано, таким образом, проиллюстрировать популярную в консервативных СМИ мысль о том, что оппозиционные политики используют детей в политических целях, тем самым предавая их интересы. Таким образом, дети-участники «крестового похода» – жертвы политических манипуляций: «их подставляют под правоохранительную машину, а они из-за этого потом страдают» [23]. Среди прочего, образ «дети-жертвы» используется в консервативных СМИ и для дегуманизации внешнеполитических оппонентов, например, спецслужб соседнего государства [24].

Консервативные СМИ, в отличие от либеральных, активно используют мем «онижедети», появившийся в 2013-2014 гг. на киевском майдане [25], проводятся параллели между событиями марта 2017 в России и украинскими событиями: «Мы все знаем, с чего начался государственный переворот на Украине – молодежь, подростки, вышли на площадь «повеселиться, потусить... почти дискотека под открытым небом»; «Онижедети» против «не Димона» [26].

Образ «дети-жертвы» используется в религиозных консервативных СМИ при обращении к проблематике абортот и при ювенальной юстиции: «Нужно встать на защиту семьи, не допускать внедрения ювенальной юстиции...» [27]: в отличие от либеральных СМИ, консервативные активно используют прямые мобилизационные призывы.

Выводы. Таким образом, можно заключить, что тема детства значима и для либеральных, и для консервативных СМИ, рост интереса к рассматриваемой теме был связан с проведением антикоррупционных митингов 26 марта 2017 года, когда появились публикации с позитивными (либеральные и оппозиционные националистические СМИ) и негативными (консервативные провластные СМИ) оценками митинговой активности детей и подростков. Наличие определенного сходства в репрезентациях детства в националистическом оппозиционном и либеральном дискурсах свидетельствует о том, что не только и не столько идеология, но и лояльность действующей власти является важным фактором, определяющим специфику использования образа детства в современной российской политике.

Тематика упоминания детей и детства в консервативных и либеральных СМИ имеет сходство (темы: политика, семья, школа), но есть и специфические темы, обращение к которым зависит от идеологической позиции (так, либеральные СМИ не уделяют внимание таким проблемам, как абортот и ювенальная юстиция, в отличие от консервативных). Либеральное восприятие детства более гомогенно, чем консервативное, что связано с тем, что среди консервативных изданий встречаются как провластные, так и оппозиционные.

И либеральные, и консервативнее СМИ активно используют образы детства как в материалах, имеющих прямое отношение к детям и подросткам, так и в других, где «детскость» выступает метафорой неполноценности, несерьезность, неопытности. Важно подчеркнуть, что символическая инфантилизация используется как либеральными, так и консервативными СМИ. Равным образом, и консервативные, и либеральные СМИ обращаются к образу «дети-жертвы», стремясь показать страдания детей. Этот образ выполняет функцию делегитимации власти (в либеральных СМИ) и делегитимацию лидеров протестного движения (в консервативных СМИ). Ключевым отличием использования символа

детства в зависимости от идеологических ориентаций является отрицание политической субъектности современных детей и подростков консервативными СМИ.

Литература

1. Клещенко Л.Л. Репрезентация образа детства в либеральных СМИ современной России / Клещенко Л. Комплексные исследования детства. – 2019. – Т. 1. – № 4. – С. 312-319.
2. Федеральные СМИ: 2017 год. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/5766/#tv> (дата обращения 21.08.2019)
3. Федеральные СМИ: 2017 год. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/5766/#tv> (дата обращения 21.08.2019)
4. Почему на акции протеста вышло столько подростков? Медуза, 27.03.2017 URL.: <https://meduza.io/feature/2017/03/27/pochemu-na-aktsii-protesta-vyshlo-stolko-podrostkov-i-chego-oni-hotyat> (дата обращения 19.12.2019)
5. Вилен А. Мы вышли постыдиться за свою страну и погордиться ей. («Новая газета», № 33), «Девятый «Б» Путеводитель по той школе, которую мы совсем не знаем, и клуб знакомств со своими собственными детьми» («Новая Газета» № 42), «Мне бы совесть не позволила остаться дома». Медуза, 27 марта. URL: <https://meduza.io/feature/2017/03/27/mne-by-sovest-ne-rozvolila-ostatsya-doma> (дата обращения 19.12.2019);
6. Эхо Москвы: Дети на политических акциях: с какого возраста можно говорить с властью? URL: <https://echo.msk.ru/programs/assembly/1953318-echo/> (дата обращения 19.12.2019) и др.
7. Задержан оппозиционер Вячеслав Мальцев, призывавший к импичменту президента. Он проходит по делу о нападении на полицейского на митинге 26 марта. Медуза 13.04.2017 URL: <https://meduza.io/feature/2017/04/13/zaderzhan-oppozitsioner-vyacheslav-maltsev-prizyvavshiy-k-impichmentu-prezidenta> (дата обращения 21.08.2019).
8. Задержание Вячеслава Мальцева и обыск у него дома: «Вот в этом «Следователи разрешили Мальцеву проститься с ребёнком» – вся мерзость путинской власти. Блог А. Навального. URL.: <https://navalny.com/p/5327/>, 13.04.2017 (дата обращения 19.12.2019).
9. Мартынов К. Кто теперь на алгебре? О бунте детей, которых предали взрослые. Новая газета № 32; Боброва О., Костюченко Е. Детям влепят! Реакция регионов на акции 26 марта. Новая газета № 34.
10. Навальный А. Личная причина идти сегодня на митинг. 26.03.2017. URL: <https://navalny.com/p/5304/> (дата обращения 19.12.2019).
11. Nicolai N. Petro. How the West Lost Russia: Explaining the Conservative Turn in Russian Foreign Policy. 2018. Russian Politics 3.3: 305-332.
12. Сайт «Спутник и погром» заблокирован за национализм и экстремизм. Коммерсант, 06.07.2017.
13. Андросенко Н.П. Публицистика младоконсерваторов в современном коммуникативном пространстве России. Коммуникология. – Т. 4 – № 1, 2016 С. – 160-172.
14. Роскомнадзор заблокировал «Спутник и погром» по той же схеме, что и «Грани.ру», – не объяснив, за какие материалы. URL: <https://meduza.io/feature/2017/07/06/roskomnadzor-zablokiroval-sputnik-i-pogrom-po-toy-zhe-sHEME-CHTO-I-GRANI-RU-NE-OB-YASNIV-ZA-KAKIE-MATERIALY> (дата обращения 17.12.2017)
15. Русская народная линия. URL: <https://www.youtube.com/user/ruskline/about> (дата обращения 17.12.2017)
16. Телеканал Царьград. URL: https://tsargrad.tv/pervyi_russkij (дата обращения 17.12.2017)
17. Холмогоров Е. Подростки, задержанные на митинге Навального: Дядя Леша, ваши «сети» нас втащили в автозак! Комсомольская правда, 27.03.2017; Русская народная линия 29.03.2017.

18. Шумский А. Крестовый поход детей – зловещий знак. Русская народная линия. 28.03.2017. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2017/03/28/krestovyj_pohod_detej_zlovewij_znak/ (дата обращения 19.12.2019)

19. Протесты 26 марта: Массой детей прикрываются. А дальше - боевики... Царьград 27.03.2017. URL: https://tsargrad.tv/articles/marsh-navalnogo-massoj-detej-prikrывajutsja-a-dalshe-boeviki_55568 (дата обращения 19.12.2019)

20. Карманов Р. Инфантилизация «либеральных идей» достигла максимума — и это логичный процесс. Русская народная линия. 27.03. URL: http://ruskline.ru/opp/2017/mart/27/infantilizaciya_liberalnyh_idej_dostigla_maksimuma_i_eto_logichnyj_process (дата обращения 19.12.2019)

21. Милюков, Родзянко, Гучков, Керенский не шли ни в какое сравнение с господином Навальным. Это все равно что сравнивать профессора университета и первоклассник. Русская народная линия. https://ruskline.ru/news_rl/2017/04/10/nevyuchennyj_urok_istorii (дата обращения 19.12.2019)

22. Украину обязали выплатить РФ три миллиарда долларов. 31.03.2017. URL: <https://sputnikipogrom.com/news/68962/samyi-vysokiy-sud/> (дата обращения 19.12.2019)

23. Как все обстоит на самом деле? URL: <https://sputnikipogrom.com/russia/69772/pogrom-analytics/> (дата обращения 19.12.2019)

24. Дмитрий Медведев: Всякую чушь собирают про меня, чтобы добиться своих шкурных целей. Комсомольская правда. 04.04.2017. URL: <https://www.kp.ru/daily/26662/3683412/> (дата обращения 19.12.2019).

25. См. напр.: СБУ поиздевалась над Лолитой, которую украинские пограничники не пустили в Киев к больной дочери. Комсомольская правда. 23.04.2017. URL: <https://www.kp.ru/daily/26670.5/3692238/>(дата обращения 19.12.2019).

26. Рябова Т.Б. «Они же дети?» Семантика символа детства в дискурсе протестного движения современной России / Рябова Т.Б. В книге: Символ детства в политике: от холодной войны к современности. тезисы научной конференции, 2019, - С. 66-69.

27. Митинги – тестовый вариант готовности вывести молодежь на улицы. Русская народная линия. 29.03.2017. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2017/03/29/mitingi_testovyj_variant_gotvnosti_vyvesti_molodezh_na_ulicy (дата обращения 19.12.2019); Генеральная репетиция Майдана? Царьград, 27.03.2017. URL: https://tsargrad.tv/articles/generalnaja-repeticija-majdana_55498 (дата обращения 19.12.2019).

28. Шевелева Ю. К столетию революции в России. 26.04.2017. URL: http://ruskline.ru/analitika/2017/04/27/k_stoletiyu_revoljucii_v_rossii/ (дата обращения 19.12.2019).

УДК: 159.9

ТРАНСФОРМАЦИИ В ГЕНДЕРНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ КАК ОСНОВАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Ключко Ольга Ивановна,
доктор философских наук, доцент,
профессор департамента психологии,
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
г. Москва

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования содержания гендерной ментальности российской учащейся молодежи, которое зафиксировало противоречивую смесь традиционных и эгалитарных норм и представлений у юношей и

девушек, ориентацию на партнерские отношения и, одновременно, высокий уровень критичности, недоверия и конфликтности в гендерных отношениях. Результаты дают основания для рефлексии реализуемой в российском образовании модели полоролевой социализации и разработки концепции полоролевой социализации в образовании.

Ключевые слова: гендерная ментальность, российская молодежь, студенты, школьники, гендерные отношения, модель полоролевой социализации.

Annotation. The article presents the results of an empirical study of the gender mentality of Russian student youth, showed a contradictory mixture of both egalitarian norms and ideas among boys and girls, an orientation towards partnerships and, at the same time, a high level of criticality, distrust and conflict in gender relations. The results provide grounds for reflection on the model of gender socialization in Russian education and the concept of gender socialization in education.

Keywords: gender mentality, Russian youth, students, schoolchildren, gender relations, model of gender socialization.

Постановка проблемы. Изменения в менталитете современной молодежи – предмет междисциплинарного исследования, однако для педагогов школ и преподавателей колледжей и вузов данная проблема является профессиональным вызовом, поскольку заставляет менять не только методические приемы педагогической деятельности, но и концептуальные основания образования. Изучение поколения 2000-х, которое уже пришло в колледжи и вузы, и в описании которого используется разнообразная терминология – «поколение Z» или так называемые «снежинки», фиксирует в качестве его характерных особенностей высокий темп восприятия информации при высокой переключаемости, приверженность здоровому образу жизни и образовательной мобильности, гиперчувствительность и обидчивость, завышенный уровень материальных ожиданий, недопустимость любой агрессии и насилия, ориентация на справедливость как основу принятия любых социальных решений [5].

Фундаментальной трансформацией 20 века являются изменения гендерных отношений в современном обществе, так называемые гендерные революции, в терминологии И.С. Кона, которые он описал как триединство сексуальной, гендерной и семейной революций. Начиная с 1960-х годов, вместе с ослаблением внешнего контроля за сексуальным поведением и появлением эффективной контрацепции произошло снижение возраста сексуального дебюта, рост числа до- и внебрачных связей, то есть отделение сексуальности от репродукции. Уменьшение гендерной сегрегации в образовании совместно с ростом потребности в людях массовых профессий привело к ослаблению асимметрии мужских и женских социальных, в том числе профессиональных ролей, как следствие, лишь немногие сферы жизни можно в настоящий момент назвать только мужскими или только женскими. Не смотря на более значительную выраженность изменений у женщин, уже сейчас большинство психологических черт и свойств человека считаются гендерно-нейтральными, а не полотипичными [4].

Большинство законодательных инициатив – закон «Об образовании», федеральные образовательные стандарты, Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 апеллируют к развитию личности молодежи, ее самостоятельности, гражданственности, инициативности, однако большая часть этих документов игнорирует произошедшие изменения в гендерной ментальности молодежи. Целью данной статьи является систематизация изменений в гендерной ментальности современной молодежи и обозначение основных направлений изменений в образовании, которые назрели в связи с данными изменениями.

Основной материал исследования. Для обозначения совокупности представлений о мужском и женском, установок и норм поведения людей на основании их половой принадлежности мы используем термин гендерная ментальность, содержание которой в настоящее время интенсивно изменяется. В исследовании гендерной ментальности находит свою реализацию концепция гендерных норм И.С. Клециной и Е.В. Иоффе, которая фиксируют традиционалистские и эгалитарные гендерные нормы как разновидности социальных норм, чья основная функция связана с регуляцией поведения мужчин и женщин.

Гендерные нормы – это правила, образцы поведения, стандарты деятельности мужчин и женщин как членов общества и представителей разных социальных групп. Гендерные нормы не являются простым отображением реального положения вещей, они фиксируют стандарты поведения для юношей и девушек. В настоящее время отмечается тенденция к сближению и взаимозаменяемости ролей и статусных позиций мужчин и женщин, что соответствует современным эгалитарным гендерным нормам [2].

В 2018-2019 годах коллективом исследователей (Е.В. Иоффе, М.А. Ерофеевой, О.И. Ключко, Е.В. Самосадовой, Н.Ф. Сухаревой, А.А. Чекалиной, Л.В. Штылевой) был реализовано всероссийское исследование гендерной ментальности российской молодежи, в котором приняли участие 1200 человек – старшие школьники и студенты вузов российских мегаполисов – Москвы и Санкт-Петербурга, а также городов России – Саранска, Коломна, Балашова, Волгограда, Новосибирска. В ходе исследования использовались:

- тесты-опросники «Нормы мужского поведения» и «Нормы женского поведения» (И.С. Клецина, Е.В. Иоффе); «Гендерные нормы в сфере сексуальных отношений» (Е.В. Иоффе); «Нормативные установки в сфере супружеских отношений» (Е.В. Иоффе, И.С. Клецина);

- проективные методики «Гендерная метафора» для изучения гендерных идеалов и образов (О.И. Ключко); «Незаконченное предложение» для изучения установок молодежи в семейной жизни (Н.Ф. Сухарева), структурированное сочинение, метод фокус-групп;

- анкеты «Что я думаю о мужском и женском в образовании?» для школьников и педагогов (Л.В. Штылева); «Результаты гендерной социализации» (О.И. Ключко, Л.В. Штылева) для младших школьников;

- опросники «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности» О.Г. Лопуховой (адаптация методики С. Бем); «Гендерное самосознание» А.А. Чекалиной [1].

В результате эмпирического исследования были выявлены следующие характерные особенности гендерной ментальности российской молодежи:

- в представлениях юношей и девушек перемежаются традиционные и эгалитарные взгляды на идеалы гендерных отношений, феминности и маскулинности, следует отметить, что более значительные изменения произошли в ментальности девушек. Именно они преимущественно являются носительницами эгалитарного (партнерского) мировоззрения;

- широко распространенные патриархатные взгляды старшеклассников на гендерные различия между полами в профессиях, содержании труда, женских и мужских ролях в семье и обществе свидетельствует об преимущественно традиционной гендерной социализации, прежде всего в семье и образовании, сложностях перехода к партнерской модели отношений между полами, актуальной в современном постиндустриальном обществе;

- традиционалистские установки в гендерных представлениях школьников и студентов способствуют сохранению гендерного разрыва между полами в STEM–образовании (science, technology, engineering, mathematics) и недостаточной профессиональной ориентации девушек на STEM–профессии;

- сохраняется существенная асимметрия с дефицитом у мальчиков ключевых навыков современности – функционального чтения и владения иностранными языками;

- к эгалитарным изменениям в гендерных представлениях учащейся молодежи можно отнести признание ими высокой ценности образования и профессиональной самореализации в жизни женщины, широкие познавательные интересы, ориентация на стратегию сочетания семейных и профессиональных обязанностей. Однако эта тенденция не находит достаточного подтверждения во взглядах юношей на более паритетное распределение домашних обязанностей между членами семьи, на равноценное участие мужчин в уходе за детьми, их воспитании и развитии;

- среди девушек приоритетными ценностями остаются замужество и деторождение, что противоречит заявлениям современных алармистов, опасющихся, что высокий рейтинг ценностей образования и карьеры у молодых россиянок катастрофически скажется на их демографических стратегиях. Принципиальный вопрос заключается не в исключении семьи

или карьеры из планов девушек, а в условиях совмещения репродуктивных и карьерных планов.

Наше исследование зафиксировало некоторые трансформации в представлениях молодежи о семье:

1) принятие многообразия современных брачно-семейных отношений (например, значительное количество респондентов положительно рассматривают пробный брак или сожительство, как реальную возможность лучше узнать своего будущего избранника / избранницу) и в то же время критическое отношение к определенным формам брака (например, полигамии, гостевому и открытому браку);

2) изменение представлений о функциях семьи (например, репродуктивная функция в представлениях юношей и девушек не является первоочередной и обязательной в семье, растет важность психологической и восстановительной функции);

3) возрастание роли и значения личностного потенциала в семейных отношениях, переориентация на нормы партнерской/эгалитарной семьи (молодежь выступает против жестких правил и ограничений, связанных с выполнением семейных обязанностей и функций), в то же время значительная часть юношей и девушек, живущих в провинции и воспитывающихся в детском возрасте в сельской местности, склоняются к традиционной модели семейного уклада.

Большинство юношей и девушек демонстрируют высокий уровень осознания происходящих в обществе изменений гендерных ролей и качеств мужчин и женщин и отмечают следующее:

- частичное стирание психологических особенностей представителей женского и мужского пола, тенденцию отрыва от традиционалистской модели брачно-семейных отношений в ролевом поведении супругов в виде жесткого разделения ролей и функций в семье;

- добрачный сексуальный опыт современных молодых людей и более позднее создание семьи и рождение детей (после продвижения по карьерной лестнице), нежели это происходило во времена молодости их родителей и бабушек/дедушек;

- значительное количество одно- и двухдетных семей, состоящих из двух поколений – родителей и детей, широкое распространение сожительства и рождения детей вне официальной регистрации брака.

В то же время типичными для российского общества проблемами принявшие участие в исследовании юноши и девушки называют высокий уровень гомофобии, искусственно насаждаемый страх феминизма и полового просвещения, редкие ситуации обсуждения значимых для молодежи вопросов в школах и вузах, что подтверждается данными других авторов [6; 7], не смотря на значительное число материалов в средствах массовой информации на гендерную тематику. Школьники и студенты отмечают одностороннюю подачу материала, назидательный, скандальный или пугающий тон дебатов на гендерные темы, медикализацию гендерных проблем или сведение их к сексуальным.

В подтверждение данных проблем в ходе изучения гендерной ментальности старших школьников и студентов мы неоднократно сталкивались как с нежеланием или прямым запретом администрации школ и вузов обсуждения гендерной проблематики с учащимися, иногда и с возмущением родителей, несмотря на выраженный интерес молодежи к гендерной проблематике и запрос на гендерное образование. К примеру, элективный модуль «Теория и практика гендерного подхода в образовании», состоящий из дисциплин «Гендерная психология», «Психология сексуальности», «Актуальные проблемы гендерного воспитания», который ежегодно выбирают более двухсот студентов Московского городского педагогического университета.

Выводы. Таким образом, в исследовании зафиксированы серьезные трансформации гендерной ментальности российской молодежи; основные изменения соответствуют мировому тренду и движутся в направлении от традиционной патриархатной модели гендерных отношений к партнерско-эгалитарной. Множественные дефициты и

конфликтность гендерных отношениях свидетельствуют о незавершенности гендерной революции в России и необходимости активного включения образования в данный процесс. Стоит напомнить, что за более чем 30-летнюю историю гендерных исследований и гендерного образования в России решены многие задачи. Если приоритетами конца XX века были легитимация обсуждения гендерных проблем, формирование понятийного аппарата для обозначенных проблем, экспертиза содержания образования всех уровней, широкое гендерное просвещение, то в настоящее время необходимо включение гендерной проблематики в подготовку педагогов, психологов, руководителей образования, преодоление «мифологии» гендерного подхода и негативно-стереотипного отношения к феминизму, разработка программ и методических рекомендаций по реализации гендерного подхода для каждого уровня образования – дошкольного, школьного, профессионального, в том числе разработка концепции и методики сексуального просвещения как компонента формирования здорового образа жизни, что является одной из наиболее болезненных для отечественного образования проблем на фоне фактической эпидемии ВИЧ и заболеваний, передающихся половым путем [7].

Однако главным в настоящий момент является критическая рефлексия содержания реализуемой в отечественном образовании модели полоролевой социализации, которая преимущественно остается квазиэгалитарной с провозглашением уважения к личности и фактической реализацией типично патриархатной модели и даже возвратом к раздельному по полу обучению. В России сложились несколько научных и образовательных центров, разработки которых являются концептуальными и методическими основаниями для подобной рефлексии: Центр гендерных исследований Европейского гуманитарного университета (О.М. Здравомыслова, З.И. Хоткина); Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург (И.С.Клецина, Е.В.Иоффе); Центр гендерных исследований в Ивановском государственном университете (О.А. Хасбулатова, О.М. Шнырова); Московский городской педагогический университет (О.И. Ключко, А.А. Чекалина); Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (Л.В. Штылева); Российская ассоциация исследователей женской истории (РАИЖИ) (Н.Л. Пушкарева); Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Л.И. Столярчук); Удмуртский государственный университет (Н.Ю. Ерофеева). В то же время налицо сокращение курсов по гендерной проблематике в учебных планах педагогических направлений подготовки и повышении квалификации педагогов и психологов, что может свидетельствовать об «антигендерном повороте» в официальной российской идеологии. Таким образом, налицо противоречие между реальными изменениями гендерной ментальности молодежи, ее запросом на обсуждение гендерных проблем и отсутствием концепции полоролевой социализации в российском образовании, уходом от обсуждения острых вопросов, фактическим ограничением на изучение многих важных тем.

В шестой раз в МГПУ 10 апреля 2020 года прошла тематическая секция «Гендерные трансформации в ментальностях и социализации учащейся молодежи» в рамках всероссийской конференции «Ребенок в образовательном пространстве мегаполиса», и почти в каждой статье представлены данные о сдвигах в содержании разных компонентов гендерной ментальности – установках, нормах, представлениях, ценностях. Ограничения по передвижению и самоизоляция в ситуации пандемии в 2020 году проявили и обострили многие проблемы, в которых гендерный аспект является ключевым – кризис идентичности, межличностные и производственные конфликты, домашнее и сексуальное насилие в ситуации длительного совместного нахождения; ограничение ряда медицинских услуг, в частности аборт; агрессия в средствах массовой информации и социальных сетях; дефицит ресурсов на самое необходимое – питание, лечение, образование; рост нагрузки по ведению домашнего хозяйства, помощи детям в обучении и многое другое.

Потребность в изменениях педагогической культуры и модели полоролевой социализации в образовании, безусловно, связаны с гендерной политикой государства и общества, теми ценностями и идеалами гендерных отношений, которые оно транслирует и

поддерживает. Как показывает опыт стран, имеющих высокий индекс гендерного равенства (Исландия, Швеция, Финляндия, Канада), для принятия обществом партнерских моделей отношений необходимы широкие дискуссии, рефлексия существующего положения и разнообразные формы социальной поддержки, прежде всего, в образовании как ведущем институте социализации.

Литература

1. Методы исследования гендерной ментальности и социализации личности: учебно-методическое пособие / М.А. Ерофеева, Е.В. Иоффе, О.И. Ключко, Е.В. Самосадова, Н.Ф. Сухарева, А.А. Чекалина, Л.В. Штылева / под общ. ред. О.И. Ключко. – СПб.: НИЦ АРТ, 2019. – 182 с.
2. Клецина И.С., Иоффе Е.В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен: монография. – М.: Проспект, 2019. – 144 с.
3. Ключко О.И. Гендерные трансформации в представлениях российской студенческой молодежи / Иоффе Е.В., Ерофеева М.А., Ключко О.И., Чекалина А.А., Сухарева Н.Ф., Самосадова Е.В. // Женщина в российском обществе. – 2020. – № 1. – С.55-69. DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.5
4. Кон И.С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Постклассические гендерные исследования: коллективная монография /отв. редактор Н.Х. Орлова. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2011. – С.8-32.
5. Радаев В. Миллениалы: Как меняется российское общество. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 224 с.
6. Ролдугина И. Российская гомофобия: история производства // Colta. Электронный ресурс: <https://www.colta.ru/articles/raznoglasiya/12008-rossiyskaya-gomofobiya-istoriya-proizvodstva> Дата доступа 02.07.2020.
7. Штылева Л.В. Гендерная социализация в образовании: теория, история и современная практика: монография / ФБГНУ ИИДСВ РАО. – СПб.: НИЦ-АРТ, 2017. – 524 с.

УДК: 343.9

КИБЕРДЕВИАНТНОСТЬ МИЛЛЕНИАЛОВ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Комлев Юрий Юрьевич,
доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии
ФГК ОУ ВО «Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
г. Казань

Аннотация. В статье описаны феномены и причины кибердевиантности миллениалов с позиций цифровой девиантологии. Для обоснования путей противодействия кибердевиантности молодежи использованы методы контент-анализа и фокус-групп.

Ключевые слова: цифровизация, сетевизация, киберпреступность, кибердевиантность, цифровая девиантология, миллениалы.

Annotation. The article describes the phenomena and reasons for the cyberdeviance of millennials from the standpoint of digital deviantology. Methods of content analysis and focus groups were used to substantiate the ways of counteracting the cyber deviance of young people.

Keywords: digitalization, networkization, cybercrime, cyberdeviance, digital deviantology, millennials.

Постановка проблемы. Кибердевиантность в среде миллениалов – одно из негативных последствий технологического сдвига, разрыва поколений и развития глобальных процессов цифровизации и сетевизации современного мира. Отсюда на фоне недостаточности знаний о феноменологии, путях противодействия нарастающей кибердевиантности подростков и молодежи возникает необходимость в их осмыслении с теоретико-методологических позиций цифровой девиантологии.

Целью статьи является обобщение материалов в российских и зарубежных источниках по вопросам кибердевиантности миллениалов с эмпирическим анализом материалов фокус-групповых дискуссий в студенческой среде и обоснованием предложений по противодействию ее вызовам.

Изложение основного материала исследования. В мировой науке о девиациях последних десятилетий сформировалось предметное поле цифровой девиантологии, которое лежит на пересечении криминологии, социологии, юриспруденции, психологии, педагогики семиотики, теории масс-медиа и других наук, в том числе математических. Разумеется, терминология в этой области исследований еще не устоялась. Отсюда кибердевиантность, киберпреступность – чрезвычайно дискуссионные термины, которые активно обсуждаются в работах зарубежных и отечественных исследователей (Д. Лаптон, Д. Фаррелл, Дж. Петерсон М. Карриган, Э. Хэад, Х. Дэвис, П. Грабоски, Ш. Браун, М. Яра, К. Хейворд, М. Уильямс, П. Бернап, Г. Стрэттон, А. Пауэл, Р. Кэмерон, М. Айкен, Ф. Амман, Я. Гишинский, Я. Костюковский, Д. Карпова, С. Бондаренко, Ю. Комлев, В. Номоконов, Т. Тропина, Э. Кочкина и другие).

С точки зрения цифровой девиантологии кибердевиантность можно определить как множество проявлений девиантного поведения в киберпространстве Интернета, состоящих в нарушении социальных норм с использованием компьютеров, цифровых технологий, обращенных против компьютерных систем, социальных сетей и их пользователей. Естественно, что ученых и практиков больше интересует феноменология негативной кибердевиантности, ее лично и общественно опасные проявления, причины и пути противодействия.

Цифровая девиантология разрабатывает этот круг вопросов и вводит в научный оборот не только новые понятия, но и переопределяет границы, как теории, так и исследовательской практики при изучении кибердевиантности и, особенно, киберпреступности. На начальном этапе цифровизации в конце XX и в первые годы XXI века интерес исследователей был преимущественно обращен к киберпреступлениям, «сфокусированным на компьютере», таким как взломы операционных систем, похищение программных продуктов, несанкционированный доступ к компьютерам.

В настоящее время, с развитием цифровизации и сетевизации, у киберпреступников появилось значительно больше возможностей для совершения online-преступлений и девиаций, прежде всего, в отношении многочисленных частных пользователей Интернета. Они подвергаются атакам с помощью вирусов-шифровальщиков и вредоносных программ с целью вымогательства, мошенничества, кибербуллинга. В 2019-2020 годы кибердевианты стали чаще нападать на интернет-торговлю (онлайн-магазины) и облачные сервисы, перешли на Интернет «умных» вещей, а в связи с пандемией и на сферу цифрового здравоохранения. При этом как старые, так и новые феномены кибердевиантности получили весьма широкое распространение в подростково-молодежной среде.

Теоретики цифровой девиантологии опираются на интегративный подход – объединение непротиворечивых положений теорий сетевого и цифрового общества, девиантологических теорий, созданных в рамках, как неопозитивизма, так и постпозитивизма. В частности, Г. Страттон, А. Пауэлл, Р. Кэмерон процесс цифровизации интерпретируют как совмещение цифрового и социального, а кибердевиантность как техносциальные практики в цифровом мире [1]. Интегративная исследовательская платформа позволяет использовать методологическую триангуляцию, включающую методы бесконтактных опросов, фокус группы, дискурсивный анализ, контент-анализ цифровой, текстовой и видеоинформации,

вычислительные алгоритмы для обработки структурированных и неструктурированных «больших данных» [2].

В данной работе с позиций цифровой девиантологии отражены предварительные результаты изучения кибердевиантных практик миллениалов – молодых людей, рожденных на рубеже XXI века. Обобщения опираются на материалы фокус-групповых дискуссий в студенческой среде и контент-анализ отечественных и англоязычных источников по проблемам молодежной кибердевиантности.

В работе В.В. Радаева «Миллениалы на фоне предшествующих поколений» показано, что миллениалы существенно отличаются от других поколений молодежи по ценностным ориентациям (существенно менее религиозны и более других возрастных групп удовлетворены жизнью). Обращает внимание на себя резкое снижение алкоголизации в этой возрастной группе (на 25%). Потребление спиртных напитков среди миллениалов минимальное по сравнению с предыдущими поколениями молодежи (60-х, 70-х, 80-х, 90-х годов прошлого века) [3].

При этом существенной отличительной особенностью «продвинутых» миллениалов в мегаполисах, средних и малых городах и даже сельской периферии является повальная вовлеченность в мир новых возможностей, которые открыли третья и четвертая технологические революции. Так, многие из них традиционным молодежным тусовкам предпочитают общение в чатах, в социальных сетях. В виртуальном мире электронных симуляций проходит значительная часть времени этих молодых людей по сравнению с другими возрастными когортами. Там они удовлетворяют свои потребности в общении, в учебе, в шопинге, в работе, в играх и иных удовольствиях.

В фокус-групповых дискуссиях со студентами предметное поле исследования было ограничено феноменологией кибердевиантности миллениалов, поскольку средний возраст киберпреступников, по оценкам экспертов, составляет 17-18 лет. Оказалось, что в силу «скользящей морали» многие из миллениалов не считают для себя проблемой нарушение социальных, в том числе правовых норм, если это сулит выгоду или удовольствие в анонимной среде киберпространства. Нет и негативного отношения к использованию пиратского или нелегального программного обеспечения и хакерам, которые «взламывают» защиту баз данных.

В механизме вовлечения в киберпреступность участниками дискуссий были обозначены факторы низкого самоконтроля, дефектов социализации, негативного влияния участников сетевого общения, гэмблинг-зависимости, отсутствия родительского контроля. В этих условиях подросток или юноша ради материального «выигрыша» нередко готов пойти на сделку с совестью. О влиянии проблемной социализации на кибердевиантность свидетельствуют и исследования зарубежных криминологов. В них подчеркивается, что молодые люди, набравшие более низкие баллы по шкале самоконтроля, в большей степени связаны не только с преступным поведением, но и с киберпреступностью [4]. В соответствии с теорией нейтрализации Г. Сайкса и Д. Матзы многие подростки и молодые люди «рационализируют» и оправдывают свои девиантные поступки в Интернете. Они отрицают ответственность и минимизируют вред при существенной материальной выгоде или удовлетворенном тщеславии. Участники фокус-групп считают, что на начальном этапе девиантной карьеры хакера получение несанкционированного доступа к компьютерной сети, так называемый «взлом», не больше, чем хулиганство, обусловленное желанием покуражиться, сделать то, что не могут другие. Более резкие высказывания касались кибермошенничества (фишинга), приобретения наркотиков в сети, кибертерроризма и кибербуллинга. Однако, во всех перечисленных выше проявлениях сетевой девиантности нельзя говорить о преступности без жертв, что предполагает достаточно серьезную правовую оценку.

Важный вывод из обсуждения состоит в том, что вовлечению в кибердевиантность способствует не только отсутствие самоконтроля, но и внешнего контроля за хакерским контентом в Интернете – это еще одна важная предпосылка для криминальных экспериментов

в киберпространстве. Так, о наличии в Интернете пошаговых инструкций о том, как получить доступ к компьютерам, украсть пароли или использовать другие хакерские инструменты с иллюстрацией в видеоиграх сообщили некоторые участники обсуждения. Оказалось, что для совершения киберпреступления необходимы лишь минимальные навыки в использовании компьютеров и программного обеспечения. В этом плане показательны примеры из жизни подростков-миллениалов. В 2014 году 13-летний Ван Чжэньян, которого окрестили «китайским вундеркиндом», взломал школьную компьютерную систему, чтобы получить ответы на свои домашние задания. В другом случае британский подросток 13 лет, который работал «хакером по найму», организовал кибератаки на глобальные учреждения из своей спальни.

Следовательно, не нужно жить и социализироваться в криминальной среде, чтобы быть вовлеченным в кибердевиантность и киберпреступность. Киберпреступником может стать любой подросток с внешне вполне пристойным, конформным поведением.

Молодые люди хорошо осознают, что технологический прогресс опережает дистрибутивное уголовное законодательство и практики его применения. Распространение кибердевиантности и киберпреступности они объясняют еще и тем, что риски наказания за нарушения закона минимальны. Неслучайно студенты–юристы, участники фокус-групп, обратили внимание на то, что в киберпространстве практически «не работает неотвратимость наказания» как классический принцип уголовного права.

Киберэксперименты миллениалов во многом продукт всплеска импульсивности и желания подростков повысить самооценку, утвердиться с помощью рискованного поведения в глазах сверстников, прослыть «крутыми парнями».

По итогам дискуссий можно сделать вывод, что социотехнологические процессы цифровизации и сетевизации сдвигают девиантную активность миллениалов в киберпространство. С другой стороны и статистика правоохранительных органов свидетельствует о неуклонном снижении, начиная с 2007 года и по настоящее время, уровня регистрируемой преступности (на 100 тыс. человек населения) в России, в том числе «уличной» преступности среди подростков и молодежи.

Наряду с криминальным аспектом в дискуссии была обозначена проблема смартфон-аддикции, как негативная девиантность, состоящая в зависимом поведении молодых людей от мобильных устройств. Стало меньше алкогольной зависимости, но, увы, больше смартфон-аддикции. Многие из участников дискуссий не могут представить себе свою жизнь без мобильных устройств, доступа к Интернету или социальным сетям. Из типичной реплики студента: «Мой айфон всегда со мной, не представляю, как жить без него...». Большая часть времени миллениала расходуется на посещение сайтов, общение, игры. Смартфон-аддикция – новый тип современной высокотехнологичной девиантности.

Обсуждение темы кибердевиантности со студентами вышло за пределы обозначенного круга вопросов и коснулось виктимизации подростков и молодых людей в значении контактов в Интернете с материалами, содержащими дискриминационный, насильственный или сексуальный характер. Впрочем, эта проблематика может составить предмет специального интернет-исследования.

Выводы. Обычно криминологи обращают внимание на две стратегии в профилактике кибердевиантности и киберпреступности среди подростков и молодежи – миллениалов. Они состоят в совершенствовании и усилении внешнего социального контроля, или в развитии путем социализации внутреннего социального контроля. Очевидно, необходимо осуществлять и то и другое. Обобщая материалы исследований и публикаций на эту тему в открытом доступе, в частности фундаментальной работы «Youth Pathways into Cybercrime» (2016) [5], можно следующим образом структурировать предварительные выводы и предложения применительно к российским условиям:

1. Среди миллениалов, вовлеченных в кибердевиантность, много хорошо продвинутых в современные информационные технологии молодых людей, которые не видят для себя легальных возможностей по удовлетворению своих растущих потребностей и амбиций.

Отсюда эффективность внешнего сдерживания зависит, если пользоваться терминологией Ф.И. Ная, социальным контролем посредством «законного удовлетворения потребностей». В этом случае альтернативой киберпреступности для потенциального хакера может быть учеба, а затем престижная и высокооплачиваемая работа в сфере кибербезопасности и ИТ-технологий.

2. Кибердевиантность и киберпреступность могут затронуть любого подростка или молодого человека из любой социальной среды. Многие родители убеждены в том, что если дочь или сын дома играют на компьютере, то они в безопасности и нет причин для беспокойства. Но это не так. На уровне семьи, родителей чрезвычайно важен плотный неформальный социальный контроль за тем, сколько времени и где в Интернете проводит подросток. Родители должны играть ключевую роль в ежедневном мониторинге активности детей в Интернете, чтобы защищать их, рассказывать о девиантных проступках и рисках кибервиктимизации.

3. Развитие самоконтроля. Социализация в цифровом мире приобретает особое значение, поскольку формирующаяся личность должна своевременно интериоризировать общепринятые нравственные, а также правовые нормы, осознавать собственную ответственность за девиантное поведение в сети, которые блокируют риски кибердевиантности и виктимизации.

4. На уровне школы, правоохранительных органов весьма важно правовое просвещение. Подростки и молодые люди должны знать о последствиях криминальных экспериментов в киберпространстве. Поскольку привлечение к суду может повлиять на образование, испортить жизнь и карьеру. Эти методики не новы, они, по сути, аналогичны тем, что используются в случае антинаркотического или антиалкогольного просвещения.

5. Между миллениалами и их родителями, учителями быстро нарастает «технологический разрыв». Молодые более восприимчивы к цифровым инновациям. Отсюда необходима консультационная помощь и родителям, и учителям, чтобы те могли распознать девиантную активность в Интернете своих подопечных еще на ранних стадиях.

6. В семье и школе необходимо обратить внимание на ограничение доступа к запрещенному контенту и установку более безопасного Интернета.

7. Органам внутренних дел в целях профилактики необходимо осмыслить и реализовать опыт организации практик веб-констебля, которые касаются полицейской деятельности в киберпространстве. Такие онлайн-программы нацелены на профилактику кибердевиантности миллениалов, повышение их осведомленности о рисках и последствиях противоправного поведения в Интернете, содержат общие рекомендации по кибербезопасности.

Литература

1. Stratton G, Powell A and Cameron R (2017) Crime and Justice in Digital Society: Towards a 'Digital Criminology' // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy 6(2):17-33. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.digitalcommons.wcl.american.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1233&context=facschlawrev>. (дата обращения: 28. 10. 2019)

2. Комлев Ю.Ю. Цифровизация, сетевизация общества постмодерна и развитие цифровой криминологии и девиантологии // Вестник КЮИ МВД России, 2020, №1.

3. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theoryandpractice.ru/videos/1255-vadim-radaev-millenary-na-fone-predshestvuyushchikh-pokoleniy>. (дата обращения: 28. 10. 2019)

4. Teens and Cybercrime: the reasons behind it. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.buguroo.com/en/blog/teens-and-cyberdelinquency-the-impact-of-low-online-self-control> (дата обращения: 24. 08. 2020)

5. Youth Pathways into Cybercrime. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mdx.ac.uk/_data/assets/pdf_file/0025/245554/Pathways-White-Paper.pdf (дата обращения: 24. 08. 2020)

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ
КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ
ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, НА СЕМЕЙНОЕ ВОСПИТАНИЕ**

Кренева Юлия Анатолиевна,
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии управления
и юридической психологии
Академии психологии и педагогики
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»,
г. Ростов-на-Дону;
Верещагина Елена Сергеевна,
магистр психологии,
педагог-психолог ГКУСО РО Ростовского центра
помощи детям № 10,
г. Ростов-на-Дону

Аннотация. В статье приводятся основные характеристики приёмных и замещающих семей, раскрывается их роль в воспитании здорового поколения, даётся социально-психологическая характеристика категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Также в статье раскрывается понятие «ресурсности» приёмной семьи, даётся представление об организации социально-психологического сопровождения приёмных семей в Центрах помощи детям, приводится пример такой работы, осуществляемой на базе ГКУСО РО Ростовского центра помощи детям №10. Приёмные семьи рассматриваются как один из ключевых элементов профилактики девиантного поведения детей и подростков, а также – снижения уровня подростковой преступности.

Ключевые слова: дети-сироты, оставшиеся без попечения родителей, Центры помощи детям, приёмные семьи, ресурсность.

Annotation. Annotation. The article presents the main characteristics of foster and replacement families, reveals their role in the upbringing of a healthy generation, and gives a socio-psychological characteristic of the category of orphans and children left without parental care. The article also reveals the concept of "resourcing" of the foster family, gives an idea of the organization of socio-psychological support for foster families in Child Care Centers, provides an example of such work carried out on the basis of the Rostov children's aid center No. 10. Foster families are considered as one of the key elements of preventing deviant behavior of children and adolescents, as well as reducing the level of juvenile delinquency.

Keywords: orphans left without parental care, Child Assistance Centers, foster families, resource.

Постановка проблемы.

Актуальность исследования социально-психологических аспектов реализации конституционного права ребенка, в силу различных оставшегося без попечения родителей, на воспитание в семье, достаточно высока в современных российских реалиях.

Сиротство, особенно социальное сиротство – одна из тех проблем, которые жизненно необходимо решать как можно более эффективно в любом обществе, поскольку дети, перенимая смыслы, жизненные ценности, установки, правила поведения у взрослых, могут пойти как по пути социализации и самореализации, обеспечивая процветание и благополучие этого общества, так и по пути криминализации и деградации. Очень важно на этапе взросления дать ребёнку максимум тепла, любви, заботы, внимания и направить его энергию в русло

созидания, а не разрушения, что становится возможным только в любящей семье. Наглядный положительный пример родителей во многих сферах повседневной жизни, крепость семейных уз и связей, опыт совместного проживания – это лишь немногие из тех ресурсов, которые впитывает ребенок, являясь частью функциональной, здоровой семьи. Становясь полноценным членом общества, по достижению 18 лет, молодой человек начинает строить свою собственную жизнь, опираясь на идеалы, заложенные родителями, при этом часто повторяя их жизненный сценарий.

Дети, не имеющие, по каким-либо причинам, родительской опеки, превентивно подвержены возможной социализации по криминальному типу. Попадая на улицу, связываясь с сомнительными компаниями, они легко могут стать добычей наркоторговцев и других асоциальных элементов. Государственные учреждения, как бы их сотрудники ни старались, в силу своей специфики, не всегда могут обеспечить стопроцентный круглосуточный контроль ребёнка, его времяпрепровождения, круга общения. И самое главное – государственные учреждения не способны дать того, что может дать ребёнку семья: любовь, заботу, ресурсы для самореализации, пример для подражания и др. Для ребёнка очень важно иметь перед глазами образцы функциональных, ресурсных взаимоотношений в семье: супружеских, детско-родительских, межпоколенных.

Таким образом, от качества воспитания в родительской (родной, приёмной, патронажной) семье, от заложенных в детстве моральных принципов и основ духовного воспитания, напрямую зависит будущее ребенка и, соответственно, будущее нашего общества.

Многочисленные исследования последних лет, а также статистика развития выпускников государственных учреждений, подтверждает сложности процессов социализации и успешной адаптации последних. Дети родителей, в силу различных причин неспособных выполнять своих родительских обязательств, оказываются в учреждениях для детей-сирот. Их воспитанием занимается педагогический коллектив, который состоит из профессиональных педагогов и наставников. Но, какими бы высококвалифицированными специалистами ни были воспитатели, они, тем не менее, не смогут заменить ребенку родителей. То же самое можно отнести к учреждению для детей –сирот: техническое и материальное оснащение не заменят ребенку-сироте защищенности и уюта родительского дома.

На сегодняшний день приоритетным направлением социальной политики нашей страны является полная реструктуризация детских домов, превращение их в учреждения семейного типа, а также перенаправление деятельности подобных учреждений с обеспечения содержания детей-сирот на передачу большинства воспитанников в замещающие (приемные) семьи.

Целью статьи является исследование практической реализации в Российской Федерации и в Ростовской области конституционного права детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей на семейное воспитание, а также описание наиболее удачных технологий социально-психологического сопровождения приёмных семей на всех этапах устройства ребёнка на семейное воспитание.

Изложение основного материала исследования.

Результаты проведённого теоретического анализа специализированной научной литературы, посвящённой изучению вопроса устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в приемные семьи, а также тех психологических и социальных проблем, с которыми сталкиваются как приёмные родители, так и их подопечные, позволил выявить следующие аспекты, требующие внимания специалистов.

Нужно сказать, что дети, относящиеся к категории «оставшихся без попечения родителей», определяемой в Российском законодательстве как «лица, в возрасте до 18 лет, которые остались без попечения одного или обоих родителей по причине их смерти, лишения родительских прав (ограничения в родительских правах), отбывания наказания в местах лишения свободы, признания их без вести пропавшими, нахождения их под следствием, а также если родитель или оба неизвестны» [7], обладают специфическими личностными

особенностями. Это такие особенности, как личностная депривация, проявляющаяся в различных сферах психической жизни как следствие лишений; отставание в развитии социального и эмоционального интеллекта, проявляющееся в сложности налаживания социальных контактов, а также – в отсутствии эмпатии, притупленности чувств, проблемами с выражением своих и распознаванием чужих эмоций; привычка полагаться на помощь взрослых в различных ситуациях, даже тех, в которых они сами могли бы справиться; инфантильная позиция; отсутствие профессионального самоопределения; отсутствие положительного опыта жизни в семье; иждивенчество и др. Дети, находящиеся в детских учреждениях, привыкают быть «последним звеном социальной цепочки», плохо разбираются в социальных ситуациях, в вопросах материальной собственности, зачастую не чувствуют своих и чужих личных границ, что может приводить в асоциальному поведению (драки, воровство и др.), часто у этих детей наблюдается заниженная самооценка, компенсируемая её завышением (заносчивость, высокомерие и т.д.) [1, 2, 5].

В нормативно-правовой базе, законодательно регламентирующей порядок устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в приёмные семьи, определен порядок действий, предписывающий организациям, предназначенным для содержания детей, относящихся к указанным категориям, статус временного места их пребывания, из которого воспитанники, не достигшие возраста 14 лет, передаются под опеку приёмным родителям, а над подростками в возрасте от 14 до 18 лет устанавливается попечительство, причём, при установлении опеки над ребёнком, не достигшим десятилетнего возраста, необходимо получение его на то согласия. Кроме того, Семейным кодексом РФ чётко определены требования к гражданам, желающим взять под опеку или усыновить (удочерить) ребенка. Так, приёмные родители должны являться гражданами Российской Федерации, быть психически здоровыми, они не должны иметь судимостей, лишений родительских прав и в обязательном порядке пройти «школу приёмных родителей (далее – ШПР) [6], в которой в течение двух месяцев будущие приёмные родители проходят психологическую, медицинскую и юридическую подготовку, а по окончании занятий сдают экзамен, дающий представление о качестве их теоретической подготовки, мотивах принятия детей под опеку, а также включает в себя психологическое тестирование, дающее представление об их личностных, характерологических и эмоционально-волевых особенностях [4].

Специалисты, осуществляющие обучение приёмных родителей в ШПР, также оценивают ресурсность приёмных семей, сильные и слабые стороны кандидатов в приёмные родители, дают рекомендации по оптимальной адаптации ребёнка в приёмной семье с учётом его возраста и других выявленных социально-психологических аспектов.

Для оценки ресурсности приёмной семьи, понимаемой как интегральный показатель таких её характеристик, как личностные особенности родителей, степень их личностной зрелости, самооценка и самоотношение, динамика развития детей (кровных и приёмных), эмоциональный климат, согласованность мотивации супругов при приёме нового ребёнка в семью, отношение к факту появления нового члена семьи ближайшего окружения (расширенной семьи, близких друзей и т.д.), качество и стабильность супружеских отношений в паре, планирующей стать приёмными родителями, степень удовлетворённости каждым из супругов основными аспектами своей собственной жизни (семьёй, браком, карьерой и т.п.), семейные ценности и установки, способы и успешность совладания со стрессовыми ситуациями, качество глобального отношения будущих приёмных родителей к кровной семье будущего приёмного ребёнка, степень готовности приёмной семьи принимать помощь и поддержку от социальных служб и отношение к «вмешательству» органов опеки и попечительства в дела семьи, актуальное эмоциональное и функциональное состояние приёмных родителей на момент передачи им под опеку приёмного ребёнка, удовлетворённость детей пребыванием в данной семье (степень эмоциональной близости и общее эмоциональное состояние, адаптация детей в социальных учреждениях - школа, детский сад [2, 5]. При отсутствии детей в приёмной семье, ресурсность оценивается по

наличию у родителей опыта в воспитании других детей, особенно тех, у которых были выявлены проблемы в эмоциональной и поведенческих сферах.

Специалистами также выделен ряд ситуаций, когда приёмным родителям может быть рекомендовано повременить с включением ребёнка в семью. Это такие ситуации, как, например, переживание фазы острого горя по поводу потери собственного ребёнка, или если приёмный ребёнок, которого планирует взять под опеку пара, значительно старше других детей, воспитывающихся в семье, либо если прохождение родителями процесса адаптации к осознанию себя в качестве приёмных родителей ещё не завершён и т.п. [3].

Деятельность ГКУСО РО Ростовского центра помощи детям №10 (далее – Центр помощи детям) по содействию в реализации конституционного права ребенка жить в семье соотносится с общей социальной политикой нашего государства в отношении детей-сирот. Данная тенденция берет свое начало от постановления правительства РФ «О деятельности организаций для детей-сирот», подписанного в мае 2014 года, которое запустило масштабную реформу Детских домов. Именно после этого приоритетным стало проживание ребенка-сироты в семье, нежели в государственном социальном учреждении. Вместо бывших Детских домов появились Центры помощи детям, функции которых теперь можно свести к трем направлениям: воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; поддержка выпускников; помощь замещающим семьям, взявшим ребенка под опеку, либо оформившим попечительство, и приемным семьям.

Воспитание детей в Центре помощи детям осуществляется штатом сотрудников, при работе с детьми, проживающими в центре помощи детям. Специалистами Центра помощи детям осуществляются различные программы, способствующие поддержанию оптимального эмоционального состояния воспитанников и максимально лёгкой и успешной их адаптации в замещающих и приёмных семьях. Среди них программа по работе с детьми с ОВЗ, программа профилактики правонарушений и суицидального поведения, программа по семейному устройству «Азбука семьи» и др.

Для расширения круга поиска семьи ребенку Центр помощи детям устраивает различные мероприятия, на которых потенциальные приемные родители (опекуны или члены приемных семей) могут лучше узнать воспитанников. Так, в Центре помощи детям регулярно проводятся следующие мероприятия:

- «Ярмарка семейных традиций», которую, совместно с сотрудниками Центра помощи детям, помогают устраивать члены уже существующих приемных семей, проходящая в форме командообразующего тренинга;

- «Летняя выездная школа» (ЛВШ), длящаяся от 3 до 5 дней, проходящая в летний период с участием приглашённых специалистов (юристов, психологов, волонтеров, игротехников и др.), включающая в себя тренинги, круглые столы, выездные мероприятия и др.;

- «День матери», проводимый осенью, призванный способствовать повышению социальной значимости «материнства», в том числе «замещающего материнства» и приуроченный к празднованию в России аналогичного дня - праздничный концерт детей из замещающих семей и воспитанников, вручение памятных призов и дипломов являются неотъемлемыми атрибутами этого праздника;

- традиционное зимнее мероприятие «Новый год в кругу семьи», целью которого является популяризация семейного празднования Нового года для детей-сирот, здесь воспитанники Центра помощи детям устраивают концерт для приглашенных приемных семей, а потом в рамках гостевого режима расходятся в семьи для совместного празднования.

По запросам приёмные родители и дети могут получить в Центре помощи детям необходимые им консультации по социальным вопросам (получение документов, обращение в различные благотворительные фонды и т.д.), психологическую помощь, стать участниками групповых терапевтических занятий и социально-психологических тренингов для взрослых, подростков и детей, членами групп психологической поддержки, детям предоставляется возможность участия в занятиях развивающих психологических кружков и секций.

Выводы. Таким образом, реализация права ребёнка на семейное воспитание – это не просто выполнение социальных программ, предусмотренных законодательством. Помощь ребёнку в обретении любящей семьи и родителей, которые могут стать для него примером реализованности во всех жизненных сферах, дать образцы здоровых партнёрских и детско-родительских отношений, привить семейные ценности и дать путёвку в полноценную и наполненную смыслами жизнь, являются самой лучшей профилактикой девиантного поведения и подростковой преступности.

Центры помощи детям являются на сегодняшний день, как основными организаторами максимально эффективного пространства как для подготовки приёмных родителей к их важной миссии воспитания здорового и счастливого поколения, так и теми «заботливыми руками», которые бережно передают самое ценное, что есть у нас – судьбы наших детей – в любящие и ресурсные приёмные семьи, обеспечивая им поддержку и сопровождение в процессе адаптации к новой роли.

С учётом всего вышесказанного, необходимость проведения социально-психологической работы с приёмными семьями, направленной на повышение их ресурсности, на оказание помощи и поддержки в преодолении трудностей периода адаптации, а также нормализации взаимоотношений в периоды нормативных кризисов, как возрастных, так и системных семейных, не вызывает сомнения.

Литература

1. Дарижапова М.Н. Социально-психологические особенности детей-инвалидов, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. // В сборнике: Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития – Материалы второго этапа 13-й Международной конференции. Под научной редакцией Л.Н. Рулиене, И.А. Маланова, Н.А. Лобанова. – 2016. – С. 232-237.
2. Капилина (Пичугина), М.В., Панюшева, Т.Д. Приемный ребенок: жизненный путь, помощь и поддержка / М. В. Капилина (Пичугина), Т. Д. Панюшева. – 2-е изд. – М.: Никая, 2015. – 432 с.
3. Костюченко Е.В., Семчук Л.А., Варнер Е.С. Особенности копинг-стратегий в приемных семьях./ Е.В. Костюченко, Л.А. Семчук, Е.С. Варнер// Итальянская гуманитарная ассоциация PUER детство и семья XXI века: проблемы и стратегии психологической помощи и поддержки / Сборник материалов Международной научно-практической конференции Минск, БГПУ, 13-14 ноября, 2014.
4. Лаврентьева З.И. Приемная семья как социально – педагогический феномен: монография / З.И. Лаврентьева. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. – 218 с.
5. Ослон В.Н., Холмогорова А.Б. Замещающая профессиональная семья как одна из моделей решения проблемы сиротства в России. Вопросы психологии. – 2001. – №3. – С. 79-82.
6. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 г. № 223 – ФЗ (ред. 30.12.2015 г. № 457-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
7. Федеральный закон от 2 декабря 1996 г № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (ред. 03.07.2016 г. № 359-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 52. – Ст. 5880.

БОРЬБА С ПОТРЕБИТЕЛЬСКИМИ ДЕВИАЦИЯМИ СОВЕТСКИХ ПОДРОСТКОВ В 1960 – 1970-Е ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА»)¹

Кудряшёв Алексей Валериевич,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент Департамента педагогики
Института педагогики и психологии образования
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
г. Москва

Аннотация. В 1960–1980-е гг. существовал ряд зарубежной товаров, которые пользовалась в СССР повышенным спросом. Среди этих изделий особое внимание детей и подростков привлекали импортные жевательные резинки, майки с рисунками. В статье на основе интерпретации текстов газеты «Пионерская правда» предпринимается попытка проанализировать исторические корни порицаемого поведения части подрастающего поколения СССР 1960 – 1970-х гг., реконструировать сами процессы детской и подростковой потребительской девиантности. Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00890.

Ключевые слова: СССР, подростки, идеология, потребление, девиантное поведение, газета «Пионерская правда».

Annotation. In the 1960s and 1980s, there were several foreign products that were in high demand in the USSR. Among these products, special attention of children and teenagers was attracted by imported chewing gum, t-shirts with drawings. Based on the interpretation of the texts of the newspaper "Pionerskaya Pravda", the article attempts to analyze the historical roots of the reprehensible behavior of a part of the younger generation of the USSR in the 1960s – 1970s, to reconstruct the processes of child and adolescent consumer deviance. The research was carried out with the financial support of the RFBR, project no. 18-013-00890.

Keywords: USSR, teenagers, ideology, consumption, deviant behavior, newspaper "Pionerskaya Pravda".

Постановка проблемы. История повседневности – одна из популярных областей современного гуманитарного знания, ее изучение позволяет создать многомерную картину прошлого в ее противоречивости и целостности. Повседневная культура формируется под влиянием ведущей государственной культуры, официального дискурса. Свою роль в этом сыграли и средства массовой информации, в частности периодические издания.

Газета «Пионерская правда» была важным элементом системы коммунистического воспитания школьников в СССР. Редакция периодического издания стремилась сформировать у подростка принцип активного отношения к миру (не только наблюдать мир, но переделывать его), обусловленный причастностью читателя к пионерской организации. В материалах «Пионерской правды» отражались изменения в общественно-политической, социокультурной, бытовой сферах жизни советских людей.

В послесталинскую эпоху, с конца 1950-х гг. потребностям детей стало уделяться больше внимания, отчасти это связано с «приватизацией» социальной жизни. Началось массовое жилищное строительство, семья превращалась в центр эмоциональной вовлеченности. В это время менялись и официальные нормы: теперь первостепенное значение придавалось тому, чтобы максимально удовлетворять запросы подрастающего поколения. В периодических изданиях стали освещаться темы качества товаров и приобретения как

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-013-00890 «Социально-педагогическая реконструкция внешкольной повседневности советских школьников второй половины XX века».

такового. О том, что привычка к материальной обеспеченности может стать социальной угрозой, иногда говорилось в советской прессе, особенно когда желанные вещи были заграничными. В 1960–1980-е гг. существовал ряд товаров представлявший особый интерес для советской молодежи. В ряду таких изделий заслуживает внимания такое специфическое лакомство как жевательная резинка, поскольку ее потребление было фактически ограничено подростковой (преимущественно мальчиковой) средой. С этой точки зрения жвачка представляет пример, важный для изучения возрастной социализации советских подростков.

Цель статьи – проанализировать исторические корни порицаемого поведения части подрастающего поколения СССР 1960 – 1970-х гг., реконструировать сами процессы, механизмы детской и подростковой потребительской девиантности.

Изложение основного материала исследования. Рассматривая периодическую печать как важный источник информации о повседневности, представляется возможным избрать в качестве целевого ориентира этого текста – реконструкцию того, как в материалах «Пионерской правды» в 60–70 гг. XX в. отразились изменения в жизни советских школьников, обусловленные распространением импортных товаров. Методика исследования предусматривала сплошной просмотр номеров газеты «Пионерская правда» 1960 – 1970-х гг. с последующим отбором материалов, в которых повествуется о социально неодобряемом потребительском поведении подростков, непосредственно связанном с зарубежной продукцией, которая пользовалась в СССР повышенным спросом.

Постепенно иностранная жевательная резинка и другие импортные товары оказываются сравнительно доступными для жителей тех городов, которые имели непосредственные торговые или туристические связи с зарубежными странами. Вплоть до середины 1970-х гг., когда делаются первые попытки наладить производство советской жевательной резинки, ее появление в руках подростков так или иначе связывается с границей. Начиная с конца 1950-х гг., жвачка становится одним из неизменных предметов фарцовки – общения с иностранцами с целью приобретения у них дефицитных в СССР товаров. Причины возникновения такого явления, как фарцовка, идеологически объяснялись как упущениями воспитательной работы среди молодежи («это действительно большая беда, когда твой товарищ забывает о достоинстве советского человека»), так и стремлением зарубежных туристов к наживе – деньгам и сувенирам («выискивают по подворотням, кому бы сбыть заграничное барахло. А потом вывозят из нашей страны лучшие в мире часы, драгоценности и даже наши деньги – западная разведка хорошо заплатит за советскую валюту») [3, с. 2-3]. В потакании фарцовщикам и одаривании советских подростков западными «сувенирами» виделись происки зарубежных спецслужб, занятых поиском потенциальных агентов.

Фарцовка имела географическую специфику: в портах её главным объектом были моряки; в Ленинграде – финские туристы; в Москве и в некоторых крупных городах – дипломаты, корреспонденты, бизнесмены.

В статье корреспондента «Пионерской правды» Н. Пижуриной подробно описывался своеобразный стиль жизни советских подростков в приграничном регионе СССР в городе Светогорске Выборгского района Ленинградской области, где шло крупное строительство с участием западных специалистов. Вахтовым методом в конце 1970-х гг. там трудилось около тысячи четырехсот финских рабочих. В статье признается, что «яркие будочки, незнакомые марки машин, красиво окрашенные механизмы» сразу вызвали интерес советских ребят. Мальчишки даже подглядывали в окна финских бытовок, разглядывая сквозь стекла инструменты и фломастеры на столах. Финны стали угощать ребят жвачкой. Весть о жвачке молниеносно облетела городок. К «Финнстрою» потянулись уже не только из любознательности. В публикации приводится скандальный случай, когда иностранный рабочий бросил заветную жвачку на землю, а два четвероклассника бросились поднимать «угощение». Оглянувшись, ребята увидели, что финский шофер смеётся. Корреспондент поддерживает позицию директора местной школы, пришедшей к выводу, что официально нельзя было запретить детям бегать к «Финнстрою», нельзя было за это публично ругать и наказывать. Администрация постаралась оповестить о таком неоднозначном случае всех

учеников школы и их родителей. Этого оказалось вполне достаточно, по словам директора» чтобы «гордость заговорила» даже у самых «заядлых попрошаек». Наступление на зарубежный ширпотреб шло по «всем фронтам». В местных магазинах вовремя оказалось достаточное количество таллинской жвачки, и, как говорится в публикации, «нужды в финских подарках уже не было».

В статье упоминается еще один опасный источник негативного западного влияния – зарубежные издания с порнографическими иллюстрациями: «Яркий журнал мальчишки нашли в трубе. Развернули – а рядом с фотографиями автомобилей такие фотографии, что у Игоря Пекарева уши вспыхнули от стыда. Приятель его Леша Титов предложил журнал в трубе не оставлять, никому не показывать, а отнести его в милицию инспектору детской комнаты». В связи с этим корреспондент отметила, что многие вещи, «популярные» среди финнов, абсолютно неприемлемы для наших подростков. Товарищи подростков, ставших тайно бы разглядывать такой журнал, по словам Н. Пижуриной, засмеяли, застыдили бы своих приятелей. Автор статьи делает вывод: «У нас другие представления о нравственности и пороках. Целомудрие нашего парода складывалось не годами, не десятилетиями, а веками. Оттого и стало оно одной из прочных, традиционных черт советского образа жизни».

Успешно боролись во Светогорске и с пагубным влиянием финского телевидения, «ребята хоть каждый день могут смотреть. Все западные образцы «красивой жизни» у них перед глазами». Однако, по словам журналиста, светогорские мальчишки не подражают «развязным суперменам». И самые популярные в школе девочки «манерами и стилем одежды нисколько не напоминают зарубежных красоток, которые ежедневно маячат на экране» чуждого ТВ. Безусловным авторитетом для подростков Светогорска, согласно «Пионерской правде», является местный старшеклассник – капитан местной команды КВН: «отличный спортсмен и славёт эрудитом, не боится говорить правду в глаза и отстаивать своё мнение». Родители подростков, их учителя, вожатые и воспитатели в один голос уверяли корреспондента, что охранять ребят от «того» влияния просто нет необходимости: «Сам наш советский образ жизни надёжно охраняет их» [5, с. 3].

Но не все так было благостно. В разных публикациях подробно описываются сценарии «морального падения» советских подростков. На международной выставке 1967 г. в Москве «мальчишка, воровато оглянувшись, протянул очкастому иностранцу полтинник». Встречались и другие предметы для бартера с зарубежными гостями. На той же выставке пионер Коля попытался предложить для обмена медали «За оборону Москвы» и «За победу над фашистской Германией», но был остановлен в последний момент, как говорится в статье, рабочим одного из московских заводов. Из публикации неясно, был ли это случайный посетитель или дружинник, специально направленный на международное мероприятие для пресечения «провокаций» [3, с. 2].

К борьбе с подростками, занимавшимися «бизнесом» с иностранцами, подключали и ровесников юных фарцовщиков. Пионеры-активисты из латвийского города Вентспилс в начале 1960-х гг. внимательно отслеживали появление у своих школьных товарищей жевательной резинки и делали вывод: кто-то из ребят бегаёт в порт и клянчит это сомнительное изделие у иностранных моряков. Тимуровским штабом была поставлена задача: «Избавить школу, да и весь город от позора». За подозреваемыми было установлено наблюдение, и они были «задержаны» [2, с. 3].

Неоднозначное поведение мальчишек из портовых городов резко критикует в своем письме в «Пионерскую правду» капитан-наставник Черноморского пароходства П. Кривенцов. Данная публикация стала своеобразным ответом на статью о скандальном поведении на московской выставке местных школьников. П. Кривенцов признавал существование такой проблемы и в его родной Одессе: «Мальчишка, вертлявый и жалкий, увязывается за гостем. Если ему подарили марку, он клянчит еще и жвачку, зажигалку и что угодно, лишь бы с пестрой наклейкой. А взамен он отдал бы и чью-то медаль, и свой пионерский галстук, и всю эту улицу...». Автор письма, правда, оговаривается, что узнал об

этом случае из беседы с зарубежным моряком, за которым и бежал этот мальчик. Иностранный матрос к этому отнесся спокойно, заметив с улыбкой: «Портовые мальчишки» [4, с. 3].

В публикациях «Пионерской правды» встречается упоминание, что мальчишки в поисках жвачки обращались и к советским морякам, пришедшим из заграничья. Так произошло в поселке Ольга в Приморском крае: «Поняв, что я с корабля, мальчишки переглянулись и вдруг... жалобно заканючили:

- Тёенька, дайте, пожалуйста, жвачку!

- ...Я будто подачку должна была им дать, и мальчишки ради этого готовы были на любое унижение».

В ходе воспитательной беседы с радистом судна, которая и рассказала эту историю в своем письме в газету, мальчишкам из Приморского края был задан риторический вопрос: «Что же всё-таки интереснее: подружиться с моряками или клянчить у них жвачку, унижаться?» [6, с. 3].

В публикациях о «нечистоплотном поведении» ряда подростков, польстившихся на жвачки и «авторучки с иностранным клеймом», описывается и внешний вид таких «отщепенцев». Так, московский подросток Коля, отправляясь на международную выставку, выпрашивать у иностранцев сувениры, начистил ботинки, чтобы выглядеть более презентабельно [3, с. 2]. В статье о юных фарцовщиках второй половины 1970-х гг. упоминается, что один был «в блазере (блейзере-пиджаке – А.К.), другой в потрёпанном пиджачке». Они были по мнению корреспондента «подчеркнуто плохо одеты. Их внешний вид рассчитан на то, чтобы сердце взрослого человека дрогнуло». Впрочем, в той же статье описывается фарцовщик «во «Wrangler» (е) – джинсовом костюме», пришедший на встречу с репортером в злачное место – «переполненный душный зал кафе» [1, с. 3].

Во второй половине 1970-х гг. масштабы популярности западной массовой культуры в СССР все возрастали. Косвенно об этом можно судить и по разоблачительным публикациям в советской прессе. Автор репортажа в «Пионерской правде» о задержании юных фарцовщиков в Москве признается, что и сам очень любит «Black dog – диск, записанный «Led Zeppelin», и в кармане есть деньги — заработанные честно, трудовые, и дома стоит аппаратура, с помощью которой можно «уходить по лестнице, ведущей в небо». В издании для советских подростков упоминается название западной музыкальной группы, подразумевается, что по крайней мере часть читателей знает о чем идет речь [1, с. 3]. Как и во всем мире в СССР в 1970-е гг. стали популярны майки-футболки. Среди подростков особенно ценились футболки с «иностранскими надписями», яркими картинками. Такие майки вызвали неоднозначную реакцию у представителей старшего поколения: «Фирма по производству товаров для подростков – тинейджеров, выпускает сейчас в США майки с изображением сейсмических катастроф. Одну такую майку я видел: извивающиеся в предсмертных муках люди, придавленные каменными обломками разрушенного дома. И эта майка, если хорошенько подумать не просто дань моде. Одурачить молодежь, вызвать в ней страх, неуверенность в своих силах» [7, с. 2]. Естественно, что большинство подобных футболок попадала к подросткам через «черный рынок».

Выводы. Таким образом, в 1960 – 1970-е гг. в «Пионерской правде», ведущем периодическом издании СССР для детей и подростков, формируется доминирующая концепция, которая определяла отношение к вещам – концепция советского вкуса. С этой концепцией была связана активная дискуссия на страницах подростковых и молодежных СМИ. Так, популярным у читателей разделом «Пионерской правды» был ежемесячно выходивший дискуссионный клуб «Зеркало» 1970 – 1980-х гг., который пришел на смену «Барабану» 1960-х гг. Например, юным читателям предлагалось порассуждать о таких проявлениях индивидуального вкуса как об умении оценить себя, разобраться с особенностями собственной внешности. При этом дискурс о молодежной моде выстраивался редакцией через противопоставление с «буржуазной модой» капиталистических стран. Особенного внимания заслуживали те ситуации, когда элементы зарубежной моды проявлялись в советской действительности. Борьба с этими девиациями состояла в

формировании общественного мнения: выделяться через внешние проявления – одежду, украшения, жевательную резинку – вульгарно, поверхностно и пошло. Подростки и молодые люди не должны были быть подвержены погоне за вещами, накопительству. Однако эта идеология «развеществления» к концу 1970-х гг. вступила в противоречие с огромным спросом на товары с Запада и потеряла реальную силу. С конца 1970-х гг. официальный дискурс начинает оперировать новой категорией «культура потребления». Идеология, регулирующая отношения подростков, молодежи к вещам, не была монолитной на всем протяжении советского периода, а подвергалась трансформации под влиянием сложной комбинации колебаний политического курса, повседневной жизни СССР и культурных контактов.

Литература

1. Бобров С. Обмен. Прямой репортаж о том, как совесть меняют на вещи // Пионерская правда. 1977. № 83. 18 октября. С. 3.
2. Вацiete Л. Два приказа ТК // Пионерская правда. 1962. № 103. 25 декабря. С. 3.
3. Грибанов А., Ивахнов А. О подпольном «бизнесе» и пионерском достоинстве // Пионерская правда. 1967. № 48. 16 июня. С. 2 – 3.
4. Кривенцов П. Где ты вырос? // Пионерская правда. 1967. № 61. 1 августа. С. 3.
5. Пижурин Н. Сверкающие обёртки, яркие ярлычки и искренняя дружба // Пионерская правда. 1979. № 52. 29 июня. С. 2.
6. Радостева Е. Тётя, дайте жвачку // Пионерская правда. 1979. № 34. 27 апреля. С. 3.
7. Рухович С. Майка с портретом... убийцы // Пионерская правда. 1977. № 73. 13 сентября. С. 2.

УДК: 347.63

ПРОФИЛАКТИКА БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ¹

Лаврищева Ольга Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
г. Елец

Аннотация. В статье автор на основе анализа современного состояния подростковой безнадзорности исследует особенности ее формирования и выявляет круг субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Особое внимание уделяется выработке организационных, социальных и правовых мер, которые будут способствовать созданию единой сбалансированной нормативной системы профилактики безнадзорности и предупреждению правонарушений лиц, не достигших совершеннолетия.

Ключевые слова: несовершеннолетний, беспризорность, безнадзорность, девиантное поведение, правонарушения, детский омбудсмен, государственная политика.

Annotation. Based on the analysis of the current state of adolescent neglect, the author examines the features of its formation and identifies the range of subjects of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency. Special attention is paid to the development of organizational, social and legal measures that will contribute to the creation of a unified balanced regulatory system for the prevention of neglect and the prevention of offenses of persons under the age of majority.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00076 «Правовые и социальные аспекты обеспечения безопасности несовершеннолетних в Российской Федерации».

Keywords: minor, homelessness, neglect, deviant behavior, offenses, children's Ombudsman, public policy.

Постановка проблемы. В современном российском обществе, несмотря на постоянные социальные, политические и экономические преобразования, проблемы обеспечения качественных основ жизнедеятельности и правовой защиты детей выдвигаются на первый план. Одной из «социальных болезней» нашего общества является безнадзорность, которая рассматривается как первый шаг к беспризорности. Безнадзорность нарушает нормальный процесс социализации детей, приводит к росту употребления наркотических веществ, алкоголя в подростковой среде, увеличению числа правонарушений, совершаемых лицами, не достигших совершеннолетия. Тем самым можно констатировать, что безнадзорность в современной России является отрицательным социальным явлением, которое обладает огромным криминогенным потенциалом. В связи с этим возникла необходимость трансформации структурного и кадрового потенциала государственных и общественных структур, а также выработки комплекса сбалансированных мероприятий по профилактике безнадзорности и предупреждению правонарушений несовершеннолетних.

Цель статьи: на основе анализа современного состояния подростковой безнадзорности выработать организационные, социальные и правовые меры, которые будут способствовать созданию единой сбалансированной нормативной системы профилактики безнадзорности и предупреждению правонарушений лиц, не достигших совершеннолетия.

Изложение основного материала исследования. По сводкам МВД России в 2019 году на улицах нашей страны стали чаще выявлять безнадзорных детей. Так за 12 месяцев было зафиксировано 75,5 тысячи таких несовершеннолетних, в 2018 г. данный показатель составлял 68,7 тысяч [5]. Субъекты РФ, в которых выявлено наибольшее и наименьшее число безнадзорных несовершеннолетних, проиллюстрированы на диаграмме 1 и 2.

При этом хотелось бы привести слова председателя Национального родительского комитета Ирины Волынец, которая утверждает, что «на самом деле беспризорных детей может быть намного больше: в статистику попали лишь выявленные» [5]. Кроме того, она отмечает, что Курганская область является депрессивным регионом, а в столице большое количество беспризорников, скорее всего, связано с наплывом приезжих. Многие не могут приспособиться к жизни в большом городе, и дети оказываются один на один с улицей.

Анализ этих данных позволил выделить особенности формирования российской безнадзорности. В большой массе это дети, которые убежали из проблемных семей или специализированных учреждений, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей.

В научной литературе сложилась различная классификация категории «беспризорный». Наиболее распространенная – это систематизация по уровням в зависимости от их срока пребывания в уличной среде.

К первому уровню относят подростков, которые пробыли на улице меньше месяца. Они еще не успели адаптироваться в этом мире, не утратили надежду на возвращение в свою семью (особенно младшие подростки). Пытаются заработать на жизнь попрошайничеством, собиранием бутылок.

Ко второму уровню относят подростков, которые пробыли на улице больше месяца, иногда до года. Как правило, они подверглись дополнительному риску жестокого обращения и насилия уже после побега из дома или детского учреждения. Такие подростки приобретают опыт употребления алкоголя, токсических средств, нередко и сексуальных связей. Спектр асоциального поведения их значительно расширен по сравнению с подростками первого уровня. Попрошайничеству они предпочитают воровство.

К третьему уровню относят несовершеннолетних, покинувших дом более года назад. Такие подростки уже приобрели криминальный опыт, их нередко вовлекают в свою деятельность разного рода преступники. Переход подростка в эту группу увеличивает риск социально-психологической деформации и уменьшает его шансы попасть в социально - реабилитационное учреждение [7, с. 193-198].

Нельзя не согласиться с мнением Е.В. Демидовой, что в социальном плане беспризорные подростки занимают промежуточное положение между так называемым «миром детства» и «миром взрослых». При этом, необходимо подчеркнуть, что именно в данный период возрастного созревания формируется фундамент личности: получают свое развитие такие основные ее формы: интеллектуальная, эмоциональная и волевая. Происходит освоение и практическое применение норм, ценностей и типов поведения взрослого человека, дифференцируется самооценка [8, с. 93-96].

Поведение и поступки беспризорных и безнадзорных подростков носят сознательно-волевой характер, в связи с чем к ним предъявляются и более высокие требования. Однако физическое и нравственное развитие подростка еще не завершено, и это отражается на характере его действий и поступков. Таким образом, причина противоправного или

аморального поведения - не в слабости, а в отрицательной волевой направленности. Эмоциональную неуравновешенность, тщеславие, упрямство, нечувствительность к состраданиям других, агрессивность также можно отнести к наиболее распространённым характерным чертам личности беспризорного преступника.

Для безнадзорных подростков характерно искажение правового и нравственного сознания, которое проявляется в следующем:

- негативное отношение к законодательным предписаниям;
- демонстрация пренебрежения общепринятыми социальными нормами;
- искажение представлений о правомерном и неправомерном поведении;
- отрицание справедливости и формирование враждебного отношения к правоохранительным органам и структурам социальной защиты;
- неверие в то, что ответственность преступников неотвратима;
- половая распущенность, ранние половые связи;
- проявление злобы, агрессии, мстительности в отношении к другим членам общества.

Все это формирует у большинства безнадзорных несовершеннолетних привычки, склонности и устойчивые стереотипы девиантного поведения и как следствие такого поведения – совершение ими различных видов правонарушений. При этом необходимо подчеркнуть, что точная статистика по преступлениям беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних не ведется. В официальных данных, предоставляемых Генеральной прокуратурой РФ «О состоянии преступности в России» за январь-декабрь 2019г., даются общие сведения о совершенных преступлениях несовершеннолетними.

В рамках нашего исследования выделим круг субъектов, осуществляющих профилактику преступности среди беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних.

В ст.5 ФЗ от 23.06.2016 № 182- ФЗ [3] четко регламентирован круг субъектов профилактики правонарушений. К ним относятся: федеральные органы исполнительной власти; органы прокуратуры Российской Федерации; следственные органы Следственного комитета Российской Федерации; органы государственной власти субъектов Российской Федерации; органы местного самоуправления.

Федеральный закон № 120- ФЗ от 24 июня 1999 года «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [4] в п.1 ст.4 установил перечень органов, учреждений и организаций, входящих в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Законом также предусматривается участие в деятельности по профилактике правонарушений несовершеннолетних Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, уполномоченных по правам ребенка в субъектах Российской Федерации, других органов, учреждений и организаций осуществляется в пределах их компетенции в порядке, установленном законодательством Российской Федерации и (или) законодательством субъектов Российской Федерации. Вышеназванные органы решают задачи в целях профилактики во взаимодействии друг с другом. Данной взаимодействие представляет собой сложное явление, которое обусловлено многообразием соответствующих общественных отношений.

В.И. Приходько в методическом пособии «Профилактика преступности среди несовершеннолетних» выделяет специализированные и неспециализированные субъекты профилактики преступности в зависимости от правовых полномочий. По его мнению, к специализированным субъектам относятся:

- «органы государственной власти и муниципальные органы, которые обеспечивают программирование, планирование, правовое регулирование и ресурсы этой деятельности, контроль за ее ходом и результатами;

- институты социального воспитания – семья, школа, учреждения культуры и досуга, осуществление во взаимодействии и в пределах компетенции профилактику возникновения искаженной позиции личности несовершеннолетних, коррекцию возникших криминогенных искажений, если они устранимы педагогическими и иными воспитательными средствами;

- органы защиты и социальной, психолого-педагогической, медицинской и правовой помощи несовершеннолетним, находящимся в неблагоприятных жизненных условиях. К таким субъектам относятся комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защиты населения, органы управления образованием, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, органы внутренних дел, учреждения уголовно-исполнительной системы (следственные изоляторы, воспитательные колонии и уголовно-исполнительные инспекции).

Неспециализированные субъекты представляют собой общественные организации и лица, содействующие правоохранительным органам в осуществлении охраны правопорядка (добровольные народные дружины, общественные помощники правоохранительных органов), частные охранные предприятия и службы безопасности, специализированные средства массовой информации» [10, с. 5-19]. Круг неспециализированных субъектов четко не определен. Практически все организации и граждане участвуют в процессе профилактики преступности несовершеннолетних, тем самым создавая их занятость, как трудовую, так и общественную, организуя досуговую деятельность несовершеннолетних и т.д.

При этом необходимо отметить, что в социальной сфере все учреждения и организации государственной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних связаны между собой и осуществляют свою деятельность для решения общих задач по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних совместно и согласованно.

Субъекты системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в пределах своих компетенций решают такие основные задачи, как:

- предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, выявление и устранение причин и условий, способствующих этому;
- обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних;
- социально-педагогическая реабилитация несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении;
- выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий.

Деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних основывается на следующих принципах:

- законности (неукоснительное исполнение законов специалистами, осуществляющими деятельность в сфере профилактики, контроль надзорных органов за исполнением законов при реализации прав и обязанностей участников правонарушений в процессе деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних);

- демократизма (деятельность субъектов по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних осуществляется на началах широкой гласности и взаимодействия учреждений и организаций, входящих в государственную систему профилактики);

- гуманизма (гуманного обращения с несовершеннолетними; принцип гуманного отношения носит скорее нравственно этический аспект, а не юридический. Уважительное и гуманное отношение к дезадаптированным несовершеннолетним, исключаящее унижение их человеческого достоинства, зачастую может играть решающую роль в возникновении у несовершеннолетнего желания изменить свою жизнь и поведение);

- поддержки семьи и взаимодействия. Данный принцип играет большую роль, так как причины социальной дезадаптации подростка зачастую кроются именно в семье. С другой стороны, семья является оптимальной средой для полноценного развития ребенка, именно поэтому поддержка семьи несовершеннолетнего и грамотное взаимодействие с ней может дать желаемый результат.

В зависимости от характера применяемых мер профилактику правонарушений безнадзорных несовершеннолетних подразделяют на следующие виды:

1. Социальная профилактика – это комплекс социально-педагогических, психологических, медицинских и иных мероприятий, направленных на предотвращение правонарушающего поведения несовершеннолетних. Сущность данного вида заключается в адекватном реагировании общества и государства на проблему обеспечения благополучного развития ребенка, его воспитания, образования и социализации.

2. Социально-правовая профилактика – это общественное и юридическое воздействие на личность ребенка в целях формирования у него навыков социального и правопослушного поведения.

3. Нравственная (моральная) профилактика – это предупреждение аморального поведения несовершеннолетних путем их ориентации на нравственные ценности и руководство ими в жизни [6].

Особо хотелось бы отметить индивидуальную профилактическую работу с безнадзорными и беспризорными подростками, которая ведется в соответствии с нормами отечественного законодательства не только в отношении конкретного подростка, но и, как правило, в отношении родителей или законных представителей несовершеннолетних, не исполняющих своих обязанностей по воспитанию, обучению и (или) содержанию несовершеннолетних и (или) отрицательно влияющих на их поведение либо жестоко обращающихся с ними. К основным субъектам, осуществляющим такую работу, следует отнести представителей органов здравоохранения, образования, органов опеки и попечительства, консультативных центров, сотрудников органов внутренних дел, которые проводят индивидуальную профилактическую работу с несовершеннолетними с учетом особенностей их личности и окружения, форм девиаций и условий семейного воспитания [9].

Выводы. В современной России подростковая безнадзорность рассматривается как негативное социальное явление, содержащее в себе реальную угрозу эффективному развитию нашего государства, так как молодежь – это будущее нашей страны, и какой морально-нравственный облик она будет иметь, зависит, в первую очередь, от взрослых в отдельности и от государства в целом. Неисполнение родителями (законными представителями) обязанностей по воспитанию и содержанию детей способствует росту числа безнадзорных и беспризорных, что выступает своеобразным «катализатором» антиобщественного поведения такой категории детей, крайним проявлением которой является совершение ими различных видов правонарушений.

Для устранения данных негативных явлений должна проводиться системная социальная политика, которая будет направлена, в первую очередь, не на ликвидацию последствий, а на преодоление причин, способствующих росту таких категорий детей. В связи с этим в нашей стране возникла потребность в перестройки современной системы профилактики подростковой беспризорности и предупреждения правонарушений несовершеннолетних, а именно: необходимо разработать современный организационно-правовой механизм управления, координации и контроля предупредительной деятельности в данном направлении. На наш взгляд, необходимо произвести следующие законодательные преобразования.

Во-первых, на федеральном уровне детализировать п. 6 ст. 5 Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» [2], таким образом, чтобы основным координирующим органом в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних выступал в первую очередь детский омбудсмен. В настоящее время, как мы отмечали выше в нашей статье, данные полномочия реализуются различными государственными субъектами профилактики, в различных формах и на разных уровнях. На наш взгляд, в современной России детский омбудсмен наделен достаточными полномочиями, чтобы выступать тем направляющим и координирующим звеном в государственной системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Во-вторых, создать единый федеральный банк данных о несовершеннолетних из социально неблагополучных семей. В настоящее время в различных субъектах нашей большой

страны разработаны и действуют соответствующие акты (например, Постановление Правительства Ростовской области от 2 марта 2012 г. № 136 «Об утверждении Положения о едином областном банке данных безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних»; Постановление комиссии по делам несовершеннолетних при Правительстве Курской области от 29 декабря 2009 г. «Порядок формирования и ведения региональной базы данных о несовершеннолетних и семьях с детьми, находящихся в трудной жизненной ситуации, и нуждающихся в социальной поддержке» и т.п.), которые, предусматривают создание подобных банков на региональном уровне. На наш взгляд, для наиболее эффективной работы с подростками из разных субъектов РФ специализированным службам и учреждениям необходим единый всероссийский ресурс. Создание единого федерального банка данных о несовершеннолетних из социально неблагополучных семей позволит скоординировать деятельность и согласованность работу соответствующих министерств и ведомств, усилить их межведомственное взаимодействие и сделать их работу по предупреждению безнадзорности и беспризорности более эффективной.

В-третьих, усиление государственной помощи (материальной, правовой, психологической) семьям, находящимся в социально опасном положении:

- выработка организационных, кадровых, социальных условий, отвечающих современным реалиям социального обеспечения с целью раннего выявления семейного и детского неблагополучия и организации индивидуального сопровождения;

- поддержка некоммерческих организаций, деятельность которых направлена на формирование ответственного родительства, внедрение эффективных практик поддержки детей и семей с детьми, находящихся в трудной жизненной ситуации;

- развитие психологической службы в системе образования и усиление данного вида помощи в отношении детей из семей, находящихся в социально опасном положении;

- расширение перечня социально-бытовых услуг, направленных на поддержание жизнедеятельности семей, находящихся в социально опасном положении или иной трудной жизненной ситуации.

В-четвертых, в целях профилактики безнадзорности и предупреждения правонарушений, совершаемых безнадзорными и беспризорными несовершеннолетними, мы предлагаем произвести редакционную правку КоАП РФ [1]:

- в статье 5.35. КоАП РФ «Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних» необходимо увеличить в несколько раз размер штрафных санкций;

- предполагаем дополнить КоАП РФ новой статьей, которая будет устанавливать ответственность за бродяжничество (систематическое перемещение несовершеннолетнего из одной административно-территориальной единицы в другую или в пределах одной административно-территориальной единицы вследствие самовольных уходов из семьи или организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей), а именно: в случае бродяжничества несовершеннолетнего в возрасте до 16 лет – штрафные санкции будут возлагаться на родителей или иных законных представителей данных несовершеннолетних; а с 16 летнего возраста – на самого несовершеннолетнего.

Реализация данных организационных, социальных и правовых мер в совокупности будет способствовать созданию единой сбалансированной нормативной системы профилактики безнадзорности и предупреждению правонарушений лиц, не достигших совершеннолетия.

Литература

1. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

2. Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72039444/>.

3. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Российская газета от 28 июня 2016 г. № 139.
4. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Российская газета от 30 июня 1999 г. № 121.
5. Акимова Е. Названы регионы с самым большим количеством беспризорников // <https://www.kp.ru/online/news/3826609/>.
6. Гинцяк Л.Ф. Субъекты профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : учебное пособие / Л.Ф. Гинцяк, В.Н. Ильченко; Урал. гос. пед. ун-т ; под ред. К.А. Шпека. – Электрон. дан. – Екатеринбург: [б. и.], 2018.
7. Дементьева В.Ю. Беспризорность несовершеннолетних: ее причины и профилактика / В.Ю. Дементьева, А.Н. Головка // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). – 2013. – № 3. – С. 193-198.
8. Демидова Е.В. Личность беспризорного преступника и преступника – социального сироты / Е.В. Демидова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2008. – №1. – С. 93-96.
9. Предупреждение преступлений и административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними: курс лекций / Иванцов С.В.; Соломатина Е.А.; Страунинг Ю.А.; Шмарион П.В.; Ивасюк О.Н. – М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. – 244 с.
10. Приходько В.И. Профилактика преступности среди несовершеннолетних / Под ред. В.И. Приходько. – Каменск-Шахтинский: МОО «ЦСПЭД». -2015. -19с.

УДК: 316.42

СОЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОТИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ КАК ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ¹

Максимова Светлана Геннадьевна,
доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»,
г. Барнаул;

Максимов Максим Борисович,
кандидат медицинских наук
ведущий научный сотрудник,
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»,
г. Барнаул

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы формирования социального механизма противодействия наркотизации молодежи как основы сохранения безопасности. Представлены результаты социологического мониторинга, проведенного в 2014-2019 гг. на территории Алтайского края, включающие ежегодные опросы населения и экспертные опросы ключевых лиц, принимающих решения в области противодействия наркопотреблению. На основе объективных данных показана эффективность деятельности государственных служб, занимающихся реализацией антинаркотической политики, работающих в сфере контроля за оборотом наркотиков, а также в области противодействия их незаконному обороту.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта РФФИ № 19-011-00417 «Факторы и механизмы формирования доверия в системе сохранения социальной безопасности в приграничных регионах России».

Ключевые слова: наркотизация, социальный механизм, население, регион, безопасность

Annotation. The article examines the problems of forming a social mechanism to counteract the drug addiction of young people as a basis for maintaining security. The results of sociological monitoring conducted in 2014-2019 on the territory of the Altai territory, including annual surveys of the population and expert surveys of key decision-makers in the field of countering drug use, are presented. Based on objective data, we show the effectiveness of public services engaged in the implementation of anti-drug policy, working in the field of drug control, as well as in the field of countering their illegal trafficking.

Keywords: drug use, social mechanism, population, region, security

Постановка проблемы. Наркотизация социума представляет одну из центральных проблем безопасности России, а также серьезную угрозу существованию нашего государства, по тотальности и числу жертв намного большую, чем объявленный чумой XXI столетия терроризм.

Проблема наркомании в последние годы становится наиболее актуальной. В соответствии с последними данными исследований, каждый наркоман, подавая негативный пример, вовлекает 13–15 человек в употребление запрещенных веществ, создавая тем самым «снежный ком». Чаще всего возраст первой пробы наркотиков приходится на 15–17 лет, но были зарегистрированы случаи употребления запрещенных веществ подростками в возрасте 11–13 лет [1].

Острота проблемы наркотизации населения делает необходимым противодействие данной угрозе на государственном уровне.

Проблема распространения наркомании среди населения находит свое отражение в институциональных характеристиках (распространение наркотических веществ через средства массовой информации, не всегда социум видит серьезную проблему в наркомании, употребление наркотиков считается личным делом каждого человека).

Бабаян Э.А., Гонопольский М.Х. отмечают, что «на уровне институциональной структуры – противодействие наркомании осуществляется в форме нормативно-правового законодательства, социокультурных норм и социальных практик противодействия, а также работа межведомственных структур и других организаций» [2].

Ситуация, связанная с употреблением наркотических веществ, нестабильна и требует постоянного контроля со стороны специалистов разного уровня. Одной из важных задач является реализация мониторинга, позволяющая фиксировать актуальную наркотическую ситуацию.

Ключевыми моментами в мониторинге выступают правила кодировки и сбора первичной информации. Разработанная в начале исследования методология дает возможность исследователям подготовить качественный мониторинговый отчет, в котором будут отражены основные моменты современного состояния наркоситуации, сделаны обоснованные выводы, а также даны рекомендации по усовершенствованию эффективности деятельности служб, занимающимися проблемами наркотизации [3].

А также работа над проблемой наркотизации социума требует более тщательной работы органов власти в сфере законодательной базы: разработка программ, направленных на реализацию антинаркотической политики, их корректировка, а также оценка эффективности.

Согласно А.В. Карпец в соавторстве с И.Е. Махровым и Э.М. Виноградовой для осуществления мониторинга наркотической ситуации имеет большую важность использования комплекса методов по трем основным направлениям:

1. Количественные методы оценки наркотической ситуации в регионе. В первое направление входит анализ данных государственной и региональной статистики (число лиц поставленных на учет в лечебные учреждения; число лиц, обратившихся за помощью; социально – демографические характеристики региона, социальные последствия употребления наркотиков, а также факторы риска употребления наркотиков).

Так же в данном направлении применяется метод анонимного анкетирования среди различных групп населения о специфике употребления наркотиков.

2. Следующее направление направлено на использование качественных методов исследования (фокус- группы, экспертный опрос, где экспертами выступают лица, занимающимися вопросами наркомании, анонимный анкетный опрос). Качественный метод позволяет провести наиболее глубокий анализ проблемы, выявить скрытые факторы наркотизации населения, что в свою очередь позволит скорректировать работу по профилактики наркомании на территории региона, внести необходимые изменения в программу, направленную на предотвращение распространения наркомании. Такие методы получили широкое распространение в практике.

3. Косвенные методы оценки, включают в себя математический метод. Данный метод представляет собой исследование «скрытых» потребителей инъекционных наркотиков. Активно применяются методы «множительных коэффициентов» или «повторного захвата» [4].

Стоит отметить, что исследования в данной проблематики – это анализ как субъектов наркотической ситуации, так и их взаимодействие. При изучении проблем наркоситуации в отдельно взятом регионе важно проследить взаимодействие таких элементов, а не только выявить их наличие [5]. Исследование наркоситуации в регионе предполагает как анализ элементов – субъектов наркоситуации, так и исследование характера их взаимодействия, координация деятельности служит наиболее эффективному применению полученной информации, исключает дублирование работы различных структур.

Целью статьи является анализ социального механизма противодействия наркотизации молодежи как основы сохранения безопасности.

Изложение основного материала исследования. В рамках мониторинга наркоситуации в 2014-2019 гг. проведены социологические исследования на территории Алтайского края, включающие ежегодные опросы населения (опрос 2000 респондентов ежегодно) и экспертные опросы ключевых лиц, принимающих решения в области противодействия наркопотреблению (п 20 экспертов ежегодно).

Проанализировав данные мониторинга в период с 2014 по 2019 годы, были сделаны следующие выводы.

По результатам проведенного мониторинга был составлен рейтинг проблем жителей региона. На первом месте проблемы качества дорог и безработица (73%), далее качество медицинского обслуживания (63%), на третьем месте в рейтинге находится проблема алкоголизма (60%), чуть больше половины респондентов отмечают проблемы в жилищно-коммунальной сфере (53%), нехватка жилья (39%), наркомания (31,5%), преступность (26%). По результатам предложенного рейтинга можно наблюдать, что проблема наркомании, по мнению населения Алтайского края, не является острой проблемой общества, на первое место выходят проблемы социального и экономического благосостояния общества.

В процессе исследования анализировался вопрос о проблеме наркомании в населенном пункте, где проживает респондент. По результатам мониторинга, на протяжении 6 лет в среднем население Алтайского края считает, что проблема наркомании распространена не больше, чем везде, с 2014 по 2016 годы так склонны отвечать больше половины жителей края (57%, 56%, 54% соответственно). Однако в 2014 (16%) и 2015 годах (16%), а так же в 2017 и 2018 годах увеличивается процент тех, кто считает, что проблема наркомании в их населенном пункте сильно распространена (16% и 21% соответственно). Также более 20% жителей в 2014 – 2019 годах не смогли ответить на вопрос о распространенности наркомании в их населенном пункте.

В исследовании оценивалась осведомленность населения о доступности наркотических веществ. В результате были получены следующие данные: о доступности наркотиков больше осведомлены мужчины, чем женщины, 38% опрошенных мужчин считают, что на сегодняшний день сравнительно легко достать наркотики, такого же мнения придерживаются 35% женщин. Около 43% женщин и 36% мужчин не знают, где можно достать наркотики, в

том, что сегодня нет проблемы в приобретении наркотиков и их достать очень легко, уверены 17% мужчин и 14,5% женщин.

В 2014 году, по мнению населения региона, не существовало проблем в доступности наркотиков, 40% респондентов считают, что наркотики достать сравнительно легко, а 17% уверены, что получить наркотики очень легко, 39% не знают о доступности наркотиков. О трудности получения наркотиков говорят лишь 3% населения. В 2015 году 40,5% респондентов не знают о том, где можно взять наркотики, а так же сократился процент жителей региона, утверждающих, что наркотики находятся в свободном доступе и получить их можно сравнительно легко и очень легко (35% и 15% соответственно), 7% уверены, что достать наркотики трудно. В 2016 и 2017 годах сохраняется представление о том, что трудно достать наркотики (7% и 8,5% соответственно), около 38% процентов жителей не знают о доступности наркотиков на сегодняшний день, но также примерно 40% опрошенных респондентов считают, что достать наркотики сравнительно легко. В 2018 году увеличивается процент респондентов, которые не знают о доступности наркотиков, 34% считают, что достать наркотики сравнительно легко, а также снизился процент населения, которые считают, что на данный момент трудно достать наркотики (4%). В 2019 году возрос процент жителей края, считающих, что наркотики трудно достать (7%), в остальные показатели осталась на уровне 2018 года.

В связи с развитием информационных технологий в исследовании был задан вопрос о том, используют ли жители края Интернет для получения информации о наркотических веществах или способах их изготовления. С 2014 по 2017 годы в большинстве случаев население региона не прибегало к использованию сети Интернет для получения сведений о наркотиках и способах их изготовления. Однако в 2018 и 2019 годах 21% респондентов прибегали к помощи сети Интернет, для получения информации о наркотиках. Данный ресурс в большей степени использовали мужчины (17%), чем женщины (13%).

Так же респондентам был задан вопрос о знании законодательной ответственности за употребление, хранение и распространение наркотических веществ. По данным мониторинга можно сделать вывод, что население региона в целом знает о законодательной ответственности за хранение, употребление и сбыт наркотических веществ. Все же 44,5% городского населения и 43% сельских жителей знают о законодательной ответственности лишь в общих чертах. Очень хорошо осведомлены об ответственности больше жителей села (28%), чем городских жителей (21,5%). Четверть респондентов, проживающих в городе, плохо осведомлены о законодательной ответственности за употребление, хранение и распространение наркотических веществ, 20% сельских жителей также мало известна нормативно-правовая база. Примерно 8,5% как городского, так и сельского населения вообще не знают о существовании законодательной ответственности. На протяжении шести лет мониторинга происходили изменения в осознании ответственности за хранение, употребление и хранение наркотиков. В 2014 и 2015 годах 20% населения очень хорошо осведомлены о законодательной ответственности, в 2016 году данный показатель увеличился и составляет 31% респондентов, которые хорошо знают о последствиях, к 2017 году показатель на уровне 2014 – 2015 годов, а в 2018 – 2019 годах чуть более четверти опрошенных респондентов довольно хорошо знают законодательную ответственность. В 2014 году почти половина респондентов (47%) признают, что знают об ответственности, предусмотренной законом за распространение, хранение и употребление лишь в общих чертах. Последние пять лет данный показатель находится на уровне выше сорока процентов (2015 – 43%, 2016 – 43,5%, 2017 – 45%, 2018 – 42%, 2019 – 44%). На основе анализа результатов необходимо отметить, что наименьший процент респондентов, кому мало известна законодательная ответственность можно наблюдать в 2016 году – 19% (2014 – 24%, 2015 – 26%, 2017 – 25%, 2018 – 23%, 2019 – 23%).

В дальнейшем жителям края предлагался ряд вопросов, связанных с употреблением наркотических веществ. По результатам исследования можно сделать вывод, что 82% женщин и 62% мужчин утверждают, что им не предлагали попробовать наркотические вещества.

Однако о таких предложениях чаще говорят мужчины (35%), чем женщинам (16%). Также в большинстве случаев наркотические вещества предлагают чаще предлагают городским жителям (27%), чем сельским (19%).

Отвечая на вопрос о том, как бы вы поступили, если бы вам предложили попробовать наркотики, 94% женщин и 88% мужчин уверено заявляют в том, что отказались бы от такого предложения. Однако 4% мужчин исходили бы из того, какой это наркотик, такого же мнения придерживаются около 2% женщин. Можно сделать вывод, что мужчины более подвержены эмоциональному состоянию, чем женщины, так как 3% мужчины и 1,5% женщин, если бы им предложили попробовать наркотические вещества, повели бы себя в зависимости от ситуации и настроения. За последние шесть лет ситуация по данному показателю в большинстве своем не изменилась и большинство респондентов отказались бы от подобного предложения (2014 – 93%, 2015 – 92%, 2016 – 94%, 2017 – 86%, 2018 – 94%, 2019 – 89%).

По результатам проведенного мониторинга можно сделать вывод, что население региона в целом не склонно к употреблению наркотических веществ, в 2019 году большинство жителей края (96 %) не употребляют наркотики (2014 – 92%, 2015 – 91%, 2016 – 93%, 2017 – 86%, 2018 – 95%). Однако в 2017 году у 8% респондентов возникал интерес к употреблению наркотиков. По 4% населения региона в 2014 и 2017 годах пробовали наркотические вещества, но перестали употреблять.

Факторы, оказывающие влияние на наркотизацию населения по результатам мониторинга 2019 г.

Ключевыми причинами наркопотребления, отмечаемыми населением, являются моральная деградация общества, вседозволенность (50,9%) и неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие (49,4%). Третьей по значимости причиной была указана излишняя свобода, незанятость молодежи (37,7%), тогда как безработица и экономические проблемы оказались на четвертом месте (37,2%), на пятом месте влияния наркобизнеса и доступности наркотиков (35,2%). Другие варианты, представленные для рассмотрения, оказали выбранными менее чем третьей частью респондентов.

Так, 23,1% населения отметили недостаточно эффективную работу правоохранительных органов, 20,1% – указали, что причины наркомании кроются в слабости профилактической работы. Около 0,7% предложили собственный вариант ответа, в которых указывались личностные особенности, подтолкнувшие человека к употреблению наркотиков («нехватка новых эмоций», «поиск новых ощущений»), особенности жизненной ситуации, влияние близкого окружения («плохое влияние компании»), политика государства, заинтересованных в получении материальной выгоды от наркобизнеса («консервативная политика государства», «скрытые рекламы»), повышение доступности наркотиков через Интернет, , большая доступность наркотиков по сравнению с другими формами занятости и досуга («доступность»), низкий уровень культуры и образования, ослабление влияния семьи («отсутствие должного воспитания», «неблагополучные семьи и рождаемые ими дети»). Таким образом, даже в самостоятельных ответах респондентов потребление выходит за рамки индивидуальной проблемы, проявляющейся в результате воздействия личностных свойств и качеств (самого человека).

Населением подчеркивается социальный характер наркопотребления, значительная роль отводится общему культурному и морально-нравственному климату российского общества, в том числе проявляющемуся в преобладании бесцельного времяпровождения и слабокультурного досуга большинства молодежи, создающих необходимые условия и предпосылки, благоприятствующие, а не препятствующие влиянию наркобизнеса. Специальная работа правоохранительных органов по пресечению каналов производства и сбыта, профилактике наркопотребления среди молодежи не рассматриваются населением в качестве значимых факторов, способных повлиять на ситуацию с наркопотреблением. Большую роль играют социально-экономические факторы и социальное самочувствие, низкий уровень которых «подталкивает» часть населения к эскапизму и отказу от решения жизненных проблем.

Те респонденты, которые предпочли своими словами описать опыт употребления наркотиков, объяснили причины этому «влиянием окружения», «компанией», «круга общения», «друзей», которые часто делают «подарки» в виде наркотиков. Приводит к пробе наркотиков, по мнению опрошенных, их собственная «молодость» и «глупость», «любопытство», слишком «хорошая жизнь», а также наличие психологических («мигрень», «моральная неудовлетворённость», «проблемы в семье») или социально-экономических («тяжелое финансовое положение») проблем.

Далее респондентов просили указать возраст первой пробы наркотика. Итак, в большинстве случаев это возраст 18 – 29 лет (55,0%), в 35,0% - 16-17 лет, 5,0% - 12-15 лет, 30-34 года – 5,0%.

Респонденты также указали, какие именно наркотики они употребляли или употребляют. Самый популярный из часто употреблявшихся респондентами наркотиков – производные конопли, хотя употреблялись и курительные смеси, опиаты, галлюциногены. Всего были названы: курительные смеси, марихуана (анаша, каннабис, конопля), амфетамин, метамфетамин (мет), гашиш, насвай, спайс, скорость, смеси, табак, трава.

Самый популярный способ введения наркотика – курение, в том числе с помощью пластиковых бутылок («буликов», «бульбиков», «парашутов») и кальянов для наркотиков («бонгов»). Несколько реже употребляются таблетированные наркотики, которые закладываются «под язык» или «под губу». Отмечено и внутривенное употребление наркотиков (1 случай).

В структуре мотивов предпочтения употребляемого типа наркотика доминирующее место, как и в прошлом году, занимает такой мотив выбора наркотика, как «за компанию» (58,6%). Вторую значимую роль играет такой мотив употребления наркотика, как его доступность («легче достать») (27,6%), далее употребляются те наркотики, которые менее вредны для организма (24,1%). На четвёртом месте – ошибочное представление о том, что именно от этих наркотиков легче всего отвыкнуть в дальнейшем: 13,8% выборов. Такой мотив, как относительная дешевизна, занимает пятую позицию в структуре мотивов употребления наркотиков – 13,8% выборов респондентов. Среди других причин респонденты называли интерес, любопытство.

Чаще всего первая проба наркотиков происходит в гостях у друзей, знакомых – в 26,3%, а в 23,7% случаев наркотики пробуют на улице, во дворе, подъезде. Следующим по распространенности местом наркотического дебюта являются клубы и дискотеки, где впервые попробовали наркотики 18,4% опрошенных. Менее распространенными местами наркотического дебюта являются собственный дом или квартира (10,5%), учебные заведения (5,3%), другие места – «общественный туалет» (2,6%) и армия (2,6%).

В специальном разделе проведенного мониторинга изучались мнения и представления респондентов об эффективности различных мер профилактики. Как показали результаты опроса, наиболее эффективными, по мнению респондентов, являются ужесточение мер наказания за наркопреступления (44,5%), расширение работы с молодежью (43,0%), физкультурные и спортивные мероприятия (35,7%), выступления бывших наркоманов (34,0%), принудительное лечение наркоманов (32,4%), лекции и беседы в учебных заведениях (31,4%), и беседы специалистов-наркологов с родителями учащихся, студентов (25,3%). Другие ответы были выбраны менее чем третью респондентов. Специальные концерты, фестивали считались эффективными по мнению 15,4% участников исследования. Часть респондентов выбрали вариант ответа «Другое», которых подчеркивали такие аспекты профилактики, как:

- важность осуществления профилактических мер дома, в семье, повышенного контроля родителей, морального воспитания («воспитание отрицательного отношения к наркотикам в семье»);

- организация правильного досуга для людей, открытие доступных спортивных и творческих секций, развитие спорта и культуры («доступность проведения досуга и занятий в секциях детям», «культурный отдых, спорт, туризм, путешествия»);

- меры по улучшению благополучия в стране («трудовая занятость, достойная зарплата»);
- борьба с продавцами наркотиков.

Социальный механизм противодействия наркопотреблению.

В исследовании проведена оценка изменения специфики наркоситуация в Алтайском крае в зависимости от деятельности государственных служб по контролю за распространением и незаконному обороту наркотиков. В 2003 г. главным ведомством, выступающим субъектом исполнения контроля и надзора за незаконным оборотом наркотических веществ, явилась Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН России), которая просуществовала до 2016 года. По данным проведенного исследования, можно проследить динамику изменения наркоситуации на территории Алтайского края с 2014 по 2016 год. Со временем сокращается процент респондентов, которые говорят о том, что проблема наркомании распространена, но не больше, чем везде (2014 – 57%, 2015 – 56%, 2016 – 54%), а так же к 2016 году можно отметить снижения процента респондентов, считающих, что в их населенном пункте существует серьезная проблема распространения наркомании (2014 – 16%, 2015 – 16%, 2016 – 13%). Можно наблюдать увеличение числа тех респондентов, которые считают, что проблема наркомании совсем не распространена в их населенном пункте (2014 – 6%, 2015 – 8%, 2016 – 10%).

Происходят изменения в осознании ответственности за хранение, употребление и сбыт наркотических веществ на территории Российской Федерации. К 2016 году возросла правовая грамотность населения региона. Но также около половины населения края осведомлены о существовании нормативно- правовой базы лишь в общих чертах. Малоизвестно о том, что в Российской Федерации существует законодательная ответственность за хранение, употребление и сбыт наркотических веществ, в 2014 году примерно четверти респондентам (24%), в 2015 – 26%, в 2016 – 19%.

По результатам мониторинга можно сделать вывод, что с 2014 по 2016 годы сократилось число лиц, употребляющих наркотики постоянно (несколько раз в неделю), а так же сократился процент респондентов, употребляющих наркотики редко (от случая к случаю) (2014 – 15%, 2015 – 12%, 2016 – 8%). Большинство жителей региона признаются, что лишь единожды попробовали наркотики и больше не употребляют (2014 – 67%, 2015 – 68%, 2016 – 80%). Нестабилен процент тех, кто в прошлом регулярно употреблял наркотики (2014 – 11%, 2015 – 15%, 2016 – 8%).

Однако в 2016 году Президент Российской Федерации подписал Указ об упразднении ФСКН России, а ее функции были переданы в Министерство внутренних дел, где в дальнейшем было создано Главное управление по контролю за оборотом наркотиков МВД России. По результатам проведенного исследования, можно проследить динамику изменения наркоситуации в регионе за 2017-2019 годы.

Нестабилен процент респондентов, говорящих о том, что проблема наркомании в их населенном пункте распространена, но не больше, чем везде (2017 – 50%, 2018 – 46%, 2019 – 54%). О том, что существует серьезная проблема наркомании в их населенном пункте, считает 21% респондентов в 2018 году, однако, к 2019 году так считают в 15% случаев. Можно наблюдать сокращение числа тех жителей региона, которые считают, что проблема наркомании совсем не распространена в их населенном пункте (2017 – 11%, 2018 – 7%, 2019 – 8%).

Происходят изменения в осознании ответственности за хранение, употребление и сбыт наркотических веществ на территории Российской Федерации. К 2018 году возросла правовая грамотность населения региона. Около половины жителей края осведомлены о существовании нормативно-правовой базы лишь в общих чертах. Малоизвестно о том, что в Российской Федерации существует законодательная ответственность за хранение, употребление и сбыт наркотических веществ, в 2017 году четверть респондентам, в 2018 и 2019 годах – 23%.

К 2019 году увеличился процент тех, кто пробовал наркотические вещества только раз и больше не употребляет. К 2019 году значительно сократился процент тех, кто в прошлом

регулярно употреблял наркотики, а сейчас не делает этого, а так же сократился процент респондентов, употребляющих наркотики редко (от случая к случаю) Но стоит отметить тот факт, что к 2019 году сократилось число лиц, употребляющих наркотики.

Выводы.

Актуальное состояние ситуации, связанной с употреблением наркотических веществ в регионе, напрямую зависит от эффективности деятельности государственных служб, занимающихся реализацией антинаркотической политики, работающих в сфере контроля за оборотом наркотиков, а также в области противодействия их незаконному обороту.

Социальный механизм противодействия наркотизации молодежи как основы сохранения безопасности должен быть основан на принятых на федеральном и региональном уровнях нормативно-правовых актах, регулирующих реализацию государственной политики в сфере незаконного распространения наркотических веществ на территории страны и региона. Они положены в основу формирования законов, нормативно-правовых актов, обеспечивающих деятельность служб, занимающихся противодействием незаконного оборота наркотиков.

При оценке мероприятий по профилактике наркомании необходимо использовать индикаторы, связанные с просвещением населения о последствиях употребления наркотических веществ, развитием спорта и поддержания здорового образа жизни, доступностью помощи специалистов для лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию, а также ужесточением нормативно-правовой базы.

Рекомендации по оптимизации управления организаций, занимающимися борьбой с незаконным распространением наркотических веществ на основе социологической оценки эффективности антинаркотической политики включают мониторинг динамики, связанный с распространением наркотических средств и психотропных веществ, на территории края, проведение профилактических мероприятий, создание информационного пространства для координации и совместной работы органов государственной власти и некоммерческих организаций, выработку новых методов при работе с наркозависимыми людьми.

Литература

1. Богомолов А.В. Наркотизация населения как угроза национальной безопасности государства / А.В. Богомолов, Г.Г. Климентенко // Молодой ученый. – 2014. – №3. – С. 94 – 98. – URL: <https://moluch.ru/archive/62/9419/> (дата обращения: 20.08.2020).
2. Бабаян Э.А. Наркология / Э.А. Бабаян, М.Х. Гонопольский. – М.: Наука, 2014. – 543 с.
3. Карпец А.В. Мониторинг и оценка наркоситуации / А.В. Карпец, И.Е. Махров, Э.М. Виноградова. – М.: Юстицинформ, 2017. - 224 с.
4. Максимова С.Г. Наркотизация в приграничном регионе России: вызовы, риски, угрозы: монография / С.Н. Максимова, Н.П. Гончарова, О.Е. Ноянзина, Д.А. Омельченко, Г.С. Авдеева, под общ. ред. С. Г. Максимовой. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. - 365 с.
5. Максимова С.Г. Социальные риски распространения наркопотребления в приграничном регионе России (на примере Алтайского края) / С.Г. Максимова, О. Е. Ноянзина, Д.А. Омельченко, М.Б. Максимов // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2013. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-riski-rasprostraneniya-narkopotrebleniya-v-prigranichnom-regione-rossii-na-primere-altayskogo-kрая> (дата обращения: 15.01.2019).

ПРИОРИТЕТНЫЕ ЗАДАЧИ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В СРЕДЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ¹

Нардина Оксана Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
Института права и экономики ФГБОУ ВО «Елецкий
государственный университет им. И.А. Бунина», г. Елец

Аннотация. Нейтрализовать в среде несовершеннолетних распространение идей радикального экстремизма, а также обеспечить профилактику и преодоление этого негативного явления возможно путем создания эффективной системы мировоззренческой безопасности. Формирование внутренне устойчивой личности, а также общества свободного от политического, национального и религиозного экстремизма, порождающего насилие, в том числе и в террористических формах, возможно посредством культурно-мировоззренческих мер, аккумулирующих нравственные заповеди и идеи предшествующих поколений. Автор считает, что осуществить трансляцию ценностей российского общества подрастающему поколению возможно через религию, образование и воспитание.

Ключевые слова: несовершеннолетние, экстремизм, терроризм, мировоззренческая безопасность, религия, образование, воспитание.

Annotation. It is possible to neutralize the spread of ideas of radical extremism among minors, as well as to prevent and overcome this negative phenomenon by creating an effective system of ideological security. The formation of an internally stable personality, as well as a society free from political, national and religious extremism that generates violence, including in terrorist forms, is possible through cultural and ideological measures that accumulate the moral precepts and ideas of previous generations. The author believes that it is possible to translate the values of Russian society to the younger generation through religion, education and upbringing.

Keyword: minors, extremism, terrorism, ideological security, religion, education, upbringing.

Постановка проблемы. Противодействие терроризму и экстремизму не может ограничиваться лишь реагированием на уже совершенные преступления. Необходимо оказывать воздействие на первопричины, их продуцирующие. Среди приоритетных мер предупреждения экстремизма и терроризма хотелось бы выделить профилактические меры, направленные на снижение привлекательности террористической деятельности для ее потенциальных участников, в том числе и несовершеннолетних.

В силу возраста и отсутствия определенного набора знаний и навыков несовершеннолетние имеют потребность соответствовать нормам групп и организаций, авторитет руководителей и членов которых они признают. Однако если эти группы и организации являются экстремистскими, несовершеннолетние, полагаясь на групповые оценки и установки могут быть втянуты в экстремистскую и даже террористическую деятельность.

Целью статьи является обоснование необходимости формирования мировоззренческой безопасности несовершеннолетних как основной меры, направленной на противодействие экстремизму и терроризму.

Изложение основного материала исследования. Важность и приоритетность профилактических мер в антиэкстремистской и антитеррористической деятельности органов

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00076 Правовые и социальные аспекты обеспечения безопасности несовершеннолетних в Российской Федерации.

государственной власти и органов местного самоуправления отмечена законодателем в федеральных законах от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [1] и от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [2]. При этом в ст. 5 Закона о противодействии экстремистской деятельности к мерам профилактики относит, «в том числе воспитательные, пропагандистские меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности». А ст. 3 Закона о противодействии терроризму под профилактикой понимает предупреждение терроризма «посредством выявления и последующего устранения причин и условий, способствующих совершению террористических актов».

Развивает указанные положения законодательных норм Концепция противодействия терроризму в РФ, утвержденная Президентом РФ 5 октября 2009 г. [3] Только после профилактики в Концепции рассматриваются вопросы борьбы с терроризмом и минимизация и (или) ликвидация последствий проявления терроризма.

Концепция противодействия терроризму предлагает в рамках проведения профилактических мероприятий комплекс мер:

«а) разрабатывать меры и осуществлять мероприятия по устранению причин и условий, способствующих возникновению и распространению терроризма;

б) противодействовать распространению идеологии терроризма путем обеспечения защиты единого информационного пространства РФ;

в) улучшать социально-экономическую, общественно-политическую и правовую ситуацию в стране; ...

л) обеспечивать скоординированную работу органов государственной власти с общественными и религиозными организациями, другими институтами гражданского общества и гражданами» [3].

Рассматривая перечисленные и иные задачи профилактики терроризма, считаем, что среди основных направлений по устранению детерминант политически-мотивированного насилия необходимо сосредоточить усилия на мировоззренческих проблемах современного общества.

В современной России распространение сектантства, сепаратистских и националистических идей, подмена культурных ценностей и многие другие деструктивные процессы, влияющие на эскалацию экстремизма и терроризма, связаны с кризисом духовной жизни, в результате которого деградируют как общественные институты, так и отдельная личность. На эту проблему государство должно обратить пристальное внимание, и выработать Стратегию мировоззренческой безопасности, которая объединит население страны независимо от национальной, социальной, политической и возрастной принадлежности. Выработывая эту Стратегию, государство должно стремиться сформировать идейно-нравственный иммунитет от насилия, на основе культурных традиций и ценностей народов РФ, сложившихся на протяжении всей ее истории. Именно культурный потенциал, накопленный российским обществом, способен противостоять экстремистской и как следствие террористической идеологии.

Целью этой Стратегии должны стать – нейтрализация, профилактика и борьба с экстремизмом во всех его формах и проявлениях. Базироваться Стратегия должна на универсальных гражданских ценностях прав человека, культуры мира, гуманизма, толерантности, а в итоге она должна способствовать созданию условий для формирования личности с высокими моральными и нравственными качествами, с устойчивой системой внутреннего самоконтроля и правилами жизни по законам совести. В основе Стратегии должны быть заложены социальные и культурные технологии, воспитывающие несовершеннолетних с устойчивой и невоспринимающую радикальные идеи психикой, создающие идеологически безопасную среду обитания, свободную от экстремизма и терроризма. Причем культурные технологии должны выдвигаться на первый план, так как через культуру передаются все лучшие нравственные заповеди поколений, великие идеи русского просветительства, благотворительности, милосердия, душевное благородство,

уважение к своим национальным традициям. Как всеобъемлющая система, культура вплетена в повседневную жизнь общества и тем самым обеспечивает, организует и регулирует его жизнедеятельность. И именно она придает человеку внутреннюю свободу, а также ответственность перед собой, обществом и всем миром.

Культура представляет собой совокупность материальных и духовных ценностей, выражаемых в социальных нормах и коммуникативных правилах, посредством которых можно определить уровень развития конкретного человека и общества в целом. А.Я. Флиер, рассматривая культуру как социально-регулятивную программу, основанную на «нормативных взаимодействиях и коммуникациях», выявляет социальную культуру – «культуру культурного человека» [8, с. 1]. Вместе с тем он отмечает и ненормативные связи – девиантные и ситуативно экстравагантные. Однако поддержание социального порядка и полноценное функционирование конкретного сообщества А.Я. Флиер связывает с социальной культурой [8, с. 1]. Соглашаясь с высказанной позицией, хотим отметить многогранность и многофункциональность культуры. Как социально-поведенческий феномен культура имеет множество проявлений: религия, философия, искусство, творчество, образование, наука, право, воспитание, спорт и другие проявления человеческой деятельности. Все перечисленные и иные элементы культуры способны оказать профилактическое воздействие и противопоставить заложенный в них потенциал экстремистской идеологии, однако наиболее значимыми, по нашему мнению, являются такие формы как религия, образование и воспитание.

С момента появления человека религия является наиболее важной составляющей культуры. «Религиозная практика (опыт) является связующим звеном между религией и культурой, религиозный опыт инспирирует мышление и философию» [5, с. 179].

Каждая религия сформировала свою систему нравственных законов и этических принципов, регулирующих отношение человека к другим людям, обществу и государству. При этом все мировые религии осуждают проявления насилия, а тем более такие его формы как экстремизм и терроризм, и призывают своих последователей к миру, любви и доброжелательности. Именно такие моральные императивы находят отражение в Основах социальной концепции Русской православной церкви, Основных положениях социальной программы российских мусульман, Основах социальной концепции иудаизма в России и Социальной позиции протестантских церквей России.

В Основах социальной концепции РПЦ [4] программно изложены не только основные богословские положения, а также критерии нравственности, но и вопросы взаимоотношения и взаимодействия церкви и нации, государства, отношение церкви к праву, политике, труду, собственности, экологии, войне и миру, преступности и наказанию и др. Об экстремизме и терроризме в Основах прямо не говорится, но отношение Русской православной церкви к этим явлениям можно проследить по следующим положениям:

- политическим разногласиям и противоречиям Церковь противопоставляет мир и соработничество людей, придерживающихся различных политических взглядов;

- главным источником преступления Церковь считает помраченное состояние души. «Именно поэтому лучшей формой предотвращения нарушений закона является проповедь честного и достойного образа жизни, особенно в среде детей и юношества»;

- «недопустимыми является пропаганда насилия, вражды и ненависти, национальной, социальной и религиозной розни, а также греховная эксплуатация человеческих инстинктов» [4].

Данная гуманистическая парадигма воспринимается и иными религиями. Однако в общественном сознании терроризм очень часто связывается с исламом. И действительно, многие экстремисты и террористы, осуществляя свою противозаконную деятельность используют исламскую идеологию, которой исторически присущи умеренность, терпимость, способность к позитивному взаимодействию с другими культурами. Такая возможность появляется у террористов в результате контекстного цитирования ими Священного писания с его радикальным толкованием, искажения образа праведного мусульманина, выстраивания

образа врагов ислама (приверженцев традиционного ислама, христианства, иудаизма), извращения традиционных основ понятия «джихад» и др. То есть экстремистские идеологи, используя религиозную безграмотность населения, вербуют в свои организации в том числе несовершеннолетних. Практически все известные террористические организации и экстремистские группировки считают детей достаточно перспективным контингентом, которые после прохождения программы обучения и идеологической обработки становятся идеальным оружием, по уровню жестокости и готовности убивать превосходящие взрослых наемников. Особенно ярко возможности использования террористами несовершеннолетних были представлены в Интернете террористической организацией ИГИЛ, запрещенной в Российской Федерации. Это были не только отдельные фоторепортажи, видеоролики, но в том числе и полноценный документальный фильм – «Львята Халифата». Исследуя эти источники правозащитные организации пришли к выводу, что в «лагерях ИГИЛ находилось от пяти до восьми тысяч детей. Некоторые младше восьми лет. Примерно треть – подростки до четырнадцати лет. Меньше всего джихадистов, которые вот-вот достигнут совершеннолетия» [6]. Итак, экстремистские и террористические организации активно используют религиозные догмы для легитимизации и популяризации своей деятельности, поэтому государство и общество не должно игнорировать религиозный фактор, осуществляя противодействие политически мотивированной преступности. Религиозные организации, поддерживаемые государством, должны:

- стремиться к воспитанию высоконравственных людей;
- препятствовать превращению веры в религиозный фанатизм, порождающий экстремизм и терроризм;
- разъяснять спекулятивный характер ссылок экстремистов по поводу их связи с какой-либо религией, этнической группой или национальностью.

А государство, поддерживая религиозное многообразие, обязано:

- содействовать конструктивному взаимодействию межрелигиозного диалога и сотрудничества и толерантности;
- поддерживать участие религиозных представителей в борьбе с терроризмом и экстремизмом;
- пресекать деятельность нетрадиционных религий и сект, проповедующих насилие.

Образование как важнейший социокультурный институт способно внести существенный вклад в деятельность по предупреждению экстремизма и терроризма. Связано это с тем, что человек, получая образование осваивает материальные и духовные ценности, культурные традиции, образцы поведения и деятельности, накопленные человечеством и передаваемые от одного поколения другим. Образование в большей степени, чем иные проявления культуры, влияет на формирование личности, ее мотивационно-ценностной системы, целостности мировоззрения способного противостоять идеологическому и психологическому воздействию. Следовательно, несовершеннолетние, не получившие хорошего образования и профессиональных навыков, не обладающие социально-психологической зрелостью, наиболее подвержены воздействию экстремистских и террористических групп.

Возрастающая роль образования при формировании у несовершеннолетних духовно-нравственных личностных и профессионально-трудовых навыков, требует от государства разрабатывать образовательные стратегии:

- развивающие у молодого поколения любовь и ответственное отношение к Родине;
- воспитывающие чувство патриотизма и гордости, общероссийской гражданской и культурной идентичности, прививающие уважение к закону, правам и свободам человека и гражданина;
- сохраняющие и обогащающие не только общероссийские исторические, научные и культурные ценности, обычаи и традиции, но и культурные ценности народов России;
- формирующие толерантное отношение к культурным и религиозным различиям;
- обеспечивающие прозрачность и открытость конфессиональных образовательных систем и их интеграцию в общенациональную российскую систему образования;

- усиливающие воспитательные функции образовательных учреждений, направленные на социальную профилактику экстремистских идеологий (национализм, фашизм, религиозный и идеологический фундаментализм).

Воспитание является социальным институтом, направленным на формирование личности путем фиксации и транслирования культурных достижений человечества подрастающему поколению, включающим его в сложную систему общественно-производственной деятельности. При этом именно культура определяет цели и содержание воспитания. Если государство и общество стремятся воспитать человека невосприимчивого к экстремистской идеологии, то в основу воспитания должны быть положены общечеловеческие ценности, идеи ненасилия и взаимодополнительности культур.

При решении таких серьезных проблем как экстремизм и терроризм вопрос о воспитании молодежи необходимо поставить на первое место, так как воспитание достойной смены – естественное условие существования человеческого сообщества. Еще великий философ античности Платон говорил: «Воспитание – это Архимедов рычаг, который позволит перевернуть всю политику государства, воспитав морально ответственную человеческую личность. Поэтому создание демократического государства надо начинать с нуля – с нравственного воспитания будущего поколения» [7, с. 302].

В рамках мер воспитательного характера государство должно:

- усилить формы и методы разъяснительной работы, необходимо доводить до людей как идеологические заблуждения идейных основ экстремизма, так и суть антиэкстремистских и антитеррористических идей;

- вести специальную работу с молодежью, наиболее подверженной криминальному и террористическому влиянию, воспринявшей ложную идеологию экстремизма и терроризма;

- разрабатывать и реализовывать меры по сокращению социальной базы экстремизма и терроризма;

- создать эффективную систему просвещения граждан, которая позволит прививать детям, молодежи и взрослым такие качества, которые ориентируют личность на активное неприятие терроризма, противодействие ему, исключают использование терроризма как средства достижения любых целей в гражданском обществе;

- формировать в сознании молодежи высокий образ Родины, вызывающей чувство гордости и желание внести свой вклад в дело созидания и расцвета страны; воспитывать в общественном сознании образ положительного героя с чувством собственного достоинства, осознающего личную ответственность перед обществом и Отечеством;

- культивировать в общественном сознании образ здоровой и полноценной семьи через СМИ, так как истинное духовно-нравственное воспитание человек получает только в семье. Престиж семей, воспитывающих нравственно и физически здоровых детей, должен быть поднят на максимальную высоту.

Выводы. Наиболее приоритетной задачей государства и гражданского общества по нейтрализации и профилактике экстремизма и терроризма в среде несовершеннолетних является устранение детерминант политического насилия, среди которых особо выделяются мировоззренческие. Наслаиваясь на политические, социально-экономические и иные проблемы, культурно-идеологические противоречия влекут за собой негативные последствия для духовно-нравственной жизни общества: искажают исторические традиции и гуманистические ценности, культивируют эгоизм и насилие, стимулируют политический экстремизм и ослабляют возможность государственной власти эффективно противостоять ему.

Нейтрализация, профилактика и преодоление радикального экстремизма и терроризма возможно путем формирования на государственном уровне Стратегии мировоззренческой безопасности, воспринимающей культурные и социально-коммуникационные технологии, наиболее значимыми из которых являются религия, образование и воспитание.

Литература

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изм. от 31 июля 2020 г.) // Российская газета. 2002. 30 июля.
2. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (с изм. от 18 марта 2020 г.) // Российская газета. 2006. 10 марта.
3. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: утверждена Президентом РФ 5 октября 2009 г. // Российская газета. 2009. 20 октября.
4. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви: утверждены Архиерейским собором 16 августа 2000 г. // Русская Православная Церковь. Отдел внешних церковных связей. Официальный сайт. URL: <https://mospat.ru/ru/documents/social-concepts/> (Дата обращения: 13 августа 2020 г.)
5. Киселева А.С. Соотношение религии и культуры: специфика культуры в контексте православной традиции // Новый взгляд. Международный научный вестник. – 2014. – № 5. – С. 177-190.
6. «Львята халифата». Страшное наследие исламских террористов // РИА Новости. Официальный сайт. URL: <https://ria.ru/20190212/1550696114.html> (Дата обращения: 13 августа 2020 г.)
7. Платон. Собрание сочинений. В 4-х т. Том 2. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. – 2007. – 626 с.
8. Флиер А.Я. Культура как социально-регулятивная программа: этап становления // Культура культуры. – 2015. – № 1 (5). – С. 1-2. (1).

УДК: 37.061

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕЗО СРЕДЫ СОЦИУМА МАЛОГО ГОРОДА В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Попов Максим Николаевич,

кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой здоровья и реабилитации, директор Института педагогики, психологии и инклюзивного образования Гуманитарно-педагогической академии (филиала) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Ялта

Аннотация. В статье рассмотрена специфика воспитательного потенциала мезосреды социума малого города в профилактике девиантного поведения подростков. Выделены специфические социально-педагогические условия реализации воспитательного потенциала мезосреды социума малого города.

Ключевые слова: воспитательный потенциал, мезосреда социума, девиантное поведение.

Annotation. The article discusses the specificity of the educational potential of the microenvironment of a small town society in the prevention of deviant behavior in adolescents. The specific socio-pedagogical conditions for the realization of the educational potential of the microenvironment of the small town society are highlighted.

Keywords: educational potential, meso-environment of society, deviant behavior.

Постановка проблемы. Подростковый возраст являет одним из важных этапов в социализации личности, в том числе особое внимание уделяется профилактике девиантного поведения подростков. Гармоничность взаимодействия, структурированность в отношениях подросток-социум, эмоциональное принятие и сбалансированность системы требований

являются основополагающим фактором для нормального развития подростка, профилактики различного рода девиаций.

Целью статьи является теоретическое и эмпирическое обоснование воспитательного потенциала мезосреды малого города на профилактику девиантного поведения подростков.

Изложение основного материала исследования. Изменения, происходящие в государстве, обществе и образовании, не могли не повлечь за собой поиск новых путей в обновлении деятельности спортивно-оздоровительных учреждений и в модернизации её воспитательной среды. Демократизация деятельности школы и внешкольных учреждений, её автономия в использовании различных учебных планов и программ обеспечили возможность более гибко подходить к определению направления профилактической деятельности, к предоставлению подросткам возможности выбора различных видов деятельности, а педагогам творческих технологий их реализации и самореализации. Указом Президента РФ от 07.05.2018 N 204 "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года" определены цели и задачи к 2024 году: повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 году – до 80 лет); увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет; увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни, а также увеличение до 55 процентов доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом.

Внимание государства к усилению деятельности в области оздоровления общества, обеспечения национальной безопасности государства активизировало деятельность общественных организаций по пересмотру их целей, задач, миссии, мезосреды общества малого города, претерпевает трансформационные изменения. Расширение информационного пространства и стрессовых ситуаций в межличностных отношениях людей, особенно болезненно влияет на подростков, что требует создания в системе дополнительного образования образовательной и профилактической среды для предотвращения девиантного поведения подростков путем сочетания различных форм. Общественные организации, включённые в единую систему общего и дополнительного образования, ориентированы на межведомственное взаимодействие в оказании социально-педагогической помощи подросткам. Внимание к вопросам воспитания подрастающего поколения в мезосреде социума малых городов является естественным явлением и связано с такими обстоятельствами, как объективно развивающееся взаимодействие семьи и социального воспитания; увеличение социально-экономического и свободного времени подростков, влияние средств массовой информации на формирование нравственной, правовой, культурной, интеллектуальной сфер личности.

Анализ психолого-педагогической литературы (Б.П. Битинис, М.А. Галагузова, А.В. Мудрик, В.Д. Семёнов, Е.Н. Сорочинская и др.) показал, что у общественных организаций, занимающихся воспитанием подрастающего поколения ещё немало трудностей и проблем в организации свободного времени подростков: общении и взаимодействии детей по месту жительства; внешкольном воспитании и т.д. Поэтому общеобразовательные учреждения не могут функционировать «изолировано друг от друга», влиять на среду не согласовывая свои действия с другими государственными и социальными институтами воспитания подрастающего поколения [1; 2; 3].

В этом аспекте учреждения и общественные организации, действующие на территории небольшого города, выступают в качестве социальной и образовательной среды для подростка, где они выбирают виды деятельности в соответствии со своими интересами, потребностями и способностями, что повышает потенциал окружающей среды в предотвращении девиантного поведения. В отличие от школьной среды, где образовательный процесс всегда организован, образовательная среда общества более противоречива и специфична, в определенной степени стихийна, но с точки зрения ее влияния на сознание и поведение подростков она более значима.

Это связано с тем, что в мезосреде общества создаются определенные схемы взаимодействия между учителем-подростком, подростком-подростком, учителем-

подростком-родителем и т.д., в которых накапливается опыт поведения и способы взаимодействия в бытовых условиях. В спортивно-рекреационной среде клуба подростки овладевают как положительным нравственным опытом, так и сталкиваются с другими моделями поведения, вредными привычками, высказываниями, которые противоречат социально-нравственному и правовому образу жизни. И если средства обучения не ставят барьер для проникновения такого негативного опыта в сознание и поведение подростков, то они могут впитать его в себя, ассимилировать как возможную модель поведения, и в будущем такая оптовая торговля может стать отправной точкой девиантного поведения и преступности несовершеннолетних.

Мезосреда малого города, в котором подростки приобретают социальный опыт, оказывает существенное влияние на поведение личности (Т. Ф. Борисова, А. В. Мудрик, Д. И. Фельдштейн и др.) [3 – 6]. Образовательный потенциал мезосреды позволяет подростку реализовать свои личные потребности не только в самореализации и приобретении социального опыта, но и в общении, познании окружающей действительности, самоутверждении в активной деятельности, ориентируясь на общепринятые моральные и правовые нормы. Мезосреда общества позволяет подростку сравнивать полученные знания с наблюдениями, жизненной практикой, накапливает жизненный опыт поведения и общения, учится быть взрослым, самостоятельным, заботиться о младшем, выстраивать отношения со сверстниками. В то же время мезосреда представляет собой сферу жизни, которая включает организацию досуга, рекреационных, общественно-полезных действий подростков, в процессе которых он приобретает нравственно-правовой жизненный опыт, в том числе, как в быту, так и в конфликтных ситуациях общения.

Среда небольшого города имеет свою специфику, определяемую характеристиками самого города. Город является особым социальным пространством деятельности субъекта-гражданина, сословий, групп городского сообщества. Атрибуты города включают в себя многофункциональность, которая позволяет более полно использовать многогранный потенциал города: географическое положение, специфическую средовую инфраструктуру, квалифицированный персонал, производственные активы и т.д. Существует также такая особенность города, как его динамизм. Это проявляется в связи с концентрацией взаимодействующих объектов на «ограниченном пространстве городской территории»: приток людей из деревень в город, из периферийных районов в центр и обратно, преобладание многих отраслей, системы жизнеобеспечения и т.д. В Европе 80 %, а в России 75% населения – городские жители. В социально-демографической и географической литературе населенный пункт, классифицируемый как город в соответствии с законодательством штата и имеющий население менее определенного размера, называется маленьким городом. В России – это города с числом жителей до 50 тыс. человек. В зарубежных классификациях к малым городам относятся поселения с населением до 20 тыс. жителей. Жители малых городов составляют значительную часть российского населения – около 26 миллионов человек.

Социально-педагогические особенности малого города включают в себя некоторые нижеперечисленные характеристики.

1. В малых городах значительно медленнее происходит развитие социальной инфраструктуры, что не позволяет фиксировать «рост качественных характеристик жизнедеятельности» его сообщества.

2. Реакция населения на любые динамические изменения в социально-культурной, промышленной и других сферах, в небольшом городе, благодаря его компактному расположению, происходит быстрее, чем в большом городе, и тем более в мегаполисе. Поэтому последствия всех нововведений, в том числе в сфере образования, наступают быстрее.

3. Из-за компактности среды обитания информация о процессах (в том числе инновационных) в социальной сфере в маленьком городке распространяется гораздо быстрее,

чем в крупном городе или мегаполисе. Поэтому оценка гражданами любых изменений в образовании маленького города формируется ускоренными темпами.

Важным условием увеличения степени свободы личности в условиях малого города является прямо-пропорциональное увеличение элементов культурной среды, количества видов досуговой деятельности (клубов по интересам, ассоциаций, объединений по месту жительства) с развитием производственного потенциала города. Следовательно, в системе образования малого города опережающими темпами должны развиваться учреждения дополнительного образования, межведомственные учреждения (образовательно-культурные, образовательно-спортивные, образовательно-производственные и другие).

Система образования малого города должна развиваться в его социальной структуре опережающими темпами, так как именно она создает условия для равновесного изменения социально-экономической среды, формирует разнообразие в культурной сфере городского сообщества.

Специфика социально-педагогических особенностей малого города определяет ряд противоречий:

- между ценностями, историко-культурными традициями малого города и складывающимися в нем деперсонализированными социокультурными отношениями;
- между жизненными образовательными и профессиональными планами горожан и возможностью их реализации в существующих условиях;
- между имеющейся квалификационной структурой, актуальными и перспективными потребностями рынка труда.

Исходя из социально-педагогических особенностей и противоречий в социальной среде малого города, его воспитательный потенциал будет по некоторым параметрам уступать потенциалу больших городов, однако в то же время в некоторых аспектах может быть более эффективным.

Изучение муниципальных систем социального воспитания некоторых малых городов позволяет условно выделить два вида таких систем: массовый и опытно-инновационный.

Анализ воспитательного потенциала малого города массового типа можно провести на пример города Ялта Республики Крым.

Как и все малые города России, г. Ялта располагает собственной воспитательно-образовательной системой, в структуру которой входит 22 дошкольных образовательных учреждений, 11 средних школ, специальная коррекционная школа, вечерняя школа, Центр детского творчества, музыкальная школа, школа искусств, детско-юношеская спортивная школа, школа борьбы, медицинское училище, торгово-экономический колледж, социально-психологический центр. Эти учреждения являются элементами, составляющими муниципальную воспитательную систему в городе, общее руководство которой осуществляется районным отделом образования[5].

Как нам удалось зафиксировать, деятельность всей городской системы воспитания можно свести к следующим основным воспитательно-социализирующим направлениям: духовно-нравственное, эстетическое, краеведческо-патриотическое, экологическое, спортивно-оздоровительное. Воспитательная работа по этим направлениям, хотя и имеет, на наш взгляд, локально-автономный характер, тем не менее, находит то или иное проявление в воспитательно-образовательных учреждениях, о собственно воспитательной деятельности которых необходимо иметь представление.

Указанные общие направления образовательной деятельности системы социального образования в городе за время нашего наблюдения были реализованы в городских школах МО г. Ялты Республики Крым с различной степенью успешности. С точки зрения содержания, они отличались от массовых практик и, прежде всего, своей уникальной образовательной политикой, проводимой в небольшом городе, а также детальной программой создания, реализации и управления развитием различных по типу и виду образовательными системами образовательных организаций. Семантическим эпицентром этой политики является некая социально-педагогическая идея-концепция, объединяющая реальные организационные,

методологические и образовательные основы развития системы образования малого города на уровне образовательных учреждений. Элементы социокультурного пространства небольшого города участвуют в различных аспектах процесса социального воспитания учащихся и обеспечивают успешность позитивной социализации в целом. Чтобы конкретизировать эти положения, необходимо сослаться на прямые примеры современного социально-педагогического опыта построения такого рода муниципальных систем социального образования в некоторых малых городах Российской Федерации.

Выводы. Изучение и анализ малого города как социокультурного феномена, а также описанные нами муниципальные системы социального воспитания массового и экспериментально-инновационного типов позволяют выделить ряд социально-педагогических условий, соблюдение которых из которых способствует позитивной социализации подростков и профилактике девиантного поведения в небольшом городе.

Первым условием является постоянный мониторинг (диагностический анализ, отслеживание) состояния и основных тенденций общей социальной и образовательной среды небольшого города, основанный на знаниях о малом городе как социокультурном явлении.

Вторым социально-педагогическим условием, способствующим позитивной социализации учащихся в небольшом городе, является развитие внутренних (локальных) образовательных систем и образовательных учреждений небольшого города, опора на них при создании общегородской образовательной системы.

В качестве особого социально-педагогического условия, способствующего позитивной социализации учащихся в небольшом городе, необходимо особо выделить построение эффективной муниципальной системы социального образования.

Литература

1. Воспитательное пространство как объект педагогического исследования / Под ред. Н.Л. Селивановой. – Калуга: ИУУ, 2000. – 248 с.
2. Иванов В. Человек растет в школе, школы складываются в систему: Диалог двух заинтересованных лиц // Народное образование. – 2000. – №6. – С. 195-198.
3. Корнилова А.Г. Педагогические основы социального воспитания: Учеб. пособие. – Якутск: ЯГУ, 1992. – 69 с.
4. Мудрик А.В. Социализация и воспитание // В сб. Теория и практика воспитательных систем: материалы науч.-практ. конференции / Отв. ред. Л.И. Новикова. – Владимир: ВОИУУ, 1997. – 216 с.
5. Попов М.Н. Социальная политика в области формирования здорового образа жизни молодежи муниципального образования городского округа Ялта / В сборнике: Культурное пространство молодежи: смыслы и практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией Т.К. Ростовской. – 2019. – С. 203-206.
6. Филонов Г.Н. Воспитание как социально-педагогический феномен. Стратегия развития. – М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2000. – 159 с.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В ИНТЕРНЕТЕ: МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ¹

Порозов Роман Юрьевич,

кандидат культурологии, доцент,
доцент кафедры философии, социологии и культурологии
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»,
г. Екатеринбург

Аннотация. В статье рассматривается феномен бытования современной российской молодежи в Интернете. Выделяются основные модели поведения взаимодействия. В качестве основного инструментария используются статистические данные, которые могут быть подвергнуты дальнейшей теоретической концептуализации.

Ключевые слова: российская молодежь, Интернет, культуротворческая субъектность, социокультурная антропология, модели поведения и взаимодействия.

Annotation. The article examines the phenomenon of the existence of modern Russian youth on the Internet. The main models of interaction behavior are highlighted. Statistical data are used as the main toolkit, which can be subjected to further theoretical conceptualization.

Keywords: Russian youth, Internet, cultural and creative agency, sociocultural anthropology, models of youth behavior and interaction.

Постановка проблемы. Пространством манифестации культуротворческой субъектности современной российской молодежи является Интернет. Значимость Интернета для современной молодежи обусловлено также и тем, что именно здесь происходит «складывание» фундаментальных социокультурных паттернов: референтных групп, ценностного и нормативного аппарата. Традиционная бинарная оппозиция «реальное – виртуальное», на наш взгляд, теряет свою актуальность для теоретического и практического рассмотрения специфики современной российской молодежи.

Целью статьи является теоретическое и практическое рассмотрение моделей поведения и особенности взаимодействия современной российской молодежи в сети Интернет.

Изложение основного материала исследования. В рамках заявленной проблематики мы считаем наиболее целесообразно рассматривать бытование современной российской молодежи в Интернете как антропологический феномен, а точнее, в ее социокультурной парадигме. Основной целью социокультурной антропологии является, на наш взгляд, изучение т.н. культуротворческой субъектности человека. Под культуротворческой субъектностью человека мы понимаем способность преобразовывать окружающее пространство в соответствии с присущими нормативными и ценностными установками. Именно категория «культуротворческая субъектность» позволяет наиболее адекватно и полно интерпретировать динамические процессы в культуре, например, феномен бытования современной российской молодежи в Интернете. Именно данный процесс отличается чрезмерной динамикой и вариативностью. К вопросу об объективации поведения молодежи в Интернете следует подходить с эмпирических и теоретических позиций. Оговоримся предварительно, что к рассматриваемой группе мы относим граждан возрастом от 12 до 24 лет.

Обратимся к актуальным эмпирическим данным. Эмпирические данные позволяют составить т.н. «предварительный портрет» культуротворческой субъектности изучаемой группы. По данным авторитетного исследования Digital Russia 2020 (по состоянию на январь 2020 г.) [1], проводимом аналитическим агентством We Are Social совместно с SMM-

---

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект N 20-012-00415.

платформой Hootsuite, при населении около 146 млн. человек в стране более 118 млн. Интернет пользователей (т.е. уровень проникновения составляет 81%); около 70 млн. активных пользователей социальных медиа (около половины всех жителей страны). В среднем жители России проводят в Интернете за социальными медиа (2 ч.26 мин.), слушает музыку (50 мин.), 30 мин. – проводят за т.н. игровыми консолями. Далее обратимся к т.н. «возрастному профилю» пользователей социальных медиа и сетей. Интересный момент относительно затрагиваемой нами социально-возрастной группы (13-17 лет и 18-24 года). В первой подгруппе пользователями социальных медиа и сетей являются 2,1% женского и 1,5% мужского пола; во второй – 9,5% и 8,3% соответственно. Данные цифры описываются только молодежную аудиторию Facebook, Instagram и Facebook Messenger.

Однако картина не будет полной, если исключить из нашего внимания три наиболее популярных среди современной российской молодежи Интернет-ресурса – VK.com, TikTok, WhatsApp. По данным, которые приводит исследовательская компания Mediascope [3], количество человек, заходивших на ресурс хотя бы 1 раз в месяц на мобильную и десктопную версию VK («по географии Россия»), составляет около 8,08 млн. молодых людей (в апреле 2020 – 8,3 млн.). Аналогичная статистика приводится по TikTok (3,03 млн., месяц ранее – 2,9 млн.) и по WhatsApp (7,15 млн., месяц ранее – 6,88 млн.). Сравним представленные данные с другими возрастными группами – 25-34 года и 34-44 года. В этом отношении сравнение актуально, поскольку численно рассматриваемые три возрастных группы практически равны (по данным официальной статистики [6] численность населения группы 10-24 года составляет около 22 млн. чел., 25-34 года – 23 млн., 35-44 года – 22,3 млн.). Итак, численность аудитории возрастной группы 25-34 года: VK – 9,46 млн., TikTok – 2,7 млн., WhatsApp – 10,52 млн.; аудитории возрастной группы 34-44 года: VK – 9,46 млн., TikTok – 2,10 млн., WhatsApp – 9,33 млн. При этом в Интернете молодежь проводит порядка 230 минут (или почти 4 часа в день). По данному показателю значительно опережает другие возрастные группы (практически на 13%, в частности, группу «35 – 44 года», а группу 25 – 34 года более чем на 15,5%).

Приведенные эмпирические данные позволяют выдвинуть следующие гипотезы, важные для понимания специфики бытования современной российской молодежи в Интернете. Во-первых, социальные медиа не являются исключительной прерогативой молодежи, в отдельных случаях данная возрастная группа даже «проигрывает» другим. Это свидетельствует, по-видимому, о т.н. нормализации социальных медиа в российском обществе – выравнивании статуса данной формы коммуникации для среднестатистического гражданина в его повседневном поведении. Во-вторых, для современной российской молодежи, скорее всего, более значим сам факт пользования Интернетом, нежели каким-то конкретным источником. Да, есть определенные трендовые социальные медиа, например, Tik-Tok, но на его место может занять другое; при этом время, проведенное в сети, вряд ли изменится.

Анализ эмпирических данных в процессе интерпретации специфики поведения российской молодежи в Интернете может быть продолжен, если обратиться, в частности, к наиболее популярным группам в социальных медиа. Здесь может быть предложен алгоритм, при помощи которого происходит сбор и обработка статистической информации. Данный алгоритм был нами ранее разработан, и ориентировался также на подобные более ранние разработки, представленные на специализированном портале R-Bloggers [2]. Алгоритм разработан на основе языка R, который используется для обработки и визуализации статистической информации. Традиционно публикуемая информация о наиболее массовых группах, например, ВКонтакте демонстрирует интерес аудитории к двум типам информации – о новинках в мире массовой культуры (сериалах, музыке, фильмах), а также юмористические паблики [7]. Первые 5 мест по количеству подписчиков среди ВК-групп занимают:

1. Новинки Музыки 2020 | Лучшая Музыка (17 677 459 подписчиков);
2. Киномания | Новинки 2020: "ПРОЕКТ POWER" (12 874 529 подписчиков);
3. Киномания | Фильмы | Сериалы (12 401 230 подписчиков);
4. КиноКайф – Лучшие фильмы (11 969 330 подписчиков);
5. MDK (11 547 935 подписчиков).

Предлагаемые алгоритмы могут отобразить и визуализировать информацию о возрастном статусе участников группы, географической и гендерной представленности. Конечно же, нельзя не отметить, что «виртуальный портрет» участника ВК-группы может и не совпадать с «реальным». Специфика разрабатываемых алгоритмов не позволяет включить в процесс визуализации и обработки более 1000 участников той или иной группы. Обратимся к первой и пятой группам, поскольку они являются наиболее популярными в своих типах. Группа «Новинки Музыки 2020 | Лучшая Музыка» посвящена «миру музыки», а группа «МДК» – «миру юмора» во всех его проявлениях. Оговоримся заранее, что мы не даем ни эстетической, ни моральной, ни юридической оценке представленную в данных группах информацию. Исключая из нашего рассмотрения техническую часть алгоритмизации¹, приведем статистическую информацию о данных группах:

1. Группа «Новинки Музыки 2020 | Лучшая Музыка». В наблюдение при помощи алгоритма было включено 605 наблюдений. Фильтрация возрастного состава позволяет исключить «странные» даты рождений участников, например «1913 год». Примечательно, что максимальный возраст участников группы начинается с «1978-1979 гг.» – 6 наблюдений; «1980-ые гг.» – 244 наблюдения; «1990-ые гг.» – 23 наблюдения; «2000-ые гг.» – 3 наблюдения. Возраст остальных участников атрибутировать невозможно.

2. Группа «МДК». В наблюдение при помощи алгоритма было включено 617 наблюдений. Аналогичная предыдущему случаю фильтрация позволила выделить следующие возрастные данные ВК-группы: «нижняя возрастная планка» – конец 1980-ых гг. (на 1980-ые гг. приходится 304 наблюдения); «1990-ые гг.» – 25 наблюдений; «2000-ые гг.» – 1 наблюдение. Возраст остальных участников атрибутировать невозможно.

Внимание к полученным данным позволяет выдвинуть следующие гипотезы, которые имеют свои недостатки в силу недостаточности данных. Молодежь, по всей видимости, не указывает, либо скрывает данные о возрасте. Данному факту необходимо искать дополнительные объяснения. Выяснить подобную «скрытность» возможно помогут другие методы сбора эмпирической информации, например, интервьюирование. Интернет-скрытность современной российской молодежи контрастирует с открытостью другой возрастной группы – 30-40 лет. С социально-психологической точки зрения этот факт можно трактовать как «чувство уверенности и отсутствия боязни манифестировать себя в виртуальном пространстве», тогда как молодежь, по-видимому, стремится к большей самозащите через анонимность.

Складывающаяся амбивалентность, которую мы обнаруживаем у современной молодежи – желание быть «максимально долго в сети» с устойчивой необходимостью срывать свою личность – порождает, на наш взгляд, специфические обобщенные поведенческие модели у современной российской молодежи. Попробуем сформулировать и описать их. Мы считаем, что наиболее репрезентативными являются две поведенческие модели – т.н. «модель анонимной «дружбы» и «модель эмоциональной партиципации».

«Модель анонимной «дружбы» при всей кажущейся первоначальной парадоксальности является новой формой реализации базовой культурной потребности, о которой говорил британский культурантрополог Б. Малиновский. В работе «Научная теория культуры» [5, с. 46], ставшей классикой функционального анализа в антропологии, Б. Малиновский говорил, что «одним из главных факторов, с которыми мы сталкиваемся, наблюдая культуру извне или изнутри, заключается в том, что люди организованы в стабильные группы». Интеграция индивидов – это фундаментальная черта культуры, которая не отменяется с появлением электронной коммуникации. Наоборот, электронная коммуникация способствует этому, интенсифицирует и упрощает его. Слово «дружба» было заключено нами в кавычки, поскольку его следует отличать от привычного представления. Подобная «дружба» зачастую может носить окказиональный, функциональный характер, и не иметь физической представленности.

---

¹ Данные об алгоритме могут быть обсуждены дополнительно с автором статьи: e-mail: g.porozov@yandex.ru

«Модель эмоциональной партиципации». Понятие «партиципация» было введено в антропологический дискурс Л. Леви-Брюлем [4, с. 56]. Несмотря на то, что четкого определения данному понятию автор не дал, можно уточнить, что оно означает, во-первых, максимальную включенность индивида или группы в коллективные практики («я – часть коллектива, коллектив – это я»), во-вторых, исключительная невнимательность к объективным законам. Сам Л. Леви-Брюль в этой связи вспоминал известный софизм *Post hoc, ergo propter hoc* («После этого, – значит, вследствие этого»). В социальных сетях молодежь может «включать» иррациональные и эмоциональные драйверы. Ситуация неконтролируемого распространения информационных потоков может потенциально создавать негативные прецеденты.

Отметим, что представляемые модели носят во многом концептуальный и обобщающий характер. Специфика Интернета и бытование современной молодежи в нем носит экстремально динамический характер и требует дальнейшего исследования. Оговоримся, что логика исследования должна носить одновременно эмпирический (статистический) и теоретический характер.

Выводы. В соответствии с логикой данного кратного обзора могут быть сделаны следующие выводы. Современный Рунет не является исключительно атрибутом молодежного поведенческого паттерна. Для российской молодежи в Интернете свойственна амбивалентная особенность – желание быть «максимально долго в сети» с устойчивой необходимостью срывать свою личность. В качестве наиболее репрезентативных поведенческих модели могут быть выделены т.н. «модель анонимной «дружбы» и «модель эмоциональной партиципации».

Литература

1. Digital Russia 2020, <https://datareportal.com/reports/digital-2020-russian-federation>
2. R-BLOGGERSR news and tutorials contributed by hundreds of R bloggers, <https://www.r-bloggers.com>
3. Аудитория интернета в России (Отчет май 2020). Проект WEB-Index, <https://webindex.mediascope.net>
4. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика Пресс, 1994.
5. Малиновский Б. Научная теория культуры / Бронислав Малиновский; Пер.с англ. И. В. Утехина; сост. и вступ. ст. А К Байбурина. 2-е изд., испр. – М.: ОГИ, 2005.
6. Официальный портал Федеральной службы государственной статистики old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography
7. Портал VKFaces, <https://vkfaces.com>

УДК: 159.9.06

РЕБЕНОК КАК СУБЪЕКТ ВОСПИТАНИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИИ В НЕСТАБИЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ СОЦИУМА¹

Расчетина Светлана Алексеевна,
доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры воспитания и социализации
ФГБОУ ВО «Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена»,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье представлена предельно краткая характеристика современной общественной ситуации, которая сужает пространство целенаправленной социализации

---

¹ Статья написана в рамках Гранта РФФИ 19-013-00713 «Методология исследования социальных проблем детства в области стихийной социализации и пространственно-временных характеристик социально-педагогической деятельности, реализуемой в условиях высоких темпов социальных изменений».

ребенка и расширяет пространство его стихийной социализации. Подчеркнуто, что нестабильность социальных условий актуализирует потребность в исследовании традиционных, новых и новейших социальных детства и воспитательного процесса, нацеленного на возвращение ребенка в русло целенаправленной социализации. В статье анализируются возможности классического (системного), неклассического (антропологического) и постнеклассического (дискурсивного) подходов к выявлению особенностей стихийной социализации ребенка.

Annotation. The article presents a very brief description of the modern social situation, which narrows the space of purposeful socialization of the child and expands the space of its spontaneous socialization. It is emphasized that the instability of social conditions actualizes the need to study traditional, new and newest social conditions and the educational process aimed at returning the child to the course of purposeful socialization. The article analyzes the possibilities of classical (systemic), non-classical (anthropological) and post-non-classical (discursive) approaches to identifying the features of spontaneous socialization of a child.

Ключевые слова: целенаправленная социализация, стихийная социализация, ценностное ориентирование, классический (системный) подход, неклассический (антропологический) подход, постнеклассический (дискурсивный) подход к исследованию процессов стихийной социализации.

Keywords: purposeful socialization, spontaneous socialization, value orientation, classical (systemic) approach, non-classical (anthropological) approach, post-non-classical (discursive) approach to the study of spontaneous socialization processes.

Постановка проблемы.

1. Динамичное развитие современного общества сопровождается динамичной сменяемостью социальных проблем, связанных с процессами социализации подрастающего поколения. На фоне нестабильного социума во-первых, наблюдается тревожная ситуация социального исключения ребенка из целенаправленных педагогических процессов, расширяется поле его стихийной социализации, формируются проблемы, влияющие на процессы ценностного ориентирования; во-вторых, меняются пространственно-временные характеристики процесса воспитания, нацеленного на решение традиционных, новых и новейших проблем ребенка, на гармонизацию его отношений в ближайшем социальном окружении. Время педагогической деятельности, нацеленное на решение воспитательных проблем, сужается, пространство деятельности расширяется, выходит за рамки семьи и школы.

2. Современная методология нацелена в основном на исследование процессов целенаправленной социализации ребенка, реализуемой в условиях статично функционирующих институтов семьи и образовательных организаций, что затрудняет понимание процессов стихийной социализации, влияние которой на становление ребенка личностью и индивидуальностью многократно усилено вовлечением его в современные рыночные, поликультурные, информационные процессы. Вместе с тем нестабильное состояние социума актуализирует значимость исследований «ситуации динамического хаоса, неустойчивости и многовариантности развития» [6]. Современные авторы подчеркивают проблему нехватки научных знаний о процессах стихийной социализации ребенка, о процессах ценностного ориентирования в рамках стихийной социализации, о способах решения детских проблем в условиях расширяющейся Интернет-коммуникации. Поэтому перед авторами проекта стоит задача выявления возможностей разных исследовательских подходов в анализе во-первых, стихийной социализации и ценностного ориентирования ребенка, во-вторых, специфики воспитательного процесса, нацеленного на решение его проблем в условиях расширения пространства стихийной социализации.

Предварительный анализ проблемы показал, что проблемы детской социализации могут быть проанализированы на основе классического (системного), неклассического (антропологического), постнеклассического (дискурсивного) методологических подходов. В каждом из них содержатся потенциальные возможности исследования целенаправленных –

стихийных процессов социализации ребенка и пространственно-временных характеристик процесса воспитания, реализуемого в нестабильных условиях социума.

Цель статьи. Теоретический и экспериментальный анализ процесса стихийной социализации современного ребенка и способов решения воспитательных проблем в рамках трех обобщенных методологических подходов (классического, неклассического, постнеклассического).

Изложение основного материала исследования.

1. Общественная ситуация, провоцирующая расширение поля стихийной социализации ребенка. По мнению ученых, в настоящее время в общественном развитии происходит «нечто фундаментальное» (Ф. Фукуяма). Современное общество определяется как «турбулентное» (В.А. Ядов), «текущая современность» (З. Бауман), рискогенная ситуация. Ученые подчеркивают, что наиболее яркая особенность современной ситуации общественного развития состоит не столько в социальных изменениях, характерных для всех переломных этапов общественного развития, сколько в стремительности наступления «нового». Они отмечают, что социальный хаос обусловлен наличием взаимоисключающих общественных процессов: рыночного и информационного, ориентирующихся на разные ресурсы и потребности человека и по-разному влияющих на становление его личностью и индивидуальностью. Рыночная экономика, нацеленная на использование природных ресурсов и актуализацию материальных потребностей человека, представлена широким спектром материальных услуг. Цифровая экономика, нацеленная на актуализацию интеллектуальных возможностей человека, представлена расширением спектра потребностей в научных знаниях. При этом, по мнению современных авторов, «индустриальные факторы уже не являются решающим фактором социальных перемен» [3, 24]. В качестве «кровеносной системы», проникающей во все сферы жизнедеятельности человека, выступают цифровые технологии институциональные тропы в жизненном беспорядке и стремятся к обновлению существующих социальных институтов.

2. Пространство стихийной социализации ребенка. Хаотичное состояние социума, сложное переплетение рыночных, информационных, поликультурных, конфессиональных отношений сужает пространство целенаправленной социализации ребенка и расширяет пространство социализации стихийной, неконтролируемой, что в свою очередь затрудняет процессы ценностного ориентирования. Обозначим некоторые новые и новейшие проблемы в области социализации ребенка, характерные для ситуации общественного развития последних 30 лет.

Во-первых, это новые проблемы ребенка в области рыночных отношений. Включение рыночных механизмов в педагогические процессы «размывает» их гуманистическое ядро, в качестве которого выступает нематериальный процесс общения воспитателя и воспитанника, базирующийся на идеях восхождения к ценностям детской жизни, согласования ценностных ориентаций и позиций, социальной и нравственной поддержки потребности ребенка стать личностью и индивидуальностью. Рыночная экономика сужает – расширяет границы его материального потребления. На этом фоне принадлежность ребенка к группе заниженного – завышенного потребления может нарушить процессы социализации: в связи с трудностями в обеспечении нормального существования - в первом случае, в связи с отсутствием самоограничения – во втором. В условиях рынка процессы социализации характеризуются усилением прагматики во взаимодействии взрослых и детей, ориентацией в оценке окружающих людей на стоимостные критерии. Утилитаризация отношений становится фактором отчуждения между поколениями, ведет к утрате смысло-жизненных ориентаций. Отметим также, что постоянное требование успешности в различных сферах жизнедеятельности формирует комплекс тревожных эмоций и провоцирует разные формы протестного поведения.

Во-вторых, это новые проблемы ребенка в области поликультурных (поликонфессиональных) отношений, в области культурной идентификации. Известно, что

каждое общество имеет некоторую совокупность базисных ценностей, которые определяют его своеобразие. Их наличие является необходимым условием стабильного общественного функционирования и развития. В стабильно функционирующем обществе культурные процессы, в которые включен ребенок, приобретают традиционную форму инкультурации, «врастания» ребенка в культуру, к которой он принадлежит. В динамично развивающемся обществе культурная ситуация «выходит за границы прежнего состояния ... но еще не достигает характеристики целостности нового типа, другого системного уровня» [1], приобретает облик, представленный разными образцами аккультурации, поликультурного взаимодействия человека и социума. В условиях повышенной социокультурной динамики «привычная сфера культурного обихода, не бывшая предметом размышлений для носителя культурной традиции, становится проблемой, заставляя задаваться вопросами и терзаться проблемами с точки зрения стереотипов поведения и практикования технологий» [4, 93]. В рамках поликультурных отношений процессы социализации ребенка сопровождаются острыми переживаниями, принимающими форму «культурного шока», «культурного стресса».

В-третьих – это новейшие проблемы, связанные с расширением информационного пространства. Тревожная тенденция стихийной социализации детей заявила о себе на перепутье XX и XXI столетия расширением границ беспризорного и безнадзорного детства. Сегодня эта проблема в целом решена благодаря организации широкой сети государственных и общественных социальных институтов, поддерживающих семью и ребенка. В настоящее время активно формируются качественно новые процессы стихийной социализации, характеризующиеся «перемещением» из реального социума в Интернет-сеть. Интернет предоставляет подростку безграничный выбор вариантов образа жизни, моделей поведения, способов коммуникации со сверстниками, и, следовательно, — широкий диапазон возможностей для формирования ценностных – антиценностных позиций и ориентаций. В Интернете процесс социализации и ценностного ориентирования приобретает специфические черты. Включаясь в сеть, ребенок может реализовать свои интеллектуальные или эмоциональные потребности практически моментально. Выбор группы, ценности которой привлекают ребенка, осуществляется самостоятельно, независимо от взрослых. Виртуальное пространство Интернета в большей мере адекватно виртуальному миру ребенка (его мечтам «быть»), чем социальная реальность. Интернет создает идеальные условия для снятия противоречия «быть» и «казаться». В реальной жизни это противоречие кажется многим детям практически непреодолимым. В сети оно разрешается на основе самопрезентации. Одобрение интернет-группой группой внешнего вида, образа мыслей, способа поведения сопровождается позитивными переживаниями. Активность в Интернет-среде может сочетаться с пассивностью в реальной жизни, о чем часто пишут теоретики социализации и воспитания.

Рыночные, поликультурные, информационные процессы, пересекаясь, расширяют пространство стихийной социализации детей, создают условия для формирования разных вариантов поведения: от просоциального до асоциального, девиантного, деструктивного.

Методология исследования проблемы. Сложность проблемы побуждает искать исследовательские подходы к ее решению. Современное человекознание характеризуется множеством исследовательских подходов к анализу социальной реальности. Приступая к осуществлению исследования, мы сгруппировали многообразие этих подходов, выделив: классический (системный), неклассический (антропологический), постнеклассический (дискурсивный) подходы, каждый из которых отличается ориентированностью на анализ разных личностных характеристик человека (ребенка). Системный подход опирается на интеллектуальные возможности ребенка (количественные методы, позволяющие анализировать мнения, суждения, оценки ребенком социальной ситуации собственного развития); антропологический (атака «на парадигму сознания» по характеристике Ю. Хабермаса) – на переживание ребенком отношений в ближайшем социальном окружении (качественные методы контактного взаимодействия, вчувствования, эмпатии); дискурсивный подход – на речевые характеристики ребенка (качественный биографический метод, самоповествование). В совокупности методы, принадлежащие трем методологическим

подходам, позволили обрисовать: во-первых, картину стихийной социализации ребенка, понять трудности в процессах ценностного ориентирования, во-вторых, наметить воспитательные пути возвращения ребенка в русло целенаправленной социализации.

4. *Ситуации социального исключения (самоисключения) как промежуточное звено между целенаправленной и стихийной социализацией.* В эксперименте понятие стихийной социализации исследовалось в связке с понятиями социального исключения и самоисключения. Ситуация исключения (самоисключения) ребенка из целенаправленных процессов воспитания и образования рассматривалась как водораздел между целенаправленной и стихийной социализацией.

В настоящее время феномен социального исключения является объектом изучения многих социально ориентированных наук. Социальные процессы, персонифицируясь в жизнедеятельности конкретных людей, формируют жизненные ситуации, порождающие тревогу, стрессы, неуверенность в завтрашнем дне, ведущие к социальной деградации, к саморазрушающему поведению, то есть к процессам в той или иной мере грозящим человеку социальным исключением из значимых для социального становления видов деятельности и отношений. В ситуации социального исключения в реальной жизнедеятельности человека представлены две сторонами одного процесса. С одной стороны, ее отличительной чертой может выступить неспособность человека вписаться в изменяющуюся среду, проявлять инициативу, двигаться в направлении успеха. В такой ситуации часто оказываются маргинальные группы людей: наркозависимые, делинквентные подростки, лица с психическими расстройствами и др., индивидуальные особенности которых затрудняют процесс вхождения в полноценную социальную жизнь. С другой стороны, ситуация социального исключения формируется в том случае, если социум неспособен создавать равноценные условия для успешного продвижения каждого человека как члена общества. К числу таких условий относят безработицу, школьную стандартизацию, платную медицину, недоступность культуры и др. явления общественной жизни, выталкивающие человека (ребенка) на обочину жизни, погружающего его в процессы стихийной социализации. В этом смысле процессы социального исключения человека (ребенка) из разных сфер жизнедеятельности способствуют расширению пространства стихийной социализации.

Ситуации исключения и самоисключения ребенка из разных сфер общественной жизни были проанализированы в рамках идей культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, с опорой на классическое определение социальной ситуации развития, центральным звеном которой выступает «переживание ситуации», на представления о процессах интериоризации и экстериоризации знаковых систем и орудий. Понятие «социальная ситуация развития» использовалось для объяснения феномена «выпадения» ребенка из целенаправленных педагогических процессов и погружения его в процессы стихийной социализации.

Первая идея связана с процессами интериоризации, т.е. перенесения внутрь внешних социальных отношений между людьми. Здесь анализировались внешние по отношению к ребенку факторы исключения, связанные с низким социальным статусом родителей ребенка, с отсутствием в социальной среде структур, обеспечивающих процессы вхождения в полноценные культурные и социальные отношения, с некачественными характеристиками педагогических процессов. В этих условиях возрастали риски исключения ребенка из различных сфер социальной и культурной жизнедеятельности (ситуация исключения).

Вторая идея связана с процессами переживания ребенком отношений и вынесением их вовне, во внешнюю деятельность, в отношения со значимыми людьми. Здесь анализировались: внутреннее состояние ребенка, мера удовлетворенности - неудовлетворенности отношениями в ближайшем социальном окружении, теми видами деятельности, которые способствуют - не способствуют его успешности, мера насыщенности ситуации позитивными - негативными переживаниями, мотивация отторжения от предлагаемых отношений и деятельности. Анализировались риски самоисключения ребенка из различных сфер социальной и культурной жизнедеятельности, риски формирования протестного поведения, скрытого или открытого отказа от целенаправленных процессов воспитания и образования (ситуация

самоисключения).

Системный подход к исследованию социальной ситуации развития ребенка, исключенного из разных сфер общественной жизни, позволил описать его проблемы через анализ системообразующих связей. Стандартизированные методы системного анализа позволили выявить общие тенденции внешнего и внутреннего плана, характеризующие серию ситуаций исключения и самоисключения, понять причины отторжения от целенаправленных процессов и погружения в стихию неуправляемой социализации. В рамках системного подхода процесс преобразования социальной ситуации исключения и самоисключения ребенка реализуется как процесс внесения корректив в ее структуру, на основе соотнесения со стандартом, социальной нормой, на основе «нормализации» значимых отношений, выступающих в качестве первого шага на пути возвращения в русло целенаправленной социализации.

Антропологический подход позволил сместить исследовательский интерес в область жизненного мира конкретного ребенка. Исследование было направлено на осмысление переживаний конкретным ребенком ситуаций взаимодействия с людьми из ближайшего социального окружения, значимых для него. От анализа социальной ситуации развития как бытия ребенка, что характерно для классического подхода, был осуществлен переход к анализу смысловых характеристик социальной ситуации развития, к анализу процессов переживания смысла бытия и ценностного ориентирования ребенка (Из дневника Ф.М. Достоевского: «... вечное сосредоточение в самом себе, куда я убежал от горькой действительности...») [2]. В рамках антропологического подхода процесс преобразования социальной ситуации развития осуществляется как процесс преодоления смысловых и эмоциональных барьеров между взрослым и ребенком, создания на этой основе атмосферы безопасности, сочувствия, сопереживания.

Дискурсивный подход, характеризующийся «лингвистическим поворотом» в понимании человека, согласно которому человек «не существует до языка», позволил углубить картину переживания ребенком социальной ситуации исключения и самоисключения на основе применения биографического метода, то есть анализа его речевых высказываний по поводу собственной «истории», навязанной ему окружающими людьми (я – неуспешный, не такой как другие и др., В рамках этого подхода процесс преобразования ситуации осуществляется как успешности и значимости его личности для других.

5. Процесс воспитания в условиях социальных перемен. В новых социальных условиях подвергаются трансформации пространственно-временные характеристики педагогических процессов, цель которых состоит в преодолении «беспорядка» в области социализации и ценностного ориентирования ребенка, в возвращении его в русло целенаправленной, полноценной социализации. Приступая к анализу современного состояния процесса воспитания, мы обратились к педагогам с анкетой, которая была нацелена на анализ личностных трудностей, которые возникают в процессе решения современных проблем детства. Один блок вопросов касался понимания современных проблем детства, второй – способов их решения. Отвечая на второй блок вопросов, педагоги отметили следующие факты.

Во-первых, «дети стали другими», поэтому разработанные ранее и ставшие «своими» рутинными (в положительном смысле этого слова) технологии и алгоритмы решения проблем ребенка, успешно применяемые ранее для решения традиционных проблем, невозможно использовать для решения проблем новых и новейших, то есть привычные способы действий «не срабатывают» в новых социальных условиях.

Во-вторых, педагоги отмечают дефицит времени, которое необходимо для анализа проблем ребенка, для научного осмысления вариантов их решения, для разработки новых технологий, адекватных (сообразных) личности ребенка, их практического осуществления, осмысления воспитательных результатов. Время реализации этих мысленных и практических процедур, по мнению педагогов, резко сужается.

В-третьих, изменяются пространственные характеристики воспитательного процесса.

Все более востребованным становится коллективный субъект, объединяющий специалистов разной профессиональной направленности (педагогов, психологов, врачей, юристов) и родителей, заинтересованных в решении проблем конкретной группы детей. Поэтому встает дополнительная проблема согласования целей и ценностей всех членов коллективного субъекта.

В-четвертых, на этом фоне возникает необходимость в переосмыслении социальной реальности в целом и положения ребенка в ней. Формируется потребность в усилении исследовательского компонента педагогической деятельности, в преобразовании себя для решения задач профессиональной деятельности.

Выводы.

1. Современная ситуация общественного развития, характеризующаяся сложными трансформациями и высокими темпами изменений, влияет на социальную ситуацию развития детства. Последние 30 лет наблюдается сужение пространства целенаправленной социализации ребенка и расширение пространства социализации стихийной, неуправляемой. Промежуточным звеном между процессами целенаправленной и стихийной социализации выступают наблюдаемые сегодня ситуации исключения ребенка из педагогических процессов, реализуемых семьей и школой. Ситуации исключения могут носить скрытый и открытый характер. Они обеспечивают возможность погружения ребенка в социальную среду, где представлен широкий спектр ценностей – антиценностей.

Динамический хаос», характеризующий процессы социализации, побуждает к поиску методологических подходов к ее анализу. В частности, процессы стихийной социализации могут быть проанализированы в рамках классического (системного), неклассического (антропологического), постнеклассического (дискурсивного) подходов. Совокупность методов и методик, принадлежащих этим подходам, позволяет охарактеризовать под разным углом зрения ситуации исключения ребенка из целенаправленных педагогических подходов как шаг на пути погружения в процессы стихийной социализации.

3. Современные педагоги отмечают, что высокие темпы социальных изменений трансформируют социальную ситуацию развития ребенка, формируют множество новых и новейших проблем, что изменившаяся ситуация меняет пространственно-временные характеристики процесса воспитания. Педагоги остро ощущают дефицит времени, необходимого для поиска путей решения детских проблем и превращения их в личностные подходы. Коллективное решение проблемы требует дополнительного времени для согласования позиций и ориентаций. Главным качеством личности воспитателя становится мобильность и творчество.

Литература

1. Гордиенко А.А. Антропологические и культурологические предпосылки коэволюции человека и природы: философско-антропологическая модель коэволюционного развития. – Новосибирск: ЦСА, 1998. – С.76.

2. Достоевский Ф.М. Письма. 1854 – 1858 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=87O_mDn9xIgC&pg=PT11&lpg=PT11&dq – Загл. с экрана.

3. Иноземцев, В. Социобиологическая природа противоречий / Постчеловечество. – М.: Алгоритм, 2006. – 320 с.

4. Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1040 с. (Мир энциклопедий).

5. Системные вызовы цифровой экономики как фактор неопределенности будущего – [Электронный ресурс] – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2018/dokladi/SadovajaES_sec4_rus_17.04.18.pdf, свободный.

6. Ядов В.А. Каким мне видится будущее социологии / В.А. Ядов. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/72688582> – Загл. с экрана.

ЦЕННОСТНОЕ СОЗНАНИЕ КАК ДИНАМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РЕГУЛЯЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Сабирзянова Инна Викторовна,
кандидат философских наук, доцент,
заведующая кафедрой философии и психологии
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики», г. Донецк

Аннотация. Представлен теоретико-методологический анализ ценностного сознания как динамической системы регуляции социального поведения; психологического основания концепта «управление ценностями» как способа конструирования социальной реальности в реалиях глобальных мировых трансформаций и ситуации неопределенности.

Ключевые слова: аксиология, ценность, концепт «управление ценностями», ценностное сознание, социальное поведение.

Annotation. The theoretical and methodological analysis of value consciousness as a dynamic system of regulation of social behavior is presented; the psychological basis of the concept of «value management» as a way of constructing social reality in the realities of global world transformations and situations of uncertainty.

Keywords: axiology, value, the concept of «value management», value consciousness, social behavior.

Постановка проблемы. Личностное пространство человека, включая его ментальный мир, формируется под влиянием концептов – смысловых единиц, выражаемых средствами языка и отражающих важнейшие для человека знания о мире. Содержание концептов соотносится с ключевыми для культуры понятиями, обусловлено её контекстом, нормами и базовыми ценностями, органически вплетаемыми в структуру мировоззрения человека. Более того, как смысловые интерпретаторы, концепты пластичны, нуждаются в дальнейшем уточнении, философском осмыслении. Концепт «управление ценностями» представлен как действенный механизм понимания природы манипуляций и влияния в любой сфере от политики и экономики до управления персоналом организации, необходимо предполагающий выделение ценностного сознания как динамической системы регуляции социального поведения.

Цель статьи. Теоретико-методологический анализ ценностного сознания как динамической системы регуляции социального поведения; психологического основания концепта «управление ценностями» как способа конструирования социальной реальности.

Изложение основного материала исследования. Внешние вызовы, будь то цифровые, цивилизационные, глобальные мировые, активно вторгаются во все сферы бытия человека, включая его ментальный мир, личностное пространство, индивидуальные ценности и смыслы, переформируют окружающий мир во взаимообусловленную систему с новыми моделями связей, обмена, иерархии, реализации властных полномочий, и, следовательно, вызывают к жизни инновационные механизмы управления личностью, социумом, человеческой цивилизаций, порой парадоксально не вписывающиеся в традиционные об этом представления. Исходными в свете заявленной проблематики могут быть тезисы, заявленные нами ранее: всеобщий характер управления, как фундаментального свойства объективного мира; управление как функция любых организованных систем (политических, экономических, социальных, биологических и др.) решает задачу, направленную на поддержание, оптимизацию, воспроизведение и развитие самой системы; социальная форма управления сознательно-биологическими системами и организациями как в широком (свойство социальных систем), так и в узком (специфически организованное влияние) смысле [5-6].

Концептуальные изменения претерпевают сегодня и механизмы традиционных парадигм управления, предполагая уход от сил влияния жестких, внешних, заменяя их новыми конструктами, предполагающими взаимодействие посредством, так называемых, «мягких» механизмов управления, получивших общее наименование «механизмы влияния», чрезвычайно актуализируя и расширяя границы психологического дискурса проблемы ценностей и ценностного бытия.

Понимая под сущностным основанием «управления ценностями» не только собственно влияние, но и привлекательность, автор приходит к выводу, что ресурсами подобной силы является все то, что является желаемым и привлекательным из широкого арсенала средств, концептуально определяясь наличием основных векторов воздействия: аксиосфера культуры – ценностное сознание личности – социальное поведение.

Направленность на культуру, понимаемую и интерпретируемую как ценностно-смысловое пространство (аксиосфера), предполагает доминирование набора значимых для социума ценностей. Базовые ценности культуры призваны выполнять важнейшую роль регулятора морали как на уровне индивидуальных человеческих, так и общественных взаимоотношений.

Совершенствование управленческих методик и практик становится все более опосредованным во влиянии на объект управления через коррекцию состояний индивидуального и коллективного сознания, с целью ограничения свободы граждан, организации тотального контроля и манипуляций сознания; изменяются и сами механизмы контроля и влияния на поведение масс. Достаточно вспомнить, что еще в 1968 году Ю. Хабермас в работе «Техника и наука как «идеология»», цитируя Г. Кана, среди перспективных технических открытий на ближайшие 33 года отметил в качестве важнейших развитие и совершенствование техник контроля за поведением личности и изменением сознания, а сегодня манипулятивные технологии успешно вытесняют из арсенала социального управления прямое насилие и принуждение.

Теоретическая разработка концепта «управление ценностями» необходимо приводит нас к анализу ценностного сознания личности как одного из уровней сознания, где осуществляется рефлексия смысла жизни и нормы как образцов социального поведения, транслируемых через категории сохранения, созидания, ответственности. Более того, ценностное сознание видится нам как ментальная матрица, детерминирующая поведение как вариант социального действия в личностно определяемых границах. Прежде, чем стать управляемой, ценность должна пройти достаточно долгий путь личностной рефлексии, объективируясь в структуре ценностного сознания посредством таких категорий как оценка, норма, ценностная ориентация, ценностный мир.

Проблема ценностного сознания не нова для отечественного философского (М. Каган, В. Сержантов, Н. Розов, Ю. Мирошников) и психологического дискурса (Л. Выготский, А. Леонтьев, С. Рубинштейн, Б. Братусь М. Яницкий, М. Акимова).

Так, М. Каган, описав культуру как ценностно-смысловую реальность, определенное аксиологическое пространство (аксиосферу) – культурный континуум бытия человека и людских сообществ, отмечает, что основанием аксиосферы культуры является ценностное сознание, а процесс его изменения приводит «...к смене ценностных доминант и соответственно к постоянной реструктуризации аксиосферы» [1, с. 134]. Передаваясь из поколения в поколение, культура как единство материальных вещей и их идеального содержания, по мнению В. Сержантова, являла собой иерархическую систему символов, которые обеспечивают регуляторную, мотивационную и генерализирующую практический опыт систему «социальности» [7, с. 78-80], как исторически и архетипически закрепленные в памяти поколений абсолютные ценности человеческого бытия, институализированные в качестве принципов культуры – ценностных универсалий, аккумулирующих гранично-значимый социальный опыт адаптации в освоении человеком мира. В процессе интериоризации ценностей широкого социального формата (аксиосферы культуры) личность выстраивает собственную иерархию ценностных ориентаций и предпочтений как регулятора социального поведения. И связь здесь диалектическая: с одной стороны, социальные условия жизнедеятельности предопределяют реализацию ценностей в формах поведения, с другой – личностное ценностное

сознание выступает динамической системой регуляции социального поведения, активно формирующей сами эти условия, но для следующих актов и поведенческих реакций. В таком случае, ценностное сознание выступает основанием конституирования ценностных форм бытия на личностном уровне рефлексии.

Как совершенно новая форма мировоззрения, формирующаяся через феномены терпимости и толерантности к широкому спектру интересов, убеждений, ценностей, обусловленных разнообразием культур, рассматривается Н. Розовым ценностное сознание. Связав «наиболее распространенные типы регулятивов, непосредственно влияющие на сознание и поведение людей в конкретных ситуациях, способ обоснования этих регулятивов... и характер отношения к иным мировоззрениям и их представителям», вводится авторское видение трех общеизвестных основных исторических форм мировоззрения: мифологическое сознание, религиозное и идеологическое (вместо привычного научного), и обосновывается в качестве мегатенденции необходимость ценностного сознания как имманентно выстроенной общей идейной платформы для общения и взаимодействия (платформа ценностей) в рамках предложенной конструктивной аксиологии как «...направления систематической рефлексии, критики и обновления ценностных систем» [4]. Причем, это и есть тот «мягкий» вариант, основанный на толерантном отношении к любым иным мировоззрениям, с обязательным требованием сохранения ценностей и прав человека.

Рассматривая сознание как «...онтологическое свойство, позволяющее существу быть данным самому себе и другим» [3, с. 62], Ю. Мирошников указывает на его свойство постижения ценностных основ бытия и формирования ценностных отношений, ценностной мотивации поступков. В данном отношении сознание, по мнению автора, может быть рассмотрено как ценностное, причем не иное, тождественное форме мировоззрения, или автономное, как у Н. Розова, а в качестве абстракции, представляющей определенный срез реального сознания (индивида, группы, общества). В онтологическом отношении ценностное сознание подвержено изменениям, тем не менее, основанием его формирования были и остаются фундаментальные ценности бытия (абсолютные ценности, имеющие транс историческую природу). И далее согласимся с мнением Ю. Мирошникова: «В сфере ценностных предпочтений (оценок, норм, идеалов и др.) идет постоянная борьба. Ее результаты не обеспечиваются чисто научными аргументами: человек совершает свой выбор на других малоизученных основаниях, что используется современными средствами массовой коммуникации в целях манипулирования общественным мнением» [3, с. 63].

Согласно идеям представителей аксиологического подхода, ценности (материальные и духовные) представляют собой социально-функционирующие системы, опосредующие межличностные отношения и социальную активность, то есть могут рассматриваться как основание деятельности или образец поведения. И духовные, и материальные ценности являются значимыми феноменами в жизни как общества в целом, так и в жизни отдельных индивидов, ибо любая ценность духовного плана не может существовать как некий бестелесный феномен, она должна иметь свое материальное воплощение, одновременно любая материальная ценность представляет собой реализацию идеи человека, его знаний; функционируя в обществе одновременно как системы общественные, так и личностные, замыкаются на потребностях человека и, таким образом, обретают личностный смысл.

Усваиваемые индивидом ценности культуры, как и определенное отношение к материальным ценностям, образуют не просто содержание сознания (ценностное сознание), а структурируют его личность, приобретая при этом особую форму психического бытия. Ценности здесь суть аксиологические функции личности, главными из которых являются жизнь, свобода, любовь, индивидуальная концепция бессмертия; интегрирующей же аксиологической функцией выступает смысл жизни. И совершенно иное, что степень рефлексии этих функций различна – от уровня бессознательной мотивации до прямых поведенческих реакций, вплоть до крайней степени девиации, однако, несомненно, то, что они действительно имеют место в структуре аксиологического «Я» любого социального индивида.

Содержательно ценностное сознание выявляет себя через способы бытия общественного сознания (религия, наука, искусство, мораль, нравственность, философия), объективированные в феномен оценки или оценочного суждения («ценностной оценки» согласно идеям представителей баденской школы в аксиологии), функционально структурирующие окружающий мир и само ценностное сознание как иерархические и бинарноопозиционные: традиционно добро находится на высших ступенях ценностной иерархии в сравнении с бинарным ему злом в нормальном (социально адекватном) развитии личности, однако, с точностью до наоборот, может занять низшие ступени ценностных ориентаций в девиантном; иллюстрируя, таким образом, динамизм ценностного сознания как системы. «Ценностное сознание выстраивает пирамиды и лестницы властных структур, форм человеческой деятельности, профессиональных занятий, жанров литературы, потребностей людей, природных существ и горных минералов, звезд и других космических тел... оно структурирует мир иерархически... ранжирует все явления окружающего мира...» [3, с. 71].

Таким образом, ценностное сознание Ю. Мирошников определяет как «...определенный горизонт сознания, благодаря которому человек утверждает свои ценностные отношения с миром и становится субъектом постижения ценностных свойств бытия» [2, с. 66]. Предметом ценностного сознания является исторически эволюционирующая ценность, объективированная как элемент структуры сознания, которая определяется личностным опытом социального действия.

Деформационный сбой в «работе» ценностного сознания, интерпретируемый в психологических исследованиях как деформация системы ценностных ориентаций личности, становится причиной аномального развития личности, ее деструктивного или отклоняющегося поведения. Происходит нивелировка личностных качеств, обусловленная «снижением» ценностно-смысловой сферы, причем, согласно клинического подхода в изучении подобных психических аномалий, можно проследить грани перехода от «здоровых» поведенческих реакций до полнейшей деградации, обусловленной исключительно собственной волевой установкой (Б. Братусь). М. Яницкий приводит данные исследований индивидов с ярко выраженной деформацией ценностных ориентаций, обращая внимание на изменение доминирующих установок, определяющих социальную активность. «Система ценностных ориентации следственно-заклоченных характеризуется доминированием «защитных», обусловленных фрустрацией ценностей: «свободы от», независимости, прежних семейных и дружеских взаимоотношений, а также ценностей материального благополучия. Одновременно декларируется значимость таких социально одобряемых инструментальных ценностей, как аккуратность, воспитанность, ответственность, честность и т. д. При этом для правонарушителей характерно отрицание альтруистических ценностей – счастья других, чуткости, терпимости и широты взглядов, а также ценностей развития, самореализации и творчества. Обращает на себя внимание весьма низкий уровень реализованности основных жизненных ценностей в описываемой группе, что еще раз свидетельствует об адаптационном характере происхождения их ценностной системы» [8]. Далее автор делает вывод о системном характере деформаций в мотивационной сфере личности с отклоняющимся социальным опытом, в основе которого выделяет идеологическое основание – эгоцентрическую систему ценностей, которая имеет тенденцию к закреплению вследствие фрустрации базовых потребностей при соответствующих санкциях со стороны государства или социума.

Ценностный подход к человеку как целостной аксиологической проблеме позволяет нам говорить о формировании и закреплении в структуре личности как уникальной психологической организации устойчивых аксиологических установок (аксиологических функций), детерминирующих формы социального поведения. Данные установки не могут быть раз и навсегда данными, они претерпевают изменения в ходе процессов социализации, ресоциализации, интериоризации, сопряженных с осмыслением индивидом своего социального опыта. В социально-философском отношении проблема «личность – социум» находит выражение в виде соотношения системы конкретно-исторических ценностей данного общества и личности как системы аксиологических функций.

Выводы. Ценностное сознание – сложная динамическая система (ментальная матрица), детерминирующая поведение индивида как вариант социального действия в личностно определяемых границах. Данная структура чрезвычайно пластична, подвержена всевозможным деформациям, иницируемым как самой личностью, так и социумом, причем не только на уровне общественного сознания, а, скорее, как объект манипуляции со стороны заинтересованных иных, ибо прежде, чем стать управляемой, ценность должна пройти достаточно долгий путь личностной рефлексии в структуре ценностного сознания.

Литература

1. Каган М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.
2. Мирошников Ю.И. Ценностное сознание и его структура. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnoe-soznanie-i-ego-struktura> (дата обращения 19.08.2020 г.)
3. Мирошников Ю.И. Ценностное сознание в свете онтологии / Ю.И. Мирошников // Эпистемы: сборник научных статей. Вып. 8: Проблемы современной онтологии. – Екатеринбург: Ажур, 2013. – С. 62-71. URL: http://philosophy.spbu.ru/userfiles/horizon/Epistem8_Patkul.pdf (дата обращения 19.08.2020 г.)
4. Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии / Н.С. Розов. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та. – 1998. – 292 с. URL: <https://nsu.ru/filf/rozov/publ/val/> (дата обращения 19.08.2020 г.)
5. Сабирзянова И.В. Управление ценностями как способ конструирования социальной реальности / И.В. Сабирзянова // Управление в условиях глобальных мировых трансформаций: экономика, политика, право: Сборник научных трудов. Симферополь: ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», 2019. – С.521-524.
6. Сабирзянова И.В. Аксиосфера современного социального управления: социально-философский аспект // Управление в условиях глобальных мировых трансформаций: экономика, политика, право: Сборник научных трудов. – Симферополь: ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», 2017. – С.151-155.
7. Сержантов В.Ф. Природа человека и его судьба (философская антропология) / В.Ф.Сержантов – СПб.: Петровская академия наук и искусств, 1994. – 428 с.
8. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система (монография) [Текст] / М. С. Яницкий – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 98 с. URL: <http://hpsy.ru/public/x2757.htm> (дата обращения 19.08.2020 г.)

УДК 004.9:316.2

ТЕХНОЛОГИЯ АВТОМАТИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИЗУЧЕНИЮ РАДИКАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА¹

Савельев Алексей Олегович,

кандидат технических наук,

доцент, доцент отделения информационных технологий

ФГАОУ НИ «Томский политехнический университет», г. Томск

Аннотация. В настоящем докладе рассматривается вопрос автоматизации исследований в области радикализации молодежи на базе открытых данных, предоставляемых социальными медиа. Приведена сводная информация об аудитории российского сегмента социальных сетей. Рассмотрена обобщенная схема программного прототипа автоматизации исследований в области Social Mining, а также результаты его первичной апробации.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке ГЗ «Наука», в рамках проекта FSWW-2020-0014.

Исследование выполнено при финансовой поддержке ГЗ «Наука», в рамках проекта FSWW-2020-0014.

Ключевые слова: Social Mining, молодежь, онлайн-радикализация, автоматизация научных исследований.

Annotation. This report explores the issue of automating research on youth radicalization based on open data provided by social media. We present the summary information about the audience of the Russian segment of social networks. A generalized scheme of a software prototype for Social Mining research automation is considered and the results of its initial testing.

The study is funded by the Science State Program as part of the project No. FSWW-2020-0014.

Keywords: Social Mining, youth, online radicalization, research automation.

Постановка проблемы. Радикализация молодежи как процесс перехода от ненасильственных форм выражения мнений к насильственным действиям в настоящее время приобретает массовый, вирусный, масштабируемый эффект в результате применения новых коммуникативных технологий, таких как социальные медиа. В связи с этим большое значение приобретает такой инструмент диагностики как «аналитика социальных сетей» (*англ. social mining*) – междисциплинарная исследовательская область, которая направлена на объединение, расширение и адаптацию методов анализа социальных медиа. Решаемой в рамках исследования проблемой является адаптация методов контент-анализа социальных медиа для использования их в качестве основных инструментов исследований в сфере общественно-политических наук.

Целью статьи является описание механизмов и подходов автоматизации исследований по изучению радикализации молодежи в социальных медиа, сопутствующий ограничений, а также архитектуры соответствующего программного прототипа.

Изложение основного материала исследования. Рост популярности и массовое использование социальных сетей и сопутствующих им сервисов не могли не сказаться в том числе и на повседневной деятельности радикальных групп и организаций. Экстремистские организации сегодня успешно адаптируют сложившиеся практики по продвижению товаров и услуг, формированию и управлению общественным мнением для решения таких задач как [1]:

- рекрутинг (как правило с использованием таргетинговых (рекламных) механизмов);
- оперативное управление и принятие решений;
- продвижение идеологических установок и практического опыта.

Таким образом сегодня изучение процессов радикализации в полной мере невозможно без учета данных, находящихся в открытом доступе в социальных сетях. Для иллюстрации объемов информации и соответствующих аналитических перспектив в таблице 1 приведена сводная информация об авторах, их поле и возрасте, а также о числе сообщений в российском сегменте социальных сетей [2-4]. Автором является пользователь, который хотя бы 1 раз за месяц опубликовал общедоступное сообщение. Данные о возрасте авторы ВКонтакте указали в 39,27%, 41,8%, 43,37% случаях соответственно в 2017, 2018 и 2019 годах. У авторов Facebook соответствующие показатели составляют 2,8%, 2,8% и 4,03%.

Существуют также и ограничения, которые необходимо учитывать при планировании и организации исследований, базирующихся на данных социальных сетей [5]. Во-первых, это *парадокс больших данных*. С одной стороны, социальные сети содержат огромное количество данных, доступных для анализа. Однако, если перейти на уровень определенного пользователя при решении задач формирования рекомендаций, профайлинга или иных, то имеющегося количества данных зачастую оказывается недостаточно. Во-вторых, существует проблема получения *достаточного количества образцов данных*. Основным способом извлечения информации являются программные интерфейсы приложений (*англ. application programming interface, API*), предоставляемые владельцами социальных сетей. Работа с общедоступным API сопряжена с необходимостью соблюдения накладываемых владельцами сервиса ограничений, например, на количество запросов в единицу времени, или на объем возвращаемой в ответ на запрос информации. В-третьих, трудоемкой задачей является *поиск и удаление шума данных*.

При проверке каждой научной гипотезы необходимо также определять тип и характер данных, которые являются значимыми для анализа в контексте решаемой проблемы. Неверное отнесение данных к шуму и их последующее исключение из анализа, в свою очередь, способно усугубить парадокс больших данных. И, в-четвертых, следует отметить проблему *проверки данных*. Для эффективного применения методов машинного обучения в работе с данными социальных сетей необходимо наличие обучающей и тестовой выборок данных. Однако, как правило отсутствует возможность проверки достоверности, представленной в социальной сети информации, что исключает возможность точной оценки точности и, соответственно, эффективности применения методов машинного обучения.

Таблица 1

Сводные данные об аудитории российского сегмента социальных сетей в 2017- 2019 гг.

		2017	2018	2019
<i>Авторов в месяц, тыс.</i>				
ВКонтакте		25 722	36 453	30 732
Instagram		7 143	23 740	27 687
Одноклассники		–	15 800	6 521
Facebook		1 953	2 250	1 756
Twitter		1 171	818	650
<i>Сообщений в месяц, тыс.</i>				
ВКонтакте		310 795	1 096 392	556 380
Instagram		71 733	304 960	169 829
Одноклассники		–	364 000	119 470
Facebook		53 413	122 760	52 859
Twitter		78 372	59 635	32 214
<i>Пол авторов, муж. / жен., %</i>				
ВКонтакте		41,6 / 58,4	48,2 / 51,8	45,3 / 54,7
Instagram		23,1 / 76,9	23,4 / 76,6	25,1 / 74,9
Одноклассники		–	–	–
Facebook		41,1 / 58,9	40,7 / 59,3	40,6 / 59,4
Twitter		55,4 / 44,6	54,7 / 45,3	58,2 / 41,8
<i>Возраст авторов, %</i>				
ВКонтакте	до 18 лет	17,9	20,6	17,2
	18-24 лет	25,7	23,3	22,0
	25-34 лет	37,0	33,6	31,7
	35-44 лет	10,9	13,1	16,3
	45-54 лет	3,7	4,5	6,4
	55 и старше	4,9	4,9	6,4
Instagram		–	–	–
Одноклассники		–	–	–
Facebook	до 18 лет	0	0	0
	18-24 лет	8,9	7,7	9,3
	25-34 лет	37,0	34,5	29,3
	35-44 лет	30,6	31,5	30,6
	45-54 лет	14,9	16,8	18,7
	55 и старше	8,6	9,5	12,2
Twitter		–	–	–

В то же время, несмотря на указанные сложности автоматизации исследований в области Social Mining, невозможно полностью положиться на экспертный способ поиска и анализа информации. Помимо очевидной неспособности человека обрабатывать данные в том количестве и с такой скоростью, которые доступны вычислительным машинам, необходимо также отметить проблемы:

1. Выгорания экспертов. Постоянная работа с радикальным и экстремистским контентом быстро приводит к развитию и усугублению стрессовых состояний. В том числе поэтому идея использования так называемых «кибер-дружин» из волонтеров для оценки и фильтрации контента является чрезвычайно спорной. Помимо развития стрессовых состояний нельзя исключать возможность радикализации волонтера, не являющегося профессиональным экспертом.

2. Отсутствие единого, стандартизованного понимания терминов «радикальный» и «экстремистский». Разные эксперты могут принять разное решение относительно одного и того же контента. Это отчасти также может быть продиктовано личными предпочтениями и установками.

3. Поиска нового знания. Эксперт подходит к оценке контента исходя из уже сложившихся представлений, таким образом затрудняется обнаружение новых зависимостей и знаний.

Таким образом, проблему изучения радикализации молодежи и сопутствующую задачу фильтрации контента сегодня невозможно решить без применения средств автоматизации. На рисунке 1 приведена предлагаемая обобщенная схема прототипа автоматизации исследований в области Social Mining. Уровень сбора данных имеет гибридную структуру. В тех случаях, когда пользовательское соглашение социальной сети позволяет использовать парсинг веб-страниц, и где это обусловлено необходимостью (например, API не предоставляет требуемой в рамках проверки гипотезы информации), применяется промежуточное программное обеспечение – Web Scraper – извлекающее данные непосредственно из кода веб-страницы. В прочих случаях оправдано использование API социальных сетей.

Обозначение потоков данных рис. 1 представлены в следующей последовательности:

- 1 – Запрос-ответ на предоставление информации;
- 2 – Запрос-ответ на предоставление информации, доступной в определенной части кода веб-страницы;
- 3 – Запрос-ответ на предоставление кода веб-страницы;
- 4 – Правила извлечения данных (извлекаемые поля, расписание повторного «опроса» социальной сети и др.);
- 5 – Запись извлеченной информации в хранилище, извлечение данных в соответствии с запросом пользователя;
- 6 – Пользовательский запрос на извлечение данных из социальной сети или социальной сети и хранилища;
- 7 – Информация о ключевых словах, датах, именованных объектах, релевантных исследовательской задаче;
- 8 – Хранимые данные, релевантные запросу пользователя.

Поскольку социальные сети, как правило, не возвращают ретроспективную информацию для оценки динамики развития сообществ и иных задач исследований используется хранилище данных. База знаний содержит информацию о параметрах поиска, например, в этом качестве может выступать набор ключевых слов и дат, характеризующих ультраправую идеологическую платформу. Аналитическое программное обеспечение – набор сервисов, функций и процедур статистической обработки и визуализации данных.

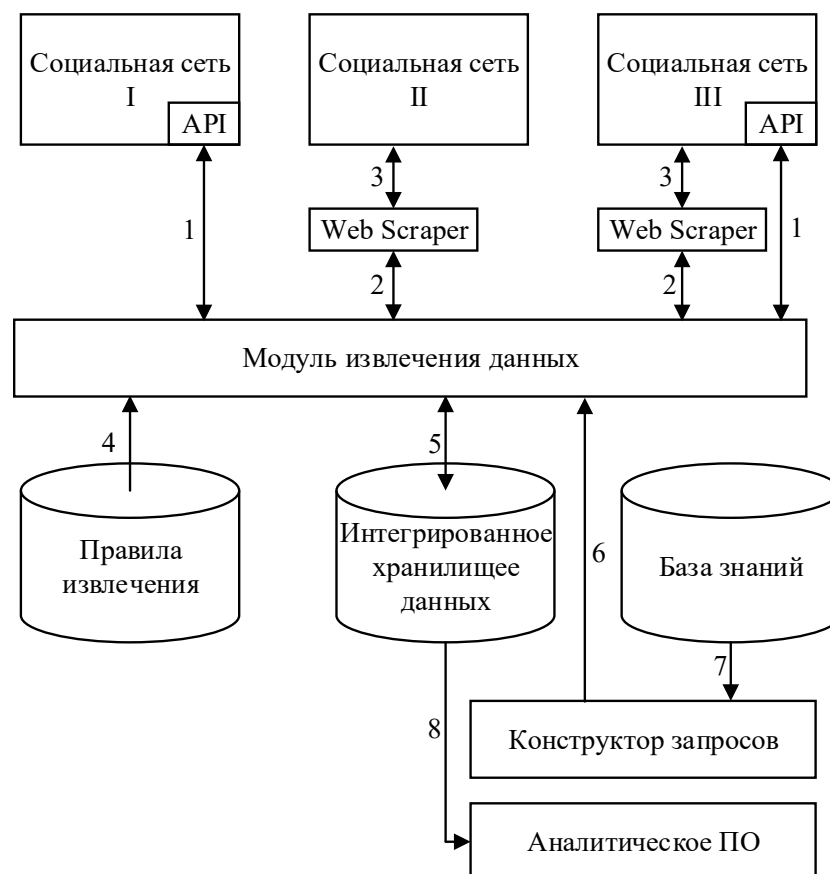

Рисунок 1 – Обобщенная схема прототипа автоматизации исследований в области Social Mining

Прототип был апробирован в рамках исследования по изучению угрозы молодежи со стороны ультраправой идеологической платформы. При автоматизированном поиске сообществ, относящихся к ультраправой идеологической платформе, основанном на календарной активности сообществ вероятность ошибки второго рода составила $\beta=0,79$ при соответствующей мощности критерия $(1-\beta)=0,21$. Сравнительно низкая эффективность алгоритма при второй проверке может быть объяснена неполнотой информации в базе знаний [6].

Выводы. В настоящий момент к исследователям в области общественно-политических наук формируются новые требования. Невозможно не принимать во внимание колоссальный объем доступной для анализа информации, которую предоставляют социальные сети. При этом также нельзя полагаться только на них, как на источник первичных данных, из-за указанных в докладе, ограничений. Таким образом, новым требованием к исследователю становится наличие базовых компетенций и навыков в области Data Science.

Приведенные в докладе результаты исследования угроз молодежи со стороны ультраправой идеологической платформы показали перспективность средств автоматизации исследований в области Social Mining, в частности разрабатываемого программного прототипа. Адаптация содержимого базы знаний, наряду с разработкой правил и стратегий по её актуализации, позволит перейти к исследованию и оценке влияния иных деструктивных идеологических платформ.

Литература

1. M. Hall, M. Logan, G.S. Ligon, D.C. Derrick Do Machines Replicate Humans? Toward a Unified Understanding of Radicalizing Content on the Open Social Web // Policy & Internet. 2020. No 1. Vol. 12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/poi3.223>, свободный (дата обращения: 31.08.2020).

2. Социальные сети в России, лето 2017: цифры и тренды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://br-analytics.ru/blog/sotsialnye-seti-v-rossii-let-2017-tsfry-i-trendy/>, свободный (дата обращения: 31.08.2020).

3. Социальные сети в России, осень 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://br-analytics.ru/blog/wp-content/uploads/2018/12/Sotsseti-Rossiya-osen-2018.pdf>, свободный (дата обращения: 31.08.2020).

4. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2019/>, свободный (дата обращения: 31.08.2020).

5. Social Media Mining An Introduction [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dmml.asu.edu/smm/>, свободный (дата обращения: 31.08.2020).

6. Карпова А.Ю., Савельев А.О., Вильнин А.Д., Чайковский Д.В. Изучение процесса онлайн-радикализации молодежи в социальных медиа (междисциплинарный подход) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – No 3. – С. 159-181. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1585>.

УДК: 374.33

РЕСУРСЫ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ КОНСТРУКТИВНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИК ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ¹

Самаркина Ирина Владимировна,
доктор политических наук, доцент,
профессор кафедры государственной политики и
государственного управления, декан факультета управления и психологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
г. Краснодар

Аннотация. В статье представлены результаты исследования локальной идентичности молодежи городов Краснодарского края. Описана неоднородность и дифференциация локальной идентичности в различных группах городской молодежи, на кейсах Новороссийска и Сочи показаны взаимовлияние практик формирования и выраженности городской локальной идентичности.

Ключевые слова: локальная идентичность, социально-политические практики, субъективное пространство политики, молодежь.

Annotation. The article presents the results of a study of the local identity of youth in the cities of Krasnodar Territory. The heterogeneity and differentiation of local identity in various groups of urban youth is described based on the cases of Novorossiysk and Sochi, the mutual influence of the practices of the formation and expression of urban local identity is shown.

Keywords: local identity, socio-political practices, subjective space of politics, youth.

Постановка проблемы. Противоречивые социальные изменения, происходящие в современном обществе тесно связаны как с институциональными, так и с не институциональными аспектами функционирования политической системы. Особый масштаб влияния эти процессы имеют на подрастающее поколение, ценности, поведение и социально-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Краснодарского края в рамках научного проекта № 19-411-235002 «Локальная идентичность как ресурс вовлеченности молодежи большого и крупного города в конструктивные социально-политические практики (на материалах Краснодарского края)».

политические практики которого под влиянием системы институтов и факторов сетевого общества и цифровой социализации становятся принципиально отличными от других социальных групп общества.

Доля молодежи в структуре населения России падает, составляя сегодня около 16% (около 24 млн человек) [6], однако именно эта часть населения социально наиболее активна и организована. Понимание механизмов формирования моделей социально-политического поведения молодежи, исследование ресурсов неинституциональных компонентов политической системы, взаимосвязанных с этими моделями, расширяет теоретические представления о содержании и механизмах функционирования субъективного пространства политики.

Актуальность исследования локальной идентичности имеет не только теоретические, но и прикладные аспекты, которые обусловлены практиками современной социально-политической жизни региона и составляющих его сообществ.

Во-первых, понимание механизмов связи локальной идентичности с социальными практиками молодежи важно для решения ряда задач в контексте приоритетов Стратегии научно-технологического развития РФ, в частности, противодействия «социокультурным угрозам, терроризму и идеологическому экстремизму», а также для расширения представлений о «процессах, происходящих в обществе... связанных с ... изменениями социальных, политических и экономических отношений» [3].

Во-вторых, результаты исследования помогают понять механизмы и технологии реализации ряда ключевых региональных проектов, которые являются составной частью национальных проектов, направленных на обеспечение прорывного научно-технологического и социально-экономического развития России, повышения уровня жизни, создания условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека, разработанных в целях реализации Указа Президента РФ от 07.05.2018 № 204. В частности, результаты исследования расширяют понимание механизмов и ресурсов конвертации потенциала локальной идентичности в конструктивные социально-политические практики молодежи, помогают в выборе подходов и технологий реализации регионального проекта «Социальная активность» (составной части национального проекта «Образование»), в рамках которого к 2024 году в Краснодарском крае необходимо обеспечить увеличение численности обучающейся молодежи, вовлеченной в деятельность общественных объединений, в том числе волонтерских и добровольческих организаций на 25% по сравнению с базовым показателем до 550 тыс. человек [2].

Понимание содержания, факторов и механизмов формирования локальной идентичности и конвертации ее ресурсов в конструктивные социально-политические практики важно для организации прямого участия граждан в формировании комфортной городской среды, увеличения доли горожан, принимающих участие в решении вопросов развития городской среды до 30% в рамках реализации в Краснодарском крае национального проекта «Жилье и городская среда» [1].

Исследование локальной идентичности как части субъективного пространства политики, человеческого измерения социально-политических процессов в перспективе работает на решение стратегических задач, сформулированных и в Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030, основным приоритетом которой является Человек, а главным ресурсом для социально-экономического и технологического прорыва определены «молодые лидеры, имеющие активную гражданскую позицию, реализующие свои способности и составляющих основу конкурентоспособности края» [4].

Для исследования были определены четыре крупных городских центра, городских агломераций, которые уже стали объектами притяжения траекторий социальной мобильности значительной части молодежи региона: Армавир – в Восточной экономической зоне края, Новороссийск – в Причерноморской экономической зоне, Краснодар – центр Краснодарской агломерации и Сочи – центр Сочинской агломерации. Упомянутые городские центры являются точками притяжения молодежи, получающей высшее образование и,

соответственно, концентрации молодежи, находящейся в сложной ситуации адаптации и социализации: Армавир (численность населения – 190 тыс. чел., 7 вузов), Краснодар (численность населения – более 1 млн чел., 17 вузов), Новороссийск (численность населения 275 тыс. чел., 7 вузов), Сочи (численность населения 443 тыс. чел., 4 вуза). Численность молодежи и студентов в больших и крупных городах Краснодарского края представлена в таблице.

Таблица 1.

Численность молодежи и студентов в больших и крупных городах Краснодарского края

Город	Численность населения	Численность молодежи (от 14 до 30 лет)	В том числе, студентов вузов	В том числе, Школьников(ед.)	Количество школьников (ед.)	Количество вузов (ед.)	Количество ссузов (ед.)
Краснодар	1 022 028	268 074	81 550	13 8653	90	16	29
Сочи	524 023	79 735	11 388	69 581	71	4	16
Новороссийск	338 798	66 299	7 753	36 524	38	8	6
Армавир	208 816	47 098	8 995	18 364	29	6	11

Целью статьи является описание результатов исследовательского проекта в части выявления ресурсов локальной идентичности и определение их места в системе факторов, оказывающих влияние на формирование конструктивных социально-политических практик городской молодежи (по результатам эмпирического исследования в Краснодарском крае).

Изложение основных результатов исследования.

Локальная идентичность представляет собой компонент субъективного пространства политики, входящий в систему социальных идентичностей и выступающий основанием для формирования иных уровней и видов идентичностей. Содержание локальной идентичности составляют представления, ценности и смыслы, связывающие личность со значимым для самоопределения человека местом.

Локальная идентичность взаимосвязана с другими компонентами субъективного пространства политики, которое понимаются как совокупность символических, идеологических и культурных образований (политическое сознание, политическая культура, политическая идентичность, политическая картина мира, политическая идеология, политическая мифология, научные представления о политической реальности, политическая мифология, различные формы и практики репрезентации участников политической жизни), обуславливающих содержание ориентационно-поведенческих комплексов разнообразных политических акторов, образование множественных идейных конструкций, функционирующих в политической сфере и оказывающих влияние на организационные формы политических институтов и властных отношений [5, с. 380].

Ключевой методологией для исследования локальной идентичности как части субъективного пространства политики выступает феноменология в целом и категория жизненного мира в частности. Использование феноменологического подхода к изучению жизненного мира Э. Гуссерля позволяет рассмотреть локальную идентичности в системе субъективного пространства политики как результат восприятия жизненного мира, детерминированного особенностями локации и содержания деятельности молодежи как особой социально-демографической группы общества.

Деятельностный подход в исследовании локальной идентичности как части субъективного пространства политики позволяет рассмотреть молодежь как особую

социальную общность, как потенциальных субъектов социально-политической деятельности, имеющих политический модус всех своих сущностных проявлений – познавательной активности, эмоционально-оценочного подхода к миру, поведенческих ориентаций; исследовать социально-политический потенциал этой группы в пространстве социального взаимодействия («взаимопредставленности людей», Х. Арендт), проявляющийся в действиях, посредством которых реализуются убеждения и удовлетворяются потребности социального взаимодействия.

Социокультурный подход к исследованию политической реальности позволяет в исследовании интегрировать анализ макрополитических процессов и их проекции на уровень индивида и сообществ, с которыми он себя соотносит; выявить взаимосвязи между личностным самоопределением и коллективными предпочтениями и действиями в политике.

Эмпирическим объектом исследования выступила молодежь больших и крупных городов Краснодарского края (Армавира, Краснодара, Новороссийска и Сочи) в возрасте от 14 до 30 лет. Для выявления общего и особенного в содержании и структуре локальной идентичности эмпирический объект исследования был дифференцирован на три группы – школьники (старшеклассники), студенты и работающая молодежь.

Основным методом сбора эмпирических данных в исследовании (февраль-май 2020 года) был метод фокусированного интервью, в инструментарий которого были интегрированы проективные методики, позволяющие решить задачи по выявлению содержания, факторов и агентов, влияющих на формирование локальной идентичности молодежи больших и крупных городов Краснодарского края (метод семантического дифференциала, методика Куна – Макпартленда, проективный рисунок).

Эмпирическая база исследования включает стенограммы 12 фокус-групп в четырех городах Краснодарского края: Армавире, Новороссийске, Сочи и Краснодаре, базу качественного контент-анализа, собранную на основе проективных техник, включающую не менее 90 единиц анализа для каждого вида проективной техники.

В статье представлены основные результаты исследования локальной идентичности молодежи указанных городов.

В системе социальных идентичностей городской молодежи локальная идентичность занимает не первое место, уступая другим социальным ролям – семейным и профессиональным; приоритетной для городской молодежи все же является национально-государственная идентичность. Отвечая на вопрос: «Кто я?» молодые жители городов Краснодарского края чаще называли «гражданином или гражданкой России», «патриотом», чем жителем своего города. Эта иерархия имеет место быть и в ответах на прямой вопрос о том, с какой именно территорией ассоциирует себя участник опроса. В этом случае также доминирует национальная или региональная идентификация, локальная (связанная с городом проживания или рождения) обычно встречается на 2 или 3 позиции из трех возможных.

Вместе с тем, в нашем исследовании выявлена особенность локальной идентичности в разных возрастных группах молодежи. Школьники, участвовавшие в исследовании чаще, чем представители других групп молодежи идентифицируют себя именно с городом проживания. Самым «космополитичным» в этом отношении оказалось студенчество: студенты чаще, чем представители других исследуемых групп молодежи идентифицируют себя с глобальным сообществом, страной, реже – регионом.

Адаптированная для исследования методика семантического дифференциала позволила нам получить результаты восприятия молодежью своего города и сделать следующие выводы. Результаты в разрезе исследуемых городов представлены на рисунке. Молодежь исследуемых городов, в целом, позитивно воспринимает их и считает «своими» (формируется локальная идентичность). Вместе с тем, именно по этому параметру мы наблюдаем существенную дифференциацию показателей. Максимальный показатель по параметру «свой» выявлен в исследовании молодежи города Армавира (2,33 из 3 максимально возможных). Выше среднего показателя восприятие своего города молодежью Сочи и Краснодара (2,14 и 2,12 - соответственно). Значительно ниже – восприятие своим/чужим Новороссийска (1,52).

Результаты фокус-групп показывают противоречивую ситуацию в Новороссийске, связанную с ресурсом локальной идентичности. С одной стороны, город и его история богаты сюжетами, воспитывающими молодых граждан. С другой стороны, совокупность социально-экономических и других факторов формируют так называемую «негативную» локальную идентичность у молодых жителей Новороссийска, которая проявляется и в моделях поведения, среди которых доминирует модель «уехать как можно скорее». В этом отношении показательно то, что участники фокус-групп чаще, чем жители Армавира характеризуют Новороссийск как «маленький» город несмотря на то, что численность населения Новороссийска более чем на 100 тысяч превышает численность населения Армавира.

Кейс Новороссийска ярко демонстрирует взаимосвязь практик формирования локальной идентичности и ее проявлений. В иерархии социальной идентичности школьников новороссийская локальная идентичность лидирует. При этом в ответах участников исследования полностью отсутствуют маркеры региональной или наднациональной идентичности (которые чаще указывалась другими возрастными категориями молодежи). Таким образом, можно говорить о достаточно сильно выраженной локальной принадлежности у школьников Новороссийска (что выделяет Новороссийск среди всех городов, где проводилось исследование). Скорее всего, это связано с локальной политикой памяти Великой Отечественной войны, направленной на молодежь школьного возраста. Другие группы молодежи (студенты и работающая молодежь) Новороссийска демонстрируют практическое отсутствие локальной идентичности, распространены варианты гражданской принадлежности или принадлежности к миру в целом.

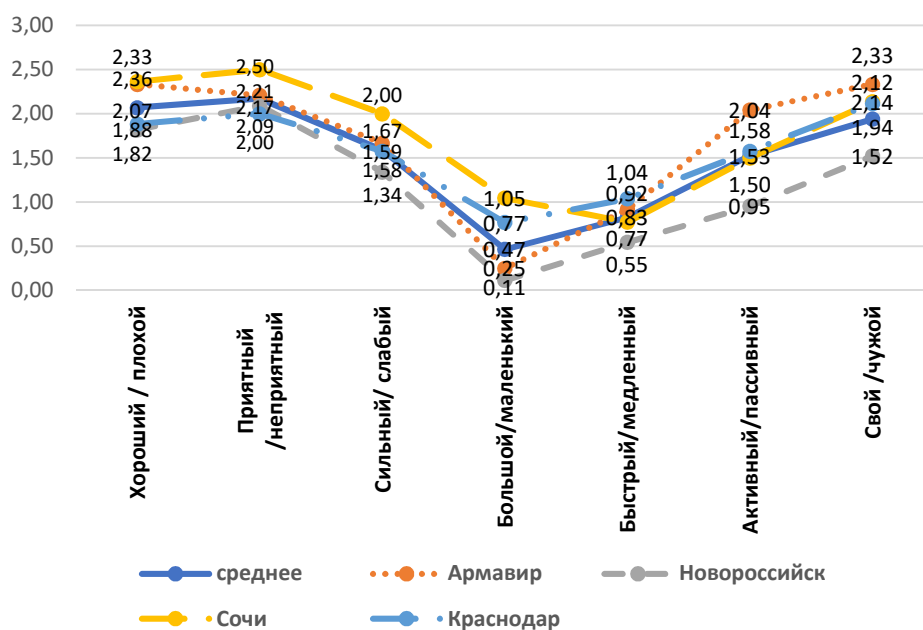

Рисунок 1. Город в представлениях городской молодежи (результаты методики семантического дифференциала)

Наиболее позитивное восприятие своего города в методике семантического дифференциала продемонстрировали участники фокус-групп в городе Сочи. Сочи получил максимальные оценки из всех четырех городов по показателям: «хороший», «приятный», «сильный», «большой», «активный». Самый «быстрый» в восприятии участников исследования оказался Краснодар, а самый «активный» и «свой» – Армавир.

Феномен «сочинской» идентичности заслуживает особого внимания. В системе социальных идентичностей наиболее ярко локальная идентичность сочинской молодежи проявляется у школьников, принадлежность к городу они ставят, как правило, на первое место среди других территориальных принадлежностей. Участники исследования характеризуют

себя как «сила молодежи города Сочи», «народ нашего города», «человек, который хочет улучшить свой город». Маркеры других территориальных (в основном гражданско-территориальных) идентичностей в ответах школьников встречаются гораздо реже. Также локальная принадлежность упоминается в ответах работающей молодежи Сочи в общей иерархии социальных принадлежностей чаще, чем другие территориальные принадлежности. Менее всего (как и в других исследуемых городах) локальная принадлежность выражена у студентов (всего одно упоминание – «помощник своему городу»). Ответы студентов (что характерно для студенчества в целом) являются более космополитичными. Они, как правило, идентифицируют себя с местом, где хотелось бы жить или бывать в будущем (Нью-Йорк, Калифорния, Африка, Турция). В целом, для кейса Сочи характерно, что локальная идентичность более выражена, чем национальная, региональная или гражданская.

Какие факторы определяют доминанту локальной идентичности в системе других уровней территориальных идентичностей в группе школьников? Исследование выявило важность образовательных практик, формирующих локальную идентичность молодежи. Участники фокус-групп во всех городах отметили школу как один из основных институтов, формирующим локальную идентичность и чувство общности горожан: *«в школах у нас проводят различные вебинары, где рассказывают о том, как важно помогать друг другу» (Армавир, школьники).*

Участники фокус-групп подчеркивали, что именно в практической деятельности происходит осознание себя в пространстве локального сообщества: *«Школа очень влияет на формирование чувства города. Мы же пишем проекты к 11 классу. Мой проект связан с промышленными предприятиями города. Я собираю макулатуру, сдаю и буду на вырученные деньги сажать деревья. Много узнал, пока работаю над проектом: получается, школа дала мне и знания о городе и возможность ему помочь» (Краснодар, школьники).*

Несмотря на значимость сетевых ресурсов и значительную цифровую инклюзию молодежи в городские события, для школьников основным источником системной информации о городе остается школа и учителя: *«У нас вообще многие учителя рассказывают о том, что происходит в Краснодаре. По Кубановедению учительница – просто потрясающая! Я очень многое о городе узнал в школе» (Краснодар, школьники).* *«Когда у нас поменялся мэр (Сочи), учительница Кубановедения о нем рассказывала: как зовут, где родился, сколько лет, кем работал. Мне кажется, благодаря этому многие школьники вообще узнали, о том, что сменился мэр – Алексей Когнайгородский» (Сочи, школьники).*

Полученные данные позволяют сформулировать рекомендации об использовании потенциала локальной идентичности в работе с молодежью. Для школьников, активно погруженных в системный процесс социализации в рамках образовательного учреждения, наиболее эффективной будет модель формирования локальной идентичности через социально-образовательные практики:

- практики, направленные на познание города, его истории и современности – образовательные проекты, в которых школьники выступают субъектами деятельности («я узнаю и рассказываю другим о своем городе»);

- социально публично одобряемые практики, направленные на решение локальных проблем социальных групп, являющихся частью жизненного мира школьника («я помогаю конкретным людям моего города, микрорайона, подъезда»);

- практики, формирующие субъектную позицию молодежи, реализация которых дает возможность публичного признания и повышения социального статуса участников: *«Ты вдруг начинаешь понимать, что радостные лица, эмоции и хорошее настроение многих десятков людей вокруг тебя – детей, молодежи, взрослых – это благодаря тому, что сделали мы!» (Армавир, школьники).*

Студенчество – наиболее мобильная из исследуемых групп, значительная часть студентов в крупных городах (в нашем исследовании – Краснодар) не является уроженцем города и рассматривает его как возможный этап, трамплин в своей жизненной траектории. Вместе с тем, именно студенческая молодежь обладает самым высоким деятельностным

потенциалом, который может развернуться как в конструктивном, так и в деструктивном русле. Студенты имеют возможность реализовать себя во «взрослых» общественных практиках, связанных не только с социальной, но и с политической активностью. *«Общественная жизнь на самом деле сближает людей и сближает тебя с городом. Поступив в техникум и начав активную общественную деятельность, я ближе познакомилась с городом и действительно его полюбила. Потому что это очень ценное место. Я здесь учусь, собираюсь здесь работать и жить дальше!»* (Сочи, студенты).

Общественные практики, которые направлены на решение проблем сообщества, влияют на укрепление связи личности, группы с сообществом и пространством, на котором оно существует – таким образом, формируют локальную идентичность участников.

Участники фокус-групп отмечали, что многие общественные практики, реализуемые молодежью (даже не связанные по тематике с городом) играют важную роль в формировании чувства городского сообщества: *«Я уверена, что все проекты, о которых мы говорили влияют на формирование идентичности горожан. Хотя бы потому, что люди взрослые, не принимающие участие в этой деятельности, узнают о том, что делает молодежь. Им приятно, что молодое поколение не равнодушно, занимается городом, что растет смена, которая делает город только лучше»* (Армавир, студенты).

Выводы. Локальная идентичность как часть субъективного пространства личности является основанием для формирования и реализации конструктивных социально-политических практик, объектом которых является пространство города и его жители.

Литература

1. Национальный проект «Жилье и городская среда»/ Департамент инвестиций и развития малого и среднего предпринимательства Краснодарского края. Электронный документ. Режим доступа: <http://kubaninvest.ru/content/248/>
2. Региональный проект «Социальная активность»/ Департамент инвестиций и развития малого и среднего предпринимательства Краснодарского края. Электронный документ. Режим доступа: <http://kubaninvest.ru/pasports/obrazovanie>
3. Стратегия социально-технологического развития Российской Федерации. Электронный документ. Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449>.
4. Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края/ Министерство экономического развития Краснодарского края. Электронный документ. Режим доступа: https://economy.krasnodar.ru/strategic-planning/files/Strategiia_2030.pdf.
5. Субъективное пространство политики / Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов / ИМЭМО РАН. – М.: Издательство «Весь Мир», 2017. – С. 380.
6. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. Федеральная служба государственной статистики. Электронный документ. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_111/Main.htm

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ МЕДИАЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

Скрипченко Нина Юрьевна,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и процесса
ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный
университет имени М.В. Ломоносова», г. Архангельск

Аннотация. Проведенное исследование свидетельствует о существенном профилактическом потенциале восстановительных технологий, которые могут быть использованы как для разрешения конфликтов среди учащихся школ, так и в отношении несовершеннолетних, отбывающих лишение свободы. Намечившаяся в последнее время сокращение применения примирительных процедур обусловлено не только ведомственным изменением практики, но и негативным отношением сотрудников следствия и дознания к восстановительным программам, что связано с недостаточным пониманием сути соответствующих процедур. По мнению судей (не ограниченных обвинительным уклоном), медиация является перспективным направлением развития уголовной юстиции применение, способствуя возмещению ущерба, снижению конфликтности в обществе.

Ключевые слова: медиация, восстановительные технологии, несовершеннолетний преступник, примирение, профилактика

Annotation. The conducted research testifies to the significant preventive potential of restorative technologies that can be used both for resolving conflicts among school students and in relation to minors serving imprisonment. The recently outlined reduction in the use of conciliation procedures is due not only to departmental changes in practice, but also to the negative attitude of the investigation and inquiry officers to rehabilitation programs, which is associated with a lack of understanding of the essence of the relevant procedures. According to judges (not limited to an accusatory bias), mediation is a promising direction in the development of criminal justice, application, contributing to compensation for damage, reducing conflicts in society.

Keywords: mediation, restorative technologies, juvenile delinquent, reconciliation, prevention.

Постановка проблемы. В последние годы наблюдается официальное снижение уровня преступности несовершеннолетних. Так, в 2015 г. подростками и при их участии было совершено 55 993 преступления, в 2016 г. – 48 589 (- 13,2%), в 2017 г. – 42 504 (- 12,5%), в 2018 г. – 40 860 (- 3,9%), в 2019 г. – 37953 (- 7,1%)². Указанная положительная динамика, безусловно, является следствием повышенного внимания со стороны государства, как в целом к проблемам семьи и молодежи, так и к данной социальной группе. Принятые в последние годы документы стратегического характера определяют широкий круг задач – от нейтрализации криминогенных факторов, до модернизации системы предупреждения подростковой преступности. В их число входят Национальная стратегия действий в интересах

---

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19 – 011 – 00385

² Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений. Количество выявленных несовершеннолетних лиц, совершивших преступление» за 2015-2019 гг. // Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 10.07.2020).

детей на 2012 – 2017 гг.¹, решение о объявлении 2018 – 2027 гг. Десятилетием детства², Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 г.³, Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г.⁴ и др. Реализация же советующих мер повлияла на количественные характеристики ювенальной преступности, качественные же показатели демонстрируют противоположную динамику. Так, удельный вес повторной преступности несовершеннолетних вырос с 24,7% в 2015 г. до 29,2% в 2019 г., уровень преступлений, совершенных в группе увеличился соответственно с 47,8% до 51,0%⁵. Не смотря на незначительное снижение с 56,6% до 53,2% числа тяжких и особо тяжких преступлений, указанный показатель свидетельствует о том, что более половины подростков будут подвергнуты жестким мерам уголовного-правового характера.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что государство до сих пор не нашло оптимальных и эффективных способов противодействия подростковой преступности, что актуализирует потребность совершенствования имеющихся и внедрения новых технологий и методов профилактической работы с несовершеннолетними. Определив среди приоритетных мер развития «дружественного ребенку правосудия», внедрение восстановительного подхода, Национальная стратегия действий в интересах детей заложила основу для формирования соответствующей практики на уровне субъектов Российской Федерации. Архангельская область относится к числу регионов, в которых реализуются восстановительные программы с участием несовершеннолетних, преступивших закон, что позволяет обобщить соответствующий опыт.

Целью статьи является освещение опыта Архангельской области по внедрению восстановительной медиации по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних, определив проблемы, возникающие при реализации новой процедуры, а также мнения сотрудников правоохранительных о перспективах развития восстановительных технологий.

Изложение основного материала исследования. Заложённая ещё в 2005 г.⁶ основа для межведомственного взаимодействия по внедрению в регионе ювенальных технологий, не только позволила накопить определенный опыт [3], но и явилась фундаментом для новых экспериментов. В целях реализации дружественного к детям правосудия в сфере уголовного судопроизводства представителями всех структур региона в 2012 г. заключили Соглашение о межведомственном сотрудничестве в развитии дружественного к детям правосудия в сфере

---

¹ Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

² Указ Президента РФ от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Распоряжение Правительства РФ от 22.03.2017 № 520-р «Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Отчеты об осужденных, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте за 2015 - 2019 гг. Форма № 12 // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2361> (дата обращения: 10.07.2020).

⁶ На протяжении 2005-2010 гг. на территории Исакогорского округа г. Архангельска реализовывался российско-немецкий проект «Динамический механизм: сокращение применения мер, связанных с ограничением / лишением свободы, в отношении подростков и молодежи, преступивших закон». Проект был направлен на разработку и внедрение кейс-менеджмента, ориентированного на интеграцию в общество подростка, преступившего закон, путем улучшения его жизненной ситуации. Подробнее см.: Скрипченко Н.Ю., Машинская Н.В. Основные этапы и процессы внедрения ювенальных технологий в Архангельской области // Вопросы ювенальной юстиции. 2015. № 3. С. 9 - 12.

уголовного судопроизводства в Архангельской области¹, приоритетным направлением которого явилось создание условий для внедрения восстановительных технологий в уголовное судопроизводство с участием несовершеннолетних. В отличие от других субъектов, также активно включившихся в соответствующую работу [1; 2], опыт Архангельской области отличает экспертное сопровождение со стороны представителей федерального вуза, которые принимали участие в обсуждении локальных актов, обеспечивающих реализацию восстановительных технологий и промежуточных результатов медиативных практик.

Созданная на основе Соглашения о межведомственном сотрудничестве трехуровневая система служб урегулирования конфликтных и криминальных ситуаций с участием детей, не только сформировала условия для проведения предупредительной работы от ранней превенции до профилактики рецидива, но и обеспечила реализацию примирительных процедур на всех стадиях криминализации личности.

Сформированные на базе образовательных организаций региона, школьные службы примирения (первый уровень) нацелены на разрешение конфликтов среди учащихся и реализацию восстановительных программ по делам об административных правонарушениях несовершеннолетних и общественно опасных деяниях лиц, не достигших возраста уголовной ответственности. Как итог, появление новой технологии не только способствовала сплочению и снижению агрессивности подростков в школе, но и расширило арсенал профилактических мер, применяемых к несовершеннолетним, проявляющим криминальные наклонности. Учитывая, что материалы для проведения примирительных процедур с подростками, совершившими административные правонарушения и об отказе в возбуждении уголовного дела в школьные службы поступают из комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, расширились механизмы взаимодействия соответствующих структур.

Второй уровень образуют территориальные службы примирения, созданные на базе муниципальных организаций, оказывающих помощь семье и детям, находящимся в тяжелой жизненной ситуации. Сотрудники соответствующих служб реализуют программы примирения по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних, делам об административных правонарушениях подростков (при отсутствии школьных служб) и делам о насилии над детьми в семье. Соответствующая работа строится на основании заявок, которые поступают от органов предварительного расследования и суда (по административным правонарушениям от комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав). В рамках примирительных процедур, посредник проводит предварительные встречи с виновным и потерпевшим (с их законными представителями), если участники конфликта согласны, то организует совместную встречу(и). Если в процессе реализации восстановительных программ удалось достичь примирения сторон, то медиатор заключает примирительный договор. Примирительный договор и отчет о результатах реализованной восстановительной программы, который может содержать и рекомендации по проведению реабилитационных мероприятий, медиатор направляет в суд. Указанные документы для судьбы носят рекомендательный характер.

Служба примирения, осуществляющая свою работу на базе воспитательной колонии, образует третий уровень. В условиях изоляции осужденных подростков, восстановительные технологии большей частью ограничиваются работой посредника с несовершеннолетним, так

---

¹ Соответствующее Соглашение было заключено между Правительством Архангельской области, Архангельским областным судом, Прокуратурой Архангельской области, Следственным управлением Следственного комитета РФ по Архангельской области и Ненецкому автономному округу, Управлением МВД РФ по Архангельской области, Управлением Федеральной службы исполнения наказаний России по Архангельской области, Управлением Судебного департамента в Архангельской области и Ненецком автономном округе, Агентством по организационному обеспечению деятельности мировых судей Архангельской области, Адвокатской Палатой Архангельской области и Северным (Арктическим) федеральным университетом им. М.В. Ломоносова.

как значительная часть писем (челночная медиация), которые направляют осужденные потерпевшим, остаются без ответа.

Постепенное расширение соответствующих служб обеспечивало потребности соответствующих субъектов. Однако, с 2018 г. число заявок на проведение примирительных процедур резко сократилось. Так, в 2014 г. в территориальные службы примирения поступило 307 заявок на проведение медиации, в 2017 г. – 401, в 2018 г. – 291, в 2019 г. – 290.

Указанная динамика обусловлена объективными причинами, связанными со снижением подростковой преступности в Архангельской области за анализируемый период (на 12,3%), а если брать показатель по преступлениям небольшой и средней тяжести (по которым и проводятся примирительные процедуры), то снижение еще более значительное (более 20 %).

Анкетирование же сотрудников правоохранительных органов¹ позволило выявить и субъективные причины, главная из которых кроется в изменении ведомственного подхода, который нашел отражение в письме МВД России от 18 сентября 2018 г. №1/10689 «Об активизации применения части 1 статьи 427 УПК РФ», ориентирующего на расширение применения принудительных мер воспитательного воздействия. Схожие законодательно установленные условия освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) и в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ), влечет расширение реализации ст. 90 УК РФ за счет сокращения ст. 76 УК РФ [4, с. 13].

К субъективным причинам следует отнести и нежелание сторон криминального конфликта участвовать в примирительных процедурах. Результаты анкетирования свидетельствуют, что значительная часть потерпевших отказываются от встреч с виновным, считая, что он должен понести наказание в соответствии с законом. Если обида не столь глубока, то потерпевших интересуют только вопросы возмещения материального ущерба. В тех случаях, когда ущерб причинен не физическому, а юридическому лицу (так, к числу распространенных среди подростков преступлений относятся хищения из магазинов), представители потерпевших, не имея личной заинтересованности, отказываются от участия в процедуре примирения, ссылаясь на соответствующее распоряжение руководителя, либо изначально настроены против подростка-нарушителя (в связи с постоянными хищениями в торговых организациях, которые они представляют), настаивая на полном возмещении причиненного ущерба и строгом наказании.

В большинстве случаев не настроены на встречи с медиатором и виновные, и их законные представители. Если ущерб был возмещен, то участие в восстановительных программах они считают не целесообразным, а при отсутствии средств на возмещение вреда, отсутствуют основания для прекращения уголовного преследования ст. 76 УК РФ. Отдельные обвиняемые считают себя невиновными в криминальном деянии.

В указанных условиях, проведение примирительных процедур напрямую зависит от того, насколько грамотно доведут до сторон криминального конфликта содержание восстановительных и значимость технологий, как для виновного, так и для потерпевшего. Учитывая выявленное в ходе анкетирования узкое понимание содержания медиации (как процедуры примирения виновного и потерпевшего, в ходе которой возмещается ущерб, причиненный преступлением, что позволяет прекратить уголовное дело на основании ст. 76 УК РФ) и негативное отношение значительной части (56%) сотрудников следствия и дознания к восстановительным программам, соответствующая разъяснительная работа большей частью сводится к формальному информированию сторон криминального конфликта о праве на участие в соответствующей процедуре.

Опрошенные сотрудники уверены, что способны сами примирить виновного и потерпевшего без посредника, участие которого только затягивает сроки производства по

---

¹ В анкетировании приняли участие 100 сотрудников (11 дознавателей, 27 следователей и 62 судей (37 мировые судьи, 25 – федеральные)), осуществляющих профессиональную деятельность в г.г. Архангельске, Новодвиске, Котласе, Мирном, Вельске, а также в Плесецком, Пинежском, Устьянском и Приморском районах Архангельской области.

уголовному делу. Ссылаясь на те случаи, когда медиация не дала должного эффекта и прекратить уголовное преследование не удалось, следователи и дознаватели не рассматривают восстановительные технологии как эффективное средство разрешения криминальных конфликтов. Отдавая предпочтение мерам государственного принуждения (уголовное наказание, условное осуждение, принудительные меры воспитательного воздействия), сотрудники органов предварительного расследования указывают (в анкетах) на факты формального проведения медиации, что влечет формирование у подростков чувства безнаказанности, определяющего повторное криминальное деяние.

В отличие от следователей и дознавателей, судьи, не только более широко определяют содержание медиации, акцентируя внимание на том, что применение восстановительных технологий способствует возмещению ущерба, снижению конфликтности между потерпевшим и виновным, несет в себе значительный профилактический потенциал, но и рассматривают медиацию как перспективное направление развития уголовной юстиции [4, с. 14].

По мнению судей, реализовывать восстановительные технологии должен только профессионал, который опираясь на научные разработки (например, из области психологии) сможет не только донести до виновного все негативные последствия совершенного криминального деяния (что особенно необходимо в отношении несовершеннолетних), минимизировать у жертвы страхи и обиды, а в отдельных случаях и помочь «отделить» вред, причиненный преступлением, от накопившихся собственных проблем, но и предупредить криминальное поведение, так как обвиняемый «проговорив» на совместной встрече свои действия, направленные на недопущение рецидива, не только «возвращает» потерпевшему утраченное чувство безопасности, но и закладывает для себя модель социально одобряемого поведения.

В анкетах судьи также отмечают, что применение медиации зависит не столько от категории и характера криминального деяния, сколько от личности виновного. Не исключая проведение восстановительных программ и по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, судьи обращают внимание на то, что соответствующая форма посткриминального поведения виновного может быть учтена в качестве обстоятельства, смягчающего наказания, что в совокупности с иными смягчающими обстоятельствами, может послужить основой для значительного смягчения мер государственного принуждения [4, с. 14].

В отличие от сотрудников предварительного расследования, считающих, что отсутствие в УПК РФ норм, регулирующих статус медиатора и порядок проведения восстановительных технологий, затрудняет практическую реализацию соответствующих программ, судьи не усматривают в качестве серьезного препятствия правовую неопределенность, отмечая, что в отдельных случаях отсутствие жестких правил создает условия для достижения компромисса между участниками уголовного процесса [4, с. 14].

Рассматривая примирительные процедуры, как перспективное направление уголовного судопроизводства, особенно по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних, которые в силу возрастной незрелости зачастую не только не осознают всю тяжесть вреда, причиненного криминальным деянием, определение которого сводится не только имущественному ущербу, но и не прогнозируют все возможные негативные последствия криминального поступка для себя, судьи отмечают, что более широкое применение медиации сдерживает низкий уровень правовой культуры общества, отсутствие доступной информации о содержании и значении восстановительных программ и недостаток квалифицированных специалистов-медиаторов. По мнению большинства судей, примирение медиации может носить и отсроченный во времени положительный результат, при этом, «...если один ребенок осознал свой поступок, раскаялся и больше не совершает правонарушений, медиацию можно считать эффективной».

Анализ сводных отчетов¹ о работе посредников и опрос медиаторов² подтвердили выводы относительно недостаточной разъяснительной работы о содержании процедуры примирения участникам уголовного процесса со стороны правоохранительных структур и полярного отношения к восстановительным технологиям со стороны сотрудников органов предварительного расследования и судей (за последний год практически все заявки на проведение медиации поступали из суда). Медиаторы также отмечали, что в ряде случаев заявки на проведение медиации подаются несвоевременно, и стороны самостоятельно разрешают конфликтную ситуацию. Приводя примеры семей, находящихся в тяжелой жизненной ситуации, специалисты выражали беспокойство практической не востребованностью восстановительных программ по делам о насилии над детьми в семье (не более 5 программ в год). К причинам низкой «заинтересованности» участников криминального конфликта в примирительных программах, специалисты также отнесли территориальную удаленность соответствующих служб (в отдельных случаях стороны не имеют ни времени, ни средств, чтобы встретиться со специалистом). Отмечая практическую востребованность школьных служб примирения, медиаторы обратили внимание на прямую корреляционную связь между ростом примирительных программ среди учащих образовательных организаций и снижением уровня криминальных деяний со стороны лиц, не достигших возраста уголовной ответственности.

На наш взгляд, применение восстановительной медиации в качестве своеобразного социального эксперимента позволяет выявить следующие положительные результаты:

- на уровне региона определены новые направления межведомственного взаимодействия по внедрению дружественного к детям правосудия, которые могут положить основу для дальнейших экспериментов;

- реализация на уровне школьных служб примирения восстановительных программ расширило систему мер ранней профилактики преступности несовершеннолетних, способствуя снижению негативных явлений не только в детской среде, но и преступности подростков в целом;

- низкий уровень (около 6%) повторных преступлений, совершаемых несовершеннолетними, прошедшими восстановительные программы в рамках уголовного судопроизводства, свидетельствует об эффективности новой процедуры, применение которой «сдерживается» недостаточной информированностью участников криминального конфликта;

- накопленный сотрудниками, выступающими в качестве посредников, опыт проведения медиации не только будет способствовать повышению качества соответствующей работы, но и может быть использован для подготовки соответствующих специалистов.

Выводы. Проведенное эмпирическое исследование свидетельствует о существенном профилактическом потенциале восстановительных технологий, которые могут быть использованы как для разрешения конфликтов среди учащих образовательных организаций, так и в отношении несовершеннолетних, отбывающих наказание в условиях изоляции от общества. Намечившаяся в последнее время сокращение применения примирительных процедур обусловлено не только ведомственным изменением практики, ориентирующей правоприменителя на применение к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия, но и негативным отношением сотрудников следствия и дознания к восстановительным программам, что связано с недостаточным пониманием сути соответствующих процедур. Решение выявленной проблемы возможно посредством активизации сотрудничества территориальных служб примирения с правоохранительными органами и более активного использования потенциала адвокатов.

---

¹ Сводный отчет о работе посредников Архангельской области по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних за 2015 – 2019 гг., первый квартал 2020 г. // Текущий архив отделения медиации Центра «Надежда»

² В опросе приняли участие 20 медиаторов, реализующих восстановительные технологии по уголовным делам с участием несовершеннолетних в г. Архангельске.

Литература

1 Абашева Ф.А. Проблемы применения процедуры медиации в уголовном судопроизводстве России (на примере Удмуртской республики) / Ф.А. Абашева, О.О. Басова // Судебная власть и уголовный процесс. – 2016. – № 2. – С. 226 – 230.

2 Соболева Л.А. Медиация в Пермском крае. Некоторые итоги социального эксперимента 2002 – 2015 годов // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18 - 19 ноября 2016 г.): сборник научных статей / В.В. Акинфиева, Л.А. Аксенчук, А.А. Ананьева и др.; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – М.: Статут, 2017. – 592 с.

3 Скрипченко Н.Ю. Основные этапы и процессы внедрения ювенальных технологий в Архангельской области / Н.Ю. Скрипченко, Н.В. Машинская // Вопросы ювенальной юстиции. – 2015. – № 3. – С. 9-12.

4 Скрипченко Н.Ю. Восстановительная медиация по уголовным делам с участием несовершеннолетних: современное состояние и проблемы реализации (по материалам Архангельской области) / Н.Ю. Скрипченко // Вопросы ювенальной юстиции. – 2020. – № 1. – С. 12-15.

УДК:34

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОВД ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Старых Станислав Михайлович,

кандидат юридических наук,

старший преподаватель кафедры уголовного права

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»,

г. Москва

Аннотация. В статье рассмотрены проблемные вопросы возникающие в процессе осуществления служебной деятельности подразделениями МВД России по делам несовершеннолетних деятельности по предупреждению беспризорности, безнадзорности, противоправных деяний среди подростков, а также по осуществлению производства по делам об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними. Автором указаны причины возникновения указанных в статье проблем, предложены пути их устранения.

Ключевые слова: Несовершеннолетние, инспектор по делам несовершеннолетних, профилактика правонарушений и преступлений.

Annotation. The article discusses the problematic issues arising in the process of performing official activities by units of the Ministry of Internal Affairs of Russia for minors, activities to prevent homelessness, neglect, unlawful acts among adolescents, as well as to carry out proceedings in cases of administrative offenses committed by minors. The author indicates the reasons for the problems indicated in the article, and suggests ways to eliminate them.

Key words: Minors, inspector for juvenile affairs, prevention of offenses and crimes.

Постановка проблемы. Проблемы, которые возникают в процессе осуществления подразделениями МВД России по делам несовершеннолетних деятельности по предупреждению беспризорности, безнадзорности, противоправных деяний среди подростков, а также по осуществлению производства по делам об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними, не имеют узковедомственного варианта решения. При всестороннем анализе этих проблем, как организационно-правовых основ подразделений по делам несовершеннолетних, законодательной и правоприменительной практике, межведомственной разобщенности, сформулированы

предложения, направленные на устранение и совершенствование нормативно-правового регулирования статуса соответствующих подразделений МВД России, внесены предложения по корректировке законодательной и правоприменительной практики.

Целью статьи является обоснование необходимости более тесной и скоординированной работы различных ведомств по профилактике девиантного и делинквентного поведения различных групп детей и молодёжи, с четко определяемыми «зоной ответственности» и перечнем обязанностей всех, вовлечённых в эту деятельность, специалистов. Обосновывается необходимость изменений в законодательной и правоприменительной практике. По мнению автора, последовательное решение рассмотренных в статье проблем, позволит значительно оздоровить ситуацию сложившуюся на сегодняшний день в работе по профилактике правонарушений и преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Изложение основного материала исследования. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности.

В современных реалиях, с учетом всех сложностей в социально-экономической и общественной жизни страны, реализация этих целей и задач, стоящих перед органами внутренних дел, сталкивается с огромным количеством проблем. К большому сожалению, существенно снизить уровень общей преступности, в настоящее время не получается. Да, есть отдельные успехи в борьбе с определенными видами преступной деятельности, но в целом ситуация с уровнем преступности в стране довольно напряженная.

В этой связи, отдельно следует упомянуть о наблюдающейся в последнее время тенденции по росту подростковой преступности. Анализ ежегодных обзоров публикуемых МВД Российской Федерации, говорит о значительном росте преступлений совершенных несовершеннолетними, преступлений тяжких, особо тяжких, групповых, изощренных преступлений совершенных с особой жестокостью, зачастую умышленных убийств. Борьба с преступностью в целом, неразрывно связана с профилактикой преступности.

Сравнивая профилактическую работу, если так можно выразится, «взрослой преступности», с работой по профилактике подростковой преступности в деятельности подразделений ОВД, можно смело говорить, что она не имеет существенных различий с общепринятой системой предупреждения и основывается на тех же принципах. Если говорить о различиях, то основным существенным отличительным признаком будет личность преступника – а это несовершеннолетний подросток. Отсюда определяются и цели, которые ставит перед собой государство в отношении несовершеннолетнего, совершившего преступление. Помимо восстановления социальной справедливости, основная цель – это воспитание, точнее перевоспитание, исправление деструктивных паттернов поведения несовершеннолетних в широкой социальной среде, возможность привить уважительное отношение к общепринятым нормам поведения, к правам личности, собственности, вернуть подростка в нормальную социальную среду, в семью.

Довольно часто, на путь совершения антиобщественных деяний, а в конечном итоге и преступлений, встает подросток с девиантным поведением. С большой уверенностью можно говорить, что без должного внимания к личности подростка с определенными отклонениями в поведении, без учета особенности его характера, семейной и социальной среды и множества других факторов, со временем, велика вероятность, что его поведенческие особенности, переродятся в поведение преступное или как минимум противоправное.

Анализу проблем подросткового девиантного поведения посвящено огромное количество научных работ, проведено большое количество семинаров, конференций и других очень важных, значимых мероприятий. Но, к большому сожалению до настоящего времени не до конца сформулированы и проработаны механизмы внедрения и реализации на практике относительно универсальных форм и методов для практической работы специалистов различных ведомств и органов, осуществляющих профилактику безнадзорности и

правонарушений лиц, не достигших совершеннолетнего возраста в том числе, для инспекторов по делам несовершеннолетних в органах внутренних дел.

Как было упомянуто выше, профилактику безнадзорности и правонарушений лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, осуществляют представители разных ведомств и организаций, но говорить о полном взаимодействии и координации в этой работе нельзя. Более того, инспектора по делам несовершеннолетних в органах внутренних дел не обладают реальными полномочиями по отношению к государственным органам и общественным организациям, а реакция на их обращения обязательного реагирования не носят. В итоге получается, как в известной поговорке – «у семи нянек дитя без глазу». Вместо скоординированной, слаженной совместной работы, всех заинтересованных структур, зачастую это хаотичный набор различных мер, не приводящих к искомому результату. Но, а в случаях серьезных происшествий с несовершеннолетним, крайней всегда остается инспекция по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.

Сложилось устойчивое мнение, что инспектор ПДН является наиболее близким, если можно так выразиться, к проблемному подростку представителем государственных органов. По сложившейся практике, после постановки на учет проблемного подростка, негласно основная ответственность за конечный результат ложится на инспектора ПДН. Но ведь комплексная работа по профилактике противоправного поведения со стороны подростка, на данном этапе, со стороны всех заинтересованных организаций и служб, включая естественно общественные организации, не должна ограничиваться деятельностью соответствующего подразделения органов внутренних дел. Ведь невозможность вернуть несовершеннолетнего, иногда даже совершившего преступление, к нормальной жизни, минус в работе не только инспектора ПДН, но всех других заинтересованных ведомств и организаций. Вопрос о координирующей роли инспекции по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, о наделении этого органа определенными распорядительными полномочиями, обязательными к исполнению, давно назрел.

Но и в деятельности самой службы по делам несовершеннолетних имеются свои внутриведомственные проблемы. Так как направление служебной деятельности данных подразделений определяется работой с лицами, не достигшим совершеннолетия, то и подход требуется совершенно другой, нежели при работе со взрослым правонарушителем или преступником. Из чего вытекает, обязательное наличие специального образовательного уровня и более высокой квалификации самих сотрудников этих подразделений в системе органов внутренних дел.

Исходя из требования «Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации», запрещается допуск к самостоятельной работе сотрудников ПДН, впервые принятых на службу в ОВД (полицию) на должность сотрудника по делам несовершеннолетних, без наличия первоначальной подготовки по профилю служебной деятельности, а также выпускников образовательных организаций системы МВД России либо, переведенных из иных служб, если они до этого не работали в подразделении по делам несовершеннолетних, без прохождения стажировки под руководством наставника из числа самых подготовленных сотрудников ПДН в течение одного месяца. Но как часто бывает, все благие пожелания разбиваются о суровую действительность. А действительность такова что, проблема кадрового «голода», текучести кадров характерная для большинства подразделений МВД России, не обошла стороной и службу по работе с несовершеннолетними. В связи с чем, довольно часто, руководством подразделений органов внутренних дел, закрываются глаза на отсутствие соответствующей квалификации, опыта работы в данном направлении служебной деятельности, только бы закрыть имеющуюся вакансию. Внутриведомственная проблематика накладывается на ряд других проблем, негативно влияющих на достижение положительного результата по данному направлению служебной деятельности.

Наряду с приведенными выше проблемами, довольно остро стоит проблема несовершенства законодательной базы и правоприменительной практики в сфере

профилактики подростковой преступности. В работе с так называемыми «трудными подростками» конечно базовым императивом является понимание того, что перед нами, не смотря на все содеянное, все-таки еще ребенок пусть и «трудный», требующий к себе иного подхода по сравнению с совершеннолетним правонарушителем либо преступником. Действующее Российское уголовное законодательство сам факт несовершеннолетия виновного лица рассматривает как смягчающее обстоятельство, со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями. Более того, руководствуясь принципами гуманизма и справедливости, с учетом социально-психологических особенностей несовершеннолетних в уголовном кодексе Российской Федерации выделен самостоятельный раздел об уголовной ответственности несовершеннолетних.

Но довольно сомнительная трактовка принципа гуманизма по отношению к данной категории граждан, не побоюсь и такого определения как избыточная либерализация, как законодательной базы, так и правоприменительной практики, на сегодняшний день приводят к очевидным негативным последствиям.

Эти неутешительные выводы, к сожалению, подтверждает статистика. По данным ГИАЦ МВД России, за последние пять лет, количество совершенных несовершеннолетними, преступлений такой категории как тяжкие и особо тяжкие неуклонно растет. Увеличивается количество насильственных преступлений, преступлений, совершенных в группах, как правило, сопровождавшиеся особой жестокостью. Особенно настораживает тенденция к увеличению совершаемых правонарушений и преступлений со стороны девочек. Которые, зачастую, выступают в качестве подстрекателей и организаторов совершаемых преступлений, в том числе носящих насильственный характер.

Без должной, всесторонней оценки личности несовершеннолетнего правонарушителя или преступника, без учета всех факторов совершенного противоправного деяния, его роли в совершенном преступлении (например, такое явление как молодежные банды, где четко определены роли, кто исполнитель, а кто организатор, лидер) неверно выбранная правоприменительная мера с большой вероятностью, приводит к еще более тяжким последствиям. К тяжким последствиям следует относить не только совершение повторно подростком более тяжкого преступления, но и большая вероятность потери возможности вернуть подростка к нормальной жизни при проявлении не в нужный момент, не в соразмерности с совершенным деянием, излишней мягкости. То есть, когда необходимо в определенной, конкретной ситуации, с учетом всех вышеперечисленных факторов, к конкретному несовершеннолетнему преступнику (организатору и лидеру вооруженной банды), применять соответствующее деянию наказание или иную меру уголовно правового воздействия, например помещение в специализированное учебное заведение, а не только довольно распространённое ограничение досуга.

Опять же возвращаясь к статистике, говорящей о неуклонном росте повторно совершенных подростками преступлений. В судах, как правило, сложилась практика не применять такую меру пресечения, как арест, к несовершеннолетним за совершение тяжких, и даже особо тяжких, совершенных повторно преступлений. Действующим уголовным законодательством предусмотрено не считать рецидивом повторно совершенное несовершеннолетним преступление. После такого гуманного подхода, в большинстве случаев, у несовершеннолетнего преступника это вызывает чувство вседозволенности, в определенной степени мотивирует его на совершение новых преступлений. Он прекрасно осознает преимущества своего несовершеннолетия, нагло и цинично пользуется этим. Естественно, что вероятность превращения такого «ребенка» в закоренелого преступника возрастает в разы. В результате огульный гуманизм приводит к прямо противоположным результатам, вовремя не поставленный на место, строго в рамках закона, несовершеннолетний преступник, через некоторое время вырастает во взрослого бандита. Соответственно общество теряет потенциального законопослушного гражданина и наблюдает за пополнением и без того многочисленной армии преступников.

Как один из видов ложно понятого гуманизма, на мой взгляд, следует рассматривать и отсутствие на законодательном уровне, решения о возможности принудительного стационарного лечения несовершеннолетних от наркомании, токсикомании и алкоголизма. Ведь ущерб от вовремя не принятых мер, как для конкретной семьи, так и для государства в целом просто чрезмерен. Безусловно, необходим жесточайший контроль, за правоприменительной практикой в этой сфере, как со стороны соответствующих служб, так и со стороны гражданского общества, нужна соответствующая правовая регламентация, что не отменяет значимость наличия такого правового инструмента.

Возможность вырвать из этой окружающей подростка среды, а во множестве случаев буквально спасти ему жизнь, должна быть использована. Право на неприкосновенность личной свободы любого человека и гражданина, право выбора, все это гарантирует конституция Российской Федерации, но в данном случае речь идет о несовершеннолетнем с его еще не до конца сформировавшейся, устоявшейся психоэмоциональной составляющей. А если ко всему прочему и в семье ситуация далека от благополучия, вероятность потери подростка, в самом негативном варианте гарантирована. Возможность в буквальном смысле спасти подростка, вернуть его в нормальную жизнь, а государству в целом обрести законопослушного гражданина, заслуживает того, чтобы использовать этот достаточно противоречивый, но в этих случаях необходимый правовой инструмент.

Выводы. Общество, да и Государство в целом, в лице каждого несовершеннолетнего, вставшего на путь антиобщественного поведения или даже на путь совершенных преступлений, теряет будущий человеческий потенциал, законопослушного гражданина, способного создать благополучную семью, потенциального работника, налогоплательщика. В значительной степени самоустраняясь от решения проблем профилактической работы в отношении трудных подростков, государство во многом утрачивает механизмы воздействия на формирование будущего поколения законопослушных граждан.

Решение рассмотренных в данной статье проблем, стоящих перед подразделениями МВД России по делам несовершеннолетних, таких как: несовершенство законодательной базы, противоречивая, а иногда и сомнительная правоприменительная практика, межведомственная разобщенность, кадровые и другие проблемы в самом МВД России, при поэтапном, последовательном подходе к решению этих проблем, со стороны государства, при непосредственным участии гражданского общества, способны в достаточно короткое время дать положительные результаты в этой значимой для государства и общества области.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принятая всенародным голосованием 12.12.1993 г.
2. Федеральный Закон «Положение о прохождении службы в органах внутренних дел Российской Федерации» 30.11.2011 № 392-ФЗ.
3. Федеральный Закон «О полиции» 07.01.2011 № 3-ФЗ.
4. Концепция МВД России «О состоянии работы с кадрами, кадровой политике в системе МВД России 23.12.1998 № 6/км/1.
5. Приказ МВД России «Об утверждении порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» 31.03.2015.
6. Приказ МВД России от 15.10.2013 №845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» / [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: www.base.consultant.ru (дата обращения: 25.08.2020).
7. Зайко Т.М. О системе профилактики правонарушений несовершеннолетних / Т.М. Зайко // Уголовное право и криминология. – 2017. – № 1.

ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА И ПРЕВЕНЦИЯ ДЕСТРУКТИВНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ¹

Суркова Ирина Юрьевна,

доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры управления персоналом
Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Саратов

Щебланова Вероника Вячеславовна,

доктор социологических наук, профессор
профессор кафедры истории, политологии и социологии,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов

Логинова Лариса Викторовна,

доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры истории, политологии и социологии,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов

Аннотация. Статья основана на анализе результатов социологического исследования, проведённого методами опроса (анкетирование и интервью) и направленного на изучение позитивных и негативных проявлений гражданской активности студенческой молодёжи в Саратовском регионе. Целью данной статьи является оценка потенциала деструктивной активности саратовских студентов и верификация превентивных мероприятий для нивелирования перерастания потенциальных возможностей в реальные протесты.

Ключевые слова: гражданская активность, студенческая молодёжь, региональный социологический опрос, уровни гражданского активизма, потенциал деструктивной активности; профилактика деструктивности.

Annotation. The article is based on the analysis of the sociological study results. Authors used questionnaires and interviews as sociology methods and studied the positive and negative manifestations of students' civic activity in the Saratov region. The purpose of this article is to assess the potential for destructive activity of Saratov students and to verify preventive measures to level out the development of potential opportunities into real protests.

Keywords: civic activism, student youth, regional sociological research, levels of civic activism, potential for destructive activity; prevention of destructiveness.

Социально-политические процессы, происходящие в настоящее время на постсоветском социальном пространстве, зачастую воплощаются в форме массовых протестных акций (как, например, в Беларуси), что, с одной стороны, раскачивает устоявшуюся властную систему, а с другой, оголяет те социальные противоречия, которые возмущают население и катализируют действия молодежи, как представителей наиболее мобильной социальной группы. В результате жизненно важные интересы и ценности молодого поколения попадают в прямую зависимость от рисков генерирования социально-политической напряжённости и дисбаланса в обществе, что в силу юношеского максимализма, неустойчивости смысложизненных приоритетов, подталкивают молодёжь к деструктивной деятельности, в том числе, экстремистской направленности. При этом на рост радикализации и повышение протестной активности влияют индивидуальные факторы, связанные с кризисом идентичности, утратой ценностных идеалов при одновременном формировании системы ложных ценностей,

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ. Проект № 19-011-31219 «Деструктивная гражданская активность студенческой молодёжи в регионе: диагностика и модель».

транслируемых масс-медиа, потерей идентификации с позитивными референтными группами, духовной деградацией, отчуждением и социальной депривацией молодого поколения [6, с. 34].

Процессы дестабилизации в обществе, глобализирующиеся риски и угрозы остаются основными трендами, влияющими на формирование ценностей молодого поколения, мировоззрение, а также вовлеченность в социальную (практики взаимопомощи и солидаризации) и гражданскую (практики воздействия на процессы принятия решения органами власти) деятельность. В данном случае мы говорим о публичной политике, которая, являясь формой продвижения социальных интересов, позволяет достичь баланса во взаимодействии государства и населения, минимизируя риски деструктивности. При этом, анализируя современную российскую модель общественного участия, Л.И. Никовская делает акцент на атрибутивных свойствах гражданского активизма [5, с. 147]: давлении, как способности оказывать воздействие на государственные структуры власти с помощью протеста; влиянии – способности воспроизводства общественного резонанса и практик социального контроля; принадлежности – возможности стать членом (ассоциированным или неассоциированным) общественных объединений; социальной помощи и кооперации как формы солидарности и проявления коллективной идентичности.

В основе всех перечисленных выше практик лежит стремление к социальным изменениям, общественную цену которым пытались определить В.В. Карачаровский и О.И. Шкаратан [2, с. 30]. В фокусе проведенного ими анализа оказались: индивидуальный баланс между личными и общественными выгодами; ценности различных видов социально значимых и общественных благ; цена отказа от того или иного желаемого набора благ во имя их получения или улучшения качества жизни в будущем. Толкает к протестной активности интенсивно увеличивающийся разрыв между «должным и сущим», несопоставимость цены отказа от обладания общественными благами и ожидаемыми предпочтениями, регресс и барьеры в осуществлении позитивных изменений, осознание дисбаланса между формальным наличием прав и реальными возможностями их использования.

Теоретический анализ практик гражданского активизма маркирует сложности установления границ конструктивных и деструктивных проявлений вовлеченности (как запроса общества) когда взаимное возбуждение приобретает круговую форму, при которой индивиды, отражая настроения друг друга, начинают интенсифицировать свои действия [1, с. 168]. Теоретико-методологическая концептуализация деструктивной гражданской активности была осуществлена авторами в публикации, посвященной подробному анализу методологических подходов к оценке гражданственности, социальной активности и деструктивным проявлениям студенческой молодежи [3, с. 98-108]. Результаты, представленной исследовательской работы, были интегрированы в авторской концептуальной модели студенческого деструктивного активизма, представляющей собой совокупность условий и факторов (проблемное поле), обуславливающих формы гражданского участия молодежи в реальной и виртуальной средах (уровень проявлений), соответствующие их потребностям, мотивам, социальным требованиям, и оценки потенциала развития, рисков и механизмов превенции (динамический уровень) [4, с. 246-255].

Уровни гражданского активизма

Оценка уровня деструктивности/конструктивности гражданского активизма выстраивается исходя из понимания того, что *деструктивность*, в том числе крайняя форма её проявления – экстремизм, представляет собой агрессивную, разрушительную модель проявления и отстаивания своей гражданской позиции, сопровождающуюся участием в массовых протестных акциях, конкретных действиях активистов, бойкотах, имеющих целью разгром/демонтаж существующей социальной структуры и/или радикальное её реконструирование.

Границы проявлений деструктивной гражданской активности представлены в следующей модели (См. табл. 1):

Уровни деструктивной гражданской активности

Критерии	Уровни деструктивной гражданской активности		
	Высокий (радикализм/экстремизм)	Умеренный	Низкий
Протестная готовность	Готовность участия в любых протестных акциях, даже официально запрещенных; поддержка соответствующих общественных движений, организаций	Готовность участия только в акциях, разрешенных властями; симпатия к организациям, выступающим в защиту чего-то (памятников, экологии) или кого-то (определенных групп населения: бедные, бездомные, инвалиды)	Нет готовности принимать участие в акции протеста
Протестная активность	Опыт участия протестных гражданских акциях, бойкот, движения в активистских движениях («СтопХам», «Желтые жилеты» и т.п.)	Сбор подписей в поддержку инициатив или против каких-то решений властей, реальное участие в акциях протеста, не противоречащих закону	Мысленное согласие с протестующими без вмешательства в ситуацию
Демонстрация своего отношения к социально-политической ситуации (в социальных сетях)	Призывы собраться вместе для изменения ситуации, организация протестных акций в социальных сетях	Комментирование сообщений, дискуссии в форумах, отстаивание своей позиции, репосты	Пассивное просматривание постов, лайки
Поддерживаемые методы изменения ситуации, решения проблем	Любые методы отстаивания своей позиции, включая радикальные	Использование методов отстаивания интересов с нарушением закона, но без использования силовых методов	Отстаивание позиции только с использованием законных методов
Потенциальные социальные роли при участии в протестной акции	Организатор	Участник	Зритель / наблюдатель

Конструктивность противопоставляется деструктивизму и является моделью созидательного поведения, предполагающего эволюционный путь преобразования существующей действительности, без радикализма, эмоционального накала и использования силовых форм воздействия. Авторское видение уровней конструктивной гражданской активности представлены в модели, синтезированной в Таблице 2.

Уровни конструктивной гражданской активности

Критерии	Уровни конструктивной гражданской активности		
	<i>Высокий</i>	<i>Умеренный</i>	<i>Низкий</i>
Готовность помощи, проявления соучастия к согражданам	Готовность помощи человеку в любом случае, даже если происходит что-то противозаконное	Готовность помощи человеку зависит от обстоятельств, в случае нарушения закона обращение в полицию или другим гражданам без личного вмешательства в ситуацию	Готовность помощи человеку в крайнем случае, при нарушении закона каких-либо действий принимать не будут
Социальные формы проявлений гражданской активности: участие в общественно-значимых акциях и мероприятиях	Членство в общественных организациях, политических партиях; сбор подписей, призывы собраться для проведения волонтерских акций	Активное участие в добровольческих мероприятиях, экологических движениях, выборных компаниях; интернет обсуждения законопроектов и гражданских инициатив на специальных порталах	Участие в мероприятиях через учебные заведения; репосты комментариев по социальным проблемам города
участие в добровольческой, волонтерской деятельности, правозащитных организациях			
активность в избирательных кампаниях			
Поддержка общественных объединений, движений, организаций (социальная сфера, экологические)	Готовность поддержать	Интерес, без готовности поддержки	Отсутствие интереса к деятельности таких объединений

Выбор соответствующих маркеров по предложенным критериям для высокого уровня активности (конструктивной / деструктивной) свыше 70%; умеренного – от 30 до 69%; низкого – ниже 29%). Равнодушие, безразличие к событиям, происходящим в городе, стране, мире, индифферентное отношение к решению социальных проблем оценивается как нейтральная позиция в шкале деструктивности / конструктивности.

Итак, в предложенной модели гражданская активность студенческой молодежи подразделяется на конструктивную и деструктивную. *Высокий уровень деструктивной активности* представлен организаторами протестных акций, в том числе экстремистской направленности, которые призывают жителей (в сетевых сообществах и реальности) к проявлению своего мнения в форме забастовок, демонстраций и митингов, доказывая свою позицию даже с применением силы. Они поддерживают гражданских активистов, отстаивающих права граждан, но при этом зачастую сами попадающие под административную ответственность, готовы к ним присоединиться и/или уже участвовали в их акциях.

Умеренный уровень деструктивной гражданской активности проявляют участники протестных акций, допускающие возможность отстаивания своей позиции, нарушая закон, но без использования силовых методов воздействия. Они готовы или уже принимали участие в акциях, разрешенных властями. С симпатией относятся к общественным объединениям, отстаивающих права граждан. Выступают в поддержку гражданских инициатив, инициируя сбор подписей, как в сетевом сообществе, так и в реальности. *Низкий уровень деструктивной гражданской активности* свойственен «протестным наблюдателям», которые мысленно соглашаются с протестующими, но не выходят на митинги. Они отстаивают свою позицию только законными методами, при этом латентно одобряя незаконные действия других. Высказывают свое мнение комментариями или лайками в социальных сетях.

Конструктивная гражданская активность также имеет три уровня проявлений. *Высокий уровень* представлен активистами, которые готовы прийти на помощь любому человеку, имеющему проблемы, даже, если происходит что-то противозаконное. Они активно занимаются добровольчеством, с готовностью поддерживают деятельность общественных организаций социальной и экологической направленности, зачастую имея статус членов этих организаций. *Умеренный уровень конструктивной активности* представляют участники добровольческих мероприятий, экологических движений. Они полагают, что гражданскую позицию можно и нужно проявлять через участие в выборах и референдумах, участвуют в обсуждениях законопроектов и гражданских инициатив на специальных порталах. С интересом относятся к общественным движениям и организациям, но не готовы их поддерживать. В случае необходимости могут прийти на помощь человеку, попавшему в беду, но это будет зависеть от ситуации. *Низкий уровень конструктивной гражданской активности* представляют сочувствующие наблюдатели, которые переживают за тех, кто нуждается в помощи, но при этом ничего не будут делать, а также «пассивные участники» разрешенных властями общественно-значимых мероприятий, которые пришли на митинг централизованно от учебного заведения.

Исходя из предложенной теоретической рамки, **целью данной статьи** является оценка потенциала деструктивной активности саратовской студенческой молодежи и верификация превентивных мероприятий для нивелирования перерастания потенциальных возможностей в реальные протесты.

Методика исследования

В мае-сентябре 2019 года исследовательской группой было проведено крупномасштабное социологическое исследование, направленное на изучение позитивных и негативных проявлений гражданской активности студенческой молодежи в Саратовском регионе. Опрос проводился с использованием стратегии триангуляции, позволяющей повысить точность эмпирических данных за счет применения различных методов исследования: анкетирования и интервью. В анкетировании на основе многоступенчатой кластерной выборки было отобрано 2399 студентов в г. Саратове (столице региона) и в г. Энгельс, Балаково, Балашов, Вольск, Новоузенск и Аркадак (периферии) в высших и средних профессиональных учебных заведениях. Отбор информантов для интервью осуществлялся таким образом: «один респондент сводит исследователя с другим респондентом в той же группе, выборка разрастается подобно снежному кому» [7, с. 127]. Это позволило проинтервьюировать 37 активистов среди студенческой молодежи.

Проявления гражданской активности саратовской студенческой молодежи

В результате проведенного анкетного опроса выявлено, что студенческая молодежь не равнодушна к происходящим в Саратовской области событиям, явно выражая своё отношение к социально-политическим нововведениям или проявляя латентную заинтересованность (закамуфлированную молодежным нигилизмом, маской безразличия) через участие в социальных акциях или общественно-значимых мероприятиях центра (Саратов) или периферии (города области). Социально-политическая включенность студентов несколько выше в Саратове (67,6%), чем на периферии (60,1%), что может быть обусловлено более развитым информационном полем в столице региона, чем в административных центрах.

Протестная активность студентов во многом обусловлена невысоким уровнем социально-экономического развития региона; социальными проблемами, не решаемыми долгие годы; коррупцией властных структур; бездействием администрации города. По результатам опроса 46% студентов, обучающихся в Саратове, расценивают социально-экономический курс развития региона, выбранный правительством области, как отрицательный, поскольку ничего хорошего не происходит (но с этим мнением согласны только 27,9% студентов периферии). По результатам интервью, состояние Саратовской области, Саратова респонденты характеризуют как «катастрофическое», поскольку «нет ни одной сферы, где был бы порядок» (И14), «наш город – одна большая проблема» (И29); «всё глубже погружаемся в разруху» (И15), «благоустройство города – умывание лица, народ замазывают, а внутренние проблемы остаются» (И36).

Готовность студентов к участию в акциях протеста

В.Н. Смысловой в своих исследованиях удалось выявить значимые контекстуальные факторы радикализации, протестной активности и экстремизма, к которым относятся «разбалансированность решений государственных органов, несоответствие между социально-экономическими преобразованиями в обществе и ожиданиями населения, разрушение сложившейся системы общественных ценностей» [6, с. 34], что подтверждает и наши выводы. Так, по результатам анкетного опроса оказалось, что каждый второй студент готов в ближайшее время принять участие в гражданской акции, если она начнется в городе. При этом, потенциал протестной активности выше в Энгельсе (58,6%), Саратове (55,6%), Вольске (53,4%) и Новоузенске (52,5%) (См. рис. 1.).

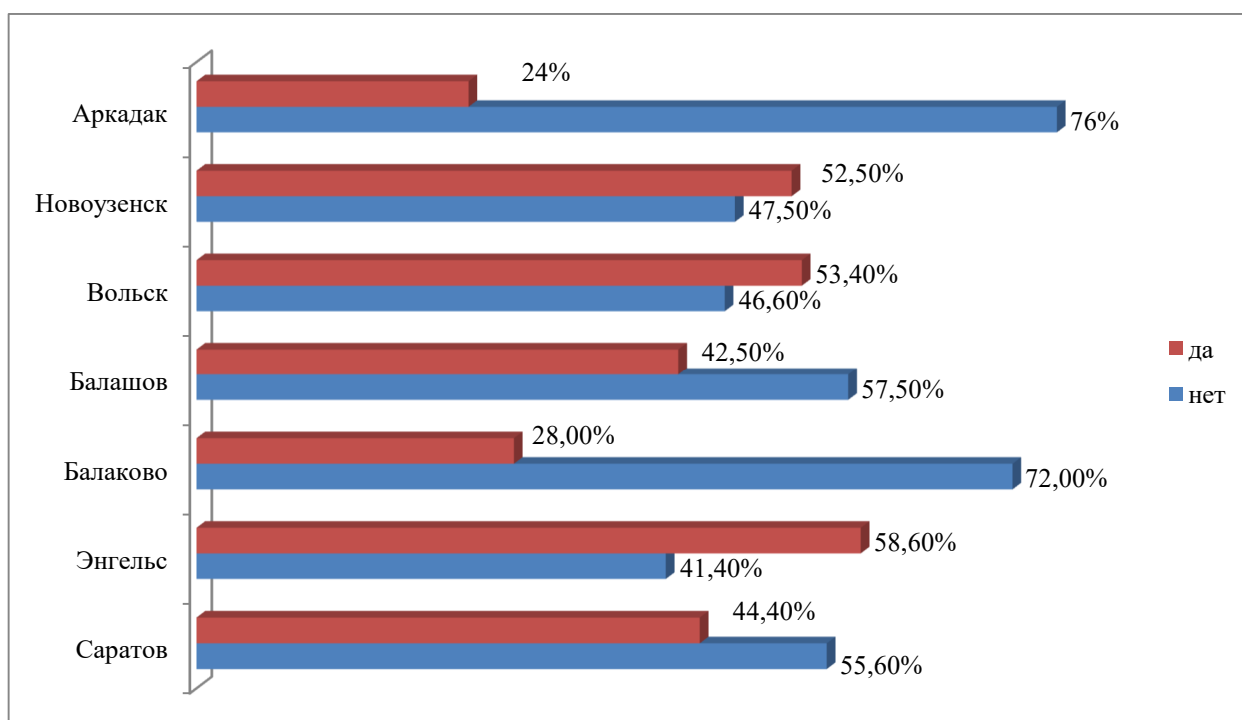

Рис. 1. Готовность к участию в гражданских акциях

Для 32% потенциальных участников такая активность – это способ защитить интересы граждан, 22% респондентов через протест планируют проявить свою оппозиционность политике действующей власти, а 20% поддержат только те гражданские инициативы и проекты, которые, по их мнению, действительно нужны городу и области. Однако далеко не для всех студентов, демонстрирующих готовность к протестной деятельности, участие в акциях сопряжено с проявлением личного отношения к действительности, к социально-экономической ситуации. Так, 13% студентов будут принимать участие в протестных мероприятиях, если их замотивируют деньгами или предложат какие-нибудь бонусы. Для 14% респондентов важным механизмом, активизирующим их желание участвовать в акциях,

является распоряжение сотрудников учебного заведения, в котором студенты обучаются. Чаще всего это общественно-значимые события, официально разрешенные и связанные с проявлениями патриотизма. В тоже время, воспитательные структуры учебных заведений проводят серьезную работу по предотвращению радикальных форм протестной деятельности. Студенты упоминали о том, что проявлять свою точку зрения через участие в гражданских акциях не безопасно, поскольку со стороны руководства вузов и сузов могут последовать репрессии, вплоть до отчисления или выселения из общежития.

Уровень гражданской активности студенческой молодёжи зависит от тех ценностей, в поддержку или против которых, будет направлена акция или мероприятие, в которой приняли бы участие респонденты (См. рис.2). Лидирующая позиция при этом отводится защите прав человека, на что обратили внимание 51,8% опрошенных студентов. Второе место занимает борьба против коррупции, с критикой которой выступили бы 35,4% студентов. На третьем месте по значимости находится социальная справедливость и равенство – за это вышли бы на акцию протеста 28,4% респондентов. Меньше всего студентов интересуют проблемы глобализации (1,8%), меньшинств (6,4%) и теневой экономики (5,9%).

Рис. 2. Объекты потенциальных протестных акций

Большая часть студентов (58,4%), даже, если и планирует участвовать в протестных акциях, считает допустимым использовать только методы борьбы, соответствующие закону, при этом 23,1% допускают для себя возможность нарушения законодательства, но без прямого насилия и обмана. Однако каждый 9 студент готов использовать любые методы борьбы, поскольку «без жестких, разрушительных действий ничего добиться не возможно», а это уже благодатная почва для экстремизма и радикализма. По результатам интервью, деструктивно настроенные информанты важным видят реализацию гражданской активности через участие в протестах, но в новых форматах, так как в традиционном виде они на власть уже не действуют. Соглашаются в том, что в провинциях, как и в Саратовской области, настало время для деятельности оппозиций. Демонстрируется интерес к КПРФ, инициирующей протестные акции, к мнению лидеров которой (Бондаренко, Алимовой, Рашкину, Груднину) прислушиваются, доверяют, за которыми готовы последовать (И14; И15). При этом коммунистическая идеология не поддерживается, молодёжь привлекают люди («реальные

патриоты)), с которыми есть «общие интересы», и действия, «вселяющие надежду» (обращение к интересам народа, привлечение внимания общественности к важным проблемам, которые замалчиваются) (И14; И15; И23; И25). Демонстрируется лояльность к лидеру несистемной оппозиции А. Навальному, интерес к его деятельности по проведению расследований, транслируется важность донесения их результатов до народа. Встречались и скептические мнения относительно митингов Навального: «там собираются в основном школьники, которым на мозги накапали что-то невнятное» (И30); «у молодёжи пластилиновые мозги и из них можно слепить, что угодно, например, Навальный...» (И33).

Отношение студентов к протестным движениям

Одним из маркеров деструктивной гражданской активности является личное участие и позитивное отношение к протестным движениям. Оказалось, что уже принимали участие или готовы это сделать, если кто-то из жителей проявит инициативу, 29,3% студентов в акциях «Желтых жилетов» и 26,1% – «СтопХам». Однако говорить о распространении подобных инициатив и массовости вовлечения в эти движения молодежи преждевременно, поскольку у 39,3% респондентов нет готовности принимать участия в протестах, организуемых «Желтыми жилетами» и у 41,4% в акциях «СтопХам», а около трети респондентов вообще затруднились с ответом.

Экстремистские взгляды не распространены среди студенческой молодёжи в Саратовском регионе, или бывают крайне редкие случаи проявления экстремизма (72,6%). Только 10% студентов полагают, что экстремизм имеет место быть и достаточно часто проявляется в студенческом сообществе. Для 17,4% опрошенных экстремистские взгляды имеют тенденцию к распространению. Экстраполяция полученных данных на уровень личных взаимодействий показал, что большинство респондентов (59,7%) не имеют среди своих знакомых радикально настроенных людей, которых можно было назвать экстремистами. Только 3% опрошенных знакомы с деятельностью местных молодежных группировок экстремистской направленности. Среди таких организаций были отмечены С(З)МУЗИ, А.У.Е., Барракуда, группировка КИМ, "Про-м", "МГ" (последние две – это группы ВКонтакте), Чёрная кошка, Четвёртый рейх, Фанаты.

Профилактика деструктивной активности молодежи

Очевидной становится потребность общества в профилактических действиях, которые смогли бы противодействовать радикализму студенческой молодёжи. Меры противодействия радикализму, экстремистским настроениям среди молодёжи в виде официальных запретов на доступ к некоторым ресурсам и материалам в Интернет, – оцениваются большинством опрошенных негативно, поскольку ограничивают свободу слова (И10) или право на информацию об экологической обстановке (И13); нарушают Конституцию (И15), навязывают «суровую форму диктатуры» (И14), являются способом «заткнуть всем рты» (И26). Немаловажное место в профилактической работе по недопущению протестной активности студентов, интервьюируемые отвели воспитательным подразделениям вузов (И1; И5; И9; И20; И28; И29; И30; И31), в которых используются как методы политпросвещения, пропагандистских бесед, так и слежки, прямых запретов, запугивания (И3; И7; И8; И14; И23; И26; И31;32), на что указали и 30% респондентов. Вместе с тем отмечается, что запретительные меры «умную молодёжь не удержат» (И25). Встречаются претензии к администрации учебных заведений: «запрещать нужно карнавалы в хиджабах и молитвы по часам. У нас светские учреждения. А руководство боится запретить, говорят, что родители приедут и уши отрежут. Вот это и будет мерой противодействия радикализму» (И33). Респонденты, принявшие участие в анкетировании остановились на направлениях профилактики, заключающихся в улучшении социально-экономической обстановки в стране (38,4% респондентов), росте уровня культуры граждан (36,8%), качественной работе правоохранительных органов (30%). Достаточно важным в профилактической работе является создание новых рабочих мест (28,6%) и ужесточение мер наказания за экстремистскую деятельность (23,9%).

Выводы. Таким образом, гражданская активность студенческой молодёжи в Саратовской области в реальной жизни достаточно высокая, направленная, в основном, на волонтерскую помощь социально незащищенным слоям населения или решение экологических проблем (высокий уровень конструктивизма – более 70%) при нивелировании проявлений деструктивности (участие в протестных акциях, деятельности гражданских активистских организаций, бойкота – менее 15% – низкий уровень деструктивности). Прогнозирование риска деструктивности студенческого гражданского активизма трудно представить полно из-за сложностей мониторинга, сопряженных как с недостатками социологических замеров студенческих установок, так и замалчиванием экспертным сообществом некоторых проблем; тотальным контролем интернет, побуждающим поиск способов обхождения цензуры и перемещение в офлайн (латентный протестный активизм); созданием иллюзии наличия свободы гражданской активности при её формировании «сверху» и всё большей формализации. Институционализированные «сверху» формы гражданской активности ориентированы на студентов, готовых к проявлению гражданского активизма. Между тем, распространение радикальных идей переходит на бытовые формы взаимодействия, ненавязчивые формы на низовом уровне повседневной жизни, охватывая молодёжь, не вовлеченную в традиционные формы позитивной гражданской активности, что пока слабо поддаётся фокусированному исследованию в связи с закрытостью и низкой степенью доступности.

Литература

1. Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. – М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. – С. 168.
2. Карачаровский В.В., Шкаратан О.И. Общественная цена социальных изменений и поиск подходов к ее измерению // Мир России. – 2017. – №2. – С. 6-37.
3. Логинова Л.В., Щербланова В.В. Деструктивная гражданская активность молодежи: теоретико-методологическая концептуализация // Logos et Praxis. – 2019. – Т. 18. – № 2. – С. 98–108.
4. Логинова Л.В., Щербланова В.В., Суркова И.Ю. Концептуальная модель деструктивной гражданской активности студентов (на материалах исследований в Саратовской области) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – №6. – С. 246-255.
5. Никовская Л.И. Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и вызовы // Государство и граждане в электронной среде. Выпуск I (Труды XX Международной объединенной научной конференции Интернет и современное общество, IMS-2017, Санкт-Петербург, 21-23 июня 2017 г. Сборник научных статей). – СПб: Университет ИТМО, 2017. – С. 144-158. – 645 с.
6. Смыслова В.Н. Криминогенная виктимизация отдельных групп населения в условиях радикализации и протестной активности // Виктимология. №2. – 2020. – С. 27-38.
7. Щербланова В.В., Суркова И.Ю. Контртеррористические действия: мотивация, оценки и прогнозы // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 3. – С. 126-136.

ЮВЕНАЛИСТИКА КАК ТЕХНОЛОГИЯ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРАВОНАРУШИТЕЛЯ

Тесленко Александр Николаевич,

доктор педагогических наук (РК), доктор социологических наук (РК),
профессор кафедры социально-педагогических дисциплин
Кокшетауского университета им. А. Мырзахметова,
г. Кокшетау, Республика Казахстан

Салиенко Василий Васильевич,

заведующий криминалистической лабораторией
Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева,
г. Нур-Султан, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается широкий круг вопросов формирования и развития системы ювенальной юстиции: дается обзор современных подходов к определению понятий ювеналистики, анализ её достоинств и рисков, современных подходов к профилактике, реабилитации и ресоциализации (реинтеграции) несовершеннолетних правонарушителей.

Основные понятия: ювеналистика, несовершеннолетние, девиантное поведение, подростковая преступность, государственная система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, ресоциализация, реинтеграция.

Annotation. In article the wide range of questions of formation and development of system of juvenile justice is considered: the review of modern approaches to definition of juvenolistics concepts, the analysis of its advantages and risks, modern approaches to prevention, rehabilitation and resocialization (reintegration) of juvenile delinquent is given.

Key words: juvenolistics, juvenile justice, minors, deviant behavior, teenage crime, state system of prevention of neglect and juvenile delinquent, resocialization, reintegration.

Постановка проблемы. Современный период социального развития Казахстана характеризуется углублением противоречий различного характера, в том числе, и в области охраны прав и законных интересов несовершеннолетних, а также обострением проблем социальной дезадаптации молодого поколения в быстро меняющемся мире. Многообразие социальной реальности, социальных потребностей порождает многообразие норм. При этом нормативные системы общества не являются застывшими, навсегда данными: изменяются сами нормы, изменяется отношение к ним.

В современных условиях такое отношение поддерживается циркулирующими в обществе мнениями о молодежи, которые можно характеризовать как «моральную панику» относительно падения нравственности, роста асоциального поведения и т.п. Непонимание специфики современной молодежи ведет к пессимистическим выводам о патогенности нового поколения, культурные практики которого угрожают стабильному и поступательному развитию «зрелого» общества. «Вина» молодежи заключается в ее возрасте и соответствующей «неуправляемой агрессивной энергии», которые усиливаются приписываемым ей маргинальным статусом в динамично модернизирующемся обществе.

Цель статьи: раскрыть сущность ювеналистики (ювенальной юстиции) как технологии ресоциализации подростков с проблемами девиантного поведения.

Изложение основного материала исследования. Традиционно подростки и молодежь характеризуются повышенной криминальной активностью (если иметь в виду «обычную» преступность, т.н. «streetcrime», а не «беловоротничковую»). Вместе с тем, как принято считать, они – будущее любой страны, от их привычного поведения, образа жизни, личностных качеств зависит и судьба общества, государства. Это противоречие только

подчеркивает неоднозначность проблемы девиантного поведения и молодежной преступности.

Во-первых, относительно негативная оценка взрослыми поведения детей, подростков, молодежи наблюдается на протяжении всей истории человечества. «Конфликт поколений» присущ не только новейшей истории. Старшие поколения всегда недовольны младшими, а те отвечают взаимностью.

Во-вторых, подростково-молодежному возрасту закономерно присуща повышенная активность, проявляющаяся как в негативных (относительно высокая криминализация, наркотизация, сексуальные девиации), так и в позитивных (художественное, техническое, научное творчество) проявлениях девиантности. Дети, подростки, молодые люди обладают высокой энергетикой, стремлением «открыть» или сделать что-то новое, ранее неизвестное, самоутвердиться в инновационной деятельности. Поиск молодых «новаторов» приводит как к творческим достижениям, так и к негативным девиациям, включая преступность.

В-третьих, взрослые, предъявляя повышенные требования к поведению подрастающего поколения, сами нередко ведут себя не лучшим образом по отношению к нему. И если мы справедливо осуждаем тяжкие преступления, совершаемые подростками, то, как оценить детскую безнадзорность, заброшенность, а то и прямое насилие над детьми и подростками со стороны взрослых, включая их родителей, родственников, учителей? Неслучайно специалисты утверждают: «Не бывает трудных детей, есть трудные взрослые».

По мнению юристов, педагогов, психологов, политологов и других специалистов, социальное и правовое положение несовершеннолетних оценивается сегодня как критическое [4].

Одной из серьезных проблем нашего государства является т.н. социальное сиротство – увеличение числа безнадзорных детей, потерявших семейные и родственные связи, брошенных родителями или ушедших из семей, не обеспечивших ребенку минимально необходимых условий для жизни и полноценного развития, допускавших жестокое обращение с ними. Эти дети, как правило, занимаются бродяжничеством, попрошайничеством, мелким воровством, систематически употребляют спиртные напитки и психоактивные вещества. Они в основном становятся жертвами сексуальных преступлений, оказываются вовлеченными в противоправную и преступную деятельность. Их жизнь и здоровье постоянно находятся под угрозой.

Не меньшей проблемой является ежегодный рост количества правонарушений, совершаемых детьми и подростками. На сегодняшний день на учете ювенальной полиции стоят около 10 тысяч подростков [6, с.32]. Отмечается рост насильственных и корыстных преступлений, преступления несовершеннолетних постепенно приобретают организованный и групповой характер. Почти каждое третье правонарушение совершается неработающими и неуспевающими подростками. Значительное число подростков совершают общественно опасные и асоциальные деяния до достижения возраста уголовной ответственности.

Деятельность существующих институтов государственной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних малоэффективна и разрозненная. Очень медленно развивается сеть специализированных учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации и адаптации, отсутствуют специальные учебно-воспитательные учреждения для детей и подростков с девиантным поведением, недостаточно развита подростковая наркологическая профилактическая служба. Ситуация должна измениться с развитием системы ювенальной юстиции, получившей реализацию в «Концепции развития системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан на 2009-2011 годы» и «Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года»[3].

Основой отечественного нормотворчества в сфере прав детей выступила международная правовая база, представленная в виде: Декларации прав ребенка (1959г.), Конвенции ООН о правах ребенка (1989г.), Минимальных стандартах ООН об отправлении правосудия в отношении несовершеннолетних, именуемых также «Пекинскими Правилами» (1995г.), а

также Эр-Риядских руководящих принципах предупреждения преступности несовершеннолетних, принятых Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1990 года и Правилами ООН, касающимися защиты несовершеннолетних, лишенных свободы (1990 г.) [2]. Благодаря «Пекинским правилам» в международную социально-правовую практику был введен термин «ювенальная юстиция» (Juvenile Justice) означающий «правосудие по делам несовершеннолетних». Этимологически термин «ювенальный» берет свое начало от латинского слова *juvenis* (*junior*), что означает – молодой, юный, а также – молодой человек, юноша, девушка.

Первоначально идея «ювенальной юстиции» родилась в результате встречного движения юристов, стремившихся в решении сложных проблем детской и подростковой преступности выйти за узкие и формализованные рамки нормативных предписаний, и людей, занимавшихся социальной работой и старавшихся в своей деятельности по преодолению девиантного поведения (совершения поступков, которые противоречат социальным нормам) получить поддержку полицейских, судей и других должностных лиц, в чьем ведении, в конце концов, и оказывались молодые люди из так называемой «группы риска». Впервые идея создания специализированных детских судов была реализована в США, в Чикаго, где в 1899 году был создан первый ювенальный суд. Затем идея расширялась и через несколько лет оформилась как «ювенальная система», куда входили различные учреждения, занимающиеся вопросами детства.

В настоящее время большинство экспертов и специалистов рассматривают ювенальную юстицию в качестве важной части социальной политики при работе с детьми и молодежью, находящимися в трудной жизненной ситуации. Однако по настоящее время в экспертном сообществе нет единого мнения о сущности данного социально-правового института. Причем различия в понимании этого явления – и как социального, и как правового – существуют не только на уровне государств, но даже между регионами одной страны: например, между штатами США, имеющими собственные законодательства, между губерниями Российской Федерации, федеральными землями Германии и др.

Рассмотрим ряд трактовок понятия «ювенальная юстиция»:

- популярная в настоящее время общественная энциклопедия «Википедия» поясняет: «Ювенальная юстиция (лат. *Juvenālis* – юношеский; лат. *Jūstitia* – правосудие) – правовая основа западной модели системы учреждений и организаций, осуществляющих правосудие по делам о правонарушениях, совершаемых несовершеннолетними [12];

- в России понимают ювенальную юстицию в широком и узком смысле слова: в узком смысле – это специализированная ветвь судебной системы; в широком смысле – это совокупность правовых механизмов (медико-социальных, психолого-педагогических и реабилитационных и др. процедур и программ), предназначенных для обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, реализуемых системой государственных и негосударственных органов, учреждений и организаций. Проект Федерального закона РФ «Об основах системы ювенальной юстиции» трактует её несколько иначе: «совокупность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, должностных лиц, неправительственных некоммерческих организаций, осуществляющих на основе установленных законом процедур действия, нацеленные на реализацию и обеспечение прав, свобод и законных интересов ребёнка (несовершеннолетнего)» [9];

- французские юристы полагают, что «ювенальная юстиция» является юридическим понятием, обозначающим комплекс мер в отношении плохого поведения лица, не достигшего совершеннолетия и правонарушений среди несовершеннолетних, являющихся предметом конкретных полицейских и судебных органов, в частности, специализированного суда и суда по делам несовершеннолетних [9, с.91].

- для США ювенальная юстиция – это система социальных и судебных учреждений, занимающихся изучением причин отклоняющегося поведения несовершеннолетних, а

также рассматривающих дела о совершении несовершеннолетними правонарушений на основе принципа защиты и охраны их прав и законных интересов [9, с.89].

Итак, в разных странах существуют разные понятия, модели и даже термины: ювенальная юстиция, ювеналистика, юстиция по делам несовершеннолетних и, вероятно, другие. Где-то учреждения ювенального профиля представлены лишь судебными органами. Где-то, помимо судов, – различными организациями, занимающимися вопросами детства и социальной защитой несовершеннолетних, что предполагает и разнообразные профилактические меры, в том числе и вмешательство во внутренние дела семьи. А в некоторых странах, например, на Украине, звучат социальные инициативы о внедрении института социальных инспекторов или участковых, хотя существует уже отработанная система инспекций по делам несовершеннолетних [9, с.93].

И если мы продолжим приводить примеры понятия «ювенальная юстиция» в национальном законодательстве остальных стран мира, то не найдём даже двух абсолютно идентичных. Будут отдельные аналогии, но расхождений – в понимании самой ювенальной юстиции, сферы её применения, категорий применения, возрастных рамках понятия «несовершеннолетние», комплексе мер воспитания, принуждения или наказания и других параметрах – будет многократно больше.

На наш взгляд, все разнообразие взглядов на ювенальную юстицию в русскоязычном контенте можно, сгруппировать в три основных подхода к рассматриваемому явлению.

Первый подход рассматривает ювенальную юстицию как чисто *правовой институт*. В частности, один из крупнейших российских специалистов в данной области Э.Б. Мельникова относит к ювенальную юстицию исключительно как систему специализированных судебных органов. Правда, не только в виде отдельной системы судов, но и в виде судебных присутствий или коллегий в рамках судов общей юрисдикции [9]. В ряде своих работ она отмечает, что модернизация ювенальной юстиции включает и появление административных органов, альтернативных ювенальным судам (причем отметим, такие административные органы рассматриваются не сами по себе, а как альтернатива судам). Выраженный Э.Б. Мельниковой подход поддерживается иными авторами. В частности, А.В. Лихтенштейн полагает, что «ювенальная юстиция представляет собой судебную систему, осуществляющую правосудие по делам о несовершеннолетних и имеющую задачи: судебной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, и судебного разбирательства дел о правонарушениях и преступлениях несовершеннолетних» [8, с.103].

В соответствии с другим подходом – *социально-правовым* – в систему ювенальной юстиции входит значительно более широкий круг органов: комиссии по делам несовершеннолетних; уполномоченного по правам ребенка; специализированные органы и учреждения, в чью компетенцию входит решать те или иные задачи, связанные с молодежной политикой, обеспечением прав несовершеннолетних, борьбой с подростковой преступностью и т.п.; органы опеки и попечительства над несовершеннолетними; ювенальные органы следствия и дознания, семьи по делам семьи и несовершеннолетних; воспитательные колонии и другие учреждения длительной изоляции несовершеннолетних правонарушителей [7]. Похожей позиции о необходимости комплексного подхода к ювенологии придерживается также коллектив казахстанских авторов, представляющих Карагандинский университет «Болашак» [13]. Схожее мнение выражают узбекские и украинские авторы [7].

Другие авторы считают, что ювенальная юстиция – элемент системы *профилактики*. Так, С.Н. Апатенко считает, что «ювенальная юстиция – это специальная система взаимодействующих институтов, занимающихся защитой прав и интересов несовершеннолетних, профилактикой детской беспризорности, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [4, с. 54]. В данном случае рассматривается только правовая основа ювенальной юстиции, т.е. правовые акты, регламентирующие деятельность ювенальных судов и нормативные акты, направленные на правовую защиту прав

несовершеннолетних, но и её социальный аспект, в который заложены идеи, направленные на воспитание и социальную защиту несовершеннолетнего, сокращение негативных последствий на детей и подростков судебного рассмотрения дел и строгости уголовных наказаний.

Данный подход настаивает на том, что правовые и социальные основы ювенальной юстиции должны находиться в постоянном взаимодействии, в совокупности составляя механизм защиты прав ребенка. Под таким механизмом следует понимать систему социальных и правовых средств, применяемых для обеспечения реализации его прав. Конечный результат данной работы во многом зависит от того, насколько гармонично соотносятся правовые и социальные основы ювенальной юстиции, насколько правовые нормы, касающиеся несовершеннолетнего правонарушителя, устанавливаются исходя из особенностей его личности. Другими словами, необходимо повысить роль структур, не относящихся к правоохранительным, т.е. социальных работников, социальных педагогов, психологов, психоаналитиков, медиаторов, поручителей, врачей-педиатров, поскольку психическая составляющая несовершеннолетних играет не последнюю роль. Все это позволит правильно и своевременно реагировать профилактическими методами на нарушение закона в отношении детей и подростков, позволит избежать карательных способов воздействия на несовершеннолетних.

Безусловно, основу ювенальной юстиции составляют специализированные суды (судьи) по делам несовершеннолетних. К этой же сфере в последнее время стали относить создаваемые аппараты омбудсменов (уполномоченных при президентах или правительствах) по правам ребёнка. Однако становится очевидным, что, учитывая специфику разбираемых ими дел, успешно работать они могут только с опорой на помощь психологических служб, педагогических кадров, социальных работников. Нельзя также забывать, что в судебном разбирательстве участвуют не только судьи, но и прокуроры и адвокаты.

При этом, естественно, смысл существования ювенальной юстиции состоит не просто в том, чтобы дела несовершеннолетних рассматривались специализированными судами, а в том, чтобы благодаря адекватным судебным решениям повторная преступность свелась бы к минимуму или, в идеале, вообще бы сошла на нет, а также в том, чтобы в результате профилактических мер, в том числе и путем своевременной защиты прав ребенка и разрешения различного рода конфликтов, в которые вовлечены дети, количество несовершеннолетних с делинквентным поведением стремилось бы к нулю. Достижение этого результата возможно только при условии повышенного внимания государства не только к центральному элементу этой системы (ювенальному суду), но всем ее элементам. В противном случае может быть подорвана эффективность функционирования всей системы отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (без вспомогательных служб и организаций ювенальному судье довольно затруднительно вынести адекватное решение, а при плохо работающих службах, отвечающих за исполнение наказаний, даже самые хорошие с содержательной точки судебные решения не смогут иметь положительного эффекта).

В то же время не стоит забывать о том, что система ювенальной юстиции имеет и свою теневую, и часто отрицательную сторону. Так, под прикрытием защиты прав детей, ювеналистика развращает их, подталкивает к удовлетворению все возрастающих желаний и прихотей, а значит, и к употреблению и сигарет, и алкоголя, и наркотиков, «ведь надо все попробовать и не останавливать свои желания».

Кроме того, родители уже не в состоянии материально обеспечить все прихоти своих детей. И тогда дети вступают на путь правонарушений и берут сами то, что захотят, так как по законодательству многих западных стран они – не подсудны, а значит, безнаказанны, и ювенальные психологи при этом им постоянно твердят: «Не давай нарушать своих прав, исполняй свои желания!». Другими словами наркомания, токсикомания, детская преступность возрастают с каждым днем, а остановить ее не позволяет законодательство, так как наказать молодых правонарушителей за

преступления нельзя, ведь они *«еще маленькие»*. Но когда они вырастут, то будет уже поздно, так как если малолетнего преступника вовремя не остановить, то он, чувствуя свою безнаказанность, будет только возрастать в своей злобе и агрессивности к окружающим людям и общественным устоям. Неслучайно, участниками террористических актов против работников силовых структур в Казахстане были именно молодые люди, абсолютное большинство которых до этого имели проблемы с законом ещё в несовершеннолетнем возрасте, но были *«ювенально прощены»*. Поэтому вводить ювенальную юстицию западного образца, как модный тренд, тем более, что страны Запада уже от неё постепенно отказываются, в большинстве стран СНГ, в том числе и в Казахстане, ни в коем случае нельзя.

Вместо того чтобы создавать такую ювенальную юстицию, которая будет забирать детей у бедных или иных материально несостоятельных родителей, как это часто делается на Западе, надо сначала постараться им помочь и создать нормальные условия для жизни. Поэтому, чтобы реально оградить детей от правонарушений, нужно так активизировать ювенальную и общесоциальную политики государства, чтобы они были направлены на реальную помощь семьям, которые оказались в сложных жизненных обстоятельствах. Речь идет о создании условий реальной ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей.

Согласно большинству государственных концепций развития ювенальной юстиции для несовершеннолетних нужно:

- усовершенствовать сферу профилактики детской преступности путем применения восстановительных и проактивных методик;

- создать эффективную систему реабилитации несовершеннолетних, совершивших правонарушения, с целью их перевоспитания и ресоциализации.

Ресоциализация – это процесс и результат повторной социализации несовершеннолетних, подверженных риску выпадения из позитивной социализации (применение к подростку мер правового воздействия должно не прерывать, а способствовать процессу социализации его личности, то есть приобретения знаний, трудовых навыков, опыта нормального социального общения и т.д. В данном случае, речь идет о реализации правила 1.3 «Пекинских правил», где отмечается необходимость *«позитивных мер, предполагающих полную мобилизацию всех возможных ресурсов, включая семью, добровольцев и другие группы общества, а также школы и другие общественные институты, с целью содействия благополучию подростка с тем, чтобы сократить необходимость вмешательства со стороны закона...»* [2, с.19].

Ресоциализация – одна из важнейших функций системы ювенальной юстиции, предполагающая восстановление социальных отношений, нарушенных в результате преступления (этому служат программы примирения, *«круги правосудия»*, семейные конференции, направленные на возмещение ущерба, реабилитацию жертвы и преступника, вовлечение ресурсов местных сообществ в работу по выходу из криминальных ситуаций) и, прежде всего, воспитательное воздействие социальной среды на несовершеннолетних правонарушителей.

В юридической практике широко используется близкий по значению термин *«реинтеграция»* как процесс, пытающийся *«начать с исходной позиции»*, т.е., исходя из того, что данный ребенок относится к группе повышенного риска в смысле возможных правонарушений, начать применять и к нему лично, и на уровне семьи или микросоциума такие меры, которые способны свести этот риск к минимуму.

Следовательно, если конечной целью ряда конкретных мер (более подробно изложенных в международных документах, не обладающих обязательной силой), таких как профессиональная подготовка, консультации, условное освобождение и центры промежуточной реабилитации, должна быть реинтеграция, то между этими мерами и теми, целью которых является профилактика правонарушений на всех трех уровнях, существует большое сходство с такими понятиями как *«профилактика»* и *«реабилитация»*.

Ни в одной концепции четко не прописаны основные пути общественной, школьной и семейной профилактики преступности. Между тем в Эр-Риядских «Руководящих принципах» предусмотрено несколько уровней осуществления мер по профилактике несовершеннолетней преступности:

- первый уровень профилактики, т.е. общие меры по обеспечению социальной справедливости и равенства возможностей, что, в свою очередь, содействует устранению таких глубинных причин преступности, как нищета и другие формы маргинализации;

- второй уровень профилактики, т.е. меры по оказанию помощи детям, относящимся к группам повышенного риска, например тем, чьи родители сами испытывают особые трудности или же пренебрегают родительскими обязанностями;

- третий уровень профилактики, включающий меры, позволяющие избежать ненужного контакта с формальной системой правосудия, а также меры по предупреждению повторных правонарушений [10].

Выводы. Эффективная профилактика невозможна без должное внимания государства к проблемам развития инфраструктуры ювенальной юстиции, создания вневедомственной службы пробации, которая должна решать в том числе задачу по объединению и координации усилий госорганов, органов местного самоуправления и неправительственных организаций в области ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей. В инфраструктуре ювенальной юстиции особо должна быть выделена служба социальной помощи, поскольку ювенальная юстиция немыслима без широкого круга специалистов социальной сферы: социальных работников, социальных педагогов, ювенальных психологов, социологов и др.

Помимо этого необходимо организовать при высших учебных заведениях педагогического профиля отделения социально-правовой защиты несовершеннолетних для углубленного изучения правовых, медицинских, психологических и других вопросов, относящихся к указанным субъектам, а при высших учебных заведениях юридического профиля – специализированные отделения по подготовке судей, сотрудников правоохранительных органов и адвокатов для органов ювенальной юстиции.

Вопросы ювенальной юстиции должны стать неотъемлемой частью общественного дискурса на уровне госорганов, депутатского корпуса, научных учреждений, международных и неправительственных организаций. Он должен обеспечить широкое и многостороннее обсуждение различных аспектов ювенальной юстиции и выработку оптимальных механизмов их решения.

Литература

1. Конвенция о правах ребенка Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года. Вступила в силу 2 сентября 1990 года. // Источник – <http://www.un.org/russian/document/convents/childcon.htm>

2. Минимальные стандартные правила организации объединенных наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские соглашения) Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года. // Источник – <http://www.un.org/russian/document/>

3. О Концепции развития системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан на 2009-2011 годы: Указ Президента Республики Казахстан от 19 августа 2008 года N 646 // Казахстанская правда, 28 августа 2008 года N 188 (25635) // Источник – <http://www.minjust.kz/kk/node/992>

4. Апатенко С.Н. Ювенальная юстиция в системе государственной молодежной политики // Материалы "круглого стола" Государственной Думы ФС РФ "Становление ювенальной юстиции в России: опыт, проблемы и перспективы", 20 марта 2006 г. // Всероссийский информационный портал «Ювенальная юстиция в России».

5. Быкин В.И. Механизм взаимодействия ювенального суда с органами профилактики правонарушений несовершеннолетних. В кн.: Новое в российском и международном праве. Вып. XIII. Москва-Курск: Курский госуниверситет, 2011. –С. 78-96.

6. Бычкова, С.Ф. Ювенальная юстиция в Республике Казахстан – перспективы развития. // Юрист. – 2003. – № 11 (29).
7. Восстановительное правосудие для несовершеннолетних и социальная работа (от проектов к практике): Сборник / Общ. ред. Марголина Т.И., Соболева Л.А. – Пермь., 2006.
8. Головизнина М.В., Данилова Н.Ю., Лихтенштейн А.В. История эксперимента: опыт создания элементов ювенальной юстиции в Санкт-Петербурге. // Вопросы ювенальной юстиции. – М.: Юрист, 2006. – № 2 (7).
9. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. – М: Право, 2000.
10. Садовникова М.Н. Некоторые аспекты ресоциализации несовершеннолетних в зарубежных странах. Сибирский юридический вестник. – 2009. – № 2. – С. 73-78.
11. Тесленко А.Н. Ювенология и юногика: два подхода к исследованию молодежной проблематики. – Астана: АО «КАЗГЮУ», Центр ювенологических исследований, 2015.
12. Яровая С.В. Ювенальные суды: за и против. // Юрист. – 2008. – № 6.
13. Schaffstein F., Beulke W. Jugendstrafrecht: einesystematischeDarstellung. 11. Auflage. Stuttgart, Berlin, Koeln: Verlag W. Kohlhammer, 1993. – S. 1.
14. Duenkel F., Kalmthout A., Schueler H. Entwicklungstendenzen und ReformstrategienimJugendstrafrechtimeuropaeischenVergleich. Moenchengladbach, 1997. – S. 565-595.

УДК 364-2

МОДЕЛЬ ЦЕНТРА ПО РАБОТЕ С ПОДРОСТКАМИ И СЕМЬЯМИ "ПЕРЕКРЕСТОК" 2004-2020 ГОДОВ КАК ОТВЕТ НА ИЗМЕНЯЮЩИЕСЯ ВЫЗОВЫ РИСКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Хломов Кирилл Данилович,

кандидат психологических наук, начальник психологической службы,
доцент кафедры общей психологии факультета психологи, старший научный сотрудник
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
г. Москва

Аннотация. В статье раскрывается концептуальное наполнение модели социальной и психологической помощи подросткам с рискован поведением. Описываются основные теоретические положения, принципы. Раскрываются примеры классификации типов работы в зависимости от типа ситуации подростка. В статье анализируются принципы построения социальной и психологической работы с подростками и перечисляются возможные формы работы. Материалы статьи носят скорее методологический характер.

Ключевые слова: рискован поведение, подростковый возраст, социально-психологическая дезадаптация, профилактика. социально-психологическая работа

Annotation.

At this article authors reveals the conceptual content of the model of social and psychological help to adolescents with risky behavior. The main theoretical basis, values and principles are described. Examples of classification of types of work depending on the type of situation of a teenager are revealed. At this article was made analyze of the principles of organizing of social and psychological work with adolescents and lists possible forms of intervention. The materials of the article are rather methodological in nature.

Keywords: risky behavior, adolescent, socio-psychological maladaptation, prevention. social and psychological work.

Постановка проблемы

Проблема рискового поведения в подростковом возрасте остается острой для современного общества, высокий уровень смертности в подростковом возрасте, широкий спектр форм рискового поведения, социальная и научная острота проблемы [2,5,6,7]. Обсуждение проблемы рискового поведения в подростковом возрасте практически всегда, часто имплицитно, включает в себя вопросы о возможностях и эффективности профилактики рискового поведения. Теоретические подходы к профилактике и коррекции ситуации риска позволяют проверять теоретические модели и находить значение тех или других факторов, влияющих на уязвимость в отношении рискового поведения, и эти данные в наименьшей степени изучены и представлены в научных исследованиях.

Цель статьи. Целью данной статьи является методологическое описание концепций, собранных на основании опыта работы с подростками команды специалистов «Перекресток» в контексте помощи подросткам с проблемами рискового поведения.

Изложение основного материала исследования.

Описание методологии и основных элементов модели. Как крупный социальный экспериментальный проект, с 2003 по 2017 годы в рамках сотрудничества МГППУ, Департамента Образования г. Москвы и общественных организаций, сначала АНО ЦПРП «Перекресток», потом НП СРДиП «Перекресток Плюс» и Городского Психолого-Педагогического Центра Департамента Образования г. Моквы была организована, апробирована и многократно модифицирована система социально-психологической помощи и профилактики рискового поведения в подростковом возрасте. В качестве теоретического основания был предложен и затем развивался восстановительный подход, являвшийся продуктом длительного процесса разработки, в котором на разных этапах принимали участие А.В. Тихомирова, Т.Г. Подушкина, В.В. Москвичев, Ю.Г. Лапшин, В.К. Зарецкий, Р.Р. Максудов, А.В. Балаева, Е.М. Бинки, К.Д. Хломов, Кондрашкин А.В и другие [1, 2, 3, 5]. В рамках разрабатываемого подхода была интегрирована социальная и психологическая и педагогическая деятельность по помощи подросткам и их семьям, ее многократная рефлексия с последующими трансформациями по мере ее осмысления. В качестве опорных положений были выбраны постулаты культурно-исторической теории Л.С. Выготского, клиент-центрированного подхода, экзистенциальной психотерапии, гештальт-терапии, системной семейной терапии, но практика социально-психологической помощи не вписывалась в рамки одного из существующих подходов [3, 5]. Важным основанием стала концепция восстановительного правосудия как альтернативы карательного и реабилитационного подходов, более эффективной с точки зрения реинтеграции несовершеннолетних в жизнь общества [1, 5]. Восстановительный подход в правосудии дает правонарушителю возможность исправить ситуацию, жертве – получить материальную и моральную компенсацию, государству – уменьшить рост рецидивной преступности и количества заключенных. То есть, *восстановить* ситуацию в широком смысле слова – восстановить статус правонарушителя, восстановить состояние жертвы, восстановить отношения в социальной системе, что позволяет помочь реконструировать «социальную ткань» отношений людей в обществе, и избежать дальнейшей маргинализации подростка.

Были сформулированы основные ценности и принципы, согласующиеся с ценностями, заявленными Декларацией прав человека и Конвенцией о правах ребенка (жизнь, свобода, здоровье, безопасность, семья), и направленными на развитие сотрудничества с клиентом, активной ответственности, социальности и системности, опоры на имеющиеся ресурсы, и поддерживающие открытость изменениям и расширение возможностей клиента.

В рамках апробации модели, был получен опыт помощи подросткам с рисковым поведением в различных проблемных ситуациях подростков. За весь период работы помощь была оказана более чем 25000 подросткам с суицидальным, самоповреждающим, аддиктивным, рискованным сексуальным поведением, совершившими правонарушения различной степени тяжести и также демонстрирующим рискованное поведение в интернете. В качестве важного положения при разработке теоретического положения было определено,

что эффективнее рассматривать ситуацию не через понятие *нормы*, но последовательно использовались понятия потребностей подростка, социальных *ресурсов*, и их доступности или недоступности, идея точки входа [5]. Недоступность того или иного ресурса субъективно воспринимаемая как проблема самим подростком, решение которой он ищет, и иногда использует при этом социально неодобряемые, а порой и опасные способы (например, употребление ПАВ). Идея точки входа состоит в том, что специалист не ждет прихода клиента, а сам идет навстречу, стремится установить контакт, ищет то место, где может войти в социальную ситуацию клиента, снижая степень маргинализации и снижая степень социальных факторов угроз для рискованного поведения для подростка. Подростки с рискованным поведением не ищут сами помощи, и часто негативно настроены к специалистам и их предложениям. Например, такой точкой входа становятся уличные социальные работники, обходящие городскую территорию и устанавливающие контакт с подростками, создающие условия для дальнейшего общения. В школах точкой входа может быть запрос администрации по проблемной ситуации, например, с употреблением психоактивных веществ, в сочетании с готовностью специалиста решить этот вопрос и предложить варианты сотрудничества. В ситуации правонарушения точкой входа может быть сигнал из учреждения, зафиксировавшего проблему (школы, комиссии по делам несовершеннолетних, суда), и предложение конфликтующим сторонам включиться в программы психологического центра по поводу произошедшего, этот принцип был хорошо реализован в 2017-2019 годы, когда работа осуществлялась в рамках Городского Психолого-Педагогического Центра Департамента Образования г. Москвы.

В качестве еще одного ориентира, было обозначено представление о желаемой ситуации, активная ответственность, построение развивающего контакта между специалистом и клиентом и системный подход. Так как подросток находится внутри системы отношений, поэтому изменение ситуации невозможно без работы с самой системой. Частями системы являются также семья, школа, ближайшее социальное окружение, социальные институты, и специалист стремится вовлечь в работу все элементы системы, используя ресурсы психологического центра.

Социальная ситуация развития и ее изменения

Вмешательство в процесс развития подростка возможно через социальное конструирование, через формирование взаимодействия с другими людьми – взрослыми и сверстниками. Вслед за Л.С. Выготским будем считать, что совокупность этих взаимодействий составляют *социальную ситуацию развития подростка*: «совершенно своеобразное, специфическое для данного возраста, исключительное, единственное и неповторимое отношение между ребенком и окружающей его действительностью, прежде всего социальной... Существенна не сама по себе ситуация, взятая в ее абсолютных показателях, а то, как ребенок переживает эту ситуацию» (Выготский Л.С., 1984) [5].

Таким образом, важным теоретическим конструктом стало представление о социальной ситуации развития подростка, с большим количеством социальных связей, обладающих необходимыми ресурсами для удовлетворения потребностей, позволяющих подростку конструктивно взаимодействовать с родителями и другими членами семьи, с учителями, друзьями, самим собой (ситуация адаптации). Эти системы в социальной ситуации развития стали *семья и отношения в семье*, где в наибольшей степени реализуются потребности подростка в *безопасности, любви, принятии*. Затем – *школа (или другое учебное заведение)*, которая не только дает знания, но и учит жить в обществе, выступая важнейшим институтом социализации, также важным становится *общение с друзьями, сверстниками, позволяющее удовлетворить разные другие потребности: ощущение принадлежности к группе, принятие в качестве «своего», и в то же время – ощущение непохожести на «других», уникальности*.

Также в жизни многих подростков присутствуют элементы организованного досуга – *кружки, клубы, секции*. Таким способом реализуется *потребность в творчестве, самореализации*, или личное хобби, увлечение. Присутствие *средств массовой информации (СМИ)*, социальных сетей оказывает серьезное влияние на восприятие мира подростками,

позволяет удовлетворить *потребность подростка в получении информации, расширении своих представлений о мире.*

Изобразим подростка и его социальное окружение в виде схемы:

Рис. 1. Социальное окружение подростка. «Ромашка» В.В. Москвичева [3, 5].

Социальная ситуация каждого подростка уникальна и одни элементы социальной ситуации актуализируются в жизни подростка, другие остаются в виде потенциальных возможностей, при этом чем больше элементов, тем шире выбор, и чем прочнее связи, тем выше уровень определенности и слабее тревога. Однако, слишком большое число элементов лишает возможности устанавливать прочные отношения, а слишком тесные отношения мешают появлению новых связей в жизни подростка, ограничивают свободу и в конечном итоге препятствуют развитию.

Отдельно в работе была выделена ситуация социально-психологической дезадаптации в которой может находиться подросток.

Социально-психологическая дезадаптация] (СПД) – это ситуация, возникающая в результате нарушения значимых социальных связей между подростком и его социальным окружением. В итоге – нехватка ресурсов для удовлетворения потребностей подростка, а также разрешения проблемной ситуации безопасным способом [3, 5]. Связи нарушаются в ходе естественного социального и психологического развития подростка вследствие несовпадения поведения одних (как правило, ребенка или подростка) ожиданиям других (родителей и учителей), что делает ситуацию конфликтной. Характеристика ситуации: имеющихся отношений становится недостаточно для полноценной реализации интересов и удовлетворения потребностей подростка (например, в любви, признании, уважении, получении информации, безопасности и т.д.). Система социальных отношений подростка постепенно утрачивает способность к самостоятельному восстановлению и развитию.

Подросток переживает такую ситуацию как неблагоприятную, может наблюдаться чувство беспокойства и тревоги, фиксация на психотравмирующей ситуации, переживания собственной несостоятельности, беспомощности, безнадежности, пессимистическая оценка собственной личности, актуальной ситуации и будущего, выраженные затруднения в планировании деятельности.

В ситуации СПД подросток зачастую строит отношения наперекор принятым в обществе нормам поведения. Обычно это проявляется в употреблении психоактивных веществ, противоправном поведении, экстремальных развлечениях и проч. Подобные способы построения отношений повышают вероятность угрозы жизни или здоровью подростка и других участников системы отношений.

Вместе с тем, в ситуации социально-психологической дезадаптации имеются как остро проблемные, так и ресурсные зоны: участники ситуации, несмотря на сложности, мотивированы на изменения, и, с помощью специалиста, достигают готовности принять на

себя ответственность за действенные шаги в желательном направлении. Если же подросток и его окружение оказываются без поддержки и утрачивают способность изменить ситуацию, может возникнуть новая конфигурация связей.

Если ситуация социально-психологической дезадаптации продолжается длительное время, подросток находит другие, как правило, опасные для жизни и здоровья, способы удовлетворения своих потребностей в значимых отношениях и социальном статусе.

Альтернативная адаптация.

Ситуация альтернативной адаптации (АА) формируется, когда вокруг подростка при его активном участии возникают устойчивые новые связи скорее антисоциальной направленности, в которых подросток ищет ресурсы, возможности реализации своих интересов, потребностей. Поскольку эти связи ищутся подростком в ситуации конфликта, разрыва отношений со значимыми взрослыми, они часто противоречат принятым социальным нормам, носителями которых являются эти взрослые, и могут иметь деструктивный характер, нести угрозу для самого подростка или для окружающих. Среда при альтернативной адаптации функционирует за счет альтернативных ресурсов и построена таким образом, что обеспечивает связь подростка с этими ресурсами. Современное общество предоставляет множество возможностей для альтернативной адаптации: это аддиктивное поведение в группе сверстников, криминальные способы заработка, решение проблемных ситуаций с помощью насилия и многое другое.

С распространением интернет технологий стала чаще возникать немного другая ситуация социально-психологической дезадаптации, названная Кондрашкиным, Кирилловой ситуацией второго типа [2], характеризующейся скорее уходом в онлайн-игры, и в ситуации второго типа подросток не столько конфронтирует, сколько использует такие формы поведения, которые приводят к изоляции и избеганию.

Направления социально-психологической помощи подростку.

С точки зрения содействия социальной адаптации подростка и его интеграции в социум, создания условий для всестороннего развития были сформулированы соответствующие цели и задачи, для реализации которых велась работа по трем основным направлениям: «Профилактика», «Интеграция» и «Развитие». Это разделение при практической реализации носит в известной мере условный характер. и нужна для наглядного описания методов работы центра «Перекресток».

Принцип системности, реализуемый в рамках восстановительного подхода, предполагает, что специалисты работают не с отдельным «носителем симптома», а с социальной ситуацией, в контексте которой те или иные участники проявляют признаки социально-психологической дезадаптации или альтернативной адаптации. Это означает, например, что работа с классом, в котором трое учеников замечены в регулярном употреблении ПАВ, будет иметь интеграционный эффект для них, но одновременно нужно профилактическое воздействие на тех учеников, которые ПАВ не пробовали, и также возможна работа на уровне «Развития» для всех подростков с точки зрения развития необходимых защитных навыков, знаний.

Профилактика.

При этом профилактическая деятельность всегда связана с конкретными формами рискованного поведения, такими как употребление ПАВ и алкоголя, курение, рискованное сексуальное поведение, конфликты, школьная травля, экстремизм и ксенофобия, правонарушения, суициды, но также содержит общие блоки. Принцип системности предполагает реализацию профилактических мероприятий на всех уровнях социального взаимодействия – на подростков, а также на их родителей и соответствующих специалистов (учителей, социальных педагогов, воспитателей, членов комиссий по делам несовершеннолетних, психологов образовательных учреждений).

При составлении профилактических программ уделяется более внимания поиску ресурсных зон и расширению представлений участников о возможностях удовлетворения личных потребностей, формировании социально-психологических навыков и позитивного

отношения к здоровому образу жизни. Профилактические программы воздействуют на факторы повышающие угрозы и на факторы, снижающие вероятность негативного исхода, и потому адаптируются для каждой конкретной городской или образовательной среды.

Интеграция.

Интеграция как процесс, направленный на восстановление (или создание новых) социальных связей между участниками ситуации, чтобы каждый участник мог реализовывать важные для него жизненные задачи социально-приемлемым способом. В основе процесса социальной интеграции – восстановление нарушенных связей и отношений, договоренности о способах взаимодействия на основе партнерства и уважения.

Работу по интеграции начинается в следующих ситуациях:

1. В ситуации социально-психологической дезадаптации подростка (СПД-1).

Пример. Поступает запрос от школы, содержащий следующую информацию: Снижение успеваемости, конфликты с одноклассниками, родители подростка также находятся в конфликте с другими родителями школьников. В течении месяца ученик перестал посещать занятия, справок о болезни из семьи не поступает, мама на контакт со школой не идет. Школа просит подключиться к ситуации и использовать социальный патронат над учеником. Так как в результате данной ситуации быть неаттестация ученика соответствующими последствиями или какое-либо альтернативное решение, исключающее дальнейшее обучение ученика в этой школе.

Из запроса предполагается, что речь, скорее всего, идет о СПД-1 (ситуации социальной дезадаптации первого типа), в которой уже месяц разорван контакт подростка со школой и есть угроза полного разрыва связи между семьей и школой. Непонятен статус отношений между подростком и родителями. Выделяются проблемные зоны: конфликты со сверстниками в школе, отношения в семье, снижение успеваемости, могут быть использованы разные технологии.

2. В ситуации социальной изоляции подростка (СПД-2). Особенность ситуации – нет контакта с подростком, но есть контакт с его социальным окружением.

Пример. Запрос поступает от родителей подростка. Подросток два года не посещает школу, находится на домашнем обучении, живет с мамой и бабушкой, других родственников нет, с папой не общается. Мама при обращении сказала, что подросток не выходит из дома и все время сидит в своей комнате за компьютером. Общения со сверстниками нет, подросток интересуется только онлайн-играми, может просить большие деньги на игры.

Из запроса можно предположить, что речь идет об СПД-2; то есть подросток находится в частичной социальной изоляции, и неизвестно, какие ресурсы ему доступны, и доступны ли вообще, и может быть угроза высокого риска при использовании интернета.

3. В ситуации альтернативной адаптации подростка.

Пример. Запрос от КДНиЗП. Подросток украл мобильный деньги у одноклассника. По информации от следователя Следственного Комитета, он уже был неоднократно замечен во взрослых компаниях криминального толка, состоит в группе АУЕ в социальных сетях. Скорее всего вовлечен в рисковую деятельность в различных формах.

На первой встрече со специалистом подросток утверждает: «Это нормально, что младшие отдают мне свои деньги. Я же не „шестерка“, у меня высокий статус, я должен есть не хуже. Все шестерки должны отдавать мне то, что я захочу».

В данной ситуации можно предположит ситуацию альтернативной адаптации подростка, так как рисковое поведение не вызывает у него дискомфорта и воспринимается как нормальное. Подросток вовлечен в криминальную среду, скорее всего употребляет ПАВ, поэтому, вероятно, угроза для его жизни и здоровья высокая.

В этой ситуации нужна работа на интеграцию, когда например:

- появляются жалобы окружения (школы, родителей, родственников, других социальных институтов) на поведение подростка по отношению к другим людям или самому себе.

- друзей, родителей или учителей беспокоит состояние подростка, его настроение, неуспешность или какие-то другие тревожные признаки.

- есть основания полагать, что ситуация ухудшается, и изначально возникшая проблема будет только усугубляться.

Работа с подростком начинается с запроса социальной структуры (школы, комиссии по делам несовершеннолетних, суда) или самостоятельного обращения клиента (подростка, родителей или других родственников, опекунов). И могут быть использованы следующие формы работы [5]:

- Индивидуальная консультация;
- Семейная консультация;
- Психологические группы;
- Тренинги;
- Дискуссионные клубы для подростков;
- Социальный патронат;
- Социальное сопровождение (включает работу с социальным окружением);
- Родительский клуб;
- Подростковый клуб (низкопороговый);
- Выездной палаточный лагерь;
- Выезды, экскурсии, походы;
- Уличная социальная работа;
- Программы восстановительного правосудия;
- Семейная медиация;
- Творческие мастерские;

Развитие.

В этом направлении можно выделить несколько целей и соответствующих им групп задач:

1) Поддержка подростка с той целью, чтобы он научился лучше понимать себя – развитие самопознания клиента, его особенностей, талантов, потребностей, обретение большей осознанности, гибкости, устойчивости; участие в деятельности процессно-ориентированных экспериментальных площадок, возможность попробовать себя в деле.

2) Поддержка подростка с целью совершенствования навыков взаимодействия с другими людьми – повышение социальной компетентности: совершенствование навыков общения с противоположным полом, выхода из конфликтов, публичного выступления, сотрудничества, оказания помощи и обращения за помощью.

3) Поддержка подростка с той целью, чтобы он нашел свое место в мире и научился строить отношения с обществом – совершенствование навыков планирования жизненных этапов (профорентация, навыки целеполагания); поиск возможностей во внешней среде; получение нового опыта, впечатлений, знаний о мире; расширение круга общения.

4) Поддержка родителей и специалистов с той целью, чтобы они учились создавать условия для развития подростков – обучение родителей и специалистов навыкам общения с подростками, повышение родительской или профессиональной компетентности;

5) Организационное консультирование учебных заведений.

Выводы. Таким образом, использование данной модели в области социально-психологической помощи подросткам с рисковым поведением позволяет проводить ее системно, и существующие методы и инструменты могут быть адаптированы под конкретную ситуацию. Это дает возможность более эффективного управления процессами управления развития и социализации в подростковом возрасте. Именно эту позицию, – рассматривать социализацию как управление развитием рискового поведения, а не блокировку его, – мы считаем более удачной формой.

Как мы видим по различным данным, проблема рискового поведения в подростковом возрасте не имеет простых решений, и требует тщательного планирования и изучения в каждой конкретной ситуации. Похожее мнение обозначают Рахимкулова, Розанов (2013), обозначая необходимость разработки всеохватывающей системы работы с подростками, а не работа с подростками по отдельным группам риска, и при этом важно обеспечивать

информированность взрослых всех уровней на всех уровнях социального взаимодействия подростка. Существование налаженной системы предоставления адекватной и своевременной психосоциальной помощи может, например, существенно улучшить статистику суицидальной активности подростков, прогнозируемую острой в 2013 году на следующие десятилетия [4]. Решение этой задачи возможно через реализацию описанной в этой статье модели помощи подросткам.

Литература

1. Великоцкая А.М. Влияние программ восстановительного правосудия на самосознание подростков-правонарушителей* [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. Том 2. № 4. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n4/56616.shtml> (дата обращения: 18.08.2020)

2. Кондрашкин А.В., Кириллова Т.О. Социальная ситуация развития современного подростка в контексте модели социально-психологической помощи в восстановительном подходе // Электронный журнал «Психологическая наука и образование» www.psyedu.ru 2012, №4, – С. 5-6.

3. Москвичев В.В. От ситуации социально-психологической дезадаптации к ситуации социального развития [Электронный ресурс] / В.В. Москвичев // Народное образование №1, 2011. – М., 2011. – Режим доступа: http://perekrestok.info/index.php?option=com_content&view=article&id=128&Itemid=172

4. Рахимкулова А.С., Розанов В.А. Суицидальность и склонность к риску у подростков: Биопсихосоциальный синтез, Суицидология, №2. – Том 4, 2013, – С. 7-25.

5. Учебно-методический комплекс «Технология психологического сопровождения и коррекции социально дезадаптированных детей и профилактики девиаций социального поведения детей и подростков». Инновационная образовательная программа «Формирование системы психологического образования в университете как базовом ресурсном центре практической психологии». – М.: МГППУ, 2008.

6. Хломов К.Д. Социальные риски в контексте индивидуальных жизненных траекторий современных подростков // Социальная психология и общество. – 2016. – Том 7. – № 2. – С. 109–125. – doi:10.17759/sps.2016070208

7. Шаболтас А.В. Риск и рискованное поведение как предмет психологических исследований // Вестник Санкт-Петербургского Университета // Сер. 12., №3, 2014. – С. 5-16.

УДК: 159.9.

СОГЛАСОВАННОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Хусаинова Светлана Владимировна,

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник
ФГБНУ «Институт педагогики, психологии и социальных проблем», г. Казань

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена необходимостью изучения социальной среды как фактора профилактики отклоняющегося поведения обучающегося. Выявление особенностей взаимодействия лиц категории особого внимания с социальной средой способствуют определению выраженности личностных характеристик, влияющих на проявление отклонений в их поведении. Автором определено, что в условиях взаимодействия обучающегося и обучающегося входящего в категорию особого внимания проявляются особенности взаимодействия с социальной средой, таких как, гибкость, манипулятивность, иллюзорность, эмоциональность, ценности, мотивация, интеллектуальность в их необычном проявлении. В результате автором был составлен портрет обучающегося входящего в группу лиц категории особого внимания в образовательной среде. Определено, что проведение оптимальной образовательной политики и эффективного использования материальных,

кадровых и технических ресурсов в осуществлении профилактических мероприятий, будет способствовать повышению культурного и образовательного уровня обучающихся.

Статья предназначена исследователям в области отклоняющегося поведения личности, аспирантам и педагогам-психологам.

Ключевые слова: социальная среда, отклоняющееся поведение, обучающийся, профилактика, лица категории особого внимания.

Annotation. The relevance of the article is due to the need to study the social environment as a factor in the prevention of deviant behavior of a student. Revealing the features of the interaction of persons of the category of special attention with the social environment helps to determine the severity of personal characteristics that affect the manifestation of deviations in their behavior. The author determined that in the conditions of interaction between a teacher and a student who is included in the category of special attention, the features of interaction with the social environment, such as flexibility, manipulativeness, illusoryness, emotionality, values, motivation, intelligence in their unusual manifestation, are manifested. As a result, the author has compiled a portrait of a student who is included in the group of persons of the category of special attention in the educational environment. It has been determined that the implementation of an optimal educational policy and the effective use of material, human and technical resources in the implementation of preventive measures will contribute to an increase in the cultural and educational level of students.

The article is intended for researchers in the field of deviant personality behavior, graduate students and educational psychologists.

Keywords: social environment, deviant behavior, learner, prevention, special attention category persons.

Постановка проблемы. Взаимодействие внешних и внутренних факторов социальной среды существенно влияют на формирование личности обучающегося. Согласованность данного взаимодействия, структурированность в отношениях, обучающихся с обучающимися, и лицами категории особого внимания требует и адекватно выстроенной системы требований и поощрений, что является основным фактором профилактики отклоняющегося поведения.

Целью статьи является изучение проявления личностных характеристик согласованности социальной среды в целях профилактики отклоняющегося поведения обучающегося.

Изложение основного материала исследования. К важнейшим общемировым тенденциям можно отнести: постоянно усиливающуюся социальную динамику развития общества, ориентацию на новую модель развития, возрастание значимости личностного начала во всех проявлениях жизни современного человека, усложнение и развитие рынка труда, возрастание многообразия и динамики социальных связей, особенно молодого поколения и др.

Ранее нами выявлено [2], что «не всем удается, сразу справиться с вызовами общества, развитием технологий, экономическими изменениями, влекущими за собой переживания негативного характера. Фактически создаются нежелательные факторы, риски которые могут произойти в той или иной ситуации или быть учтены и минимизированы. В ситуациях изменения отмечается поведение категории лиц с невозможностью справиться с трудностями (потери нормальных условий развития, здоровья, потери жизни и др.). Данная категория исследователями определена «группой риска» – категорией лиц, требующих особого внимания. Данную категорию описывают Л.Я. Олиференко, Т.И. Шульга, И.Ф. Дементьева – лица, в силу обстоятельств жизни, наиболее подверженные негативным внешним воздействиям, как со стороны общества, так и его криминальных элементов, способствующих возникновению дезадаптации».

Нами был составлен портрет обучающегося входящего в группу лиц категории особого внимания в образовательной среде. Портрет обучающегося входящего в группу риска: возраст от четырнадцати до двадцати трех лет; обучающийся школы, студент вуза или сузуа; его представления, искажены системой нравственных и правовых ценностей; настроение противоречивое, способен уверенно отстаивать свою правоту и в тоже время нуждаться в

самоутверждении; плохо адаптируется к условиям образовательной среды; ищет неформального общения, в котором насилие он воспринимает ведущим способом достижения цели.

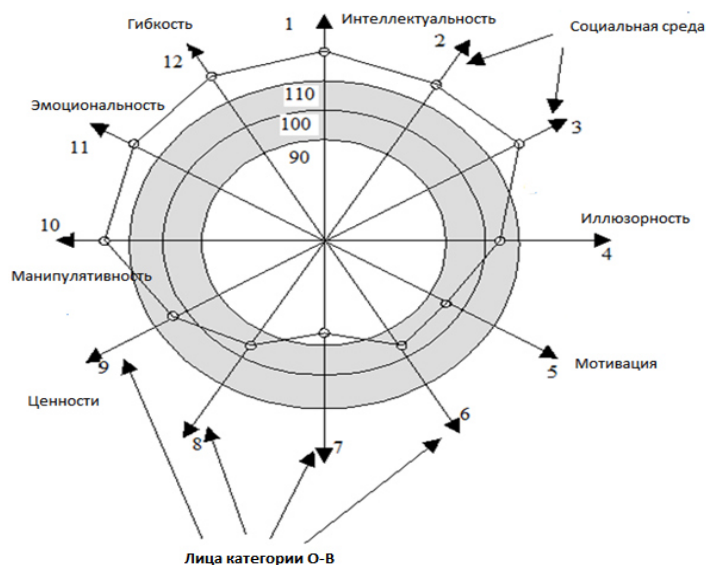

Рисунок 1. – Взаимодействие социальной среды и лиц категории особого внимания

Результаты обучающихся были подвергнуты факторному анализу на основании, которого (Рисунок 1) определено, что у лиц категории особого внимания при взаимодействии с социальной средой выражены личностные характеристики, влияющие на проявление отклонений в поведении. В условиях взаимодействия обучающего и обучающегося входящего в категорию особого внимания проявляются следующие особенности взаимодействия с социальной средой:

1. Гибкость – высокая степень согласованности с требованиями внешней среды, открытость социуму, что предполагает усиление роли различных общественных структур в определении стратегии по оценке качества образовательной деятельности (0,05).
2. Манипулятивность – склонность к неявному управлению собой с целью извлечения для себя некоторой выгоды (0,05).
3. Мотивация – ориентированность на перспективные потребности и запросы в материальной сфере развития (0,05).
4. Ценности – пассивность в приспособлении к динамическому социуму и трудность в соотношении входящих в него структур (семья, здоровье, учеба и др.) (0,05).
5. Интеллектуальность – ориентированность на получение образования в условиях конкуренции (0,05).
6. Иллюзорность – обманчивость и призрачность в поиске путей реализации жизненной цели (0,05).
7. Эмоциональность – реагирование на ситуации, имеющие особую для него значимость (0,05).

Социальная среда является наиболее важной в системе формирования личности включая в себя внешние и внутренние факторы. Следует отметить, что обязательным условием для существования феномена отклоняющегося поведения является наличие биполярной системы «Девиантность» – «Нормативность». Как «отклонение» в широком смысле противопоставляется понятию «норма», так и девиантное поведение существует лишь в соотношении с нормативным поведением. Жизнь различных культур или культурно-исторических общностей людей подчинена выработанным в ходе их развития правилам, представленным в форме моделей нормативного поведения и закрепленным в системе юридического и бытового права. Эти этически приемлемые образцы зафиксированы вербально и понятны всем людям, существующим в данной культуре и в данной языковой

системе как важнейшей ее составляющей. В соответствии с гипотезой лингвистической относительности Сепира – Уорфа структура языка в определенном смысле влияет на мышление и способ познания мира, а социальная реальность конструируется и категоризируется в языке. Это означает, что лексикон, вербальные конструкции, хранящиеся в нашем сознании, задают социально приемлемую или неприемлемую схему (набор шаблонов) действий, в соответствии с которой личность осуществляет свою деятельность. Таким образом, можно говорить о нормативной и лингвистической упорядоченности жизни общества – в языке динамически запечатлевается и хранится вся система значений, имеющих отношение к «нормативности» и «девиантности» [1]. Многие исследователи социосферы рассматривают проблемы современной молодежи не только в рамках понятия «девиантное поведение», но используют термин «отклоняющееся поведение», имеющее в целом схожую трактовку, но менее критичное и характеризующее более сдержанные проявления.

Так, Е.И. Холостова характеризует девиантное поведение «как поведение, которое отклоняется от ценностей, норм, установок и ожиданий общества или социальной группы» [3]. В.В. Ковалев рассматривает девиантное поведение как «поведение, отклоняющееся от нравственных норм данного общества» [4]. Отклоняющееся поведение, по мнению М.И. Рожкова, это «отклонение от принятых в данном обществе, социальной среде, ближайшем окружении, коллективе социально-нравственных норм и культурных ценностей, саморазвития и самореализации в том обществе, к которому человек принадлежит» [5]. Я.И. Гилинский под отклоняющимся поведением понимает «поступок, действие человека, не соответствующее официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам» [6].

Выводы. Анализ тенденций проявления социальной среды как фактора показывает, что в складывающихся условиях образовательная среда может и должна развиваться в новых условиях, системно взаимодействуя с социально-культурным пространством. В нашем исследовании показано, необходимость его постоянного контроля на базе образовательной организации, отвечает потребностям обучающегося, поскольку помогает выработке культурных ориентаций, в процессе самоопределения личности, в адаптации к социальным изменениям. Это позволяет осуществлять горизонтальные и вертикальные взаимосвязи, при реализации оптимальной образовательной политики и эффективно использовать материальные, кадровые и технические ресурсы в проведении профилактических мероприятий. С одной стороны, этот комплекс должен обеспечивать подготовку профессиональных кадров, в котором существует определенный социальный заказ, с другой стороны, культурно-образовательный центр, взаимодействуя с учреждениями культуры и спорта, располагая современными компьютерными и информационными технологиями, будет способствовать повышению общего культурно-образовательного уровня обучающихся входящих в категорию лиц требующих особого внимания.

Литература

1. Хагуров Т.А. Введение в современную девиантологию / Учебное пособие. – Ростов-на-Дону, 2003. – 343 с.
2. Хусаинова С.В., Угарова Н.М. Казанский педагогический журнал. – 2020. – № 3 (140). – С. 255-261.
3. Холостова Е.И. Глоссарий социальной работы. Учеб. пособие для студентов и преподавателей социального профиля. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2007. – 220 с.
4. Ковалев В.В. Семиотика и диагностика психических заболеваний у детей и подростков. – М.: Медицина, 1985. – 288 с.
5. Рожков М.И. Воспитание трудного ребенка: дети с девиантным поведением: учеб. метод. пособие / под ред. М.И. Рожкова. – М.: Гуманит. издат. Центр ВЛАДОС, 2001. – 240 с.
6. Гилинский Я.И., Афанасьев В.Г. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. – СПб. Питер, 1993. – 272 с.

СИСТЕМА УСТАНОВОК ПРАВОСЛАВНОЙ АНТРОПОЛОГИИ КАК РЕСУРС ДЛЯ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Черкасов Сергей Альбертович
(иеромонах Павел),

проректор по учебной работе Общецерковной аспирантуры и докторантуры
имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия,
Религиозная организация – духовная образовательная организация
высшего образования Русской Православной Церкви,
г. Москва

Аннотация. В статье анализируется взгляд на девиации и их профилактику с точки зрения православной антропологии и механизма развития греха; выявляются основные принципы личностной саморегуляции в отношении развития потенциального девиантного поведения.

Ключевые слова: девиантное поведение, православная антропология, самонаблюдение, грех, нравственный выбор.

Annotation. The article analyzes the view of deviation and their prevention from the point of view of Orthodox anthropology and the mechanism of the development of sin, identifies the basic principles of personal self-regulation in relation to the development of potential deviant behavior.

Keywords: deviant behavior, Orthodox anthropology, self-observation, sin, moral choice.

Постановка проблемы. Девиантное поведение относится к числу объектов для междисциплинарных исследований. Оно попадает в поле внимания психологов, психиатров, социологов, криминалистов, педагогов и представителей других специальностей. Однако за всеми внешними аспектами девиантного поведения (формирование личности в детском возрасте, влияние окружающей среды, и др.) стоят внутренние смысложизненные установки, которые попадают в первую очередь в поле зрения философов и теологов, становятся объектом их осмысления.

Христианское мировоззрение тесно вплетено в общемировой культурный код. Это обуславливает необходимость обращения к христианским и, в частности, к православным смыслам для раскрытия их потенциала в профилактике девиантного поведения. Вынесение христианских смыслов за скобки при поиске путей профилактики девиантного поведения лишает этот поиск существенной составляющей, связанной с мировоззренческой сферой личности.

Русская Православная Церковь отдельным образом заботится о профилактике девиантного поведения среди молодежи. Так, например, проанализировав документ «Об организации молодежной работы в Русской Православной Церкви», можно увидеть, что к основным направлениям молодежной работы относятся:

- вероучительные (катехизаторские) занятия;
- группы по изучению Священного Писания;
- миссионерские акции и поездки;
- социальные проекты;
- молодежные лагеря;
- интернет-проекты;
- киноклубы;
- кружки по интересам;
- проекты по профилактике зависимостей;
- спортивные секции;
- военно-патриотические клубы;

- клубы молодой семьи [4; с. 19].

Перечисленные направления косвенно и прямо направлены на приобщение молодого поколения к православному мировоззрению, а через это к его ценностной системе. Отдельные направления молодежной работы Русской Православной Церкви непосредственно направлены на работу с девиантным поведением, в частности, с зависимостями.

Однако не только специфическая молодежная работа Русской Православной Церкви направлена на профилактику девиантного поведения, но и вся система православных антропологических взглядов обладает потенциалом для такой профилактики. Объектом рассмотрения в данной статье станет система православных антропологических взглядов, а предметом — ее потенциал в отношении профилактики девиантного поведения.

Исходя из этого **целью** статьи является экспликация мировоззренческих установок православной антропологии, содержащих потенциал к предотвращению развития девиантного поведения.

Изложение основного материала исследования. Понятие девиантного поведения традиционно рассматривается в контексте отклонения от принятых социальных норм. Такой взгляд определяет комплекс вопросов, требующих прояснения или определения: как формируется девиация, каковы причины формирования девиаций, что считать нормой, а что нет и др.

Ответы на перечисленные вопросы будут напрямую зависеть от того, с позиций какой науки или отрасли знания они будут рассматриваться. Очевидно, что более всего обращенными к внутреннему миру человека, будут психология и психиатрия, которые имеют дело с мышлением, эмоциями, проявлением воли и другими феноменами психики.

Однако и эти науки не затрагивают глубинных установок человека, связанных с понятиями добра и зла, самоопределением человека по отношению к ним. Религиозные понятия и принципы также остаются в этих науках не более чем феноменами психического мира, которые изучаются, к примеру, в рамках психологии религии.

В связи с этим необходимо обратиться к аутентичному религиозному (православному в рамках данной статьи) взгляду, чтобы рассмотреть его систему изнутри. Прежде всего, необходимо обозначить ключевые разделы православного вероучения, чтобы выделить из них те, которые будут давать ответы на вопросы, связанные с профилактикой девиантного поведения. Православное вероучение, если говорить о нем обзорно, содержит учение о Боге, о человеке, о взаимоотношении Бога с человеком и с окружающим миром. Ответы на вопросы о человеке в православном вероучении следует искать среди таких дисциплин, как аскетика и нравственное богословие. Обе названные дисциплины, а также ряд других теологических дисциплин, дают развернутую картину православной антропологии.

В основе православной антропологии лежит несколько фундаментальных элементов, которые существенны для рассмотрения вопроса о девиантном поведении. Первый элемент, о котором необходимо сказать, – это учение о творении человека по образу и подобию Божию. Образ Божий понимается при этом как основополагающее понятие православной антропологии, отражающее совершенство Бога и проявляющееся в высших нравственных качествах человека [1, с. 237-238].

Из учения о сотворении человека по образу и подобию Божию вытекает понятие о том, что каждый человек должен быть совершенен в своих личностных и нравственных качествах. Вместе с тем, реальность такова, что совершенство остается лишь постоянно искомой целью, в то время как в действительности ни один человек не обладает совершенством, проявляет склонности ко злу, а зачастую и реализует эти склонности в своих действиях.

Причиной такого феномена, согласно православному вероучению, является грех, который понимается как отдаление от Бога, а значит и от Его совершенств. Следствием греха становится склонность ко злу, различные виды дисгармоний в природе и в человеке, смерть и др. Подверженность человека греху, греховная поврежденность – это второй важный элемент в общей системе координат православной антропологии.

Итак, контраст между образом и подобием Божиим, заложенным в человеке, и реальным модусом бытия людей, испытывающих склонность ко злу и поступающих вопреки высшим нравственным принципам, можно осмысливать как наличие первичной и корневой девиации в природе человека, которая служит источником для всех остальных девиантных проявлений. Суть этой девиации состоит в отклонении от заложенного в человеке совершенства его личностных и нравственных качеств.

О таком понимании, в частности, говорит А.Л. Анисин: «Девиантность в контексте философских размышлений о человеке означает не только отклоняющееся поведение на внешнем социальном уровне, но и – прежде всего – отклонение человека от полноты своей человечности. И в наиболее глубоком смысле девиантность человека означает уклонение от образа Божьего. Норма в этом предельно глубоком смысле есть святость, то есть собирание и просветление человеческой личностью сил и способностей своей природы через верность призванию свыше, через согласование своей жизни с Божиим замыслом о ней» [5].

Если принять грех за исходную точку развития девиантности, то необходимо поставить вопрос о том, что возможно сделать для профилактики девиаций, учитывая православные антропологические взгляды. Отвечая на этот вопрос, христианство и, в частности, православие, обращает внимание человека внутрь себя для познания и осознания того, что происходит во внутренней жизни.

Нагорная проповедь, изложенная в Евангелии от Матфея, дает поразительное и непривычное понимание, касающееся злых наклонностей человека. Так, к примеру, максима из Нагорной проповеди «Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду» (Мф. 5:21-22) означает, что не только действие (убийство) трактуется как негативное и подсудное, но и состояние гнева, которое локализуется не в сфере действий, а в области желаний и мыслей человека. Таким образом, не только действие, но и мысль может быть безнравственной. Безнравственная мысль лежит в основе такого же безнравственного действия.

Из такого понимания выросла развернутая система православной антропологии, детально описывающая ступени развития зла в человеке. Согласно этой системе, зло в человеке развивается в несколько этапов. Таких этапов выделяется, как минимум, пять. Рассмотрим их по порядку.

Первый этап называется на языке православной антропологии «прилогом» («приражением»). Под прилогом подразумевается представление предмета или действия, которое отвечает одной из порочных наклонностей человека. Прилог входит в сознание под влиянием окружающей среды или вследствие действия памяти. Важной характеристикой прилога является то, что чаще всего он возникает вопреки желанию, помимо воли, внезапно, принудительно. На этом этапе имеет большое значение характер отклика человека и его самоопределения по отношению к прилогу. Он может быть либо отвергнут, либо получить дальнейшее развитие.

Второй этап представляет собой «медление в помысле». «Медление» проявляется в интересе к помыслу, вследствие чего помысел получает развитие, из одной мысли может стать целой картиной, вызывая при этом иные ассоциации и образы.

Из второго этапа развивается так называемое «услаждение» – сочувствие к созерцаемым в сознании картинам, переход порочной мысли из сферы сознания и воображения в сферу чувств, что еще больше закрепляет ее воздействие на человека. Этот переход составляет *третий этап* развития злой мысли в человеке.

Далее наступает «желание» – *четвертый этап*. На этой стадии человек в значительной степени пренебрегает нравственным контролем и испытывает сильное чувство неудовлетворенности от развившегося порочного желания. Воля человека уже начинает частично склоняться к исполнению желания. Эту стадию можно считать полной победой порочной мысли над человеком. Однако даже на этой стадии существует значительная грань между победой порочной мысли и самой реализацией дурной наклонности на деле.

Наконец, *пятый этап* – это «пленение». На этом этапе человек полностью отказывается от сопротивления дурной склонности. Он испытывает страстное желание, которое поработает волю человека и заставляет его исполнить желание [2; с. 137-141].

Проследивая описанные этапы, нетрудно заметить, что самым легким способом остановки дурного желания является отвержение прилога (приражения). Именно этот метод считается основным способом борьбы с греховными желаниями в православной аскетике. Стоит отметить, что и на остальных этапах развития дурного помысла возможна остановка, однако с каждым новым этапом она становится все более затруднительной, особенно после того, как мысль переходит в сферу чувств и вызывает порочное желание.

Остановимся теперь на вопросе о том, каким образом изложенная система православной антропологии применительно к теме зла и греха может быть применена в контексте профилактики девиантного поведения. Нетрудно заметить, что ключевое качество, которым должен обладать человек, желающий различать в себе стадии развития зла, – это самонаблюдение. Степень такого самонаблюдения должна быть очень высокой, если учесть, что перечисленные этапы развития зла от дурной мысли до дурного поступка могут перетекать один в другой со значительной скоростью.

Приобретение навыка самоконтроля, умение воспринимать, осознавать и анализировать феномены своего внутреннего мира с позиций нравственности стоит рассматривать в профилактике девиантного поведения как ключевую компетенцию, которая должна быть внедрена в соответствующие программы и проекты.

Важнейшее понятие, которое также должно тематизироваться в программах, посвященных профилактике девиантного поведения, – это свобода нравственного выбора. Как видно из описания этапов развития злой мысли в человеке, на каждом из перечисленных этапов (кроме последнего) у человека есть возможность отказаться от дальнейшего развития, развернуть вектор своего личностного устремления в противоположную злой склонности сторону.

Это особенно актуально в том смысле, что зачастую те или иные дурные склонности оправдывают влиянием внешней среды, обстоятельств или других людей. Безусловно, на ранних этапах формирования личности различные искажения в воспитании или окружающей среде могут иметь сильное влияние на последующее негативное или даже порочное развитие личности, однако с возрастом растет мера личной нравственной свободы и осознанности, которая должна быть приведена в активное действие для достижения стабильного нравственного развития личности.

Позиция, в которой внутреннее состояние человека определяется как первичный источник преступного поведения (и только в качестве вторичных источников названы иные обстоятельства), зафиксирована в документе «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви»: «Главным источником преступления является помраченное состояние человеческой души: “Из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления” (Мф. 15. 19). Необходимо также признать, что подчас преступности способствуют экономические и социальные обстоятельства, слабость государственной власти, отсутствие законного порядка» [3; с. 103].

Выводы.

1. Православная антропология дает возможность глубокого осмысления корней девиаций и смысложизненных установок, лежащих в их основе. Склонность человека к греху и злу, искажение образа Божьего является, с точки зрения православной антропологии, основной девиацией внутри человеческой личности. Остальные девиации стоит рассматривать в этом контексте как производные.

2. Потенциал православных антропологических воззрений в отношении профилактики девиантного поведения состоит в детально осмысленном механизме развития греха в человеке. Данный механизм разделен на 5 условных ступеней от возникновения мысли до совершения порочного поступка. Знание этого механизма может стать основой для выработки личностных навыков по саморегуляции потенциального девиантного поведения.

3. Глубокий навык к самоконтролю и полное осознание личной свободы нравственного выбора лежат в основе профилактики девиантного поведения, если строить такую профилактику с опорой на православную антропологию.

4. Стоит также отметить, что межинституциональное сотрудничество с Русской Православной Церковью в вопросе профилактики девиантного поведения представляется перспективным направлением развития в силу того, что достижения православной антропологии в этой сфере для многих остаются неизвестными.

Литература

1. Давыденков О., прот. Догматическое богословие: учебн. – Изд. испр. и доп. – М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Издательский дом «Познание», 2020. – 465 с.

2. Платон (Игумнов), архимандрит. Православное нравственное богословие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. – 240 с.

3. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М.: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2008. – 174 с.

4. Об организации молодежной работы в Русской Православной Церкви. – М.: АНО «Центр православных молодежных программ во имя святого Георгия Победоносца», 2014. – 68 с.

5. Анисин А. Грех как онтологическая девиация // Портал «[www.pravoslavie.ru](https://pravoslavie.ru)» <https://pravoslavie.ru/178.html>

УДК: 378.4

РОЛЬ ИНСПЕКТОРА ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ СОПРОВОЖДЕНИИ ПОДРОСТКОВ С ОТКЛОНЯЮЩИМСЯ ПОВЕДЕНИЕМ

Чечикова Ирина Владимировна,

адъюнкт ФГКОУ ВО «Академии управления МВД России», г. Москва

Аннотация. В статье раскрывается понятие педагогического сопровождения подростков, состоящих на учете в отделениях по делам несовершеннолетних со стороны инспектора ПДН. Также, указываются способы педагогического сопровождения, роль и основы должностного регламента инспектора по делам несовершеннолетних.

Ключевые слова: инспектор по делам несовершеннолетних, подросток с отклоняющимся поведением, педагогическое сопровождение, должностной регламент (инструкция) инспектора ПДН.

Annotation. The article reveals the concept of pedagogical support of teenagers consisting on the account in the juvenile departments by the inspector of the juvenile Department. Also, the methods of pedagogical support, the role and basis of the official regulations of the inspector for minors are specified.

Keywords: inspector for minors, a teenager with deviant behavior, pedagogical support, official regulations (instructions) of the PD inspector.

Постановка проблемы: в условиях современности – нестабильной экономики и внутриполитической обстановки по-прежнему актуальна проблема роста подростковой преступности. Как правило несовершеннолетние с отклоняющимся поведением попадают в поле зрения инспекторов по дела несовершеннолетних (ПДН) уже после совершения какого-либо противоправного деяния. После постановки на учет в отделение по дела несовершеннолетних подростки с отклоняющимся поведением особо нуждаются в оказании грамотной педагогической помощи, в том числе со стороны инспектора ПДН.

В эпоху реформ и перемен несовершеннолетние в возрасте от 11 до 17 лет, в случае нахождения в социальной группе риска, чувствуют себя невостребованными и выброшенными рыночными условиями современной экономики [6].

Роль сотрудника органов внутренних дел (инспектора по делам несовершеннолетних) должна заключаться в грамотном наставничестве и оказании педагогического сопровождения подростку с отклоняющимся поведением [8].

Целью статьи является рассмотрение содержательных характеристик понятия педагогическое сопровождение подростка, состоящего на учете в отделениях по делам несовершеннолетних со стороны инспектора ПДН.

Изложение основного материала исследования. В своей профессиональной деятельности инспектор ПДН руководствуется требованиями нормативно-правовых актов (Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и инструкция МВД России «По организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации», утвержденная приказом МВД России от 15.10.2013 № 845), которые определяют его непосредственные должностные обязанности.

Ежедневная деятельность инспектора ПДН сводится к проведению ряда профилактических мероприятий, как правило, направленных на привлечение к административной ответственности, как подростка, совершающего противоправное деяние, так и его родителей (законных представителей).

Проведенный анализ историко-архивных материалов позволил установить, что первоначальный смысл понятия «профилактическая деятельность с детьми отклоняющегося поведения» сосредотачивалась вокруг удовлетворения элементарных потребностей [7].

Сегодня это понятие большинством исследователей трактуется, как адресная система управленческих мер непосредственного воздействия на сферы контактов подростка. Такие меры гарантируют: изменения в имеющейся у подростка системе ценностей, состоящих из ложных разрешающих и запрещающих убеждений, а также осуществление выбора варианта действий максимально приближенного к требованиям общества. Соответственно только профилактических действий в работе с такими подростками уже недостаточно.

Поэтому в педагогической науке появился новый термин «педагогическое сопровождение» подростков с отклоняющимся поведением. Индикатором успешного педагогического сопровождения является максимальное снижение отклонений в поведении подростка от общепризнанных норм.

Однако, современное педагогическое научное сообщество не определяет категорию «педагогическое сопровождение» абсолютно однозначно, а рассматривая ее с разных позиций, вносит дополнительные характеристики.

Некоторые исследователи полагают, что обусловленность педагогического сопровождения определена историческими корнями термина «педагог». В переводе с греческого Paidagogos pals (paidos) дитя + ago веду, воспитываю. Педагог – это образованный наставник, воспитатель, которому доверяли детей из знатных семей для сопровождения в школу. Деятельность педагога сводилась к перемещению ребенка в определенном направлении: из одной стадии развития в другую. При этом упор делался на совместное движение (со-движение) [1].

Похожий смысл нам видится в представлении О.С. Газмана, который использует термин «педагогическая поддержка». С его точки зрения педагогическая поддержка выражается в воспитательной деятельности с подростками в виде оперативного оказания помощи. Приоритетом выступает личность подростка и ее самоопределение, саморазвитие. Направленность такой воспитательной деятельности заключается в формировании общечеловеческих нравственных ценностей через развитие творческих, мыслительных способностей и совместное преодоление различных социальных барьеров [2].

В последующем смысловая нагрузка понятия педагогическое сопровождение была раскрыта в трудах ученых различных направлений педагогами, психологами, социологами и даже врачами.

Рассмотрим кратко понимание «педагогического сопровождения» в социально-педагогической науке [3, 4, 5, 9, 10].

С точки зрения И.Ф. Исаева, В.А. Сластенина, Е.Н. Шиянова, под термином педагогическое сопровождение выступает «процесс заинтересованного наблюдения, консультирования, личностного участия при максимальной самостоятельности ученика в проблемной ситуации и минимальной поддержке педагога» [9].

А.В. Мудрик, под педагогическим сопровождением понимает особую сферу деятельности педагога, ориентированную на приобщение подростков к социально-культурным и нравственным ценностям, необходимым для их самореализации и саморазвития [5]. С.Н. Чистякова педагогическое сопровождение определяет, как «оказание поддержки в становлении личностного роста подростка, социальной адаптации, принятии решений об избираемой профессиональной деятельности и самоутверждения в ней» [10].

Л.В. Мардахаев термин сопровождение трактует, как «совместное движение (взаимодействие) сопровождающего, субъекта сопровождения и воспитанника, его родителей (объекта сопровождения) на основе прогнозирования субъектом перспектив поведения и само проявление в ситуации развития, направление на создание условий и обеспечение наиболее целесообразной помощи и поддержки» [4].

А.Н. Галагузов, М.А. Галагузова определяет термин педагогическое сопровождение, как «способ практического осуществления сопровождения, обеспечивающий создание условий для принятия участниками образовательного пространства оптимальных решений в ситуациях школьного взаимодействия» [3].

Проведенный анализ научной литературы по социальной педагогике позволяет сделать вывод о том, что педагогическое сопровождение является некой формой деятельности в виде наблюдения, профилактики, консультирования, коррекции и оказания конкретной помощи в адаптации подростка к существующим в обществе нормам, порядку и морали. Особенно важно в педагогическом сопровождении обратить внимание на необходимость предоставления подростку адекватной возможности в самовыражении.

Участие инспектора ПДН в педагогическом сопровождении подростка с отклоняющимся поведением, его роль в этом сопровождении, прежде всего, должна быть как роль с позиции воспитателя. При этом цель инспектора-воспитателя в большей степени: направить мышление и действия подростка в сторону правомерного, морально-нравственного поведения, созидательной деятельности на пользу себе, своим близким и обществу. И, в меньшей степени – наказать.

Способы педагогического сопровождения весьма разнообразны и напрямую зависят от возраста подростка, от жизненных обстоятельств, в которых он находится.

Предшествовать педагогическому сопровождению должен глубокий социально-педагогический анализ, как условий жизни подростка, так и его психологического состояния. Анализ осуществляется на основе общения с самим подростком, его родителями (законными представителями) и визуального осмотра условий жизни ребенка.

Установление полной картины причин отклоняющегося поведения возможно только после общения со всеми членами круга значимых лиц, ежедневно окружающих подростка.

В дальнейшем инспектор ПДН являясь координатором, возглавляющим и организующим педагогическое сопровождение, осуществляет планирование конкретных социально-педагогических мероприятий по итогам проведения которых станет возможным кардинальное изменение поведения подростка.

К социально-педагогическим мероприятиям можно отнести:

- установление дружески-доверительных отношений с подростком;
- нахождение доверительного лица из круга общения подростка (мать, отец, бабушка, дедушка, сестра, брат, друг, учитель, социальный педагог и т.п.);

- прохождение курса обучения эмоционально-волевому интеллекту у психолога подростком с отклоняющимся поведением и его доверительного лица, поднятие самооценки и выравнивания целостности личности;
- обследование в медицинском учреждении подростка на предмет обнаружения патологий и психологических отклонений;
- душевные беседы на морально-нравственные темы со служителями епархий, церквей, и иных различных конфессий;
- общение с педагогами – предметниками и устранение пробелов в знаниях подростка;
- профессиональное определение в соответствии с интересами и наклонностями подростка с отклоняющимся поведением;
- трудоустройство подростков с 14 лет на подработку с реальным заработком для утверждения значимости для семьи и общества;
- взаимодействие с органами опеки и попечительства и социальными службами для выделения материальной помощи и организации летнего отдыха;
- организация контроля за выполнением намеченных мероприятий социальными и педагогическими службами (эффект обратной связи);
- привлечение к ответственности должностных лиц и родителей за невыполнение своих непосредственных обязанностей.

Таким образом, роль инспектора ПДН осуществляющего педагогическое сопровождение подростка с отклоняющимся поведением, состоит в том, что он, с одной стороны является воспитателем, наставником и другом подростка, с другой стороны, выступает координатором четко спланированных социально-педагогических действий по выводу подростка из группы социального риска и введение его в группу законопослушных граждан. Применение инспектором санкций (мер административного воздействия) допустимо лишь к сотрудникам социальных служб, ненадлежащим образом осуществляющих свою деятельность по обеспечению обучения и воспитания несовершеннолетних, а также к родителям, отрицательно влияющим на подростка.

Сказанное позволяет сделать **вывод**, о том, что подростковые правонарушения подталкивают общество и государство к поиску путей решения проблемы отклоняющегося поведения подростков. Историковедческий анализ показал, что подобная проблема остро стояла и в начале прошлого столетия. Известные представители педагогической мысли и практики – А.С. Макаренко, С.Т. Шацкий, М.М. Пистрак, В.Н. Сорока-Росинский и др. опытным путем определили ход работы с подростками отклоняющегося поведения. Через установление доверительных (дружеских) отношений с каждым из подростков отклоняющегося поведения значимым лицом – инспектором ПДН, выступающим в роли наставника, возможен значительный перелом в сознании и изменении поведения несовершеннолетнего и как следствие адаптации к условиям жизни в современном обществе. Потому педагогическое сопровождение подростков, состоящих на учете в отделениях по делам несовершеннолетних должно стать должностным регламентом (инструкцией) в непосредственной деятельности.

Литература

1. Ворфоломеева, О.В., Педагогическое сопровождение обучающегося музыканта – исполнителя ВУЗа искусств. [Электронный ресурс]: Современные проблемы науки и образования, 2018. – №1, режим доступа URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?Id=27375> [Дата обращения 10.06.2020].
2. Газман, О.С. Воспитание и педагогическая поддержка детей // Народное образование. – 1998. – №6. – 4 с.
3. Галагузов, А.Н., Галагузова, М.А. К вопросу о сущности понятия «Социально-педагогическое сопровождение дезадаптированных подростков» // Педагогическое образование в России, 2015. – №4. – С. 1-5.

4. Мардахаев, Л.В. Социально-педагогическое сопровождение и поддержка человека в жизненной ситуации // Педагогическое образование и наука. – 2010. – № 6. – С. 4.
5. Мудрик, А.В. Социальная педагогика // Учебник для студентов педагогических вузов под ред. В.А. Сластенина, 4-е изд. доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – С. 200.
6. Складенко, И.С. Коррекционная педагогика: курс лекций. – М.: Изд-во МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. – С. 217.
7. Складенко, И.С., Чечикова, И.В. Педагогические основания деятельности инспекции по делам несовершеннолетних в исторической ретроспективе первого десятилетия Советской власти // журнал: Прикладная психология и педагогика, 2020. – №2. – С. 15-27. [Электронный ресурс], режим доступа: DOI: <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2020-15-27> [Дата обращения 12.06.2020].
8. Складенко, И.С., Курпиченко, Ю.И., Демин, Г.И. Сетевая технология как педагогический инструмент [Электронный ресурс]: Психология и право, 2018. Том 8, – №4, – С. 192-203, режим доступа psyjournals.ru [Дата обращения 12.06.2020].
9. Сластенин, В.А, Исаев, И.Ф., Шиянов, Е.Н. Педагогика: учебное пособие / под ред. В.А. Сластенина. – М.: Академия, 2002. – С. 576.
11. Чистякова, С.Н. Педагогическое сопровождение самоопределения школьников : методич. пособ. для профильной и профессиональной ориентации и профильного обучения школьников. – М. : Изд. Центр «Академия», 2007. – С. 128.

УДК 343.815

ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ВОСПИТАННИКОВ ЗАКРЫТЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Щелина Тамара Тимофеевна,

доктор педагогических наук, профессор,

декан психолого-педагогического факультета, заведующая кафедрой

общей педагогики и педагогики профессионального образования

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный

университет имени Н.И. Лобачевского» (Арзамасский филиал),

г. Арзамас

Аннотация. В статье представлен анализ проблем ресоциализации несовершеннолетних осужденных. Обоснована необходимость осмысления социального партнерства воспитательных колоний и его содержания и способов реализации в поддержании и восстановлении социальных связей воспитанников. Приводится пример такого взаимодействия в ходе осуществления социально значимых проектов.

Ключевые слова: ресоциализация, воспитательная колония, социальное партнерство.

Annotation. The article presents an analysis of the problems of re-socialization of juvenile convicts. The necessity of understanding the social partnership of educational colonies and its content and ways of implementation in the maintenance and restoration of social relations of pupils is substantiated. An example of such interaction during the implementation of socially significant projects is given.

Keywords: re-socialization, educational colony, social partnership.

Постановка проблемы. С начала 90-х годов прошлого века Россия переживает все сложности проблемы, связанной с увеличением количества детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Причем, не секрет, что большинство из них помещается в специализированные учреждения, созданные в обществе для обеспечения их относительно

контролируемой социализации с учетом особенностей самих детей и специфики ситуации, в которой они оказались.

В нашем исследовании особое внимание уделено воспитательным организациям, осуществляющим относительно контролируемую часть социализации несовершеннолетних подростков, отбывающих наказание в воспитательных колониях. Воспитанники этих учреждений представляют самостоятельную и трудную проблему для общества и государства. Для социальной педагогики сложность проблемы связана с необходимостью не только обеспечить их содержание, но и, главное, реализовывать такие программы развития, которые могли хотя бы на минимально удовлетворительном уровне подготовить их к будущей самостоятельной жизни в обществе. Это предполагает объединение усилий всех заинтересованных сторон: и воспитательных учреждений ФСИН, учреждений образования и социальной защиты, представителей общественности на условиях социального партнерства.

Целью статьи является обобщение опыта и анализ проблем социального партнерства в обеспечении ресоциализации воспитанников закрытых учреждений, отбывающих наказание.

Изложение основного материала исследования. В современной ситуации развития пенитенциарной системы воспитательные колонии для несовершеннолетних – закрытые учреждения, в которых отдельно от взрослых отбывают наказание за совершённое преступное деяние несовершеннолетние правонарушители в виде лишения свободы по приговору суда с 14 до 18 лет. В задачи ВК входит: обеспечение исполнения наказания в соответствии с законом и приговором суда; организация работы по исправлению и перевоспитанию лиц, содержащихся в колонии; предупреждение и пресечение совершения новых преступлений воспитанниками. При этом, как правило, практически все воспитанники нуждаются в ресоциализации как повторном прохождении ее с учетом коррекции неадекватных и неприемлемых социумом форм и способов самореализации и самоутверждения.

Воспитательная колония для несовершеннолетних правонарушителей создана государством специально для осуществления исправительного, корректирующего воздействия на личность подростков, отличающихся стойкими негативными деформациями, во многом определяющими противоправный характер и повышенную общественную опасность их поведения. Условия содержания отличаются в зависимости от режима – общего или строгого. В колонию общего режима направляются несовершеннолетние мужского и женского пола, впервые осуждённые к лишению свободы. В ВК усиленного режима содержатся только лица мужского пола, ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы и совершившие вновь общественно-опасное деяние, за которое предусматривается ответственность в виде лишения свободы, а также переведённые из колонии общего режима за злостные нарушения. От ВК общего режима эти колонии отличаются более строгими условиями содержания.

В период социально-экономической нестабильности общества, сопровождающегося ростом негативных социальных явлений в молодежной среде (в том числе и ростом преступности), пенитенциарные учреждения оказались перед лицом целого ряда проблем, осмысление которых подтолкнуло к поиску новых связей и партнеров, новых форм и способов работы с несовершеннолетними, совершившими преступление.

К числу таких проблем относятся:

- серьезные изменения в социально-психологической характеристике несовершеннолетних, поступающих в воспитательные колонии (статистика последних восьми лет убедительно показывает, что более 48 – 50 % из них нигде не учатся и не работают; значительно снизился уровень интеллектуального развития и восприимчивость к позитивным социальным ценностям при одновременном росте цинизма и жестокости);

- недостаточная правовая, социальная и методическая компетентность кадрового состава, а также недостаточная психологическая готовность и способность сотрудников к взаимодействию с воспитанниками, коллегами, администрацией учреждения, родителями и другими социальными партнерами в новых условиях;

- разрушение прежней социальной системы сопровождения несовершеннолетних осужденных в период отбывания наказания и после него, предполагавшее наставничество молодых рабочих, передовиков производства, широкий круг мероприятий спортивного, военно-патриотического характера в работе с воспитанниками;

- появление большого числа современных социальных служб различной направленности, в деятельности которых отсутствуют единство и преемственность на этапах отбывания наказания, подготовки к освобождению, адаптации к жизни на свободе и восстановления связей с социумом после освобождения, интеграции в общество [3].

Опыт реализации ряда экспериментальных программ с различными учреждениями закрытого типа позволил выявить весьма серьезную проблему в организации данными учреждениями ресоциализации несовершеннолетних, связанную с поддержанием социальных связей воспитанников. При всей успешности контактов закрытых учреждений для несовершеннолетних с увеличивающимся перечнем партнеров большинство из них связано либо с материальной помощью, либо с проведением акций и мероприятий к соответствующим датам, праздникам, событиям.

Самое главное, что в этом взаимодействии отсутствует несколько важнейших аспектов, направленных на помощь воспитанникам в подготовке к самостоятельной жизни, предполагающей ответственность за себя и свою судьбу, самостоятельное построение своей жизни через восстановление связей и контактов с разными людьми и организациями и учреждениями в обществе, чего фактически лишены осужденные в колонии. Отсутствует и помощь сотрудникам в повышении их психолого-педагогической компетентности, позволяющей помогать воспитанникам уже в период пребывания отбывания наказания в колонии готовиться к преодолению и психологических, и социальных и других трудностей, вырабатывать адекватные способы разрешения сложных жизненных ситуаций.

С этих позиций проблема разработки обеспечения ресоциализации воспитанников закрытых учреждений в современных условиях развития общества предполагает осмысление содержания и способов реализации социального партнерства [1; 2]. Один из вариантов опыта создания системы социального партнерства основан на взаимодействии муниципалитета, на территории которого или близко к которому расположена воспитательная колония (комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав), представителей силовых структур, ответственных за профилактику преступлений несовершеннолетних (подразделения по делам несовершеннолетних отделов МВД) и надзор за поведением условно освобожденными и отбывшими наказание (уголовно-исполнительная инспекция), органов социальной защиты, представители общественных организаций.

На примере г. Арзамаса Нижегородской области основой такого партнерства стала деятельность общественной организации «Педагогическое общество», руководители которой обратились в муниципалитет и воспитательную колонию с предложением разработать и реализовать систему партнерского взаимодействия с привлечением волонтеров – преподавателей (психологов, социальных педагогов) и студентов, осваивающих соответствующие специальности в вузе.

В 2003 - 2004 гг. на базе Арзамасской ВК совместно с ОО «Педагогическое общество», преподавателями и студентами психолого-педагогического факультета реализован проект «Студенческая социальная инициатива», направленный на обеспечение социальных связей условно досрочно освобождаемых несовершеннолетних (финансирование Программы PRI (Международная тюремная реформа)).

В 2007 г. на базе Арзамасской и Ардатовской ВК проект получил развитие «Поддержание социальных связей несовершеннолетних осужденных» (финансирование Управления делами президента РФ).

В процессе реализации проектов и договора о сотрудничестве проведены:

- обучающая программа тренингов для сотрудников колоний, с целью повышения их психолого-педагогической грамотности в работе с несовершеннолетними осужденными;

- программа психологических тренингов для воспитанников колоний и ряд мероприятий с участием студентов психолого-педагогического факультета с целью поддержания социально полезных связей несовершеннолетних осужденных и подготовки их к освобождению;

- круглый стол по проблемам социальной адаптации, реабилитации и интеграции в общество подростков и юношей, совершивших правонарушения, осужденных и отбывающих наказание, с участием преподавателей и студентов Вятского государственного гуманитарного и Самарского государственного университетов, Арзамасского государственного педагогического института, начальников психологических лабораторий ФГУ УФСИН РФ по Кировской области;

- Всероссийская (2004 г.) и Международная (2007 г.) научно-практические конференции «Актуальные проблемы профилактической, коррекционно-адаптационной и реабилитационной работы с несовершеннолетними правонарушителями и преступниками в современных условиях».

Разработаны программы обучающих семинаров для сотрудников ВУЗов, готовящих специалистов по оказанию психологической и социально-реабилитационной помощи несовершеннолетним осужденным. Данные программы могут быть использованы в качестве дополнения в образовательные стандарты по подготовке и переподготовке специалистов названной категории и сотрудников ВК.

Подготовлена группа студентов-волонтеров АГПИ им А.П. Гайдара для обеспечения несовершеннолетним осужденным опыта общения в социально-нормативной среде, что позволит улучшить их подготовку к освобождению и адаптации к жизни на свободе (20 человек).

Обучены технологиям оказания первичной психологической помощи несовершеннолетним осужденным в период подготовки к условно досрочному освобождению 40 сотрудников Ардатовской и Арзамасской ВК.

В результате проведения тренингов, направленных на выработку адекватных конструктивных способов поведения в типичных ситуациях адаптационного периода к условиям жизни на свободе, а также культурно-досуговых мероприятий с участием студентов-волонтеров было улучшено состояние 30 воспитанников Ардатовской и Арзамасской ВК.

В процессе обучения сотрудники ВК осваивали технологии работы с воспитанниками в период подготовки их к освобождению, позволяющие создавать условия для выработки и поддержания адекватных конструктивных способов поведения в типичных ситуациях адаптационного периода в условиях жизни на свободе и после него, оказание самопомощи и помощи сверстнику в кризисной ситуации, на формирование установок на отказ от употребления алкоголя, табака и других наркотических веществ.

Эти технологии позволили дополнить имеющиеся у сотрудников фактически «бытовые» способы поддержания и коррекции установок воспитанников на взаимодействие с противоположным полом, улучшение взаимоотношений полов и создание собственной семьи. Тренинги, проведенные с сотрудниками ВК, помимо обучающего имели психотерапевтический эффект, улучшали их самочувствие в связи с возможностью решения своих внутриличностных проблем и выработки психологических защит от эмоционального выгорания на работе.

На семинарах участники выявляли и анализировали собственные профессиональные и личные проблемы и ситуации, связанные с типичными конфликтами, неудачами в быденной, семейной и производственной сферах, поведением и отношениями к себе и к партнерам в различных кризисах, с собственными особенностями и сложностями в сфере курения и употребления алкоголя, обращались за дополнительными индивидуальными консультациями, осознавая важность адекватных способов решения выявленных проблем в профессиональной деятельности и повседневной жизни, просили обсудить с коллегами.

В ходе работы на тренингах воспитанники закрепляли способы поведения и взаимодействия в психологически безопасной атмосфере в группе с участием психолога и волонтеров, пытались находить и тренировать конструктивные способы взаимодействия с

родственниками, с представителями различных структур и учреждений, сверстниками и друзьями в период адаптации к жизни на свободе; искали, осознавали и поддерживали друг у друга адаптивные способы выхода из кризиса и стресса; анализировали степень своей зависимости и защиты от алкоголя, табака и других наркотических веществ, знакомились с возможностями лечения от соответствующей зависимости.

В ходе завершающей серии тренингов воспитанники осознавали свои навыки общения и взаимодействия с противоположным полом, сравнивали свой опыт и свои установки с опытом и установками студентов-волонтеров, учились находить причины своих неудач, конструировали и проигрывали успешные формы и способы поведения в ситуациях знакомства, совместного досуга, ухаживаний, отказа, измены, учились принимать себя и своих избранниц, проявлять терпимость, прощать, планировали будущую семейную жизнь.

В рамках волонтерской деятельности студентов были проведены с воспитанниками колоний следующие мероприятия: День знаний, осенний бал, День учителя, товарищеская встреча команды студентов-волонтеров и воспитанников ВК по настольному теннису, легкой атлетике, футболу, волейболу, армрестлингу. Участие в подготовке и проведении культурно-досуговых мероприятий со студентами для сформированных групп воспитанников колоний оказывало стимулирующее, дисциплинирующее воздействие на них, побуждало к стремлению поддерживать дисциплину в своих отрядах, заинтересовывало и привлекало к этой деятельности других воспитанников. В ходе тренингов начала «размываться» жестко структурированная криминальная иерархия ролей и соподчинений среди несовершеннолетних осужденных.

В ходе подготовки конференции и в процессе работы секций выявилось серьезное внимание администрации города к постановке и решению проблем профилактической, коррекционно-адаптационной и реабилитационной работы с девиантными и делинквентными подростками в современных условиях, особенно в части возможного взаимодействия ПДН УВД, КДН и волонтерской деятельности студентов под руководством комитета молодежи городской администрации. Проект получил высокую оценку властных и силовых структур города, представителей ГУФСИН России по Нижегородской области, научной общественности ПФО и других регионов РФ.

В 2009 – 2010 гг. полученный опыт был обобщен и научно осмыслен в исследовательском проекте «Социально-педагогическое обеспечение ресоциализации воспитанников закрытых учреждений» при поддержке РГНФ.

Результаты активно используются в работе психологической и социальной служб подразделений, в деятельности начальников отрядов и воспитателей. Опыт работы сотрудников ВК, преподавателей, аспирантов и студентов отражен в Сборниках материалов названных и других конференций, публикациях в журналах «Вестник психосоциальной и психокоррекционной работы», «Беспризорник», «В мире научных открытий» и др., докторской и кандидатских диссертациях, дипломных исследованиях.

Сотрудничество продолжается. Оно закреплено договором о проведении практики студентов специальностей «Педагогика и психология девиантного поведения», «Психология служебной деятельности», реализуется в ходе выполнения курсовых и дипломных исследований, магистерских диссертаций; поддерживается участием руководителей ВК в проведении итоговой государственной аттестации выпускников. Проводятся семинары для сотрудников по актуальным темам и запросам администрации воспитательной колонии. Осуществляется волонтерская деятельность студентов в культурно-досуговой и спортивной сферах.

Выводы. Предложенный опыт социального партнерства основан на результатах анализа воспитательных систем закрытых учреждений для несовершеннолетних, социально- и психолого-педагогической диагностики воспитанников и сотрудников и положен в основу разработки теоретических подходов к ресоциализации воспитанников закрытых учреждений, конструирования методики и технологий организации жизнедеятельности воспитанников с

учетом особенностей режима и социально-психологических характеристик воспитанников с целью более раннего восстановления связей выпускников с социумом, интеграции в общество и адаптации к самостоятельной жизни в нем, а также построения программ дополнительной подготовки сотрудников закрытых учреждений к реализации в профессиональной деятельности разработанной системы социально-педагогического обеспечения ресоциализации воспитанников.

Социально-педагогическое обеспечение ресоциализации несовершеннолетних осужденных – воспитанников колоний предполагает проведение комплекса тренингов, предусматривающих интенсивное воздействие на развитие указанных ранее сфер личности; выработку адекватных, конструктивных способов поведения в типичных ситуациях адаптационного периода в условиях жизни на свободе и после него; оказания самопомощи и помощи сверстнику, оказавшемуся в кризисной ситуации; а также формирование установок на отказ от употребления алкоголя, табака и других наркотических веществ; установок на улучшение взаимоотношений между полами и создание собственной семьи; психологическое консультирование условно досрочно освобождаемых воспитанников; обеспечение им опыта общения в социально нормативной среде.

Выделенные направления социально-педагогического обеспечения ресоциализации воспитанников закрытых учреждений составляют основу для подготовки сотрудников к освоению и реализации соответствующих технологий на основе социального партнерства.

Литература

1. Глебова Л.Н., Щелина Т.Т. Из опыта социального партнёрства в решении социально-педагогических проблем муниципалитета // Сборник материалов международного симпозиума «Социальная педагогика в социальных практиках», Арзамас, 13-16 мая 2013 г. / Научные редакторы А.В. Мудрик, Т.Т. Щелина. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2013. – С. 43-48.

2. Щелина Т.Т., Глебова Л.Н. Социальное партнерство в практике межведомственного взаимодействия в средних городах России // Сборник материалов международного симпозиума «Социальная педагогика в социальных практиках» / Научные редакторы А.В. Мудрик, Т.Т. Щелина. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2014. – С. 249-253.

3. Щелина Т.Т., Карюхина А.С. Социально-психологические особенности несовершеннолетних осужденных современных воспитательных колоний // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2015. – № 9. – С. 553-563.

РАЗДЕЛ 2.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЁЖИ: ИННОВАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ МОДЕРНИЗАЦИИ МОДЕЛЕЙ И ТЕХНОЛОГИЙ СОПРОВОЖДЕНИЯ

УДК: 376.64

ВОСПИТАННИК УЧРЕЖДЕНИЯ ИНТЕРНАТНОГО ТИПА: ШТРИХИ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ¹

Александров Евгений Павлович,
доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры педагогики, психологии, философии
ФГБУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры», г. Краснодар
Пивнева Наталья Сергеевна
кандидат философских наук, доцент,
психолог ГБУСОН РО «СП г. Таганрога», г. Таганрог

Аннотация. Данная статья опирается на более чем десятилетний опыт наблюдений за воспитанниками социального Приюта для детей и подростков г. Таганрога (ГБУСОН РО «СП г. Таганрога Ростовской области»). В это учреждение направляются дети и подростки из социально неблагополучных семей или, в силу неблагоприятных жизненных обстоятельств, утратившие родственные связи. Столкнувшись с мощными психотравмирующими факторами, воспитанники социального Приюта переживают спектр проблем психологического плана, с которыми они не могут справиться самостоятельно и нуждаются в профессиональной психолого-педагогической помощи и поддержке. В статье характеризуются уровни дезадаптации воспитанников учреждений интернатного типа как основа организации индивидуально-дифференцированного подхода в психокоррекционной работе психолога.

Ключевые слова: посттравматические стрессовые расстройства, трудный подросток, дезадаптация, субъективные и объективные факторы дезадаптации, критерии дезадаптации, уровни дезадаптации.

Annotation. Children who are brought up in boarding-type institutions need professional psychological and pedagogical assistance for successful socialization. High-quality psychological and pedagogical support can be provided only when taking into account the personal characteristics of the pupils and the level of their maladjustment. This work is based on research materials carried out in a social shelter for children and adolescents in Taganrog. The results of the diagnosis of maladjustment in adolescents at risk are given. The characteristic manifestations of the levels of maladjustment in the educational process are described.

Keywords: post-traumatic stress disorder, difficult teen, maladjustment, subjective and objective factors of maladjustment, maladjustment criteria, maladjustment levels.

Постановка проблемы. В социальный Приют для детей и подростков г. Таганрога (ГБУСОН РО «СП г. Таганрога Ростовской области») направляются дети и подростки из социально неблагополучных семей или, в силу неблагоприятных жизненных обстоятельств, утратившие родственные связи. Столкнувшись с мощными психотравмирующими факторами, воспитанники социального Приюта переживают спектр проблем психологического плана, с которыми они не могут справиться самостоятельно и нуждаются в профессиональной

---

¹ Статья подготовлена к публикации при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 19-013-00860 А).

психолого-педагогической помощи и поддержке. Необходимо проанализировать посттравматические стрессовые расстройства воспитанников социального Приюта и факторы, которые их вызывают, чтобы приступить к разработке индивидуализированной программы психолого-педагогической коррекции.

Целью статьи является рассмотрение уровней дезадаптации воспитанников учреждений интернатного типа, что может использоваться в дальнейшем для организации индивидуально-дифференцированного подхода в психокоррекционной работе психолога.

Изложение основного материала исследования. Наши, имеющие более чем десятилетнюю историю, психолого-педагогические взаимодействия с воспитанниками социального Приюта для детей и подростков убеждают, что разнообразные психотравмирующие факторы (в частности, различные виды пережитого насилия, утрата родителей и родственных связей, негативный социальный опыт и др.) оставляют глубокие шрамы в психике подавляющего большинства из них. Среди наиболее характерных для направленных соответствующими службами в Приют детей и подростков посттравматических стрессовых расстройств можно выделить:

- *нарушения способностей к обучению* в виде различных трудностей, переживаемых воспитанниками в процессе формирования речевых навыков, а также навыков чтения, письма, когнитивных процессов и умственных действий, координации движений и социальных взаимодействий. В частности, в диагностических исследованиях, проводившихся в группах подростков, направленных в Приют органами опеки и попечительства в период с июня 2019 по июнь 2020 гг., нами установлены следующие процентные соотношения нормы и групп риска по когнитивным процессам «память», «внимание», «мышление», «мотивация учения» (см. табл. 1).

Таблица 1 – Результаты диагностики когнитивных расстройств у подростков (11–16 лет), направленных в социальный Приют г. Таганрога в 2019-2020 гг. (объем выборки – 60 человек)

Психические процессы	Использованные диагностические методики	Объем группы риска в выборке (в %)
Память	Методика А.Р. Лурия «Запоминание 10 слов»	65
Внимание	Корректирующая проба Б. Бурдона, методика Пьерона-Рузера, таблицы Шульте	51
Мышление	Составление рассказа по последовательному ряду картинок. Понимание прочитанного текста, имплицитного смысла метафор, пословиц и поговорок, дидактическая игра «Четвертый лишний», тест «Кубики Кооса», логический тест «Аналогии» (простые, парные)	75
Мотивация учения	Методика изучения мотивации учения подростков М.Р. Гинзбурга, Опросник исследования тревожности у старших подростков и юношей (Ч.Д. Спилбергер, адаптация А.Д. Андреева), Методика изучения мотивации обучения учащихся 5-11 класса (М.И. Лукьянова, Н.В. Калинина)	50

- *диссоциацию эмоциональной и мыслительной сфер*, возникающую вследствие длительного воздействия на психику психотравмирующих факторов или психотравмирующих факторов высокой интенсивности, с которыми воспитанник не может справиться сам без поддержки со стороны родителей или взрослых. В результате отмечаются серьезные нарушения сознания, личностной идентичности и целостности личности, расстройства процессов памяти и мышления;

- *алекситимию*, когда при полностью сохраняющихся интеллектуальных функциях у воспитанников не только заметно ослаблена способность к переживанию эмпатии, сочувствия, сопереживания Другим, но и способность к трансляции эмоций посредством второсигнальных систем;

- *соматизацию*, то есть «перевод» негативных эмоциональных состояний в дискомфортные телесные ощущения, а в некоторых случаях – и в реальные нарушения функций внутренних органов;

- *повышенный уровень тревожности*, то есть совокупность негативно окрашенных и не имеющих конкретного объекта или повода эмоциональных переживаний, ожиданий, предчувствий неблагоприятных исходов жизненных событий и ситуаций, существенно снижающих качество жизни и даже приводящих к возникновению различных заболеваний;

- *депрессивное мироощущение*, имеющее в своей основе переживания собственной ущербности, малоценности, бессмысленности существования, бессилия перед лицом трудностей, которые на фоне утраты значимых привязанностей придают всему, с чем сталкиваются воспитанники в жизни, негативную экспрессивную окраску, формирует позицию жертвы;

- *агрессивное поведение* в его вербальном, физическом, пассивном, активном, прямом и непрямом видах;

- *социальную дезадаптацию*, как результат дегармонизации отношений и взаимодействий личности с субъектами окружающей социальной среды, социальными общностями или собственным Я, проявляющийся через переживания психологического дискомфорта, нарушений поведения и взаимоотношений (см. табл. 2).

Таблица 2 – Результаты диагностики дезадаптации у подростков (11 – 16 лет), направленных в социальный Приют г. Таганрога в 2019-2020 гг. (выборка – 60 респондентов)

Психические процессы	Использованные диагностические методики	Объем группы риска в выборке (в %)
Самооценка	Тест на определение самооценки у подростков по методике Р.В. Овчаровой, ШТУР-2. Субтест 1: Осведомленность, Методика Т. Дембо – С. Рубинштейн (модификация А.М. Прихожан)	92
Склонность к девиантному поведению	Тест оценки предрасположенности к риску К. Левитина, тест на определение склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел), методика «Стрела жизни». Диагностика потребности в поисках ощущений) (М. Цукерман)	55
Тревожность	Опросник исследования тревожности у старших подростков и юношей (Ч.Д. Спилбергер, адаптация А.Д. Андреева), Тест школьной тревожности Филлипса, Тест самооценки психических состояний Г. Айзенка	83
Агрессивность	Опросник агрессивности А. Басса и А. Дарки	75
Общий уровень психического развития	Анализ результатов первичного психологического обследования	68

Вот почему подавляющее большинство воспитанников социального Приюта для детей и подростков могут быть отнесены к категории «трудных», то есть остро нуждающихся в помощи психологов и педагогов.

В предисловии к книге М. Раттера «Помощь трудным детям» (1984 г.) указывается, что трудными чаще всего называют детей и подростков, «которые из-за эмоциональных расстройств или нарушений поведения оказываются трудными для взрослых» [7, с. 6]. Однако опыт общения с этими детьми показывает, что на самом деле с трудностями сталкиваются все участники психолого-педагогического взаимодействия, а воспитанники переживают их, пожалуй, наиболее тяжело. Речь часто идет о детях и подростках, не имеющих выраженных аномалий психофизического и психического развития, но проявляющих различные формы ауто- и социальной дезадаптации под влиянием неблагоприятных жизненных обстоятельств. «Неудобные», с точки зрения педагогов, поведенческие реакции воспитанников в подавляющем большинстве случаев сигнализируют о дисфункциях в эмоциональной и когнитивной сферах, искаженных восприятии, понимании и оценках не только социальной реальности, но и собственного Я [1, 2, 5-8]. Причем, переживаемые внутри психологические проблемы имеют свойство постепенно накапливаться, наслаиваться друг на друга и лишь, достигая определенной степени напряженности, они становятся, наконец, заметными окружающим.

На трудности воспитанников учреждений интернатного типа оказывают влияние факторы объективного и субъективного плана, между которыми имеется определенная взаимосвязь – внешние обстоятельства неизбежно находят свое преломление в смысловой системе подростков. Однако опыт убеждает в нелинейности связи условий воспитания с его результатами – аналогичные жизненные обстоятельства способны одних приводить к социальной и нравственной деградации, а других, наоборот, – к духовному развитию и укреплению волевых качеств личности. Например, избыточно комфортные условия жизни могут отрицательно сказаться на результатах воспитания: детям значительной части экономических и политических элит общества нередко свойственны инфантилизм, иждивенчество и гедонистические мотивы социальной саморегуляции, в то время как их сверстники, переживавшие на этапе своего личностного становления серьезные трудности, проявляют социальную инициативу и творческую энергию. Не следует абстрагироваться и от того, как сам воспитанник относится к внешним обстоятельствам своей жизни, поскольку нередко среду воспитания, которую специалисты характеризуют как аномальную, дети и подростки оценивают вполне позитивно. В частности, воспитанники, изъятые органами опеки и попечительства из, так называемых, семей риска, в которых они не только не имели надлежащего внимания и ухода, но даже подвергались различным видам насилия, тем не менее, нередко строят планы вернуться к родителям.

К числу объективных факторов, способных оказывать негативное влияние на формирующуюся личность, относят утрату родственных связей, вынужденное погружение в среду воспитательных учреждений, отличающуюся от привычной принятыми в ней ценностями, отношениями, стереотипами одобряемого поведения и т.д. Для этой среды характерны постоянные, многократно повторяющиеся, стандартизированные и не иницируемые внутренними побуждениями воспитанников контакты. Ограниченность социального опыта неизбежно приводит к ограниченности жизненно важного объема впечатлений. Фактически изолированная, «закрытая» от социума воспитательная среда учреждений интернатного типа, как подчеркивают Й. Лангмейер и З. Матейчек, способна провоцировать не только отставания в психическом, эмоциональном, интеллектуальном и социальном развитии воспитанников, но и формировать «подавленный тип» депривационной личности [4]. Дополнительным фактором психологической напряженности является постоянное нахождение в «поле фиксации» Других, так как воспитанники не могут, уединившись, выйти из-под их «критического обстрела». Неудовлетворенная потребность в собственном, изолированном от навязчивого присутствия Других, жизненном пространстве, часто стимулирует его «изобретение» и воспитанники «обживают» чердаки, подвалы, кладовки и т.п.

Еще А. Фрейд и К. Хорни отмечали, что асоциальное поведение может являться реакцией на тотальные и систематические запреты, подавления активности ребенка [8]. В

условиях спланированного взрослыми, навязанного и жестко соблюдаемого режима учреждения, воспитанники принуждаются к жизни в соответствии с задаваемыми «сверху» инструкциями, указаниями, правилами, что способно приводить к ослаблению волевой сферы, навыков саморегуляции поведения и самоконтроля. Воспитанники преимущественно живут настоящим и в настоящем, так как их прошлый жизненный опыт сохраняется в фрагментарном и нередко идеализированном виде, а перспективное, то есть «развернутое в будущее Я», характеризуется диффузностью, отстранённостью от реальных жизненных практик (грезы) и, следовательно, не может стать для них побудительным стимулом к активности.

К субъективным факторам относят темперамент, характер, сочетание способностей, совокупность смысложизненных целей и др. Оказавшись в непривычной социальной среде, значительная часть детей и подростков переживают дезадаптацию, то есть устойчивое психическое состояние, провоцирующее экспрессивные переживания негативной окрашенности – тревожность, страхи, неуверенность, разочарование и др. [5, с. 10]. Наш опыт показывает, что среди причин дезадаптации личности к социальной среде воспитательного учреждения значимое место занимает сформировавшаяся адаптация к иной социальной среде. В этом случае различные виды агрессии и демонстративное поведение вразрез с требованиями среды часто являются способами отстаивания своей социальной идентичности. Нередко воспитанники отдают предпочтение различным видам агрессии в разрешении даже относительно простых жизненных ситуаций, считая такого рода действия наиболее эффективными, проявляют жестокость, упрямство, конфронтацию, вызов, неготовность к компромиссам, нескольких свою неправоту. Кроме того, в «закрытой» социальной среде учреждения интернатного типа у воспитанников может сформироваться потребительски-иждивенческая установка: «нам должны», «дайте», «предоставьте» и т.п. Одновременно с этим наблюдаются уровень ответственности, недооценка труда и результатов деятельности других людей, нежелание собственными усилиями разрешать свои жизненные проблемы [3; 6].

В психологической литературе приводятся классификации подростковой дезадаптации по различным основаниям. В нашем исследовании мы опирались на следующие критерии:

- масштабы охвата дезадаптацией различных сторон жизнедеятельности воспитанника.

Локальная дезадаптация затрагивает одну какую-либо сторону его жизнедеятельности, а во всех других проявлениях он остается вполне адаптированной личностью. Когда осложнены несколько сторон жизнедеятельности (например, его отношения со сверстниками и со старшими, отношение к общественно-полезной деятельности, отношение к самому себе, отношение к миру в целом и др.) можно говорить о *расширенной дезадаптации*. При *фронтальной дезадаптации* дезорганизованными оказываются все или почти все социальные связи и отношения воспитанника;

- глубина прорастания дезадаптации в структуры личности воспитанника. В частности, девиантные поступки, провоцируемые грубостью, психологическим давлением или бестактностью других участников взаимодействия, когда они не являются следствием серьезных изменений черт характера и миропонимания субъекта, могут свидетельствовать о наличии *поверхностной, ситуативной дезадаптации*. Когда же эти поступки становятся систематическими в данной или схожей ситуации и оказываются в прочной связи с Образом (картиной) мира и Образом «Я в мире», то можно говорить о наличии у индивида *углублённой дезадаптации*. А если индивид практически во всех переживаемых ситуациях избирает девиантные формы поведения как единственно правильные или эффективные, то – о *глубокой дезадаптации*;

- степень открытости проявлений дезадаптации. Дезадаптация может быть *латентной*, то есть малодоступной внешнему наблюдателю. Воспитанник переживает ностальгию, чувства одиночества, обиды, тревоги и другие отрицательные по экспрессивной окраске состояния, но скрывает их от окружающих, имитируя оптимизм. Однако эти переживания рано или поздно прорываются вовне и становятся не только заметными для окружающих, но

и превращаются в серьезное препятствие для адаптационных процессов. В этом случае мы говорим о *демонстративной форме* дезадаптации.

В теоретическом плане можно говорить о нескольких уровнях дезадаптации, каждый из которых определяется рядом характерологических черт: а) воспитанники в целом адаптированные; б) воспитанники с дезадаптацией ситуативного типа; в) воспитанники с дезадаптацией устойчивого типа; г) воспитанники с дезадаптацией глубокого типа. Дезадаптация может проявляться у воспитанников в одной или нескольких областях их жизнедеятельности, в частности: в учебе, во взаимоотношениях со взрослыми, во взаимоотношениях с другими воспитанниками, в отношениях к социокультурным практикам, в самовосприятии и самооценке своего Я, в характерных чертах образа (картины) мира, в отношении к общественным и этическим ценностям. Опираясь на эти критерии, охарактеризуем наблюдаемые нами уровни дезадаптации воспитанников социального Приюта.

Первый уровень – «воспитанники в целом адаптированные». Их нервная система характеризуется относительным балансом процессов возбуждения и торможения, выносливостью, но могут возникать кратковременные проявления тревожности, раздражительности, растерянности, страхов, при общем преобладании позитивного, оптимистического эмоционального настроения. Представители группы хорошо адаптированы к учебному процессу, мотивированы на познавательную деятельность, проявляют умеренное стремление к учебным достижениям. Лишь эпизодически у них возникают срывы в виде невыполненных заданий, рассеянности внимания, легких нарушений памяти и др. Отношения со взрослыми (воспитателями, администрацией и персоналом) в целом ровные, доброжелательные; эпизодически возникающие конфликтные ситуации эффективно разрешаются. Они соблюдают статусно-ролевой баланс, общительные правила и нормы в своих контактах со взрослыми и другими воспитанниками, требования распорядка дня, настроены на диалогическое общение, проявляют дружелюбие, готовность разумному компромиссу и сотрудничеству. Нередко в коллективе воспитанников они нацелены на лидирующие позиции и социальные роли. Обычно эти воспитанники оказываются принятыми и своей социальной группой. Конфликтные ситуации эпизодичны, ситуативны и чаще всего разрешаются путем согласования позиций сторон. Представители этой группы охотно включаются в различные внутри и внеучрежденческие мероприятия, при этом ориентируясь не только на их внешнюю привлекательность или руководствуясь соображениями престижа, материальной или моральной выгоды, но и на возможность личностной самореализации. Для них характерны вполне адекватная или весьма близкая к адекватной самооценка, они способны правильно оценивать свои поступки и проявлять самокритику. Окружающий мир, как правило, воспринимается ими оптимистически, альтруистические гуманистические ценности находятся в «ядре» смысложизненной концепции, но в ситуации нравственного выбора эти воспитанники могут проявить слабость, моральную неустойчивость, соблазниться ситуативными выгодами.

«Воспитанники с дезадаптацией ситуативного типа» характеризуются относительно быстрой утомляемостью при интенсивных нагрузках, но, вместе с тем, они способны к быстрому восстановлению сил после непродолжительного отдыха нервной системы. Имеют место достаточно частые смены настроения, угнетенные, депрессивные состояния. Воспитанники обнаруживают весьма неравномерную учебную успешность, неустойчивые познавательные интересы, их учебные трудозатраты сильно зависят от отношения к конкретной учебной дисциплине и учителю. Внутренняя мотивация учения – относительно слабая, воспитанники нуждаются во внешней стимуляции, часто проявляют невнимательность, рассеянность, забывчивость, эпизодические нарушения дисциплины. Взаимоотношения со взрослыми неровные, по отношению к одним из них занимает лояльная позиция, а к другим – остро критическая, даже критиканская, иногда провоцирующая грубость и конфликты. В целом эти воспитанники достаточно органично функционируют в среде сверстников, хотя их социометрический статус, как правило, располагается на

периферии социометрической матрицы, нередко – на рубеже отвержения. Уровень развития коммуникативных умений и навыков не позволяет наладить полноценное общение со сверстниками и взрослыми. В общественно полезной и творческой деятельности они соглашаются принимать участие лишь в том случае, если сама деятельность или ее результаты представляют для них какой-либо интерес. Однако при этом характер активности – минимизированный, каких-либо признаков инициативы, как правило, не проявляется, выполняются только те участки работы, которые жестко контролируются извне. В самоидентификации, самооценке и проекте перспективного Я наблюдаются разнообразные эпизодические ошибки и сбивки, как в сторону завышения, так и занижения идентификационного образа Я. Ценностная система личности противоречива: в ней в одном ряду с гуманистическими смыслами – любовь, добро, справедливость, красота, честь, достоинство и др. – находятся корысть, стяжательство, выгода, насилие и др. Поэтому представители группы способны проявлять небрежность и равнодушие по отношению к важнейшим человеческим экзистенциалам, к природе, Другим, животным, вещам. Отсутствие устойчивых смысложизненных ценностей ослабляет интроспекцию и способность к самокритике и саморегуляции.

Третий уровень – «воспитанники с дезадаптацией устойчивого типа». Для этой группы воспитанников характерна повышенная утомляемость нервной системы; возможны реакции невротического плана: например, быстрое переключение без внешне наблюдаемых причин от оптимистического настроения к депрессивным переживаниям. Эти воспитанники игнорируют поддерживаемый в учреждении санитарно-гигиенический режим. Познавательные интересы и мотивация учения развиты слабо, отсутствует круг предпочитаемых учебных предметов. Воспитанники проявляют склонность к нарушению дисциплины, их социальная инициатива чаще всего направлена на дезорганизацию воспитательного процесса. Во взаимодействиях с другими (взрослыми и воспитанниками) часто провоцируют конфликты, демонстрируют агрессивность, а кроме того, – злопамятность и мстительность. Коммуникативные умения и навыки развиты слабо. Испытывают серьезные затруднения в выражении своих мыслей и чувств. Не проявляют интереса к общественно полезной и творческой деятельности, а там, где их участие вынуждено внешним принуждением, часто занимают нейтральную позицию или позицию разрушителя. Отношение к собственному Я – противоречивое. Имеет место расхождение между «Я-реальным» и «Я-идеальным», ошибки и сбивки самоидентичности. В центре системы смысложизненных ориентаций находятся гедонистические установки, так или иначе связанные с развлечениями и времяпрепровождением, не требующим затрат интеллектуальных и физических сил. Нравственные ценности выражены слабо и на фоне невысокой (а иногда и примитивной) внутренней культуры побуждают их к проявлению насилия, жестокости, циничности. Не обнаруживают склонности к интроспекции и самокритике, оправдывают себя в любых своих действиях и проявлениях.

У воспитанников «с глубокой дезадаптацией» нервная система быстро утомляется и уже после небольших напряжений нуждается в продолжительном отдыхе. Эти воспитанники переживают повышенный уровень тревожности, активно выражают неудовлетворенность окружающими и социокультурной средой учреждения, проявляют склонность к разрешению имеющихся проблем через открытую агрессию. Их познавательные потребности неразвиты, а отношение к учебной деятельности – пренебрежительное. Вместе с тем они обнаруживают повышенный интерес к социально опасным действиям, наблюдаемым как в жизни, так и различных медиатекстах. Укоренившаяся склонность к различным формам девиантного и делинквентного поведения носит демонстративный характер. Поведенческий репертуар резко сужен и преимущественно опирается на грубость, психологическое давление, нажим и насилие. Воспитанники обнаруживают психологическую готовность к достижению своих целей средствами неприкрытой агрессии, в том числе – и аутоагрессии, включая рассчитанные на внешний эффект суицидальные угрозы. Они достаточно легко впадают в гнев, но их агрессия далеко не всегда импульсивна, а может быть затаённым, отсроченным во времени и тщательно спланированным актом. При реализации задуманного они не переживают чувства

вины и переносят ответственность на других. Нередко они обладают определенными социальными навыками и стараются консолидировать вокруг себя асоциальную группу подростков. Подчеркнуто презрительно относятся ко всякой общественно полезной и творческой деятельности. Если и присутствуют на воспитательных мероприятиях, то циничными репликами и действиями стремятся разрушить позитивную психологическую атмосферу и настрой участников. В психологических переживаниях доминирует внутренний дискомфорт, глубокая фрустрация, деперсонализация (в формах нарушения восприятия собственного «Я» и притупления эмоционально-чувственной сферы) и дереализация (в форме разнообразных нарушений восприятия внешнего окружения). Характерной для этих воспитанников является ориентация на асоциальные и аморальные ценности (антиценности). Токсические вещества, наркотики, сексуальные отношения в грубой форме, преступные действия, неприкрытая вербальная и физическая агрессия и др. наделяются романтическим ореолом, становятся элементом своеобразной идеологии, жизненным кредо.

Каждый тип дезадаптации воспитанников учреждения интернатного типа требует разработки индивидуализированной программы психолого-педагогической коррекции.

Опираясь на опыт работы ГБУСОН РО «СП г. Таганрога», можно говорить о том, что подростки из социально неблагополучных семей проявляют, в большинстве случаев, формы поведения, свойственные дезадаптации ситуативного и устойчивого типов, небольшой процент (8-10%) воспитанников глубоко дезадаптированы, в то время как хорошо адаптированные подростки среди воспитанников Приюта практически не встречаются. Дезадаптация носит фронтальный характер (т.е. дезорганизованными оказываются все или почти все социальные связи и отношения воспитанника) и, как правило, демонстративную форму.

Выводы. Опираясь на многолетний опыт психолого-педагогической работы с детьми и подростками, воспитанниками социального Приюта, мы можем говорить о том, что уровень дезадаптации воспитанника самым существенным образом влияет на эффективность социально-педагогической и социально-психологической работы и, следовательно, определяет то, в какой мере воспитанник сможет усвоить систему ценностных ориентиров современного общества. Уровень дезадаптации определяет также технологии и инструментарий социально-педагогического воздействия.

Таким образом, существует необходимость в разработке дифференцированного подхода к процессу воспитания в учреждениях интернатного типа с учетом личностных особенностей и уровня дезадаптации воспитанников.

Литература

1. Беличева, С.А. Основы превентивной психологии. – М.: Социальное здоровье России, 1994. – 224 с.
2. Змановская, Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения). – М.: Изд. центр «Академия», 2003. – 288 с.
3. Каляева, Ю.А. Формирование коммуникативных умений учащихся начальных классов школы-интерната: автореф. дис. канд. пед. наук. – Магнитогорск, 2002. – 21 с.
4. Лангмейер, Й., Матейчек, З. Психическая депривация в детском возрасте. – Прага: Авиценум 1984. – 344 с.
5. Молодцова, Т.Д. Психология, диагностика и коррекция детских трудностей. – Ростов-н/Д.: Изд-во РГУ, 2005. – 256 с.
6. Психическое развитие воспитанников детского дома. / Под ред. И.В. Дубровиной, А.Г. Рузской. – М.: Педагогика, 2009. – 264 с.
7. Раттер, М. Помощь трудным детям: Пер. с англ. / Общ. ред. А.С. Спиваковской; Предисл. О.В. Баженовой и А.Я. Варга – М.: Прогресс, 1987. – 424 с.
8. Фрейд, А. Теория и практика детского психоанализа. Электронный ресурс: – <http://www.gennadij.pavlenko.name/ex-book?text=503>.

ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАЦИЙ НА ОСНОВЕ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ ПРОГРАММ

Алиева Фериде Гаджихалиловна,
директор МБОУ «СОШ № 1» г. Каспийска Республики Дагестан,
Почётный работник общего образования Российской Федерации,
г. Каспийск Республика Дагестан

Аннотация. В статье рассматривается авторский подход к пониманию преодоления угроз девиаций на основе внедрения в учебный процесс программ «Гармония»: куклотерапии, сказкотерапии, арттерапии и игротерапии. В качестве обоснования выдвинутой и экспериментально подтверждённой гипотезы выделяются позитивные показатели возрастных психологических новообразований. На основе обобщённого анализа отмечается, что проникновение во внутреннюю картину психологических особенностей младшего школьника предоставляет возможность конструирования модели поведения и формирование его психологической безопасности.

Ключевые слова: девиантное поведение, профилактика девиаций, учебные инновационные курсы, ресурсы личностного развития, возрастные закономерности, учебный процесс.

Annotation.

Theoretical and experimental analysis of the problem of prevention of deviations based on the introduction of psychotherapy programs in the educational process is presented. The author's approach to understanding overcoming threats of deviations based on the introduction of "Harmony" programs in the educational process is considered»: doll therapy, fairy-tale therapy, art therapy and game therapy. As a justification for the proposed and experimentally confirmed hypothesis, positive indicators of age-related psychological neoplasms are highlighted. Based on the generalized analysis, it is noted that the penetration into the inner picture of the psychological characteristics of a younger schoolboy provides an opportunity to construct a behavior model and form its psychological safety.

Key words: deviant behavior, prevention of deviations, training innovative courses, resources for personal development, age patterns, educational process.

Постановка проблемы. Проблема профилактики девиаций связана с происходящими экономическими, социальными, политическими процессами. Девиантное (отклоняющееся) поведение представляет деструктивное или аутодеструктивное поведение, имеющее согласно исследованиям учёных (Я.И. Гишинский, Ю.А. Клейберг, Н. В. Майсак, В. Д. Менделевич, Л. Б. Шнейдер) различные формы и типы. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что общим результатом для всех девиаций выступает ухудшение качества жизни. Критерии психологической культуры и безопасности сегодня выдвигаются на первое место, как в государственной политике, так и в системе образования, так как наряду со снижением рождаемости, происходит ухудшение качества здоровья детей, увеличивается уровень социальной дезадаптации и различных вариантов девиантного поведения детей и подростков.

Цель статьи: разработка и внедрение в образовательную практику инновационных программ психотерапевтического основания, направленных на актуализацию ресурсов младшего школьника, обеспечивающих противодействие асоциальному влиянию.

Изложение основного материала исследования. На базе МБОУ № 1 г. Каспийска РД по решению администрации города создана экспериментальная площадка «Гармония» регионального уровня в рамках проекта «Условия обеспечения психологической безопасности личности» под руководством научного консультанта профессора, доктора психологических наук Э.Г. Исаевой.

Человек, находясь в стремительно изменяющихся условиях своего существования, нуждается в помощи и психологической поддержке. Такая поддержка может носить личностную ориентацию, а может относиться и к условиям, в которых осуществляется жизнедеятельность, и, прежде всего, к совершенствованию той среды, в которой осуществляется непосредственное взаимодействие субъекта. Усиление психологических ресурсов и определение психологических «вложений» здесь имеют не меньшую значимость, чем социальные и экономические составляющие. Сегодняшняя социокультурная ситуация дает нам многочисленные примеры негативного влияния внешних условий на становление личности человека. Проявления насильственных действий по отношению к другому достаточно распространены в современном мире. Если ситуации открытых физических насильственных действий являются предметом однозначно осуждаемым, и идет интенсивный поиск средств противодействия им, то психологическое насилие лишь становится предметом обсуждения, как в общественном мнении, так и в научных исследованиях. Особую актуальность приобретает проблема защищенности от психологического насилия и повышение психологической культуры населения в целом.

Роль системы образования в решении отмеченных актуальных проблем современности трудно переоценить. Психологизация образовательной среды в целях сохранения и укрепления здоровья ее участников, создание безопасных условий труда и учебы в образовательном учреждении, защита от всех форм дискриминации, может выступать альтернативой агрессивной социальной среде, психо-эмоциональному и культурному вакууму, следствием которых является рост социогенных заболеваний. Важным условием является обеспечение психологической безопасности и психологической культуры во взаимодействии людей.

В современных условиях становится все более очевидным, что вопросы, связанные с психологической безопасностью, приобретают государственное значение. Неизбежное последствие экстремальных ситуаций – разрушение базовой потребности человека (потребность в безопасности), разрушение стабильности картины мира. Это приводит к тяжелым отсроченным последствиям (невротизация, депрессивные состояния, потеря веры в себя и, самое главное, потеря перспектив) и во многом определяет дальнейшую судьбу не только одного конкретного человека, но и целых социальных групп.

Как правило, психологические последствия социальных действий в чрезвычайных ситуациях оказываются иногда более значимыми по своим социально-психологическим результатам, чем сами события. Эти выраженные отсроченные социально-психологические последствия – потеря веры в эффективность государственных структур, политических лидеров, в само государство и т.д. – являются психологическим базисом, без которого невозможно эффективное функционирование государства. В настоящее время Российская Федерация занимает одно из лидирующих мест по распространенности суицидов среди населения. Примерно половина всех суицидальных попыток совершается лицами молодого возраста до 30-ти лет. Эти факты заставляют нас говорить о психологических аспектах безопасности населения страны и самого государства.

Современное образовательное учреждение может сталкиваться с разными типами кризисных ситуаций. Одни из них локальны и касаются только детей и персонала, другие носят более глобальный характер (стихийные бедствия, война, терроризм и т.д.), либо представлять угрозу физической безопасности, такие как ситуация захвата заложников, обнаружение бомбы и т.д. Модели управления образовательным процессом в современном образовательном учреждении направлены на обеспечение физической, психологической и эмоциональной безопасности и благополучия всех субъектов образовательного процесса. Кризисные ситуации, возникающие в жизни каждого человека, особенно ребенка, требуют специальной подготовки. Владение навыками психологической само- и взаимопомощи в условиях кризисных ситуаций приобретает большое значение не только с точки зрения предупреждения психической травматизации, но также для повышения устойчивости к стрессовым воздействиям и готовности быстрого реагирования в экстремальных ситуациях.

Обеспечение психологической безопасности образовательной среды (безопасная школа, социальное окружение) – необходимое условие нормального развития ребенка. Она обеспечивается целой системой мер и действий: создание доброжелательной и принимающей атмосферы в школе; разработка процедур действия в сложных ситуациях; подготовка персонала; взаимодействие с соответствующими службами.

Цели функционирования экспериментальной площадки: разработать и внедрить комплекс новых образовательных технологий (программ и методик организации педагогической деятельности), способствующих гармонизации и обеспечению психического здоровья личности.

Задачи экспериментальной площадки:

1. Выявление психолого-педагогических условий, способствующих успешной самореализации учащихся, повышению резервных возможностей; нормализация их психофизиологического состояния.

2. Семейное и индивидуальное консультирование, психокоррекция и психотерапия детско-родительских, внутрисемейных и межличностных отношений.

3. Анализ форм и методов, оценки и прогнозирование угроз психологической и информационной безопасности образовательной среды, а также системы противодействия этим угрозам.

4. Разработка и внедрение в образовательном пространстве школы программ дополнительного образования, направленных на актуализацию ресурсов личности школьников.

Этапным результатом опытно-экспериментальной работы экспериментальной площадки является разработка программно-методических материалов: 1 класс – «Куклотерапия»; 2 класс – «Сказкотерапия»; 3 класс – «Арттерапия»; 4 – класс – «Игротерапия».

В оценке сравнительной динамики развития детей под влиянием реализуемой инновационной программы «Гармония», мы опираемся на радиус позитивных сдвигов в картине показателей возрастных психологических новообразований учащихся.

В 1-м классе при включении в учебный процесс «Куклотерапии» (преподаватель З.И. Рустамова) мы диагностировали уровни наглядно-действенного мышления, социальной адаптации и самооценки.

Наглядно-действенное мышление. Активное включение в обучение модели куклы как своего второго «Я» на основе наглядно-действенного мышления через образ куклы и её сопровождение, способствовало пониманию внутреннего смысла изучаемых явлений, выделения признаков и деталей, сопоставления их друг с другом. Дети в совместной деятельности от имени куклы и для нее обучались управлять своим мышлением, ставить мыслительные задачи. Мы выявили, что развитие наглядно-действенного мышления первоклассников на платформе разделённой ответственности со своей куклой реализует дополнительные возможности, таящиеся в процессе интеллектуального развития ребёнка. Эффект разделённой деятельности состоит в развитии умения логично рассуждать, осваивать навыки алгоритмического мышления. В этом мы убедились по результатам теста Р.Б. Кэттела и Р.В. Коана (для младших школьников).

Социальная адаптация. Конкретизация посредством частного примера поведения куклы позволяет первокласснику осуществить переход к стадии формальных операций, которая связана с определённым уровнем развития способности к абстрагированию, т.е. умению позволяет выделить существенные признаки социальных норм и отвлечься от второстепенных признаков (напр., добра и зла) и обобщению. В начале эксперимента дети, которые в качестве своего второго Я выбирали игрушки в образах диких зверей, в игре испытывали сильные эмоции, проявляя присущую предпочитаемым животным агрессивность в поведении. В процессе занятий куклотерапией происходила трансформация внутренней картины развития ребёнка, преодоление отрицательных зон в личности, смещение гнева, недоброжелательности на основе включения защитных механизмов и осознания, что ребёнок не один. Все отмеченные особенности изменения профиля первоклассника выступают проекцией

формирования социальной адаптивности, о чём свидетельствуют и результаты эмпирического анализа по методике -графический тест «Дерево» (К. Кох).

Самооценка. Формирование навыков адекватной самооценки у первоклассников является первоочередной задачей при реализации ФГОС второго поколения. От уровня сформированности самооценки зависит успешность обучения младшего школьника. Куклотерапевтический подход позволяет избежать неадекватного оценивания ребёнком своих возможностей, рассогласования между представлением ребенка о том, каким он себя видит, а также оценкой окружающими его поведения. Это порождает внутренний конфликт, который может вызвать агрессию, ложь и другие негативные проявления у детей.

Оценочная деятельность учителя – основа для формирования самооценки у учащихся начальной школы. Однако, оценочные шкалы учителя тоже не всегда объективны. Поэтому в качестве дополнительного фактора эффективно использовать убеждение ребёнка в наличии соратника, «тёплой» жилетки в образе своей куклы, понимающей и всегда разделяющей «авторскую» точку зрения, т.е. самого ребёнка. В процессе таких занятий допускаются «тайные» диалоги, обращение за советом, доверительные секреты и т.д. Корректное присутствие партнёра по общению без вмешательства во внутренний мир ребёнка способствует целенаправленному развитию самооценки школьников. Согласно нашим наблюдениям и результату по тесту «Лесенка» мы обнаружили, что дети научились осуществлять самоконтроль, с достоинством без ущерба вступать в диалоги, полемику, они перестали ждать неудачи, оценок взрослых, у них повысился уровень притязаний.

Во 2-м классе при включении в учебный процесс «Сказкотерапии» (преподаватель Д.Ф. Гаджимурадова) мы диагностировали уровни эмоционального комфорта, построение «картины» мира и проявления застенчивости-уверенности.

Эмоциональный комфорт. Для второклассника характерна высокая образность и эмоциональность психики. Формирование эмоций содействует более совершенному отношению школьника к окружающему миру, природе и обществу.

Уроки на основе метода сказкотерапии позволили расширить эмоциональный потенциал ребёнка. С помощью сказки мы стремились донести до наших детей то содержание, которое второклассник не в силах осознать и понять с помощью рациональных приемов осмысления. Анализ результатов нашего эксперимента по цветовому тесту отношений (А.Н. Лутошкина) и теста уровня школьной тревожности (Филипса) позволил сделать вывод о том, что сказочные образы воздействуют непосредственно на глубинные структуры личности и подсознания. Использование таких сказок как «Зимовье зверей», «Заяц с рюкзаком». стимулирует развитие позитивных преобразований личности (доброжелательности, смелости) на основе объективации и эмоционального комфорта без противодействия принятию новых правил поведения.

Построение «картины» мира. На базе тестов «Аналогии» и «Матриц Равена» мы убедились, что в ходе проведенных занятий дети бессознательно ассоциировали себя с персонажами и сюжетной картиной мира предлагаемых сказок, т.е. использовали приемы переноса умственных действий и нахождение их по аналогии. На образах сказочных героев обучали воспринимать себя в позитивном свете, осознанно выделять свои индивидуальные характеристики, а также адекватно взаимодействовать с другими участниками класса. Уроки «Без друзей меня чуть-чуть, а с друзьями много», «Зимовье зверей» способствовало развитию коммуникативных умений и навыков в общении как со сверстниками, так и со взрослыми.

Застенчивость-уверенность. Во втором классе у многих детей самооценка в учебной деятельности резко снижается («феномен вторых классов»). Снижение самооценки как знания о себе и отношения к себе, связано с повышением критичности школьников к себе, их возрастной способностью ориентироваться на качество результатов своей учебной работы.

Для изменения самооценки на уроках сказкотерапии мы создавали ситуации уверенности в себе в ролевом поведении. Учили ставить перед собой цели при постановке этюдов и адекватно оценивать свой успех. При проигрывании сказочных фрагментов позволяли детям режиссировать сценарий, создавать новые завершения сюжетов, менять

алгоритм даже классических сказок и театрализовывать представления и оставаться при этом уверенным в себе, преодолевая застенчивость. Мы помогли ребенку осознать свои характерные особенности и предпочтения, понять, что он, как и каждый человек, уникален и неповторим.

Анализ динамики развития детей по методике «Рисунок несуществующего животного» отражает изменения самооценки учащихся в сторону её адекватности по показателям самоуважения, т.е. положительного восприятия себя и отношения к себе, снижения застенчивости и повышения уверенности.

В 3-м классе при включении в учебный процесс «Арттерапии» (преподаватель Н.Ш. Гамзатова) нами диагностировано: произвольность, вербально-логическое мышление и уровень притязаний.

Произвольность К началу третьего класса в некоторой степени утрачивается детская непосредственность, что ослабляет его контакт с той важной составляющей личности, которую психологи называют внутренним ребенком. Поэтому мы использовали арттерапевтические игры, задания и упражнения, открывающие широкие возможности для избавления от психологических проблем.

Отличительная особенность развития ребёнка в третьем классе состоит в его все большей произвольности. С большим интересом принимаются и выполняются все предложения и задания учителя. Проведение сравнительного анализа результатов опросника жизнестойкости Hardiness Survey, разработанного С. Мадди, по показателям вовлечённости, контролю и принятию риска, нас убедило в том, что арттерапевтические занятия обеспечивают развитие способности ребенка произвольно управлять своими психическими процессами, планировать свою деятельность, осознавать причины, вызывающие эмоциональное и физическое напряжение, овладеть своими эмоциями. (Уроки «Всегда ли мы поступаем правильно?», «Сказочный лес» и др.)

Вербально-логическое мышление. Третьекласснику присущи новые возможности вербального мышления, т.е. мышления, оперирующего понятиями. Эта новая стадия когнитивного развития (по Ж. Пиаже). Эти изменения в интеллектуальном развитии мы активно использовали в развивающей работе на основе арттехник: хореотерапии, пантомимы, изотерапии и музыкотерапии. См. уроки «Рисуем настроение», «Арт-терапия на основе мандалотерапии», «Волшебные кляксы». Дети научились выражать свои эмоции и чувства в творческой работе. Особый интерес вызвали уроки «Образ моего страха», «Поговорим о радости». В качестве развития мыслительных приемов использовали выделение смысловых опор, классификацию (графических карточек), сравнение (образ Бабы-Яги и сердитый человек), нахождение общего и различного (музыка и цвет), аналогии (игры «Море волнуется», «Солнечные лучики»).

Согласно диагностике по методике исследования словесно-логического мышления Э.Ф. Замбацявичева, направленной на анализ «умозаключения» существенных и несущественных признаков, мы пришли к выводу, что артуроки предоставляют ребёнку возможность на основе экспрессивного искусства выбирать способы предотвращения своих детских неудач, то есть развивают познавательную рефлексивность.

Уровень притязаний. К середине 3 класса после проведенных занятий самооценка становится более адекватной, структурированной, зрелой и целостной. В процессе артзанятий преодолеваются негативные представления о собственной личности, дети более уверенно общаются в группе, происходит коррекция уровня притязаний на основе осознания последствий реакций в конфликтных или напряженных ситуациях, формирование чувства эмпатии, дружественного отношения друг к другу, их саморегуляция. Дети стали более дружелюбными, с большим энтузиазмом стали откликаться на предложение совместного участия в тех или иных мероприятиях. Наиболее яркими в этом направлении были уроки «Цветочная поляна», «Поговорим о радости», «Мир животных», «Прекрасен мир...».

Начинает развиваться оценочная система, но часто заслоняют объективность оценки эмоции. Оценки и суждения взрослого, донесенные в понятной для детей форме, быстро

превращаются в оценки и суждения самих детей, что подтверждает факт их социализации. По результатам проективного теста «Завершение историй» у детей эмпирической группы позитивно динамизировали на базе экспрессивных форм артвоздействия показатели эмотивности, т.е. отзывчивости и чувствительности к окружающему миру, переживаниям других людей, рефлексии эмоциональных взаимоотношений. Такие проявления формируются только на основе адекватного уровня притязаний.

В 4-м классе при включении в учебный процесс «Игротерапии» (преподаватель Г.Б. Гулималиева) нами диагностировано: познавательная рефлексия, внутренний план действий и утверждение Я-концепции.

Познавательная рефлексия. Мы использовали игротерапию, являющуюся психотерапевтическим методом, который базируется на применении ролевой игры в качестве из наиболее интенсивных методик. В программу включали игры, направленные на развитие анализа, синтеза, обобщения знаний и умений, необходимых для доброжелательного общения, а также решения жизненных проблем.

Анализ поведения детей на уроках «Светлые и темные качества человека», «Учимся прощать обиды», «Я в мире людей» позволил нам сделать вывод о формировании у учащихся экспериментальной группы такого интеллектуального умения, как рассуждение, т.е. интеллектуальной рефлексии. Это заключение подтвердила и диагностики индивидуальной меры рефлексивности учащихся. Развитие рефлексивных умений у младших школьников на занятиях игротерапии, особенно на уроках «Как бороться со злостью», «Моя планета», выразалось в том, что дети отрефлексировали свои эмоциональные реакции на возникающие трудности в учебной деятельности, и стали рассматривать их всего лишь как временные и преодолимые явления.

Внутренний план действий. Внутренний план действий (ВПД), или просто способность выполнять действия в уме, представляет собой ключевое условие для развития интеллекта. В ситуации эмоциональной раскованности и безопасности в процессе игрового тренинга на уроках «Светлые и темные качества человека», «Ориентируемся в пространстве», увеличилось число детей у которых актуализировалась возможность ставить цели, намечать пути их достижения и реализовывать задуманное. Мы выявили следующие компоненты ВПД у младшего школьника: умение объяснить в развёрнутой речевой форме результат действий; перенос ранее усвоенного действия в новые условия.

Утверждение Я-концепции. Игротерапия помогла более адекватно оценивать себя со стороны, способствовала появлению произвольной регуляции поведения на основе самооценки, самостоятельному решению конфликтных ситуаций. Так детская непосредственность в этом возрасте, с которой «отвергнутый друг» высказывает свои претензии своему обидчику – это детская черта, а вот переживания у него уже как у взрослого. Также игротерапия помогла узнать, как люди должны себя вести в конкретных ситуациях. Они к концу занятий научились действовать сообща. Такие уроки как «Я в мире людей», «Миссия добра», заставляли задумываться о своих поступках и поступках других детей. Через определенное количество занятий было замечено педагогом изменение климата внутри класса.

Выводы.

1. Психотерапевтическая основа организации работы по профилактике девиаций расширяет возможности актуализации ресурсов в плане выбора стратегии поведения и развития личности.

2. Отмеченные и исследованные нами возрастные стандарты и их позитивная динамика выступают свидетельством эффективности реализуемой нами программы.

Литература

1. Татаринцева А.Ю. Куклотерапия в работе психолога, педагога и логопеда. СПб. Изд-во Речь, 2006.

2. Белинская, Е.В. Сказочные тренинги для дошкольников и младших школьников / Е.В. Белинская. – СПб.: Речь; М.: Сфера, 2008. – 125 с.
3. Копытин, А.И. Терапия искусством в системе образования / А.И. Копытин // Школьный психолог. – 2011. – №1.
4. Саморукова, В.В. Психологическое сопровождение развития эмоциональной сферы младших школьников в условиях творческой активности // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 5-6 – С. 367-371.

УДК: 159.9

БИОЛОГИЧЕСКАЯ ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ КАК МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОЛЬНОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ ГИПЕРАКТИВНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Бабиянц Каринэ Артемовна,
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общей и педагогической психологии
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону

Аннотация. В статье показывается положительная динамика применения метода биологической обратной связи в психологической коррекции и социальной адаптации детей младшего школьного возраста с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью. Показаны результаты положительного изменения бета-и тета ритмов у 50% детей, не имеющих осложнений органического характера. Раскрываются особенности создания сценария, реализованного в специальном аппарате «Реакор» для работы с биологической обратной связью. Даются психолого-педагогические рекомендации для взрослых, работающих с детьми младшего школьного возраста с проблемами гиперактивности и дефицитом внимания.

Ключевые слова: биологическая обратная связь, синдром дефицита внимания, гиперактивность, младший школьный возраст, реабилитация, коррекция, социальная адаптация.

Annotation. This article demonstrates the positive dynamics of the biofeedback method in the psychological correction and social adaptation of primary school children with attention deficit and hyperactivity disorder. The results of a positive change in beta and theta rhythms in 50% of children without organic complications are shown. The features of creating a script, implemented in a special apparatus for working with biological feedback. Psychological and pedagogical recommendations are given for adults working with children of primary school age with problems of hyperactivity and attention deficit.

Keywords: biofeedback, attention deficit disorder, hyperactivity, primary school age, rehabilitation, correction, social adaptation.

Постановка проблемы. Синдром дефицита внимания с гиперактивностью (далее СДВГ) у детей младшего школьного возраста сегодня все чаще рассматривается в контексте школьной и социальной дезадаптации. Диагноз является врачебным заключением, как правило, ставится детским неврологом, и включает в себя обширный спектр нарушений от легких дезадаптаций в процессе школьного обучения до нарушений, граничащих с патологической симптоматикой.

Проявление СДВГ заметно усложняет развитие произвольной саморегуляции школьника. Считается, что в норме, к 6-7 годам произвольная сфера ребенка имеет такое развитие, которое позволяет элементарным процессам саморегуляции и самоорганизации осуществляться в рамках требований школьной программы. На физиологическом уровне уже сформирована миелинизация нервных волокон, продолжается активный процесс формирования межполушарной асимметрии мозга и функциональное развитие всех структурных зон, выражены произвольные процессы управления ретикулярной формацией

функцией внимания, что позволяет в психологическом плане формированию соподчинения мотивов, вычленению таких актуальных способностей как терпение, контроль над сиюминутными импульсами, адекватную возрасту рефлексивность своего поведения и сопоставление своих реакций с требованиями окружающей социальной среды. СДВГ затрудняет школьную адаптацию ребенка особенно в период первого года обучения, поскольку общая гиперактивация коры головного мозга в сочетании с отсутствием физиологического умения концентрировать произвольное внимание длительный период времени в итоге выражается общей дезадаптивной поведенческой реакцией на уроках, повышенной непоседливостью, разговорчивостью, либо заторможенностью, нарушением дисциплины, что ведет к невозможности пребывания ребенка на традиционных уроках и является частой причиной неудовлетворительной оценки школьными педагогами.

Дети с аутистическим спектром поведения, дети с синдромом Туретта, с сильно выраженным заиканием, с общей задержкой психического и речевого развития, дети с органическими поражениями нервной системы в результате перинатальной и постнатальной травматизации имеют наряду с отклоняющимся гиперактивным поведением и рассеянным вниманием еще и физиологические очаги (мышечные треморы, спастичность) требующие дополнительного медикаментозного вмешательства, долгой специальной дефектологической коррекции, особого педагогического отношения, осуществляющегося по принципам инклюзии. Следовательно, неоднозначным является проявление данного синдрома гиперактивности с нарушением внимания, а следовательно, неоднозначным является и воздействие на него.

Традиционными методами психологической интервенции при СДВГ считается сочетание психолого-педагогического воздействия, специальных дефектологических интервенций, медикаментозного воздействия, сочетающегося с аппаратными методиками, помогающими на физиологическом уровне воздействовать на степень нарушения. К таким аппаратным методикам относятся традиционные методы физиотерапии и массажа, и в последнее десятилетие очень активно входят в практику методы нейрорегуляции и биоуправления, такие как транскраниальная терапия, биологическая обратная связь, томатис-терапия.

Цель статьи раскрыть возможности биологической обратной связи в формировании процессов саморегуляции у детей с повышенной активностью и нарушением внимания, которые выражаются в школьной и социальной дезадаптации.

Изложение основного материала исследования. Технология «Биологическая обратная связь» чаще имеет международное название «Biofeedback». Это комплекс психофизиологических процедур, заключающихся в считывании физиологических показаний пациента и подаче обратной связи по принципу «физиологического зеркала» при реализации программного обеспечения. По сути, такой комплекс необходим для формирования новой психофизиологической реакции, которая, в последствии, закрепляется в поведенческом навыке и переносится в повседневную жизнь ребенка, помогая ему избежать социальной разобщенности со сверстниками и взрослыми, структурируя его когнитивные навыки и стабилизируя общую активацию. Метод biofeedback был разработан на основе фундаментальных физиологических исследований И.М. Сеченова (рефлексы головного мозга; идеомоторные акты), И.П. Павлова (вторая сигнальная система), К.М. Быкова (кортико-висцеральные связи), П.К. Анохина (функциональные системы), Н.П. Бехтеревой (теории устойчивых патологических состояний) [1]. Метод развивался на основе нейрopsихологических и полиграфических исследований А.Р. Лурия [1]; исследований о выработке висцеральных условных рефлексов оперантного типа N.E. Miller, L.V. DiCara [6]; исследований о повышении судорожной готовности мозга после усиления сенсомоторного ритма в центральной извилине коры мозга как у животных, так и у человека M.B. Sterman [7]; исследований о способности произвольно изменять параметры своей электроэнцефалограммы при наличии обратной связи об их текущих значениях J. Kamiya [4]; исследований влияния биологической обратной связи на больных с алкогольной зависимостью Peniston E.G., Kulkosky P.J. [5]; и, конечно, благодаря созданию собственного производства биологической

обратной связи при институте молекулярной биологии и биофизики СО РАМН под руководством М.Б. Штарка [3].

Целью нашего исследования было подтверждение позитивного изменения общего когнитивного и гиперактивационного состояния у детей с СДВГ на примере тренинга бета и тета-ритмов.

Объект исследования. Мы отобрали 10 человек детей младшего школьного возраста от 6 до 9 лет с официальным диагнозом СДВГ без органических осложнений и задержек в развитии, без осложнения другими видами отклонений (как-то: аутистический спектр, запаздывающее развитие, речевые нарушения, органические повреждения).

Методы и методики исследования: метод наблюдения; исследование медицинских карт; метод biofeedback с реализованным сценарием «Бета-тета тренинг»; психологическая коррекция детско-родительских отношений; мониторинг динамики изменений на основе показателей бета и тета-ритма в процессе курсовой динамики, реализованной в аппарате «Реакор» производства МТД «Медиком», г. Таганрог [1].

Для реализации психофизиологической коррекции СДВГ нами были разработаны специальные аудио и видео стимуляции с учетом предпочтений каждого испытуемого ребенка так, чтоб можно было активно изменять сценарий в течении всего курса. В общей сложности, каждый ребенок получил 10 занятий, что по времени составило 2,5 недели (частота посещаемости 3 раза в неделю, по 1 часу, непосредственно сеанс biofeedback составлял 10 минут). В течение курса каждому ребенку подбирался собственный порог аудио и видео чувствительности.

Специфика создания сценария для ребенка с СДВГ:

1 этап. Фоновая регистрация диагностируемых параметров (на примере бета-тренинга). Диагностируется индивидуальный способ реагирования на видео и аудио-стимуляцию, подбираются нейтральные видео и аудио стимуляции для создания спокойного физиологического состояния.

2 этап. Разминка. Объясняется принцип выполнения упражнения, проводятся первые пробы. Подбираются видео и аудио стимуляция, мотивирующие ребенка.

3 этап. Отдых. Подбираются видеоролики, отвлекающие ребенка, позволяющие снять напряжение, переключиться, отдохнуть.

4 этап. Тренировочный. Подбираются видеоролики и музыка, мотивирующие ребенка.

5 этап. Отдых. Подбираются видеоролики, отвлекающие клиента, позволяющие снять напряжение, переключиться, отдохнуть.

6 этап. Тренировочный. Подбираются видеоролики и музыка, мотивирующие клиента.

7 этап. Итоговый. Подбираются нейтральные видео и аудио стимуляции для создания спокойного физиологического состояния.

Способ взаимодействия с ребенком с СДВГ: формирование доверительного контакта, игровой момент в объяснении процедуры, получение согласия на совместную работу, учет возрастных и функциональных особенностей (низкий уровень произвольности, низкая концентрация когнитивных функций, повышенная отвлекаемость, повышенная двигательная активность, импульсивность в поведении).

Особенности съема физиологических параметров: одноканальный показатель ЭЭГ (электроэнцефалография) Fz-Pz (теменная и лобная точки), плюс один индифферентный электрод в виде красивого браслета на запястье ребенка.

Результаты коррекции СДВГ оценивались при помощи курсовой динамики по результатам 10 процедур относительно повышения бета-ритма и снижения тета-ритма, а также путем опроса родителей и учителей относительно поведенческих и когнитивных изменений у ребенка. Подсчет курсовой динамики осуществлялся путем сравнения исходных показателей детей с СДВГ в начале терапии и итоговыми показателями, которые были получены на выходе в завершении работы. Значимым считалось изменение (увеличение бета-ритма и уменьшение тета-ритма) исходных показателей по отношению к итоговым больше чем в 1,2 раза. Данный

прирост показателей и еще более высокие значения считались стабильными; показатели, которые изменились на меньшее количество пунктов, мы рассматривали как нестабильные и находящиеся еще только в процессе развития. Графическое представление курсовой динамики мы видим на рисунках 1 и 2.

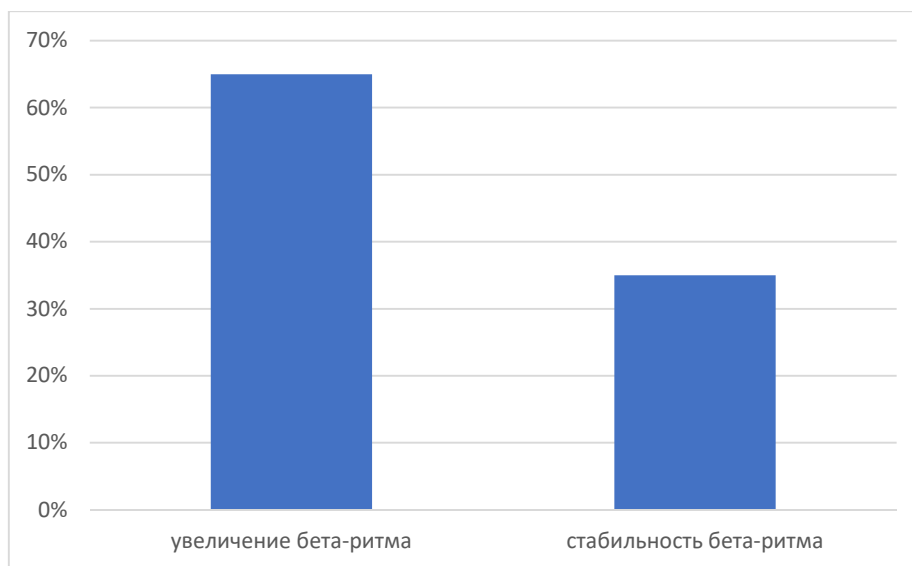

Рисунок 1. Групповые результаты курсовой динамики по показателю «Бета-ритм»

Как видно из рисунка, бета-ритм возрос у 65 % детей с СДВГ в процессе работы от первой к последней процедуре, у 35 % испытуемых не было отмечено стабильного прироста бета-ритма, он остался примерно на том же уровне.

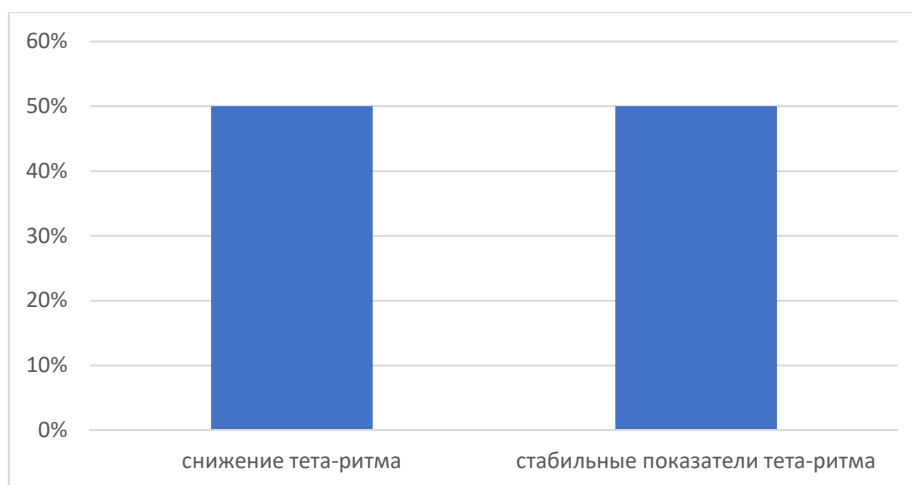

Рисунок 2. Групповые результаты курсовой динамики по показателю «Тета-ритм»

На втором рисунке видно изменение тета-ритма относительно курса в ходе всей реабилитационной процедуры. Только 50% детей снизили тета-ритм. Соответственно, те дети, которые снизили тета-ритм и повысили бета-ритм составляют только 50 % от общей выборки, остальные 15% при существенном повышении когнитивной функции и усилении концентрации внимания, не могут контролировать свои двигательные реакции. Действительно, наблюдения за детьми в ходе коррекционных процедур указывают на необходимость сосредоточения слухового, зрительного и мышечного внимания, при достаточно выраженной внешней расслабленности и внутреннем сосредоточении. Такого баланса трудно добиться за несколько сеансов, необходимо повторение курсовых лечений. Кроме того, индивидуальные особенности нервной системы и характер нарушений, лежащих

в основе СДВГ обуславливает разную скорость формирования нового навыка интеллектуального сосредоточения при мышечной расслабленности и согласованности.

Полученные навыки саморегуляции закреплялись в беседе с ребенком и родителями. Ребенку предлагалось реализовать выученные навыки концентрации внимания и стабилизации гиперактивации в общении со сверстниками и в процессе школьного урока. По возвращении ребенка в реабилитационный кабинет обсуждались удачные поведенческие навыки и корректировались неудачные.

При взаимодействии с родителями детей с СДВГ обращалось внимание на особенности развития таких детей, давались психологические рекомендации и общее заключение по проделанной работе. Вот некоторые из общих правил: необходимость в четкой организации жизнедеятельности, постановка ясных границ поведения, наличие простых и выполнимых правил, обязанностей, наличие постоянного режима дня, помогающего выработать динамический стереотип; избегание чрезмерной стимуляции и перенапряжения ребенка; учебное время разделять по временным промежуткам, не снижая содержательной нагрузки, строить занятия так, чтобы деятельность ребенка была успешной, достижимой, с целью создания ближайшей зоны развития и мотивационного предпочтения; формировать чувство успеха в социальном межличностном взаимодействии, уметь договариваться заранее, давать четкие и простые инструкции, предоставлять возможность выбора, сохранять эмоциональное спокойствие [2].

Вывод. Метод biofeedback очень результативен в коррекции Синдрома дефицита внимания с гиперактивностью для детей младшего школьного возраста без органических осложнений. В 50% случаев применение одного курса коррекции (10 занятий) существенно снижает активность тета-ритма и повышает активность бета-ритма, что влечет за собой снижение социальной дезадаптации: дети становятся спокойнее в межличностном взаимодействии, получают навык концентрации внимания на занятиях, что выражается в зрительном и слуховом сосредоточении, при общей мышечной стабилизации.

Перспективы исследования мы видим в изучении особенностей функционирования нервных процессов и их влияния на эффективность выработки поведенческого навыка в результате процедур biofeedback, а также в сравнительном анализе успешности динамики изменений у детей с осложненными диагнозами СДВГ.

Литература

1. Бабиянц, К.А. Современные и традиционные методы изучения эмоциональных состояний личности (с учётом объективного психологического анализа и тестирования: эгоскопия, БОС). Часть I. Учебное пособие на модульной основе с диагностико-квалиметрическим обеспечением, Ростов-на-Дону, Издательство Южного Федерального Университета, 2009. – 105 с.
2. Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога: Учеб. пособие: В 2 кн. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – Кн. 1: Система работы психолога с детьми разного возраста. – 384 с.
3. Штарк М.Б., Шварц М. Биоуправление-4. Теория и практика. – Новосибирск: ЦЭРИС, 2002. – 350 с.
4. Laibow R. Medical applications of neurobiofeedback // Introduction to quantitative EEG and Neurofeedback. – Eds.: Evans J.R. & Abarbanel A., 1999, Academic Press, p. 83-109.
5. Peniston E. G., Kulkosky P. J. Neurofeedback in the treatment of addictive disorders. //In: Introduction to quantitative EEG and Neurofeedback. – Eds.: Evans J. R. & Abarbanel A., 1999, Academic Press, p. 150-180.
6. Rosenfeld J. P. EEG biofeedback of frontal alpha asymmetry in affective disorders // Biofeedback, 1997, v.25, n.1, p. 10-30.
7. Zimmermann M, Toni I, de Lange FP. Body posture modulates action perception // J. Neurosci. – 2013. – № 33. – p. 593.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ОЦЕНКАХ ПЕДАГОГОВ И УЧАЩИХСЯ КОЛЛЕДЖЕЙ¹

Баева Ирина Александровна,
доктор психологических наук, профессор, академик РАО,
профессор кафедры психологии развития и образования
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург;

Кондакова Ирина Владимировна,
кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры психологии развития и образования
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье представлены эмпирические результаты оценок психологической безопасности образовательной среды студентов и педагогических работников среднего профессионального образования. Дан сравнительный анализ сходств и различий в показателях отношения к образовательной среде, удовлетворенности и защищенности от психологического насилия во взаимодействии со всеми субъектами образовательного пространства у представителей двух исследуемых групп. Доказано, что улучшение качества взаимодействия в диаде «педагог-студент колледжа» можно считать одной из линий профилактики возникновения девиаций в подростковом возрасте.

Ключевые слова: психологическая безопасность, образовательная среда, педагоги, подростки, учащиеся колледжа, девиантное поведение.

Annotation. The article presents the empirical results of assessments of the psychological security of the educational environment of students and teachers of secondary vocational education. A comparative analysis of the similarities and differences in indicators of attitude to the educational environment, satisfaction and protection from psychological violence in interaction with all subjects of the educational space among the representatives of the two groups is given. It is proved that improving the quality of interaction in the dyad "teacher-college student" can be considered one of the lines of prevention of the occurrence of deviations in adolescence.

Keywords: psychological security, educational environment, teachers, adolescents, college student, deviant behavior.

Постановка проблемы. Современные подростки большое количество времени проводят в образовательных организациях, и именно педагоги оказывают значительное влияние на становление личности учащихся. Нарушение во взаимодействии педагога и учащегося может приводить к девиантному поведению. Состояние психологической безопасности субъектов образовательной среды служит профилактикой отклоняющегося поведения подростков. Преподаватели и учащиеся могут по-разному оценивать состояние среды, в которой происходит их общение, поэтому важно выявить сходство и различие данных оценок, для создания эффективных программ профилактики. Наименее исследованной данная проблема является в организациях среднего профессионального образования.

Цель статьи – выявление особенностей оценки психологической безопасности образовательной среды педагогами и учащимися колледжей и техникума.

Изложение основного материала исследования. В современных условиях педагог является одной из самых влиятельных фигур в окружении подростка. Часто это влияние

---

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-013-00553.

отрицается, или снижается его значимость, однако педагоги проводят большее количество времени с обучающимися, чем родители, поэтому их влияние на становление личности подростка оказывается сильнее остальных. Следует отметить, что воспитательная функция является неотъемлемой частью профессиональной деятельности педагога, а формирование личности учащихся, в соответствии с социальными задачами общества, одной из ее приоритетных задач. Принятые поправки в закон «Об образовании в Российской Федерации» подтверждают важную роль воспитательной составляющей процесса образования, и включают воспитание как обязательную часть в образовательные программы всех ступеней образования. В исследованиях установлено, что стиль педагогического общения влияет на становление личностных характеристик в подростковом возрасте, так авторитарный стиль разрушает взаимопонимание между учителем и учащимся, у обучающихся снижаются интеллектуальные возможности, волевые качества и эмоциональная устойчивость. Демократический стиль, наоборот, развивает смелость, самостоятельность и находчивость, либеральный стиль оказывает амбивалентное воздействие.

Выявлено, что психологическая комфортность образовательной среды оказывает влияние на идентификацию учащихся с педагогами. В психологически комфортной образовательной среде ученики легче идентифицируют себя с учителями, перенимают образ мыслей, черты поведения учителей, соответственно, педагоги в таких образовательных организациях имеют больший авторитет в глазах учеников и влияние на развитие личности обучающихся. В некомфортной образовательной среде ученики в меньшей степени отождествляют себя с учителями, педагогам в таких образовательных организациях сложнее выстраивать взаимоотношения с учащимися, воздействовать на их волевые и субъектные качества личности [5].

Проведенный теоретический анализ показал, что взаимодействие в диаде «учитель-ученик» является одновременно и риском, и ресурсом для подростка в зависимости от особенностей этих отношений. Психологически безопасные отношения с педагогом способствуют раскрытию личностного потенциала подростка, являются важным социальным ресурсом, на который подросток может опереться в любой трудной ситуации. Ухудшение этого взаимодействия лишает подростка поддержки, приводит к различным нарушениям в развитии, как самого подростка, так и характера его взаимодействия с коллективом сверстников [1, 2]. Отношения с педагогом, не удовлетворяющие потребности подростков в безопасности, могут быть одной из причин формирования девиантного поведения [4, 7]. Проведенный опрос среди подростков показал, что часто они не готовы открыто говорить о нарушениях своей психологической безопасности во взаимодействии с педагогами, не готовы обращаться за помощью, когда не уверены, что будут поняты и приняты педагогами [3]. Можно предполагать различия в оценках психологической безопасности образовательной среды подростками и педагогами, а их сравнительный анализ поможет решать практические задачи по обеспечению психологических аспектов безопасности в образовательной организации.

Одним из мало исследованных в области психологической безопасности образовательной среды уровней образования является среднее профессиональное образование. Целью данного эмпирического исследования явился сравнительный анализ оценок психологической безопасности образовательной среды педагогами и обучающимися образовательных организаций среднего профессионального образования.

Респондентами выступили педагоги и мастера производственного обучения, а также студенты 1-2 курсов колледжей и техникума одного из субъектов РФ. Общее количество исследованных организаций – 3, общее количество испытуемых составило 810 человек, из них в педагогических работников – 128 человек, студентов – 682 человека.

В качестве методики был использован опросник «Психологическая безопасность образовательной среды школы» И.А. Басовой [6], позволяющий оценить отношение к образовательной среде, удовлетворенность значимыми характеристиками образовательной среды и защищенность от психологического насилия во взаимодействии с другими субъектами образовательной среды.

Уровень психологической безопасности педагогических работников и студентов колледжей

Параметры оценки образовательной среды	Педагоги	Студенты
Отношение к образовательной среде	4,23 ± 0,56***	3,94 ± 0,68***
Удовлетворенность значимыми характеристиками образовательной среды школы	3,86 ± 0,53	3,75 ± 0,93
Защищенность от психологического насилия во взаимодействии с учениками / одноклассниками	3,81 ± 0,93	3,96 ± 1,02
Защищенность от психологического насилия во взаимодействии с коллегами / учителями	4,11 ± 0,77	4,01 ± 1,03
Защищенность от психологического насилия во взаимодействии с администрацией / нет	3,99 ± 0,88	нет
Защищенность от психологического насилия во взаимодействии (средняя)	3,97 ± 0,76	3,98 ± 0,98

Примечание. *** $p \leq 0,001$. Уровень выраженности параметров оценивался по следующей классификации: сумма баллов 1-1,7 – низкий уровень; сумма баллов 1,8-2,5 0 уровень ниже среднего; сумма баллов 2,6-3,3 – средний уровень; сумма баллов 3,4-4,1 – высокий уровень; сумма баллов более 4,1 – очень высокий уровень.

В результате сравнительного анализа оценок педагогов и студентов с помощью t -критерия Стьюдента были получены следующие результаты, представленные в табл. 1, и свидетельствующие о наличии достоверно значимых различий по одному критерию – отношение к образовательной среде. У педагогических работников отношение к образовательной среде значимо выше, чем у студентов. Уровень отношения обучающихся высокий, а у педагогов – очень высокий, то есть педагогические работники более привязаны к образовательной организации, чем обучающиеся, что может являться следствием того, что студенты понимают ограниченность своего пребывания в стенах колледжа или техникума, возможно им сложнее выстроить эффективные межличностные отношения в процессе адаптации к новой образовательной среде, а педагоги нацелены на долгую трудовую деятельность и не планируют переходить в другие образовательные организации.

Удовлетворенность значимыми характеристиками у обеих рассматриваемых групп субъектов образовательной среды находится на высоком уровне, но на уровне тенденции уровень удовлетворенности выше у педагогических работников, чем у студентов. Также можно отметить гораздо более высокие показатели стандартного отклонения у обучающихся, что говорит о большем разбросе значений по уровню удовлетворенности у студентов, чем у педагогов, и свидетельствует о большей поляризации мнений студентов по данному параметру, чем по отношению к образовательной среде.

У педагогов уровень защищенности во взаимодействии с коллегами очень высокий. Все остальные уровни защищенности у преподавательского состава и обучающихся являются высокими. Средний уровень защищенности от психологического насилия во взаимодействии с обучающимися выше у студентов, чем у педагогических работников, при этом у педагогов выше уровень защищенности при взаимодействии с коллегами. Можно отметить, что педагогам гораздо комфортнее и безопасней взаимодействовать с коллегами, чем с другими субъектами образовательной организации. У них уровень защищенности при взаимодействии с администрацией выше, чем при общении с учащимися. У студентов уровень защищенности при взаимодействии с педагогами выше, чем с одноклассниками. Кроме того, можно отметить также большие значения стандартных отклонений, что также свидетельствует о большем разбросе показателей защищенности у студентов. Получается, что и педагогическим работникам, и студентам комфортнее взаимодействовать с преподавателями, чем с обучающимися.

Таким образом, выявлен высокий уровень психологической безопасности образовательной среды колледжей, как в оценках педагогических работников, так и в оценках

студентов. Значимые различия выявлены только в одном компоненте – отношении к образовательной среде. Для педагогов образовательная среда организаций, в которых они работают, более важна и значима, чем для обучающихся. Возможно, это связано с ограниченным временем пребывания в стенах колледжа / техникума обучающихся, а возможны и иные причины таких различий, которые можно выявить путем анализа компонентов отношения к образовательной среде.

Отношение к образовательной среде рассматривается как единство трех компонентов: когнитивного, эмоционального и поведенческого (волевого), данные по которым представлены в табл. 2 и свидетельствуют о достоверно значимых различиях между педагогами и студентами колледжей по средним значениям когнитивного и эмоционального компонентов.

Анализ данных табл. 2 показывает, что преподаватели выше оценивают собственные возможности к саморазвитию и совершенствованию профессионального мастерства, чем учащиеся. Количество негативно или нейтрально настроенных педагогов по когнитивному компоненту в 2-3 раза ниже по сравнению со студентами колледжей.

Схожие результаты получены и по эмоциональному компоненту. Педагогические работники выше оценивают удовлетворенность сложившимися отношениями в трудовом коллективе, чаще испытывают хорошее настроение при выполнении собственной деятельности и оценивают собственную работу как увлекательную. Можно предполагать, что это связано отчасти с тем, что она позволяет им развиваться, а также способствует социально-экономической устойчивости. Среди учащихся в несколько раз больше, в сравнении с преподавателями, тех, кто негативно или нейтрально оценивает собственное отношение в образовательной среде, то есть им не очень нравится их окружение, они равнодушны к событиям, происходящим в колледже / техникуме, и не считают свое обучение интересным, хотя большинство из них признает такое обучение полезным.

Таблица 2

Сравнительный анализ компонентов отношения к образовательной среде педагогических работников и студентов колледжей

Компоненты отношения к образовательной среде	$\bar{x} \pm \delta$ (баллы)	Отношение к компонентам		
		Позитивное (%)	Нейтральное (%)	Негативное (%)
Педагогические работники				
когнитивный	4,40 ± 0,59***	82**	17**	1
эмоциональный	4,31 ± 0,59***	81,3**	19**	0,7**
поведенческий	3,99 ± 0,93	56**	35	9**
Студенты				
когнитивный	4,04 ± 0,75***	61,5**	35**	3,5
эмоциональный	3,84 ± 0,77***	50**	44**	6**
поведенческий	3,95 ± 0,97	39**	41	20**

Примечание. **p≤0,01, ***p≤0,001

Все это приводит к тому, что больше половины, а именно 61%, студентов, при возможности сменили бы свою образовательную организацию. Пятая часть студентов посещают колледж / техникум по принуждению, они не выбрали бы его сейчас и не хотели бы в него вернуться, если бы у них появился иной выбор. Среди преподавателей, процент негативно и нейтрально настроенных ниже, чем среди учащихся. Более половины педагогов ценят собственное место работы и дорожат им, и даже при изменении жизненных обстоятельств выбрали бы его снова.

Также важно обратить внимание, что по поведенческому компоненту больше стандартное отклонение, как у педагогических работников, так и у студентов по сравнению с другими компонентами. Такой разброс в данных связан с тем, что в исследуемых группах достаточно много людей с крайними значениями, то есть много тех, кто имеет высокий и низкий уровни по данному компоненту. По другим компонентам разброс меньше, особенно

среди педагогических работников, что говорит о большем влиянии данных компонентов в целостном отношении к образовательной среде.

Таким образом, достоверно значимые различия в отношении к возможностям, которые дает образовательная среда, и в настроении, в котором пребывают субъекты образовательной среды, приводят к достоверно значимым различиям в целостном отношении к образовательной среде. Можно отметить и близкие средние значения у педагогов по когнитивному и эмоциональному компонентам, у обучающихся минимальные средние баллы имеет эмоциональный компонент. Полученные данные могут приводить и к различиям в удовлетворенности отдельными характеристиками образовательной среды.

Общими исследуемыми характеристиками образовательной среды у педагогов и учащихся были взаимоотношения с учителями, взаимоотношения с учениками, возможность высказать свою точку зрения, уважительное отношение к себе, сохранение личного достоинства, возможность обратиться за помощью, возможность проявлять инициативу и активность, учет личных проблем и затруднений. Только у педагогических работников диагностировалась удовлетворенность эмоциональным комфортом, вниманием к просьбам и предложениям и помощью в выборе собственного решения. Рассмотрим полученные данные, представленные на рисунке 1.

Достоверно значимые различия выявлены только по одной шкале – взаимоотношения с учителями (1) ($p \leq 0,01$). Уровень удовлетворенности выше у педагогов, чем у студентов. Также видим значительные различия в удовлетворенности взаимоотношениями с учениками (2), здесь уровень выше у учащихся, что позволяет заключить, что и педагогам, и студентам комфортней общаться внутри своей группы. Этим видом взаимодействия они удовлетворены более, чем взаимоотношениями с другими субъектами образовательной среды, при этом уровень защищенности выше во взаимодействии с педагогическими работниками. Получается определенное противоречие: не смотря на более высокий уровень защищенности, обучающиеся менее удовлетворены взаимодействием с педагогами, чем с другими студентами.

В целом, у испытуемых обеих групп все параметры удовлетворенности образовательной средой находятся на высоком уровне. В наибольшей степени и педагогические работники, и студенты удовлетворены сохранением личностного достоинства (5) и уважительным отношением к себе (4), что может косвенно свидетельствовать о высоком уровне защищенности от психологического насилия.

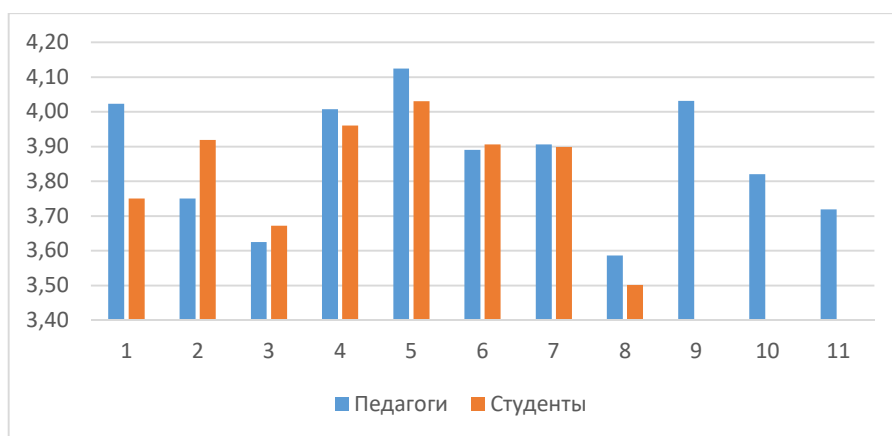

Рис. 1. Удовлетворенность значимыми характеристиками образовательной среды.

Примечание. 1 – взаимоотношения с учителями, 2 – взаимоотношения с учениками, 3 – возможность высказать свою точку зрения, 4 – уважительное отношение к себе, 5 – сохранение личного достоинства, 6 – возможность обратиться за помощью, 7 – возможность проявлять инициативу, активность, 8 – учет личных проблем и затруднений, 9 – эмоциональный комфорт, 10 – внимание к просьбам и предложениям, 11 – помощь в выборе собственного решения.

Уровень выраженности параметров оценивался по следующей классификации: сумма баллов 1-1,7 – низкий уровень; сумма баллов 1,8-2,5 – уровень ниже среднего; сумма баллов 2,6-3,3 – средний уровень; сумма баллов 3,4-4,1 – высокий уровень; сумма баллов более 4,1 – очень высокий уровень.

В наименьшей степени респонденты удовлетворены учетом личных проблем и затруднений (8). Обе группы испытывают недостаток индивидуального подхода при решении различных жизненных ситуаций. Кроме того, испытуемые сравнительно мало удовлетворены и возможностью высказать собственную точку зрения (3). При этом, если у педагогов больше возможностей для учета личных проблем и затруднений, то у студентов больше возможностей высказать собственное мнение.

Можно отметить в достаточной мере совпадающие уровни удовлетворенности различными характеристиками образовательной среды, что с одной стороны, подтверждает теоретический постулат о взаимовлиянии уровней психологической безопасности педагогов и обучающихся, ведь обучающиеся оценивают среду как достаточно комфортную, а значит идентифицируют себя с преподавателями, с другой стороны говорит о важности поддержания высокого уровня психологической безопасности педагога, который выступает важным ресурсом психологической безопасности ученика.

Удовлетворенность тремя характеристиками образовательной среды, которые диагностировались только у педагогических работников, находится на сравнительно высоком уровне по отношению к общим характеристикам. Особенно можно отметить уровень эмоционального комфорта (9), который находится на втором месте по степени удовлетворенности. Этот уровень связан с эмоционально положительным отношением к образовательной среде (см. табл. 2), что в итоге и приводит к более высоким значениям удовлетворенности и значимости образовательной среды для педагогических работников. Поэтому не так много педагогов задумываются о смене места работы, потому что им в большой степени комфортно работать и находиться там, где они работают сейчас. Педагоги и студенты больше удовлетворены взаимоотношениями внутри собственных групп, чем с другими субъектами образовательного пространства. Возможно, это связано с большими уровнями защищенности от психологического насилия во взаимодействии именно с этими группами.

Защищенность педагогических работников от психологического насилия во взаимодействии диагностировалась по 9 показателям по отношению к трем группам субъектов: учащиеся, коллеги и администрация. Защищенность студентов изучалась только во взаимодействии с преподавателями и другими учащимися. Общими параметрами защищенности выступили защищенность от публичного унижения и оскорблений, от угроз, от принуждения делать что-либо против желания, от игнорирования и от недоброжелательного отношения (см. табл. 3). Также у педагогов исследовалась защищенность от оскорбления, от высмеивания, от обидного обзывания и от неуважительного отношения (см. рис. 2).

Таблица 3

Защищенность педагогических работников и студентов колледжей от психологического насилия в образовательной среде

Показатели защищенности от	Участник образовательной среды	Педагоги	Студенты
унижений или оскорблений	учитель	4,00±1,02	4,01±1,11
	ученики	3,80±1,05	3,88±1,15
угроз	учитель	4,33±0,86*	4,11±1,10*
	ученики	3,90±1,03	3,99±1,13
принуждения	учитель	4,02±0,96	3,97±1,19
	ученики	4,10±1,06	4,12±1,08
игнорирования	учитель	4,03±0,93	3,96±1,13
	ученики	3,73±1,15	3,86±1,13
недоброжелательного отношения	учитель	4,03±0,92	3,97±1,15
	ученики	3,70±1,11*	3,93±1,13*

Примечание. * $p \leq 0,05$. Уровень выраженности параметров оценивался по следующей классификации: сумма баллов 1-1,7 – низкий уровень; сумма баллов 1,8-2,5 – уровень ниже среднего; сумма баллов 2,6-3,3 – средний уровень; сумма баллов 3,4-4,1 – высокий уровень; сумма баллов более 4,1 – очень высокий уровень.

Данные, представленные в таблице 3, показывают, что достоверно значимые различия есть только по защищенности от угроз учителей / коллег и недоброжелательного отношения со стороны одноклассников / учеников, что говорит о лучшей защищенности педагогов от угроз коллег и лучшей защищенности студентов от недоброжелательного отношения одноклассников. По остальным шкалам уровень защищенности примерно одинаковый – высокий и очень высокий по шкалам защищенности от угроз со стороны учителя / коллег и от принуждения со стороны одноклассников / учащихся.

Студенты во взаимодействии с педагогами в наибольшей степени защищены от угроз и оскорблений, а в наименьшей степени – от игнорирования. Во взаимодействии со сверстниками обучающиеся лучше всего защищены от принуждения, а менее всего – от игнорирования. Получается, что для студентов колледжей наиболее травматичным способом взаимодействия является игнорирование, именно от него они наименее всего защищены.

Теперь рассмотрим уровни защищенности от психологического насилия для педагогически работников. Данные, представленные на рисунке 3, говорят о том, что все уровни защищенности от психологического насилия во взаимодействии с учениками, коллегами и администрацией являются высокими, кроме уровней защищенности от обидного обзывания во взаимодействии с администрацией (5), от оскорблений (2), высмеивания (3), угроз (4), обидного обзывания (5) и неуважительного отношения (8) со стороны коллег, которые являются очень высокими.

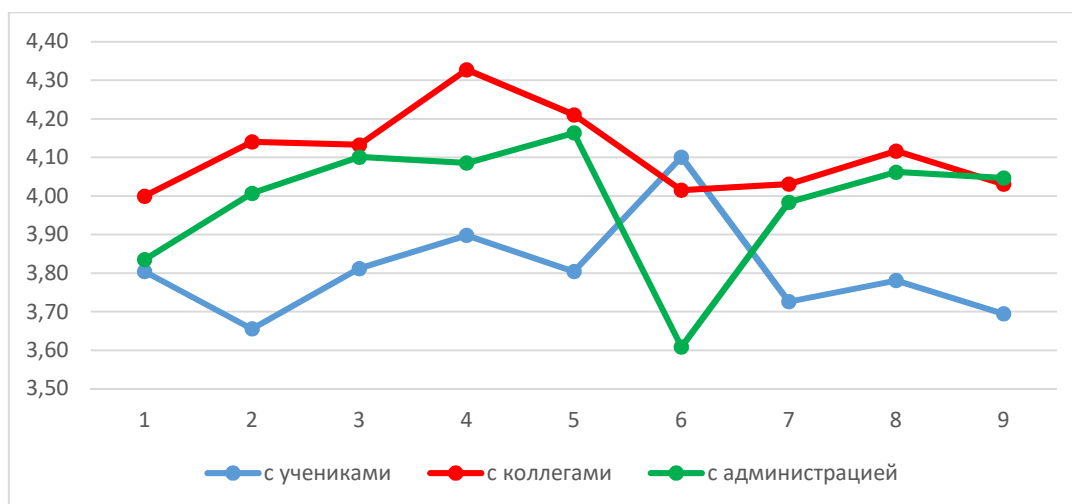

Рис. 2. Защищенность педагогических работников от психологического насилия в образовательной среде во взаимодействии.

Примечание. Защищенность 1 – от публичного унижения, 2 – от оскорбления, 3 – от высмеивания, 4 – от угроз, 5 – от обидного обзывания, 6 – от принуждения, 7 – от игнорирования, 8 – от неуважительного отношения, 9 – от недоброжелательного отношения.

Уровень выраженности параметров оценивался по следующей классификации: сумма баллов 1-1,7 – низкий уровень; сумма баллов 1,8-2,5 – уровень ниже среднего; сумма баллов 2,6-3,3 – средний уровень; сумма баллов 3,4-4,1 – высокий уровень; сумма баллов более 4,1 – очень высокий уровень.

Сравнительный анализ защищенности педагогических работников от психологического насилия во взаимодействии с учениками, коллегами и администрацией выявил следующие достоверно значимые различия в уровнях защищенности:

- между уровнями защищенности во взаимодействии с учениками и коллегами по показателям защищенности от оскорблений (2) ($p \leq 0,001$), высмеивания (3) ($p \leq 0,01$), угроз (4)

- между уровнями защищенности во взаимодействии с учениками и администрацией по показателям защищенности от оскорблений (2) ($p \leq 0,01$), высмеивания (3) ($p \leq 0,05$), обидного обзывания (5) ($p \leq 0,01$), принуждения (6) ($p \leq 0,001$), неуважительного (8) ($p \leq 0,05$) и

недоброжелательного (9) ($p \leq 0,01$) отношения;

- между уровнями защищенности во взаимодействии с коллегами и администрацией по показателям защищенности от угроз (4) ($p \leq 0,05$) и принуждения (6) ($p \leq 0,01$).

Можно отметить, что педагоги считают себя более защищенными от проявлений психологического насилия во взаимодействии с коллегами, чем с учащимися и администрацией, за исключением принуждения (6) и недоброжелательного отношения (9). Они менее всего защищены от принуждения (6) и лучше всего от недоброжелательного отношения (9) со стороны администрации, чем со стороны коллег, что говорит о том, что они часто испытывают на себе давление со стороны администрации, но при этом сохраняются доброжелательные отношения внутри педагогического коллектива.

В отношениях со студентами педагоги лучше защищены от принуждения (6), а менее всего от оскорблений (2) и недоброжелательного отношения (9), что позволяет предположить, что именно через оскорбления и недоброжелательное отношение учащиеся пытаются воздействовать на педагогов, так как напрямую заставить их сделать что-либо они не могут.

В отношениях с коллегами педагогические работники наиболее всего защищены от угроз (4) и обидного обзывания (5), а наименее всего – от публичного унижения (1), принуждения (6) и недоброжелательного отношения (9). В отношениях с администрацией учителя наиболее защищены от обидных обзываний (5) и высмеиваний (3), а наименее всего – от принуждения (6) и публичного унижения (1). Полученные данные позволяют заключить, что именно к публичному проявлению агрессии, указаниям на некомпетентность и принуждению педагоги наиболее чувствительны. При этом открытые угрозы, высмеивания и обидные прозвища практически не встречаются в педагогических коллективах.

Можно сделать вывод, что внутри педагогического коллектива и во взаимодействии с обучающимися педагоги испытывают на себе противоположные способы воздействия в зависимости от методов воздействия, которыми обладают те или иные субъекты образовательной среды.

Выводы. Обобщая полученные результаты, можно сделать следующие выводы об особенностях психологической безопасности образовательной среды в оценках педагогических работников и студентов профессиональных колледжей / техникумов:

- обе исследуемые группы отмечают высокий уровень психологической безопасности образовательной среды, что способствует идентификации обучающихся с педагогами и совпадению их оценок. Достоверно значимые различия получены по 6 параметрам из 26 рассматриваемых в сравнении между педагогами и студентами, что составляет 23% различий. В обеих группах удовлетворенность значимыми характеристиками образовательной среды находится на высоком уровне. В наибольшей степени и педагогические работники, и студенты удовлетворены сохранением личностного достоинства и уважительным отношением к себе, в наименьшей степени они удовлетворены учетом личных проблем и затруднений и возможностью высказать собственную точку зрения;

- у педагогических работников отношение к образовательной среде значимо выше, чем у студентов, и находится на очень высоком уровне. На таком же уровне находится и уровень защищенности во взаимодействии с коллегами, остальные уровни защищенности у преподавательского состава являются высокими. В отношениях со студентами педагоги лучше защищены от принуждения, а менее всего – от оскорблений и недоброжелательного отношения, в отношениях с коллегами наиболее защищены от угроз и обидного обзывания, а наименее всего – от публичного унижения и также от недоброжелательного отношения. В отношениях с администрацией учителя наиболее защищены от обидных обзываний и высмеиваний, а наименее всего – от принуждения и публичного унижения;

- студенты колледжей гораздо чаще, чем преподаватели, негативно или нейтрально оценивают собственное отношение к образовательной среде. 61% студентов при возможности сменили бы свою образовательную организацию. Пятая часть студентов посещают колледж по принуждению, они не выбрали бы его сейчас и не хотели бы в него вернуться, если бы у них появился такой выбор. При этом уровни защищенности от психологического насилия во

взаимодействии с преподавателями и обучающимися являются высокими. Студенты во взаимодействии с педагогами в наибольшей степени защищены от угроз и оскорблений, а в наименьшей степени – от игнорирования. Во взаимодействии со сверстниками обучающиеся лучше всего защищены от принуждения, а меньше всего – от игнорирования.

Таким образом, улучшение взаимоотношений в диаде «педагог-студент колледжа» может способствовать улучшению отношения к образовательной среде в оценках студентов, повышению их уровня удовлетворенности и защищенности взаимодействие как внутри студенческого коллектива, так и с преподавателями, а значит служить профилактикой возникновения и развития девиантного поведения у подростков.

Литература

1. Баева И.А. Модель психологической безопасности подростка в образовательной среде / И.А. Баева, Е.Б. Лактионова, Л.А. Гаязова, И.В. Кондакова // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – 2019. – № 194. – С. 7-18.

2. Баева И.А. Профилактика рисков в образовательной среде, способствующих проявлению девиантного поведения у подростков / И.А. Баева, И.В. Кондакова // Профилактика девиантного поведения детей и молодёжи: региональные модели и технологии. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвящается 75-летию Гуманитарно-педагогической академии. / под редакцией Коврова В.В. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал» (Симферополь), 2019. – С. 259-266.

3. Баева И.А. Психологическая безопасность образовательной среды в оценках современных подростков / И.А. Баева, Л.А. Гаязова // Научное мнение. – 2018. – № 1. – С. 57-62.

4. Коджаспирова Г.М. Взаимоотношения с учителем как одна из возможных причин девиантного поведения детей и подростков / Г.М. Коджаспирова // Человеческий капитал. – 2014. – № 1. – С. 34-38.

5. Лактионова Е.Б. Психологическая комфортность как фактор идентификации учащихся с педагогами в образовательной среде школы / Е.Б. Лактионова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2015. – № 177. – С. 30-35.

6. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении: практическое руководство / под ред. И. А. Баевой. – СПб.: Речь, 2006. – 288 с.

7. Такмакова М.В. Взаимосвязь девиантного поведения подростков и условий обучения в современной школе / М.В. Такмакова: дисс... кандидата психологических наук. – М., 2011. – 293 с.

УДК: 378.1

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЙ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Беганцова Ирина Серафимовна,

кандидат психологических наук, доцент,

доцент кафедры общей и практической психологии

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Арзамасский филиал, г. Арзамас

Аннотация. В статье рассматривается проблема проявлений девиантного поведения в студенческой среде, в частности, в условиях виртуального общения в период пандемии. Рассматриваются поведенческие проявления изменений ценностно-смысловой сферы личности, ее ценностно-нормативной системы.

Ключевые слова: цифровизация, образование, девиантное поведение, ценности.

Annotation. The article deals with the problem of manifestations of deviant behavior in the student environment, in particular, in conditions of virtual communication during a pandemic. The article considers the behavioral manifestations of changes in the value-semantic sphere of the personality, its value-normative system.

Keywords: digitalization, education, deviant behavior, values.

Постановка проблемы. Проблема цифровизации образования в последние годы стала достаточно актуальной. Цифровизация образования с одной стороны расширяет возможности обучающихся в плане самоорганизации, саморегуляции и самоанализа собственной деятельности, с другой она требует изменения познавательной активности студентов, выявляет студентов неадекватно использующих возможности виртуального пространства, использующих ситуацию и теряющих границы в общении с преподавателем.

Сама по себе проблема цифровизации образования в России связана с более широкой проблемой формирования информационного общества, частью которого является и образовательная система [2].

В условиях вынужденного общения в виртуальной реальности в период пандемии актуализировалась проблема проявлений девиантного поведения в студенческой среде.

Целью статьи является описание особенностей проявлений девиантного поведения обучающихся в условиях цифровизации образования.

Изложение основного материала исследования. Вопросы цифровизации обсуждаются целым рядом исследователей в различных контекстах: проблемы информационного характера и управления информационно-образовательной средой рассматривались в трудах таких исследователей как: Ю.Г. Коротенков, О.А. Ильченко, Ж.Н. Зайцева, В.И. Солдаткин, В.В. Гура, Б.П. Сайков и др.

Сам по себе феномен цифровизации в научно-философском контекстах рассматривалась такими авторами как: М.А. Степанова, В.Г. Федотова, А.Л. Никифоров, М.М. Шульман, Д.В. Ефременко, М.Н. Кузьмин, О.В. Летов, Б.Г. Юдин, В.Г. Горохов, А.О. Карпов, С.А. Лебедев, А.И. Ракилов и др.

Ю.С. Борцов, Д.Л. Константиновский, Г.Е. Зборовский и др. понимали этот феномен как универсальную новацию.

Изучение студенчества как социальной группы представлено в работах О.В. Борисовой, М.Б. Глотова, А.В. Дмитриева, С.Н. Иконниковой, О.И. Карпухина, В.А. Куденко, Т.Н. Кухтевич, В.Т. Лисовского, Г.В. Макацария, Т.Э. Петрова, В.Ф. Пугач, Б.Г. Рубина, Л.Я. Рубиной, Ф.Р. Филиппова и др., но как таковая проблема проявлений девиантного поведения обучающихся в условиях цифровизации образования практически не исследована.

В работах Бороноева П.Г. анализируются своеобразные формы проявлений девиантного поведения студенческой молодежи, которые, по мнению автора, «связаны с учебным процессом и характерны только для студенчества. Они включают в себя отклонения от принятых в высшем учебном заведении формальных норм (нерегулярная подготовка к занятиям, пропуск занятий без уважительных причин, наличие академической задолженности «коммерческий» способ получения зачетов и экзаменов и т.д.)» [3]. П.Г. Бороноева также указывает на то, что одним из ведущих факторов девиантного поведения в студенческой среде является усиление прагматизма, как результат изменения ценностно-смысловой сферы личности, ее ценностно-нормативной системы, но и в данном случае речь идет о контактном общении в вузе.

В результате пандемии 2020 года в учреждениях высшего профессионального образования практиковалось дистанционное обучение с использованием различных платформ для проведения онлайн-занятий, а также общение через электронную почту и порталы учебных заведений – все это требовало от субъектов образовательного процесса умения взаимодействовать друг с другом. В данной ситуации в условиях виртуального общения наблюдался целый ряд проявлений девиантного поведения обучающихся, в частности, обучающиеся могли смоделировать на лекциях и практических занятиях отсутствие звука и изображения. Преподаватель не всегда мог

получить обратную связь, хотя было совершенно ясно, что студент его видит и слышит. Кроме того, часть студентов регулярно задерживала время выполнения задания, зачастую присылая их заведомо в то время, когда преподаватель уже не может их проверить.

В ряде случаев имело место использование студентами неадекватных выражений в заданиях, выполняемых им письменно. Возможно, таким образом определенная категория студентов пыталась проверить преподавателей на предмет того насколько внимательно прочитываются присланные работы, но нравственная сторона вопроса свидетельствует о том, что в период неопределенности девиантные проявления у определенной категории студентов, представлявшихся социально адекватными при прямом общении усугубляется. Видимо, это связано с тем, что у определенной категории студентов в данной ситуации наблюдается противоречивость нравственного сознания, проявляющаяся в отношении к социальным нормам, жизненным ценностям и ценности образования, в частности. Девиантные проявления данной категорией обучающихся начинают восприниматься не как аномалия, а как вполне нормальный вариант взаимоотношений.

Выводы. Актуальность проблемы особенностей проявлений девиантного поведения обучающихся в условиях цифровизации образования заключается в том, что в условиях виртуального общения возможны изменения ценностно-смысловой сферы личности, ее ценностно-нормативной системы, противоречивость нравственного сознания, проявляющаяся в отношении к социальным нормам, жизненным ценностям и ценности образования, а также преподавателю как представителю системы образования.

Литература

1. Беганцова И.С. Проблема формирования интернет-зависимости у детей подросткового возраста / И.С. Беганцова, В.С. Маслова / Теория и практика психолого-социальной работы в современном обществе материалы международной заочной научно-практической конференции. Под редакцией Т.Т. Щелиной, Ю.Е. Болотина. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2015. – С. 255-260.

2. Беганцова И.С. Готовность современных студентов к обучению в условиях цифровизации образования / И.С. Беганцова, С.П. Акутина, Т.Т. Щелина / Перспективы и приоритеты педагогического образования в эпоху трансформаций, выбора и вызовов: VI Виртуальный Международный форум по педагогическому образованию: сборник научных трудов. Ч. II. – Казань: Издательство Казанского университета, 2020. – С.58-68.

3. Бороноев П.Г. Проявления девиантного поведения в среде студенческой молодежи в современных условиях: автореферат дисс. ...канд. соц. наук: 22.00.04/ Бурят. гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2007. – 18 с.

УДК: 316.4

ПРОФИЛАКТИКА ШКОЛЬНОГО БУЛЛИНГА И РАСПРОСТРАНЕННЫЕ СТЕРЕОТИПЫ¹

Бочавер Александра Алексеевна,

кандидат психологических наук, научный сотрудник

Центра исследований современного детства Института образования

НИУ «Высшая школа экономики»,

г. Москва

Аннотация. В статье обсуждаются наиболее распространенные мифы о школьной травле. Рассматривается их сходство в нормализации насилия в отношениях между

---

¹ Исследование проведено при поддержке РФФИ, проект № 19-013-00941 «Школьный буллинг: предикторы и последствия».

школьниками, оправдании агрессоров, поддержке бездействия свидетелей травли и обвинении в происходящем жертв травли. Обсуждается значимость преодоления этих стереотипов в обществе и школьных сообществах как первой ступени к снижению частоты эпизодов буллинга и разработке и внедрению антибуллинговых программ в образовательных учреждениях.

Ключевые слова: буллинг, школьная травля, мифы о буллинге.

Annotation. The article discusses the most common myths about school bullying. Their similarity in normalizing violence between school children, justifying aggressors, supporting the inaction of witnesses of bullying, and blaming the victims of bullying for what is happening is considered. The importance of overcoming these stereotypes in society and school communities as the first step to reducing the frequency of bullying episodes and developing and implementing anti-bullying programs in educational institutions is discussed.

Keywords: bullying, myths about bullying.

Постановка проблемы. Несмотря на интенсификацию обсуждений необходимости профилактической работы с травлей в образовательных пространствах в последние годы и появление результатов исследований, свидетельствующих о ее долговременных негативных последствиях как для тех, кто оказался в роли жертвы, так и для тех, кто занял позиции агрессоров и агрессивных жертв, системное решение по предупреждению школьной травли в российских школах до сих пор отсутствует. В статье обсуждаются некоторые мифы о школьной травле, распространенность которых является серьезным препятствием, замедляющим разработку психолого-педагогических программ по предупреждению и прекращению буллинга и затрудняющим их внедрение в отдельных учебных организациях.

Цель статьи. Цель статьи состоит в привлечении внимания к необходимости рефлексии установок по отношению к буллингу (школьной травле) среди сотрудников школ, школьников и их родителей, а также широкой аудитории, потенциально включенной в обсуждения и разрешение ситуаций травли в школе или других образовательных средах.

Изложение основного материала исследования. Школьная травля (буллинг) определяется традиционно через следующие ключевые характеристики: это *целенаправленное агрессивное поведение, регулярно осуществляемое одними и теми же людьми по отношению к одним и тем же людям и происходящее в условиях неравенства силы или власти*. Травля не является вариантом конфликта (который может разрешиться разными способами), не является «игрой» и не представляет собой отдельный эпизод агрессии – это систематический паттерн поведения, принятый в определенном сообществе (школьном классе) и обычно не прекращающийся сам по себе, без специально прикладываемых усилий.

Судя по различным, в том числе литературным источникам, в которых описывается обучение детей в специально созданных для этого учреждениях (школах, гимназиях, приютах и пр.), в отличие от семейного образования с привлечением гувернеров или частных учителей, травля не является феноменом, появившимся в последние годы или десятилетия. Похоже, что школьная травля возникла примерно тогда же, когда собственно школы. Однако долгое время она воспринималась как часть школьной повседневности, тяжелый, но необходимый и развивающий опыт, который дается не всем, но определенным ученикам и предположительно должен их научить различным социальным навыкам (защищать себя, не быть такими чувствительными и пр.).

Обсуждаться в качестве проблемы, нуждающейся в решении, школьная травля стала относительно недавно, в конце XX века, и огромный вклад в этот разворот внес Д. Ольвеус, скандинавский педагог и психолог, разработавший первую и наиболее известную Программу профилактики травли Ольвеуса, сейчас внедренную в школах многих штатов США и на других территориях. В 1993 году он опубликовал книгу «Bullying at school: what we know and what we can do» («Травля в школе: что мы знаем и что мы можем сделать»), и она запустила огромную волну исследований буллинга, которые впоследствии стали дополняться разработками различных профилактических программ.

Одна из основных идей Д. Ольвеуса заключалась в том, что для снижения частоты эпизодов травли в школе нужно помочь всем взрослым участникам перестроить свои способы реагирования на эти ситуации в сторону большей конструктивности – и в то же время меньшей «автоматичности».

Что же влияет на то, как выглядит автоматическая реакция учителей, родителей, одноклассников, директора школы на ситуации, когда один школьник (или школьница) систематически, например, насмехается над другим школьником (школьницей) или портит вещи? Это очень важный вопрос, потому что за ним прячется часть причин того, отчего школы часто склонны сопротивляться разработке программ предупреждения травли и игнорировать возникающие случаи, даже если они многократно подтверждены, освещены в СМИ и активно обсуждаются в заинтересованных родительских и других сообществах.

Итак, многие авторы говорят о том, что существует ряд стереотипов или мифов и школьной травле, которые различаются по содержанию, но сходным образом работают на обвинение жертвы, оправдание агрессоров, безучастность свидетелей и в целом на поддержание ситуации в неизменном виде.

Дарья Кутузова [2] перечисляет семь основных мифов, которые оказывают влияние на восприятие эпизодов буллинга теми, кто оказался поблизости, и в то же время не помогают снизить число таких ситуаций, не поддерживают ценности уважения и взаимопомощи и незаметно способствуют тому, чтобы буллинг в школе не прекращался.

1. «Травля является и всегда будет оставаться нормальной составляющей взросления». Такое убеждение нормализует насилие и обесценивает данные о том, какова психологическая, социальная, соматическая цена участия в буллинге, причем не только для жертвы, но и для агрессора [1].

2. «Учителям легко разобраться, кто в классе обидчик, а кто – жертва травли». Это не так, поскольку помимо бросающихся в глаза проявлений травли (физическая агрессия, испорченные вещи) существуют разные формы исключения (например, из сообществ в социальных сетях), игнорирования или распространение сплетен и слухов, которые привлекают гораздо меньше внимания со стороны взрослых, хотя их ущерб не менее значителен.

3. «Есть такие дети, которых обязательно будут травить, в какой бы социальной группе они ни оказались». Это вариант того, что сейчас называется «виктимблеймингом» – обвинение жертвы в том, что с ней происходит (в силу дефицита социальных навыков, особенностей здоровья, проблем с саморегуляцией и любых других характеристик) и сопряженное оправдание агрессоров. Буллинг является проблемой не отдельного ребенка, а социальной группы, и в разных группах один и тот же ребенок (и взрослый) может получать совершенно разный опыт взаимодействия и иметь разный статус.

4. Травля происходит в любой социальной группе. Это не так, но травля присуща многим принудительно собранным группам, где в основе нет взаимного интереса участников группы друг к другу (одноклассников объединяет общий год рождения и проживание в одном районе). В специализированных классах или группах дополнительного образования травля встречается значительно реже, так как участников объединяют какие-то общие ценности и интересы, а не формальные признаки.

5. «Травля происходит потому, что ребенок чем-то отличается». Это формулировка, к которой обычно обращаются в ситуациях, когда объектом травли становится ребенок с выраженным социальным или физическим отличием от одноклассников, однако любой ребенок чем-то отличается от других, и одна из задач социализации состоит как раз в понимании, признании, учете разнообразия характеров, мотивов, внешности людей.

6. «В ситуации травли задействованы две роли: обидчика и жертвы». Как показывают многочисленные исследования, огромную роль в динамике ситуаций травли (ее эскалации или прекращении) играют свидетели – дети, учащиеся в классе, где происходит травля, дети из других классов, столкнувшиеся с отдельными эпизодами, учителя, работающие с этим классом или имеющие возможность наблюдать взаимодействие в нем, родители школьников

и так далее. Большая часть функционирующих программ профилактики травли признает ведущую роль свидетелей в остановке отдельных ситуаций буллинга и снижении их частоты [4].

7. «Для твоей же пользы»: из опыта травли ребенок извлекает для себя урок». Предполагается, что травля учит ребенка «постоять за себя», научиться сдерживать слезы или гнев, стать менее чувствительным – но на самом деле, судя по разным источникам, опыт пребывания в роли жертвы травли учит тому, что мир опасен, а даже те, кто мог бы помочь и поддержать, этого не делают – то есть страху, недоверию и беспомощности.

М.В. Наймушина и О.В. Муравейская [3] анализируют *основные стереотипы* относительно школьной травли с опорой на особенности российской выборки и предлагают перечень из девяти основных мифов. Они достаточно похожи на приведенные выше, но акцентируют роль учителя в развитии ситуации.

«Школьной травли не существует – это формирование необходимых навыков самозащиты у детей». Аналогично приведенным выше мифам, нормализующим насилие среди детей.

«В последнее время дети стали очень жестокими, и поэтому насилие в отношениях для них норма». Аналогично, с отсылкой к прошлым, якобы более благополучным временам.

«Взрослые не должны вмешиваться в конфликты детей, иначе те никогда не научатся решать их самостоятельно». Установка оправдывает бездействие взрослого обучением детей.

«Чтобы агрессор прекратил агрессивное поведение, нужно его хорошенько наказать». Это достаточно распространенная позиция, усиливающая паттерн выстраивания отношений на неравенстве власти, где меняются роли, и агрессор попадает в роль жертвы агрессии со стороны учителя или родителя: это не учит его быть более дружелюбным, а скорее подкрепляет знание о том, что «кто сильный, тот и прав», усиливая мотивацию всегда оказываться на позиции сильного и презирать слабых.

«Чтобы травли в школе не было, необходимо введение новых мер взыскания для учителей». Взыскание без обучения и поддержки способствует повышению напряжения среди учителей, росту у них тревоги и агрессии, которые будут скорее способствовать учащению эпизодов травли в сочетании с выгоранием педагогов и текучкой кадров в школе с нервным и конкурентным психологическим климатом.

«Жертве просто нужно научиться вести себя иначе, и травля прекратится». Повышение социальных навыков ребенка, ставшего жертвой травли, часто является элементом работы со школьной травлей, однако его одного недостаточно для того, чтобы способы выстраивания отношений принципиально в группе поменялись.

«Плохое поведение детей в школе – проблема родителей, и именно они должны с этим разбираться». Таким образом учителя могут передавать всю ответственность за психологические внутригрупповые процессы родителям, однако те не присутствуют в школе и не могут влиять на ситуацию непосредственно; кроме того, нередко, по данным исследований, и жертвы, и агрессоры являются жертвами домашнего насилия, и такая позиция школы может усиливать уровень насилия вокруг детей, но не снижать его.

«Только в классах у «слабых» учителей может появиться травля». Такой миф помогает упрочить буллинг, перенеся его в отношения внутри педагогического состава и выстраивая неформальную иерархию через агрессию от «сильных учителей» к «слабым». Негативные отношения между педагогами, тем более подкрепляемые руководством школы, усиливают тревогу и агрессию у учащихся, которые становятся свидетелями травли между взрослыми, и тем самым паттерн буллинга закрепляется.

«Травля возможна только в школах с большим количеством неблагополучных детей и мигрантов». Это миф, легализующий ксенофобию и позволяющий сотрудникам школы обвинять в текущем неблагополучном положении дел учеников и их семьи.

Авторы обобщают эти мифы до трех основных стратегий: 1) поиск виноватого, 2) попытки справиться с насилием также насилием, 3) игнорирование проблемы, которые в

основном решают задачу совладания с тревогой у взрослых, столкнувшихся с буллингом среди детей и переживающих беспомощность и нежелание вовлекаться в разрешение ситуации.

На сайте Мел.фм (https://mel.fm/sovet_psikhologa/8962731-bulling_myth) обсуждаются «пять главных мифов о травле», которые включают в себя во многом аналогичные, приведенные выше, пункты:

- «Жертвами становятся дети, которые чем-то выделяются»;
- «Агрессорами становятся дети из неблагополучной среды»;
- «Родители агрессора не станут помогать родителям жертвы»;
- «Агрессор или жертва – это навсегда»;
- «Травля в школе – проблема конкретного ребенка».

Результатов реализации таких и подобных мифов становится разобщение – среди учащихся, среди их родителей, среди учителей, а также повышение напряжения и отстраненности от событий, происходящих в классе. Уровень тревоги и нежелания оказаться на месте жертвы у всех причастных растет, а уровень доверия и желания помогать другим – снижается, это становится косвенным эффектом непрекращающейся травли внутри школьного класса.

В последние 10 лет в России произошли значимые изменения в контексте признания школьной травли как, во-первых, действительно существующего феномена, а во-вторых, действительно имеющего негативные последствия и требующего психолого-педагогического внимания. В СМИ освещаются эпизоды буллинга и кибербуллинга в школах; появляются научные статьи и диссертации, посвященные разным аспектам школьной травли; разрабатываются отдельные программы, направленные на улучшение психологического климата и снижение частоты травли в школьных коллективах. То есть стереотипы о том, что травля нормальна и даже является полезной составляющей взросления, постепенно начинают преодолеваются.

Однако этот процесс начался не так давно, и специалистам важно его поддерживать для того, чтобы появилась почва для заметных изменений в общественном мнении относительно школьной травли и для внедрения антибуллинговых программ в образовательных организациях. Одной важной частью системы предупреждения и прекращения буллинга является *информационно-просветительская работа*, направленная на повышение информированности педагогов, школьных психологов, а также родителей школьников о негативных последствиях буллинга и значимости благополучного школьного климата для социализации и дальнейшего развития детей. Вторым важнейшим компонентом такой системы является разработка *организационно-управленческих мер* по прекращению текущих буллинг-ситуаций, а также обучению школьников, педагогов и руководства школ способам поведения, принципиально отличающихся от буллинга и базирующихся на ценностях уважения, взаимопомощи, индивидуальных различий и психологического благополучия всех участников образовательного процесса.

Литература

1. Бочавер А.А. Последствия школьной травли для ее участников. Психология. Журнал ВШЭ. 2021, принята в печать.
2. Кутузова Д.А. Травля в школе. Мифы и реальность. 2011. [Электронный ресурс]. URL: https://www.e1.ru/articles/kid/page_13/003/439/article_3439.html (дата обращения: 31.07.2020)
3. Наймушина М.В., О.В. Муравейская. Работа с мифологией, поддерживающей школьную травлю. 2017. URL: https://www.b17.ru/article/myths_about_bullying1/
4. Противодействие школьному буллингу: анализ международного опыта / Д.В. Молчанова, М.А. Новикова; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 72 с. URL: [https://ioe.hse.ru/data/2020/02/17/1576788036/CAO%20\(31\)%20электронный.pdf](https://ioe.hse.ru/data/2020/02/17/1576788036/CAO%20(31)%20электронный.pdf)

МЕТАФОРА И ДРУГИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СРЕДСТВА В ПРОФИЛАКТИКЕ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ

Вачков Игорь Викторович,
доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры социальной педагогики и психологии,
факультет педагогики и психологии,
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,
г. Москва

Аннотация

В статье раскрываются психологические характеристики метафоры, знака, символа и образа как особых культурных средств, которые могут эффективно использоваться в профилактике отклоняющегося поведения детей и подростков. Анализируется связь между этими культурными средствами. Описываются направления имажотерапии как отдельного подхода, использующего метафоры, знаки, образы и символы для развития самосознания, что обеспечивает профилактику отклоняющегося поведения.

Ключевые слова: отклоняющееся поведение, метафора, образ, знак, символ, самосознание, имажотерапия.

Abstract

The article reveals the psychological characteristics of the metaphor, sign, symbol and image as special cultural means that can be effectively used in the prevention of deviant behavior in children and adolescents. The relationship between these cultural means is analyzed. The article describes the directions of imagothrapy as a separate approach that uses metaphors, signs, images and symbols for the development of self-awareness, which ensures the prevention of deviant behavior.

Key words: deviant behavior, metaphor, image, sign, symbol, identity, imagothrapy.

Постановка проблемы. Рост количества детей младшего школьного и подросткового возраста, чье поведение можно охарактеризовать как отклоняющееся, диктует необходимость создания надежных диагностических и коррекционных методов, адаптированных к содержанию типичных проблем детей этих возрастов. В последние годы в практической психологии все чаще применяют методы и методики, ориентированные не на измерение, изучение повторяющихся явлений, сопоставление с эталонами поведения, а на выявление качественных проявлений личности, на раскрытие неповторимости ее внутреннего мира, на преодоление возможных искажений результатов в сторону социальной желательности.

Обращение к человеку с позиций качественного познания становится возможным, в частности, через исследование метафоры как культурного психологического средства, позволяющего учитывать своеобразие и уникальность личности, изучать базовые, глубинные структуры психики и влиять на поведение ребенка и подростка.

Преимущества метафоры делают ее особенно эффективным средством изучения содержательных характеристик отклоняющегося поведения детей и помощи им в самоизменении. Однако, несмотря на широкое распространение метафоры в диагностической, коррекционной, развивающей работе, использование метафоры в практической психологии носит фрагментарный, спорадический характер. При этом следует помнить, что кроме метафоры в психологической работе необходимо использовать и другие культурные средства.

Цель статьи – раскрытие психологических возможностей метафоры и других культурных средств для профилактики отклоняющегося поведения детей и подростков.

Изложение основного материала исследования. Среди типов культурных средств имажинативного характера в качестве важнейших мы выделяем четыре: знак, метафору, образ и символ. Все эти понятия тесно взаимосвязаны друг с другом, однако, следует указать и

отличия между ними, которые позволяют в практической психологической работе использовать их по-разному, опираясь на особенности каждого из этих не только лингвистических и культурных, но и психологических феноменов.

Почему же метафору, а также образ, знак и символ можно рассматривать как культурные психологические средства имагинативного характера?

Метафорой может быть слово, выражение, развернутый текст. Однако не внешним строением, а взаимодействием внутреннего и внешнего (содержания и формы) определяется сущность метафоры. Это нечто большее, чем яркий и полезный образ, приводящий к новому пониманию или видению. Метафора требует способности отражения определенной позиции в понимании вопроса и транслирования этого понимания за рамки привычного контекста в систему других образов при сохранении основного значения [3]. Поэтому под метафорой мы будем понимать всю совокупность форм переноса свойств одного объекта (или класса объектов) на другой объект (или класс объектов) через речевые построения, игру, драматизацию, невербальное взаимодействие и т.п., осуществляющихся с опорой на разнообразные образы и сюжеты.

Владение метафорой, включающее умение видеть и создавать ее, дарует человеку способность воспринимать яркие и неожиданные связи между предметами и явлениями мира, даже самыми непохожими, а значит – расширяет его знания.

Благодаря метафоре обогащаются отношения человека с миром – обогащаются хотя бы за счет эстетической составляющей, являющейся ее атрибутом. Эстетизация отношений с миром ведет человека к красоте и гармонии.

Важная роль метафор в психологическом знании определяется и тем достаточно очевидным фактом, что почти все наиболее значимые открытия в естественно-научных и общекультурных областях с помощью метафорических аналогий находили свое отражение в психологических теоретических моделях и концепциях.

Специфические особенности метафоры обеспечивают результативность практической психологической работы с детьми.

В то время как сознание получает свое сообщение (в виде понятий, идей, рассказов и образов), подсознание занято своим делом: разгадкой подтекстов и скрытого смысла. Сознание вслушивается в буквальный смысл рассказываемой истории, в то время как тщательно продуманные и искусно вплетенные в ткань повествования внушения вызывают в подсознании необходимые ассоциации и смещения смыслов, которые, накапливаясь, в конечном итоге переливаются в сознание.

С помощью метафоры можно получить информацию о младшем школьнике или подростке в виде проекции психической жизни ребенка на воображаемый мир. Эффективность метафоры в работе с детьми, например, младшего школьного возраста объясняется еще и тем, что у младших школьников развит механизм идентификации, т.е. процесс эмоционального объединения себя с другим человеком, персонажем и присвоение его норм, ценностей, образцов как своих.

По мнению В.В. Столина и коллег, любое развивающее и психотерапевтическое воздействие в конечном итоге направлено на перестройку самосознания и повышение его уровня [7]. Если это так, то использование в развивающей и психотерапевтической работе метафоризации также будет вести к перестройке самосознания.

По мнению О.А. Свирепо, рассмотрение базовых метафор в качестве кодов культуры является правомерным, поскольку к ним можно приложить следующие характеристики кода, выявленные на материале культурологических и научных текстов: представление информации посредством объединения элементов (в данном случае слов) в целостное образование, которое и является носителем информации, так как сами по себе его элементы не имеют значения; способность передавать обобщенную информацию; иерархический способ конструирования; нацеленность на передачу и хранение уже имеющегося знания, а не на открытие нового; универсальность.

Изначально первичным среди названных культурных средств имажинативного характера следует считать знак. Ю.М. Лотман определял знак следующим образом: «это материально выраженная замена предметов, явлений, понятий в процессе обмена информацией в коллективе» [5]. Он указывал, что существует две группы знаков: условные и изобразительные (иконические). В первую группу попадают те знаки, в которых связь между выражением и содержанием внутренне не мотивирована. Это, прежде всего, слова. Вторую группу образуют такие знаки, в которых значение имеет естественно ему присущее выражение. Очевидно, что речь идет, в первую очередь, о рисунках. Эта позиция несколько отличается от взглядов одного из создателей семиотики известного математика Ч.С. Пирса, который выделял три группы знаков: иконические (это собственно изображения, которые полностью воспроизводят объект), знаки-индексы (это те, что построены на аналогии с объектом – например, дорожные знаки) и, наконец, символы (такие знаки, которые связаны с объектом по ассоциации).

Мы полагаем, что символ все же не сводим к знаку, хотя и порождается им, поскольку символ гораздо сложнее двух названных Пирсом видов знаков. Отличие символа от них принципиально: если знаки связаны с прошлым и настоящим, символ направлен в будущее, так как подразумевает, что зашифрованная в нем информация будет интерпретирована и понята человеком определенным образом. Можно вслед за С.С. Аверинцевым утверждать, что символ имеет более глубокое, чем знак, социально-нормативное (духовное) измерение.

Понятие образа в его психологическом измерении оказывается еще более сложным для определения. Чаще всего это понятие рассматривается как синонимичное картине мира, его отражению в психике. По мнению А.Н. Леонтьева, образ является многомерным психологическим образованием (он выделяет пять его «квазиизмерений»). Ф.Е. Василюк особое внимание уделяет «чувственному образу» [2].

Как указывает О.А. Свирепо, соотношение образа, символа, и метафоры в культуре можно представить в виде системы координат, центральной точкой которой является образ, вертикальным измерением символ, а горизонтальным – метафора. Образ по своей природе целостен и синкретичен, поэтому он может быть пережит, но не может быть понят. Чтобы перейти в пласт понимания он нуждается в вербализации и конкретизации, которые осуществляются посредством символов и базовых метафор. Символы – словарь основных культурных смыслов. Метафора – принцип связи всех элементов реальности в единую картину. При этом построение целостной картины мира осуществляется за счет механизма переноса и уподобления.

В Большом толковом словаре по психологии А. Ребера выделяется два типа символов: универсальный и индивидуальный. Универсальным, по мнению автора, является тот символ, который в психоаналитической теории считается представляющим один объект универсально. Имеется в виду, что такие символы отражают некие базовые компоненты человеческой души. Правда остается неясным, что подразумевается под этими базовыми, исконными компонентами. Если предположить, что такие символы заложены в генотип человека изначально, сразу возникает вопрос: почему же у разных народов символы оказываются очень отличающимися? Трудно найти символы, которые были бы общими, едиными по значению для всех людей.

Индивидуальный символ в указанном словаре определяется как нечто, обозначающее вытесненный предмет, имеющий специфический характер для конкретного индивида и не связанный с универсальными значениями.

Символ и метафору объединяет общая основа – образ, представляющий собою «источник основных семиотических понятий, структура которых создается взаимодействием (органическим или конвенциональным) принципиально разных планов – плана выражения (означающего) и плана содержания (означаемого)» [1, с. 22]. Кроме того, Н.Д. Арутюнова отмечает, что и метафора, и символ являются объектами скорее интерпретации, чем понимания, они безадресны и не имеют иллюкативной силы (и этим отличаются от знака).

Согласно ее точке зрения, концепты метафоры и символа пересекаются, но не являются тождественными. Беря свое начало в образе, метафора развивает значение, которое со

временем может стать лексическим, а в символе, напротив, стабилизируется форма. В метафоре образ не распадается, а в символе образ может распадаться на отдельные признаки (цвет, форму и др.) К тому же, связь означающего (формы) с означаемым (значением) в символе, в отличие от метафоры, конвенциональна. Символ выполняет дейктивную функцию, в то время как метафора – характеризующую. Метафора углубляет понимание реальности, а символ уводит за ее пределы. Развитие метафоры идет по пути семантического обеднения, но большей определенности, а символ, расширяя свое содержание, не становится определеннее. И в конечном счете символ обогащает образ метонимической способностью представлять целое через его часть [1].

Символизация, по определению, может происходить и на аналогической ассоциативной основе. Построение символа такого типа идет, как и у метафоры, посредством концептуальных связей на ассоциациях уподобления сущностей разных классов. Отличие же символа от метафоры заключается в том, что «метафора возникает на базе готового знака как его вторичная моделированная семантизация (путем семантической деривации исходного значения)», а символ представляет собой «сущность, изъятую из ее природных и концептуальных связей и превращенную в знак этих связей, в знак того, с чем она ассоциативно связана» [Там же, с. 194].

И метафора, и символ являются средствами объективации образа, однако они несводимы друг к другу [4]. А.Ф. Лосев замечает, что «всякая метафора имеет значение сама по себе, и если же она на что-нибудь указывает, то только на самое же себя. Она не указывает ни на что другое, что существовало бы помимо нее самой и что содержало бы в себе те же самые образные материалы, из которых состоит метафора» [4, с. 439].

В психологической работе используется много культурных средств имагинативного характера. Помимо метафоры, являющейся основным из этих лингвистических средств, к ним относятся сравнение, метонимия, аналогия. Среди психологических средств имагинативного характера особое значение имеют образ и символ. Чуть более подробно остановимся на использовании образа в процессе имаготерапии.

Под имаготерапией в узком смысле принято считать метод игровой психотерапевтической тренировки больного в воспроизведении определенного комплекса характерных образов, с лечебной целью предложенный И.Е. Вольпертом в 1966 г. Но многие специалисты трактуют имаготерапию более широко: как общий вид психотерапевтических практик, использующих направленное или ненаправленное (фантазийное) воображение образов в процессе терапевтического сеанса.

Имаготерапия основывается на воображении, создании и восприятии чувственных образов. Исследования особенностей чувственного образа, его структуры, его восприятия и переживания клиентом может повысить эффективность имаготерапии, помочь прояснить механизм терапевтических изменений в ее процессе.

Практический интерес может представлять выявление и сравнение особенностей субъективного отношения клиентов к имаготерапии, переживание ими процесса имаготерапии. В исследовании М.А. Сухорученкова «Влияние особенностей структуры имаготерапевтического сеанса на субъективные переживания клиентов», проведенном под нашим руководством, было установлено, что особую роль в эмоциональном отношении клиентов играет такой элемент терапевтической сессии как конструирование и восприятие чувственного образа. Изучение особенностей восприятия и переживания этого образа клиентом, представляет научный интерес и может оказать влияние на повышение эффективности имаготерапевтического сеанса.

Имагинативными направлениями психотерапевтической практики и исследованием этих направлений занимались К.Г. Юнг (метод воображения), Р.А. Джонсон (метод активного воображения), Дж. Хилман, (архетипическая психология), Р. Дезолье (направленное фантазирование), Д. Мюллер-Хегеманн (сознательное управление фантазиями), Дж. Шорр (психоимагинативная терапия), И.Е. Вольперт (имаготерапия), С. Кратохвил (направленное воображение), А. Менегетти (имагогика), Х. Лейнер (кататимно-имагинативная психотерапия,

или символдрама). Методы воображения активно используются и исследуются в рамках других более широких психотерапевтических подходов, таких как эриксоновский гипноз (М. Эриксон, Б. Эриксон, Э. Росси, Ж. Годен, Ж. Беккио, Ш. Жюслен и др.) В нашей стране имажинативные направления психотерапии представляют Я.Л. Обухов (символдрама), М.Р. Гинзбург (эриксоновский гипноз), И.В. Вачков (сказочная имаготерапия) и др.

Косслин, Барталамео, Келлер, Паскаль-Леоне, Ричардсон, основываясь на знаковой теории Пирса, исследовали образ как знаковую систему. Ф.Е. Василюк, опираясь на концепцию сознания А.Н. Леонтьева, описал структуру образа, уровни сознания-переживания, обосновал концепцию жизненных миров сознания [2]. Домасио, Линас, Фаранда и др. изучали связь образа с эмоциями и с физиологическим функционированием головного мозга. Андреасен и Домасио исследовали ментальные образы как часть системы гомеостаза, адаптации и самоактуализации. Бейтсон, Лакофф, Джонсон и др. изучали метафорический характер ментальных образов, их роль в познании нового и в изменении (переосмыслении) прошлого опыта. Ф.Е. Василюк, Ю. Джендлин, Ф.В. Бассин, С. Джонсон и др. занимались изучением переживания как продуктивного психического процесса, направленного на изменение состояния человека (его личности). Позитивные психологи Снайдер, Лопес, Флойд и др. разрабатывали концепт надежды как психологической категории, играющей значительную роль в процессе психотерапии и связанной с процессами воображения.

Существуют и успешно применяются в психотерапевтической практике большое число техник, подходов имажинативной терапии, вместе с тем, лишь некоторые из них находятся в области научных исследований.

Выводы. Положения психолингвистики и психосемантики доказывают влияние метафоризации на развитие аффективного компонента самосознания [6], исходя из этого, выделим ключевые моменты:

- 1) самосознание субъекта невозможно адекватно понять вне конкретного социального контекста, в котором оно было сформировано, реализуется и развивается;
- 2) социально сконструированный мир интернализируется в индивидуальном самосознании, вследствие чего осуществляется лингвистическая объективация (субъективация) себя субъектом и внешнего (по отношению к нему) мира;
- 3) в семантических пространствах субъекта возможно проявление когнитивных конфликтов между конкурирующими системами знаний.

Метафора дает возможность разрешить подобные конфликты путем изменения отношения к внутриличностным процессам и событиям внешнего мира т.к. вырабатывается, определенное Я-отношение как продукт аффективной подструктуры самосознания.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о высокой значимости метафоризации и использования других культурных средств для профилактики отклоняющегося поведения детей и подростков через развитие их самосознания.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / Н.Д. Арутюнова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5-32.
2. Василюк Ф.Е. Модель стратиграфического анализа сознания // Московский психотерапевтический журнал / Ф.Е. Василюк. – 2008. – № 4. – С. 9-36.
3. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал, УРСС, 2004. – 256 с.
4. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф / А.Ф. Лосев. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 479 с.
5. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю.М. Лотман. – Таллин: Ээсти Раамат, 1973. – 135 с.
6. Петренко В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. – 400 с.
7. Столин В.В. Самосознание личности / В.В. Столин. – М.: МГУ, 1983. – 286 с.

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ ПСИХОЛОГА ПО ПРОФИЛАКТИКЕ НАРУШЕНИЙ ЗДОРОВЬЯ МОЛОДЕЖИ¹

Веселова Елена Константиновна,
доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры психологии человека
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург

Коржова Елена Юрьевна,
доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры психологии человека
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург

Аннотация. В профилактике нарушений здоровья молодежи как многоуровневого феномена важно участие специалистов разного профиля, в том числе психологов. Ролевой и личностный уровни этической регуляции профессиональной деятельности психолога предполагают различную степень личностного включения специалиста в профессиональное взаимодействие. На ролевом уровне психологическими механизмами соблюдения этических норм выступают внешние мотивы моральной регуляции, на личностном уровне – внутренние мотивы морального поведения. Делается вывод о необходимости создания программ воспитания личностной зрелости будущих специалистов, обеспечивающей более эффективную деятельность по профилактике соматического, психологического и социального здоровья молодежи.

Ключевые слова: этические аспекты работы психолога; здоровье молодежи; ролевой и личностный уровни этической регуляции профессиональной деятельности психолога; нравственное функционирование личности.

Annotation. In the prevention of youth health disorders as a multi-level phenomenon, it is important to involve specialists in various fields, including psychologists. Role and personal levels of ethical regulation of a psychologist' professional activity assume different degrees of personal involvement of a specialist in professional interaction. At the role level, the psychological mechanisms of compliance with ethical norms are external motives of moral regulation, at the personal level – internal motives of moral behavior. It is necessary to educate a mature personality of future specialists, ensuring a complete moral functioning. It is necessary to create programs for the personal maturity of future specialists' education, providing more effective activities for the prevention of somatic, psychological and social health of young people.

Keywords: ethical aspects of the psychologist' work; youth health; role and personal levels of ethical regulation of a psychologist' professional activity; moral functioning of personality.

Постановка проблемы. Этические проблемы профессиональной деятельности психолога находятся сегодня в центре внимания мировой научно-психологической общественности [2; 5]. Деятельность практического психолога всегда есть нечто большее, чем действия по применению навыков и умений в рамках имеющихся знаний. Этические соображения в ряде случаев предваряют практическое действие, ставят вопрос о его

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 17-29-02438 офи м «Психологические, социальные и средовые ресурсы здоровья учащихся разных ступеней образования в современной России».

допустимости в контексте конкретной ситуации. В настоящее время здоровье молодежи в непростых условиях сегодняшней жизни подвергается многим рискам. Ухудшается физическая подготовка, отмечается немало отклонений в соматическом и психическом здоровье [1], нарастает инфантилизация личности, становятся неопределенными жизненные ориентиры, изменяются традиционные формы межличностного взаимодействия [6].

Здоровье является сложным системным феноменом, обеспечивающим эффективное взаимодействие человека и мира, по-разному проявляющимся на разных уровнях бытия. Согласно разработанной нами ресурсной концепции здоровья, четырехуровневая структура здоровья включает физическое, психическое, личностное и социальное здоровье [3]. Девиантное поведение молодежи связано с нарушениями здоровья на всех уровнях жизнедеятельности. Девиантное поведение в разных сферах жизнедеятельности является существенным фактором риска для здоровья. Поэтому в профилактике девиантного поведения важно участие специалистов разного профиля, в том числе психологов. Такие виды профессиональной деятельности психолога как просвещение, психодиагностика, психопрофилактика могут эффективно осуществляться на ролевом уровне при хорошем знании и исполнении требований этического кодекса. Консультирование и психотерапия, связанные с решением эмоциональных и личностных проблем молодых людей, требуют более глубокого личностного включения в профессиональное взаимодействие. При этом психологические механизмы, обеспечивающие этическую регуляцию в этих двух случаях, будут различными. Понимание этих различий является существенным для всестороннего обеспечения здоровья молодежи.

Целью статьи является сравнение психологических оснований ролевого и личностного уровней этической регуляции профессиональной деятельности психолога в профилактике нарушений здоровья молодежи.

Изложение основного материала исследования. Прежде всего, необходимо сформулировать различие в профессиональном функционировании специалиста на двух разных уровнях, соответствующих разной степени его включенности в профессиональное взаимодействие: ролевой уровень включения, предполагающий этическую регуляцию деятельности профессионала, и личностный уровень, предполагающий более глубокое личностное включение в профессиональное взаимодействие и нравственную готовность специалиста к функционированию на данном уровне.

Соответствующая ролевому уровню этическая регуляция профессионального взаимодействия основывается на моральной ответственности специалиста перед людьми, с которыми он работает, перед коллегами и социумом. Необходимые этические требования закреплены в этическом кодексе психолога. Несмотря на то, что психологи-практики понимают этические нормы и объясняют суть этической ответственности, они признаются, что в некоторых ситуациях они нарушают этические нормы, а некоторые ситуации вызывают у них затруднения, так как никаким образом не регламентируются этически, хотя и требуют этого. Эти ситуации называются этическими дилеммами. Этическая дилемма представляет собой ситуацию морального выбора, выход из которой предполагает лишь взаимоисключающие решения, причем ни одно из этих решений не является безупречным с моральной точки зрения. В ситуации этической дилеммы кто-нибудь да пострадает: либо тот человек, которому оказывается помощь, или его родственники, либо сам специалист, либо будут нарушены какие-либо законодательные установления. Решить вопрос может только зрелый, нравственно сформировавшийся специалист, обладающий опытом и моральной надежностью.

Большой проблемой этической регуляции деятельности практического психолога на ролевом уровне является отсутствие в России специального механизма для внешнего контроля за соблюдением этических норм, нет специальных наблюдательных советов, которые разрабатывают политику и правила защиты участников профессионального взаимодействия. Это большой недостаток этической регуляции, так как даже при хорошем знании этических правил требуется внешний контроль для гарантии безопасности субъектов

профессионального взаимодействия. Требуется также дальнейшее уточнение и усовершенствование самих этических кодексов применительно к деятельности психолога в инновационных сферах образования, например, в инклюзивном и интегративном образовании [5]. Авторы проанализировали Модельный кодекс педагога, предназначенный для этической регуляции деятельности педагогов-психологов и оказалось, что его содержание не отражает специфику работы в новых условиях интегрированного и инклюзивного обучения и нуждается в дополнениях. Исследование показало, что в условиях интеграции и инклюзии возникает целый ряд этических дилемм, которые невозможно разрешить исходя из требований существующих профессиональных этических кодексов, особенно в ситуациях более глубокого погружения специалиста в проблемы особых детей, что необходимо для успеха психолого-педагогического сопровождения субъектов инклюзивного образования. В этих случаях на первый план выходят такие качества личности психолога как нравственная зрелость и моральная надежность, позволяющие ему реализовать в трудных профессиональных ситуациях этических дилемм общие этические принципы.

Для профессионального взаимодействия на личностном уровне требуются не только профессиональные знания и умения, но и нравственная готовность специалиста к более глубокому личностному включению в профессиональное взаимодействие. Нужна также зрелость личности. В психологии давно идет дискуссия о роли личности психолога-консультанта в позитивных изменениях личности клиента, его установках, поведении и т.д. [2]. Существует несколько перечней личностных свойств, определяющих эффективность психологического консультирования и психотерапии. Однако в этих перечнях редко упоминаются собственно нравственные качества, не упоминается моральная надежность, хотя она является важнейшим качеством помогающего специалиста. Моральную надежность можно определить как способность соблюдать требования этического кодекса в самых сложных и непредвиденных ситуациях взаимодействия с людьми в кризисных ситуациях, с клиентами с тяжелыми психологическими состояниями, в ситуациях моральных дилемм. Это качество необходимо для работы в обстоятельствах, связанных с незапланированным удлинением рабочего дня, с выполнением неоплаченных услуг, необходимостью личного участия в бедах и проблемах подопечного лица.

Моральной надежностью обладает зрелая целостная личность. Из списка критериев зрелости личности Г. Олпорта три критерия имеют отношение к нравственному функционированию человека: сложившаяся философия жизни, включающая особые нравственные ценностные ориентации; дифференцированные религиозные чувства, обосновывающие моральный выбор личности; персонализированная (зрелая) совесть [4]. Обладая зрелой совестью, личность приобретает следующие качества: приоритет собственной точки зрения в области морали над точкой зрения общества; личность не подчиняется правилам, несовместимым с велением ее совести и функционирует как независимый нравственный субъект.

В центре профессионального взаимодействия психолога на личностном уровне, будь то консультирование (или психотерапия) находится взаимодействие двух людей, решающим моментом которого является создание отношений доверия между ними. Встреча помогающего специалиста с получающим помощь – это встреча двух личностей, их взаимодействие на общечеловеческом уровне – «лицом к лицу». Значимость, ценность человека как помогающего специалиста определяется тем, какие отношения к людям, к другому человеку, он способен устанавливать. Сегодня и отечественные и зарубежные исследователи пришли к выводу о том, что объяснить нравственное поведение, в том числе профессиональное, можно только рассматривая человека как целостно функционирующего субъекта. Психологический анализ поведения человека в ситуации нравственного выбора показывает, что здесь мы имеем дело с проблемой зрелости индивидуального морального сознания человека, осознание им принятия той или иной этической системы норм и идеалов в контексте более широкой мировоззренческой системы. Важен вопрос о личностном отождествлении человека с теми или иными идеалами, воплощающими соответствующие этические и мировоззренческие

принципы. Совесть, как сенсорная система в сфере морали, задает уровень чувствительности к ситуациям нравственного выбора, иррационально определяет соответствие поступков индивида принятому им образу морального-Я. Если бы человек действовал так, или иначе, под влиянием внешних для него факторов, то его поступки не подлежали бы нравственной оценке, и он сам не нес бы никакой ответственности ни за них, ни за свои мысли. Таким образом, этический идеал и зрелая совесть практического психолога, работающего с проблемами молодых людей с девиантным поведением, важен и как необходимое условие создания воспитательного вектора в профессиональном взаимодействии.

Выводы. Здоровье молодежи является сегодня одной из значимых социальных проблем. Профилактика психологического и социального здоровья может успешно осуществляться с помощью практического психолога. При организации работы психолога с проблемами молодых людей из групп риска необходимо учитывать два различных уровня взаимодействия специалиста с субъектами помощи, соответствующие различным психологическим механизмам регуляции нравственного профессионального поведения. На ролевом уровне специалисту не требуется глубокого личностного включения в профессиональное взаимодействие с клиентом, и психологическими механизмами соблюдения этических норм выступают знание требований этического кодекса и опасение административных санкций за негативные последствия. Для исполнения профессиональных обязанностей на личностном уровне требуется внутренняя мотивация морального поведения, что обеспечивают такие качества как зрелая чувствительная совесть и сформированная позитивная философия жизни. Понимание механизмов целостного нравственного функционирования личности позволит создавать адекватные программы подготовки специалистов-психологов к эффективной профессиональной деятельности по профилактике нарушений соматического, психологического и социального здоровья молодежи.

Литература

1. Беляева, Ю.Н. Психологический профиль студенческой молодежи: уровень стресса и возможности его коррекции // Современные наукоемкие технологии / Ю.Н. Беляева, Г.Н. Шеметова, С.В. Досов, И.В. Дудыкина. – 2019. – № 6. – С. 131-135.
2. Ключева, Н.В. Этическая зоркость психолога-консультанта как способность к распознаванию этических дилемм в профессиональной деятельности // Человеческий фактор: Социальный психолог / Н.В. Ключева, А.Б. Армашова. – № 1 (35). – С. 120-125.
3. Коржова, Е.Ю. Интегральная ресурсная концепция здоровья в контексте отечественных подходов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. / Е.Ю. Коржова, Е.К. Веселова, Т.В. Анисимова, Г.В. Залевский. – 2017. – № 184. – С. 31-44.
4. Олпорт, Г. Становление личности: Избранные труды: Пер. с англ. / Г. Олпорт. – М.: Смысл, 2002. – 462 с.
5. Miklyaeva, A.V. Ethical Regulation as a Problem-Solving Resource Leading to Participant Interaction in the Educational Process in Terms of Integration and Inclusion. Integratsiya obrazovaniya = Integration of Education / A.V. Miklyaeva, E.K. Veselova, G.V. Semenova, E.V. Bakhvalov. – Vol. 23. – № 3. – P. 423-439.
6. Radevskaya, N.S. Educational environment of university - a model of international students socio-psychological adaptation to the ethno-cultural characteristics of society // Journal of Environmental Management and Tourism / N.S. Radevskaya, E.K. Veselova, M.Y. Dvoretzkaya, E.Y. Korjova, L.Y. Monakhova. – 2016. – Vol. 7. – № 2 (14). – P. 291-298.

СОЦИОПРИРОДНЫЕ ФАКТОРЫ В ПОРОЖДЕНИИ И ПРОФИЛАКТИКЕ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА¹

Виноградов Павел Николаевич,
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии развития и образования
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический
университет имени А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье раскрываются психологические условия проявления девиантного поведения в ситуациях нравственно-психологического выбора в социоприродном взаимодействии. Демонстрируется вклад нравственной позиции, ответственности субъекта и понимания степени рискованности экологических объектов в вероятность отклоняющейся активности подростков. Анализируются психологические условия, приводящиеся к экологическому радикализму и экстремизму. Обсуждаются принципы организации профилактической и коррекционной работы с подростками во взаимодействии с природными объектами.

Ключевые слова: девиантная экологическая активность молодежи, экологический экстремизм, экологический радикализм, нравственный выбор, социоприродное взаимодействие.

Abstract. The article considers psychological conditions of deviant behaviour in situations of a moral dilemma in the context of socio-natural interaction. The probability of deviant activities are considered with respect to influences of moral standing, subject's responsibility, and understanding of ecological risks. Analysis is given for psychological conditions leading to environmental radicalisation and extremism. Also discussed are the principles of preventive and correctional work to harmonize teenagers' interactions with natural objects.

Keywords: deviant environmental behaviour of youth; environmental extremism; environmental radicalisation; moral choice; socio-natural interaction.

Постановка проблемы. В массовом молодежном сознании существует противопоставление себя и окружающей природной среды, которая рассматривается как ресурс удовлетворения потребительской потребности, что часто приводит к проявлению экологического радикализма и экстремизма. Поведенческая девиация констатируется через нарушение норм человеческого поведения. Нормы поведения человека во взаимодействии с объектами природы в настоящее время имеют низкий уровень регламентации и относительной мягкостью ограничений. Формулирование и проектирование условий такой регламентации может быть действенной при понимании психологических механизмов определения субъектом психического развития поля активности и выбора позиции и средств социоприродного взаимодействия и готовности молодых людей к осуществлению адекватного выбора.

Целью статьи является обоснование и формулирование психологических условий осуществления человеком нравственно-мотивированного выбора во взаимодействии человека с природными объектами и определении границ отклоняющегося поведения молодежи в городской и естественной природной среде.

Изложение основного материала исследования. Раскрытие роли непосредственной жизненной среды в порождении отклоняющегося поведения человека нашло достаточно полное отражение в исследованиях отечественных и зарубежных авторов. Вместе с тем, нарастающие изменения в структуре жизненной среды, связанные с постепенным замещением

---

¹ Статья выполнена в рамках реализации проекта РФФИ № 19-013-00835 (12/19 РФФИ) «Психологические предпосылки этического выбора в решении задач социоприродного взаимодействия».

природных объектов на созданные человеком в процессе социального производства и акцентирование в них общественной полезности изменило саму суть этой среды жизнедеятельности человека, но не изменило его биологическую природу. По мере интенсификации отношения с природой, которая идет по пути технологизации, экономизации и информатизации, человек существенно изменяет и функциональный строй отношений к природным объектам. Если раньше человек находился в окружении природных объектов, которые порождали определенный строй его отношений с окружающей действительностью, для организации жизнедеятельности ему нужно было придерживаться норм и правил, регулируемых естественными закономерностями, это находило свое отражение и в межлических отношениях – проявлении естественного права. По мере развития человеческого общества и распределения природных объектов при формировании человеческого знания, происходит процесс отчуждения природной сущности объектов жизнедеятельности и превращение (опредмечивание) их в предметный мир человеческого бытия. При этом и право владения и пользования приобретает персонализированный или узкогрупповой характер присвоения, появляется понятие «собственность».

В связи с этим формируется и новый нормативно-правовой порядок. Отклонение от этих норм объявляется вне закона и криминализируется. Постепенное развитие цивилизации, строящейся на основе римско-католического и англо-саксонского права обосновало доминирующее положение человека по отношению к природному миру и закрепило это в общественном сознании. Следствием этого стало пренебрежение не только к природе, неадекватное отражение отношений между человеком и природным миром, но и потребительское отношение к соматической организации самого человека.

По мнению многих моралистов человек должен был терпеть различные выдуманные неудобства мобилизуя свой волевой потенциал. Эффектом такого понимания стало выявление и увеличение различного рода психических и психологических последствий, которые были отнесены к расстройствам и отклонениям. Технологизация, экономизация и информатизация человеческой жизни порождает и новые основания для выявления разного рода девиаций. Только начало XX столетия, благодаря трудам О. Леопольда и А. Швейцера стало возвращать сознание человечества к первородной природной сущности этого мира и этике взаимодействия с ним общества. Это позволило вернуть в повестку научной проблематики социально-гуманитарных исследований вопросов взаимодействия природы и общества как в аспекте развития и деградации социоприродного потенциала человека и общества. Теперь такая актуальная проблема, как происхождение пандемии Covid19 всерьез рассматривает в качестве источников – нарушения безопасности проведения молекулярно-генетических и биотехнологических исследований вирусов, а также непонимание роли экологических связей в межвидовых коммуникациях природных популяций различных животных в передаче вирусных инфекций человеческому обществу. Проведение в сознание человека представления о границах между нормативным и отклоняющимся поведением позволит нам решить и проблему передачи вирусных заболеваний.

Исследования показывают, что наиболее чувствительным ненормативному поведению оказываются люди, начинающие осваивать жизненную среду и социальную реальность, что связывается с развитием человека в период подросткового и юношеского возраста. Расширяя границы своей активности, они ищут предельно допустимые области поощряемого, принимаемого и порицаемого поведения. Общество находится в неопределенном состоянии в понимании оценки многих поступков юношества: с одной стороны – позитивные девиации приводят к социальному прогрессу, с другой – расшатывают стабильность существующего по принятым правилам процесса жизнедеятельности, приводят к дискомфорту.

Идеология современного воспитания поощряет различные попытки новационного поведения молодежи – пусть «репетируют», ведь изменения идут быстро и взрослые не могут предугадать конуры будущего жизненного пространства. Процесс понимания того, что происходит в молодежной среде идет медленно. Например, констатировали существование движения АУЕ в 2016 году, а запретили законодательно только в 2020. Есть определенные

запретные области, в которых действуют жесткие нормы, к таким относится сфера межчеловеческих отношений. Более мягко общество относится к нарушению норм взаимодействия с природными объектами и сфере природы в целом. Именно эта область теперь является пространством эксперимента по становлению гуманистических отношений к природному компоненту нашего существования. И хотя экологический вандализм, преступления против животных теперь подведены под определенные границы приемлемости, но нарушения этих границ чаще фиксируются общественным мнением – обозначаются, но редко наказываются. В конечном итоге медленно приходит понимание, что игнорирование экологических норм – это преступление против человечества и человечности. Более того, экологические нормы еще не стали элементом сознания человека или они носят не жесткий характер. Сейчас именно природная среда становится пространством, в котором человек осознает границы своей свободы, может быть проведена непосредственная диагностика нормативности поведения и склонности к его нарушениям, именно природная среда является сферой рекреации и профилактики психических нарушений человека.

Данный текст рассматривает в первую очередь психологическую экспликацию взаимодействия природных и социальных факторов в порождении отклоняющегося поведения молодого поколения и его профилактики. В первую очередь нас интересуют проблемы этического выбора, который должен осуществить человек в ситуациях взаимодействия с природными объектами, несущего высокую степень экологического риска. Молодой человек зачастую не осознает, что его поведение происходит в пространстве, где существуют границы рискованной активности. Причинные схемы, существующие в его сознании часто построены по принципу «серьезная причина вызывает большие последствия», он не может осуществить адекватную оценку значения произведенных им действий, воспринимая их как случайные, незначительные, а потому причинная схема «не существенная причина – значительные последствия» находится вне поля его понимания. Более того, не всегда складывается и понимание того, что его непреднамеренное индивидуальное поведение может иметь социально значимые последствия.

Еще одной стороной экологической активности, которая стала очевидна в последнее время, стала проблема экологического радикализма и экстремизма, которые также следует рассматривать как формы отклоняющегося и даже противоправного поведения. В это случае, под такого рода экологической активностью часто скрываются различные формы молодежного протеста. Комплекс «опасность – риск – девиация» Эти последствия связаны с появлением экологической опасности. Как указывает Н.А. Васильев «Опасные свойства субъекта (его мысли, мотивы, идеи, убеждения, представления, рассуждения, умственное помешательство) проявляются через опасную деятельность (управление автомобилем, браконьерство, незаконный вылов рыбы) проявляющаяся в процессе использования объектов, обладающей качествами повышенной опасности» [2].

В каждой конкретной ситуации, подросток, оказываясь в окружении определенных экологических объектов, должен оценивать степень риска, исходящего из различных источников и для этого иметь представление о том, что такое экологический риск.

«Под экологическим риском в исследованиях понимается представление субъекта о вероятности неблагоприятного развития того или иного природного процесса или явления при осуществлении человеком деятельности, представляющей опасность как для индивидуума, так и для природной среды» [2].

В ситуации риска важно оценить основания выбора, который осуществляет подросток в ситуациях высокого риска и его связи с проявлением отклоняющегося от норм поведения. В нашем исследовании, проведенном совместно с Н.А. Алешиной [1], подростками в процессе ранжирования были оценены степени риска, которые несут различные объекты окружающей жизненной среды. В этой связи было проведено исследование содержание представлений подростков о ряде экологических понятий в том числе и об экологическом риске, в котором было установлено, что окружающая среда воспринимается ими как объективный фактор, существующий отдельно и вне зависимости от личности человека. Не выявлено осознанного

понимания четких взаимосвязей, существующих в системе «человек – окружающая среда». Четкая формулировка изучаемой нами категории у подростков отсутствовала. При проведении ранговой корреляции названия двух рядов рисков (для человека и для природы) получена слабая отрицательная корреляция ($r = -0,327$, $p < 0,05$). Это позволяет говорить о том, что в сознании подростка объект, характеризующийся как опасный для человека, одновременно классифицируется как неопасный для природы и наоборот. Подобное положение создает условие для отклоняющегося поведения, т.е. создает впечатление о том, что вредное для природы может быть вполне приемлемо, а то и полезно для человека. Расхождение норм поведения, направленного на социальные и природные объекты, создает поле для девиации. Только специальное обучение позволяет изменить установленную тенденцию и сформировать представления о том, что область рисков и опасности для человека и природы имеют общие причины и источники.

Еще одна предпосылка для работы с отклоняющимся поведением молодежи в сфере экологической политики является существование выверенной позиции человека во взаимодействии с природными объектами. Проведенные нами исследования [3], [5], осуществленные с использованием факторного анализа, позволило определить две позиции, существующие в сознании современных подростков: потребительской и берегающей. В этих позициях отражаются сочетание индивидуальных и групповых ценностей (Ш. Шварц), отношение к природе (В.А. Ясвин), экологические установки школьников. Ключевыми различиями в этих позициях стали противоречия в индивидуальных и групповых ценностях, негативизм по отношению к объектам природы, рассматриваемым как условие реализации собственных потребностей и властной позиции, низкий уровень информированности о состоянии жизненной среды в противовес гармоничному сочетанию ценностей на уровне индивидуальных приоритетов и групповых норм, позитивного отношения к природе и пониманием природной среды как условия гармонического развития человека, интересу и прагматическому отношению к природе. Полученные результаты подтверждают предположение о том, что в сознании юношества возникает расхождение во взглядах на природу и общество как на сущности различных порядков. Вместе с тем, есть основания предполагать, что трактовка предлагаемых позиций как негативной и позитивной не всегда корректны. В поведении человека всегда проявляются тенденции демонстрировать поведение, возникающее под влиянием известных и реально действующих мотиваторов и понимание того, что мотивация имеет полифакторный характер. Знание этого и позволяет неоднозначно относиться к массовым проэкологическим митингам европейской молодежи, проходивших по пятницам. Часто, следствием таких собраний являлись и демонстрация крайних радикальных и экстремистских проявлений.

Еще одним индикатором готовности противостоять отклоняющемуся экологическому поведению является наличие высоко уровня ответственности за результаты взаимодействия с природными объектами. Нами исследовались [4] уровни проявления этой личностной характеристики в трех молодежных группах, различающихся по уровню интенсивности отношения к природе: фанатам, доброжелателям и нигилистам. Ответственность мы понимали как форму регуляции деятельности, проявляющуюся в исполнении взятых на себя обязанностей, связанных с ценностями и нравственными нормами человека и предполагающие высокий уровень включенности в изменение субъекта во времени под влиянием принятых обязательств. В результате было установлено наличие существенных различий в понимании ответственности у людей имеющих и не имеющих животных. Мы видим, что понимание ответственности у владельцев домашних животных представляет собой комплекс характеристик, включающих готовность к активным поступкам, принятию обязательств, доверительности, устойчивому проявлению ответственности, самостоятельности и развитию своей ответственности в деятельности. Подростки, не имеющие животных, в меньшей степени включают перечисленные характеристики в свое представление об ответственности, не всегда готовы проявлять самостоятельность и не готовы развивать свое чувство ответственности.

Контент-анализ подростков об ответственности показал, что фанаты и доброжелатели существенно чаще связывают ее с осуществлением поступков, чем нигилисты. Для фанатов ответственность не столько обязанность, сколько способность проявлять доверие и готовность развивать ее в активной деятельности. В группе доброжелателей представление об ответственности достаточно гармонизировано и включает готовность к активной деятельности, к принятию обязанностей, проявлению доверия, развитию и самостоятельности, но выраженность ключевых показателей несколько ниже, чем у фанатов. Нигилисты связывают ответственность с активными поступками, обязанностью и самостоятельностью, но такая ответственность, особенно в отношениях с животными, носит формальный характер, что животные чувствуют, переживают и возвращают в виде агрессивного поведения. Становится ясным, для людей, не имеющих непосредственного контакта с природными объектами, ответственность носит отвлеченный характер, не всегда совместимый с принятием на себя обязанностей, а потому стремлением больше получать, чем отдавать. При столкновениях с реальными природными объектами такие подростки не ранжируют по степени этической приемлемости способы и средства воздействия на природу и часто входят в поле противоправного экологического поведения.

Справедливо встает вопрос о поиске оснований коррекции отклоняющегося экологического поведения молодежи и организации профилактической работы. Существенный вклад в решение этой проблемы внести исследования и практические рекомендации выполненные в институте психологии Герценовского университета [6; 7].

Важнейшей основой начала работы по профилактике отклоняющегося экологического поведения является диагностика представления подростка о мире, степени его открытости и закрытости, реальности и виртуальности, изменчивости и стабильности, лояльности и враждебности, свобод и ограничений. Понимание человеком своего места в этом мире, того, что он «мера этого мира» – есть основа всех основ. Сохранение целостности человеком себя – как ценность. Единство телесного, аффективного, когнитивного и действенно-коммуникативного в результате постоянной работы над собой – первая задача такой профилактики. Именно человек наделяет этот мир простотой и сложностью, легкостью и трудностью. Именно он расставляет границы нормативности: дозволенное – запрещенное, обязательное – дополнительное, жесткое – мягкое. И в этом плане принципы гештальт-терапии, разработанные Ф. Перлзом: осознанность, ответственность, актуальная хронотопность – позволяют выстроить представление об пространственно-временной граничности современного человека. Мы говорили об отсутствии в общественном и индивидуальном сознании жестких границ нормативности социоприродного взаимодействия. Это приводит к представлению о том, что весь мир принадлежит мне, но ответственности за него я не несу, а потому третьей задачей профилактической работы становится осознание общественного характера экологических деяний человека: совершая преступление против природы – он совершает преступление и против других людей, и против себя.

Выводы. Отклоняющееся поведение молодежи в сфере социоприродного взаимодействия является относительно новым предметом научной рефлексии. Проявление таких форм девиации как экологический радикализм, экологический экстремизм и социальные и психологические условия их вызывающие, нуждаются в глубоком исследовании. Представление об опасности противоправного экологического поведения, построение рискологической модели взаимодействия с природными объектами, выбор нравственной позиции и понимание того, что ответственность – перед природой – это и ответственность перед другими людьми – важные, но далеко не исчерпывающие обстоятельства вызывающие нарушения экологического поведения. Более глубокое их изучение позволит построить обоснованную модель профилактической работы.

Литература

1. Алешина Н.А., Виноградов П.Н. Оценка объектов экологического риска школьниками, проживающими на различных территориях. Ученые записки Педагогического

института СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Серия : Психология, Педагогика. – 2011. – № 3-4. – С.27-32.

2. Васильев Н.А. К вопросу о первоисточнике экологической опасности / Н.А. Васильев. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2010. – №7 (18). – URL: <https://moluch.ru/archive/18/1808/> (дата обращения: 18.08.2020)

3. Виноградов П.Н. Нравственная регуляция экологической активности жителей города. Экопсихологические исследования-6: экология детства и психология устойчивого развития: сборник научных статей / отв. ред. В.И. Панов. – Мю: ФГБНУ «Психологический институт РАО», Курск, Университетская книга, 2020. – 548 с.

4. Виноградов П.Н., Мамброян М.А. Представления об ответственности у подростков с разным уровнем отношения к природным объектам как предпосылка этического выбора в социоприродном взаимодействии / Виноградов П.Н. // Актуальные вопросы психологии в исследованиях студентов и аспирантов. Сборник научных статей / под редакцией Е. Н. Волковой. – М.: СВИВТ, 2019. – 106 с. – С. 38-45.

5. Виноградов П. Н., Пархоменко О. Г., Яркин П. А., Ефимова И. А. Ценности и выбор человеком нравственной позиции при взаимодействии с природными объектами. / Журнал «Научное мнение» №11 (Педагогические, психологические и философские науки), 2019. DOI: <https://doi.org/10.25807/PBH.22224378.2019.11.57.63>

6. Девиантное поведение детей и подростков в современных социокультурных условиях. Учебное пособие / под редакцией В.В. Семикина и Н.Н. Королевой. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2013.

7. Инновационные технологии психолого-педагогической помощи подросткам с отклоняющимся поведением. Учебно-методическое пособие / под редакцией В.В. Семикина и Н.Н. Королевой. – Санкт-Петербург, 2016. – 168 с.

УДК 159.922.8, 159.923.5+33

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИОЛЕКТА КАК ФАКТОРА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОТДЕЛЬНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР

Вихляев Александр Александрович,
преподаватель кафедры административной деятельности ОВД
ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»,
г. Москва

Аннотация. Данная статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблематике – социализации современной молодежи посредством вербальных коммуникаций в среде различных социальных групп и общностей, образующих определенный свойственный каждой из этих групп социолект. В статье автор раскрывает актуальные вопросы, касающиеся самоидентификации подростков в современном обществе посредством групповых речевых лексических и стилистических особенностей, характерных для выбранных ими социальных групп; отражает влияние социолекта на поведение и социализацию несовершеннолетних; устанавливает паттерны, позволяющие установить девиации в поведении подростков. На основе проведенного исследования, автор предлагает пути разрешения обозначенных в настоящей статье проблем.

Ключевые слова: социолект, референтная группа, нонконформизм, девиация, социальная дезадаптация, ресоциализация, субкультура.

Annotation. This article is devoted to the current problem of socialization of modern youth through verbal communication in the environment of various social groups and communities that form a certain sociolect characteristic of each of these groups. In the article, the author reveals topical

issues related to the self-identification of adolescents in modern society through group speech lexical and stylistic features characteristic of their chosen social groups; reflects the influence of sociolect on the behavior and socialization of minors; sets patterns that allow to establish deviations in the behavior of adolescents. Based on the research, the author suggests ways to solve the problems outlined in this article.

Keywords: sociolect, reference group, nonconformism, deviation, social maladaptation, resocialization, subculture.

Постановка проблемы. В последнее десятилетие отмечается существенное изменение мировых трендов: от модных веяний и всестороннего внедрения высокотехнологичных гаджетов в повседневную жизнь до существенного изменения и трансформации коммуникативной сферы общения.

Безусловно, молодежь в возрасте 12-20 лет является наиболее активным носителем этих тенденций. Социологические исследования показывают, что в последние годы вектор общения между современными подростками сместился в сторону гипертрофированных социолектических коммуникаций и зависимости от виртуальной среды. При этом апперцептивная сфера в основе своей начинает базироваться на той информации, которую подростки получают из киберпространства.

Виртуальная среда напрямую отражается не только на способности подростков самостоятельно делать заключения о различных явлениях общественной жизни, но и существенно влияет на их коммуникативную сферу.

В процессе коммуникации различные референтные группы молодежи все чаще начинают применять индифферентные фразеологические обороты речи, выражать свою индивидуальность в одежде, укладе и образе жизни.

При этом, киберсреда позволяет молодым людям расширять диапазон своих интересов в различных направлениях жизни современного мирового социума: от позитивных до прямого проявления нонконформизма и отчужденности от установленных в обществе норм поведения.

Склонность к общности с различными группами, образующими субкультурный пласт, играет существенную роль в социализации молодежи. Немаловажное значение в коммуникации подростка с выбранной им референтной группой приобретает свойственный ей социолект.

Влиянию социолекта на формирование статуса подростка в субкультурной общности и свойственных ему тенденциях пойдет разговор в настоящей статье.

Целью статьи является анализ сложившихся трендов, свойственных субкультурным пластам общества, их влияния на формирование и социализацию подростка; установление наиболее важных особенностей, свойственных молодежному социолекту, а также поиск путей в их интерпретации и понимания на современном этапе, как возможности профилактики девиаций и противоправного поведения в подростковой среде.

Изложение основного материала исследования. Развитие современных информационных технологий, доступность получаемой информации, расширение возможностей общения между индивидуумами существенно расширяют спектр межличностных проявлений.

Современным подросткам свойственно выражать себя, противопоставляя свою личность остальному обществу. В одних случаях это противопоставление будет носить яркий, а, зачастую и откровенно агрессивный, оттенок, в других – будет проявлять признаки отчужденности, отстраненности и эскапизма. При этом, развитая интернет-среда и образованное ею киберпространство позволяют одинаково проявить себя всем личностям, независимо от черт характера или особенностей их темперамента.

В последние годы явственно отмечается исход от непосредственного живого общения в сторону индивидуально-социолектического, свойственного конкретным группам или общностям.

В 90-е гг. XX века в России мы могли с полной уверенностью говорить о противопоставлениях социолектики в общении между городом и провинцией, или отдельно взятыми возрастными группами. В настоящее же время следует делать акцент на способы контекстного взаимодействия между отдельными лицами, группами и общностями в широких, зачастую мировых, масштабах.

Если в начале 2000-х гг. распределение между представителями субкультур, формировавших современную по тем временам российскую молодежь, строилось на каких-либо определенных базисах, выражениях, понимании этимологии которых можно было проследить достаточно точно, то в настоящее время молодежная культура зависима от определенных модных веяний и тенденций свойственных определенному временному промежутку, и условно может быть скоротечной, волнообразной или постоянной.

Ярким примером скоротечной культуры может служить не нашедшая признания среди российской молодежи К-POP-культура. Данная культура базируется на определенной стилизации современной музыкальной поп-культуры, характерной для Южной Кореи (отсюда и термин К (Korean) – корейский), где широкое распространение получили молодежные бойз-бэнды, состоящие из нескольких молодых людей, музыкальное творчество которых направлено в основе своей на девушек-подростков. В России указанное направление стало модным и претенциозным не более 5 лет назад, однако существенного развития не нашло и было поглощено иными направлениями субкультуры азиатского сегмента, к которым можно отнести анимэ-культуру (поклонников японской мультипликации), «ванилек» (девушек, предпочитающих определенные тенденции в носильной одежде, свойственной для стран Юго-Восточной Азии), «хикикомори» (представителей замкнутой субкультуры, предпочитающих виртуальный или иной отчужденный вид взаимодействия реальному общению).

К волнообразным можно отнести хипстерские направления субкультуры (включающие интернет-хипстерство, блогерство, тату-хипстерство, хипстерство «около моды», хейр-хипстерство (мода на прически определенного типа) и др.); косплей-культуру, образовавшуюся среди почитателей супергеройского кино, компьютерных игр и комиксов; геймерскую культуру, сформировавшуюся среди поклонников компьютерных игр (также имеющую широкую внутреннюю иерархию), «тик-токерство» – субкультура поклонников модного ныне китайского приложения обработки видеороликов и размещения развлекательного контента Tik-Tok и пр.

Среди постоянных субкультур выделяются сформировавшиеся десятилетиями и затронувшие не одно поколение панк-культура, рок-культура, хип-хоп-культура и пр., которые с развитием Интернета существенно потеряли свою значимость и влияние на современную молодежную культуру.

Каждую субкультуру, безусловно, характеризует свой социолект, который позволяет устанавливать общение между ее представителями. Выстраивая общение друг с другом определенным обществом, современные подростки стараются использовать как общеупотребимые выражения, свойственные современной молодежной мировой культуре, так и употреблять отдельные, характерные только для своей референтной группы словесные, буквенно-символьные выражения или речевые обороты.

С одной стороны подобное общение упрощает коммуникации между различными социальными группами молодежи, независимо от их расы, места жительства, а порой и социального статуса, с другой – отчуждает современных подростков от устройства и жизни в современном социуме: от невозможности понимания объективной действительности со стороны отдельных молодых людей, которые привыкают только к определенному свойственному их группе общению, приводя их, в конечном итоге, к полной или частичной социальной дезадаптации или десоциализации, до противопоставления себя мнимой «системе» нравов и интересов, не свойственной или чуждой сложившемуся мировосприятию, и, как итог, нонконформистскому или откровенно радикальному взглядам общества поведению.

Зачастую пробелы в знаниях о современных молодежных субкультурах и модных тенденциях, отсутствие понимания свойственного им социолекта со стороны субъектов профилактики правонарушений и безнадзорности среди несовершеннолетних приводят к непредсказуемым последствиям.

Так, предупреждая противоправное поведение подростков в учебных заведениях, изучая их образ жизни, поведение в быту и анализируя сложившиеся жизненные позиции, субъекты профилактики сталкиваются с мнимой оценкой его девиантности и отчужденности, противопоставлением его общим жизненным устоям современного российского общества, только из-за особенностей речи несовершеннолетнего, не понятной для них, или приверженностью последнего к определенному «модному течению» или тренду, понимание которого диссонирует с восприятием указанных субъектов, что в корне является неверным и влечет негативный социальный эффект.

Необходимо понимать, что современный молодежный социолект выражается, прежде всего, в употребляемом подростками сленге.

В последние годы в речи молодых россиян все чаще начинают встречаться слова, заимствованные из иностранных языков («краш» – объект симпатии, выстраивающий отношения с другим человеком; «месседж» – сообщение, информация; «тян» – симпатичная девушка; «чилл» – отдых и пр.), различные псевдотехнические термины, свойственные для представителей гик-культуры («ось» – операционная система; «чиповка» – прошивка программного обеспечения в целях его использования с нелегальным контентом; «железо» – процессор персонального компьютера и др.); терминология искаженного восприятия («коннект» – встреча (искаженное восприятие англоязычного слова «connect» – «связь»), «тишка» – футболка (от английского T-shirt (произн. «Ти-шот»), «дымок» – использование электронных сигарет, курение смесей); гипертрофированное использование русскоязычных или иноязычных аббревиатур («мб» – может быть; «рофл» (ROFL - Rolling On the Floor Laughing) – шутка; «имхо» (ИМНО - In My Humble Opinion) – по моему мнению; «лол» (LOL – Laughing Out Loud) – громко смеяться и пр.), словесные конструкции-антимоны, не выражающие какой-либо конкретной цели и смысла в общении (например, выражения «ничё», «типа», «йо», «бро» и пр.).

Также значительные сложности для непосвященных в диалектические конструкции вызывает понимание словесно-символьных построений, выстраиваемых современными подростками в процессе общения в сети Интернет (социальные сети, форумы), при использовании мессенджеров и иных устройств, предназначенных для быстрой передачи сообщений. Например, «гифок» – подвижных изображений, характеризующих определенные эмоции, «смайликов» – рисунков, отражающих восприятие собеседником хода общения. Эта форма социолекта находит свое отражение в виртуальной среде.

Безусловно, отсутствие коммуникации между подростками, представляющими современные «молодежные течения» и представителями общества, своими родными и близкими, является одной из наиболее важных проблем современного общества.

Отсутствие коммуникации подростка с родителями, близкими людьми, учителями, сверстниками, не разделяющими его взглядов, могут привести к наступлению негативных последствий как для него самого (суицидальное поведение, различные психопатические расстройства), так и для общества в целом («скулшуттинг», «кибермоббинг» и пр. негативные проявления).

Отсюда следует сделать некоторые выводы, на основании которых сформировать пути разрешения обозначенных в статье проблем.

Выводы. Понимание, знание и интерпретация современного молодежного социолекта, концепта его построения и обстоятельств применения его носителями крайне необходимо для родителей, близких подростков, лиц, с ними взаимодействующих и, безусловно, субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних.

Правильная интерпретация речи подростков, умение подстраиваться под нее, может позволить своевременно выявить предрасположенность подростка к различным негативным проявлениям или его членство в негативных для него референтных группах.

Своевременное выявление предрасположенности подростка к отдельным девиациям в процессе непосредственного общения, позволит организовать его своевременную ресоциализацию, выстроить с ним правильную индивидуальную профилактическую работу и заблаговременно оградить его от негативных последствий и влияния деструктивных факторов на его психику.

Следует отметить, что в процессе коммуникативного общения с подростком, проявляющим признаки неконформизма, различных девиаций, необходимо сочетать методику императивного воздействия с бытовым уровнем тематики диалога и лексических конструкций речи.

В процессе беседы с подобными подростками целесообразно использовать контекстность общения, в процессе которой многое не оговаривается, а подразумевается, его ситуативность (использование естественных реакций на получаемые сведения, поможет расположить к себе подростка) и непосредственную контактность (использование различного спектра сенсорного, эмоционального, когнитивного или смыслового методов контакта).

Другим важным аспектом в понимании тенденциозности поведения несовершеннолетнего является анализ не только среды его общения (контекстной или референтной группы и общности), бытовых особенностей и жизненного уклада, но и контент-анализ информационных массивов данных, содержащихся на техноресурсах, используемых подростком.

Зачастую, информация, содержащаяся на страницах социальных сетей, диалоги, организуемые несовершеннолетним в виртуальном пространстве, размещаемый им для всеобщего обозрения контент, могут многое сообщить субъектам профилактики о его «внутреннем мире», мотивациях, предрасположенностях и влиянии внешней среды на его психику.

В таком случае, правильная интерпретация используемого подростком молодежного социолекта в совокупности со сведениями, полученными в результате изучения контент-анализа, полученного из виртуальной среды, со стороны родителей, близких и знакомых подростка, и меры, направленные на отчуждение несовершеннолетнего от контента негативного содержания, помогут оградить его от вредных для него и общества последствий и способствовать его своевременной и правильной социализации.

Литература

1. Балакеримова И.С. Правовая культура в воспитании молодежи // Правовое воспитание молодежи: семья и социум. Сборник трудов Международной научно-практической конференции. Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. Москва, 2017
2. Дорошенко О.М. Подростки как объект психологического воздействия кибермоббинга // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. Юнити-Дана. Москва, 2018. С. 28-32
3. Харламова Д.А., Вихляев А.А. Мониторинг социальных сетей как способ противодействия вовлечению несовершеннолетних в экстремистскую деятельность и профилактика делинквентного поведения с их стороны // ВНЕшкольник. Академия инновационного образования и развития. Коломна, 2020.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Вовк Валентин Николаевич,

кандидат педагогических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург

Журавлев Артур Дмитриевич,

аспирант кафедры олигофренопедагогики
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье описываются результаты работы по формированию позитивного поведения у подростков с задержкой психического развития. Предлагается программа формирования позитивного поведения, в частности ее последний этап, направленный на нормализацию поведения подростка с ЗПР через его включение систему мероприятий, направленных на профессиональное самоопределение и социализацию. Описывается технология корректного предложения подростку видов социальной активности, направленных на его профессиональное самоопределение.

Ключевые слова: адаптация, школьная дезадаптация, подростки с ЗПР, профессиональное самоопределение, позитивное поведение, модели позитивного поведения.

Annotation. This article shows the results of the work aimed to develop positive behaviour among teenagers with mental retardation. The program of positive behaviour development with its final stage intended to normalize the behaviour of teenagers with mental retardation by including them in the system of events approached to professional self-determination and socialization is offered. The method of correct offering to teenagers social activities approached to their professional self-determination is described.

Keywords: adaptation, school disadaptation, teenagers with mental retardation, professional self-determination, positive behaviour, positive behaviour models.

Постановка проблемы. Семантическим наполнением феномена социальной адаптации человека современная наука обязана многим отраслям наукознания. При этом в данной проблеме особое внимание уделяется формированию психического новообразования, которое обычно именуется школьной социальной адаптацией.

Проблема профессионального самоопределения подростков с ЗПР рассматривается нами составной частью его социальной адаптации и является одной из наиболее слабо исследованных проблем специальной педагогики и психологии как в прикладном, так и в теоретическом аспекте.

Целью статьи является системное изложение отдельных сюжетов теоретико-экспериментального исследования поведенческих проявлений школьной дезадаптации подростков с ЗПР, отражающие, прежде всего, результаты его формирующего этапа.

Изложение основного материала исследования.

Школа является для ребенка первой социальной моделью, в которой ему необходимо выстраивать отношения с окружающими людьми, принимать и соблюдать установленные правила и нормы, формировать собственные модели поведения с учетом этих норм.

В отечественной психолого-педагогической науке нарушение этого процесса объединено в понятие «школьная дезадаптация», которая, впрочем, может выступать как спусковой механизм социальной адаптации. Сегодня школьная дезадаптация понимается как

сложное многофакторное явление, выражающееся в нарушении приспособления ребенка к условиям обучения в школе [1, с. 8-11].

Особое значение проблема школьной дезадаптации приобретает в контексте обучения детей с ОВЗ. При любых вариантах нарушения психического развития снижаются адаптационные возможности организма ребенка, что в ряде случаев выражается в существенных трудностях существования и функционирования школьника в социуме [2, с. 273-276].

В полной мере это может быть отнесено к детям с задержкой психического развития. При этом наиболее яркое выражение этого феномена мы наблюдаем в подростковом возрасте. У подростков с ЗПР данный феномен наиболее ярко представлен в своей поведенческой составляющей, которая обычно объясняется нарушениями социального развития ребенка и проявляется в агрессивном поведении по отношению к окружающим сверстникам и педагогам, негативным отношением к школе [3, с. 481-485].

В случае отсутствия своевременных профилактических мер школьная дезадаптация является объяснительным принципом искажения в поведенческом репертуаре подростка не только в образовательном учреждении, но и за его пределами. Всё это оказывает негативное влияние на весь процесс социальной адаптации подростков, выбора им жизненных и профессиональных ориентиров.

Для решения обозначенной проблемы нами предлагается реализация специальной программы «Формирование позитивного поведения у подростков с ЗПР». В основе данной программы лежит принцип вовлечения подростков с ЗПР в социально-значимую деятельность через специально созданный комплекс программ и подпрограмм, направленных на нормализацию социального развития подростка с ЗПР, организацию его внеурочной деятельности, создание условий для осуществления осознанного профессионального выбора, а также на формирование позитивного отношения к школе как к общественному институту. Данная программа может быть реализована ресурсами воспитательной системы школы, школьной службой сопровождения, а также ресурсами дополнительного образования и внеурочной деятельности [4, с. 57-61].

Первый этап реализации программы «Формирование позитивного поведения у подростков с ЗПР» ориентирован на обучающихся 5-8 классов и предполагает постепенное включение подростка в социально-значимую деятельность через реализацию таких подпрограмм, как добровольческая и проектная деятельность «Я – доброволец», социальный театр «Твой выбор», общешкольные загородные выезды. Формирование позитивного отношения к школе обеспечивается подпрограммой арт-пространство «Территория выбора», позволяющего вести диалог с подростком и диалог между подростками в непривычных условиях, отличающихся от школьных интерьеров.

Второй этап предполагает реализацию подпрограммы профессионального самоопределения подростков с ЗПР «Город важных дел» и начинается с 8-го класса параллельно с первым этапом.

Как было отмечено ранее, поведенческие проявления школьной дезадаптации у подростков с ЗПР оказывают негативное влияние на весь процесс социального развития подростка, в том числе на процесс осуществления профессионального выбора. Подросток не устанавливает прямой связи между успешностью обучения в школе и профессиональным выбором. В ряде случаев у школьников с ЗПР отмечается высокий уровень самооценки, сочетающийся с низким уровнем притязаний. Подросток не всегда адекватно оценивает свои возможности, не считает нужным прислушиваться к мнению взрослых в вопросе выбора профессии [5, с. 66-76].

На наш взгляд, сочетание социально-значимой деятельности подростка с мероприятиями в области профессионального самоопределения помогут не только преодолеть проявления школьной дезадаптации, но и создать условия для осознанного и адекватного профессионального выбора.

Подпрограмма «Город важных дел» предполагает создание пространства социально-значимой активности, в котором подросток сможет выбрать себе будущую профессию, таким образом, сделав важнейший шаг на пути социализации. Данная подпрограмма реализуется на следующих уровнях: диагностика профессиональных предпочтений подростков с ЗПР; разработка моделей поведения, ориентирующих подростков на профессиональное поведение; подбор и организация сетевого взаимодействия с предприятиями города и учреждениями системы СПО; разработка технологии корректного предложения моделей поведения; включение подростков с ЗПР в проектную и конкурсную деятельности смыслом которой является принятие ими моделей поведения, направленных на профессиональное самоопределение.

Визуально данная подпрограмма представлена в виде города, в котором каждый «дом» посвящён определённому виду социальной активности и профессиональной области. Выбор того или иного «дома» осуществляется по собственной инициативе подростка на основе осуществляемых ими проб профессиональной деятельности. Данная процедура разработана на основе исследований Е.А. Климова, который предлагает для профессионального самоопределения подростка различные направления профессиональной активности.

По нашему мнению, каждый последующий вид активности предполагает расширение возможностей подростка для его профессионального самоопределения.

Экологическая активность предполагает включение подростков в акции и мероприятия, направленные на охрану окружающей среды и решение современных экологических проблем. В рамках сетевого взаимодействия проходят различные лектории и встречи с экологическими активистами, общественными деятелями, специалистами особо охраняемых природных территорий и др. При этом подросток не только знакомится с различными экологическими проблемами, но также получает возможность принять активное участие в их решении. Исходя из возможностей региона можно рекомендовать подключать подростков к следующим мероприятиям: сборы макулатуры, Всероссийские дни посадки леса, организация раздельного сбора мусора и др. Одновременно проводится работа по информированию об учреждениях среднего профессионального образования, готовящих специалистов в области экологии и охраны окружающей среды.

Добровольческая деятельность позволяет подростку с ЗПР получить уникальный опыт социального взросления и социальной ответственности. У школьника формируются такие качества, как чувство сопереживания ближнему, чувство сострадания, желание помочь окружающим людям. Такие морально-нравственные качества находят своё отражение и в области профессионального самоопределения подростка. Для реализации данного направления нами привлекаются различные общественные и добровольческие организации и объединения, среди которых: Российский Красный Крест, Волонтеры-медики, специалисты городской станции переливания крови, а также различные благотворительные организации и фонды. Подростки принимают активное участие в различных добровольческих акциях и мероприятиях, многие из которых играют прямую роль в выборе будущей профессии.

По нашему опыту предлагаемые нами виды творческой активности являются самыми востребованными у подростков с ЗПР. По нашему мнению, целевая установка предложения данных видов деятельности заключается в демонстрации подростку границ возможностей их творчества. Включение подростка в творческую деятельность позволяет почувствовать и стать частью целого. В этом смысле особое место мы отдаем подпрограмме «Социальный театр». [4, с. 57-61]. Реализуя в театральных постановках предлагаемые ребенку модели поведения, «играя определённые роли», подросток может сделать выбор в пользу предлагаемой модели поведения и как результат выбрать соответствующую профессию.

IT-ремесла открывают перед подростком мир современных технологий в адаптированном и доступном для него формате. Нередко школьник не уверен в своих возможностях и считает, что данный вид модели профессионального поведения для него недоступен. Именно поэтому грамотный подбор сетевых партнеров и организация соответствующей активности позволяет доказать обратное. Таким образом, IT-ремесла

являются важным инструментом в формировании позитивного поведения. Так, подросток принимает участие в создании социальных видеороликов и плакатов, касающихся основных проблем молодежной субкультуры. Одним из важнейших видов деятельности в данном направлении является издание общешкольной газеты. Школьник может принимать участие не только в художественном оформлении каждого выпуска, но и заниматься версткой газеты, подбором графического материала, размещением газеты в сети интернет, работой с электронными ресурсами.

Технические специальности играют одну из важнейших ролей в области профессионального самоопределения подростка с ЗПР. Большинство выпускников выбирают профессию, связанную с техническим обслуживанием автомобилей, ремонтом электрооборудования, сварочным производством и др. Главная задача в этом направлении познакомить школьников с содержанием каждой специальности, рассказать об особенностях работы, показать деятельность реальных предприятий. В виду особенностей технических специальностей особое место отводится внеурочным занятиям, которые организуются и проводятся на различных предприятиях, а также на площадках учреждений системы среднего профессионального образования. Это позволяет полноценно погрузить ребят в атмосферу технических ремесел и помочь сделать осознанный выбор.

Как было отмечено ранее подпрограмма «Город важных дел» реализуется нами в рамках второго этапа формирования у подростков с ЗПР позитивного поведения. К началу второго этапа подросток имеет начальное представление о социально-значимой деятельности, имеет опыт участия в различных социальных акциях и мероприятиях, знаком с основами добровольческой деятельности.

Реализация подпрограммы профессионального самоопределения начинается со знакомства подростков с т.н. «домами», представленными различными видами социальной активности. На данном этапе проводится знакомство с основными типами профессий и их характеристиками, с различными учреждениями системы СПО, а также с успешным опытом выпускников школы.

Следующий этап предполагает активное погружение подростка с ЗПР в социально-значимую деятельность, поиск профессиональных предпочтений. Важное место на данном этапе реализации подпрограммы отводится проекту «Один день из жизни...». В рамках данного проекта подросток получает возможность побывать на реальном предприятии и лично познакомиться с представителем той или иной профессии. Такое знакомство, по нашему мнению, играет большую роль в формировании позитивного поведения и профессионального самоопределения подростка с ЗПР. В процессе посещения предприятия создаются условия для открытого диалога между школьником и работающим специалистом.

Важно избежать формализма и выйти за рамки обычной экскурсии и максимально приблизиться к профессиональным пробам. Мероприятия, реализуемые в рамках проекта, позволяют сформировать у подростка с ЗПР максимально полное представление о рабочих специальностях, справедливо оценить свои собственные силы и возможности.

На заключительном этапе реализации подпрограммы «Город важных дел» формируется т.н. «дорожная карта выпускника», позволяющая систематизировать результаты социальной активности подростка с ЗПР в области профессионального самоопределения. На данном этапе подросток функционирует внутри выбранного направления: посещает конкретные учреждения системы среднего профессионального образования, подробнее знакомится с выбранной профессией и специальностью, делает акцент на профильных учебных предметах.

Выводы.

Таким образом, представленная система работы по формированию позитивного поведения в процессе профессионального самоопределения подростка с ЗПР позволяет сформулировать следующие обобщения:

1. Школьная дезадаптация у подростков с ЗПР является сложным многофакторным явлением, выражающимся в нарушении социального развития подростка, игнорировании

норм и правил, установленных в обществе, конфликтным и агрессивным поведением по отношению к окружающим людям.

2. Одним из основных направлений преодоления школьной дезадаптации является реализация программы «Формирование позитивного поведения у подростков с ЗПР», включающая в себя подпрограммы, направленные на их профессиональное самоопределение.

3. Основной технологией данной программы является разработка и корректное предложение подросткам с ЗПР поведенческих моделей позитивной активности в различных видах деятельности: добровольческая деятельность, социальный театр, общешкольные загородные выезды и др.

4. Интегративной процедурой отработки профессионального самоопределения подростков с ЗПР является подпрограмма «Город важных дел», которая обеспечивает трансформацию предлагаемых видов активности в деятельность, связанную с их профессиональным самоопределением, которая, по нашему мнению, является основным смыслом и целевой установкой их обучения в школе.

Литература

1. Вострокнутов Н.В. Школьная дезадаптация: ключевые проблемы диагностики и реабилитации // Школьная дезадаптация: эмоциональные и стрессовые расстройства у детей и подростков. – М., 1995. – С. 8-11.

2. Вовк В.Н., Журавлев А.Д. Поведенческие проявления дезадаптации у подростков с ЗПР // Проблемы современного педагогического образования: сборник научных трудов. Вып. 62. Ч. II. – Ялта, 2019. – С. 273-276.

3. Алексеева О.А., Елизарова Ю.Г. Опыт диагностики делинквентного поведения подростков с задержкой психического развития // Воспитание и социализация в современной социокультурной среде: сборник научных статей международной научно-практической конференции / отв. ред. С.В. Кривых, А.Д. Абашина. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. – С. 481-485.

4. Вовк В.Н., Елизарова Ю.Г., Журавлев А.Д. Формирование позитивного поведения у подростков с задержкой психического развития // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2020. – № 195. – С. 38-46.

5. Алексеева О.А., Елизарова Ю.Г., Журавлев А.Д. Проблемы готовности подростков с задержкой психического развития к профессиональному обучению // Проблемы педагогики. – 2018. – № 03(35). – С. 66-76.

УДК: 373.24

ДЕЗАДАПТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ПУТЬ К БУДУЩЕЙ ДЕВИАЦИИ

Гасилина Мария Александровна,
ассистент кафедры педагогики
дошкольного и начального образования,
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный
педагогический университет», г. Оренбург
Минияров Валерий Максимович,
доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры педагогики,
СФ ГБОУ ВО «Московский городской
педагогический университет», г. Самара

Аннотация. В статье представлены результаты теоретического анализа исследований, связанных с дезадаптивным поведением дошкольников, а также частично представлены данные проведенной экспериментальной работы по предупреждению дезадаптивного

поведения детей как одного из видов девиантного поведения.

Ключевые слова: дезадаптивное поведение, девиация, старший дошкольный возраст, педагогические условия, программы предупреждения дезадаптивного поведения.

Annotation. The article presents the results of a theoretical analysis of studies related to maladaptive behavior of preschoolers, and also partially presents data from experimental work on the prevention of maladaptive behavior in children as one of the types of deviant behavior.

Keywords: maladaptive behavior, deviation, senior preschool age, pedagogical conditions, programs for preventing maladaptive behavior.

Постановка проблемы. Одной из основных задач российского образования является формирование личности, способной адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям жизни. Решение данной задачи возможно в образовательных организациях при освоении детьми принятых норм и правил поведения в группе (классе) и во взаимодействии с взрослыми (педагогами, родителями). Однако, в связи с экологическим и экономическим неблагополучием, социальной нестабильностью, усилением влияния псевдокультуры, неблагоприятными семейно-бытовыми отношениями, чрезмерной занятостью родителей наблюдается тенденция, заключающаяся в нежелание детей адаптироваться в социуме на основе принятых социальных норм и правил поведения (И.Д. Бербаева, Н.А. Бокалина, Н.В. Гузьева, А.В. Курпатов, Н.А. Рычкова и др.). Результатом «...нежелание детей адаптироваться в социуме» является девиация, которая ведет к провалу в становлении личности и социализации в целом, проявляющуюся в детской преступности, наркомании, беспризорности, алкоголизме, в падении интереса к учебной и трудовой деятельности [3, с. 63; 5, с. 25; 6, с. 54]. Предпосылками такого результата, как показал анализ научной литературы и практик образовательных организаций, является возникновение дезадаптивного поведения детей.

Дезадаптивное поведение стало распространенным явлением и в период дошкольного детства [1, с. 31; 2, с.12]. Важно предупредить дезадаптивное поведение детей, начиная с дошкольного возраста, поскольку в этот период только начинают складываться личностные структуры, ответственные за произвольную регуляцию поведения, только возникает соподчинение мотивов, определяющее направленность поведения. Необходимо создавать условия в дошкольных образовательных организациях, направленные на предупреждение дезадаптивного поведения дошкольников, чтобы предотвратить, прежде всего, негативные проявления в развитии личностных структур, ответственных за регуляцию поведения и тем самым предупредить девиацию, т.е. негативные проявления в поведении в дальнейшем, для которых характерны нарушение общепринятых или официально установленных социальных норм, причиняющие реальный ущерб обществу или самой личности. Поэтому для теории и практики дошкольного образования становится значимой проблема предупреждения дезадаптивного поведения детей.

Целью статьи является теоретическое и эмпирическое обоснование показателей дезадаптивного поведения старших дошкольников; комплекса педагогических условий, обеспечивающего предупреждение дезадаптивного поведения детей в дошкольной образовательной организации.

Изложение основного материала исследования. С постановкой основной задачи российского образования, заключающейся в формировании личности, способной быстро и эффективно приспособиться к социуму возникает противоречие, связанное с ростом числа дошкольников с дезадаптивным поведением и не реализацией в дошкольных образовательных организациях комплекса педагогических программ, направленных на предупреждение дезадаптивного поведения детей.

Предупреждать дезадаптивное поведение необходимо с такого возрастного периода как старший дошкольный возраст, поскольку он является критическим периодом в становлении

личности, обуславливающий сензитивность к неблагоприятным воздействиям социальной среды.

Теоретические результаты анализа литературы позволили раскрыть основные показатели проявлений дезадаптивного поведения как неадекватного поведения детей в группе. Определить факторы, способствующие возникновению дезадаптивного поведения старших дошкольников. Анализ научных исследований показал, что возникновение дезадаптивного поведения дошкольников обусловлено факторами и в первую очередь такими факторами как педагогические (стиль педагогического общения с детьми, организация образовательного процесса, стили семейного воспитания, детско-родительские отношения). Из перечисленных педагогических факторов особое внимание ученые уделяют такому фактору как стили семейного воспитания (В.И. Гарбузов, Д.Н. Исаев, А.И. Захаров, В.М. Минияров, В.В. Юстицкий, Э.Г. Эйде-Миллер и др.) [4, с. 62; 7, с. 10]. В исследованиях отмечается, что семья способствует формированию таких личностных качеств ребенка как доверие, страх, робость, уверенность, тревогу, спокойствие и др. Кроме того, оказывает значительное влияние на формирование у детей представлений о выстраивании взаимоотношений с другими людьми и детьми. В.И. Гарбузов, Е.С. Евдокимов, В.М. Минияров выделены основные стили семейного воспитания, влияющие на возникновение дезадаптивного поведения старших дошкольников – это состязательный, попустительский, рассудительный, предупредительный, контролирующий, сочувствующий. Приведем примеры некоторых стилей семейного воспитания и их результат.

Так, например, состязательный стиль семейного воспитания основан на том, что родители в своих детях стараются раскрыть таланты и способности, прилагая для этого максимальные усилия, например, поощряют активность детей в разных видах деятельности; часто их вознаграждают материально. В дошкольных образовательных организациях такие родители поддерживают детей, когда они состязаются с другими детьми, учат их бороться за личное пространство поле деятельности и не сдавать завоеванных позиций. Однако за несоблюдение детьми норм и правил поведения, порочащих их достоинство, сурово наказывают. С детьми общаются на равных, как с взрослыми и соответствующим образом по отношению к ним требовательны. Но родители не только предъявляют завышенные требования к своим детям, но и к окружающим их людям. Не терпят обидчиков их детей (ссориться и конфликтуют с ними), часто требуют материальной и моральной компенсации. Результатом данного стиля воспитания является то, что у таких детей возникает вера в свое превосходство над другими и в свою непобедимость. Случаи поражения вызывают у них апатию, депрессию и отказ от попыток чего-либо добиться в каком-либо виде деятельности. Такие дети быстро, но формально усваивают нормы поведения, и точно таким же образом, в последующем, принуждают других выполнять их, хотя сами могут переступить через любые правила, если они мешают достигать поставленные цели.

На возникновение дезадаптивного поведения старших дошкольников оказывает влияние и попустительский стиль семейного воспитания. Родители предоставляют детям свободу действий, причем полную и бесконтрольную. Такие родители заняты личными проблемами и стремятся получить как можно больше удовольствий от жизни. Часто берут с собой детей, в связи с чем, они становятся невольными участником увеселительных и застольных мероприятий. С безразличием относятся к потребностям и запросам детей и удовлетворяют только те, которые можно легко удовлетворить за счет других людей. Кроме того, родители обучают своих детей беспрекословному выполнению правил, требований и их прихотей. Родители одновременно могут наказывать детей за непослушание и тут же его поощрить, чтобы не плакали, если это видят окружающие. Меры такие родители не знают ни в наказании, в поощрении (действуют ситуативно, в зависимости от обстоятельств). Непоследовательны в проявлении своих чувств по отношению к своим детям, часто наблюдается спекуляция отношениях (например, когда мать просит убрать игрушку, пообещав угостить шоколадкой). Родители строят свои способы взаимоотношений с другими людьми на выгодных для них условиях, произвольно культивируя у своих детей наиболее выгодные формы

взаимодействия с окружающими. В результате у таких детей формируется формальное отношение к правилам и нормам поведения, склонность к непослушанию, агрессивности и безответственности [4, с. 65].

В нашем исследовании анализ научных данных позволил выделить основные факторы, которые обуславливают возникновение дезадаптивного поведения старших дошкольников. К данным факторам относятся тревожность, агрессивность и неадекватная самооценка. Эти факторы рассматриваются как основные факторы, обуславливающие возникновение дезадаптивного поведения старших дошкольников, поскольку являются результатом воздействия биологических, возрастных и в том числе педагогических факторов. Выделенные нами факторы дезадаптивного поведения старших дошкольников способствуют образованию неблагоприятного социометрического статуса в группе и формируют отрицательное отношение к обучению в школе.

Следует отметить, что старший дошкольный возраст является переходным от дошкольного к начальному обучению. Старшему дошкольнику предстоит усвоить новый вид деятельности – учебную деятельность, которая носит преимущественно коллективный характер. Ребенку с неблагоприятным социометрическим статусом намного труднее входить в учебную деятельность, поэтому важно сформировать в этом возрасте благоприятный социометрический статус. Также, чтобы обучаться в школе, усваивать новый школьный материал необходимо сформировать положительное отношение к школе, желание принять новую позицию – позицию школьника. Не сформированность внутренней позиции на обучение в школе у детей старшего дошкольного возраста осложняет процесс вхождения в учебную деятельность.

Проведение экспериментальной работы позволило получить эмпирические данные по показателям проявлений дезадаптивного поведения детей старшего дошкольного возраста. Определилась выраженность факторов, влияющих на социометрический статус ребенка и на сформированность внутренней позиции школьника. В результате исследования выявлено 57% старших дошкольников адаптированных и 43% старших дошкольников можно отнести к дезадаптированным в условиях образовательной среды ДОО.

Полученные данные показали, что адаптированные старшие дошкольники отличаются пониманием и соблюдением моральных норм и правил поведения в группе. Положительно относятся к воспитателю, что показал проективный рисуночный тест при прорисовывании крупной фигуры воспитателя, узоров на одежде и украшений. Также у этих дошкольников высокий уровень сформированности внутренней позиции на обучение.

Дошкольники с дезадаптивным поведением достоверно значимо различаются от адаптированных дошкольников, так как манипулируют правилами игры и моральными нормами поведения в группе. Негативно относятся к сверстникам, не проявляют инициативу в игровой деятельности, предпочитают играть в одиночестве, не согласуют свои действия с действиями сверстников; превосходят по количеству «игнорируемых» детей в группе. Эти дошкольники по отношению к воспитателю как показал проективный рисуночный тест, испытывают негативное отношение, об этом свидетельствуют использование детьми при прорисовывании педагога дошкольной организации мелкая фигура воспитателя, отсутствие детализации в одежде, а также серый и коричневый цвета. У старших дошкольников с дезадаптивным поведением выражена тревожность и агрессивность, а также неадекватно завышенный тип самооценки.

Полученные данные свидетельствуют о соотношении в дошкольных образовательных организациях адаптированных и дезадаптированных детей.

Таким образом, адаптированные старшие дошкольники руководствуются социальными нормами и правилами; позитивно относятся к своим сверстникам, взрослым и воспитателю. У них низкий уровень проявления факторов тревожности и агрессивности; им не свойственна завышенная самооценка. Благодаря сотрудничеству с детьми, у таких детей высокий социометрический статус, проявляющийся в популярности в группе сверстников, среди которых они занимают лидерские позиции. Адаптированные старшие дошкольники

проявляют стремление к социальной позиции – позицию школьника. Они соблюдают правила школьной дисциплины и ориентированы на содержательное овладение подготовки к школе, но главное признают авторитет учителя.

Для старших дошкольников с дезадаптивным поведением характерен высокий уровень проявлений фактора тревожности и агрессивности, неадекватной самооценки, что приводит к низкому уровню популярности в группе сверстников, о чем свидетельствует социометрический статус «игнорируемые».

Среди 23% старших дошкольников с дезадаптивным поведением наблюдается то, что они знают правила поведения и нормы, однако их не соблюдают. Они настороженно относятся к сверстникам, предпочитают играть в одиночестве, не проявляют взаимопомощи на занятиях, часто конфликтуют. Хотя они положительно относятся к воспитателю, однако не проявляют потребность занять новую социальную позицию – позицию школьника.

У 19% дошкольников с дезадаптивным поведением наблюдается нарушение моральных правил и норм поведения в группе, чтобы привлечь к себе внимание взрослых и сверстников. Они постоянно конфликтуют со сверстниками, предпочитают играть в одиночестве; раздражаются при виде воспитателя, чувствуют себя подавленно, проявляют вспыльчивость, настороженность, волнение и чувствительность к порицаниям. Внутренняя позиция школьника сохраняет приоритет социальных аспектов школьного образа жизни по сравнению с учебными (посещение школы, чтобы общаться со сверстниками).

На основе полученных экспериментальных данных и учитывая поставленную цель, а также характерные особенности старших дошкольников с дезадаптивным поведением, выделены педагогические условия предупреждения дезадаптивного поведения детей старшего дошкольного возраста, которые необходимо создавать в дошкольной образовательной организации. Во-первых, необходимо сформировать у старших дошкольников представления о нормах и правилах поведения в группе. Во-вторых, сформировать познавательную потребность. В-третьих, сформировать конструктивные навыки общения с взрослыми и сверстниками. В-четвертых, сформировать представления у родителей о дезадаптивном поведении дошкольников. В-пятых, организовать совместную деятельность родителей и воспитателей. В-шестых, снизить проявления тревожности, агрессивности в совместной деятельности со сверстниками.

Создание педагогических условий осуществлялось педагогом дошкольной организации в рамках таких направлений деятельности, как информационно-просветительская, воспитательно-образовательная и развивающая по программам: «Формирование социально адекватного поведения старших дошкольников в группе и во взаимодействии с взрослыми»; «Формирование положительного отношения у старших дошкольников к поступлению и обучению в школе»; «Педагогическая профилактика негативных эмоциональных состояний у детей старшего дошкольного возраста»; «Информирование родителей об особенностях дезадаптивного поведения детей старшего дошкольного возраста». Данные программы содержат формы, методы и средства, направленные на предупреждение дезадаптивного поведения старших дошкольников.

Реализация программы «Информирование родителей об особенностях дезадаптивного поведения детей старшего дошкольного возраста», способствовала ознакомлению родителей с особенностями дезадаптивного поведения старших дошкольников, расширению представлений причинах его возникновения. Программа включала семинары и семинары-практикумы. На семинарах-практикумах родители знакомились с основными методами, формами и средствами по предупреждению дезадаптивного поведения детей старшего дошкольного возраста. Данная работа воспитателя с родителями проводилась в течение года. В работе с родителями использовали беседы, объяснение, разъяснение, убеждение.

Реализация программ «Формирование социально адекватного поведения старших дошкольников в группе и во взаимодействии с взрослыми» и «Формирование положительного отношения у старших дошкольников к поступлению и обучению в школе», направлены на формирование у старших дошкольников представлений о нормах и правилах поведения в

группе, конструктивного взаимодействия со сверстниками, педагогами и родителями; положительного эмоционального отношения на обучение в школе. Формой реализации программ являлись игровые занятия с применением следующих методов в работе воспитателя со старшими дошкольниками: создание воспитывающих ситуаций, беседы, упражнение, рассказ, сюжетно-ролевые и словесные игры.

Реализация программы «Педагогическая профилактика негативных эмоциональных состояний у детей старшего дошкольного возраста», способствовала снижению внутренней напряженности, скованности, беспокойства. Много уделялось внимания формированию самокритичности и адекватной самооценки; освоению приемов самоконтроля; овладению адекватно оценивать свои возможности. Для этого использовались развивающие занятия. Основными методами в работе педагога дошкольной организации с детьми стали упражнения, беседы, игры, обеспечивающие освоение приемов самоконтроля, саморегуляции эмоциональных состояний и поведения. На развивающих занятиях использовались различные техники рисования («Монотипия», «Рисование клубком», «Ниткография», «Штриховка»), содействующие формированию у старших дошкольников доброжелательности, взаимной терпимости, уступчивости, умения работать в группе.

Выводы. Таким образом, предложенные программы по предупреждению дезадаптивного поведения детей в дошкольной образовательной организации способствовали снижению девиантного поведения благодаря, направленной работы педагога и детей в таких видах деятельности как игровой и коммуникативной. Представленные программы содействовали развитию у детей способности к сопереживанию, состраданию; к предупреждению возникновения конфликтных ситуаций со сверстниками и взрослыми; закреплению знаний о моральных нормах и правилах поведения в группе и во взаимодействии с взрослыми; формированию доброжелательного отношения друг к сверстникам; к преодолению отчужденной позиции в отношении к сверстникам и взрослым; обеспечивали развитие представлений у старших дошкольников об изменении позиции человека с возрастом; ознакомлению с режимом школьной жизни и формированию у них ориентации на содержательное представление о подготовке к школе; ознакомлению родителей с особенностями дезадаптивного поведения старших дошкольников, причинами его возникновения.

Литература

1. Давлетбаева З.К., Минияров В.М. Превенция асоциального поведения учащихся: монография / З.К. Давлетбаева, В.М. Минияров. – Прага: Vedecko vydavatelske centrum «Sociosfera-CZ», 2014. – 242 с.
2. Гасилина М.А. Воспитательно-образовательная работа с детьми с дезадаптивным поведением / М.А. Гасилина // Начальная школа. – 2019. – № 8. – С. 12-16.
3. Козлова С.А. Анализ причин проявления агрессивности у современных дошкольников / С.А. Козлова // Современное дошкольное образование. – 2008. – № 8. – С. 62-64.
4. Минияров В.М. Педагогическая психология / В.М. Минияров. – М. : НОУ ВПО Московский психолого-социальный институт, 2008. – 288 с.
5. Милованова Н.Г. Теория и практика подготовки педагогов к работе с дезадаптированными детьми: монография / Н.Г. Милованова. – СПб.: ИОВ РАО, 2002. – 292 с.
6. Рожков М.И. Воспитание трудного ребенка. Дети с девиантным поведением / М.И. Рожков, М.А. Ковальчук [и др.]. – М. : Владос, 2006. – 239 с.
7. Холостова Е.И. Социальная работа с дезадаптированными детьми / Е.И. Холостова. – М. : Дашков и К, 2008. – 280 с.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИАГНОСТИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ И АКЦЕНТУАЦИЙ ХАРАКТЕРА ПОДРОСТКОВ

Голубева Галина Федоровна,

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общей и профессиональной психологии
ФБГОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского», г. Брянск

Спасенников Валерий Валентинович,

доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин
ФБГОУ ВО «Брянский государственный технический университет», г. Брянск

Аннотация. Проведено эмпирическое исследование взаимосвязи агрессивного поведения и акцентуаций характера старших подростков. Выявлены типы акцентуаций учащихся и особенности агрессивного поведения, связанные с группой риска, требующей психокоррекционного сопровождения.

Ключевые слова: старшие подростки, агрессивное поведение, акцентуации характера, психодиагностический инструментарий, психокоррекционное сопровождение.

Annotation. An empirical study of the relationship between aggressive behavior and character accentuations in older adolescents was carried out. The types of students' accentuations and features of aggressive behavior associated with a risk group requiring psychocorrectional support were identified.

Key words: older adolescents, aggressive behavior, character accentuations, psychodiagnostic instrumentation, psychocorrectional accompaniment.

Постановка проблемы. Агрессивность и акцентуации характера в старшем подростковом возрасте являются актуальными психолого-педагогическими проблемами, связанными с необходимостью профилактики аддиктивного и девиантного поведения учащихся. Тревожной является тенденция роста агрессивности среди несовершеннолетних в современной образовательной среде. Решение проблемы агрессивного поведения подростков предполагает анализ личностных детерминант, лежащих в его основе для внедрения в образовательную практику различных коррекционных программ [1, 3, 6, 10, 12 и др.].

Целью статьи является теоретическое и эмпирическое обоснование связи агрессивного поведения и акцентуаций характера для составления коррекционной программы, направленной на предупреждение аддиктивных форм поведения старших подростков.

Изложение основного материала исследования.

Для проведения исследования, направленного на изучение связи агрессивного поведения и акцентуации характера, были использованы следующие методики [4, 8, 9, 13]:

1. Опросник Басса-Дарки;
2. Тест Руки Вагнера;
3. Модифицированный опросник для идентификации типов акцентуаций характера у подростков А.Е. Личко.

Исследование проводилось на базе МБОУ – СОШ № 11, города Брянска. Выборку составили 50 учеников 10-х классов в возрасте 15-16 лет, среди которых 27 юношей и 23 девушки.

Для изучения особенностей проявления агрессивного поведения старших подростков использовались Опросник Басса-Дарки и Тест руки Э. Вагнера. Особенности использования диагностического инструментария приведены ниже.

В таблице 1 представлены уровни выраженности видов и форм агрессивного поведения старших подростков.

Таблица 1

Эмпирические данные выраженности видов и форм агрессии у старших подростков

Виды и формы агрессии	Уровни выраженности					
	низкий		средний		высокий	
	количество человек	%	количество человек	%	количество человек	%
Физическая агрессия	3	6	31	62	16	32
Вербальная агрессия	7	14	25	50	18	36
Косвенная агрессия	5	10	30	60	15	30
Негативизм	3	6	30	60	17	34
Раздражение	2	4	33	66	15	30
Подозрительность	10	20	23	46	17	34
Обида	2	2	29	58	20	40
Чувство вины	9	18	36	72	5	10

Результаты исследования показали, что у 32% подростков выражена физическая агрессия, они могут использовать физическую силу против другого лица. 62% старших подростков средний уровень выраженности физической агрессии, что может говорить о вероятности использования их физической силы против других. 6% подростков не склонны применять физическую силу в отношении других.

У 36% старших подростков высокий уровень выраженности вербальной агрессии, они ругаются, оскорбляют окружающих. У 50% подростков средний уровень вербальной агрессии. 14% старших подростков не склонны ругаться, скандалить, вербально выражать свое недовольство и т.п.

У 30% старших подростков высокие показатели косвенной агрессии, они склонны используя шутки, сплетни, и т.п. подрывать социальный авторитет сверстников. У 60% подростков косвенная агрессия средневыражена, еще 10% испытуемых не склонны к косвенной агрессии.

Высокий уровень негативизма имеют 34% подростков, они противопоставляют себя окружающим, сопротивляются, активно и пассивно, установленным нормам и правилам. У 60% подростков средний уровень негативизма. 6% подростков имеют низкий уровень негативизма, они не склонны к противопоставлению своего мнения окружающим.

В результате исследования раздражительности выявлено, что 30% старших подростков склонны к раздражению, средний уровень раздражительности выявлен у 66% подростков. 4% старших подростков способны сохранять спокойствие.

Высокий уровень подозрительности имеют 34% подростков, они не доверяют окружающим, подозревают их в негативных мыслях, планах, предвзятом отношении. У 46% подростков подозрительность в пределах нормы. 20% подростков не подозрительны, доверчивы.

Высокий уровень обидчивости выявлен у 40% старших подростков, они чувствительны к словам и действиям окружающих в отношении них, у них возникают эмоциональные страдания. У 58% подростков средний уровень обидчивости. 2% подростков не обидчивы, адекватно реагируют на слова и поступки других.

Диагностика чувства вины (аутоагрессии) показала, что у 10% подростков выражено чувство вины, они убеждены, в своем негативном отношении к другим людям, 72% подростков имеют средние показатели чувства вины. Низкий уровень выраженности чувства вины характерен для 18% подростков.

Таким образом, эмпирические данные показывают, что около трети старших подростков имеют разные виды и формы агрессии. Больше всего подростков имеют высокие показатели обиды, т.е. чувствительны к оценкам и действиям окружающих, что может быть связано с формированием личностных новообразований и черт характера.

Выраженность форм и видов агрессии у юношей и девушек старшего подросткового возраста представлена на рисунке 1.

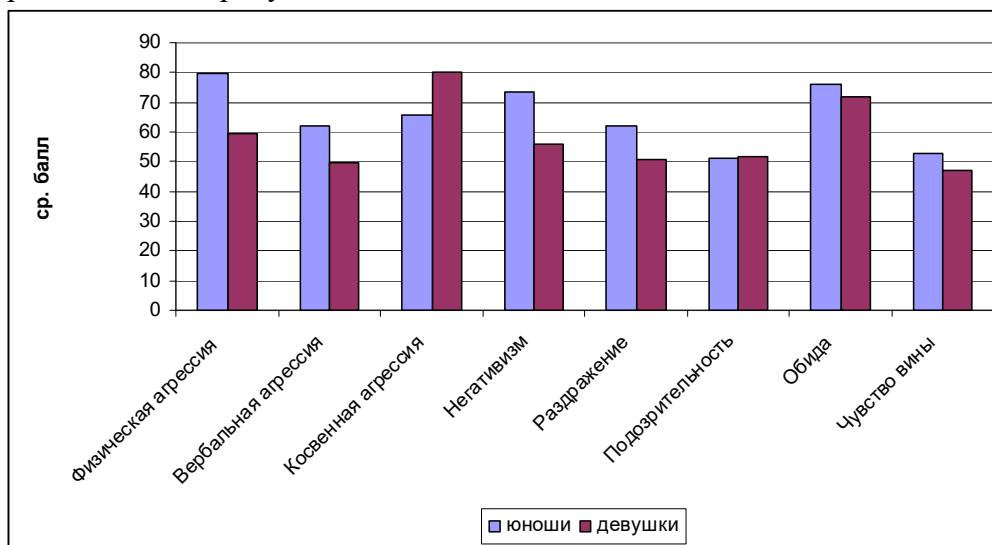

Рис.1. Выраженность форм и видов агрессии у юношей и девушек старшего подросткового возраста

Как видно из рисунка 1, юноши имеют большую выраженность физической и вербальной агрессии, негативизма и раздражения, а у девушек в большей степени выражена косвенная агрессия. Полученные эмпирические данные согласуются с результатами исследований таких авторов, как: А.В. Батаршев, Г.Ф. Голубева, С.Н. Дубинин, М.А. Сущенко, А.И. Худяков и др. [2, 5, 11, 14].

Результаты определения индексов враждебности и агрессивности у старших подростков приведены на рисунке 2.

Вычисленные индексы агрессивности по методике Басса-Дарки показывают, что у 38% подростков отмечается высокая агрессивность, им свойственно агрессивное поведение, склонность причинять физические и психологические страдания другим. У 62% подростков агрессивность находится на среднем уровне. Испытуемых с низким уровнем агрессивности не выявлено.

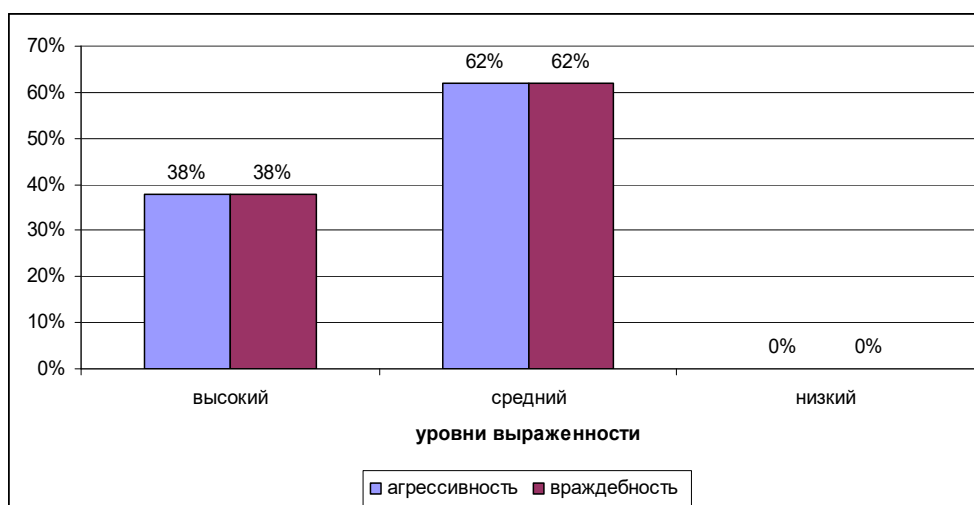

Рис. 2. Результаты исследования выраженности индексов агрессивности-враждебности у старших подростков

Анализ результатов определения индекса враждебности показал, у 38% подростков отмечается высокий уровень враждебности. Остальные подростки выборки имеют средний уровень враждебности. Высокая враждебность у подростков свидетельствует об их склонности к подозрительности и обиде, которые могут быть следствием неуверенности в себе, низкой самооценки, отсутствия доверия к другим.

Средние значения показателей выраженности враждебности и агрессивности у юношей и девушек представлены на рисунке 3.

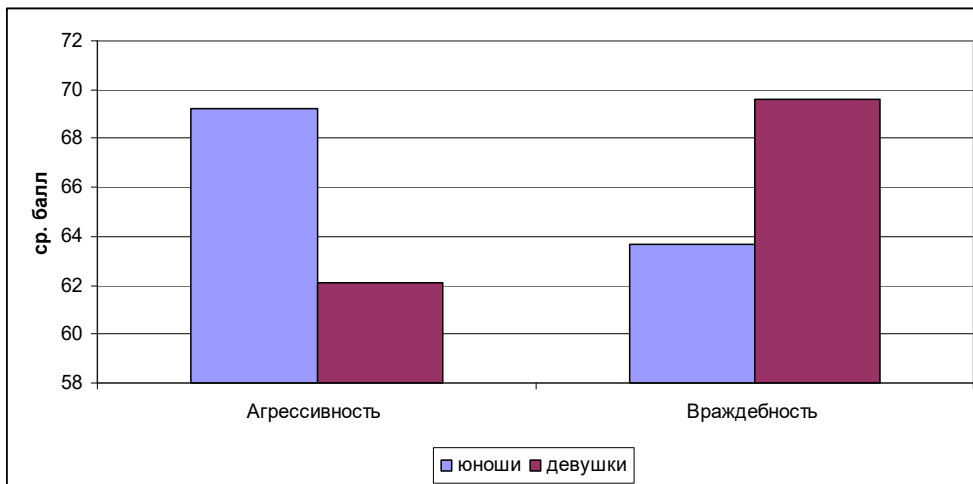

Рис. 3. Средние значения показателей выраженности враждебности и агрессивности у юношей и девушек

Полученные значения показателей агрессивности-враждебности свидетельствуют о том, что агрессивность более выражена у юношей, а враждебность у девушек.

Эмпирические данные, полученные с помощью методики Басса-Дарки, свидетельствуют о том, что склонность старших подростков к агрессивности, у большинства имеет средний уровень, однако 38% испытуемых имеют высокий уровень агрессивности. При этом, юноши более склонны к агрессивному поведению, чем девушки.

На рисунке 4 приведены эмпирические данные, полученные с помощью теста Руки Э. Вагнера.

Рис. 4. Показатели выраженность агрессивности у старших подростков по тесту Руки Э. Вагнера

В ходе исследования было установлено, что у 36% старших подростков агрессивность проявляется как тенденция или реальная форма поведения. При выраженной агрессивности или предрасположенности к ней подростки склонны к вербальной и физической агрессии,

ругаться, негативному критичному отношению к сверстникам и взрослым. У 50% подростков средние значения показателей выраженности агрессивности. Данные подростки склонны к агрессивным действиям в отдельных ситуациях, чаще в отношениях с близкими. У 14% подростков отмечаются низкие показатели выраженности агрессивности. Эта часть испытуемых способна к самоконтролю своих эмоциональных проявлений, готова к сотрудничеству, без нарушений норм и правил поведения.

Средние значения показателей выраженности агрессивности у юношей и девушек по тесту Руки Э. Венгера приведены на рисунке 5.

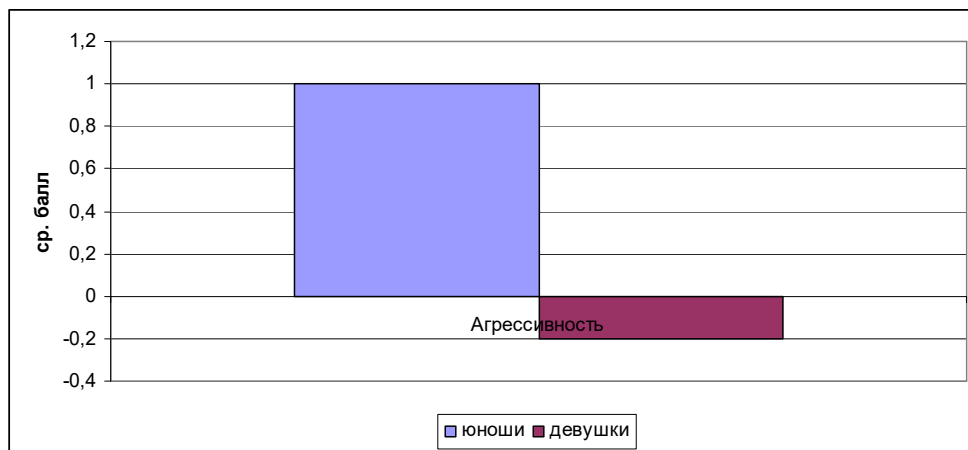

Рис. 5. Средние значения показателей выраженности агрессивности у юношей и девушек по тесту Руки Э. Вагнера

Данные, представленные на рис. 5 позволяют интерпретировать данные следующим образом: у старших подростков отмечаются средние показатели выраженности агрессивности, около трети из них склонны к агрессии в отношениях с окружающими.

На следующем этапе исследования была проведена диагностика акцентуаций характера с помощью модифицированного опросника для идентификации типов акцентуаций характера у подростков А.Е. Личко.

Результаты исследования выраженности типов акцентуаций характера у старших подростков приведены в таблице 2.

Таблица 2

Выраженность типов акцентуаций характера у старших подростков

Тип акцентуаций	Кол-во человек	%
Гипертимный	10	20
Циклоидный	8	16
Лабильный	3	6
Астено-невротический	3	6
Сенситивный	2	4
Тревожно-педантический	4	8
Интровертированный	5	10
Возбудимый	8	16
Демонстративный	6	12
Неустойчивый	2	4

Как следует из таблицы 2, гипертимный тип акцентуаций характера выражен у 20% подростков. Данные подростки преимущественно пребывают в хорошем настроении, общительны, открыты, активны, не терпят монотонной деятельности, жестких рамок, могут нарушать нормы и правила, дисциплину.

У 16% подростков выражен циклоидный тип. Им характерны периодическое колебание настроения и жизненного тонуса, не контактны, не склонны к конфликтам, но могут раздражаться в ответ на замечания и укоры.

У 6% подростков выражен лабильный тип акцентуации характера. Для них характерна крайняя изменчивость настроения. На фоне колебаний настроения возможны мимолетные конфликты со сверстниками и взрослыми, кратковременные аффективные вспышки, но затем следуют быстрое раскаяние и поиск путей примирения.

Астено-невротический тип акцентуации характера выражен у 6% подростков. Им свойственна повышенная психическая и физическая утомляемость-раздражительность/склонность к ипохондричности. Накопившееся раздражение по ничтожному поводу легко изливается на окружающих, порою случайно попавших «под горячую руку», и столь же легко сменяется раскаянием и даже слезами.

У 4% подростков выражен сенситивный тип. Данные подростки отличаются чрезвычайно высокой впечатлительностью, к которой позднее присоединяется резко выраженное чувство собственной неполноценности. Отмечается низкая общительность, конфликтность, характерна пассивность, исполнительность, альтруистичность, сострадательность, умение радоваться чужим удачам.

Тревожно-педантический тип выражен у 8% подростков. Данные подростки нерешительны и склоны к рефлексии, мнительны, тревожны, подвержены всяким страхам, не свойственна склонность к нарушениям правил, законов, норм поведения, курению, употреблению алкоголя, сексуальным эксцессам, побегам из дому, суицидам.

У 8% подростков выражен интровертированный тип акцентуаций характера. Данные подростки замкнуты, необщительны, у них снижена потребность в общении, отмечается отгороженность от сверстников, низкий уровень развития эмпатии, высокая скрытность, они страдают от одиночества, выражена склонность к аддиктивному поведению.

Возбудимый тип акцентуации характера выявлен у 16% подростков. Им характерна склонность к дисфории (пониженному настроению с раздражительностью, озлобленностью, мрачностью, склонностью к агрессии) и тесно связанной с ней аффективной взрывчатостью. В интеллектуальной сфере обычно наблюдается вязкость, низкая интеллектуальная лабильность, инертность, накладывающие отпечаток на психику. Данные подростки конфликтны, стремятся к доминированию, к подавлению сверстников, неуступчивы, жестоки и упрямы.

Демонстративный тип акцентуации характера имеют 12% подростков. Для них свойственен эгоцентризм, жажда внимания к своей персоне, стремление добиваться для себя всевозможных льгот и послаблений за счет других (семьи, одноклассников, коллег и т.д.).

Неустойчивый тип выражен у 4% подростков. У них отмечается отсутствие волевого самоконтроля, низкая мотивация достижения целей, низкий уровень эмоциональной саморегуляции и стрессоустойчивости. У данных подростков отмечается повышенная внушаемость, конформность, склонность к аддиктивному поведению под воздействием неблагоприятного социального окружения.

Средние значения показателей выраженности акцентуаций характера у юношей и девушек приведены на рисунке 6.

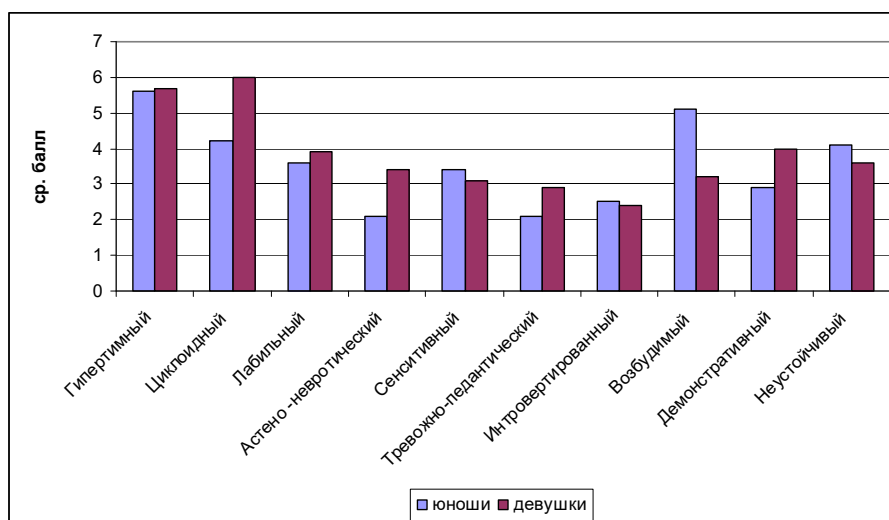

Рис. 6. Средние значения показателей выраженности акцентуаций характера у юношей и девушек старшего подросткового возраста

Как следует из рисунка 6, среди старших подростков значительное количество тех, у кого выраженными являются такие типы акцентуаций характера как гипертимный, циклоидный, возбудимый, демонстративный, неустойчивый. Полученные эмпирические данные хорошо коррелируют с результатами исследований таких психологов, как Г.Ф. Голубева, В.В. Коврова, А.Е. Личко [7, 12, 13].

Для определения взаимосвязи между агрессивностью и акцентуациями характера старших подростков был осуществлен математико-статистический анализ на основе методики ранговой корреляции Ч. Спирмена. Результаты корреляционного анализа отражены в таблице 3.

Таблица 5
Результаты корреляционного анализа агрессивности и акцентуаций характера у старших подростков

	Гипертимный.	Циклоидный	Лабильный.	Астено-невротический.	Сенситивный.	Тревожно-педантический.	Интровертированный	Возбудимый	Демонстративный.	Неустойчивый
Физическая агрессия	-0,23	-0,22	-0,03	-0,35*	-0,34*	-0,24	0,02	0,62**	-0,26	0,27
Вербальная агрессия	-0,16	-0,23	-0,12	-0,17	-0,17	-0,44**	-0,11	0,29*	0,35*	0,36*
Косвенная агрессия	-0,06	0,18	-,001	0,07	-0,01	0,14	-0,05	-0,14	0,21	0,01
Негативизм	-0,03	0,08	-0,01	-0,14	-0,16	-0,07	0,04	0,36*	-0,28	0,07
Раздражение	-0,15	-0,17	-0,13	-0,25	-0,21	-0,23	0,01	0,49**	0,08	0,34*
Подозрительность	0,16	0,65**	0,16	0,12	0,08	0,33*	-0,17	-0,15	0,08	-0,14
Обида	-0,08	0,11	0,01	0,06	0,07	-0,08	-0,13	-0,19	0,41**	-0,03
Чувство вины	-0,16	-0,03	0,09	0,1	0,45**	0,22	0,02	-0,11	0,14	-0,06
Агрессивность	-0,22	-0,11	-0,06	-0,21	-0,25	-0,23	-0,07	0,37**	0,12	0,21
Враждебность	0,06	0,55**	0,12	0,12	0,11	0,18	-0,21	-0,24	0,33*	-0,12
Агрессивность по Тесту Руки	0,15	0,39**	0,17	0,09	0,23	0,12	0,02	0,56**	0,41**	0,22

* при $p \leq 0,05$, ** при $p \leq 0,01$

Проведенный корреляционный анализ показал, что существуют значимые статистические различия между шкалами методик:

- между циклоидным типом характера и подозрительностью ($r_{эмп} = 0,65$, $p \leq 0,01$), враждебностью ($r_{эмп} = 0,55$, $p \leq 0,01$), и агрессивностью по тесту руки ($r_{эмп} = 0,39$, $p \leq 0,01$). Т.е. подростки, отличающиеся периодическое колебание настроения и жизненного тонуса, не контактные ждут от других агрессивных действий, не доверяют другим.

- между астено-невротическим типом характера и физической агрессией ($r_{эмп} = -0,35$, $p \leq 0,05$). Установлено, что чем более у подростков выражены повышенная психическая и физическая утомляемость-раздражительность/склонность к ипохондричности, тем менее они склонны к активным агрессивным действиям;

- между сензитивным типом характера и физической агрессией ($r_{эмп} = -0,35$, $p \leq 0,05$) и чувством вины ($r_{эмп} = 0,45$, $p \leq 0,01$); Т.е. подростки отличающиеся чрезвычайно высокой впечатлительностью, неуверенностью в себе, менее склонны к физическим агрессивным действиям и более склонны к эмоциональным страданиям от мнимых и реальных действий других;

- между тревожно-педантическим типом характера и подозрительностью ($r_{эмп} = 0,33$, $p \leq 0,05$): подростки нерешительные и склонные к рефлексии, мнительные, тревожные, подверженные всяким страхам отличаются высокой подозрительностью, не доверяют окружающим, подозревают их в негативных мыслях, планах, предвзятом отношении;

- между возбудимым типом характера и физической агрессией ($r_{эмп} = 0,62$, $p \leq 0,05$), вербальной агрессией ($r_{эмп} = 0,29$, $p \leq 0,05$), негативизмом ($r_{эмп} = 0,36$, $p \leq 0,01$), раздражением, ($r_{эмп} = 0,49$, $p \leq 0,01$), агрессивностью ($p \leq 0,01$). Т.е. подростки склонные к дисфории (пониженному настроению с раздражительностью, озлобленностью, мрачностью) могут использовать физическую силу против другого лица, они ругаются, оскорбляют окружающих, сопротивляются активно и пассивно, установленным нормам и правилам, агрессивны;

- между демонстративным типом характера и вербальной агрессией ($r_{эмп} = 0,35$, $p \leq 0,05$), обидой ($r_{эмп} = 0,41$, $p \leq 0,01$), враждебностью ($r_{эмп} = 0,33$, $p \leq 0,05$), агрессивностью по Тесту Руки ($r_{эмп} = 0,41$, $p \leq 0,01$). Выявлено, что эгоцентричные подростки с ненасытной жадой внимания к своей особе, восхищения, почитания, сочувствия склонны к они ругани, оскорблениям окружающих, чувствительны к словам и действиям окружающих в отношении них, враждебны;

- между неустойчивым типом характера и вербальной агрессией ($r_{эмп} = 0,36$, $p \leq 0,05$), раздражением, ($r_{эмп} = 0,34$, $p \leq 0,01$). Т.е. установлено, что у подростков со слабой волей, недостаточной способностью тормозить свои влечения склонность к вербальной агрессии, раздражению.

Проведенное эмпирическое исследование показало, что агрессивность старших подростков связана с таким типов акцентуаций характера как возбудимый тип, при выраженности которого проявляется как физическая, так и вербальная агрессия, раздражение и негативизм. Агрессивность является чертой возбудимого типа характера.

При демонстративном типе характера у подростков отмечается вербальная агрессия, которая может быть проявлением бравадирования, привлечения внимания. Для данных подростков характерным является обидчивость, чувствительность к оценкам других.

При циклоидном типе характера выражена враждебность, которая может быть следствием неуверенности в себе, стремления к защите и сохранения позитивного самоотношения.

При неустойчивом типе характера у старших подростков не развиты эмоциональная саморегуляция и стрессоустойчивость, что может служить причиной агрессивного и девиантного поведения. Данные подростки входят в группу риска и требуют особого внимания с точки зрения профилактики и коррекции агрессивных и акцентуированных черт характера в поведении и деятельности.

Выводы.

1. Теоретический анализ научной литературы позволил установить, что агрессивность представляет собой личностный конструкт, свойство, отражающее осознаваемую или неосознаваемую предрасположенность личности к достаточно последовательному агрессивному поведению, целью которого является причинение объекту физического или психологического вреда. Агрессивность имеет отношение к насилию, она определяет ситуативные и устойчивые возможные девиантные и аддиктивные формы поведения.

2. Эмпирические данные, полученные на выборке их 50-ти старших подростков, обучающихся в 10-х классах общеобразовательной школы города Брянска, показали склонность подростков к агрессивному поведению. У большинства данная склонность находится на среднем уровне выраженности (62%), однако 38% подростков выборки имеют высокий уровень агрессивного поведения.

3. При изучении акцентуаций характера было выявлено, что у старших подростков выборки отмечается гипертимный, циклоидный, возбудимый, демонстративный и неустойчивый типы, последний из которых входит в группу риска и требует коррекционного вмешательства с целью предупреждения девиантных и аддиктивных форм поведения.

4. На основании результатов эмпирического исследования была разработана программа психолого-педагогического сопровождения, направленная на коррекцию уровня агрессивности старших подростков, которая находится в стадии апробации.

Литература

1. Агрессия у детей и подростков: Учебное пособие / Под ред. Н.М. Платоновой. – Санкт-Петербург: Речь, 2006. – 334 с.

2. Батаршев А.В. Диагностика темперамента и характера / А.В. Батаршев. – Санкт-Петербург: Питер, 2007. – 362 с.

3. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль / Л. Берковиц. – Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2005. – 516 с.

4. Бурлачук Л.Ф. Словарь – справочник по психодиагностике / Л.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов. – Санкт-Петербург: Питер, 2002. – 528 с.

5. Голубева Г.Ф. Проблемы подготовки психологов-консультантов для психологической службы в образовании / Г.Ф. Голубева // Вестник Брянского государственного университета. – 2009. – № 1. – С. 117-121.

6. Голубева Г.Ф. Социально-психологическая диагностика личностных особенностей представителей студенческого актива в процессе формирования лидерских качеств / Г.Ф. Голубева, В.В. Спасенников // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2010. – Т. 16. – № 2. – С. 170-174.

7. Голубева Г.Ф. Непараметрическая социометрия в анализе связи формальной и неформальной подструктуры общения старшеклассников / Г.Ф. Голубева // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2017. – № 4. – С. 37-39.

8. Голубева Г.Ф. Социально-психологическая диагностика личностных особенностей представителей студенческого актива в процессе формирования лидерских качеств / Г.Ф. Голубева, В.В. Спасенников // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2010. – Т. 16. – № 2. – С. 170-174.

9. Голубева Г.Ф. Эргономическое обеспечение разработки экспертных психодиагностических систем с использованием стандартизированных тестов / Г.Ф. Голубева, А.А. Тришин // Эргодизайн. – 2019. – № 4 (06). – С. 203-213.

10. Гуляева К.Ю. Особенности агрессивности в подростковом возрасте и способы ее коррекции / К.Ю. Гуляева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2007. – № 2. – С. 144-153.

11. Дубинин С.Н. Агрессивное поведение у детей и подростков как одна из форм девиантного поведения / С.Н. Дубинин // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – № 5. – С. 98-116.

12. Ковров В.В. Проблемы раннего выявления асоциального поведения учащихся в образовательной организации / В.В. Ковров // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии: Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, 8-10 октября 2019 г. / под редакцией Коврова В.В.– Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. – С. 291-297.

13. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / А.Е. Личко. – Санкт-Петербург: Речь, 2010. – 251 с.

14. Сущенко М.А., Худяков А.И. Координатно-социограммный анализ межличностной напряженности на основе аутосоциометрического моделирования интерактивного взаимодействия / М.А. Сущенко, А.И. Худяков // Эргодизайн. – 2018. – № 2 (02). – С. 20-28.

УДК: 159.9

СЕМЕЙНАЯ МИКРОКУЛЬТУРА И ИСТОКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Горелкина Мария Александровна,
аспирант факультета педагогики и психологии
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,
г. Москва

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы семейной микрокультурной социализации, приводящие к дисгармонии в становлении личности и сказывающиеся на дальнейшем развитии ребенка. Решение данной проблемы мы видим в разработке эффективной комплексной программы по укреплению семейной микрокультуры.

Ключевые слова: семья, девиантное поведение, социализация, личность, социальный институт, семейная микрокультура, воспитание.

Annotation. The article discusses the actual problems of family microcultural socialization, leading to disharmony in the formation of the personality and affecting the further development of the child. We see the solution to this problem in the development of an effective comprehensive program to strengthen the family microculture.

Keywords: family, deviant behavior, socialization, personality, social institution, family microculture, upbringing.

Постановка проблемы. Причины девиантного поведения сложны и многочисленны. Их истоки можно искать в генетических, психологических, социальных сферах. В настоящее время наблюдается усиление внимания к семье, как основному социализирующему институту, которому принадлежит приоритет в воспитании детей. Современная трансформация семейного института, неустойчивость естественного пути передачи накопленного опыта ведет к увеличивающейся малодетности, не усвоению навыков материнства, отцовства и как следствие росту числа детей с отклоняющимся и аддиктивным поведением.

Целью исследования является поиск научных теоретических обоснований для успешной интеграции ребенка в социум в современных условиях.

Изложение основного материала исследования.

В настоящее время отмечается повышенное внимание к семье. Современная семья находится в нестабильном состоянии. Происходит переход от традиционного типа к новому, не достаточно очерченному типу семьи. Новые тенденции к индивидуальности ведут к нивелированию и потере сложившихся духовно-нравственных традиций, что актуализирует

проблему формирования гармоничной личности. В нашем исследовании семейный институт рассматривается как система личностного становления человека. Находясь в постоянном движении, меняясь под воздействием социальных, политических, экономических условий и в силу внутренних процессов своего функционирования она является одним из главных объектов социализации.

Социализация в семье осуществляется двумя видами воздействия: целенаправленного воспитания и скрытым воздействием семейной микрокультуры. Создавая определенный социально-психологический климат, семейная микрокультура во многом определяет развитие личности ребенка, как в настоящем, так и в будущем. Семейный микромир отражает в себе всю совокупность общественных отношений: к труду, событиям внутренней и международной жизни, к культуре, взаимоотношениям друг к другу, природе, соседям, друзьям [1, с.1]. Е.Е. Сапогова подробно описывает микрокультуру семьи и дает ей определение: «Семейная микрокультура – это быт, семейный уклад, культурно-историческая модель, в которой за счет естественного повседневного и ритуализированного общения происходит усвоение человеком информации о существующих моделях, нормах поведения» [3, с.222-224]. То есть семейная микрокультура – это традиции, ценности, семейные реликвии и талисманы, семейные тексты и нарративы, наследственные характерологические черты и др. Воспитательное воздействие семейной микрокультуры бесспорно: родители через семейный быт внедряют в сознание ребенка определенную систему норм, схем поведения, соблюдение которых постепенно становится для него привычкой и внутренней потребностью; ребенок подражает родственникам, ориентируясь на их пример; ребенок развивается и за счет наблюдения взаимоотношений между родственниками.

К сожалению, отход от многопоколенных семейных традиций, трансформация семьи как социального института ведет к недоступности передачи культурно-исторического опыта молодому поколению, кризису идентичности. Таким образом, кризис семьи приводит к усилению и закреплению дисгармонии, сказывающейся на дальнейшем развитии ребенка и приводящей к аддиктивному поведению.

Влияние семейной микрокультуры особенно велико потому, что она является для ребенка источником необходимого жизненного опыта. Запас детских знаний и поведенческих установок во многом зависит от того насколько наследуемая семейная микрокультура позволяет комфортно адаптироваться в происходящих вокруг переменах. Кроме того, очень важна внутрисемейная культура общения. Дети, которые умеют справляться с проблемами общения, умеют взаимодействовать, будут лучше других детей адаптироваться в новой обстановке, положительно реагировать на современные непрерывно меняющиеся условия. С помощью типовых семейных конструкций, демонстрируемых членами семейной общности, ребенок учится тому, как вести себя, что следует делать и как принято общаться в конкретной ситуации. Таким образом, родительский многопоколенный опыт обеспечивает мягкое вливание индивида в социум.

Кроме социализирующих воздействий микрокультура семьи оказывает еще одну важную функцию – объединяет родственную группу, поддерживает связь друг с другом, формируя чувство «Мы-идентичности». Понятие «идентичность» (от лат. *identicus* – тождественный, совпадающий) означает чувство принадлежности к какой-либо структуре, социальной группе, осознание человеком того, что он является частью этой структуры и занимает в ней определенное положение [2, с. 86]. Формирование идентичности, как чувства принадлежности к некоторой культуре, помогает индивиду найти свою социальную нишу, закладывая основы ощущения стабильности и безопасности.

Отметим, что одной из важных причин противоправного поведения ребенка – «недостаточное чувство собственной принадлежности к общности» [5, с.73]. В современных непрерывно меняющихся социальных условиях, где рушатся старые мифы и символы, в которых мы привыкли искать опору, разрушается и фундамент социального воздействия на личность. А именно, трансформация семейного института (появление альтернативных форм брака, оскудение родственных взаимоотношений, изменение сексуального и репродуктивного

поведения, утрата законным браком его прежнего значения, дезорганизация ролевых установок материнства и отцовства, легитимность гомосексуальных союзов и т.д.) [4, с.3] оказывает дестабилизирующее влияние на личность, в результате фрустрируется одна из базовых потребностей – потребность в стабильности и упорядоченности окружающего мира, наличие четких ориентиров в поведении и оценках.

Выводы. В настоящее время стало очевидным, что одна из важнейших проблем современной педагогики – установление связей и зависимостей между интеграцией воспитательного потенциала и гармонично развитой личностью. Решение этой проблемы призвано определить важные направления в практической педагогике. Поскольку первый социальный институт, в который входит человек – это семья, то, как правило, семейная микрокультура является наиболее значимой частью мира ребенка. Именно семейная микрокультура (традиции, семейный быт, семейная атмосфера, семейные талисманы и пространственный мир семьи) служит источником формирования личностных черт, базисных установок и мотивов поведения. В современном мире деформации социальных установок целенаправленное укрепление семейной микрокультуры рассматривается как фундаментальная основа в формировании гармонично развитой личности.

Литература

1. Делейчук Л.Э. Берняева И.О. Неблагополучные семьи как источник социального сиротства и девиантного поведения детей // Современные научные исследования и инновации. – 2017. – №1. – С. 779-787.
2. Денисюк Н.П. Формирование этнической идентичности в современных условиях // Вестник. – 2016. – № 3. – С. 86-89.
3. Сапогова Е.Е. Культурный социогенез и мир детства. Уч. пос. для высшей школы. – М.: Академический проект, 2004. – 496с.
4. Харламов В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье // автореф. – 2019. С. – 43с.
5. Шнейдер Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков. – М.: Академический проспект, 2007. – 336с.

УДК: 37.013

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ ПОДРОСТКА КОЛЛЕДЖА ИЗ ПРОБЛЕМНОЙ СЕМЬИ

Горобец Даниил Валентинович,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры социально-педагогических технологий
и педагогики девиантного поведения
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского» в г. Ялте

Аннотация. В статье рассматриваются особенности психолого-педагогического сопровождения обучающихся подростков профессионального колледжа из проблемных семей. На основе научной литературы раскрыты отличительные стороны подростков из проблемных семей; основные личностные и профессиональные качества педагогов, обеспечивающих психолого-педагогическое сопровождение; выделены этапы ведения психолого-педагогического сопровождения подростков из проблемных семей.

Ключевые слова. Психолого-педагогическое сопровождение, подросток, проблемная семья, личностные и профессиональные качества педагога.

Annotation. The article examines the features of psychological and pedagogical support of students of vocational college adolescents from problem families. On the basis of scientific literature, the distinctive aspects of teenagers from problem families are revealed; the main personal and professional qualities of teachers who provide psychological and pedagogical support; the stages of psychological and pedagogical support of adolescents from problem families are highlighted.

Keywords. Psychological and pedagogical support, teenager, problem family, personal and professional qualities of a teacher.

Постановка проблемы. Система среднего профессионального образования связана, в основном, с обучением подростков. Подростковый возраст – это период, который характеризуется бурными физиологическими и психологическими изменениями, в это время формируется личность подрастающего человека. Повышенные социальные требования к обучающемуся подростку профессионального колледжа в сочетании с негативными процессами, происходящими в его ближайшем социальном окружении – семье, очень часто провоцируют разнообразные отклонения в характере и поведении ребенка, нервно-психические и эмоциональные нарушения, даже срывы. В условиях отсутствия положительного воспитательного воздействия семьи, особое внимание приобретает позиция педагога по предоставлению проблемному подростку психолого-педагогической помощи, поддержки, сопровождения с целью профилактики возможной социальной и психологической дезадаптации, а также коррекции его личностного развития и воспитания.

Целью статьи является раскрытие основных направлений социально-психологического сопровождения, которое осуществляется преподавателем профессионального колледжа при взаимодействии с проблемным подростком и, по возможности, с его родителями.

Изложение основного материала. Воздействие преподавателей, кураторов академических групп, психолога колледжа на обучающихся подростков, особенно проблемных, зачастую бывает сильнее, нежели воздействие родителей и семейной среды. Не напрасно многие родители, пытаясь наладить отношения и взаимопонимание с проблемным подростком, обращаются за профессиональной помощью к педагогам профессионального колледжа.

В научной литературе дана достаточно обширная характеристика подросткам группы риска. Обучающиеся из проблемных семей имеют следующие отличительные особенности: проецирование на себя современной жизни собственных родителей; ощущение эмоционального отвержения со стороны родителей и одновременно психологическая автономия; изменение направленности интересов, включающих свободное времяпрепровождение подальше от дома; ощущение полной свободы (уход из дома, побеги, путешествия, ситуации переживания риска и т. д.); отсутствие ценностей, принятых в обществе (творчество, познание, активная деятельность); убеждение в своей ненужности в обществе, невозможности добиться в жизни чего-либо своими силами, своим умом и талантом, занять достойное положение среди сверстников, достичь материального благополучия; отклонения в общении, характерные в отношениях со взрослыми, приводящие к переживанию своей ненужности, утрате собственной ценности и ценности другого человека [2; 4]. Данные особенности оказывают влияние на становление личностных и профессиональных качеств будущего специалиста.

Д. Грэхэм считает, что если ребенок должен самостоятельно регулярно заботиться о своей защите, потому что ощущает постоянный дефицит любви и тепла на начальном этапе формирования его личности, он к этому привыкает и в дальнейшем продолжает защищаться и от своих проблем, и от самого себя [3]. Именно такой подросток из проблемной семьи требует особенного подхода со стороны педагогов профессионального колледжа.

Как утверждал А.А. Бодалев, взаимоотношения детей с другими людьми являются одним из главных факторов их личностного развития [1]. Полностью разделяя данную точку зрения, рассматриваем взаимоотношения как взаимодействие людей в разных видах

деятельности, которое направлено на согласование и объединение ими усилий с целью достижения общих результатов.

Научно установлено, что успех взаимодействия в психолого-педагогической системе «педагог-подросток-родители» зависит от характера взаимодействия участников данного процесса, где между ними формируются целесообразные для социально значимой деятельности взаимоотношения [5]. При этом, как и большинство исследователей, мы считаем, что психолого-педагогическое взаимодействие будет лишь тогда успешным, когда педагог пользуется уважением и доверием со стороны подростка, когда педагог готов к сотрудничеству с подростком на основе равноправного диалога, когда педагог по реакции подростка понимает, как его воспринимает и оценивает подросток. Именно при таком взаимодействии происходит не только личностное развитие трудного подростка, но и совершенствуется личность самого педагога.

Если педагог профессионального колледжа принимает подростка из проблемной семьи таким, какой он есть, относится к нему тепло и доброжелательно, замечает его стремления на пути к успеху, то тревожность, страхи, защитные реакции подростка заметно снижаются. Подросток начинает откровенно говорить о своих чувствах, переживаниях, мечтах, стремлениях, оставаясь самим собой и не прикрываясь защитной маской. Чем больший успех будут иметь трудный подросток, тем выше будет его самооценка и чувство самоуважения. Такое взаимодействие педагога и обучающегося из трудной семьи обеспечит развитие и самоактуализацию личности подростка.

Психолого-педагогическое сопровождение подростка из проблемной семьи должно опираться на следующие принципы, которые сформулированы на основе теории конгруэнтной коммуникации Х.Д. Джайнотта, а именно:

- поддерживать в подростке его достоинства и позитивный «Я-образ»;
- акцентировать внимание на изменениях в личностном развитии подростка на основе сравнения его с самим собой, а не с другими обучающимися;
- анализировать ситуацию, поступки и их последствия, а не личность и характер самого подростка;
- не навязывать подростку вопреки его желанию средства и способы деятельности поведения; - принимать и поощрять все продукты самостоятельной творческой деятельности подростка, не зависимо от их содержания, формы и качества;
- не использовать негативных оценочных суждений, ярлыков, негативного программирования будущей жизни подростка.

Реализация психолого-педагогического сопровождения подростка из проблемной семьи будет более эффективной, если педагог будет использовать в своей деятельности личностно ориентированный подход, который отличается не только содержанием, но и разнообразием воспитательных технологий. Главными задачами педагога в воспитании подростка из проблемной семьи в рамках личностно ориентированного подхода являются следующие: сосредоточение внимания на личности подростка; подчеркивание таких уникальных человеческих качеств как творчество, выбор, самооценка, самоактуализация, способности; признание человеческого достоинства и индивидуальности как самостоятельных ценностей и возможностей каждого человека. Использование в педагогической практике личностно ориентированного подхода в работе с подростками из проблемных семей, опора на их возрастные особенности, потребности, познавательные интересы, творческие способности является наиболее перспективным направлением, поскольку позволяет педагогу выделить и проанализировать психологические трудности подростка, подобрать эффективные педагогические формы и технологии его личностного развития и воспитания.

Критериями эффективности деятельности педагога, как считает О.Д. Хромова, могут выступать:

- использование личностно ориентированного подхода в воспитании подростка из проблемной семьи;
- опора на сильные индивидуальные и типологические особенности подростка;

- опора на самостоятельность и самодеятельность подростка;
- умение работать с родителями, привлекать их к миру жизненных интересов собственных детей [6].

Эффективность реализации личностно ориентированного подхода в работе с подростками из проблемных семей зависит во многом от типа личности педагога, стиля его общения – авторитарного, демократического или либерального. В первом случае наблюдается склонность педагога к монологам, который носит директивный, приказной характер. Такой стиль общения не способствует установлению с обучающимся из проблемной семьи доверительных отношений. При демократическом стиле общения ярко выражена склонность педагога к диалогу с проблемным подростком и его родителями. Либеральный стиль проявляется в непосредственной, часто попустительской, манере общения педагога без значимых результатов.

Особенности личностно ориентированной педагогической деятельности постоянно ставят педагога профессионального колледжа в разнообразные коммуникативные ситуации, требуя от него проявления таких качеств, которые бы способствовали эффективному межличностному взаимодействию с подростком из проблемной семьи и его родителями. К таким качествам можно отнести способность педагога к рефлексии, эмпатии, гибкости, сотрудничеству, толерантности. Именно эти качества стимулируют состояние эмоционального комфорта, интеллектуальной активности, творческого поиска, способствуют взаимопониманию в общении с подростком из трудной семьи и сопереживанию. В то же время эти качества составляют гуманистический потенциал педагога и способствуют личностному развитию подростка из проблемной семьи, обеспечивая целесообразность взаимодействия и эффективность психолого-педагогического сопровождения.

Безусловно, такие качества личности педагога, как направленность на успех подростка, склонность замечать в нем все хорошее, способность реализовывать полисубъектные взаимоотношения, конгруэнтность личностного и профессионального в педагогической деятельности создают предпосылки для эффективного психолого-педагогического сопровождения подростка из проблемной семьи.

Ученые-классики, исследуя личность и профессиональную деятельность педагога, единодушны в том, что не каждый педагог способен работать с другим человеком как личностью. Это утверждение подтверждает мнение современных исследователей о том, что не каждый педагог способен к психолого-педагогическому сопровождению личности подростка из проблемной семьи, его развитию и воспитанию. Деятельность педагога профессионального колледжа многопрофильная и многогранная. Профессиональная компетентность педагога определяется не только его интеллектом, но и особенностями нервной системы, эмоциональной стойкостью и высокой трудоспособностью в процессе общения, что позволяет противостоять эмоциональному утомлению и выгоранию в работе с проблемными обучающимися. Эмоционально-чувственная сфера педагога, который ведет психолого-педагогическое сопровождение подростков из проблемных семей, должна характеризоваться эмоциональной стабильностью, преобладанием позитива в межличностных отношениях с обучающимися и их родителями, способностью преодолевать психологические стрессы и отсутствием тревожности как личностного качества педагога.

Ученые выделяют разное количество этапов реализации психолого-педагогического сопровождения личностного развития и воспитания подростка из проблемной семьи.

Считаем, что наиболее целесообразно использовать в работе профессионального колледжа по психолого-педагогическому сопровождению обучающихся из проблемных семей семь этапов.

Первый этап связан с диагностикой личностного развития подростка из проблемной семьи.

Второй этап посвящен анализу и интерпретации полученной информации.

Третий этап включает совместную разработку плана и программы, содержания и рекомендаций как для проблемного подростка и его родителей, так и для педагогов профессионального колледжа всех уровней.

Четвертый этап предполагает консультирование всех участников психолого-педагогического сопровождения касательно путей и способов решения личностных проблем подростка.

Пятый этап – реализация содержания психолого-педагогического сопровождения каждым его участником.

На шестом этапе происходит анализ исполнения плана и программы психолого-педагогического сопровождения личностного развития и воспитания подростка из проблемной семьи.

Седьмой, заключительный этап связан с дальнейшим анализом и перспективами личностного развития и воспитания подростка из проблемной семьи.

Безусловно, выделение данных этапов психолого-педагогического сопровождения обучающегося из проблемной семьи носит условный характер. Условность связана с тем, что у каждого обучающегося существуют свои собственные проблемы и для их решения нужен лично ориентированный подход, мотивация самого подростка и его родителей, заинтересованность каждого участника психолого-педагогического сопровождения.

Как показывает практика, психолого-педагогическое сопровождение обучающихся из проблемных семей – это процесс достаточно длительный и сложный. Его нельзя ограничить во времени, поскольку в каждом случае ситуация личностного развития проблемного подростка носит индивидуальный характер. Однако, педагогам профессионального колледжа в процессе психолого-педагогического сопровождения необходимо придерживаться двух главных направлений:

1) сохранение природных механизмов личностного развития проблемных подростков и предотвращение условий, способным деформировать их личность;

2) формирование у обучающихся потребности к саморегуляции, самовоспитанию, саморазвитию, самосовершенствованию.

Эффективность психолого-педагогического сопровождения обучающихся профессионального колледжа из проблемных семей обусловлена рядом требований к уровню профессиональных и личностных качеств педагога. Наиболее значимые из них: умение войти в мир подростка, не нарушая его личностного пространства; умение создать эмоционально поддерживающую атмосферу совместных коммуникаций с подростком; знать и использовать в своей работе современные стили подросткового взаимодействия и общения; уметь получать удовольствие от работы и общения с обучающимися; помнить себя в подростковом возрасте, что поможет установить контакт с проблемным подростком и будет способствовать его личностному росту.

Выводы. Итак, подводя итог, отметим, что проблема психолого-педагогического сопровождения подростков из проблемных семей актуальна и требует дальнейшего изучения. Психолого-педагогическое сопровождение будет эффективным, если в нем будут принимать активное участие педагог и проблемный подросток. Это облегчит физическую и эмоциональную нагрузку и обеспечит взаимную поддержку, которая так необходима в процессе личностного общения подростка и педагога. Кроме этого, позитивное взаимодействие дает возможность обеим сторонам анализировать результаты психолого-педагогического сопровождения и корректировать его дальнейшую процедуру.

Литература

1. Бодалев А.А. Личность и общение: избранные психологические труды / А.А. Бодалев. – Издание 2-е, переработанное. – Москва: Международная педагогическая академия, 1995. – 328 с. – URL: <http://www.psychlib.ru/inc/absid.php?absid=12366> .

2. Ворожцова Л.А. Социально-педагогическое сопровождение студентов-подростков «группы риска» в Сельскохозяйственном колледже Хакасского государственного

университета им. Н.Ф. Катонова // Л.А. Ворожцова. Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катонова. – 2016. – С. 120-124.

3. Грэхэм Джеоф. Как стать родителями самому себе / Джеоф Грэхэм. – М.: Независимая фирма «Класс», 1993. – 83 с.

4. Кондратенко В.Т. Девиантное поведение у подростков / В. Т. Кондратенко. – Минск: Знание, 2008. – 345 с.

5. Острые проблемы воспитания: поиски решения: практическое пособие / Н.Ю. Синягина, В.А. Березина, Б.З. Вульфов, В.Д. Иванов ; под ред. Н.Ю. Синягиной. – Москва: Арманов-центр, 2010. – 240 с.

6. Хромова О.Л. Деятельность классного руководителя по профилактике насилия в неблагополучных семьях учеников-подростков // О.Л. Хромова. // Современный воспитательный процесс: сущность и инновационный потенциал: Материалы Международной научно-практической конференции Института проблем воспитания НАПН Украины. – Киев: «Типовид», 2011. – С. 232-234.

УДК 159.9.07

ВЛИЯНИЕ СЛОЖНОГО УЧЕБНОГО КЛАССА НА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИМАТ В ШКОЛЕ

Димитрова Екатерина,

кандидат психологических наук, доцент,

Институт народонаселения и гуманитарных исследований

Болгарской академии наук,

г. София, Республика Болгария

Аннотация: В статье рассматриваются этапы формирования школьного общественного мнения относительно сложившегося трудного класса и его связь с изменением общего социально-психологического климата в школе.¹

Ключевые слова: трудный класс, школа, социально-психологический климат, подростки, этапы.

Abstract: The article examines the stages of formation of school public opinion regarding the formed difficult class and its connection with the change of the overall socio-psychological climate in the school.

Key words: difficult class, school, socio-psychological climate, adolescents, stages.

Постановка проблемы. В болгарской школе все чаще формируются и развиваются сложные (трудные) ученические классы. По определению, трудный класс – это небольшая социальная группа, для которой характерно: наличие социально-психологического климата, поощряющего конфликты; слабый социальный контроль над групповым поведением; выраженная демотивация, по сравнению с нормальными классами; более агрессивное и деструктивное групповое поведение [3:76]. С этой точки зрения, формирующаяся агрессивная внутригрупповая модель поведения в классе данного типа, может впоследствии повлиять на общий социально-психологический климат в школе.

Целью статьи является рассмотрение взаимосвязи между формированием сложного класса в школе и тем направлением, которое влияет на общий социально-психологический климат в школе.

Изложение основного материала исследования.

---

¹ Публикация статьи представлена в авторской редакции.

Социально-психологический климат – это практико-ориентированное понятие, которое служит потребности в оценке групповой среды в целом и выражает в обобщенном виде характер тех условий (благоприятных или неблагоприятных), в которых осуществляется человеческая деятельность. Это идеальное мысленное отражение системы реальных отношений и является функцией совместной деятельности и общения между людьми.

С. Джонев, например, определяет психологический климат как доминирующий тип отношений между членами группы по горизонтали и вертикали в связи с совместной деятельностью. Кроме того, считается, что «психологический климат является одним из результатов взаимодействия между людьми и окружающей средой, и на него влияет как природа вовлеченных людей, так и окружение» [цитата по 7: 197].

«Школьный климат» (психологический климат) является важным критерием успешности и эффективности образовательной среды школы; определяется как «общие убеждения, ценности и отношения, возникающие при взаимодействии в процессе различных видов деятельности субъектов школьной среды; это продукт социального взаимодействия между учениками и учителями, на который влияют образовательные и социальные ценности. В специальных психолого-педагогических исследованиях было показано, что психологический климат является актуальным обстоятельством (научной и прикладной проблемой) для более точного понимания природы современных социальных ситуаций, возникающих в классах и в школе в целом [3, 7, 10, 11, 13].

Школьный климат связан с успеваемостью и неуспеваемостью учащихся, с наличием у них поведенческих расстройств и конкретных девиаций, с агрессией и проблемным поведением школьников в школе и социальной среде, с проблемами адаптации, а также с социальными и личными установками. Негативное восприятие школьного климата связано с низким уровнем вовлеченности учащихся, прогулами, «отсевом из школы «проблемных учащихся», правонарушениями, издевательствами со стороны сверстников и др. Социально-психологический климат напрямую связан с формированием общественного мнения. Для того, чтобы отследить влияние трудного класса на социально-психологический климат, необходимо изначально сформировать в школе определенное общественное мнение относительно этого типа класса.

В этом смысле уже сформированный сложный класс в школе постепенно становится доступным более широкому кругу учителей и подростков. По словам У. Макдугалла, одного из первых последователей Лебона, факты трудного класса находят свое место в «коллективном сознании» школы. Восприятие коллективного сознания индивидами – это вопрос их интеграции в группу и общество, и степень, в которой они подчиняются этому сознанию, определяет их экзистенциальное положение [4: 268]. Нельзя сказать, что сложный класс постоянно находится в сфере внимания школы или постоянно находится в ее центре. С одной стороны, в массовом школьном сознании информация об этом постепенно занимает определенное место. Обычно движение этой информации становится предметом внимания и профессиональной заботы педагогического коллектива. Затем он относительно быстро распространяется среди классов с одинаковым уровнем образования. В дальнейшем они попадают в классы с более высокой или более низкой ступенью образования, появляются более информированные и заинтересованные группы, и наоборот.

Вначале подростки проявляют специфический эмоциональный настрой, проявляющийся кратковременным настроением, часто мимолетным, но интересным. Затем формируется оценочное отношение [9]. Это отношение еще не сформировало установку, но в основном связано с моментом оценки, который является частью установки. Также имеет значение, знают ли подростки (и одобряют ли они) деструктивное поведение учащихся из этого класса, находятся с ними в конфликтных отношениях (а может уже были с кем-то из них в конфликтной ситуации). Известно, что если нам кто-то нравится, мы иногда приписываем это, то есть связываем его негативное поведение с его текущим настроением или оправдываем его и перекладываем вину на кого-то другого [1: 124].

Именно поэтому каждый отдельный подросток в школе при оценке ситуаций, происходящих в сложном классе, руководствуется индивидуальной специфической оценочной призмой в зависимости от собственного характера, установок, системы ценностей и особенностей поведения. В какой-то момент благодаря многочисленным наблюдениям, учащиеся формируют общее отношение, которое оказывает социально-психологическое давление на того или иного ученика, направляет индивидуальное поведение и отношение к трудному классу. Это приводит к разным отношениям к трудному классу – от крайне негативного, к очень позитивному, от полной незаинтересованности к заинтересованности, сопровождаемой любопытством. Кроме того, каждое новое событие в школе – позитивное или негативное – воспринимается подростками как нечто особенное, о чем следует помнить при организации учебно-воспитательной работы с учащимися в школе. Это приносит новые позитивные моменты и обстоятельства в обычную школьную повседневность.

Поведенческие проявления трудного класса передаются из уст в уста и на слух, и чаще всего анализируются на эмоциональной основе. Экстремальные формы поведения в классе не являются повседневными и не входят в массовое сознание подростков ежедневно. Однако, когда определенное действие приобретает значительные масштабы, то другие люди часто его принимают и не игнорируют. Внимание государственной школы, данная фиксация подростков на трудном классе носит циклический характер, со своими взлетами и падениями и в конечном итоге перерастает в общественное мнение школы.

Влияние социальной среды на формирование ученического коллектива класса не вызывает сомнений. В данном случае под социальной средой понимается внутришкольная среда и, прежде всего, учащиеся классов, учителя, родители, мнения которых о трудном классе и влияют на его функционирование.

Как пишет И. Цонева (2007), «общественное мнение в целом – это совокупность мнений целевой группы людей. «Некоторые из них являются носителями иррациональных убеждений и стереотипов, другие воспринимают реальность через призму своих элементарных схем, а третьи использовали субъективные и объективные факты для развития рациональных убеждений. В конечном итоге достигается единое отношение, которое структурируется на основные психологические характеристики и мнения: оценочное, эмоционально окрашенное суждение, умозаключение или оценочное отношение к предмету деятельности» [12:99].

Общественное мнение – явление изменчивое (находится в процессе развития) [12]. Это происходит, когда трудный класс демонстрирует свое типичное агрессивное поведение. Тогда школьное общественное мнение поддерживает и (или) не поддерживает или остается к нему равнодушным, только в роли беспристрастного наблюдателя. Таким образом формируется устойчивое отношение к подросткам этого класса.

Формирование школьного общественного мнения проходит несколько этапов:

Вначале подростки выражают мнения и мнения, которые временны, изменчивы и поверхностны, поскольку трудный класс все еще находится в зачаточном состоянии, и это его первые проявления. Вот почему у подростков не хватает информации и наблюдений, чтобы сформировать окончательное отношение.

Следующий этап – формирование определенного эмоционально-оценочного отношения по отношению к сложному классу – положительного или отрицательного, но еще не закрепленного. Если на этом этапе трудный класс прекратит свои проявления, эти настроения быстро пройдут, прежде чем они закрепятся в постоянном отношении.

Последний этап – окончательное формирование общественного мнения в школе, если негативные проявления трудного класса продолжают продолжаться. Он фокусируется на взглядах всех подростков, а затем определяет, принимаются ли подростки в школе к трудному классу или нет. Затем рационализируется прочно установившаяся общая установка.

Общественное мнение имеет различные особенности. Они выявляются (проявляются) в индивидуальных беседах с подростками о сложном классе, а также в непосредственном контакте с учениками этого класса. Обычно общественное мнение неоднородно, особенно по отношению к разным группам и категориям учащихся.

Влияние школьного мнения на трудный класс невелико, хотя и не крайне незначительно. Трудным подросткам интересно, что о них думают другие. Если школьное общественное мнение по отношению к ним в целом положительное, то их негативные проявления находят поддержку и могут усилиться. Однако, когда они не находят такой поддержки и одноклассники не проявляют никакой реакции, то это оказывает на них определенное влияние и они, с большей долей вероятности могут демонстрировать свой агрессивный образ поведения, чтобы показать другим, что их не интересуют их мнение. Это означает, что общественное мнение школы не может постоянно позитивно влиять на сложный класс. Это – «нетипичный класс», которому характерны не привычные (или не традиционные) типы реагирования. Этот класс «искажен» в своем поведении и мышлении. Это группа, от которой можно ожидать преодоления всех установленных ограничений и выхода из паттернов стереотипного группового поведения. Как пишут Румянцева и Микляева, вне зависимости от объективности образа класса, «в глазах окружающих» он безоговорочно влияет на всех учеников школы, а также на класс в целом [10: 39].

Когда дело доходит до сложного класса и того примера, который он дает, можно выделить несколько направлений влияния класса. Во-первых, по наблюдениям учителей и школьного психолога, трудное занятие может повлиять на остальных подростков в школе преимущественно в негативном аспекте. С одной стороны, известно, что в подростковом возрасте учащиеся чаще всего подражают, часто неуместным, образцам поведения. Изучение взаимоотношений со сверстниками в контексте психологии рискованного поведения впечатляет своей последовательностью. Особое внимание уделяется механизмам влияния между сверстниками с точки зрения поведения за счет неоднократно подтвержденной взаимосвязи между уровнями рискованного поведения и наличием людей с поведенческими проблемами в кругу друзей [11: 316].

Одной из первых теоретических моделей проблем подростков является теория социального контроля, согласно которой у подростков с рискованным поведением отсутствует или нарушается система контроля [2]. Эти расстройства влияют как на внутриличностный (контроль импульсов), так и на межличностный (привязанность и участие в семье, дружба и т. д.) Отсюда следует, что у подростков с поведенческими проблемами будут отрицательные и конфликтные отношения с друзьями, учителями, родителями.

Большинство подростков заявляют, что они находятся под влиянием сверстников, потому что они им нравятся и они уважают их мнение. Это касается как положительных, так и отрицательных влияний. Согласно теории социального обучения, широко используемой для теоретического обоснования влияния сверстников на поведение, модель должна иметь значительный статус, вызывать позитивное отношение к себе и быть связующим звеном между двумя субъектами. То есть личная потребность и удовлетворение необходимы, чтобы мотивировать эту связь в долгосрочной перспективе [2].

Подростки из трудного класса становятся неподходящим образцом для подражания для учеников других классов. Это может привести к образованию более сложных классов и умножению поведенческой модели этого класса. Возможно, что некоторые подростки в школе сочтут учеников трудного класса привлекательными и захотят установить с ними близкие отношения. Хотеть им подражать, успешно овладеть психологическим механизмом противостояния властям, учителям, родителям и т. д. Конечно, есть подростки, которые не одобряют агрессивное поведение трудного класса. Их отношение к нему довольно негативное – они сознательно избегают контакта с ним, не утруждая себя выражением своего мнения и отношения вслух.

Начало трудного класса чаще всего формируется у подростков 5 класса, а также и у тех, кто учится в 7-8 классах. Они находятся в начале или в середине полового созревания и более влиятельны и поддаются внушению [10]. Именно среди них влияние трудного класса может быть прямым и быстро привести к образованию нового трудного класса. Из-за возраста очевидно, что у младших подростков выше вероятность развития социально-психологического заражения и подражания [8] по модели трудного класса, поскольку

большинство из них мыслит не критически, не осознавая последствий. Для них рациональный момент еще не «поднялся» до эмоционального. Хотя большинству людей, даже взрослым, трудно противостоять «эмоциональной инфекции», когда они «включены в сеть» или являются частью толпы [5: 264]. У подростков из старших классов влияние не столь прямое, поскольку они более рациональны и не так быстро идентифицируются с поведением этого типа класса. Кроме того, действия сложного класса нравятся в основном подросткам с проблемным поведением. Они пытаются применить модель сложного класса в своих классах.

Переходный характер подросткового возраста связан с процессами социализации и индивидуализации. Включение в группы риска и особенно девиантных или потенциально девиантных групп начинается с отрицания, уже сформированного «Я», с уравнивания подростков с одним из многих членов группы. Правило таково: «Если хочешь быть с нами, ты должен быть таким, как мы». Группа в целом идентифицирует себя как различную, но внутри себя она нивелирует индивидуальные различия или сводит их к одной физической или другой характеристике. Это может быть «ник», обращение ко всем участникам группы – «мужчина», «брат», «урод», что на самом деле является формой обезличивания. Конформизм – общепринятая норма поведения в группе, но то, что выглядит конформизмом внутри таких групп, на самом деле является отклонением с социальной точки зрения [6: 318-319].

Положительным моментом в существовании трудного класса в школе является то, что он ставит перед всеми ряд проблем – преодолеть устоявшийся стереотип совладания, выйти из повседневной рутины и взглянуть на проблему с другой стороны. Этот конфликт, кажется, освобождает и направляет творческое мышление, открывая неожиданные способы справиться. Этот факт говорит о том, что отношение к сложному классу не одномерно и не стоит недооценивать сложность явления.

Наконец, влияние этого типа явлений не следует недооценивать, но и не следует переоценивать. Проблемы в школе многочисленны и многогранны, и наличие трудного класса может их только усложнить. Подобный класс составляет значительную часть негативных проявлений в целом в данном школьном сообществе, но сосредоточение на нем происходит в основном при возникновении непосредственной конфликтной ситуации. В этом случае все остальные проблемы уходят на периферию внимания, а в центре остается только сложный класс.

Выводы. В заключение можно сказать, что почти в каждой болгарской школе есть частично сложные и (или) полностью сложные классы. Более того, в современных условиях в одной школе формируется не один-два, а несколько сложных классов. При наличии нескольких таких классов в школе может наблюдаться необратимое искажение социально-психологического климата, ухудшение образования, ослабление общей мотивации, резко ухудшается подготовка подростков к обучению, а их личные результаты обучения ухудшаются. Чтобы достичь баланса, школьным психологам и педагогам в данной школе необходимо будет ежедневно прилагать усилия и умственную энергию для работы с этими классами.

Литература

1. Аронсон Э.Т. Уилсон Р. Эйкерт Социальная психология – психологические закономерности поведения человека в обществе. – Изд.: «Олма-Пресс», Москва. – 2004.
2. Крейг Г. Психология развития. – Изд.: «Питер», Санкт-Петербург. – 2002.
3. Димитрова Е. Роль школьного психолога в диагностике и коррекции трудного класса в школе. В сборнике: Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии. Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, 8-10 октября 2019 года. / Под редакцией Коврова В.В. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – 498.с. – С. 75-80.
4. Фотев Г. История социологии. – Т 2. 2002. – Изд.: Труд, София. / На болг. языке /
5. Георгиева Р., Бавро Н. Гуманистическая психология и массовая психика. // Психологические исследования. – Т. 2. – 2014. – С. 261-266. / На болг. языке /

6. Христова С. Риск социализации и морального отклонения. В кн. : Нравственность и социализация детей и молодежи Болгарии. – Изд. Фабер, Велико Тырново. – 2006. – С. 313-319. / На болг. языке /
7. Лазарова П., Трифонова А. Психологический климат и лидерство в школьном классе. В кн.: Научные труды Русского университета. – Том 48. – 2009. С. 197-201. / На болг. языке /
8. Лебон, Г. Психология толпы. – Изд.: Ярава, София. – 2009. / На болгарском языке /
9. Московичи С. Социальная психология. – Издательство Дамьяна Янкова, София. – 2006. / На болгарском языке /
10. Румянцева П., Микляева А. Сложный класс – диагностические и корректирующие работы. – Изд.: «Речь», Санкт-Петербург. – 2006.
11. Шумкова И. Проблемы с поведением, проблемы с общением. Исследование среди подростков и девочек в возрасте от 13 до 18 лет. В кн.: Ежегодник Софийского университета. – Том 100. – 2010. – С. 313–328. / На болг. языке /
12. Цонева И. Манипулирование общественным мнением – психологические основы // Диалог. – Выпуск 1. – 2007. – С. 98-114. / На болг. языке /
13. Митчелл М., К. Брэдшоу Изучение влияния класса на восприятие учащимися школьного климата: роль управления классом и стратегии исключения дисциплин // Журнал школьной психологии. – 2013. – С. – 51. – 599-610 с.

УДК 159.9.07

ЛИЧНОСТНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

Дубровина Ирина Владимировна,
доктор психологических наук, профессор, академик РАО,
главный научный сотрудник лаборатории
научных основ детской практической психологии
ФГБНУ «Психологический институт РАО», г. Москва

Аннотация. Культурное развитие личности школьника рассматривается как условие достижения личностных образовательных результатов и профилактики девиантного поведения. Обращается внимание на взаимообусловленность феноменов «обучение» и «воспитание» в процессе непрерывного образования. Уточняется деятельность психологической службы школы в связи с решением задачи культурного взаимодействия субъектов образовательного процесса.

Ключевые слова: культура, образование, школа, учитель, отношение, переживание, социальная ситуация развития.

Annotation. The cultural development of a student's personality is considered as a condition for achieving personal educational results and preventing deviant behavior. Attention is drawn to the interdependence of the phenomena of "training" and "education" in the process of continuous education. The activity of school psychological service is specified in connection with the problem of cultural interaction of all subjects of educational process.

Key words: culture, education, school, teacher, attitude, experience, social situation of development.

Постановка проблемы. Школа – один из важнейших социальных институтов, оказывает влияние на каждого человека, на перспективы его социального и личностного развития. В современных условиях форсированного технологического прогресса, быстро меняющегося социально-культурного мира и усложняющихся межпоколенческих отношений особенно остро встают проблемы воспитания, культурного развития личности людей

подростающего поколения. В стандартах школьного образования четко обозначены качества личности школьников, которые должны быть сформированы в процессе обучения:

- ответственное отношение к учению;
- готовность и способность к саморазвитию, самообразованию;
- осознанное, уважительное и доброжелательное отношение к другому человеку;
- освоение социальных норм и правил поведения;
- развитие морального сознания;
- развитие коммуникативной компетентности и др.

Развитие этих качеств определено как необходимое достижение личностных результатов образования, которые обуславливают культурное развитие личности учащихся, активное сопротивление нравственному цинизму, нарушению социальных норм поведения, неуважению людей и др.

Однако, все более обостряющаяся ситуация девиантного поведения школьников свидетельствует о том, что современное школьное образование, в том числе и обслуживающая его психологическая служба, не обеспечивают условий, необходимых для получения этих личностных результатов. А между тем, еще Л.С. Выготский доказал, что воспитывать – значит организовывать жизнь, что в правильной жизни правильно растут дети.

Целью статьи является анализ психолого-педагогических условий современного образования с точки зрения их соответствия решению задачи достижения личностно-образовательных результатов в процессе обучения учащихся и профилактики их девиантного поведения, в частности, задачи формирования ответственного отношения к учению и развития уважительного отношения к другому человеку.

Изложение основного материала исследования. Ответы на вопросы, возникающие в связи с феноменом «личностные образовательные результаты», следует искать в пространстве проблем взаимоотношений обучения и воспитания как взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов непрерывного образования.

Развитие в процессе обучения, как известно, обращено, прежде всего, к тому, что уже присуще индивиду, что дала человеку природа – к развитию его потенциальных способностей, мышления, речи, воображения и пр. Воспитание же обращено к развитию личности человека, к тому, чего у него нет, но что заложено в общественной морали, в нравственных нормах и нравственных качествах людей – в культуре чувств, поведения, взаимоотношений с разными людьми, культуре духовной жизни. Потому, утверждает Л.С. Выготский, «вращание ребенка в культуру является развитием в собственном смысле слова», а «история культурного развития приводит нас вплотную к вопросам воспитания» [2, с.292]. И замечает, что сам процесс освоения любых знаний в процессе обучения должен пониматься как средство «вхождения в культуру, ориентированную на развитие чувств, мыслей и социальных начал в человеке» [2, с. 241].

Понятие «образование» всегда было связано с понятием «культура». «Культура как бы предоставляет человеку инструментарий, соответствующее материальное оснащение и духовное оборудование для его поведения и деятельности», – замечает В.П. Зинченко [5, с.13].

В целом, процесс образования можно понимать так: обучение ведет за собой развитие, а воспитание придает этому развитию нравственное основание.

«Вхождение ребенка в культуру» предполагает культурную среду, которая является условием культурного развития и может предохранять школьника от развития девиантного поведения. Культурная среда, содержание и смысл которой составляют общечеловеческие ценности – достижения в области науки, искусства, литературы, философии, нравственности, просвещения и пр., необходима для укрепления духовной, нравственной жизни человека. Она формирует такие качества личности, которые помогают человеку не только устанавливать позитивные взаимодействия со всеми видами окружающей среды – социальной, природной, образовательной, семейной, профессиональной, но и противостоять различным негативным влияниям и соблазнам.

Обучение и воспитание в своем грамотном взаимодействии обеспечивают культурную среду в школе, которая в значительной степени обуславливает развитие личности растущего человека. Однако, эти процессы нередко рассматриваются и осуществляются отдельно друг от друга: разрабатываются стандарты обучения, осуществляются воспитательные мероприятия. Каждое из них само по себе, наверное, полезно, но отсутствие взаимообусловленности этих процессов снижает эффективность их позитивного влияния на личностного развития школьника.

Конечно, с развитием в процессе обучения все более или менее ясно: и что нужно развивать, и как это делать, и как это оценивать. Поэтому современное школьное образование в большей степени акцентирует свое внимание, а, следовательно, и внимание педагогов и психологов на проблеме успеваемости школьников, усвоения ими знаний, развития их интеллектуальной сферы, подготовки к сдаче ЕГЭ.

А с развитием в процессе воспитания – дело менее очевидное. Воспитание – это не выученные школьниками правила поведения, не сумма запретов, не всевозможные опросы и не «набор» мероприятий. Л.С. Выготский подчеркивал, что воспитывать – значит организовывать жизнь, что моральное воспитание должно совершенно незаметно раствориться в общих приемах поведения, устанавливаемых и регулируемых социальной средой, что моральное поведение должно основываться не на внешнем запрете, а на внутренней «сдержке» (1, с. 256). Моральные знания, не побуждающие школьника, а затем и взрослого к моральному действию, становятся ширмой, за которой скрываются лицемерие, обман, бесчувственность. В школе же мало внимания уделяется проблеме воспитания человека – человека порядочного, которому присущи чувства долга, ответственности, доброжелательности и сострадания к людям, культурному взаимодействию с ними и пр. Нередко остаются незамеченными учителями и психологами чувства и переживания школьников. А ведь растущий человек воспринимает мир, в том числе и мир образования, понимает его и относится к нему сквозь призму своих переживаний. Отсюда возникают трудно решаемые проблемы, усугубленные общей скудостью эмоциональной сферы многих сегодняшних детей, развитием которой никто всерьез не занимается. Между тем, «вхождение в культуру» Л.С. Выготский во многом связывал с эмоциональным развитием человека и предупреждал об опасности «эмоционального невежества». Эмоциональная неразвитость снижает ценность общения, нарушает чувство связи человека с людьми.

Развивая эту мысль, В.Д. Шадриков доказывает, что именно интеграция рационального и эмоционального познания закладывает основу для развития не только общих, но и духовных способностей школьника, которые определяют его поступки и отношения к людям, к значимым явлениям общественной жизни, к культурным и социальным ценностям. Особенно важными являются нравственные чувства, каждое из которых – сложнейшее единство размышлений и переживаний. Ю.М. Лотман замечает, что при воспитании нового поколения самое главное – приучать человека к активной работе мысли и совести, что составит основу развития его духовного мира. И подчеркивает, что «мы мало учимся подводить детей к самостоятельному сложному духовному поиску, идем по более легкому пути системы разрешений и запретов – вот за это получишь пятерку, а за это – двойку, что приводит к духовной пассивности, к духовному потребительству» [7, с. 228, 229].

Направленность личностных результатов образования предполагает, что суть центральной линии развития школьника – освоение им предметного мира и мира отношений с социальной действительностью, с окружающими его людьми, со своим собственным внутренним миром. Именно в рамках отношений формируются ценности личности, которые придают смысл и определяют личностные позиции, поведение, учение, поступки. Нарушение этих отношений создает почву для порождения девиантного поведения, которое, к сожалению, все чаще проявляется и в общении, и в отношениях подростков не только со сверстниками и взрослыми, но и с миром в целом.

Кратко рассмотрим феномены «ответственное отношение к учению» и «осознанное, уважительное отношение к другому человеку» как качества личности, развитие которых предусмотрено Стандартами школьного образования.

Ответственное отношение школьника к учению – важная составляющая его культурного развития, формирующегося на основе взаимодействия обучения и воспитания в процессе непрерывного образования. Ю.М. Лотман придавал огромное значение обучению как форме воспитания. Процесс обучения для него являлся «воздухом культуры», залогом и условием ее существования, естественной формой духовной жизни.

Переживания школьника в процессе обучения, его эмоциональное отношение к содержанию урока, к учителю, к одноклассникам остры, часто не предсказуемы, определяют в значительной степени социальную ситуацию развития. Потому требуют постоянного внимания педагогов и психологов. Складывающееся позитивное отношение школьника к учению зависит от множества факторов, два из которых хотелось бы подчеркнуть особо: развитие познавательного интереса школьника и возможность соприкоснуться в процессе учебной деятельности с абсолютной ценностью человеческих отношений.

Значение познавательного интереса в учении как формы проявления познавательной потребности велико. Он обусловлен интеллектуальным, эмоциональным и волевым развитием личности школьника.

Интеллектуальный аспект познавательного интереса связан с умственной деятельностью, с осознанием, пониманием, а также с работой воображения. Волевой аспект является стимулом к действию, к преодолению трудностей. Эмоциональный аспект связан с чувством удовольствия и радости, которую доставляет человеку занятие в интересной для него области знания. Пожалуй, наиболее важное значение познавательных интересов и заключается в том, что они придают изучению учебного предмета позитивную эмоциональную окраску и сам процесс усвоения знаний приобретает выраженный личностный характер. Усваиваемые знания становятся личностным достоянием школьника, приобретают для него личностную ценность, он стремится к их дальнейшему приобретению, переосмысливает их, связывает с ним свои притязания на успех в настоящем и будущем [4, с. 207].

Чувства органично связаны с познавательными процессами. В.А. Сухомлинский замечал: «Источник желания учиться – в самом характере детского умственного труда, в эмоциональной окраске мысли, в интеллектуальных переживаниях. Если этот источник иссяк, никакими приемами не заставишь ребенка сидеть за книгой» [8, с. 57]. Иными словами, ученик может по настоящему включиться в работу, если задачи, которые стоят перед ним в ходе выполнения учебного задания, ему понятны, приобрели личностную значимость, нашли отклик в его переживаниях.

Формирование ответственного отношения ученика к учению находится в компетенции каждого учителя, входящего в педагогический коллектив школы. На любом уроке и при любой форме его проведения происходит взаимодействие двух личностей (несмотря на то, что в классе – 25-30 учеников) – ученика и учителя в контексте изучения учебного материала, соответствующего программе. Это взаимодействие составляет специфическое образовательное пространство, наполненное особым психологическим содержанием и для каждого школьника, и для учителя. «Современный урок – это организованное педагогом духовное общение, содержанием которого является научное знание, а ключевым результатом становится интеллект каждого субъекта урочного общения, духовное обогащение» [6, с.11].

Но позитивное взаимодействие учителя и ученика достигается только при условии обоюдного доверия, желания и умения верить друг другу и друг в друга. Ю.М. Лотман очень точно выражает эту мысль: «Для того, чтобы я мог тебя обучать, т.е. передать тебе знания, мало того, чтобы я хотел передать, нужно еще, чтобы ты хотел принять. Обучение подразумевает, что один хочет учить, а другой хочет учиться» [7, с.158]. Совпадение этих желаний возникает тогда, когда учитель понимает и уважает внутренний мир школьника. А этот мир так не прост, он сложен и уникален, имеет свои особенности на разных этапах

взросления не только у ребенка с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), но и у любого школьника. И для каждого так важно внимание, обращенное лично к нему, так важен успех в значимой для него деятельности. Этот успех или неуспех влияет на развитие личности, формирование личностного достоинства и жизненных позиций, в том числе и нравственных.

Потому нельзя застревать на сегодняшних неудачах, слабостях школьника любого возраста. Контекст неуспешности лишает образовательную ситуацию развивающего потенциала, что негативно влияет на психическое развитие, осложняет становление личности ребенка. Формирующаяся личность растущего и взрослеющего человека не может быть понята и не может рассматриваться вне развития его способностей. Быть способным – это не исключение, а правило при профессионально грамотной организации условий жизни и развития школьника. Но становление способностей ребенка требует терпения со стороны взрослых, внимания и бережного отношения к малейшим его успехам, в этого взрослым – родителям, учителям, да и психологам часто не хватает. И они успокаивают свою совесть расхожей формулой о том, что способности – это исключение, а не правило [4]. Л.С. Выготский подчеркивал, что задача всякого творческого воспитания во всех нормальных случаях должна исходить из наличия величайших творческих возможностей человеческого существа и таким образом направлять воспитательные воздействия, чтобы развить и воспитать эти возможности [1]. Растущему человеку необходимо дать шанс, возможность почувствовать, что в него верят. И смысл деятельности психологической службы в школе заключается не столько в поиске, ну, хотя бы, не только в поиске одаренных детей, а в создании условий, при которых каждый школьник мог бы почувствовать себя способным, талантливым хотя бы в одной из сфер человеческой деятельности. Положительное отношение к учению формируется тогда, когда учеба для школьника – желанная работа, источник получения положительных эмоций.

Важно направить внимание и родителей, и учителей на необходимость обращать внимание учащихся не только на их недостатки, но и на их достоинства, поддерживать в школьниках более позитивные мысли и чувства о самих себе, зарождающуюся гордость собой как человеком.

Уважительное, доброжелательное отношение к другому человеку формируется в системе межличностных отношений с окружающими людьми, в которые растущий человек вступает на разных возрастных этапах своего взросления.

Все, как известно, начинается с детства. Самым первым и главным «социальным институтом» является семья. Культурное развитие происходит в контексте повседневного опыта усвоения культуры. Ребенок ежедневно видит вокруг себя в семье живую действительность и непосредственно участвует в ней. Он слышит суждения и оценки родителей, наблюдает их отношения друг к другу и к другим людям, что в значительной степени предопределяет его нравственную позицию и модальность отношений к другому человеку. «Следует задуматься, – замечает В.П. Зинченко, – не является ли то, что Л.С. Выготский называл социокультурным контекстом развития, духовным укладом, который начинает усваиваться в раннем возрасте» [5, с 419].

Наверное, самое ценное, что получает ребенок в семье, это ощущение себя нужным, любимым, это дает ему спокойствие и уверенность в отношениях с окружающим миром. Родительская любовь создает основу для позднейших гуманных и благожелательных отношений к людям. Чувство любви есть тот общий фон, который упорядочивает и оживляет все остальные чувства, формирует и обогащает эмоциональный мир человека, позволяет ребенку соприкоснуться с такими чувствами, как сочувствие, человеколюбие, великодушие, милосердие, бескорыстие и др.

Но семьи – очень разные, семья может выступать в качестве как положительного, так и отрицательного фактора культурного развития ребенка. Есть явно неблагополучные семьи, в которых присутствуют грубость, насилие, скандалы, аморальное поведение. У детей из таких семей оказывается полностью неудовлетворенной основная потребность детского возраста – потребность в любви и внимании со стороны родителей, и это неминуемо приводит к

напряженным переживаниям ребенка, которые становятся основой для формирования его характера и отношений с окружающими людьми и миром в целом [4].

Когда ребенок поступает в первый класс, происходит как бы слияние двух социальных факторов развития – семьи и школы. Взаимодействие этих факторов в большой степени определяет социальную ситуацию развития младшего школьника. Школа, конечно, не может и не должна заменять семью, но, если ребенок лишен дома любви и внимания, педагогу и психологу следует быть особенно доброжелательными к нему. Это и составит основу развития его позитивного отношения к школе, знаниям, культуре, одноклассникам, учителям. В.А. Сухомлинский, основываясь на своем богатейшем педагогическом опыте, писал, что жизнь утвердила его убеждение в том, что, если маленькому ребенку не удастся возратить веру в добро и справедливость, он никогда не сможет почувствовать человека в самом себе. А в подростковом возрасте такой воспитанник становится озлобленным, для него нет в жизни ничего святого и возвышенного, слово учителя не доходит до глубины его сердца [8].

В годы школьного детства, отрочества, ранней юности человеку требуется доброжелательное участие взрослых. Школа помогает ученику войти в мир знаний и мир культуры не только содержанием учебных курсов и их материально-техническим обеспечением, но и культурной атмосферой в целом. Образовательная среда школы – это, по определению В.А. Пономаренко, духовное поле единомышленников, обеспечивающих нравственную обстановку в ней. Основу этой среды составляет культурное взаимодействие всех работающих в школе взрослых друг с другом, с учениками и их родителями, основанное на взаимном уважении и внутренней порядочности. Такое культурное взаимодействие вводит школьников в культуру человеческих отношений и служит источником развития их внутренней культуры, так как формы поведения и отношений взрослых воспринимаются ими как одобряемые обществом, и, следовательно, могут стать образцом для подражания. «Способности и качества личности, – утверждает В.В. Давыдов, – складываются и развиваются в процессе онтогенеза при решающей роли сотрудничества ребенка со взрослыми при определяющей роли воспитания и образования» [3, с.138]. Поэтому так важно, какие взрослые окружают растущего человека в семье, в школе, обществе в целом.

Содействовать организации культурной среды, благоприятной для всех субъектов образовательного процесса, – сложнейшая, но необходимая задача педагога-психолога. Успешное решение этой задачи зависит от его позитивного взаимодействия не только со школьниками, но и с учителями, классными руководителями, родителями. В связи с этим, отметим несколько моментов.

Очень важно укреплять авторитет учителя в глазах учеников, их родителей, педагогического коллектива. Именно учитель реализует в своей профессиональной деятельности то, что предусматривают новые образовательные инициативы, в том числе, и необходимые достижения личностных результатов образования. Учитель является персонифицированным посредником между культурой, накопленной человечеством, и растущим человеком, вступающим в этот огромный мир культуры и знания. Однако это «посредничество» может состояться только тогда, когда учитель для ученика – уважаемый человек, когда ученик и учитель доверяют друг другу [4].

Источником доверия является внимание и доверие взрослых, проявляющиеся в их общении и взаимодействии с растущим человеком на разных этапах онтогенеза. Сейчас это весьма актуальная проблема, выходящая за рамки культурных межличностных отношений в школе. Учителю не доверяют принимать выпускные экзамены у своих учеников, а ученикам не доверяют и чуть ли ни обыскивают перед началом экзамена. Такая социальная ситуация исключает из образовательной среды культурный компонент и не способствует укреплению уважительного отношения к другому человеку. Поэтому психологическая служба школы должна бы раскрывать перед учениками, родителями, коллегами неординарность учителя, обращать их внимание на его сильные стороны как специалиста и личности; школа должна гордиться своими учителями.

Психологу необходимо более тесно сотрудничать с классными руководителями, совместно с ними решать проблемы, связанные с достижением «личностных результатов образования». Классный руководитель обладает большими, не всегда, к сожалению, реализуемыми возможностями представлять и защищать интересы ученика как взрослеющего человека и формирующуюся личность; создавать условия для раскрытия потенциальных способностей и развития позитивных особенностей каждого; для развития товарищеских отношений и межличностного «живого» общения учащихся – важнейшего фактора их социализации; для доверительного, нерегламентированного общения учащихся со взрослыми, в ходе которого могут подниматься и решаться важные моральные, нравственные и этические проблемы, которые помогают учащимся осознавать, что принятые в современном обществе нормы и правила поведения являются итогом многовекового опыта совместной жизни и взаимодействия людей, что любое нарушение правил культуры поведения ведет к нарушению отношений между людьми, и др.

В условия культурного развития школьника непременно входит культурное взаимодействие семьи и школы, которые являются двумя основными факторами в сложном комплексе условий, формирующих личность растущего человека, в частности, его уважительное отношение к людям. Взаимоотношения школы и родителей – вечная проблема. В настоящее время эта проблема осложняется тем, что образование попало в сферу обслуживания населения, и многие родители быстро превратились в это самое население, которое должны обслуживать, и стали предъявлять учителю свои претензии, нередко противоречащие всякому здравому понятию о смысле образования [4]. Поэтому одна из важнейших и труднейших задач школьного психолога – найти способы реализации доброжелательного сотрудничества учителей и родителей, побудить их воспринимать друг друга с позиции взаимного уважения и доверия. Психологу следует обсудить с родителями весьма деликатную тему – их, родителей, собственное отношение к школе, учителям и форму проявления этого отношения при детях, обсудить с ними вопрос о том, что уважение к учителю и позитивное отношение к школе чрезвычайно важны для интеллектуального, и, главное, для личностного развития ребенка.

Выводы. Краткий анализ показывает, что школа могла бы значительно ослабить негативное влияние социума на развитие личности учащихся, если бы более ответственно и последовательно утверждала гуманистические ориентиры образования.

Задачей школьного психолога, очевидно, должно стать более глубокое взаимодействие со всеми взрослыми участниками образовательного процесса по проблеме культурного развития учащихся как необходимого условия достижения личностных образовательных результатов. Это связано с необходимостью создания в школе психологической атмосферы, основанной на взаимном уважении и доверии, с необходимостью критически посмотреть на то, что происходит в системе общего среднего образования, внимательно проанализировать ценности, на которые ориентировано образование при подготовке молодого поколения к жизни в современном обществе.

Литература

1. Выготский Л.С. Педагогическая психология. – М., 1991. – 475 с.
2. Выготский Л.С. Собр. соч. В 6 т. – М., 1984. Т. 4. – 442 с.
3. Давыдов В.В. Личности надо «выделаться» /С чего начинается личность. – М., 1970, С.109-141.
4. Дубровина И.В. Практическая психология в лабиринтах современного образования – М.: МПСУ, 2014. – 464 с.
5. Зинченко В.П. Психологические основы педагогики. – М.: Гардарики, 2003. – 431 с.
6. Культура современного урока / Под ред. Н.Е. Щурковой. – М.: Педагогическое общество, 2000. – 112 с.
7. Лотман Ю.М. Воспитание души. СПб. : «Искусство-СПб», 2005. – 624 с.
8. Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям. – Л., 1974. – 288 с.

ТРАНСФОРМАЦИИ В ГЕНДЕРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ¹

Ерофеева Мария Александровна,
доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры педагогики,
ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»,
г. Москва

Аннотация. В статье представлены результаты исследования гендерной ментальности школьников и студентов СПО провинции. Исследование осуществлялось с использованием Тест-опросник «Нормы женского поведения» (авторы И.С. Клецина, Е.В. Иоффе). Результаты доказали, что молодежь провинции демонстрирует смешанный и эгалитарный типы поведения.

Ключевые слова: гендерная социализация, гендерная трансформация, эгалитарное поведение, несовершеннолетние.

Annotation. The article presents the results of a study of the gender mentality of schoolchildren and College students in the province. The study was carried out using a Test "Norms of female behavior" (authors I.S. Kletsina, E.V. Ioffe). The results proved that the province's youth exhibit mixed and egalitarian behaviors.

Keyword: Gender socialization, gender transformation, egalitarian behavior, minors.

Постановка проблемы. Проблемы гендерной социализации в отечественной психологии и педагогике рассматривались в работах М.А. Ерофеевой, Е.В. Иоффе, Д.Б. Исаева, В.Е. Кагана, И.С. Клециной, Д.В. Колесова, О.И. Ключко, И.С. Кона, Е.В. Самосадовой, Н.Ф. Сухаревой, Т.П. Хризмана, А.Г. Хрипковой, Л.В. Штылевой и др.

Гендерная социализация (полоролевая социализация) – это процесс усвоения человеком норм, правил поведения, установок того общества, в котором он живет; гендерная ресоциализация: разрушение ранее принятых ценностей и моделей и усвоение новых [2].

Гендерно-половая идентичность подрастающего поколения обусловлена процессом социализации личности, теми социокультурными нормами, правилами поведения, отношений, которые транслируются обществом.

Наиболее значимыми, на сегодняшний день, можно считать различия между эгалитарными и традиционалистскими нормами гендерных отношений. «В соответствии с традиционалистскими нормами и правилами мужского и женского поведения, которые были распространены в разных обществах в предыдущие столетия, специфическими характеристиками статусных позиций в социуме и соответствующих ролей мужчин и женщин являются полярность, противопоставленность и неравноценность.

Идеи традиционализма соответствуют консервативной идеологии, утверждающей главенствующую роль мужчины в обществе и семье. В настоящее время отмечается тенденция к сближению и взаимозаменяемости ролей и статусных позиций мужчин и женщин, что соответствует эгалитарным гендерным нормам» [8].

Цель статьи. Представить и проанализировать результаты исследования гендерной ментальности российской учащейся молодежи провинции.

Изложение основного материала исследования. Для изучения содержания гендерной ментальности учащейся молодежи провинции (юношей и девушек, обучающихся в общеобразовательных школах и СПО), относительно ее приверженности эгалитарной и

---

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-013-01207).

традиционным моделям гендерных отношений, была использована методика: Тест-опросник «Нормы женского поведения» [6].

В опросе приняли участие обучающиеся общеобразовательных школ и СПО (г. Балашов Саратовская область; Московская область: г. Коломна, г. Наро-Фоминск, г. Воскресенск; г. Саранск) всего 315 обучающихся, из них 138 – юношей и 177 – девушек. Возраст 15-18 лет.

Цель Тест-опросника: определить системы убеждений и установок у молодежи относительно фемининности и женских ролей, которые побуждают действовать в соответствии с этими установками, избегать того, что ими не поощряется. В тесте предложено 7 шкал оценивания (в каждой по 9 стенов):

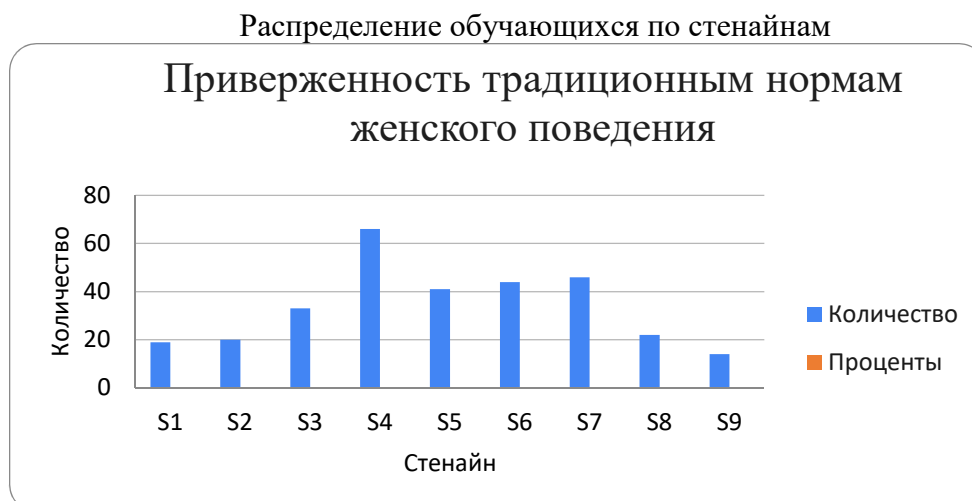
- Установка на замужество и материнство;
- Стремление быть хорошей хозяйкой;
- Значимость привлекательной внешности;
- Готовность заботиться о семье и близких людях;
- Мягкость, чувствительность;
- Зависимость/самодостаточность в отношениях с мужчинами;
- Приверженность традиционным нормам женского поведения – итоговый показатель.

Представим и проанализируем результаты седьмой (итоговой) шкалы – это показатель суммы баллов по всем субшкалам. Она определяет уровень приверженности традиционным нормам женского поведения.

По итогам исследования мы получили следующие средние значения и результаты по диагностике учащейся молодежи провинции (N=315).

Общее распределение обучающихся по стеновкам (в процентах).		
Суммирование по типам поведения (в процентах)		
Стеновка		Проценты
S1	23,61%	6,23%
S2	49,51%	6,56%
S3	26,89%	10,82%
S4		21,64%
S5		13,44%
S6		14,43%
S7		15,08%
S8		7,21%
S9		4,59%

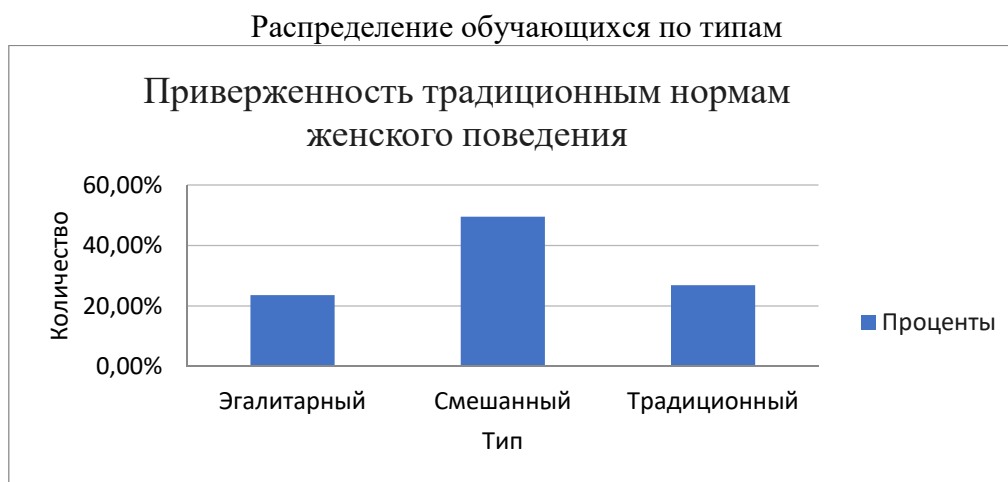
Таблица 1

Ярко выраженный стейн S4 – показывает, что динамика изменения поведения и оценка приверженности традиционным нормам женского поведения у учащейся молодежи провинции смещается в сторону эгалитарного поведения (Таблица 1).

Общая картина исследования показывает, что почти 50% учащейся молодежи провинции демонстрирует смешанный тип поведения, 23,61% – эгалитарный и 26,89% – традиционный. Тенденция движения от традиционного в сторону эгалитарного (Таблица 2).

Таблица 2.

Если проанализировать результаты по признаку пола, то получается следующая картина. Шкала «Приверженность традиционным нормам женского поведения» (Юноши, N=138; Девушки, N=177).

Проценты распределения по стейнам и суммирование по типам поведения

Девушки		Юноши		Стейн
Проценты		Проценты		
9,47%	31,36%	2,21%	13,97%	S1
9,47%	48,52%	2,94%	50,73%	S2
12,43%	20,12%	8,82%	35,29%	S3
20,71%		22,79%		S4
14,20%		12,50%		S5
13,61%		15,44%		S6
13,61%		16,91%		S7
4,73%		10,29%		S8
1,78%		8,09%		S9

По результатам методики, мы видим, что у юношей – смешанный тип с преобладанием традиционалистских норм поведения; у девушек – смешанный тип с преобладанием эгалитарных норм поведения (Таблица 3).

Юноши провинции – более 50% – демонстрируют смешанный тип поведения, более 35% традиционный и почти 14% – эгалитарный. Девушки провинции – почти 50% – демонстрируют смешанный тип поведения, чуть более 20% – традиционный, более 30% – эгалитарный (Таблица 4).

Таблица 3.

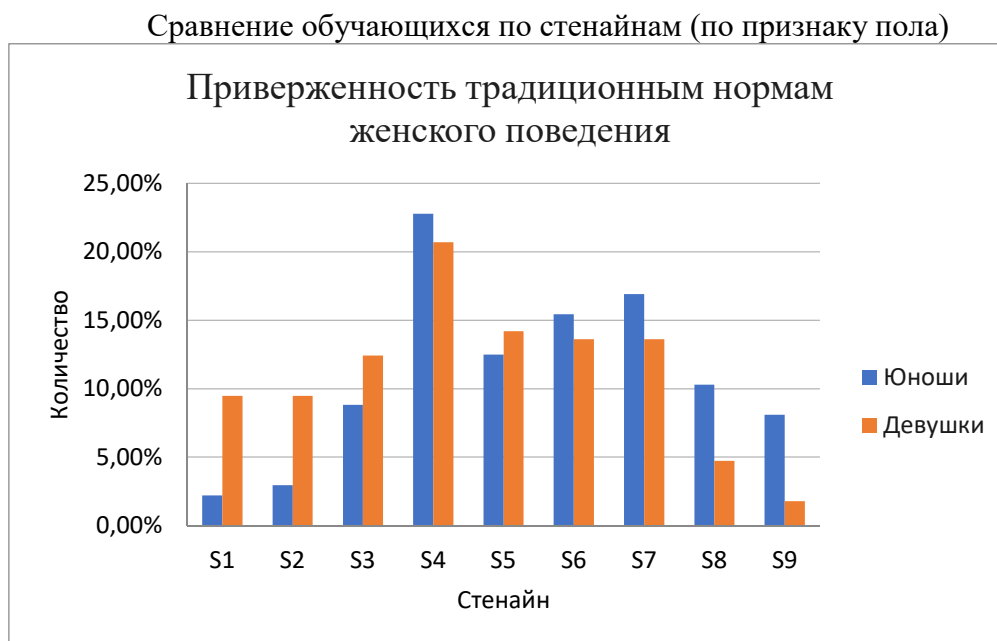
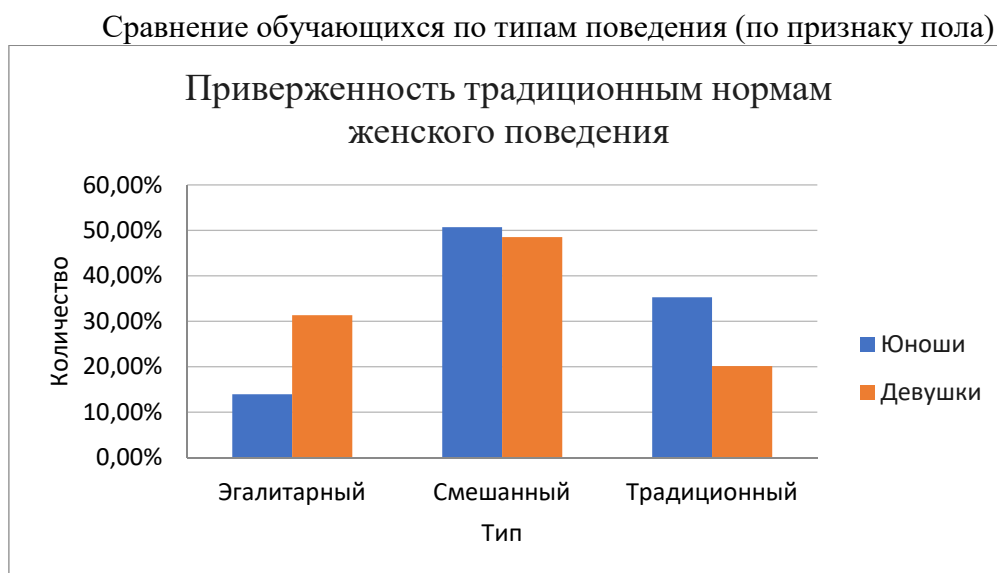

Таблица 4.

Выводы. На основании полученных результатов, можно констатировать, что юноши и девушки провинции демонстрируют, в большей степени, смешанный тип поведения. Следует отметить и тот факт, что девушек, демонстрирующих эгалитарный тип поведения в два раза чаще, чем юношей. Выраженную приверженность традиционалистскому типу гендерных норм не демонстрирует ни одна из исследуемых групп. Наблюдается устойчивая тенденция у современной учащейся молодежи общеобразовательных школ и СПО, обучающихся в провинции, в сторону смешанного типа поведения.

Литература

1. Авдулова Т.П. Гендерная социализация и структура общения в отрочестве [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2009. N 5(7). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.06.2020)
2. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб. : Прайм-Еврознак ; М. : ОЛМА-Пресс, 2001. – 320 с.

3. Клецина И.С., Иоффе Е.В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен: монография. –М.: Проспект, 2017. – 144 с.
4. Ключко О.И. Гендерные трансформации в социализации и ментальности российской молодежи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. – 2018. – №1(25). – С. 29-35.
5. Курочкина И.А. Психологические особенности структурных компонентов гендерной идентичности подростков, воспитывающихся в разных социальных условиях // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 6-7. – С. 1518-1524.
6. Методы исследования гендерной ментальности и социализации личности: учебно-методическое пособие / М.А. Ерофеева, Е.В. Иоффе, О.И. Ключко, Е.В. Самосадова, Н.Ф. Сухарева, А.А. Чекалина, Л.В. Штылева / под общ. ред. О.И. Ключко. – Текстовое электрон. издан. – СПб.: НИЦ АРТ, 2019. –163 с.
7. Мудрик А.В. Социализация как социально-педагогическое явление // Вестник российского гуманитарного научного фонда. – 1999. – №4. – С. 142-148.
8. Штылева Л.В. Гендерные представления современных школьников // Педагогика. – 2019. – №2. – С. 68-80.

УДК: 316.4

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ В СТРУКТУРЕ РАЗВИТИЯ В ОБЩЕСТВЕ

Зайцев Игорь Станиславович,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры дефектологии,
государственное учреждение образования
«Академия последипломного образования»,
г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В статье представлен подход к рассмотрению социально-психологической адаптации как важного аспекта проблемы развития человека в обществе. Охарактеризовано место в означенной позиции наиболее значимых компонентов в ракурсе предотвращения социальной девиантности.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, социальный опыт, межличностные отношения, социально-психологический климат, самосознание, самооценка, самоопределение.

Annotation. The article presents an approach to the consideration of socio-psychological adaptation as an important aspect of the problem of human development in society. The place in the indicated position of its most significant components in the perspective of preventing social deviance is characterized.

Keywords: socio-psychological adaptation, social experience, interpersonal relationships, socio-psychological climate, self-awareness, self-esteem, self-determination.

Постановка проблемы. В ракурсе решения вопроса социально-психологической адаптации в обществе важный аспект представляет проблема девиантного поведения как поведения, не совпадающего с нормами, принятыми в социуме [6, с. 79]. Актуально понимание успешного приспособления к общественным условиям, являющегося предупреждением социальных девиаций.

Целью статьи является обоснование учета межличностных аспектов социально-психологической адаптации с позиции условия предупреждения социальной девиантности.

Изложение основного материала исследования. Социально-психологическую

адаптацию следует рассматривать с точки зрения достижения состояния взаимоотношений в группах, при котором индивид без длительных внешних и внутренних конфликтов продуктивно выполняет свою ведущую деятельность, удовлетворяет свои основные социальные потребности, идет навстречу ожиданиям коллектива, переживает самоутверждение в обществе [4, с. 27–28]. В основе такого состояния лежит социальный опыт – качество индивида, группы, сформированное в процессе деятельности, обучения и воспитания, обобщающее знания, умения, навыки [2, с. 243]. Недостаточное овладение социальным опытом приводит к нарушению совокупности психологических правил межличностного общения, и человек возводит искусственное препятствие на пути естественного желания быть понятым окружающими. Следовательно, без нормальных межличностных отношений как необходимого условия бытия людей, невозможно полноценное формирование в роли участника социума.

Под структурой межличностных отношений следует понимать структуру взаимоотношений в малой группе, т.е. немногочисленной по составу, члены которой взаимодействуют друг с другом [5]. Видовым отличием малой группы являются непосредственные контакты. Положение субъекта в группе определяется его личным качеством в сочетании с требованиями, предъявленными к нему группой [3, с. 168]. Неготовность понять других детей вследствие бедности жизненного опыта активизирует неудачи в межличностных отношениях, отсутствие осознания их сущностного начала, что вызывает конфликтные отношения, которые подразумевают наличие у ребенка стремления к общению со сверстниками на фоне неумения реализации такового.

В умении общаться с окружающими, в сформированных межличностных отношениях в коллективе человек проявляет себя как личность. Межличностные отношения – та основа функционирования в социуме, без которой невозможно у человека полноценное формирование ни одной психической функции или психического процесса, ни одного блока психических свойств личностного развития в целом. Межличностное общение – обязательное условие функционирования общности людей. Для межличностных отношений типична ситуация, когда участники общения, вступая в контакты, преследуют более или менее значимые для них цели как совпадающие по своему содержанию, так и отличающиеся друг от друга. Такие цели – следствие действия определенных мотивов, достижение которых подразумевает использование разных способов поведения. В развитии мотивов особое значение играют нравственные мотивы, определяющие отношение индивида к окружающим, которые перманентно изменяются и развиваются по мере усвоения и осознания роли собственных поступков для других людей. Изменения в мотивах поведения касаются не только содержательной структуры мотивационной сферы, но и проявляются в появлении новых мотивов, что приводит к их (мотивов) соподчинению: одни в сравнении с другими приобретают более важное значение. Возникает иерархия мотивов, придающая направленность поведению. Утрачивая равноправие, различные мотивы выстраиваются в систему как новообразование, оказывающее существенное влияние на дальнейшее личностное становление. У человека мотивы находят формирование по мере развития у него качеств объекта и субъекта общения, из чего закономерен вывод, что межличностные отношения – это вид продуктивного взаимодействия человека с человеком. Актуализирующиеся межличностные отношения зависят от характера общения, имеющего место в отношениях членов того или другого коллектива. Эти межличностные отношения индивиды переживают на различном психологическом фоне. Если по характеру психологический фон неблагоприятен, то создается негативный социально-психологический климат для всего коллектива.

Определяющим звеном социально-психологического климата группы выступает моральный мотив, несущий функцию побудителя активной деятельности индивида, раскрывая его коллективную сущность. Социально-психологический климат – это уровень развития и эмоциональная окраска контактов между людьми. Положительный социально-психологический климат группы выдвигает определенный круг требований к индивиду,

включая его высокую социально-психологическую компетенцию, предполагающую как широкую информированность по соответствующим психологическим вопросам, так и комплекс умений, обеспечивающих быструю адекватную ориентацию в многочисленных ситуациях общения. Сюда, в первую очередь, следует отнести глубокое понимание себя, то есть сформированность Я-концепции как ядра личности.

Я-концепция – общее недифференцированное восприятие себя в своем телесном, личностном, коммуникативно-социальном качестве. В ее становлении большую роль играет развитие самосознания, процесс формирования которого своими корнями уходит глубоко в детство. Л.И. Божович [1] проследила процесс становления самосознания от первоначального цельного самоощущения до осознания собственной роли субъекта в мире подчиняющихся предметов. В школьные годы индивид сталкивается с началом становления чувства Я как важнейшей формы личностной активности, критическое отношение к своим отрицательным качествам, оценка самого себя. Чувство Я формирует те социальные навыки, которые обеспечивают поведение в обществе. Центральное место в подобном ракурсе занимает становление самооценки, влияющей на все стороны жизни человека: эмоциональное самочувствие и отношение с окружающими, развитие творческих способностей и удовлетворенность своей деятельностью. Следует выделить оценку себя в целом, то есть общую самооценку, оценку своих достижений в отдельных областях – парциальную, собственные достижения на сейчас, представляющие актуальную самооценку, ориентир на возможные достижения в будущем – потенциальную. Потенциальная самооценка представляет уровень притязаний индивида.

Самооценка находит формирование в процессе коллективной деятельности и под влиянием оценки окружающих вызывает у человека потребность в ее сохранении и совершенствовании. Становление самооценки происходит под воздействием условий общения, а в основе ее формирования, лежат, прежде всего, положительные оценки окружающих, к которым у индивида положительное отношение. Имеет место постепенное укрепление связи между самооценкой и положительной оценкой со стороны сверстников. Самооценка включает самосознание – осознание самого себя во всем многообразии индивидуальных особенностей, осознание своего места в системе общественных связей. Самосознание как наиболее важное структурное образование психологии личности, оказывающее существенное воздействие на ее отношение к системе социальных норм и правил поведения, есть фактор становления ребенка в роли хозяина, а не раба воздействующих на него обстоятельств, руководствующегося в своих поступках сознательно поставленными собственными целями [1].

В процессе самосознания и формируется Я личности как образование определенной целостности, единства внутреннего и внешнего бытия. Отношение к своему Я, осознание собственной индивидуальности нередко ставится в один ряд с понятием «самосознание личности». Однако понятие «самосознание личности» не сводится к ее осознанию своей индивидуальности, а предполагает осознание широкого круга своих отношений с социальным миром. Регулируя свои поведение и деятельность в коллективе, человек соизмеряет их с потребностями и интересами группы, то есть определяет отношение к себе с позиции групповой самооценки. Содержание и особенности самооценки группы определяют направленность процесса образования коллектива, отношения в котором детерминированы положением группы как коллективного социального субъекта в системе отношений с другими группами [7, с. 216]. Поведение индивидов развивается по логике межгруппового. Социальное лицо – это та часть Я-концепции индивида, которая определяется его ценностью и эмоционально насыщенным знанием о принадлежности к некоторой социальной группе. Успехи чаще объясняются внешними, а неудачи внутренними факторами. При этом люди свои успехи объясняют своими внутренними качествами, а неудачи – внешними обстоятельствами. Этот феномен неразрывно связан с функцией, которую выполняет в психологической структуре личности Я-образ, складывающийся как результат взаимодействия базовых оценочных отношений человека к миру, себе и другим людям. Эта функция состоит в защите

положительной самооценки самыми разнообразными способами: от завышения своей самооценки до занижения оценки других.

Активное формирование самосознания и самооценки происходит в подростковом возрасте. Возникает рефлексия – особая форма самосознания, которая характеризуется стремлением отдать себе отчет в своих внутренних психических процессах. Данное новообразование подросткового периода объясняет появление у школьника потребности в самоутверждении и самовыражении. И в старшем школьном возрасте самосознание, то есть оценка самого себя как деятеля, как чувствующего и мыслящего существа, приводит к потребности в определении своего места в обществе. Это проявляется в приобретении таких качеств, как настойчивость, упорство в достижении цели, умение преодолевать препятствия и трудности, способность к волевой целенаправленной деятельности. В этот период возникает повышенный интерес индивида к тому, как окружающие воспринимают его личностные качества, т.к. через такое понимание происходит становление собственного отношения к людям, к себе. Если человек чувствует симпатии окружающих, то его отношение к сверстникам носит положительную эмоциональную окраску.

К межличностным аспектам социально-психологической адаптации следует отнести самоопределение индивида, представляющее самостоятельность, позиционную определенность, программу действий для ее воплощения. Позиционная определенность, являясь деятельностной стороной социально-психологической адаптации, формирует осознание человеком своей необходимости для других, значимости своей роли субъекта социальных отношений. Один из моментов жизненного самоопределения – интеграция в социальную структуру, предполагающая сформированные позитивные отношения между людьми в социальных группах.

В коллективной деятельности зарождается групповое самоопределение. В его основе – принятие одних воздействий членов коллектива и отвержение других в зависимости от личных убеждений как истока собственных интересов. Коллектив диктует настоятельность выбора поведения, ожидаемого окружающими людьми. Коллективистское самоопределение человека задает систему взаимодействия в официальном и неофициальном общении, определяя состояние социально-психологической адаптации индивида в реальных общественных условиях. Самоопределение в коллективе обязывает к принятию социальной роли, означающей с психологической точки зрения ее понимание, ответственность в исполнении этой роли в русле групповых норм. Социальная роль как комплекс общественных функций, выполняемых человеком в заданных ситуациях развития, представляет новообразование, определяющее фасад человеческого поведения. Благодаря ролям люди осваивают опыт культуры. С возрастом ситуация изменяется, возникает проблема выбора новой роли, требующая от человека нестандартных решений, то есть проявлений индивидуальности.

Индивид стихийно обучается создать себе в коллективе удобную социальную роль (то есть выработанную обществом и усвоенную индивидом систему мыслей и чувств, намерений и действий, подобающих в данной ситуации человеку, занимающему определенное социальное положение) в конце первого десятилетия жизни. Личностные роли – те роли, которые позволяют каждому предвидеть действия другого и поступить соответствующим образом, что имеет большое значение в системе межличностных отношений. Актуализация своей роли обусловлена ситуацией (дом, школа, работа, улица и т.д.). Социальная роль лишь отчасти определяет поведение исполнителя, оставляя место свободной реализации собственного Я. Однако роль не дает полного представления о возможностях. Человек больше, чем любая из ролей его репертуара. О реализации роли можно говорить в связи с Я-включением, т.е. таким состоянием, при котором Я отождествляется с какой-то ролью до такой степени, что ее судьба становится судьбой Я. Социальная роль есть исходный и определяющий элемент социального опыта, поскольку в ней наиболее полно программируется тот или иной шаблон социального поведения. Принятие на себя роли и ее «проигрывание» является психосоциальным отношением, выраженным в действиях, предписанных

«сценарием» роли, мотивированных интересами участников социального процесса, и предполагает понимание ими значения и смысла этих действий. Психосоциальное отношение невозможно вне образа, мотива, действия.

Социальная роль связана с реализацией статуса, то есть позицией, что позволяет ее рассматривать как взаимоотношения с микросредой, которые зависят не только от гностической стороны (восприятие и понимание, эталоны, оценки), но и от мотивационно-побудительных сил человека, от развивающихся и формирующихся отношений людей друг к другу.

Выводы. Говоря о социально-психологической адаптации, как приспособлении к окружающей действительности, следует отметить, что она представляет собой высокую качественную ступень процесса социального развития, проходящего ряд этапов. Межличностные аспекты социальной адаптации детерминированы совокупностью внешних и внутренних факторов развития, обусловлены и определяются такими процессами как становление межличностных отношений, самооценка и самосознание, самоопределение, формирование собственного Я, принятие социальной роли. Отмеченные закономерности лежат в основе педагогических проблем, связанных с воспитанием подрастающего поколения. Успешность социально-психологической адаптации – важное условие предупреждения социальных девиаций.

Литература

1. Божович Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе I // Психология личности / Л.И. Божович ; редактор-составитель Д.Я. Райгородский. – Самара : Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2002. – С. 95–114.
2. Зайцев И.С. Профилактика и коррекция социальной дезадаптации детей и подростков с тяжелыми нарушениями речи : монография / И.С. Зайцев. – Минск : А.Н. Варакин, 2008. – 248 с.
3. Коломинский Я.Л. Психология детского коллектива : система личных взаимоотношений / Я.Л. Коломинский. – Минск : Нар. асвета, 1984. – 239 с.
4. Налчаджян А.А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. – 2-е изд. / А.А. Налчаджян. – М.: Эксмо, 2010. – 368 с.
5. Паниотто В.И. Структура межличностных отношений / В. И. Паниотто. – Киев : Наукова думка, 1975. – С. 11–12.
6. Социологическая энциклопедия / под общ. ред. А.Н. Данилова ; коллектив авторов. – Минск : Изд-во «Беларуская энцыклапедыя» имени Петруся Бровки, 2003. – 384 с.
7. Tajfel H. Human groups and social categories: Studies in social psychology / H. Tajfel. – N.Y. : Cambridge University Press, 1981. – 369 p.

УДК 159.9

ЗНАЧЕНИЕ МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫХ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГА В ПРОФИЛАКТИКЕ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Зайцева Людмила Александровна,

кандидат психологических наук

доцент кафедры психологии личности и консультативной

психологии Академии психологии и педагогики,

ФГАОУ ВПО Южный федеральный университет,

г. Ростов-на-Дону

Аннотация. Профилактика экстремизма в молодежной среде рассматривается автором в контексте педагогических отношений преподавателя и обучающегося. Гуманистическое мировоззрение и исследовательская позиция студентов по отношению к окружающей

действительности способствуют готовности молодежи к противодействию экстремизму. Морально-нравственные и психолого-педагогические качества личности преподавателя обеспечивают принятие студентами негативных форм своего поведения и рефлексию правового и личного самосознания. Индивидуальный творческий стиль педагогической деятельности, реализуемый эмпатичным и поддерживающим преподавателем, обеспечивает формирование доверительных отношений в системе «педагог-обучающийся» и превенцию экстремизма.

Ключевые слова: профилактика молодежного экстремизма, морально-нравственные и психолого-педагогические качества личности преподавателя, значение отношений в системе «педагог-обучающийся».

Annotation. The preventive maintenance of extremism among young people is considered by the author in the definite context of the pedagogical relationship between the educator and the learner/ the humanistic world view and the research opinion of the students due to their attitude of the real surroundings have been promoted the readiness of the young generation to counteract with extremism. The moral-ethical and psychology-pedagogical qualities of the educator's personality have provided the getting by the students the negative forms of their own behavior and the reflexion of the legal and personal self-consciousness. The individual creative style of the pedagogical activity, realized by the empathic and supporting educator, has provided the formation of the sincere relations in this system between «The educator-the learner» the prevention of extremism.

Keywords: The preventive measures of young people's extremism, the moral-ethical and psychology-pedagogical qualities of the personality of the educator, the importance of the relations in the system «The educator-the learner».

Постановка проблемы. Взросление молодого человека во все века было сложным и противоречивым процессом. Становление личности современной молодежи происходит в условиях ускоряющейся информатизации и глобализации во всем мировом сообществе: еще недостаточно устойчивые в эмоциональном и ценностном плане юноши и девушки оказываются вовлеченными в водоворот общемировых катаклизмов. Обретение себя, своей культуры, своей индивидуальности в таких условиях возможно только с опорой на значимых: более опытных и зрелых взрослых. Такими взрослыми уже давно не являются родители и родственники молодых людей: вакантное место постепенно занимают блогеры, оппозиционные политики и криминальные авторитеты, обещающие материальное и социальное благополучие своим последователям, но в реальности этого не происходит: в молодежной среде растет разочарование, агрессия, усиливаются реакции нетерпимости. В науке появляется понятие «молодежного экстремизма», описывающего негативное социальное явление XXI века, охватившее молодежь от 16 до 27 лет больших городов и полиэтнических регионов. При чем большинство из этих юношей и девушек учатся в средних и высших учебных заведениях, где ежедневно встречаются, общаются, вступают в профессиональные и личные отношения со взрослыми образованными людьми. Так, именно педагоги могут стать опорой и поддержкой для современной молодежи, обеспечивая последней и чувство безопасности, и обозримые ориентиры будущей профессиональной деятельности, и горизонты морального и нравственного поведения. Именно в реальных отношениях со значимым взрослым-преподавателем, молодой человек способен лучше понять себя, выбрать путь индивидуального взросления, исключая различные формы девиантности, в том числе и экстремизм. Важным моментом профилактического значения таких отношений является умение и готовность самого педагога быть открытым для общения, а также признание своей решающей роли в развитии профессионального и личного самосознания молодежи.

Целью статьи стало теоретико-методологическое обоснование вклада отношений педагога с обучающимися в профилактику формирования экстремистского самосознания молодежи, а также теоретическое исследование средств такого педагогического общения

через обращение к морально-нравственным и профессионально-психологическим качествам личности преподавателя.

Изложение основного материала исследования. В последние годы отмечается положительная динамика преступлений экстремистской направленности, за 2017 год зарегистрировано 1521 преступление, за 2018 – 1675, за 2019 – 1348. Рост экстремистских настроений в молодежной среде еще более интенсивен, однако достоверной информации о его изменениях дать официально практически невозможно. В качестве причин такой неутешительной статистики называются различные объективные (падение доходов, утрата национальной и гражданской идентичности, низкая правовая культура и защищенность, и другие) и субъективные (юношеский максимализм, тревожность, зависимость от игр и химических веществ, психологическая незрелость и другие) факторы. Между тем среди субъектов, призванных профилировать распространение экстремизма в РФ: полиции, прокуратуры, органов опеки и социальной защиты населения, системы образования – именно последней направлено больше всего ожиданий и претензий. Правовед А.В. Кузьмин указывает на необходимость создания особой педагогической системы, интегрирующей усилия учреждений культуры и образования, правоохранительных органов, общественных организаций по формированию личностных установок и социальных норм, препятствующих распространению и закреплению ценностей и стереотипов экстремистского поведения [4, с.4]. В качестве основного профилактического средства указанный автор предлагает использовать «социально-культурное взаимодействие» педагога с учащимися, понимая под последним процесс, ориентированный на формирование в молодежной среде социально-одобряемых норм. Таким образом, именно система образования в лице конкретного педагога, должна научить подрастающее поколение критически относиться к окружающим социальным явлениям и принимать больше ответственности в строительстве собственных жизней. Предметом психолого-педагогических исследований, при данном общественном запросе, становится отыскание особого инструмента взаимодействия преподавателя с обучающимися. Кроме того, ряд ученых конкретизируют содержание педагогической профилактики, подчеркивая необходимость формирования у студентов готовности к противодействию экстремистской деятельности.

В целом экстремизм означает приверженность к крайним, преимущественно насильственным средствам для достижения цели. Экстремизм связан с попытками подорвать стабильность существующих общественных структур и политических институтов. Включение большого количества молодых людей в экстремистскую деятельность привело к появлению понятия «молодежный экстремизм», рассматриваемого в качестве «проявление молодыми людьми крайних и неоправданных форм поведения к инакомыслящим лицам, причина которых – интеллектуальная и нравственная ограниченность личности. Интеллектуальная ограниченность рождает ощущение абсолютной истинности своего мнения, которое видится закрытым и окончательным. Нравственная ограниченность способствует утверждению в человеке гордыни и самооправдания за любые действия» [3, с. 55]. Так, экстремизм становится объектом междисциплинарного и межведомственного воздействия: и со стороны министерства образования, и со стороны министерства внутренних дел.

Педагогическая профилактика экстремизма, по мнению Т.Б. Крюковой и С.Ю. Лисовой, не должна ограничиваться мерами точечного воздействия на личность радикально настроенного юноши, но быть направлена на развитие такого студенческого сообщества, которое бы само предотвращало возникновение и развитие у его членов экстремистских взглядов и настроений. Показатель готовности студентов к противодействию экстремизма предлагается рассматривать по критериям интеллектуально-познавательного компонента (знания права, политики, истории, культурологии и смежных наук), поведенческо-деятельностного компонента (умения идентификации и противостояния экстремистской пропаганды), мотивационно-ценностного компонента (гуманистическое мировоззрение, ценностное отношение к «другим», ценностные ориентации гражданско-патриотической направленности). Характер готовности к противодействию экстремизму содержательно

различается в зависимости от степени её выраженности: высокой, средней или низкой, однако, стоит заметить, разнозначный вклад в эту готовность каждого из отмеченных компонентов, а также разные возможности педагогического состава образовательных учреждений во влиянии на каждый из показателей. Итак, особого внимания заслуживает мотивационно-ценностный компонент: известно, что формирование ценностей и мировоззрения – это важный вопрос каждой эпохи и текущая информатизированная реальность требует своих особых средств.

Точкой отчета в профилактике экстремизма в молодежной среде целесообразно считать понимание основными участниками тех особенностей, которыми отличается сознание экстремиста. К личностным особенностям экстремистски настроенной личности относят: стремление к насилию, односторонность восприятия, одержимость и стремление навязывать свое мнение, бездумное выполнение приказов и инструкций, опора на чувства и предрассудки, а не на разум, неспособность к компромиссам [1, с. 290]. Некоторые из этих качеств, такие как неспособность к компромиссам, опора на чувства, а не на разум, односторонность взглядов и стремление к насилию порой присущи самым обычным подросткам и юношам, однако, сохранение в поведении всех этих проявлений достаточно длительной время: более года-двух, должно стать сигналом для окружающих взрослых об индивидуальном страдании молодого человека, его вероятностному или уже случившемуся попаданию под влияние экстремистски настроенных групп. В тех случаях, когда указанные качества личности проявляются одиночно в поведении юноши или девушки, педагогической задачей становится не клеймение таких проявлений как недостойных, а обнаружение и вербализация происходящего в индивидуальной или групповой беседе, поиск факторов их вызвавших, демонстрация иных способов поведения в аналогичных ситуациях, обнаружение выгод альтернативного поведения. Все эти задачи негласно переключаются на плечи классных руководителей, кураторов, наставников и прочих педагогов высших и средних специальных учебных заведений.

Шарапов А.В. предлагает ряд психолого-педагогических мер в зависимости от этапа формирования экстремистской направленности. Профилактические воздействия педагога на начальном этапе, когда экстремистская направленность проявляется в форме негативизма, будут заключаться в формировании доверительных отношений с молодым человеком посредством признания и принятия его самобытности. На втором этапе формирования экстремистской направленности происходит усиление негативных переживаний по форме, интенсивности и глубине, у юноши выстраиваются психологические защиты и он становится эмоционально глух к своим и чужим тревогам, картина его мира сужается и поляризуется, а затаенная ярость проявляется в виде неожиданных вспышек агрессии. Здесь необходима индивидуальная и групповая работа, направленная на создание безопасных психологических условий для проявления подавленных чувств и мыслей, коррекцию мотивационной и когнитивной сферы, вовлечение в социально одобряемую деятельность. Педагогическую профилактику экстремизма на третьем этапе автор считает наиболее сложной, требующей творческого осмысления педагогической теории и практики. Изменения личности по экстремистскому типу на этом этапе проявляется в формировании «второй» жизни, когда внешне социально нормированный субъект внутренне ощущает себя причастным к чему-то великому и идеальному – живет в параллельной реальности, испытывая скрываемую до поры до времени ненависть к окружающим [6, с. 200].

Традиционно фигура преподавателя связывается с умением развить у своих учеников-студентов – особый тип профессионального мышления, обрести знания, соответствующие той или иной области предметной действительности. Это глобальное педагогическое умение конкретизируется в разделах морального облика, педагогических способностей и компетенций, а также стремлении к занятию педагогической деятельностью. Психологи отмечают, что именно в аспекте преподавательско-педагогической деятельности личные качества проявляются более отчетливо: полноценная и успешная педагогическая деятельность обеспечивается качествами личности учителя. [5, с. 198]. Такой педагог, обладающий высокими уровнем знания предмета и высоким же педагогическим талантом, раскрываемом

через духовную чуткость, деликатность, чувство юмора и интуицию становился примером для учащихся и основным мотиватором получения готовых знаний.

В современной же образовательной парадигме, появившейся в начале текущего века и обозначаемой учеными в качестве неклассической, существенный акцент делается не на приобретении готовых знаний, а на интересах, ценностях и личных качествах педагога и обучающихся. Ориентация на процесс обучения, а не его результат, стремление находить и применять креативные психолого-педагогические технологии, поиск студентами смысла учебной деятельности ведут к существенному повышению требований к личности педагога как общества, так и его самого. От педагога априори ждут, и традиционно классических организационно-управленческих качеств: способности организовать коллектив учащихся и делать учебный материал доступным, быть тактичным, требовательным, творческим; и инновационных: быть интересным для обучающихся, давать свой предмет в связи с жизнью, быть наблюдательным и внимательным к студентам, любить и уважать детей, иметь образную, яркую и содержательную речь, быть чутким к альтернативному собственному мнению и ориентировать обучающихся на проектирование и целеполагание. В этих качествах соединены как требования старой, ориентированной на результат, образовательной модели, так и новой, где важен процесс – поэтому закономерны противоречия. К тому же развитие каждого из этих качеств требует некоторого опыта профессиональной деятельности. Однако для молодого специалиста это не всегда очевидно и стремясь оправдать ожидания руководства, начинающий педагог пытается обеспечить самоопределение и самореализацию своих студентов, забывая о собственных самоопределении и самореализации, что чревато внутренними мотивационными конфликтами, быстрым профессиональным выгоранием и существенно затрудняет формирование полноценных равных отношений педагога и обучающимися.

Важным моментом оказывается признание поэтапности формирования индивидуального стиля педагогической деятельности. Кульминационным моментом становится формирование достаточно позднего личностно-профессионального образования – «творческой креативной индивидуальности», обозначающем собственную индивидуальность педагога в профессиональной деятельности. Творческая (креативная) индивидуальность проявляется как высшая характеристика профессионального творчества. Она является личностной категорией, которая включает интеллектуально-творческую инициативу; интеллектуальные способности, широту и глубину знаний; чуткость к противоречиям, склонность к творческому сомнению, способность испытывать внутреннюю созидательную борьбу; информационный голод, чувство новизны, необычного в проблеме, профессионализм, жажда познания.

Развитая творческая индивидуальность обеспечивает возможность воспринимать культуру с точки зрения её значения для общества, самостоятельно изменять педагогический процесс и личность; находить новые продуктивные и значимые технологии; способствовать саморазвитию своему и учащихся. Формирование творческой индивидуальности преподавателя – динамический инновационный процесс преобразования и саморазвития личности, основанный на развитом самосознании. При этом будущий преподаватель должен постоянно возвращаться к традиции, к прежним педагогическим наработкам, их аксиологически осмысливать в соответствии с новыми подходами, разрабатываемыми психологией, педагогикой, и другими науками о человеке.

Важными личностными качествами сформированной профессиональной идентичности становятся рефлексия, идентификация, эмпатия и децентрация. При этом рефлексия связана со способностью соотносить свои действия с окружающей обстановкой, идентификация – с умением эмоционально отождествлять себя с другой личностью и группой, эмпатия – с умением понимать эмоции других и сообщать им об этом, тогда как децентрация связана с отказом от своих эгоцентрических установок. [5, с. 199]. Данные качества личности формируются у педагога в системе его взаимосвязей с миром в течение всей жизни и обеспечивают равенство его позиции при взаимодействии с обучающимися.

Креативная технология обучения ориентирована на первостепенную роль личности учителя. Преподаватель становится хранителем норм и традиций, в задачу которого теперь входит не внешняя оценка деятельности обучающихся, а формирование партнерских отношений со студентами, в которых возможно не просто усвоение нового, а создание собственного индивидуального интеллектуального продукта. При этом педагог работает как фасилитатор не просто индивидуальной образовательной траектории, а как организатор командной работы своих учеников. В этом случае специфичность креативной технологии состоит в возможности развития способности обучающегося создавать и извлекать знания из получаемой информации – заниматься исследовательской деятельностью. У обучающихся при таком подходе меняется отношение к информации из вне: они систематически отрабатывают и автоматизируют навык не брать ничего на веру, не усваивать готовые представления и понятия, а строить из всех знаний и представлений свой проект, свое представление о мире. Такой студент гораздо более устойчив к влиянию, поскольку его личность в определенной мере активна, творчески ориентирована и созидательна по итогу обучения в высшей школе. Его отношение к новому закономерно будет связано с попыткой включить это новое в свою жизнь, а не безоговорочным принятием или отвержением.

Дальнейшее совершенствование системы отношений педагога с обучающимися видится Н.Г. Волкову в изменении стиля межличностного общения в ВУЗе. Создание атмосферы особого сообщества «посвященных», свободно избравших деятельность, направленную на поддержку личностного самосозидания будущих наставников подрастающих поколений, атмосферы, в которой только и могут развиваться свободные и страстные, толерантные и терпеливые преподаватели, способно осуществляться в том случае, если удастся удерживаться безоценочности и принятия в другого человека, если умение слышать и видеть другого станет нормой педагогического общения, когда сама причастность к ВУЗу станет основой чувства «защищенности» в душе.

Выводы. В условиях постоянно ускоряющейся информатизации и глобализации мира, именно взрослый педагог-наставник, находящийся в реальных профессиональных и личных отношениях с молодыми студентами, может обеспечивать профилактику экстремистских настроений в молодежной среде за счет развития интереса последней к конкретной профессиональной области, себе самой и гармоничного процесса профессионализации. Общественный запрос профилактики экстремизма связан с созданием особой педагогической системы. Современные образовательные учреждения пытаются строить обучение по неклассической (креативной) модели, предусматривающей исследовательскую позицию обучающихся и равенство всех участников образовательного процесса. В научной среде сформировано понятие «готовность к противодействию экстремизму», обозначающее активную интеллектуально-нравственную и мировоззренческую установку юношей и девушек совершать действия, направленные на предупреждение экстремизма. Сформулированы способы психолого-педагогической работы с экстремистски настроенными молодыми людьми: это отреагирование чувств, осознание негативных жизненных установок, оказание поддержки, создание безопасных психологических условий для проявления подавленных чувств и мыслей, коррекцию мотивационной и когнитивной сферы, вовлечение в социально одобряемую деятельность. Вместе с тем, творческий стиль индивидуальной профессиональной деятельности способствует ориентации на образовательный процесс, а не результат, и подразумевает качественно новый алгоритм взросления молодежи. В условиях исследовательски организованного образования, опираясь на рефлексирующего и чуткого педагога, современный молодой человек, учится самостоятельно определять ценности профессиональной и личной жизни, выбирать пути жизни, ведущие к самореализации и самосозиданию.

Литература

1. Безносков Д.С. Почебут Л.Г. Психологические аспекты экстремизма и терроризма // Вестник СПбГУ, серия 12, 2010. Выпуск 1. – С. 287-299.

2. Волков Н. Г. Личность преподавателя и новые технологии обучения в инновационном ВУЗе // Вестник Казанского технологического университета. – 2012. – №10. – С. 392-398.
3. Крюкова Т.Б., Лисова С.Ю. Педагогическая модель формирования готовности студентов к противодействию экстремизму // Наука и школа. – 2018. – №2. – С. 52-61.
4. Кузьмин А.В. Профилактика экстремистского поведения молодежи в процессе социально-культурной деятельности // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – №3(34). – С. 3-6.
5. Лапшова А.В., Грашина П.А., Деулина Е.А. Влияние личности преподавателя на качество профессиональной подготовки студентов ВУЗА // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – №3(60). – С. 198-200.
6. Шарапов А.В. Психолого-педагогические признаки и психология экстремистской направленности личности // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2017. – №6. – С. 196-204.

УДК 159.923.5

САМОЭФФЕКТИВНОСТЬ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ В СВЯЗИ С ЖИЗНЕННОЙ УСПЕШНОСТЬЮ ИХ РОДИТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ¹

Зиновьева Елена Викторовна,
кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
г. Санкт-Петербург

Костромина Светлана Николаевна,
доктор психологических наук, профессор,
профессор, заведующая кафедрой психологии личности
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
г. Санкт-Петербург

Москвичева Наталья Львовна,
кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии личности
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье предпринята попытка показать связь самоэффективности молодых людей с наличием или отсутствием жизненной успешности или успешности в конкретной сфере их родителей. Было обследовано 208 человек, среди них – 93 молодых человека и 115 родителей. У молодых людей с высоким уровнем самоэффективности родители более успешны и эффективны в различных сферах жизни, чем у респондентов с низким уровнем. Повышение самоэффективности молодых людей и их родителей может выступать фактором профилактики девиантного поведения.

Ключевые слова: самоэффективность, жизненная успешность, молодые люди, родители.

Annotation. This article deals with interconnection and interaction of self-efficacy of young people with the presence or absence of life success or success in a particular area of their 208 people were examined, including 93 young people and 115 parents. Young people with a high level of self-efficacy have parents who are more successful and effective in various areas of life than respondents

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках исследовательского проекта N18-013-00599 («Жизненные модели молодежи: межпоколенное и внутриспоколенное исследование»).

with a low level. Increasing self-efficacy young people and their parents can be a factor in the prevention of deviant behavior.

Keywords: self-efficacy, life success, young people, parents.

Постановка проблемы. Самоэффективность, как вера в себя и свои возможности выступает одним из личностных предикторов жизненной модели молодых людей. Она обуславливает их готовность к проявлению активности, в том числе сверхнормативной, в достижении желаемого и отражается в переживании собственной успешности. Жизненная успешность родителей оказывает влияние на формирование самоэффективности молодых людей. Формирование самоэффективности в качестве опоры на внутренние ресурсы, отражаясь в переживании собственной успешности в основных жизненных сферах, является одним из факторов профилактики девиантного поведения молодежи.

Целью статьи является описание результатов эмпирического исследования самоэффективности молодых людей в связи с жизненной успешностью их родителей. С нашей точки зрения жизненная успешность родителей вносит существенный вклад в формирование самоэффективности молодых людей.

Изложение основного материала исследования. Жизнь в современном мире ставит человека перед необходимостью меняться, принимать собственные решения, совершать жизненные выборы, отказываясь от одного в пользу другого, демонстрируя вариативность поведенческих стратегий, которые не всегда можно отнести к нормативным. Этот процесс, отражает всю сложность и многогранность формирования жизненных моделей человека как фрагментов его жизненного сценария [2].

Подготовка к жизни в транзитивном обществе требует обращения к таким понятиям как «самоэффективность» и «жизненная успешность». Именно от них зависит, в том числе будет ли молодой человек активно вовлечен в выстраивание своего жизненного пути, опираться на свои ресурсы или станет «плыть по течению», исходя из обстоятельств, предлагаемых ему средой, в которой он находится в текущий момент.

В 1977 году А. Бандура в своей работе впервые употребил термин «самоэффективность» для формального обозначения убеждений человека в его способности совершить действия определённого уровня, которые могут оказать влияние на события его жизни. Вера в самоэффективность определяет то, как люди чувствуют, думают, мотивируют и ведут себя, посредством четырёх основных процессов: познавательных, мотивационных, эмоциональных и процесса выбора. Рассматривая самоэффективность в качестве когнитивного механизма, он указывал на её три основные характеристики: уровень, обобщенность и силу. Уровень самоэффективности отражает убеждения в том, что человеку под силу справиться с той или иной задачей даже при высокой её сложности. Под обобщенностью подразумевается широта представлений об успешности в одной сфере с переносом на другие. И, наконец, сила, отражает устойчивость убеждений индивида в его способности реализовать ту или иную деятельность [6].

Современные специалисты, говоря о понятии «самоэффективность», имеют в виду, систему убеждений человека в собственной компетентности, вере в собственный потенциал и готовности действовать. Эти представления распространяются на все сферы жизни человека, и не зависят от конкретной ситуации [7].

Данные исследований свидетельствуют, что представления, связанные с эффективностью личности, оказывают влияние на многие стороны человеческой жизни, а также на психологическое благополучие и физическое здоровье. Люди с высокой самоэффективностью получают высокие оценки при обучении, ставят перед собой высокие цели, рассматривают больше вариантов для карьеры, чаще добиваются успеха, чем люди с низкой самоэффективностью [4].

В тоже время, анализ научной литературы позволил сделать вывод о том, что имеющиеся на сегодняшний день результаты не позволяют сделать вывод о том, какие именно факторы и условия (например, события или ситуации) вносят свой вклад в ее формирование. Тем не

менее исходя из исследований, в которых изучается связь самооффективности с метавосприятием, косвенным опытом и межпоколенной трансмиссией [5], можно предположить, что одним из таких факторов будет являться жизненная успешность и самооффективность родителей.

Для проверки данной гипотезы были использованы: тест-опросник самооффективности [3]; Опросник «Представления об успехе» [1], а также «Авторский опросник для родителей». Авторский опросник для родителей был разработан нами с целью выявления представлений родителей о собственной жизненной успешности. Опросник содержит 30 открытых и закрытых вопросов с одним или несколькими вариантами ответа. Результаты опроса позволили получить общую социально-демографическую информацию о родителях, а также выявить их представления о субъективных и объективных критериях собственной жизненной успешности. Опросник состоит из двух блоков: условно-объективные факторы и субъективные факторы жизненной успешности. Первый блок включает в себя 24 открытых вопроса и позволяет получить информацию об успешности родителей в профессиональной сфере и сфере отношений (дружеских и супружеских). Второй блок содержит 6 закрытых вопросов, направленных на исследование представлений и субъективных оценок родителей относительно жизненной успешности в целом и собственной, в частности.

В исследовании приняло участие 208 человек (93 семьи). Из них 93 молодых человека, средний возраст 20,9 лет ($\sigma=2,89$), среди них 70 девушек и 19 мужчин, и 115 родителей, средний возраст 49,1 (6,96), из них 87 женщин и 28 мужчин. Выборку молодых людей составили студенты и недавние выпускники различных ВУЗов и СУЗов различных городов РФ: Санкт-Петербург, Москва, Самара, Саратов, Белгород, Курск, Екатеринбург, Челябинск, Ярославль.

Статистическая обработка данных проводилась с помощью корреляционного анализа, регрессионного анализа, однофакторного дисперсионного анализа и хи-квадрата Пирсона.

В соответствии с целью исследования, выборка молодых людей по результатам опросника самооффективности была разделена по уровню самооффективности и затем проведено сравнительное сопоставление жизненной успешности родителей молодых людей с высоким и низким уровнем самооффективности. В группу с высоким уровнем самооффективности вошло 34 респондента, с низким – 38 респондентов. Остальные (21 человек) продемонстрировали средний уровень самооффективности и далее были исключены из обработки результатов.

Было выявлено, что у молодых людей с разным уровнем самооффективности успешность в целом отождествляется с достижением собственных целей (50%), наличием престижной работы, высоким социальным статусом и материальным благополучием (15%), самореализацией (13%), получением удовольствия от жизни (12%). По их мнению, жизненная успешность родителей влияет на успешность детей, как в настоящем, так и в будущем. Ребёнок может повторить участь собственных родителей (быть успешным/неуспешным), или пойти «от противного». Успешные родители собственным примером не только задают ориентиры того, что считать успехом, но и учат (прямо или косвенно), как его достигать, тем самым стимулируя активность собственного ребенка, поощряя любые его начинания, устанавливая планку, к которой нужно стремиться.

Однако между ними существует различие: респонденты с высоким уровнем самооффективности связывают успех в жизни также с самосовершенствованием и личностным ростом (71%), а также преодолением препятствий и различных трудностей (68%), тогда как для респондентов с низким уровнем самооффективности успех соотносится с достижением душевного равновесия, гармонии с самим собой (58%), с везением (24%) и популярностью в обществе, известностью (16%). Для респондентов с высоким уровнем самооффективности эти параметры оказались не значимы или малозначимы.

Сравнительный анализ жизненной успешности родителей показал наличие статистически значимых различий между группами родителей молодых людей с высоким и низким уровнем самооффективности по параметрам: образование ($\chi^2 = 22,436$; $p \leq 0,001$),

социальный статус ($\chi^2 = 11,791$; $p \leq 0,001$) и материальное положение ($\chi^2 = 19,756$; $p \leq 0,001$). У молодых людей с высоким уровнем самоэффективности родители чаще имеют высшее образование, высокий социальный статус и удовлетворительное материальное положение (ни в чём себе не отказывают или не имеют материальных затруднений). Разницы в семейном статусе выявлено не было.

В семьях молодых людей с высоким уровнем самоэффективности родители считают себя успешными в профессиональной сфере, и сфере отношений – дружеских и семейных. В то время как в семьях молодых людей с низким уровнем самоэффективности, родители считают себя успешными преимущественно в сфере дружеских отношений. При этом они реже отмечают успехи и удовлетворённость в профессиональной сфере. Что касается семейных отношений, то в группе респондентов с низким уровнем самоэффективности родители отмечают удовлетворённость семейными отношениями, но в тоже время часто указывают, на то, что в отношениях присутствует скука, отсутствие общих тем для обсуждения.

Результаты однофакторного дисперсионного анализа показали, что в группе молодых людей с высоким уровнем самоэффективности общий показатель жизненной успешности и отца ($F=4,785$; $p \leq 0,05$), и матери значимо выше ($F=9,393$; $p \leq 0,01$), чем у молодых людей с низким уровнем.

В результате корреляционного анализа были установлена связь самоэффективности молодых людей с самоэффективностью матери ($r_s=0,311$; $p \leq 0,01$) и отца ($r_s=0,705$; $p \leq 0,01$). Вера родителей в собственные возможности в преодолении трудностей и поиске решений жизненных задач может «встраиваться» в модель поведения и схемы мышления их детей.

Множественный регрессионный анализ показал, что в самоэффективность молодых людей наибольший вклад вносит успешность их матери в профессиональной сфере ($F=21,319$; $p \leq 0,001$), её успешность в сфере дружеских отношений ($F=14,672$; $p \leq 0,001$), а также успешность отца в сфере семейных отношений ($F=15,808$; $p \leq 0,01$).

В целом, исследование показало, что на самоэффективность молодых людей большое влияние оказывает эффективность их родителей, то есть имеет место межпоколенная трансмиссия. Самоэффективность молодых людей прямо связана с самоэффективностью их родителей – и отца, и матери. Жизненная успешность обоих родителей (но в разных сферах) вносит вклад в самоэффективность их детей. При этом успешность матери в профессиональной сфере оказывает большее влияние, чем успешность в сфере близких отношений. Важный вклад в формирование самоэффективности молодых людей вносит успешность отца в сфере семейных отношений. Под успешностью в данном случае, рассматривается удовлетворённость отца качеством семейных отношений, интерес к своей супруге, наличие доверительных отношений между ними и уважения к ней.

Выводы. Повышение самоэффективности, как системы убеждений в собственной компетентности как способности совершить нужные действия для достижения желаемых целей в конкретных областях и ситуациях может служить фактором профилактики девиантного поведения у молодых людей, способствуя стремлению к достижению успеха через самосовершенствование и личностный рост, а также восприятию необходимости преодолевать препятствия и трудности на этом пути. Проведенное эмпирическое исследование показало, что родительская модель успешности может вносить существенный вклад в формирование самоэффективности молодых людей. Информирование родителей о результатах связи самоэффективности родителей с самоэффективностью детей, вклада профессиональной успешности матери и семейной успешности отца в самоэффективность ребенка, а также разработка специальных программ для родителей по повышению их самоэффективности, могут использоваться в целях превенции девиантного поведения детей.

Литература

1. Бухаленкова Д.А. Представления об успехе в подростковом возрасте / Д.А. Бухаленкова. – Дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2018. – 153 с.

2. Костромина С.Н., Гришина Н.В., Зиновьева Е.В., Москвичева Н.Л. Жизненная модель как конструкт изучения жизненного сценария личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2018. – Т. 8. Вып. 4. – С. 341-357.

3. Кричевский Р.Л. Если вы руководитель. Элементы психологии менеджмента в повседневной работе. – М., 1998. – 399 с.

4. Личностный потенциал: структура и диагностика. – М.: Смысл, 2011.

5. Сапоровская М.В. Межпоколенный копинг в семье: социально-психологические механизмы и групповые эффекты / М.В. Сапоровская // Психологические исследования. – 2016. Т. 9, № 49. – С. 3.

6. Bandura A. Self-efficacy. The Exercise of Control. New York: W.H. Freeman and Comp. 1997. – 604 p.

7. Maddux, J., & Kleiman, E. Self-Efficacy: The Power of Believing You Can. In (Ed.), The Oxford Handbook of Positive Psychology, 3rd Edition: Oxford University Press, 2016. – 19 p.

УДК: 159.9.07

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ДЕТСКОЙ И ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Иванов Дмитрий Викторович,

кандидат психологических наук, доцент

доцент кафедры педагогики и психологии,

ФГБОУ ВО «Самарский государственный

социально-педагогический университет», г. Самара

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния семьи на формирование преступного поведения подростков. У подростков, совершивших преступные действия, отмечается рассогласованность в оценке стиля воспитания матери и отца. Произведен подбор психодиагностических методик, позволяющий выявлять подростков группы риска, а также выявить особенности личности подростков, склонных к преступному поведению. Составлены рекомендации по профилактике преступного поведения подростков в образовательных учреждениях.

Ключевые слова: подросток, психологическая профилактика, девиантное поведение, преступное поведение, семья, воспитание.

Annotation. The article focuses on a study of the impact of the family on the formation of criminal behaviour of adolescents. In the case of adolescents committed criminal acts, there is a lack of coordination in the assessment of the upbringing of mothers and fathers. Psycho-diagnostic methods have been selected to identify adolescents at risk and to identify the characteristics of adolescents prone to criminal behaviour. Recommendations have been drawn up to prevent juvenile delinquency in educational institutions.

Keywords: adolescent, psychological prophylaxis, deviant behaviour, criminal behaviour, family, education.

Постановка проблемы. Рассматривая проблемы психолого-педагогической первичной профилактики детской и подростковой преступности в образовательных учреждениях и роли школьного психолога в ней, следует отметить, что это направление профилактической работы до последнего времени остается еще недостаточно разработанным. На сегодняшний день существующая научно-методическая концепция профилактики преступности несовершеннолетних в образовательных учреждениях не позволяет определить эффективные пути и механизмы ее реализации.

Целью статьи является определение набора психодиагностических методик, который позволит нам исследовать влияние семьи на формирование противоправного поведения подростков, а также выявить особенности личности подростков, склонных к преступному поведению.

Изложение основного материала исследования. Нами был проведен эмпирический анализ психолого-педагогических программ по профилактике девиантного поведения детей и подростков, которые реализуются в образовательных учреждениях, в центрах «Семья», в отделах по работе с молодежью в различных районах г.о. Самары. Профилактическая деятельность строится на комплексной основе и обеспечивается совместными усилиями педагогов, социальных педагогов, психологов, родителей и сотрудников правоохранительных органов [1].

Эмпирический анализ включал изучение целей, задач, методов, при помощи которых специалисты образовательных учреждений, центров «Семья» и отделов по работе с молодежью районов г.о. Самары осуществляют профилактику девиантного поведения детей и подростков и прежде всего профилактику преступного поведения. Несмотря на многообразие программ профилактики девиантного поведения несовершеннолетних, можно выделить ряд общих для них принципов:

- Формирование у несовершеннолетних навыков противостояния девиантным формам поведения рассматривается как часть общего воспитательного процесса, обеспечивающего формирование личностной устойчивости детей и подростков в отношении всей суммы факторов риска девиантного поведения [5].

- Подготовка носит опережающий, профилактический характер, по срокам она предшествует возникновению реального риска формирования наркотической зависимости [5].

- Изучение правовых аспектов поведения детей и подростков.

- Обучение навыкам эффективного общения детей, подростков и их родителей.

- Формирование позитивного мировоззрения и навыков здорового образа жизни у детей, подростков и их родителей.

- Необходимость создания спокойной, позитивно эмоционально окрашенной атмосферы при организации психолого-педагогической профилактики [2].

Используемые программы относятся в основном к вторичной профилактической работе и работе с наркотической и алкогольной зависимостями, а также нацелены на вовлечение семей детей и подростков группы риска. Число программ, направленных на профилактику, прежде всего, преступного поведения несовершеннолетних невелико. Эту работу можно отнести к ранней первичной профилактике. Таким образом, вниманием государственных институтов психологической помощи обделены те дети и подростки, чье поведение еще не несет угрозы для общественного порядка, и чья семейная ситуация еще не достигла крайних проявлений дисфункциональности [3, с. 37]. Школьные педагоги-психологи совместно с семьями в какой-то мере заполняют этот пробел. Однако из-за недостаточной методической разработанности первичной профилактики девиантного поведения в школе, данная работа либо не проводится систематично, либо мало эффективна.

Опросы специалистов показывают, что для предупреждения преступного поведения подростков необходимо, прежде всего, определить психологические средства, позволяющие своевременно выявлять подростков группы риска. Для психолога своевременная диагностика детей и подростков группы риска также позволит проводить первичную профилактику преступного поведения несовершеннолетних в рамках работы с семьей.

По мнению большинства отечественных и зарубежных исследователей, на формирование нарушений поведения и расстройств детей и подростков влияют различные факторы, но решающее значение имеет семья. В связи с этим цель нашего эмпирического исследования заключалась как в разработке психодиагностического пакета методик, который позволит нам определить влияние семьи на формирование противоправного поведения подростков, так в выявлении особенностей личности подростков, склонных к преступному поведению.

Для достижения цели исследования решались следующие задачи:

1. Изучить личностные характеристики подростков, совершивших преступные действия, и подростков без нарушений поведения, то есть социально адаптированных, сравнить полученные результаты.
2. Изучить семейную ситуацию совершивших преступные действия подростков и социально-адаптированных подростков, сравнить полученные результаты.
3. Разработать психологические рекомендации по профилактике преступного поведения детей и подростков в школе в работе психолога.

Исследование проходило в несколько этапов.

На первом этапе были сформированы экспериментальная и контрольная группы. Экспериментальную группу составили 25 подростков 14-15 лет, совершивших преступные действия и состоящих на учете в районном ПДН ОВД и находящиеся под социальным контролем работников центров «Семья». Основанием их постановки на учет было отклоняющееся, преступное поведение: кражи, систематические прогулы, педагогическая запущенность, сложность в обучении и воспитании и т.д. Все подростки экспериментальной группы из полных семей, то есть живут с отцом и матерью. В контрольную группу вошли 25 социально-адаптированных подростков 14-15 лет, не совершавших противоправных действий. Все они учащиеся средней общеобразовательной школы Железнодорожного района г.о. Самара. Основным условием формирования контрольной группы являлось наличие таких социально положительных качеств как: примерное поведение, прилежание, хорошая успеваемость в учебе, целеустремленность и т.д. Все подростки контрольной группы также из «полных» семей. Таким образом, в нашем исследовании участвовали подростки, живущие в одном районе города, одного возраста, но из разных, часто противоположно социально детерминированных групп. Это позволяет более рельефно очертить в исследовании микросоциальные психологические различия подростков.

На втором этапе был подобран пакет методик. Для составления комплексного психологического портрета личности подростков, совершивших преступные действия, изучались: тип акцентуации характера (опросник Г. Шмишека), личностная и ситуативная тревожность (методика Ч.Д. Спилбергера – Ю.Л. Ханина), агрессивность (опросник А. Басса – А. Дарки) и самооценка (опросник С.В. Степанова). Для изучения влияния семьи использовался тест-опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (ADOR).

На третьем этапе проводился сравнительный анализ личностных характеристик и отношения подростков к воспитательным воздействиям в семье подростков, совершивших преступные действия, и подростков, характеризующихся социально-адаптированным поведением. На четвертом этапе составлялись психологические рекомендации по профилактике преступного поведения детей и подростков.

По результатам использования опросника Г. Шмишека было установлено, что для психологического портрета подростков, совершивших преступные действия, по сравнению с подростками контрольной группы, характерны: смешанные типы акцентуаций, наиболее часто встречаются демонстративные, застревающие, гипертимические и циклотимические типы акцентуации характера.

Применение методики Ч.Д. Спилбергера – Ю.Л. Ханина позволило выявить высокий уровень ситуативной и личностной тревожности у подростков, совершивших преступные действия. Возможно, это связано с тем, что подростки, совершившие преступные действия, пытаются использовать различные формы девиантного поведения, например, это может быть употребление психоактивных веществ, для снижения личностной и ситуативной тревожности. Подростки чувствуют себя субъективно более свободно, более спокойно в небольшой промежуток времени действия психоактивных веществ. Затем ситуация повторяется, только для ощущения личностного спокойствия начинается требоваться большая стимуляция со стороны психоактивных веществ. Тревожность у подростков, совершивших преступные действия, также во многом связана с комплексом неполноценности, зависимости.

Использование опросника А. Басса – А. Дарки показало у подростков, совершивших преступные действия, проявления косвенной агрессии, раздражительности, чувства обиды, подозрительности и общей враждебности в поведении. Возможно, это связано с тем, что подростки, совершившие преступные действия, по сравнению с подростками контрольной группы, более скрытны в проявлении своей агрессии в поведении. Агрессия экспериментальной группы подростков в основном не направлена на какое-либо конкретное лицо и не упорядочена.

У подростков, совершивших преступные действия, значимо выше по сравнению с подростками контрольной группы проявляется раздражительность в поведении. Возможно, это связано с тем, что подростки, совершившие преступные действия, по сравнению с подростками контрольной группы, в виду своих личностных особенностей, а именно акцентуированности характера, эмоциональной нестабильности, более раздражительны в общении как со сверстниками, так и с взрослыми людьми.

У подростков, совершивших преступные действия, значимо выше по сравнению с подростками контрольной группы проявляется обидчивость, подозрительность в поведении и в целом враждебность к окружающим. Возможно, это связано с тем, что у подростков, совершивших преступные действия, по сравнению с подростками контрольной группы, формируется чувство обиды вследствие их зависти к окружающим, особенно часто это касается тех или иных материальных благ и возможностей, которыми располагают их сверстники из семей с более высоким уровнем дохода. Также это может касаться формирования чувства обиды в других сферах. В любом случае чувство обиды не позволяет подростку принять себя, объективно соизмерить свои возможности со своими притязаниями.

У подростков, совершивших преступные действия, подозрительность встречается чаще в поведении по сравнению с подростками из контрольной группы. Возможно, это связано с тем, что такие подростки не доверяют окружающим, так как очень часто окружающие их близкие люди, родители причиняют им вред. Они начинают ожидать этого и от остальных окружающих их людей. Таким образом, у подростков, совершивших преступные действия, формируется чувство враждебности к окружающим людям, как взрослым и сверстникам, чувство незащитности и ненужности.

Согласно результатам опросника С.В. Степанова, подростки, совершившие преступные действия, обладают низкой самооценкой. Возможно, это связано с тем, что для подростков, совершивших преступные действия, по сравнению с подростками контрольной группы, является характерным комплекс неполноценности, зависимость, несамостоятельность как в оценке внешних ситуаций и людей, так и в оценке себя.

Применение опросника «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (ADOR) показало рассогласованность в оценке стиля воспитания матери и отца у подростков, совершивших преступные действия. У большинства подростков, совершивших преступные действия, отмечается рассогласованность в оценке стиля воспитания матери и отца. Подростки, совершившие преступные действия, оценивают отношение к себе матери более позитивно, чем отца. При описании «враждебности» отцов подростки, совершившие преступные действия, на первое место ставят их самоуверенность, тенденцию к признанию другими своей исключительности, на фоне подавления других. Социально-адаптированные подростки оценивают родительское отношение как со стороны отца и матери к себе как единую воспитательную систему, не противоречивую по отношению друг к другу. При этом «позитивный интерес» по отношению к себе со стороны родителей выделяется в большей мере подростками, совершившими преступные действия, чем социально-адаптированными подростками. Кроме того, у подростков, совершивших преступные действия, отмечаются чаще по сравнению с социально-адаптированными подростками «непоследовательность», «директивность» и «автономность» по отношению к ним родителей. Следовательно, непоследовательность в предъявлении тех или иных требований к подростку, директивность без объяснений мотивов своего поведения родителями, построение отношений на

формальных, лишенных эмоциональности контактах в семье приводят к преступному поведению подростков, нарушениям его личностного развития.

Одной из основополагающих российских комплексных программ первичной профилактики является программа, разработанная Н.А. Сиротой и соавторами [4]. В программе использованы такие методы как тренинг поведения, когнитивная модификация и терапия, личностный тренинг, дискуссии, мозговые штурмы, беседы, лекции, ролевые игры, психогимнастика, психодрама, элементы индивидуальной и групповой терапии, круглые столы, совещания, супервизия, методические занятия с супервизорами. Данную программу профилактики может успешно использовать в своей работе школьный психолог. Большая часть программ профилактики в качестве основного метода используют психологический тренинг (Н.А. Сирота, Н.Н. Толстых, В.М. Ялтонский).

Успех профилактики преступного поведения детей и подростков в образовательном учреждении могут обеспечить следующие содержательные принципы:

- Использование методов, позволяющих учащимся распознать свои внутренние конфликты – раздражение, стресс, а также давление извне – влияния сверстников, средств массовой информации, которые могут подталкивать их к преступному поведению.

- Использование методов, направленных на формирование стрессоустойчивости, содействие формированию у подростка навыков противостояния внешнему давлению.

- Подбор материала и форм активности в соответствии с возрастными потребностями, включая информацию о немедленных и отсроченных наказаниях за совершение преступления.

- Использование интерактивных форм работы: ролевые игры тренинговые игры, дискуссии, «мозговой штурм», работа в малых группах.

- Активное вовлечение семьи в профилактическую работу.

- Обучение и поддержка учителей, работающих с детьми и подростками группы риска.

Таким образом, в профилактике преступного поведения детей и подростков в образовательном учреждении внимание должно уделяться первичной психопрофилактике, что подразумевает работу с семьей. Профилактическая работа с подростками должна быть направлена на снижение риска возникновения личностных расстройств у подростка и риска возникновения преступного поведения.

Выводы. Таким образом, нами предложен набор психодиагностических методик, позволяющий составить психологический портрет личности подростка, совершившего преступные действия, и подростка с социально-адаптированным поведением. По результатам исследования составлены рекомендации по возможным направлениям профилактики преступного поведения детей и подростков в работе психолога в образовательных учреждениях.

В исследовании была осуществлена попытка определить, каким образом семья влияет на формирование преступного поведения детей и подростков. Установлено, что непоследовательность в предъявлении тех или иных требований к подростку, директивность без объяснений мотивов своего поведения родителями, построение отношений на формальных, лишенных эмоциональности контактах в семье приводят к преступному поведению подростков, нарушениям его личностного развития. Подростки, совершившие преступные действия, оценивают отношение к себе матери более позитивно, чем отца. Можно сделать вывод, что поведение подростков, совершивших преступные действия, является результатом нарушений воспитания родителей, их педагогической несостоятельности, заключающейся, прежде всего, в непоследовательности, директивности и автономности воспитательного воздействия на подростка. Выявлены характерные для подростка, совершившего преступные действия, личностные особенности и его отношение к родителям, что является базой для построения комплексных программ по психопрофилактике преступного поведения подростков.

Литература

1. Лаамарти Ю.А. Совершенствование управления наркоситуацией в регионе: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.08. – Орел, 2010. – 22 с.
2. Максимова Н.А. Исследование подходов к наркопрофилактике в системе образования // Образование. Карьера. Общество. 2012. – № 1 (33). – С. 60-61.
3. Профилактика патологических форм зависимого поведения в трех томах. Том II. Реабилитационное пространство: ювенальные технологии (вторичная профилактика) / Под общей редакцией О.В. Зыкова. – М: РБФ НАН, 2010. – 436 с.
4. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Первичная профилактика химических и поведенческих аддикций у подростков: тенденции изменения и возможности реализации // Психическое здоровье и образование. сборник научных статей по материалам II Конгресса «Психическое здоровье человека XXI века». 2018. – С. 306-308.
5. Суховольская Т.С. Педагогические условия профилактики вредных привычек у подростков: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.01. – Калининград, 2005. – 24 с.

УДК 159.923(075).

ПРОФИЛАКТИКА ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ

Исаева Эльмира Гаджиевна,

доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры психологии развития и профессиональной деятельности
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
г. Махачкала, Республика Дагестан

Сугаева Аида Рамазановна,

кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии развития и профессиональной деятельности
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»,
г. Махачкала, Республика Дагестан

Аннотация. Дается анализ проблемы профилактики молодёжного экстремизма. Отражен авторский подход к пониманию угроз экстремизма на основе анализа психотипических предпосылок поведения. В качестве преддиспозиций выделяются оптимальность стратегии поведения при столкновении с экстремальной ситуацией и негативные тенденции развития личности, обуславливающие зависимое поведение. На основе теоретико-эмпирического осмысления природы, превращений и границ экстремизма отмечается, что знание психологических особенностей современного экстремиста предоставляет возможность конструирования соответствующей модели его поведения и формирование программ противодействия разрушительным тенденциям этого процесса.

Ключевые слова: молодёжный экстремизм, мобилизация, примирение, избегание, эмоциональная устойчивость, жизнестойкость, ингибирование, преодоление.

Annotation. The analysis of the problem of prevention of youth extremism is given. The author's approach to understanding the threats of extremism based on the analysis of psychotypical prerequisites for behavior is reflected. The optimality of the strategy of behavior when faced with an extreme situation and the negative tendencies in the development of personality, which determine the dependent behavior, are distinguished as pre-dispositions. On the basis of theoretical and empirical understanding of the nature, transformations and boundaries of extremism, it is noted that knowledge of the psychological characteristics of a modern extremist provides an opportunity to design an appropriate model of his behavior and form programs to counter the destructive tendencies of this process.

Keywords: youth extremism, mobilization, reconciliation, avoidance, emotional stability, resilience, inhibition, overcoming.

Постановка проблемы. Проблема профилактики молодёжного экстремизма базируется на широком спектре вопросов, отражающих аспекты формирования личности в условиях современного развития общества и проблемы образовательной политики. Исследование истоков и факторов негативных тенденций в развитии личности предполагает обращение к фундаментальным проблемам человеческого существования в условиях трансформирующегося социума. Именно молодёжь как наиболее пластичная среда для проникновения идей экстремизма, представляет группу риска [3]. Федеральный Закон № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» существенно ограничивает возможности открыто транслировать ценности экстремистской идеологии. Однако помимо прямого нарушения данного закона, в реальной практике имеют место завуалированные (скрытые, опосредованные, манипулятивные) техники освещения информации, которые влияют на оценку экстремистских позиций, и ориентированы на их оправдание или распространение среди различных групп населения [1].

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что на фоне обострения социальной напряжённости, увеличивается запрос на научное осмысление растущего экстремизма и объективную интерпретацию социальных процессов нашего времени. Наше исследование представляет закономерное пролонгирование предшествующих нами исследований по линии «Центра профилактики экстремизма и терроризма», но с усилением методологии субъектного и ресурсного подходов, изменением технологий и количественным сокращением выборки школьников до 300 человек.

Целью статьи является разработка рекомендаций по профилактике угроз экстремизма на основе анализа психотипических предпосылок экстремистского поведения.

Изложение основного материала исследования. Экстремизм в молодёжной среде характеризуется как переживание дисбаланса между угрожающими обстоятельствами и индивидуальными возможностями их преодоления, личностной дезорганизацией индивида, которая возникает вследствие дискредитации его личного опыта как субъекта. Для экстремиста террористические действия выступают как один из способов реализации своих убеждений. Экстремистские формы поведения рассматриваются как смещение с цели на сами разрушительные действия, неадекватный способ разрешения социально-политических противоречий некоторой части молодёжи в области классовых, межэтнических, религиозных и иных социальных отношений соответствующими субъектами последних.

Специфика экстремизма: масштабность, деструктивность, жестокость, стихийность, фанатичность, девиантность.[6].

Причины возникновения экстремистских проявлений:

- криминализация ряда сфер социального пространства;
- использование психологической составляющей, неопределённость положения молодого человека;
- проявление «исламского фактора» экстремизма, не привязанного к определенной национальной территории, но требующего доверять Аллаху, следовать нормам радикального ислама и его главной идее – подавлять врагов джихадом (Дибиров А.Н., Сафаралиев Г.К., 2009);

На основе теоретико-эмпирического осмысления природы, превращений и границ экстремизма, мы попытались сформировать новый подход при решении задач профилактики искажённых и измененных феноменов сознания при проявлениях экстремизма. Наш авторский гипотетический контент сфокусирован на двух блоках, определяющих экстремистские девиации:

- стратегии поведения при столкновении с экстремальной ситуацией;
- негативные тенденции развития личности, обуславливающие зависимое поведение.

Знание психологических особенностей современного экстремиста предоставляет возможность конструирования соответствующей модели его поведения и формирование программ противодействия разрушительным тенденциям этого процесса.

Этапы исследования.

На первом этапе (сентябрь 2019 г.) был проведён мониторинг, направленный на выявление эмоциональной устойчивости и жизнестойкости 300 старших подростков Республики Дагестан в возрасте 12-13 лет. Для решения эмпирических задач был сформирован пакет методик анкетирование; тестирование; методика Лозовой Г.В. «Склонность к зависимостям»; проективный графический тест «Дерево» К. Коха; тест жизнестойкости (С. Мадди).

На втором этапе исследования (октябрь 2019-май 2020 г.) мы ограничили объём эмпирической квотной выборки до 180 человек (n=180), у которых мы обнаружили низкий и средний уровни значимых показателей по жизнестойкости и устойчивости; разработали и внедрили профилактические программы и тренинги.

На третьем этапе по результатам нашего срезового исследования наметили основные подходы, которые целесообразно учесть при разработке моделей противодействия экстремизму на основе тенденций развития личности.

В качестве механизмов обеспечения профилактики развития спектра негативной структуры личности с экстремистскими тенденциями, нами выделяются следующие: гармонизация и эмоциональная устойчивость, лежащая в основе жизнестойкости.

Первый блок анализа: стратегии поведения при столкновении с экстремальной ситуацией.

Правовая стратегия противодействия терроризму и экстремизму в целом обладает достаточно полным набором правовых норм.

Нас интересовали психологические стратегии, предпочитаемые субъектом при возникновении социальных напряжений. Общеизвестно, что существуют следующие стратегии поведения: избегание, примирение, борьба.

Возможны три стратегии снижения угрозы и риска травматизации в социально опасной для субъекта ситуации:

1. *Мобилизация*, основанная на борьбе. Из разнообразия средств и техник преодоления возникает совершенная гармония. «Самостояние человека – залог величия его» (А.С. Пушкин). К. Левин приводит аффирмацию, которую он советует повторять всем своим клиентам, эта аффирмация на самом деле – древняя молитва североамериканских индейцев: «Я приношу благодарность за помощь, которая – я знаю – уже на пути ко мне». Бог посылает свет через желание. Необходима активация молитвенного состояния.

Согласно Гераклиту, «борьба-отец и повелитель всех вещей». Доминирующая роль в преодолении последствий травмы принадлежит разуму. Чувства и мышление- нерасторжимая целостность человеческого духа (Р. Декарт). Усиление активности регулируется архетипическим контейнером души человека. Например, Рихард Вагнер в 5 месяцев потерял отца, в 9 лет любимого отчима и в музыке тема смерти красной нитью проходит через все его произведения – «Танго смерти», «Реквием по мечте»).

Отношение выступает главным фактором, а препятствием страх. Он деморализует мышление. Тело в состоянии страха угнетает характеристики иммунной системы. Страх используется против нас в ситуации самоизоляции. Технология 5G, основанная на беспроводном облучении, относится к внешнему активатору страха и тревоги, снижающему ресурсные возможности индивида.

2. *Примирение*. Формы: бездействие, повинование, распад Я, устойчивое чувство вины, подверженность насилию, поведение жертвы. Механизмы: зомбирование, манипулирование, моббинговость распад Я. Человек-жертва сам себя парадоксальным образом погружает в стрессовый контекст (жена алкоголика выбирает мужа-алкоголика).

3. *Избегание* развивается на фоне инстинктивных защитных механизмов пассивно-оборонительной реакции -двигательной бури и рефлекса мнимой смерти. У человека эти

механизмы обычно действуют лишь при чрезвычайной, угрожающей жизни опасности, когда страшным раздражителем (событием) парализовано, выключено человеческое мыслительное, «корковое» реагирование и человеком управляет «подкорковая», «животная половина» без человеческой «прибавки» (И.П. Павлов). Так, при землетрясении, кораблекрушении, взрыве бомбы некоторые люди как бы эволюционно спускаются на уровень реагирования своих предков и мечутся в «двигательной буре» с переходами от простого прятания, «вклинивания» между камнями, заползания в песок, и вплоть до гипноидных состояний или остолбеневают в «рефлексе мнимой смерти» как приспособительном ступоре. В.С. Дерябиным (1974) описан случай, когда после землетрясения в Мессине одна женщина оставалась трое суток в своей постели с ребёнком на третьем этаже, онемев и без движения, хотя без труда могла спастись; ребёнок за это время умер.

К стратегии избегания относятся и некоторые физиологические формы проявления переживания кризиса. В таких случаях наблюдается «многоэтажный» спазм с сокращением всех мышц тела, а у некоторых людей, страдающих повышенной виктимностью (синдромом потенциальной жертвы), реакция на травматическую ситуацию (встреча с террористом, убийцей, стихийное бедствие, психическое заражение паникой) может проявляться в резком расслаблении мышц, слабости, состоянии «ватного тела», «обмирании», обмороке.

Базу копинга совладающего поведения образуют механизмы анти-ингибирования и гармонизации т.е. продуктивных стратегий поведения как основы резистентности и противодействия деструктивным силам и факторам социума [2].

Ингибирование (*торможение, угнетение, подавление, блокирование, снижение активности*) на социальном уровне наступает в силу ряда причин. К таковым относятся: тревожность, выученная беспомощность, низкий уровень компетенций, оперирование непродуктивными защитными механизмами, особенно при комплексах неполноценности: ретро-рефлексии (энергия борьбы направлена на себя, а не на изменение среды), интроекции (тенденция присваивать себе убеждения, способы мышления и поступки других людей), проекции (тенденция переносить собственные ошибки и ответственность за то, что происходит внутри «Я» на других и окружающую среду).

Внешней ингибирующей силой, усиливающей переживание травмы и задерживающей психологическое индивидуальное развитие человека, в отличие от фасилитирующего эффекта, имеют механизмы зомбирования и манипулирования, используемые в процессе коммуникаций и воздействий. Ингибитор (лат. *inhibere* – задерживать, подавлять) – это человек, подавляющий или задерживающий психологическое развитие другого человека. Базу технологий внушающего воздействия экстремистской идеологии составляют привлекательность принадлежности к тайной могущественной организации, манипуляции смысловыми установками, трансляция ложной информации, основанная на ссылки авторитетов или научное обоснование (например, упоминание, что «террориста можно вычислить по цвету его ауры, так уже давно делают спецслужбы»). Технология влияния контента на деформацию архетипических образов – одна из технологий для воздействия на общественное сознание, посредством которой осуществляется внедрение в общественное сознание элементов дезорганизованности, хаоса, неуверенности и страха. Эта технология состоит в воздействии на стереотипы, установки, сложившиеся у населения конкретной страны, в вытеснении из общественного сознания доминирующей национальной идеи, объединяющего морального начала и рассчитана на реализацию в долгосрочном, стратегическом плане («Эффект CNN») [5].

Оценка психологического гомеостаза эмоционального состояния объективна на основе картины структурной организации (преципитации), заключающейся в формировании комплекса устойчивых психологических системно-структурных образований биосоциального спектра. Преципитат эквивалентно отражает феноменологическую карту уровней эмоционального статуса и образуется по принципу доминантно-подобных состояний согласно концепции динамической функциональной структуры личности. Активаторами трансформации блоков и балансировки проявлений дисбаланса эмоционального статуса, их

иерархической зависимости, являются социально-психологические факторы, различные формы медиаций, вызовы и риски, возникающие при необходимости решения экзистенциальных проблем индивида и общества в кризисные этапы жизни и фазы личностного крушения.

Механизм гармонизации, влияя на диалектическое взаимодействие идеальных и реальных структур Я, обеспечивает комфортное жизнесуществование без кризисных внутренних противоречий. Гармонизация отражает меру интернализации личности, её стабильной атрибуции, устойчивости характерных для неё образований и проявляется в способности управлять своими эмоциями, не доводить уровень эмоционального напряжения до степени, разрушающей структуру личности и деятельности. Она представляет сложное, интегральное образование всех граней аттитюда, т.е. эмоциональных, волевых, нравственных, интеллектуальных аспектов психической действительности, которые обеспечивает успешное достижение целей деятельности в сложной эмотивной обстановке (Л.М. Аболин, М.И. Дьяченко, Э.Г. Исаева, В.А. Петровский, В.М. Писаренко, О.А. Сиротин) .

Сближение картины идеального и реального Я-образа является свидетельством трансформации кризисных характеристик последствий травматического опыта личности в состояние внутриличностной устойчивости и ее психологической безопасности.

Второй блок анализа: эмпирическое исследование по картине показателей психотипических особенностей в развитии, присущих личности с тенденциями экстремизма-зависимости, эмоциональной устойчивости и жизнестойкости.

На основе полученных результатов смоделировали и апробировали тренинговую и консультативную программу «Образ моего Я», направленную на выработку стабилизации отмеченных проявлений анти-экстремистской негативной феноменологии внутренней картины развития современной молодёжи с ресурсной аддикцией.

В рамках индивидуального психологического консультирования решались индивидуально-специфические проблемы противодействия влиянию деструктивных групп, а в рамках группового психологического консультирования рассматривались проблемы социально-психологического характера в пространстве психологической безопасности. На каждом занятии мы тренировали у участников рефлексивность, осознавая необходимость создания рамок и правил для принятых и непринятых резонансов. Понимая сложности включения на первоначальном этапе в режим работы, мы поощряли стремление оценивать и размышлять о собственном поведении, озвучивать свои переживания, впечатления во время работы в группе. На наш взгляд, именно рефлексия помогла нашим детям эмпативно понять эмоциональное состояние каждого участника, сравнить его с эмоциональным фоном всех сокурсников, и самое главное расширить границы осознания необходимости противодействия деструктивному воздействию.

Использовались разнообразные консультативные техники, имманентно включённые в программу – эмпатия, активное слушание, перефраз, имплозия, интенция, паузы, постановка открытых, закрытых и провокативных вопросов. Опыт работы на этих упражнениях превентивно способствовал выработке корректных способов управления ситуацией, раскрытию и самораскрытию наших подростков, экстраполяции социальных навыков в зону будущих решений проблем в различных жизненных ситуациях [4].

Опытно-эмпирический этап исследования продемонстрировал факт реконструкции не только текущей психологической безопасности, но также формирование базы для ее воспроизводства в отсроченной и удаленной во времени перспективе. Эмоциональную устойчивость и жизнестойкость мы рассматриваем как личностный ресурс противостояния влиянию деструктивных групп, имеющий две формы существования – актуальную, проявляющую себя как процесс регуляции, и потенциальную как систему – установок, состояние внутренних условий жизнеотношений личности, модели самоизменения. Для проверки гипотезы о значимости изменений в уровне выраженности структурных компонентов жизнестойкости и общего уровня эмоциональной устойчивости, произошедших после проведения консультативной тренинговой программы были применены методы

математической обработки (непараметрический критерий Вилкоксона для связанных выборок, критерий Хи-квадрат Пирсона).

Обобщение результатов эмпирического этапа исследования позволяет утверждать, что участие в предложенной консультативной тренинговой программе позитивно отражается на сформированности доминирующих факторов противостояния влиянию девиантных групп.

Выводы.

1. Профилактика экстремизма должна базироваться на существующей взаимосвязи между стратегиями поведения и негативными тенденциями в развитии психотипического профиля личности.

2. Консультативная программа превентивного развития у навыков противодействия влиянию деструктивных групп расширяет границы осознания, что влияет на выбор стратегии поведения. Подростки должны осознать перспективы достижения целей и способность влиять на ход собственной жизни.

3. Результаты наших исследований позволяют сделать вывод, что эмоциональная дестабилизация и низкий уровень жизнестойкости являются личностно-образующими факторами, провоцирующими вторжение в пространство бессознательного представителей молодёжной среды.

Литература

1. Авдеев Ю.И. Политический экстремизм в современной России // Реформирование России: от мифов к реальности: монография / под ред.: Г.В. Осипова, В.К. Левашова. – Москва: Изд-во ИСПИ РАН, 2001. – Том 1. – С. 343.

2. Афанасьева Р.М. Социокультурные условия противодействия экстремизму в молодежной среде (социально-философский анализ): автореф. дис. канд. филос. наук: 09.00.11 / Р.М. Афанасьева. – Москва, 2007. – 22 с.

3. Афанасьева Р.М. Социокультурные условия противодействия экстремизму в молодежной среде (социально-философский анализ) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Р.М. Афанасьева. – Москва, 2007. - 22 с.

4. Баева И.А. Общепсихологические категории в пространстве образовательной среды»: Монография. – М.: МГППУ, 2008.–310 с.

5. Исаева Э.Г., Сутаева А.Р. Стратегии консультативной работы. – М.: Илекса, 2011.

6. Клейберг Ю.А. Социальные нормы и отклонения. –М., 2017.

7. Кузьмин А.В. Социально-культурная профилактика экстремизма в молодежной среде [Текст]: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.05 / А.В. Кузьмин. – Тамбов, 2012. – 47 с.

УДК: 159.9.07

ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ К СЕРИАЛАМ

Калина Надежда Федоровна,

доктор психологических наук, профессор,

Таврическая академия (структурное подразделение)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

Щетинин Даниил Сергеевич,

студент направления подготовки

37.03.01 – Глубинная психология и психотерапии,

Таврическая академия (структурное подразделение)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,

г. Симферополь

Аннотация. В статье проводится краткий обзор литературы о психологических особенностях аддиктивного поведения. Рассматривается роль влияния кинодискурса на формирование сериальной аддикции у зрителя. А также представлены данные об отношении

современной молодежи к сериалам.

Ключевые слова. Аддикция, сериал, кинодискурс, сериальная зависимость.

Annotation. The article provides a brief review of literature about a psychological feature of addictive behavior. The role of the influence of film discourse on the formation of serial addiction in the viewer is considered. It also presents information about the attitude of modern youth to TV series.

Keyword. Addiction, TV series, movie discourses, serial addiction.

Постановка проблемы. Психологическое и физическое здоровье личности напрямую зависит от чувства удовлетворенности жизнью. Если человек не удовлетворяет свои потребности, ему становится скучно, тревожно, появляется чувство внутренней пустоты. Что бы избежать этого чувства, человек прибегает к психоактивным веществам или определенному поведению, что в итоге может сформировать зависимость. Одна из форм зависимости в современных реалиях – это зависимость от сериалов.

В жизни каждого человека происходит множество событий. Одни нас радуют, другие сильно огорчают. Те, что особенно фрустрируют, мы не всегда можем спокойно пережить. С фрустрацией появляется стресс, тревога, а в итоге и страх. Кто-то принимает действительность и старается сделать так, чтобы было лучше, чем сейчас. Кто-то будет искажать или отрицать действительность с помощью психологических защит. Кто-то уйдет в мир иллюзий с помощью психоактивных веществ или поведенческих реакций. И когда в начале две тысячи двадцатого года мир охватила пандемия и повсеместный карантин, каждый справлялся со стрессом как мог. Кто-то занимался вышивкой, компьютерными играми, дистанционной работой и учебой, просмотром фильмов и сериалов и т.д. Но в попытке избавиться от стресса, скуки и постоянно нарастающей тревоги, есть риск появления аддикций. Зависимость может быть от чего угодно – от наркотиков до сериалов. Но как сериалы могут вызывать привыкание? с помощью каких кино приемов это происходит? и как современная молодёжь относиться сериалам? Может ли уже сейчас у кого-то быть зависимость от сериалов? В этой статье, мы рассмотрим особенности формирования зависимостей, личностные черты, которые могут привести к формированию аддикций, зависимость от сериалов, то как она может возникнуть, и как современная молодежь относиться к сериалам.

Формулировка цели статьи. Целью исследования было выяснить, как относится современная молодежь к сериалам. Возможен ли риск развития зависимости от сериалов? И есть ли уже сейчас те, кто проводит за сериалами слишком много времени?

Основное изложение материала. Существует две основных разновидности аддикций – обусловленные психоактивными веществами и поведенческие. И те, и другие напрямую связаны с вырабатываемыми в мозгу человека гормонами. Благодаря наркотикам или определенным поведенческим действиям человек испытывает те ощущения, которых ему не хватает в жизни.

Аддикции удовлетворяют одновременно несколько потребностей человека, которые в повседневной жизни фрустрированы. Переедание может замещать чувство опустошенности, создает чувство уверенности хотя бы в еде, и отгоняет скуку. В любовной аддикции может проигрываться детско-родительский сценарий, компенсироваться недостаток родительской любви. Или любовь может быть попыткой убежать от негативных чувств, вызванных неудовлетворенностью в жизни.

Н. Пезешкиан выделяет 4 формы аддикции как побега от реальности.

1. Бегство в тело – физическое или психологическое усовершенствование себя. Пример: Пирсинг, тату, спорт, фитнес, тренировки личностного роста и т.д.

2. Бегство в работу – чрезмерная концентрация на работе или учебе. Пример: Студенты, для которых хорошая оценка важнее здоровья.

3. Бегство в контакт или одиночество – чрезмерное общение или желание быть одному.

4. Бегство в фантазии – жизнь в мире иллюзий. Пример: Компьютерная зависимость, сериальная и ТВ зависимость [6, с. 12].

Одна из причин появления зависимости у человека – это «синдром дефицита удовольствия» [6, с. 10] Для аддикта жизнь скучна и однообразна. Мир вокруг серый, однообразный и угрюмый. И зависимый направляет все силы, чтобы привнести краски в свою жизнь. Он сосредотачивается на том, что позволяет выбраться из состояния опустошенности, скуки и апатии. И со временем все другие сферы жизни отходят на второй план.

Помимо хронической неудовлетворенности, у аддиктов развито сильное чувство неполноценности – из-за постоянных упреков от близких и себя самого. Они плохо переносят простые жизненные трудности, хотя сильные стрессовые ситуации могут переживать без труда. В результате, чтобы избавиться от чувства неполноценности и чувства вины, аддикт чрезмерно компенсирует их. Комплекс неполноценности может изживаться, скажем, интенсивными занятиями спортом. Жизнь много пьющего романтизируется, и вот он уже непонятый гений, волк одиночка, поэт с творческим кризисом и т.д.

Цель любой аддикции – переместить человека из реального мира в мир фантазий, где будут удовлетворены все желания. В мире фантазий ничего не фрустрирует, все хорошо, нет забот. Но это чувство блаженства со временем проходит, и нужно искать новый способ уйти от реальности. Обычному человеку помогает уйти в мир фантазий воображение. Он представляет воображаемую ситуацию, в которой удовлетворяются садистские, сексуальные, тщеславные желания и другие фрустрированные желания.

В отличие от обычного человека, аддикт не чувствует удовлетворения даже в фантазматических ситуациях. Он живет в момент иллюзорного наполнения. Зависимый живет от одного момента к другому, но ни в один из них не может почувствовать удовлетворения. Он то заполняет опустошенность удовольствием, едой, выпивкой, радостью от выигрыша и т.п., то встречается с нереальностью своих переживаний в виде скуки, пустоты, похмелья, что вынуждает вернуться к аддикции.

При любой форме аддикции организм со временем вырабатывает толерантность к психоактивным веществам или удовольствию от определённого поведения. Что бы получить удовольствие нужно пить больше алкоголя, курить больше сигарет, воровать в ситуациях с большим риском, проводить больше времени за компьютером, в видеоиграх и т.д. Организм перестает вырабатывать те вещества, которые вырабатывал сам. Если не увеличивать дозу, то скоро наступает синдром отмены. Недостаток веществ, которые человек получал с помощью аддикции, пагубно сказывается на психологическом и физическом здоровье.

С появлением новых технологий появляются и новые формы аддикций. А с развитием интернета и культуры новые поведенческие аддикции. Если в начале двадцать первого века интернет-аддикции включали компьютерную зависимость, компульсивную навигацию в сети, перегрузку информацией, кибер-коммуникативную зависимость, кибер-сексуальную зависимость [7, с. 26] то с тех пор, как телевидение перешло в формат интернет-вещания, онлайн-кинотеатры облегчили доступ к фильмам и сериалам, а, значит, аддикциям стало проще формироваться. В Индии уже зафиксирован случай сериаломании. Человек каждый день тратил по 7 часов на просмотр любимых сериалов. А с тех пор, как весь мир перешел на карантин из-за мировой пандемии, и люди по несколько месяцев не выходили из дома, есть риск развития сериаломании как одной из форм зависимости.

Почему сериаломания – это разновидность аддикции, а не простой способ проводить досуг? И где граница? Если человек прекращает смотреть сериалы и может функционировать в мире, поддерживать социальные связи и т.д., то серьезной зависимости от сериалов нет. Если сериалы выступают основой для психического и социального здоровья личности, и человек не может нормально общаться с другими людьми, уже можно говорить о зависимости.

Сериальная зависимость (как и любая другая) проходит через пять этапов. На первом этапе человек переживает эмоциональный подъём, связанный с рискован, азартным поведением или химическим воздействием. На втором этапе, человек использует аддикции при фрустрации, при этом отношения с близкими людьми отходят на второй план. На третьем этапе аддиктивное поведение становится естественной реакцией на любую жизненную трудность. Зависимость становится руководящей в мотивационной сфере личности. На

четвертом этапе подавляется критика окружающих, аддикт безразличен к проблемам близких. На пятом этапе разрушается организм и психика. Чувства пустоты, постоянного стресса и тревоги приводит к сердечно-сосудистым расстройствам [6, с. 6].

С чем же связана сериальная аддикция? Почему сериалы могут вызывать зависимость? И какие способы удержания внимания зрителя применяются?

Короленко и Донских выделяют пять основных мотиваций зависимого поведения: 1) противотревожная, 2) субмиссионная (подчиненная влиянию других), 3) гедонистическая (эйфоризирующая), 4) Активирующая (для сексуальной гиперстимуляции) 5) псевдокультурная (как принадлежность к какой-либо культуре) [3]. Среди основных пяти мотивов важную роль будут играть противотревожный, гедонистический и псевдокультурный. Сериалы помогают отвлечься от скуки и стресса. Зритель становится частью группы людей, которые смотрят сериал. И наконец, человек получает удовольствие от просмотра сериалов. Испытывает новые чувства и эмоции.

Главная цель сериал – вызвать у зрителя эмоции. Чем больше и дольше зритель будет испытывать какие угодно чувства, тем дольше он будет смотреть сериалы. А это и есть одна из главных целей авторов и телекомпаний. Но как вызывать все новые и новые переживания у зрителей?

Чувства и эмоции, которые будет испытывать зритель, связаны с кинодискурсом. И.Н. Лавриенко дает следующее понятие кинодискурса – «Поликодовое когнитивно-коммуникативное образование, сочетание различных семиотических единиц в их неразрывном пространстве, который характеризуется связанностью, цельностью, завершенностью, адресностью» [4 с. 41-44]. Это значит, что с помощью диалогов, акцентов, которые авторы создают, увеличивая кадры в секунду, используя громкую музыку, применяя различные сюжетные ходы, расставляя предметы в кадре, при помощи визуальных эффектов и грамотно поставленных кадров, все это вызывает определенные переживания у зрителя. А чем больше эмоций получит человек во время просмотра сериалов, тем дольше он будет оставаться перед экраном.

В работе А.Н. Зарецкой «Особенности реализации подтекста в кинодискурсе» [2, с. 22] автор выделяет особенности выделения ключевых моментов в повествовании. Это делается помощью закадрового голоса, субтитров, метатекстовых комментариев и т.д. Кинофильм или сериал становится посланием автора зрителю, которое передается с помощью аудиовизуального контекста. А он состоит из вербального и невербального кодов.

В книге «Диалог с экраном» Юрия Лотмана и Юрия Цивьяна рассматриваются средства кинодискурса и их особенности [5, с. 140]. Семиотические особенности при формировании кинодискурса заключаются в следующем. При наблюдении и изучении знаков, символов ссылок в кино, они становятся узнаваемы для зрителя и уже не так эффективно на него воздействуют. В этом случае можно начать вводить новые знаки, ссылки, чтобы добиться большей оригинальности. Но ничего не меняя, используя уже изученный код кино, у аудитории тоже может возникнуть новый всплеск интереса.

Кинодискурс – это способ донести зрителю послание от автора. Но помимо личного послания автора, зритель в любом случае будет видеть в сюжете актуальные для него события, знаки, сюжеты. Так, например, сериал может компенсировать недостаток переживаний в реальной жизни. Кинодискурса это способ нагнетать сапиенс, рассказывать шутки, показать любовь. Так или иначе вызвать у человека отклик. И если чего-то не хватает в реальной жизни, в нереальном мире сериала может произойти все, без каких-либо усилий.

Славой Жижек в своей статье «Столкновение цивилизаций в одной отдельно взятой стране («Прослушка»)» [1, с. 3] описывает особенности повествования. То как преподносятся идеи о дружбе, правосудии, семейных ценностях в сериале «Прослушка». И в начале своей статьи делает акцент на том, что рейтинги телепередач не столько зависят от качества самих передач, сколько от связи сюжета и образа жизни зрителей. Что напоминает идею о личностном мифе у Карла Юнга. Но, вероятнее, это связано с тем, что человек в реальности живет, так как ему будет наиболее комфортно. И то же касается сериалов, фильмов, книг

которыми он интересуется. Зачем испытывать сильное напряжение от ужасика, если человеку просто не по душе сильный стресс. И в итоге человек обращает свое внимание на то, что его интересует больше всего. На свою жизнь, но в экране. На героев, которые ему импонируют. Человек смотрит на аналог своей жизни от третьего лица. Но как к сериалам относиться современная молодёжь? Что их интересует? Что их беспокоит? Какое время они проводят за просмотром сериалов?

Современная молодёжь, а это те, кого называют поколение “Y” (“Z”) уже приучены к сериалам, как к обычному способу провести свободное время. Для кого-то это способ поддержать разговор в компании, а для кого-то – это уже движение сродни религии.

В начале две тысячи двадцатого года весь мир охватила пандемия. Большинство стран перешли на карантин. Люди не выходили из дома месяцами. И в таких стрессовых условиях риск развития неврозов, психических заболеваний и аддикций вырос. Одним из способов переживать стресс были сериалы. За период карантина только на Netflix количество посетителей увеличилось в два раза.

Целью исследования было выяснить, как относиться современная молодёжь к сериалам. Возможен ли риск развития зависимости от сериалов. И есть ли уже сейчас те, кто проводит за сериалами слишком много времени.

Был разработан опросник, состоящий из двенадцати вопросов. В исследовании участвовали тридцать четыре человек, в возрасте от семнадцати до двадцати трех лет. Опросник с развернутыми ответами. Результаты опроса объединялись в общие ответы.

Целью данного опросника было выяснить отношение людей в возрасте от семнадцати до двадцати трех к сериалам. Понять, что мотивирует современную молодёжь смотреть сериалы? Что позволяет удерживать у телеэкрана зрителей? И сколько времени люди проводят за просмотром сериалов?

На просьбу продолжить фразу “Сериалы – для меня это ...”. Опрашиваемые дали разнообразные ответы, например: Способ хорошо провести время (8), Отдых (7), Уход в мир фантазий, попытка избавиться от скуки (6) Способ убить время (5), Другое (5), Значимая часть жизнь (4), Вдохновение (3), Замена книгам (1). По-видимому, люди ищут способ избавиться от скуки и чувства пустоты. Это может быть первым фактором, который повлияет на формирование аддикции. Если же сериалы вдохновляют расслабляют, то сейчас в этом нет ничего опасного.

Далее было необходимо продолжить фразу “В сериалах мне особенно нравится...”. Респонденты дали следующие ответы: Сюжет (19), Кино дискурс (14), Актерский состав и герои (9), Другой Мир, в который можно уйти (2), Интрига (3), Атмосфера (2), Диалоги (2), Качество съемки (2), Лаконичность (2), Юмор (1), Романтика (1), Изюминка (1). Можно сделать вывод, что в сериалах зрителей привлекают чаще всего сюжет, актерский состав, герои, и кинодискурсивные приемы, такие как: диалоги, шутки, техника съемки, атмосфера и т.д. Что подтверждает наблюдение Славоя Жижека [1, с. 3] о том, что людей больше интересует сюжет, чем качество съемки. А также подтверждает идеи Юрия Лотмана о влиянии кинодискурса на впечатления зрителей [5 с. 140].

На следующий вопрос “Какой жанр сериалов для Вас самый предпочтительный?” опрашиваемые ответили следующим образом, например: Детектив (14), Фантастика (7), Комедии (6), Триллеры (5), Драма (4), Ужасы (3), Ситкомы (3), Мелодрама (3), Криминал (2), Приключения (2), Романтика (2), Боевики (1), Аниме (1), Исторические (1), Комиксы (1), Сюрреализм (1). Заметим, что самые распространенные жанр— это детектив, фантастика, комедии и триллеры. Такие жанры как – мелодрамы, ужасы, боевики и т.д., этой группе не по душе. Это может быть связано с тем, что предпочитаемый жанр отражает взгляд человека на мир вокруг. Большая часть респондентов учится на факультете психологии, где аналитическое мышление играет важную роль.

На вопрос “Как вы видите современный сериал?” опрашиваемые давали слишком разнородные ответы. Найти какую-либо закономерность не удалось. При этом, можно заметить, что наличие актуальных общественных проблем в сериале, по мнению

определенных опрошенных играет важную роль. Что удивительно, ведь актуальные темы, вроде ЛГБТ повестки или пропаганда войны, не нравятся некоторым зрителям.

Далее, нужно было закончить предложение “Терпеть не могу в сериалах...”. Респондентам больше всего не нравится в сериалах следующее: Затянутость (11), Наличие сюжетных дыр (6), Пропаганда (3), Плохо поставленные диалоги (3), Отсутствие интересных героев (3), Глупый юмор (3), Плохая актерская игра (2), Не качественные спецэффекты (2), Русские сериалы (2), Одноголосая озвучка (1), Драмы – (1). Из этого следует что современной молодежи не нравятся в сериалах затянутость – когда серил растягивают на шесть, десять, пятнадцать сезонов. Это портит впечатление от сериала и создаётся ощущение, что некоторые сюжетные повороты, сделаны, просто для количества серий, а не для раскрытия персонажей, идей и т.д. Сюжетные дыры и логические не состыковки – они не позволяют до конца погрузиться в мир сериала, так как чувствуется, что есть не доработки. И третий распространенный фактор – пропаганда. Пропаганда ЛГБТ-сообщества, милитаризма, патриотизма и т.д. Все это и так встречается в жизни. И человек смотрит сериалы, чтобы отвлечься от того, что происходит в реальности. Пропаганда же, возвращает человека в реальный мир, и напоминает о грустном, тусклом и скучном. Анализируя оставшиеся ответы, можно утверждать, что людям не нравится, все что мешает полностью погрузиться в мир сериала. А также российские сериалы.

На вопрос “Ваше отношение к российским адаптациям зарубежных сериалов?” опрошиваемые дали такие ответы, как: Негативно (15), Нейтрально (6), Положительно (5), По ситуации (4), Не смотрел (3). Это значит, что к российским сериалам молодежь относиться скорее негативно, чем нейтрально или положительно. Российские реалии, политическая повестка и постсоветская эстетика не позволяют отвлечься от скуки. А также не умелое кинопроизводство, которое после развала советского союза, только сейчас начинает восстанавливаться в качестве.

Предпочитаемая длительность серий у опрошиваемых: Сорок – Шестьдесят минут (19), Двадцать – Сорок минут – (13), Шестьдесят – Девяносто минут (13). Предпочитаемая длительность серий от Сорока до Шестидесяти минут. Мы считаем, это может быть связано с более глубоким погружением в мир сериала, ведь серии по двадцать – сорок минут не позволяют достаточно проникнуться к происходящему на экране. В то время как серии по шестьдесят – девяносто минут, уже ближе к кино формату, и они слишком затянутые и могут наскучить. Длительность серий объясняется множеством факторов. Для авторов, это может быть художественным ходом. Что бы рассказать историю, не разрывая ее на фрагменты. Для кинокомпаний это возможность вставить как можно больше рекламных интеграций.

На вопрос “Сколько сериалов одновременно вы можете смотреть?” опрошиваемые ответили так: Один (15), Два (9), Три (6), Четыре (2), Больше (1). Пятнадцать из тридцати четырех опрошенных предпочитают смотреть не больше одного сериала. Остальные же опрошенные смотрят по два, три, четыре, а то и больше сериалов. Видимо, это связано с желанием получать как можно больше информации и удовольствия. А также с неспособностью сосредоточить внимание на одном деле. Человек проще метаться от сериала к сериалу, по одной серии, чем смотреть несколько серий подряд. Просмотр более чем трех – четырех сериалов может говорить о проблемах с вниманием или о слишком интенсивном желании отвлечься от окружающей действительности.

На вопрос “Сколько времени Вы проводите за просмотром сериалов?” опрошиваемые дали разнообразные ответы, такие как: Четыре – Шесть часов (4), Двадцать – Шестьдесят минут (3), Один – Два часа (8), Два – Четыре часа (10), По ситуации (6), Больше шести часов (1). Из этого следует, когда человек смотрит сериалы от одного до четырех часов в течении суток, то это нормально. Если в течении шести часов и больше, то можно говорить о зависимости от сериалов. Значит они становятся более значимой частью жизни, чем любая другая сфера деятельности. Но, в период глобального карантина, когда люди месяцами проводили время, не выходя из дома, это могло быть нормой и войти в привычку. Если же

отказ от сериалов приведет с проблемами в общении и социализации после завершения карантина, можно говорить о зависимости у человека.

На вопрос “Какие Ваши любимые персонажи в сериалах?” респонденты ответили следующее: Главный герой (12), Злодей (5), Не определен (5), Харизматичный (4), Детектив (4), Друг главного героя (3), Шутник (3). Опираясь на эти ответы, можем сделать вывод – молодёжь чаще импонируют главным героям и злодеям. Интересно, что несколько людей ответили “друг главного героя”. Не редко, что такой персонаж интереснее, чем главный герой, злодей или антигерой. Так же часть людей ответили “неопределенный” как в смысле, что они сами не знают, кто им нравится, так и герой, который “не определен”. Это может быть связано с экзистенциальными переживаниями, которые свойственны молодежи. Не определенность в выборе профессии, желаниях и целях, проблемы с самоидентификацией и т.д. В свою очередь, каждый ответ может отражать то, какую роль в обществе выполняет опрашиваемый, с кем он идентифицируется.

Из-за того, что ответы на вопросы “Какие сериалы Вы смотрите сейчас? Какой Ваш любимый сериал? почему?” были слишком разные, сгруппировать их не удалось. При этом можно заметить, что Турецкие сериалы (2), “Как избежать наказания за убийство” (2), “Бумажный дом” (2), “Тьма” (4), “Дракула” (2), единственные сериалы, которые встречаются чаще одного раза. Дракула – это очень качественная экранизация романа Брэма Стокера, в которой подобран качественный актерский каст, очень хорошо передана атмосфера одиночества главного героя, который живет в замке, и выходит из него, чтобы утолить свой голод. Проанализировав сюжет каждого из сериала, можно понять актуальные для зрителей проблемы. Желание избежать наказания за незаконные действия, совершение незаконных действий, самоизоляция и т.д. Но что бы утверждать, что сюжеты сериалов и жизни реципиентов как-либо пересекаются, необходимо провести более обширный опрос, а также контент анализ сюжета сериалов и взглядов зрителей на них.

Заключение. Обобщая все сказанное, можем сделать вывод: главная мотивация зрителей сериалов – отвлечься от скуки повседневности и хорошо провести время, так или иначе уйти в мир сериала. Когда человек проводит от одного до четырех часов за просмотром сериалов, то говорить о зависимости рано. Если более четырех или шести, то можно говорить уже о первых признаках зависимости. Но только в случае, когда отказ от сериалов приведет к синдрому отмены, проблемам в социализации и общении с людьми. Опираясь на идеи Славоя Жижека, мы понимаем, что люди смотрят сериалы об актуальных для них сюжетах [1 с. 3]. И анализируя предпочтения в сериалах и жанрах, можно узнать, что беспокоит зрителя здесь и сейчас. Сериальная же аддикция может формироваться, когда человек проводит за просмотром сериалов от 5 часов и больше, смотрит от трех или четырех сериалов одновременно, в случае прекращения просмотра начинается синдром отмены, а также, если единственная мотивация смотреть сериалы – это убить время, отвлечься от скуки или уйти в другой мир. Захватывают же внимание зрителя и вызывают все новые и новые чувства кинодискурсивные приемы, такие как постановка кадра, диалоги, акцентирование на важных моментах музыкой, закадровым голосом или субтитрами. А также введение новых сюжетных ходов, знаков или других элементов кода повествования. Или же не введение, что тоже может вызывать новые эмоции и чувства, и стать темой для многочисленных шуток. Как например в ситкоммах используются клишированные герои, с коронными фразами, которые не меняются на протяжении дюжины сезонов.

Литература

1. Жижек С. Столкновение цивилизаций в одной взятой стране («Прослушка») / Логос. – 2013. – №3.
2. Зарецкая А.Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010.
3. Короленко Ц.П., Донских Т.А. Семь путей к катастрофе: Деструктивное поведение в современном мире. – Новосибирск, 1990.

4. Лавриненко И.Н. Критерии классификации кинодискурса // Вісник ХНУ, 2012. – № 1003.
5. Лотман Ю.М., Цивьян Ю.Г. Диалог с экраном. – Таллинн, 1994.
6. Старшенбаум Г.В Аддиктология. Психология и психотерапия зависимостей: Когито-Центр; Москва. – 2006.
7. Янг К.С. Диагноз интернет-зависимость Текст. / К. С. Янг // Мир Интернет. – 2000. – № 2.

УДК: 37.013.42.

ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Каменева Ирина Юрьевна,

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры общей и педагогической психологии
ФГБОУ ВО «Южный федеральный университет»,
г. Ростов-на-Дону

Аннотация. В статье рассматриваются возможности профилактики девиантного поведения подростков и юношества в личностно-ориентированном образовательном процессе. Выделены и обоснованы преимущества профилактики девиантного поведения подростков и юношества, осуществляемой педагогом, работающим в личностно-ориентированной парадигме. Установлена и охарактеризована связь между мерами профилактики девиаций и педагогической поддержкой в выстраивании личностных систем ценностей у подростков и юношества.

Ключевые слова: девиантное поведение, профилактика, личностно-ориентированный образовательный процесс, личностный смысл, система ценностей.

Annotation. In the article the possibilities of prevention of deviant behavior of adolescents and young people in the personal-oriented educational process are considered. The advantages of prevention of deviant behavior of adolescents and youth, carried out by a teacher working in a personality-oriented paradigm, are highlighted and justified. The connection between measures of prevention of deviations and pedagogical support in building personal value systems in adolescents and youth is established and characterized.

Keywords: deviant behavior, prevention, personality-oriented educational process, personal sense, value system.

Постановка проблемы. Девиантное поведение связано с личностной сферой человека в любом возрасте, но особенно важна эта связь в подростковом и юношеском возрастных периодах, когда интенсивно происходит личностное развитие. В эти годы своей жизни человек активно вовлечён в образовательный процесс, и образование становится одним из факторов его (человека) развития в целом и личностного развития в частности. Знание-ориентированный образовательный процесс, не действующий напрямую личностную сферу ученика (студента) в обучении, вынужденно дополняется процессом воспитания, досуговой деятельности и пр., которые механически соединены в жизнедеятельности образовательных организаций, и, на практике, как правило, протекают параллельно, не оказывая хоть сколько-нибудь существенного влияния друг на друга. Целостность образовательного процесса распадается. В создающихся в результате этого условиях почти гарантированно происходит потеря психолого-педагогического контроля за зонами риска возникновения девиантного поведения. В том числе и поэтому, несмотря на понимание важности профилактики,

специалисты чрезвычайно часто занимаются случаями девиантного поведения уже после стигматизации, когда необходимы коррекционные меры. Искажается роль педагога, сводимая подчас к менторству и надзирательству, возникает тревожный феномен вертикальной педагогической стигматизации, являющийся крайне травмирующим фактором в рассматриваемых возрастных периодах и провоцирующий девиантное поведение. Перевод образовательного процесса на личностно-смысловой уровень позволяет вернуть ему (процессу) целостность, внутри которой обучение, воспитание, развитие и социализация становятся взаимовлияющими друг на друга магистральными течениями, а педагоги получают возможность исполнить своё подлинное предназначение стать агентами гармоничного развития личности и успешной социализации, а также получить рычаги профилактики девиантного поведения подростков и юношей.

Цель статьи состоит в выделении и обосновании преимуществ профилактики (особенно первичной) отклоняющегося поведения подростков и юношества в контексте личностно-ориентированного образовательного процесса.

Изложение основного материала исследования. Профилактика девиантного поведения подростков и юношества, безусловно, подразумевает участие и солидарную профессиональную ответственность многих специалистов: социальных работников, социальных педагогов, психологов, организаторов и др. Однако в непосредственном регулярном контакте в образовательном процессе с подростками и юношами находятся прежде всего учителя-предметники (или преподаватели). Именно они могут осуществлять профилактику (особенно первичную) девиаций, так сказать, естественным путём, в рамках обучающего процесса, не прибегая к организации тех или иных отдельных, самостоятельных мероприятий (бесед, лекций, классных часов и т.п.). А среднестатистический класс (группа) в среднестатистическом образовательном учреждении среднего или высшего звена почти наверняка являются той самой популяцией, относительно которой осуществляется первичная профилактика: популяцией условно здоровых людей с определённым количеством лиц из группы риска.

Но, как уже было сформулировано выше, проблемой является то, что возможности педагогов по профилактике девиантного поведения резко ограничены при знаниево-ориентированном подходе к образовательному процессу. Обучение осуществляется в сфере бесстрастно-гностического: его цели заданы извне, содержание представляет собой жёстко регламентированный набор значений (вспомним, традиционный ЗУН – знания/умения/навыки), которым нужно овладеть, и, соответственно, требует простого запоминания и даже зазубривания.

Предельно отчуждены друг от друга участники такого образовательного процесса – Учитель и Ученик. Их взаимодействие построено по субъект-объектному типу, где учитель занимает авторитетно-довлеющую позицию. Задача ученика – соответствовать требованиям учителя.

Парадоксально, но в данной системе именно учителя (преподаватели) – призванные быть агентами успешной социализации и гармоничного развития личности учеников (студентов) – действуют как сила, противоположно направленная этому. «Они выступают в роли арбитров и маркируют неприемлемые для них формы поведения как девиации («Опаздывающий», «Фантазер», «Растяпа»)» [5, с.215]. Вертикальная педагогическая стигматизация провоцирует девиантное поведение учащихся особенно остро в подростковом и раннем юношеском возрастных периодах. Эмоциональная нестабильность, максимализм, «чувствительная» формирующая самооценка, потребность в самостоятельности и независимости связаны с глобальным жизненным переходом от Я-ребёнок к Я-взрослый, поиском своего места в мире взрослых. Внешняя, чужая маркировка лишает человека права на свободный личностный выбор. «Навешивание ярлыков» лишает личность уникальности и достоинства. А то, что это делается «руками» авторитетных взрослых, особенно травмирует человека и буквально «запускает» девиантное поведение.

Те педагоги, которым не свойственно прибегать к вертикальной педагогической стигматизации, всё равно в рамках знаниево-ориентированного процесса не выходят в сферу пристрастного, лично-значимого, не устанавливая субъект-субъектные отношения с подростками (юношами), значит, в сущности, не имеют рычагов профилактики девиаций внутри самого образовательного процесса и вынуждены «звать на помощь» других специалистов для решения проблем отклоняющегося поведения (классных руководителей, психологов, социальных педагогов и др.).

Приведём пример. Масштаб загрязнения окружающей среды как следствие девиантного поведения в сфере бытового потребления впечатляет. И для взрослого, успешно социализировавшегося, условно здорового человека, личность которого сформирована гармонично, осознание того, что пластик разлагается несколько сотен лет (в зависимости от вида пластика), само по себе уже является стоп-сигналом, профилактической мерой акта девиантного поведения. В следующий раз, возможно, он не оставит мусор после пикника на природе. Сопоставив срок разложения упаковочного пакета, исчисляемый десятилетиями (или столетиями), и срок службы этого упаковочного пакета, исчисляемый часами (или даже минутами), возможно, в следующий раз совершая покупки, он сделает выбор в пользу биоразлагаемой упаковки и т.д. Произойдёт ли это наверняка, конечно, неизвестно. Но перспектива предупреждения девиации очевидна. Перенесём эту простую схему профилактики на взаимодействие с подростком, и перспектива становится туманной. В силу его (подростка) возрастных особенностей, мы с большой вероятностью можем получить следующие реакции: «А я не собираюсь жить вечно», «Учёные скоро, наверняка, найдут способ перерабатывать пластик», «Промышленные предприятия загрязняют окружающую среду гораздо больше, несколько выброшенных мною пакетов ничего не изменят», «Это дело «зелёных», они совершают уборочные рейды на природе, борются с торговыми сетями за отказ от пластиковой упаковки, если у них получится – то и выбрасывать будет нечего. А я занимаюсь волонёрской деятельностью. Это гораздо более важно» и т.д. и т.п. Амплитуда подростковых контраргументов может быть очень широкой, но ясно одно, если мы останемся в данном споре в плоскости гностического, и продолжим оперировать только объективными значениями, игнорируя личностные смыслы, которыми наполнены ответы подростков, – это педагогический тупик.

Значение может стать фактом сознания, но фактом жизни человека, как известно, является только то, чем значение становится для его личности, какой смысл приобретает. Смысл непосредственно несёт в себе собственные жизненные отношения человека, делая все интеллектуальные процессы, протекающие в человеческой голове, пристрастными. Недостаточно заучить, недостаточно даже понять мысли и чувства, заключённые в заученном, нужно, чтобы эти мысли и чувства стали внутренне определяющими личность [4].

Вернёмся к нашему примеру. Что позволяет считать, что для гармонично развитого взрослого человека понимание вреда наносимого природе какими-либо его действиями способно становиться мерой, потенциально предохраняющей его от совершения этих действий? Ответ – наличие смысла, который приобретает это знание в контексте его личности, и характер ценностей, которыми он руководствуется в своих поступках. Если знание имеет для него личностный смысл, а его личностная система ценностей выстроена вокруг ядра гуманистических ценностей, – можно считать описанные выше меры профилактики надёжными.

И те же самые меры нельзя считать надёжными относительно подростка, даже при отсутствии контрреакции с его стороны. Ведь его система ценностей нестабильна, испытывает сильное влияние извне, всё время «бомбардируется» новыми смыслами, а способность его личности удерживать автономию внутреннего мира только формируется. Речь в данном случае идёт о нормативной ситуации развития, без девиаций.

При отклоняющемся развитии помимо прогрессирующей социальной и психологической дезадаптации, фиксируется личностная деструкция. Стратегии развития подменяются стратегиями выживания. Понятно, что криминогенная социальная среда, неблагополучная семья и прочие подобные факторы обуславливают отклоняющееся

поведение как элемент стратегии выживания, подчас физического. Но в случаях психологического насилия на фоне видимого благополучия, в случаях острой недостаточности тёплого, поддерживающего взаимодействия подростка (юноши) с окружающими людьми, девиантное поведение также может становиться составной частью стратегии выживания, но уже личностного. Человек борется за себя до последнего. Скрытая за внешним благополучием, эта борьба проявляется часто в актах первичного девиантного поведения и в силу этого продолжает оставаться вне фокуса профессионального внимания узких специалистов (даже социальных педагогов и психологов, тем более социальных работников, коррекционных психологов, коррекционных педагогов), у них просто отсутствует предмет деятельности. Подросток (или юноша) попадает в «слепую зону», где он оказывается один на один со своей борьбой.

Вот эту зону, на наш взгляд, может и должен покрыть своим вниманием и попечением педагог.

Оговоримся ещё раз, что это практически недостижимо для педагога, работающего в знаниево-ориентированной парадигме – ведь это зона личностного взаимодействия. Но педагог, работающий в личностно-ориентированной парадигме, обладает здесь большим количеством педагогических «инструментов» профилактики девиаций.

Во-первых, непрерывно совершается диагностика направления личностного развития и рисков возникновения девиаций у учащихся, так как все учебные задания в составе личностно-ориентированного учебного содержания преобразованы в жизненно важные задачи, требующие задействования личностного опыта при их решении, что всё время даёт актуальную информацию о состоянии личностной сферы подростка (юноши).

Во-вторых, взаимодействие между участниками личностно-ориентированного образовательного процесса осуществляется как субъект-субъектное, с признанием паритета личностных позиций подростков (юношей) и взрослых – это существенно снижает напряжённость, которую квалифицируют как компонент субъективного неблагополучия у подростков, сопряжённого со склонностью к отклоняющемуся поведению [1, с. 416], и позволяет установить доверительный контакт.

В-третьих, на фоне доверительного контакта разворачивается диалог – альфа и омега личностно-ориентированного образовательного процесса. Диалог органично «вводит» ребёнка в мир взрослых, амортизируя эффект педагогического давления в силу своей адекватности самому процессу развития личности. Личность есть там, где есть диалог. Именно в диалоге личность рождается, отделяя себя от индивида, в диалоге (с Другими (М.М. Бахтин) – личностями в их произведениях: знаниях, способах мышления, чувствования, духовных ценностях – и с собой в качестве Другого) личность живёт и в диалоге развивается, «растёт». Диалог как обмен смыслами и ценностями помогает подростку (юноше) открыть для себя в образовательном процессе не только опыт познания, но и опыт действия и опыт-переживание, способствующий собственно личностному развитию. Сторонники эвдемонистического подхода (А. Маслоу, К. Рифф, Э.Л. Деси, Р.М. Райан) считают личностный рост главным и самым необходимым аспектом субъективного благополучия [По 1, с. 415].

В-четвёртых, диалоговый характер взаимодействия позволяет профилактировать стигматизацию, а следовательно, отчуждение подростка (юноши), уход в социальную или психологическую изоляцию.

Прежде всего здесь нет места вертикальной педагогической стигматизации, поскольку оценка качества образования осуществляется не по показателям успеваемости, а с учётом индивидуальных достижений. Нет бесконечной «гонки за дисциплиной» – дисциплина становится побочным эффектом перевода образовательного процесса на личностно-смысловой уровень, где участники заняты личностно-значимой деятельностью и существуют в необходимом им пространстве свободы. Главная действующая сила – активность самих учащихся, педагог управляет образовательным процессом опосредованно, через создание ситуаций. Понятие ситуации не является новым для педагогической теории и трактуется как единица образовательного процесса, приобретающая особые психолого-педагогические

характеристики в том или ином концептуальном контексте [3, с.41]. Диалоговая ситуация в контексте личностно-ориентированного образования – это ситуация полифонии личностных смыслов, которые получают объективные значения при рассмотрении их сквозь призму личностного опыта участников процесса.

Феномены полифонии смыслов, дополнительности, несводимости множества точек зрения к одной, профилируют горизонтальную стигматизацию, между самими подростками (юношами), членами одного учебного микросоциума. Подростки (юноши) учатся взаимодействовать в многообразном, не сводимом к единому образцу мире, признавать право другого на инаковость. Нет правильной и неправильной точки зрения – есть разные точки зрения. Один и тот же научно-теоретический постулат, литературный или исторический персонаж, природное явление могут быть по-разному оценены в различных смысловых системах. Физика Эйнштейна не отменяет физику Ньютона. Мы имеем дело с принципиально иной философией дидактики: учебная проблема не разрешается в духе гегелевского «снятия», а разрешается в контексте множества личностных интерпретаций (декабристы – патриоты, бесстрашные герои, опередившие своё время, или клятвопреступники, присягавшие когда-то на верность царю? Самоубийство Катерины в пьесе А.Н. Островского «Гроза» – сила или слабость? И т.д.).

В-пятых, глубокая органичная связь личностного осмысления, происходящего при диалогическом познании, с оцениванием позволяет педагогу оказывать подросткам (юношам) поддержку в выстраивании личностных систем ценностей. Педагогическая поддержка – одна из ключевых идей концепции личностно-ориентированного образования, и возникает как ответ на естественное доверие к педагогу. В данном исследовании можно рассматривать педагогическую поддержку как инструмент профилактики девиантного поведения во всех сферах и на всех этапах образовательного процесса, особо подчеркнув ещё раз её значение при работе с выстраиванием личностных систем ценностей подростков (юношей).

Среди функций личности, подверженных наибольшей деформации у подростков с девиантным поведением, исследователи как раз называют построение иерархии жизненных смыслов и выбор ценностей [2, с. 101]. Отклонения, проявляющиеся во внешних поведенческих актах, сопряжены с искажением ценностных предпочтений в сфере отношений [6]. Реализация стратегии выживания ведёт к редукции системы ценностей до набора правил: «Око за око, зуб за зуб», «Выживает сильнейший», «Если меня не уважают, тогда пусть меня боятся», «Дают – бери, бьют – беги» и др. Усилия педагогов, таким образом, должны быть направлены на создание условий для выстраивания личностных систем ценностей учащихся как гуманистических. И в этой точке образовательный процесс обретает целостность, ведь создание таких условий – это также и воспитательная задача, и задача социализации.

Особое место занимает категория «вечных общечеловеческих ценностей», отражающая абсолютную природу нравственного закона, постижение которого, в свою очередь, связано с осмыслением феномена свободы и ответственности человека, с раскрытием смысловой сферы, где человек испытывает границы собственной природы (рождение и смерть, счастье и горе, наслаждение и страдание, любовь и самоутверждение). При отсутствии благоприятных условий развития именно в этих границах возникают девиации. И первыми повреждённая система ценностей «отбрасывает», как правило, «вечные общечеловеческие ценности» из-за их малой практической пользы. При жёсткой стратегии личностного выживания доброта, честность, сочувствие, самопожертвование оказываются совершенно невостребованными и даже мешающими.

Кроме того, возникает опасность нравственного релятивизма: в личностно-ориентированной образовательной ситуации воссоздаётся жизненная ситуация выбора ценностей и определения их места в личностной системе ценностей. Без интериоризации «вечных общечеловеческих ценностей» и закрепления за ними системообразующей роли в каждой конкретной личностной системе ситуация выбора ценностей – это ситуация нравственной неопределённости. В отсутствие довлеюще-авторитетного взрослого или группы сверстников, «заставляющей» принять их ценности под угрозой стигматизации, подросток (юноша) стоит перед свободным выбором. С одной стороны, это право, с другой –

необходимость и ответственность, последствия которой уже нельзя будет списать на нормы и правила, принятые по этому поводу какой-то социальной группой, защититься коллективной безответственностью. Личностно-ориентированная образовательная ситуация выступает как тренажёр, на котором человек безопасно для себя и окружающих отрабатывает навык «быть личностью», выстраивать созидательную коммуникацию. А так как личностно то, что изначально самоопределяется человеком, выстраивается как его собственный мир, подросток (юноша) делает первые шаги к социальному творчеству.

Выводы. Можно с уверенностью утверждать, что само погружение образовательного процесса в личностный контекст, создаёт базу для профилактики девиантного поведения. Педагоги, работающие в личностно-ориентированной парадигме, в отличие от педагогов, работающих в знаниево-ориентированной парадигме, и узких специалистов (социальных педагогов, психологов, коррекционных педагогов и психологов, социальных работников) получают рычаги профилактики (особенно очень важной первичной профилактики) за счёт своевременной диагностики состояния личностной сферы подростков и юношей, установления доверительного контакта при признании паритета личностных позиций вступающих в контакт людей, развёртывании диалогового взаимодействия, в котором осуществляется личностный рост, выстраивание гуманистических личностных систем ценностей, предупреждение вертикальной и горизонтальной стигматизации. Решающее значение эти меры приобретают в подростковом и юношеском возрастных периодах, в которые происходит глобальный жизненный переход к взрослости.

Литература

1. Брук Ж.Ю., Кухтерина Г.В., Мальцева О.А. Склонность к отклоняющемуся поведению и субъективное благополучие у подростков // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 60-3. – С. 415-419.
2. Думов С.Б., Думов А.С., Нагайцева И.Ф. Личностный аспект профилактики девиантного поведения несовершеннолетних // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 63-1. – С. 99-102.
3. Каменева И.Ю. Психолого-педагогические особенности диалоговой ситуации в образовательном процессе // Российский психологический журнал. – 2015. – Т.12. – № 3. – С. 40-49.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – Москва: Политиздат. – 1977. – 304 с.
5. Полякова М.В. Проект "Педагогическая стигма": происхождение, влияние, управление // Вестник Науки и Творчества. – 2016. – № 8. – С. 211-221.
6. Сериков В.В. Личностный подход в образовании: концепция и технологии. – Волгоград: Перемена. – 1994. – 150 с.

УДК: 159.92

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОПРОВОЖДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ, СКЛОННЫХ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ И ПЕРЕЖИВАНИЮ СОСТОЯНИЯ ОДИНОЧЕСТВА

Кара Жанна Юрьевна,
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общей и педагогической психологии
Академии психологии и педагогики
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»,
г. Ростов-на-Дону

Аннотация. Проблема девиантного поведения подростков занимает одну из лидирующих позиций в мире, и в ситуации цифровизации, когда общение, личные встречи,

развлечения переместились в большей части в интернет пространство, все чаще отмечаются изменения в области «живого» общения, что в свою очередь, отражается на взаимодействии с окружающими сверстниками, на развитии чувства одиночества и на проявление разных граней девиантного поведения, на развитии эмоционального интеллекта. В исследовании мы рассматривали такие психологические характеристики подростков как склонность к девиантному поведению, переживание состояния одиночества, особенности эмоционального интеллекта. Предложена программа по сопровождению подростков направленная на развитие эмоционального интеллекта, как основополагающего в профилактике девиантного поведения и переживания состояния одиночества.

Ключевые слова: подростки, переживание одиночества, девиантное поведение, эмоции, эмоциональный интеллект.

Annotation. The problem of deviant behavior of teenagers occupies one of the leading positions in the world, and in the situation of digitalization, when communication, personal meetings, entertainment have moved mostly to the Internet space, changes in the field of "live" communication are increasingly noted, which in turn affects the interaction with surrounding peers, the development of a sense of loneliness and the manifestation of different facets of deviant behavior, the development of emotional intelligence. In the study, we considered such psychological characteristics of adolescents as a tendency to deviant behavior, experiencing a state of loneliness, and features of emotional intelligence. A program for accompanying teenagers is proposed aimed at developing emotional intelligence, which is fundamental in the prevention of deviant behavior and experiencing a state of loneliness.

Keywords: teenagers, loneliness, deviant behavior, emotions, emotional intelligence.

Постановка проблемы. В современном мире, проблема девиантного поведения продолжает занимать одну из лидирующих позиций, и происходящая цифровизация общества все больше и больше усугубляет ситуацию тем, что переносит общение, личные встречи, развлечения, работу и другую деятельность людей в пространство интернета и социальных сетей. Специалисты приходят к выводу о том, что с погружением в интернет и гаджеты у современных подростков теряется значимость «живого» общения, а это в свою очередь, отражается на проявление девиантного поведения, на взаимодействии с окружающими сверстниками, на развитии чувства одиночества, на развитии эмоционального интеллекта. Основанием для такого неутешительного вывода служит тот факт, что взаимодействие в интернете и в реальной жизни зависит от развития эмоционального интеллекта.

Девиантное поведение несовершеннолетних связано как с общесоциальными проблемами, так и с проблемами формирования личности, носящими индивидуальный характер. Изменения, происходящие в стране и в мире в целом, меняют ранее существовавшие представления о норме в поведении. Анализ отечественной и зарубежной психологической литературы показывает повышенное внимание к обсуждаемой теме и необходимости постоянного дополнения в качестве исследований.

В нашем исследовании мы рассматривали особенности девиантного поведения, переживания состояния одиночества и степень развитости эмоционального интеллекта как психологические особенности подростка.

Предложена программа по сопровождению подростков направленная на развитие эмоционального интеллекта, как основополагающего в профилактике девиантного поведения и переживания состояния одиночества. Цель программы – развитие личностных достижений, способностей, навыков эмоционального интеллекта, для осознания и понимания собственных эмоций и эмоций окружающих как гармонизация личности подростка.

Цель статьи. Представить результаты исследования, где основной целью являлось выявление психологических особенностей подростков склонных к девиантному поведению, переживанию состояния одиночества, оценка эмоционального интеллекта и взаимосвязей между ними, и, разработка профилактической психологической программы сопровождения подростков.

Изложение основного материала исследования. Все чаще исследователи обращаются к изучению эмоциональной сферы человека по сравнению с исследованиями когнитивных способностей. Концепция образ мира фокусирует активность субъекта, направляющего эту активность и определяющего целостность личностной регуляции целеобразования.

Гипотезы исследования: Общей гипотезой, которая легла в основу исследования, стало предположение о том, чем более одиноким ощущает себя подросток, тем более он склонен к девиантному поведению; степень развитости эмоционального интеллекта влияет на проявление девиантного поведения.

Описание выборки. В нашем исследовании добровольно приняли участие 60 подростков в возрасте 13-15 лет г. Ростова-на-Дону.

Цель профилактической психологической программы сопровождения подростков – развитие личностных достижений, способностей, навыков эмоционального интеллекта, для осознания и понимания собственных эмоции и эмоции окружающих как гармонизация личности подростка.

В научной литературе, как отечественной, так и зарубежной, не снижается интерес к изучению феномена девиантного поведения. Теоретический анализ литературы в результате рассмотрения разных предположений, мы предлагаем придерживаться термина «девиантное поведение», характеризующееся нестандартностью, многогранностью и масштабностью отклонений разной степени и сложности [1]. На сегодняшний день существуют различные подходы к исследованию проблемы девиантного поведения, и мы выделяем 3 основных: биологический (биогенетический), психологический и социологический [2].

Переживание состояния одиночества присутствует в жизни человека, и было отмечено с давних времен. Более того, с активным использованием интернета и уменьшением межличностного взаимодействия состояние одиночества отмечают все больше количество людей, в зону риска попадает подрастающее поколение [3, 4].

Набирает актуальность изучение эмоциональной сферы подростков наряду с когнитивными способностями. Неизменным спутником гармонично развитого человека выступает эмоциональный интеллект. В отличие от других видов интеллекта таких как конкретный и абстрактный, в основе которых находится отражение закономерности внешнего мира, эмоциональный интеллект отражает связи внутреннего мира согласующиеся с взаимодействием реальности и поведения личности [5, 6, 7]. На данный период времени имеющиеся подходы в изучении эмоционального интеллекта солидарны в признании факта, что он позволяет человеку любого возраста лучше осознавать и понимать эмоциональные проявления своей личности и личности другого человека.

По результатам психологической диагностики, включающей в себя теоретический анализ научной литературы, наблюдение, беседу, нами были выделены некоторые психологические параметры подростков: на поведение подростка влияет эмоциональное состояние, самочувствие, осознание своего места в коллективе, обществ, семье.

Для проверки наших предположений была разработана диагностическая методика, включающая в себя ряд методик и тестов:

«Субъективное ощущение одиночества» Д. Рассел и М. Фергюсон; «Оценка эмоционального интеллекта» Н. Холл/Е.И. Ильин; «Склонность к девиантному поведению» Э.В. Леус; «Рисуночный тест» Р. Сильвер.

Для проверки выдвинутого предположения был применен корреляционный анализ связи субъективного ощущения одиночества и проявления девиантного поведения у респондентов с помощью коэффициента Пирсона и получили следующие данные.

1. Переменная «Средний уровень одиночества» имеет положительную связь с переменными «Делинквентное поведение» ($r=0,537725$ при $p \leq 0,05$), «Зависимое поведение» ($r=0,476418$ при $p \leq 0,050$), «Агрессивное поведение» ($r=0,356664$ при $p \leq 0,05$) и «Самоповреждающее поведение» ($r=0,639785$ при $p \leq 0,05$) из этого следует, что при увеличении одного признака будет увеличиваться второй. То есть, чем более одиноким чувствует себя подросток, тем более часто у него проявляются перечисленные выше виды

девиантного поведения, а именно делинквентное поведение, зависимое поведение, агрессивное поведение и самоповреждающее поведение.

2. Переменная «Низкий уровень одиночества» имеет отрицательную связь с переменными «Делинквентное поведение» ($r=-0,431012$ при $p\leq 0,05$), «Зависимое поведение» ($r=-0,369190$ при $p\leq 0,05$) и «Самоповреждающее поведение» ($r=-0,478212$ при $p\leq 0,05$) из этого следует, что при понижении одного признака будет уменьшаться второй. То есть, чем менее одиноким ощущает себя человек, тем менее часто у него проявляется делинквентное поведение, зависимое поведение и самоповреждающее поведение.

На основании полученных достоверных корреляционных связей можно говорить, что предположение о том, что чем более одиноким ощущает себя подросток, тем более он склонен к девиантному поведению – подтвердилась.

Далее был проведен корреляционный анализ связи девиантного поведения и эмоционального интеллекта у респондентов:

1. Переменная «Управление своими эмоциями» имеет положительную связь с переменной «Делинквентное поведение» ($r=0,271420$ при $p\leq 0,05$) из этого следует, что при увеличении одного признака будет возрастать второй.

2. Переменная «Эмпатия» имеет отрицательные связи с переменными «Делинквентное поведение» ($r=-0,410198$ при $p\leq 0,05$), «Зависимое поведение» ($r=-0,374511$ при $p\leq 0,05$), «Агрессивное поведение» ($r=-0,374588$ при $p\leq 0,05$) и «Самоповреждающее поведение» ($r=-0,459493$ при $p\leq 0,05$), из этого следует, что при понижении одного признака будет уменьшаться второй.

3. Переменная «Управление эмоциями других» имеет отрицательную связь с переменными «Делинквентное поведение» ($r=-0,471709$ при $p\leq 0,05$), «Зависимое поведение» ($r=-0,457752$ при $p\leq 0,05$), «Агрессивное поведение» ($r=-0,447042$ при $p\leq 0,05$) и «Самоповреждающее поведение» ($r=-0,543786$ при $p\leq 0,05$), из этого следует, что при понижении одного признака будет уменьшаться второй.

На основании вышеперечисленных достоверных корреляционных связей можно говорить о том, что предположительно от степени развитости эмоционального интеллекта будет меняться проявление девиантного поведения – подтвердилась.

Выводы. Подводя итог проведенному исследованию, можно говорить о следующих выявленных психологических аспектах сопровождения подростков, при тенденции склонности к девиантному поведению, состоянию одиночества и степени развитости эмоционального интеллекта.

Между уровнем субъективного переживания одиночества и некоторыми видами девиантного поведения существует взаимосвязь. Соответственно, при повышении уровня одиночества будет возрастать частота проявления девиантного поведения.

Между уровнем эмоционального интеллекта и проявлением девиантного поведения также существует взаимосвязь. То есть, чем ниже степень эмоционального интеллекта, тем выше частота проявления девиантного поведения.

Проявление самого девиантного поведения, как и склонности к нему происходит через эмоциональное проявление личности. Далее мы предлагаем рассматривать эмоциональный интеллект как совокупность эмоционально-личностных составляющих, когнитивных способностей и социально-психологической адаптации личности. Все структурные компоненты эмоционального интеллекта взаимосвязаны, и их тесная взаимозависимость способствует эффективному межличностному взаимодействию. В структуру эмоционального интеллекта входят способности к осознанной регуляции эмоций; пониманию (осмыслению) эмоций; различению и выражению эмоций для активного межличностного взаимодействия.

Образ мира включает в себя активность субъекта (подростка) ориентируемого глубинными структурами и формирующее целостность личностной и когнитивной регуляции.

Подростковый возраст переходный и трудный для самих подростков и их окружения. Они сталкиваются с новыми проблемами: перестройкой всего организма, всплеском гормонов, взрослением, изменением взглядов на жизнь и круга общения. Из нашего

исследования можно сделать вывод, что степень развитости эмоционального интеллекта и ощущение одиночества влияют на частоту проявления девиантного поведения.

Основная концепция профилактической психологической программы сопровождения подростков со склонностью к девиантному поведению заключается в помощи осознания их собственной жизни, ценности собственного существования, развитие способности управлять собственными эмоциями и понимать эмоции других людей, развитие личностных качеств.

Литература

1. Змановская Е.В. Девиантология (психология отклоняющегося поведения): учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003 – 288 с.
2. Психология девиантности. Дети. Общество. Закон [Текст] : монография / [Д.В. Адамчук и др.] ; под ред. А.А. Реана. – Москва : ЮНИТИ, 2016. – 479 с.
3. Корчагина С.Г. Психология одиночества: учебное пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2008. – 228 с.
4. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / М.А. Холодная. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 334 с.
5. Дубровина Л.А., Домшенко Е.Н., Шелобаева И.Д. Развитие эмоционального интеллекта у подростков как условие профилактики социальных аддикций // Новый взгляд. Международный научный вестник. 2015. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiie-emotsionalnogo-intellekta-u-podrostkov-kak-uslovie-profilaktiki-sotsialnyh-addiksiy> (дата обращения: 01.08.2020).

УДК: 371.21

ПРОФИЛАКТИКА ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ДЕВИАЦИЙ ПОСРЕДСТВОМ ПРЕОДОЛЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПРОКРАСТИНАЦИИ У ПОДРОСТКОВ

Карпович Татьяна Ефимовна,

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики
УО «Минский государственный лингвистический университет»,
г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В статье рассматриваются возможности профилактики подростковых девиаций социально-пассивного типа, проявляющихся в уклонении от учебы, нежелании решать личные и социальные проблемы, посредством преодоления прокрастинации в образовательном процессе. Приводятся результаты эмпирического исследования академической прокрастинации у студентов и школьников. В качестве педагогических условий преодоления прокрастинации у подростков рассматриваются диагностика ее причин и создание ситуаций успеха в учебной деятельности путем эмоциональной поддержки и дидактической помощи.

Ключевые слова: девиантное поведение, социально-пассивные девиации, подростковый возраст, академическая прокрастинация, ситуация успеха.

Annotation. The article discusses the possibilities of preventing adolescent deviations of the socially passive type, manifested in school avoidance, unwillingness to solve personal and social problems, by overcoming procrastination in the educational process. The results of an empirical study of academic procrastination among university students and pupils are presented. As pedagogical conditions for overcoming procrastination in adolescents, the author considers the diagnosis of its causes and the creation of situations of success in educational activities through emotional support and didactic assistance.

Keywords: deviant behavior, socially passive deviation, adolescence, academic procrastination, a situation of success.

Постановка проблемы. В период стремительных социальных трансформаций, связанных с расслоением современного общества, дестабилизацией семейных отношений, увеличением информационных потоков и виртуализацией общения, существенно меняется социальная ситуация развития детей и подростков, повышая требования к их адаптационным механизмам. Психофизиологические преобразования в растущем организме подростка значительно повышают риск возникновения дезадаптационных процессов, приводящих к появлению негативных психических состояний и поведенческих девиаций (от лат. *deviatio* 'отклонение', где *de* 'от' и *via* 'дорога').

Девиантное (отклоняющееся) поведение рассматривается как «система поступков, отклоняющихся от общепринятой или подразумеваемой нормы, будь то нормы психического здоровья, права, культуры или морали» [6, с. 237].

С.А. Беличева [1] выделяет три типа социальных отклонений, являющихся результатом неблагоприятного социального развития ребенка – социопатогенеза, обусловленного факторами среды, воспитания, психобиологическими особенностями.

К социальным *отклонениям корыстной направленности* С.А. Беличева относит правонарушения и проступки, связанные со стремлением получить материальную, денежную, имущественную выгоду (хищение, кражи, спекуляция, протекция и т.д.). Среди несовершеннолетних такие социальные отклонения могут проявляться как в виде уголовно-наказуемых действий, так и в виде правонарушений и аморального поведения.

Социальные *отклонения агрессивной ориентации* проявляются в действиях, направленных против личности (оскорбление, хулиганство, побои, изнасилования, убийства).

Отклонения социально-пассивного типа выражаются в стремлении уйти от активной общественной жизни, уклонении от выполнения гражданских обязанностей и долга, нежелании решать личные и социальные проблемы. К такого рода проявлениям С.А. Беличева относит уклонение от учебы и работы, бродяжничество, употребление алкоголя, наркотиков, токсических средств, самоубийство. Автор подчеркивает, что асоциальные проявления выражаются не только внешне, т.е. в поведении, но связаны с деформацией ценностных ориентаций и ценностно-нормативных представлений личности, т.е. системы ее внутренней регуляции [1, с. 26-27].

Цель статьи. В нашей статье мы сосредоточим внимание на возможностях профилактики в образовательном процессе социально-пассивных отклонений в поведении подростков, вызванных прокрастинацией (от лат. *procrastinatus* – «на завтра», где *pro* – вместо, впереди, *crastinus* – завтрашний) – «синдромом завтра», т.е. откладыванием дел «на потом» без уважительной причины, что приводит к болезненным переживаниям, появлению чувства вины, недовольству собой из-за взятых на себя и невыполненных обязательств [4].

Изложение основного материала исследования. Феномен промедления в работе и откладывания более важных и трудных дел в угоду менее важным, но более легким и приятным, известен человечеству давно, о чем свидетельствуют древние тексты. Вместе с тем введение в научный оборот самого термина «прокрастинация» и начало академического анализа феномена относят к 80-м гг. XX века. В настоящее время прокрастинацию справедливо рассматривают в девиантологическом контексте [5], так как это явление приобрело массовый характер особенно в молодежной среде, имеет не только негативные психологические, но и социально-экономические последствия в виде общей неудовлетворенности личности своей основной деятельностью, нарушения сроков ее выполнения и непродуктивности выполняемых действий.

Как справедливо указывает Я.И. Варваричева [3], прокрастинация может затронуть любую сферу деятельности человека: трудовую (неспособность сдать работу в срок), социальную (откладывание телефонных звонков, встреч, ответов на письма), бытовую (уклонение от выполнения домашних обязанностей), учебную (откладывание выполнения домашних заданий, подготовки к экзаменам). Последний вид прокрастинации, названный академической, имеет следствием снижение успеваемости и результативности обучения,

академическую задолженность по учебным предметам и в итоге может привести к отчислению из учебного заведения.

Считается, что от прокрастинации свободны только маленькие дети в силу ограниченной ответственности за свои действия. После поступления в школу резко меняется привычный образ жизни ребенка, который стремится продлить его и откладывает школьные дела «на потом». Таким образом, прокрастинация в младшем школьном возрасте может играть роль защитного механизма в процессе адаптации к школе и носить временный характер.

Закрепление прокрастинации как устойчивой формы поведения происходит в подростковом возрасте, когда формируется образ «Я» личности и идет становление противоположных прокрастинации субъектных характеристик, таких как автономность, активность, ответственность, самостоятельность, целенаправленность. В этом случае прокрастинация может сдерживать их формирование. К примеру, если взрослые в семье и/или в школе жестко подавляют инициативу подростка и требуют послушания, то отказ от выполнения задания становится единственной формой проявления его воли. При этом подростки ещё не готовы в полной мере принять требования общества, самостоятельно решать и нести ответственность за свои решения и поступки. Поэтому им удобнее уйти от стрессовой ситуации, заняться приятным делом в надежде, что проблема разрешится сама собой. Ситуация усугубляется тем, что в подростковом возрасте учеба уходит на второй план, уступая место общению со сверстниками и стремлению завоевать авторитет в референтной группе. Благодаря выраженной избирательности, максимализму и ориентации на мнение сверстников, подростки могут откладывать и даже игнорировать занятия, которые им не интересны и не ценятся в подростковой среде. Если прокрастинатору все же удастся справиться с учебными задачами вовремя, страх при спешке часто ухудшает качество результата и приводит к повышению невротизации и ухудшению самочувствия подростка. Испытывая беспокойство, переживания, подросткам трудно составить план своих учебных действий и настроить себя на его выполнение, так как они постоянно отвлекаются, не уверены в себе, склонны к оправданию себя и своих поступков, могут быть изначально настроены на неудачу и не верить в то, что все получится.

В результате в старшем школьном возрасте, который знаменуется активизацией планов на будущее, у молодого человека появляются страхи, тревожность, неуверенность в реализации своих планов, вследствие чего он старается отложить планирование «на потом». Впоследствии молодые люди, предрасположенные к прокрастинации, могут демонстрировать эту тенденцию на профессиональном поприще, вызывая финансовые потери у работодателей. В итоге прокрастинирование, усвоенное в школе, превращается в серьёзную профессионально-личностную проблему во взрослой жизни.

Таким образом, в подростковом возрасте как наиболее сензитивном для становления личностного «Я» усилия педагогов необходимо сосредоточить на создании адекватных педагогических условий, обеспечивающих профилактику и преодоление академической прокрастинации у подростков в образовательном процессе.

Так как на уровне внешних признаков академическая прокрастинация у подростков может выражаться в молчании в ответ на вопросы педагога, симуляции плохого самочувствия на занятиях, задержке при выполнении учебных заданий, недостаточной сформированности учебных навыков, неорганизованности и забывчивости, то педагоги часто трактуют ее как недобросовестность, недисциплинированность, безволие, лень. Поэтому важнейшим педагогическим условием ее профилактики и преодоления является диагностика причин её возникновения. Педагоги могут упускать из виду такие возможные причины прокрастинации, как стресс/дистресс, высокая личностная и ситуативная тревожность, заниженная самооценка, несформированность мотивации, перфекционизм, низкая самоэффективность, проявляющаяся в неумении подростка хронологически расставлять события и дела в своей жизни – от главных к второстепенным, неясность жизненных целей, противостояние установленным срокам. Чтобы помочь подросткам преодолеть привычку откладывать дела, вначале необходимо узнать, почему в каждом конкретном случае возникает такая ситуация.

При диагностике прокрастинации могут быть использованы как традиционные методы, такие как наблюдение за поведением подростков, их эмоциональными и словесными реакциями, уточняющая беседа с подростками, их родителями и учителями, так и специально разработанные психологами шкалы, измеряющие наличие и уровень прокрастинации. Результаты эмпирических исследований с использованием «Шкалы общей прокрастинации К. Лэй», проведенных Е.С. Гришаевой под нашим руководством на базе МГЛУ (студенты 3 курса, n=92) и гимназии №1 г. Минска (учащиеся 8 класса, n=20), указывают на актуальность проблемы для студентов и школьников и подтверждают вывод о том, что с возрастом степень выраженности прокрастинации возрастает, достигая максимума примерно к 25 годам. Так, если средний уровень прокрастинация был установлен у 63% подростков, то в студенческой среде прокрастинация обнаружилась у 92% респондентов, из которых для 4% студентов был характерен очень высокий уровень прокрастинации, для 20% – высокий и для 68% – средний. Полученные результаты подтверждают актуальность профилактической работы с подростками по преодолению тенденции к академической прокрастинации в образовательном процессе школы.

Так как стресс, заниженная самооценка, тревожность подростка субъективно увеличивают сложность предстоящей учебной деятельности, вызывая сомнения в собственных силах и желание отложить выполнение задания, то значимым педагогическим условием профилактики и преодоления прокрастинация у подростков может выступить создание ситуаций успеха в учебной деятельности. Согласно А.С. Белкину [2], психологически подросток переживает успех как состояние радости, удовлетворения от того, что результат, к которому личность стремилась в своей деятельности, либо совпал с её ожиданиями, надеждами, либо превзошёл их. На базе этого состояния формируются новые, более сильные мотивы деятельности, меняются уровни самооценки, самоуважения. Когда успех делается устойчивым, постоянным, может начаться реакция высвобождения огромных, скрытых до поры возможностей личности [2].

А.С. Белкин подчеркивает, что в педагогическом смысле ситуация успеха является результатом продуманной и подготовленной стратегии и тактики педагога [2]. Так, создание ситуаций успеха для подростков-прокрастинаторов целесообразно посредством эмоциональной поддержки и дидактической помощи. Эмоциональная поддержка любого успеха в виде похвалы и ободряющей фразы педагога помогает подростку почувствовать свою личностную ценность. При этом педагогу следует хвалить подростка-прокрастинатора просто за то, что он приступил к делу, даже если до этого выполнение работы откладывалось очень долго.

Известно, что подростки нередко откладывают выполнение задания просто потому, что считают его сложным или непонятным. Поэтому педагогу важно оказывать им дидактическую помощь в виде объяснения сути задания и рациональных способов его выполнения, обучения основам планирования работы, деления её на этапы с назначением контрольных сроков. Если научить подростков делить большие задания на несколько мелких, то в процессе их выполнения они регулярно будут видеть положительный результат своих усилий. Педагогу необходимо проверять ход работы в контрольных точках и помогать подросткам корректировать график ее выполнения в зависимости от успехов, детально поясняя преимущества и недостатки проделанной работы. Получая удовлетворение от работы, подросток перестанет считать большие задания сложными или скучными и сможет преодолеть желание отложить их. Во время консультаций педагогу важно помнить о том, что направленность учебных интересов подростков тесно связана с окружающей их жизнью, поэтому необходимо продумать рациональную аргументацию своих советов, нацелить подростков на практическую организацию их деятельности.

Анализ основных моделей создания ситуаций успеха в учебной деятельности подростков, предложенных в исследовании М.С. Мантровой [7], показывает, что наиболее адекватными для профилактики и преодоления академической прокрастинации у подростков выступают модели «успех-предвосхищение» и «успех-содействие».

«Успех-предвосхищение» целесообразно обеспечивать подросткам с заниженной самооценкой, избегающим решения любых задач из страха взять на себя ответственность и не выполнить задание. Таким подросткам трудно адекватно оценить свои силы и возможности, поэтому они избегают самого процесса принятия решения или стремятся полностью снять с себя ответственность за сделанный выбор. Основная цель использования такой модели – повысить мотивацию подростка на достижение успеха в учебной деятельности посредством оказания эмоциональной поддержки и скрытой дидактической помощи.

«Успех-содействие» подростка-прокрастинатора становится возможен в результате коллективных учебных усилий, а результат обеспечивается за счет планирования и реализации командного взаимодействия со сверстниками. Реализация данной модели ситуации успеха целесообразна посредством таких интерактивных технологий, как обучение в сотрудничестве и проектная технология. Так, в основе технологии обучения в сотрудничестве лежит взаимозависимость членов группы, ответственность каждого члена за личный результат и результат группы, совместная учебно-познавательная деятельность и общая оценка работы. Так как неуверенность в себе, опыт прошлых неудач вызывают у прокрастинатора тревогу, страх, что результаты деятельности будут оцениваться на публике, то он стремится избежать напряжения и «тянет время». Поэтому выполняя в группе посильное задание, прокрастинаторы могут не опасаться личных неудач и будут работать в доступном им темпе, так как оцениваться будет работа всей группы.

Проектная технология связана с решением практически значимой проблемы и получением конкретного продукта в интересующей подростков самостоятельно спланированной деятельности. Так как при создании проекта подросткам необходимо объединить усилия, провести совместное обсуждение, то у прокрастинатора не возникает мысли, что эта проблема не значима в кругу сверстников, и ее можно игнорировать.

Выводы. Таким образом, в связи с высокой значимостью фактора времени в современном социуме повышаются требования к продуктивности, самостоятельности и ответственности личности при выполнении своих гражданских обязанностей. Неготовность учащейся молодежи строить свою жизнь с учетом временного фактора, проявляющаяся в академической прокрастинации, вступает в противоречие с требованиями общества и приводит к социально-пассивным девиациям, выражающимся в уклонении от учебы, решения личных и социальных проблем. Современному педагогу важно иметь теоретические знания и практический опыт в области диагностики и преодоления академической прокрастинации у учащихся разного возраста в образовательном процессе. В подростковом возрасте проявления прокрастинации обусловлены кризисом развития, связанным с обретением автономности от взрослых и становлением субъектности на фоне выраженной избирательности и неготовности нести ответственность за свой выбор. Педагогу следует осуществлять информационно-просветительскую работу с подростками по проблеме и прокрастинации и ее последствий, включать подростков в активную познавательную деятельность индивидуально и в группах, способствовать укреплению взаимоотношений со сверстниками, раскрывать положительные качества подростков и воспитывать уверенность в достижении успеха в различных видах деятельности, помогать формированию адекватной самооценки, способности критически относиться к себе, развивать имеющиеся личностные ресурсы подростков, способствующие формированию здорового жизненного стиля и поведения.

Литература

1. Беличева, С.А. Основы превентивной психологии / С.А. Беличева. – М.: Социальное здоровье России, 1994. – 224 с.
2. Белкин, А.С. Ситуация успеха. Как ее создать: книга для учителя / А.С. Белкин. – М.: Просвещение, 1991. – 176 с.
3. Варваричева, Я.И. Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования / Я.И. Варваричева // Вопросы психологии. – 2010. – № 3. – С. 121-131.

4. Ильин, Е.П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень / Е.П. Ильин. – М.: Питер, 2011. – 224 с.
5. Клейберг, Ю.А. Психология девиантного поведения: учебник и практикум для вузов / Ю. А. Клейберг. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 290 с.
6. Кон, И.С. Психология ранней юности: кн. для учителя / И.С. Кон. – М.: Просвещение, 1989. – 255 с.
7. Мантрова, М.С. Ситуация успеха как фактор развития позитивного образа я современного подростка / М.С. Мантрова // Вестник ОГУ. – 2013. – №2 (151). – С. 151-158.

УДК: 316

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ КОЛОНИИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Кириллова Татьяна Васильевна,
доктор педагогических наук, профессор,
главный научный сотрудник
ФКУ «Научно-исследовательский институт ФСИН России»,
г. Москва

Аннотация. Осужденные молодежного возраста и несовершеннолетние осужденные, в силу ряда причин, особо нуждаются в организации социально-психологической помощи и социально-профилактической работы. Именно социально-психологическое сопровождение таких осужденных в условиях социальной изоляции может повлиять на исправление их криминальных интересов и наклонностей. В статье рассматривается зависимость организации социально-психологического сопровождения несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях, от знания сотрудниками воспитательных отделов и психологических служб индивидуальных особенностей осужденных, учета объективных современных сведений о социально-демографических, уголовно-правовых и уголовно-исполнительных особенностях воспитанников. При организации социально-психологического сопровождения необходимо основываться на данных, объективно отражающих состояние воспитанников, содержащихся в воспитательных колониях, на современных сведениях о социально-демографических, уголовно-правовых и уголовно-исполнительных особенностях воспитанников; на выявлении и учете тенденций их изменения и возможностей использования данной информации в профилактической работе с несовершеннолетними осужденными.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, воспитательные колонии, несовершеннолетние осужденные, социально-психологическое сопровождение несовершеннолетних осужденных, психологическая служба.

Abstract. Juvenile and youth age convicts, for a variety of reasons, have a special need in organization of social and psychological assistance and social and preventive work. It is the social and psychological support of such convicts in conditions of social isolation that can affect the correction of their criminal interests and propensities. The article considers the dependence of the organization of social and psychological support for juvenile convicts serving in juvenile correctional facilities on the knowledge of the individual characteristics of convicts, record of objective modern information about the socio-demographic, criminal legal and penal characteristics of trainees by employees of educational departments and psychological services. When organizing social and psychological support, it is necessary to base on data that objectively reflect the trainees condition who are held in correctional facilities, on current information about the socio-demographic, criminal legal and penal characteristics of trainees; on identifying and analyses of trends of their changes and possibilities of using this information in preventive work with juvenile convicts.

Key words: penitentiary system, correctional facilities, juvenile convicts, social and psychological support of juvenile convicts, psychological service.

Постановка проблемы. Одной из актуальных проблем, стоящих перед обществом, является проблема подростковой преступности. Несмотря на динамику ее снижения, она по-прежнему остро нуждается в своем решении. В рамках деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации осуществление социально-психологического сопровождения и исправительного воздействия на несовершеннолетних осужденных является одной из ее приоритетных задач. Осужденные молодежного возраста и несовершеннолетние осужденные, в силу ряда причин, особо нуждаются в организации социально-психологической помощи и социально-профилактической работы.

Целью статьи является обоснование зависимости организации социально-психологического сопровождения несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях, от знания сотрудниками воспитательных отделов и психологических служб индивидуальных особенностей осужденных, учета объективных современных сведений о социально-демографических, уголовно-правовых и уголовно-исполнительных особенностях воспитанников.

Изложение основного материала исследования.

1. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года предусматривает единство и взаимосвязь социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными, поиск и внедрение новых индивидуальных форм работы, закрепление в законодательстве социальной и психологической работы в качестве средств исправления осужденных. В России в последние годы половина всех преступлений совершается лицами молодежного возраста [6]. Согласно данным официальной статистики, ежегодно в России несовершеннолетними совершается приблизительно 5 % от общего количества зарегистрированных преступлений (по итогам 2015 года – 5,2 %) [7].

Количество воспитательных колоний, где содержатся несовершеннолетние осужденные, составило в 2018 году 24, в том числе для девушек – 2. Общее количество мест в воспитательных колониях (лимит наполнения) – 5897, в них содержится 1310 осужденных молодежного возраста, из них 105 девушки. Для сравнения, по данным 2008 года в России было 62 воспитательные колонии, и в них содержалось 9199 осужденных молодежного возраста. Однако очевидно, что молодежная преступность не снижается, а приведенные статистические данные свидетельствуют о гуманизации системы исполнения наказаний и преимущественном назначении судами наказаний без лишения свободы в отношении преступников несовершеннолетнего и молодежного возраста [1].

Анализ совершенных преступлений свидетельствует о том, что среди лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, только 10 % в дальнейшем стоят на пути исправления. Особое беспокойство вызывает тот факт, что преступность в стране молодеет. Если до середины 80-х годов прошлого столетия объектом внимания правоохранительных органов были юноши и девушки 16–18 лет, то во второй половине 1990-х годов уже 14–15-летние подростки, в XXI веке в поле зрения правосудия попадает и криминальная деятельность детей в возрасте 10–12 лет. Как свидетельствуют данные Росстата, рост преступлений в стране, совершенных несовершеннолетними, в последние годы несколько замедлился (42,5 тыс. в 2017 г. против 53,7 тыс. в 2016 г.), но говорить о победе пока не приходится. Тем более что растут показатели условно осужденных, повторная преступность несовершеннолетних также не замедляется [3].

В этой связи особую актуальность приобретает деятельность сотрудников воспитательных колоний, которые сталкиваются в своей работе с педагогически запущенными и криминально зараженными подростками, совершившими преступления различной степени тяжести. Именно социально-психологическое сопровождение таких осужденных в условиях социальной изоляции может повлиять на исправление их криминальных интересов и наклонностей. Психолого-педагогическое сопровождение реализуется в рамках различных

проектов и основных направлений психологической работы (психодиагностика, консультирование, психокоррекция, психопрофилактика, психогигиена, просвещение), и в рамках основных направлений воспитательной работы и обучения. И, несомненно, нуждается в проектировании, планировании, мониторинге и анализе результатов [2].

Новиков А.В. указывает на то, что «недостаточная представленность фундаментально-системных исследований проблем проявления осужденными агрессивного-деструктивного поведения, определяет слабое научно-методическое обеспечение практической деятельности психологов УИС в этом направлении». Им предлагаются некоторые направления и методы работы, однако он отмечает, что они «носят «эталонный» условный характер и зависят от конкретной психокоррекционной задачи, вместе с тем они являются ориентиром при планировании работы с несовершеннолетними осужденными. Системный характер необходим не только в исследованиях, но и в практической работе по минимизации агрессивного-деструктивных форм поведения несовершеннолетних осужденных» [8, С.78].

Вместе с тем эффективность оказываемого воздействия напрямую зависит от систематичности и комплексности ее осуществления. В этом процессе важны мероприятия, направленные на повышение культурного уровня несовершеннолетних осужденных, их воспитание и психологическую коррекцию личности, социально-психологическое сопровождение, повышение правовой грамотности, уровня образования, восстановление и укрепление социальных связей. Этот перечень можно продолжить.

Очевидно, что при организации всех этих мероприятий необходимо основываться на данных, объективно отражающих состояние воспитанников, содержащихся в воспитательных колониях. Один из способов получения объективных данных – проведение переписи в УИС.

В связи с этим нами осуществлено исследование, целью которого является проведение переписи несовершеннолетних осужденных, содержащихся в ВК, для получения объективных современных сведений о социально-демографических, уголовно-правовых и уголовно-исполнительных особенностях воспитанников; выявление тенденций их изменения и возможностей учета данной информации в профилактической работе с ними [5].

В исследовании приняли участие воспитанники 23 ВК УИС в количестве 1214 человек.

Представим кратко некоторые результаты исследования, учет которых необходим при организации психолого-педагогического сопровождения несовершеннолетних осужденных. За последнее время отмечается уверенная тенденция к снижению численности несовершеннолетних осужденных, содержащихся в ВК. Так, согласно статистическим данным ФСИН России с 2014 г. среднесписочная численность несовершеннолетних осужденных составляла 1822 человека, в 2015 г. – 1764; 2016 г. – 1678; 2017 г. – 1443; 2018 г. – 1354. Таким образом, в период с 2014 г. по 2018 г. снижение составило 25,7% (рис. 1). При этом согласно официальным данным федеральной службы государственной статистики население России в возрасте от 15 до 19 лет в 2018 г. составило 6816 тыс. человек (2014 г. – 6956 тыс. чел.; 2015 г. – 6829 тыс. чел.; 2016 г. – 6731 тыс. чел.; 2017 г. – 6690 тыс. чел.). В сравнении с 2014 г. численность населения снизилась на 2%, а в сравнении с 2017 г. – возросла на 1,9%.

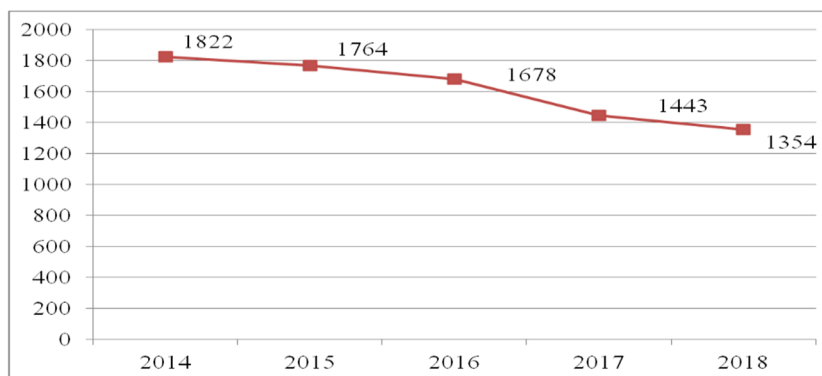

Рисунок 1. Динамика изменения среднесписочной численности несовершеннолетних осужденных, содержащихся в ВК

Работа с несовершеннолетними мужского и женского пола требует отдельной специальной теоретической и практической подготовки сотрудников. Во многом это объясняется физиологическими, психологическими особенностями, отличиями в социальных установках и стереотипах, обусловленных половой принадлежностью. Кроме этого, данный показатель отражает качественное состояние преступности в молодежной среде. Юноши значительно чаще совершают преступления, чем девушки.

В исследовании приняло участие 1214 несовершеннолетних осужденных, из них 103 (8,5%) – несовершеннолетние осужденные женского пола, 1111 (91,5%) – несовершеннолетние осужденные мужского пола (рис. 2).

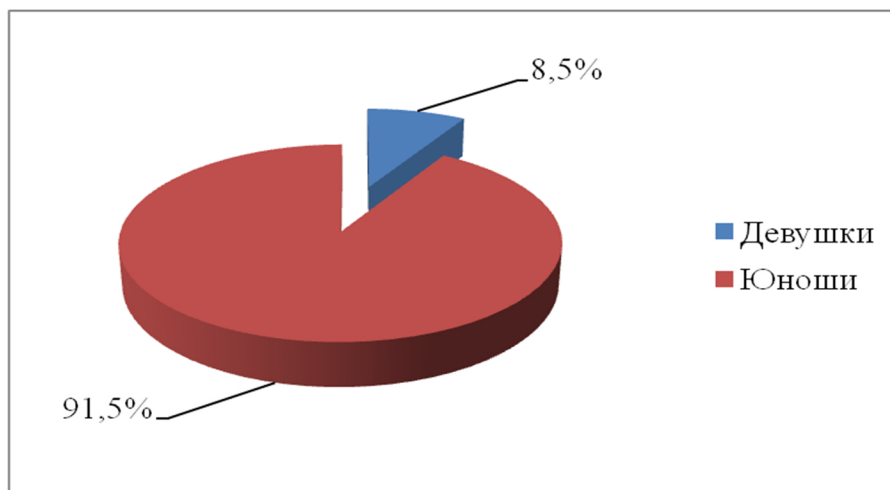

Рисунок 2. Процентное соотношение численности несовершеннолетних осужденных разного пола, содержащихся в ВК

Возраст – важный параметр, характеризующий несовершеннолетних осужденных. В силу интенсивных психофизиологических изменений в этот период различия подростков, как во внешности, так и в личностном плане, могут быть значительны, даже, несмотря на разницу в возрасте, составляющую 1 год.

В настоящее время осужденные в возрасте 14-15 лет составляют 4,3%; 16-17 лет – 67,3%; 18 лет – 19,3%; старше 18 лет – 9,1%. (рис. 3).

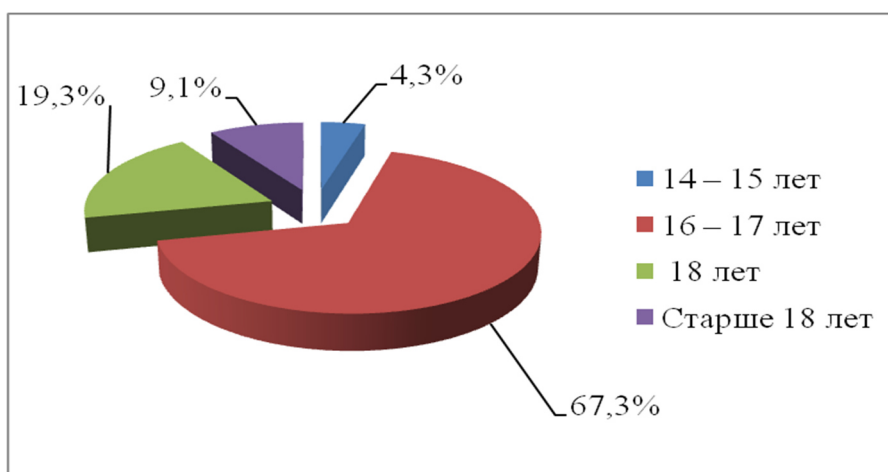

Рисунок 3. Процентное соотношение несовершеннолетних осужденных различного возраста, содержащихся в ВК

Семейное положение. Согласно полученным результатам, несовершеннолетние осужденные, содержащиеся в ВК, до осуждения в основном воспитывались в полных (40,4%)

и неполных (40,4%) семьях. У 8,3% несовершеннолетних родители лишены родительских прав, 5,5% воспитывались опекунами, в приемных семьях. 5,4% являются сиротами.

Высокий процент несовершеннолетних преступников из полных семей (имеющих мать и отца), вероятно, свидетельствует о наличии острых внутрисемейных проблем, нарушениях в межличностном общении, вследствие которых дети совершают противоправные поступки (рис. 4).

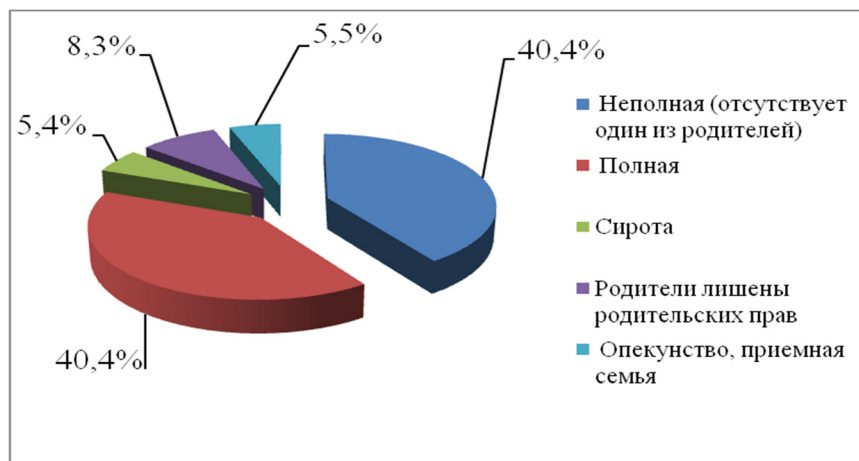

Рисунок 4. Процентное соотношение несовершеннолетних осужденных, содержащихся в ВК, с точки зрения состояния их семейного воспитания

На момент осуждения – 99,8 % несовершеннолетних осужденных в браке не состояло. За время отбывания наказания вступило в брак – 0,2 %.

Таким образом, доля несовершеннолетних, содержащихся в ВК, обуславливается целым рядом типичных особенностей, свойственных как той среде, в которой протекает их жизнь, так и отчасти свойственных индивиду. Семейное же положение подростков характеризуется не только их материальным положением, но и состоянием воспитания, образования, надзором и контролем.

Огромную роль играет и криминологическая характеристика несовершеннолетних осужденных [4]. Категория преступления, за которые отбывают наказание осужденные. Результаты исследования свидетельствуют, что несовершеннолетними осужденными были совершены преступления следующих категорий: небольшой тяжести – 1%; средней тяжести – 7,2%; тяжкое – 41,6%; особо тяжкое – 50,2% (рис. 5).

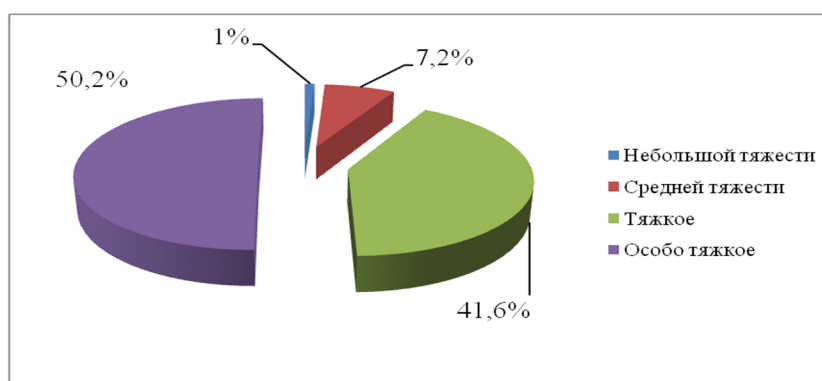

Рисунок 5. Процентное соотношение категория преступления, за которые содержатся несовершеннолетние осужденные

Квалификация совершенных несовершеннолетними осужденными преступлений. Согласно результатам исследования, несовершеннолетние осуждены за преступления по: ст.105 УК РФ (убийство) – 7,7%; ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда

здоровью) – 10,5%; ст. 131 УК РФ (изнасилование) – 9,1%; ст. 158 УК РФ (кража) – 17,2%; ст. 161 УК РФ (грабеж) – 13,8%; ст. 162 УК РФ (разбой) – 10,6%; ст. 163 УК РФ (вымогательство) – 1,5%; ст. 166 УК РФ (неправомерное завладение автомобилем или другим транспортным средством без цели хищения) – 7,7%; ст. 226 УК РФ (хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств) – 0,2%; ст. 228-230 УК РФ (преступления, связанные с хранением, перевозкой, хищением и т.д. наркотических и др. средств) – 14,6%; по иным статьям УК РФ – 14,9% (рис. 6).

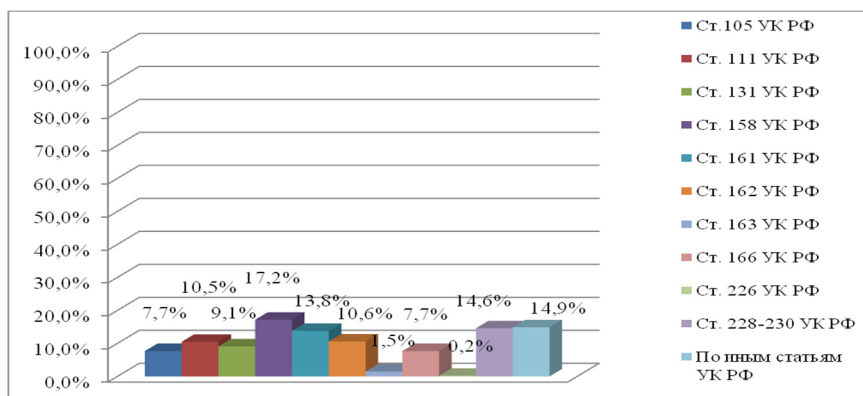

Рисунок 6. Процентное соотношение статей УК РФ преступлений, за которые содержатся несовершеннолетние осужденные

Несовершеннолетние осуждены на следующие сроки отбывания наказания: до 1 года вкл. – 6%; от 1 до 2 лет вкл. – 20,6%; от 2 до 3 лет вкл. – 25%; от 3 до 5 лет вкл. – 31,1%; от 5 до 8 лет вкл. – 14,5%; от 8 до 10 лет вкл. – 2,8% (рис. 7).

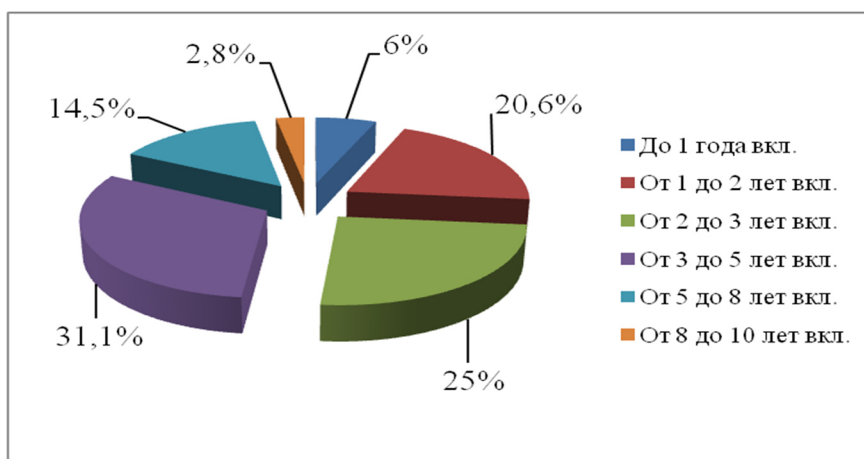

Рисунок 7. Процентное соотношение сроков отбывания наказания несовершеннолетними осужденными

Наличие судимостей. Осужден впервые – 67,9%; был осужден условно – 15,2%; был неоднократно осужден условно – 6,8%; применялись принудительные меры воспитательного характера – 0,6%; применялось наказание в виде исправительных работ – 1,9%; применялось наказание в виде обязательных работ – 6,3%; применялось наказание в виде ограничения свободы – 2,6%; ранее отбывал наказание в ВК – 1,6% (рис. 8).

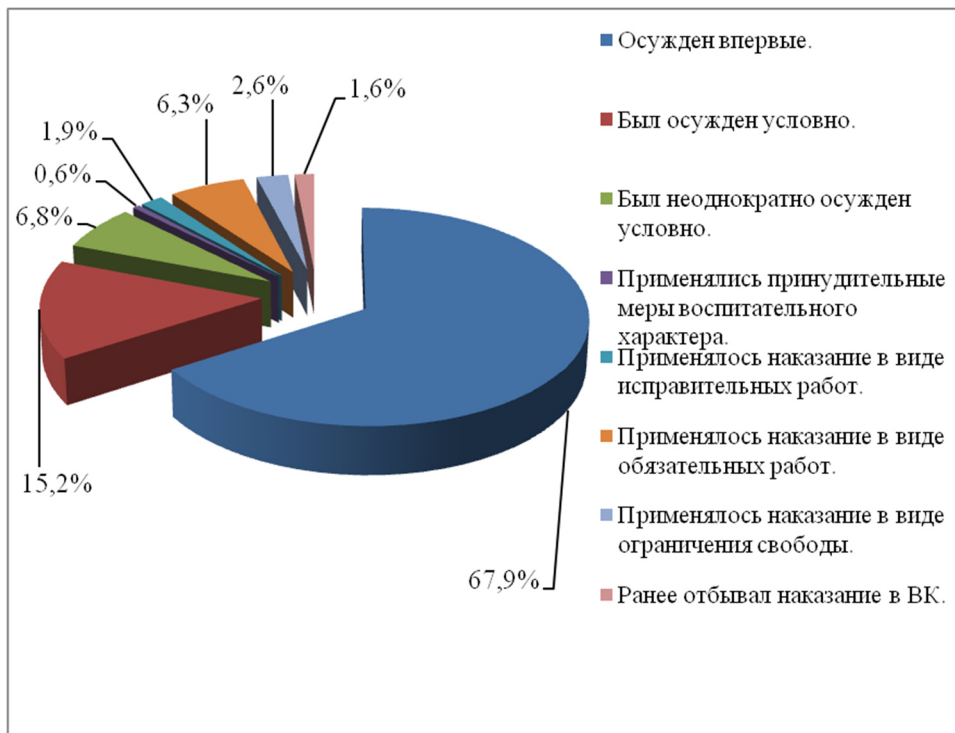

Рисунок 8. Процентное соотношение наличия фактов отбывания наказания несовершеннолетними осужденными

При этом ранее совершали преступления (общий рецидив) – 1,5%; 2,6% – совершили преступление идентичное предыдущему (специальный рецидив).

Несовершеннолетние осужденные, совершившие преступления в составе группы, являлись организаторами – 9,8%; пособниками – 11,5%; соисполнителями – 27,3%.

Общая характеристика осужденных, по мнению администрации ВК. В целом 54,4% несовершеннолетних осужденных характеризуются положительно; нейтрально – 21,8%; отрицательно – 22,1%; являются злостными нарушителями – 1,7% (рис.9).

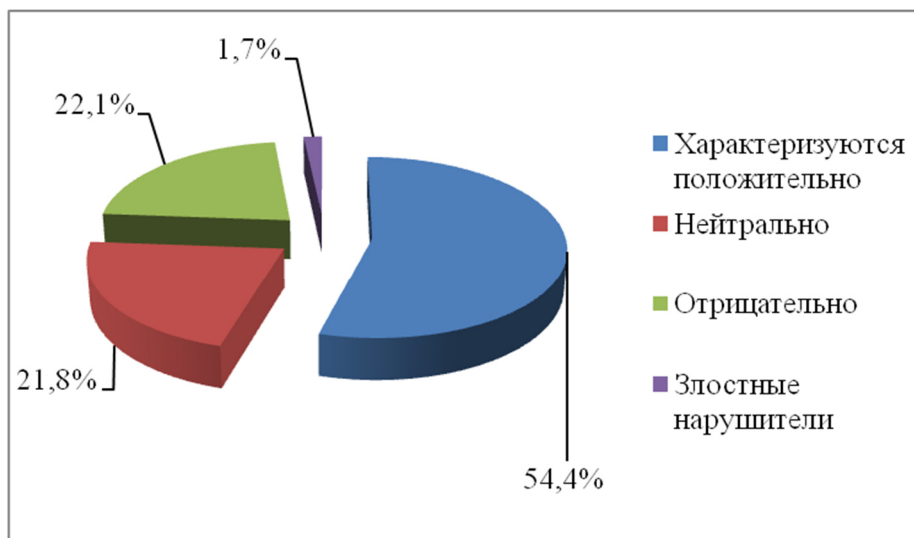

Рисунок 9. Процентное соотношение несовершеннолетних осужденных, имеющих различную характеристику, по мнению администрации ВК

Выводы. Успешность исправления и ресоциализации несовершеннолетних осужденных после освобождения зависит от ряда факторов.

Результаты проведенного нами исследования и изучения социально-демографической, уголовно-правовой и уголовно-исполнительной характеристик личности осужденных позволяют сделать ряд выводов и рекомендаций, которые целесообразно разделить на несколько направлений, обозначенных нами в статье.

Полученные результаты исследования также могут быть использованы для совершенствования социально-психологического, педагогического сопровождения несовершеннолетних осужденных, содержащимся в воспитательных колониях, и, как следствие, снизить рецидивную преступность несовершеннолетних.

Литература

1. Кириллова Т.В. Совершенствование профилактической работы с несовершеннолетними осужденными, содержащимися в воспитательных колониях // В сборнике: Государственная политика Российской Федерации в сфере борьбы с терроризмом, коррупцией и наркотизацией общества: Сборник научных трудов XIV Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2020. – С. 82-87.

2. Кириллова Т.В. Основы проектирования воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными // Вопросы педагогики. – 2020. – № 5-2. – С. 210-213.

3. Кириллова Т.В. Подростковая преступность как сложное социально- педагогическое и психологическое явление: монография / Т. В. Кириллова. – Ульяновск: Зебра, 2019. – 129 с.

4. Криминологическая характеристика несовершеннолетних осужденных, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, по результатам переписи 2019 года / Ю.Е. Суслов, С.В. Кулакова, Т.Д. Макаренко, М.Г. Спасенникова. – DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).290-297 //Всероссийский криминологический журнал. – 2020 –Т. 14, № 2 – С. 290–297.

5. Перепись осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях (аналитический материал) / Полякова Я.Н., Кулакова С.В., Колесникова Ю.П., Кириллова Т.В. и др., ФКУ НИИ ФСИН России, УВСПР ФСИН России. – М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2019. – 29 с.

6. Профилактика криминальной субкультуры среди несовершеннолетних осужденных, подозреваемых и обвиняемых : метод. рекомендации / под общ. ред. В. М. Позднякова. – М., 2015.

7. Психолого-педагогическое обеспечение исполнения наказаний в отношении осужденных молодежного возраста : сборник материалов научно-практического семинара / под общ. ред. С. В. Маришина ; Федер. служба исполн. наказаний, Вологод. ин-т права и экономики. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2017. – 152 с.

8. Novikov A.V., Slabkaya D.N. (2020) Psikhologicheskoe soprovozhdenie otbyvaniya nakazaniya nesovershennoletnikh osuzhdennykh. Ekspertnoe mnenie, obosnovanie i predlozheniya [Psychological support for serving sentences of juvenile convicts. Expert opinion, rationale and suggestions]. Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 9 (1A), pp. 73-80. DOI: 10.34670/AR.2020.45.1.009.

УДК 159.947

ДЕВИАНТОЛОГИЯ АМОКА И ШУТТИНГА: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ, АКТУАЛИЗАЦИЯ И ПРОФИЛАКТИКА

Клейберг Юрий Александрович,
академик РАЕН, доктор психологических наук,
доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры социальной работы и психологии
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Аннотация. В статье предпринята попытка актуализировать важную проблему современности – проблему идентификации амока и шуттинга. Раскрыта феноменология,

функционирование этих деструктивных явлений и их герменевтические особенности. Рассмотрены основные направления концептуализации теоретических оснований амока и шуттинга. Представлены некоторые возможные направления стратегии социально-психологической и педагогической превенции и профилактики амока и шуттинга.

Ключевые слова: подростки, молодежь, амок, шуттинг, деструктивность, феноменология, герменевтика, актуализация, профилактика.

Annotation. The article attempts to actualize an important problem of our time - the problem of identifying amok, shutting. The phenomenology, the functioning of these destructive phenomena and their hermeneutical features are revealed. The main directions of conceptualization of the theoretical foundations of amok and shutting are considered. Some possible directions of the strategy of socio-psychological and pedagogical prevention and prevention of amok and shutting are presented.

Keywords: adolescents, youth, amok, shutting, destructiveness, phenomenology, actualization, prevention.

В 2017-2020 гг. в нашей стране были зафиксированы и преданы общественной огласке случаи нападений учащихся на сверстников и педагогов в образовательных учреждениях. Именно эти события стали причиной для научного осмысления сложных психических феноменов под названием «амок» (характеризующийся агрессивными действиями, беспричинным нападением на людей, немотивированной агрессией с человеческими жертвами или без них) и «шуттинг» (англ. shooting – стрельба, перестрелка) – расстрел, применение вооруженного насилия, массовая стрельба по безоружным людям).

Теоретико-методологическая синтагма проблемы представлена контент-анализом, синтезом, индукцией, дедукцией, аналогией. Релевантность источников фактического материала, обеспечивающего эмпирический базис научного исследования амока и шуттинга, обеспечили отечественные и зарубежные статистические данные о случаях агрессивных и жестоких нападений в общественных местах, опубликованные данные правоохранительных служб и судебных расследований; curriculum vitae личностей и психологические портреты нападавших, составленные экспертами для разработки общей стратегии, и тактики превентивно-профилактической и коррекционной работы с подростками и молодежью группы социального риска. Однако следует признать, что обусловить методологические принципы системного анализа феномена «амок» в настоящее время не представляется возможным из-за того, что реальные масштабы проблемы латентны и представляют для исследователя определенную сложность. Таким образом, данная проблема для России приобретает государственный характер и требует неотложного решения.

Следует также констатировать, что социально-психологическая и педагогическая стратегия превенции и профилактики амока и шуттинга на сегодняшний день не разработана, она находится в стадии осмысления.

Автор данной статьи поддерживает мнение С.В. Книжниковой (2019) о том, что изучение случаев амока и шуттинга требует выявления особенностей психических процессов, отвечающих за саморегуляцию, специфику личностной направленности и социального опыта у лиц, совершивших нападение [5]. Особо важен поиск медико-биологических, индивидуально-психологических и социокультурных причин амока. Как мне представляется, актуально также рассмотрение амока и шуттинга в контексте девиантологической проблематики.

Выше нами было отмечено, что амок и шуттинг сопровождается насилием, жестокостью, озлобленностью и, нередко, физической расправой и смертью жертвы.

Должен заметить, что насилию и жестокости в последние годы посвящено много исследований и публикаций ученых различных научных школ и направлений – психологов, криминалистов, социологов, педагогов, медиков и др. Несмотря на это, проблема жестокости и насилия, как в общенаучном, так и девиантологическом отношении до сих пор остается одной из ключевых направлений современности.

В психологии девиантного поведения и криминальной психологии насилие и жестокость характеризуются деструктивной и деструктивно-психопатологической направленностью (Ю.М. Антонян, И.А. Баева, Я.И. Гишинский, Е.В. Змановская, Ю.А. Клейберг, О.С. Маслова, В.Д. Менделевич, Н.П. Фетискин, С.В. Шепелева и др.). Изучение данной направленности жестокости и насилия позволяет выявить их полимодальные проявления, обусловленные диссонансностью на уровне мотивационно-целевого, нормативно-поведенческого, эмоционально-чувственного, интеракционного и личностно-деятельностного взаимодействия личности и группы. По М.М. Бахтину, отношение «всегда носит творческий, продуктивный, эстетический характер», что является экзистенцией человека разумного (Бахтин, 1986, с. 10). При этом, как отмечает М. Бубер, «фундаментальным фактом человеческой экзистенции является отношение человек-С-человеком» (Бубер, 1995, с. 230).

На наш взгляд, попытка подавления или поддержки и стимулирования продуктивных личностных отношений в социальных группах могут существенно влиять на генезис и актуализацию как деструктивных (жестокость, насилие), так и конструктивных (гармоничная и созидательная перспектива) типов девиантного поведения.

Насилие, игнорирование и жестокость по отношению к юной личности порождает ответную жестокость и насилие. Психологами и криминологами (М.Р. Арпентьева, Я.И. Гишинский, Е.В. Змановская, Ю.А. Клейберг, Е.В. Руденский и др.) экспериментально подтверждено, что применение взрослыми (в первую очередь – школьными учителями) дидактического и психологического насилия и жестокости в отношении учеников, а также проявление лицемерия, лжи и несправедливости в разы усиливают девиантогенные тенденции в среде несовершеннолетних подростков, проявление девиантогенных реакций, обостряют взаимоотношения как в системе «учитель – ученик», так и в системе «учитель – родители». Официальная статистика органов внутренних дел неумолимо свидетельствует о том, что ежегодно за правонарушения попадают под наказание более 1 млн несовершеннолетних. При этом из года в год возрастает количество тяжких и особо тяжких преступлений против личности, совершенных несовершеннолетними подростками: убийств, разбойных нападений, грабежей и др.

В Толковом словаре по психологии [8] состояние амока и шуттинга относится к культурно-обусловленному синдрому, и описывается как диссоциативный эпизод, характеризующийся периодом погруженности в раздумья, сопровождающийся вспышкой насилия, агрессивного или смертоносного поведения, направленного на людей и предметы.

Классификатор Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) МКБ-10 содержит упоминание о такой вспышке насилия, агрессивном или смертоносном поведении в приложении II – амока, – и описывается как «неизбирательный, ничем не спровоцированный эпизод смертоносного или сильно деструктивного поведения, с последующей амнезией или усталостью» [12].

Синдром амока и шуттинга имеет значение «неистовой ярости», состояние неконтролируемого бешенства, которое приводит к уничтожению всего вокруг. Причины появления этого синдрома недостаточно понятны: указывается, что он может быть обусловлен эпилепсией, перегревом на солнце или суггестивными воздействиями, но ведущую роль в его проявлении играют этнокультурные особенности, провоцирующие возникновение переживаний страха [2].

Также нередки случаи саморазрушительного поведения, носящего суицидальный характер. В художественной литературе нашло наиболее яркое и драматичное описание амока в одноименной новелле Стефана Цвейга (1922; перевод с нем. Д. Горфинкеля).

Нами предпринята попытка описания сущностно-содержательного основания и теоретико-методологического фундирования амока и шуттинга как взаимосвязанных, но автономных, девиантологических феноменов. Для этого нами использовались некоторые теоретические подходы к исследованию причин жестокости, насилия и агрессивных нападений. А именно:

- концепции агрессии и насилия (Л. Берковиц, 2001; Я.И. Гишинский, 2013; Е.П. Ильин, 2003; Ю.А. Клейберг, 2014, 2017, 2019, 2020; Ю.Ю. Комлев, 2013, 2014; И.Г. Малкина-Пых, 2007; В.Д. Менделевич, 2005; Ю.Г. Можгинский, 1999; И.А. Фурманов, 2007 и др.);

- концепции социальной эксклюзии как предиктора девиантности и преступности в эпоху постмодерна (Б.Н. Алмазов, 2010; Ф.М. Бородин, 2000; Я.И. Гишинский, 2013; Ю.А. Клейберг, 2014, 2017, 2019, 2020; Ю.Ю. Комлев, 2013, 2014; Т.А. Хагуров, 2003, 2007 и др.);

- концепции фрустрации и депривации (Ф.Е. Василюк, 2012; Н.Д. Левитов, 1967; S.Rosenzweig, 2009; Ю.А. Клейберг, 2014, 2017, 2019; Й. Лангмейер и З. Матейчик, 2001; В.Д. Менделевич, 2005 и др.);

- девиантологические теории (Я.И. Гишинский, 2013, 2018; Е.В. Змановская, 2005; Ю.А. Клейберг, 2014-2020; Ю.Ю. Комлев, 2013, 2014; Т.А. Хагуров, 2003, 2007 и др.).

Следует заметить, что в европейских странах принято понимать под амоком внезапную и беспричинную агрессию, выражающуюся в массовой расправе над людьми в общественном месте [11].

В американских источниках предпочтение отдается термину «Shootings», хотя и слово «амок» тоже употребляется, но редко. Американская психиатрическая ассоциация (АРА) характеризует амок следующими признаками: предъявление агрессором реальных угроз или нанесение окружающим реальных травм, совершение убийств; кратковременное неуправляемое эмоциональное состояние, обусловленное нарушением контроля импульсов; последующая после приступа у агрессора частичная или полная амнезия, а также сильнейшее истощение; высокая вероятность суицидальной попытки у нападавшего сразу после припадка [1].

В отечественной справочной литературе и научных источниках информация об амоке и шуттинге скудна и незначительная. Независимая психиатрическая ассоциация России (НПАР) квалифицирует, в частности, амок сумеречным состоянием сознания либо нарушением сознания после некоторого периода расстройства настроения [7]. Толковый словарь психиатрических терминов В.М. Блейхера и И.В. Крук (1995) рассматривает амок (малайск. Амок – бешеный), как острый психоз, наблюдающийся у аборигенов Малайских островов. После периода дисфории, а иногда минуя его, наступает сумеречное состояние сознания с агрессивными-разрушительными действиями, затем – амнезия [8]. А вот современный Толковый словарь русского языка дает следующее определение: «внезапно возникающее психическое расстройство, проявляющееся в возбуждении с агрессией и бессмысленными убийствами» [6].

Как видно из приведенных дефиниций, феномен «амок», так же, как и шуттинга, неоднозначен и полиаспектен, а потому сложен для исследования и, вероятно, требует не только эвристичности, но и диверсификации научных подходов: комплексного, системного, этнокультурного, гуманистического, каузального, личностного, деятельностного.

Анализ витальных ситуаций и условий жизнедеятельности нападавших свидетельствует о наличии у них высокой интенсивности переживаний и психотравмирующих обстоятельств: социальная эксклюзия (social exclusion – социальная исключённость); цикличность социально и психологически обусловленных затруднений; продолжительный школьный боссинг и профессиональный моббинг; острое переживание несправедливости, обиды и ненависти; разочарование в референтных людях и др. Эти состояния предвосхищаются дистанцированностью, эскейп-реакциями (escape reactions – уходом из дома, прогулами школы, самоизоляцией от других людей, погружением в виртуальное пространство, поиском и приобретением предмета убийства и др.).

Однако, если внимательно присмотреться к приведенным характеристикам агрессоров, то можно обнаружить их совпадение с известным в юриспруденции и психологии феноменом под названием «аффект». В девиантологическом Словаре Ю.А. Клейберга (2014, 2016, 2020) читаем: «Аффект (лат. affectus – душевное волнение, страсть) – сильное, быстро возникающее и бурно протекающее психическое состояние, характеризующееся глубоким переживанием, ярким внешним проявлением, сужением сознания и снижением самоконтроля» [3].

Сравнительный контент-анализ общеизвестных в психологии, юриспруденции и психиатрии концепций аффекта с амоком и шуттингом позволяет заметить схожесть их специфических особенностей, а, значит, есть вероятность обнаружения закономерности, взаимосвязи между явлениями и объектами реальности, систематизировать факторы, установить разновидности и тенденции развития амока/шуттинга, дифференцировать их проявления.

Так, синдром шуттинга имеет значение «неистовой ярости», состояние неконтролируемого бешенства, которое приводит к уничтожению всего вокруг. Однако *causa sui* появления этого синдрома недостаточно понятна: указывается только, что он может быть обусловлен эпилепсией, перегревом на солнце или суггестивными воздействиями, но ведущую роль в его проявлении играют этнокультурные особенности, провоцирующие возникновение переживаний страха [4] или причастности юной личности к криминально-деструктивной субкультуре «АУЕ» (аббревиатура означает: «арестантский уклад един» или «арестантское уркаганское единство»).

Шуттинг характеризуется внезапным возникновением панических состояний с изменением сознания по типу сумеречного и неконтролируемого стремления двигаться в одном направлении, круша и ломая все, что стоит на пути и убивая тех, кто мешает этому движению. В психологической картине приступа отмечается регрессия поведения, когда на первый план всплывают агрессивные реакции, проявляющиеся в виде автоматизмов [9, р. 264-276].

Каковы же *modus operandi* и средства превенции и профилактики деструктивных тенденций амока и шуттинга?

Во-первых, очевидным является оперативная разработка актуальных стратегий и тактик (психологических, педагогических, медицинских, юридических) для эффективного реагирования на амок, шуттинг и другие девиантогенные и криминогенные проявления подростков и молодежи, деформирующие их сознание, установки, мотивацию и ценности.

Во-вторых, важной задачей является обеспечение максимальной безопасности в местах массового пребывания людей и особенно в учебно-образовательных, культурно-досуговых и спортивных учреждениях и организациях.

В-третьих, – обучение детей и взрослых методам противостояния и безопасного поведения в ситуациях амока и шуттинга (эта задача может быть реализована, например, на уроках ОБЖ в школе и на специальных курсах для взрослых). Широкое внедрение в школы, колледжи и вузы медиативных технологий – сегодня чрезвычайно актуальная задача. Этот процесс у нас идет крайне медленно и несистемно.

В-четвертых, отслеживание детей с тревожными признаками в сознании, поведении и поступках. Для этой цели важно постоянно держать «руку на пульсе», проводить мониторинговые срезы.

Так, П. Лэнгман в качестве профилактических мер предлагает: обеспечение общедоступной качественной психологической помощи; тщательную фиксацию признаков надвигающегося амока через выявление насилия в семье и моббинга в образовательной среде; выявление специалистами симптоматики психологических травм, психических болезней, психозов [10].

Таким образом, заключая, отмечу, что на эксплицитность и частоту деструктивных поведенческих проявлений в форме амока/шуттинга значительное влияние оказывает *сингулярность личностных* (знания, умения, навыки, компетентности, особенности характера личности, ее потенциалы, рефлексия, мотивы, побуждающие к достижению профессионально-значимых задач и др.), *ситуационных* (определяются реальной характеристикой состояния социокультурного пространства, традициями, нравственно-психологическим климатом и др.) и *средовых* (характеризуются актуальной социальной средой, принципами функционирования, требованиями общежития) *предпосылок*. В периоды активной социализации могут доминировать тревожность, инсомния, страх, стресс, депрессивность, аффект и другие расстройства.

Девиантогенные и криминогенные чрезвычайные ситуации антропогенного характера приносят неисчислимые страдания и дискомфорт как самой личности, так и социальным группам, и обществу. Особое место здесь занимают ситуации, создающие реальную угрозу здоровью и жизни людей, разрушают их привычный жизненный уклад и приводят к психологическим и психическим деформациям, разрушению морально-нравственных и культурных ценностей общества. Такие психотравмирующие ситуации, вызванные амоком и шуттингом, безусловно отражаются на физическом и психическом благополучии людей, провоцируя различные психические расстройства, конфликты, девиантные поступки и нейродегенеративные заболевания.

Совершенно очевидным является здесь срочная коллаборация специалистов, служб, организаций и ведомств для разработки единой психолого-педагогической превентивно-профилактической, медико-правовой стратегии построения архитектоники позитивного развития человеческого потенциала.

Литература

1. Американская психиатрическая ассоциация. Appendix I. Outline for Cultural Formulation and Glossary of Culture-Bound Syndromes // Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders — Text Revision (DSM-IV-TR). – Washington, DC, 2000. – Vol. 4. – P. 899. URL:<https://www.b17.ru/dic/amok/> (дата обращения: 04.10.2019).
2. Клейберг Ю. А. Девиантология: словарь / автор-составитель Ю.А. Клейберг. – 3-е изд., доп. – Нальчик: Издательство «Тетраграф», 2019. 184 с.
3. Клейберг Ю. А. Девиантология амока: феноменология, актуализация, профилактика // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». – 2019. № 3(48). – С. 77-83.
4. Книжникова С. В. Актуальность изучения нападений в школах, причины, возможности первичной профилактики // Социальная психология и общество. – 2019. Т.10. №1. – С. 152-168. doi: 10.17759/ sps.2019100109.
5. Новый словарь русского языка Л. И. Ефремовой. – Т. 1: А-О. – М.: Русский язык, 2000. 1209 с.
6. Психиатрический энциклопедический словарь / Й.А. Стоименов и др. – София-Киев, 2003. 1200 с.
7. Толковый словарь по психологии //URL:https://psychology_dictionary.academic.ru/3752/культурно-обусловленный-синдром (дата обращения: 15.05.2020).
8. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. Appendix I. Outline for Cultural Formulation and Glossary of Culture-Bound Syndromes // American Psychiatric Association. Text Revision (DSM-IV-TR). Washington, DC. 2000. Vol. 4. P. 899.
9. Langman P. School Shooters: Understanding High School, College, and Adult Perpetrators. Rowman & Littlefield Publishers, 2015. 272 p.
10. Van Loon F. «Amok and latah», «J.O. Abnormal and Social Psychology». 1928, 9, p. 264-276.
11. The ICD-10 Classification of Mental and Behavioral Disorders. Diagnostic criteria for research. – Geneva, 1992. – С. 214. – 267 с.
12. Scheithauer H., Bondü R. School Shooting. Bedeutung, Hintergründe und Prävention. Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. 121 p.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПОДХОД К ПРЕОДОЛЕНИЮ ДЕЗАДАПТАЦИИ И ДЕВИАНТНОСТИ ПОДРОСТКОВ

Ковтунович Марина Георгиевна,
кандидат педагогических наук, доцент,
ведущий специалист по учебно-методической работе
Религиозной организации – духовной образовательной
организации высшего образования Русской Православной Церкви
«Общecerковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия»,
г. Москва

Аннотация. В статье рассматриваются понятия дезадаптации и девиантных мотиваций, возможности их преодоления с помощью православных методик ресоциализации и реадaptации.

Annotation. The article discusses the concepts of maladjustment and deviant motivations, the possibility of overcoming them with the help of Orthodox methods of resocialization and readaptation.

Ключевые слова: адаптация, дезадаптация, девиантность, социализация, ресоциализация, православные ценности, православное мировоззрение, православные принципы ресоциализации.

Key words: adaptation, maladjustment, deviance, socialization, resocialization, Orthodox values, Orthodox worldview, Orthodox principles of resocialization.

Социальную природу девиантности соотносят с первичной социализацией человека. Ее первоосновой является формирование мотивации, социальных ролей и статусов человека в прошлом и настоящем, если они противоречат друг другу. Мотивационной структуре человека присуща амбивалентность, то есть человек может совершать действия на основе как позитивных (конформных мотивов), так и негативных (девиантных). Социальные роли постоянно меняются в процессе жизни человека, усиливая или конформные, или девиантные мотивации. Причина этого — развитие общества, его ценностей и норм. То, что было девиантным, становится нормальным (конформным), и наоборот.

В связи с этим можно выделить три важнейших фактора в развитии конформности – девиантности. Первый, с нашей точки зрения, это адаптация – дезадаптация к социуму, которая может привести к нормальному социальному поведению или девиантности. Второй – присвоенные ценности и сформированное мировоззрение. От того каковы ценности, присвоенные человеком, зависит его выбор в той или иной ситуации, склонность к девиантному поведению и даже делинквентному или неприятие такового. И, наконец, третьим фактором, способным закрепить нормальное конформное поведение личности и противодействовать девиантным мотивациям являются ментальные ресурсы личности.

Рассмотрим эти три фактора. В частности, адаптация есть сохранение деятельности человека в иных условиях жизни. Человек может самосовершенствоваться только если обеспечена его социализация, что в свою очередь требует социальной адаптации к новым условиям жизни, выработке новых норм человека, адекватных новым нормам среды. Показателем успешной социальной адаптации является его удовлетворенность внешней средой жизнедеятельности, ее соответствие его внутренним потребностям. Поэтому адаптацию рассматривают как процесс, проявление и результат. Адаптация как процесс рассматривается как процесс развития человека, то есть изменение его адаптационных возможностей – его знания, психические свойства, такие как рефлексия, эмпатия, умения понимать себя и окружающих. Развитие происходит на всех этапах жизнедеятельности

человека, в различных социальных средах: в семье, в школьном и других ученических коллективах, в трудовом коллективе, в досуговых группах и прочее. Когда мы говорим о проявлении адаптации, мы говорим о соответствии типичному поведению, пользованию социальными нормами, стереотипам деятельности и поведения. Результат же адаптации проявляется в оценке соответствия или несоответствия социального развития ребенка его возрасту.

Какие же факторы играют позитивную роль в адаптации? В числе наиболее благоприятных факторов можно назвать адекватную самооценку своего положения, правильные методы воспитания в семье, отсутствие в ней конфликтных ситуаций, благоприятный статус в группе сверстников и друзей, адекватное осознание своего положения в группе сверстников, удовлетворенность в общении, функциональная готовность к обучению и развитию [6].

Деадаптация соответственно противоположное адаптации явление и заключается в несоответствии социопсихологического и психофизиологического статуса человека требованиям ситуации жизнедеятельности. При этом деадаптация рассматривается также как и адаптация как процесс, проявление и результат. Как процесс – проявляется в снижении адаптационных возможностей человека, как проявление – выражается во внешней характеристике какого-либо неблагополучия человека и нетипичном поведении, а как результат – качественно новое состояние и проявления поведения, не соответствующие условиям среды [1,3].

Деадаптация детей и подростков приводит к различным последствиям и чаще всего такие последствия носят негативный характер, к ним относятся личностные деформации, нервные расстройства, одиночество. Одиночество подростка приводит к тому, что он остается со своими проблемами один на один и тогда он ищет другую среду, где он может быть востребован. Чаще всего именно такие дети попадают в асоциальную среду, которая дает им мнимое чувство значимости, востребованности, ухода от одиночества. Получается, что в такой асоциальной среде он адаптировался, а в среде социальной он становится деадаптированным ребенком, его поведение будет девиантным, а в самом крайнем случае – делинквентным.

Разработано множество методик, способствующих созданию оптимальных для ребенка средовых условий, побуждающих его к самоактуализации и самоутверждению в социальной среде, стимулирующие их адаптацию. При этом созданы различные специальные службы социально-психологической и педагогической помощи различным категориям населения, оказавшимся в трудной жизненной ситуации: телефоны доверия, кабинеты социально-психологической и педагогической помощи, кризисные стационары и др. Содержание и характер социально-педагогической деятельности определяется теми последствиями, к которым привела деадаптация.

Итак, мы разобрали первый фактор в развитии конформности / девиантности – адаптация/деадаптация. Поэтому сейчас поговорим о втором факторе социализации человека – присвоенные ценности и сформированное мировоззрение. Православные ценности и православное мировоззрение даст возможность подросткам преодолеть в себе девиантные мотивации [4].

В структуре ценностей выделим такие структурные компоненты как когнитивный, мотивационный, эмотивный и креативный. Когнитивный компонент, его сущность в структуре ценностных ориентаций понимается как ненасыщаемая потребность нового, которая придает активность познанию мира и выступает логическим центром ценностно-мировоззренческой системы, а поэтому является основой ценностно-аналитической и творческо-поисковой работы сознания. В этом аспекте ценностно-мировоззренческой фактор социализации связан с ментальными ресурсами личности, которые должны помочь в противодействии девиантным мотивациям и закрепить нормальное конформное поведение личности.

Сущность эмотивного компонента ценностных ориентаций показывает формирование отношения индивида к миру духовных и нравственных ценностей в форме непосредственного переживания [5].

Ресоциализация – целенаправленный процесс восстановления социального статуса личности посредством коррекции ее негативного опыта и организации позитивного опыта общения и совместной деятельности, связанный с удовлетворением потребности в установлении и поддержании позитивных социальных контактов.

Реадаптация человека рассматривается как процесс, проявление и результат. Как процесс, это «реабилитационная деятельность». Это комплекс мер, направленный на стимулирование приспособления человека (группы) на том или ином уровне к определенным условиям внешней среды, восстановление его (ее) адаптационных возможностей. Как проявление – восстановленные адаптационные возможности человека. Как результат – степень восстановленности адаптационных возможностей. Реадаптированный – человек, преодолевший дезадаптацию.

В этом смысле хорошим примером возвращения в социум, реадаптации и ресоциализации подростка является Программа работы Душепопечительского Центра святого праведного Иоанна Кронштадтского (ДПЦ) в Санкт-Петербурге.

Основные принципы православного медико-психологического душепопечения изложил Руководитель Душепопечительского Православного Центра святого праведного Иоанна Кронштадтского, иеромонах Анатолий Берестов:

1. Исповедание Православной веры и привнесение её духовной истины и чистоты во врачебную, психологическую и психотерапевтическую деятельность.

2. Базирование душепопечительской практики на религиозно-философском и психологическом отеческом и святоотеческом наследии.

3. Непринятие оккультно-мистических техник (программирование, кодирование, гипноз, медитация, ребефинг, йога и другие методы воздействия на подсознание), низводящих богоподобную сущность человека до уровня машины или биоробота и связанных с насилием над личностью человека, ложью, лицедейством.

4. Пастырское окормление: пастырские собеседования и проповеди; занятия в группе по изучению Св. Писания; приобщение к церковной жизни: Святые Таинства Крещения, Исповеди, Причастия, Елеосвящения.

5. Литургическая жизнь, совершение молебнов, паломнические поездки по святым местам; духовная реабилитация и воцерковление в условиях монастыря или реабилитационной общины по монастырскому типу [7].

Вот что даёт нам православный подход к реабилитации наркозависимых и больных с другими аддикциями. Здесь мы видим, как идёт перемещение внимания от греховного помысла на молитву и способствующее этому явлению православное содержание обратной связи не даёт соответствующей доминирующей страсти реагировать привычным образом на духовно-душевном уровне. При этом нарушается стереотипная для зависимого больного иерархия реагирования и стереотипная ассоциативная связь. При регулярности участия в БОС-процедурах изменяется стереотип реагирования, особенно на фоне участия в богослужении, личной и коллективной молитвы и христианских Таинствах. Происходит овладение собой, то есть своим внутренним, духовным миром, развиваются осознание своей болезни и уверенность в победе над ней именно с помощью Благодати Божией, религиозное восприятие мира, вера в Бога, и воля [7].

Люди, идущие восходящим путем развития на Земле – это Божественный путь в Православии и достигается через духовное рождение в Боге. Это путь наших Святых отцов, но таких людей на земле минимальное количество. Он самый узкий и трудный из путей развития души, но само информационное поле Всевышнего, содержит минимальное искажение по причине низкого содержания у такого человека эгоистического ума.

На примере проектов службы помощи «Милосердие», которые возникли благодаря общине храма царевича Димитрия при Первой градской больнице, епископ Пантелеимон напомнил о важности развития социального служения внутри церковной общины. «Социальное

служение не может появиться по инструкции, это не механически сконструированное явление. Желание послужить ближним рождается в душе каждого человека, который ощутил себя частью Церкви, частью общины. Это желание растет по мере того, как мы приближаемся ко Христу. И наше служение может приобрести разные формы, исходя из нужд людей рядом», – подчеркнул епископ Пантелеимон [2].

Литература

1. Битянова М.Р., Азарова Т.В., Афанасьева Е.И., Васильева Н.Л. Работа психолога в начальной школе. – М.: Изд-во «Совершенство», 1998. – 352 с.

2. Епископ Пантелеимон на встрече с руководителями и сотрудниками социальных отделов епархий. // Рождественские чтения. Встреча в храме царевича Димитрия при Первой градской больнице. <http://www.diaconia.ru/socialnoe-sluzhenie-eto-estestvennaya-chast-zhizni-cerkovnoj-obshhiny>

3. Заваденко Н.Н., Петрухин А.С., Манелис Н.Г., Успенская Т.Ю., Суворинова Н.Ю., Борисова Т.Х. Школьная дезадаптация: психоневрологическое и нейропсихологическое исследование // Вопросы психологии. – 1999. – №4. – С. 21-28.

4. Ковтунович М.Г. Вопросы подготовки служителей и религиозного персонала религиозных организаций к работе с детьми, попавшими в трудную жизненную ситуацию // Профилактика девиантного поведения детей и молодёжи: региональные модели и технологии: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, 8-10 октября 2019 года / под редакцией Коврова В.В. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. – С. – 426-432. – с. 498.

5. Ковтунович М.Г. Мировоззренческие компоненты и специфика "образа мира" у представителей экстремальных профессий // Российская академия образования. Научно-методический журнал. Мир психологии. М. – Воронеж. 2010. № 2 (62). Апрель – июнь. С. 241-250.

6. Осмоловская И.М. Как помочь детям группы риска адаптироваться к школе // Начальная школа – 2001. – №12. – С. 55-57.

7. Сравнительный анализ православной методики реабилитации и программы "12 шагов" // Миссионерско-Апологетический проект К ИСТИНЕ. Статья руководителя Душепопечительского Православного Центра святого праведного Иоанна Кронштадтского, иеромонаха Анатолий Берестов. http://k-istine.ru/drag/drag_aa-12.htm

УДК: 159.9

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВИД ДЕВИАЦИЙ ПСИХОЛОГА-КОНСУЛЬТАНТА И ЕГО ПРОФИЛАКТИКА

Кожухарь Галина Сократовна,

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», г. Москва

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению последствий эмоционального выгорания психологов-консультантов как особого вида профессиональных девиаций. Анализируются факторы эмоционального выгорания специалистов помогающих профессий, а также предлагаются некоторые рекомендации, направленные как на снижение выгорания, так и на восстановление продуктивной профессиональной работы психологов-консультантов.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, девиации, психолог-консультант, профилактика

Abstract

This article is devoted to the consideration of the consequences of emotional burnout of psychologist-consultants as a special type of professional deviations. The author is analyzed the factors of emotional burnout of specialists in helping professions, and also offers some recommendations aimed at reducing burnout and restoring productive professional work of psychologists-consultants.

Keywords: emotional burnout, deviations, psychologist-consultant, prevention

Процесс обучения представляет собой и процесс развития личности. Теоретически и практически отработанное, проверенное на эффективность профессиональное образование, сочетающееся с общеличным развитием, дает возможность специалисту максимально полно включиться в деятельность, найти алгоритм поведения, ведущий к выработке индивидуального стиля деятельности, к высокому уровню профессионализма [1].

Эффективность деятельности психолога-консультанта определяется не только профессиональными знаниями, специальными навыками, но и личностными свойствами.

Черты эффективного консультанта совпадают с чертами преуспевающего человека, имеющего сформированную зрелую личность: систему взаимосвязанных и взаимодействующих компонентов – способностей, темперамента, характера, волевых качеств, эмоций и мотивации. Успешный консультант должен иметь черты оптимально функционирующего человека, которые были определены еще К. Роджерсом: возрастающая открытость опыту, потребность жить настоящим, усиливается доверие к своему организму, понимание анализа свободы и необходимости в их связи, а также проявление творчества, креативности [8].

Следует отметить, что важными личностными характеристиками консультанта-психолога являются мотивация саморазвития, самоактуализации, умение использовать все свои ресурсы для достижения целей и решения задач психологического консультирования.

Эмоциональная вовлеченность консультантов в процесс взаимодействия с клиентом их стрессу, связанному с работой. Действительно, организационные и эмоциональные требования работы могут вызвать стресс, связанный с высокой нагрузкой. Стресс определяется как «психологическое перенапряжение, ведущие к профессиональной ригидности, напряженности, тревожности, разочарованию и беспокойству, которые возникают из-за работы» [10]. Эта эмоциональная вовлеченность является фундаментальной частью отношений заботы, которая является высоко терапевтической для пациентов [9].

«Профессия практического психолога потому и трудна, что никто не может сказать, что ждет его в итоге и чего будет больше в конце пути – побед, прекрасных, согревающих душу воспоминаний, или незаслуженных поражений, ошибок, раскаяний в грехах, которые не забыть и за которые всегда мучительно стыдно; разочарований, не только в себе, но и в людях и много другого» [2, с. 571].

Психологическое консультирование и психотерапия отнесены к профессиям, подразумевающим большие эмоциональные затраты, ответственность. При этом результаты труда имеют достаточно неопределенные критерии успеха. Это помогающие профессии, накладывающие на личность определенные требования.

В качестве симптомов эмоционального выгорания называют:

- депрессивное состояние,
- утрату способности видеть положительные результаты своего труда,
- чувство усталости и опустошенности, недостаток энергии и энтузиазма,
- отрицательную установку в отношении работы и жизни вообще и другие.

Такие личностные черты, как беспокойство, чувствительность, эмпатийность, интравертированность, гуманность и жертвенность могут выступать в качестве предрасполагающих факторов.

Способствующими появлению синдрома основаниями выступают, прежде всего, потеря смысла самой работы, ее монотонность, большие затраты личностных ресурсов в деятельность

при недостаточности признания и положительной оценки, работа с теми клиентами, которые в прямом смысле таковыми не являются.

Также существенно влияют напряженность и конфликтность в профессиональной среде, избыточная критика и недостаточная поддержка со стороны коллег, отсутствие условий для личностной самореализации, работа без возможности дальнейшего обучения и профессионального совершенствования, неразрешенные внутрилличностные конфликты самого консультанта.

Е. Малер подчеркивает наличие 12 основных и факультативных признаков синдрома сгорания: астенизация – чувство постоянной усталости, пониженный фон настроения с нарастающей тревожностью, психосоматика, кратковременные психогенные реакции в виде сомнений, фобий, навязчивых мыслей; чувство незавершенности контакта и виновности в этом, повышение агрессивности, появление раздражительности и гневливости, изменение отношения к себе, своей профессиональной деятельности, пренебрежение исполнением своих обязанностей, негативное отношение к клиенту, увеличение объема принимаемых стимуляторов (табак, кофе, алкоголь), снижение аппетита или переедание, усиление пассивности, проявляющееся в появлении цинизма, апатии, пессимизма, ощущения безнадежности [3].

Синдром эмоционального сгорания различается от других форм эмоциональной ригидности, которая определяется органическими причинами – свойствами нервной системы, степенью подвижности эмоций, психосоматическими нарушениями. Выгорание представляет собой сформированный стереотип профессионального поведения, эмоционально наполненный и являющийся формой профессиональной деформации. Профессиональная деформация – это изменения личности под влиянием ее профессиональной роли. Профессиональная деформация относится к жизни вне работы, это расширение господства части личности «Я – профессионал» и внедрение ее в часть личности «Я – человек», придя домой психолог ведет себя как специалист. В профессиональной деформации различают изначальные склонности к ней, заложенные в личностных особенностях, и собственно профессиональную деятельность, которая развивает эти личностные особенности, очерчивает и рельефно выпячивает их.

Выбор этой профессии при наличии изначальной склонности к деформации – благоприятный фон, почва, на которой профессия разворачивает свою деформационную деятельность. Такая деформация уже присутствует у студентов, начинающих обучение, когда ломаются стереотипы и обыденные установки и формируется профессиональная картина мира [7].

Наиболее типичные проявления профессиональной деформации: объяснение жизненных проблем психологическими причинами, поведение, лишенное спонтанности, малая подвижность, излишнее самокопание, переживание гнета профессиональных обязанностей и навыков. Это может быть также постоянный поиск людей, которые, якобы, нуждаются в психологической помощи, Специалист теряет способность удивляться, начинает использовать механизмы интеллектуализации и рационализации своих проблем.

По результатам опроса, проведенного кафедрой психологии Ярославского государственного университета под руководством профессора В.А Орела, среди психологов были выявлены следующие закономерности: уровень эмоциональной истощенности выше у женщин – психологов, деперсонализация больше у мужчин, редукция профессиональных достижений не зависит от гендерных различий, у психологов – мужчин при отсутствии семьи профессиональная деформация выше [5].

Влияние профессиональной деятельности на личность психолога очень велико, оно имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Конечно, это личностный рост, проявляющийся в формировании глубокого осознания себя, понимании окружающих, происходящих в жизни событий, анализе жизненных ситуаций, способности к рефлексии, формировании коммуникативных навыков, методов преодоления кризисов и психотравмирующих ситуаций, саморегуляции, эмпатии, познания себя и мира, противостояние чужому влиянию. Но, в то же время, это такой напряженный эмоционально труд, который может приводить к профессиональным деформациям.

К деформациям профессионала могут приводить высокий уровень потребности во власти, доминировании, манипулирование клиентом в своих целях (заработок, самоутверждение и пр.);

нарушение этического принципа распределения ответственности – излишнее принятие ее на себя; демонстрация собственного превосходства над другими людьми за счет знаний и опыта; избыточная «технологичность» и экспериментирование с клиентами – нельзя превращать клиента в своего рода статистический материал. Одним из факторов выгорания является излишняя эмоциональная вовлеченность в рабочий процесс, отказ от решения собственных проблем – внимательное отношение к собственным проблемам и своевременное их решение, соблазн воздаяний – уметь вовремя объяснить себе и клиенту, что получаемый гонорар – это плата не за внимание и доброжелательность, а за время, затраченное на обследование и консультировании [6].

В рамках социально-психологического подхода, к формированию синдрома выгорания приводит специфика самой работы в социальной сфере, которая характеризуется большим количеством нагружающих психику, зачастую, поверхностных контактов с самыми разными людьми [цит. по 4].

Согласно опросу, проведенному среди населения группой психологов ЯГУ, на тему «Образ психолога в сознании населения», предпочтение получили следующие типы межличностных отношений: ответственный-великодушный, сотрудничающий-конвенциальный, властный-лидирующий. Соответственно личностные качества к психологу предъявляются следующие: деликатность, отзывчивость, доброта, сочувствие, доброжелательность; общительность, коммуникативные способности, готовность к сотрудничеству; способность вселять уверенность, умение взять ответственность на себя за свои слова, действия, поведение. У всех испытуемых присутствует навык открытого, естественного и непринужденного общения, умения устранить конфликтность, наладить межличностное взаимодействие.

«Роль теоретического образования, углубленного самопознания, тренингов и семинаров, обсуждение типичных проблем и ситуаций, большое количество зачетов и экзаменов гарантируют душевный комфорт консультанту, но необходимо сформировать в своей личности прочную (в идеале пожизненную) психологическую установку, основой которой является всепрощающая любовь к человеку, только это поможет психологу выстоять, сохранить как потребность не уменьшающуюся с годами желание бескорыстно помогать людям» [2, с. 539].

В качестве некоторых практических рекомендаций, направленных на профилактику личностных деформаций и поведенческих девиаций у консультантов-психологов можно предложить следующие.

С целью повышения успехов в профессиональной деятельности рекомендуются профессиональная переподготовка, переквалификация, получение дополнительного образования.

Для воспитания уверенности в себе, формирования адекватных, соответствующих возможностям личности притязаний и самооценок рекомендуется посещение тренинга ассертивности, тренинга развития эффективного целевого поведения.

Участие в работе тренингов позволит исследовать иерархии существующих ценностей, уровень удовлетворенности достигнутым, применить новые стратегии поведения к целям, позволяющим достичь желаемого.

Развитие рефлексивной позиции по отношению к себе, тренинги эффективности (личностного роста), участие в которых даст возможность исследовать самые различные переживания, мешающие жить более свободно и счастливо, «наработать» новые навыки, приобрести опыт и перенести его в реальную жизнь

Необходимо отметить, что для предупреждения личностных деформаций необходимо исследование синдрома сгорания в разных профессиональных группах и выявление специфики возникновения этого феномена. Также необходима адаптация существующих и разработка новых методов диагностики стресса, определение места понятия «деформация личности» в структуре других понятий, связанных с профессиональным развитием личности.

А. Лэнгле, трактуя эмоциональное выгорание как возникновение экзистенциального вакуума в результате истощения, дает рекомендации в рамках экзистенциального подхода, направленные на преодоление данного синдрома.

Во-первых, консультанту важно быть мотивированным самой работой, ее процессом, а не дополнительными задачами (карьера, заработок, признание и пр.). Важно быть центрированным на клиенте, а не побочных обстоятельствах.

Во-вторых, нужна содержательная мотивация, а не внешняя, формальная мотивация. Иначе сама деятельность будет превращаться только в источник удовлетворения бессознательных эгоцентрических потребностей специалиста.

В-третьих, эмоциональное выгорание отсутствует, если у человека нет какой-то субъективной потребности, дефицита в чем-то. Поэтому особенно важна саморефлексия, которая будет обеспечивать ориентации именно на предмет деятельности, на ее содержание.

В-четвертых, если консультант не воспринимает внутреннюю ценность других людей и свою собственную, это приводит к возникновению прагматической, утилитарной позиции (установки), которая напрямую связана с потерей экзистенциального переживания жизни.

В-пятых, для консультанта существенно иметь внутреннее согласие с тем, что и как он делает, иметь внутреннюю связь с содержанием работы и ощущение ценности своей деятельности.

Наконец, в-шестых, чтобы не возникала внутренняя пустота и раздражительность, следует строить богатые, наполненные отношения как с другими людьми и с деятельностью, так и с самим собой и своим эмоциональным миром [4].

На становление и развитие личности психологов влияют образование и профессиональная деятельность, для успешности и эффективности работы психолога необходимо наличие и того, и другого, их взаимодействие и взаимовлияние. Необходима такая система психологического образования, которая является интеграцией академических знаний, современных психологических и психотерапевтических методик, тренингов и семинаров, подтверждающих теоретические основы изучаемых дисциплин (например, семейная психотерапия, возрастная психология и других); посещение мастер-классов лучших отечественных психологов, стажировки по специальности в медицинских учреждениях.

Литература

1. Бодалев. А.А., Рудкевич Л.А. Как становятся великими или выдающимися. – М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2003. – 286 с.
2. Загайнов Р.М. 314 Проклятие профессии: бытие и сознание практического психолога. – М.: Смысл, 2001. – 571 с.
3. Котова Е.В. Профилактика синдрома эмоционального выгорания: учебное пособие. – Красноярск, 2013. – 75 с.
4. Лэнгле А. Экзистенциальный анализ синдрома эмоционального выгорания // Вопросы психологии, 2008. – № 2. – С. 3-16.
5. Орел В.Е. Структурно-функциональная организация и генезис психического выгорания: дис. д-ра псих. наук: 19.00.03. – Ярославль, 2005. – 449 с.
6. Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / Под ред. Никифорова Г.С., Дмитриевой М.А. – СПб: Речь, 2003. – С. 220-222.
7. Трунов Д.Г. Синдром сгорания: позитивный подход к проблеме // Журнал практического психолога. – М.: МГУ, 1998. – № 8. – С. 84-89.
8. Роджерс К. Клиент-центрированная психотерапия. Теория, современная практика и применение. – М. Апрель-пресс-Эксмо, 2002. – 512 с.
9. Fry, M., MacGregor, C., Ruperto, K., Jarrett, K., Wheeler, J., Fong, J., Fetchet, W. Nursing praxis, compassionate caring and interpersonal relations: An observational study Australasian Emergency Nursing Journal, 2013, 16 (2), pp. 37-44.
10. Lambert, E.G. Minor, K.I., Wells, J.B., Hogan N.L. Social support's relationship to correctional staff job stress, job involvement, job satisfaction, and organizational commitment // The Social Science Journal, 2016, 53, pp. 22-32.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ОСТРАКИЗМА В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Костина Любовь Николаевна,
доктор психологических наук, доцент,
начальник кафедры психологии
Учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности
ФГБОУ ВО «Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя»,
г. Москва

Аннотация. В статье раскрываются теоретические аспекты, связанные с возрастными особенностями подростков и причинами проявлениями в их среде остракизма. Причины проявления и негативные социально-психологические последствия остракизма актуализируют необходимость проведение научного исследования этого феномена, а также применения комплекса профилактических мер, который должны осуществлять все социальные институты. Раскрыты основные направления психологической работы с остракируемыми несовершеннолетними. Показана гуманность и полезность такой совместной работы, поскольку она вносит вклад в развитие не только личности подростка, но и профессионализма, и психологической грамотности субъектов профилактики.

Ключевые слова: остракизм, подросток, группа, психолог, профилактика, социальные институты

Annotation. The article reveals the theoretical aspects related to the age characteristics of adolescents and the reasons for the manifestations of ostracism in their environment. The reasons for the manifestation and the negative socio-psychological consequences of ostracism actualize the need for a scientific study of this phenomenon, as well as the use of a complex of preventive measures, which should be carried out by all social institutions. The main directions of psychological work with ostracized minors are revealed. The humanity and usefulness of such joint work is shown, since it contributes to the development of not only the personality of a teenager, but also the professionalism and psychological literacy of the subjects of prevention.

Keywords: ostracism, teenager, group, psychologist, prevention, social institutions.

Постановка проблемы. В среде несовершеннолетних явление остракизма является распространенным по ряду причин, среди которых проблемы детско-родительских отношений, проявления отвержения и неприятия, изолирования или изгнания по отношению к детям со стороны людей и групп, отклонения в здоровье и состоянии подростков, отсутствие условий для самовыражения потребностей детей и пр. Профилактика данного явления должна иметь цель обеспечения комфортных условий для развития личности подростков и предупреждения более негативных социально-психологических явлений. Актуальность исследования заключается и в том, что в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя осуществляется подготовка обучающихся по специальности - 44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения, специализация социальная педагогика, а также по специальности 37.05.02 Психология служебной деятельности, специализация психологическое обеспечение служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов, квалификация выпускника: психолог.

Целью статьи является теоретическое осмысление роли психолога и его связи с социальными институтами в профилактике остракизма в среде подростков.

Изложение основного материала исследования. Теоретический анализ научных работ, посвященных возрастной психологии и психологии развития подростков, показывает, что в этом периоде возрастает значение групп сверстников. Отличительный признак поведения несовершеннолетних – группирование и общение со сверстниками, где они ищут поддержки, чтобы справиться с физическими, эмоциональными и социальными изменениями подросткового

возраста. Это подтверждается результатами исследования: школьники проводили значительно больше свободного времени с друзьями и одноклассниками, чем с семьей (включая родителей, братьев и сестер), – примерно 50 % в сравнении с 20 %. Оставшееся свободное время они проводили одни [Крейс Г., Бокум Д., с. 533]. В среде себе подобных у подростков формируются навыки взаимодействия, завоёвывание авторитета и желаемого статуса [Кон И.С., с. 72]. Тем не менее, межличностное общение со сверстниками не всегда сопровождается положительными эмоциями. Давление со стороны сверстников, возникающие конфликты могут приводить к чувству одиночества, осознанию себя другими, посторонними, не принадлежащими группе. Самым тяжелым переживанием является одиночество без добровольного согласия, навязанного другими через отвержение, изолирование или изгнание. В психологической литературе среди факторов, подвергающих подростков к риску сильных переживаний, стрессовых реакций, депрессии, выделяют низкую популярность среди сверстников [Крейс Г., Бокум Д., с. 537, 554]. Накапливаемые остракируемым подростком состояния стресса и связанного с ним страданий, предчувствия неопределенной (иногда неосознаваемой) неотвратимо приближающейся опасности со стороны сверстников может способствовать формированию виктимного поведения. Подросток, испытывающий беспомощность в среде себе подобных, может быть вычислен по внешним признакам как жертва, которую могут многократно изолировать и отвергать сначала одни представители группы, а затем и другие. Другими словами, поведение остракируемого как поведение жертвы отличается такими действиями, которые «гарантируют», что подросток окажется пострадавшим от посягательств группы.

Остракизм в среде себе подобных нарушает потребности подростков в контроле, осмысленном существовании, принадлежности, самоуважении [Вильямс К.Д., с. 72]. Следствием острых эмоциональных переживаний могут стать не только одиночество, но и другие отклоняющие реакции остракируемых подростков. Среди отклонений несовершеннолетних от нормы С.А. Беличева выделяет не только социальные отклонения корыстной направленности, агрессивной ориентации, социально-пассивного типа (уклонение от гражданских обязанностей, уход от активной общественной жизни), но и докриминогенный уровень. Несовершеннолетний еще не стал субъектом преступления, тем не менее его криминогенные проявления – асоциальное поведение преступной ориентации [Беличева С.А., с. 46]. Несмотря на то, что радикальное поведение повергаемых остракизму детей может быть отсрочено во времени, оно может выступить в виде совершения убийств, обращения к религиозному культу, экстремизму и пр. [Бойкина Е.Э., с. 133]. Полагаем, что реагированием подростка на отчуждение и непринятие в группе сверстников, даже обоснованные по существу, может стать гипертрофированная в этом возрасте потребность самоуважения, перерастающая в так преступный мотив – «мотив роста» (термин А.И. Долговой), когда он доказывает отвергшей группе, что «я могу», «я – личность». А некоторые формирующиеся психологические особенности личности несовершеннолетнего (слабоволие, подчиняемость, легкомыслие, низкий уровень интеллектуального развития, болезненное самолюбие) или в проявляющиеся в неблагоприятной ситуации эмоциональная возбудимость способствуют совершению преступления в составе группы [Жоченов М.М. и др., с. 44-45].

Проявление остракизма в группах подростков (детском коллективе или учебном классе, дворовой или досуговой компании) является не только психологической, но и социально-психологической проблемой, требующей своего решения. Если группа проявляет остракизм по отношению к одному представителю, то она может легко переключить отвержение и на другую жертву. Срабатывающие социально-психологические механизмы заражения и подражания, с одной стороны, могут усиливать эффекты негативного влияния на каждого представителя таких неблагополучных групп подростков. Аккумулирующий эффект, накопление позитивных и негативных эмоций у подростков становится своеобразным механизмом, запускающим распространение остракизма. С другой, происходит расширение границ проявления остракизма в отношении к другим несовершеннолетним вплоть до обмена, когда остракируемый (жертва) становится остракирующим. Такой своеобразный «перенос» остракизма и «обмен» им на представителей собственной группы и другие формы более радикального, антисоциального поведения приобретают характер вирусного заражения. В этой связи стоит согласиться с мнением

о том, что «чем более привлекательна группа для какого-то ее члена, чем сильнее проявляются по отношению к нему механизмы подражания, заражения, внушения, убеждения. Действует и не всегда отчетливо осознаваемая необходимость сохранять единство и прочность группы, не допускать ее развала, не быть исключенным из группы» [Столяренко А.М., с. 188].

Представленный анализ работ актуализирует ряд проблем, связанных с профилактикой остракизма в группах несовершеннолетних. Безусловно, речь должна идти о комплексном характере применяемых профилактических методов и средств, согласованных и совместных усилиях различных социальных институтов, рассчитанных на грамотное использование психологических особенностей несовершеннолетних и группового поведения в подростковой среде, применение конструктивных психологических и педагогических методов и приемов, а также понимание причин остракизма в среде подростков.

Проводимая в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя научно-исследовательская работа, в частности эмпирическое исследование, позволит более глубоко разобраться в причинах остракизма в подростковой среде для разработки психологических и педагогических рекомендаций, адресованных социальным институтам. Обозначим основные направления работы психологов, чьи функции призваны обеспечить психическое здоровье и благополучие подростков, подвергаемых остракизму в среде сверстников. Подчеркнем, что использование методов, форм, приемов и средств профилактики должно основываться на соблюдении требований: уважение личности гражданина, гуманизация, индивидуализация и дифференциация педагогической профилактики.

Первое направление: психологическая работа с такими «жертвами остракизма» в группах сверстников должны опираться на изучение психологических особенностей личности подростка и социально-психологическое изучение его ближайшего окружения. Субъектами исследования должны выступать не только сам подросток, но и семья, различные группы, в состав которых он входит, а также референтные группы. Для объективности информации необходимо использовать совокупность методов психологического исследования, а для анализа проводимой психологической работы осуществлять исследования на всем протяжении оказания помощи подростку. В процессе изучения подростка, семьи и социальных групп необходимо использовать комплексный подход, который основан на изучении и анализе факторов риска: психологических (личностных), психосоциальных и функциональных (поведенческих). Такой подход позволяет определить причины возникновения остракируемости данного подростка.

Второе направление – психологическое просвещение по вопросам причин и проявления остракизма среди подростков, обучение родителей и педагогов социально- и профессионально-важным навыкам и качествам при помощи тренингов: преодоления стрессов, развития навыков конструктивного общения и конструктивного разрешения конфликтов, создание и поддержания благоприятного социально-психологического климата, оказания психологического воздействия на подростка и пр. В рамках данного направления усилия субъектов социализации должны быть направлены на уравнивание факторов, которые помогут подростку преодолеть трудности, связанные с остракизмом, а также возрастными проблемами:

а) в первую очередь, обеспечение защищающих и поддерживающих отношений подростка с родителями/близкими и сверстниками. Разъяснительная работа с членами семьи и подростком, учителями и педагогами, проведение психологических консультаций и семейной терапии должны проводиться с целью – создание благоприятных ежедневных условий для удовлетворения потребности подростка в самоуважении, принадлежности к группе. Для повышения эффективности такой работы необходимо применять методы и приемы, оказывающие воздействие на когнитивную и эмоционально-волевую сферу психики несовершеннолетнего;

б) поиск и определение особой и дополнительной области («зоны комфорта») для реализации, проявления образа «Я» подростка – спорт, музыка, хобби, ремесло или учебный предмет, где он может повысить свой социальный статус. Психологическое просвещение должно быть направлено на раскрытие родителям, учителям и самому подростку психологического потенциала ребенка, его нераскрытых возможностей и способностей должна сочетаться с поддержкой и грамотным применением методов и приемов мотивирования к социально-полезной и интересной деятельности. С учетом возрастной психологии подросткам в работе с ними

необходимо использование установок на развитие и саморазвитие, акцентируя внимание на необходимость учиться, работать самостоятельно, уверенно, организованно и упорно;

в) актуализация для подростка ответственности за других людей – младших братьев и сестер, престарелых родственников, животных. В индивидуальной работе необходимо разъяснять подростку о том, как устанавливать приоритеты в ценностях, смысле жизни, проявлять гибкость в реагировании на проблемы и трудности, уверенность и чувство контроля в ситуациях, в которых от его ответственности и грамотного поведения зависит здоровье и жизнь младших, пожилых, более слабых людей.

Третье направление работы психолога совместно с родителями и учителям целесообразно связать с обучением подростка. Речь идет о формировании у подростков навыков использования конструктивных копинг-стратегий для преодоления стрессов (достижение цели собственными силами, обращение за помощью к другим людям, тщательное обдумывание проблемы и различных путей ее решения, изменение своего отношения к проблемной ситуации и т.д.), общения и конструктивного разрешения конфликтов.

Четвертое направление – по запросам и необходимости оказание кризисной помощи подросткам, семье, которые оказались в сложной жизненной ситуации, в т.ч. проведение психокоррекционных мероприятий (индивидуальных и групповых) в специально оборудованных кабинетах.

Пятое направление – психологическая работа по созданию оптимального социально-психологического климата в коллективах и группах, представителем которых является подросток.

Указанные направления и мероприятия целесообразно проводить психологам как самостоятельно, так и совместно с родителями и педагогами. Гуманность и полезность такой совместной работы – очевидна, т.к. и процесс и результат работы позволит накапливать и обогащать опыт оказания психологической помощи остракируемому подростку, внося вклад в развитие не только его личности, но и собственного профессионализма субъектов профилактики.

Вывод: Таким образом, явление остракизма среди несовершеннолетних обусловлено возрастными особенностями, а также некоторыми личностными предпосылками. Профилактика этого поведения должна строиться на объединении усилий психологов, семьи и педагогов, а также принятии комплекса своевременных мер – психологической диагностики, психологического консультирования и коррекции, психологического просвещения – и уравнивание факторов, которые помогут подростку преодолеть трудности, связанные с остракизмом. Совместная работа указанных субъектов профилактики и самого подростка должна отличаться сплоченностью, профессионализмом и мобильностью. Запланированное к проведению научное исследование, осуществление сбора эмпирического материала и подготовка учебно-практического пособия призвано расширить перечень психологических и педагогических методов и приемов воздействия на несовершеннолетних, подвергаемых остракизму в группе сверстников.

Литература

1. Беличева С.А. Психологическое обеспечение охранно-защитной превенции отклоняющегося поведения несовершеннолетних (в соавторстве). – М. РИЦ Консорциума "Социальное здоровье России", 2003. – 224.

2. Бойкина Е.Э. Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 127–140. doi:10.17759/psylaw.2019090310

3. Williams K.D., Nida S.A. Ostracism: Consequences and Coping // Current Direction in Psychological Science. 2011. Vol. 20. Iss. 2. P. 71—75. doi: 10.1177/0963721411402480

4. Кон И.С. Психология ранней юности. – М., Просвещение, 1989. – 256 с.

5. Крейс Г., Бокум Д. Психология развития. – 9-е изд., СПб: Питер, 2020. – 940 с.

6. Столяренко А.М. Психология и педагогика: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 544 с.

7. Коченов М.М., Ефимова Н.И., Кривошеев А.С., Ситковская О.Д. Изучение следователем психологии обвиняемого: Методическое пособие. – М., 1987. – 52 с.

ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ ПОВЕДЕНИЕ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА: ПРИЧИНЫ, ПРОФИЛАКТИКА И КОРРЕКЦИЯ

Кот Тамара Алексеевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогического мастерства учителей начальных классов и воспитателей дошкольных учреждений
Гуманитарно-педагогической академии (филиал)
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялте

Аннотация. В статье определены причины отклоняющегося поведения детей дошкольного возраста, намечены пути профилактики и коррекции выявленных отклонений.

Ключевые слова: дошкольники, ребенок, девиантное поведение, родители, педагоги дошкольных образовательных организаций.

Annotation. The article identifies the reasons for the deviant behavior of preschool children, outlines the ways to prevent and correct the identified deviations.

Key words: preschoolers, child, deviant behavior, parents, teachers of preschool educational organizations.

Постановка проблемы. Дошкольное детство – важный период в становлении личности, формировании стиля ее дальнейшей жизни, манеры поведения. Детство должно быть полноценным, наполненным яркими красками восприятия мира, радостным времяпровождением с близкими и родными людьми, ровесниками. Взрослые несут полную ответственность за психологически грамотное развитие дошкольника, полноценное развитие возможностей, имеющихся у ребенка. Оказание своевременной квалифицированной помощи помогает снизить риск возникновения девиации в поведении дошкольников, способствует изменению нежелательных черт в поведении и характере ребенка.

Целью статьи является уточнение понятия «девиантное поведение», выявление причин возникновения девиаций у детей дошкольного возраста, определения методов коррекции и профилактики аномальных проявлений в поведении детей.

Изложение основного материала исследования. Современное педагогическое сообщество, психологи, родители обеспокоены значительно возросшим количеством детей дошкольного возраста, демонстрирующих агрессивное поведение, непослушание, нежелание обучаться, отсутствие умений общения в детском коллективе. И это не удивительно, ведь с экрана телевизора сегодня льется поток негативной информации, дошкольники в реальной жизни наблюдают проявление хамства, невоспитанности, жестокости со стороны взрослых. А для ребенка дошкольного возраста важен пример поведения окружающих, которым он старается подражать, именно в этот период вырабатывается стиль его жизни и поведения.

В дошкольном возрасте проблемное поведение (негативизм, плаксивость, агрессия) часто называют девиантным, отклоняющимся, аномальным, асоциальным, неправильным. Педагоги называют детей с таким проявлением поведения «трудными», а психологи – с девиантным поведением. Девиантное поведение характеризуется учеными как отклонение от нормы (имеется ввиду социальная – приемлемая для того или иного общества) [6].

Понятие «девиантность» Л.Б. Шнейдер трактует как «результат нежелания ребенка приспособиваться к общественным правилам, адаптироваться в социуме». В своей книге «Девиантное поведение детей и подростков» Л.Б. Шнейдер указала на несколько подходов к определению девиантности: «В педагогике девиантность – это социальные явления, представляющие угрозу социальному и физическому выживанию человека в ближайшем окружении, определенной общественной среде. Эти явления становятся преградой для саморазвития и самореализации в социуме.

В психологии девиантное поведение детей определяется ошибочным антиобщественным образцом решений конфликтных ситуаций и полным игнорированием истинной реальности, что приводит к нарушению принятых норм и нанесению ущерба себе и окружающим.

В медицине отклоняющееся поведение рассматривается с точки зрения «нервно-психического здоровья» [7].

Учеными предложены различные типы нарушений поведения. Например, отечественным педагогом И.П. Подласым, – непослушание, шалость, озорство, проступок, негативизм, упрямство, капризы, своеволие, грубость, недисциплинированность, агрессия. Отклоняющееся, неправильное поведение ученый относит к социально-психологическому понятию (зависит от норм, принятых в конкретном обществе) [4]. М.Э. Вайнером предложены такие типичные формы нарушения поведения дошкольников, как импульсивность, демонстративность, протест, агрессия, недисциплинированность, симптоматичное поведение [3]. Т.С. Смирновой определены виды отклонений поведения в дошкольном возрасте – агрессивное поведение (драки, разрушительное отношение к вещам; оскорбления, ругательства), гиперактивное (чрезмерная психическая и моторная активность) и демонстративное (главная цель – самоутверждение и поощрение; реакция на стресс неадекватная с проявлением истерики, скандалов, неврастении) поведение [6].

Педагогам дошкольных образовательных организаций, родителям необходимо обратить внимание на отклонения в поведении ребенка, при этом учитывать причины. А они, как правило, разнообразны и сложны, выявить одну очень сложно. Несформированность базисного чувства доверия к окружающему миру и ощущения безопасности – одна из причин отклонений в поведении дошкольников.

Исследования Н.А. Бокалиной [2] свидетельствуют, что часто в основе проблемного поведения дошкольника лежит несколько причин (табл.1).

Таблица 1.

Причины девиантного поведения дошкольников (по Н.А. Бокалиной)

Медико-биологические	Социально-психологические	Психолого-педагогические
Наследственные (полученные от родительских ген)	Семейное неблагополучие: неполная семья (воспитанием занимается один из родителей)	Недостаточное развитие эмоционально-волевой сферы ребенка
Врожденные (вызваны внутриутробными поражениями плода во время беременности)	конфликтная семья (постоянные психологические конфликты, разговоры на «повышенных» тонах)	Вседозволенность со стороны родителей или отрицательный пример поведения
Приобретенные (нарушения жизненного процесса ребенка)	асоциальная семья (родители своим негативным поведением показывают негативный пример детям)	Педагогическая запущенность ребенка

Девиантное поведение ребенка-дошкольника – сигнал о помощи, вызов, который свидетельствует о возникших трудностях с преодолением сложных жизненных обстоятельств.

Уверенность родителей в правильности выбора воспитательной позиции, неподкрепленная знаниями основных законов психического развития ребенка, часто оказывается ошибочной.

Анализ литературы свидетельствует о разработанности спектра условий профилактики девиантного поведения дошкольников. По мнению Л.И. Божович, девиантное поведение ребенка – это его защитная реакция, которая формируется в результате противоречивостей требований к ребенку со стороны родителей [1].

Негативный стиль общения родителей с ребенком характеризуется использованием вербальных оскорблений, приказов, угроз, обвинений, игнорирование чувств и желаний

ребенка. Следовательно, одним из главных условий профилактики девиантного поведения дошкольника, по мнению Е.В. Петровой, – организация работы с родителями (выявление таких факторов семейного воспитания, которые обуславливают отклоняющееся от норм поведение ребенка, а также формирование конструктивных форм взаимодействия родителей с ребенком, способствующих предупреждению детской агрессивности [5]).

Что же можно посоветовать родителям детей дошкольного возраста. Прежде всего, установить и сохранить отношения взаимного уважения и равноправия; создать такие условия, при которых негативное поведение ребенка станет бессмысленным и неуместным; уметь определить ошибочную цель поведения дошкольника и помочь ребенку распознать ошибочную цель (при этом не предъявлять никаких обвинений); научиться не только фиксировать свое внимание на возникших проблемах, но и способствовать их разрешению; объединить совместные усилия и признать, что только вместе возможно добиться большего. На сегодня каждый родитель должен помнить о том, что:

- если ребенка высмеивают – он становится замкнутым;
- если ребенок растет в упреках – он учится жить с чувством вины;
- если ребенок живет во вражде – он учится быть агрессивным;
- если ребенка постоянно критикуют – он учится ненавидеть.

И здесь уместно вспомнить английскую поговорку: «Не воспитывайте детей, все равно они будут похожи на вас. Воспитывайте себя».

Работа с родителями может заключаться в проведении медицинским персоналом дошкольных образовательных организаций просветительских бесед-консультаций о соблюдении режима дня (для родителей, имеющих гиперактивных детей), о причинах агрессивного детского поведения и приемах «сглаживания» агрессивных вспышек (для родителей, имеющих детей со склонностью к агрессивному поведению), о необходимости уделять больше времени общению с ребенком, вреде гиперопеки (для родителей детей с демонстративным характером).

Методами и приемами профилактики девиантного поведения детей дошкольного возраста могут служить песко- и сказкотерапии, методы групповой (музыка- и арт-терапии, ролевые, хороводные, подвижные игры, но без соревновательного плана) и индивидуальной работы (лепка, рисование, придумывание историй).

Выводы. Педагогам дошкольных образовательных организаций и родителям следует как можно меньше сравнивать деятельность детей с другими, противопоставлять друг другу. И только в совместной деятельности – педагогов и родителей детей дошкольного возраста – происходит коррекция детского поведения, и ребенок усвоит элементарные знания, а также нормы и общепринятые правила поведения.

Литература

1. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – М.: Просвещение. – 2011. – 64 с.
2. Бокалина Н.А. Девиантное поведение дошкольников / Н.А. Бокалина, И.А. Рясина // Молодой ученый. – 2019. – № 47 (285). – С. 451-453.
3. Вайнер М.Э. Игровые технологии коррекции поведения дошкольников / М.В. Вайнер // Педагогическое общество России. – М., 2004. – 95 с.
4. Гонеев А.Д., Леофинцева Н.И., Яллаева Н.В. Основы коррекционной педагогики / Гонеев А.Д. – М.: Академия, 2007. – 424 с.
5. Петрова В.Е. Педагогические условия профилактики агрессивного поведения детей старшего дошкольного возраста / Е.В. Петрова // Молодой ученый. – 2016. – № 11 (115). – С. 1514-1515.
6. Смирнова Т.С. Причины девиаций поведения у детей дошкольного возраста / Т.С. Смирнова // Молодой ученый. – 2016. – № 20 (124). – С. 654-657.
7. Шнейдер Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2007. – 336 с.

ЛИДЕРЫ МНЕНИЙ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ КАК РЕСУРС ДЛЯ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ¹

Кузнецова Елена Андреевна,
кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры психологии личности
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
г. Санкт-Петербург

Зиновьева Елена Викторовна,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии личности
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В представленной статье описываются результаты двух исследований лидеров мнений в социальных сетях среди молодежи: в сфере гендерных установок и в сфере профессионального самоопределения. Исходя из представлений о сложном, двухэтапном взаимодействии лидера мнений и его аудиторий, на примере представленных исследований описывается методология определения лидеров мнений через оценку степени согласия с их посланиями молодежью. Делаются выводы о возможном использовании технологии выделения лидеров мнений в цифровой среде в целях мониторинга и профилактики девиантного поведения среди молодежи.

Ключевые слова. Лидеры мнений, социальные сети, подростки.

Annotation. The presented article describes the results of two studies devoted to the opinion leaders in social networks among young people: in the field of gender attitudes and in the field of professional self-determination. Based on the notions of a complex, two-stage interaction between an opinion leader and his audience, the presented studies describe a methodology for determining opinion leaders by assessing the degree of agreement with their messages by young people. Conclusions are made about the possible use of the technology for identifying opinion leaders in the digital environment in order to monitor and prevent deviant behavior among young people.

Keywords. Opinion leaders, social networks, adolescents.

Постановка проблемы. Социальные сети – часть жизни современного подростка. По данным разных исследователей, практически все подростки (92%) выходят во Всемирную Сеть ежедневно, и абсолютное большинство из них пользуется теми или иными социальными сетями. Переход в социальные сети влечет за собой преломление в цифровой среде всех процессов, сопровождающих жизнь молодых людей в пространстве «оффлайн»: в процессе формирования собственной идентичности и мировоззрения они общаются со сверстниками, формируют группы, определяют лидеров, в том числе – лидеров мнений, к которым затем будут прислушиваться. В отличие от «реального» пространства, где лидером мнений, как правило, становится известный человек в результате длинного общественного пути, на которое требуется время, лидером мнения в цифровой среде может стать практически любой человек, имеющий выход в Сеть, вне зависимости от его предыдущих заслуг и внимания средств массовой информации. В связи с этим социальные сети часто становятся площадкой для неформальных лидеров и инструментом для координации разного рода неформальных сообществ. Такие сообщества, могут объединять и подростков с девиантным поведением.

---

¹Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №20-013-00738 «Влияние мнения лидера поколения в цифровой среде на ценностные установки поколения Z».

Выявление лидеров мнений в цифровой среде позволит оптимизировать мониторинг таких сообществ и стать ресурсом для профилактики девиантного поведения среди молодежи.

Целью статьи является теоретический и эмпирический анализ возможностей выявления лидеров мнений молодежи в цифровой среде, а также возможности использования данного метода в сфере профилактики девиантного поведения среди молодежи.

Изложение основного материала исследования. Современные исследования показывают, что социальные сети стали важной частью жизни подростков. По данным социологов, в социальных сетях они проводят от 2 до 10 часов в сутки, при этом 92% подростков выходят в сеть Интернет «каждый день», и 24% – «почти постоянно», 71% подростков являются пользователями более, чем одной социальной сети (Lenart, 2015). Общепринятым становится мнение, что молодые люди живут так называемой «цифровой жизнью», и, значит, оптимальным способом взаимодействия с подростками становятся социальные сети.

Известно, что именно подростковый возраст является возрастом, в котором социальная среда максимально влияет на формирование собственной идентичности подростка и его мировоззрения (Эриксон, 2002). В этом же возрасте подростки склонны искать и находить для себя кумиров и лидеров, через идентификацию с которыми они формируют как самоощущение, так и мировоззрение. Таких людей можно назвать лидерами мнений молодежи.

Понятие «лидер мнения» было предложено Полом Лазарсфельдом в 1955 году, автор определял лидера мнения как человека, активно распространяющего свою точку зрения и способного повлиять на мнение окружающих (Lazarsfeld, 1955). Современные авторы выделяют лидеров мнения для конкретной аудитории и по конкретному вопросу. Лазарсфельд и Катц выделяли три элемента, необходимых для появления «лидера мнения»: персональные качества, компетенция в выбранном вопросе и подходящая социальная позиция. Стоит отметить, что в современной литературе встречаются понятия, синонимичные понятию «лидер мнения», в том числе популярный ныне термин «инфлюэнсер».

На современном этапе исследования, связанные с определением лидеров мнений, ведутся в нескольких направлениях – как в бизнес и маркетинговых целях, так и в области охраны общественного здоровья и порядка. Одним из наиболее перспективных направлений исследований лидеров мнений среди молодежи нам представляется исследование влияние лидеров на формирование мировоззрения, идентичности и ценностных установок молодежи, в том числе – их отношение к тем или иным социальным нормам.

Ранее нами было проведено два исследования, направленных на выявление лидеров мнений среди молодежи и отношения молодых людей к посланиям, транслируемым лидерами мнений. В первом исследовании изучались гендерные (N=191, M=17,1 лет), а во втором исследовании – профессиональные (N=203, M=16,42 лет) установки, транслируемые лидерами мнений в русскоязычном сегменте социальной сети YouTube (Зиновьева, Кузнецова, 2020). В обоих исследованиях для выявления лидеров мнений использовался метод опроса, проведенного онлайн среди молодежи из крупных городов России в возрасте 15-18 лет в социальных сетях. Респондентов просили указать, какие каналы они смотрят чаще всего. Важно отметить, что в обоих исследованиях при определении наиболее популярных YouTube каналов были получены сходные результаты: молодые люди чаще всего указывали одних и тех же авторов, а каналы носили преимущественно развлекательный характер. Было выявлено, что наибольшей популярностью пользуются каналы юмористической направленности, далее расположены каналы политической и научно-популярной тематики, и лишь один наиболее часто встречаемый канал имел публицистическую направленность. В обоих исследованиях среди наиболее популярных каналов были указаны такие, как: «Вдудь», «Поперечный», «КликКлак», «Топлес», «BadComedian».

После выявления методом прямого опроса наиболее популярных каналов, в обоих исследованиях схожим образом был проведен контент-анализ их содержания. В первом исследовании, посвященном гендерным установкам, было выделено 56 цитат, объединенных

в 19 посланий лидеров мнений к своей аудитории по исследуемой теме. Было выявлено, что большинство транслируемых гендерных установок содержат традиционные гендерные стереотипы, которые можно отнести к гендерным предубеждениям в отношении женщин и мужчин. Среди транслируемых установок преобладали установки, сфокусированные на оценке поведения (например, «мужчинам не нужно заботиться о своей внешности и уходе за собой»), вторыми по частоте встречались установки, описывающие когнитивные особенности (например, «у женщин слабо развито чувство юмора в сравнении с мужчинами»), в наименьшей мере установки касались эмоциональной сферы (например, «девушки часто обижаются из-за пустяков»). Анализ отношения аудитории к транслируемым установкам показал, что молодые люди скорее не согласны с транслируемыми установками (51,6% опрошенной выборки), в то же время 28,4% опрошенных согласились с большинством транслируемых установок, и 20% продемонстрировали амбивалентное отношение. При сравнении выделенных по степени согласия с транслируемыми установками групп, выявлены различия по уровню личностной конформности (опросник «Я мужчина/женщина» Л.Н. Ожеговой) и интенсивности религиозных, моральных и эстетических влияний (опросник «установки к сексу» Г. Айзенка). Подростки, выразившие согласие с транслируемыми установками (вне зависимости от их содержания), демонстрировали более высокий уровень конформности.

Во втором исследовании, посвященном установкам в профессиональной сфере, были выделены 130 цитат, объединенных в 10 посланий лидеров мнений к своей аудитории, касающихся выбора профессии, образования, опыта и уровня профессиональной компетентности, отношения к оплате труда, предпочитаемого графика работы, значимости карьерного роста. При анализе отношения аудитории к транслируемым установкам методом кластерного анализа было выделено две модели: модель ориентации на личный комфорт (этой модели оказались привержены 70% участников опроса) и модель ориентации на профессионально-личностное развитие (этой модели оказались привержены 30% участников опроса). Первая модель характеризуется меньшей значимостью последовательного профессионального роста, меньшей ценностью образования, важностью свободного времени и значимостью факторов, не связанных напрямую с профессиональным развитием. Вторая модель характеризуется высокой степенью согласия с посланиями, призывающими заниматься тем, что интересно, найти дело по душе, делиться своими идеями, получать удовольствие от процесса деятельности и при этом хорошо выполнять свою работу, также в этой модели подчеркивается высокая ценность профессионального образования. Подростки, демонстрировавшие согласие со второй моделью, также демонстрировали более высокую приверженность традициям и следованию правилам. Различия выявлены по следующим шкалам ценностного опросника Ш. Шварца: «Безопасность: общественная» ($p < 0,01$), «Традиции» ($p < 0,01$), «Конформизм: правила» ($p < 0,01$).

Таким образом, в двух проведенных исследованиях показано, что согласие с утверждениями лидеров мнений молодежи демонстрируют в первую очередь подростки, склонные к конформизму и приверженные традициям общества. Однако стоит отметить, что взаимосвязь между лидерами мнений и подростками не является прямой: на этапе выбора тех или иных каналов для просмотра, подростки ориентируются на высказывания, которые согласуются с их собственными представлениями и моделями в той или иной жизненной сфере. И лишь затем можно говорить о формировании дальнейшего взаимного влияния, что является предметом современных исследований в области анализа феномена лидерства в социальных сетях.

Описанные исследования раскрывают потенциал выявления лидеров мнений среди молодежи в социальных сетях и степень согласия молодежи с транслируемыми посланиями. С одной стороны, послания, транслируемые лидерами мнений, в первую очередь могут оказать влияние на подростков, имеющих конформные черты, что достаточно часто встречается среди молодежи, вовлеченной в девиантные группировки. С другой стороны, оценка степени согласия молодежи с транслируемыми посланиями может использоваться для

прогнозирования поведения подростков, в том числе – в нравственной сфере и сфере правопорядка, поскольку отношения между лидером мнения и его аудиторией – живой динамичный процесс, где аудитория откликается на мнение лидера, но и лидер также откликается на мнение своей аудитории. По нашему мнению, именно степень согласия с утверждениями и посланиями лидера может определять силу этого взаимного влияния.

Выводы. Выявление лидеров мнений среди молодежи в цифровой среде и их привлечение в психологические и социальные программы, направленные на повышение правового самосознания подростков, а также повышение уровня информированности о манипулятивных способах привлечения внимания, используемых разными сетевыми сообществами, особенно среди уязвимых групп подростков, обладающих конформными чертами, может являться ресурсом для профилактики девиантного поведения среди молодежи.

Литература

1. Lenhart, A. Pew Research Center, April 2015. Teen, Social Media and Technology Overview. URL: <http://www.pewinternet.org/2015/04/09/teens-social-media-technology-2015/> (дата обращения: 30.07.2020)
2. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: «Академия», 2002, 208 с.
3. Lazarsfeld P., Katz E. Personal Influence: The Part Played by People in the Flow of Mass Communications. New York: Free Press Publ., 1955, 400 p.
4. Зиновьева Е.В., Кузнецова Е.А. Отношение молодых людей к гендерным установкам, транслируемым лидерами мнений в русскоязычном сегменте социальной сети YouTube // Вестник СПбГУ. Психология. – 2020. – Т. 10. – Вып. 2. – С. 142-157.

УДК: 37.011.32 + 37.064.2

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ДЕТСКОЙ ШАЛОСТИ В РАМКАХ КОНСТРУКТА «ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ»¹

Куприянов Борис Викторович,

доктор педагогических наук, профессор департамента педагогики
Института педагогики и психологии образования

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», г. Москва

Лебедев Роман Сергеевич,

ассистент департамента педагогики

Института педагогики и психологии образования

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», г. Москва

Смирнова Ирина Эдуардовна,

кандидат педагогических наук, доцент департамента педагогики

Института педагогики и психологии образования

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», г. Москва

Аннотация. В статье представлена попытка ввести в научный оборот, охарактеризовать и теоретически обосновать явление детской шалости как естественного атрибута жизни ребенка. Для конструирования целостного концепта «детская шалость» авторы используют широкий диапазон подходов и концепций: сопоставительный анализ терминов аналогов в английском языке, трансактный анализ Э. Берна, положения о карнавальной культуре М.М. Бахтина. Важным элементом исследования является

---

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00890.

позиционирование детской шалости в сфере девиантного поведения детей и подростков. Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00890.

Summary. The article attempts introduce, describe, and theoretically justify phenomenon children's prank as one of natural features childhood. According to author, children's prank deserves to be conceived as particular category due many descriptions this phenomenon in children's literature. Author defines features children's prank as particular socio-educational phenomenon on basis Mikhail Bakhtin ideas and culture folk humor [narodno-smekhovaya kul'tura], and Eric Berne's theory of transactional analysis. An important element of the research is the positioning of children's pranks in the sphere of deviant behavior of children and adolescents. The research was carried out with the financial support of the RFBR, project no.18-013-00890.

Ключевые слова: детская шалость, научная терминология в социальной педагогике, девиантное поведение.

Keywords: children's prank, scientific terminology in social pedagogy, deviant behavior.

Постановка проблемы. Одним из традиционных недостатков педагогических исследований является то, что объектом изучения становятся зачастую не жизненная реальность участников образовательных отношений, а лишь модели и проекты деятельности, специально организуемых в целях развития (формирования, обучения, воспитания и т. д.) обучающихся. Названная тенденция касается значительного числа социально-педагогических явлений, на существование которых наука об образовании (воспитании) многие десятилетия закрывает глаза. Один из примеров научного неформата – «детская шалость». Исследование в 2016-17 гг. нарративов о пионерском лагере 50-80-х гг. прошлого века позволило нам зафиксировать типичный фрагмент действительности, определить наименование которого удалось не сразу. Обсудив создавшиеся обстоятельства с такими экспертами как И. Д. Демакова, А. Г. Кирпичник, А. М. Сидоркин, мы убедились, что эти явления можно идентифицировать в качестве «детской шалости». Своего рода поддержку в том момент мы почерпнули в известных литературных произведениях «Приключения Тома Сойера», «Малыш и Карлсон, который живет на крыше», «Мастер и Маргарита», «Гарри Поттер и узник Азкабана», где детская шалость выступает естественным атрибутом жизни ребенка. Кроме того, в огромном числе фильмов о детях мы нашли множество ярких художественных образов и портретов шалунов и описаний их шалостей.

Теоретические обобщения по результатам этих исследований были представлены на Втором общероссийском Форуме «Детский лагерь как новое образовательное пространство» (МДЦ «Артек», 5-7 октября, 2017 г.), на Всероссийской научно-практической конференции «Детский лагерь как социокультурный феномен: исследования и практика реальности и перспектив развития» (Новосибирск, 15 ноября 2017 г.), на теоретическом семинаре Института педагогики и психологии МГПУ «Детские шалости: опыт исследования» (Москва, 23 ноября 2017 г.).

Анализ различных научных источников позволил выяснить, что шалость дошкольников как специфическую форму детской активности зафиксировала А.А. Люблинская в 1971 году. Сорок лет назад автор признавалась, что «природа шалостей почти не изучена». По нашим данным, первое, и до настоящего времени единственное целенаправленное исследование детской шалости осуществил В.І. Сіткар в рамках своей диссертационной работы «Психологические особенности возникновения и проявления детских шалостей» (Киев, 1996). Значительно позже, в 2017 году. появилась статья И. М. Дугина и А.А. Лугового, в которой шалости рассматривались в контексте нравственного воспитания. В том же году мы попытались представить концепт детской шалости как явления общения в социально-психологическом, философско-культурологическом и социально-педагогическом аспектах [4]. Исследовательским коллективом под руководством Б.В. Куприянова в 2017 г. были начаты исследования детской шалости в различных пространствах жизни ребенка (А.В. Кудряшев, Р.С. Лебедев, Я.Ю. Мощенская, И.Э. Смирнова), к обсуждению проблемы детской шалости присоединилась и П.И. Арапова.

Исследование в рамках магистерской диссертации Я.Ю. Мощенской (2018 г.) позволило выявить широкий спектр явлений и оттенков в существовании детской шалости, а также преобладающее отношение у воспитателей дошкольных образовательных организаций к шалостям дошкольников как к проявлению девиантного поведения. Публикации различных фрагментов социально-педагогической реконструкции детской шалости как элемента жизненного мира советских школьников в российских и американских журналах [3;4;5;8] позволило очертить границы и собрать значительный фактический материал для обобщений. К 2020 году возникло противоречие между первоначальным представлением о явлении и накопленными эмпирическими данными, выводами, осмыслением новых источников.

Цель статьи – уточнить сущность детской шалости как социально-педагогического явления, определить допустимость позиционирования детской шалости как проявления девиантного поведения детей и подростков.

Изложение основного материала исследования. Анализ словарей Т.Ф. Ефремовой и Д.Н. Ушакова позволяет зафиксировать две трактовки шалости, во-первых, как поступка, совершаемого для забавы (веселья) в качестве шутки, проделки, проказы, во-вторых, как «работа, занятие, которым не придается серьезного значения».

И.Э. Смирнова обратила внимание на различные оттенки значения понятия «детская шалость», опираясь на сопоставление английских аналогов, а именно:

- *по сложности и осознанности действия* - сложное многоходовое действие, являющееся результатом осуществления сложного и хитроумного плана («проделка», «sly» англ., «хитрый», «лукавый»);

- *по предмету действия* – причинение неудобства, неприятностей, страданий, создание дискомфорта жертве - объекту шалости («*mischief*» англ., «злое озорство, приносящее беду», «*prank*» англ., «розыгрыш»);

- *по характеру скрытости – открытости*: с одной стороны шалость это – скрытое действие, где скрытость выступает как результат действия шалуна («*trick*» англ., «трюк», «финт», «обман», «хитрость», «ухищрение», «коленце»), с другой стороны – шалость предусматривает публичность и демонстративность («эскапада», «эпатаж») и направлена на то, чтобы удивить и развеселить окружающих («шутка», «прикол», «фортель», «розыгрыш», «острота»), поэтому шалость сродни игре-розыгрышу («*playful*» англ., «разыграть другого человека»);

- *по отношению к существующим правилам и нормам* шалость выступает как сознательное нарушение правил, норм, («*naughtiness*» англ., «*disobedience*» англ., «непослушание»);

- *по субъективному переживанию субъекта* действия шалость предполагает риск («авантюра»), яркие переживания от взаимодействия с жертвой и от возможности повеселиться над комичными обстоятельствами (обманутости), в которых оказалась жертва [8, с.200-201].

А.А. Люблинская, характеризуя шалость дошкольников, указывает на:

- деятельный характер этого явления («Шалость – это всегда действие. Это форма детской активности»), на проявление ребенком инициативы и творчества;

- эмоционально-положительную настроенность, «когда избыток энергии, не израсходованный на игры и еще ненужной для труда», становится источником шалости;

- высокую степень эмоциональности детских шалостей («всегда радостна, ... приносит детям огромное, бурное удовольствие»), и их ригидность («Начав шалить, дети с трудом могут остановиться»);

- отличия от озорства («шалость отличается от озорства доброжелательным отношением к людям... в случае озорства «инициатива ребенка намеренно направляется на то, чтобы досадить взрослому или сверстнику, доставить ему неприятность»);

- разнообразие («шалости-игры», «шалости как необычные действия ребенка с вещами», «шалости, которые побуждаются стремлением ребенка проверить свои возможности и утвердиться в них») [7, с. 204].

С самого начала разработки мы для понимания сущности детской шалости опирались на социально-педагогическую концепцию А.В. Мудрика, где шалость как явление общения может рассматриваться в качестве способа удовлетворения потребностей в эмоциональных контактах, приспособлении, обособлении, познании, самоопределении, самоутверждении [3, с. 241]. При этом ведущей потребностью, реализуемой ребенком в шалости, нам виделась *потребность в ярких эмоциональных переживаниях*, здесь фиксируется радость шалуна «от усиления собственной реактивности по преодолению внешних угроз»: шалун сначала провоцирует внешние угрозы, а потом получает удовольствия от риска.

Именно поэтому с самого начала концептуализации представления о детской шалости соотносилось с представлениями о подростковом приключении (Б.В. Куприянов, О.В. Миновская, А.А. Турыгин). В этом смысле детская шалость как разновидность приключения может быть определена с одной стороны как «ситуация взаимодействия ребенка с миром и самим собой, в которой он субъективно переживает новизну и силу внешних обстоятельств» (О.В. Миновская), а с другой как «субъективно позитивное отражение человеком внезапного усиления собственной реактивности по преодолению внешних угроз» (Б.В.Куприянов). В детской шалости обнаруживаются элементы приключения: «ситуация интриги, риск, запутанность и сложность обстоятельств, неожиданность и неопределенность (случайность), ситуации, яркость и полнота переживаний усиление реактивности, своего рода экзистенциальную вспышку (кратковременное, внезапное, быстрое и интенсивное изменение человеческого бытия, реакция человека на обстоятельства подобна вспышке)»[4].

В диссертации В.І. Сіткара, и в статье И.М. Дугина и А.А. Лугового отмечается идея о нацеленности детской шалости на ответную реакцию со стороны партнера по общению и взаимодействию[6, с. 89-90]. В отличие от «детской шалости» приключение не обладает столь ярко выраженным диалоговым характером: оно не настолько обращено к Другому, как детская шалость. Так, скажем, воспоминание С.С. Гречишкина о гуляниях по крышам ленинградских домов вместе с другом Вовой в возрасте 10-12 лет, представляет собой именно приключение, а не шалость – даже в том случае, когда они пытались сделать так, чтобы мама из окна увидела их разгуливающими по крышам: ведь родители не запрещали этот весьма опасный способ времяпрепровождения. Автор описывает ситуацию, когда какой-то сосед с верхнего этажа отругал мальчишек за эти прогулки и закрыл дверь с крыши на чердак, и они вынуждены были долго ходить в поисках незакрытой двери. В этом и подобных случаях речь, мы полагаем, идет не о шалости, а о приключении.

То есть в шалости обязательно участвуют *шалун(ы)* (субъект(ы), автор (соавторы) шалости), *адресат* (лицо или группа лиц кому адресуется вызов). Также в конструкции шалости может быть *жертва* (лицо или группа, над которым(и) шалуны смеются, ставят в неудобное положение, адресат и объект могут и совпадать. За событиями могут наблюдать *зрительская аудитория*, чье внимание усиливает удовольствие шалунов.

Яркие примеры детских шалостей описаны Г.Г. Белых и Л. Пантелеевым в известной повести «Республика Шкид». Особенно показательна виртуозная коллективная кража шкидовцами лепешек с блюда подслеповатой Сова, пока она несла их от кухни до комнаты:

«...Первый бесшумно подскочил к ней и так же бесшумно двумя пальцами сдернул с блюда горячую лепешку. Для шкидцев это было сигналом к действию. Следом за Японцем к блюду метнулись Янкель, Цыган, Воробей, а за ними и другие. На всем пути следования старухи – и в коридоре, и на лестнице, и в Белом зале – длинной цепочкой выстроились серые бесшумные тени. Придерживаясь левой рукой за гладкую алебастровую стену, старуха медленно шла по паркету Белого зала, и с каждым ее шагом гряда аппетитных лепешек на голубом фаянсовом блюде таяла. Когда Сова открывала дверь в квартиру, на голубом блюде не оставалось ничего, кроме жирных пятен» [4].

В этой детской шалости просматриваются не только материальный интерес голодных подростков, но сочетание публичности действия с его тайностью для взрослых. Кроме того, авторы, подробно описывая триумф шалунов, которые поедая украденное лакомство, прогнозировали и изображали недоумение, удивление и разочарование взрослых, добавляют

«Но в этом смехе слышались и тревожные нотки. Все понимали, что проделка не пройдет даром, что за преступлением вот-вот наступит и наказание» [4].

Для интерпретации социально-психологического механизма детской шалости мы обратились к традиции транзактного анализа Э. Берна, где шалость может быть представлена как реализация естественных побуждений человека, яркое проявление детскости (инфантильности) как пренебрежение социальными ограничительными нормами, свободное проявление спонтанности и креативности.

Шалость нацелена на реакцию со стороны партнера в эго-состоянии «Родитель» или эго-состоянии «Ребенок». В первом случае шалость является собой скрытое или открытое противоборство с человеком, находящимся в эго-состоянии «Родитель-Преследователь» и ожидание перехода этого человека в эго-состояние «Родитель-Спаситель» [4]. То есть, в таком ракурсе рассмотрения шалость представляет собой психологическую игру («скрытая транзакция»), состоящую из четырех фаз, каждая из которых может быть обозначена метафорой:

«Что бы такое сделать плохое?» (шалун изобретает шалость, прогнозирует реакцию адресата и зрителей, занимается подготовкой шалости, продумывает и изготавливает необходимые предметы);

«Отгадай, кто это сделал?» (шалун наблюдает, когда адресат обнаружит ситуацию, испытает негодование и растерянность, (адресат переходит в эго-состояние «Родитель-Преследователь»), шалун получает удовольствие от наблюдения за поведением адресата, который пытается определить автора шалости);

«Разоблачи меня!» (ожидание от адресата обвинения в поступке, ответных действий (санкций, наказания), получение удовольствия от признания авторства шалости);

«Прости меня, пожалуйста!» (ожидание шалуном от адресата преодоления острого негативного отношения, перехода в эго-состояние «Родитель-Спаситель», получение удовольствия от прощения – признания адресатом преодоления острого негативного отношения к шалуно). В этой последней фазе детской шалости шалун может переживать раскаяние, искренне сожалеть о том, что случилось. Здесь, особенно в случае, если «Родитель-Спаситель» демонстрирует психологическое принятие шалуна, не формальное прощение, а именно принятие, возможно достижение особого эмоционального состояния, когда у шалуна разрешаются внутренние конфликты и происходит нравственное возвышение (достигается катарсис).

Обращает на себя внимание двойственный характер шалости: с одной стороны, объективно шалость является ответом на запреты, санкции, ограничения свободы, принуждение к статичному сидению или стоянию. Однако с другой, субъективной стороны, шалость можно расценить как поиск шалуном сочувствия, прощения, «психологического поглаживания», а иногда – и простого внимания. Аналогичные переживания описаны в психологических играх «Алкоголик», «Гость растяпа» (Э. Берна). Важно отметить, что шалун (субъект шалости), как правило, не стремится нанести существенный вред, нарушить основополагающие нравственные нормы: само понятие шалости предусматривает *легкое* отступление от правил.

Детская шалость имеет много общего с *розыгрышем* – «шуткой с целью одурачить кого-либо, поставить кого-либо в глупое, смешное положение». В данном ракурсе явственно просматриваются три фазы (придумывание розыгрыша, конструирование ситуации «одурачивания», раскрытие обмана). А вот фаза прощения для розыгрыша может и не быть актуальной. Оттенки такого понимания шалости видны в так называемом пранке – возникшей и распространенной в настоящее время субкультурной практике телефонного хулиганства, телефонного розыгрыша (от англ. prank – проказа, выходка, шалость; шутка). Те, кто занимаются пранком (пранкеры) совершают телефонные звонки своим жертвам (либо анонимные, либо имитируя кого-то), и путём провокаций и подшучиваний вынуждают жертву к яркой реакции, иногда разговор с жертвой пранкеры записывают и размещают в Интернете.

Еще более простая схема у *детского обмана*. Его особенность состоит в том, что фаза раскрытия обмана наступает возникает тогда, когда обманщик уже недоступен для гнева обманутого. В мемуарах о детстве имеется большое число воспоминаний о том, как дети обманывали взрослых. Например, С.С. Гречишкин рассказывает о своем друге, которого бабушка заставляла есть суп. Подросток придумал изображать еду, а сам, пока бабушка не видит, выплевывать суп в пакетик, и затем незаметно выбрасывать пакетик в окно. И.Э. Смирнова приводит примеры детского обмана учеников детских музыкальных школ, взятые из воспоминаний выпускников. Размещенных на форумах в Интернете:

«Я, чтобы не ходить [в музыкальную школу], засовывала верхнюю одежду под кран, а потом звонила маме и говорила, что упала в лужу и мне не в чем идти».

«Когда занималась музыкой дома – ставила на подставку для нот книжку и читала, одновременно что-то изображала на клавишах. Родители думали – девочка занимается, и не беспокоили...».

«Мама в очередной раз грозно говорит: «Садись за пианино!» ... Я девушка находчивая, взяла магнитофон, включила запись с микрофона и поиграла минут 10. А потом включала на воспроизведение».

«... Я опаздывала на занятие, придумывала глупые оправдания, заводила беседы о литературе, современной музыке, о чем угодно – только бы не играть на фортепьяно».

«Любила урок фортепиано прогулять: садилась в троллейбус, доезжала до Владимирской, там он разворачивался, и я ехала домой» [8, с.202].

На детскую шалость весьма похоже явление, которое можно назвать – *детская проделка*. Примерами проделок могут служить различные пиротехнические опыты подростков, широко представленные в мемуарной литературе (изготовление бомбочек из карбида, различного рода «пугачей», «дымовух»). Побудительными мотивами в детских проделках выступали исследовательский интерес и стремление к риску.

И.М. Дугин и А.А. Луговой, выделяют такие черты шалости, как кратковременность, «положительный тон, в целом доброе отношение к окружающим», указывают на проявление ребенком в процессе шалости активности, инициативы и изобретательности, на переживание удовольствия от совершенного [6, с.90].

Для соотнесения представлений о детской шалости и девиантного поведения, обратимся к сравнению источников, порождающих эти явления. Благодаря переводу Р.С. Лебедевым с украинского языка на русский диссертационной работы В.І. Сіткара, охарактеризованы психологические источники шалости:

- реализация «потребности детей в общении и взаимодействии, а также в познании своих индивидуальных особенностей, возможностей, потенций и границ нормативного поведения»;
- внутренний дискомфорт, «который ребенок пытается ликвидировать, используя шалости как средство психозащиты: сначала в плане самообороны, а затем активного наступления»;

- недостаточное понимание ребенка взрослыми (учителями) [6, с.89].

Здесь уместен будет пример из книги «Средняя школа. Худшие годы моей жизни», где с позиции шестиклассника Рейфа Катчадориана описывают череду шалостей, которые он совершает сознательно в рамках придуманной им игры «Долой Все Правила». С одной стороны, существенным представляется четко зафиксированная формула: «шалость – нарушение школьных правил» (за каждое нарушенное правило герой книги начислял себе баллы, чем грубее нарушение, тем больше баллов). С другой – цепь шалостей, упакованная в тайную игру, становится протестом против рутины, наличной школьной повседневности, против обид и унижений, против низкого социального статуса в сообществе, превращается в индивидуальный карнавал, которому, при осуждении большинства, находятся сочувствующие или как минимум готовые простить, пожалеть и помочь» [4, с.243].

А.М. Гайфутдинова в своей диссертации отмечает, что причинами девиантного поведения подростков, суть которых – (поступки, противоречащие принятым в обществе правовым и нравственным нормам), – выступают «нехватка ярких впечатлений»,

субъективное восприятие окружающей действительности как «серой обыденности бытия, лишенной положительных эмоций и удовольствий». Автор указывает, что «девиантное поведение у подростков зачастую является средством самоутверждения, протестом против действительности или требований взрослых» [2, С.10]. Исходя из этого, можно констатировать однородность некоторого ряда причин, порождающих шалость и девиантное поведение. Более того, можно признать, что, так как детская шалость это – сознательное нарушение правил.

В исследовании В.И. Сіткара обозначена специфика шалостей младших школьников – «переход от потребностей в безопасности и социальных контактах к потребностям в самовыражении, самоутверждении, творчестве». Но более значимым представляется положение о том, что «содержание, формы проявления и динамика шалостей определяют процесс усвоения младшими школьниками норм регуляции социального поведения» [6, с.89].

Еще один весьма существенный вывод состоит в том, что детская шалость прерывает повседневность ребенка. То есть, интерпретировать детскую шалость в качестве фрагмента повседневности не совсем корректно, поскольку она является это проявлением событийности. Р.С. Лебедев и Я.Ю. Мощенская, основываясь на подходе В.О. Волковой, утверждают, что повседневное охватывает действия субъекта, совершаемые им в мысли, отношении ко всему другому как привычному, упорядоченному, близкому. Разрушение порядка повседневности приводит к напряжению, связанному с возникновением состояния преодоления порога между повседневным и не повседневным. Каждый человек время от времени попадает в ситуацию «порога», за которой одно состояние может смениться на противоположное [6, с. 88]. Соглашаясь с В.О. Волковой, они подчеркивают, что у человека есть внутренняя необходимость периодически «ломать» привычное для переживания яркого эмоционального, интеллектуального состояния. Эта необходимость будет связана либо с получением некоторой разрядки возникшего внутреннего напряжения, либо с переходом к новому состоянию в отношениях с миром.

Изначально, в рамках традиции, заложенной А.В. Мудриком, мы рассматривали детскую шалость, основываясь на положениях М.М. Бахтина о смеховой (народно-карнавальная) культуре. В этом случае детская шалость может пониматься как «разрыв» в послушном поведении ребенка, прерывание ребенком рутины послушания. Когда взрослый информируется о том, что ребенок больше не слушается, своего рода шалость представляет собой культурную форму «выпускания пара» [4, с.252].

Проведя аналогию с существованием человека в ходе карнавала (карнавальная жизнь) можно зафиксировать следующие черты детской шалости как специфической культурной практики:

- детская шалость своей природой отменяет «законы, запреты и ограничения, определявшие строй и порядок обычной... жизни... *отменяется* прежде всего *иерархический строй* и все связанные с ним формы страха, благоговения, пиетета, этикета и т. п... вступает в силу *вольный фамильярный контакт* между людьми»;

- «поведение, жест и слово человека освобождаются из-под власти всякого иерархического положения ...и потому становятся эксцентричными, неуместными с точки зрения логики обычной ... жизни... *эксцентричность* позволяет раскрыться и выразиться – в конкретно-чувственной форме – подспудным сторонам человеческой природы»;

- «*профанация* – кощунства, целая система ... снижений и приземлений, ...непристойности, ... пародии на священные тексты и изречения и т. п. [1, с. 138].

Аналогию между детской шалостью и карнавальным действием можно провести и в сравнении фаз детской шалости с карнавальными обрядами увенчание и развенчания. В тот момент, когда детская шалость становится публичной, шалуны наделяются особым статусом (восхищение смелостью проделки, я сохранение тайны авторства для взрослых, а иногда и для публики). Причем даже возмущенные взрослые (родители и педагоги) неосознанно транслируют восхищение – «увенчивая» шалуна. Затем, когда взрослыми обнаруживается виновник наступает ситуация публичного осуждения и признания шалуном вины, то есть шалуна «развенчивают». Примечательна характеристика М.М. Бахтиным такого элемента карнавальности как «ритуальный смех», который был направлен на осмеяние высших авторитетов «срамословили и

осмеивали солнце (высшего бога), других богов, высшую земную власть» [1, с.143]. Рассмотрение детской шалости через призму положений М.М.Бахтина подчеркивает необходимость нелинейной оценки «детской шалости», даже в тот момент, когда она переходит в явное девиантное поведение.

Следует обратить внимание на идею В.І. Сіткара о том, что если шалость представляет собой сигнал о невнимании взрослых к трудностям ребенка, то возможно рассматривать детские шалости в качестве индикатора уровня усвоения нравственных норм и правил, особенностей социальной ситуации развития, социального статуса ребенка (положения в группе сверстников, отношения с родителями и педагогами), предыдущего опыта воспитания в семье и образовательных организациях и т.д.

Другими словами, детская шалость не только экспериментально-поисковое поведение по определению границ допустимого, но и неосознаваемый сигнал ребенка окружающим взрослым (интегральному общественному взрослому) о наличии проблемы.

В этом году нам удалось изложить схему использования детской шалости в изучении отношений вожатого и воспитанника в летнем лагере [5]. Благодаря реконструкции реакции вожатых на нарушения установленных правил (в том числе и на детские шалости) можно выделить четыре стратегии:

- карательная,
- формально-нормативная,
- попустительская,
- стратегия активного потворства нарушениям дисциплины.

Оценку конструктивности стратегий вожатых в реагировании на детские шалости мы связываем с наличием в стратегии ожидаемых фаз субъективных переживаний шалуна («Что бы такое сделать плохое?», «Отгадай, кто это сделал?», «Разоблачи меня!», «Прости меня, пожалуйста!»)

Согласно такому способу оценивания, наиболее конструктивной выступала формально-нормативная стратегия, так как соответствовала всем фазам ожиданий ребенка-шалуна. Карательная стратегия недостаточно обеспечивала реализацию ожидания ребенком прощения за шалость, попустительская – ожидания ребенком преследования (азарт скрываться и надеяться быть обнаруженным), стратегия активного потворства нарушениям дисциплины лишала детей возможности изобрести свою шалость, проявить креативность, придумать что-то «из ряда вон выходящее» [5, с. 47].

Оценка конструктивности отреагирования на детскую шалость может рассматриваться не просто как локальная история педагогически целесообразного (или нецелесообразного) действия родителя, учителя и т. д., а в контексте стимулирования дальнейших поведенческих опытов ребенка. У «услышанного взрослым ребенком» в ходе детской шалости значительно больше шансов выстраивать детско-взрослые конвенции и с помощью них обретать свое место в обществе. А вот «неуслышанный взрослым ребенок» может продолжать шалить, вызывая взрослых на диалог, при этом градус вызова может повышаться, пока не перейдет опасные грани правонарушения. «Неуслышанный» в своей шалости ребенок может психологически опираться на поддержку других детей – аудитории шалости, стремясь утвердиться хотя бы в их глазах, если не может добиться внимания взрослого. Сценарий «неуслышанного ребенка» потенциально несет в себе большие риски девиантного поведения.

Особого внимания заслуживают идея о том, что в социальных институтах, занимающихся воспитанием, сложились социокультурные механизмы реагирования на детские шалости – «в практике пионерских лагерей создавались (скорее всего – достаточно осознанно) такие карнавные ситуации, когда дети могли открыто и санкционированно реализовать свою потребность шалить» [4]. Таким «спусканием пара» часто становился «День Нептуна», когда нередко в воду отправляли самых строгих директоров пионерских лагерей, старших вожатых и прочих символов строгой дисциплины – в этот праздник разрешенного непослушания такое допускалось. В этом смысле «День Нептуна» в полной мере соответствует бахтинскому определению карнавала.

Судя по воспоминаниям, подобную функцию выполнял и так называемый «День наоборот» (иногда его называли «День самоуправления»). Это была специфическая игра на целый день, когда вожатые и «первый отряд» (самые старшие дети в лагере) обменивались ролями: старшие подростки становились вожатыми, а вожатые – «детьми». Однако при всей своей карнавальности, «День наоборот» и (подобный ему) «Комический футбол», не несли столь ярких переживаний разрешенной детской шалости, как «День Нептуна» [4, с. 256].

Анализируя детские проделки и шалости, следует также остановиться на такой рискованной проделке, как катание подростков на транспортных средствах несанкционированными способами. Исследование А.В. Кудряшева, основанное на анализе периодических изданий 1920-60 гг. показывает, что подростки в крупных городах, подвергаясь риску быть травмированными, катались на выступающих технических деталях трамваев, и практически повсеместно цеплялись за автомобили [3]. В конце XX – начале XXI вв. из этой культурной практики оформилась разновидность подростковой шалости, получившей название «зацепинг» – «способ передвижения на поезде, при котором человек цепляется к вагонам снаружи за различные поручни, лестницы, подножки и другие элементы». «Зацепер» может ехать на крыше, на открытых переходных и тормозных площадках, с боковых или торцевых сторон вагонов» (журнал «Аргументы и факты», 24.09.2015). В 2018 году по данным МВД России было выявлено 175 несовершеннолетних, осуществлявших «проезд на железнодорожном транспорте в непригодных для этого местах». Не вызывает сомнения то, что зацепинг можно охарактеризовать с разных сторон: как разновидность подросткового приключения, как подростковую шалость и как проявление девиантного поведения.

Субкультура зацеперов включает в себя целый ряд элементов, так культивирование риска как обязательного атрибута социального признания в подростково-молодежном сообществе. А с другой стороны, вызов интегральному общественному «Родителю» (работникам полиции, работникам железнодорожного транспорта и т. д.).

Превращение культурной практики (проделки) в настоящую шалость обусловлено усилением демонстративного компонента, сознательным вызовом правилам, существующим на железнодорожном транспорте. Бравата зацеперов, их соревнования друг с другом развернулись и в социальных сетях, где практикующие такого рода экстремальное времяпрепровождение общаются друг с другом и объединяются в группы для совместных поездок. В этой связи борьба с пропагандой зацепинга также развернулась на сети Интернет – с сентября 2016-го по ноябрь 2018 года Роскомнадзор заблокировал более 330 интернет-сообществ зацеперов.

Выводы. Логика развития научного знания о социокультурной реальности ребенка приводит к обоснованности введения в научный оборот понятие «детская шалость». Доказательством правомерности оформления представлений о детской шалости является наличие множественных описаний этого явления в детской литературе, кинематографе, мемуарах о детстве, материалы интервью.

Поэтому первоначально сформулированное определение можно изложить в следующей редакции: *детская шалость* представляет собой:

- в социально-психологическом плане – разновидность детско-взрослого диалога, в котором нарушение установленных правил, комфорта других лиц, провокация осуществляется ребенком с целью испытать яркие эмоциональные переживания, но в итоге получить от взрослого прощение за свои действия;

- в культурно-антропологическом плане – удовлетворение ребенком потребности в разрушении рутины повседневного послушания, чтобы снять накопившееся напряжение.

Сравнительно-сопоставительный анализ практики словоупотребления, научных исследований, различных кейсов позволяет отличить от шалости такие явления как «детский обман», «детские проделки», «детское озорство».

В современную эпоху скоростей и гаджетов появляются новые социокультурные формы детских и подростковых шалостей (пранк, зацепинг, руфинг и др.), требующие специального изучения. Проделки становятся детскими шалостями, если шалуны обращаются не только к

аудитории сверстников, но и фактически к интегральному общественному взрослому демонстрируя свои поступки, осуществляя своего рода вызов.

Детская шалость будучи разновидностью детско-взрослого диалога несет в себе мощный воспитательный потенциал, который педагоги или родители могут развернуть, отреагировать на приглашение к общению, а могут игнорировать. Проигнорированная детская шалость обладает потенциалом разворачивания в отклоняющееся поведение, когда бравада перед аудиторией, самоутверждение подростка за счет нарушения установленных правил имеют тенденцию к превращению в поведенческий стереотип.

Предлагаемый текст представляет первые итоги масштабного исследования шалостей как социально-педагогического явления и неотъемлемого элемента детской жизни.

Литература

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений В 7 т. – Том 6. Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960-х - 1970-х гг. – Калуга: тип. ГУП Облиздат, 2002. – 799 с.
2. Гайфутдинова А.М. Коррекция ранней стадии девиантного поведения подростков средствами социально-культурной деятельности: автореферат дис. ... канд. пед. наук. Казань: Казан. гос. ун-т культуры и искусств, 2014. – 22 с.
3. Кудряшев А.В. Детские шалости советских подростков на городском транспорте // Сибирский педагогический журнал. – 2018. – № 5. – С. 40-44.
4. Kupriyanov B.V. The adrenaline rush of children's pranks // Russian Education and Society. 2018. Volume. 60. – P. 238-256.
5. Куприянов Б.В. Детско-взрослые конвенции советского прошлого (по материалам современных воспоминаний о пионерском лагере 60-80 гг. XX в.) // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. – 2020. – Вып. 56. – С. 41-56.
6. Лебедев Р.С., Мощенская Я.Ю. Детская шалость в повседневности ребенка // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2018. – № 4 (281). – С. 88-91.
7. Люблинская А.А. Активность и направленность дошкольника // Хрестоматия по возрастной психологии. сост. Л.М. Семенюк. Под ред. Д.И. Фельдштейна. – М.: Институт практической психологии, 1996. – С. 204-205.
8. Смирнова И.Э. «Не пойду в «музыкалку!»: проделки и шалости учащихся музыкальной школы второй половины XX века. // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии: сб. статей по материалам междунар. научно-практ. конф. / под ред. Коврова В.В. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – С. 199-207.

УДК: 159.9:316.356.2; 159.9:64

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА У ПОДРОСТКОВ¹

Купченко Виктория Евгеньевна,
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общей и социальной психологии
ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»,
г. Омск

Аннотация. В статье описаны результаты исследования школьного буллинга, социометрического статуса, восприятия трудной жизненной ситуации и стратегий ее преодоления, суверенности психологического пространства в качестве предикторов

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00500

суицидального риска у подростков. Эмпирически доказано, что в качестве предикторов суицидального риска подростков выступают виктимизация со стороны сверстников, низкий статус в группе, переживание ситуации одиночества, «бегство-избегание», «дистанцирование» и «конфронтация» как копинг-стратегии, дефицитом суверенности физического тела.

Ключевые слова: суицидальный риск, подросток, предикторы, школьный буллинг, суверенность, межличностный статус, трудная жизненная ситуация.

Annotation. The article describes the results of a study of school bullying, sociometric status, perception of a difficult life situation and strategies to overcome it, the sovereignty of the psychological space as predictors of suicidal risk in adolescents. It has been empirically proven that predictors of adolescent suicidal risk are victimization by peers, low status in a group, experiencing a situation of loneliness, “escape-avoidance”, “distancing” and “confrontation” as coping strategies, and a lack of sovereignty of the physical body.

Keywords: suicidal risk, adolescent, predictors, school bullying, sovereignty, interpersonal status, difficult life situation.

Постановка проблемы. Основная задача, на решение которой направлено исследование, состоит в определении, поиске и диагностике социально-психологических факторов (взаимоотношений со сверстниками, буллинга), объективных поведенческих показателей, суверенности психологического пространства, восприятия трудных жизненных ситуаций и стратегий их преодоления, способных выступать показателями для ранней диагностики суицидального риска у подростков.

Целью статьи является теоретическое и эмпирическое выявление предикторов суицидального риска у подростков.

Изложение основного материала исследования. Проведенное нами исследование позволило проанализировать динамику социально-психологические предикторы суицидального риска в подростковом возрасте. С данной целью мы обобщили данные общего объема выборки 768 человек, среди них 378 подростков (212 подростков 13-14 лет, 73 подростка 14-15 лет, 93 подростков 15-16 лет), 378 родителей подростков и 12 педагогов. Результаты изучения трех групп (подростков, мнения их родителей и классных руководителей) получены с помощью методики «Личностный опросник ИСН» [5], анкеты оценки поведенческих критериев суицидального риска В.Е. Купченко, О.Ю. Гроголевой [7] и опроса педагогов по методике «Карта риска суицида», модифицированной для оценки подростков Л.Б. Шнейдер [1].

Анализируя общую картину, следует отметить, что большинство подростков 13-14 лет (54%) и 15-16 лет (53%) имеют средний уровень суицидального риска, в то время как большинство подростков (55%) 14-15 лет имеют низкий уровень суицидального риска. Большее количество подростков с высоким суицидальным риском наблюдается в возрасте 13-14 лет (21,3%) и 15-16 лет (24%) по сравнению с определенным снижением числа подростков с высоким суицидальным риском в период 14-15 лет (16%). Однако ориентировочно одна пятая часть выборки подростков стабильно характеризуются высоким суицидальным риском.

В группе подростков с высоким суицидальным риском показатели «депрессивности» (13,9 балла), «невротизации» (11,6 балла) и «общительности» (12,6 балла) соответствуют среднему с тенденцией к высокому уровню. В группе подростков со средним суицидальным риском показатели «депрессивности» (9 баллов), «невротизации» (8,3 балла) и «общительности» (12,4 балла) также соответствуют среднему уровню. В целом, это говорит о том, что у подростков с ярко и средне выраженными суицидальными тенденциями можно обнаружить в поведении определенные признаки, которые проявляются в общем эмоциональном состоянии, тревожности, беспокойстве, но могут не затрагивать сферу их привычного межличностного общения и не повлечь за собой снижения количества контактов с другими людьми. В группе подростков с низким суицидальным риском показатели «депрессивности» (3,9 балла) и «невротизации» (4,4 балла) находятся на низком уровне, а

показатели «общительности» (14 баллов) – на среднем уровне. Подросток с низким суицидальным риском – это личность с устойчивой эмоциональной сферой и стабильной самооценкой, способная устанавливать контакты и поддерживать длительные дружеские связи.

Для выявления значимых различий между компонентами суицидального риска по методике «ИСН» у подростков с разным его уровнем мы сравнили эти компоненты попарно между подгруппами с помощью U-критерия Манна-Уитни. У подростков с высоким суицидальным риском показатели «депрессивности» и «невротизации» значимо выше, чем у подростков со средним ($U=172,5$, $p \leq 0,001$; $U=223$, $p \leq 0,05$) и низким ($U=11,5$, $p \leq 0,001$; $U=16$, $p \leq 0,01$) суицидальным риском. В свою очередь, у подростков со средним суицидальным риском показатели «депрессивности» ($U=59,5$, $p \leq 0,01$) и «невротизации» ($U=71,5$, $p \leq 0,05$) выше, чем у подростков с низким суицидальным риском. В показателях общительности значимых различий между подгруппами не выявлено. Выявленные результаты указывают на то, что суицидальному риску подвержены не только замкнутые и отстраненные подростки, следовательно, судить о наличии проблемы по количеству социальных контактов не представляется возможным. Признаки суицидальных мыслей и намерений проявляются в плохом настроении, сниженной активности и отсутствии мотивации, беспокойстве, тревожности, остром эмоциональном реагировании подростка на проблемы. Опишем изученные социально-психологические предикторы суицидального риска у подростков.

1. Школьный буллинг как фактор суицидального риска подростков.

Целью данного этапа исследования явилось изучение личностных особенностей и переживания насилия со стороны сверстников в качестве факторов суицидального риска у подростков. Тестировалась гипотеза, что школьный буллинг со стороны сверстников и личностные особенности являются факторами суицидального риска у подростков. Для исследования ситуации школьного буллинга применялась «Многофакторная шкала виктимизации сверстников» (Multidimensional Peer-Victimization Scale) (Н. Mynard, S. Joseph) в адаптации В.И. Фурманова [8]. Для обработки полученных данных производился подсчет средних значений и стандартных, установление значимости различий (критерий Н-Краскала-Уоллиса, критерий U-Манна-Уитни), множественный регрессионный анализ.

Как показали результаты исследования, подростки вне зависимости от степени суицидального риска чаще всего подвергаются «вербальной виктимизации» и «нападениям на собственность» со стороны сверстников. Другими словами, сверстники, в случае возникновения конфликтов, выражают свой негатив через оскорбления, насмешки, ругань, а также физически нарушают неприкосновенность чужого имущества, портят вещи. Ведущее место вербальной виктимизации говорит о том, что подростки уже умеют выражать свою агрессию не через физическое насилие, а более социально приемлемым способом – через речь. Однако тот факт, что ведущее место занимает открытая вербальная агрессия и нападения на собственность, а не социальное манипулирование, говорит о достаточно прямом характере конфликтов, за которыми чаще всего стоит ситуативное прямое столкновение, а не стремление через унижение управлять социальной сферой жертв агрессии. В целом, можно отметить, что по всем показателям виктимизации среднее значение ее шкал тем выше, чем выше степень суицидального риска у подростков.

Согласно результатам применения критерия Н-Краскала-Уоллиса, значимые различия в подгруппах существуют по таким параметрам переживания насилия со стороны сверстников, как «вербальная виктимизация» ($N=15$, $p \leq 0,001$), «нападения на собственность» ($N=18,8$, $p \leq 0,001$) и «общая виктимизация» ($N=19,8$, $p \leq 0,001$). Для выявления направления этих различий и конкретизации групп, между которыми они существуют, мы сравнили особенности переживания насилия со стороны сверстников у подростков с разным суицидальным риском попарно с помощью U-критерия Манна-Уитни.

Подростки с высоким и средним суицидальным риском чаще подвергаются «вербальной виктимизации» ($U=16,5$, $p \leq 0,001$ и $U=321,5$, $p \leq 0,01$) и «нападениям на собственность» ($U=32,5$, $p \leq 0,01$ и $U=263$, $p \leq 0,001$) со стороны сверстников, и у них выше «общая

виктимизация» ($U=17,5, p \leq 0,001$ и $U=255, p \leq 0,001$), чем у подростков с низким суицидальным риском. Полученные данные еще раз указывают на то, что достаточно весомая причина суицидального риска в подростковом возрасте лежит в проблемных взаимоотношениях с окружающими, конфликтах с референтной группой. Причем выяснять отношения сверстники предпочитают через оскорбления, насмешки и порчу имущества.

Выявленные данные частично подтверждают выдвинутую эмпирическую гипотезу о том, что подростки с высокой степенью суицидального риска чаще сталкиваются с вербальным насилием и нападениями на собственность со стороны сверстников, чем подростки с низким суицидальным риском, однако, значимых различий в физической виктимизации и социальном манипулировании между подгруппами нет.

Опишем влияния личностных особенностей и характеристик школьного буллинга со стороны сверстников на параметры суицидального риска у подростков. Для этой цели был использован множественный регрессионный анализ (рис.6). Виктимизация со стороны сверстников оказывает влияние на уровень депрессивности и невротизации как показатели суицидального риска. Так, на «депрессивность» подростков прямое влияние оказывают нападения на собственность и вербальная виктимизация со стороны сверстников, а также чувство вины, и обратное влияние оказывают эмоциональная устойчивость и аффектотимия ($F=38,9, p \leq 0,001$): $Y(D)=14,27+1,55HHC - 0,49ЭУ+0,46ЧВ - 0,25A+0,47BB$

Примечание: $Y(D)$ – депрессивность; HHC – нападения на собственность; $ЭУ$ – эмоциональная устойчивость; $ЧВ$ – чувство вины; A – аффектотимия; BB – вербальная виктимизация.

Конфликты со сверстниками, выраженные в виде насмешек, оскорблений и порчи имущества, провоцируют у подростков депрессивные переживания. Если они при этом полагают, что сами виноваты в происходящем, и насилие проявляется в их отношении «заслуженно», их состояние усугубляется. Кроме того, негативным фактором выступает также тот факт, что при достаточно сильных и глубоких внутренних переживаниях подростки могут быть внешне закрыты. Субъективная невозможность рассказать о наболевшем кому-то из близких, открыться и выразить свои чувства приводят к нарастанию депрессии, следствием которой может стать суицидальная попытка.

Обратное влияние на «невротизацию» подростков оказывает их эмоциональная устойчивость ($F=58,6, p \leq 0,001$): $Y(H)=9,6 - 0,59ЭУ$

Примечание: $Y(H)$ – невротизация; $ЭУ$ – эмоциональная устойчивость.

В целом, данное влияние достаточно закономерно: чем более эмоционально устойчивыми являются подростки, тем более спокойно они относятся к происходящему и меньше тревожатся. Выявлено прямое влияние общей виктимизации и обратное влияние аффектотимии и эмоциональной устойчивости на «негативное настроение» подростков ($F=48,3, p \leq 0,001$):

$$Y(HH)=3,7 - 0,24ЭУ+0,27OB - 0,15A$$

Примечание: $Y(HH)$ – негативное настроение; $ЭУ$ – эмоциональная устойчивость; OB – общая виктимизация; A – аффектотимия

Чем чаще подростки подвергаются разным формам насилия со стороны сверстников, чем больше их подобное поведение задевает и чем меньше у них возможности поделиться своими переживаниями с окружающими, тем хуже их настроение. Регулярное негативное настроение подростка может служить маркером для окружающих, указанием на необходимость диалога с подростком, значимость для подростка выражения своих чувства и ослабления степени внутреннего напряжения.

Установлено, что на «неэффективность» подростков обратное влияние оказывают эмоциональная устойчивость и аффектотимия ($F=8,3, p \leq 0,001$): $Y(HЭ)=1,99 - 0,097A - 0,63ЭУ$

Примечание: $Y(HЭ)$ – неэффективность; A – аффектотимия; $ЭУ$ – эмоциональная устойчивость

На «негативную самооценку» подростков обратное влияние также оказывают эмоциональная устойчивость и аффектотимия ($F=30,5, p \leq 0,001$): $Y(HC)=3,67 - 0,2ЭУ - 0,11A$

Примечание: Y(НС) – негативная самооценка; А – аффектотимия; ЭУ – эмоциональная устойчивость.

Выявленные влияния указывают на тот факт, что подросткам тем сложнее справиться со своими обязанностями и требованиями своей деятельности, чем больше они подвержены эмоциям, которые не могут контролировать и открыто выражать. Эмоциональный дисбаланс мешает им сосредотачиваться на делах и, вероятно, снижает мотивацию к их выполнению. Неуспешность в делах, в свою очередь, может приводить к самообвинениям, к формированию негативных представлений о себе, о своих способностях, и, в целом, к низкой самооценке.

Таким образом, на «депрессивность» подростков прямое влияние оказывают нападения на собственность и вербальная виктимизация со стороны сверстников, а также чувство вины, эмоциональная неустойчивость и шизотимия. Прямое влияние на «невротизацию» подростков оказывает их эмоциональная неустойчивость. Существует прямое влияние общей виктимизации на «негативное настроение» подростков. На «негативное настроение», «неэффективность» и «негативную самооценку» подростков обратное влияние также оказывают эмоциональная устойчивость и аффектотимия.

2. Статус подростка в межличностных отношениях со сверстниками как предиктор суицидального риска.

Целью нашего исследования – определение особенностей межличностного статуса подростков с различным уровнем суицидального риска. Межличностный статус подростка выявлялся при помощи метода социометрии (Я. Морено). Среди подростков с высоким уровнем риска суицидального поведения не было выявлено тех, кто мог бы занимать лидерские позиции и быть в статусе «звезд» (0%). 79% подростков с высоким уровнем риска находится в низком положении в межличностных отношениях: 50% подростков имеют статус «отвергнутых», такие положения характеризуются не желанием группы принимать подростка с одной стороны, и, возможно, нежеланием подростка общаться с членами своей группы; 29% подростков имеют статус «непринятые», что говорит об их изолированности, низкой общительности и контактности. Низкие позиции свидетельствуют о том, что группа не имеет высокой сплоченности, а подростки, которые занимают такие позиции, могут испытывать на себя негативное отношение со стороны сверстников: издевательства, насмешки, насилие, что влияет на его отношение к окружающим людям и самому себе. Появление неуверенности в себе, неадекватная самооценка, внутриличностное напряжение, отчужденность, «застывание» мыслей в отношении занимаемого статуса («Почему меня не принимают?») очень сильно оказывает влияние на отношение подростка к смыслу своей жизни. Только 21% подростков имеют положительный статус: 7% подростков относятся к статусу «предпочитаемых», 14% к «принятым». Поскольку метод социометрии рассматривает статус подростка в эмоциональной и деловой сферах, то был проведен корреляционный анализ, который показал, что между статусом, занимаемым подростком в эмоциональной сфере и статусом в деловой сфере, наблюдается прямая взаимосвязь ($r=0,566$, $p\leq 0,05$).

Среди подростков со средним уровнем риска суицидального поведения имеются дети, которые занимают высокое положение в группе – 4% в статусе «звезд», что говорит об их эмоциональной привлекательности среди одноклассников, возможно, что они являются неформальными лидерами и авторитетами для сверстников. В тоже время у них проявляется средний уровень риска суицидального поведения, так как возложенная ответственность оказывает на эмоциональное и внутриличностное благополучие и развитие. 28% подростков являются популярными в группе. У подростков со средним уровнем риска суицидального поведения есть те, кто находится в статусе «отвергнутых» – 20%, их поведение, их взгляды и привычки явно не принимаются членами группы, и, возможно, так же, что мы не можем знать с точностью, подросток мог только недавно прийти в новый коллектив, в котором он еще не успел адаптироваться и освоиться. 24% подростков, в равной степени, имеют статус «предпочитаемых», говорит об их популярности в группе, и «принятые». Наличие в группах «отвергнутых» и «непринятых» говорит о слабой сплоченности и слабой связи межличностных отношений. Между статусом, занимаемым подростком со средним уровнем

суицидального риска в эмоциональной сфере и статусом в деловой сфере, наблюдается прямая сильная взаимосвязь ($r=0,827$, $p\leq 0,01$).

25% подростков с низким уровнем риска суицидального поведения занимают в группе наивысшее положение – «звезды», а так же 75% подростков, которые занимают достаточно высокое положение в группе, в статусе «предпочитаемые» и имеют популярность в группе. Следует отметить, что у подростков с низким уровнем суицидального риска отсутствуют те, кто занимают позиции ниже среднего значения, т. е. «непринятые», «отвергнутые». Поскольку метод социометрии рассматривает статус подростка в эмоциональной и деловой сферах, то был проведен корреляционный анализ, который не показал значимых взаимосвязей для данных подростков с низким суицидальным риском.

Проверка на нормальность распределения показала, что статус у подростков с различным уровнем риска суицидального поведения распределен нормально только у подростков с высоким уровнем суицидального риска. С помощью непараметрического критерия U-Манна-Уитни для независимых выборок были рассмотрены значимые различия в статусе подростков с различным уровнем риска суицидального поведения – различия были обнаружены между подростками с высоким и средним уровнями суицидального риска ($U=191,00$, при $p\leq 0,01$), между высоким и низким уровнями риска суицидального поведения ($U=3,00$, при $p\leq 0,01$), для подростков со средним и низким уровнем риска суицидального поведения не были обнаружены различия в социометрическом статусе. Таким образом, подростки с высоким уровнем суицидального риска в большей степени испытывают трудности в системе межличностных отношений, поскольку занимают низкие позиции, что оказывает высокое влияние на отношение к жизни и окружающим людям. Подростки со средним уровнем суицидального риска занимают и высокие и низкие положения. Занимаемые позиции подростками с низким уровнем суицидального риска в системе межличностных отношений имеют более позитивную направленность (статусы «звезды» и «предпочитаемые»), эти подростки популярны и эмоционально привлекательны для других членов группы.

3. Представление о трудной жизненной ситуации и ее преодоление, адаптивные стратегии как факторы суицидального риска подростков.

Целью данного этапа исследования явилось определение особенностей представлений о трудной жизненной ситуации, адаптивных стратегий, копинга подростков с различным уровнем суицидального риска. Тестировалась гипотеза, что представления о трудной жизненной ситуации, адаптивные стратегии и копинг у подростков с разным уровнем суицидального риска обладают своей спецификой.

Адаптивные стратегии подростков и копинг выявлялись при помощи методики исследования стратегий адаптивного поведения подростков (АСП-1) Н.Н. Мельниковой [3], методики исследования копинга Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой [2]. Для выявления трудных ситуаций, с которыми сталкиваются подростки, применялась авторская анкета. При статистической обработке полученных данных мы использовали методы первичной описательной статистики, подсчет критерия z-Колмогорова-Смирнова, критерия U-Манна-Уитни, коэффициент углового преобразования ф-Фишера, коэффициент ранговой корреляции г-Спирмена.

Чаще всего в качестве трудных жизненных ситуаций подростки с разным суицидальным риском (СР) называют «плохое настроение, чувство вины из-за ссоры с родителями» (31% подростков с низким СР; 34% подростков со средним СР; 43% подростка с высоким СР), «санкции со стороны родителей» (25%; 32%; 43% подростков соответственно) и «ссору с друзьями» (25%; 28%; 29% подростков). Результаты исследования указывают, несмотря на референтность группы сверстников в подростковом возрасте и возросшую значимость оценок сверстников, их принятия и признания, именно взаимоотношения с родителями являются центральной стрессогенной сферой для подростков. Это еще раз подтверждает, что растущие самостоятельность и автономность подростков в психологическом плане являются еще достаточно неустойчивыми, и подростки нуждаются в помощи и поддержке со стороны

родителей, даже если напрямую не говорят об этом. Отсутствие такой поддержки, непонимание и конфликты могут негативно сказываться и на других сферах их жизни, приводить к суицидальным мыслям и намерениям.

Значимых различий в частоте встречаемости типов трудных жизненных ситуациях у подростков с разным уровнем суицидального риска выявлено не было. Это говорит о том, что подростки с разным суицидальным риском, в целом, сталкиваются с одинаковыми трудностями, связанными в основном с межличностными отношениями с семьей и друзьями. По всей видимости, развитие суицидального риска обусловлено не объективными характеристиками трудной ситуации, а ее субъективным восприятием. Тем не менее, стоит отметить, что существует трудная жизненная ситуация, которую можно назвать специфичной для подростков с высоким уровнем суицидального риска: одиночество. На нее сослались 14% респондентов данной подгруппы. Ощущение покинутости, отсутствия помощи, поддержки и понимания со стороны других людей является, на наш взгляд, фактором, усугубляющим проживание трудностей кризисного подросткового возраста, и может усугублять суицидальные тенденции.

Подростки с высоким суицидальным риском выше всего оценили такие характеристики трудной жизненной ситуации, как «тяжелая» (1,2 балла), «сложная» (0,9 балла) и «пассивная» (0,9 балла). Подростки со средним уровнем суицидального риска описывают трудную жизненную ситуацию, как «тревожную» (0,7 балла) и «напряженную» (0,7 балла), а подростки с низким уровнем суицидального риска – как «требующую поддержки» (0,4 балла). Интересно, что именно подростки с низким суицидальным риском высоко оценивают необходимость ресурса поддержки в трудных ситуациях, в то время как при нарастании суицидальных тенденций эта характеристика уже не входит в разряд ведущих. На наш взгляд, это указывает на ощущение у проблемных подростков внутреннего одиночества и непонимания окружающими, убежденности в том, что никто не в состоянии им помочь. При этом с нарастанием суицидальных тенденций оценка негативных параметров трудной ситуации усугубляется и переходит от напряженной к тяжелой. К тому же подростки с высоким уровнем суицидального риска ощущают свое бессилие перед проблемами, что выражается в такой характеристике трудной ситуации, как «пассивная».

Установлено, что подростки с высоким суицидальным риском значительно выше, чем подростки со средним и низким суицидальным риском, оценивают такой показатель трудной жизненной ситуации, как «длительная» ($U=26,5$, $p\leq 0,05$; $U=229$, $p\leq 0,05$). Подобные различия указывают на то, что суицидальные тенденции все же развиваются у подростков не одномоментно, а в течение определенного промежутка времени, к концу которого подростки уже могут не видеть альтернативного выхода из ситуации. В связи с этим возрастает роль своевременной диагностики тревожных признаков суицидальных мыслей родителями и педагогами.

Подростки со средним суицидальным риском значительно выше, чем подростки с низким суицидальным риском, оценивают «тревожность» трудной жизненной ситуации ($U=68,5$, $p\leq 0,05$). По всей видимости, переход от отсутствия суицидальных тенденций к их постепенному формированию характеризуется ростом сильного беспокойства из-за происходящих событий, эмоциональной дестабилизацией, которая может незначительно снижаться при переходе от среднего к высокому уровню суицидального риска в связи с формированием определенной готовности к осуществлению суицидальных мыслей.

Ведущими копинг-стратегиями подростков с высоким суицидальным риском являются «бегство-избегание» (55,8 балла), «дистанцирование» (50,8 балла) и «конфронтация» (50,4 балла), а наименее выражена стратегия «планирования решения проблемы» (42,9 балла). Другими словами, подростки этой группы при возникновении трудностей стремятся избежать их решения, надеясь, что со временем они разрешатся сами, либо делают вид, что для них данная проблема не значима, либо проявляют агрессию. В целом, все эти стратегии сложно назвать конструктивными: ни одна из них не направлена на прямое и бесконфликтное устранение трудной ситуации, наоборот, такое поведение может усугубить проблему.

Возможно, вести себя иначе подростки не умеют, о чем говорить слабо выраженная тенденция к планированию.

У подростков со средним суицидальным риском на первом месте выражены копинг-стратегии «дистанцирования» (53,6 балла), «бегства-избегания» (50,4 балла) и «принятия ответственности» (48,3 балла), на последнем – «самоконтроль» (42,3 балла). Как и в случае с подростками с высоким уровнем суицидального риска, у подростков со средним его уровнем в иерархии совладающих стратегий лидируют избегающие и обесценивающие стратегии, однако, наблюдается уже более позитивная динамика, поскольку добавляется стратегия принятия ответственности. Тем не менее, способность к волевой саморегуляции своего поведения выражена у них слабо.

У подростков с низким суицидальным риском ведущими копинг-стратегиями являются «планирование решения проблемы» (51,4 балла), «принятие ответственности» (49,7 балла) и «положительная переоценка» (48,9 балла). Наименее выражена копинг-стратегия «конфронтации» (38,9 балла). В отличие от двух других подростковых групп копинг-стратегии этой подгруппы являются конструктивными и позитивными, направленными на активное самостоятельное преодоление проблемы и нормализацию эмоционального состояния. Вполне вероятно, что такое восприятие происходящего лежит в основе их устойчивости к стрессу и препятствует развитию суицидальных тенденций.

Установлено, что подростки с высоким суицидальным риском значительно чаще, чем подростки с низким риском, используют в трудных ситуациях копинг-стратегии «конфронтации» ($U=25,5$, $p\leq 0,05$), «дистанцирования» ($U=26$, $p\leq 0,05$) и «бегства-избегания» ($U=10$, $p\leq 0,001$). Подростки со средним суицидальным риском в трудных жизненных ситуациях чаще, чем подростки с низким риском, используют копинг-стратегии «дистанцирования» ($U=58,5$, $p\leq 0,01$) и «бегства-избегания» ($U=61,5$, $p\leq 0,01$). Другими словами, чем выше у подростков уровень суицидального риска, тем более им свойственно дистанцироваться от проблем, создавать видимость их низкой значимости для себя либо активно избегать их решения, надеясь на то, что все разрешится само. Как уже говорилось выше, эти стратегии не решают проблему и не стабилизируют эмоциональный фон, а в ряде случаев, напротив, усугубляют ее. Возможно, именно это и лежит в основе развития суицидальных тенденций.

Ведущими адаптивными стратегиями поведения подростков с высоким суицидальным риском являются стратегии «пассивного подчинения среде» (5,9 балла) и «пассивного ожидания изменений» (5,6 балла). В целом, такое сочетание стратегий указывает на полностью пассивную позицию подростков, делегирование полномочий по разрешению ситуации внешней среде. Подобная позиция ставит подростков в зависимость от обстоятельств и других людей и может затянуть процесс адаптации к новым условиям.

У подростков со средним суицидальным риском первое место в иерархии адаптивных стратегий поведения занимает «пассивное подчинение среде» (6,5 балла), а у подростков с низким риском – «активное изменение себя» (7,9 балла). В первом случае мы также говорим о зависимости от среды, в то время как в последнем случае идет активный процесс и конструктивный процесс адаптации к новым условиям.

Согласно полученным результатам, подростки с низким суицидальным риском значительно чаще, чем подростки с высоким и средним риском, используют стратегию «активного изменения себя» ($U=16$, $p\leq 0,01$; $U=62$, $p\leq 0,01$). Это указывает на то, что подростки с низким суицидальным риском активно адаптируются к новой среде, меняя свое поведение под требования ситуации в соответствии со своими представлениями, в то время как подростки с высоким и средним риском, значительно меньше проявляют подобную гибкость. Последним двум группам сложнее перестраивать свое поведение при изменении внешних условий, сложнее ассимилироваться со средой.

В свою очередь, подростки со средним уровнем суицидального риска чаще, чем подростки с низким риском, используют стратегию «ухода от контакта и погружения в себя» ($U=84$, $p\leq 0,05$). В целом, эта стратегия является стратегией избегания, но не вовне, а во

внутренний мир: подростки со средним суицидальным риском чаще, чем подростки с низким риском, в новых условиях сосредотачиваются на внутренних переживаниях и вытесняют в своем сознании фрустрирующие факторы.

У подростков с высоким и средним уровнем суицидального риска также значительно выше выражена стратегия «пассивной репрезентации себя», чем у подростков с низким суицидальным риском ($U=23,5$, $p\leq 0,05$; $U=80$, $p\leq 0,05$). Эта стратегия вызвана стремлением подростков самоутвердиться, упрямо демонстрируя свою позицию. Как правило, здесь отсутствует активность, направленная на изменение ситуации или пересмотр собственных принципов. Такая позиция может приводить к конфронтации и затягивать длительность проблемы, усугубляя внутреннее напряжение подростков и повышая вероятность возникновения суицидального риска.

Таким образом, эмпирическая гипотеза, согласно которой подростки с высоким и средним уровнями суицидального риска используют преимущественно пассивные стратегии адаптации, а подростки с низким суицидальным риском – активные стратегии адаптации, подтвердилась. Подростки с высоким и средним суицидальным риском значительно реже, чем подростки с низким риском, используют стратегию «активного изменения себя». Подростки со средним уровнем суицидального риска чаще, чем подростки с низким риском, используют стратегию «ухода от контакта и погружения в себя». У подростков с высоким и средним уровнем суицидального риска также значительно выше выражена стратегия «пассивной репрезентации себя», чем у подростков с низким суицидальным риском.

4. Суверенность психологического пространства как предиктор суицидального риска подростков.

Рассмотрим корреляции показателей суицида и шкал суверенности у подростков, выявленных с помощью опросника «Суверенность психологического пространства» С.К. Нартовой-Бочавер [4]. Нами была обнаружена обратная взаимосвязь между суверенностью физического тела и риском самоубийства ($r=-0,297$ при $p\leq 0,05$), суверенностью физического тела и общим риском суицида ($r=-0,382$ при $p\leq 0,01$). По нашему мнению, эти данные говорят о том, что переживание дискомфорта, связанное с прикосновениями и различными принуждениями к чему-либо, провоцирует мысли о самоубийстве, ощущение ненужности для близких людей.

Кроме того, согласно полученным результатам, существует обратная взаимосвязь между суверенностью территории и враждебностью ($r=-0,282$ при $p\leq 0,05$), суверенностью территории и общим риском суицида ($r=-0,364$ при $p\leq 0,01$), суверенностью территории и агрессивной импульсивностью ($r=-0,302$ при $p\leq 0,05$).

Эти результаты, по нашему мнению, можно объяснить тем, что отсутствие территориальных границ у подростков со средним уровнем суицидального риска ведет к повышению враждебности и вспышек гнева, ведь это означает, что у подростка нет личного пространства, места, где можно уединиться и восстановить ресурсы. Также отсутствие переживания безопасности физического пространства приводит к увеличению вероятности появления суицидальных мыслей и стремления уйти из жизни. Существует обратная корреляция между суверенностью мира вещей и безнадежностью ($r=-0,317$ при $p\leq 0,05$), и риском самоубийства ($r=-0,359$ при $p\leq 0,01$), и отсутствием близких отношений ($r=-0,390$ при $p\leq 0,01$), враждебностью ($r=-0,313$ при $p\leq 0,05$) и общим риском суицида ($r=-0,511$ при $p\leq 0,01$).

Эти корреляции, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что непризнание права подростка иметь личные вещи увеличивает вероятность суицидального риска, поскольку провоцирует ощущение беспомощности, а также усиливает враждебность к окружающим, создает чувство одиночества, ненужности и бессилия.

Кроме того, нами была обнаружена обратная взаимосвязь между суверенностью привычек и безнадежностью ($r=-0,352$ при $p\leq 0,05$), и общим риском суицида ($r=-0,370$ при $p\leq 0,01$).

Эти данные, по нашему мнению, могут означать, что отсутствие возможности жить в комфортном для подростка распорядке дня, организовывать самостоятельно свою деятельность, формирует пессимизм, ощущение особой отягощенности проблемами,

неумение справляться с трудностями и увеличивает тем самым вероятность появления суицидального риска.

Кроме того, существует обратная взаимосвязь между суверенностью социальных связей и общим риском самоубийства ($r=-0,297$ при $p\leq 0,05$), иначе говоря, подростки, социальная жизнь которых подвержена жесткому контролю, находятся в зоне риска.

Также существует обратная корреляция между суверенностью ценностей и безнадежностью ($r=-0,295$ при $p\leq 0,05$), и отсутствием близких отношений ($r=-0,312$ при $p\leq 0,05$), и общим риском суицида ($r=-0,425$ при $p\leq 0,01$). Чем свободнее подросток ощущает себя в выборе вкусов и мировоззрения, тем меньше его подверженность суицидальному риску. В то время как насильственное принятие неблизких и отрицаемых ценностей делает подростка пессимистичным, возможно, формирует также выученную беспомощность, поскольку в таких условиях трудно понимать свои потребности и осуществлять сложный жизненный выбор. Кроме того, таким подросткам сложно устанавливать близкие связи, они чаще чувствуют себя одиноко, поскольку им не с кем разделить истинные ценности и, возможно, труднее осознать их.

Существует обратная взаимосвязь между суверенностью психологического пространства и безнадежностью ($r=-0,291$ при $p\leq 0,05$), отсутствием близких отношений ($r=-0,304$ при $p\leq 0,05$), враждебностью ($r=-0,295$ при $p\leq 0,05$), агрессивной импульсивностью ($r=-0,290$ при $p\leq 0,05$), общим риском самоубийства ($r=-0,464$ при $p\leq 0,01$). Эти результаты, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что низкий уровень суверенности психологического пространства связан с враждебностью, вспышками гнева, ощущением отягощенности, одиночества, как уже отмечалось выше.

Кроме того, нами была обнаружена обратная корреляция между глобальным самоотношением и такими параметрами суицидального риска, как безнадежность ($r=-0,303$ при $p\leq 0,05$), риск самоубийства ($r=-0,297$ при $p\leq 0,05$), отсутствие близких отношений ($r=-0,325$ при $p\leq 0,05$), негативная самооценка ($r=-0,581$ при $p\leq 0,01$), и враждебность ($r=-0,299$ при $p\leq 0,05$), общий суицидальный риск ($r=-0,481$ при $p\leq 0,01$). По нашему мнению, эти результаты можно объяснить тем, что чем хуже и безжалостнее подросток относится к себе, чем сильнее его ненависть и неприязнь к своей личности, тем больше повышается риск суицида.

Выводы.

1. Эмпирически подтверждено, что виктимизация со стороны сверстников выступает предиктором суицидального риска подростков.

2. Определено, что подростки с разным суицидальным риском преимущественно сталкиваются с одинаковыми трудностями, связанными в основном с межличностными отношениями с родителями и друзьями. Подростки с высоким суицидальным риском в качестве специфичной называют ситуацию одиночества. Развитие суицидального риска обусловлено не объективными характеристиками трудной ситуации, а ее субъективным восприятием: подростки с высоким суицидальным риском выше всего оценили такие характеристики трудной жизненной ситуации как «тяжелая», «сложная», «длительная», «пассивная». Ведущими копинг-стратегиями подростков с высоким суицидальным риском являются «бегство-избегание», «дистанцирование» и «конфронтация», а наименее выражена стратегия «планирования решения проблемы».

3. Подростки с высоким уровнем риска суицида в группе занимают низкое положение по статусу, подростки со средним уровнем риска суицида находятся в статусе как «звезд», так и «отвергнутых», занимая в большей степени промежуточное положение, а подростки с низким уровнем риска суицидального поведения занимают высокие, эмоционально одобряемые позиции в группе.

4. Изучено влияние суверенности психологического пространства в различных сферах жизнедеятельности подростка на параметры суицидального риска.

Литература

1. Алимова М. А. Суицидальное поведение подростков: диагностика, профилактика, коррекция. – Барнаул, 2014. – 100 с.
2. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс / под ред. Л. Леви. Л.: Медицина, 1970. – С. 178–208.
3. Мельникова Н.Н. Классификация стратегий адаптивного поведения // Теоретическая, экспериментальная и практическая психология: сб. науч. трудов / под ред. Н.А. Батурина. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001. – Т. 3. – С. 13–23.
4. Нартова-Бочавер С.К. Опросник «Суверенность психологического пространства» – новый метод диагностики личности // Психологический журнал. – 2005. – Т. 25. – № 5. – С. 77–89.
5. Определение эмоционального состояния и личностных особенностей у подростков для профилактики суицидального поведения / Под ред. В.В. Поляковой. – Кызыл: ГБОУ РЦПМСС «Сайзырал». – 2013. – 136 с.
6. Оценка депрессивности в подростковом возрасте / А. П. Белова [и др.] // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. – 2008. – № 32. – С. 10–18.
7. Суицидальный риск подростков: подходы, диагностика, профилактика : учеб.-метод. пособие / В. Е. Купченко, О. Ю. Гроголева ; Минобрнауки России, ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф. М. Достоевского», фак. психологии. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2018. – 144 с. : ил.
8. Фурманов И. А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция: к изучению дисциплины. – СПб. : Речь, 2007. – 480 с.

УДК: 159.922.27

КРИЗИСНЫЕ И КРИТИЧЕСКИЕ СИТУАЦИИ КАК ПРЕДИКТОРЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Кучеренко Светлана Валериевна,

кандидат психологических наук, доцент,

доцент кафедры психологии,

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет», г. Ялта

Аннотация. В статье рассматриваются основные признаки кризисных и критических ситуаций, причем кризис рассматривается по Ф.Е. Василюку как один из разновидностей критической ситуации. Подчеркивается важность закономерного кризиса подросткового возраста и вероятностных, связанных с определенными экстремальными воздействиями, кризисов. Делается вывод о том, что воспитание жизнестойкого стиля преодоления критических ситуаций является способом профилактики девиантного поведения в подростковом возрасте.

Ключевые слова: кризисная ситуация, критическая ситуация, психологическая травма, девиантное поведение, фрустрация ценностей.

Annotation. The article deals with the main features of crisis and critical situations, and the crisis is considered by F.E. Vasilyuk as one of the varieties of a critical situation. The importance of the natural crisis of adolescence and probabilistic crises associated with certain extreme impacts is emphasized. It is concluded that fostering a resilient style of overcoming critical situations is a way to prevent deviant behavior in adolescence.

Keywords: crisis situation, critical situation, psychological trauma, deviant behavior, frustrated values.

Постановка проблемы. Актуальной задачей современной психологии девиантного поведения является изучение предикторов (прогностических параметров) такого поведения. Зная, по каким признакам, будь то личностные черты, особенности поведения или особенности семейной ситуации, можно с высокой долей вероятности прогнозировать появление девиантного поведения, мы можем разработать программу профилактики для подростков группы риска. Таким образом, мы поспособствуем тому, чтобы девиантное поведение не возникло.

Цель статьи заключается в теоретическом рассмотрении кризисных и критических ситуаций в качестве предикторов девиантного поведения в подростковом возрасте.

Изложение основного материала исследования. Под детерминантами девиантного поведения понимаются внутренние и внешние факторы, под воздействием которых происходят нарушения процесса социализации личности и формируются отклонения в ее поведении. Для понимания детерминант девиантного поведения необходимо рассмотреть психологические механизмы формирования поведения в общем и девиантного, в частности. Психологический механизм рассматривается как система различных факторов, условий, средств, структур, отношений, связей и других психических явлений, обеспечивающих протекание и регуляцию процесса социально-психологического развития, и достижение определенного уровня эффективности этого процесса. Под воздействием психологических механизмов происходит становление и развитие личности в целом, обеспечивается достижение социальной нормы, либо, при определенных условиях, возникновение и формирование девиантного поведения личности.

Девиантное поведение – это устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией. При этом норма понимается как нормативное и гармоничное поведение, включающее сбалансированность психических процессов, адаптивность и самоактуализацию, духовность, ответственность и совесть [3]. Другими словами, девиантное поведение – это психологический феномен, сложное системное образование, характеризующееся деформацией основных сфер развития личности, проявляющихся в нарушении норм и правил, в дезадаптивных или даже асоциальных формах поведения.

Среди предикторов девиантного поведения рассматриваются ситуации фрустрации [1], супружеские конфликты [8], особенности субкультуры и досуга [7], буллинг в школьной среде [6]. Важной чертой подростков с девиантным поведением по мнению Л.Б. Шнейдер [5] является неразвитость смыслообразования и целеполагания, несформированность ценностного отношения ко времени.

Рассмотрим основные признаки кризисных и критических ситуаций. Критическая ситуация – это сложная субъективно-объективная реальность, в которой объективным компонентом становятся воздействия окружающего мира, несущие реальную или возможную угрозу личности; субъективным – символически-образное ее отражение в психике человека, результатом чего выступает интерпретация ситуации как критической. Для критической ситуации характерны две невозможности: невозможность реализации внутренних потребностей своей жизни и невозможность прежнего способа жизнедеятельности [4, с. 125].

К основным типам критических ситуаций по Ф.Е. Василюку [2] относят: стресс, фрустрацию, конфликт и кризис. Стрессовая ситуация возникает в результате невозможности удовлетворения потребности «здесь и сейчас», фрустрация выступает как ситуация невозможности реализации мотива, конфликт – ситуация невозможности внутренней согласованности, кризис – невозможность реализации жизненного замысла (жизненных предназначений и смыслов) в результате социальных потрясений и психологических проблем личности.

Кризисная ситуация – это психологическая ситуация, в которой система отношений личности и окружающего мира характеризуется несоответствием между стремлениями,

ценностями, целями, жизненными предназначениями человека и возможностями их реализации [4, с. 111]. Выделяют вероятностные, закономерные, психодуховные и экзистенциальные личностные кризисы. В подростковом возрасте целесообразно говорить о вероятностных, связанных с определенными экстремальными воздействиями, и закономерном кризисе подросткового возраста. Возможен еще экзистенциальный кризис как состояние глубокого психологического дискомфорта в отношении проблем смысла своего существования.

Содержание кризиса раскрывается в понятиях бифуркация и трансгрессия [4, с. 106]. Под бифуркацией понимают состояние системы, характеризующееся неустойчивостью, неопределенностью, неравновесностью. После состояния бифуркации система может распасться, прекратить свое существование или перейти на более высокий уровень самоорганизации и упорядоченности. Проявления девиантного поведения очень похожи на состояние бифуркации в системе личность. Оно неустойчиво, может как стать патологическим, так и вернуться к нормативности.

Трансгрессия – способ преодоления кризиса, «выход за какую-либо границу» [4, с. 108], момент перехода из одного состояния в другое. Выделяют четыре типа трансгрессии: трансгрессия, направленная на материальный мир (творческое преобразование окружающего); трансгрессия, направленная на людей (альтруизм, власть и т.п.); трансгрессия, направленная на создание новых мыслительных конструкций (наука, искусство, философия, религия); трансгрессия, направленная на самого себя (саморазвитие, созидание себя в соответствии с собственным проектом).

Таким образом, рассматривают несколько видов критических ситуаций [2]: стресс, фрустрацию, конфликт и кризис. Все они встречаются в повседневной жизни большинства подростков. Важным в данном случае оказывается то, как подросток реагирует на такую ситуацию и насколько его поведение адаптивно или же девиантно. Различают жизнестойкий и виктимный стили или способы преодоления критических ситуаций [4, с.188]. Так, личность с жизнестойким стилем преодоления отличается активностью и направленностью на поиск ресурсов в себе для совладания с ситуацией. Личность с виктимным стилем преодоления характеризуется низким уровнем активности, направленной на преодоление трудной жизненной ситуации, но высоким уровнем активности, направленной на удержание психологических защит и поиск ресурсов во внешнем мире. Такая личность отстраняется от травмирующей информации, вытесняет ее из сознания, избегает ответственности. Не обязательно такая личность будет проявлять девиантное поведение, однако она склонна не перерабатывать кризисные и критические ситуации, застревать в них. Впоследствии, такого подростка гораздо легче склонить к девиантному поведению или сделать жертвой такого поведения.

Методами эмпирического изучения предикторов девиантного поведения в подростковом возрасте вслед за С.Н. Дубининым можно назвать следующие: герменевтические – самонаблюдение и самоанализ, психодиагностические: опросник Спилбергера-Ханина, тест "ТиД" по Т.И. Балашовой, тест "Самооценка" по Р. Кеттелу, тест "Самооценка психических состояний" по Г. Айзенку; психокоррекционные: метод поведенческой рефлексии (модернизация С.Н. Дубинина), метод видеорефлексии (модернизация С.Н. Дубинина), метод осознания личностных конструктов (разработка С.Н. Дубинина). Данный психодиагностический комплекс необходимо дополнить методикой шкалирования Л.В. Восковской и А.В. Ляшук «Диагностика духовного кризиса» [4, с.112-114]. Вышеописанный комплекс психодиагностических методик позволит получить данные о выраженности эмоциональной напряженности подростков и наличии экзистенциального или психодуховного кризиса. Такой срез целесообразно провести в группах подростков с различными формами девиантного поведения и в группе среднестатистической нормы, путем сравнения результатов можно будет сделать вывод о большей или меньшей распространенности переживания кризисных или критических ситуаций среди подростков с девиантным поведением.

Выводы. Таким образом, воспитание жизнестойкого стиля преодоления критических ситуаций является способом профилактики девиантного поведения в подростковом возрасте. Можно согласиться с предположением Л.Б. Шнейдер о том, что профилактика девиантного поведения подростков должна строиться на конструктивном формировании самоорганизации времени собственной жизни путем актуализации процесса смыслообразования. Это неизбежно произойдет благодаря осмыслению и переосмыслению кризисных и критических ситуаций в жизни подростка. Гипотеза ожидает эмпирической проверки.

Литература

1. Белов В.Г. Фрустрация как предиктор девиантного поведения у подростков / В.Г. Белов, Ю.А. Парфенов, Н.С. Малинина // Ученые записки университета – Лесгафта. 2011. – №11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frustratsiya-kak-prediktor-deviantnogo-povedeniya-u-podrostkov> (дата обращения: 02.07.2020).
2. Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
3. Дубинин, С.Н. Психологические детерминанты и механизмы коррекции девиантного поведения личности: автореф. дис. докт. психол. наук 19.00.07 – Педагогическая психология, 19.00.10 – Коррекционная психология / Сергей Николаевич Дубинин. – Нижний Новгород. – 2011. – 77 с.
4. Одинцова, М.А. Психология жизнестойкости: учеб. пособие / М.А. Одинцова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2015. – 296 с.
5. Шнейдер, Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков / Л.Б. Шнейдер. – М. : Академический Проект; Трикста, 2005. – 336 с. – (Психологические технологии).
6. Ma, X. (2001). Bullying and being bullied: To what extent are bullies also victims? *American Educational Research Journal*, 38, 351-370.
7. Mahoney, J., & Stattin, H. (2000). Leisure activities and adolescent antisocial behavior. The role of structure and social context. *Journal of Adolescence*, 23, 113-127.
8. Cummings, M., & Davies, P. (2002). Effects of marital conflict on children: Recent advances and emerging themes in process-oriented research. *Journal of Child Psychology & Psychiatry*, 43, 31-63.

УДК: 159.922.27

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОДАРЕННЫХ УЧАЩИХСЯ КАК РЕСУРСЫ ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ¹

Лактионова Елена Борисовна,

доктор психологических наук, профессор
заведующий кафедрой психологии развития и образования
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена», г. Санкт-Петербург

Тузова Александра Сергеевна,

аспирант кафедры психологии развития и образования
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена», г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье представлены результаты теоретического анализа проблемы изучения личностных ресурсов одаренных учащихся. Описана роль психологических

---

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-013-00410.

особенностей одаренных школьников в контексте поддержания психологического благополучия.

Ключевые слова: психологическое благополучие, одаренность, психологические ресурсы.

Annotation. The article presents the results of theoretical analysis of the problem of studying the personal resources of gifted students. The role of psychological features of gifted students in the process of supporting psychological well-being is described.

Keywords: psychological well-being, giftedness, psychological resources.

Постановка проблемы. Одаренные дети как категория учащихся с высокими незаурядными достижениями может составлять группу риска. Среди факторов предупреждения развития одаренности по дисгармоничному типу и профилактики личностных, социально-психологических проблем и отклонений в поведении важное значение имеют показатели психологического благополучия одаренных детей и подростков. Поэтому все более актуальной становится задача изучения психологических ресурсов, не только обеспечивающих эффективную деятельность, но и поддерживающих психологическое благополучие одаренных учащихся.

Целью статьи является теоретический анализ исследований, посвященных проблеме психологических особенностей одаренных школьников и личностных ресурсов, обеспечивающих поддержание оптимального уровня психологического благополучия.

Изложение основного материала исследования. Создание благоприятных условий для развития личности одаренных детей привлекало внимание исследователей на протяжении длительного периода изучения проблем психологии способностей, однако область исследований внутренних ресурсов, обеспечивающих психологическое благополучие одаренных, долгое время оставалась мало разработанной.

Значительная часть исследований одаренности посвящена описанию личностных особенностей в контексте неблагоприятного сценария развития их психологических качеств (дисгармоничного типа развития).

М. Нейхарт полагает, что на одаренных учащихся оказывает влияние ряд внешних условий, которые ставят их в ситуацию специфического риска эмоционального и социального развития. Ярким примером является приписывание ярлыка одаренности в детстве, которое приводит к эмоциональным трудностям из-за больших социальных ожиданий и давления, связанных с академическими достижениями [6].

Типичные проблемы, с которыми может столкнуться одаренный ребенок в школе имеют социально-психологическую основу (конфликтность, проблемы общения со сверстниками, социальная изоляция и др.). Трудности взаимоотношений с течением времени приобретают форму дезадаптивного поведения, которое вряд ли будет способствовать раскрытию потенциала одаренного ребенка.

В качестве источников возможных трудностей называют следующие характеристики одаренных: стремление к совершенству, перфекционизм; высокая критичность и требовательность к себе и окружающим; низкая или нестабильная самооценка; повышенная чувствительность (сверхчувствительность), высокая впечатлительность, аффективность или, наоборот, эмоциональная холодность, замкнутость. Также исследователями отмечается присущая одаренным автономность, нонконформизм, а также способность к постановке проблем, в том числе склонность видеть проблему там, где другие ее не замечают [4].

Несмотря на высокие риски, исследования свидетельствуют о наличии групп детей с повышенными способностями, которые позитивно развиваются и адаптируются не хуже сверстников [2]. Поэтому вопрос о том, будут ли действовать факторы риска в процессе развития, зависит от факторов защиты, то есть наличия ресурсов [4, с. 27].

Под ресурсами в широком смысле понимают внешние и внутренние резервы личности, которые мобилизуются при определенных обстоятельствах. Отечественными авторами это понятие нередко отождествляется с термином «потенциал» (Д.А. Леонтьев и др.), а в

зарубежной психологии ресурсы рассматриваются как факторы, снижающие действие стресса и его последствий (A.S. Masten, M.G. Reed и др.).

Исследования показывают, что уровень психологического благополучия в большей степени зависит от выраженности личностных характеристик, чем от силы стрессового воздействия (J. French, R.D. Caplan, R.V. Harrison и др.). Личностные ресурсы выступают как инструменты, используемые для трансформации восприятия стрессовой ситуации и совладания с ней [1]. Ресурс можно рассматривать как вспомогательное средство, которое способствует достижению цели и поддержанию психологического благополучия.

К личностным ресурсам, поддерживающим психологическое благополучие, как правило, относят: жизнестойкость, сопротивляемость (способность восстанавливаться после стрессовых ситуаций), осмысленность, оптимизм (оптимистический атрибутивный стиль по М. Селигману), самооценку (позитивное самоотношение), толерантность к неопределенности (нейтральное или позитивное отношение субъекта к неопределенным, неоднозначным или изменчивым ситуациям), самоконтроль и саморегуляцию.

В психологических исследованиях показана предиктивная значимость свойств личности для психологического благополучия [1]. Отметим, что под психологическим благополучием понимается не столько субъективная оценка переживания своего состояния как благополучного, сколько оснащенность необходимыми психологическими качествами, позволяющими функционировать более успешно, чем при их отсутствии (К. Рифф). В качестве базовых составляющих К. Рифф выделила шесть основных компонентов, определяющих позитивное функционирование личности: самопринятие, позитивные отношения с другими, автономия, управление средой, целенаправленность жизни, личностный рост [7].

Результаты зарубежных исследований психологического благополучия одаренных детей и подростков противоречивы. Вопрос, который пытаются решить исследователи заключается в выяснении уровня адаптивности и ресурсов одаренных детей и подростков. Одни авторы считают, что одаренные дети неадаптивны, уязвимы, другие говорят об их сверхадаптивности, устойчивости к негативным влияниям. Последнее основано на предположении о том, что одаренные люди способны лучше понимать себя и других благодаря своим познавательным способностям и, следовательно, лучше справляются со стрессом, конфликтами и диссинхронией развития, чем их сверстники [6]. Ряд авторов (J.R. Whitmore, C. Lombroso) говорит о наличии личностных характеристик одаренных, которые повышают риск развития социальных проблем, другие исследователи (C.R. Reynolds, L.M. Terman, I.N. Grossberg, D.G. Cornell) утверждают обратное.

На выборках одаренных учащихся изучены такие ресурсы как жизнестойкость (устойчивость, сопротивляемость), стратегии совладания с неблагоприятными ситуациями (копинг-стратегии), саморегуляция в учебной деятельности и самооффективность [5].

Немаловажное значение имеют и мотивационные ресурсы. Результаты американского исследования (Siegle, McCoach, 2002), в котором сравнивали личностные характеристики одаренных высоко- и слабоуспевающих старшеклассников, показали, что слабоуспевающие одаренные отличались от успешных по показателям отношений к учителям и школе, ценностных ориентаций, саморегуляции и мотивации [5, с. 169].

Исследования отечественных авторов (В.И. Моросанова, Е.И. Щепланова И.Н. Бондаренко, В.А. Сидиков и др.) показали, что сильной характеристикой одаренных подростков является осознанная саморегуляция, которая во многом определяет их академическую успеваемость. Высокой успеваемости достигают учащиеся, проявляющие инициативу в регуляции процесса приобретения знаний и своей активности в школе [3]. Это дает возможность выделить инициативность и самостоятельность одаренных детей в качестве их личностных ресурсов.

В качестве ресурсов рассматриваются высокий интеллект, креативность, а также такие особенности личности одаренных, как доминантность, независимость, эмоциональная устойчивость, уверенность и ощущение самооффективности [4]. Следует отметить, что высокий интеллект не всегда способствует более эффективному преодолению трудностей

(L.C. Bland, C.J. Sowa и С.М. Callahan), однако использование когнитивной оценки ситуаций в процессе решения проблем может способствовать выбору наиболее оптимальных стратегий совладающего поведения и ослаблять риски личностных и социально-психологических проблем у одаренных подростков.

Выводы. Результаты современных исследований дают основания рассматривать личностные особенности одаренных детей и подростков в контексте их психологического благополучия.

Проведенный теоретический анализ позволяет выделить следующие личностные и когнитивные характеристики одаренных учащихся в качестве ресурсов их психологического благополучия: жизнестойкость, осмысленность, высокая самооценка (позитивное самоотношение, самопринятие), креативность, толерантность к неопределенности (нейтральное или позитивное отношение субъекта к неопределенным, неоднозначным или изменчивым ситуациям), самоконтроль и саморегуляция.

В контексте дальнейшего исследования планируется эмпирическое подтверждение влияния определенных в результате теоретического анализа характеристик на психологическое благополучие одаренных учащихся. Это позволит существенно дополнить картину представлений об условиях развития интеллектуально одаренных детей в связи с их психологическим благополучием и служить основанием для разработки системы их психологического сопровождения.

Литература

1. Иванова Т.Ю. Функциональная роль личностных ресурсов в обеспечении психологического благополучия: Дис. ...канд. психол. наук. – М., 2016. – 206 с.
2. Лактионова Е.Б., Грецов А.Г., Орлова А.В. Подходы к изучению психологического благополучия одаренных учащихся в образовательной среде // Педагогический ИМИДЖ, №4, 2019. – С. 644-654.
3. Моросанова В.И., Щебланова Е.И., Бондаренко И.Н., Сидиков В.А. Взаимосвязь психометрического интеллекта, осознанной саморегуляции учебной деятельности и академической успеваемости одаренных подростков // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2013. – № 3. – С. 18-32.
4. Хазова С.А. Одаренные старшеклассники: факторы риска и ресурсы развития // Психологическая наука и образование. – 2012. – Том 17. – № 4. – С. 26-33.
5. Щебланова Е.И. Неуспешные одаренные школьники. – М.; Обнинск: ИГ–СОЦИН, 2008. – 212 с.
6. Neihart M. The impact of giftedness on psychological well-being/ Roeper Review.1999. – Vol. 22, No. 1, p. 10-17.
7. Ryff C.D. The structure of psychological well-being revisited // Journal of Personality and Social Psychology. – 1995. Vol. 69. p.719-727.

УДК: 159.9.

МУЗЕЙНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ПСИХОПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Латышева Марианна Александровна,

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры
социальной психологии ФГБОУ ВО «Крымский федеральный
университет им. В.И. Вернадского», г. Симферополь

Аннотация. В статье рассматриваются социально-психологический и психолого-педагогический аспекты музейной деятельности в психопрофилактике девиантного поведения

среди детей и подростков. Обсуждаются преимущества музейной деятельности, обосновывается ее роль в образовательном процессе с точки зрения современных научных представлений.

Ключевые слова: психопрофилактика девиантное поведение, дети и подростки, социокультурная среда, музейная деятельность, музейная коммуникация, культурные коды, ценности, межпоколенный диалог

Annotation. In the article the socio-psychological and psychological-pedagogical aspects of museum activity at the psychological prevention of deviant behavior among children and adolescents is reviewed. The museum's activity advantages are discussed, its role in the educational process are based from the perspective of contemporary scientific notions.

Keywords: psychological prevention of deviant behavior, children and adolescents, socio-cultural environment, museum activity, museum communication, cultural codes, intergenerational dialogue

Постановка проблемы. Рассмотрение проблем профилактики девиантного поведения среди детей и молодежи, связанных с влиянием культурных и психологических факторов, является в настоящий момент предельно актуальным. Цифровизация, трансформация социального и культурного пространства российского общества последних 20 лет существенно изменила социальную ситуацию развития подрастающего поколения, саму систему отношений «ребенок – общество». Как следствие, изменились формы решения задач развития, формирование соответствующих возрастных психологических новообразований, особо остро проявляющихся в период отрочества. «...данный период в жизни каждого человека является переломным и определяющим его дальнейшую судьбу в русле нормального или аномального формирования личности. К тому же, сам по себе подростковый возраст невозможно рассматривать в отрыве от той исторической эпохи, в которой проживается данный период жизни, определяющий свои критерии девиаций» [11, с. 3].

Изучая проблемы нынешнего постиндустриального поколения, отечественные и зарубежные исследователи приходят к выводу, что на формирование и социализацию личности существенное влияние оказывает социокультурное пространство, в котором рождается и взрослеет ребенок [12]. Именно это уникальное сочетание комплекса элементов, сложившегося на определенной территории, влияет на создание устойчивой системы личностных смыслов, самосознания личности, включая ее региональную, этнокультурную, гражданскую идентичности. «Система смысловых образований определяет особенности интерпретации прошлого и актуального опыта, построение жизненных перспектив, стратегии поведения, и в итоге, определяет пути и способы адаптации/дезадаптации личности» [1, с. 105]. В этой связи возникает необходимость поиска такого культурно-универсального фактора, который обеспечит гармоничное становление личности ребенка и позволит скоординировать существующие системы психопрофилактики девиантного поведения среди детей и молодежи.

Целью статьи является психологическое осмысление музейной деятельности в психопрофилактике девиантного поведения среди подрастающего поколения с точки зрения современных научных представлений.

Изложение основного материала исследования. Теоретический анализ научных источников свидетельствуют о том, что проявление девиантного поведения среди детей и молодежи обусловлено не одним из известных факторов, а их совокупностью. В частности, анализируя социальные причины девиантного поведения, прежде всего, следует выделить перманентность неопределенности и неуверенность в будущем, двойственность общественной морали и моральных ценностей, либерализацию половой морали, коммерциализацию образовательной и медицинской сферы, засилье и агрессивность массовой культуры. И основное – современное общество превратилось в информационное. С одной стороны, это расширило возможности молодого поколения в освоении социальной среды, а с другой – неизмеримо сузило, прежде всего, в ценностно-смысловом аспекте [1; 2]. Дети и

подростки перестали ориентироваться на авторитет взрослого, реализовывать необходимые виды деятельности (общение в семейном кругу, игры со сверстниками, физическая активность), снизилась познавательная мотивация. «Множественность смысловых контекстов и разнородных информационно-коммуникативных полей, в которых оказывается современный подросток, приводит к нарушениям в становлении личностной идентичности, к формированию противоречивого образа мира, к размыванию или утрате жизненных перспектив, что, в свою очередь, выступает фактором интропсихической дезадаптации» [1, с.106]. В частности, в исследовании Алехина А.Н., Королевой Н.Н. установлено, что образ мира современных подростков можно охарактеризовать как «калейдоскопический», который включает множество разнородных, нередко диаметрально противоположных норм, правил, поведенческих и коммуникативных паттернов. Как следствие, затрудняется интериоризация социокультурных кодов, становление социальной и личностной идентичности, наработка собственных стратегий и форм взаимодействия со значимыми другими и обществом в целом.

Среди социально-психологических причин продолжают лидировать дисгармоничные детско-родительские отношения, недостаточный или искаженный уровень психолого-педагогической компетентности, межпоколенный разрыв. Так, Г.В. Бурменская указывает, что современные родители повсеместно отказываются от традиционной модели воспитания и взаимодействия с детьми, не понимая в целом как нужно их воспитывать. «Высокая воспитательная неуверенность значительной части родителей ... превратилась в массовую дезориентацию в отношении базовых целей, ценностей и задач воспитания, образцов и форм взаимодействия, способов контроля за поведением детей (проблема поощрений и наказаний) и т. д. [2, с. 233].

Эти данные подтверждают результаты исследования, проведенного Дубровым Д.И. и Татарко А.Н. Авторы выявили, что среди современных подростков как в городской, так и в сельской среде прослеживается выраженная «горизонтальная» трансмиссия ценностей. Иными словами, на ценности подростков оказывают влияние ценности их друзей-сверстников при чем по всем ценностным блокам (Сохранение, Открытость изменениям, Самопреодоление, Самоутверждение) [10].

Среди педагогических причин отметим усложнение учебных программ, интенсификацию школьных нагрузок и, несмотря на декларацию гармоничного развития личности детей, смещение образовательного вектора в сторону интеллектуальной сферы при нивелировании роли учителя в образовательном процессе.

В дополнение к вышесказанному возросло число детей психологические трудности которых напрямую связаны с их ослабленным нервно-психическим здоровьем. «Ситуация усугубляется тем, что неврологические предпосылки подобных проблем чаще всего остаются не диагностированными и тогда проблемы ребенка приписываются либо его недостаточным способностям, либо его слабым волевым и личностным качествам. Таким образом, нередко вместо оказания помощи семья и школа неправомерно переводят проблему в плоскость негативного оценивания личности ребенка и возлагают на него моральную ответственность за недостаточную успешность со всеми вытекающими для ребенка драматическими последствиями в виде хронического стресса, тревожных состояний, снижения самооценки, невротизации или протестных реакций» – пишет Г.В. Бурменская [2, с. 235]. В работе Д.И. Фельдштейна описывается специфика психической организации современных российских подростков от их сверстников середины прошлого столетия : неравномерность интеллектуального развития, структурные изменения процессов внимания и памяти; возрастание эмоционального дискомфорта, переживание отчуждения и одиночества, неуверенности в себе и собственном будущем; повышение критичности по отношению к взрослым наряду с усилением процессов индивидуализации, напряженностью поисков смысла собственной жизни; изменения ценностных приоритетов; нарастающий дефицит общения со сверстниками; замедленное развитие коммуникативной и социальной компетентностей, самостоятельности в принятии решений [15].

Очевидно, что современное общество само задает условия для многочисленных вариаций проявления девиантного поведения среди подрастающего поколения. И эти проявления есть ни что иное как искажение в развитии личностной сферы, а социокультурная среда нередко способствует их закреплению. Можно констатировать, несколько перефразируя Л. С. Выготского, что «...дефект или порок (в рамках обсуждаемой проблемы – личностный) реализуется как социальная ненормальность поведения» [7, с. 65], а значит и «вправлять» его возможно лишь социальными способами.

В этой связи отметим, что в качестве одного из ресурсов социокультурной среды, в которой живет ребенок, следует рассматривать музей как источник хранения культурного наследия (исторического, литературного, религиозного и т.п.), и как пространство для построения межпоколенного диалога, формирующее целевые, смысловые установки растущей личности. Н. Ф. Федоров рассматривал музеи как нравственно-воспитательные учреждения, которые активно влияют на цели и смысл человеческой деятельности, способствуют развитию духовности и творческого начала в человеке. По мнению русского философа музеи являются посредниками между исследовательским знанием, сконцентрированным в музее, и младшим поколением и вход в него возможен только через учебное заведение [14]. Действительно, все большую востребованность получает музейная педагогика как междисциплинарная область, обеспечивающая «опыт личного соприкосновения с реальностью истории и культуры» [3, с. 255]. Макеева подчеркивает, что «...одна из основных задач музея заключается в оказании помощи ребенку в осознании того, что культура – живой организм, живая форма, которая ориентирована на те же реалии, что и повседневное существование. Ребенку необходимо дать почувствовать естественность и закономерность культурных процессов... они (музеи) способны эффективно воздействовать на формирование патриотических качеств, нравственности личности, поликультурного сознания, воспитание личности, способной к самовоспитанию и саморазвитию» [11, с.115-116]. Присвоение смысловых конструктов, транслируемых в рамках музейного пространства, развитие соответствующих качеств личности возможно только в процессе совместной деятельности – ребенка как посетителя и музейного пространства, которая требует предварительной подготовки и последующего обсуждения впечатлений и закрепления полученных знаний.

Так, например, Т.Ю. Харитоновна в рамках музейной деятельности выделяет такой ее важный аспект как музейная коммуникация, которую предлагает понимать как социальное взаимодействие субъектов, со-творение социальной реальности и конструирование смысловых полей. В ситуации музейной коммуникации автором выделяются следующие компоненты: функциональный, связанный с удовлетворённостью посетителя психологической атмосферой музея; личностный, связанный с эмоциональной вовлеченностью в тематику; идентификационный, связанный с принадлежностью к социальной общности посетителей [13, с. 10-11]. В своем исследовании Т.Ю. Харитоновна выявила, что в ситуации музейной коммуникации идентификационный компонент является базовым и представляет собой принадлежность к социальной общности. При этом идентификационный компонент наиболее выражен у представителей поколения 40-60-х гг., которые осознают и удовлетворяют эстетическую потребность при посещении музея, имеют высокие показатели вовлеченности, принятия риска и жизнестойкости. Наименее выраженным оказался идентификационный компонент у представителей так называемого поколения X, которым присущи такие психологические характеристики как более низкая степень удовлетворенности жизнью и ее эмоциональной насыщенности, более низкая степень осознания целей в жизни и более низкий показатель жизнестойкости; высокая интолерантность к неопределенности, сниженные показатели самоотраженности (более низкий уровень личностной зрелости).

С позиции психологической науки в музейной деятельности реализуются такие функции как информационная и функция эмоционального переживания. Собственно понятие «переживание», которое тщательно проработано в культурно-исторической теории Л. С.

Выготского, играет в данном случае ключевую роль, поскольку в рамках обсуждаемой проблемы интересно не просто как феномен, а как инструмент для анализа развития ребенка в определенном социокультурном контексте [5]. «В переживании, следовательно, дана с одной стороны, среда в ее отношении ко мне, в том, как я переживаю эту среду; с другой – сказываются особенности развития моей личности. В моем переживании сказывается то, в какой мере все мои свойства, как они сложились в ходе развития, участвуют здесь в определенную минуту» [6, с. 204]. То есть переживание есть единица анализа личности и среды, и «ребенок есть часть социальной ситуации, отношение ребенка к среде и среды к ребенку дается через переживание и деятельность самого ребенка, силы среды приобретают направляющее значение благодаря переживанию ребенка» [6, с.205].

В музейной деятельности следует выделить еще одну функцию, о которой практически не упоминается в литературных источниках, – аксиологическую. Поскольку в рамках музейной коммуникации, по нашему мнению, собственно, и осуществляется трансляция глубинных смыслов, культурных кодов подрастающему поколению. Таким образом, включение музейной коммуникации в образовательный процесс способствует не только и не столько «формированию эстетически грамотной и культурно компетентной личности» [13, с. 4], но обеспечивает реальный со-бытийный контент для взрослеющего ребенка, в котором возможна сложная внутренняя работа над собой через осмысление себя.

Интеграция музея в образовательный процессе – не самоцель. Например, литературный материал, представленный в историческом и биографическом контекстах, может оказать влияние не только на расширение культурного кругозора обучающихся, формирование их историко-культурных представлений, необходимых для выполнения письменных работ по соответствующему предмету. Прежде всего, через сопричастность к событиям, происходившим на территории малой родины, опыт реальных переживаний ребенка будет осуществляться его личностное становление.

Выводы. Психопрофилактика девиантного поведения сред детей и молодежи в настоящее время является одной из значимых проблем российского государства. Проведенный теоретический анализ позволяет констатировать, что музейная деятельность, интегрированная в образовательный процесс, прежде всего, обеспечивает подрастающему поколению возможность получения опыта личностного переживания реальности истории и культуры, смягчает межпоколенный разрыв, а главное – способствует формированию у них такой системы ценностей, в которой главными становятся человеческие отношения. Наряду с этим обеспечивается развитие познавательного интереса к родному краю, метапредметных и общекультурных компетенций, систематизируются школьные знания, умения и навыки.

Литература

1. Алехин А.Н., Королева Н.Н. Смысловые структуры образа мира как внутренние факторы саморазрушающего поведения современных подростков // *Universum: Вестник Герценовского университета*. – 2013. – №. 4. – С. 99-109.
2. Бурменская Г.В. Возрастно-психологический подход в консультировании родителей по вопросам психического развития и психологического благополучия детей и подростков // *Мир психологии*. – 2017. – 2 (90). – С. 231-242.
3. Васильева Т.Е. Роль музейной педагогики в формировании целостной личности // *Вестник Красноярского государственного аграрного университета*. – 2007. – №. 4.
4. Веневская И.А. О социальной ситуации развития современных подростков // *Актуальные проблемы и технологии юридической психологии детства: от девиантного развития к нормативному поведению*. – 2017.
5. Вересов Н. Переживание как психологический феномен и теоретическое понятие : уточняющие вопросы и методологические медитации // *Культурно-историческая психология*. – 2016. – Т. 12. –№ 3. – С. 129-148.
6. Выготский Л.С. Переживание как единица личности и среды / *Психология социальных ситуаций* / Сост. и общ. ред. Н.В. Гришиной. – СПб.: Питер, 2001. – С. 201-205.

7. Выготский Л.С. Основы дефектологии. – СПб.: Лань, 2003. – 654 с.
8. Гаджиева С.Ю. Музейная педагогика как средство формирования межличностных отношений подростков : Автореф. дис. кан. пед. наук. – Махачкала, 2015. – 25 с.
9. Гингель Е.А. Историко-литературный и историко-культурный контекст в письменных работах обучающихся по литературе // Филология и человек. – 2018. – № 1. – С. 166-176.
10. Дубров Д.И., Татарко А.Н. Межпоколенная трансмиссия ценностей в городской и сельской среде // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – Т. 13. – №. 2. – С. 299-310.
11. Малкова Е.Е., Наумова А.А. Отрочество как клиничко-психологический феномен в науке и культуре [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2012. – N 6 (17). – URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 22.08.2020).
12. Орлова Е.В. Социокультурное пространство: к определению понятия // Манускрипт. – 2017. – №7 (81). – С. 149-152.
13. Харитонова Т.Ю. Социально-психологические особенности посетителей в ситуации музейной коммуникации (на примере Главного штаба Государственного Эрмитажа) 19.00.05 – Социальная психология. – СПб., 2018. – 27 с.
14. Федоров Н. Ф. Музей: его смысл и назначение. Сочинения / Под ред. А. В. Гулыга. – М.: Мысль, 1982. – 606 с.
15. Фельдштейн Д.И. Приоритетные направления психолого-педагогических исследований в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития. – М.: МПСИ, МОДЭК, 2010. – 16 с.

УДК: 159.9.07

ИГРА «SMARTGAME» В ПРОФИЛАКТИКЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ДЕВИАЦИЙ ПОДРОСТКОВ

Масленникова Алена Анатольевна,
магистрант 2 курса направления подготовки 44.04.02 –
Психолого- педагогическое образование
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Майсак Надежда Васильевна,
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры конфликтологии и организационной психологии
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,
г. Астрахань

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к изучению коммуникативных нарушений у подростков, приводящих к девиациям. В качестве метода развития конструктивного общения и профилактики коммуникативных девиаций подростков авторы предлагают использование игры «SmartGame» в процессе организации межурочной деятельности школьников.

Ключевые слова: подростки, общение, коммуникативные навыки, профилактика, коммуникативные девиации.

Annotation. This article reveals the main (basic) approaches to research teenage communicative disorders leading to deviance. The authors propose the use of the game «SmartGame» in the process of organizing cross-curricular (inter-school) activities for schoolchildren as a method for the development of competent communication and prevention of teenage deviance.

Keywords: teenagers, interaction, communication skills, prevention, communication deviations.

Постановка проблемы. Современный мир быстро меняется и выдвигает новые требования к личности, стоящей на пороге взросления. Успешность человека в современном мире обеспечивается проявлением таких качеств, как конкурентоспособность, мобильность, сотрудничество, при этом ведущая роль отдается навыкам коммуникации. Следовательно, одной из важнейших задач благополучного личностного развития подростка становится освоение навыка вхождения в коммуникацию, формирования в процессе взаимодействия своей личности и отстаивания ее индивидуальности. Но взаимодействие подростка с окружающим миром не всегда проходит гладко и безболезненно. Препятствиями выступают не только особенности подросткового возраста и специфика окружающей среды, но и темп развития инновационных технологий, с одной стороны, направленных на повышение «комфорта» жизни, а с другой стороны, – снижающих навыки реального общения и межличностной коммуникации.

Так, в последнее время наибольшую популярность среди подростков приобретает виртуальное Интернет-общение, в котором отсутствует непосредственный контакт, необходимый для полноценной коммуникации. Несформированность коммуникативных навыков создает существенные затруднения в общении среди сверстников и социуме в целом, в самораскрытии и реализации в учебе, приводит к неконструктивному взаимодействию, к появлению нарушений в социализации, к возникновению различных девиаций и формированию у подростков таких личностных качеств, как агрессивность, конфликтность, негативизм, асоциальность, замкнутость и прочие.

Проблема также состоит в том, что современные подростки, увлеченные Интернет-общением, почти не играют в совместные активные игры, тем более на переменах в школе. А задача педагогов и психологов состоит в приобщении подростков к совместной деятельности и коммуникации посредством игры, развивающей концентрацию внимания, скорость реакций, координацию движений, соревновательность, здоровую конкуренцию и другие коммуникативные качества.

Целью статьи является исследование причин коммуникативных девиаций у подростков и инновационных методов их профилактики в организации межурочной деятельности педагогом-психологом образовательного учреждения.

Изложение основного материала исследования. Владение навыками общения с окружающим миром является одним из важных направлений развития личности и ее профессионального становления. Коммуникативные навыки являются одними из важнейших условий успешного социального развития человека, вхождения его в социум. От уровня сформированности навыков общения зависит и успешность личности в различных видах деятельности.

В отечественной психологии общение рассматривается как одно из основных условий развития ребенка, как важнейший фактор формирования его личности, ведущий вид человеческой деятельности, направленный на познание и оценку самого себя через посредство других людей в любом возрасте (Л. С. Выготский, А. В. Запорожец, А. Н. Леонтьев, М. И. Лисина, С. Л. Рубинштейн, Д. Б. Эльконин).

Л.Ю. Сиротюк уверен, что ребенок, ограниченный в общении на первоначальном этапе своего развития, испытывает трудности в коммуникации в дальнейшем. Ограниченное общение со взрослым в раннем детстве приводит к коммуникативному дефициту, что обуславливает отклонения в развитии коммуникативных навыков ребенка (низкая потребность в общении, задержка в развитии предметно-манипулятивной деятельности и ситуативно-деловых коммуникаций, пассивная подчиненность взрослому, ускользящий взгляд, малый запас коммуникативных средств). В дальнейшем коммуникативная депривация приведет к девиации, выражаемой в неумении выстраивать отношения в коллективе, семье, социуме, в низкой инициативности, в пассивной позиции к окружающему миру, в противоречивости суждений и поведения [6, с. 33-37].

Особенное значение умение выстраивать общение приобретает в подростковом возрасте. В этот период подростки пытаются активно взаимодействовать с другими людьми, учатся понимать себя и другого, оказывать помощь, формировать дружеские связи. И здесь референтно-значимыми участниками взаимодействия становятся сверстники, среди которых подросток пытается найти себя и реализовать свои потребности и способности. Потребность в общении возникает потому, что окружающие (сверстники, взрослые) воспринимаются как отражение, с которым подросток идентифицирует себя, выискивая сходства и отличия, развивая свое самосознание. Видя собеседника, считывая его мимику, жесты, прикасаясь к нему, подросток приобретает определенные паттерны коммуникативного взаимодействия.

Исследования последних лет показывают большое внимание ученых к проблеме несформированности коммуникативных навыков, к изучению коммуникативных девиаций. Учеными активно изучается неконструктивное, неэффективное, дисгармоничное, затрудненное общение. В психологии личности эта проблема носит название дефицита общения и определяется как следствие субъективного переживания личностью социального одиночества (G. Zilburg, G. Sullivan, R. Weiss, И. С. Кон, Е. Е. Рогова, И. М. Слободчиков). В психологии развития исследуется подростковая деструктивность общения, находящая свое выражение в агрессивности и конфликтности (В. К. Андриенко, С. А. Беличева, Л. М. Семенюк). В клинической и специальной психологии проводятся исследования нарушенного общения, вызванного дизонтогенезом подростка (J. Narayan, A. S. Mersal, Л. М. Шипицына, О. В. Защирина), отклонениями в формировании эмоционально-волевой сферы (С. А. Морозов, О. С. Никольская), задержкой психического развития (Т. П. Артемьева, Е. М. Габуева, Г. А. Карпова). Психологией стресса и совладающего поведения изучаются деформации общения подростков вследствие влияния коммуникативного стресса (W. Griffit, V. S. Dohrenwend, Т. Л. Крюкова, Е. В. Куфтяк, М. В. Сапоровская).

Проблема затрудненного общения детей и подростков, связанная со снижением их коммуникативной активности, формализацией, стереотипизацией межличностных контактов, подменой непосредственного общения виртуальными способами взаимодействия, является одним из приоритетных объектов исследования как в научном (в социологии, психологии, психолингвистике, педагогике), так и в прикладном аспектах (разработка технологий психокоррекции и профилактики коммуникативных трудностей, вариативных программ развития коммуникативной компетентности подрастающего поколения и фасилитации конструктивных паттернов межличностного общения).

Учеными активно изучаются и условия социальной среды, окружающей подростка. Степень открытости микросоциума окружающему миру непосредственно влияет на формирование коммуникативных навыков у подростков, уменьшая или увеличивая риск возникновения коммуникативных девиаций. Актуальный уровень развития общения, характеризующийся различной силой и степенью выраженности объективных препятствий или субъективно переживаемых трудностей взаимодействия, усложняющих межличностные отношения, обнажает проблемы подростковой коммуникации. Учеными выделяются как нормативные коммуникативные трудности, связанные с возрастными задачами онтогенеза общения (агрессивность, трудности эмпатии, неготовность признавать и исправлять собственные ошибки), так и трудности, вызванные определенными условиями среды. Условия изолированных социальных групп (пенитенциарное учреждение и кадетский корпус) способствуют появлению таких коммуникативных девиаций, как низкий уровень отзывчивости и сотрудничества, закрытость, эмоциональная холодность, неспособность понять причины возникающих проблем и успешно разрешать противоречия с партнерами, скованность в общении. Подростки с коммуникативными девиациями демонстрируют агрессивные и манипулятивные действия, прибегают к моббингу, используют неконструктивные копинг-стратегии – конфронтацию, дистанцирование, избегание, принуждение и др. [5].

М.Ю. Кондратьев подчеркивает стремление подростков к общению, что обусловлено ведущей деятельностью, и к образованию референтных групп. Подмена одной ведущей

деятельности другой, например, учебной или игровой, приводит к формированию фундамента социальных девиаций. Подросток, не освоивший интимно-личностное общение как ведущую деятельность, несет значительные потери в личностном развитии, которое в этих обстоятельствах оказывается «явно обедненным и заторможенным...» [1, с. 33]. При этом особые условия социальной среды изменяют личностные качества подростков и могут препятствовать формированию конструктивных коммуникативных навыков.

Исследование В.М. Уфимцевой, проводимое в образовательном учреждении с группой старших подростков, позволило определить основные коммуникативные проблемы, возникающие в школьном коллективе. Результаты изучения особенностей процессов, влияющих на сформированность навыков общения у старших подростков, показали наличие проблем в трех аспектах:

- со стороны перцепции: заниженный или низкий уровень эмпатических способностей;
- со стороны коммуникации: низкая эффективность приема информации, недостаточная развитость умения быстро ее перерабатывать и выделять главное, а также низкий уровень сформированности навыка воспроизведения информации в процессе коммуникации;
- со стороны интеракции: в ситуации конфликта выражена склонность к проявлению конкуренции.

Подростки со сформированной коммуникацией составляют минимальный процент в проведенном исследовании. У подавляющего большинства подростков уровень сформированности навыков общения имеет средние и ниже среднего показатели [7].

Проблема несформированности коммуникативных навыков продолжает оставаться актуальной независимо от типа учреждения. У подростков недостаточно развито умение воспринимать, передавать информацию; в стрессовых ситуациях они склонны к деструктивным копинг-стратегиям; наблюдаются затруднения в проявлении эмпатических чувств. Таким образом, коммуникативные навыки являются одними из основных составляющих гибких компетенций учащихся.

Отметим, что на прошедшей в 2019 году в Москве V Международной конференции «Школьное образование 21 века: формирование и оценка гибких компетенций» эксперты провели обсуждение проблемы формирования и оценки гибких компетенций у школьников. Все участники проведенного круглого стола отметили важность наличия гибких компетенций (soft skills) у учащихся, указав в их составе навыки общения, социальные навыки, креативность, критическое мышление, и выразили большую уверенность в их возрастающей роли в меняющемся мире и в системе образования будущего. Так, руководитель Рособнадзора д.п.н. С.С. Кравцов обратил внимание на происходящие мировые трансформации, изменяющие сферу технологий, климата и экологии, социальную сферу, сферу экономики и другие жизненные сферы. Он отметил, что акцент в формировании подрастающего поколения должен смещаться в сторону развития гибких компетенций, создающих условия для готовности к различным нестандартным ситуациям, а также для формирования на основе их профессиональных навыков. Дирк Хастед, директор Международной ассоциации по оценке образовательных достижений IEA, также подчеркнул необходимость переориентации образования на развитие у школьников «гибких навыков», так как это является ключевым звеном к решению успешности в будущей трудовой деятельности. Он уверен, что современным обществом востребован мотивированный человек с развитыми навыками взаимодействия, адаптивности, кооперативной работы и критического мышления [2].

«Гибкие навыки» вырабатываются в процессе работы над собой и во взаимодействии с другими людьми. Успех овладения гибкими навыками в значительной степени зависит от того, насколько осознанно и целенаправленно подросток будет этим заниматься. Одними из важных и ценных качеств человека будущего будет проявление вежливости, внимания к окружающим, создание атмосферы доверия, способность к выражению эмпатии.

Нерешенные в подростковом возрасте проблемы коммуникации в дальнейшем создают препятствия для развития личности в профессии. Так, Н.В. Майсак пишет, что

несформированность коммуникативных навыков является проблемой для представителей профессий социономического типа. Затрудняющие эффективную коммуникацию деформационно-деструктивные изменения личности специалистов автор относит к поведенческо-коммуникативным девиациям. Они выражаются в низкой культуре общения и утрате пластичности поведения (неестественность, ригидность, гиперобщительность; аутистическое, конформистское поведение; авторитарность, доминантность, консерватизм); в нарушении эстетической нормы в имидже, манерах, смехе, улыбке, позе, походке, речи специалиста; в виндиктивной (оскорбительной) лексике и девиативном дискурсе; в искажении норм деловой коммуникации вследствие социально-стрессового расстройства (неустойчивость активности, проявления агрессивно-обвинительных реакций, аморальности, цинизма, алогичный скептицизм, склонность к асоциальным действиям). При этом познание других людей, проявление в общении доброжелательности, совести и чести, творчества, стремления к независимому мышлению и самостоятельности обеспечивает фрустрационную толерантность к субъектам общения, стрессоустойчивость и соответствие поведения специалиста этико-профессиональной норме [3]. Критериями сформированной коммуникации являются также умение слушать, убеждать и аргументировать, владение навыками презентации и самопрезентации, публичных выступлений, разрешения конфликтов, способность к командной работе, нацеленность на результат, ориентация на потребности партнера и проявление позитивности.

Спонтанно, сами по себе коммуникативные навыки не сформируются. Их развитие обусловлено тесным взаимодействием подростка со сверстниками и взрослыми как во время уроков, так и между ними.

О формировании коммуникативных навыков у подростков в совместной деятельности свидетельствует исследование, проведенное Л.И. Очировой. Автор доказывает, что для воспитания навыков гармоничного общения важна правильная организация детского досуга, направленная на межличностное взаимодействие подростков со своими сверстниками. Совместная работа подростков приводит к позитивным изменениям в их межличностных отношениях, к значительному повышению уровня общительности и коммуникативности [4]. Очевидно, что пребывание в среде себе подобных создает дополнительный потенциал для развития коммуникации у детей подросткового возраста.

Важно отметить необходимость создания условий, позволяющих развивать коммуникативные компетенции подростков. Работа специалиста в данном случае рассматривается как предотвращение возможных затруднений и отклонений в сфере коммуникации. Актуальность проблемы заключается не только в комплексном анализе концептуальных подходов к изучению проявлений коммуникативных нарушений, но и в определении возможности предупреждения их появления и дальнейшего распространения в поведении подростков, то есть в разработке валидных профилактических психотехнологий.

Так, одним из эффективных методов для развития и совершенствования коммуникативных навыков является игра. Развивающее действие игры проявляется в интеллекте, чувственной сфере, в волевых качествах подростка. Подвижная игра является лучшей формой для проявления коммуникации. Не случайно на базе МБОУ г. Астрахани «СОШ № 22» нами было принято решение о проведении работы с подростками по профилактике коммуникативных девиаций. Наиболее уместным для реализации этого направления мы считаем время школьной перемены. На перемене, в межурочной деятельности, происходит активное взаимодействие подростков и установление дружеских и доверительных отношений.

Межурочная деятельность – это активность, проявляемая детьми между предметными дисциплинами, реализуемая, в основном, с учетом их интересов и предпочтений, направленная на восстановление психофизического состояния, способствующая при правильной организации развитию личностных качеств ребенка, необходимых для успешной адаптации в школьном коллективе и профессионального становления.

Совместно с подростками 5-6 -х классов был организован проект «Переменка, перемена - учебе достойная замена». Выбор данной психотехнологии в качестве инструмента воздействия обусловлен рядом факторов. Во-первых, в процессе социализации влияние общества сверстников носит непосредственный характер; в качестве посредников выступают различные малые группы (устойчивые и временные), а также отдельные референтные для подростка личности. Во-вторых, формат социально-психологического проекта создает два условия, крайне важных для подростка: наличие группы сверстников и наличие потенциального наставника, в качестве которого выступает психолог. В подростковом возрасте родители зачастую не выполняют роль наставника, однако потребность в общении с референтным лицом старшего возраста в процессе социально-психологической адаптации не менее важна, чем взаимодействие в среде ровесников.

В рамках нашего проекта было проведено исследование межурочной деятельности учащихся 5-7-х классов, в котором приняли участие подростки, выполнявшие роль и испытуемых, и исследователей. По результатам анкетирования было выявлено, что часто используемыми вариантами проведения времени перемены в трех исследуемых группах являются варианты: «проводить время в телефоне» – 34%, «общаться с одноклассниками» – 32%, «ходить по коридору» – 25%. Менее популярными были ответы: «кушать в столовой», «готовиться к уроку». Среди ответов учащихся выявлены и такие: «заниматься, чем придется», «всем, чем можно». Выявленные лидирующие варианты ответов показывают потребность подростков в общении, в поиске собеседника. Выбирая вид игр (подвижные, настольные) подростки исследуемых групп подавляющим большинством выбрали подвижные игры (54%). В настольные игры хотели бы играть 20% опрошенных. Выбор варианта «другой ответ» (26%) позволяет предположить, что ребятам хочется поиграть во что-то новенькое, неизвестное.

В ходе психолого-педагогического наблюдения было выявлено, что общение на перемене между подростками не всегда успешно. В попытке завладеть вниманием собеседника используются толкание, окрик. Отмечены неумение слушать говорящего, стремление к доминированию в беседе, проявление низкой кооперации, эмпатии, склонность к спонтанным действиям. Вследствие этого на перемене возникают ситуации, ведущие к непониманию, конфликтам, а иногда и дракам между участниками взаимодействия.

Полученные результаты обнажили проблему слабой сформированности коммуникативных навыков у подростков. Ребятам хочется активно взаимодействовать друг с другом, а организовать свою межурочную деятельность так, чтобы она была интересна, полезна, им сложно.

Участникам проекта было предложено подобрать или придумать такую подвижную игру, в которую будет интересно играть на перемене. Идея ребятам понравилась. Через неделю поисков на совместном совете была принята в разработку игра, получившая название «SmartGame». Аналогом новой игры стала модификация игры «Твистер». Новацией созданной игры стало использование рисунков стоп и кистей рук, возможность трансформации элементов. Подростки активно включились в изготовление необходимых деталей (рисование, окрашивание, ламинирование скотчем), совместно встречаясь в свободное время. В течение трех недель подростки на переменах осваивали правила игры. Совместная деятельность способствовала сближению подростков, сплочению школьного коллектива, формированию навыков сотрудничества. На оценочно-рефлексивном этапе проекта подростки отметили, что им стало легче общаться, вступать в контакт как со сверстниками, так и с ребятами более старшего возраста. Они стали более чуткими к мнению сверстников и взрослых, более дружелюбными, сплоченными. У некоторых ребят отмечено более уверенное поведение. Также были выявлены изменения и в учебной деятельности. Ребята поделились, что стали внимательнее, усидчивее на уроках, организованнее, появилось желание идти в школу.

На следующем этапе проекта подростки-участники на школьной спартакиаде для 5-9 классов провели презентацию своей новой игры, суть которой заключается в том, чтобы, глядя на образ-картинку, одновременно поставить три своих конечности из четырех на игровые поля согласно изображению. Каждый из 12-ти рядов предполагает разное размещение

изображенных конечностей. Для очередного шага-прыжка играющий должен максимально быстро визуально представить свои действия, а затем воплотить их практически, приставив свою конечность к изображенной на игровом поле. Выигравшим считается тот, кто быстро и без ошибок пройдет все 12 рядов.

По окончании проекта школьники отметили, что их перемены стали проходить интересно, весело, в тесном общении друг с другом. Круг общения расширился за счет знакомства с другими социально привлекательными школьниками, ловкость которых и быстрая переключаемость внимания стали значимыми ориентирами для подражания и развития.

Хочется отметить заинтересованность подростков в продолжении проекта, направленную на расширение вариантов игры, на охват большей категории обучающихся, на создание зон игрового пространства, разделяемых по виду игр (спортивные, подвижные, настольные и другие).

Выводы. Итак, профилактическая работа по формированию и развитию коммуникативных навыков у подростков, проведенная в рамках межурочной деятельности, создала условия для оптимизации социально-культурной среды образовательного учреждения, способствовала созданию благоприятного коммуникативного пространства, характеризующегося открытостью, доверием и участием в судьбе других; корректировке стратегий взаимодействия подростков, блокировке неблагоприятных воздействий и деструктивных факторов нарушенного общения.

Современной школе необходима постоянная работа по изучению, выявлению актуальных причин, механизмов коммуникативных затруднений у подростков, их динамики, субъективных переживаний, а также по формированию способов совладания с трудностями в условиях ресурсной социальной среды. Результативность этой работы зависит от умелого руководства детской деятельностью, от тесного сотрудничества школьников и взрослых, которое обеспечивает развитие грамотной коммуникации благодаря знаниям и достижениям в области современной педагогики и психологии.

Литература

1. Кондратьев М.Ю. Подросток в замкнутом круге общения. – М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. – 336 с.
2. Кравцов С. Оценка гибких компетенций как часть системы оценки качества образования в России: текущее состояние и перспективы // Материалы V-й Международной конференции «Школьное образование 21 века: формирование и оценка гибких компетенций» / С.Кравцов, Д.Хастед. – 2019. – URL: http://obrnadzor.gov.ru/ru/press_center/news/index.php?id_4=7161 (Дата обращения: 18.07.2020).
3. Майсак Н.В. Структура некриминальных девиаций в профессии // Фундаментальные исследования. Электронный научный журнал. – 2015. – № 2 (часть 18). – С. 4023-4027; URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=37901>.
4. Очирова Л.И. Формирование коммуникативных навыков подростков в условиях совместной деятельности // Общество: социология, психология, педагогика. – 2017. – №5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kommunikativnyh-navykov-podrostkov-v-usloviyah-sovmestnoy-deyatelnosti>.
5. Самохвалова А.Г. Коммуникативные трудности подростков и способы совладания с ними в условиях социальной депривации // Психологические исследования. – 2016. – Т. 9, №49. – С. 5. URL: <http://psystudy.ru>.
6. Сиротюк А.Л. От психической депривации к социальной девиации // Вопросы девиантологии. – 2020. – №1. – С.33-37.
7. Уфимцева В.М. Формирование навыков общения у старших подростков посредством коммуникативных игр в условиях СПУ // Материалы II-й Всероссийской с международным участием научно-практической конференции 23-24 апреля 2015 г. – Пермь: Изд.: «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2015. – С. 164-167.

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ И ИНТЕРНЕТ-ИГР

Мирзоян Вананэ Хачиковна,
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии и педагогики
Ванадзорского государственного университета им. Ованеса Туманяна,
г. Ванадзор, Республика Армения

Аннотация. Современное подрастающее поколение называют «экраным», так как большую часть времени они проводят в смартфонах и в планшетах. Доступным для подростков становится информация, которая может навредить не только самому подростку, но и его ближайшему окружению, а также всему обществу в целом. В статье рассматривается проблема девиантного поведения у подростков как результат Интернет-зависимости и Интернет-игр.

Деструктивные интернет-игры, например, «Синий кит», «Беги или умри», «Исчезни на 24 часа», «Красная сова», «Разбуди меня в 4:20» «Покемон Го» и другие, побуждают подростков к различным по виду девиациям и антисоциальным действиям.

Ключевые слова: интернет-зависимость, девиантное поведение, интернет-игры, суицид, психологическая безопасность.

Annotation. The modern younger generation is called "on-screen", as they spend most of their time in smartphones and tablets. Information becomes available to adolescents that can harm not only the adolescent himself, but also his immediate environment, as well as society as a whole. The article examines the problem of deviant behavior in adolescents as a result of Internet addiction and Internet games.

Destructive internet games such as «Blue Whale», «Run or Die», «Disappear for 24 Hours», «Red Owl», «Wake Me Up at 4:20», «Pokemon Go» and others, encourage teenagers to deviate differently and antisocial actions.

Keywords: Internet addiction, deviant behavior, Internet games, suicide, psychological safety.

Постановка проблемы. В условиях бесконтрольного потока информации в социальных сетях наблюдается рост числа подростков, склонных к девиантному поведению. Информация, которую подростки получают из интернета, имеет двойственный характер. Она дает возможность получать знания и ориентироваться в мире, но может также нанести большой ущерб, если будет неверно представлена и направлена не по адресу. Информация может стать причиной девиантного поведения подростков и привести к деградации все население. Девиантное поведение подростков наблюдается чаще всего у интернет-зависимых подростков, которые оторваны от реального мира и живут в виртуальном мире. Пагубное воздействие на подростков оказывают, в частности, интернет-игры.

Подростковый возраст является самым трудным из всех возрастных периодов в жизни человека. Именно в этот период происходит резкое физическое развитие и половое созревание. Существенные изменения проявляются также в психологическом плане. Подросток познает самого себя, более адекватной становится его самооценка, общение со сверстниками выступает на первый план. Именно в этом возрасте наблюдаются перемены настроения: от аффективных вспышек до депрессивности и ухода в себя. Подростки становятся эмоционально неустойчивыми, вспыльчивыми, эгоистичными, критичными людьми. Им трудно сдерживать свои эмоции, контролировать свои действия и поступки.

Именно в этом возрасте подросток отчуждается от семьи, родных, часто конфликтует, проявляет агрессию. Реакция эмансипации является специфической поведенческой формой для подростков. Эмансипация подростков имеет ряд причин, среди которых можно отметить гиперопеку, тотальный контроль со стороны родителей. Крайним проявлением этой реакции являются побеги из дома, бродяжничество. Подросток, который недоволен своим положением в семье, статусом среди сверстников, психологической атмосферой в семье, имеет проблемы в учебе, начинает проявлять протест в виде постоянного недовольства, бунта, непослушания, грубости. В подростковом возрасте чаще всего наблюдаются проявления девиантного поведения.

Проблеме девиантного поведения посвящено много работ как в отечественной психологии (А.А. Александров, В.В. Королев, В.Н. Кудрявцев, А.Е. Личко, В.Д. Менделевич, И.А. Невский, В.Ф. Пирожков, Г.В. Вфина, В.Г. Степанов и др.), так и в зарубежной (Вест, Джекинс, Ниссен, Патаки, Робине Фаррингтон и др.).

Девиантное поведение называют также отклоняющим, под которым понимают любое действие, нарушающее социальные нормы.

Существует несколько объяснений проявления девиантного поведения. Некоторые рассматривают ее с биологической позиции (Ч. Ломброзо), другие связывают с особенностью строения тела (Э. Кречмер, Х. Шелдон), аномалиями половых хромосом (Прайс, Уиткин), третьи находят психологическое объяснение девиации, обосновывая ее «умственными дефектами», «дегенеративностью», «слабоумием» и «психопатией», как бы запрограммированностью отклонений (З. Фрейд) [1].

Причины девиантного поведения можно подразделить на три группы:

- биологические, связанные с наследственными факторами и физическими особенностями;
- психологические, связанные с психологическими особенностями личности, в частности, как указывает И.С. Кон, с локусом контроля и уровнем самоуважения;
- социальные, связанные с неблагоприятным социальным окружением, с влиянием семейного и школьного воспитания.

Анализ психологической литературы позволил выявить ряд причин девиантного поведения, а именно: заниженная самооценка, отрицательное отношение к себе; неуспеваемость и низкая учебная мотивация; развод и конфликтные отношения родителей; нарушения процесса социализации; асоциальный образ жизни родителей; недостатки в воспитании подростков; психические расстройства личности и т.д.

В современном мире, когда интернет охватит все сферы общественной жизни, становится немыслимым представить жизнь без нее. Тем более это трудно для подростков, которые большую часть времени проводят в интернете и становятся интернет-зависимыми. Поэтому с уверенностью можно предположить, что интернет является одним из многочисленных причин девиантного поведения.

Цель статьи. Изучить проявления интернет-зависимости у подростков и проанализировать влияние интернет-игр на их поведение. Посредством интернет-игр происходит манипуляция и контроль жизни подростка, его вовлечение в опасные формы игры, которые чаще всего заканчиваются суицидом. Интернет-игры становятся причиной агрессивности, враждебности, нервозности, психопатии, депрессивности, наркомании, насилия, алкоголизма и других проявлений антисоциального поведения. Необходимо выявить меры контроля информации и способы воздействия на подростков, во избежание интернет-зависимости и проявления девиантного поведения.

В нашей статье мы рассмотрим влияние Интернет-зависимости и Интернет-игр на возникновение девиантного поведения у подростков.

Современные подростки преимущественно получают информацию из Интернета, из различных сайтов. Подросток замещает реальное общение виртуальными «друзьями», просматривает низкопробные сериалы, играет компьютеризированные и опасные игры,

смотрит видеоролики со сценами насилия, терроризма, порнографии. Уход подростка в виртуальный мир имеет несколько причин. Возможно, он имеет трудности в реальном мире, с которыми не может справиться, страдает чувством одиночества, переживает ощущение невостребованности, имеет комплексы или заниженную самооценку. Эти и многие другие причины приводят к возникновению интернет-зависимости у подростка.

Впервые понятие интернет-зависимость было введено американским психиатром Айвеном Голдбергом в 1994 году.

Выделяют пять типов Интернет-зависимости [4]:

- Киберсексуальная зависимость – непреодолимое влечение к посещению порносайтов и занятию киберсексом.

- Пристрастие к виртуальным знакомствам – избыточность знакомых и друзей в сети.

- Навязчивая потребность в сети – игра в онлайн-азартные игры, постоянные покупки или участия в аукционах.

- Информационная перегрузка – бесконечные путешествия по сети, поиск информации по базам данных и поисковым сайтам.

- Компьютерная зависимость – навязчивая игра в компьютерные игры.

Следует также выделить отдельный тип зависимости – зависимость от социальных сетей. С появлением Instagram, Facebook, You Tube, Twitter и т. п. Подростки все больше погрузились в виртуальный мир. Ситуация усугубилась, когда подростки стали напряженно следить за «лайками». В погоне за лайками они начинают совершать безрассудные поступки, снимать их на камеру и выкладывать и обмениваться ими в социальных сетях. Чем более опасные и экстремальные селфи и видеоролики, тем больше лайков. Интернет провоцирует делать селфи на крышах небоскребов, поездов, на краю обрыва, с экзотическими животными, на узких перекладинах. Их абсолютно не волнует безопасность, так как паутина социальных сетей уже их засосала. Они даже имеют свой лексикон, который понятен только тем, кто «живет» в интернете. Например, зацепер, видеохостинг, фоловер, шеринг, эмодзи, снэпчат, хайп, сигна, рофл, туториал, слоумо и т.д. Все эти и многие другие слова хорошо им знакомы, но, с другой стороны, они не знают значение таких слов как аббревиатура, популяция, интоксикация, меломан, полиглот, катетер, космополит, омбудсмен и т.д. Это свидетельствует о том, что у них очень ограниченный кругозор.

Интернет-зависимость приводит к деградации личности, к умственной инвалидизации, к социальной дезадаптации человека. Интернет – зависимость – это расстройство в психике. Именно у интернет-зависимых подростков чаще всего наблюдаются различного рода проявления девиантного поведения. ВОЗ признала интернет-зависимость болезнью. Зависимость от видеоигр и зависимость от азартных онлайн игр включены в МКБ-11 (май 2019 г.). Эта болезнь характеризуется потерей чувства реальности, нарушениями в эмоциональной, когнитивной сферах и в поведении. К сожалению, никто не следит за тем, какие сайты смотрят подростки, чем они занимаются вне дома или сидя дома перед экраном мобильного телефона или компьютера, сколько времени они проводят в Интернете.

Изложение основного материала исследования. Проведено исследование среди подростков, которое позволило определить степень зависимости от интернета, а также выявить, какие именно интернет-игры интересуют подростков и как они влияют на их поведение, психоэмоциональное состояние, взаимоотношения с родителями и сверстниками.

Для того, чтобы оценить масштабы Интернет-зависимости и его влияние на поведение подростка было проведено исследование с подростками и их родителями. Первоначально с помощью методики Кимберли Янг на интернет-зависимость были протестированы 160 подростков [3].

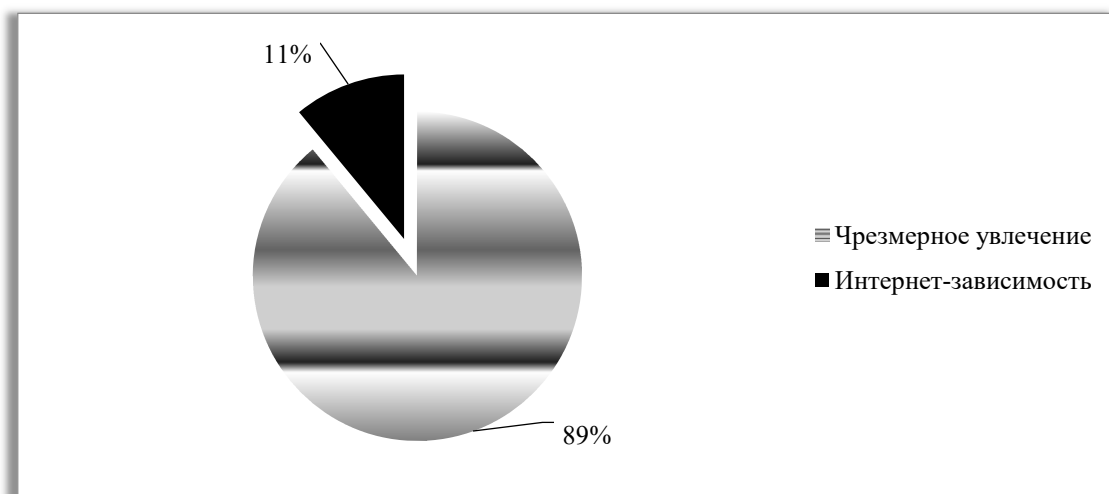

Диаграмма. Интернет-зависимость современных подростков

Экспресс тестирование подростков показало, что у 89% респондентов есть проблемы, связанные с чрезмерным увлечением интернетом, а у 11% обнаружилась интернет-зависимость.

На следующем этапе была проведена беседа с родителями подростков, у которых было обнаружено чрезмерное увлечение и зависимость от Интернета. Сбор и анализ информации позволил определить свойственные подросткам поведенческие реакции и особенности характера. Для них характерными являются раздражительность, вспыльчивость, грубость, жестокость, повышенная тревожность, безразличное отношение к окружающим, низкий уровень эмпатии, агрессивность, несдержанность. Было отмечено также жестокое обращение как с людьми, так и с животными, частые драки, хулиганство, мелкие кражи. Чем больше симптомов проявляются, тем опаснее ситуация. Те симптомы, которые были обнаружены при беседе с родителями, свидетельствуют о наличии негативной девиации.

Анализируя полученные данные, мы пришли к выводу, что:

- подростки проводят в Интернете больше 5 часов, что негативно сказывается на его психическом состоянии, взаимоотношениях с окружающими, поведении;
- причиной Интернет-зависимости являются социальные сети и игры;
- подростки больше всего интересуются преимущественно квестами, тетрисом и шутером.

Существует множество видов компьютерных игр: ролевые, логические, азартные и многие другие. Однако есть и опасные игры, которые приводят к девиантному поведению.

В нашей статье мы рассмотрим наиболее распространенные и опасные Интернет-игры, которые, в большинстве случаев, приводят к самоубийствам.

«Синий кит» – это смертельная игра, в финале которой участник кончает жизнь самоубийством. Суть игры в том, чтобы как можно больше вреда нанести участнику и повлиять на его психику. Игра длится 50 дней, и за это время он регулярно получает задания, которые должен обязательно выполнить. Таковы условия игры. В конце игры, а иногда и в самом начале, игрок травмирует себя, вскрывает вены и на этом игра заканчивается [5].

Игра «Беги или умри» также является смертельной, так как игрок должен нарушить правила дорожного движения и перейти дорогу прямо перед движущимся автомобилем. Шансы остаться в живых незначительны, и подросток хорошо это осознает. Однако стремление занять определенную позицию в обществе сверстников, повысить свой статус, стать авторитетом настолько сильное, что он подвергает свою собственную жизнь опасности. Игра заканчивается либо смертью участника, либо его инвалидностью [6].

Популярной среди подростков является также игра «Исчезни на 24 часа». На первый взгляд это безобидная игра, и от участника не требуется покончить жизнь самоубийством. Однако немало было случаев, когда в результате игры терялись подростки и их не могли найти или находили убитыми в заброшенных местах. Правила игры таковы: участник должен так спрятаться, чтобы в течение суток его никто не смог найти. За этот период он не имеет права

пользоваться мобильным телефоном, выйти на связь с кем-то из родных и близких. Своим поступком он подвергает опасности не только собственную жизнь, но и здоровье и психику родителей. Своим безответственным поступком он пренебрегает чувствами тех, для кого он дорог. Тем самым становится понятно, что для подростка семья не является ценностью. Первостепенное значение в этом возрасте приобретает повышение престижа у сверстников. Вовлеченность этой игрой может быть также проявлением эмансипации. Возможно, тем самым он хочет освободиться от родительской опеки или чрезвычайного контроля [6].

Игра «Красная сова» требует от участников не спать как можно дольше (лучше 12 дней). В течение этих дней подросток систематически получает задания, которые должен выполнить. Задания он получает онлайн, поэтому он всегда должен быть в бодром состоянии. Состояние недосыпа приводит к потере связей с реальностью, неадекватному восприятию мира, помутнению разума. В итоге подросток кончает жизнь самоубийством. Подростки вовлекаются в эту игру, так как куратор обещает в конце игры вручить желанный подарок, о котором подросток давно мечтал [7].

Наподобие этой игры является игра «Разбуди меня в 4:20». Участники получают задание в 4:20, именно тогда, когда человек находится на фазе глубокого сна. Это время, естественно, выбрано не случайно. Каждый раз, нарушая сон подростка, они действуют на нервную систему и психику подростка. Подросток никак не может удовлетворить свою потребность во сне, в результате чего он становится раздражительным, растерянным, неадекватным субъектом воздействия. Человеком в таком состоянии легче и проще манипулировать. В конце игры куратор назначает день и время смерти, и подросток покорно подчиняется ему [8].

Существуют также интернет-игры с элементами реальности. Например, игра «Покемон Го», которая требует от участника выйти на улицу, найти спрятавшихся покемонов и поймать их. Кажется, это безвредная игра не таит никакой опасности. Однако в результате поиска покемонов подростки попадали под машины, срывались с обрывов, тонули в реках. Игра настолько завлекала подростков, что они теряли бдительность, не замечали, что происходит вокруг них. Они становились одержимыми. Реальные люди интересовали их меньше, чем персонаж их игры.

Как видно, большинство игр заканчиваются смертью игрока. Куратор побуждает подростка к суициду. Возникает вопрос, что толкает подростка на такой шаг. Этому есть несколько объяснений. Во-первых, длительное пребывание в Интернете приводит к возникновению Интернет-зависимости, в результате чего происходит уход от реальности, изменения в психике. Во-вторых, суициду предшествует предсуицидальный период, который характеризуется длительностью, продуманностью и постепенностью. Кураторы держат подростков в состоянии эмоционального напряжения, недосыпа, иногда заявляют, что владеют личной информацией и начинают манипулировать подростком. Подросток, не выдерживая тотального контроля, прессинга и шантажа, совершает суицид.

К счастью, среди опрошенных нами подростков не было тех, кто когда-либо играл в эти игры несмотря на то, что они были хорошо осведомлены о них, знали суть и правила игры. Следует предположить, что этнокультурные факторы, особенности менталитета, воспитания оказали свое влияние. Статистика показывает, что жертвами интернет-игр больше всего становятся подростки России, Украины, США, Бразилии. Особенно подвержены влиянию интернет-игр подростки, оставшиеся без попечительства родителей, жертвы насилия, подростки, имеющие отклонения в психическом развитии или семьи с душевнобольными членами.

У подростков девиантное поведение нередко служит средством самоутверждения, выражает протест против реальности и несправедливости взрослых. Важным условием гармоничного и бескризисного прохождения подростка является создание психологической безопасной атмосферы в семье.

В заключение можно сделать следующий вывод: интернет может принести как пользу, так и огромный вред, если он будет неверно использован. Интернет-зависимость и интернет-игра являются одним из причин девиантного поведения подростка.

Для обеспечения психологической безопасности подростка следует удовлетворить потребности подростка в общении, изменить негативное отношение к учебе, установить позитивные отношения между подростком и родителями. О психологической безопасности подростка можно говорить тогда, когда он чувствует себя в этой жизни защищенным, уверен в завтрашнем дне, реализует свои цели, смело высказывает свое мнение, не опасаясь насмешек.

Выводы. Проблема предполагает комплексное решение на государственном уровне. Необходимо ограничить доступ к определенным сайтам, а также составить специальную программу, направленную на вовлечение подростков в волонтерскую работу, подготовить специальных наставников, которые организуют общепользную деятельность подростков. С целью профилактики девиантного поведения систематически должны проводиться психологические беседы и семинары, тренинговые занятия.

Психологическая безопасность подростков может быть обеспечена в том случае, если у них нет [2]: трудностей с адаптацией; эмоционального напряжения; сложных социально-экономических условий жизни; неблагоприятной семейной атмосферы; низкой самооценки, которая делает человека уязвимой; противоречий между «Я» и «Они».

Чтобы обезопасить подростка от пагубного влияния Интернета и предотвратить формирование девиантного поведения, необходимо осуществить ряд профилактических работ направленных на:

- обеспечение необходимых условий для физического и психического развития подростка;
- расширение круга интересов, формирование системы ценностей;
- развитие коммуникативных способностей;
- приобретение навыков адаптации к трудным ситуациям;
- формирование адекватной самооценки;
- организацию активной деятельности, включающей занятия спортом;
- организацию тренингов личностного роста, формирование навыков самоконтроля;
- организацию здорового образа жизни.

Литература

1. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения: Учебное пособие для вузов. – М.: ТЦ Сфера, при участии «Юрайт-М». – 2001. –160 с.
2. Անձի հոգեբանական անվտանգության հիմնախնդիրը. Կոլեկտիվ մենագրություն: – Եր.: ԵՊՀ, 2009, 164 էջ:
3. <http://netaddiction.ru/tag/kimberli-yang>
4. <https://www.psyline.ru/inzav.htm>
5. <http://www.20gp.by/informatsiya-dlya-posetitelej/450-sinij-kit-smertelnaya-igra-iz-sotssetej-dlya-podrostkov-roditeli-budte-osobenno-vnimatelny>
6. <https://sibdepo.ru/reading/igry-kotorye-ubivayut-nashih-detej-18.html>
7. <https://www.ellegirl.ru/articles/-krasnaya-sova-esche-odna-igra-kotoraya-mojet-dovesti-detey-do-samoubiystva/>
8. <https://cybersafetyunit.com/gruppa-smerti-razbudi-menya-v-4-20-stremitelno-razrastaetsya-po-ukraine/>

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРЕНИНГОВ СОЦИАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В ПРОФИЛАКТИКЕ ШКОЛЬНОЙ ТРАВЛИ

Молчанова Дарья Владимировна,
магистр психологии, MA in Counselling (University of Manchester),
аналитик Лаборатории профилактики асоциального поведения
Института Образования НИУ «Высшая школа экономики»,
г. Москва

Реан Артур Александрович,
доктор психологических наук, профессор, академик РАО,
заведующий Лабораторией профилактики асоциального поведения
Института Образования НИУ «Высшая школа экономики»,
председатель научного совета РАО по вопросам семьи и детства,
г. Москва

Аннотация. В данном материале рассматривается опыт использования социально-эмоционального обучения в профилактике феномена буллинга. В качестве примером приводятся наиболее известные и успешные западные программы: ОБПП (Норвегия), KiVa (Финляндия), ViSc (Австрия) и др. Обсуждается вопрос о возможности внедрения подобных программ в профилактику и коррекцию асоциального поведения подростков в России.

Ключевые слова: подростки, буллинг, социально-эмоциональное обучение.

Annotation. This material is considering the experience of using social-emotional learning in the prevention of the phenomenon of bullying. The most famous and successful foreign programs are considered as an example: OBPP (Norway), KiVa (Finland), ViSc (Austria), etc. The issue of the possibility of introducing such programs in the prevention and correction of antisocial behavior of adolescents in Russia is discussed.

Keywords: adolescents, bullying, social-emotional learning.

Постановка проблемы. Подростковый возраст – наиболее незащищенный возраст с точки зрения социальных, эмоциональных и поведенческих изменений. Несмотря на декларируемую заинтересованность специалистами данной возрастной категорией, следует признать отсутствие четко проработанных систем воспитания и образования «современного подростка». Опыт зарубежных коллег показывает, как можно заниматься социальным воспитанием личности подростка, помогая преодолевать возрастные феномены агрессивного и асоциального поведения. На примере ряда зарубежных программ можно увидеть, существует ли необходимость в обучении социально-эмоциональным навыкам (далее SEL – прим. автора) и для чего это обучение будет полезно кроме как для преодоления такой формы асоциального поведения как буллинг.

Целью статьи является обобщение фактов использования технологий социально-эмоционального обучения при работе с асоциальным поведением подростков. Как примером такого типа поведения выступает школьная травля – феномен, активно исследуемый в нашей стране и за рубежом с 70-х гг. XX века. Активно обозначается зона возможностей разных специалистов и представителей общества в вопросах профилактики и коррекции подростковой агрессии. Ведется дискуссия о возможности внедрения успешных методик в работу отечественных помогающих специалистов, а также ставится вопрос о необходимости эмпирических исследований подростковой агрессии и буллинга на больших выборках.

Дан Олвеус в 80х гг. спроектировал первую в мире программу противодействию школьной травле. Для всего мира и для Норвегии, где программа была создана, буллинг был новым термином, хотя само явление существовало в человеческих сообществах издревне. Сама программа стала ответным шагом Министерства Образования на самоубийство трёх

подростков, которые были жертвами школьных издевательств [3]. Оценка эффективности той пилотной программы показала невероятное снижение вовлеченности в травлю, вполнину [4]. С того момента стали развиваться новые программы, которые вдохновлялись работой Д. Олвеуса. Уже к концу XX века можно было насчитать более 10 противобуллинговых программ, а на сегодняшний день уже трудно сосчитать точное количество программ, работающих с данной проблемой [10].

С того момента стали развиваться новые программы, которые вдохновлялись работой Д. Олвеуса, более 10 антибуллинговых программ начали работать уже в 90-ые гг. XX века, а на сегодняшний день уже трудно сосчитать точное количество программ, работающих с данной проблемой [10].

Следует отметить, что программа Олвеуса была бы невозможна без другого ученого из Норвегии, социолога и автора теории экологических систем Ури Бронфенбреннера. Программы, направленные на противодействие школьной травле, рассматривают человеческое развитие через совокупность взаимодействия различных подсистем: сверстники, семья, школа, местные сообщества и общество. Таким образом, существующие программы профилактики в основе своей предполагают работу с асоциальным поведением подростка как работу с полем, со средой, а не только непосредственно с самой идентифицированной жертвой, свидетелем или инициатором травли. Идея того, что буллинг – комплексная проблема была обнаружена Олвеусом, этот факт и подтверждал необходимость работы на основании теории экологических систем.

В последние годы появляется все больше метаналитических исследований, позволяющих лучше понять, каким именно образом та или иная противобуллинговая программа достигает нужного эффекта – а именно снижения количества вовлеченных в школьную травлю подростков. Ттофи и Фэрингтон в своем мета-анализе указали наиболее эффективные компоненты борьбы с буллингом. ими оказались не только общение/взаимодействие психологов или педагогов с семьей и обучающие тренинги, но также привлечение к проблеме буллинга административных представителей школ, выстраивание диалога между школой и детьми [19]. Также эффект на снижение частоты встречаемости буллинга оказывала продолжительность программы, введение реабилитационных и дисциплинарных методов в работу и др. [2].

В Великобритании, Смит и Джезел подсчитали, что уже к 2007 году больше половины школ использовали схему поддержки проактивных взаимоотношений среди сверстников [9]. Именно поддержка психологического благополучия подростков через налаживание просоциальной среды является одним из наиболее эффективных методов при работе с травлей. При таком подходе часть подростков обучается способам мягкого урегулирования конфликтов. Некоторые учащиеся, которые проходят рода тренинги, обучаются использовать схемы, предназначенные не только для налаживания взаимоотношений, но и для улучшения успеваемости. По сути, в рамках работы со сверстниками могут отрабатываться навыки социально-эмоционального обучения, подобный подход лучше всего отражен в американской программе Steps to Respect. Данная программа разработана для профилактики школьной травли, а вся ее содержательная часть строится вокруг обучения детей и подростков навыкам SEL.

В начальных школах школьников чаще обучают подобным навыкам во время перерывов, спортивных занятий, кружков после школы. Подобное обучение обозначается как «активная» или «проактивная дружба». Под «проактивной дружбой» подразумевается такое взаимодействие школьников, при котором:

- 1) дети уважительно относятся друг к другу как к равным,
- 2) могут испытываться радость за успехи других,
- 3) могут отстаивать мнение друг друга, эмоционально/физически вступаться друг за друга,
- 4) не обманывают друг друга и принимают такими, какими есть,
- 5) остаются честными и не стремятся переделывать другого человека.

В средней школе, в связи с возрастными особенностями (в том числе ориентацией на сверстников – прим. автора) чаще стараются использовать схемы наставничества и консультирования младшеклассников старшими подростками. При таком взаимодействии ребята старшего возраста проходят дополнительно обучение внутри школы или с помощью приглашенных специалистов. Подобное обучение помогает им эффективно сотрудничать с учащимися младшей школы, использовать свой авторитет для налаживания внутришкольной коммуникации.

В основе социально-эмоционального обучения лежит систематическое развитие набора социальных и эмоциональных навыков, которые помогают детям не только учиться успешнее, но и качественно лучше вступать в коммуникацию [15]. По сути, SEL научает детей и подростков: большему самосознанию, социальной осведомленности, навыкам самоуправления, навыкам выстраивания взаимоотношений, ответственному принятию решений. Эти базовые навыки, с точки зрения одного из наиболее успешных исследователей буллинга Д. Эспелейдж, хорошо сочетаются с идеями противодействия и профилактики школьной травли [15].

Тгофи и Фэрингтон, выделяя успешные практики профилактики буллинга, отмечали важность введения дисциплинарных методов. При этом, если рассматривать данный формат работы через призму SEL, то в некоторых программах он реализуется с помощью введения внутри образовательной организации «неконфронтационных» подходов. «Неконфронтационная» стратегия более успешна работает в среде младшеклассников, а также она показательно снижает частоту буллинга в перспективе, если учащиеся не меняют образовательную организацию [2]. Одним из способов использования подобной стратегии является включение метода медиации, при которой отсутствует агрессор и жертва в своих первоначальных ролях. Суть «неконфронтационной» медиации заключается в умении общаться детям и подросткам друг с другом безоценочным способом, а также при помощи помогающего специалиста. В такой ситуации есть возможность снизить виктимизацию жертвы и исключить фактор привлечения внимания и власти у инициатора травли. Несмотря на то, что подобный подход был раскритикован Даном Ольвеусом, его последователи воплощали разные вариации «неконфронтационного метода» для того, чтобы смягчить негативные последствия буллинга в жизни как жертвы, так и инициатора [11].

В Великобритании, к примеру, как способ введения дисциплинарного метода в профилактику буллинга, были организованы группы поддержки. Смит, сделав анализ более 200 отчетов из британских школ, обнаружил, что прямые санкции в отношении агрессивных подростков работали менее эффективно. Частота социального буллинга снижалась заметно меньше, чем при использовании введенных групп поддержки [16]. Разница в показателях успешности была менее заметна у подростков средней школы. А, к примеру, на количество случаев распространения кибербуллинга и киберагрессии прямые дисциплинарные санкции оказывали большее влияние, снижая их частоту эффективнее [2]. В исследовании Смита также был высоко оценен успех реабилитационных подходов среди подростков 12-14 лет в отношении инициаторов травли, где заметно чаще встречаются случаи вербального и физического насилия.

В работе Тгофи и Фэрингтона еще одним из ключевых элементов являлось привлечение педагогов, а именно их роль, их возможности при работе с темой школьной травли [19]. Не секрет, что именно учителя проводят наибольшее количество времени с детьми и подростками школьного возраста, поэтому их влияние на развитие коммуникативных навыков и просоциального поведения огромно. Финский проект KiVa определяет как важный предиктор виктимизации подростков представление учеников о том, являются ли педагоги нетерпимы к травле [14]. При учете фокуса SEL на повышение осознанности и информированности учащихся об образовательном процессе, становится понятно, что понятность, прозрачность и соответствие декларируемых учителями ценностей и их поведения становится для учащихся одним из показателей внутреннего доверия. Может ли педагог, который не противостоит травле в классе, стать авторитетом для подростков? Очевидно, что в рамках различных

программ профилактики школьной травле, роль педагога будет отличаться. Однако следует отметить, что для эффективных программ будет идентично одно и то же требования – педагог является эталоном коммуникации для подростка и гарантом соблюдения тех прав и правил, которые в данной образовательной организации утверждены. К примеру, для внедрения программы ОВРР на уровне образовательной организации, Д. Олвеус утверждал необходимость использования общешкольных правил. При этом то, что было бы написано в таких правилах, должно было приниматься всеми категориями людей, от учащихся до директора, от родителей до классного руководителя – подобные правила соблюдались бы всеми одинаково.

Норвежский психолог обнаружил, что наиболее важными предпосылками эффективного использования программы являются прозрачная и понятная коммуникация в среде учителей, а также общее внимание сотрудников школы к проблеме [12]. Учителя, став свидетелями ситуации буллинга, сообщают об этом своим коллегам, а те, с этого момента, должны обращать внимание на поведение конкретных учеников на занятиях и вне них. Значение, которое школьный персонал придаёт теме буллинга и распространению информации о программе противодействия и профилактики на весь педагогический состав обуславливает успешное внедрение программы профилактики и противодействия буллингу.

Если говорить о конкретных программах профилактики буллинга, которые использовали социально-эмоциональное обучение как некоторую базу, методическую или методологическую, то кроме вышеупомянутых скандинавских ОВРР и KiVa, остановим внимание еще на трёх программах: Steps to Respect (США), ViSc (Австрия) и Friendly Schools (Австралия).

Steps to Respect – программа, предназначенная для уменьшения количества случаев травли в школе. Кроме работы непосредственно с феноменом буллинга, эта программа также направлена на проактивное изменение отношений всех участников образовательного процесса друг с другом [2]. За счет развития просоциальных навыков у учителей, администрации, родителей и других взрослых, с точки зрения создателей программы, достигается снижение проявления асоциального поведения у подростков. Программа была разработана и введена в эксплуатацию в 2011 года в качестве поддержки противобуллингового законодательства Министерства Юстиции США [2]. Основной подход, связанный с образовательным компонентом противобуллинговых программ в Америке – социально-эмоциональное обучение.

Steps to Respect работает в двух школьных измерениях: с самим классом и со школой, как с единой структурой. Подобного рода работа хороша для фиксации общих идей в школьном коллективе, а также для налаживания междисциплинарного взаимодействия среди сотрудников одной организации. На общешкольном уровне организуют:

- 1) учебные сессии для всех сотрудников по целям программы и ее содержанию (образование и просвещение);
- 2) углубленные учебные сессии для всех сотрудников школы, в рамках которой сосредотачиваются на вопросе эффективного контроля учащихся и правильных интервенций в ситуации травли (повышение квалификации помогающих специалистов) [7].

Работа на уровне школьного класса или параллели реализуется на основании учебного плана, который осваивается в течение нескольких месяцев. Уроки органично включены в школьную программу, чтобы обучение просоциальным навыкам «накладывалось» на различные гуманитарные и естественно-научные дисциплины. Существует 3 ступени: для учащихся 3-4 классов, для учащихся 4-5 классов и для учащихся 5-6 классов [2]. Уроки сосредоточены на определении различных видов буллинга, обозначении типов агрессивного поведения, обучении ответным реакциям на ситуацию травли, на обучении эмпатии и эмоциональной саморегуляции, а также в ходе обучения отрабатываются практические навыки поддержки дружеских отношений со сверстниками и навыки разрешения конфликтов. Экспериментальная оценка показала, что программа эффективна для повышения количества

просоциальных взаимодействий, чувства ответственности у школьников в ситуациях травли, а также способствует обучению персонала новым способам реакции на школьную травлю [2].

Другой программой, в рамках которой проходит использование SEL технологии – ViSC. Данная австрийская разработка является основной программой профилактики и противодействию буллингу среди подростков в стране [20]. Программа работает с учащимися 5-8 классов (от 10 до 15 лет). В качестве точки роста самой школы, а соответственно и задачей для ее развития, ставится вопрос о предотвращении агрессии и исчезновении феномена буллинга.

Главной целью программы ViSC является снижение агрессивного поведения и числа издевательств в подростковой среде, а также развитие социальных и межкультурных компетенций в школах [2, 20]. Профилактические меры для школьников вводятся преподавателями во втором семестре внедрения программы, в первом семестре основные получатели услуги – учителя, а речь идет о профилактике буллинга со стороны учителей, а также информирование взрослых об особенностях школьной травли.

Внедрение программы в школах проводится в двух плоскостях: индивидуально и на уровне всей школы. Учащимся предлагается присвоение ответственности за свою среду и за взаимодействие друг с другом. При этом подросткам предоставляется возможность активно содействовать улучшению школьного климата, с помощью различных методов адаптируя социальное окружение под те интересы, которые присущи подростковому коллективу. Поскольку в рамках программы существуют выбранные студенческие комитеты, процесс изменения среды легитимен и поддерживается большинством учащихся.

В рамках тренингов присутствуют также единичные компоненты, направленные на стимулирование социальных и эмоциональных навыков. Внедрение SEL подхода происходит через обучение управлению своими эмоциями, тренинг самооценки и научение копинг-стратегиям, стратегиям преодоления фрустрации [20]. В качестве методов работы у специалистов есть не только тренинги, но также ролевые и сюжетные игры, дискуссионный кружок, театральные и драматические постановки. С помощью различного методического инструментария возникает возможность анализировать социальные контексты подростков. Сами же школьники лучше информированы о том, что подобные ситуации социального взаимодействия могут быть поняты по-разному. Возможность различного отреагирования на разные социальные контексты позволяет подросткам учиться адаптивности и лучше понимать границы собственных интересов и возможностей.

В нескольких австрийских школах была проведена масштабная оценка эффективности данной программы [8]. Согласно данным Штрамайер программа была признана эффективной [18]. В первую очередь снижалось количество случаев вовлеченности школьников в ситуации асоциального поведения, особенно буллинга. Также снижалось количество и жертв травли, и ее инициаторов. Несмотря на неполное включение SEL идей в австрийскую программу, ее компоненты активно перекликаются в части образовательных траекторий. В рамках ViSc становится понятно каким образом можно использовать методический инструментарий, оставаясь при этом методологически независимым от данного подхода.

Friendly Schools – первая в Австралии инициатива по борьбе с буллингом, разработанная на основе масштабных исследований детей и подростков. Программа работает с тремя категориями: а) школьное сообщество; б) семьи детей и подростков; в) учащиеся 4-5 классов и их учителя. Выделение последней категории сопряжено с тем, что в ряде программ профилактики асоциального поведения была показана эффективность работы с темой социальной дезадаптации именно в момент перехода из младшей школы в среднюю.

Проект реализуется в течение всего образовательного процесса и делится на три вектора. Данные векторы обусловлены идеей образовательного подхода, при котором ответственность за воспитание ребенка никогда не делегируется только родителю, только учителю или только государству. В ходе внедрения и использования программы должна поменяться политика школы, изменится семейное воздействие на ребенка и трансформироваться учебная программа в каждом классе [13]. Содержание проекта

сосредотачивается на понимании феномена травли, информировании школьников взрослыми о случаях агрессивного поведения, обучению социально приемлемым формам ответа (ассертивным навыкам – прим. автора) и поддержке пострадавших от буллинга учеников. В рамках данных тренингов помогающие специалисты и классные руководители помогают учащимся осваивать азы самоконтроля, осознанности и умения выстраивать отношения. Данные категории, как отмечалось ранее, характерны для модели социально эмоционального обучения.

«Friendly Schools» обоснованная программа профилактики асоциального поведения. К образовательным методам программы относят ролевое моделирование, драматическую деятельность и обучение новым навыкам [5]. В основе проекта лежит идея о необходимости развития тех качеств, которые могут быть полезны для защиты и самозащиты учащихся от последствий школьной травли. К подобным качествам создатели австралийского проекта относят:

- позитивную самооценку,
- самодостаточность,
- эмпатию,
- просоциальные навыки,
- саморегуляцию,
- навыки принятия решений,
- умение разрешать конфликты и др.

Результаты мониторингового исследования подтвердили эффективность программы Friendly Schools [6]. Была изучена частота встречаемости буллинга, также отдельно оценивались показания свидетелей, жертв и инициаторов травли. В течение 36 месяцев более 20 школ регулярно сдавали данные, самоотчеты школьников педагогов и родителей, в которых оценивалась динамика школьной травли в стенах образовательных организаций. Полученные данные свидетельствовали о том, что внедрение общешкольной программы профилактики буллинга повышает вероятность выстраивания диалога между подростками и учителями, повышается информированность взрослых о проблемах детского коллектива, а инициаторы агрессивного поведения реже создают прецеденты травли, так как опасаются последствий.

Социально эмоциональное обучение не являлось изначально базой для создания программ профилактики школьной травли, однако на примере описанных программ становится видно, что элементы SEL были востребованы еще до ее полного обоснования. Следует отметить, что коммуникативные, поведенческие и эмоциональные навыки, которые приобретают дети и подростки в ходе обучения являются хорошей базой не только для преодоления последствий школьной травли, именно поэтому следует внимательно относиться к опыту зарубежных коллег при попытках описать или создать собственные противобуллинговые методические пособия, программы профилактики или даже просто инструменты методической работы.

Выводы. Социально-эмоциональное обучение – особый формат научения коммуникативным навыкам детей и подростков. В современном мире подобный подход распространяется как один из базовых подходов воспитания личности. В нашей стране апробации социально-эмоционального обучения проходит под наблюдением АСИ (Агентство стратегических инициатив – прим. автора) с 2017 года [1]. Безусловно, недавний старт подобных инициатив не позволяет предполагать, насколько широко данные технологии уже распространяются по детским садам и школам нашей страны. Очевидно, однако, что, продолжая исследовать эффективность данной технологии на опыте зарубежных коллег, мы можем не только подчеркнуть методические находки, но и лучше разобраться в методологии формата, понять его ценность для работы с подростками и детьми из социально неблагополучных семей и детей группы риска.

Литература

1. Статье на портале «Педсовет» В российских школах внедряется эмоциональное обучение детей, 2017. < <https://pedsovet.org/beta/article/v-rossijskih-skolah-vnedraetsa-emosionalnoe-obucenie-detej>>
2. Молчанова Д. В., Новикова М. А. Противодействие школьному буллингу: анализ международного опыта // Современная аналитика образования. – 2020. – №. 1. – С. 1-72.
3. A Brief History of the Olweus Bullying Prevention Program, 2016. <http://www.violencepreventionworks.org/public/olweus_history.page>
4. Clarke A. M., Morreale S., Field C., Hussein Y. and Barry M. M. What works in enhancing social and emotional skills development during childhood and adolescence? A review of the evidence on the effectiveness of school-based and out-of-school programmes in the UK, 2015.
5. Erceg E., Cross D. Friendly schools and families: Whole-school pack. – 2004.
6. Farrington D. P., Ttofi M. M. School-Based Programs to Reduce Bullying and Victimization, 2010.
7. Frey, K. S., Hirschstein, M. K., Snell, J. L., Edstrom, L. V., MacKenzie, E. P., & Broderick, C. J. (2005). Reducing playground bullying and supporting beliefs: An experimental trial of the Steps to Respect program. *Developmental Psychology*, 41(3), 479–491.
8. Grading P. et al. Effectiveness and sustainability of the ViSC Social Competence Program to prevent cyberbullying and cyber-victimization: Class and individual level moderators // *Aggressive behavior*. – 2016. – Т. 42. – №. 2. – С. 181-193.
9. Houlston, C., Smith, P. K., & Jessel, J. (2009). Investigating the extent and use of peer support initiatives in English schools. *Educational Psychology*, 29(3), 325–344.
10. Olweus D. Bully/victim problems among schoolchildren: Basic facts and effects of a school based intervention program // *The development and treatment of childhood aggression*. – 1991. – Т. 17. – С. 411-48.
11. Olweus, D. (1996). Bullying or peer abuse in school: Intervention and prevention. In G. Davies, S. Lloyd-Bostock, M. McMurrin, & C. Wilson (Eds.), *Psychology, law and criminal justice: International developments in research and practice* (pp. 248-267). Berlin: Walter de Gruyter.
12. Olweus, D. (2004). The Olweus Bullying Prevention Programme: Design and implementation issues and a new national initiative in Norway. In P. K. Smith, D. Pepler, & K. Rigby (Eds.), *Bullying in schools: How successful can interventions be?* (pp. 13–36). Cambridge: Cambridge University Press.
13. Rigby, K. & Slee, P. T. (1991). Bullying among Australian school children: Reported behavior and attitudes towards victims. *Journal of Social Psychology*, 131, 615-627.
14. Saarento, S, Karna, A, Hodges, E & Salmivalli, C 2013, 'Student-, classroom-, and school-level risk factors for victimisation', *Journal of School Psychology*, vol. 51, no. 3, pp. 421-434.
15. Smith B. H., Low S. The role of social-emotional learning in bullying prevention efforts // *Theory Into Practice*. – 2013. – Т. 52. – №. 4. – С. 280-287.
16. Smith, P. K. (2014). *Understanding school bullying: Its nature and prevention strategies*. London: Sage.
17. Social and emotional learning and bullying prevention, 2009. < https://www.casel.org/wp-content/uploads/2016/01/3_SEL_and_Bullying_Prevention_2009.pdf>
18. Strohmeier D, Kärnä A, Salmivalli C. Intrapersonal and interpersonal risk factors for peer victimization in immigrant youth in Finland. *Dev Psychol*, 2011.
19. Ttofi, M. M., & Farrington, D. P. (2009). What works in preventing bullying: Effective elements of anti-bullying programs. *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*, 1(1), 13-24.
20. ViSC Social Competence Program <http://www.viscprogram.eu/wp-content/uploads/Infoszum-WiSK-Programm_englisch.pdf>

ПРОЯВЛЕНИЯ РАЗНЫХ ТИПОВ МОНЕТАРНОГО ПОВЕДЕНИЯ У СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Моцовкина Елена Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры
социально-педагогических технологий и педагогики девиантного поведения
ФГАОУ «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
Республика Крым, г. Ялта

Нистрян Светлана Владимировна,

студентка 5 курса специальности 44.05.01 «Педагогика и психология девиантного
поведения» по кафедре социально-педагогических технологий и
педагогики девиантного поведения
Гуманитарно-педагогической академии (филиал)
ФГАОУ «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
Республика Крым, г. Ялта

Аннотация. В данной статье излагаются результаты теоретического и эмпирического исследования монетарного поведения, его видов и характеристик. Также дается определение монетарного поведения как конативного компонента ценностно-смысловых отношений личности подростка к деньгам и проведению различных манипуляций с ними. Рассмотрены диагностические инструментариумы по выявлению монетарного поведения у подростков. Описано проведение опытно-экспериментальной деятельности с подростками разных типов монетарного поведения.

Ключевые слова: монетарное поведение, деньги, подростковый возраст, диагностика, опытно-экспериментальная деятельность.

Annotation. This article presents the results of theoretical and empirical research of monetary behavior, its types and characteristics. It also defines monetary behavior as a conative component of the value-semantic relationship of a teenager's personality to money and various manipulations with it. Diagnostic tools for detecting monetary behavior in adolescents are considered. It describes the conduct of experimental activities with teenagers of different types of monetary behavior.

Keywords: monetary behavior, money, adolescence, diagnostics, experimental activities.

Постановка проблемы. В современном мире происходят значительные изменения ценностных ориентаций личности. Если в XX веке, человек ориентировался на создание крепкой семьи, патриотизм, безопасность государства и глубокие моральные убеждения, то в настоящее время заметны тенденции все большей ориентации на материальные ценности и деньги. Их внезапное появление в жизни человека или критическое отсутствие, может привести не только к изменению социального статуса, но и к серьезным психическим и психологическим нарушениям.

В психолого-педагогической науке большинство исследований монетарного поведения в XXI веке основываются на изучении индивидуальных случаев проявления такой особенности. У истоков психологической работы с данной категорией клиентов лежит психоанализ, и эти проблемы связываются с глубокими детскими травмами. Однако монетарное поведение выступает сложным психологическим феноменом, который раскрывает всю глубину психики на основании изучения мотивов и целей поведения.

Целью статьи является теоретическое и эмпирическое обоснование ценностно-смысловых особенностей разных типов монетарного поведения современных подростков.

Изложение основного материала исследования. Теоретический анализ различных научных источников, а также результаты эмпирического исследования свидетельствуют о

том, что ценностно-смысловое отношение современных подростков к деньгам может быть установлено на основании внутреннего противоречия между содержанием мотивационного, когнитивного, эмоционального и конативного компонентов этих отношений.

Актуальность изучения монетарного поведения в Российской Федерации с каждым годом возрастает. В научно-исследовательской литературе сформировались различные подходы к изучению этого феномена. К примеру, в психологии монетарное поведение рассматривается с точки зрения нравственной оценки денежных средств, как критерия идентичности личности в экономическом мире и как часть отношений человека и денег.

Социальное значение денег значительно возросло, поэтому человек все больше заинтересован в вопросах сбережения, накопления, инвестирования, что предопределяет появление новых видов денег и, как следствие, видов монетарного поведения. В современном обществе недостаточно знаний о таком виде поведения, что предполагает собой отсутствие доступной информации и вызывает общественный конфликт, основанный на непонимании, сформированном между людьми, которые владеют капиталом, и теми, кто находится за чертой бедности.

Понятие монетарного поведения многостороннее и междисциплинарное, в различных сферах жизнедеятельности оно сожжет трактоваться внесением узконаправленных деталей. В экономической сфере деятельности монетарное поведение является структурным компонентом от сферы монетарности, которой свойственно наличие широкого спектра экономических отраслей, которые позволяют развивать стабильную систему оборота денежных средств [4]. В социологических разработках монетарное поведение понимается несколько иначе. Здесь оно является видом экономической деятельности, в рамках которой происходит оперативное движение денежных ресурсов, их популяризация и распространение в среде, основывающееся на специфических нормах, правилах и установках, характерных для единой среды [1].

Отечественные исследования в области психологии разделились на несколько подходов к трактовке понятия. Горбачева Е.И. и Купрейченко А.Б. рассматривают монетарное поведение с точки зрения нравственной оценки денежных средств [2]. Белицкая Г.Э. и Хашенко В.А. выделяют такое поведение как феномен идентичности личности в экономической сфере [3]. Дейнека О.С. и Семенов М.Ю. видят монетарное поведение как часть психологических отношений человека с деньгами [6]. Роль установок по отношению к деньгам выделяют в этом явлении Резвова Е.И. и Фенько А.Б. [7]. При этом Фенько А.Б. утверждает, что монетарное поведение характеризуется результатом социализации человека в экономическом пространстве. И как реализацию различных стратегий поведения в экономической сфере трактует данное понятие Цветков А.С. [8].

На основании анализа исследований выявили, что монетарное поведение стало конативным элементом ценностного отношения человека с деньгами, проявляющееся в системе поступков с финансовыми средствами и психологической готовностью к поступкам.

В научной литературе не представлено не только единого мнения о самом понятии, но и его видах. Но наиболее часто встречаются несколько. В основе первой классификации лежит отсутствие конфликта между деньгами и ценностном отношении индивида к ним. Само ценностно-смысловое отношение представляет собой психологическое отношение человека, которое характеризует единую систему представлений о значении денег для индивида, определении их желательности, должности или самооценности в ходе жизнедеятельности для достижения важных целей [2]. Ценностно-смысловое отношение личности к деньгам имеет свою структуру (Рис. 1).

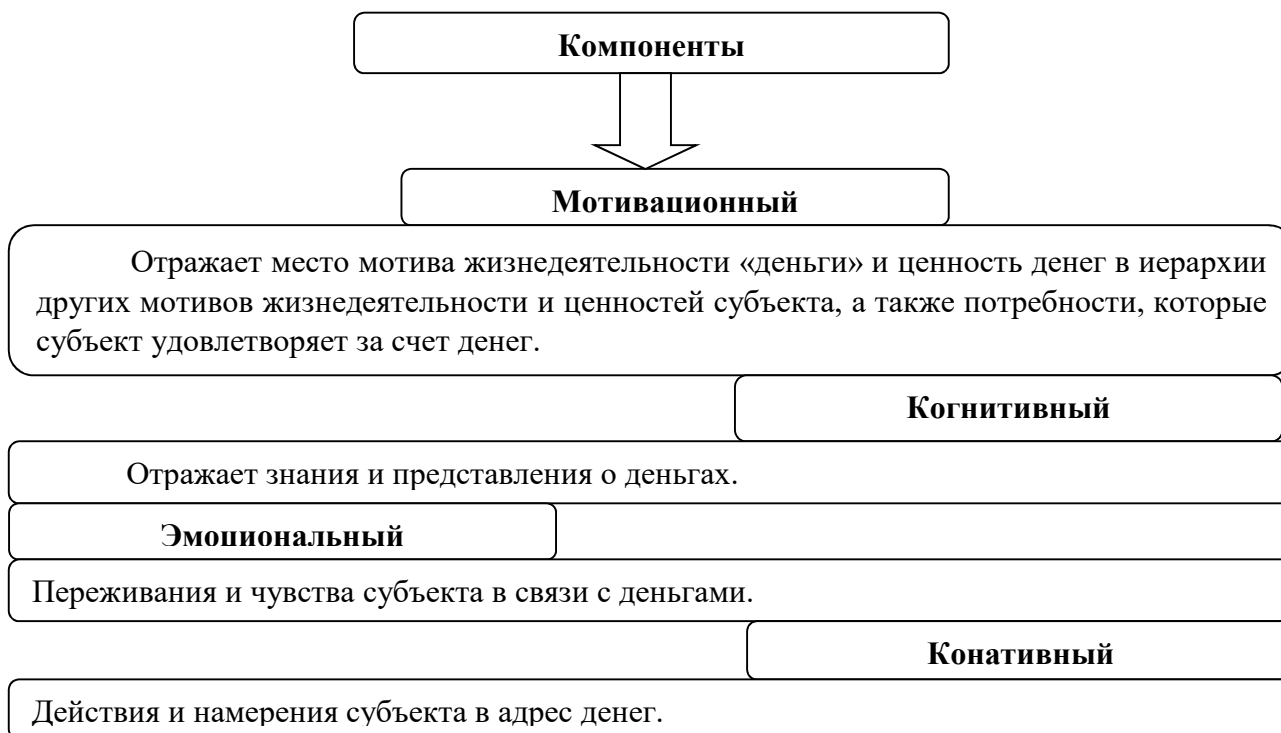

Рис. 1. Структура ценностно-смыслового отношения личности к деньгам.

Основываясь на отсутствии конфликтов ценностей при формировании отношения к деньгам можно выделить два вида поведения:

1. Каждый компонент, который указан в рисунке 1, четко осознается личностью;
2. Компоненты осознаются не все, а только часть, в основном здесь осознается мотивационный.

Конативным компонентом отношений человека с деньгами мы определяем монетарное поведение. Основное проявление монетарного поведения здесь – это система действий и готовности к ним по отношению к деньгам. На основании этого можно выделить три вида поведения:

1. Поведение, связанное с растратами денег;
2. Поведение, связанное с накоплением денег;
3. Поведение, связанное с получением денег.

На основании вышеизложенного, монетарное поведение можно охарактеризовать тремя основными характеристиками: пространственная (отражает направленность монетарного поведения на различные жизненные сферы субъекта), временная (отражает периодичность трат, получения и накопления во временном интервале), импульсивность/рациональность (отражает необдуманность, неконтролируемость и спонтанность или наоборот).

В научной и психолого-педагогической литературе представлен достаточно широкий диагностический инструментарий в направлении выявления особенностей монетарных отношений личности. Диагностика монетарного поведения достаточно многоаспектная. Само понятие «диагностика» является наукой о конструировании методов оценки, измерения, классификации психологических и психофизиологических особенностей людей, а также об использовании этих методов в практических целях.

Самостоятельных разработок методик диагностики особенностей монетарного поведения в Российской Федерации нет, чаще всего используются различные модификации методики, разработанной А. Ферномом. Есть несколько вариантов этой методики:

1. Основным отличием модификации О.С. Дейнеки от исходной методики является разное количество вопросов (в исходнике было 70 вопросов, а в модификации 74);
2. В модификации А.Б. Фенько, наоборот количество вопросов сокращено с 70 до 60 [6];

3. Модификация А.А. Капустина схожа с О.С. Дейнекой (количество вопросов составляет 70) [5];

4. Одной из наиболее оригинальных модификаций, по нашему мнению, является работа Е.В. Тугаревой и И.Ю. Красикова.

В основу опросника «Изучение отношений к деньгам» положено 62 вопроса [9]. Важно отметить, что на основании этой модификации позже будет построена основная типология монетарного поведения. Однако в общедоступных источниках не выявлено детальное описание, способы обработки и интерпретации большинства из них, поэтому для исследования нами использована модификация опросника «Монетарные отношения подростков» М.Ю. Семенова, в которой основными критериями является: позитивное и рациональное отношение к деньгам; фиксация на деньгах; тревожность из-за денег; негативные эмоции по отношению к деньгам и терапевтическая функция денег. Целевой группой этой методики являются старшие подростки. Методика состоит из 45 утверждений, характеризующих особенности отношений к деньгам в подростковом возрасте.

На основе представленных методик, мы провели диагностику отношения подростков к деньгам. Для диагностики нами был использован вышеописанный опросник А. Фернама в модификации М.Ю. Семенова. Особенность модифицированной методики состоит в том, что автор принял во внимание возрастные особенности подростков и в соответствии с ними модифицировал вопросы методики. В исследовании приняло участие 9 подростков в возрасте от 14 до 18 лет.

В рамках использования диагностической методики были получены следующие результаты, продемонстрированные на рисунке 2 (Рис. 2):

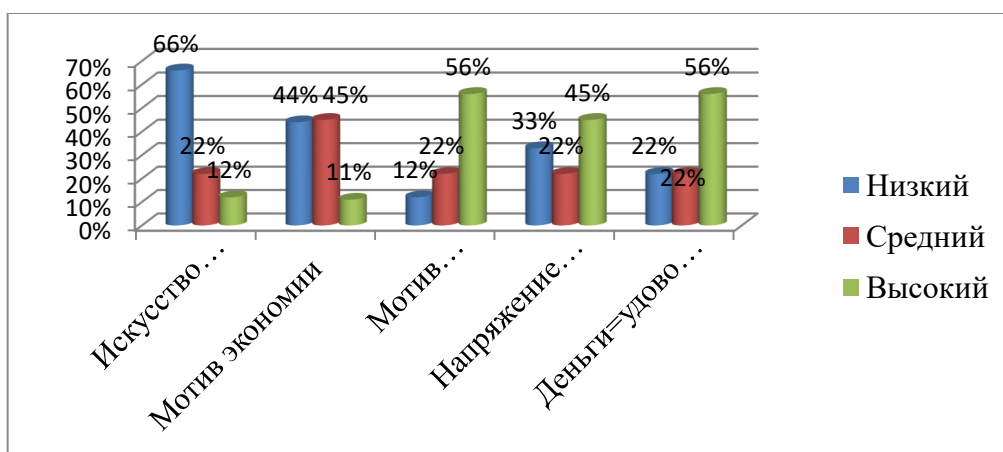

Рис. 2. Результаты изучения отношения подростков к деньгам

Из рисунка 2 следует, что наиболее высокие показатели у всех испытуемых проявляются в пятой шкале «терапевтическая функция денег». Деньги подростками воспринимаются как удовольствие или лекарство от различных неурядиц, кроме того, испытуемые не умеют рационально ими распоряжаться. Деньги являются для них средством для манипуляции людьми и демонстрации своей власти и статуса. Деньги занимают важное положение в жизни: часто подростки посвящают много времени их поиску любой ценой, – это и служит одной из причин возникновения девиации.

Среди основных методик изучения особенностей проявления монетарного поведения мы выделили: Ассоциативный эксперимент; Семантический дифференциал; Q-сортировка; Методика репертуарных решеток Г. Келли; «Незаконченные предложения»; Оценка силы монетарных потребностей; Изучение жизненных правил по отношению к деньгам; Шкала финансовой удовлетворенности; Методика М. Рокича. Однако отсутствие детальной информации и инструкции по применению их в открытом доступе привели нас к методике А. Фернама в модификации М.Ю. Семенова.

На основе проведенного исследования мы пришли к выводу, что подростки не владеют навыками рационального управления деньгами, воспринимают их как средство управления людьми. Кроме того считают, что успешно зарабатывать можно только нелегальным путем, эмоционально переживают денежные потери и испытывают тревогу по отношению к ним.

Проведенные нами мероприятия в виде бесед и игр оказались частично эффективными. Подростки стали более рационально относиться к деньгам и их тратам, однако тревога и отношение к деньгам, как к средству управления людьми осталось неизменным. Результатом контрольного этапа стало формирование рекомендации по формированию адекватного отношения к деньгам и повышению финансовой грамотности подростков.

В современном социокультурном пространстве деньги занимают одну из ведущих позиций. В связи с этим возникает необходимость рассмотрения монетарного поведения личности. В рамках выпускной квалификационной работы под монетарным поведением мы понимаем конативный компонент построения взаимоотношений человека с деньгами. Основные проявления заключаются в осознанных действиях и операциях и готовности к их совершению.

На формирование монетарного поведения влияют семейные, интеллектуальные ценности. Отметим также, что важную роль играет тип поселения, в котором проживает субъект, конфессиональная принадлежность и особенности монетарного поведения в семье.

Среди основных методов профилактики мы определили квест, беседу, игру и киностину. Приоритетами этих методов служит игровая форма преподнесения информации, ее доступность. Кроме этого, часть знаний подросток добывает самостоятельно, что повышает его познавательный интерес.

Проведя исследование, мы пришли к выводу, что для проявления монетарного поведения в социально приемлемом ключе необходимо обучать подростков рациональному обращению к деньгам и с ними, а также развивать ценность семьи, жизни, коллектива, самореализации и интеллектуального поиска. Весьма значимым является формирование ценностно-уважительное отношение подростков к труду.

В результате исследования было выявлено, что подростки сталкиваются с внутренним конфликтом, который заключается в противоречии между когнитивным и эмоциональным компонентом отношения с деньгами. Принимая во внимание осведомленность о наказуемости и социальном порицании транжирства и воровства, под давлением референтной группы происходит совершение девиантных актов, что вызывает значительные переживания и тревогу в области денег. Таким образом, ценностно-смысловое отношение к деньгам определяется на основании противоречия между когнитивным и эмоциональным компонентом этих отношений.

Выводы. В подростковом возрасте формирование монетарного поведения происходит на основании ценностей и мотивов личности, значительное влияние здесь оказывают семейные, интеллектуальные и духовные ценности. Так же формирование монетарного поведения подростков происходит под влиянием семейных установок, конфессиональной принадлежности, типа поселения, в котором они проживают, а также субкультурных ценностей. До сих пор они играют важную роль, несмотря на формирующееся чувство взрослости, что и становится основной особенностью в этом возрасте.

Литература

1. Аникаева, Е. А. Основные подходы к исследованию денег в социологии / Е.А. Аникаева // Экономическая социология, 2018. – Т. 9. – № 1. – С. 114-124.
2. Балабанова, Е. С. Социально-экономическая зависимость как феномен сознания и стратегий поведения населения современной России исследования Текст.: Автореф. дисс. д-ра социол. наук: 22.00.04 / Е.С. Балабанова. – Нижний Новгород, 2016. – 48с.
3. Божович, Л. И. Проблемы формирования личности Текст. / Л.И. Божович / Под ред. Д. И. Фельдштейна. 2-е изд. М.: Изд-во «Институт практической психологии». – Воронеж: НПО «МОДЭК», 2017. – 352 с.

4. Бояркина, Е. В. Развитие сбережений и финансовое поведение населения России в 1994-1997 гг. Текст. / Е.В. Бояркина, М.В. Малышева // Вопросы социологии, 2018. – № 8. – С. 22-39.

5. Верховин, В. И. Экономическая социология. В 2 томах. – Том 1 / В. И. Верховин. – М.: Педагогика, 2009. – 736 с.

6. Журавлев, А. Л. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности Текст. / А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко. – М.: Изд-во Инта психологии РАН, 2013. – 436 с.

7. Журавлева, Н. А. Динамика ценностной ориентации личности в условиях социально-экономических изменений [Электронный ресурс]: Дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Н.А. Журавлева. – М.: РГБ, 2013. – 21 с.

8. Зиммель, Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования Текст. / Г. Зиммель // Избранное. Т. 2: Созерцание жизни. – М., 2016. – С. 301-465.

9. Ермакова, И. В. Отношение к деньгам в структуре потребительского и сберегающего поведения старших подростков Текст.: Автореф. дисс. . канд. психол. наук / И.В. Ермакова. – Чебоксары, 2008. – 25 с.

УДК: 159.9.072.423

ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННАЯ ДИАГНОСТИКА РИСКОВ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ В СРЕДЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ¹

Мулик Александр Борисович,
доктор биологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник лаборатории биохимической токсикологии и фармакологии
ФГБУН «Институт токсикологии Федерального медико-биологического агентства»,
г. Санкт-Петербург

Срослова Галина Алексеевна,
кандидат биологических наук, доцент кафедры биоинженерии и биоинформатики
ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»,
г. Волгоград

Улесикова Ирина Владимировна,
кандидат биологических наук, преподаватель кафедры нормальной физиологии
ФГБВОУ ВО «Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова»,
г. Санкт-Петербург

Юсупов Владислав Викторович,
доктор медицинских наук, профессор,
начальник отдела медико-психологического сопровождения
научно-исследовательского центра,
ФГБВОУ ВО «Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова»,
г. Санкт-Петербург

Шатыр Юлия Александровна
кандидат биологических наук, доцент,
магистрант кафедры экологии и природопользования
ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»,
г. Волгоград

Аннотация. В результате предпринятых исследований актуализирован комплекс потенциальных факторов риска востребованности психоактивных веществ в среде

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта № 20-013-00145 «Механизмы комплексного влияния факторов окружающей среды на потребление психоактивных веществ населением локальных территорий Российской Федерации».

студенческой молодежи. Обоснована диагностическая значимость уровня общей неспецифической реактивности организма, опыта первой пробы алкоголя и табака, факта потребления психоактивных веществ родителями, при оценке риска формирования алкогольной и табачной зависимости у человека. Определена целесообразность и возможность количественной и качественной дифференциации степени риска востребованности алкоголя и табака. Разработан алгоритм персонализированной оценки рисков потребления психоактивных веществ в среде студенческой молодежи.

Ключевые слова: здоровьесберегающие технологии, психодиагностика, девиантное поведение, психоактивные вещества, зависимое поведение.

Annotation. As a result of the research, a set of potential risk factors for the demand for psychoactive substances among students has been updated. The diagnostic significance of the level of General non-specific reactivity of the body, the experience of the first sample of alcohol and tobacco, the fact of consumption of psychoactive substances by parents, when assessing the risk of alcohol and tobacco dependence in a person is substantiated. The expediency and possibility of quantitative and qualitative differentiation of the risk level of alcohol and tobacco demand is determined. An algorithm for personalized risk assessment of psychoactive substance use among students has been developed.

Keywords: health-saving technologies, psychodiagnostics, deviant behavior, psychoactive substances, dependent behavior.

Постановка проблемы. Современные представления о причинах формирования зависимости от психоактивных веществ (ПАВ), как правило, базируются на результатах масштабных эмпирических исследований, учитывающих средние значения показателей, отражающих социальные, психологические и биологические характеристики людей, проявляющих зависимость от алкоголя, табака, наркотических и психотропных средств. Средние величины, обобщающие характеристику человека – потребителя ПАВ, нивелируют индивидуальные различия исследуемых показателей, тем самым, не отражая фактического разнообразия совокупности признаков, обуславливающих риски наркотизации, алкоголизации и табакокурения. Это провоцирует обезличивание молодежи при реализации плановых процедур по профилактике потребления ПАВ в образовательных учреждениях. Стандартные программы первичной профилактики потребления ПАВ, базирующиеся на групповых методах работы со школьниками и студентами, игнорируют неизбежное наличие индивидуальных рисков поведения, инициирующих пробы ПАВ конкретным человеком. Данная ситуация требует разработки методов персонализированной диагностики рисков потребления ПАВ применительно к организованным контингентам учащейся молодежи. В качестве наиболее универсального объекта для моделирования здоровьесберегающего сопровождения учащейся молодежи следует выбрать студенческую молодежь. Система воспитательной работы в вузе не предусматривает жесткой регламентации методов психологического сопровождения учащихся, что позволяет разрабатывать, апробировать и внедрять наиболее эффективные инновационные технологии здоровьесбережения.

Целью исследования являлась разработка системного подхода к персонализированной оценке рисков потребления ПАВ в среде студенческой молодежи.

Изложение основного материала исследования. При изучении детерминант риска востребованности и потребления психоактивных веществ, традиционно выделяются три группы факторов: социальные, психологические и биологические.

Социальными факторами формирования риска потребления психоактивных веществ выступают их распространенность и доступность, социально-экономическая напряженность, ведущая к неблагоприятным условиям жизни, бедности, проблемам с жильем, безработице, высокому уровню стресса в обществе, а также вооруженные конфликты и социальные катаклизмы. К числу специфических социально-экономических детерминант алкоголизации населения России относятся доступность алкоголя и дешевизна крепких спиртных напитков в сравнении со слабоалкогольными напитками [1].

Психологические факторы востребованности психоактивных веществ традиционно дифференцируются на индивидуально-психологические и социально-психологические. Индивидуально-психологические, в свою очередь, делятся на личностные и ситуативные. В большинстве случаев основополагающими в формировании мотивации потребления психоактивных веществ являются личностные факторы, а ситуативные играют роль модулятора. К личностным факторам риска относятся: неуверенность в себе, импульсивность, неумение распознавать и адекватно выражать свои чувства, неумение принимать ответственность за собственное поведение, неумение эффективно разрешать конфликтные ситуации, заниженная или завышенная самооценка, несформированность коммуникативных навыков, несформированность собственной системы ценностей и пассивность в их достижении, акцентуации характера. В качестве социально-психологических факторов риска приобщения к психоактивным веществам выступают: нарушения семейной системы (неполная семья, появление отчима (мачехи), сводных братьев и сестер), асоциальная и антисоциальная семья, проживание в плохих социально-бытовых условиях, злоупотребление в родительской семье алкоголем и/или наркотиками (как модельное поведение), нарушенные стили воспитания в семье (гипопротекция, гиперпротекция, авторитарность, жестокое обращение с ребенком в семье, попустительство, безнадзорность, расогласованность и непоследовательность в воспитании, отсутствие понимания между родителями, отсутствие духовности, нравственных ценностей и идеалов в семье), чрезмерная занятость родителей, избыток свободного времени, пребывание в антисоциальных (асоциальных) компаниях и компаниях, употребляющих психоактивные вещества [4].

Биологическая предрасположенность к наркомании, алкоголизму и табакокурению обусловлена целым рядом специфических проявлений нейрохимических функций мозга, провоцирующих развитие физической зависимости от психоактивных веществ. Данные проявления, в свою очередь, являются следствием реализации индивидуальной генетической программы онтогенеза человека. В настоящее время известна совокупность генов, для которых получено и опубликовано убедительное подтверждение их связи с возникновением наркотической, алкогольной и табачной зависимости. При этом в единичных публикациях зарубежных исследователей констатируется актуальность учета природного и антропогенного контекста, связанного с развитием фенотипа в генетическом анализе популяционной предрасположенности к востребованности психоактивных веществ. Обосновывается целесообразность выявления и оценки экологических воздействий, которые являются уникальными для различных расовых и этнических групп населения Земли. Доказывается необходимость объяснения механизмов взаимодействия генов и аллелей с социальными факторами среды, в которой они экспрессируются [7].

В результате ранее выполненных собственных исследований были выявлены физиологические и психофизиологические предпосылки востребованности ПАВ. Определено, что из общего количества студентов-потребителей алкоголя и табака 65% характеризуются высоким, 33% – средним и 2% – низким уровнем общей неспецифической реактивности организма (УОНРО) [2]. При этом разработан экспресс-метод количественной и качественной оценки УОНРО для человека, основанный на учете выраженности тепловой чувствительности организма. Доказана интегративность УОНРО в отношении основных психофизиологических свойств, формирующих индивидуальную специфику сложных, в том числе девиантных форм поведения человека [3]. Выявлен ряд психологических и социальных предпосылок востребованности ПАВ (специфические сочетания акцентуаций характера и типологических характеристик высшей нервной деятельности, отчужденность между родителями и детьми, необходимость в самостоятельном заработке) [5, 6].

Принципиальным моментом системного подхода к здоровьесберегающему сопровождению человека является преємственность показателей диагностического, прогностического и коррекционного этапов работы. В этой схеме обязательным условием успеха достижения результата является обеспечение постоянного мониторинга состояния человека, желательно с использованием стандартных показателей приборного экспрессного

тестирования, однозначно характеризующих степень индивидуального адаптационного напряжения «здесь и сейчас». Учитывая интегративный характер УОНРО, он был выбран в качестве основного критерия персонализированной оценки риска востребованности ПАВ.

Обобщение представленных данных позволило выделить ключевые позиции алгоритма персонализированной диагностики рисков потребления ПАВ в среде студенческой молодежи. Диагностику склонности к потреблению ПАВ предлагается выполнять в два этапа. На первом этапе исследования методом приборного тестирования определяется УОНРО, а также путем очного опроса выявляется ретроспективная самооценка психоэмоционального и функционального состояния после первой пробы ПАВ, если таковой опыт у человека был ранее. Кроме этого выясняется отношение родителей к потреблению ПАВ. По результатам первого этапа исследования испытуемые дифференцируются на четыре группы. К группе с выраженным риском потребления ПАВ относятся лица, в совокупности характеризующиеся высоким или средним УОНРО, наличием родителей потребляющих ПАВ, положительным опытом первой пробы ПАВ. К группе с умеренно выраженным риском потребления ПАВ относятся лица с положительным опытом первой пробы ПАВ, вне зависимости от наличия прочих факторов риска. К группе с потенциальным риском потребления ПАВ относятся лица с отсутствием опыта пробы ПАВ, обладающие высоким или средним УОНРО, а также лица, чьи родители являются потребителями ПАВ. К группе с отсутствием риска потребления ПАВ относятся лица с отрицательным опытом первой пробы ПАВ, низким УОНРО и отсутствием у родителей зависимости от ПАВ. Второй этап диагностического исследования предусматривает углубленное психологическое и психофизиологическое тестирование учащихся, характеризующихся выраженным и умеренно выраженным риском потребления ПАВ. На данном этапе предусматривается разработка персонального нормативного прогноза потребления ПАВ, с конкретизацией индивидуальных факторов риска развития востребованности адаптогенов, и методов воздействия, нейтрализующих такой риск. Прогнозируется общий и ситуативный риск востребованности ПАВ с учетом индивидуальных сочетаний показателей фенотипа в динамике инфрадианных и циркадианных биоритмов человека.

Экспериментальная апробация процедуры персонализированной диагностики рисков потребления ПАВ в среде студенческой молодежи выполнялась с участием студентов и курсантов вузов Санкт-Петербурга, Рязани и Волгограда. Выявлено, что вне зависимости от региона, направления подготовки и пола испытуемых, существует возрастная специфика факторов инициации потребления алкоголя и табака. Так, в возрасте 18-19 лет, в подавляющем большинстве случаев ситуативное потребление алкоголя и постоянное курение обусловлено социальными причинами, а в возрасте 22-23 лет – психофизиологическими. Подтверждена прямая связь склонности к потреблению «легальных» ПАВ с УОНРО, положительным опытом первой пробы алкоголя и табака, потреблением ПАВ родителями. Мониторинг УОНРО позволяет оперативно выявлять и контролировать динамику адаптационного напряжения организма учащихся. Учет фаз овариально-менструального цикла обеспечивает прогноз ситуативной востребованности ПАВ у девушек.

Выводы. Современная система профилактики потребления алкоголя, табака, наркотических и психотропных средств, в среде учащейся молодежи, не предусматривает учета индивидуальных сочетаний физиологических, психофизиологических, психологических и социальных факторов риска востребованности ПАВ. Отсутствуют алгоритмы персонализированной диагностики рисков потребления ПАВ, адаптированные к массовому применению в образовательных учреждениях. В результате предпринятого исследования обоснована диагностическая значимость УОНРО, опыта первой пробы ПАВ, факта потребления ПАВ родителями при оценке риска формирования алкогольной и табачной зависимости у человека. Применение разработанного алгоритма персонализированной диагностики рисков потребления ПАВ в среде студенческой молодежи обеспечивает:

1) комплексный учет факторов формирования зависимости от ПАВ (физиологической, психологической и социальной природы);

- 2) возможность качественной типологизации и количественной дифференциации степени риска возникновения предпосылок формирования зависимости от ПАВ у человека;
- 3) технологизацию процесса тестирования, минимизирующую субъективизм оценки риска возникновения предпосылок формирования зависимости от ПАВ у человека.

Литература

1. Вангородская С.А. Российская модель потребления алкоголя: особенности и влияние на смертность населения / С.А. Вангородская // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. – 2018. – Том 43, № 1. – С. 28-36.
2. Мулик А.Б. Психофизиологические характеристики рисков адаптации учащейся молодежи / А.Б. Мулик, М.В. Постнова, Ю.А. Мулик, Н.О. Назаров, Г.А. Кудрявцева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11: Естественные науки. – 2011. – № 2 (2). – С. 114-121.
3. Мулик А.Б. Уровень общей неспецифической реактивности организма человека: монография / А.Б. Мулик, М.В. Постнова, Ю.А. Мулик. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2009. – 224 с.
4. Сафронова А.Н. Основные факторы и предпосылки проявления склонности учащейся молодежи к употреблению психоактивных веществ / А.Н. Сафронова, Н.О. Вербицкая // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 12-10. – С. 2226-2230.
5. Шатыр Ю.А. Систематизация факторов формирования социальных девиаций / Ю.А. Шатыр, И.Г. Мулик, И.В. Улесикова, В.В. Деларю, А.Б. Мулик // Logos et Praxis. – 2017. – Том 16, № 3. – С. 136-144.
6. Юсупов В.В. Психологическая диагностика зависимого поведения / В.В. Юсупов, В.А. Корзунин. – СПб.: Речь, 2007. – 129 с.
7. Chartier KG, Karriker-Jaffe KJ, Cummings CR, Kendler KS. Review: Environmental influences on alcohol use: Informing research on the joint effects of genes and the environment in diverse U.S. populations. // Am J Addict. – 2017. – N 26(5). – P. 446-460.

УДК: 159.9

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАВСТВЕННЫХ УБЕЖДЕНИЙ С ЦЕННОСТНЫМИ ОРИЕНТАЦИЯМИ СТУДЕНТОВ¹

Мустафина Лилия Шаукатовна,

кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник лаборатории психологии личности,
ФГБУН «Институт психологии РАН», г. Москва

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи представлений молодежи о совести с их ценностными ориентациями. Гипотеза: содержание и валентность социальных представлений молодежи о совести будут различаться в зависимости от предпочитаемого типа терминальных и инструментальных ценностей. Гипотеза исследования подтвердилась, и результаты показывают хорошую работу адаптационной функции представлений о совести у студентов, стремящихся к личному социальному успеху в современной ситуации общественного устройства.

Ключевые слова: совесть, ценностные ориентации, социальные представления, содержание и валентность социальных представлений, терминальные ценности, инструментальные ценности, молодежь, студенты.

Annotation. The results of an empirical study of the interrelation of representations of students about conscience to their value orientations are presented. It was supposed that the content and the

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №18-013-00913).

attitude of the social representations of young people about conscience will differ depending on the preferred type of terminal and instrumental values. The hypothesis of the study was confirmed, and the results show a good work of the adaptive function of the representations about conscience among students, which strive for personal social success in the current situation of the social order.

Key words: conscience, value orientations, social representations, valence and content of social representations, terminal values, instrumental values, youth, students.

Постановка проблемы. Необходимость изучения нравственных убеждений обусловлена стремительно трансформирующейся общественной ситуацией в мире, которая провоцирует изменения, происходящие в сознании людей. Человек социален по своей природе и общество задает определенные нормы, ориентиры, преломляя которые личность выстраивает свою жизненную линию. Известно, что в формировании целостной гармоничной личности участвуют внутренние механизмы, одним из которых является совесть, регулирующая помыслы и действия личности, направляя ее в ситуации морального выбора. В то же время, отношение к нравственным феноменам определяет мировоззрение, жизненную направленность, поведение в обществе, основные тенденции развития личности. Представления о совести могут определять нравственную направленность человека и социума. Известно, что в несходных условиях социального бытия формируются различные интересы, установки, ценностные ориентации, а одно и то же явление может приобретать разное значение в зависимости от типа общества или социальной среды. Современная обстановка в нашей стране и в мире изменяется быстро, что неизбежно влечет социальные преобразования, к которым вынужден адаптироваться каждый человек, однако молодежь занимает особое место, поскольку в молодые годы у человека интенсивно формируются ценностные ориентации, происходят процессы поиска своей идентичности, построения образа мира и поиска своего места в нем. Особая сензитивность молодых людей к окружающим явлениям социальной жизни, происходящим переменам ведет к тому, что в представлениях молодежи наиболее отчетливо отражаются тенденции развития общественного сознания.

Изложение основного материала исследования. В психологической науке сложилось, что нравственные убеждения (в том числе отношение к совести) изучаются через категорию социальных представлений. Исследования представлений о том или ином явлении является одним из приоритетных направлений современной психологии [4; 6; 7]. Т.П. Емельяновой показано, что обращение к теории социальных представлений С. Московиси особенно продуктивно в условиях общественных трансформаций [2]. Существующие методы исследования социальных представлений позволяют выявить структуру социальных представлений, состоящую из устоявшегося, константного ядра и изменчивой периферии, и заметить направленность происходящих изменений в понимании того или иного явления.

Представления о нравственных феноменах как базисные убеждения наряду с ценностными ориентациями включены в картину мира каждого индивида, в его мировосприятие [5]. Социальные представления о совести с одной стороны отражают мировоззренческий уровень функционирования личности, с другой – психологический уровень, уровень конкретных решений, поступков, мотивации в обычной жизни человека.

В последнее время исследователи нередко изучают взаимосвязь социальных представлений с психологическими характеристиками респондентов. Подобные исследования показывают существование связи социальных представлений и психологических характеристик респондентов, в первую очередь, связанных с мировоззренческими установками, отношением к миру. Изучая представления о совести, можно выявить зрелость/незрелость нравственных убеждений и позитивно-негативную валентность восприятия совести и, тем самым, определить степень сформированности нравственной сферы личности. О современной неблагоприятной ситуации в нравственной сфере населения, и прежде всего, молодежи, пишут многие исследователи [1;3 и др.]. Исходя из этого, интересно проследить, каким образом взаимосвязаны ценностные ориентации молодежи и их восприятие совести в наших современных реалиях.

Цель исследования: выявить взаимосвязь представлений о совести с ценностными ориентациями у молодежи. Гипотеза исследования: Содержание и валентность представлений

студентов о совести будет различаться исходя из предпочитаемого типа терминальных и инструментальных ценностей. Выборка: студенты высших учебных заведений Москвы в возрасте от 18 до 25 лет. Всего 103 респондента (71% – девушки, 29% – юноши).

Методики. Представления о совести изучались с помощью авторской анкеты для выявления структуры социальных представлений о совести, которая состоит из 39 суждений о совести. Эти суждения можно разделить по валентности: позитивные утверждения и негативные (отражающие цинично-прагматичное отношение к совести, отрицающие ее наличие или значение).

Утверждения анкеты распределяются по следующим смысловым блокам:

1. Понятия о характере развития совести, о ее природе (врожденный или приобретенный характер совести).

2. Влияние совести на жизнедеятельность человека и общества: а) положительное; б) отрицательное.

3. Отождествление или различение понятий «совесть» и «стыд».

4. Цинично-прагматичное отношение к совести.

5. Зависимость/независимость совести от внешних оценок.

6. Утверждения, наиболее полно и глубоко отражающие содержание феномена совести.

Студентам предлагалось оценить по шкале Лайкерта, до какой степени предложенные в анкете утверждения совпадают с их представлениями о совести.

Ценностные ориентации изучались с помощью адаптированного варианта методики М. Рокича «Ценностные ориентации». Для целей исследования мы классифицировали ведущие терминальные и инструментальные ценности каждого респондента в соответствии с модификацией обработки методики на сайте <http://www.hr-portal.ru/node/27229> (дата последнего обращения: 30.08.2020). Ведущие терминальные ценности (ценности-цели) традиционно разделяются на абстрактные (жизненная мудрость, красота природы и искусства, любовь, познание, развитие, свобода, счастье других, творчество, уверенность в себе) и конкретные (активная деятельная жизнь, здоровье, интересная работа, материально обеспеченная жизнь, наличие хороших и верных друзей, общественное признание, продуктивная жизнь, счастливая семейная жизнь, удовольствия). Инструментальные ценности (ценности-средства) были разделены на ценности общения (честность, воспитанность, жизнерадостность, терпимость, чуткость, непримиримость к недостаткам), ценности самоутверждения (независимость, самоконтроль, ответственность, высокие запросы, широта взглядов, смелость в отстаивании своего мнения) и ценности дела (эффективность в делах, образованность, аккуратность, исполнительность, твердая воля, рационализм). При обработке данных в расчет брались первые 6 позиций по терминальным ценностям и первые 6 позиций – по инструментальным. Если большая часть из этих ценностей принадлежала к определенному типу, то принималось, что у респондента ведущими являются ценности именно этого типа. Если оказывалось, что у респондента одинаковое количество ведущих ценностей, принадлежащих разным типам, тогда принималось, что у респондента – диффузный (смешанный) вариант ведущих ценностей (см. таб. 1).

Таблица 1.

Ведущие терминальные и инструментальные ценностные ориентации студентов

Ценностные ориентации	Количество респондентов (в %)
<u>Терминальные:</u>	
Абстрактные	22
Конкретные	54
Диффузные	24
<u>Инструментальные:</u>	
Ценности общения	19
Ценности самоутверждения	36
Ценности дела	28,5
Диффузные	16,5

Результаты

Используя критерий Краскала-Уоллеса, были проанализированы значимые различия в представлениях о совести в зависимости от выбора терминальных и инструментальных ценностей.

Исходя из выбора респондентами типа терминальных ценностей, обнаружилось значимое различие по одному утверждению анкеты: «Совість – одно из чувств, которое человеку приходится демонстрировать другим для поддержания общественных связей» ($p = 0,001$), которое отражает цинично-прагматичное отношение к совести. Так, в большей степени согласны с этим утверждением молодые люди, выбирающие конкретные ценности (интересная работа, материально обеспеченная жизнь, развлечения и т.п.). Респонденты, отдающие предпочтение абстрактным ценностям (жизненная мудрость, свобода, счастье других и т.п.) менее всех согласны с этим утверждением. Студенты с диффузным вариантом ведущих ценностей занимают промежуточное положение в оценке этого утверждения. Данный результат, с нашей точки зрения, хорошо иллюстрирует связь нравственных убеждений и направленности личности, которая, в свою очередь, связана с мировосприятием и соответствующим выстраиванием собственной жизни.

Тот же анализ был проведен в отношении избранных студентами инструментальных ценностей. Инструментальные ценности были разделены на 3 группы: ценности самоутверждения, ценности общения, ценности дела, если четких предпочтений у респондента не выявлялось, то такие предпочтения считались диффузными. Значимые различия в представлениях о совести, исходя из структуры инструментальных ценностей, обнаружилось по семи утверждениям анкеты.

Респонденты, предпочитающие ценности дела (эффективность в делах, образованность, аккуратность, исполнительность, твердая воля, рационализм) чаще считают, что «совість не нужна» ($p = 0,013$), «человек с совестью – слабый и боязливый» ($p = 0,043$) и реже остальных соглашаются с мнением, что «совість предполагает ограничение собственных потребностей, своего эгоизма» ($p = 0,031$), что она - это «внутренний голос человека, который подсказывает, как правильно поступать» ($p = 0,018$) и что «совість помогает все делать лучше» ($p = 0,043$).

Противоположная картина результатов наблюдается у молодых людей, отдающих предпочтение ценностям общения (честность, воспитанность, жизнерадостность, терпимость, чуткость, непримиримость к недостаткам). Эта группа респондентов считает, что «совість – это внутренний голос человека, который подсказывает, как правильно поступать» ($p = 0,018$), «совість есть у всех людей, только не все ее слушают» ($p = 0,013$), «совість помогает все делать лучше» ($p = 0,001$), «человек с совестью – сильный и внутренне свободный» ($p = 0,043$), «совість предполагает ограничение собственных потребностей, своего эгоизма» ($p = 0,031$).

Респонденты, выбирающие ведущими для себя ценности самоутверждения (независимость, самоконтроль, ответственность, высокие запросы, широта взглядов, смелость в отстаивании своего мнения) в меньшей степени, чем остальные респонденты разделяют мнения, что «совість – это внутренний голос человека, который подсказывает, как правильно поступать» ($p = 0,018$), «совість есть у всех людей, только не все ее слушают» ($p = 0,013$), «человек с совестью – сильный и внутренне свободный» ($p = 0,043$).

Результаты исследования показывают, что система ценностных ориентаций молодежи связана с представлениями о нравственности, и эти представления соотносятся с реальностью современной социальной обстановки в стране. На фоне общего падения нравственности студенты, стремящиеся к самоутверждению и социальному успеху, выбирают наиболее быстрый и простой путь достижения своих целей, который предполагает нивелирование значимости морально-нравственных качеств личности. Молодежь, которая ориентирована на выстраивание крепких межличностных отношений, напротив, считает совесть важным внутренним ресурсом человека, который помогает в жизни.

Выводы. Таким образом, содержание представлений о совести взаимосвязано с выбором респондентами той или иной группы ценностей. Респонденты, выбирающие конкретные ценности статистически чаще разделяют цинично-прагматичное отношение к совести, чем

респонденты, у которых в структуре ценностей в той или иной мере присутствуют абстрактные ценности (жизненная мудрость, творчество, счастье других и т.п.). Структура инструментальных ценностей также соотносится с представлениями о совести. Так, наиболее циничное отношение к совести демонстрируют респонденты с ведущими ценностями дела; не столь категоричное отношение, но отрицающее внутреннюю обусловленность совести и ее независимость от внешних оценок выявляется у молодых людей с ценностями самоутверждения; самые позитивные представления о совести проявляются у респондентов с ведущими ценностями общения. Если соотнести полученные результаты с общественными реалиями в современной России [3], то вырисовывается закономерная, логичная картина, которая показывает хорошую работу адаптационной функции представлений о совести у молодежи, стремящейся к личному социальному успеху в современной ситуации общественного устройства.

Литература

1. Воловикова М.И. Личность в пространстве современного мира: духовно-нравственные проблемы // *Нравственность современного российского общества: психологический анализ* / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – С. 42-59.
2. Емельянова Т.П. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – 476 с.
3. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Социально-психологические факторы вступления молодежи в ИГИЛ // *Вопросы психологии*. 2016. № 3. С. 16-28.
4. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // *Психологический журнал*, 1995, Т 15. №1. С. 3-18.
5. Падун М.А., Котельникова А.В. Психическая травма и картина мира: Теория, эмпирия, практика. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 206с.
6. Abric J. Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representations // *Papers on social representation*. 1993. V. 2. P. 75-78.
7. Verges P. L'Evocation de l'argent: Une methode pour la definition du noyau central d'une representation // *Bulletin de Psychologie*. 1992. V. XLV. P. 203-209.

УДК: 159.9.07

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К САМОРАЗВИТИЮ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Низовских Нина Аркадьевна,
доктор психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»,
г. Киров

Аннотация. Цель статьи в теоретическом обосновании необходимости психолого-педагогического сопровождения становления готовности к саморазвитию как самоценному процессу, поддерживающему нормативное поведение подростков. Содержание статьи раскрывает закономерности личностного развития подростков, которые необходимо учитывать в такой работе. Особое внимание автор уделяет принципу «заботы о себе», значимому для профилактики девиантного поведения подростков в современной социокультурной ситуации.

Ключевые слова: подростки, психологическая готовность к саморазвитию, самопознание, забота о себе, ценности, жизненные принципы

Annotation. The purpose of the article is to theoretically substantiate the need for psychological and pedagogical support for the formation of readiness for self-development as an inherently valuable process that supports the normative behavior of adolescents. The content of the article reveals the patterns of personal development of adolescents, which must be taken into account in such work. The author pays special attention to the principle of “self-care”, which is significant for the prevention of deviant behavior in adolescents.

Keywords: adolescents, psychological readiness for self-development, self-knowledge, self-care, values, rules of life

Постановка проблемы. Психологическая готовность к саморазвитию является одним из возможных приобретений подросткового возраста. Формирующаяся на основе самопознания и «заботы о себе» предрасположенность к прогрессивным самоизменениям может выступить значимым фактором профилактики девиантного поведения. Вместе с тем современная образовательная практика далеко не всегда ориентирована на психолого-педагогическое сопровождение становления саморазвития как личностного ресурса подростка.

Целью статьи является теоретическое обоснование необходимости психолого-педагогического содействия становлению готовности к прогрессивному саморазвитию как самоценному процессу, поддерживающему нормативное поведение подростков.

Изложение основного материала исследования. Психологическая готовность к саморазвитию определяется нами как предрасположенность личности к самоизменению, созданию в себе (в своем сознании, переживаниях, поведении) нового в соответствии с жизненными задачами и побуждениями внутренней субъективной реальности с опорой на специальные психологические средства [4]. К психологическим средствам личностного саморазвития мы относим, прежде всего, речь, речевые высказывания, а также образы, действия, символы, произведения искусства, жизненные принципы, уделяя последним особое внимание [3].

Подростковый возраст является переломным в формировании психологической готовности к саморазвитию (Б. М. Мастеров, А. М. Прихожан, В. И. Слободчиков, Г. А. Цукерман, М. А. Фризен, М. А. Щукина и др.). Именно в подростковом возрасте «человек впервые осознает себя потенциальным автором собственной биографии, принимает персональную ответственность за свое будущее, уточняет границы самостождественности внутри совместного бытия с другими людьми» [8, с. 43]. Появление способности к саморазвитию – кульминационный момент развития подростка, но следует иметь в виду «принципиальную ограниченность данной ступени развития личности, еще не достигшей внутренней свободы – освобождения от власти своей самости, как своей, так и чужой» [Там же]. Психологическая готовность к саморазвитию является одним из возможных приобретений подросткового возраста, поскольку саморазвитие хоть и «начинается вместе с жизнью и разворачивается внутри нее; но человек долгие годы – нередко всю жизнь – может и не быть его субъектом, тем, кто инициирует и направляет этот процесс» [8, с. 47].

Осуществится ли становление растущего человека как субъекта и автора своей жизни и самого себя во многом определяется тем, кто окажется рядом с ним. Школьные учителя, педагоги дополнительного образования, психологи, руководители кружков, секций призваны помогать подросткам осваивать «правила, понятия, принципы деятельности во всех сферах социально-культурного бытия» [8, с. 43]. К сожалению, образовательная практика не всегда ориентирована на содействие подростку в осознании саморазвития как «нормативной ценности» и значимого личностного ресурса. Слишком часто современные подростки осваивают ценности, поставляемые сайтами сомнительного содержания, компьютерными играми, ориентирующими на жестокость и насилие, средствами массовой идеологической пропаганды, отчуждающими подростка от собственной идентичности.

Ориентация на ценность саморазвития, основанного на самопознании и заботе о себе, позволяет подростку критически осмысливать происходящее в мире, строить себя и свой жизненный путь, не соскльзывая в девиации по незнанию или недомыслию.

В данной статье, с целью обоснования влияния психологической готовности к саморазвитию на становление нормативного поведения подростков, представим ряд теоретических положений, которые могут быть полезны в осуществлении профилактики девиантного поведения. Принципиально важными с точки зрения обсуждаемой проблемы являются следующие аспекты личностного развития подростков: в подростковом возрасте самосознание начинает формироваться на внутренней речевой основе, подросток овладевает собой, своим поведением при помощи воли, которая есть речевое командование по отношению к самому себе (Л. С. Выготский); подростки «открывают свое Я», в актах самопознания Я-реальное вступает в диалоги с Я-идеальным и Я-возможным (Л. С. Выготский, И. С. Кон, Б. А. Мастеров, В. И. Слободчиков, Г. А. Цукерман, М. А. Фризен, М.А. Щукина и др.).

Опираясь на идеи П. Жане, Л. С. Выготский утверждал, что в основе построения личности лежит воля как «речевое поведение» (командование по отношению к самому себе), которая является «первоначально социальной формой поведения» [1, с 225]. Что это означает? Л. С. Выготский пишет о социальном поведении по отношению к самому себе как о высшем фундаментальном законе поведения, раскрывая его следующим образом: «мы ведем себя по отношению к самим себе так, как мы ведем себя по отношению к другим»; и «если мы усвоили функцию командования по отношению к другим, применение этой функции к самому себе представляет в сущности тот же самый процесс» [Там же]. В качестве необходимой предпосылки для овладения собой, подчинения своих действий собственной власти требуется осознание этих действий [Там же]. Осознание своих действий, наряду с их волевой регуляцией, позволяет говорить о переходе подростка к новому принципу развития – о развитии личности на основе речевой рефлексии. Л. С. Выготский так формулирует закон самоформления личности: «высшие психические функции, обеспечивающие самоформление личности, по своей сути, есть «перенесенные в личность отношения, некогда бывшие отношениями между людьми. Вот почему различие действующего и рефлексивного "я" является не чем иным, как проекцией социальных отношений внутрь личности. Самосознание и есть социальное сознание, перенесенное внутрь» [Там же, с. 239]. Вот этот закон мы всегда должны принимать во внимание, исходить из него общаясь с подростками, обучая и воспитывая их.

Подростки, как известно, «бесстрашны» и «бессмертны», они жаждут приключений, готовы бесконечно экспериментировать, иногда рискуя своей жизнью. Задача взрослых заключается не в том, чтобы обеспечить подростку «страховочную сетку» в виде конкретных запретов и предписаний («туда не ходи», «с этими не дружи», «этого категорически делать нельзя» и т.д.), но демонстрируя сердечное отношение, помочь подростку в осознании ценности своего Я, значимости принципов в выборе вариантов своего поведения. Нравственные убеждения, этические нормы и правила поведения, к сожалению, выпадают сегодня из поля зрения педагогов и родителей. Традиционные ценности размываются, некоторые понятия (например, долг, честь, благородство) воспринимаются как устаревшие, в научной литературе встречаются утверждения о нравственной деградации общества. Остается надеяться, что мыслящие и неравнодушные к судьбам своих воспитанников педагоги, будут прилагать немалые усилия, чтобы будить их совесть, запуская процессы самосовершенствования и саморазвития. В подростковом возрасте возможно стать человеком, который «следует своим убеждениям и не решается на какой-нибудь сложный и сомнительный поступок, прежде чем не рассмотрит его в свете этих убеждений» [Там же, с. 241]. Данный механизм Л. С. Выготский называет психологической системой [Там же]. Конечно, следует учитывать то, что осуществляющийся в подростковом возрасте переход к новой системе связей между психическими функциями дается чрезвычайно трудно, и приводит к тому, что развитие личности подростка «совершается не по прямой, а по очень сложной и извилистой кривой. В структуре личности подростка нет ничего устойчивого,

окончательного и неподвижного. Все в ней – переход, все течет» [Там же, с. 242]. Рассчитывать на быстрые результаты профилактической работы с подростками путем их просвещения в вопросах этики и нравственности не приходится, нужны настойчивость и последовательность, применение активных форм т.д. Важно при этом быть терпеливыми, умеющими ждать, но также важно не пропустить данный период для содействия подростку в выработке свода руководящих жизненных принципов, опирающегося на знание закономерностей происходящих в личности подростка процессов.

Кульминационным событием подросткового периода, означающим становление подростка как субъекта саморазвития, выступает открытие Я на социальном, личностном и экзистенциальном уровне. Данное кульминационное событие возникает не на пустом месте, оно «подготавливается всей историей детства» [10, с. 18]. Приведем обширную цитату из работы Г.А. Цукерман, метафорически и очень точно представляющую сложный путь личностного саморазвития в онтогенезе: «Самостоятельность, ответственность, инициативность – все эти качества являются неперенными условиями саморазвития, и в той или иной степени присущи даже маленьким детям. Но детские самостоятельные, ответственные, инициативные действия существуют как островки в океане взрослых забот. Ситуация кардинально меняется лишь в подростковом возрасте: эти островки сливаются в материк, на котором долго еще остаются более или менее обширные области несамостоятельности, безынициативности, безответственности, исследованием и покорением которых человек занимается всю оставшуюся жизнь» [10, с. 18]. «Открытие себя» является точкой перегиба между двумя фазами жизни: вначале человек овладевает обстоятельствами своего существования, во второй – переходит к жизнестроительству (В.И. Слободчиков, Г.А. Цукерман). Исследования, опыт специальных занятий и индивидуальных консультаций показывают, что уже младшие подростки могут ставить серьезные задачи, направленные на самоизменение (Б.А. Мастеров, М.А. Фризен, Г.А. Цукерман, М.А. Щукина и др.), на ступени младшего школьного возраста можно ставить задачу создания условий для превращения ребенка в субъекта самоизменения (В. В. Давыдов, Д. Б. Эльконин и др.). В своей консультативной практике я много раз наблюдала, как заинтересованно могут относиться к идее «работы над собой в мире» младшие школьники и подростки 11-12 лет, если удастся вовлечь их в эту работу, показать ее значимость и решающую роль для их настоящей и будущей жизни.

Далее остановимся на принципе, который на протяжении истории человечества выступал как приоритетный в «технологии себя» (М. Фуко), но оказался забытым в наши дни. Речь идет о принципе «позаботься о самом себе» [9], актуальном с позиции становления нормативного поведения подростков в условиях современной социокультурной ситуации.

Начиная с конца прошлого века «феномен заботы о себе активно переосмысливается представителями различных научных направлений с точки зрения практик разного уровня (образовательных, духовных, психологических, психотерапевтических и др.)» [5]. Данное переосмысление стало возможным благодаря работам М. Фуко, к идеям которого в последнее обращаются многие отечественные авторы. Исключительно значимой в обсуждении данной проблемы стала международная конференция памяти Г. В. Иванченко, организованная в НИУ ВШЭ в сентябре 2015 года [2].

Предписание заботиться о самом себе было известно с давних времен. В Древней Греции оно было «одним из основных принципов городской жизни, одним из основных правил общественного и личного поведения и искусства жизни» [9, с. 101]. В греко-римской культуре принцип заботы о себе был тесно связан с принципом «познай самого себя»: забота о себе считалась обязательной и рассматривалась как необходимая для познания себя. Со временем дельфийский принцип «познай себя» «затмил» первый, так что забота о себе была позабыта и стала восприниматься даже как «нечто аморальное». М. Фуко резюмирует это следующим образом: «Произошла инверсия иерархии двух античных принципов "Позаботься о самом себе" и "Познай самого себя". В греко-римской культуре знание о себе возникает вследствие заботы о себе. В современном мире познание себя становится основополагающим принципом»

[Там же, с. 103]. Важно, что забота о себе «конституировалась не только как принцип, но и как постоянная практика», на протяжении веков складывались разные ее формы. Сама идея «заботы о себе» понятна и притягательна, поэтому далее, опираясь на текст стенограммы семинара М. Фуко [9], выделим в качестве примеров некоторые черты и формы «заботы о себе», одинаково важные как для подростков, так и для их учителей и родителей.

М. Фуко обращается к трактату Платона «Алкивиад I», в котором Платон приводит диалоги Сократа со своим учеником, в которых, в частности, Сократ утверждает:

– забота о себе «предполагает самые разные вещи: хлопоты о своем имуществе и о своем здоровье. Это всегда реальная деятельность, а не просто установка» [Там же, с. 104];

– «когда ты заботаешься о своем теле, ты не заботаешься о себе. "Я" – это не одежда, орудия или имущество. Оно представляет собой начало, пользующееся этими орудиями, начало не телесное, а духовное. Ты должен беспокоиться о своей душе – именно на этом строится забота о себе. Забота о себе – это забота о деятельности, а не забота о душе как субстанции» [Там же, с. 105];

– «заботиться о себе – значит познавать себя» [Там же].

В дальнейшем в философских учениях стоиков, пифагорейцев, эпикурейцев и др., принцип заботы о себе дополнялся и уточнялся, и иногда принимал противоположные платоновским формы [9]:

– забота о себе не только цель, стоящая перед юношей, но «постоянная задача всей жизни»;

– забота о себе предполагает ведение записей о себе, сочинение текстов, писем друзьям, ведение дневников; в письменной активности осуществляется самораскрытие, зарождается совесть;

– «культура ориентирована на душу, но забота о теле крайне важна» [с. 108];

– «перманентная медицинская забота – одна из основных черт заботы о себе. Необходимо стать лекарем своей души» [с. 109];

– «правило есть средство надлежащего выполнения чего-либо, а не оценки того, что было сделано в прошлом» [с. 111];

– «субъект представляет собой место пересечения актов, которые должны быть отрегулированы, и правил надлежащего поведения» [Там же];

– «ты уходишь в себя ради открытия, но не открытия прегрешений и глубинных чувств, а лишь для того, чтобы вспомнить правила действия, основные законы поведения» [Там же];

– «по мнению Платона, необходимо открыть истину, спрятанную внутри себя. По мнению стоиков, истина не внутри, а в словах учителей. Человек запоминает услышанное, преобразуя высказывания в правила поведения. Цель данных техник – субъективация истины» [Там же, с. 112];

– «как только идея приходит в голову, ты должен подумать о правилах, по которым ее следует оценивать» (Эпиктет) [Там же, с. 114];

– необходимо «следовать правилам перед лицом превратностей судьбы» [Там же];

– «контроль над представлениями означает не расшифровку, а вспоминание принципов поведения и тем самым определение (посредством испытания себя) того, управляют ли они твоей жизнью» (Эпиктет) [Там же].

Мы отобрали данные высказывания, предписывающие «заботу о себе», поскольку они хорошо соотносятся с положениями культурно-исторической (психотехнической) традиции в отечественной психологии. Саморазвитие как «авторство самого себя» мы исследуем с позиции психотехники [3], разделяя мысль Л. С. Выготского о значимости психотехники для овладения своей психикой, управления своим поведением. Сказанное относится, прежде всего, к речи, речевым высказываниям, письму, своду правил жизни. Практикам, работающим с подростками, будет интересно узнать о технологии «Переписка с Профессором» А. Прусак [7]. Данная технология, описывается на примере изучения математики, но она применима при изучении любых других дисциплин, а также в воспитании и в консультативной практике. Суть данной технологии в том, что ученик в соответствии с предложенным алгоритмом вначале

описывает свои проблемы в письме к вымышленному Профессору, образ которого он сам создал, а позже неожиданно для себя получает задание написать от имени этого Профессора письмо себе, с тем чтобы предложить способы решения названных проблем.

Актуальным в контексте обсуждаемой проблемы является вопрос о диагностике психологической готовности к саморазвитию [4]. А.М. Прихожан разработала для подростков методику, выявляющую направленность подростков на саморазвитие («тенденцию к саморазвитию») [6, с. 42-43]. Низкий уровень готовности к саморазвитию свидетельствует, по мысли А.М. Прихожан, о необходимости проводить специальную работу, побуждая подростков к самовоспитанию и саморазвитию. А.М. Прихожан исходит при этом из того, что «не следует "принуждать" учащихся к работе по саморазвитию. Важно лишь объяснять им значимость этого и обратить внимание на обеспечение их средствами саморазвития» [Там же, с. 43]. Мы разделяем данную позицию, и исходим из того, что диагностика готовности к саморазвитию может осуществляться также посредством исследования жизненных принципов личности, выявления того, что человек определяет для себя как значимое в мире, и как он видит реализацию этих ценностей на своем жизненном пути [4]. В коррекционно-развивающей работе с подростками, особенно с подростками группы риска, это особенно важно. К сожалению, взрослые мало разговаривают с подростками, и часто «не умеют» это делать. Вспоминается случай из моей практики, когда двенадцатилетний подросток на занятии в детско-родительской группе на предложение нарисовать рисунок «Моя самая ценная собственность» (упражнение К. Фопеля) спросил: «А что значит "ценная"?». Это заставило меня задуматься о том, как важно «договариваться о терминах», когда мы обращаемся с задачами саморазвития к подросткам, особенно трудным, склонным к девиантному поведению.

Для педагогов и психологов, осуществляющих сопровождение процессов саморазвития подростков, руководящим должен стать принцип «не навреди». Важно помнить о том, что вопрос о сроках начала работы с подростками, побуждающими их к саморазвитию, должен быть тщательно выверен (Г.А. Цукерман), саморазвитие может выступать не только как стремление изменять себя, но и как стремление остаться верным самому себе, «сохранить в неизменности собственную самость» (В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев, Г.А. Цукерман), прогрессивное саморазвитие в избранных направлениях, может приводить к регрессу в «неизбранных» направлениях (Л.И. Анцыферова); возможна асоциальная направленность «эффективно организованного» саморазвития (М.А. Щукина).

Завершая статью, заметим, что в вопросах содействия личностному саморазвитию наряду с возрастными закономерностями требуют учета и индивидуальные особенности подростков. Для многих подростков саморазвитие осуществляется не как специальная активность, но как результат вовлеченности в разные виды деятельности, прежде всего в учебную. Приведем пример из практики. Подросток, приглашенный для воспитательной беседы в кабинет завучей, с вызовом заявляет: «И вообще я буду блогером. Зачем мне вся эта учеба!». Самое время показать подростку возможности школы для развития необходимых способностей, вовлечь подростка в соответствующую его запросу общественную работу, стимулировать просоциальную активность, что и было предпринято учителями. Еще один пример. Можно постоянно ругать подростка за увлеченность компьютерными играми, ссориться с ним по этому поводу, а можно спросить его о том, что дают ему компьютерные игры, познакомиться с тем, как и во что играет подросток, постараться понять и поддержать подростка в его увлечении, и вместе с тем обсудить возможные опасности, поделиться своими представлениями о том, как следует «позаботиться о самом себе», чтобы не сформировалась игровая зависимость, чтобы не навредить своей душе, и что нужно для этого предпринять.

Выводы. Психологическая готовность к саморазвитию является значимым фактором профилактики девиантного поведения в подростковом возрасте. Психолого-педагогическое сопровождение становления готовности подростков к саморазвитию, поддерживающему их нормативное поведение, должно опираться на ряд теоретических положений, раскрывающих закономерности психического и личностного развития в этот период. Принципиально важно

для организации такой работы то, что самосознание подростка начинает формироваться на основе речевой рефлексии; подросток овладевает своим поведением при помощи воли, которая есть «речевое командование по отношению к самому себе»; в актах самопознания реальное Я подростка вступает в диалог с идеальным и возможным Я. Ориентация на саморазвитие, основанная на самопознании и заботе о себе, позволяет подростку критически осмысливать происходящее в мире, строить себя и свою жизнь, не скатываясь к девиациям.

Литература

1. Выготский Л.С. Педология подростка / Собр. соч. в 6 томах. Т.4. – М.: Педагогика, 1984. – С. 6-241.
2. Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры: мат. междунаrod. конф. памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015) / под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Ч. 1: Постоянство пребывания с собою. М.: Канон+, 2015. – 416 с.; Ч. 2: Что-то ведет нас вглубь самих себя. – М.: Канон+, 2015. – 1442 с.
3. Низовских Н.А. Жизненные принципы в личностном саморазвитии человека: дис. ... доктора психол. наук: 19.00.01. – Москва, 2010. – 449 с.
4. Низовских Н.А. Диагностика готовности к саморазвитию в контексте жизненного пути личности: к постановке проблемы / Н. А. Низовских, М. А. Башловка / Современная реальность в социально-психологическом контексте – 2020: сборник научных материалов / под науч. ред. О.А. Белобрыкиной, М.И. Кошеновой; Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2020 (в печати).
5. Пичугина В.К. Забота о себе в педагогике, социологии и психологии: история и современность // Человек.RU. – 2016. – № 11. – 149-156.
6. Прихожан А.М. Диагностика личностного развития детей подросткового возраста / А.М. Прихожан. – М.: АНО «ПЭБ», 2007. – 56 с.
7. Прусак А.Б. «Переписка с Профессором» как средство формирования положительного образа-Я учащихся в процессе изучения математики // Вестник Вятского государственного университета. – 2018. - № 3. – С. 98-112.
8. Слободчиков В.И. Интегральная периодизация общего психического развития В.И. Слободчиков, Г.А. Цукерман // Вопросы психологии. – 1996. – № 5. – С. 38-50.
9. Фуко М. Технологии себя // Логос. – 2008. – № 2 (65). – С. 96-122.
10. Цукерман Г.А. Психология саморазвития: задача для подростков и их педагогов (Пособие для учителей). – Рига, ПЦ «Эксперимент», 1997. – 276 с.

УДК: 159.9.07

ТРАСПЕРСОНАЛЬНЫЕ ТЕХНИКИ КОРРЕКЦИИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Никитин Владимир Николаевич,
доктор философских наук, кандидат психологических наук,
профессор кафедры практической психологии и арт-терапии
НОУ ВО «Московский социально-педагогический институт»,
председатель Восточно-европейской ассоциации арт-терапии (ЕЕАТА),
г. Москва

Аннотация. Статья посвящена исследованию методологии и техник трансперсональной терапии для профилактики и психологической коррекции девиантного поведения детей и подростков в современных условиях пандемии. Особое внимание уделяется генезису терапевтического воздействия, обусловленному активацией тех структур психики, которые определяют смыслы и потребности экзистенции. В заключении анализа, построенному на

опыте научно-эмпирического исследования использования трансперсональных техник в работе с молодежью, автор делает вывод о том, что снятие феномена девиаций осуществляется благодаря развитию способности у молодых людей к рефлексии экзистенциальных смыслов.

Ключевые слова. Девиации, трансперсональная терапия, нервно-мышечная релаксация, аутогенная тренировка, идеомоторная тренировка, сенсорная репродукция образов.

Abstract. The article is about research of methodology and techniques of transpersonal therapy for prevention and psychological improvement of deviant behavior with children and teenagers in the real conditions of pandemia. Genesis of therapeutic influence was chosen as a focal point of scientific interest because it is based on activation of those structures of mind which will help form sense and necessities of existence. Finally, analyzing experience of scientific and empiric exploration in which there is a range of transpersonal techniques in work along with young people the author thinks it is important to state that to cease deviant behavior it is necessary young people will evolve a capability of reflection on existence senses.

Key words. Deviation, transpersonal therapy, nerves and muscles relaxion, autogenic therapy, ideomotor therapy, sensory reproduction of images.

Актуальность. Вопрос о профилактике и психологической коррекции проявления девиации у молодых людей сталкивается с серьезными методологическими трудностями, так как он затрагивает глубинные экзистенциальные проблемы современного человека. Решение этой задачи не представляется возможной вне рассмотрения в поле зрения практической психологии психических, психологических, соматических, культурно-ценностных и иных аспектов, раскрывающих внутренний мир индивидуума. В связи с этим, современное состояние общества, внутренний и внешний конфликт каждой личности, порожденный условиями пандемии, ставит вопрос о методологии работы с девиантным поведением молодежи еще более актуальным, требующим скорейшего разрешения.

Постановка проблемы. На основе интервьюирования студентов начальных курсов, проведенного летом 2020 года (выборка составили 65 человек), следует отметить, что чувство неопределенности и страха у представителей различных социальных групп молодежи, порождаемое современными событиями социальной реальности, все более расширяется и укореняется в сознании. Высокий процент молодых людей (45%) говорит о бессмысленности получения высшего образования, создания семейных отношений и собственного целостного развития, поскольку реализация знаний и намерений не может быть предсказуема, иметь последовательное воплощение и продвижение. В то же время все более актуальным выступает вопрос о сохранении собственного здоровья.

Цель статьи. Определение онтологических и гносеологических оснований, психологических методов и техник профилактики и психологической коррекции девиантного поведения детей и молодежи в условиях кризиса пандемии.

Изложение основного материала исследования.

Для решения поставленной задачи ответим на следующие вопросы. Что является смыслом и целью жизни молодого человека пост-технократического общества, в большей мере озабоченного не столько реализацией определенных социальных целей, сколько вопросами о сохранении собственного здоровья? Что действительно может помочь ему выжить в условиях экологических потрясений? И может ли он еще уповать на эффект от девиантного поведения в реализации своих личностных интересов?

Методы исследования. Наши эмпирические исследования и анализ интервьюирования среди многочисленной выборки респондентов различной национальности в течение трех лет (в эмпирическом исследовании принимали участие более чем 400 студентов и профессиональных психологов в возрасте от 18 до 30 лет России, Белоруссии, Болгарии) показали, что до начала Covid-кризиса (2017-2019 гг.) у реципиентов интерес к здоровью носил скорее формальный, чем содержательный характер. Помимо интервьюирования в исследовании использовались опросник ценностных отношений и проективная арт-методика рисунок «Мое будущее».

Результаты анализа показали, что в зависимости от региона опроса на необходимость сознательного отношения к здоровью указывало 85-90% реципиентов, в тоже время системные действия по целенаправленной работе с собственным организмом были отражены в ответах только у 7% респондентов. Для большей части участников исследования тема саморегуляции собственного здоровья оставалась желаемой, но не достижимой. Решение актуальных социальных задач связывалось с достижением профессиональных и коммуникативных результатов, определяющих материальное и личностное благополучие, а не с актуализацией научного знания о природе человека и обретения собственного опыта регуляции не только эмоционально-чувственной сферы, но и психофизического состояния организма в целом. Последняя тема категорически не принималась 75% респондентов: у большинства она вызывала скептическое отношение, не понимание и даже раздражение, и агрессию.

Но случилось то, что не вписывалось в сознание и понимание молодых людей. Цивилизованный человек оказался абсолютно уязвим перед природой невидимого вируса, заложником незнания генезиса функционирования собственного организма и возможностей регуляции его состояния. Хаос в сознании происходящего породил страхи и разочарование, агрессию и депрессию. Возможно, впервые, большинство осознало настоящую цену здоровья.

Соответствующая реакция общества была предсказуема: снятие с себя ответственности за собственное здоровье и перекладывание ее на Другого определило зависимость от способности безличного Другого решать проблемы. В свою очередь следование гедонистической модели жизни, поверхностность в восприятии происходящих событий, не знание законов функционирования собственного организма и психики опосредовало дезадаптацию к кризисным условиям в ситуации неопределенности и непредсказуемости. Девиантные формы действий, с одной стороны, уже не обеспечивают социальный статус среди себе подобных, с другой, экзистенциальный тупик провоцирует большую агрессию, неуправляемость поведения, доходящую до абсурда.

Наши многолетние эмпирические исследования работы с трансовыми состояниями, проведенные на психотерапевтических тренингах в России, Болгарии, Венгрии и в других странах Европы (1995-2020 гг.), вхождение в которые обеспечивается посредством актуализации рефлексии, дыхания, звучания и движения, позволяют говорить о том, что сознательное «погружение» в управляемый транс и «насыщение» его значимыми для субъекта экзистенциальными смыслами (любовь, красота, свобода...) обуславливают трансформацию культурно-ценностных установок и отказа от девиантных форм мышления и поведения. Генезис трансгрессии сознания связан с аффективным переживанием реципиентами целостного состояния радости и умиротворения, инсайта в нахождении ими иных смыслов и целей, отражающих необходимость собственного развития и сознательной саморегуляции в условиях социального кризиса.

Но на какие научные знания современная личность может опираться, чтобы обрести ясность ума, спокойствие и последовательность осознанных действий по адаптации к «агрессивной» среде?

Исследуем методологию базовых направлений психической саморегуляции, принятой в современном научном мире. Проведем скрининговый анализ сущности принятых в психотерапии принципов и методов саморегуляции. Посмотрим, насколько они действенны в решении вопросов адаптации организма к агрессивной среде, к изменению личностью своих экзистенциальных смыслов и ценностей.

Анализ первоисточников говорит о том, что базовые принципы и техники терапии саморегуляции были заложены известными учеными, врачами и психотерапевтами еще в XIX веке. Среди имен, чье научное наследие определило стратегии саморегуляции, можно выделить следующих ученых XIX- XX веков:

Уильям Джеймс (1842 – 1910) – американский философ и психолог, один из основателей и ведущий представитель прагматизма и функционализма. Основным предметом его

исследования, в контексте нашей темы, являлся вопрос о природе эмоций и способности человека управлять своим эмоционально-чувственным состоянием.

Уильям Карпентер в 1852 год описал феномен «идеомоторное действие», согласно которому потенциал электрической активности мышцы при мысленном воспроизведении движения такой же, как потенциал этой же мышцы при выполнении реального движения. Дальнейшие экспериментальные исследования связи между состоянием мышечной ткани при реальном и воображаемом движении были представлены в работах И.П. Павлова и других представителей физиологической школы. Согласно Л. Пиккенхайн, идеомоторный феномен есть «повторяющийся процесс интенсивного представления движения, воспринимаемый как собственное движение, который может способствовать выработке, стабилизации и исправлению навыков и ускорить их развитие в практической тренировке» [2, с.116].

Ипполит Бернхейм (1840 – 1919) – французский врач-невропатолог, основатель психоневрологической школы в Нанси, рассматривал гипноз как одну из форм сна, разработал терапию сном и гипнозом.

Эмиль Куэ (1857 – 1926) – французский психолог и фармацевт, разработал метод психотерапии, основанный на осознанном самовнушении – «формулу самовнушения». Согласно методу, сознательное самовнушение – это психический инструментарий, позволяющий подавлять болезненные представления и заменять их благотворными образами для организма. В соответствии со своими представлениями о роли воли и образа в саморегуляции Эмиль Коэн пришел к следующим выводам:

1. Воображение всегда оказывается сильнее воли.
2. В борьбе между волей и воображением сила воображения пропорциональна прилагаемому напряжению силы воли.
3. В случае согласованности волевого намерения и воображения работает принцип синергетики, создающий условия для усиления «силы обеих энергий».
4. Силой воображения можно управлять.

Иоганн Генрих Шульц (1884 – 1970) – немецкий психиатр и психотерапевт, разработал техники саморазрядки, основанные на самовнушении, которое осуществляется посредством вербальных установок. Результаты исследований были опубликованы в монографии «Аутогенная тренировка» [3].

Эдмунд Джекобсон (1888 – 1983) – американский врач, физиолог и психиатр, создатель метода «Прогрессивная мышечная релаксация», который заключается в выполнении комплекса упражнений, состоящих в чередовании максимальных напряжений и расслаблений групп мышц. Доказывается, что повышенный тонус скелетной мускулатуры связан с негативным эмоциональным состоянием [4].

Роберто Ассаджиоли (1888 – 1974) – итальянский психолог, психиатр, создатель метода «психосинтез», направленного на саморазвитие человека.

В российской научной традиции вопросы саморегуляции рассматривались с различных концептуальных позиций в биологии, физиологии, медицине и психологии. Так, среди представителей естественнонаучного знания можно выделить блестящие работы в области материалистического направления в психологии Ивана Михайловича Сеченова, эмпирические исследования влияния гипноза на личность и теорию физиологической психологии Владимира Михайловича Бехтерева и ряда других известных ученых середины XX века, а также более поздние психологические исследования в области регулятивной психологии (Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко.) инженерной психологии (Л.П. Гримак, В.М. Звоников, А.И. Скрыпников), современные подходы в трансперсональной и телесно-ориентированной психотерапии.

Исходя из этих исследований были разработаны и в современной психотерапии выделены четыре базовые стратегии психологической саморегуляции: нервно-мышечная релаксация, аутогенная терапия, идеомоторная терапия, сенсорная репродукция образов.

При этом понятие «саморегуляция» рассматривается с самых широких позиций, отражающее процесс психического воздействия субъекта на самого себя для

целенаправленной регуляции всесторонней деятельности своего организма, его процессов, реакций и состояний (Л. П. Гримак, В. М. Звоников, А. И. Скрыпников). Главный вектор направленного воздействия связывается с регуляцией состояния эмоционально-чувственной сферы личности, включающей такие аспекты как снятие проявлений стрессовых состояний, уменьшение степени эмоциональной напряженности и предотвращение их нежелательных последствий, усиление мобилизации ресурсов.

Согласно Леоновой А.Б., Кузнецовой А.С., осуществивших систематизацию ведущих направлений саморегуляции, обобщен «тридцатилетний опыт работы по созданию специализированных программ и психотехнических процедур, направленных на улучшение «рабочего» состояния и поддержание психического здоровья у людей, деятельность которых протекает в напряженных условиях» [1, с. 4].

Как видим, можно выделить две ведущие стратегии осознанного воздействия субъекта на собственную психику и организм и, тем самым, изменения его экзистенциальных установок. Первая, которую можно определить как «экзистенциальный путь», связана с созданием смысловых установок и позитивных образов, направленных на вербальное и невербальное программирование целостного состояния психики и организма на гармонизацию его функций. Во второй стратегии, определяемой как «психосоматическая стратегия», основной акцент ставится на создания условий для глубокой релаксации физического тела посредством нейтрализации последствий негативного эмоционального воздействия.

Следует отметить, что второй подход, достаточно популярен в среде психологов и психотерапевтов, так как результаты его применения можно наблюдать воочию. Действительно, собирая внимание на дыхании, в удобной позе, под успокаивающие звуки природы или музыки человек обретает состояния психического покоя и телесной релаксации. И, как следствие этого процесса, улучшается кровоток, снимается мышечное напряжение, происходит обогащение кислородом крови и тканей. Можно говорить и об улучшении метаболизма, и об активации нейронных структур, отвечающих за адаптацию организма к агрессивной среде.

Как видно из рассуждения, наше намерение на трансформацию девиаций может быть связано с изменением отношения молодых к собственному здоровью людей посредством обращения к техникам саморегуляции. Процесс трансформации актуальных девиантных установок затрагивает, прежде всего, те структуры мозга, которые поддерживаются последними, в эволюционном отношении, новообразованиями, отвечающими за язык и образы. И поэтому, «погружение» в идеи и образы, связанных с ассоциативными и другими полями мозга, могут вызывать инсайт и сознательный отказ от девиаций.

Выводы. Таким образом, целевые установки, формируемые в процессе релаксации и глубокой рефлексии предопределяют характер раскрытия новых прогрессивных смыслов, отказа от девиантных форм мышления и поведения. Гедонистические цели, которые ассоциируются с комфортом, с низкой социальной активностью, с состоянием неопределенности и защиты, сменяются на поисковые стратегии собственного развития и гармонизации отношений с внешним миром. Исходя из результатов данного аналитического исследования, можно говорить и о том, что сознательная интенция на решение тех или иных экзистенциальных задач предопределяет мировоззренческие позиции личности, ее характер жизнедеятельности, включая восприятие, мышление, воображение, интуицию.

Литература

1. Леонова А.Б., Кузнецова А.С. Психологические технологии управления состоянием человека. – М.: Смысл, 2009. – 311 с. – ISBN 978-5-89357-241-4.
2. Пиккенхайн Л. Нейрофизиологические механизмы идеомоторной тренировки // Вопросы психологии. – 1980. – № 3. – С. 116-120.

3. Schultz J.H. Das autogene Training (konzentrierte Selbstentspannung) : Versuch einer klinisch-praktischen Darstellung. – Leipzig: Thieme, 1932. || Id. – 19., unveränd. Aufl. – Stuttgart ; New York: Thieme, 1991. – 410 с. – ISBN 3-13-401419-X.

4. Jacobson, E Progressive relaxation. – 2nd ed. – Chicago: University of Chicago Press, 1938.

УДК: 376.5

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ НАПРЯЖЕНИЕ КАК ФАКТОР ДЕСТРУКЦИИ ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ У ПОДРОСТКОВ С ДЕВИАНТНЫМИ ФОРМАМИ ПОВЕДЕНИЯ¹

Никитская Екатерина Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент,

доцент кафедры социальной педагогики и психологии

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,

г. Москва

Пирызева Марина Владимировна,

студентка 1 курса магистратуры

факультета педагогики и психологии

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,

г. Москва

Аннотация. Данная статья содержит анализ, теоретическое и эмпирическое обоснование связи уровня тревожности со спецификой процесса принятия решений у подростков с девиантными формами поведения. Рассматривается специфика принятия решений у подростков с девиантными формами поведения, а также поведенческие реакции на стресс, рациональность и готовность к риску.

Ключевые слова: риск, неопределенность, принятие решений, подростки с девиантным поведением.

Annotation. This article contains analysis, as well as theoretical and empirical substantiation of the relationship between the level of anxiety and the specifics of the decision-making process in adolescents with deviant forms of behavior. The specifics of decision-making in adolescents with deviant forms of behavior, as well as behavioral reactions to stress, rationality and risk appetite are considered.

Keywords: risk, uncertainty, decision making, teens with deviant behavior.

Постановка проблемы.

На современном этапе развития психолого-педагогических знаний большое внимание уделяется изучению узкого диапазона психологических характеристик детей и подростков с девиантным поведением, однако, специфика процесса принятия решений в подростковом возрасте всё еще остается недостаточно освещённой [6].

Для того, чтобы процесс принятия решений у подростка осуществлялся адекватно и рационально, он должен уметь успешно включаться в различные виды деятельности, использовать распространенные ролевые модели и грамотно использовать свои творческие возможности и уметь правильно реагировать на внешние раздражители, имеющие как социально-психологический, так и бытовой характер. Вместе с тем, несовершеннолетние подросткового возраста, в частности с девиантным поведением, оказываются не способны к проявлению качеств, необходимых для успешной реализации процесса принятия решений [4]. Данное явление обуславливается не только психологическими особенностями подростков с девиантным поведением, но и стрессогенным воздействием на них факторов внешней среды.

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-013-00247

В связи с этим проблема изучения экзаменационного стресса, как фактора деструкции процесса принятия решений подростков с девиантным поведением приобретает актуальность для специалистов социальной сферы.

Целью статьи является теоретическое и эмпирическое обоснование связи уровня тревожности со спецификой процесса принятия решений у подростков с девиантными формами поведения.

Методология исследования:

1. Шкала Спилбергера-Ханина для определения личностной и ситуативной тревожности;
2. Опросник «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР).

Организация исследования:

Исследование по теме нашей научно-исследовательской работы проводилось с одной выборкой испытуемых и проходило в два этапа.

На первом этапе респонденты были протестированы в состоянии предполагаемого психологического комфорта.

На втором этапе респонденты были протестированы повторно в состоянии предполагаемого эмоционального напряжения «ситуация сдачи экзамена».

Выборку составили студенты Тамбовского областного государственного автономного профессионального образовательного учреждения (ТОГАПОУ) «Промышленно-технологического колледжа» в возрасте от 15 до 17 (23 юноши и 27 девушек). Общее количество респондентов 50 человек.

Изложение основного материала исследования.

Подростковый возраст – один из важнейших этапов личностного становления индивида. В этот период происходит «расширение» жизненного пространства, меняются взгляды, окружение и отношение к окружающему социальному пространству. Как следствие, у подростка возникает новый комплекс потребностей, среди которых первостепенную значимость имеют социальные нужды. Подросток стремится обрести признание и авторитет среди сверстников, мнение и оценка его возрастной категории становятся для него приоритетными, в то время как авторитет взрослых отходит на второй план [2; 5].

Стремление к самостоятельности побуждает подростка видоизменять свои стратегии социального поведения со взрослыми и сверстниками и процесс принятия решений здесь стоит на одном из первых мест. Изменению подвергаются все сферы жизни подростка, а сам процесс протекает двойственно и противоречиво. Наиболее важная психологическая особенность подросткового возраста проявляется в зарождении чувства взрослости. Это выражается в повышении уровня требовательности подростка сообразно его положению в будущем, но еще не достигнутом на данный момент. Зачастую эти притязания значительно превышают его возможности, что порождает конфликтные ситуации в семье и школе, а также личностный конфликт с самим собой. В интро-позиции подростка чувство взрослости занимает одно из ведущих мест и выражается в нежелании принятия «роли ребенка». Подросток претендует на роль «взрослого человека», но в серьезной деятельности, как правило, реализовать эту потребность не может. Это приводит к проявлению феномена «внешней взрослости» выраженном в преувеличенном интересе к проблемам пола, полном изменении внешнего облика в соответствии со «взрослой» модой, употреблении спиртных напитков, курении и т.д. Несовершеннолетние стремятся получить статус «взрослый» в социуме. Поэтому любой контроль, наказание или требования, не согласованные с его интересами и желаниями, вызывают негативную реакцию, а указания на деструктивность принимаемых решений упорно игнорируют [4].

А. В. Карпов считал, процесс принятия решений интерпроцессуальным. Данное явление, по его словам, обуславливалось тем, что процесс принятия решений, как психологическая характеристика личности, не может быть отнесён ни к одному из «традиционно выделяемых в психологии процессов» – когнитивных, эмоциональных, волевых, ни к их совокупности. Он являет собой скорее результат комплексной интеграции всех вышеперечисленных процессов при реализации регулятивных функций управленческой деятельности. При этом

детерминанты интеграции лежат не внутри указанных традиционных процессов, а вне этой системы в структуре деятельности. В свою очередь, неопределённость А.В. Карпов идентифицировал как: «недостаточность релевантной информации для выбора управленческих альтернатив». Из этого можно заключить, что ситуация неопределённости полностью упраздняет линейность выбора, за счет широкого диапазона альтернативных возможностей [3].

Значительный вклад в психологические исследования проблемы принятия решений внес П.К. Анохин, который осветил различные аспекты поведения человека в процессе принятия им решения [1]. В настоящее время исследователи, занимающиеся изучением процесса принятия решений, сходятся во мнении, что данный процесс функционирует на основе двух составляющих: субъективно оцененной вероятности и субъективной ценности исхода. Происходит перекодирование внешних ценностей во внутренние и перевод объективных вероятностей в субъективные. Следовательно, индивидуальные качества человека, принимающего решение, приобретают особое значение. Здесь важную роль играют психологические, нравственные и интеллектуальные качества личности, ее опыт, уровень профессиональной подготовки, а также мотивы и установки, склоняющие ее к принятию того или иного варианта решения.

Процесс принятия решений подростками с девиантными формами поведения в ситуации стресса имеет определённую специфику. Состояние фрустрации деструктивно сказывается на всех психологических характеристиках подростка с девиантным поведением, и в особенности на тех, которые имеют непосредственное отношение к сфере социального взаимодействия. Г. Селье подразделил стрессы на конструктивные и деструктивные. Например, конструктивный стресс, пройдя стадию тревоги, завершается адаптацией организма к новой ситуации, повышением его устойчивости. Однако конструктивный стресс может перерасти в деструктивный по ряду причин:

- если стресс-фактор воздействует часто и с большой интенсивностью;
- если стресс-фактор неправильно оценивается;
- если сочетается несколько стресс-факторов
- если организм ослаблен по другим причинам (в силу наследственной или врожденной слабости защитных механизмов) [7].

В таком случае реакция адаптации достигает уровня истощения и запускаются процессы разрушения – защиты через болезнь, дезадаптации. Именно связь уровня тревожности со спецификой процесса принятия решений у подростков с девиантными формами поведения мы и постараемся проанализировать в данной работе.

Результаты методики «Шкала Спилбергера-Ханина для определения личностной и ситуативной тревожности», полученные на первом и втором этапах исследования, представлены нами на рисунке 1.

Анализируя данные полученные по методике «Шкала Спилбергера-Ханина для определения личностной и ситуативной тревожности», а также сводные данные Рисунка 1, можно сделать вывод о том, что на втором этапе исследования (в период действия стресс-фактора) 75% респондентов испытывают повышенное чувство ситуативной тревожности, а у 70% наблюдается повышено-устойчивый уровень тревожности.

У большинства респондентов экспериментальной группы тревожность являет собой относительно устойчивое индивидуальное отличие, проявляющееся в склонности большинства испытуемых проявлять это состояние, иными словами, у подростков с девиантным поведением тревожность представляет собой скорее черту личности, нежели временную реакцию. Тем не менее в структуре личности подростков с девиантным поведением просматривается склонность к приобретению (а в некоторых случаях и наличие) поведенческой диспозиции, что свидетельствует об их предрасположенности к некорректному восприятию обширного круга обстоятельств, в действительности являющихся объективно безопасными для личности. Необъективность восприятия побуждает подростков на гротескную эмоциональную реакцию, интенсивность которой не отвечает величине

объективной опасности. Их психика характеризуется постоянными субъективными ощущениями напряжения, и беспокойства.

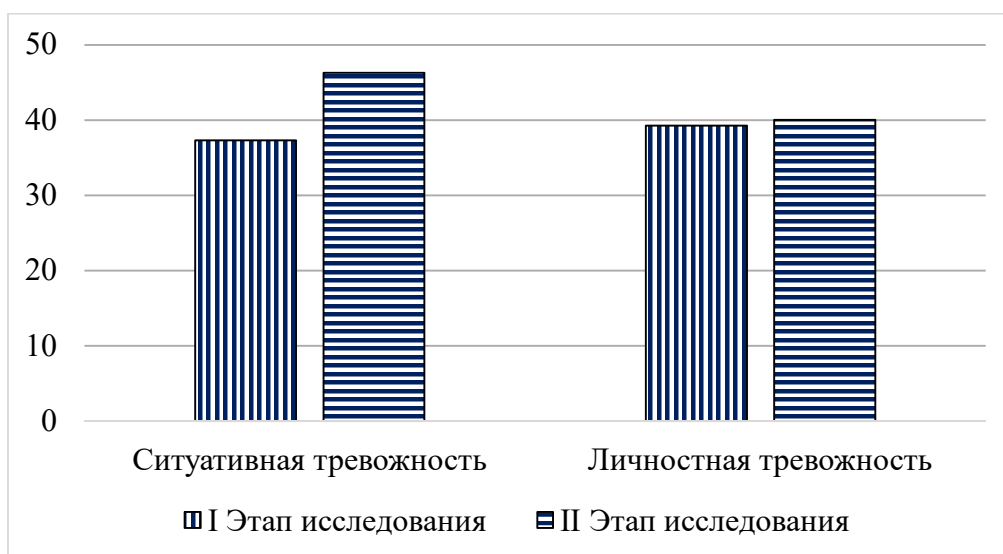

Рисунок 1 – Показатели тревожности по шкале Спилбергера-Ханина для определения личностной и ситуативной тревожности.

По результатам эмпирического исследования с применением методики «Личностные факторы принятия решений» (Корнилова Т.В.) были получены статистические данные по двум ключевым шкалам «Рациональность» и «Готовность к риску» [5]. Результаты представлены на Рисунке 2.

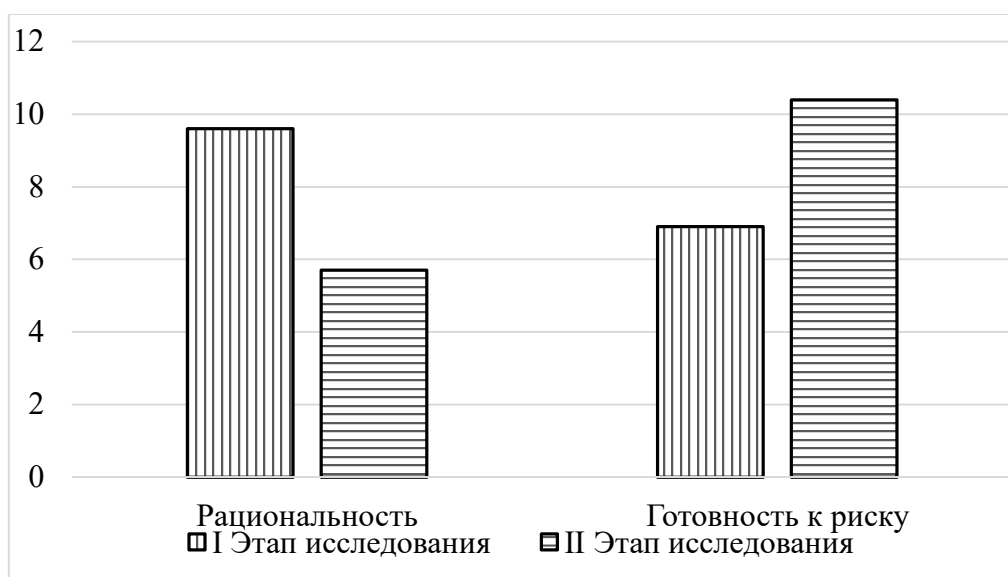

Рисунок 2. Средние показатели опросника ЛФР-25

Анализируя данные полученные по методике «Личностные факторы принятия решений» (Корнилова Т.В.), а также сводные данные Рисунка 2, можно сделать вывод о том, что на первом этапе исследования (в ситуации психологического комфорта) основной стратегией респондентов при принятии решений была рациональность и взвешенность. Подростки обдумывали свои поступки и действия, просчитывали варианты и анализировали информацию для получения наиболее благоприятного результата из всех возможных. В то время как на втором этапе исследования (в период действия стресс-фактора) респонденты стали более склонны к необдуманым поступкам и рискованному поведению. Подвергаясь воздействию стресс фактора, подростки оказывались неспособны рационально осуществлять процесс

принятия решений, фрустрация оказывала деструктивное воздействие на процесс объективного мышления, и подростки испытывали нервозность. Полученные показатели так же свидетельствуют о том, что в период действия стресс фактора респонденты чаще демонстрируют такие качества как склонность к авантюрам, неуступчивость, беспечность.

Выводы

Тревожность у подростков с девиантными формами поведения является относительно устойчивым индивидуальным отличием, проявляющимся в их склонности проявлять это состояние, иными словами у подростков с девиантным поведением тревожность представляет собой скорее черту личности, нежели временную реакцию, тем не менее стресс фактор имеет определённое воздействие на структуру личности подростка. Запуская процесс фрустрации стресс-фактор оказывает деструктивное воздействие на многие процессы и в особенности на те, которые имеют непосредственное отношение к сфере социального взаимодействия.

Специфика факторов принятия решений регулятивного характера в сочетании с недостаточностью рациональности и преобладанием стремления к риску, в ситуации воздействия стресс-фактора, как ситуативной составляющей системы принятия решений свидетельствует о предпочтении неконструктивных компонентов этой системы у подростков с девиантными формами поведения, что требует специально организованной коррекции и формирования социально адекватных и эффективных средств организации деятельности и поведения.

Литература

1. Анохин П.К. Проблема принятия решения в психологии и физиологии // Вопросы психологии. – 1974. – №4. – С.21-29.
2. Дорошенко О.М., Нижниченко Н.Б., Мироненкова О.Л. Проблемы и противоречия вопросов возникновения девиантного поведения несовершеннолетних. Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. – 2019. – № 2. – С. 17-23.
3. Карпов А. В. Психология принятия решения. – М.: Институт психологии РАН, 2003.
4. Ковров В.В. Технологии профилактики насилия и агрессивного поведения подростков в образовательной организации. В сборнике: Современные тенденции развития системы образования. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – 2019. – С. 282-289.
5. Кондрашенко В. Т. Девиантное поведение подростков: Социально-психологические и психиатрические аспекты. – Минск, 1988.
6. Личко А.Е. Психотерапия и акцентуации характера. – 1979.
7. Селье Г. Стресс без дистресса. – М.: Прогресс, 2002.

УДК: 159.9.07

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ЦЕНТРА

Николаева Наталья Викторовна,

кандидат психологических наук, руководитель психологической службы

Научно-информационного центра «А.Р.Т.»,

старший преподаватель факультета психологии

ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина»,

г. Санкт-Петербург.

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные теоретико-методологические положения по проблеме оказания социально-психологической помощи в условиях

реабилитационного центра, раскрыты основные направления изучения индивидуально-личностных особенностей девушек, находящихся на реабилитации в центре для несовершеннолетних, обсуждаются актуальные вопросы осуществления коррекционной и профилактической работы.

Ключевые слова: несовершеннолетние, социально-психологическая помощь, реабилитационный центр, подростки.

Annotation. This article discusses the main theoretical and methodological provisions on the problem of providing social and pedagogical assistance in a rehabilitation center, reveals the main directions of studying the individual and personal characteristics of girls who are undergoing rehabilitation in a center for minors, discusses topical issues of corrective and preventive work.

Keywords: minors, rehabilitation center, social and pedagogical assistance, adolescents.

Постановка проблемы. Изучение вопроса об отклоняющемся поведении в подростковом периоде является актуальным на протяжении многих лет. Зарождение отклоняющегося поведения происходит в основном в подростковом возрасте, так как это период некоего превращения ребенка во взрослого человека, перехода от незрелости к зрелости, охватывающий различные виды деятельности, нравственность, интеллект, анатомо-физиологические аспекты – все направления развития подростка [3]. Важно добавить известный факт, что самый незащищенный слой населения – это и есть подростки. Тем самым, данный вопрос сам собой не решится, если не уделять внимание профилактике и выявлению девиантного поведения подростков, даже при условии существования большого количества разработок научных концепций и теорий девиации, хотя не будем отрицать, что знать их важно. Все вышесказанное определяет актуальность проведения исследований по заявленной проблематике.

Цель статьи – теоретико-методологический анализ проблемы осуществления социально-психологической деятельности в реабилитационном центре с возможностью определения основных направлений коррекционной и профилактической работы на примере оказания социально-психологической помощи девушкам-подросткам в условиях реабилитационного центра.

Изложение основного материала исследования. В январе 2020 года на базе социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних регионального отделения общественной организации «Российский Красный Крест» в г. Санкт-Петербург проводилось исследование, направленное на изучение личностных особенностей девушек-подростков, находящихся на реабилитации в центре для несовершеннолетних с целью определения основных направлений коррекционной и профилактической работы, с последующей разработкой проекта оказания социально-психологической поддержки.

Центр представляет собой особый вид специализированного учреждения для несовершеннолетних безнадзорных девочек, которым показана социальная реабилитация. В центре существуют две службы, которые функционируют в стационарных и нестационарных условиях. Стационарная служба создает условия для социальной реабилитации в состоянии круглосуточного пребывания, что исключительно значимо в ситуациях, в которых показана изоляция от привычной асоциальной среды. Нестационарная служба же создает условия для реабилитации детей без длительного отрыва от дома и семейного окружения [2]. Конечно же, в таких обстоятельствах целесообразнее проводить работу с родителями или законными представителями.

Для достижения поставленной перед исследованием цели по изучению индивидуально-личностных особенностей девушек, находящихся на реабилитации в центре для несовершеннолетних, и разработке проекта оказания социально-психологической помощи девушкам-подросткам, применялись соответствующие методы: анализ документов; беседа, опрос; тестирование; наблюдение.

Исследовательский блок включал в себя следующие методики: методика УСК (Уровень субъективного контроля) Дж. Роттера; многоуровневый личностный опросник

«Адаптивность» (МЛО – АМ) А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина; методика исследования предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса; опросник «Подростки о родителях» (ПоР).

В ходе исследования были получены следующие результаты.

Анализ личных дел девушек-подростков, поступивших в реабилитационный центр, показал нам, что 70% испытуемых воспитывается в полных семьях, 30% – в неполных. В семьях преобладают директивный, враждебный и автономный стиль отношений между родителями и детьми.

Во взаимоотношениях с родителями среди девушек-подростков преобладают высокие результаты по шкале Враждебности и Директивности во взаимоотношениях с матерью и высокие результаты по шкале Автономности и Непоследовательности во взаимоотношениях с отцом.

Таким образом, во взаимоотношениях с родителями имеет место выраженный конфликт: инициатива девушек-подростков, их жизненные запросы подавляются, что приводит к отчуждению ребенка от матери, сопровождается эмоциональными и поведенческими нарушениями.

Анализ медицинских карт, приложенных к личному делу девушек-подростков, поступивших в реабилитационный центр, показал нам, что несколько девушек (8 человек – 40%) имеют в анамнезе диагноз F06.7 – лёгкое когнитивное расстройство. Это не подразумевает обучение в специальной школе 7 вида, но имеет значение при оценке форм девиантного поведения девушек.

Анализ специфики жизненной ситуации девушек-подростков, находящихся в реабилитационном центре такова, что у 33 % причиной возникновения сложной ситуации является алкоголизация родителей; у 22 % девушек – краткосрочное травматическое событие (смерть близкого, насильственные действия разового характера и пр.); на третьем месте по частоте встречаемости находится употребление ПАВ (как девушками, так и в семье в целом) и пролонгированная травматизация (в т.ч. систематическое жестокое обращение в семье) – встречаются у 17% девушек; 5 % девушек отмечают попустительство со стороны близких (безнадзорность, попустительство в воспитании) и у 6 % девушек причиной является отсутствие родителей в воспитании, и, как следствие, воспитание прародителями, проживание у родственников, в т.ч. у бабушек, дедушек.

Следствием пребывания в трудной жизненной ситуации явилась выраженная симптоматика, диагностированная в первую неделю пребывания девушек в реабилитационном центре: навязчивые переживания (встречаются у 18% девушек), суицидальные мысли, фобии, депрессия (отмечены у 19% девушек) и самое выраженное, встречающееся у 63% девушек – это отклоняющееся поведение и аномалии поведения в целом.

Исследование посредством применения диагностических методик, показало, что девиантные подростки-девушки обладают средним уровнем субъективного контроля, что предполагает незначительный уровень их активности в достижении цели; девушки склонны приписывать свои успехи, достижения и радости внешним обстоятельствам, что определяет признание своего положения; так же подростки являются интернальными в области семейных отношений.

Наиболее распространенной формой участия в конфликте среди девиантных девушек-подростков является сотрудничество. Наименее распространенным способом поведения в конфликтной ситуации среди девушек является избегание.

Большинство девушек-подростков отмечает низкий уровень поведенческой регуляции, отличаясь адекватностью восприятия воздействий окружающего мира; девушки адаптируются к новым условиям, быстро "входят" в новый коллектив, достаточно легко и адекватно ориентируются в ситуации, быстро вырабатывают стратегию своего поведения и социализации; низкий показатель морально-нравственной нормативности

свидетельствует о недостаточно адекватном представлении своего места в коллективе, наличии девиантного поведения.

На основании полученных результатов была разработана программа по оказанию поддержки девушкам-подросткам, находящимся на реабилитации в центре для несовершеннолетних, сформулированы рекомендации для сотрудников социально-реабилитационного центра, непосредственно работающих с данной категорией детей, обозначены направления работы с родителями девушек.

Организуя социально-педагогическую работу согласно поставленным задачам, и отбирая для этого соответствующие методы и формы социально-психологической работы, необходимо создать благоприятный (доверительный) климат общения, провести необходимые занятия, а, также, индивидуальные беседы для оказания помощи тем, кто в ней нуждается [1].

Выводы. В нашем исследовании мы поставили цель изучить индивидуально-личностные особенности девушек-подростков, находящихся на реабилитации в центре для несовершеннолетних, а также, разработать проект оказания социально-психологической помощи данной категории подростков. Для реализации цели мы изучили психолого-педагогическую литературу, выделили основные понятия проблемы, изучили опыт работы центра и провели диагностическое исследование. Мы применили комплекс методов, с помощью которых был выявлен ряд индивидуально-личностных особенностей девиантных девушек-подростков, находящихся на реабилитации в социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних регионального отделения общественной организации «Российский Красный Крест». Анализ опыта работы реабилитационного центра и наше исследование позволили нам создать программу, направленную на профилактику девиантного поведения девушек, и предусматривающую разные виды реабилитации, которые помогают предупредить дальнейшую деформацию личности девушек.

Мы полагаем, что в профилактике девиантного поведения особое внимание нужно уделять развитию личностных ресурсов личности, способности противостоять негативным влияниям, развитию положительных стратегий поведения и пр. Основной целью профилактики должно быть формирование процесса осознания, понимания поведенческого выбора самим человеком, что будет самым оптимальным и действенным для данной личности. Также стоит обратить внимание на развитие ресурсов личности и социальной среды, помогающих впоследствии совершать продуктивный, здоровый и осмысленный поведенческий выбор.

Литература

1. Николаева Н.В. Кризисное консультирование и психокоррекция в моделях экстренной психологической помощи // Психология личности: изучение, развитие, самопознание. Сборник научных материалов. Вып. 3 / Под общ. ред. О.И. Каяшевой, Н.В. Николаевой. – М., СПб. : УРАО, НИЦ АРТ, 2015. – С. 90-97.
2. Николаева Н.В. Особенности эмоционально-личностной сферы подростков с суицидальными попытками // Суицидология – актуальные проблемы, вызовы и современные решения: I научно-практическая конференция: сборник научных статей. – Санкт-Петербург: СИНЭЛ, 2016. – С. 77-83.
3. Практическая психология личности. Учебное пособие для бакалавров психологии. / под ред. О.И. Каяшевой, Н.В. Николаевой. – СПб. : НИЦ АРТ, 2017. – 110 с.

ХАРАКТЕРИСТИКИ СТРЕССА И КОГНИТИВНЫЕ РЕСУРСЫ СОВЛАДАНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ КАК ОРИЕНТИРЫ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ВУЗЕ

Ничипоренко Надежда Павловна,

кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник
ФГБНУ «Институт педагогики, психологии и социальных проблем»
г. Казань

Аннотация. Статья посвящена проблеме адаптации студентов к сложным жизненным обстоятельствам. Изучены характеристики стрессовых событий, репертуар копинг-стратегий, метакогнитивная осознанность. Выявлена взаимосвязь метакогнитивных процессов с копинг-поведением. Определены основные направления профилактической работы психолога со студентами вузов.

Ключевые слова: стресс, адаптация студентов, копинг-поведение, метакогнитивные процессы, психопрофилактика.

Annotation. This article is devoted to the problem of students' adaptation to difficult life circumstances. The characteristics of stressful events, the repertoire of coping strategies, metacognitive awareness were studied. The relationship between metacognitive processes and coping behavior was revealed. The main directions of preventive work of a psychologist with university students were determined.

Keywords: stress, adaptation of students, coping behavior, metacognitive processes, psychoprophylaxis.

Постановка проблемы. Внимание исследователей к проблеме психологического здоровья студентов сконцентрировано, в основном, на процессах социально-психологической адаптации к условиям обучения в вузе. Многие высшие учебные заведения имеют психологическую службу в качестве специально организованного структурного подразделения, в задачи которого входят мониторинг состояния образовательной среды, психодиагностика личностных особенностей студентов, групповых процессов, наблюдение за динамикой эмоционального состояния обучающихся, тренинги и разного рода групповые мероприятия, направленные на адаптацию первокурсников к новым условиям обучения. Основными видами психологической помощи при этом являются индивидуальное психологическое консультирование, психологическое просвещение и психопрофилактика.

Мы обсуждаем свое исследование в несколько ином, возрастном контексте [7], и рассматриваем проблему с точки зрения профилактики девиаций во взрослом возрасте. Студенты, особенно первокурсники, образуют своего рода группу риска в силу определенных параметров социальной ситуации развития и противоречий между требованиями среды и психическими ресурсами, необходимыми для адаптации. В полной мере поступление в высшее учебное заведение и первый год обучения в нем представляют собой серьезный жизненный кризис, не описанный в учебниках, который к тому же накладывается на еще незавершенный подростковый этап развития.

Не секрет, что при неблагоприятных сценариях развития в студенческом возрасте дебютируют многие психические заболевания, накапливаются психосоматические проблемы, формируются основы разного рода аддикций, приобретают устойчивость сценарии девиантного поведения. В психологии привычным является изучение на предмет девиаций подростковой когорты, где различные формы отклоняющегося поведения представляют собой практически вариант возрастной нормы. Большая часть подростковых акцентуаций, как известно, сглаживается, благополучно компенсируется и возвращается в норму [4, с.15]. Однако если в студенческом возрасте подростковые тренды девиаций получают свое

подкрепление вместо альтернативных траекторий благоприятного развития, то к периоду ранней взрослости они приобретут статус устойчивых паттернов и/или личностных деформаций, обратимость которых будет уже далеко не так пластична. В дальнейшем картина выглядит еще более пессимистичной: перманентное усложнение жизненных задач, накапливание критической массы стрессов и разного рода утрат, возрастные и событийные кризисы, истощение внутренних ресурсов усугубляют неблагоприятное личностное развитие и повышают вероятность девиаций во взрослом возрасте в виде различных форм социальной дезадаптации, психосоматических нарушений, аддиктивного поведения и психических заболеваний.

Наряду с этими рисками, студенты вузов как социальная группа обладают рядом преимуществ по сравнению с другими социальными группами. Во-первых, в отличие от подростков, вынужденных решать сепарационные задачи развития в условиях безусловной зависимости от родителей, молодой человек, поступивший в вуз, имеет гораздо больше степеней свободы для проработки своей автономии. Во-вторых, в юношеском возрасте в ходе ведущей учебно-профессиональной деятельности и интенсивных межличностных отношений совершенствуются инструменты саморегуляции, стремительно расширяется репертуар копинг-стратегий и формируются более зрелые паттерны совладания. В третьих, студенты вузов представляют собой рафинированную социальную общность, обладающую высоким интеллектуальным потенциалом, познавательной мотивацией в сочетании с мотивацией достижений, продуктивными ценностно-смысловыми ориентирами, личностными и социальными ресурсами. В силу этих причин мы обратили наше исследовательское внимание именно на студенческую аудиторию как целевую группу с точки зрения задач психологического просвещения и первичной профилактики психологических проблем в будущем.

Цель статьи. В данной статье мы рассматриваем предпосылки, факторы и возможные направления психопрофилактической работы со студентами вузов, опираясь на результаты исследования, проведенного в нескольких высших учебных заведениях г. Казани.

Изложение основного материала исследования. Рассмотрим основные характеристики и особенности социальной ситуации развития современного студента. Объективно, студенческий возраст протекает в условиях учебно-профессиональной деятельности и интенсивного межличностного общения. Сразу обратим внимание на конфликт: актуальная для этого возраста потребность попробовать себя в различных форматах отношений – приятельских, дружеских, романтических, сексуальных, семейных – является конкурирующей с напряженной активностью в сфере учебно-профессиональной деятельности. Добавим сюда незавершенные задачи развития подросткового возраста (например, сепарация от родителей, эмоциональная неустойчивость, несформированность личностных границ), противоречивые требования в современном наполнении гендерных ролей, сопутствующие им трудности половой идентификации и сексуальной ориентации. А также, помимо этого, доминирование интернет-коммуникации и дефицит навыков живого общения, и мы получим сложный клубок обстоятельств, в которых молодым людям предстоит прожить ближайшие 5 лет. Дополнительные нагрузки на психические ресурсы создает пребывание в длительной стрессовой ситуации, связанной с подготовкой и сдачей ЕГЭ (10-11 классы школы), поступлением в вуз и адаптацией к новым условиям обучения (1 курс). В общей сложности студенты первых курсов примерно 3 года находятся в условиях хронического интенсивного стресса. Дефицит копинговых механизмов и инструментов адаптации в этих обстоятельствах представляет серьезный фактор риска для личности и может стать предиктором формирования неблагоприятных, деструктивных и девиантных паттернов в будущем.

Отдельного внимания заслуживает продолжающееся в этом возрасте профессиональное самоопределение. В современных условиях школьного обучения от подростка требуется периодически делать выбор относительно той или иной предметной области – при выборе профильного класса, экзаменационных дисциплин ОГЭ и ЕГЭ, будущей профессии. Для современного молодого человека эти решения являются глубоко преждевременными, т.к. их

должна принять личность с еще не четкими границами и незавершенными процессами сепарации от родителей. Самоопределение, которое, согласно нормативным возрастным критериям, должно было бы состояться к 17-18 годам, не состоялось – личностные границы не построены, эмоциональная зависимость от родителей сохраняется, цели, установки и представления о будущем родительские или сотканы из социальных стереотипов. Заметим, что для семьи, которая ориентирована на высшее образование детей, часто характерны нарциссические ценности – интеллектуального развития, достижений, социальной успешности и карьеры. И эти ценности доминируют над ценностями личной жизни, автономии, отношений, и даже здоровья. В таких семьях своевольное взросление детей не приветствуется, не соответствующая представлениям родителей самостоятельность пресекается, автономия не поддерживается или встречает препятствия, и, как следствие, сепарационные процессы оказываются отсроченными. Таким образом, в вузы на первый курс приходят «дети» с отложенным подростковым кризисом. Поэтому процесс профессионального самоопределения длится на протяжении всего обучения в вузе, и в отдельных случаях является не просто сложным, а проблемным. Проблема есть тогда, когда молодой человек на 3-4 курсе осознает, что выбранная профессиональная область, куда уже вложено огромное количество ресурсов, – «это не мое», а что «мое» в свои 20 лет он еще не знает.

Выборку исследования составили 210 человек – студенты 1-6 курсов различных вузов (Казанский государственный медицинский университет, лечебный факультет; Казанский федеральный университет, химический факультет и факультет татарского языка; Казанский научно-исследовательский технологический университет, факультеты социальной работы и туризма). Средний возраст 20,4 лет, преимущественно жители РТ, 30% юноши и 70% девушки. Методики исследования: шкала оценки стрессовых событий (Holmes T.H., Rahe R.H.) опросник метакогнитивной осознанности (Metacognitive Awareness Inventory G.Schraw, R.S.Dennison 1994, адаптация Е.Ю. Савин, А.Е. Фомин), методика исследования способов совладания со стрессом (опросник Р. Лазаруса, адаптация Т.Л. Крюковой).

Результаты исследования. В данной статье обсудим следующие показатели: 1) качественные и количественные характеристики стрессовых событий по шкале Холмса-Рэя, 2) доминирующие копинг-стратегии, 3) роль метакогнитивных процессов в структуре совладающего поведения.

В инструкции к шкале оценке стрессовых событий мы просили отметить события, которые были пережиты и сильно повлияли на личность. Средние выборочные значения в оценке стрессовых событий: среднее арифметическое значение 230,1 баллов, медиана 167, мода 77, максимальный показатель 1221, минимальный 26, стандартное отклонение 184,1. Таким образом, по уровню стресса выборка крайне неоднородна и имеет очень большой разброс значений.

Крайне высокий уровень стресса более 300 баллов и высокую вероятность его негативных последствий имеют 26,6% респондентов. 29,1% имеют значения в диапазоне 150-299 баллов, что соответствует зоне риска, и оставшиеся 44,3% имеют уровень стресса ниже среднего (менее 150 баллов).

Частоты наиболее характерных событий расположились следующим образом. Первое ранговое место в шкале стресса (42% респондентов) почетно занимает «Поступление в учебное заведение», 2 место (35,2%) – «Повышение чувства независимости или ответственности». На 3 месте (30,5%) позиция «Серьезное изменение в самооценке, самоидентификации, самосознании или общем представлении о себе», 4 место (28,1%) принадлежит событию «Изменение места жительства и жилищных условий». На пятом месте (27,1%) «Смерть близкого и любимого члена семьи». Шестую ранговую позицию (24,3%) занимает «Изменение своих привычек, круга общения, стиля одежды», 7 место – (21,9%) «Увеличение или уменьшение частоты встреч с членами семьи». На восьмом месте (18,1%) – «Значимый межличностный конфликт или переоценка ценностей». 9 и 10 места занимают сходные по содержанию события – «Резкое изменение привычного режима сна (сон стал

короче или длиннее» (17,6%) и «Смена режима дня» (17,1%). Отметим, что 14,7% студентов (11 ранг) пережили «Резкое изменение состояния своего здоровья или состояния здоровья члена семьи», 10% перенесли серьезную травму или заболевание, 11,4% студентов отметили разрыв устойчивых отношений.

На этом основании мы можем говорить о том, что отдельно стоящий событийный кризис представляет само поступление в вуз и процессы, непосредственно связанные с вопросами адаптации к внешним условиям. Также отчетливо прослеживается пласт изменений, касающихся вопросов сепарации от родительской семьи, автономии и идентичности. Отдельно отметим, что около трети опрошенных сообщили о проживании утрат (смерть близких, разрыв отношений, утрата здоровья).

В середине рангового распределения находятся показатели сексуальных проблем, проблем, связанных с алкоголем, изменением религиозного мировоззрения, материальных трудностей, вопросы совмещения работы и учебы. Крупные проблемы с администрацией или преподавателями вуза оказались не типичны для данной выборки (1,9%, ранг 35).

Исследование копинг-механизмов по методике Р. Лазаруса (адаптация Т.Л. Крюковой) показало, что полученные средние выборочные значения по всем шкалам не выходят за рамки среднего диапазона, указанного авторами для данного возраста [3, с.67]. Сравнительный анализ половых различий обнаружил статистически достоверные показатели по шкалам «поиск социальной поддержки» ($p < 0,01$), «положительная переоценка ситуации» ($p < 0,01$), «принятие ответственности» ($p < 0,05$) и «избегание» ($p < 0,05$) – у девушек все значения выше, чем у юношей. В целом, можно говорить о том, что в исследуемой выборке репертуар копинг-стратегий достаточно сформирован и соответствует возрасту.

Дополнительный аспект анализа данных появился, когда мы изучили метакогнитивный компонент и рассмотрели его в связи с копинг-стратегиями. Нас интересовала роль метакогнитивных процессов в системе регуляции деятельности [2], при анализе данных мы также опирались на теоретические и прикладные исследования метакогнитивных процессов личности, представленные в работе Карпова А.В., Скитяевой И.М. [1], и исследования метакогнитивных процессов в структуре учебной деятельности студентов Савина Е.Ю., Фомина А.Е. [6].

В данном исследовании метакогнитивная осознанность имеет статистически достоверные прямые корреляционные связи со стратегиями копинг-поведения: самоконтроль ($r = 0,22$, $p < 0,001$), поиск социальной поддержки ($r = 0,20$, $p < 0,01$), принятие ответственности ($r = 0,15$, $p < 0,05$), планирование решения проблемы ($r = 0,40$, $p < 0,001$), положительная переоценка ситуации ($r = 0,36$, $p < 0,001$) и имеет обратную корреляцию с копинг стратегией избегания ($r = -0,14$, $p < 0,05$). В более раннем исследовании на выборке 142 чел. была установлена взаимосвязь метакогнитивной осведомленности с интернальным локусом контроля и со всеми компонентами антиципационной состоятельности (прогностической компетентности) личности – пространственной, временной, личностно-ситуативной и общей [5, с.455].

Таким образом, спектр стрессовых событий, которые студенты указали как наиболее повлиявшие на них, полностью отражает социальную ситуацию и возрастные задачи развития этой когорты и соответствует внутренним процессам, нормативным для данного возраста. Репертуар когнитивно-поведенческих копингов достаточно сформирован и может составить хорошую базу для проектирования совладающих процессов в этом возрасте.

Выводы.

1. Содержание основных стрессовых событий, перечисленных студентами, отражает социальную ситуацию развития и нормативные для этого возраста процессы сепарации и выстраивания идентичности. Наиболее значимыми из них являются поступление в учебное заведение, повышение чувства независимости и ответственности, существенные изменения в самооценке, самоидентификации и самосознании, изменение образа жизни в связи с учебой.

2. Помимо нормативных процессов развития, более четверти опрошенных столкнулись с жизненными ситуациями смерти, утрат, изменений в семейных системах и проблемами со здоровьем.

3. Мощным ресурсом совладания в студенческой возрастной группе являются метакогнитивные процессы, выполняющие функции управления, организации и регуляции конструктивных когнитивно-поведенческих копингов (самоконтроль, принятие ответственности, планирование решения проблемы, положительная переоценка ситуации, поиск социальной поддержки).

На основе полученных результатов можно наметить несколько направлений в стратегическом планировании психологической работы со студентами вузов.

Во-первых, это психологическое сопровождение процессов адаптации к новым условиям и соответствующим им изменениям образа жизни.

Во-вторых, – сопровождение нормативных процессов взросления – сепарации, развития идентичности, различных форм отношений, сексуальной жизни.

Третье направление – профилактика психосоматических нарушений. Студенты медицинского вуза, с декларируемой ориентацией на здоровье, в профилактических беседах сообщали, что на 1-2 курсах время их ночного сна составляло 4-5 часов, и даже при таком режиме они не полностью справлялись с учебной нагрузкой. В течение учебного года, заболев, студенты стремились не прерывать занятия и переносили заболевание «на ногах», на летних каникулах после первого курса многие болели. Состояния плохого самочувствия, усталости, истощения игнорируются, т.к. могут привести к накоплению учебных проблем. В итоге в студенческие годы закладывается или подкрепляется ранее сложившийся за время обучения в школе паттерн психосоматического реагирования. Первичная соматизация в этом возрасте проявляется в симптомах вегетососудистых нарушений, головной боли, расстройств со стороны желудочно-кишечного тракта, нередко нарушения в работе гормональных систем (щитовидной железы и половых гормонов).

Четвертая линия профилактики касается сохранения психического здоровья. Среди наиболее характерных психических изменений, замеченных нами в ходе исследования и в процессе преподавания психологических дисциплин (это вопросы, задаваемые студентами на лекционных и практических занятиях) – симптомы тревожного спектра, иногда панических атак. Также студенты сообщали о наличии обсессивно-компульсивных реакций и начальных проявлениях депрессии. Поэтому мы считаем важной профилактической задачей развитие рефлексии и аутопсихологической компетентности студентов в ходе изучения дисциплин психологической направленности. Для более полной и объективной картины психических и соматических рисков требуется, конечно, отдельное развернутое исследование. В работу психологической службы вуза, если таковая имеется, с профилактической точки зрения было бы очень важно включить мониторинг состояния здоровья студентов и его динамики от момента поступления до завершения обучения.

Пятое направление – психологическая помощь в своевременной обработке утрат и расставаний – процессов, для проживания которых в юношеском возрасте еще не так много инструментов. Процессы горевания в случае смерти близких людей еще как-то поддержаны семейной системой, встроены в семейную историю потерь. Что касается расставаний и/или разрывов значимых привязанностей, то, при недостаточной сформированности сепарационных навыков, эти события представляют собой довольно сложные интрапсихические процессы и, в случае травматичного завершения, накладывают отпечаток на дальнейшую историю отношений взрослого человека.

Итак, ориентиром психологической работы со студентами вузов, на наш взгляд, может являться помощь в развитии инструментов совладания с трудными жизненными ситуациями с опорой на когнитивно-поведенческие ресурсы и профилактика посттравматических явлений. В отличие от подростковой группы, когда пройдены основные риски по суицидам, делинквентному и антисоциальному поведению, основной ценностью и целью профилактики

среди студенческой молодежи следует провозгласить сохранение психического и соматического здоровья.

Литература

1. Карпов А.В., Скитяева И.М. Психология метакогнитивных процессов личности. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 352с.
2. Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: Наука. 1980. – 256с.
3. Крюкова Т.Л. Психология совладания в разные периоды жизни. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, Костромаиздат, 2010.– 380 с.
4. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. – СПб.: Питер, 2019. – 304с.
5. Ничипоренко Н.П., Куприянов Р.В., Нугманова Д.Р. Метакогнитивные процессы в структуре совладающего поведения личности // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов. Светлогорск, 20-24 июня 2016г./ Отв. ред. Ю.И. Александров, К.В. Анохин. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – С. 454-455.
6. Савин Е.Ю., Фомин А.Е. Обобщенные и предметно-специфичные метакогнитивные навыки в учебной деятельности студентов // Психологические исследования. – 2014. Т.7, №37. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.08.2020).
7. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Прогресс, 1996. – 344с.

УДК: 159.9.072.432-316.752-316.468

ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИКИ МОЛОДЕЖНОГО ЛИДЕРСТВА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА КАК ФОРМА ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Ощепков Алексей Александрович

кандидат психологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук
ФГБОУ ВО «Дмитровградский инженерно-технологический институт» –
филиал НИЯУ «МИФИ», г. Дмитровград, Ульяновская обл.

Аннотация. Статья посвящена проблеме профилактики девиантного поведения в молодежной среде, одним из путей решения которой предлагается развитие лидерства у молодежи. Проведенное экспериментальное исследование динамики систем ценностных ориентаций молодежных лидеров позволило сделать вывод о значимых различиях в системах ценностей, произошедших в период проведения социально-психологического тренинга, направленного на ценностное развитие лидерства у молодого человека. Личность молодежи переориентируется с ориентации на наслаждения и стимуляцию острых ощущений на личностные достижения в социальной сфере, которые выражают серьезное отношение к собственной жизнедеятельности, выступая, таким образом, сильным фактором профилактики девиантного поведения молодежи.

Ключевые слова: ценностные ориентации личности, лидерство, молодежь, девиантное поведение.

Annotation. The article is dedicated to the problem of preventing deviant behavior in youth environment, one of ways to solve that is developing youth's leadership. The conducted experimental study of young leader's values orientations system dynamics allowed us to make a conclusion about significant differences in values systems revealed in the period of conducting of social-psychological training directed to value development of young man leadership. Personality of youth reoriented from orientation to enjoyment and stimulation of sharp sensation to orientation to personal achievements

in social sphere which express serious relation to own living activity, performing thus as a strong factor of youth deviant behavior preventing.

Keywords: personality's values orientations, leadership, youth, deviant behavior.

Постановка проблемы. В современном обществе все более усложняется система социальных отношений, что становится основой роста неопределенности для человека. Повышение неопределенности, в свою очередь, может выражаться в негативных реакциях на общественную систему в форме различных девиаций в поведении. Поэтому в таких условиях становится особенно важным для человека обрести позитивную систему ориентаций в собственной жизнедеятельности, что повышает интерес к изучению системы ценностей человека. Формирование позитивной системы ценностных ориентаций также может быть связано с активным и серьезным отношением к жизни, что также повышает роль развития лидерских качеств личности. А такой подход может стать сильной основой в профилактике разнообразных негативных проявлений, выражающихся в различных формах девиантного поведения.

Изучение феномена лидерства представляет несомненный интерес ученых разных эпох и имеет достаточно плодотворный генезис своего понимания. Начиная с биологизаторских объяснений лидерства наследственными признаками Ф. Гальтоном [1], которые послужили прекрасным основанием развития теорий лидерства, направленных на поиск универсальных черт лидера. Поиск черт лидера вплотную был связан с выявлением личностных качеств человека, которые и получили свое концентрированное воплощение в различных психологических теориях. Проблема лидерства была одной из центральных тем в психологических исследованиях З. Фрейда, В. Франка, Э. Фромма, Э. Эриксона, Г. Левинсона [4]. Однако, как известно, усилия ученых в составлении универсального набора черт лидера привели к созданию такого длинного списка, что стало невозможно утверждать, что проявление лидерства зависит от какого-то определенного набора черт личности человека.

Кризисное состояние в науке относительно изучения феномена лидерства, наступившее после попытки создать теорию черт лидера, было преодолено благодаря развитию так называемых ситуационных теорий лидерства. Показательным в данном направлении стали труды Ф. Фидлера, который стал представлять лидерство как комплексное явление, зависящее от множества ситуационных факторов [7]. Однако акцент на влияние ситуационных факторов выступил другой крайностью в исследовании феномена лидерства, поскольку в теории лидерства имелось множество фактов проявления именно личности человека в той или иной ситуации, позволяющей говорить и о роли личности в проявлении лидерства.

Поэтому следующим периодом изучения феномена лидерства стало развитие личностно-ситуационных теорий, которые определили ориентацию на изучение лидерства как комплексного явления. Так, Р. Стогдилл, считает, что при рассмотрении процесса лидерства необходимо учитывать набор факторов, включающий, с одной стороны, личностные черты лидера, а, с другой стороны, социально-психологические параметры группы [9]. На современном же этапе практически все исследования в области лидерства опираются на синтетические теории, поскольку уже ни у кого не возникает сомнений в необходимости учета комплекса факторов при изучении названной проблемы.

Одним из интегративных показателей личности и группы в настоящее время выступают система ценностей личности, группы и общества, которые взаимосвязаны как система диспозитивных образований личности, согласно концепции саморегуляции социального поведения человека В.А. Ядова [5]. Данная мысль наиболее разработана в теории лидерства ценностного плана С. Кучмарского и Т. Кучмарского, согласно которой предлагается два основополагающих принципа, заключающиеся в том, что лидер может и оказывает большое влияние на систему ценностей группы, и данному виду лидерства, основанного на системе ценностей личности и группы, можно обучаться и, при этом, делать это в процессе определенной деятельности [8].

Проблема изучения системы ценностных ориентаций личности в современных социальных условиях приобретает особую важность и в связи с поведением молодого человека, поскольку многое зависит в обществе от того, чтобы система ценностных ориентаций молодежи приобретала нормативный характер. В этом плане, продуктивной становится идея о целенаправленном формировании системы ценностей молодежи, ориентированной на нормативное, а не на девиантное поведение.

Таким образом, исходя из предыдущего анализа, возникает необходимость в проведении системного анализа личностных, социально-психологических и психолого-педагогических факторов, обуславливающих социальные отклонения в поведении молодых людей, с учетом которых должна строиться и осуществляться воспитательно-профилактическая работа по предупреждению этих отклонений. Одним из эффективных методов социально-психологического воздействия на направленность личности общепризнан социально-психологический тренинг, направленный на личностный рост. Позитивное влияние социально-психологического тренинга рассматривается во множестве научных работ, которые, в общем, можно выразить словами М.С. Яницкого. Так, М.С. Яницкий считает, что «тренинговая группа, создавая условия интенсивного переживания тех или иных событий и производя в сжатые сроки опыт реальной жизни, представляет собой достаточно адекватную модель личностного развития» [6, С.89]. Это положение подтверждается и эмпирическими исследованиями. Так, в проведенном М.С. Яницким экспериментальном исследовании динамики ценностных ориентаций под воздействием социально-психологического тренинга, были выявлены определенные изменения в ценностной иерархии испытуемых. Так, в результате проведенного тренинга в число значимых переместились ценности внутренней свободы, независимости и решительности в реализации собственных действий [6].

Данные положения позволили нам сделать предположение о том, что если создать определенные социально-психологические условия, которые предлагается создать в виде проведения программы, направленной на ценностное развитие, и при контроле такой ситуации с помощью психологического тестирования, можно выявить и сформировать определенный набор ценностей, определяющих проявление лидерства, выступающее превентивным фактором в плане формирования девиантного поведения молодежи. Прояснить указанное предположение предлагается посредством проведения экспериментального исследования, а указанное предположение было решено считать рабочей гипотезой исследования.

Целью статьи стало теоретическое и эмпирическое обоснование развития лидерства молодежи с использованием социально-психологического тренинга как форма профилактики девиантного поведения.

Выборка, методики. Эмпирической базой исследования выступила выборка студентов четырех групп Димитровградского инженерно-технологического института – филиала Московского инженерно-физического института (г. Димитровград Ульяновской обл.). Количество студентов составило 60 человек, с одинаковым гендерным (30 юношей и 30 девушек) и возрастным (20 – 22 лет) составом. В качестве критерия для анализа выборок молодых людей использовались результаты теста «Диагностика лидерских способностей» Е.И. Жарикова, Е.Л. Крушельницкого, диагностирующие уровень лидерских способностей. Также нами был использован ценностный опросник Ш. Шварца, позволяющий проанализировать наиболее важные ценностные ориентиры испытуемых. В качестве программы ценностного развития личности молодого человека нами в экспериментальном исследовании была использована авторская программа. Методологической основой данной программы выступила теория личностных конструктов Дж. Келли, которая технически заложила основу для использования методики фиксированной роли для формирования новой системы ценностей у испытуемых [2.; 3]. Суть программы заключается в том, чтобы на основании репертуарных решеток и выявляемых таким образом личностных конструктов предложить студентам в игровой форме попробовать внести некоторые коррективы в собственные системы личностных конструктов, а затем после определенного периода проигрывания новой роли поделиться опытом.

Для проведения экспериментального исследования были сформированы контрольная (30 человек) и экспериментальная (30 человек) группы, которые образовывались случайным образом. В экспериментальной группе проводилась наша авторская программа ценностного развития, а с контрольной группой никаких подобных занятий не проводилось, никакого социально-психологического воздействия не оказывалось. Группы имели одинаковый гендерный состав: в контрольной группе 15 юношей и 15 девушек, и в экспериментальной группе 15 юношей и 15 девушек. На этапе констатирующего эксперимента было проведено тестирование лидерских способностей и системы ценностных ориентаций в группах испытуемых. Тестирование проводилось в аудиториях вуза, где испытуемые рассаживались по одному человеку, использовался вводный инструктаж, что позитивно сказалось на валидности и надежности исследования. С целью анализа динамики лидерских способностей и системы ценностных ориентаций у молодых людей такое исследование было проведено и на заключительном этапе эксперимента.

Изложение основного материала исследования. С целью анализа эмпирических данных нами был использован факторный анализ. Анализ проводился с помощью программы Статистика версия 13, был использован метод главных компонент, с дальнейшим применением процедуры вращения данных Варимакс и их нормализацией. Факторный анализ проводился с учетом гендера.

Благодаря проведению процедуры факторного анализа были выявлены значимые структуры динамики взаимосвязей системы ценностных ориентаций и уровня лидерских способностей в группах студентов с учетом гендерных особенностей. Так, в группе девушек были обнаружены следующие структуры факторных весов (таблица 1).

Таблица 1

Факторная матрица структур взаимосвязей системы ценностных ориентаций и уровня лидерский способностей в группе девушек-студенток, до и после проведения экспериментального исследования

Названия переменных	Фактор 1		Фактор 2		Фактор 3	
	до	после	до	после	до	после
Ценности						
Наслаждение	0,5078	0,9999	0,1616	0,0018	0,8461	-0,0075
Достижения	-0,3331	0,9756	0,8358	0,1446	0,4362	0,1651
Социальная власть	0,0179	0,4895	0,1818	0,2350	0,9831	0,8396
Самоопределение	0,9915	-0,3178	-0,0835	0,9480	0,0989	0,0109
Стимуляция	0,9333	-0,4327	0,3422	0,7521	0,1080	-0,4970
Конформизм	-0,8613	0,1139	0,0834	0,2523	0,5011	-0,9608
Поддержка традиций	0,9997	-0,3969	0,0069	0,8582	-0,0195	0,3252
Социальность	0,4151	-0,9705	0,8932	-0,0741	-0,1727	-0,2290
Безопасность	0,8639	-0,4341	0,4920	-0,2374	-0,1067	-0,8689
Зрелость	0,9942	0,6481	0,0295	0,0745	0,1032	0,7578
Социальная культура	-0,1023	-0,0009	0,9944	0,9934	0,0248	0,1138
Духовность	0,8310	0,9069	0,5544	-0,131	0,0443	0,4002
Лидерские способности	-0,8986	0,1379	-0,8116	0,9643	-0,8986	0,8699
Вклад в общую дисперсию, %	49,30	36,32	30,22	39,77	20,46	23,90

Согласно наибольшим факторным весам, первый фактор в выборке девушек до эксперимента объединяет положительно ценности самоопределения, стимуляции, поддержки традиций, духовности, и отрицательно ценности конформизма и уровня лидерских способностей. Такая структура факторных весов позволяет говорить о двух подструктурах в первом факторе. Первая подструктура составляет ориентацию на самоопределение, стимуляцию, традиции, безопасность, зрелость, духовность. А вторая подструктура ориентируется негативно на конформизм и это негативно связывается с уровнем лидерских

способностей. Такая конфигурация свидетельствует о том, что девушками с высоким уровнем лидерских способностей конформизм оценивается крайне негативно, первая же подструктура, в целом, характеризует девушек молодого возраста, которым свойственно, с одной стороны, стремление к самоопределению, зрелости и стимуляции, а другой стороны, стремление к поддержке традиций, духовности и безопасности. Распределение весов второго фактора положительно объединяет ценности достижения, социальности, социальной культуры, и негативно уровень лидерских способностей. Такое распределение факторных весов отражает типичные особенности современных девушек, которые стремятся к достижениям, и вместе с тем, к социальному взаимодействию в рамках социальной культуры, что, однако, негативно связывается в стремлении к лидерству. В распределении весов третьего фактора положительно объединились ценности наслаждения и социальной власти, и негативно лидерские способности, что может свидетельствовать о том, что социальная власть рассматривается девушками вместе с наслаждением, и, при этом, негативно оценивается в плане лидерства.

После проведения эксперимента в форме внедрения программы ценностного развития личности молодого человека, можно говорить о достаточно существенных изменениях в системе ценностных ориентаций молодого человека. Так, согласно наибольшим факторным весам в выборке девушек после проведения эксперимента, первый фактор объединил положительно ценности наслаждения, достижения и духовности, и негативно ценности социальности. Это может показывать, что проведенные занятия по личностному развитию девушек-студенток привели к усилению взаимной связи у девушек достижений с наслаждением и духовностью, при этом отторгая ценность социальности. Второй фактор оказался самым нагруженным – он положительно объединил ценности самоопределения, стимуляции, поддержки традиций, социальной культуры и уровня лидерских способностей. Получается интересная динамика в результате проведенной программы ценностного развития – при переориентации ценности конформизма, получает положительную направленность и оценка лидерских способностей. Возможно в этом плане утверждать, что лидерство отторгает конформизм, что и проявилось как результат социально-психологического воздействия на личность девушек-студенток. В структуре третьего фактора объединяются положительно ценности социальной власти, зрелости и уровня лидерских способностей, и негативно ценности конформизма и безопасности. Это может свидетельствовать о том, что лидерство, в результате проведенной программы, начинает у девушек связываться с социальной властью и зрелостью, при негативном отношении к конформизму и безопасности.

В группе юношей-студентов были выявлены следующие структуры факторных весов (таблица 2).

Согласно наибольшим факторным весам, первый фактор в выборке юношей до эксперимента положительно объединил ценности наслаждения, самоопределения, стимуляции, социальности, безопасности, зрелости, и отрицательно объединил ценности поддержки традиций и духовности. По всей видимости, в структуре ценностей выделяются две значимые группы, которые можно обозначить как направленность на активное социальное взаимодействие (наслаждение, самоопределение, стимуляция, социальность, безопасность, зрелость) и направленность на традиции (поддержка традиций и духовность). Второй фактор положительно объединил ценности достижения, социальной власти, конформизма и уровня лидерских способностей. Здесь стоит обратить внимание, что у юношей, также как и у девушек, ценности достижения и социальной власти положительно связаны с уровнем лидерских способностей, однако, в отличие от девушек, у юношей данная подструктура значимо связана также с конформизмом. Это объясняется, вероятно, что у девушек позитивная ориентация на лидерство компенсируется высокой значимостью социальной культуры, а у юношей следованием групповым интересам. Это проявляется в третьем факторе, который положительно объединил ценность социальной культуры.

Таблица 2

Факторная матрица структур взаимосвязей системы ценностных ориентаций и уровня лидерских способностей в группе юношей-студентов, до и после проведения экспериментального исследования

Названия переменных	Фактор 1		Фактор 2		Фактор 3	
	до	после	до	после	до	после
Ценности						
Наслаждение	0,8841	0,9863	-0,1566	-0,0829	0,4402	0,1419
Достижения	0,5373	0,9963	0,8280	0,0565	0,1598	-0,0643
Социальная власть	0,3159	0,9908	0,9477	-0,1035	0,0432	-0,0869
Самоопределение	0,9849	0,8514	-0,0175	-0,2283	0,1722	0,4720
Стимуляция	0,7896	0,2219	0,3137	-0,6587	0,5272	-0,7188
Конформизм	0,0959	0,0712	0,9918	0,9938	-0,0833	0,0852
Поддержка традиций	-0,7718	-0,8634	-0,4988	0,2216	-0,3941	0,4530
Социальность	0,7462	-0,7507	0,2584	-0,6209	0,6134	0,2253
Безопасность	0,9824	-0,5465	0,0740	0,7844	-0,1714	-0,2932
Зрелость	0,7515	-0,2100	0,6534	0,4167	-0,0904	0,8844
Социальная культура	0,0036	-0,9160	0,3433	-0,3429	0,9391	0,2079
Духовность	-0,9454	0,1509	-0,3047	-0,4069	-0,1152	0,9008
Лидерские способности	-0,3058	-0,0865	0,9445	0,0813	0,1192	0,9929
Вклад в общую дисперсию, %	47,94	38,35	28,87	30,90	23,17	30,74

После проведения программы ценностного развития личности у юношей, также как и у девушек, произошли существенные изменения в структурах взаимосвязей системы ценностных ориентаций и уровня лидерских способностей. Так, согласно наибольшим факторным весам, в выборке юношей после эксперимента первый фактор положительно объединил ценности наслаждения, достижения, социальной власти, самоопределения, и отрицательно ценностей поддержки традиций, социальности, социальной культуры. Данный результат может отражать изменения личности, которые произошли у юношей после социально-психологического воздействия, выразившиеся в переориентации на следование групповым, социальным интересам, традициям в направлении достижений, самоопределения, наслаждения и социальной власти, при снижении значимости традиций и социальной культуры. В то же время, второй фактор положительно объединяет ценности конформизма и безопасности, что может говорить о том, что одной из структур личности юноши все-таки остается ориентация на конформизм и безопасность. Эти две разнородные направленности личности юношей проявляются в третьем факторе, который положительно объединил ценности зрелости, духовности и уровня лидерских способностей, и негативно ценность стимуляции. Такая конфигурация может свидетельствовать о том, что у юношей лидерство связывается со зрелостью и духовностью при сочетании с поддержкой традиций, в отличие от девушек, у которых лидерство связано с социальной властью.

Выводы. На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1. В настоящее время в сфере изучения феномена лидерства наибольшее развитие получают комплексные теории, которые рассматривают лидерство в сочетании факторов личности и социальной среды. Одним из интегративных показателей такого социально-психологического подхода к изучению феномена лидерства выступают ценностные ориентации личности, в которые системно отражаются личностные и групповые направленности личности. Поэтому, если проводить социально-психологическое воздействие в форме социально-психологического тренинга, направленного на изменение системы ценностных ориентаций личности, можно добиться изменения и уровня лидерских способностей.

2. В проведенном экспериментальном исследовании в форме внедрения программы ценностного развития личности студентов было выявлено, что структуры систем ценностных ориентаций личности и уровня лидерских способностей у юношей и девушек имеют значимые взаимосвязи. При этом были обнаружены особенности личностных структур и их динамики у юношей и девушек. Так, уровень лидерских способностей у девушек характеризуется большей направленностью на социальное взаимодействие и самоопределение, а у юношей уровень лидерских способностей связывается с поддержкой традиций, зрелостью и ориентацией на внутригрупповые интересы.

3. Переориентация систем ценностей у девушек и юношей со стимуляции и наслаждений на социальное взаимодействие и социальную культуру может свидетельствовать о благотворном влиянии повышения уровня лидерских способностей у молодых людей. Личность молодых людей изменяется с направленности на удовлетворение сиюминутных эмоциональных потребностей на направленность на активность в социальных отношениях для достижения личных результатов, что детерминирует позитивную ориентацию жизнедеятельности молодого человека и выступает сильной основой профилактики девиантного поведения.

Литература

1. Гальтон Ф. Наследственность таланта. Ее законы и последствия / Ф. Гальтон. – СПб., 1875. – 299 с.
2. Келли Дж. А. Психология личности: теория личных конструктов / Дж.А. Келли. – СПб.: Речь, 2000. – 249с.
3. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности / Д. Баннистер, Ф. Франселла. – М.: Прогресс, 1987. – 236 с.
4. Хьелл Л. Теории личности: основные положения, исследования и применение / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб. : Питер, 2003. – 608 с.
5. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция / В.А. Ядов. – М.: ЦСПиМ, 2013. – 376 с
6. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М.С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 204 с.
7. Fiedler F. The Effects of Leadership Training and Experience: A Contingency Model Interpretation / F. Fiedler // Administrative Science Quarterly. – 1972. – Vol. 17. – № 4. – P. 453-470.
8. Kuczmarski T., Kuczmarski S. Apples Are Square: Thinking Differently About Leadership / S. Kuczmarski, T. Kuczmarski. – New-York, 2007. – 88 p.
9. Stogdill R. Handbook of Leadership: A Survey of Theory and Research / R. Stogdill. – New York: Free Press, 1974. – 424 p.

УДК: 37.035.6

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОРДОСТИ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Пацева Елена Николаевна,
преподаватель кафедры дефектологии и специальной психологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
г. Краснодар

Аннотация. В статье раскрыты педагогические механизмы и направления работы по формированию национальной гордости в процессе патриотического воспитания, которое

является эффективным средством профилактики девиантного поведения подростков. Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что дети, подвергающиеся влиянию негативных социальных факторов, без поддержки со стороны семьи, педагогов и осуществления активной воспитательной работы социальными институтами страны, практически лишены возможности стать полноценными членами нормального общества. Россия может потерять огромное количество потенциальных патриотов, людей способных хранить и приумножать национальные достояния своей Родины.

Ключевые слова: девиантное поведение, национальная гордость, патриотическое воспитание, общеобразовательное учреждение, профилактика, педагогические механизмы.

Annotation. The article reveals pedagogical approaches and directions of work on the formation of national pride in the process of patriotic education, which is an effective means of preventing adolescent deviant behavior. The urgency of this problem is due to the fact that children exposed to the influence of negative social factors, without support from the family, teachers and the implementation of active educational work by the country's social institutions, are practically deprived of the opportunity to become full-fledged members of a normal society. Russia may lose a huge number of potential patriots, people capable of preserving and increasing the national wealth of their Motherland.

Keywords: deviant behavior, national pride, patriotic education, educational institution, prevention, pedagogical mechanisms.

Постановка проблемы. Современное социально-культурное, экономическое и политическое реформирование, происходящее в России, влечет за собой изменения, затрагивающие все сферы жизни общества. Наряду с положительными тенденциями развития государства и социума, которые связаны с достижениями в сфере науки и техники, гуманизацией и демократизацией общества, существует и ряд проблем, касающихся, прежде всего, обучения, воспитания и социализации подрастающего поколения. Среди них можно выделить девальвацию духовных ценностей, нивелирование морально-нравственных установок, гражданское расслоение и накопление молодежью негативного социального опыта.

Глобальная цифровизация информационного пространства, несущая в массы большой объем разнородной информации, оказывает негативное влияние на становление национального самосознания у подрастающего поколения, снижает воспитательное воздействие культуры и искусства, при этом порождает цинизм, эгоизм, агрессию и различные формы девиаций в среде подростков. Следствием становится делинквентное поведение: ранний алкоголизм, наркомания совершение противозаконных деяний, аморальные поступки. Вместе с тем обесцениваются такие устойчивые понятия, как Родина, долг, честь, достоинство, уважение к памяти предков, отсутствует мотивация к изучению истории своего народа и готовность защищать общенациональные идеалы.

В сложившихся обстоятельствах в процесс обучения и воспитания необходимо включать дополнительные меры педагогического и социального воздействия, среди которых, в рамках современной государственной политики, существенную роль играет патриотическое воспитание молодежи. Одним из эффективных методов данного направления, оказывающих большое влияние, в том числе, и на профилактику девиаций, является целенаправленное формирование национальной гордости.

Целью статьи является теоретический анализ возможностей патриотического воспитания, в рамках которого происходит формирование национальной гордости у учащихся общеобразовательных учреждений. А также выявление таких форм и методов воспитательного процесса, которые оказывают наиболее эффективное влияние на становление национального самосознания и решают проблему профилактики девиантного поведения подростков.

Изложение основного материала исследования. Гражданско-патриотическое воспитание является эффективным педагогическим средством приобщения личности к культуре и истории страны, мотивирующим ее к созиданию, преумножению и охранению ее

достояний. В то же время учебно-воспитательная патриотическая деятельность, обеспечивает формирование устойчивости детского сознания к негативным социальным влияниям, развивает умения выстраивать межличностные отношения в соответствии с общепринятыми морально-этическими нормами, а также прививает любовь к близким и Родине.

Теоретический анализ исследований раскрывающих сущность понятия «патриотическое воспитание» позволил авторам сделать вывод о том, что, с одной стороны, этот феномен описывает педагогическое явление и требует активного взаимодействия работников сферы образования с учащимися и их семьями, а с другой – социальное, имеющее высокий коэффициент эффективности только в условиях функционирования интегративной модели социальных институтов, а также при активном участии всех субъектов данной деятельности [1, 6, 7].

Переходя к детерминантам «национальная гордость» и «патриотизм», следует отметить тот факт, что в рамках нашего исследования они рассматриваются не как тождественные, а сосуществуют в качестве взаимодополняющих друг друга структурных элементов целостной системы патриотического воспитания. Это объясняется тем, что под патриотизмом понимается, сформированная в условиях учебно-воспитательной и социальной деятельности, черта характера всесторонне развитой личности, находящая свое проявление в абсолютной любви к Родине и национальным достояниям, готовности поступиться личными интересами ради ее защиты. А понятие «национальная гордость» подразумевает совокупность оснований, являющихся основополагающими факторами народного единства, которыми стоит гордиться [3]. Исходя из представленного определения, можно сделать вывод о том, что чувство национальной гордости формируется у человека начиная с раннего возраста при соблюдении конкретных социально-педагогических условий (механизмов воздействия) и не имеет возрастных ограничений, а патриотизм, является следствием сформированности когнитивного, чувственно-эмоционального, мотивационного, социального и др. элементов личности.

Данное обстоятельство предполагает траекторию дальнейшего развития патриотической работы с подростками в созидательном русле с опорой на индивидуальное самосознание, повышение нравственно-культурного уровня развития и приобщение к национальным идеалам страны. При этом особое значение имеет профилактика девиантного поведения подростков средствами патриотического воспитания, при реализации которого необходимо учитывать, что данная социальная группа имеет определенные возрастные особенности и пребывает в стадии активного духовного, нравственного, психофизиологического и социального становления. А недостаточная сформированность детского сознания является благодатной почвой для различного рода негативных влияний, в результате которых проявляются отклонения в поведении.

На психоэмоциональном уровне девиации могут быть спровоцированы семейной депривацией, нарушением межличностных отношений с близким окружением, расстройством эмоционально-волевой сферы и др.

Другой возможный фактор, обусловлен тем, что специфика подросткового развития, характеризуются наличием акцентуаций – явление, при котором определенные черты характера ребенка выделяются сверх меры, а другие, как правило духовно-нравственные, наоборот занижены.

Среда общения подростка оказывает прямое воздействие на проявление или отсутствие девиаций, поскольку в условиях коммуникации со сверстниками происходят первичные процессы социализации. Однако от качественного состава участников неформальной группы и негласно принятых норм общения между ними напрямую зависит манера поведения и образ мыслей каждого члена группы.

Возможной причиной асоциальности также является непосредственно кризис пубертатного периода, отражающийся в конфликтности подростка и излишней критичности к самому себе. Ситуация усугубляется в том случае, когда педагоги и родители слишком резко

реагируют на подобное поведение ребенка, тем самым вызывая еще больший негативизм с его стороны [4].

Таким образом, можно заключить, что категория детей подросткового возраста наиболее подвержена пагубному воздействию различных неблагоприятных факторов, в результате чего возникают поведенческие девиации.

Современные психолого-педагогических исследования предлагают следующую классификацию видов девиантного поведения:

- антидисциплинарное – нарушение общепринятых правил и норм, конфликтность, отсутствие мотивации к обучению и общественной деятельности;
- антисоциальное – проявление неуважительного отношения к окружающим, бродяжничество, аморальное поведение в общественных местах, полный отказ от посещения образовательных учреждений;
- аддиктивное – склонность к употреблению алкогольных и наркотических веществ;
- делинквентное – совершение противозаконных деяний, криминальный образ жизни;
- аутоагрессивное – суицидальные наклонности, спровоцированные алкогольным или наркотическим опьянением [2].

Результатом любого из существующих видов становятся разнообразные деформации когнитивных и поведенческих процессов развития личности, приводящие к низким результатам обучения, полному или частичному отсутствию познавательной активности, искаженному пониманию моральных норм, эгоцентризму, социальному безразличию и презрению духовных-нравственных идеалов. Учитывая тот факт, что деятельность подростка, в своем нормальном функционировании, избирательна, обусловлена индивидуальными потребностями и интересами, ориентирована на познание явлений и предметов окружающей действительности, можно с уверенностью говорить о позитивном влиянии патриотического воспитания на морально-нравственные качества личности, сформированность представлений о своей принадлежности к историко-культурному наследию Родины, а также на снижение различных негативных влияний. Поэтому введение в учебно-воспитательную работу мероприятий, направленных на становление адекватной патриотической позиции подростка, способствует формированию национальной гордости за самобытное достояние России, достижения отечественных деятелей культуры, науки, спорта и подвиги героев истории и современности.

В педагогической литературе, посвященной проблемам патриотического воспитания, процесс формирования национальной гордости рассматривается в двух аспектах:

1) общекультурном, который основан на взаимоотношениях внутри социума, обусловленных традициями и обычаями народа, а также общепринятыми моральными нормами;

2) индивидуальном, который детерминирован личным опытом и гражданской позицией, накладывающими определенный отпечаток на культуру поведения индивида и имеющими опосредованное влияние на уровень развития социально значимых качеств личности.

Подобная трактовка позволяет определить структуру патриотической учебно-воспитательной работы по формированию национальной гордости, включающую следующие подходы:

- деонтический – заключается в приобщении к общечеловеческим ценностям, которые прививаются с раннего детского возраста и становятся основополагающими факторами легитимного отношения человека к окружающей действительности;

- аксиологический – воспитание личности в условиях той самобытной культурной, творческой, национальной и традиционной среды, где протекает процесс взросления и жизнедеятельности личности, развиваются таланты, усваиваются нравственные ценности и осуществляется работа по культивированию и сохранению духовных и материальных благ;

- дидактический – направлен на накопление знаний, умений и навыков в ходе учебного процесса, расширение кругозора и интеллектуальное развитие;

- казуальный, формирующий способности к организации и участию в групповой и индивидуальной деятельности, направленной на достижение поставленных целей и решение общественных и индивидуально личных задач;

- гуманистический, способствующий накоплению морально-этического опыта, воспитанию толерантного отношения к окружающим, а также предполагающий проживание ситуаций, в которых человек может испытывать чувства стыда или гордости;

- общегражданский, реализующий возможность участия в полезной общественной деятельности, в процессе которой происходит непосредственное усвоение знаний о правах и обязанностях гражданина и патриота своей страны;

- персоналистический, стимулирующий человека к принятию ответственных решений и совершению поступков, которые влияют на процесс самовоспитания, личностного развития и самореализации;

- креативный, способствующий формированию уверенности в себе посредством творческого, интеллектуального и культурного развития [4, 5, 6].

На практическом уровне все вышеперечисленные подходы организуются в целостный процесс патриотического обучения и воспитания, в ходе которого у подрастающего поколения формируется чувство национальной гордости, накапливается положительный социальный опыт и корректируются поведенческие паттерны.

В настоящее время применяется большое разнообразие традиционных и инновационных форм и методов, сущность и методическая составляющая которых напрямую зависит от того, в какой образовательной организации или социальном институте реализуется воспитательный процесс.

Основной организацией, осуществляющим наиболее широкий спектр мероприятий по формированию национальной гордости и гражданско-патриотической позиции подростков, является общеобразовательная школа. Соответственно эффективность патриотической работы напрямую зависит от той локальной среды, тех педагогических механизмов, которые реализуются на базе конкретного учреждения.

Таким образом, именно школа представляет собой ядро гражданско-патриотического воспитания, функционирующее с привлечением субъектов деятельности в лице педагогов, учащихся, родителей, органов ученического самоуправления, представителей различных социальных институтов и в тесном сотрудничестве с детско-юношескими, общественными, культурно-просветительскими и спортивными организациями. Все это является педагогическими механизмами воздействия. Схема взаимодействия отражена на рисунке 1.

Активная совместная деятельность всех социальных институтов страны, ведет к созданию сетевого культурного пространства, в условиях которого возможно наиболее эффективное педагогическое и информационное воздействие на несформировавшееся сознание подростка, направленное на коррекцию и профилактику девиантного поведения и развитие гармоничной личности с устойчивой гражданской позицией.

Формирование национальной гордости у подростков в условиях школы осуществляется, с одной стороны, посредством введения в учебный план информационно-развивающих компонентов патриотической направленности, а с другой – в ходе внеурочной деятельности.

Дидактической формы патриотического воспитания предполагают наличие регионального компонента в школьной программе учреждения, который реализуется на уроках регионоведения, обществознания, истории, литературы. В программное содержание других дисциплин также вводится информация об истории и традициях, современных достижениях нашей страны, известных деятелях науки, культуры и искусства, о вооруженных силах и политико-экономическом устройстве государства. Разрабатываются различные курсы с применением инновационных методов и технологий обучения, проводятся коллективные мероприятия, диспуты, олимпиады, реализуются совместные и индивидуальные проекты учащихся.

Огромным развивающим и воспитательным потенциалом обладает внеурочная деятельность патриотической направленности, при планировании которой следует учитывать индивидуальные возможности и интересы каждого подростка. Отличительной чертой внеурочных и досуговых мероприятий является мобильность, динамичность, проведение разнообразных видов занятий.

В качестве основных направлений внеурочной работы можно выделить: нравственно-этическое, культурно-историческое, государственно-правовое, региональное, профессионально-трудовое, психоэмоциональное, военно-спортивное.

Нравственно-этическое направление ориентировано на приобщение подростков к высоким идеалам и ценностям, развитие способности следовать им при осуществлении социально значимой деятельности, формирование нравственно-устойчивой личности, обладающей такими качествами характера как честность, мужество, самоотверженность и пр.

Культурно-историческое – предполагает воспитание потребности в изучении и сохранении национальных культурных достояний, формирование национального самосознания, ответственности за свои поступки и события, происходящие в стране.

Главной целью государственно-правового направления является актуализация в умах подрастающего поколения таких социальных понятий как воинский и конституционный долг, политическое устройство страны, нормативно-правовое обеспечение, права и обязанности гражданина.

Региональное – углубляет знания учащихся о своей малой Родине, традициях и обычаях народностей, проживающих на территории Российской Федерации, пропагандирует толерантные отношения к представителям различных национальностей, почитание местных святынь, формирует чувство гордости за принадлежность к великому русскому народу и готовность к самоотверженному служению на благо Отечества.

Профессионально-трудовое направление нацеливает учащихся на позитивное отношение к трудовой и общественной деятельности, на самостоятельное решение задач и на достижение высоких результатов, развивает навыки планирования.

В основе психоэмоционального направления внеурочной деятельности лежат задачи по формированию психологических качеств личности, необходимых для успешной социализации (стрессоустойчивость, ответственности, активной жизненной позиции, коммуникабельности, эмоциональной стабильности и т.д.).

В рамках военно-спортивного направления осуществляется активная пропаганда здорового образа жизни, развивается выносливость, формируются представления о видах спорта, достижениях великих спортсменов нашей страны. В ходе военных мероприятий

ведется теоретическая и практическая подготовка допризывной молодежи к служению в вооруженных силах России [1].

Внеурочная патриотическая работа с подростками в условиях общеобразовательного учреждения реализуются посредством различных форм, среди которых классные часы, внутришкольные мероприятия, конкурсы, соревнования, экскурсии, уроки мужества, участие в общественных акциях, традиционные региональные и общероссийские праздники, общественно-полезные работы и др.

Выводы. Таким образом, можно сделать вывод о том, что формирование национальной гордости посредством патриотического воспитания является достаточно эффективным средством профилактики девиантного поведения подростков, а также способствует развитию духовно-нравственных ценностей и становлению национального самосознания личности.

Однако, в условиях стремительного развития науки, появления большого числа передовых технологий, изменений в социальном и политическом устройстве страны, перед педагогической наукой и практикой стоят актуальные задачи по совершенствованию методик, разработке инновационных программ и моделей, а также по дидактическому наполнению патриотического воспитания современной молодежи. Необходимо организовать целенаправленную деятельность по подготовке и мотивации педагогических работников к осуществлению активной патриотической работы с учащимися на уровне общеобразовательной школы и за ее пределами.

Литература

1. Данцевич Н.Ю. Организация среды патриотического воспитания в современной школе // Вестник ТГПУ. – 2007. – №7. – С. 116-117.
2. Зиннуров Ф.К. Проблемы профилактики девиантного поведения детей и подростков в современных социокультурных условиях российского общества // Вестник КазГУКИ. – 2019. – №1. – С. 127-131.
3. Прохорова Е.Ю. Перспективные направления развития концепции практической организации патриотического воспитания // Academy – 2018. – №9 (36). – С. 43-45.
4. Саенко Л.А., Зритнева Е.И. Методологические подходы к изучению феномена социальной ответственности личности // ИСОМ. – 2016. – №5-2. – С. 141-145.
5. Саенко Л.А., Зритнева Е.И. Особенности формирования гражданской идентичности детей и подростков в летнем лагере отдыха // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – Майкоп, 2019. – №2. – С. 153-161.
6. Саенко Л.А., Химич Ж.Г. Условия формирования профессионального патриотизма у обучающейся молодёжи // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 5 (72). – С. 203-205.
7. Саенко Л.А., Затева Т.Г. Педагогический потенциал традиционной культуры казачества в патриотическом воспитании обучающейся молодежи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2017. – № 4 (208). – С. 103-108.
8. Файзериев Л.Р., Виноград Д.В., Калманович В.Л., Хайруллин Р.Р. Патриотическое воспитание молодежи с девиантным поведением // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – Казань, 2018. – № 1. – С. 125-129.

ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ СРЕДСТВАМИ ПРАВОСЛАВНОГО ТЕАТРА

Полтава Николай Сергеевич
(игумен Никита),

студент VI курса специальности 44.05.01 «Педагогика и психология девиантного поведения» по кафедре социально-педагогических технологий и педагогики девиантного поведения Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», Республика Крым, г. Ялта

Ковров Владимир Викентьевич,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социально-педагогических технологий и педагогики девиантного поведения Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», Республика Крым, г. Ялта

Аннотация. В статье рассматривается практическая деятельность православной театральной студии в направлении профилактики девиантного поведения подростков в сочетании традиционных духовно-нравственных и психолого-педагогических научно-прикладных практик.

Ключевые слова: девиантное поведение, православный театр, православная антропология, театро-терапия, доброделание.

Annotation. The article examines the practical activities of the Orthodox theater studio in the direction of the prevention of deviant behavior in adolescents in a combination of traditional spiritual and moral and psychological and pedagogical scientific and applied practices.

Keywords: deviant behavior, Orthodox theater, Orthodox anthropology, theater therapy, virtue.

Постановка проблемы. Актуальность профилактики девиантного поведения подростков является важной составляющей современного общества: не будет здоровых, добропорядочных подростков, – не будет стабильности и будущего у нашего общества. Увеличивающиеся подростковые зависимости, депрессии, суициды заставляют бить тревогу не только педагогику и психологию, но и смежные гуманитарные дисциплины и социальные институты. Растёт необходимость межведомственного взаимодействия в воспитательной работе: государственных структур, Семьи и Церкви.

Девиантное поведение в науке рассматривается как следствие отклонения, нарушения норм психического развития человека. Однако понятие норм и патологии размыто в современной психологии: «Проблема психической нормы каждый раз как бы выскальзывает из рук, незаметно покидая пределы психологии и обнаруживая себя уже в других, не психологических областях – в психопатологии, биологии, статистике, культурологии и т.п. (С.В. Братусь). Психология возвращается в границы своих возможностей и компетенции, когда наука представляет определенную философскую концепцию человека» [1, с.65].

Иеромонах Павел (Черкасов П.А.) говорит о необходимости смежных дисциплин философии и теологии в вопросе раскрытия православной антропологии современной науке, что является исключительным фактором в профилактике девиаций¹.

---

¹ См.: Черкасов Сергей Альбертович (иеромонах Павел) Система установок православной антропологии как ресурс для профилактики девиантного поведения. Статья включена в содержание данного сборника, раздел 1. (от редактора).

Девиантное поведение с точки зрения православного богословия это не только совокупность асоциального поведения, но и сущностное расстройство человеческой природы в первую очередь. По учению Церкви (о. Павел (Черкасов)) конфликтность положения человека обусловлена двумя проблемами: предназначением человека к нравственной чистоте и совершенству – с одной стороны, и удобопреклонностью ко греху – с другой (статья).

Б.С. Братусь интерпретирует слова С.Л. Рубинштейна: «внешние причины действуют, преломляясь через внутренние условия», как взаимообусловленное взаимовлияние биологического и психического в формировании психики при благоприятной социальной среде. И продолжает комментировать слова А.Н. Леонтьева: «внутреннее действует через внешнее само себя изменяя», говорит: «подчеркивая, акцентируя разные моменты постоянного «кольцевого» взаимодействия, взаимосозидания внутреннего и внешнего, бытия и сознания» [1, с.160-163]. То есть, необходимо создать социально-педагогическую среду с нравственными ориентирами, где воспитанник будет приобретать навык доброделания.

Актуальность борьбы за здоровье современного подростка очевидна для всех слоев общества. Технократическая и кибернетическая коммуникативная действительность задает сегодня высокую планку психической устойчивости, требований безопасности пользования интернетом, навыка самоорганизации и нравственного иммунитета: чуткости, эмоциональной отзывчивости, особого, эстетического восприятия мира, ответственности перед окружающим пространством. Необходимо предложить альтернативу современным детям в их увлечениях гаджетами, социальными сетями, виртуальной реальностью – получить творческий опыт: «создать благоприятные временные, пространственные и материальные условия для детского творчества и относиться к нему с уважением, с доброжелательным интересом, чтобы ребенок понимал, что он занят чем-то достойным», – говорит А.А. Мелик-Пашаев [2, с. 140]. По его убеждению, «основы художественного развития основы религиозного сознания очень близки, родственны. Художественное развитие человека начинается с чувства единства с окружающим живым миром» [2, с.140].

Нехватка положительного эмоционального опыта в детстве и юношестве оказывает существенный дисбаланс в формировании и развитии молодого человека. По утверждению этого же автора, эстетическое воспитание (театральная постановка, в частности) в образовательной школе отсутствует, а платные занятия недоступны большинству семей, к тому же большинство родителей не понимают необходимость художественного образования своих детей. «То, что люди в детстве и юношестве творчества лишены – это очень опасная вещь. Ведь человек по природе – существо творческое. <...> если эта потребность задавлена, то могут быть два варианта последствий. Первый – когда, образно выражаясь, асфальтом закатали траву. Она растет, пытается пробиться, иногда проламывает асфальт, но мы не знаем сколько ростков погибло в этой борьбе. Сколько человеческих жизней нивелировано тем, что творчество не родилось. Второй образ – это кипящий чайник с запаянной крышкой. Ребенок родился с определенным потенциалом, он в нем бурлит, ребенок не понимает, что с ним не так, поскольку социально одобряемого выхода творчеству нет – происходит взрыв, происходят немотивированные преступления, возникает саморазрушительное, девиантное поведение» [2, с. 143-144].

Православный театр, как сформированная социальная действительность в рамках воскресной школы при православной общине, является благоприятной воспитательной средой как для подростков-участников постановок, так и для подростков-зрителей, не принадлежащих числу воспитанников воскресной школы. Имеются регламентирующие документы подобной деятельности в Церковном Праве.

Православный театр – понятие относительно новое в практике педагогической деятельности Церкви, используемая как некая инновация с целью адаптации языка Закона Божия к языку современного общества. Сегодня очень востребован тонкий подход к сердцу современного подростка, через привитие Вечных ценностей: добра, любви, уважения к старшим и младшим, культуры речи. Это особенно важно в условиях подачи через культуру искаженных ценностных основ бытия мира и человека, понятий добра и зла, и

исключительной доступности этого суррогата подростку. Несмотря на поток и доступность информационного пространства, современная молодёжь испытывает потребность Правды и Истины из первоисточника. С этой целью на практике может быть задействован дополнительный ресурс в воспитательной работе воскресных школ – театр; в случаях с имеющимися поведенческими отклонениями подростков можно говорить о театро-терапии.

Таким образом, объектом рассмотрения в данной статье являются содержательные аспекты методов и форм воздействия православного театра на поведение подростков в социальной среде, а предметно нами рассматриваются социально-психолого-педагогические инструменты профилактического воздействия православного театра на подростков.

Цель статьи: показать технологичность деятельности православного театра в профилактике девиантного поведения подростков, положительную динамику психоэмоционального состояния и поведения подростков.

Изложение основного материала исследования. Просветительская и образовательная функции Церкви – её жизненные артерии – берут своё начало из Божественной природы Церкви, её основания – Бога. [3]

Структура театра. Православный театр (театральная студия) является факультативным предметом воскресной школы «Партенитский Фавор». Размещается театр в классах воскресной школы, используются материальные ресурсы храма Благовещения посёлка Партенит, административного округа Ялта, Республики Крым.

Театральные постановки внесены в учебный годовой план с возможными корректировками. Важной частью участия в кружке (театральной студии) является посещение предметов воскресной школы Закона Божия, Священного Писания и Житий святых, Богослужения с тем, чтобы воспитанники глубже прикоснулись к богатому наследию православной культуры, открыли для себя понятия Любви, Верности, Жертвенности, Отечества, Родины.

Таким образом, нравственные качества, проговариваемые, получающие наименования добродетелей, подкрепляемые конкретными примерами Священного Писания или Житий святых, создают предпосылки смысложизненным ориентирам подростка, улучшают лексический запас, повышают эмпатию, подготавливают к выполнению важной функции – быть источником добра. Ведь сердце сердцу – весть подаёт. Используя инструменты театрализованного воздействия – слово, эмоцию, жесты, движение, звук, свет, визуальный реквизит можно иметь глубокое влияние на сознание зрителя. То есть театральная постановка – это книга, адресованная конкретному зрителю. Какого качества будет это сообщение – соответствующий отклик будет у зрителя. Артист имеет широкую палитру средств.

Состав театральной студии. Организация и проведение театральных постановок осуществляется под управлением руководителя (духовника) воскресной школы – настоятеля храма. Кроме детей и подростков привлекаются специалисты (либо эти функции выполняют преподаватели воскресной школы): режиссёр, сценарист, декоратор на благотворительной основе или за вознаграждение. В работе также задействуются родители воспитанников театральной студии, оказывая помощь в установке декораций, сборе/разборе сцены, изготовлении костюмов и декораций, проведении репетиций.

Порядок постановки. Выбор сценария – первый шаг на пути появления новой постановки. Со сцены звучит Слово: не только вербально, но и через музыку, декорацию и реквизит, создаётся художественный образ как в изобразительном искусстве или монументальном зодчестве, кинофильме или литературе, который раскрывает зрителю сюжетную линию, красоту Жизни и Добра. Поэтому можно сказать, православный театр это – пророческий голос, который призван вещать Вечные ценности доступным языком.

Важен внутренний мир артиста и тех, кто за кулисами: автора произведения, сценариста, режиссёра, техников по свету, звуку, мастера по костюмам и декорациям. Большое внимание уделяется, так сказать, теоретической части, а именно нравственности.

Поэтому в подготовке театральной постановки большое внимание уделяется работе педагога-психолога с подростками, а также священника. Не каждый сценарий может быть

полезен зрителю-подростку, не каждую роль может исполнить артист-подросток. Происходит выбор кандидата на нужную роль, проводится адаптация текста под возможности конкретного артиста. Сложность выбора возрастает в связи ограниченным числом участников театральной студии.

Выбор сценария и кандидатур на роли происходит коллегиально на педагогическом совете воскресной школы.

Цели и задачи православного театра. Исходя из вышесказанного можно сформулировать идеальную цель: участники постановок будут иметь меньшую подверженность девиациям. Ожидается, что качественно поставленный спектакль будет:

1. Оказывать положительное влияние на всех участников педагогической воспитательной системы «театральная постановка»: артистов, зрителей, родителей, педагогический коллектив. Служить сплочению педагогической системы «Воскресная школа».

2. Создаваемый положительный резонанс в обществе от проводимых постановок будет пробуждать больший интерес у соотечественников к Отечественной культуре, к традиционным нравственным ценностям, снижению криминогенности; сплочению семьи.

3. Среди детей и подростков группы риска будет способствовать снижению подростковых девиаций, криминогенности и подростковой смертности в ближайшем будущем.

4. Среди подростков повышению культуры общения со сверстниками, родителями и старшими.

5. Способствовать улучшению культуры речи (возвышенный стиль вместо слов паразитов, сленга, матерной брани).

Вышеперечисленные пункты неизбежно повлияют на снижение статистики по депрессивным и суицидальным склонностям, употреблению ПАВ, сексуальным отклонениям и иным девиациям подростков и молодёжи.

Формы и методы работы. Формы работы очная – для репетиций, заочная – для освоения сценария, от одного до нескольких раз в неделю, в зависимости от сложности постановки и сроков проведения. Интервал показа постановок примерно раз в два месяца.

Методы работы групповые и индивидуальные (при необходимости), проводятся тренинги, мастер-классы по театральному мастерству, изучению основ декламации, основ владения собой, сценой и аудиторией.

Составляется программа исследования работы православного театра по профилактике девиантного поведения подростков. Исследуется эмоциональный фон подростков, их заинтересованность в проводимых постановках, поведение (эмпатийность, отсутствие вредных привычек, чистота речи, мнение родителей и учителей ОШ), взаимоотношение с коллегами, родителями, педагогами.

В исследовании используются методы наблюдения, беседы, интервьюирования, тестирования, анкетирования.

Предварительные теоретические и практические выводы обобщаются. Необходимо получить аргументированные итоги исследования.

Выводы.

1. Формы и методы работы православного театра по профилактике девиантного поведения опираются на научный тезис теологии: о двойственном противоречии нравственной природы человека: стремление к совершенству и склонность ко греху.

2. Знание православной антропологии позволит более эффективно использовать средства психологической коррекции в воспитательной работе при подготовке и проведении театральных постановок.

3. Результативность православного театра по профилактике девиантного поведения подростков может быть повышена при условии регулярности и постоянства упражнения в добродетели и нравственном самонастроении подростка (необходимо корректное содействие родителей).

4. Тем не менее, заложенные основы нравственных приоритетов в сознании подростка непременно будут иметь положительное проявление в разнообразных жизненных ситуациях, принимая во внимание метафизические законы Райской педагогики, по выражению игумена Киприана (Ященко) [4, с. 12] (что, однако остаётся вне сферы светской науки): «я насадил, Аполлос поливал, но взрастил Бог» (1 Послание Коринфянам 3:6).

5. Социально-педагогическую систему «Православный театр», представляющую сочетание традиционной духовно-нравственной православной системы воспитания и классической психолого-педагогической практики, не вступающими во взаимное противоречие, следует рассматривать как эффективную социальную технологию по профилактике девиантного поведения подростков средствами православного театра.

Литература

1. Братусь Б.С. Аномалии личности. Психологический подход. – М.: Никея, 2019 – Изд. 2-е, перераб. и доп. – 912 с.
2. Православное образование. [4/14 2015]. Почему мы теряем подростков? Православный взгляд на воспитание и образование. Без возрастных ограничений. – с. 184.
3. Православный Катехизис. Митр. Филарет (Дроздов).
4. Воспитание добродетелей. Игумен Киприан (Ященко). Лекции и интервью. – с.368. Издательство: Покров. – 2014.

УДК: 159.923.2; 159.99; 376.58

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОДРОСТКОВ ГРУППЫ РИСКА

Пряжникова Елена Юрьевна,
доктор психологических наук, профессор
Департамента психологии и развития человеческого капитала,
научный руководитель лаборатории
профессиональной ориентации «Таланты Будущего»
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации»,
г. Москва

Аннотация. В статье наглядно представлены результаты эмпирического исследования особенностей социально-профессионального определения подростков группы риска. Автор акцентирует внимание на увеличение работы в сфере развития социальных представлений и умений подростков, обучению навыков анализа социально-экономической ситуации в стране для дальнейшего моделирования своего профессионального будущего.

Ключевые слова: подростки группы риска, профессия, социальное развитие, перспектива развития.

Annotation. The article clearly presents the results of an empirical study of the characteristics of social-professional identification of adolescents at risk. The author focuses on increasing work in the development of social perceptions and skills of adolescents, learning skills to analyze the socio-economic situation in the country to further simulate their professional future.

Keywords: adolescents, profession, social development, development perspective.

Постановка проблемы. Проблема работы с подростками группы риска – комплексная и многогранная. Особое место в ней занимают аспекты социально-профессионального определения подростков группы риска. Для многих специалистов, работающими с данными

подростками остается открытым вопрос о реальных вариантах построения модели практической помощи ребятам в нахождении своего профессионального пути.

Целью статьи является знакомство читателей с проблемами социально-профессионального определения подростков группы риска, с результатами эмпирического исследования, а также вариантами построения психолого-педагогического взаимодействия в решении вопросов, связанных с построением индивидуальной профессиональной траектории подростков группы риска.

Изложение основного материала исследования. Социально-профессиональное определение в жизни каждого человека является важным и насущным фактором поскольку оно остро стоит не только перед тем, кто только начинает свой профессиональный путь, оно также является значимым для человека потерявшего работу в связи с изменившейся экономической ситуацией, перед взрослым человеком изменившим в силу различных обстоятельств свои цели или планы и т.д. Для подростков же проблема социально-профессионального определения является наиболее актуальной и от принятого решения во многом зависит их будущий статус, дальнейшие профессиональные и жизненные планы.

Уже на этапе обучения в 8-9 классе перед многими подростками встают вопросы: «Что я буду делать после окончания школы? Кем бы я хотел и смог бы быть? Смогу ли с той или иной выбранной профессией занять достойное в современном обществе место? И ответы на эти вопросы подросткам приходится в том числе искать самостоятельно, а не полагаться на советы и рекомендации родителей, педагогов, психологов, профориентологов и различных карьерных менеджеров. В случае, когда социально-экономическая ситуация в обществе спокойная и успешная то и на рынке труда у молодых людей будет возможность для разнообразного выбора профессиональных учебных заведений, и проблемы социально-профессионального определения будут решены благополучно и легко, с нахождением привлекательных для себя вариантов учебы и мест будущей работы.

Но к большому сожалению, сегодня мы сталкиваемся с ситуацией ярко выраженного кризисного состояния общества, когда профессиональное определение молодыми людьми решаются гораздо сложнее. И наибольшие трудности, сложности испытывают подростки группы риска, ребята из неблагополучных семей, состоящие на учете в органах правопорядка, занимающие и проявляющие агрессивную позицию в социальных отношениях с окружающими их людьми. С точки зрения общества, данные подростки просто не вписываются в систему социальных отношений и, потому особо нуждаются в психолого-педагогической помощи и поддержке.

Особое внимание в работе с подростками группы риска необходимо отводить построению их индивидуальной профессиональной перспективы и формировать модель психолого-педагогического взаимодействия с данной категорией ребят, моделировать и прорабатывать ситуации, осложняющие процесс социализации таких подростков. Ребята группы риска остро реагируют и порой лучше, чем ребята из полных и обеспеченных семей разбираются в социально-экономической ситуации в стране, при этом остро переживая эту ситуацию и совершая необъяснимые поступки, тем самым проявляя свою негативную реакцию на происходящие вокруг события.

Осенью, в ноябре 2019 года в г. Москве на базе МИСиС проходил межвузовский научно-практический круглый стол на тему: «Дистанционные программы для профориентации подростков». Многие эксперты говорили, что на сегодняшний день в работе с подростками важное место занимает процесс формирования представлений о социально-экономической ситуации в стране, поскольку, научив подростка рассуждать, анализировать более глобально о том, что происходит в обществе, можно говорить о формировании полноценного гражданина и патриота. Многие социальные педагоги, принимавшие участие в данном круглом столе отмечали, что реальное понимание подростком ситуации в стране и в его ближайшем окружении, также дает возможность им не только понять, но и задуматься над своим будущим местом в современном обществе, в конкретном регионе. С точки зрения специалистов-экспертов по профориентации, именно конкретная ориентация на социальное

определение во многом расширяет возможности для формирования позитивного отношения у подростков к своему профессиональному будущему.

Подросток группы риска часто рассматривается как субъект социально-профессионального определения, с одной стороны, и как объект психолого-педагогического воздействия, которое направлено на активизацию процесса профессионального определения, на формирование у подростка готовности к самостоятельному выбору, к пониманию своих желаний и возможностей. И здесь мы сталкиваемся с проблемой соотношения социального и профессионального определения, которые в немалой степени совпадают. Что же важнее для подростка группы риска: социальное или профессиональное? Наиболее благоприятная среда для таковых подростков – это улица, это свой микросоциум, в котором нет места родителям, педагогам и прочим «нравовучителям», как выражаются подростки. И чем «острее и жестче» ситуация межлюдских взаимоотношений, тем «азартнее и веселее жить» (дословное определение одного из подростков). Скорее всего так ребята группы риска рассуждают не случайно, ведь качество своей социальной жизни они часто оценивают по двум критериям: «плохо» или «очень плохо».

На рисунке 1. отражены результаты опроса ребят из группы риска, которые стали участниками психологического исследования, проведенного студентами психологами московского вуза. В нашем исследовании участвовали 45 подростков из них 17 девочек и 28 мальчишек. Как мы видим на диаграмме по результатам опроса 53% обозначили свою сегодняшнюю социальную ситуацию как плохую и очень плохую, т.е. они считают, что они находятся за «бортом» интересов общества, что у них нет перспектив стать уважаемыми людьми и их будущее никого не беспокоит.

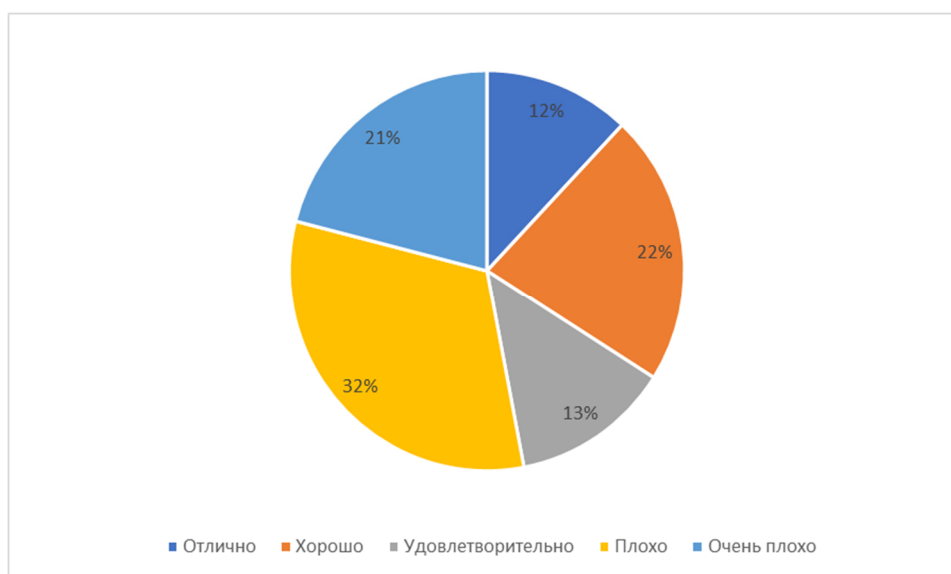

Рис. 1. Результаты опроса подростков о качестве их социальной жизни

Исходя из полученных данных, мы понимаем, что подростки группы риска чаще всего находятся с социумом в противоречии. И для этого есть основание, так как их увлечение алкоголем, наркотиками, хулиганством, безделием не может вызывать одобрения со стороны окружающих их людей. Но и изменить свою социальную ситуацию они не хотят, поскольку чаще всего чувствуют себя в «плохой» и «очень плохой» жизни комфортно, а для того чтобы прийти к улучшению социальной ситуации необходимо много трудиться, прикладывать определенные умения, получать новые знания, осваивать новые технологии и т.п. И как следствие этой пассивной позиции это вливание в криминальные структуры, это ущербный профессиональный выбор.

Но большинство опрошенных ребят, утверждали, что мечтают в будущем иметь престижную и модную профессию, а некоторые с охотой говорили о своей профессиональной

мечте «иметь свой бизнес», что дает нам основания утверждать именно при организованной психолого-педагогической работе можно говорить о равноценности профессионального и социального определения для этих ребят.

Далее в ходе нашего исследования, подросткам группы риска был задан вопрос о возможности воспользоваться профессиональной помощью специалистов-профориентологов при выборе своей будущей профессии (рис. 2). Ребятам предстояло ответить на следующие вопросы: будут ли они самостоятельно решать вопросы, связанные с выбором профессии или обратятся за помощью к специалистам и нужна ли им помощь в целом?

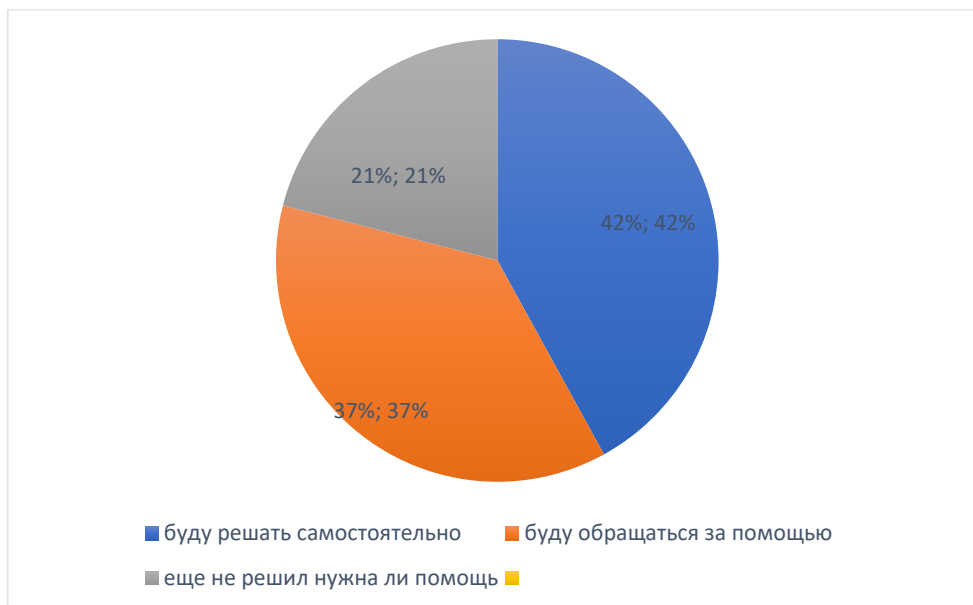

Рис.2. Результаты ответов на вопрос о необходимости получить помощь в профессиональном определении

Как мы видим, вполне ожидаемые результаты были получены, но нас порадовало и вполне обнадеживает, что 37% ребят хотели бы серьезно пообщаться со специалистами и более подробно узнать информацию о мире современных профессий, о необходимых компетенциях, которые предстоит продемонстрировать в той или иной профессии и специальности, о вариантах получения профессионального образования, о перспективах своего трудоустройства.

Будучи субъектом социально-профессионального определения подростки должны понимать, а задачи специалистов, работающих с ними донести до их сознания, что на их жизненные и профессиональные планы влияют многие обстоятельства и факторы, в частности:

- **конкретные люди:** ровесники, родители, педагоги, значимые и авторитетные для них личности;

- сам профессиональный выбор не может в одночасье разрешиться и для этого необходим важный фактор – **время**. Время для изучения своих способностей и возможностей; время для изучения карты и описания профессий, время для подбора конкретного учебного заведения;

- умение кропотливого выстраивания **альтернативных вариантов** процесса получения профессии, а помещать данному умению может противоречивый характер и несдержанность самого подростка.

Следует также учитывать, что эффективность психолого-педагогической работы по активизации социально-профессионального определения подростков группы риска будет зависеть насколько специалисты, работающие с данными подростками понимают и оценивают особенности и характеристики социальной ситуации их развития.

В частности, сегодня окружающий социальный мир стремится отгородиться от неугодных подростков, постоянно проводя сравнительную линию с успешными, удачливыми, послушными и талантливими ребятами. Современное общество живет по своим правилам и законам, которые порой не понятны, не приемлемы, или вообще не интересны данным подросткам. В итоге это приводит к резкому отчуждению от школы, семьи, сверстников, усиливает чувство не востребованности и ненужности, что в свою очередь увеличивает реакции протестного поведения и приводит к девиантным проявлениям.

Наиболее значимой для подростков группы риска становится так называемая «уникальная среда, живущая по особым законам и правилам». И как правило это антисоциальная среда, с весьма сомнительной репутацией, с примитивными, а порой низменными интересами и потребностями. В данную среду подростки порой попадают не случайно, так как их родная семья чаще всего является неблагополучной или даже криминальной. Атмосфера их жизнедеятельности проходит на фоне сложных конфликтных отношений родителей и их окружения, постоянные унижения и оскорбления становятся нормой их социальной жизни, а опыта обитания в более благополучной среде у них практически нет. Таким образом подростки переносят сленг, манеры и стиль поведения своей семьи в ту социальную группу, с которой чаще проводят время и где эти манеры и стиль поведения принимаются легко и вполне естественно.

Довольно часто, подросток настолько привыкает к своей антисоциальной группе, что принимает ту роль, которую данная группа ему отводит и это может быть не вполне лицеприятная роль: роль униженного, или отверженного, роль эксплуатируемого и т.п. роли. Данная группа укрепляет в его сознания, что он должен «гордиться» своей принадлежностью к группе, поскольку основной окружающий мир и социум в целом ему никогда не пойдут навстречу и будет всегда его унижать, критиковать и перевоспитывать, а это с точки зрения подростка самое страшное и недопустимое социальное действие, оскорбляющее его «человеческое достоинство».

Задача специалистов, работающих с подростками групп риска заключается в важности формирования у подростка социального практического оптимизма, необходимо донести до сознания молодого человека важную мысль о уважении общества к тем, кто приносит пользу своей работой, что уважения достоин любой профессионал, который выполняет общественно-значимую и полезную работу для других и общества в целом. Именно таких людей в мире труда поддерживают, помогают в построении личностной и профессиональной карьеры, и помощь эта не всегда платная. Здесь очень важно не просто рассказывать ребятам о таковой помощи и поддержке со стороны производственных организаций и государства, а на конкретных примерах демонстрировать позитивные варианты построения своего социально-профессионального пути.

Следует также учитывать тот факт, что многие подростки группы риска в своей жизни испытывали различные формы насилия: физическое, сексуальное, эмоциональное, информационное и ярко выраженное пренебрежение к ним как к личности. Данные формы насилия вызывают негативные реакции и тяжелые последствия, проявляющиеся в поведении, самоощущении и самооценке подростка.

Безусловно, что психолого-педагогическая работа с подростками группы риска является сложной, многогранной, комплексной и не ограничивается одноразовыми профориентационными мероприятиями. Главный акцент в работе с ребятами нужно делать на помощи в их социально-профессиональном определении. Наиболее актуальным и понятным для них является построение своего личного перспективного профессионального плана, за основу можно взять известную методику доктора психологических наук, профессора Климова Е.А. – схема ЛПП. Она достаточно хорошо известна и популярна у практических психологов, профориентологов и социальных педагогов и является хорошей основой для планирования дальнейшей профориентационной работы с подростками. К группе основных блоков, на основе которых осуществляется помощь в социально-профессиональном определении подростков, выступают:

- информационно-справочный блок
- диагностический блок
- блок морально-эмоциональной помощи и поддержки
- блок профессионального выбора и подготовки к поступлению в учебное профессиональное заведение.

Следует также отметить, что не всегда подростки группы риска активно и легко включаются в занятия по программе профориентации и наше исследование показало, что 21% твердо стоят и четко придерживаются своей позиции «самостоятельного принятия решения» своей социально-профессиональной ситуации, связанной с будущей профессиональной деятельностью (см. рис. 2.).

Одним из перспективных вариантов психолого-педагогической помощи подросткам группы риска в вопросах социально-профессионального определения может стать подготовка школьных-педагогов и психологов по программе «Социальная ситуация развития подростков группы риска». В рамках данной программы могут решаться следующие практические задачи:

- анализ проблемы социально-профессионального определения подростков;
- построение разнвариантных моделей социально-профессионального определения;
- разработка практических методик в соответствии с компонентами ЛПП;
- разработка программ психолого-педагогического воздействия;
- повышение квалификации сотрудников учреждений образования по использованию методов работы с подростками группы риска:
- практическая реализация инновационных программ работы с подростками группы риска.

Выводы. На основании полученных результатов можно выделить следующие характерные особенности социально-профессионального определения подростков группы риска:

желание брать ответственность за решение своего социально-профессионального будущего на себя; недоверие профессионалам, занимающимся профориентационной проблематикой; подверженность влиянию своей малой группы, даже в ситуации унижения собственного достоинства; заниженная оценка реальной современной социальной действительности; слабая ориентация в вопросах построения своей профессиональной перспективы; непонимание и неумение выстраивать диалог со специалистами-профориентологами.

Реальная и действенная помощь в социально-профессиональном определении данной категории подростков возможна при объединении усилий школьных педагогов, психологов с правоохранительными органами, со специалистами Центров занятости населения, которые на сегодняшний день переживают период коренной модернизации под новым лейблом «Работа России». Организация специальных тренинговых занятий для данных подростков поможет не только снизить процент недоверия данных ребят к социуму, но и продемонстрирует им заинтересованность в построении позитивного профессионального будущего.

Эффективность социально-профессионального определения подростков группы риска будет во многом зависеть от высокой квалификации и мотивации специалистов, работающих с данной категорией: отход от стереотипов в сознании общества, что группа риска – это «отработанный материал для общества» поможет этим ребятам обрести не только надежду, но и стать высококлассными специалистами в различных отраслях современной цифровой экономики.

Литература

1. Арон И.С., Пряжникова Е.Ю. Субъектность профессионального самоопределения: психологические детерминанты развития. // Вестник Российского нового университета. – 2018. – № 4. – С. 30.

2. Белоусов М.В., Пряжникова Е.Ю. Психологическое развитие личности в условиях ненормативного кризиса занятости. – Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2019. – № 2 (47). – С. 6-18.

3. Гаспарян А.Ш., Торохова Е.А. Информационный стресс, как фактор девиации людей. // Актуальные проблемы социальной и экономической психологии: методология, теория, практика. Сборник научных статей. / Под ред. Е.В. Камневой и М.М. Симоновой. – Москва, 2020. – С. 58-69.

4. Пряжникова Е.Ю. Исследование особенностей профессионального самоопределения аддиктивных подростков с химической зависимостью. В сборнике: Профилактика девиантного поведения детей и молодёжи: региональные модели и технологии. Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, 8-10 октября 2019 года. / Под редакцией Коврова В.В. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – 498.с. – С. 332-339.

5. Ситникова К.И., Водякова А.И. Особенности девиантного поведения в студенческой среде. // Актуальные проблемы социальной и экономической психологии: методология, теория, практика. Сборник научных статей. Под ред. Е.В. Камневой и М.М. Симоновой. – Москва, 2020. – С. 70-83.

УДК 159.9.316.6

ДИАГНОСТИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЕЖИ – ОДИН ИЗ ПУТЕЙ ВЫЯВЛЕНИЯ ГРУПП РИСКА

Регуш Людмила Александровна,
доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры психологии развития и образования
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье обобщены результаты создания профилактических программ на основе выявления групп риска. В первом случае при диагностике психологических проблем. Работа осуществлена группой сотрудников кафедры психологии развития и образования под руководством Л.А. Регуш. Во втором – при диагностике актуальных проблем развития в кризисных условиях 90-х. Программы профилактики направлены на снятие напряжения как в определенных областях жизни подростков, так и для коррекции проблем возрастного развития. Конкретные программы, результаты диагностики и профилактики представлены в списке литературы.

Ключевые слова: диагностика, психологические проблемы, подростки, профилактика, группы риска.

Abstract. The article summarizes the results of creating preventive programs based on the identification adolescents at risk. In the first case, when diagnosing psychological problems. The work was carried out by employees of the Department of Psychology of Development and Education under the direction of L.A. Regush. Secondly, when diagnosing current development problems in crisis conditions of the 90s. Prevention programs are aimed at relieving tension in certain areas of adolescent life and correcting age-related development problems. Specific programs, results of diagnostics and prevention are presented in the relevant reference literature list.

Keywords: diagnostic, psychological problems, adolescents at risk, prevention.

Постановка проблемы. Поиск профилактических мер с целью предупреждения девиантного поведения подростков и молодежи остается актуальной проблемой многие десятилетия. Причины не только в том, что не все профилактики дают положительный результат, но и в том, что меняющиеся социально-экономические условия способствуют

появлению новых форм и видов девиантного поведения, а также приводят к безрезультативности уже разработанных и использованных мер. Предлагаемый нами подход к профилактике девиантного поведения строится в контексте психологии прогнозирования. Одним из этапов в этом случае является диагностика психологических проблем, направленная на выявление групп риска, с последующим прогнозом и организацией профилактики.

Цель статьи – раскрыть возможности диагностического подхода к профилактике девиантного поведения подростков через выявление групп риска.

Изложение основного материала

1. Профилактика в контексте психологии прогнозирования.

Профилактика – опережающие действия, направленные на предупреждение событий, основанные на их прогнозировании. При таком понимании профилактическим действиям должны предшествовать определенные процедуры: диагностика, прогнозирование, результатом которых и могут быть профилактические действия. Без этих процедур любая профилактика является необоснованной. Из всех видов, форм и уровней прогнозирования мы говорим в данном случае о прогнозировании на речемыслительном уровне, которое определяется как прогностическая деятельность. Как доказано в исследовании Л.А. Ретуш [6], эта деятельность включает в себя задачи: на установление причинно-следственных связей, выдвижение и проверку гипотез, целевое планирование, перспективное моделирование. Ее основанием, как известно, выступают: цикличность, повторяемость, закономерности, обобщение эмпирических наблюдений и т.п. Диагностические мероприятия и служат для того, чтобы создать основания для прогнозирования и последующей профилактики. При этом встает вопрос о предмете диагностики. Из всех компонентов структуры личности для диагностики важны те, которые фиксируют глубинные личные переживания, поскольку именно они во многом определяют мотивационные выборы и поведение в целом. Для уточнения предмета диагностики мы выделили некоторые признаки, характеризующие понятие «психологические проблемы подростков», к ним относятся:

- наличие в жизненной ситуации подростка противоречия, которое им осознается;
- эмоциональное переживание этого противоречия, как фактора мешающего, усложняющего жизнь;
- желание (или потребность) разрешить это противоречие с тем, чтобы жизнь вошла в обычное, более благоприятное русло [5, с. 8].

Ключевым словом в этом определении является понятие «переживание». Переживание как эмоциональное состояние вбирает в себя такие стороны эмоций, как рефлексивность, значимость, энергетическая наполненность. Переживания «во-первых, манифестируют человеку о важном для него и о том, что необходимо что-то изменить и трансформировать саму значимость; во-вторых, в процессе переживания человек обращается снова и снова к ценному для себя, к тому, что имеет первостепенное значение для его жизни» [10, с. 119]. Диагностика психологических проблем подростка позволяет выявить те области жизни, в которых есть значимые переживания, а также установить степень их выраженности. Уже на этом этапе появляется возможность определить те направления жизни, которые вызывают противоречия, эмоциональное неблагополучие и нуждаются в коррекции или профилактике.

2. Использование диагностически-прогностического подхода в выявлении групп риска и проведении профилактических мероприятий.

Диагностика психологических проблем подростков 12-16 лет осуществлялась при помощи методики, разработанной и стандартизированной И. Кренке [11], а затем адаптированной нами для российской выборки. Исследования проведены в 1993, 1996, 2001, 2006, 2012, 2020 годах. Полученные результаты изложены в монографии [4]. Даты проведения диагностических процедур приходились на различные периоды социально-экономического состояния России. Это обстоятельство помогало выявить доминирующие психологические проблемы в условиях социально-экономического кризиса, подъема, стабилизации в целом по выборке подростков. Но главное – установить в каждой возрастной группе тех подростков, которых характеризует высокий уровень проблемной озабоченности в той или иной области

жизни. Эти подростки и составляют группу риска. Это могли быть конкретные проблемы в родительской семье, в школе, во взаимоотношениях со сверстниками, в самоотношении, в отношении к будущему.

Ориентируясь на эти результаты, мы предполагали, что разработанная программа тренинга или коррекции даст положительный результат и снимает высокий уровень проблемной озабоченности. Так, в 90-е годы самый высокий уровень проблемной озабоченности во всех возрастных группах подростков был связан с отношением к будущему. Поэтому были разработаны и реализованы программы, направленные на обучение целеполаганию и планированию (О.Е. Байтингер).

В эти же годы высокий уровень проблемной озабоченности фиксировался во взаимоотношениях с родителями. Мы предполагали, что снятию напряжения в этой области жизни поможет реализация программы «Диалог в разрешении социально-психологических проблем подростков» (Е.Н. Чеснокова, Ю.С. Пежемская). Высокий уровень проблемной озабоченности во взаимоотношениях со сверстниками предупреждала программа «Тренинги развития с подростками: Творчество. Общение. Самопознание» (А.Г. Грецов); для профилактики проблем, связанных с отношением к себе была разработана и реализована программа «Осознание противоречий в самоотношении как путь разрешения проблем в подростковом возрасте» (Е.Н. Андреева /Ундуск/) и др. Кроме коррекционно-профилактических мероприятий, призванных для работы с проблемами в той или иной жизненной области, были созданы программы, направленные на профилактику проблем и трудностей возрастного развития: «Технология развития ответственности у детей и подростков группы риска» Е.В. Алексеева [1]; «Развивающий диалог как технология разрешения социально-психологических проблем детей групп социального риска» Ю.С. Пежемская [3].

Методики диагностики психологических проблем подростков, созданные в 70-е годы и использовавшиеся вплоть до 2006 года, перестали отражать объективную картину трудностей и противоречий в жизни подростков. Поскольку проблемные переживания, как было доказано во всех предшествующих исследованиях, имеют социально-экономическую обусловленность. А эти условия существенно изменились, следовательно, можно было ожидать изменений в переживаемых подростками и молодежью психологических проблемах. Поэтому в 2012, 2103 годах для диагностики психологических проблем подростков и молодежи нами созданы и стандартизированы методики [7, 8]. Основанием для создания содержания методики явился эмпирический материал, собранный в ходе бесед – интервью с подростками и молодежью, в которых они перечисляли свои психологические проблемы. Возраст подростков при стандартизации методики 12-16 лет, молодежи 19-25 лет.

3. Пример профилактической работы с подростками группы риска, основанной на прогностическом подходе.

В 90-е годы диагностический подход был успешно реализован в Психологическом центре Адмиралтейского района Санкт-Петербурга под руководством Лихтарникова А.Л. [2]. На диагностическом этапе проводилось массовое обследование всех подростков школы. Комплект методик включал изучение тех сторон личности, которые подверглись сильнейшему воздействию кризисных социально-экономических условий 90-х годов (изучались ценности, самооценка, жалобы подростка, позиция родителей и др.). По результатам диагностики выявлялись группы риска и определялись направления. Прогноз состоял в предположении о том, что разработанные для той или иной группы риска программы окажут свое профилактическое воздействие. Так был разработан пакет корректирующих профилактических программ, который реализовывался в центре Е.Д. Проскуракова, А.Я. Скворцова Гармоничная семья. Обучающий цикл для родителей и детей; А.Л. Лихтарников, Ю.С. Павлова, Н.В. Смирнова Искусство человеческих взаимоотношений; И.Я. Витлина, И.А. Клюкина, О.В. Фролова «Путь воина». Телесно-ориентированные занятия для подростков и др. Последующая работа включала повторную диагностику и оценку правильности прогноза и действенности разработанной программы.

Заключение. Рассмотренные в статье примеры проведения диагностики с целью выявления групп риска при фиксации высокого уровня проблемной озабоченности в той или иной области жизни явились основанием для предположения (прогноза) о тех корректирующих программах, которые могут дать профилактический эффект. Разработанные и опубликованные программы реализованы в различном формате и некоторые из них получили оценку в ходе проведенных исследований.

Литература

1. Алексеева Е.В. Технологии развития ответственности у детей групп риска // Технологии разрешения социально-психологических проблем развития детей групп риска. Учебно-методический комплекс. Под ред. Л.А. Регуш. Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. СПб. 2008. – 210 с.
2. Лихтарников А.Л. Диагностика и психотерапия детей групп риска // Программы работы с детьми и подростками. – Санкт-Петербургское отделение международного фонда «Открытое общество», 1998.
3. Пежемская Ю.С. Опыт социально-психологической реабилитации подростков групп социального риска. // Психология современного подростка / Под ред. Л.А. Регуш – СПб.: Речь, 2005. – 400 с.
4. Психологические проблемы российских подростков (1993-2013 г.г.) // Под ред. Л.А. Регуш. – СПб.: Изд-во Элви-Принт, 2017. – 297 с.
5. Регуш Л.А. Проблемы подростков Санкт-Петербурга, 90-е годы // Наш проблемный подросток. – СПб. – 1999. – 142с.
6. Регуш Л.А. Психология прогнозирования. – СПб.: Речь. – 2003. – 249с.
7. Регуш Л.А., Алексеева Е.В., Орлова А.В., Пежемская Ю.С. Психологические проблемы подростков: стандартизированная методика». – Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб. – 2012. – 34 с.
8. Регуш Л.А., Алексеева Е.В., Орлова А.В., Пежемская Ю.С. Психологические проблемы молодежи: стандартизированная методика». – Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб. – 2013.
9. Технологии разрешения социально-психологических проблем развития детей групп риска. Учебно – методический комплекс. Под ред. Л.А. Регуш. – Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб. 2008. – 210 с.
10. Шаров А.С. Жизненные кризисы в развитии личности. – Омск, Изд-во: Ом ГТУ – 2005. – 119 с.
11. Seiffge-Krenke I. Problembewältigung im Jugendalter. Habilschrift des Fachbereiches 06 Psychologie der Universität Giessen. 1984.

УДК 376.1

СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Саенко Людмила Александровна,
доктор социологических наук, доцент
профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин
АНО ВО «Северо-Кавказский социальный институт»,
г. Ставрополь

Аннотация. В статье представлено методическое описание системы работы в общеобразовательной школе по профилактике аддиктивного поведения подростков. Рассмотрены виды профилактической работы – первичная, вторичная, третичная, а также

содержательное наполнение каждого вида. Определены этапы профилактической работы – диагностический, информационно-просветительский, развивающе-коррекционный.

Ключевые слова: аддикция, аддиктивное поведение, девиантное поведение, подросток, система профилактики, профилактическая работа в школе.

Annotation. The article presents a methodological description of the system of work in a comprehensive school for the prevention of addictive behavior of adolescents. The types of preventive work are considered - primary, secondary, tertiary, as well as the content of each type. The stages of preventive work are determined - diagnostic, outreach, developmental and corrective.

Keywords: addiction, addictive behavior, deviant behavior, teenager, prevention system, preventive work at school.

Постановка проблемы. Профилактика аддиктивного поведения имеет особую значимость в подростковом возрасте. Во-первых, это трудный кризисный этап развития, отображающий личные явления процесса становления, а также кризисные явления окружения. Во-вторых, в подростковом возрасте вырабатываются крайне важные качества личности, обращение к которым может стать одной из основных составляющих профилактики аддиктивного поведения. К таким качествам можно отнести склонность к самосознанию и самовоспитанию, внимание к себе и своим возможностям развития, способность к самонаблюдению. Значимыми особенностями данного периода являются формирование рефлексии и развитие нравственных принципов. Подростки приобретают новые социальные роли и начинают осознавать себя частью общества; стараются самоопределиться. В связи с чем, актуальным является выявление сущности и особенностей профилактики аддиктивного поведения подростков в современных условиях образования.

Цель статьи – рассмотреть этапы и их содержательное наполнение профилактики аддиктивного поведения подростков в общеобразовательном учреждении.

Изложение основного материала исследования. Профилактика аддиктивного поведения – это комплекс медико-психологических, социальных и образовательных мероприятий, сконцентрированных на выявлении и ликвидации причин и условий, содействующих аддиктивному поведению, а также предотвращение формирования и устранение негативных личностных, медицинских и социальных последствий данного поведения [1]. Отталкиваясь от определения, можно обозначить наличие трех важнейших целей превенции, на основании которых выделяют три уровня профилактики аддиктивного поведения.

Первичная профилактика (универсальная интервенция) – это комплекс образовательных, социальных и медико-психологических мероприятий, предупреждающих приобщение к употреблению ПАВ и поведенческие аддикции. Целью первичной профилактики является создание негативных установок к аддиктивному поведению через мотивацию к здоровому образу жизни [4].

В систему *первичной профилактики* могут быть включены следующие технологии педагогической, психологической и медико-биологической направленности:

- *социально-педагогические технологии*, которые реализуются с помощью следующих средств: информационно-просветительских кампаний с привлечением СМИ; комплекса образовательных технологий; методов формирования альтернативных форм поведения, но принятых в данной культурной и общественной среде; включенность подростка в социально-поддерживающую систему (молодежные клубы, общественные организации, социальные службы и т.д.); участие в акциях, флешмобах, выступающих против различных видов зависимости; включение подростков в волонтерскую деятельность; развитие системы ювенальной юстиции;

- *психолого-педагогические технологии*, направленные на преодоление личностных кризисов и психологического стресса у подростков: развитие и укрепление ресурсов личности; формирование коммуникативного опыта, личностной компетентности подростков, социальной адаптированности; формирование новых моделей поведения;

- *медико-биологические технологии*, направленные на установление биологических макетов поведения, снижение физиологических рисков, медицинскую коррекцию последствий.

Вторичная профилактика (селективная интервенция) – комплекс социальных, образовательных и медико-психологических мероприятий, направленных на раннее выявление, прекращение или положительное изменение течения процесса, болезни или проблемы. Целью данной профилактики является предотвращение перехода от эпизодического увлечения чем-либо к систематическому.

Вторичная профилактика содержит в себе следующие технологии:

- *социально-педагогические технологии*, включающие: формирование мотивации подростков на отказ от аддикции; формирование потребности в изменении своего поведения; поддержание стратегии поиска социальной поддержки (как в онлайн, так и в офлайн группах);

- *психолого-педагогические технологии*, направленные на преодоление психологических и социальных барьеров, развитие личности, осознание развивающейся собственной зависимости от негативных факторов (курение, алкоголь, игромания и т.д.) как личностной проблемы, формирование стратегий преодолевающего поведения (принятие помощи, поддержки, поиск путей преодоления проблемы, модифицирование стратегий избегания и др.), развитие личностных ресурсов подростков в преодолении зависимости (развитие коммуникативных навыков, формирование ценностных ориентаций, формирование личностной ответственности (за свою жизнь и поведение)), формирование у подростков способности к принятию социальной поддержки, формирование стойкости к негативному давлению социума;

- *медико-биологические технологии*, направлены на нормализацию психофизиологического развития подростка, психического равновесия.

Третичная профилактика (модификационная интервенция) – комплекс медико-психологических, социальных и образовательных мероприятий, направленных на предупреждение рецидивов заболевания, т.е. реабилитация. Целью третичной профилактики является восстановление социального и личностного статуса подростка, страдающего какой-либо зависимостью (возвращение его в общеобразовательную школу, восстановление увлечениями (дополнительное образование), занятие общественно-полезной деятельностью).

При реализации вторичной и третичной профилактики следует использовать тренинговые методы, такие как: мотивационный тренинг, тренинг по профилактике рецидивов, коммуникативный тренинг, тренинг по развитию эмпатии, тренинги когнитивного развития личности, а также индивидуальную и групповую работу с подростками, направленную на развитие личности [2].

Взаимосвязь первичной, вторичной и третичной профилактики можно показать с помощью следующей схемы (рис.1).

Рисунок 1. Взаимосвязь первичной, вторичной и третичной профилактики

Подросток, направленный на ведение здорового образа жизни, регулярно проходящий качественную первичную профилактику, не нуждается в других видах профилактики, так как не изменяет своего поведения в худшую сторону. Однако если в системе первичной

профилактики была допущена ошибка, или не были учтены личные качества подростка, а также внешние факторы, у обучающегося появляется аддиктивное поведение. Для того чтобы вернуть подростка к нормальному образу жизни требуется вторичная и третичная профилактика, после прохождения которых он вновь возвращается к здоровому образу жизни.

Профилактическая деятельность, в соответствии с Концепцией профилактики злоупотребления психоактивными веществами в образовательной среде, включает в себя следующие основные принципы:

1) дифференцированность – распределение целей и планируемых результатов профилактики с учетом возраста и уровня аддикции несовершеннолетних;

2) комплексность – согласованное межведомственное взаимодействие всех субъектов профилактики;

3) аксиологичность – воспитание у подростков ценностей здорового образа жизни, уважения к человеку, законопослушности, патриотизма и т.д.

4) многоаспектность:

- социальный аспект – воспитание нравственных ценностей, обучение навыкам здорового образа жизни, помощь в социальной адаптации подростка к условиям окружающего социума.

- психологический аспект – выработка психосоциальных навыков (принятия решений, разрешение конфликтных ситуаций, формирование адекватной самооценки, умение говорить «нет», умение противостоять групповому давлению, эмпатии)

- образовательный аспект – создание системы знаний о медицинских, социально-психологических, правовых, морально-этических последствиях аддиктивного поведения;

1) легитимность – наличие требуемой правовой базы профилактической деятельности;

2) последовательность в стадиях осуществления стратегических и частных целей и задач воспитания подростков.

Перспективная цель профилактики аддиктивного поведения подростков – эффективность мероприятий по профилактике отклоняющегося поведения, в том числе и аддиктивного поведения, повышение педагогической грамотности педагогов, работающих с подростками в системе образования.

Стратегическая цель профилактики аддиктивного поведения подростков – оказание психолого-педагогической помощи подросткам, развитие из личностных ресурсов (формирование адекватной самооценки, формирование коммуникативных навыков и опыта общения, развитие личностной ответственности, способности к противостоянию негативным факторам внешней среды и др.).

Конечная цель профилактики аддиктивного поведения подростков – формирование стрессоустойчивой и успешной личности.

Для успешной реализации этих целей целесообразно использование следующих форм и методов организации профилактической работы в образовательном учреждении:

- выявление и консультирование педагогом-психологом подростков, склонных к аддиктивному поведению;

- психолого-педагогическая диагностика детей и подростков, с целью выявления зависимостей и социальной дезадаптации; проведение с такими подростками коррекционной работы;

- педагогическое просвещение родителей и лиц, их заменяющих в вопросах выявления и профилактики аддиктивного поведения подростков (лекции, семинары, беседы, методические пособия, буклеты, видеоматериалы и др.);

- совместная работа с другими ведомствами и организациями по профилактике аддиктивного поведения детей и подростков;

- социальное партнерство в профилактической работе с молодежными объединениями и организациями просоциальной направленности (участие в воспитательных мероприятиях);

- обеспечение свободного доступа к консультированию (в том числе анонимному) специалистами школы (психолог), а также другими специалистами (наличие объявлений с

«телефонами доверия» иных психологических центров, наркологических служб и т.д.);

- внедрение в практику работы школы, классных руководителей, психолога новых форм и методов профилактической работы;

- усиление нравственного, правового, духовного воспитания детей и подростков в работе классных руководителей школы [3].

Этапами профилактической деятельности могут стать следующие составляющие:

- диагностический этап, направленный на выявление личностных качеств и особенностей подростков, оказывающих негативное влияние и формирующих аддиктивное поведение. Важным элементом диагностического этапа является сбор информации о жизнедеятельности подростка (информация о семье, его увлечениях, склонностях, способностях, друзьях), а также наблюдение.

- информационно-просветительский этап, предполагающий накопление знаний подростками в различных областях: развитие коммуникативных навыков, культуры общения, предупреждение и разрешение конфликтов. На данном этапе также необходимо рассмотреть вопросы, связанные с проблемами аддиктивного поведения – механизмы аддиктивного поведения, виды аддикции, динамика аддиктивных процессов, психологические и социальные последствия). Информационно-просветительская работа должна охватывать не только подростков, но и родителей, педагогов школы, специалистов, работающих с подростками. Она может выражаться в любых формах работы: семинары для родителей и педагогов, круглые столы, конференции, информация на стенде, пособия;

- развивающе-коррекционный этап, включающий различные виды деятельности с детьми и подростками, входящими в «группу риска». Группа риска выявляется на основе диагностики или социальной карты учащегося, а также наличия в семье человека, склонного к аддиктивному поведению.

Когда подростковая аддикция становится социально опасной или причиняет тяжкий вред психическому или физическому здоровью аддикта, его проблемами начинают заниматься социальные службы.

Подростки, выявленные посредством системы профилактики в образовательном учреждении, как правило, подлежат вторичной и третичной профилактике аддиктивного поведения и находятся на особом контроле. Однако прохождение подростком второй и третьей ступеней профилактики говорит о недостатках в системе первичной профилактики, которой занимаются следующие учреждения:

1) общеобразовательные и профессионально образовательные учреждения (школы, гимназии, лицеи, кадетские корпуса, профессиональные училища, колледжи, техникумы и т.д.)

2) учреждения дополнительного образования (дворцы детского творчества, школы искусств, станции юного натуралиста и т.д.)

3) учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (детские дома, школы-интернаты, санаторные детские дома и т.д.)

4) детские летние лагеря отдыха.

Система школьной профилактики аддиктивного поведения подростков направлена на формирование у учащихся здорового образа жизни, отрицательного отношения к негативным потребностям, способности к обдумыванию своих поступков, формированию и развитию нравственных качеств детей и подростков, личностного развития учащихся.

Работа с подростками с аддикцией содержит следующие формы работы:

- групповая работа (дает возможность создания значимых для подростков жизненных ситуаций, приобретение нового опыта взаимоотношений, стимулирует вновь появляющиеся концепции «Я», новые модели поведения, формируются чувства принадлежности к микросоциуму, защищенности);

- массовая работа (групповые тренинги, массовые воспитательные мероприятия, трудовая совместная деятельность и т.д.), способствующая расширению контактов и взаимодействию с окружающими людьми;

- индивидуальная работа (беседа, индивидуальный тренинг, консультация, индивидуальная программа и т.д.).

Выводы. Профилактика аддиктивного поведения – это совокупность социальных, образовательных, медико-психологических мероприятий, направленных на обнаружение и устранение причин и обстановки, содействующих аддиктивному поведению, а также предупреждение формирования и ликвидацию негативных последствий данного поведения. В настоящее время во многих образовательных учреждениях профилактическая работа не проводится или имеет эпизодический характер. Основными причинами отсутствия или недостаточности профилактической работы в данных учреждениях являются: отсутствие технологий профилактики, недостаток ресурсов.

Среди профилактической работы выделяют первичную, вторичную и третичную профилактики. Этапы профилактики аддиктивного поведения подростков – диагностический, информационно-просветительский, развивающе-коррекционный. Формы работы с подростками проявляющих аддиктивное поведение – индивидуальная, групповая, массовая. Эффективность профилактической работы зависит от реализации педагогами комплекса технологий – социально-педагогических, психолого-педагогических и медико-биологических.

Литература

1. Золотова А.Д. Профилактика аддиктивного поведения детей в русле социального подхода // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2019. – № 4. – С. 193-199.

2. Морозова О.А., Радюкин Е.Е. Психологический тренинг профилактики аддиктивного поведения // Актуальные проблемы военно-научных исследований. – 2019. – № 2 (2). – С. 410-415.

3. Саенко Л.А. Аксиологическое содержание образования в условиях трансдисциплинарности // Мир науки, культуры, образования. – 2017. – № 6 (67). – С. 136-137.

4. Саенко Л.А., Зритнева Е.И. Методологические подходы к изучению феномена социальной ответственности личности // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. – № 5-2. – С. 141-145.

УДК: 159.9

ЛИЧНОСТНЫЕ МЕТАПАТОЛОГИИ В «ВОЗРАСТАХ ВЗРОСЛЕНИЯ»: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД¹

Сапогова Елена Евгеньевна,
доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры психологии образования
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,
г. Москва

Аннотация. В рамках экзистенциально-психологического подхода аргументирована авторская гипотеза о факторах, приводящих к появлению метапатологий в «возрастах взросления». Один из них – постепенная смена базовых экзистенциальных установок, образующих «ядро» ментальности. В работе представлен анализ ее возможного механизма – смещении психосемантического содержания противоположных полюсов значимых для взросления экзистенциалов. Рассмотрено смещение полюсов базовых экзистенциальных шкал «быть» – «не быть (иметь, казаться)», «Я» – «Не Я», «внешнее (открытое, публичное)» –

---

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № № 18-013-00058.

«внутреннее (закрытое, частное)», «сакральное» – «профанное (утилитарное, повседневное)», «облигатное, должное» – «факультативное, необязательное».

Ключевые слова: личность, развитие, взросление, метапатология, экзистенциальный подход.

Abstract. Within the framework of the existential-psychological approach, the author's hypothesis about the factors contributing to the emergence of metapathologies in the “ages of growing up” is substantiated. One of them is a gradual change in the basic existential attitudes that form the “core” of mentality. This paper presents an analysis of its possible mechanism - mixing of the psychosemantic content of the opposite poles of existentials that are significant for growing up. The author considers the mixing of the basic existential scales “to be” – “not to be (to have, to seem)”, “Me” – “Not Me”, “external (open, public)” – “internal (closed, private)”, “sacred” – “profane (utilitarian, everyday)”, “obligatory, due” – “optional, dispensable”.

Keywords: personality, development, growing up, metapathology, existential approach.

Все существующее должно превосходить себя,
чтобы быть собой в следующий момент времени.
М.К. Мамардашвили, «Сознание и цивилизация»

Постановка проблемы. Цивилизационные и культурные трансформации последних десятилетий заметно изменили мир и не могли не отразиться на процессах социализации, становления ментальности и развития личности взрослеющих людей. Так, целый ряд исследований, сравнивающих представителей «цифрового» и «нецифрового» («аналогового») поколений, однозначно свидетельствует «в пользу» «digital native» в плане становления когнитивных функций, реализации многозадачности и развития мышления, даже если иногда упоминаются нарастающие проблемы с вниманием и памятью (Т.П. Авдулова, 2014; А. Асмолов, А. Семенов, А. Уваров, 2010; Н.С. Бастракова, 2018; В.М. Букатов, 2018; Ю.А. Дутко, Е.В. Беловол, 2020; Г. Солдатова, Е. Рассказова, М. Лебешева, 2012; Е.В. Шалагина, 2014; Jones, R. Ramanau, S. Cross, G. Healing, 2010 и др.). В этой связи психологи, изучающие «возрасты взросления», и педагоги, работающие с ними, привычно повторяют, что современные «born digital» – «другие».

Одновременно в рамках изучения личности и становления ценностно-смысловой сферы миллениалов, кидалтов, поколения «ЯЯЯ», «Y», носителей синдрома Питера Пэна и т.д. психологи также привычно констатируют распространение расстройств нарциссического круга; исповедывание подростками и юношами стратегии «жизни без усилия жить», не ставя себе труднодостижимых целей; ничем не подкрепленные оптимистичные ожидания социального лифтинга; одержимость собой (селфизм) и стремление на любой основе пытаться превратить себя в «бренд»; желание любой ценой быть на виду за счет примыкания к известным персонам, не «тратя» при этом себя; переживание себя «крутым» и продвинутым при слабом уровне общей и профессиональной образованности, повышенном уровне подражательности и демагогического резонанса; самопотакание и душевная лень; отсутствие внутренней эмпатии и истерическая гневливость при попытках других «докапываться» и ловить их на некомпетентности, поверхностных знаниях, копипасте и т.д.; тенденция любым способом «усилить» себя, придать себе значимости, фиксируя и выставляя напоказ чуть ли не все что угодно в социальных сетях, зависимость от поставленных «лайков»; заикленность на собственной потребностной сфере; прагматизм, утилитарное отношение к другим и наивно нескрываемая корысть; зависимость от технологий (если нет Интернета, самостоятельно мало что помнят и знают наверняка); сниженный уровень гражданской активности, подмененный стремлением «потусоваться», «засветиться», «отметиться», не понимая, не прогнозируя и не принимая всерьез реальных последствий своих действий; конформное позитивное принятие любой вброшенной в массы информации – от политических идей до рекламных слоганов; «растяжимая толерантность», равнодушная готовность принять

и оправдать все что угодно без формирования персонального отношения к происходящему; плохое осознание социальных дистанций, приводящее к неоправданной фамильярности; «горизонтальный инфантилизм», ведущий к упрощенности коммуникаций (достаточно вспомнить стилистику смс-корреспонденции и смайлики); номофобия и легкое формирование зависимостей; репродуктивность и беззастенчивый плагиат в сфере профессиональной и любой другой деятельности; слабая психологическая ориентация как в других людях, так и в самих себе, ведущая к отсутствию глубоких переживаний и к одномерности внутреннего мира (Н.В. Богачева, Е.В. Сивак, 2019; О.А. Максимова, 2013; Л.И. Очирова, 2017; В. Радаев, 2019; Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова, Т.А. Нестик, 2018; Дж. Твендж, 2018; Н.В. Чудова, 2002; М. Harris, 2017 и др.).

Также отмечается, что в возрастных когортах подростков, юношей и молодых людей сегодня мало заметны процессы личностной дифференциации, снижается уровень психологического разнообразия (в том числе и за счет примыкания к модным сообществам и субкультурам), появляются деформирующие тенденции в самоотношении и самовосприятии, возникает ориентация на случайные, усредненно-массовые идентификационные образцы, слабо соотносящиеся с собственными возможностями.

Анализ этих характеристик позволяет предположить, что мы имеем дело с проявлениями того, что А. Маслоу [3] в свое время обозначил термином «метапатологии», имея в виду массовые нарушения личностного развития, возникающие в современных социумах как следствие *депривации ценностей бытия* (Б-ценностей). Упомянутые им примеры метапатологий во многом совпадают с приведенными выше и аналогичными характеристиками: вульгарность, нетерпеливость, дезинтеграция, недостаточность чувства Я, ощущение себя постоянно меняющимся и анонимным, нежелание чего-либо добиваться своими силами, тотальный эгоизм, перекладывание ответственности на других и пр.

Под Б-ценностями подразумевается не только понимание того, что есть добро, истина, самодостаточность, красота и т.д., но и способность к настоящему, подлинному бытию, осознание собственной человеческой природы и построение субъективной онтологии. В результате несформированности и/или депривации связанных с ними метапотребностей (в совершенстве, целостности, уникальности, самоактуализации и т.д.) человек скатывается к простому, ориентированному преимущественно на потребление (от товаров до политических идей), существованию, удовлетворяющему лишь разрастающиеся низшие потребностные уровни. Высшие уровни оказываются недоступными, вследствие чего формируется несамодостаточный стиль жизни. Неспособность к «метагедонизму» (переживанию радости, счастья и удовольствия от духовной, в не только от физической, материальной удовлетворенности) закрывает человеку путь к саморазвитию, он не обретает необходимой ассертивности. Более того, человек с таким образом существования «готов на все, лишь бы не привести себя в движение и не поставить себя под вопрос» [2, с. 112].

Если ориентация только на потребление и удовлетворение потребностей низшего уровня поддерживается извне социальными институтами и программами, метапотребности нередко вообще отсутствуют в мотивационно-потребностной сфере человека, они не известны ему как побудительные личные переживания, и даже сам факт их отсутствия недоступен для рефлексии. Кстати, здесь, на наш взгляд, коренится одно из оснований «проблемы отцов и детей» – они говорят на языках разных потребностей и ценностей. Там, где базовой ценностью становится количество «лайков» в социальных сетях, будто бы подтверждающих значимость (популярность, ценность и т.д.) субъекта, а экзистенциальные переживания считаются излишними, в диалоге поколений возникают затруднения.

Политика в отношении развивающихся поколений, положенные в ее основание идеи и транслирующие их институты социализации задают более или менее четко сформулированный образец желательного модуса существования человека, («гармонично развитая личность», «активный потребитель» и т.д.). Представления и поведенческие императивы, скрытые в таких образцах, демонстрирует и социокультурная история в форме

сменяющих друг друга образов-ориентиров для самовосприятия, выбора модели поведения и построения стратегии жизни.

Так, можно вспомнить образ «человека ощущающего» – что-то вроде разумной машины по переработке информации, – сложившийся в XIX в. под влиянием интроспективной психологии и продолжающий использоваться в когнитивной психологии. Хорошо известен фрейдовский образ «человека нуждающегося», проникшего во многие концепции личности, в том числе и в современную гуманистическую психологию. От работ В.М. Бехтерева, И.П. Павлова, Дж. Уотсона ведет начало образ «человека реагирующего» – он по-прежнему вдохновляет модель «ролевого человека» в современной социальной психологии. Под влиянием работ Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, сложился образ «человека деятельного», рожденного жизнью в обществе, стремящегося к достижению целей и совершающего деяния и поступки.

Будучи принятыми за основание социализации, разные образы определяют связанные с ними социальные практики. Так, если исходить из образа «человека нуждающегося», то речь должна идти о разных способах удовлетворения его потребностей и тем самым к формированию его личности как потребителя. Если же личность понимать как пристрастное, активное и деятельное существо, то в центре практики воспитания субъекта станет организация взаимодействия, сотрудничества с другими людьми.

Будучи устойчивым состоянием, метапатологии медленно, но, верно, инвалидизируют личность, закрывая для нее источники бытия в отношениях с миром, с другими людьми, с самим собой. Интегральный характер метапатологий, захватывающий все стороны личности, отражается в отчуждении, аномии, ангедонии, апатии, аксиологической депрессии, безнадежности, отчаянии, опустошенности, тоске и т.д. Они заводят личность в экзистенциальные тупики, в которых она отчуждается от собственного внутреннего мира и от других людей, не зная и не переживая ни собственной аутентичности, ни подлинной совместности, ни чувства «верного пути» в жизни. По мере взросления это все больше обнаруживается в одиночестве, склонности к депрессии, тенденциях к примыканию и следованию за чем-то, что не связано с собственными личностными смыслами, а также к обесцениванию всего, что окружает личность.

Не находя или не зная способа избавления от этих неопределенных, но тягостных чувств, личность компенсирует их крайностями поведения и выбором форсирующих эмоции действий, которые снижают внутреннее напряжение и неудовлетворенность. Со временем человеку приходится искать все более острых ощущений в Интернете, пускаться в авантюры, подвергать себя неоправданному и содержательно пустому риску. Ему бывает трудно в континуумах возможных действий (безрассудство – мужество – благоразумие – трусость; бесстыдство – прямота – скромность – ханжество и др. [7, с. 749-750]) искать и находить собственное представление о единственно приемлемом и значимом для него поступке, линии поведения, стратегии жизни. Крайние точки континуумов выбрать легче, чем «искать себя», особенно если поиски требуют усилия, времени, личностных инвестиций.

В пространстве метапатологии «искажения распространяются во все стороны – например, и к самоуничтожению, и к нарциссической самовлюбленности; и к полудетскому безответственному легковерию, и к глубокому недоверию и неверию; и к метаниям дезинтегрированной личности, запутавшейся в противоречиях своего жизненного мира, и к отказу от роста, от “цветущей сложности” бытия, к сведению жизни к самому необходимому» [1, с. 115].

По сути, речь идет о кажущихся старшим поколениям *неоптимальных вариантах личностного развития*, получающих массовое распространение. Наблюдаемые изменения нуждаются в изучении со стороны факторов и социальных тенденций, которые их порождают, чтобы либо снизить их влияние на процессы социализации, либо принять тот факт, что так рождается тот самый «другой» – «неклассический» – тип личности, адаптированный к актуальному уровню развития цивилизации. Во втором случае его тем более нужно изучать,

но теперь уже в качестве складывающегося нового оптимального способа существования личности, сменяющего традиционный способ бытия.

Цель статьи – выделить ряд актуально действующих факторов, провоцирующих возникновение метапатологий личностного развития в «возрастах взросления», в парадигме экзистенциально-психологического подхода.

Изложение основного материала исследования. Занимаясь в течение ряда лет изучением характеристик современного взросления и зрелости, мы обратили внимание на ряд факторов, действие которых, начинаясь еще в детских и подростковом возрасте, постепенно меняет их привычный психологический портрет. Цивилизационный прогресс не просто создает новую реальность, но выстраивает новый образ жизни человека, обозначая новые потребности, ценности и цели.

В рамках разделяемого нами экзистенциально-психологического подхода мы предположили, что *возникновение метапатологий в этих возрастах стимулировано массовой сменой базовых экзистенциальных установок*, образующих «ядро» ментальности и относящихся к пониманию того, что есть жизнь, какими могут быть цели личности в ее осуществлении и какими средствами они могут быть достижимы, какими ценностями человеку есть смысл руководствоваться в свершении своего жизненного пути, насколько человеку стоит быть активным в созидании собственного Я, какие модусы существования предпочтительнее других и т.д.

Причинами этой смены можно считать как недостаточное внимание институтов социализации к построению аутентичности личности и организации ее взаимодействия с самой собой на фоне преимущественных поисков путей адаптации личности к социуму, так и смещение акцентов в социализирующих воздействиях с культурных артефактов (ориентированных на мир людей и отношений) на цивилизационные (ориентированные на мир вещей и технологий).

Сказанное привело нас к формулировке *гипотезы о возможном смешении психосемантического содержания крайних полюсов ряда значимых для взросления экзистенциалов*, прямо или косвенно проникающем в процессы социализации. При такой «варваризации экзистенциалов» размываются сущностные экзистенциальные дилеммы, задающие жизненные ориентиры и лежащие в основу мировоззрения, выработки системы принципов и идеалов личности и пр. Нечеткое различие значений одного полюса от другого становится фактором появления метапатологий, поскольку создает хаос в сознании, увеличивает в нем смысловую энтропию, усиливает стохастичность поведения и не дает возможности строить четкие линии собственной деятельности, выработать стратегии достижения целей и личную логику развития, делая жизнь непредсказуемой, случайной, неподконтрольной.

Смешение психосемантического содержания экзистенциалов «быть» – «не быть (иметь, казаться)». На эту проблему еще в 1976 году обратил внимание Э. Фромм [5], указавший, что человек может позиционировать себя носителем определенных свойств и качеств, всего лишь демонстрируя владение объектами, манифестирующими их. До столкновения с прямой необходимостью подтвердить их наличие человек может легко вводить в заблуждение других относительно своей подлинности, добиваясь при этом нужного впечатления и достигая нужных целей. Так, если у кого-то квартира заставлена книгами, это презентует его как читателя вне зависимости от того, является он таковым или нет. Если кто-то стоит со свечой в церкви на Рождество, это несет другим посыл его религиозности, даже если за ним ничего не стоит. Э. Фромм говорит о подмене формулы «Я есть Я» формулой «Я есть Я, поскольку Я обладаю X», где в качестве X выступают разнообразные вещи, с которыми это Я себя соотносит и которыми может управлять.

Если социализация перестает обозначать для взрослеющего субъекта разницу между «быть» и «казаться» («иметь»), а социум – применять санкции к «нарушителям», то появляется основание для метапатологии. Отсутствие разницы перестает делать императивом саморазвитие, раз достаточно всего лишь расставить знаки и символы (демонстрировать

книги, купить диплом, диссертацию и пр.) и применить андерсеновский принцип «платья голого короля». Тем самым сужается и упрощается сфера жизненных задач, осуществляется подмена более сложной задачи более простой (достать вместо достичь). Динамика личностного развития не только снижается, но и профанируется – функционирует на «холостом ходу», что самой личности не всегда заметно (у нее все «ОК»).

При этом происходит слом глубинного механизма самопонимания и самоорганизации, ведущий к отчуждению субъекта от собственного Я. В «норме» этот механизм должен функционировать исключительно под контролем самой личности, рефлексировавшей свои потенциалы и пределы, поскольку развивающемуся субъекту присуща фундаментальная потребность в соотношении себя с самим собой. Ее хорошо выражает концепт «заботы о себе», введенный в современную науку М. Фуко [6]. «Забота о себе» – это не забота об удовлетворении витальных потребностей, хотя и входит в нее, а принятие человеком своего существования как собственной задачи, как своеобразной индивидуальной технологии производства субъективности (стратегии субъективации), смысл которой состоит в том, что человек должен создать собственный модус самообладания, свободно изобрести, построить себя, исходя из того, чем он хочет, может и должен быть. Соответственно, забота о себе предполагает осознанное принятие на себя личной ответственности за то, какие выборы в ней делаются и за удовлетворенность жизнью.

«Забота о себе» является фундаментальным условием взросления и индивидуации и реализуется в форме деятельного, «участного» отношения к себе и своей жизни. И вот эта «участность» в строительстве самого себя, на наш взгляд, и является звеном, поражаемым метапатологией. Поскольку сердцевину «заботы о себе» составляет выбор такого способа существования, который субъект соотносит со своей аутентичностью, здесь разрушается важный механизм развития: притупляется и исчезает осознание необходимости построения своей аутентичности: созидать себя есть сложная работа, требующая «усилия во времени», а взрослеющей личности хочется обладать жизненными благами «здесь-и-теперь» и без временных и личностных затрат (достаточно обратиться к данным социологических опросов молодежи (Е.А. Вешкурцева, А.Ю., О.В. Кучина, 2019; И.А. Прахов, 2017 и др.) об ожидаемых зарплатах и карьерных возможностях по окончании вуза).

Конsumerистски ориентированный социум поддерживает именно эту тенденцию (вспомним слоган «Бери от жизни все!»), а вовсе не рефлексивность, работу над собой, саморазвитие, соотношение себя с целевым образом и т.д. Раз востребованы только метки, то механизм самостимуляции перехода от Я-наличного к желаемому Я-иному перестает функционировать. Активность становится по преимуществу рыночно ориентированной и сводится к получению и демонстрации метки; вопрос остается только в ее содержании (например, если раньше при поступлении на работу для молодого человека котировались дипломы о двух высших образованиях или «красный» диплом, то сейчас такой меткой является цифра в графе «стаж»). Мытарства и метания становящейся идентичности перестают заботить как окружение, так и саму личность, поскольку потребительский социум обозначает лишь ограниченное количество ценностных ориентиров.

Смешение психосемантического содержания экзистенциалов «Я» – «Не Я». При его обсуждении нужно упомянуть описанную Э. Эриксеном для подросткового возраста и захватывающую сегодня юность, молодость и частично раннюю зрелость «диффузию идентичности». Она проявляется в спутанности и отсутствии полноценной рефлексии собственных идентификаций, ролевой сумятицы, несобранности целостного Я.

Корень метапатологии лежит в этом случае в неспособности различения аутентичности или неаутентичности собственного существования. Речь идет о слабой ориентировке человека в собственных внутренних качествах и свойствах, с трудом дающемся различении предписанных ролью и/или статусом и подлинных («мойных», «яйных») характеристик, нечетком различении собственных или навязанных извне желаний («они требуют» и «я хочу»), восприятию себя не автором собственной жизни, а объектом неперемного внешнего оценивания и управления. Наличие метапотребностей, даже если они и есть, в этих случаях не

рефлексируется, а если и рефлексируется, то они не занимают верхние места в индивидуальной иерархии потребностей. Почти все молодые люди преувеличенно ценностно относятся к концепту «Я есть», но слабо ориентированы в концептах «какой именно я есть», и тем более к «зачем Я есть», а потому и недооценивают их содержание.

В свое время М. Хайдеггер, обсуждая Dasein, выделил в нем два противоположных модуса бытия (две разные формы экзистирования субъекта): аутентичную, собственную, свою, и, в конечном итоге, свободную и неаутентичную, неподлинную, отчужденную от смыслов существования субъекта. По большей части любому субъекту приходится пребывать в неаутентичном существовании, тем не менее, каждый постоянно стремится воплотиться, проявиться в аутентичном. Разные экзистенциалы (одиночество, ответственность, долг, вера, призвание и т.д.) могут выступать для конкретной личности либо как аутентичные, либо как неаутентичные в пределах обеих форм экзистирования.

Так, переживая одиночество, взрослеющая личность может осознавать его либо как комфортное, конгруэнтное ему состояние, либо как некомфортное, отягощающее переживание ею внутреннего благополучия. Из регистра неаутентичного существования, требующего от субъекта общительности, построения социальных связей и т.д. как социально желательных характеристик, одиночество может восприниматься как вполне аутентичное состояние: «мне приходится жить не своей жизнью, ну что ж, мир – театр, и я играю в нем положенную роль, но мое одиночество – моя защита от людей, и оно меня не тяготит». Однако в режиме аутентичности, ориентированном на потребность в других людях, осознанные факты одиночества, невостребованности, отсутствия желаемого количества значимых эмоциональных связей могут казаться личности неаутентичными: «я остро жажду совместности, близости с людьми, но я одинок, и это ранит меня».

Но также для кого-то другого в модусе аутентичности одиночество будет осознано как абсолютно аутентичный, добровольно принятый и даже желанный факт («да, меня устраивает жизнь, требующая закрытости и замкнутости, к счастью, я таков и есть, и мне комфортно быть таким, не приходится заставлять себя жить иначе»). В модусе неаутентичного существования одиночество может переживаться и как неаутентичное («от меня ждут закрытости и замкнутости, я такой и есть, но из чувства внутреннего протеста никому не дам этого понять, буду действовать вопреки тому, чего от меня ждут»). Неаутентичный регистр существования может травмировать и даже инвалидизировать взрослеющую личность, но чаще просто уничтожает ее самобытность, не дает ей проявиться и стать осознанной и действенной.

Невозможность в полной мере осознать как собственную аутентичность, так и аутентичность/неаутентичность «среды обитания» нередко превращает повседневную жизнь в игру, имитацию, перфоманс, следование общей для всех и одобряемой социумом модели поведения. Молодой человек, чье социальное и личностное развитие напрямую зависит от его возрастных сообществ, перестает соотносить жизнь, которую ведет, с тем, что требуется именно ему. Неспособность и невозможность проявиться аутентично может привести к тому, что собственное существование воспринимается как нацеленным на получение статусных (профессиональных, личностных и пр.) меток, а вовсе не на получение кванта [само]развития (достаточно вспомнить обилие плагиата и копипасты, бесконечные репосты, зачитывание заимствованных текстов вместо попыток выразить собственную мысль и отношение к чему бы то ни было собственными словами и т.п.). Именно поэтому речь нередко идет о «дизайне», стилистике оформления собственной жизни, а не об авторском отношении к ней.

Смешение семантического содержания экзистенциалов «внешнее (открытое, публичное)» – «внутреннее (закрытое, частное)». На наш взгляд, это один из фатально действующих факторов, лишаящих человека уникальности. Его последствиями оказываются опустошение внутреннего мира, исчезновение самобытности и превращение индивидуальности в безличную типичность. Чувствовать собственную самость ему не удастся, равно как и действовать самостоятельно, решаться на индивидуальные поступки и деяния. Чтобы действовать, ему надо примыкать, действовать по образцу, «брать пример с...».

Со временем человек перестает различать в себе «свое» и «чужое» – перефразируя О.Мандельштама. можно сказать, что он живет, «под собою не чуя себя».

Косвенным свидетельством сказанного стало наше исследование феномена приватности, показавшее, что у взрослеющих поколений по сравнению со старшими намного меньше полностью или частично закрытых зон, относящихся к частной жизни. Молодые люди сегодня нередко «вывернуты наружу» и считают возможным открыто обсуждать, иллюстрировать частными фотографиями и делать достоянием социальных сетей темы, составляющие содержание пространства «privacy», например, связанные с болезнями, родами, абортами, мастурбацией, занятием сексом, физиологическими проявлениями, интимной гигиеной, последствиями драк, скандалов, унижений, алкогольным опьянением, наркотическими состояниями, физическими/телесными и иными недостатками, посещением туалета, супружескими изменами, религиозными таинствами, совершением неблагоприятных поступков, издевательствами, ложью/обманом и др.

Такая «обнаженность» многих аспектов частной жизни связана с нарастанием конsumerистских тенденций и общей сексуализации в обществе, когда «продаже» подлежит все, на что есть [особый] социальный спрос. «Отелеснивание» обнаруживает себя в настойчивом преувеличении значения удовлетворения телесных потребностей в мотивационно-потребностных иерархиях. Максимизация и фетишизация телесности предлагается социумом в навязчивой пропаганде спорта и модных показах, в рекламе косметики и средств ухода за телом, агитации за здоровый образ жизни с использованием конкретных пищевых продуктов, препаратов и медицинских услуг. Диктат телесности отводит на дальний план «заботу о душе». Культ тела делает необязательными ценности познания, морали, творчества, саморазвития (Б-ценностей), поскольку именно тело становится основным орудием статусной конкуренции, пусть даже становясь при этом «пустым» и даже асексуальным.

Молодому человеку в силу возрастных и индивидуальных особенностей далеко не всегда удается предложить «на продажу» что-то, кроме собственной телесности. Как следствие и фактор метапатологии, он начинает иначе относиться ко времени своей жизни, поскольку сроки «продажи» такого товара, как телесность, не так уж велики – ему оказываются не очень нужными долгосрочные жизненные проекты, он не строит планов и не ставит целей, охватывающих всю жизнь, ему не нужны перспективные стратегии, он живет торопливо реализуемыми тактиками длящегося момента. У него появляется стремление как можно раньше и призывнее начать демонстрировать «зрелую» телесность и эксплуатировать ее, хотя ментальность ей еще не соответствует.

Вводя в свое время термин «нарциссист», З. Фрейд характеризовал им человека, находящегося в иллюзии, что за счет внешней привлекательности он достигнет грандиозных успехов в любой сфере, в которой бы не притязал, как если бы тело гарантировало внутреннюю исключительность. Проблема в том, что содержательно конкурировать с другими нарцисс не в состоянии, поэтому у него гипертрофируется потребность во что бы то ни стало отстоять свою значимость и принудить других признать его мнимую исключительность. Конфликт становится привычной формой существования, в которой канализируется внутреннее напряжение, он требует формирования «образа врага» («plus-size», «негламурные», «ботаники», «бедные», «понаехавшие», «работяги» и т.д.). В одиночку ему действовать трудно, он примыкает к аналогичным группам, которые затевают агрессивные конфликты-«холивары» (бесконечные споры), преимущественно в форме моббинга и буллинга. Следствием этих метапатологических изменений становится накопление нерешенных возрастных и социальных задач, впоследствии приводящие к одиночеству и депрессии, которые в последние годы заметно «помолодели», участились, стали глубже и длительнее.

Одним из аспектов сверхоткрытости является настойчивое стремление стать объектом внешней оценки, поскольку кажется, что количество «лайков» или «подписчиков» в социальных сетях подтверждают некую значимость, популярность, неординарность и пр.

субъекта. «Возрасты взросления» нередко в буквальном смысле слова «навязывают» социуму себя, что диктуется необходимостью удовлетворения нарциссической селфи-зависимости.

Метапатология здесь выступает как дефицит внутренних переживаний и целеполаганий, относящихся к «privacy». «Необходимость себя», описанная М.К. Мамардашвили, переживается только как результат внешней оценки, и если ее почему-то нет, появляется ощущение не востребованности, одиночества, экзистенциального вакуума и т.п. Характерной становится установка «я точно знаю, чего не хочу, но чего хочу, точно не знаю». Можно предполагать, что в этом случае внутренний мир «пустеет», все его содержание становится внешним, и Я, существующее только «для других», перестает существовать «для самого себя», локус контроля смещается преимущественно вовне, что не способствует образованию внутренних источников и ресурсов развития. Такой человек практически не способен к «запуску» процессов саморазвития, он меняется, только если меняется реальность вокруг него и, требуя ответного поведения, приводит в движение его внутренний мир. Если же изменений нет, то появляется переживание кризиса, застоя, агрессивной неудовлетворенности, которые только усиливают внутреннее напряжение.

Смешение семантического содержания экзистенциалов «сакральное» – «профанное (утилитарное, повседневное)». В бытовом проявлении это обнаруживает себя в поверхностном, несерьезном, а часто и насмешливо-пренебрежительном отношении к традиционным артефактам и ценностям старших поколений, вызывающим состояние, названное А. Швейцером «благоговением перед жизнью». Трудно сказать, перед чем сегодня благоговеют «возрасты взросления», разве что перед новым гаджетом или технологией, с одной стороны, освобождающих им пространство и время для жизни, с другой стороны, «запирающей их» в зависимость от себя. То, что вчера было свято для людей, становится объектом шуток для новых поколений, а потом перестает что-либо говорить сознанию и становится безразличным. Возможно, это проистекает из общей современной недообразованности (рассчитанной на «подсказки» Интернета) или узости общекультурной осведомленности, не позволяющих строить системные связи между собой и миром и «читать» реальность, но у представителей современных «возрастов взросления» сакрального отношения к чему бы то ни было становится все меньше, а профанного и обценного все больше. Квази-сакрализации же нередко подвергаются случайные или ставшие на время модными объекты, которые в этом случае принято именовать «культовыми».

Метапатологические последствия «десакрализации» историко-художественных артефактов, религиозных символов, эстетических идеалов, этических максим и пр. состоят в исчезновении как в социальном, так и во внутреннем пространстве личности устойчивых эмоциональных аттракторов, выступающих своеобразными регуляторами поведения. То, как происходит их разрушение, как появляются новые идеи и символы, особо воздействующие на внутренний мир, в психологии исследовано мало, хотя именно эти процессы сегодня выходят на первый план. Социально значимые аттракторы приобретают неустойчивый, временный, текучий характер, их бесконечно сменяют хайпы, фрики, фейки и лайфхаки, и во внутреннем мире личности не появляется стабильных «якорей» (принципов, символов веры, «нравственного закона внутри нас»). Эти процессы снижают ценность культурной памяти, познания, образованности, традиционно определяющих ментальность.

Все вокруг становится «повседневным», и эта тенденция превращается в интегральную: она обнаруживается в сближении бытовых и официальных дискурсов (жаргонизмы, сленг, англицизмы, обценная лексика звучат на радио и ТВ, в выступлениях массмедийных персон), в стилистике одежды и оформлении внешнего облика (одинаковом для разных ситуаций), в упрощении и необязательности правил этикета, в переносе моделей повседневного поведения в публичную деятельность, в совмещении «праздничного» и «повседневного» и т.д. Это приводит к тому, что человеку не надо нигде становиться «разным», учитывать разные признаки реальных ситуаций во взаимодействии с другими. Он может позволить себе во всех ситуациях оставаться одним и тем же, и это лишает поведение гибкости и многомерности, формализует его и делает предсказуемым (достаточно вспомнить выражение эмоции в форме

смайлика, эмодзи). Исчезает необходимость контролировать себя, менять, развивать и учитывать ценности других в коммуникации.

В качестве вторичных аспектов проявления метапатологии здесь выступают непонимание социальной дистанции, фамильярность, эгоцентризм («вокруг меня нет ничего более ценного, чем я сам»), переживание себя превосходящим любую традиционную ценность в силу своей «современности», а ее «неактуальности», отношение к себе как «абсолютному критерию» ценности чего бы то ни было и желание обо всем высказывать «свое», не опирающееся ни на что, кроме демагогии и резонерской риторики, мнения, отсутствие уважения к предшествующим достижениям человечества, непонимание сущностных связей между прошлым, настоящим и будущим.

Смешение семантического содержания экзистенциалов «облигатное, должное (центр)» – «факультативное, необязательное (периферия)» продолжает метапатологический тренд отрицания универсальной природы каких бы то ни было ценностей, упования на позитивное воздействие ускорения цивилизационных процессов и технологий, на высокие темпы сменяемости ценностных ориентиров (с ним, вероятно, связано также и так называемое «клиповое сознание»).

Речь идет о метапатологии, при которой иерархия потребностей не становится устойчивой и однозначно определяющей стиль жизни и линию поведения, а постоянно калейдоскопически меняется в зависимости от конъюнктуры. Если у человека нет «мотивационных констант», ему в условиях «здесь-и-теперь» трудно, а порой и невозможно сделать выбор в отношении направленности собственной деятельности в конкретной ситуации и тем более довести некое дело до конца, не отвлекаясь на сторонние соблазны.

Еще более важно то, что, согласно А.Н. Леонтьеву, любой мотив выполняет функцию смыслообразования, и в случае метапатологии человек не различает смыслообразующие мотивы-побуждения от мотивов-стимулов, которые тоже побуждают к активности, но смыслообразующей функции лишены. Это неразличение мешает осознанию того, что для жизни конкретного человека является самым ценным и значимым, чего непременно нужно достичь, а что является вторичным и приносит лишь некую пользу как результат отчуждения продуктов окрашенной личными смыслами деятельности (деньги, связи и пр.).

Здесь встает вопрос о том, что активность такого субъекта перестает быть в прямом смысле слова «мотивированной» (и уж тем более самодетерминированной) и становится просто «целевой», поскольку он готов делать не то, что связано с его внутренними смыслами, ценностями и потребностями, а то, что ведет к полезному результату. Такая личностная прагматизация отчуждает человека от самого себя, сужает контексты его действий. И тогда эти действия оказываются не соотношенными не только с действиями других людей, но и с другими фрагментами его собственной жизни.

Совокупным итогом метапатологических трансформаций может стать отрицание необходимости принятия на себя ответственности – даже не за других или за исполняемое дело и т.п., а интегральное – за течение и психологическое содержание собственной жизни, за совершаемые в ней выборы. Это выражается в стремлении «отдать свою свободу» кому угодно (другому человеку, некоему сообществу, государству): при декларации своей автономии человек оказывается «не в силах вынести, что он предоставлен собственным силам, что он должен придать смысл своей жизни» [4, с. 11]. Психологический дрейф к восприятию сделанных под внешним влиянием выборов как не налагающих обязательств усиливается при отсутствии социальных санкций за них.

Метапатология обнаруживает себя и в том, что процессуальность жизни подменяет результативность: человеку важнее делать, а не сделать, и в жизни возникает большой объем времяпрепровождений – квазиактивностей (фактической болтовни, «тусовок», ток-шоу и пр.), замещающих деятельность по достижению целей. Незначительность достижений и переживание незначительности собственной личности компенсируется селфизмом, дискурсами о не умеющих жить трудогилах и «лохах», а также подстегиванием удовлетворения путем поиска острых ощущений из Интернета или агрессивного поведения.

Выводы. На наших глазах происходят заметные метапатологические трансформации личностного развития, требующие нового анализа его контекстов и механизмов, поиска нового соответствия пропагандируемых и реально необходимых меняющемуся обществу целевых образцов взросления. Одним из возможных механизмов метапатологий мы считаем постепенную смену базовых экзистенциальных установок, образующих «ядро» ментальности, выражающуюся в смешении психосемантического содержания крайних полюсов значимых для взросления экзистенциалов. Их осмысление мы считаем одной из актуальных задач возрастной психологии, вписывающейся во все социальные практики.

Литература

1. Иванченко Г.В. Понятие метапатологии у А. Маслоу: контексты и перспективы / Г.В. Иванченко // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2008. – Т. 5. – № 3. – С. 105-122.
2. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация / М.К. Мамардашвили // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1992. – С. 107-121.
3. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / А.Маслоу. – М.: Смысл, 1999. – 425 с.
4. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1990. – 272 с.
5. Фромм Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2016. – 320 с.
6. Фуко М. История сексуальности: В 3-х тт. – Т. 3. «Забота о себе» / М. Фуко. – М.-К.: Рефл-Бук, Дух и Литера, Грунт, 1998. – 282 с.
7. Эпштейн М.Н. Знак пробела: о будущем гуманитарных наук / М.Н. Эпштейн. – М.: НЛО, 2004. – 864 с.

УДК: 155.9

ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Сафина Юлия Фаилевна,

магистрант направления подготовки Юридическая психология
по кафедре общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Самарский
государственный социально-педагогический университет»,
г. Самара

Аннотация. В статье раскрываются основные причины формирования девиантного поведения у подростков. Раскрываются биологические причины девиантного поведения, которые заключаются в генетической предрасположенности, физиологии, наличие заболеваний. Социальные причины вскрывают условия неправильного воспитания, нарушенные отношения со сверстниками, зависимое поведения. Психологические причины кроются в индивидуально-личностном развитии подростка: низкая самооценка, агрессия, нарушенная коммуникация не только в семье, но и в среде сверстников. Описана роль семьи в формировании девиантного поведения подростка, обобщен опыт исследований не только отечественных, но зарубежных исследователей по данному вопросу.

Ключевые слова: девиантное поведение; подростковый возраст; детерминанты девиаций; биологические, социальные и психологические причины девиантного поведения.

Annotation. The article reveals the main reasons of formation of deviant behavior in adolescents. Reveals the biological causes of deviant behavior, which is to geneticheskoi predisposition, physiology, the presence of diseases. Social causes reveal conditions improper upbringing, broken relationships with peers, dependent behavior. Psychological causes rooted in the personal development of adolescents: low self-esteem, aggression, disturbed communication within

the family and among peers. Describes the role of family in the formation of deviant behavior of the teenager experience of examinations not only domestic, but foreign researchers on the issue.

Keywords: deviant behavior; adolescence; determinants of deviance; biological, social and psychological causes of deviant behavior.

Постановка проблемы. В постоянном изменении находятся все системы человечества, в том числе и нормативные. Изменениям подвержены, как и сами нормы, так и отношение общества к ним. От норм, установленных обществом, можно отклоняться, что является естественным, также как и следовать им. Отношение к нормам, характеризующиеся собой отклонением от установленных правил, выражается в девиантным поведением, противоположное поведение – конформизм, другими словами, полное абсолютное принятие норм.

Для общества характерно стремление в подавление нежелательных форм поведения. Любые значительные отклонения от ранее установленных обществом правилам, как и в положительную, так и в отрицательную сторону, вносили дестабилизацию в обществе, а наиболее преобладающее состояние – стабильность, отцеживающаяся всегда превыше всего.

В последнее время тенденция развития девиантного поведения, понимаемое, как нарушение социальных правил, среди детей подросткового возраста приобретает массовый характер. Этим и обосновывается актуальность данной проблемы.

Изучение психологических детерминант развития девиации у детей подросткового периода позволит выявить основные тенденции и механизмы функционирования и развития девиантного поведения, а также поможет нам лучше понять природу этого явления.

Проблему девиации рассматривали такие учёные, как Адлер А., Выготский Л.С., Гилинский Я.Н., Еникеев М.И., Комлев Ю.Ю., Коэн А., Куликов Л.В., Майерс Д., Менделевич В.Д., Мухина В.С., Райгородский Д.Я., Росс Л., Эриксон Э., Фромм Э. и другие.

Целью статьи является теоретическое обоснование связи детерминант, которые влияют на склонность к девиантному поведению у подростков.

Изложение основного материала исследования. В психологическом словаре термин девиантное поведение формулируется как совокупность поступков и/или действие, которые нарушают общественно принятые моральные нормы, правила, ценности и принципы. Данное поведение наносит не только социальный вред, но также психологический, моральный, физический. Так же девиантное поведение определяется, как система поступков, или же отдельный поступок, которые противоречат общественно принятым нормам и правилам поведения. Они проявляются в дестабилизации психических процессов, нарушении процесса самоактуализации и уклонении контроля собственного нравственно-эстетического поведения [4, с.12].

Детерминант – это любое причинное или предшествующее условие или средство. Изучая девиацию, под детерминацией следует понимать совокупность факторов, которые вызывают, провоцируют, усиливают или поддерживают отклоняющееся поведение [4, с.73].

Система «общество – личность» функционирует одновременно на нескольких уровнях: геофизическом, макрообщественном, социально – групповом, микросоциальном, индивидуально – личностном, психофизиологическом. Детерминирующие факторы действуют на различных уровнях социальной организации, в которой личность является одной из подсистем.

Для девиантного поведения характерно его проявления с самого раннего возраста. Группы факторов данного поведения можно выделить следующие:

1. Внешние социальные условия;
2. Внешние условия физической среды;
3. Внутренние наследственно-биологические и конституциональные предпосылки;
4. Внутриличностные причины и механизмы отклоняющегося поведения.

Клейберг Ю.А., Алимханова Т.Р., Мисько А.В. выделяют только три основных фактора: социальный, биологический и психологический.

Известно, что неблагоприятная психологическая атмосфера в семье является важным фактором формирования преступного поведения у подростков. Родитель своей поддержкой и контролем должен помогать предотвратить вовлечение детей в противоправную деятельность.

Родительская модель поведения также оказывает большое влияние на поведение детей. Риск возникновения девиантного поведения у ребенка увеличивается в следующих случаях: неполные семьи, развод, ссоры между родителями, асоциальные семьи, враждебные взаимоотношения в семье. Девиантное поведение можно рассматривать как слепок социальных отношений в обществе. Также важнейшим фактором для формирования поведения ребенка является не только семейное воспитание, но и школьное. Большая часть преступлений совершается под воздействием внешних причин, однако в некоторых случаях имеет место быть прямое или косвенное влияние биологических факторов [10, с. 24].

Биологический фактор включает в себя физиологические особенности подростка, то есть неустойчивость жизненно важных факторов систем организма. Таким образом, биологическое объяснение, включает генетическую основу человека, особенности обменных процессов, специфику высшей нервной деятельности, отклонения или патологии в соматическом или нервно-психическом развитии, не учитывает тех индивидуальных случаев, когда физические признаки «свидетельствуют» о возможной девиации, а в реальной жизни этого не наблюдается.

Болезни, которые приводят к отклонению в поведении, были описаны в 19 веке. Некоторые из них это: хорея, меланхолия, невроз характера, социо-аффективный психоз. Итальянский тюремный врач Чезаре Ломброзо, считавший, что биологический склад человека связан с предрасположенностью к определенному типу поведения, выявил связь между криминальным поведением и определенными физиологическими особенностями. Так, «криминальный тип» есть результат деградации к более ранним стадиям человеческой эволюции. Для такого типа характерны такие черты как: скошенный лоб, выступающая нижняя челюсть, реденькая бородка и пониженная чувствительность к боли.

Э. Кречмер, У. Шелдон считали, что определенное строение тела означает присутствие характерных личностных черт.

Психологический фактор включает в себя такие параметры как, особенности темперамента, акцентуации характера, приводящие к повышенной внушаемости, быстрому усвоению асоциальных установок, склонности к уходам от трудных ситуаций или полное подчинение им.

Пот термином темперамент следует понимать индивидуально-своеобразные свойства психики, определяющие динамику психической деятельности человека. Данные свойства одинокого проявляются в различной деятельности человека в независимости от ее содержания, целей и мотивов. Они остаются постоянными в зрелом возрасте, и во взаимосвязи характеризуют тип темперамента. Конкретные проявления типа темперамента разнообразны [7, с. 16]. Они заметны как во внешней манере поведения, так и проявляются во всех сторонах психики, особенно в познавательной деятельности, сфере чувств, побуждениях и действиях человека, а также в характере умственной работы, особенностях речи и т.п.

В современном мире наука располагает достаточным количеством фактов, для того чтобы показать полную психологическую характеристику всех типов темперамента по определённой программе. Для составления психологических характеристик традиционных четырёх типов, следует выделить основные свойства темперамента:

Сензитивность характеризуется наименьшей силой внешних воздействий, необходимых для возникновения какой-либо психической реакции человека, и скоростью возникновения этой реакции.

Реактивность определяется степенью произвольности реакций на внешние или внутренние воздействия одинаковой силы (критическое замечание, обидное слово, резкий тон, даже звук).

Активность – это параметр свидетельствующий о энергичности интенсивности воздействия индивидуумом на внешний мир и преодолениям препятствия в достижении целей (настойчивость, целенаправленность, сосредоточение внимания).

Если соотнести реактивность и активность, то можно определить от чего в большей степени зависит деятельность человека: от случайных внешних или внутренних обстоятельств (настроения, случайные события) или от целей, намерений, убеждений.

Под пластичность и ригидность подразумевается насколько легко и гибко индивид может приспособиться к внешним воздействиям (пластичность) или насколько инертно и косно его поведение.

Темп реакций характеризует скорость протекания различных психических реакций и процессов, темп речи, динамика жестов, быстрота ума.

Также можно выделить два типа личности в зависимости от реакции и деятельности человека, это экстраверсия и интроверсия. Если, от внешних впечатлений, которые возникают в настоящий момент, то экстраверт. Либо если впечатление от образов, представлений и мыслей, которые связаны с прошлым и будущим, то это интроверт.

Для эмоциональной возбудимости характерно то, насколько слабое воздействие необходимо для возникновения эмоциональной реакции, и с какой скоростью она возникает.

Я. Стреляу учитывая все перечисленные свойства, дает психологические характеристики основных классических типов темперамента:

Сангвиник – индивид, у которого повышенная реактивность, но при этом активность и реактивность у него в норме.

Холерик, как и сангвиник, отличается низкой чувствительностью, высокой реактивностью и активностью. Но у холерика реактивность гораздо преобладает над активностью, это обуславливает его необузданность, несдержанность, нетерпеливость и вспыльчивость [3, с. 64].

Флегматик обладает высокой активностью, значительно преобладающей над малой реактивностью, малой чувствительностью и эмоциональностью.

Меланхолик имеет высокую чувствительность и малую реактивностью. Повышенная чувствительность при большой инертности приводит к тому, что незначительный повод вызывает у него слёзы, он чрезвычайно обидчив и болезненно чувствителен.

В период, когда происходит становление характера, его типологические особенности, которые еще не сглажены и не затушеваны жизненным опытом, выявляются так ярко, что могут напоминать психопатии, т. е. патологические аномалии характера. С взрослением черты акцентуаций обычно сглаживаются. Это позволило нам говорить о «преходящих подростковых акцентуациях характера».

Типы акцентуаций характера достаточно сходны и частично имеют схожесть с типами психопатий. Наибольшую известность получил термин К. Леонгарда «акцентуированная личность». Однако будет правильнее говорить об «акцентуациях характера».

Акцентуации характера – это крайние варианты нормы, при которых отдельные черты характера чрезмерно усилены, вследствие чего обнаруживается избирательная уязвимость в отношении определенного рода психогенных воздействий при хорошей и даже повышенной устойчивости к другим [7, с.19].

В зависимости от степени выраженности выделяют две степени акцентуации характера – явная и скрытая.

Явная акцентуация – это степень крайнего варианта нормы. Она характеризуется наличием достаточно постоянных черт определенного типа характера. Для того что бы распознать этот тип нужно тщательно собрать анамнез, сведения от близких, непродолжительное наблюдение, особенно в среде сверстников, а также результаты экспериментально-патохарактерологической оценки с помощью диагностического опросника.

Скрытая акцентуация. Эта степень можно отнести не к крайним, а к обычным вариантам нормы. В обыденной жизни и привычных условиях, черты определенного типа характера выражаются слабо или не проявляются вовсе [1, с. 318]. Даже при длительном наблюдении,

разносторонних контактах и детальном ознакомлении с биографией четкое представление об определенном типе характера составить сложно.

А.Е. Личко советский психиатр, выделил известные типы акцентуации характера [8, с.51]. В связи с акцентуацией характера появляется избирательная уязвимость в отношении определенного рода психогенных воздействий это можно наглядно рассмотреть на гипертимном типе подростков.

Характерной чертой гипертимного типа подросткового возраста является почти всегда хорошее, даже слегка приподнятое настроение. Лишь в редких случаях прекрасное настроение может омрачиться из-за вспышки гнева и раздражения, которые были вызваны противодействием окружающих, и стремлением подчинить своей воли. Реакция эмансипации сильно сказывается на поведении: такие подростки рано проявляют самостоятельность и независимость. Также для подростков данного типа характерно, что они плохо переносят строго регламентированный режим, контроль и жесткую дисциплину. Они крайне бурно реагируют на гиперпротекцию со стороны родителей и педагогов, которая выражается опекой, нравочениями и наставлениями. Гипертимные подростки не теряются в трудных ситуациях, они могут проявить находчивость, умеют ловчить и изворачиваться. Для них характерно пренебрежение правилами и законами, потому что относятся к ним очень легкомысленно. Сами того не замечая могут не проглядеть грань между дозволенным и запрещенным. Гипертимный тип встречается, как правило, в виде явной акцентуации [1, с.51]. На ее фоне могут возникать острые аффективные реакции и ситуативно обусловленные патологические нарушения поведения (ранняя алкоголизация, токсикоманическое поведение, эмансипационные побег и т.п.).

Выводы. Таким образом, следует подчеркнуть, что подростки, у которых имеются акцентуации характера, составляют группу повышенного риска развития расстройств психического здоровья. Это обусловлено связью с их уязвимостью к определенным пагубным влияниям среды или психических травм. Являясь крайними вариантами нормы, акцентуации характера выступают как фактор, повышающий риск развития психогенных нервно-психических расстройств или расстройств поведения. Результатом неблагоприятной социализации таких подростков может стать отклоняющееся поведение.

Литература

1. Александровский, Ю.А. Пограничные психические расстройства / Ю.А. Александровский. – М.: Медицина, 2000. – 496 с.
2. Вострокнутов Н.В., Василевский В.Г. Патологическое агрессивное поведение детей и подростков. Комплексная оценка на этапах возрастного психологического развития // Российский психиатрический журнал, 2000. – № 2. – С. 11-24.
3. Ениколопов, С.Н. Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. – 2001. – № 2. – С.60–72.
4. Змановская Е.В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения) / Е.В. Змановская. – М.: Академия, 2007. – 288 с.
5. Зубкова Т.С. Организация и содержание работы по социальной защите женщин, детей и семьи: Учеб. Пособие; 2-е изд. – М.: Академия, 2004.
6. Книжникова С.В. Девиантология для педагогов и психологов. Краснодар: Экоинвест, 2013. – 364 с.
7. Леонгард К. Акцентуированная личность. – М, 1968.
8. Личко А.Е. Психотерапия при психопатиях у подростков // Руководство по психотерапии / Под ред. В.Е. Рожнова. – Т.: Медицина, 1985. – С.484-506.
9. Шаталов Е.А., Малаева Л.О. Преступность среди несовершеннолетних: влияние семьи // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: Изд-во СибАК, 2015. – С. 44-51.
10. Шурыгина И. И. Девиантное поведение: методология и методика исследования. – М.: РЕГЛАНТ, 2004.

КИБЕРЛАФИНГ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ: ДЕВИАЦИЯ ИЛИ ОСОБЕННОСТЬ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ¹

Сиврикова Надежда Валерьевна,

кандидат психологических наук,
доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии
ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет», г. Челябинск

Аннотация. Статья посвящена анализу нового для современной школы явления (киберлафинг), связанного с широким внедрением интернет-технологий в образовательное пространство и распространением мобильных устройств с доступом к интернету. Киберлафинг рассматривается как особенность поведения представителей поколения цифровых аборигенов, которая имеет негативные и позитивные стороны. В статье представлено теоретическое и эмпирическое обоснование зависимости статуса киберлафинга (девиация или проактивность) у представителей поколения цифровых аборигенов от уровня его проявления.

Ключевые слова: киберлафинг, девиантное поведение, проактивность, информационно-коммуникационные технологии, медиапотребление, цифровые аборигены, цифровые мигранты.

Annotation. The article presents an analysis of the phenomenon (cyberloafing) new to the modern school, related to the wide introduction of Internet technologies in the educational space and the spread of mobile devices with access to the Internet. Cyberloafing is seen as a feature of the behavior of the digital natives generation, which has negative and positive aspects. The theoretical and empirical justification of the dependence of the status of cyberloafing (deviation or proactivity) among representatives of the digital natives generation on the level of its manifestation is presented in the article.

Keywords: cyberloafing, deviant behavior, proactivity, information and communication technologies, media consumption, digital natives, digital migrants.

Постановка проблемы. Цифровые технологии стали естественным фоном жизни современного человека. Они внедряются в различные сферы общественной практики, позволяют не только преодолеть географические границы, но и языковой барьер, ограничения, связанные со здоровьем и т.д. Темпы обновления технологий настолько высоки, что исследователи не всегда успевают оценить психологические последствия их внедрения. Ученые все чаще говорят о необходимости прогнозирования появления новых технологий и результатов их массового потребления.

Особую актуальность проблема использования цифровых технологий в образовании приобрела в связи с принятыми в ряде стран мерами по профилактике распространения коронавируса в 2020 году. В частности, в России все образовательные учреждения были переведены на дистанционную форму обучения. Преподаватели и школьники в экстренном порядке были вынуждены осваивать новый для них формат взаимодействия. Этот опыт оказался серьезным испытанием для всех участников образовательного процесса и вызвал массу негативных реакций в обществе. Но он также показал, что школы России имеют возможности для более широкого, чем на данный момент, внедрения цифровых технологий в образовательный процесс. И это касается не просто широко обсуждаемой в обществе идеи о переходе общего школьного образования полностью в дистанционный формат. Внимание педагогического сообщества заслуживают вопросы внедрения новых технологий в

---

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 18-013-00910

существующую систему образования. Предпринимаются практические шаги для создания единой цифровой образовательной среды. Перспективой ближайшего будущего является использование технологий виртуальной, дополненной и смешанной реальности для изучения наиболее сложных тем.

Исследования последних лет показывают, что участники образовательного процесса в разной степени готовы к использованию современных информационно-коммуникативных технологий для решения учебных задач [6]. Исследователи связывают это с различиями между поколениями. Они отмечают, что современные ученики относятся к поколению цифровых аборигенов. Это люди, которые родились в эпоху интенсивного развития цифровых технологий. Они начинают использовать цифровые устройства с самого раннего возраста и готовы к тому, что возможности их гаджетов постоянно меняются. Они не представляют себе жизнь без смартфона, планшета или компьютера. Цифровые технологии вызывают у них интерес. В то же время, учителя и родители современных школьников являются представителями поколения цифровых мигрантов. Многие из них родились и выросли в мире без персональных компьютеров и мобильных телефонов. Им пришлось осваивать эти технологии во время профессионального обучения, а потом неоднократно переучиваться, чтобы осваивать все более прогрессивные устройства и программы. Исследования показывают, что к цифровым технологиям у цифровых мигрантов возникает амбивалентное отношение. С одной стороны, они понимают пользу, которую могут извлечь из использования гаджетов. С другой стороны, у них возникает страх и сопротивление новым технологиям, которые могут носить неосознанный характер [7].

Несмотря на разрыв между поколениями, связанный с особенностями использования цифровых технологий, внедрение последних в образовательный процесс является свершившимся фактом. В дальнейшем эта тенденция будет только усиливаться. Поэтому перед современными педагогами и психологами стоит задача изучения новых психологических явлений, которые связаны с особенностями медиапотребления. К таким явлениям можно отнести киберлаффинг или использование цифровых технологий во время работы/учебы для решения личных задач. Внимание к данному явлению было привлечено западными исследователями в начале 2000-х годов. Первоначально термин «киберлаффинг» использовался для описания нежелательного поведения сотрудников на рабочем месте. В последнее время отношение к данному явлению постепенно меняется. Исследователи говорят, о том, что использование интернета на рабочем месте для решения не связанных с работой задач может иметь позитивные последствия.

Несмотря на большой интерес к проблеме киберлаффинга в академической среде со стороны зарубежных авторов в российской науке данному явлению уделяется неоправданно мало внимания. Вместе с тем, учителя признают, что нельзя ожидать, что школьники будут использовать цифровые устройства во время урока исключительно для решения учебных задач. Следовательно, киберлаффинг во время уроков представляет собой проблему, которая только усилится с повсеместным внедрением использования цифровых устройств в школе. Таким образом, с одной стороны, повсеместное использование цифровых устройств признается нормальной формой поведения для представителей поколения цифровых аборигенов. С другой стороны, использование цифровых устройств на уроке для решения задач, не связанных с изучаемым материалом, может рассматриваться как новая форма девиантного поведения.

Целью статьи является теоретическое и эмпирическое обоснование зависимости статуса киберлаффинга (девиация или проактивность) у представителей поколения цифровых аборигенов от уровня его проявления.

Изложение основного материала исследования. В данной работе будет представлен теоретический обзор исследований киберлаффинга, направленный на обобщение данных, указывающих на деструктивный характер данного вида поведения. Также будут представлены аргументы в пользу утверждения о том, что киберлаффинг представляет собой новый вид проактивного поведения и может носить позитивные эффекты. В качестве примирения двух

противоположных позиций в заключении будет представлена гипотеза о том, что киберлаффинг может рассматриваться как девиация в том, случае если его проявления превышают определенные значения и носит проактивный характер при умеренном уровне проявления.

Киберлаффинг как форма девиации

Многие исследователи приходят к выводу, что киберлаффинг представляет собой вредное отвлечение на проверку электронной почты, общение в социальных сетях и другие виды активности в сети во время урока. Подобное поведение приводит к потере концентрации внимания на учебном материале, снижает уровень усвоения материала, но не связано с учебной мотивацией [7]. Администрация и педагогический коллектив школ направляют свои усилия на контроль за несанкционированным использованием цифровых гаджетов на уроке. В школе вводятся запреты на использование смартфонов и планшетов во время уроков, что является барьером на пути внедрения информационно-коммуникативных технологий в процесс обучения.

Такой подход основан не теории сдерживания нежелательного социального поведения, часто используемой в исследованиях делинквентного поведения и правонарушений [5]. Согласно этой теории для устранения нежелательных форм поведения необходимо использовать три основных вида сдерживания: санкции, выявление и наказание. Следует отметить, что результаты эмпирических исследований не подтверждают действенность подобного подхода для снижения уровня киберлаффинга. В частности, было установлено, что с уровнем киберлаффинга связаны нормы, принятые в отношении использования информационных технологий в организации, но не правила и принципы, декларируемые руководством [5]. Иными словами, в классе дети будут скорее ориентироваться на то, как ведут себя другие ученики, чем на правила, декларируемые администрацией. Если другие учащиеся используют свои гаджеты на уроках, то и ученик, имеющий подобное намерение, не станет себя ограничивать несмотря на существующие запреты. В пользу девиантного характера киберлаффинга говорит тот факт, что способность его сокрытия является одним из главных факторов киберлаффинга [2].

Отдельные исследователи обнаружили связь киберлаффинга с такой формой девиантного поведения как зависимостью от смартфонов. Результаты исследований показали, что гаджетами во время уроков чаще пользуются школьники, которые не могут отказаться от их использования и в других контекстах [4].

Таким образом, ряд исследователей киберлаффинга делают акцент на деструктивных последствиях этого поведения для учебы и на факте нарушения ребенком принятых в школе норм и правил. Оба эти признака позволяет рассматривать киберлаффинг как новую форму девиантного поведения.

Киберлаффинг как форма проактивности

В последнее время отношение к явлению киберлаффинга в научном сообществе начало меняться. Исследователи обратили внимание на позитивные эффекты от подобного рода поведения. Прежде всего исследования показали, что уровень киберлаффинга зависит от возраста и образования. Причем корреляция с возрастом носит обратный характер, а с уровнем образования – прямой [1]. Первый факт позволяет говорить, что киберлаффинг является типичной (естественной) формой поведения для представителей поколения цифровых аборигенов, но не для представителей поколения цифровых мигрантов. Вторая взаимосвязь указывает на тот факт, что киберлаффинг требует от учеников овладение цифровыми навыками, которые являются одной из ключевых составляющих успеха современного человека. Эту идею подтверждает и тот факт, что школьники, использующие интернет во время урока для решения не связанных с учебной задачей, характеризуются более высокими пользовательскими навыками и более высоким уровнем метакогнитивной осведомленности [4].

Более глубокое исследование причин киберлаффинга показало, что эта форма поведения чаще проявляется в ситуациях, когда человек скучает или имеет возможность удаленной работы [3, 7]. Уровень киберлаффинга возрастает и при усилении стресса и снижается при соблюдении справедливости [7]. Эти данные позволяют заключить, что учащиеся не буду

использовать интернет во время урока для решения не связанных с учебной задачей, если на уроке им интересно, и если у них нет свободного времени. Подобные особенности проявления киберлафнга позволяют заключить, что он выступает как одна из новых форм проактивного поведения. Данный термин в настоящее время не имеет общепринятого определения. Вместе с тем, исследователи выделяют специфические черты проактивности: ответственность, надситуативность, антиципация, самоконтроль и самостоятельность, направленность на изменение, позитивное отношение к другим людям. Проактивность состоит в том, чтобы постоянно изучать меняющиеся пределы возможного и в этих рамках достигать своих целей, в том числе целей роста и развития. Доступ к сети интернет во время урока, открывает для учеников возможность избежать скуки и отвлечься от утомительного задания. К его использованию дети прибегают не часто, а только в случае, если для этого есть возможность (т.е. они не заняты выполнением непосредственного учебного задания). Следовательно, в настоящее время, киберлафнг является новой формой преодоления недостатков существующей классно-урочной системы обучения и одновременно индикатором ее несовершенств. О проактивном характере киберлафнга указывает и тот факт, что все его формы связаны с анализом информации и способствуют познанию нового и саморазвитию.

Гипотеза о зависимости статуса киберлафнга от уровня его проявления.

Теоретический анализ показал, что киберлафнг может рассматриваться и как форма девиантного и как форма проактивного поведения. Это связано с тем, что подобное поведение имеет как негативные, так и позитивные эффекты. Мы предполагаем, что в данном случае исследователи имеют дело с явлением, которое при умеренных своих проявлениях является проактивным, а при высоком уровне – начинает носить деструктивный характер. Доказательством этой точки зрения может служить тот факт, что киберлафнг связан с одной стороны с интернет-зависимостью, а с другой стороны с высокими навыками в использовании цифровых технологий. Поэтому мы провели эмпирическое исследование взаимосвязи уровня киберлафнга и особенностей медиапотребления подростков. Исследование проводилось в 2018 году в период летних каникул в условиях летнего лагеря. В исследовании приняли участие школьники в возрасте 13-15 лет (61 мальчик и 60 девочек). В качестве инструментов исследования использовалась русскоязычная версия шкалы киберлафнга (предложенной Y. Akbulut и др.) и опросник «Индивидуальный стиль медиапотребления» (Ю.Н. Долгова и др.).

Анализ полученных результатов показал, что школьники редко или крайне редко используют гаджеты на уроках для решения не связанных с учебной задачей. При этом они чаще всего ищут что-то интересное на разных сайтах или в социальных сетях. Менее всего на уроках подростки склонны играть в онлайн игры. Анализ стилистических особенностей медиапотребления подростков показал, что у участников исследования особенности медиапотребления в порядке возрастания степени их выраженности расположились в следующем порядке: эмоционально-познавательная вовлеченность, внутренний контроль, рефлексивная критичность, эффективность поиска информации. Собственные навыки в использовании интернета 4,1% участников исследования оценили низко. Опытными пользователями себя назвали 43,8% школьников. 37,2% опрошенных сказали, что являются продвинутыми пользователями сети интернет. 14,9% считают себя экспертами в области использования интернета. При этом можно отметить, что частота использования интернета связана с оценкой собственных навыков пользователя ($p=0.001$). Для участников исследования характерна относительно низкая эмоционально-познавательная вовлеченность в медиaprостранство.

Результаты корреляционного анализа по Спирмену показали, что стилистические особенности медиапотребления коррелируют с использованием во время уроков интернет-контента и игр. Внутренний контроль за медиа потреблением оказался более высоким у подростков, которые реже во время уроков посещают сайты и скачивают различный контент. Как и ожидалось, уровень эмоционально-познавательной вовлеченности в медиaprостранство связан с частотой игрового поведения во время уроков.

Таким образом, результаты исследования частично подтвердили гипотезу о том, что деструктивный характер киберлафнга приобретает в случае, когда его уровень становится

высоким. Вместе с тем, в целом в настоящее время среди подростков отмечается низкий уровень киберлаффинга, что может говорить о том, что риски, которые связывают с его распространением в академической среде являются преувеличенными. Однако, последнее утверждение носит гипотетический характер и требует дальнейшей эмпирической проверки.

Выводы.

Результаты исследования позволили сделать следующие выводы:

1. Киберлаффинг можно рассматривать как одну из форм девиантного поведения, поскольку он представляет собой нарушение принятых в школе норм и правил и приводит к ухудшению академических результатов детей.

2. О проактивном характере киберлаффинга можно говорить на основании того, что эта форма поведения используется в ситуациях, когда человеку скучно или когда он чувствует несправедливое отношение к себе. Кроме того, сам характер деятельности, связанный с киберлаффингом, позволяет отнести его к активности, направленной на познание и саморазвитие.

3. Эмпирические данные подтверждают существование корреляции между уровнем киберлаффинга и особенностями медиапотребления подростков. При этом уровень эмоционально-познавательной вовлеченности в медиaprостранство связан только с склонностью играть в интернет-игры во время уроков. А склонность просматривать сайты в сети во время уроков сильно зависит от уровня самоконтроля школьников.

В качестве заключения стоит отметить, что данное исследование является одним из немногих, которые были проведены в России. Оно имеет существенные ограничения, связанные с объемом выборки и методологией. Выдвинутые предположения и полученные частичные их подтверждения требуют дальнейшего изучения с использованием как качественных, так и количественных методов.

Литература

1. Dmoura M. M., Bakarb H. S., Hamzah M. R. An Antecedent, Consequences, and Policies View of Cyber Loafing among Students / M. M. Dmoura, H. S. Bakarb, M. R. Hamzah // *International Journal of Innovation, Creativity and Change*. 2020. № 2 (11). С. 325-338.

2. Hsin C.-T. [и др.]. The Influence of Young Children's Use of Technology on Their Learning: A Review / C.-T. Hsin // *Journal of Educational Technology & Society*. 2016. № 4 (17). С. 85-99.

3. Pindek S., Krajcevska A., Spector P. E. Cyberloafing as a coping mechanism: Dealing with workplace boredom / S. Pindek, A. Krajcevska, P. E. Spector // *Computers in Human Behavior*. 2018. (86). С. 147-152.

4. Saritepeci M. Predictors of cyberloafing among high school students: unauthorized access to school network, metacognitive awareness and smartphone addiction / M. Saritepeci // *Education and Information Technologies*. 2020. № 3 (25). С. 2201-2219.

5. Siew S. C., Gan P. L., Ramayah T. A review of the theories in cyberloafing studies / S. C. Siew, P. L. Gan, T. Ramayah // *Advanced Science Letters*. 2017. Т. 23. № 9. С. 9174-9176.

6. Sivrikova N. V. [и др.]. Interacting with participants of youth organizations through social networks: commitment and digital readiness of educators / N. V. Sivrikova // *Revista Dilemas Contemporáneos: Educación, Política y Valores*. 2019. № 108 (VI). С. 1-19.

7. Sivrikova N. V. [и др.]. Cyberloafing as a trait of a new generation: exploring perception of teenagers / N. V. Sivrikova // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2020. (LXXX). С. 1-9.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ У МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ

Симонова Галина Ивановна,
доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры педагогики,
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров;
Власов Александр Сергеевич,
преподаватель кафедры педагогических
технологий и предметных методик,
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров

Аннотация. В статье анализируются подходы к профилактике алкогольной зависимости у младших подростков. Характеризуются существующие модели и методы профилактики алкогольной зависимости у подростков. Выделяются особенности профилактики алкогольной зависимости у младших подростков.

Ключевые слова: профилактика, алкогольная зависимость, модели, методы, особенности профилактики.

Annotation. The article analyzes approaches to the prevention of alcohol dependence in younger adolescents. The article describes the existing models and methods of prevention of alcohol dependence in adolescents. The features of alcohol dependence prevention in younger adolescents are highlighted.

Keywords: prevention, alcohol dependence, models, methods, features of prevention.

Постановка проблемы. В настоящее время в России наблюдается растущая тенденция злоупотребления алкоголем среди младших подростков, вследствие чего происходит ухудшение состояния здоровья подрастающего поколения. Вредные привычки у младших подростков приводят сначала к психической зависимости, когда возникает желание или непреодолимое влечение к употреблению алкоголя, а затем и к физической зависимости, т. е. состоянию, в котором употребляемое вещество становится постоянно необходимым для поддержания нормального функционирования организма подростка и включается в схему его жизнеобеспечения. Согласно исследованиям 72% граждан проживающих в Российской Федерации приобщаются к употреблению спиртосодержащих напитков в возрасте до 15 лет [6]. В связи с этим актуальность приобретает выделение особенностей профилактики алкогольной зависимости в младшем подростковом возрасте.

Цель статьи. Определить особенности профилактики алкогольной зависимости у младших подростков.

Изложение основного материала исследования.

Одной из важнейших задач на современном этапе является профилактическая работа с младшими подростками. Профилактику следует рассматривать с позиций комплексного социально-биологического аспекта, процесса формирования организма и личности; факторов, определяющих наличие полноценного адаптационно-реабилитационного пространства в конечном итоге.

В системе профилактики формирования алкогольной зависимости выделяют несколько направлений: медицинское, юридическое, социальное [4, с. 103]. Как правило, все они ориентированы на «исправление» последствий алкоголизации – медики разрабатывают методы лечения зависимости, юристы предлагают варианты законодательных мер. Педагогическая профилактика употребления спиртосодержащих напитков рассматривается как вспомогательное звено. Между тем именно педагогическая профилактика употребления спиртосодержащих напитков во многом способна предотвратить употребление алкоголя

младшими подростками.

Родители, а нередко и педагоги, считают, что для того, чтобы сформировать у младшего подростка устойчивость к употреблению спиртосодержащих напитков, достаточно рассказать об опасности, вреде алкоголя. Но этого явно недостаточно.

Педагогическую профилактику употребления спиртосодержащих напитков нельзя свести к обычным наставлениям. Конечно, подростку нужно знать о последствиях употребления спиртосодержащих напитков, уметь оценивать опасность знакомства с алкоголем и выбирать правильную модель поведения в ситуации, когда его склоняют к употреблению алкоголя. Но для того, чтобы понять, как алкоголь влияет на здоровье младшим подросткам нужно иметь представление об устройстве и работе человеческого организма. Следовательно, педагогическая профилактика – это еще и формирование культуры здоровья детей. Педагогическая профилактика напрямую связана и с формированием у младших подростков их социальной компетенции. Если подросток умеет реализовывать свои потребности в общении, любви, получении удовольствия адекватными способами, то ему нет необходимости прибегать к помощи спиртосодержащих напитков. Особенностью профилактической работы является необходимость научить младших подростков правилам общения, умению избегать и преодолевать конфликтные ситуации, управлять своими эмоциями, прогнозировать результаты своего поведения.

Таким образом, педагогическая профилактика оказывается тесно связанной с очень многими направлениями формирования личности младшего подростка и должна охватывать все факторы социализации ребенка.

Для более полного понятия особенностей педагогической профилактики рассмотрим основные виды профилактики, которые выделяет Г.Н Тростанецкая. Педагогическая профилактика включает в себя три основных вида профилактики:

- 1) первичная профилактика, направленная на предупреждение реального приобщения подростков к спиртосодержащим напиткам;
- 2) вторичная профилактика, предотвращающая формирование алкогольной зависимости у несовершеннолетних, имеющих опыт употребления спиртосодержащих напитков;
- 3) третичная профилактика – педагогическая реабилитация подростков со сформированной зависимостью [3, с. 85].

Первичная профилактика включает в себя общую воспитательную работу с детьми. Ее основная цель заключается в формировании у младших подростков антиалкогольных установок, как внутриличностных регуляционных механизмов, обеспечивающих реализацию поведения в рамках здорового и безопасного образа жизни. В структуре формирования антиалкогольных установок выделяется информационный, оценочный и формирующий компонент. Информационный компонент включает в себя все сведения о вреде алкоголя, которые позволят предотвратить знакомство со спиртосодержащими напитками. Оценочный компонент базируется на негативном восприятии младшим подростком самого явления, факторов, связанных с ним. Поведенческий компонент представляет собой комплекс приемов и навыков, позволяющих младшему подростку избежать употребления спиртосодержащих напитков, а также вариантов поведения, обеспечивающих самоутверждение в рамках социально ценных источников.

Существует множество вариантов реализации этого направления. Это и использование на занятиях определенных обучающих программ, включение специальных сведений в содержание традиционных школьных курсов (например, на уроках биологии рассматривается влияние алкоголя на организм подростка и т.п.), организация тренинговых занятий, различных тематических мероприятий (акции, дискуссионные клубы и т.п.).

Вторичная профилактика заключается в работе с несовершеннолетними, имеющими опыт употребления спиртосодержащих напитков. Ее основная цель заключается в предотвращении дальнейшего развития алкогольной зависимости у подростков. Она связана с выявлением учащихся, употреблявших спиртосодержащие напитки, проведением различных тренингов, цель которых – научить младших подростков не употреблять спиртосодержащие

напитки. В случаях, когда это необходимо организуется психологическое, медицинское консультирование несовершеннолетних врачом психиатром-наркологом.

Третичная профилактика алкоголизма направлена на восстановление личности и ее эффективного функционирования в социальной среде после соответствующего лечения, уменьшения вероятности рецидива заболевания. Второе направление третичной профилактики – снижение вреда от употребления алкоголя у тех, кто еще не готов к прекращению его употребления. Главной целью третичной профилактики является формирование социально-поддерживающей и развивающей среды.

При реализации всех трех видов профилактики проводится работа с родителями. Это направление предполагает решение нескольких задач. В частности, воспитательных (осознание взрослыми членами семьи важности и необходимости специальной работы с детьми по профилактике развития алкогольной зависимости) и образовательных (освоение основных приемов организации семейной профилактики). Работа с родителями преимущественно в практике осуществляется за счет организации семинаров, лекций, привлечения взрослых членов семей к решению проблемы употребления спиртосодержащих напитков. Специальная работа направлена на родителей несовершеннолетних группы риска, а также тех детей, которые уже имеют опыт употребления спиртосодержащих веществ. Она предполагает индивидуальное консультирование взрослых, помощь при организации их взаимодействия с учреждениями подростковых наркологических служб, а также привлечение взрослых к участию в психолого-педагогических коррекционных программах, осуществляемых психологической службой [5, с. 25].

Выстраивая модель профилактики, формируя ее содержание, педагог учитывает особенности конкретной аудитории. Но, несмотря на возможное разнообразие, содержание любой модели должно отвечать определенным принципам: системность, парциальность, когнитивная адекватность, проблемная адекватность, социокультурная адекватность, наркологическая адекватность, опережающее обучение, персонификация целевого воздействия, опора на механизмы и феномены массового сознания, массовой культуры, принцип запретной информации [1, с. 218]. Рассмотрим каждый из приведенных принципов подробнее.

Системность – построение программы базируется на взаимодействии личностных (внутренних) и социальных (внешних) факторов, способных обуславливать поведение детей в отношении собственного здоровья. При этом педагог должен понимать, что среди этих факторов есть те, на которые он может реально повлиять (например, за счет специальной тренинговой программы у ребенка может быть снято состояние психологического напряжения), и есть факторы, повлиять на которые с помощью педагогических технологий невозможно. Педагогу важно осознать реальные возможности решения проблемы.

Парциальность – педагогическая профилактика рассматривается как часть общего процесса воспитания личности и реализуется через формирование у ребенка навыков позитивной социальной адаптации.

Когнитивная адекватность – максимальное соответствие форм, методов педагогической профилактики специфическим особенностям возрастного развития конкретной группы детей. Так, к примеру, при организации работы с младшими школьниками преимущественно должны использоваться скорее аффективные (затрагивающие эмоциональную сферу), чем традиционные методы воспитания; при работе с подростками не следует акцентировать их внимание на устрашающих фактах, связанных с наркотизацией (поскольку факторы, обладающие повышенной опасностью, привлекательны в глазах младших подростков).

Проблемная адекватность – в содержании работы должны быть отражены наиболее актуальные для конкретной возрастной группы детей проблемы их социального становления, а следовательно, учтены наиболее типичные механизмы вовлечения в употребление спиртосодержащих напитков.

Социокультурная адекватность – отражение в программах свойственных обществу стандартов и норм поведения, закрепленного стиля отношений в семье и т. п.

Наркологическая адекватность – учет при разработке модели особенностей национальной, региональной, локальной наркологической культуры. Так, к примеру, программы антиалкогольной подготовки младших подростков должны базироваться на формировании приемов противостояния к приобщению употребления спиртосодержащих продуктов) [5, с. 218].

Опережающее обучение – целевая подготовка детей должна быть организована заблаговременно, предваряя реальный этап возможного знакомства со спиртосодержащими напитками. Психологи считают, что оптимальный срок опережения составляет три года. С учетом того, что возрастная планка употребления спиртосодержащих веществ сегодня тоже постоянно снижается, начальные знания и умения у ребенка должны формироваться уже с дошкольного возраста. Именно так строится профилактическая работа в большинстве зарубежных стран.

Персонификация целевого воздействия – к организации антиалкогольной подготовки могут привлекаться люди, для которых проблема употребления спиртосодержащих напитков имеет личностную значимость (сумевшие преодолеть зависимость). Таким образом достигается эффект большей доверительности, подлинности, убедительности информации, поступающей к подросткам.

Опора на механизмы и феномены массового сознания, массовой культуры – в процессе подготовки несовершеннолетних следует задействовать специальные социопсихологические механизмы, обеспечивающие позитивное восприятие и принятие формируемых установок. Речь идет о феномене эффективного влияния через героев и атрибуты массовой художественной культуры, популярных, модных в среде молодежи. Действительно, информация, услышанная из уст кумира, его жизненная позиция непременно вызывают внимание, стремление подражать.

Принцип запретной информации – педагог не должен использовать в своей работе с детской аудиторией информацию, которая так или иначе способна облегчать приобщение к употреблению спиртосодержащей продукции.

В зависимости от преобладания тех или иных форм и методов выделяется несколько типов организации психолого-педагогической профилактики [7, с. 58].

Информационная модель является наиболее устаревшей в многообразии программ, направленных на профилактику зависимостей. Возраст этих программ составляет более ста лет, впервые они стали использоваться в школах уже в середине девятнадцатого века. Программы были направлены на борьбу с курением и употреблением детьми алкоголя. В основе модели лежит представление о том, что подростки употребляют одурманивающие вещества, потому что не знают об их опасности. Следовательно, если дать подросткам наиболее полную информацию о вреде спиртосодержащих напитков, они перестанут их использовать.

Первоначально информационные программы носили запугивающий характер, т. е. основной акцент делался на негативные, смертельные последствия употребления спиртосодержащих продуктов для здоровья. Между тем, как уже было сказано, такие приемы в отношении подростков оказываются малоэффективными. Связано это, во-первых, с естественной для несовершеннолетних склонностью вовлекаться в рискованное поведение, привлекательностью опасных факторов. Во-вторых, в силу недостаточно сформированного умения прогнозировать результаты своего поведения (что связано с возрастом) младшие подростки не могут до конца оценить для себя реальную опасность употребления спиртосодержащих напитков.

На смену запугиванию пришла модель фактических знаний. Детям предоставлялась максимально полная и объективная информация о самых разных аспектах употребления спиртосодержащей продукции. Предполагалось, что это даст молодым людям возможность самостоятельно оценить сведения и сформировать собственную позицию в отношении алкоголя.

Однако при использовании модели фактических знаний не учитывался ряд важных

факторов. Из-за отсутствия необходимого жизненного опыта подростки не всегда способны эффективно использовать свое право на самостоятельный анализ и сделать правильные выводы из услышанного, прочитанного, увиденного. Кроме того, избыточность информации может непреднамеренно провоцировать любопытство и интерес к проблеме.

Основными формами, используемыми в информационной модели, являются лекционные занятия, семинары, конференции, мини-спектакли и т.д. Детям при этом отводится пассивная роль слушателей, поэтому эффект такого информирования оказывается невысоким.

Модель поведенческих навыков. Программы этой модели ориентированы на формирование у детей определенных умений и навыков поведения, позволяющих избежать приобщения к употреблению спиртосодержащих напитков. Цель программ заключается не только и даже не столько в том, чтобы дать подростку представление об опасности употребления спиртосодержащих, сколько в том, чтобы научить его правильно вести себя.

Профилактика формирования алкогольной зависимости сводится к тренинговой работе. Но и у этой модели есть свои недостатки.

Во-первых, ситуации возможного употребления спиртосодержащей продукции чрезвычайно многообразны. Вряд ли младший подросток может освоить столь же много конкретных поведенческих схем. Во-вторых, поведенческая модель учитывает действие лишь внешних факторов, способных детерминировать употребление спиртосодержащих напитков (предложение со стороны окружающих). Внутрличностные характеристики (биологические, психологические особенности) остаются вне сферы внимания педагога. К тому же, предлагая подростку определенную схему поведения в ситуации отказа от пробы спиртосодержащей продукции, программа не учит его, как можно добиться решения своих проблем без помощи алкоголя. Преимущественными формами организации обучения здесь являются психотерапевтические занятия, тренинги, ролевые игры и т. п.

Конструктивно-позитивная модель. Описанные выше программы носят запретительный характер. Употребление спиртосодержащей продукции рассматривается как недопустимый вариант поведения, то взамен ребенку должны быть предложены другие варианты реализации своих потребностей. В отличие от информационной и поведенческой моделей В.И. Спрингер выделяет в конструктивно-позитивной модели то, что профилактика носит альтернативный характер. Программа учитывает взаимодействие и внешних, и внутренних факторов, способных провоцировать приобщение к спиртосодержащим напиткам, а также те функции, которые алкоголь выполняет в подростковой среде. Поэтому содержание профилактики в основном нацелено на обучение и помощь молодому человеку в социальной адаптации (освоение навыков конструктивного общения, рационального выбора, принятие решений в конфликтных ситуациях, предупреждение проблем, преодоление стресса и т.п.). Таким образом употребление спиртосодержащих напитков не столько запрещается, сколько «выдавливается» иными, позитивными формами поведения [8, с. 280].

В профилактической работе с младшими подростками продуктивными формами и методами работы являются:

1) лекция. Это самая популярная среди взрослых и самая нелюбимая среди учащихся форма педагогической профилактики. Рассмотрим особенности проведения лекций для младших подростков.

Для младших подростков лучше предложить мини-лекции (продолжительность которых не более 10-15 мин), являющиеся составляющими тренинга, ролевой игры и т. п.

Поскольку лекция предполагает определенные ролевые диспозиции участников: «лектор» и «аудитория», которая воспринимает готовую информацию, не следует использовать при выступлении дискуссионные материалы, требующие обсуждения, неоднозначной оценки. Их целесообразнее вынести на круглый стол, в спор-клуб и т. п. Для лекции же больше подойдет фактический материал (особенности воздействия спиртосодержащих напитков на различные системы и органы человеческого организма, специфика развития зависимости и т. п.).

При выборе темы выступления следует учитывать интересы самой аудитории. Поэтому,

прежде чем организовывать лекцию, желательно провести экспресс-опрос среди учащихся, выясняя, во-первых, уровень их информированности по данной проблеме (возможно, что та информация, которую вы хотите предложить, школьникам уже хорошо знакома), во-вторых, личностную значимость информации для подростков (считают ли они ее нужной, интересной, полезной). Предоставляемая информация должна быть объективной и достоверной. Даже из наилучших побуждений не следует искажать данные, пытаясь предостеречь своих слушателей от пробы алкоголя. Ведь такие «художественные преувеличения» способны вызвать недоверие аудитории к специалисту, пробудить сомнения в его компетентности. Следует избегать и еще одной крайности – избыточной информации. Нередко лектор (педагог, психолог) для того, чтобы завоевать аудиторию, старается рассказать абсолютно все, что ему известно по данной проблеме, забывая о том, что далеко не каждая информация интересна и полезна слушателям. Полностью должны быть исключены сведения, касающиеся технологии, описание эффектов, вызываемых, т. е. все то, что может спровоцировать употребления алкоголя. Не нужно злоупотреблять статистическими данными, поскольку «устрашающие» цифры вместо тревоги, ощущения опасности у подростка могут вызвать прямо противоположную реакцию: «все уже попробовали, а я еще нет». Использование статистики более целесообразно во время выступления перед взрослой аудиторией – родителями, педагогами.

Нередко для проведения профилактических мероприятий, лекций в школу приглашают врачей, сотрудников милиции. Считается, что такие выступления специалистов более эффективны, чем лекции, подготовленные педагогами.

Весьма эффективным оказывается прием, когда в качестве лектора выступает не педагог, а сами учащиеся. Во-первых, при самостоятельной подготовке лекции подростки гораздо лучше усваивают материал, чем при восприятии готовых сведений, преподносимых педагогом. Во-вторых, подростковая аудитория с большим доверием относится к информации, поступающей от их сверстника, а не от взрослого [9, с. 57];

2) тренинговые занятия. Это форма специально организованного общения, эффект воздействия которого основан на активных методах групповой работы. В ходе таких занятий успешно решаются многие проблемы развития личности подростка, которые педагогу не удастся решить каким-то иным путем.

Несмотря на это, в практике педагогической профилактики могут быть использованы некоторые приемы тренинговой работы, позволяющие детям «отработать» поведенческие навыки, помогающие избежать развития алкогольной зависимости. В ходе тренинговых занятий учащиеся получают полезный опыт межличностного взаимодействия, становятся более компетентными в сфере общения. Работая в тренинговой группе, участник может активно экспериментировать с различными стилями общения, осваивать и отрабатывать новые коммуникативные умения и навыки. А это значит, что повышается его устойчивость к употреблению спиртосодержащих напитков, уходит необходимость в обращении к алкоголю, как способу решения проблем общения.

Важной задачей тренинга является развитие функции рефлексии. Участники получают возможность глубже осознать свои личностные качества и найти способ их выразить, проявить. Это имеет большое значение для подростков, большинство из которых с раннего детства привыкают жить, пользуясь внешней оценкой родителей, учителей, друзей и др.

Вне зависимости от того, на решение каких конкретных задач направлено тренинговое занятие, его содержание должно отвечать определенным требованиям [10, С. 65]. При их несоблюдении тренинговое занятие как форма психолого-педагогического воздействия может утратить свою специфику и превратиться в обычный учебный процесс. Во время занятий обеспечиваются условия для равноправного и полноценного общения всех участников группы. Педагог, безусловно, ведет занятие, однако его руководство носит неявный характер, он не должен подавлять, диктовать условия, навязывать свою точку зрения остальным. Ведь иначе из тренера он превращается в скучного, нудного ментора, а тренинг становится обычной «воспитательной беседой». Продолжительность занятий должна быть определена в самом

начале работы. Участие в тренинговых занятиях добровольное. Ни в коем случае нельзя принуждать подростка, даже если вы убеждены в том, что тренинг ему жизненно необходим. Безусловным требованием проведения тренинговых занятий является полная уверенность участников в том, что их высказывания, поведение не станут предметом для обсуждения за пределами группы [2, с. 48];

3) ролевые игры. Ролевые игры могут использоваться для работы как со старшими, так и младшими подростками и позволяют осваивать и отрабатывать общие коммуникативные навыки (конструктивное общение, выбор и принятие решения, сопротивление внешнему давлению) и эффективные поведенческие модели. Такая подготовка, предваряющая реальное столкновение ребенка с возможностью употребления спиртосодержащих напитков, оказывается чрезвычайно полезной. Проигрывание детьми вариантов отказа от провоцирующего предложения способствует формированию у них определенных поведенческих стереотипов, которые способны выполнять функцию внутреннего барьера. Ролевые игры оказываются эффективными и при работе с детьми, уже использовавшими одурманивающие вещества, предотвращая их дальнейшее употребление спиртосодержащих продуктов.

Ролевая игра имеет определенную структуру. Начало игры предполагает обсуждение с участниками ее содержания и актуальности. Дети должны иметь представление о том, какие поведенческие навыки будут отрабатываться в ходе игры, как они могут быть использованы в повседневной жизни. Перед ее началом все участники обсуждают различные обстоятельства ситуации, определяется, при каких условиях она возникает, каков характер ее участников, могут ли быть вовлечены в ситуацию посторонние лица и т.п. Ребята могут в зависимости от собственных представлений самостоятельно выстраивать сюжетную линию. Перед ними ставится единственная задача – избежать употребления спиртосодержащей продукции;

4) проекты. В основе метода проектов лежит развитие у детей и подростков навыков, обеспечивающих им эффективную социальную адаптацию: способность планировать свою деятельность, прогнозировать ее результаты, строить взаимоотношения с людьми и т. д.

Метод проектов всегда ориентирован на самостоятельную деятельность и может использоваться при организации педагогической профилактики. В этом случае оценки установки детям не навязываются взрослыми, они сами формируют их в ходе реализации проекта.

Выводы.

Анализ теоретических источников позволил определить особенности профилактики развития алкогольной зависимости у младших подростков:

- направленность профилактической работы на обучение младших подростков правилам общения, умению избегать и преодолевать конфликтные ситуации, управлять своими эмоциями, прогнозировать результаты своего поведения;

- вовлечение родителей в профилактическую работу;

- учет в профилактической работе взаимовлияния внешних и внутренних факторов, способных провоцировать приобщение к спиртосодержащим напиткам;

- использование конструктивно-позитивной модели профилактической работы, которая обеспечивает младшим подросткам активное участие в процесс профилактики развития алкогольной зависимости:

- использование в профилактической работе с младшими подростками продуктивных методов и форм работы: мини-лекция, проект, ролевая игра, тренинговые занятия.

Литература

1. Березина, С.В. Предупреждение подростковой и юношеской наркомании / С.В. Березина. – М.: Изд-во Института Психотерапии. – 2005. – 438 с.

2. Гарифуллин, Р.Р. Скрытая профилактика наркомании: практическое руководство для педагогов и родителей [Текст] / Р.Р. Гарифуллин. – М.: ТЦ Сфера, 2002. – 317 с.

3. Гериш, А.А. Профилактика злоупотребления психоактивными веществами [Текст] /

Г.Н. Тростанецкая, А.А. Герш. – М.: АПКИПРО, 2002. – 272 с.

4. Копыт, Н.Я., Алкоголь и подростки. / Е.С. Скворцова, Н.Я. Копыт. – Москва: Медицина, 1984. – 48 с.

5. Макаров, В.В. Первичная профилактика наркоманических заболеваний у подростков // Вопросы наркологии. – 2003. – № 4. – С. 25 - 27.

6. Позднякова, М.Е. Алкоголизация населения как фактор дестабилизации российского общества // Феноменология и профилактика девиантного поведения: Материалы IV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции 28-29 октября 2018 г.: в 2 т. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. – Т.1. – 300 с.

7. Сирота, Н.А. Профилактика наркомании и алкоголизма / Н.А. Сирота, Ялтинский В.М. – М.: Академия. – 2003. – 176 с.

8. Суханов В.И. Вредные привычки: причины и профилактика /В.И. Суханова, В.А. Макович. – Челябинск. – 2006. – 375 с.

9. Фалькович, Т.А. Подростки XXI века. Психолого-педагогическая работа в кризисных ситуациях: 8-11 классы / Н.С. Толстоухова, Н.В. Высоцкая, Т.А. Фалькович. – М.: ВАКО, 2007. – 256 с.

10. Шипицына Л.М. Школа без наркотиков. Книга для педагогов и родителей: Изд. 2-е, перераб. и доп. // Под науч. ред., Е.И. Казаковой. – СПб.: ДЕТСТВО-ПРЕСС. – 2006. – 330 с.

УДК: 378.4

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ СОТРУДНИКОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ К РАБОТЕ С СЕМЬЕЙ ГРУППЫ СОЦИАЛЬНОГО РИСКА

Скляренко Инна Сергеевна,

доктор педагогических наук, доцент,
профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами ФГКОУ ВО «Академии управления МВД России», г. Москва

Курипченко Юлия Игоревна,

старший инспектор отделения планирования и контроля качества учебного процесса учебного отдела
ФГКУ ДПО «Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России», г. Домодедово

Аннотация. В статье рассматриваются практические рекомендации для сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних при их взаимодействии с семьями группы социального риска. Социально-педагогический инструментарий, зарекомендовавший себя в практической деятельности сотрудника подразделений по делам несовершеннолетних в работе семьями группы риска, иллюстрируется примерами. К таким инструментам относятся: Сетевая технология; специально используемые социально-педагогические методы; специально отобранный социально-педагогический диагностический инструментарий.

Ключевые слова: семья, семья группы социального риска, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних, социально-педагогический инструментарий, метод беседы, метод сочинения.

Annotation. The article discusses practical recommendations for employees of departments for juvenile affairs in their interaction with families of a social risk group. Social and pedagogical tools that have proven themselves in the practical activities of an employee of departments for juvenile affairs in working with families at risk are illustrated by examples. These tools include: Network technology; specially used socio-pedagogical methods; specially selected socio-

pedagogical diagnostic tools.

Keywords: family, family of a group of social risk, employees of departments for juvenile affairs, social and pedagogical tools, method of conversation, method of essay.

Постановка проблемы. В настоящее время в России продолжает оставаться актуальной проблема, касающаяся увеличения количества семей, относящихся к группе социального риска. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики (данные указаны в количестве человек) число лиц, состоящих на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних (далее – ПДН) органов внутренних дел на начало отчетного периода и поставленные на учет в отчетном периоде за 2018 год – 497183 (из них, родителей или иных законных представителей – 215606, несовершеннолетних – 281577) и за 2019 год – 489624 (из них, родителей или иных законных представителей – 213973, несовершеннолетних – 275651). При этом число семейных ячеек, имеющих детей моложе 18 лет (на 2018 год) – 17555160. Численность детей в возрасте до 16 (18) лет, на которых назначено ежемесячное пособие (к общей численности детей в возрасте до 18 лет) составляет 7020959 (на 2018 год) и 6997068 (на 2019 год) [7]. В сравнении приведенных чисел с количеством семей имеющих детей от 0 до 18 лет (по показателям количества семейных ячеек и численности детей на которых назначены ежемесячные пособия), такие данные становятся убедительными и подтверждают наличие обозначенной выше проблемы.

Соглашаясь с позицией, и дополняя ее в части касающейся, под семьей группы социального риска понимаем объект социально-педагогической деятельности, семью, имеющую трудноразрешимые проблемы, ограничивающие ее в возможности создания благоприятных условий для жизни и полноценного развития всех ее членов.

В системе правоохранительной деятельности, работу с такими семьями осуществляют сотрудники ПДН. В рамках исследований по вопросам решения проблемы профессионального взаимодействия с семьями группы социального риска, многие ученые (М.А. Галагузова, Н.Ф. Гейжан, Л.В. Мардахаев, И.А. Пермагаева М.В. Шакурова и др.) [1; 2; 4; 8] рассматривают процесс усовершенствования и модернизации подготовки таких специалистов.

Однако нам представляется интересным предложить практические рекомендации в работе с семьей группы социального риска для начинающих сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних и сотрудников, имеющих опыт, а также для других специалистов, имеющих отношение к данному направлению работы. Особый акцент в указанных практических рекомендациях сделан на описании социально-педагогического инструментария, применяемого во взаимодействии с семьей группы социального риска.

Целью статьи является обобщенное (и фрагментарное – фрагментов конкретных примеров) представление практических рекомендаций для сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних к работе с семьей группы социального риска, разработанных по результатам апробации Модели подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России к работе с семьей группы социального риска [3, с. 450-455].

Изложение основного материала исследования. В своей профессиональной деятельности инспектор ПДН, выполняя функциональные обязанности, руководствуется разнообразным социально-педагогическим инструментарием при взаимодействии с семьей группы социального риска.

По данным наших исследований наиболее результативными, с позиции профессионального сообщества, считаются следующие группы инструментов и инструменты:

- адаптированные к работе с семьей группы социального риска социально-педагогические методы (беседа, опрос, сочинение, наблюдение и т.д.);
- Сетевая технология;

- адаптированный к работе с семьей группы социального риска социально-педагогический диагностический инструментарий (включающий три группы методов: 1-я группа выявляет ценностные установки и ориентации у членов семьи, наличие отклоняющегося поведения; 2-я группа выявляет типы внутрисемейных, межличностных взаимоотношений в семье, наличие конфликтов; 3-я группа устанавливает тип семьи по группе риска).

Рассмотрим некоторые из указанных инструментов более подробно.

Под **сетевой технологией** понимается технология социально-педагогической работы с несовершеннолетним и сетью его социальных контактов, опирающаяся на использование ресурсов семьи, связей и отношений между людьми [5, с. 192-203; 6, с. 458-466].

К сети социальных контактов несовершеннолетнего относятся заинтересованные в его жизни лица из его окружения: семья, знакомые, друзья, соседи, учителя и другие работники образовательной организации, одноклассники, должностные лица.

Сетевая технология представляет собой четыре алгоритмических этапа.

Подготовительный этап предполагает проведение социального расследования, по итогам которого составляется *сетевая карта*.

Построение *сетевой карты* осуществляет инспектор ПДН совместно с главным героем – несовершеннолетним, по стандартизированной форме с применением условных обозначений в виде геометрических фигур. На круговую карту наносится сеть социальных контактов несовершеннолетнего из семьи группы социального риска, попавшего в трудную жизненную ситуацию. В центр карты помещается символ самого несовершеннолетнего, круг делится на сектора (семья, школа, друзья, интересы и др.). В выделенных секторах располагаются значимые для несовершеннолетнего лица. От несовершеннолетнего к обозначенным лицам проводятся линии, характеризующие их взаимосвязь позитивную, конфликтную либо разрыв отношений. Кроме реально существующих лиц на карте обозначаются еще и лица символические (герои любимых книг или фильмов, исторические личности, артисты) или умершие люди, которые оказали влияние на несовершеннолетнего.

Реализационный этап подразумевает организацию *сетевой встречи* – встречи необходимой в момент трудной жизненной ситуации для несовершеннолетнего и его семьи.

Цель сетевой встречи для ее участников: выявить в сетевых контактах семьи возможности для решения проблемы несовершеннолетнего и оказать посильную действенную помощь.

В обобщенный *план сетевой встречи* включаются обязательные позиции:

- 1) приветствие и представление участников встречи, актуализация проблемы и целеполагание;
- 2) высказывания участников встречи об ожиданиях от нее;
- 3) высказывание несовершеннолетнего о своей дальнейшей жизни и определение в ней роли членов семьи;
- 4) высказывания участников встречи предложений выхода из трудной жизненной ситуации несовершеннолетнего и его семьи;
- 5) выбор участников встречи максимально эффективного варианта выхода из кризиса. (заполнение специально разработанной формы по обязательствам сторон);
- 6) высказывания участников встречи о ее результатах.

Для удобства использования *Сетевой технологии* нами разработан стандартизированный бланк *Сетевой встречи*, включающий следующие основные блоки:

- 1) подготовка сетевой встречи: определение и указывание периода начала и окончания подготовки к сетевой встрече; изучение сети социальных контактов несовершеннолетнего и его семьи; составление сетевой карты по стандартизированной форме; характеристика приглашенных участников, способных разрешить проблему несовершеннолетнего и его семьи;

2) проведение сетевой встречи: определение и указывание конкретного времени и места сетевой встречи; указание ведущего сетевой встречи (инспектор ПДН); перечень участников сетевой встречи (заинтересованных в решении проблемы несовершеннолетнего и его семьи); фиксация предложений участников сетевой встречи (участники сетевой встречи выдвигают конкретные предложения); фиксация решений, вынесенных по результатам проблемы сетевой встречи (заключение ведущего, инспектора ПДН);

3) анализ результатов сетевой встречи: определение и указывание времени (число, месяц, год) и места проведения контрольной встречи с несовершеннолетним и его семьей (первой и по необходимости второй встречи).

Контрольный этап предусматривает контроль реализации разработанной программы выхода несовершеннолетнего и его семьи из кризисной ситуации, а также выполнения заявленных обязательств участниками.

Корректирующий этап допускает коррекционные действия и возврат к начальному этапу алгоритма, если проектируемый результат не в полной мере удовлетворил ожидания несовершеннолетнего и его семьи.

Рассмотрим фабулу одной из наиболее часто встречающихся ситуаций, возникающих в семье группы социального риска, связанной с проблемами несовершеннолетнего и успешно решаемой посредством Сетевой технологии.

Относительно выбранной фабулы определен примерный список участников, приглашенных на сетевую встречу, состоятельных с максимальной долей вероятности оказать помощь в решении проблемы несовершеннолетнего и его семьи, попавших в трудную жизненную ситуацию.

Фабула. Инспектору ПДН поступил сигнал XX.XX.XXXX г. от сотрудников магазина «Пятерочка» о том, что ими был задержан несовершеннолетний Стас Морозов (16 лет), который был пойман ими при попытке вынести из магазина продукты питания (колбасу, хлеб, картошку). По словам несовершеннолетнего, он не пытался украсть продукты питания, а ему разрешили их взять грузчики, работающие в магазине, которым он помогал разгружать товар в течение дня. Директор магазина «Пятерочка» готов не выдвигать обвинений в отношении несовершеннолетнего и просит разобраться в случившемся. По информации социального педагога, несовершеннолетний Стас Морозов проживает в неполной семье, где воспитывается матерью – Морозовой Еленой Владимировной – и является старшим из трех детей. Кроме того, известно, что семья находится за гранью бедности, а несовершеннолетний неоднократно пытался устроиться на работу, однако у него не получалось.

Информация из социально-педагогического паспорта семьи несовершеннолетнего:

- семья: неполная, несовершеннолетний воспитывается матерью;
- мать: Морозова Елена Владимировна, 40 лет, образование высшее педагогическое, работает воспитательницей в детском саду «Ромашка»;
- отец: Морозов Владислав Александрович, скончался около года назад вследствие хронического заболевания;
- главный герой – несовершеннолетний: Стас Морозов, 16 лет, ученик 10-го «А» класса, по характеристикам учителей, несовершеннолетний внимателен к окружающим, любит животных, имеет склонность к занятиям по труду.

Примерный список приглашенных на сетевую встречу по фабуле: несовершеннолетний; мать несовершеннолетнего; классный руководитель; социальный педагог; представитель социальной защиты населения; представитель от Центра занятости населения; представители образовательных организаций средне-специального и высшего образования.

Таким образом, сетевая технология нацелена на мобилизацию ресурсов членов семьи, сплочение социального окружения несовершеннолетнего для поддержки и возможности самостоятельного выхода из трудной жизненной ситуации.

Характеризуя следующую группу инструментов, адаптированных к работе с семьей группы социального риска, в качестве иллюстрации рассмотрим два социально-педагогических метода – метод беседы и метод сочинения.

Социально-педагогическая беседа – это метод социально-педагогической работы инспектора ПДН с несовершеннолетним и/или его семьей, который представляет собой диалог (полилог), систему вопросов и ответов в рамках сложившейся проблемной ситуации. Характеристика социально-педагогической беседы: целенаправленность, проявление взаимоотношений посредством взаимной работы (словесного общения).

К основным видам социально-педагогической беседы относят следующие:

- ознакомительная беседа – беседа, проводимая инспектором ПДН, целью которой является знакомство с несовершеннолетним, его семьей и опосредованно с его окружением;

- профилактическая беседа – беседа, проводимая инспектором ПДН, целью которой является предотвращение, недопущение возникновения или усугубления проблемной ситуации в отношении семьи группы социального риска;

- поддерживающая беседа – беседа, проводимая инспектором ПДН, целью которой является построение перспектив в отношении семьи группы социального риска, оказавшейся в проблемной ситуации;

- коррекционная беседа – беседа, проводимая инспектором ПДН, целью которой является исправление, корректировка проблемной ситуации, возникшей в семье группы социального риска.

Основные этапы проведения беседы: 1) актуализация беседы – привлечение собеседника к сотрудничеству; 2) установление контакта; 3) сбор информации по проблемной ситуации путем открытых вопросов; 4) конструктивная беседа – обмен мнениями, советами, вариантами разрешения проблемы; 5) завершающий этап – выработка решения.

Социально-педагогическое сочинение – это метод социально-педагогической работы инспектора ПДН с несовершеннолетним и/или его семьей, который представляет собой процесс выявления сути проблемной ситуации (причин, условий, путей решения и т.д.) через творческую работу объекта социально-педагогической деятельности.

Так, например, при работе с семьей, попавшей в группу социального риска по фактору приобщения несовершеннолетнего к криминальной субкультуре можно дать задание написать несовершеннолетнему сочинение по таким темам: «Права и обязанности несовершеннолетнего, достигшего 14-ти, 16-ти и 18-летнего возраста (виды наказаний)»; «Как я понимаю цитату римского философа Л.А. Сенеки: «Когда человек не знает, к какой пристани он держит путь, для него ни один ветер не будет попутным»».

Анализ социально-педагогического сочинения позволяет отразить существенные признаки сложившейся у несовершеннолетнего, в его семье трудной жизненной ситуации, оценить эмоциональный фон, интеллектуальный и культурный уровень высказываний.

В методе сочинения целесообразны этапы: 1) сбор информации о проблемной ситуации семьи группы социального риска; 2) подбор тем для сочинения; 3) проведение сочинения (соблюдение всех условий, необходимых для осуществления данного метода); 4) завершающий этап – анализ информации, полученной из сочинения.

В качестве примеров социально-педагогического *диагностического* инструментария, адаптированных к работе с семьей группы социального риска, рассмотрим два вида инструментов:

- методику Т.Н. Карпович «Выход из трудных жизненных ситуаций»;

- тест на определение атмосферы взаимоотношений в семье «Биополе семьи».

Методика «Выход из трудных жизненных ситуаций» (Т.Н. Карпович) позволяет показать, как члены семьи группы социального риска, могут по-разному выходить из затруднительных жизненных ситуаций, в том числе связанных с семейным воспитанием. Одни примиряются с проблемами, неприятностями, приспосабливаются к ним,

предпочитают «плыть по течению». Другие проклинают судьбу, эмоционально разряжаются и, в конечном счете, также успокаиваются, фактически не решая никаких проблем. Третьи замыкаются в себе и предпочитают «не видеть» проблем и т.д. Цель методики – выявить доминирующий у данного члена (членов) семьи способ решения жизненных проблем и в соответствии с этим спланировать необходимый комплекс мероприятий, для решения выявленной проблемы.

Тест на определение атмосферы взаимоотношений в семье «Биополе семьи» позволяет определить биополе, психологический комфорт между членами семьи, например, между родителями несовершеннолетнего, который имеет признаки педагогической запущенности. Данный тест поможет показать, какой тестируемые видят свою семейную жизнь – «трудной», «невыносимой», «кошмарной»; являются ли частично разочарованными в ней, в совместном проживании, испытывают ли некоторое напряжение или, несмотря на определенные «раздражители», все же находятся в семье с преобладающей позитивной энергетикой и т.д.

Выводы. Представленные нами фрагменты примеры из практических рекомендации для сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних к работе с семьей группы социального риска иллюстрируют социально-педагогический инструментарий, эффективный во взаимодействии с семьями указанной категории. Развитие мотивации и профессиональных компетенций по использованию указанных инструментов, особенно в совокупности, положительно отражается на профессиональной деятельности сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних, способствует решению служебных задач, возложенных на них в рамках реализации основных направлений деятельности.

Литература

1. Галагузова М.А., Мардахаев Л.В. Методика и технологии работы социального педагога / М.А. Галагузова, Л.В. Мардахаев - М.: Академия, 2008. – 192 с.
2. Гейжан Н.Ф. Социальная педагогика: учебное пособие. - СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2018. – 228 с.
3. Курипченко Ю.И. Модель подготовки курсантов образовательных организаций МВД России к работе с семьей группы социального риска / Ю.И. Курипченко // Бизнес. Образование. Право– 2019. – №2 (47). – С. 450–455. doi:10.25683/VOLBI.2019.47.264.
4. Пермагаева И.А. Формирование профессиональной компетентности будущего социального педагога для работы с детьми группы риска: [Текст] / дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.08. Нижний Новгород, 2009. – 260 с.
5. Складенко И.С., Курипченко Ю.И., Демин Г.И. Сетевая технология как педагогический инструмент [Электронный ресурс] / И.С. Складенко, Ю.И. Курипченко, Г.И. Демин // Интернет-журнал «Психология и право». – 2018. Том 8. – № 4. С. 192–203. – URL:<http://psyjournals.ru/psyandlaw/2018/n4/96407.shtml>.doi:10.17759/psylaw.2018080417 (WebofScience).
6. Складенко И.С., Соловьев А.А. Подготовка курсантов образовательных организаций МВД России к профилактике девиантного поведения несовершеннолетних [Электронный ресурс] / И.С. Складенко, А.А. Соловьев // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвящается 75-летию Гуманитарно-педагогической академии Ялта, 08-10 октября 2019 г. под редакцией Коврова В.В. – Ялта, 2019 г. – С.458-466.
7. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/13807> (дата обращения 02.08.2020).
8. Шакурова М.В. Методика и технология работы социального педагога: учебное пособие [Текст] / М.В.Шакурова. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 272с.

**ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В СИСТЕМЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ РАБОТЫ
(казахстанский опыт)**

Тесленко Александр Николаевич,
доктор педагогических наук (РК), доктор социологических наук (РК),
профессор кафедры социально-педагогических дисциплин
Кокшетауского университета им. А. Мырзахметова,
г. Кокшетау, Республика Казахстан

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме становления социально-психологической службы в системе образования столицы Казахстана – города Астана. Анализируется система психологического сопровождения учащейся молодежи средствами практической психологии и молодежной работы. Предлагаемая модель системы социально-психологической службы строится на принципах межведомственного партнерства и укрепления психологического здоровья

Ключевые слова: психологическое здоровье, социализация молодежи, поколения Z «центениалов», социально-психологическая служба, профилактика суицидального поведения, концепция жизнестойкости

Annotation. Article is devoted to an actual problem of social and psychological service formation in an Astana city' education system. The author analyzes system of psychological maintenance by means of the practical psychology and youth work studying youth. The offered model of system of social and psychological service is under construction on the principles of interdepartmental partnership and strengthening of psychological health.

Keywords: psychological health, youth socialization, «centennial» / Z generation, social and psychological service, prevention of suicide behavior, concept of hardiness.

Постановка проблемы. Современный период социально развития Казахстана характеризуется углублением противоречий различного характера, в том числе, и в области охраны прав и законных интересов несовершеннолетних, а также обострением проблем социальной дезадаптации молодого поколения в быстро меняющемся мире. Многообразие социальной реальности, социальных потребностей порождает многообразие норм. При этом нормативные системы общества не являются застывшими, навсегда данными: изменяются сами нормы, изменяется отношение к ним.

Практика последних десятилетий более чем убедительно показывает, что в быстро изменяющемся мире стратегические преимущества будут у тех обществ, которые смогут эффективно накапливать и продуктивно использовать человеческий капитал, а также инновационный потенциал развития, основным носителем которого является молодежь. В этой связи убедительно звучит тезис К. Манхейма о том, что молодежь по природе своей не прогрессивна и не консервативна, она – всего лишь сила, готовая к любому начинанию; во-вторых, задача науки состоит в том, «чтобы рассказать, что общество может дать молодежи и что общество может ожидать от молодежи (скрытый ресурс)» [6 с.451].

Цель статьи: рассмотреть место и роль системы психолого-педагогического сопровождения учащейся молодежи как важного компонента молодежной работы и профилактики девиантного поведения несовершеннолетних.

Изложение основного материала исследования. В условиях динамических изменений социума сформировалось уникальное молодое поколение т.н. *поколения Z или «центениалов»* [10]. В 2016 году по заказу крупнейшего российского банка «Сбербанка» проведено исследование поколения молодых россиян, родившихся после 2000 года [9]. Современные

молодые люди «родились с кнопкой в пальце», т.е. «социальные сети формируют ощущение потока, в котором все меняется каждую секунду», – констатируют исследователи. Для них онлайн – ведущее определение реальности, формирующее тренды, но тренды не долгосрочные. Информация потребляется маленькими, «перекусочными», порциями, при этом иконки, смайлики и картинки часто заменяют текст. Так, средний период концентрации представителя поколения Z на одном объекте – восемь секунд.

Молодые люди не испытывают пиетета к старшим, общаются с ними свободно и на равных, что позволяет несколько нейтрализовать конфликт поколений. Однако создает, новые проблемы, связанные с гиперопекой, максимальным давлением родителей, взваливающих на свои плечи все бытовые обязанности. В результате «поколение Z не нарабатывает навыков решения проблем реальной жизни».

Эгоцентристская позиция поколения Z проявляется в уверенности каждого молодого человека в своей уникальности и неповторимости. Но, вопреки такому самовосприятию, современные молодые похожи. Для них типично тотальное следование рекомендациям онлайн-СМИ, отсутствие ярко выраженных субкультур. «Поколение мейнстрима» не видит себя единым поколением и не замечает того, что их объединяет, а увлечения музыкой, экстремальными видами спорта или кино не воспринимаются как маркеры для дифференциации по принципу «свой – чужой».

Ведущая социальная установка современной молодежи – это поиск своего пути, а основная ценность – жизненный успех. Он измеряется разнообразием жизни и удовольствием от нее, а не богатством и статусом. Работа должна быть в радость, а главное – приносить доход, но не отнимать много времени. От будущей жизни они ожидают комфорт и спокойствие.

Психологически это поколение эмоционально неустойчивое и гипертоническое, склонное к агрессии и девиантному поведению. По данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан ежегодно 50 % правонарушений и преступлений, совершаемых в стране, приходится на молодежь. Так, за 2019 год было выявлено 95 021 человек, совершивших преступления, из которых 43 556 человек (45,8 %) находились в возрасте 14-29 лет на момент совершения преступления.

Согласно статистическим данным за 6 месяцев 2020 года в возрастной группе от 14 до 15 лет было совершено 370 преступлений, из числа которых преступления средней тяжести (302 факта), тяжкие (66 фактов) и особо тяжкие (2 факта). Ситуация с трендом преступлений в возрастной группе 16-17 лет, которые также относятся к категории несовершеннолетних, схожа с ситуацией 14-15-летних подростков.

В структуре преступлений, совершенных несовершеннолетними, наибольшая доля приходится на преступления против собственности – 2 547 (80,7 %), уголовные правонарушения против общественной безопасности и общественного порядка – 301 (9,5 %), уголовные правонарушения против личности – 209 (6,6 %). Чаще всего подростки совершают кражи – 1 656 (65 % всех правонарушений против собственности, совершенных лицами 14-17 лет), грабежи – 549 случаев (21,6 %), мошенничество – 109 (4,3 %). В 2017 году из хулиганских побуждений было совершено 269 правонарушений.

Вызывает беспокойство рост уголовных правонарушений, совершенных несовершеннолетними, по сравнению с прошлыми годами. Так, в категории 14-15 лет рост зафиксирован по следующим уголовным правонарушениям: «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» на 6 случаев (60 %) и «умышленное причинение средней тяжести здоровью» на 4 случая (44,4 %).

Подростковая преступность зачастую носит групповой характер. В 2019 году число несовершеннолетних, совершивших правонарушения в группах, достигло 1 455 человек (2018 год – 1 502 человека). Данная тенденция весьма опасна, так как любая групповая организация оказывает на человека более сильное воздействие, нежели индивид. Тем более, когда дело касается неокрепшей психики и несформировавшейся личности подростка, данные угрозы возрастают и могут нести необратимые последствия в виде перехода подростка в маргинальную делинквентную среду и усвоения им девиантных форм поведения

Представленная статистика ставит в число актуальных проблем – *профилактику девиантного поведения учащейся молодежи по месту жительства и учебы*. На наш взгляд, современная система профилактики правонарушений среди несовершеннолетних должна строиться на принципах психологического здоровья и социально-психологического благополучия. В данном случае *психологическое здоровье* означает умение адаптироваться к меняющимся условиям окружающей среды. А *социально-психологическое благополучие* предполагает наличие гармонии, равновесия между личностью и окружающей средой, то в качестве главного критерия в психологии здесь выступает адаптация ребенка в обществе. В психологии выделяют несколько *факторов социально-психологического благополучия человека*. Условно их делят на две категории: это факторы среды и субъективные особенности [6, с.83].

Педагоги-психологи выделяют несколько уровней благополучия:

1. Креативный. Ребенок легко адаптируется в любой среде. У него есть ресурсы для преодоления трудных ситуаций, он полон активности.

2. Адаптивный. В целом ребенок хорошо адаптирован в обществе, однако иногда проявляются отдельные моменты дезадаптации.

3. Ассимилятивно-аккомодативный. Дети этого уровня не способны строить гармоничные отношения с миром, или же их поведение зависит от внешних факторов [4].

Обеспечение социально-психологического благополучия и позитивного эмоционального самочувствия ребенка в современных условиях наравне с другими институтами и агентами социализации призвана *система социально-психологических служб* на государственном, региональном и местном уровнях.

Основной целью социально-психологической службы школы является обеспечение сопровождения психологического здоровья учащихся; их социализация и социальная адаптация. Задачи:

1. Реализация в работе с детьми возможностей, резервов развития каждого возраста;

2. Сопровождение развития индивидуальных особенностей детей: интересов, способностей, склонностей, чувств, отношений, жизненных планов;

3. Содействие созданию благоприятного для развития ребенка психологического климата, который определяется, с одной стороны, организацией продуктивного общения детей со взрослыми и сверстниками, с другой стороны – созданием для каждого ребенка на всех этапах онтогенеза *ситуации успеха в деятельности*, которая наиболее значима для ребенка в текущий момент социальной ситуации;

4. Оказание своевременной психологической помощи и поддержки детям и их родителям, педагогам и администрации школы;

5. Создание условий для своевременной коррекции в сопровождении индивидуального развития учащихся с проблемами поведения, социально-педагогической запущенностью;

6. Психолого-педагогическое просвещение для всех субъектов образовательного пространства школы.

Мы не случайно говорим о системе социально-психологических служб. Система – это целостность, определяемая некоторой организующей общностью этого целого. По Л.А.Блюменфельду [2], системой можно назвать такую совокупность элементов, в которой: заданы связи, существующие между этими элементами; каждый элемент внутри системы является неделимым; с миром вне системы она взаимодействует как целое; состоит из иерархии подсистем более низких уровней; имеет вертикальные и горизонтальные связи между внутренними элементами и внешним окружением

- сохраняет общую структуру при изменении внешних условий и внутреннего состояния.

Существенной характеристикой системы является степень ее *организованности*. В столице Казахстана выстраиванием системы социально-психологической службы на уровне Управление образования занимается Центр развития одаренности и психологического сопровождения «Астана дарыны». Специалистами Центра разработана модель развития социально психологической службы столицы (рис.1).

Цель: социальное и психологическое здоровье учащейся молодежи

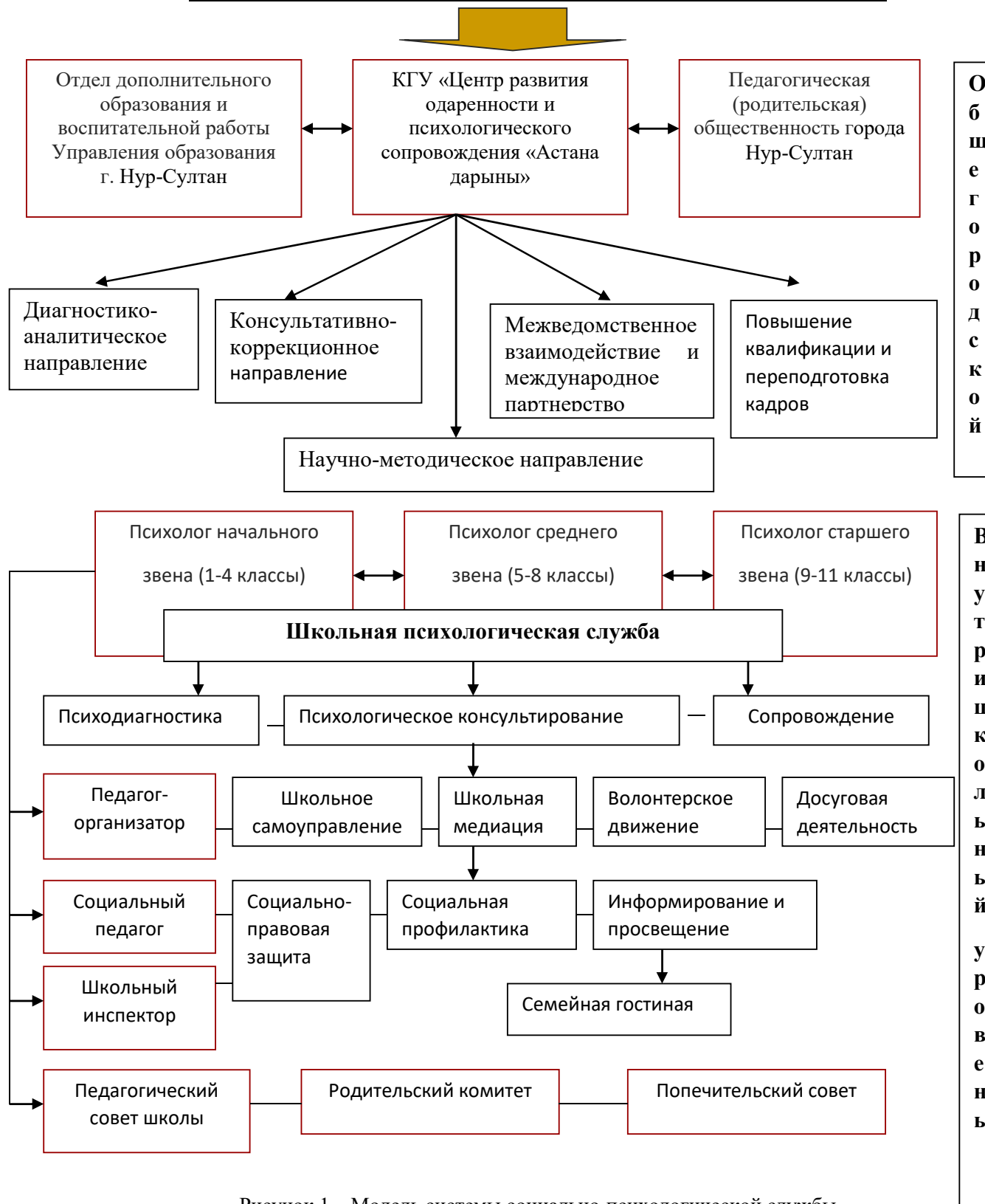

Рисунок 1. Модель системы социально-психологической службы г. Нур-Султан

Описывающая модель системы социально-психологической службы г. Нур-Султан, концепция сохранения и развития психологического здоровья учащихся включающий три основных направлений: диагностико-аналитическое; консультативно-коррекционное; профилактическое.

Рассмотрим их более подробно.

Диагностико-аналитическое блок предусматривает организацию общегородской Лаборатории компьютерной психодиагностики и психокоррекции на базе автоматической программ «Амалтея». Для первичной диагностики личностного развития подростка достаточны разнообразные методы сбора информации: наблюдения с опорой на маркеры риска девиантного поведения опросы родителей, педагогов, друзей, одноклассников, обобщение имеющихся диагностических материалов [1]. Лаборатория позволяет выявить подростков группы риска за счет быстроты обработки данных и оперативного получения результатов тестирования. Получение достоверных данных о состоянии психического состояния учащихся группы риска, позволит своевременно формировать программы психокоррекционной работы, благодаря освобождению его от трудоемких рутинных операций первичной обработки данных.

Главными достоинствами компьютерной диагностики являются:

- повышение четкости, тщательности и чистоты психологического исследования за счет увеличения точности регистрации результатов и исключения ошибок обработки исходных данных, неизбежных при ручных методах расчета выходных показателей;

- возможность проводить в сжатые сроки массовые психодиагностические исследования путем одновременного тестирования многих испытуемых;

- повышение уровня стандартизации условий психодиагностического исследования за счет единообразного инструктирования испытуемых и предъявления заданий вне зависимости от индивидуальных особенностей исследуемого и экспериментатора.

Лаборатория уже сегодня осуществляет мониторинг социальных сетей, анализ и быстрое реагирование на деструктивный контент в сети Интернет в рамках программы ТО «Интегра». Целью программы является отслеживание при помощи ID номера и электронной почты посещений подростками школ и колледжей запрещенного контента в трёх социальных сетях (ВКонтакте, Одноклассники, Mail агент): переписка на «стенах», группы, музыка и другого рода открытой информации. При помощи определенных триггеров, программа будет отслеживать активность подростка в социальной сети и при необходимости оповещать своего владельца о том, что тот или иной подросток посетил запрещенную или сомнительную группу, поставил лайк посту с сомнительным содержанием.

Консультативно-коррекционный блок включает широкий спектр общегородских и внутришкольных мероприятий, направленных на позитивную социализацию школьников, развитие их социального и психологического благополучия. Реализация этих проектов строится на плодотворном взаимодействии школьных социально-психологических служб с другими педагогическими структурами организации образования.

Школа и семья, образующие социальную среду подростка, как правило, не занимаются выстраиванием индивидуальной стратегии взаимодействия личности с собой и с миром. Семья формирует внешние социально-приемлемые формы поведения ребенка, а школа занимается преимущественно интеллектуальным развитием. Между тем именно эти два социальных института, ответственные за трансляцию норм и ценностей, демонстрируют дефицит *конструктивного и партнерского* (а не догматического или релятивистского) диалога с подростком. Более того, именно в школе и в семье, где подросток проводит большую часть своего времени в соответствующий возрастной период, особо остро встает проблема психологического, личностного «выживания» (в духе «Курса выживания для подростков» Ди Снайдера), проблема профессионального самоопределения и подготовки к будущей взрослой жизни.

Конструктивный, партнерский диалог в рамках личностно-ориентированного подхода к психологическому сопровождению учащихся требует, с одной стороны, профессионального

психологического и социально-педагогического сопровождения социально-ценностного ориентирования учащегося, гармоничного развития его личности, с другой – широкого социального партнерства всех институтов и агентов социализации, а следовательно, целостного, вневедомственного подхода к организации и управлению социальным воспитанием учащейся молодежи.

Прежде всего, речь идет о *триединой связке* «школьный педагог-психолог – социальный педагог – педагог организатор досуговой деятельности учащихся», от слаженного и плодотворного сотрудничества которых зависит эффективность и успешность работы по сохранению и укреплению психологического здоровья детей и подростков. Каждый специалист в рамках своих должностных обязанностей работает на одну единую цель по своими специфическими средствами.

Педагог-психолог работает с детскими коллективами по формированию навыков конструктивного взаимодействия, развитию познавательных процессов, интуиции, уверенности; проводят коррекцию школьной тревожности и неуспешности.

Главной сферой деятельности *социального педагога* является социум (сфера ближайшего окружения личности и сфера человеческих отношений). При этом приоритетному (особенно в современных условиях) является сфера отношений в семье и ее ближайшем окружении, по месту жительства.

Педагог-организатор по своему профессиональному назначению стремится организовать воспитательную работу (нравственного, физического, социального и т. п. плана) с целью позитивной социализации учащихся.

Основное взаимодействие социального педагога, педагога-психолога и педагога-организатора идет по направлениям:

1. *Социально-педагогическое*. Выявление социальных и личностных проблем детей всех возрастов.

2. *Социально-правовое*. Защита прав ребенка.

3. *Социально-психологическое*. Психолого-педагогическое просвещение с целью создания оптимальных условий для взаимопонимания в семье, в социуме.

4. *Социально-профилактическое*. Раннее выявление и предупреждение факторов отклоняющего поведения у обучающихся.

5. *Социально-диагностическое*. Установление причин отклоняющего поведения детей и подростков, причин социального неблагополучия семьи.

6. *Социально-информационное*. Повышение педагогической и законодательной грамотности.

Важнейшим направлением совместной деятельности специалистов разной специализации в рамках социально-психологической службы столицы является широкая просветительская работа с детьми, родителями и педагогами:

- создана общественная диалоговой площадки «Родительный клуб» на базе Центра для проведения лекций и тренингов по семейному воспитанию;

- функционирует постоянно действующий обучающий семинар «Школа молодого психолога», организация заседаний круглых столов, конференций для педагогов, психологов и родительской общественности;

- проводятся курсы повышения квалификации педагогических кадров с участием ведущих кафедр психологии ВУЗов Казахстана, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Профилактический блок. Безусловно, основной задачей школьных психологов остается *социально-психологическая профилактика* аутодеструктивного и аддитивного поведения учащихся, в основе которой позитивное изменение (самоизменение) взаимодействия личности подростка (его «Я») с социальной средой, правленое на формирование его субъектности, личностной и социальной ответственности, что является главным критерием социального и психологического здоровья.

Важным направлением профилактической работы мы считаем осознание и проявление в процессе учебно-воспитательной работы личностной стратегии поведения (самоизменения),

а не просто передачу (тиражирование) «готового» навыка. Поэтому мы считаем возможным обозначить наш подход к психологическому сопровождению учащихся как *личностно-ориентированную технологию социально-психологической поддержки*. При этом технология, формирование навыка, безусловно, остаются важнейшими структурообразующими компонентами (элементами) работы с учащейся молодежью (в частности, тренинга). Однако в рамках данного подхода (модели) становится невозможным лишь «оттренировать» навыки или шаблоны действий в определенных сложных жизненных ситуациях. Основная задача – «выращивание» личностных стратегий и тактик поведения в духе стратегии личностно-ориентированного подхода.

Конструктивный, партнерский диалог в рамках личностно-ориентированного подхода к психологическому сопровождению учащихся требует, с одной стороны, профессионального психологического и социально-педагогического сопровождения социально-ценностного ориентирования учащегося, гармоничного развития его личности, с другой – широкого социального партнерства всех институтов и агентов социализации, а, следовательно, целостного, вневедомственного подхода к организации и управлению социальным воспитанием учащейся молодежи.

Выводы. В целом, решение актуальных проблем девиантного поведения учащейся молодежи должна базироваться на системе социально-педагогических условий, основанных на определенных закономерностях и принципах воспитания. Они предполагают такую организацию молодежной работы, которая:

- *включает* субъектов молодежной работы в систему отношений к жизни как ценности, создает условия для понимания их содержания, определения своего ценностного отношения к жизни;

- *создает* воспитывающую среду, где личность как носитель социально-ценностных отношений к жизни, через эмоциональное переживание и оценку этих отношений в специально организованном воспитательном процессе выступает как субъект саморазвития и социализации;

- *направлена* на формирование осознанных ценностных отношений к жизни через организацию рефлексии и осмысления, определение личностного смысла стратегий и тактик социального поведения в духе стратегии личностно-ориентированного подхода.

Таким образом, становление социально-психологической службы в системе образования средствами практической психологии и молодежной работы способствует успешной социализации молодежи и повышению ее качества жизни в условиях становления гражданского общества.

Литература

1. Аутодеструктивное поведение детей: социально-педагогический мониторинг. Коллективная монография. / Под ред. А.Н. Тесленко – Астана, 2007.
2. Блюменфельд Л.А. Информация, термодинамика и конструкция биологических систем. – М.: Мир, 1967.
3. Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы / под ред. Д.Н. Гвишиниани. – М., 1997.
4. Здоровье и жизненные навыки. Методическое пособие для учителей. – Астана-Париж: ЮНЕСКО. 2015.
5. Психология детей с отклонениями и нарушениями психического развития / Под. Ред. В.М. Астапова. – СПб.: Питер, 2001.
6. Манхейм К. Избранное. Диагноз нашего времени. / пер. с нем. и англ. / гл. ред. и сост. С.Я. Левит–М.: Юрист, 1994. – 700 с.
7. Мудрик А.В. Введение в социальную педагогику. –М.: Педагогика, 1997.
8. Тесленко А.Н. Педагогика и психология социализации личности. – Астана: ЕАГИ, 2011.

9. 30 фактов о современной молодежи: исследование Сбербанка. / http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf

Howe, N; Strauss, W. Millennials Rising: The Next Great Generation. N.Y. Knopf Doubleday Publishing Group, 2000.

УДК: 37.02

ВАРИАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ПОЗИТИВНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ В ВОСПИТЫВАЮЩЕЙ СРЕДЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Тихомирова Евгения Ивановна,

доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры педагогики и психологии
ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»,
г. Самара

Аннотация. В статье актуализируется идея разработки вариативных моделей позитивной самореализации подростков в воспитывающей среде образовательной организации как условие профилактики их девиантного поведения. Представлены варианты таких моделей, результаты изучения позитивной самореализации подростков.

Ключевые слова: воспитание, подростки, самореализация, воспитывающая среда, модель, образовательная организация.

Annotation. In the present article the author shows how important is the idea of developing various models of teenagers' positive self-performance in educational environment of school institute that helps to prevent their deviant behavior. The author presents the detailed description of these models and also analyses of the results of teenagers' positive self-performance.

Keywords: upbringing, education, teenagers, self-realization, educational environment, models, educational institute.

Постановка проблемы. Подростки, не имеющие опыта позитивной самореализации в воспитывающей среде образовательной организации, чаще проявляют девиантное поведение как «протестное», в связи с тем, что не могут в полной мере реализовать свои интересы, потребности, способности. Возникает необходимость целенаправленно разрабатывать и использовать вариативные модели позитивной самореализации подростков в воспитывающей среде образовательной организации. Практика показывает, что увлечение многочисленными воспитательными мероприятиями не всегда решает проблему позитивной самореализации подростков. Нередко программируется выполнение подростками только заданных извне ролей, отсутствует самостоятельный выбор подростками способа самореализации, проявления своего «созидающего Я». В связи с этим, целесообразно создавать условия для позитивной самореализации подростков, специально разрабатывая вариативные модели этого процесса.

Возникающие педагогические проблемы ориентируют педагогов на целенаправленное моделирование позитивной самореализации подростков (ПСП), а не просто акцентирование внимания на активизацию участия в организуемых взрослыми мероприятиях. Такой подход обеспечивает профилактику девиантного поведения подростков, которые по природе своей активны, но не всегда позитивны. Анализ практики ПСП в воспитывающей среде образовательной организации позволил обнаружить, что профилактика девиантного поведения подростков осуществляется при условии целенаправленно-организованного моделирования этого процесса.

Целью статьи является актуализация проблемы целенаправленной разработки вариативных моделей позитивной самореализации подростков в воспитывающей среде образовательной организации как условия профилактики их девиантного поведения.

Изложение основного материала исследования. Анализ научной литературы, материалов научно-практических конференций свидетельствует о наличии научного интереса к вопросам активизации деятельности подростков как созидающих, саморазвивающихся субъектов, способных к позитивной самореализации. В этом контексте воспитание и личностное развитие подростков становится вновь актуальным, разноаспектно изучается учёными и практиками [1; 2; 3]. Исследователи акцентируют внимание также и на технологиях воспитания [4], изучаются возможности воспитывающей среды образовательной организации, осуществляется поиск путей совершенствования практики воспитания [5].

Актуализация проблемы позитивной самореализации подростков в воспитывающей среде образовательной организации ориентирует на её решение. С этой целью автором проанализированы тематические научные работы, обобщены современные практики воспитания подростков в образовательных организациях, проведено целенаправленное лонгитюдное включённое наблюдение способов ПСП в воспитывающей среде образовательных организаций, разработаны и апробированы, на специально организованных экспериментальных площадках, модели, проведены опросы, деловые игры, тренинги, тестирование. Всё это позволило автору разработать и внедрить вариативные модели ПСП в воспитывающей среде образовательной организации.

Разработка вариативных моделей ПСП базировалась: на аксиологическом подходе, ориентирующем на формирование ценностного сознания позитивно развивающейся личности (Г.П. Выжлецов, О.Г. Дробницкий, М.С. Каган, В.М. Розин); личностно ориентированном подходе, признающем личность высшей ценностью (Е.В. Бондаревская, В.В. Сериков, И.С. Якиманская). Вариативные модели ПСП в воспитывающей среде образовательной организации разрабатывались в контексте деятельностного подхода (К.А. Абульханова, А.Н. Леонтьев). Учитывались психологические закономерности процесса обучения и воспитания, структура деятельности, закономерности онтогенетического возрастного развития подростков. Специфика процесса ПСП изучалась в контексте идей позитивной самореализации личности (И.А. Зимняя, И.С. Кон, А.В. Мудрик). Использованы исследования процесса формирования субъектной позиции подростков (С.Х. Кадырова, Е.Л. Миронова, С.Е. Шабалкина). Изучена теория диалога (М.М. Бахтин, В.С. Библер, М. Бубер, С.Ю. Курганов), ориентирующая на субъект-субъектный характер позитивных взаимоотношений людей. Использованы положения организации целостной педагогической системы в контексте гуманитарно-целостного подхода в образовании (Е.В. Бондаревская, Н.М. Борытко, В.И. Ильин, Н.К. Сергеев).

В научных работах процесс воспитания и развития подростков исследован многоаспектно (Т.К. Ахаян, Л.И. Божович, Я.Л. Коломинский, И.С. Кон А.В. Мудрик, А.В. Петровский, А.М. Прихожан, Ф. Райс, Х. Ремшмидт, Н.Н. Толстых, Д.Б. Эльконин, Э. Эрикссон и др.). Теоретический анализ научной литературы и практики организации процесса ПСП позволили автору разработать идею реализации субъектной позиции подростков как проявления своего «созидающего Я». Позитивная самореализация подростков в воспитывающей среде образовательной организации – это процесс самостоятельного выбора способов позиционирования своего «созидающего Я» в познании, общении, деятельности как позитивно развивающейся личности. Именно «созидающее, а не разрушающее Я» характеризует позитивную самореализацию подростков. Опыт позитивной самореализации подростки активно приобретают в специально создаваемых позитивных содружествах и сообществах [см. подробнее 6]. Не останавливаясь детально на характеристике воспитывающей среды образовательной организации, отметим, что эта среда имеет свои возможности, используя которые обеспечивается ПСП. Воспитывающую среду образовательной организации условно мы определяем как среду, в которой хочется стать

лучше. Структурно она включает в себя специально организованные интегрированные пространства субъектной самореализации личности [см. подробнее 5].

На экспериментальных площадках, инициированных и организованных научно-исследовательской лабораторией Субъектной самореализации и инновационных технологий Самарского государственного социально-педагогического университета (НИЛ ЛаСС СГСПУ) апробированы модели позитивной самореализации подростков в воспитывающей среде образовательной организации. В частности, модель «когнитивного разнообразия», реализую которую подростки включаются в самостоятельный выбор разнообразных объектов познания. Индивидуальная целевая установка такого процесса ПСП – «хочу узнать»; модель «коммуникативной креативности», реализую которую в воспитывающей среде образовательной организации подростки включаются в позитивное взаимодействие, сотрудничество, цивилизованное соперничество, конкурсы, деловые игры, практикумы, тренинги. Индивидуальная целевая установка такого процесса ПСП – «мы вместе»; модель «праксеологической успешности», реализую которую в воспитывающей среде образовательной организации подростки приобретают позитивный опыт активной самореализации в разнообразных видах деятельности. Индивидуальная целевая установка такого процесса ПСП в этой модели – «я могу и делаю».

В процессе реализации вариативных моделей внедрялись специально разработанные авторские практикумы и тренинги позитивной самореализации подростков: «ЛИРА» – личностное развитие; «ЧИО» – часы интересного, интенсивного, инновационного общения; креативные практикумы – «Моя идея», «100 творческих конкурсов» и др. Определены основные направления ПСП в воспитывающей среде образовательной организации: информационно-когнитивное (познаю новое); креативно-коммуникативное (осваиваю практики взаимодействия); действенно-практическое (приобретаю опыт созидания). При поддержке педагогов подростками осваиваются технологии позитивной самореализации. Использую такие средства ПСП: «слово» – я хочу вам рассказать; «дело» – я это умею; «пример» – я это сделал.

Итоги исследования, проведённого НИЛ ЛаСС СГСПУ, позволили обнаружить наиболее популярные способы ПСП в воспитывающей среде образовательной организации: самопрезентация – позиционирование подростками полученных результатов, достигнутых успехов и установленных достижений. Самопрезентацию по итогам познания осуществляют 29% подростков, из числа обследованных; по итогам спортивных соревнований, турниров – 23% подростков, из числа обследованных. Самопрезентацию итогов креативных конкурсов, групповых творческих проектов – 27% подростков, из числа обследованных. Самопрезентацию итогов социально направленной деятельности – 21% подростков, из числа обследованных.

Коммуникативная солидарность как проявление позитивного взаимодействия проявляется участием подростков в групповых и коллективных мероприятиях, выбором и выполнением роли инициатора, организатора, коммуникатора, рефлексирующего участника: зрителя, слушателя. Креативная инициатива подростков как способ ПСП – это инициирование, разработка, внедрение собственных творческих проектов; лидерство – организация познания, общения, деятельности других людей.

Целенаправленно организованный в воспитывающей среде образовательной организации самостоятельный выбор подростками вариативных моделей позитивной самореализации предупреждает девиантное поведение подростков и обеспечивает его коррекцию. В частности, каждый третий подросток, включённый в процесс реализации своего «созидающего Я», изменил своё отношение к познанию, общению, социально направленной деятельности, стал активно включаться в познавательный процесс, проявлять самостоятельность, интерес. Каждый второй подросток стал менее агрессивным, более коммуникабельным, открытым для позитивного взаимодействия.

Выводы. Разработка и реализация вариативных моделей позитивной самореализации подростков в воспитывающей среде образовательной организации обеспечивает

приобретение опыта проявления и презентации самого себя в когнитивной, коммуникативной и праксиологической сфере. Такой опыт реализации и позиционирования своего «созидающего Я» – результат целенаправленно реализуемых вариативных моделей позитивной самореализации подростков в воспитывающей среде образовательной организации в настоящее время целесообразно широко внедрять.

Осуществляя позитивную самореализацию в воспитывающей среде образовательной организации, подростки получают возможность развивать свои потребности в познании, позитивном взаимодействии, продуктивной деятельности. Проведенное эмпирическое исследование показывает, что предоставляя подросткам возможность позитивно реализовывать себя, проявляя «созидающее Я» в познании, общении, деятельности, мы обеспечиваем возможность приобрести опыт позитивной самореализации в воспитывающей среде образовательной организации.

Литература

1. Гражданско-патриотическое воспитание детей и молодёжи в 21 веке как ресурс личностного развития человека: традиции, инновации, перспективы исследования: материалы Всероссийского научно-исследовательского, методического семинара-практикума с международным участием (7–9 февраля 2018 года) /сост. и отв. ред. Е.И. Тихомирова. – Самара: ООО «Научно-технический центр», 2018. – 572 с.

2. Социально-гуманитарные технологии личностного развития: опыт, инновации, перспективы: материалы III Международной научно-практической конференции (27–28 ноября 2014 г.). /Сост. и отв. ред. Е.И. Тихомирова – Самара : ООО «Издательство АСГАРД», 2015. – 215 с.

3. Теория и практика воспитания: педагогика и психология: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию со дня рождения Л.С. Выготского (Москва, 7–8 июня 2016 года). – М.: Изд-во Московского психолого-социального университета, 2016. – 816 с.

4. Технологии воспитания в общеобразовательных организациях: материалы Всерос. науч. - практ. конф. Кострома, 13-14 апреля 2017 г. / сост. А.Г. Кирпичник, О.В. Миновская, А.Г. Самохвалова, О.Б. Скрябина, Е.В. Тихомирова; под ред. Л.И. Тимониной; Костром. гос. ун-т. – Кострома : Костром. гос. ун-т, 2017. – 320 с.

5. Тихомирова, Е.И. Сущностная характеристика воспитывающей среды образовательного учреждения / Е.И. Тихомирова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы гуманитарных наук» – Изд-во СНЦ РАН, 2003. – С. 147-155.

6. Тихомирова, Е.И. Социальная педагогика: Самореализация школьников в коллективе: учеб. пособие для студ. Высш. учеб. заведений / Е.И. Тихомирова Допущено Учебно-методическим объединением по направлениям педагогического образования Министерства образования Российской Федерации. Изд.-е 2-е стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 144 с.

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

Федотов Сергей Николаевич,

начальник учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности
ФГКОУ ВО «Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя»,

доктор психологических наук, профессор
ФГКОУ ВО «МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя»,
г. Москва;

Милюкова Юлия Дмитриевна,

сотрудник отдела психологической работы
ФГКОУ ВО «Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя»,
г. Москва

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема исследования и развития индивидуально-психологических особенностей личности курсантов образовательных организаций МВД России. По результатам опытно-экспериментального исследования установлено, что посредством регулярного проведения упражнений социально-психологического тренинга можно сформировать определенный уровень индивидуально-психологических качеств курсантов, такие как: интеллектуальные способности, волевые качества, коммуникативные способности и др., и как следствие, повысить уровень учебной успеваемости курсантов образовательных организаций МВД России.

Ключевые слова: индивидуально-психологические качества личности, курсанты, образовательные организации МВД России, социально-психологический тренинг, структурно-функциональная модель.

Annotation: This article examines the problem of research and development of individual psychological characteristics of the personality of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. According to the results of the experimental study, it was found that through regular social and psychological training exercises, it is possible to form a certain level of individual psychological qualities of cadets, such as: intellectual abilities, volitional qualities, communication skills, etc., and, as a result, to increase the level of academic performance cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: individual psychological qualities of a person, cadets, educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, socio-psychological training, structural and functional model.

Постановка проблемы. При подготовке высококвалифицированных и компетентных специалистов для органов внутренних дел в период получения профессионального образования, а также в связи с особенностями учебной и служебной деятельности образовательных организаций МВД России следует учитывать не только профессиональные требования, предъявляемые к конкретной специальности, но и возрастные и индивидуально-психологические особенности личности курсантов, которые необходимо развивать и совершенствовать. Это важно и для того, чтобы качественно организовывать психологическое сопровождение учебно-воспитательного процесса курсантов образовательных организаций МВД России.

Целью статьи является теоретическое и эмпирическое обоснование значимости развития индивидуально-психологических особенностей личности курсантов образовательных организаций МВД России в период обучения.

Изложение основного материала исследования. В системе Министерства внутренних дел Российской Федерации¹ ввиду современных вызовов и становления российского государства наиболее важными и приоритетными являются следующие направления работы с личными составом: разработка и внедрение организационно-методических и правовых аспектов морально-психологического обеспечения сотрудников органов внутренних дел²; укрепление законности и дисциплины в служебных коллективах; профилактика и борьба с коррупционными правонарушениями, совершаемые сотрудниками ОВД; совершенствование ведомственной системы подготовки высококвалифицированных кадров.

Еще в 2014 году на расширенном заседании коллегии МВД России Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин отметил, «...в подразделения полиции должны прийти такие сотрудники, которые будут эффективно выполнять возложенные на них оперативно-служебные задачи, проявлять личную инициативу при выполнении обязанностей и обладать профессиональной компетенцией в сфере своей деятельности» [2, с. 3].

Признанию особой значимости образовательных организаций МВД России в части касающейся, профессиональной подготовки высококвалифицированных специалистов для органов внутренних дел, способствовал приезд Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина в Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя 10 ноября 2018 года. Президент Российской Федерации В. В. Путин положительно оценил методическое и техническое оснащение лабораторий, полигонов, кафедр и учебных аудиторий Университета.

Вместе с тем, Президент Российской Федерации В. В. Путин еще раз отметил: «...служба в органах внутренних дел это особая служба, требующая знаний, умений и навыков, в том числе владения современной техникой и оборудованием»³. В.В. Путиным было обращено особое внимание на главные качества сотрудников органов внутренних дел: личную порядочность, честность, преданность своему служебному долгу. Сказанное в полной мере относится к нынешним курсантам образовательных организаций МВД России, которые по точному замечанию главы государства являются представителями власти, и на них лежит огромный груз ответственности за исполнение властных полномочий, особенно в части охраны прав и свобод граждан, общества и государства.

Следует отметить, что спектр выполняемых профессиональных задач сотрудника полиции широк и многообразен. На первый план выходят следующие профессиональные задачи: обеспечение национальной безопасности, охрана общественного порядка; профилактика, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений; защита прав и законных интересов граждан и др. профессиональная деятельность сотрудника полиции сопряжена с негативными факторами и риском для жизни и здоровья, следовательно, можно сказать, что от индивидуально-психологических особенностей и личных качеств сотрудника полиции зависит эффективность решаемых им задач.

В этой связи нам представляется актуальным исследование индивидуально-психологических особенностей личности у курсантов образовательных организаций МВД России для задач профессиональной ориентации с целью реализации индивидуального подхода к каждому курсанту, для составления рекомендаций по организации учебной, служебной и научно-исследовательской деятельности с учетом врожденных психологических и психофизиологических предпосылок.

Ввиду того, что профессиональная деятельность сотрудников полиции предусматривает выполнение служебных задач в системе «человек-человек», следовательно, у курсантов образовательных организаций МВД России необходимо изучать и развивать те

---

¹ Далее – МВД России.

² Далее – ОВД.

³ <http://kremlin.ru/events/president/news/59082>

индивидуально-психологические особенности, которые будут способствовать эффективному выполнению служебных задач именно в этом векторе.

В исследовании А.В. Иваницкого отмечается: «...обучение в вузе имеет свои специфические особенности, сопряженные с тем, что учебная деятельность тесно перекликается с социальной активностью, профессиональным становлением и развитием, поиском возможностей для самореализации личностного потенциала студентов и т.д.» [1, с. 98]. В этой связи мы полагаем, что успешность в учебной деятельности может зависеть не только от индивидуально-психологических особенностей личности (темперамент, характер, способности, задатки), но и от индивидуально-психологических особенностей личности (самостоятельность, ответственность, коммуникативная компетентность, интеллектуальное развитие, инициативность, организаторские способности, волевые качества и др.).

Индивидуально-психологические особенности личности курсантов образовательных организаций МВД России необходимо рассматривать в их динамике и комплексно, в аспекте присущих им закономерностей: созревания, развития, становления и формирования. Они служат основной предпосылкой психологического портрета личности курсанта.

Сущность понятия «индивидуально-психологические особенности личности» составляют такие психологические категории, как познавательные процессы личности (ощущение, восприятие, память, мышление, речь, воображение), ее эмоционально-волевые характеристики (эмоции, чувства, воля), а также темперамент, характер, способности и направленность личности. Данные понятия в совокупности составляют структуру индивидуальных особенностей. Структура личности, предложенная С.Л. Рубинштейном представлена на рисунке 1.

Рисунок 1 – Психологическая структура личности по С.Л. Рубинштейну

Теоритический анализ проблемы индивидуально-психологических особенностей и их влияния на успешность в учебной деятельности курсантов образовательных организаций МВД России позволили нам разработать структурно-функциональную модель изучения и развития индивидуально-психологических особенностей курсантов (см. рисунок 2).

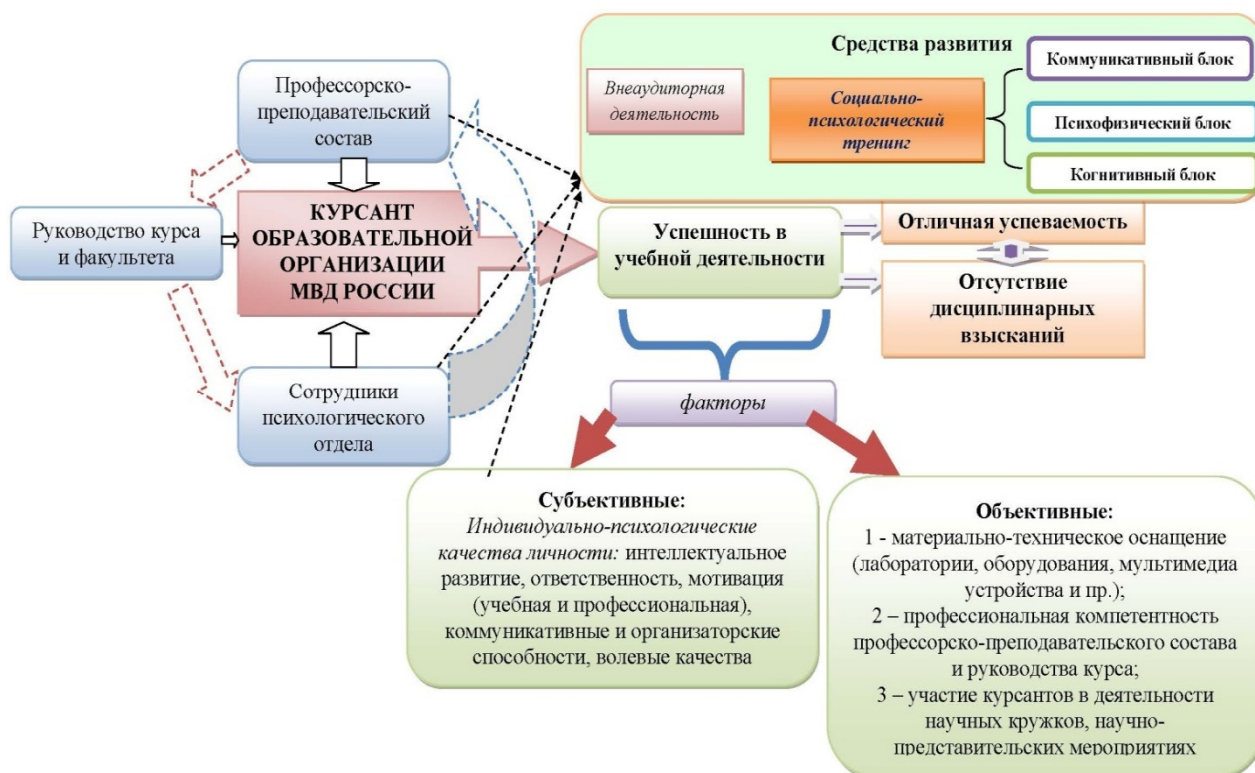

Рисунок 2 - Структурно-функциональная модель изучения и развития индивидуально-психологических особенностей личности курсантов образовательных организаций МВД России

Эффективность развития индивидуально-психологических особенностей курсантов образовательных организаций МВД России, как субъективного фактора успешности в учебной деятельности складывается из выявленных и обоснованных в теоретической части нашего исследования факторов, которые можно разделить на три основные группы:

- 1) психофизические;
- 2) коммуникативные;
- 3) когнитивные.

Данные факторы учитываются и используются в системе психологического обеспечения и сопровождения образовательной деятельности курсантов и подвергаются корректировке и управлению. Одним из средств развития индивидуально-психологических особенностей является социально-психологический тренинг, который будет подробно рассмотрен и описан в рамках формирующего эксперимента.

Структурно-функциональная модель изучения и развития индивидуально-психологических особенностей курсантов образовательных организаций МВД России является наглядным и обобщенным отражением изучаемого процесса и определяющим основные векторы к повышению его эффективности.

Проанализировав научные труды, посвященные проблеме индивидуально-психологических особенностей и их влияния на успешность в учебной деятельности курсантов образовательных организаций МВД России, перейдем к организации эмпирического исследования.

Экспериментальной базой исследования выступил Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. В экспериментальной работе на констатирующем этапе были задействованы 50 курсантов 4-го курса ФПСПОП, также в качестве экспертов были привлечены 25 сотрудников Университета из числа профессорско-преподавательского состава, курсовые офицеры и сотрудники группы обеспечения учебного процесса.

Ниже в таблице 1 описаны основные направления, объем и методики исследования.

Основные направления, объем и методики исследования

Направления исследования	Использованные методы и методики	Количество испытуемых; нормативные правовые акты; учебная документация
Исследование актуальности и степени разработанности проблемы	Теоретический анализ научной литературы, включая диссертационные исследования, монографии, научные статьи, обзоры	61 научный источник
Контент-анализ академической успеваемости курсантов	Беседа, анализ учебной документации, оценка балльно-рейтинговой системы показателей	50 учебных карточек; 50 карт индивидуально-воспитательной работы 7 полугодических отчетов учебной успеваемости по данному курсу с 2016-2019 учебный год
Обоснование выбора конкретных индивидуально-психологических особенностей личности, влияющих на успешность учебной деятельности курсантов	Экспертный опрос, анкетирование	25 сотрудников из числа профессорско-преподавательского состава, курсовых офицеров, сотрудники группы обеспечения учебного процесса; 50 курсантов 4-го курса ФПС ПООП
Подборка батареи психодиагностических методик для проведения эмпирического исследования	<ul style="list-style-type: none"> - Методика оценки коммуникативных и организаторских склонностей (КОС-2) В.В. Сияевского и Б.А. Федоришина; - Методика диагностики учебной мотивации (А.А. Реан и В.Я. Якунин, модификация Н.Ц. Бадмаевой); - Методика «Волевые качества личности (ВКЛ)» М.В. Чумакова; - Методика Краткий ориентировочный тест (КОТ) В.Н. Бузина и Э.Ф. Вандерлика; - Методика «Мотивация профессиональной деятельности» К. Замфир в модификации А.А. Реана; - Тест «Экспресс-диагностика ответственности (ЭДО) 	50 курсантов
Статистический анализ полученных данных	<p>Кластерный анализ; Т – критерий Вилкоксона; угловой критерий F-Фишера</p> <p>Microsoft Office Excel 2007 и Statistica.</p>	Все показатели; показатели экспертной оценки; результаты показателей ЭГ после проведения программы социально-психологического тренинга

В своей гипотезе мы предположили, что существует 4 уровня успешности курсантов: 1) продуктивно-творческий; 2) продуктивный; 3) формально-допустимый и 4) нормативно-удовлетворительный.

Посредством кластерного анализа мы выяснили, какие именно характеристики (в соответствии с названием шкал) наиболее всего влияют на уровень успешности [4, с. 119].

По полученным данным мы можем сказать, что продуктивно-творческий уровень характеризуется преобладанием в учебной деятельности прежде всего коммуникативных, профессиональных и социальных мотивов. Что касается профессиональной мотивации, здесь мы наблюдаем низкие показатели внешней отрицательной мотивации, причем сразу отметим, что данный показатель характерен для каждого уровня успеваемости. Это свидетельствует об удовлетворенности выбором профессии, и, возможно, это может быть связано с тем, что при профотборе в Университет учитывается какой компонент профессиональной мотивации преобладает у абитуриента. Далее следует отметить, что успешности в учебной деятельности курсантов способствует наличие высокого уровня развития таких качеств, как решительность, настойчивость и целеустремленность.

Стоит отметить, что преобладание коммуникативных, профессиональных и социальных мотивов в учебной деятельности характерно и для продуктивного, и для формально-допустимого уровня успешности. Это говорит о том, что в целом курсанты удовлетворены выбранной профессией и стремятся познавать специфику своей профессиональной направленности.

Такие качества, как решительность и целеустремленность, у курсантов, имеющих продуктивный уровень успешности, развиты лучше, нежели у курсантов с формально-допустимым уровнем успешности.

Что касается нормативно-удовлетворительного уровня, то в данном случае профессиональные и социальные мотивы сформированы на более низком уровне, и здесь стоит вопрос отсутствия включенности в образовательный процесс и неприятия социальной роли профессионала, отсюда же и вытекает, как следствие, низкий уровень сформированности таких качеств, как решительность, настойчивость и в особенности целеустремленность.

Таким образом, проведенный в ходе констатирующего эксперимента анализ позволяет нам сделать вывод о необходимости проведения в формирующем эксперименте цикла упражнений программы социально-психологического тренинга, с целью повышения уровня развития индивидуально-психологических особенностей личности, а также повышения уровня учебной успеваемости курсантов.

С целью проведения формирующего эксперимента, мы, исходя из уровней успешности, разделили респондентов на контрольную группу (КГ) и экспериментальную (ЭГ). В КГ входят 15 курсантов, имеющих продуктивно-творческий и продуктивный уровни успешности (то есть курсанты, имеющие высокие показатели в учебной успеваемости и высокие показатели по результатам психодиагностического исследования); в ЭГ – 35 курсантов, с продуктивным, формально-допустимым и нормативно-удовлетворительными уровнями успешности (курсанты, имеющие средний и низкий уровень успеваемости, а также средние и низкие показатели по результатам психодиагностического исследования).

С экспериментальной группой мы проводили комплекс упражнений программы социально-психологического тренинга. Занятия проводились на протяжении 2-х месяцев по два раза в неделю после плановых учебных занятий (для удобства проведения занятий экспериментальная группа была поделена на две подгруппы по 17 и 18 человек; соответственно, с каждой подгруппой проводилось по 2 занятия в неделю).

Продолжительность занятия 90 минут: 15 минут на вводную часть, включающую в себя приветствие друг друга, раскрытие темы занятия, постановку целей и задач. На основную часть отводится 60 минут: проводятся непосредственно сами упражнения по трем блокам I блок – коммуникативной направленности; II блок – направлен на психофизическую составляющую; III блок – когнитивный (см. таблицу № 2). Заключительная часть проводится в течение 15 минут, где обсуждаются результаты проделанной работы; каждый курсант дает

обратную связь по поводу приобретенных знаний, подводятся итоги занятия, определяется: достигнута ли цель занятия и т.д.

Таблица 2

Характеристика цикла упражнений социально-психологического тренинга

Название блока	Цель	Краткая характеристика
Коммуникативный блок	Развитие навыков профессионального, грамотного коммуникативного общения. Развитие навыков и умений по анализу совместимости курсантов внутри взводов, а также в будущем в служебных коллективах подразделения.	Важными принципами тренинга являются овладение инициативным стилем общения; совершенствование умений продуктивного общения; проработка опыта понимания окружающих людей. Упражнения данной направленности позволяют быть гибкими и одновременно в ходе коммуникаций решать ряд различных вопросов, а также дают возможность научиться конструктивно выходить из конфликтной ситуации.
Психофизический блок	Развитие навыков саморегуляции и контроля эмоциональной сферы личности. Развитие способности к быстрому восстановлению, повышению работоспособности.	Упражнения способствуют повышению психологической резистентности к различным стрессовым ситуациям. Позволяют научиться контролировать и управлять своим эмоциональным состоянием в повседневной и профессиональной деятельности.
Когнитивный блок	Научение приемам комплексного воздействия на уровень развития и функционирования познавательной и мотивационно-волевой сферы, способностей, личностных черт. Развитие внимания, памяти, воображения, мышления.	Упражнения способствуют тренировке и развитию визуальной памяти, совершенствованию словесно-логической памяти, выработке процессов запоминания большого объема информации. Также позволяют повысить уровень слаженности и эффективности работы игрового коллектива; проверить уровень развития невербального общения и др.

Для определения значимости среднестатистических показателей уровня развития коммуникативных и организаторских способностей в ЭГ до и после проведения программ социально-психологического тренинга, мы воспользовались непараметрическим критерием Т – критерий Вилкоксона.

Сравнительный анализ результатов ЭГ до и после проведения программы социально-психологического тренинга по уровню развития коммуникативных и организаторских способностей показал, что количество респондентов, имеющих уровень развития коммуникативных и организаторских способностей «выше среднего» увеличился (практически в 2 раза), также уменьшилось количество респондентов, ранее имеющих уровень «ниже среднего». Также в ЭГ произошли изменения к определению мотивов учебной деятельности.

Полученные экспериментальные данные говорят о том, что некоторая часть респондентов изменила свое отношение к профессии, изменились и потребности в

профессиональной деятельности. В большей степени наблюдаются отличные от первоначальных ответы на утверждение «Стремление избежать критики со стороны руководителя и коллег» и «Стремление к продвижению по службе», что свидетельствует о том, что у некоторых курсантов появилась бóльшая заинтересованность в профессиональной деятельности.

Достаточно сильно возрос «высокий» уровень развития волевых качеств личности, и ~ в 1,5-2 раза уменьшилось количество испытуемых с первоначальным «низким» уровнем. Это позволяет сделать вывод о том, что посредством проведения программы социально-психологического тренинга нам удалось развить волевые качества личности курсантов.

Следует отметить, что проработав упражнения программы социально-психологического тренинга, в частности по когнитивному блоку, мы смогли добиться желаемого результата – повысить уровень развития интеллектуальных способностей у курсантов.

Сравнительный анализ результатов ЭГ по тесту «Экспресс-диагностика ответственности» до и после проведения программы социально-психологического тренинга показал, что после проведения ряда упражнений социально-психологического тренинга, уровень ответственности курсантов значительно возрос. То есть курсантов можно охарактеризовать, как людей, готовых взять на себя ответственность за собственные поступки, решения.

После того, как нами был проведен кластерный анализ, повторное психодиагностическое исследование, проделан сравнительный анализ результатов ЭГ до и после проведения социально-психологического тренинга, нам важно было понять, как изменилось количество курсантов по уровню успешности.

Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

Результаты формирующего эксперимента

Уровень успешности	Кол-во респондентов по уровню успешности (чел)	
	ДО	ПОСЛЕ
Продуктивно-творческий	4	4
Продуктивный	11	32
Формально-допустимый	30	12
Нормативно-удовлетворительный	5	2

Таким образом, мы видим, что среди курсантов снизилось количество респондентов, имеющих нормативно-удовлетворительный уровень успеваемости, и значительно возросло количество респондентов, уровень успешности которых ранее был формально-допустимым, а стал продуктивным.

Это свидетельствует об эффективности примененной программы социально-психологического тренинга.

С помощью критерия F-Фишера рассчитаем полученные данные. Результаты представлены в таблице 4 и на рисунке 3.

Таблица 4

Данные статистического расчета по критерию F-Фишера

Группы	"Есть эффект": задача решена	"Нет эффекта": задача не решена	Суммы
	Количество испытуемых	Количество испытуемых	
Экспериментальная группа (ДО)	11 (31.4%)	24 (68.6%)	35 (100%)
Экспериментальная группа (ПОСЛЕ)	33 (94.3%)	2 (5.7%)	35 (100%)

Ответ: $\varphi^*_{\text{эмп}} = 6.145$

Полученное эмпирическое значение φ^* находится в зоне значимости. H_0 отвергается

Рисунок 3 – Статистический анализ полученных данных

С помощью углового критерия F-Фишера при $\varphi_{\text{эмп}} = 6,145$, мы наглядно доказали различия результатов ЭГ до и после проведения программы социально-психологического тренинга. На основании этого мы на уровне статистической значимости можем сказать, что использованная нами программа социально-психологического тренинга, является эффективной и рабочей, а это правомерность нашей гипотезы.

Таким образом, можно констатировать следующее:

Нами был проведен констатирующий эксперимент, в ходе которого мы посредством экспертного опроса выявили определенные индивидуально-психологические особенности личности курсантов, влияющие на успешность их учебной деятельности: 1) коммуникативные способности; 2) интеллектуальные способности; 3) мотивация; 4) волевые качества личности; 5) ответственность.

Также на данном этапе исследования посредством психодиагностических методик мы изучили уровень сформированности этих индивидуально-психологических качеств у курсантов 4-го курса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Было выявлено, что у курсантов, имеющих высокий уровень успеваемости, показатели по методикам оказались выше, чем у курсантов с низким уровнем успеваемости, но общий результат по всей выборке был в основном в пределах средних значений.

На этапе констатирующего эксперимента в качестве подтверждения нашей гипотезы о том, что существует 4 уровня успешности курсантов: 1) продуктивно-творческий;

2) продуктивный; 3) формально-допустимый; 4) нормативно-удовлетворительный, мы провели кластерный анализ, по результатам которого мы выявили, чем каждый из них характеризуется, и на каком уровне они сформированы у курсантов.

На основании проделанной тренинговой работы и после проведения повторного психодиагностического исследования, по результатам которого прослеживалась положительная динамика в изменениях показателей уровня сформированности у курсантов ранее перечисленных индивидуально-психологических качеств, мы можем сделать вывод о том, что регулярное выполнение упражнений социально-психологического тренинга повышает уровень учебной успеваемости курсантов образовательных организаций МВД России.

В качестве методических рекомендаций целесообразно предложить использование апробированного авторского комплекса упражнений социально-психологического тренинга в процессе психологического сопровождения учебной и служебной деятельности курсантов образовательных организаций МВД России.

Выводы. Сотрудникам ОВД, выстраивая свой карьерный путь, нередко приходится менять сферу профессиональной деятельности внутри системы. Это приводит к тому, что профессиональный мир нуждается в мобильных специалистах, способных находить себя и успешно реализовывать в изменяющихся социально-экономических и трудовых условиях. Специалист правоохранительной сферы должен быть готов к переменам, уметь делать выбор, эффективно использовать ограниченные ресурсы, сопоставлять теоретические решения с

практикой, вести переговоры, оперативно находить информацию и использовать ее для решения своих проблем. А развитие и совершенствование индивидуально-психологических особенностей личности курсантов образовательных организаций МВД России будет напрямую этому способствовать.

Литература

1. Иваницкий, А.В. Личностный потенциал студентов как фактор преодоления сложных жизненных ситуаций: дис. ... канд. психол. наук / Иваницкий Александр Викторович. – Ставрополь, 2018. – 208 с.
2. Путин, В.В. Время серьезного обновления ведомства: из выступления президента Российской Федерации В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России / В.В. Путин // Профессионал. – 2014. – № 2. – С. 2-4.
3. Федотов, С.Н. Психологические особенности развития коммуникативной компетентности младших командиров учебных взводов образовательных организаций МВД России / С.Н. Федотов, Ю.В. Чуманов, Ю.Д. Милюкова // Психология обучения. – 2019. – № 4. – С. 93-104.
4. Федотов С.Н. Психологические особенности мотивации курсантов образовательных организаций МВД России // Федотов С.Н., Мальцева Т.В., Милюкова Ю.Д. / Прикладная психология и педагогика. – 2020. – № 3. – С. 105–21.

УДК: 155.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА СКЛОННОСТЬ К ДЕВИАЦИИ ПОДРОСТКОВ

Халилова Альфия Габдулловна,

ГАПОУ «Поволжский строительно-энергетический колледж им. П. Мачнева»,
магистрант кафедры специальной педагогики и специальной психологии
ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»,
г. Самара

Аннотация. Организация работы по профилактике девиантного поведения среди подрастающего поколения, обозначила круг актуальных проблем организационного и исследовательского уровня. В связи с тем, что данная работа организуется и проводится среди подростков, которые уже имеют некий «опыт» тех или иных девиаций, целесообразно дать анализ тем возрастным особенностям, которые так или иначе связаны с возникновением девиантного поведения у подростков. Этой важной социально-психологической проблеме и посвящается данная статья.

Ключевые слова: подростковый возраст, самосознание, самооценка, самопознание, самоконтроль, самоанализ, девиантное поведение, нравственное воспитание, конфликт интересов, индивидуальность, социальный статус.

Annotation. The organization of work on the prevention of deviant behavior among the younger generation, identified a range of urgent problems at the organizational and research level. Due to the fact that this work is organized and conducted among teenagers who already have some "experience" of certain deviations, it is advisable to analyze the age features that are somehow associated with the emergence of deviant behavior in adolescents. This article is devoted to this important socio-psychological problem.

Keywords: adolescence, self-awareness, self-esteem, self-knowledge, self-control, self-analysis, deviant behavior, moral education, conflict of interest, identity, social status.

Постановка проблемы. В настоящий период в нашей стране происходит обострение множественных проблем на первом месте из которых – социальные, такие как увеличение числа детей частично или полностью лишенных полной родительской любви и заботы, что объясняется чрезмерной загруженностью родителей на работе, алкоголизмом либо иными недугами, или вовсе лишением родительских прав. Зачастую в многодетных семьях дети предоставлены «сами себе», им не оказывают должного внимания и заботы.

На сегодняшний день в науке накоплен значительный объем сведений, которые подтверждают многочисленность факторов, влияющих на формирование и развитие девиации.

В переходный период развития нашего общества особенно важным является изучение девиантного поведения. В условиях современного общества взаимодействие семьи и социума, а также отдельной личности осуществляется в результате переустройства общественных отношений, которые вызывают как положительные, так и отрицательные перемены в разных сферах социальной жизни.

Проблема девиантного поведения достаточно часто рассматривается в зарубежной и отечественной литературе, однако, если взять определенный аспект – подростковая девиация, то мы заметим, что данная проблема изучена меньше. Методологические основы изучения девиантного поведения представлены и в отечественных теориях: девиантологии В.С. Афанасьева, Я.И. Гилянского, Б.М. Левина; современной социологии права В.П. Казимирчука, В.Н. Кудрявцева, Ю.В. Кудрявцева, а также в трудах В.Ф. Левичевой, В.Т. Лисовского, И.А. Невского, А.С. Харчева.

Целью статьи является теоретическое обоснование связи психологических факторов, влияющих на отношения склонности к девиантному поведению у подростков.

Изложение основного материала исследования. В гуманитарном научном знании выделяется ряд факторов, влияющих на формирование устойчивого девиантного поведения взрослеющего ребёнка:

- частичное или полное отсутствие близких и теплых семейных отношений;
- недостаток внимания и любви, вследствие чего проявляется запущенность;
- условия, при которых происходит появление препятствий или блокирование на пути к удовлетворению жизненно необходимых потребностей;
- формирование комплексов личностных проблем, которые мешают правильному развитию личности, построению взаимоотношений с людьми, базирующиеся на основе внутренних конфликтов.

Проявлению девиации способствуют или препятствуют особенности темперамента подростка, характера личности и его социальное окружение.

В.В. Ковалев выделяет среди психотравмирующих факторов: психические травмы. Как правило, они характеризуются внезапностью, проявляются с большой силой и наносят вред жизни или благополучию человека; хронические психотравмирующие обстоятельства, касающиеся основные ценностные ориентации подростка (семейные конфликты, противоречивое или деспотическое воспитание, неуспеваемость и т.д.); психотравмирующие ситуации сравнительно непродолжительного действия, но психологически очень существенные (ссора со сверстниками, утрата или болезнь одного из родителей, и т.д.); воздействия, составляющие группу факторов эмоциональной депривации, формирующихся из нехватки ухода, заботы, ласки, т.е. таких факторов, которые препятствуют формированию у подростка чувства привязанности или нарушают ее формирование (разлука с матерью, неспособность матери из-за болезни создать эмоциональную, теплую атмосферу и т.д.). На ранних этапах развития чаще подвергаются воздействию психотравм подростки, которые проявляющие пассивность, замкнутость, чрезмерную реактивность или аффективность, в силу своей юности и незрелости, обладают теми или иными отклонениями со стороны вегетативной нервной системы.

Также необходимо отметить, что наиболее восприимчивы дети с такими проявлениями, как тревожная мнительность, заторможенность, склонность к страхам, психический

инфантилизм. Подростковый возраст нередко описывают как трудный, критический, переломный. Все это не случайно. На этапе развития от 11 до 14 лет (исходя от проявления индивидуальных особенностей подростка и условий его воспитания) проявляются существенные изменения как в организме ребенка, так и в его психике. Изменения в физиологии проявляются, как существенный скачок в росте, гормональная перестройка, основанная на половом созревании, и др., как правило, непременно влекут за собой изменения в самочувствии. В этот период у подростков могут обнаруживаться головокружения, неожиданные сердцебиения, повышенное проявление возбудимости, бурная энергия, либо апатичность, вялость, пониженная работоспособность и т.д. Все это отражается на психике подростка, которая становится переменчивой, очень уязвимой.

Собственно, на основе этого можно объяснить резкие перепады настроения у подростков – от проявления безудержного смеха до внезапных слез; раздражительность, агрессивность, обидчивость, повышенная ранимость. Другими словами, подросток чаще всего не виноват в том, что был грубым, дерзким со взрослыми, так как такое негативное поведение было вызвано объективными причинами – его физиологическим состоянием. Далее хотелось бы отметить, чрезвычайно важную сферу жизни подростка, в которой также происходят значительные изменения – это общение. Взаимоотношения со сверстниками занимают первостепенное место в жизни подростка, что обуславливает его эмоциональное состояние, формирование ценностных ориентаций, направленность развития личности. Если со стороны взрослых проявляется пренебрежение к этим особенностям возраста, в частности, пытаются препятствовать дружбе детей или навязывать подростку круг своего общения, отрицательно отзываясь о подростке в присутствии товарищей, одноклассников, то, безусловно, они начинают сталкиваться с сопротивлением ребенка. Крайней формой проявления такого противоборства будут гипертрофированные естественные реакции подросткового возраста (реакции эмансипации, группирования), которые зачастую приобретают болезненные формы, что может привести к негативным последствиям: побег из дома, негативизм, недоверие и оппозиция к взрослым и т.д.

Учебная деятельность и отношение к ней, ее успешность также существенно изменяются у подавляющего большинства школьников при переходе в подростковый возраст. Значимость учебы в школе для младшего школьника, как правило, не вызывает сомнений и практически каждый старается хорошо учиться, но к 5 – 6 классу подобное отношение сохраняется не у всех. Данный факт можно объяснить тем, что с развитием самосознания подросток все лучше анализирует и дифференцирует свои желания, интересы, потребности. Если в свое время положительное отношение к учебе могло поддерживаться только желанием получить одобрение со стороны взрослых, то теперь существенное значение приобретают личная познавательная активность, отношение к учителю, направленность одноклассников или друзей вне школы, взаимоотношения с родителями.

В подростковом возрасте наиболее выраженными признаками девиантного поведения выступают: высокая аффективная заряженность поведенческих реакций; импульсивный характер реагирования на фрустрирующую ситуацию; кратковременность реакций с критическим выходом; низкий уровень стимуляции; недифференцированная направленность реагирования; высокий уровень готовности к девиантным действиям. Результаты исследований (Ю.А. Клейберг, А.В. Печерский, К.В. Сыроковашина и др.) дополняют, что со стороны эмоционально-волевой и ценностно-нормативной сферы данные признаки могут выражаться такими характеристиками, как импульсивность, раздражительность, вспыльчивость, агрессивность, конфликтность, тревожность и несформированность системы ценностных ориентаций.

Причиной противоправных поступков могут выступать такие качества личности человека, как жадность, жестокость, хитрость, завистливость, лживость. Причем эти опасные качества, когда они становятся синергетиками, могут свидетельствовать о «преднастройке» к непредсказуемым ситуациям с демонстрацией негативных качеств, провоцировать девиантное и делинквентное поведение. Устоявшимся в психологической и медицинской литературе

являются понятия «акцентуации характера», «психопатии – социопатии», которые обозначают поступки и реакции личности неболезненной природы. Как правило, эти аномалии характера происходят по причине негативных воспитательных воздействий, когда родителями или лицами, их заменяющими, создаются ситуации, в которых выкристаллизовываются и закрепляются негативные, отрицательные черты характера [5, 7].

Специфические сочетания черт характера указывают на преобладающий характерологический радикал или тип характера – истерический, шизоидный, эпилептоидный, психастенический, астенический, паранойяльный, – который может определять те или иные отклонения в поведении. Девиантные формы поведения, базируясь на индивидуально-психологических стереотипах, имеют зависимость от внешних условий, ситуативных моментов, которые способны либо провоцировать, либо блокировать неадекватные формы поведения, при этом ситуации преступления (алкогольное опьянение, ссора, спровоцировавшая импульсивную агрессию) являются обычно катализатором, «пусковым механизмом» сформировавшихся тенденций личности.

В период формирования типологические особенности, не будучи скорректированные жизненным опытом, выявляются ярко, четко, иногда картинно и могут напоминать психопатии, то есть патологические аномалии характера. В процессе взросления черты акцентуаций характера подростка корректируются, что позволило рассматривать такой феномен, как «преходящие подростковые акцентуации характера». Типы акцентуаций характера весьма сходны и частично совпадают с типами психопатий. Акцентуации характера (по К. Леонгарду) – это крайние варианты нормы, при которых отдельные черты характера чрезмерно усилены, вследствие чего обнаруживается избирательная уязвимость в отношении определенного рода психогенных воздействий при хорошей и даже повышенной устойчивости к другим. Это особенно наглядно на гипертимном типе подростков [5; 10].

Подростки, относящиеся к гипертимному типу, с детства отличаются большой шумливостью, общительностью, чрезмерной самостоятельностью, даже смелостью, склонностью к озорству. У них нет ни застенчивости, ни робости перед незнакомцами, но зато недостает чувства дистанции в отношении к взрослым. В играх любят командовать сверстниками. Воспитатели жалуются на их неугомонность. В школе, несмотря на способности, живой ум, умение схватывать все на лету, учатся неровно из-за неусидчивости, отвлекаемости, недисциплинированности. В подростковом возрасте главная черта – почти всегда бодрое, даже несколько приподнятое настроение, которое сочетается с хорошим же самочувствием, нередко цветущим внешним видом, высоким жизненным тонусом, активностью и брызжущей энергией, всегда прекрасным аппетитом и крепким освежающим сном. Лишь изредка солнечное настроение омрачается вспышками раздражения и гнева, вызванными противодействием окружающих, их стремлением подавить слишком бурную энергию, подчинить своей воле. Реакция эмансипации сильно сказывается на поведении: такие подростки рано проявляют самостоятельность и независимость. Они всегда тянутся в компанию, тяготеют к одиночеству и плохо его переносят, среди сверстников стремятся к лидерству, при этом не к формальному, а к фактическому – роли вожака и заводилы; при общительности в выборе знакомств неразборчивы и легко могут оказаться в сомнительной компании. Любят риск и авантюры. Характерно хорошее чувство нового. Новые люди, места, предметы живо привлекают. Легко воодушевляясь, такие подростки часто не доводят начатое до конца, непрестанно меняют «хобби»; плохо справляются с работой, требующей большой усидчивости, тщательности, кропотливого труда; аккуратностью не отличаются ни в выполнении обещаний, ни в денежных делах, легко залезают в долги, любят шиковать, прихвастнуть; склонны видеть свое будущее в радужных красках. Неудачи могут вызвать бурную реакцию, но не способны надолго выбить из колеи. Отходчивы, быстро мирятся и даже дружат с теми, с кем раньше ссорились. Половое чувство нередко пробуждается рано и бывает сильным. Поэтому возможна ранняя сексуальная жизнь. Однако подростковая сексуальная девиантность бывает мимолетной, склонности к фиксации здесь не обнаруживается. Свои способности и возможности обычно переоцениваются. Хотя

большинство особенностей своего характера гипертимные подростки хорошо знают и не скрывают, однако обычно стараются выставить себя более конформными, чем есть на самом деле.

Следует заметить, что стремление подростка к необычным ситуациям, приключениям, завоеванию признания, испытанию границ дозволенного, рассматриваемые взрослыми как отклоняющееся поведение, с точки зрения самого подростка могут считаться «нормальными ситуациями», отражая поисковую активность подростка и стремление к расширению границ индивидуального опыта. Таким образом, нарушения поведения могут быть следствием выраженного протекания подросткового кризиса – кризиса идентичности. У подростка, включенного в деятельность уличных групп, которые складываются стихийно, как правило, на почве нездоровых интересов, часто представляют собой микросреду, отрицательно влияющую на подростка, формируются социально-отрицательные интересы, стремление к взрослым формам поведения: ранний сексуальный опыт, групповое употребление наркотиков, алкоголизация. Членство в подростковых группах, «кодекс чести» которых опирается на доминирование групповых норм над общечеловеческими, становится залогом девиантного поведения. Механизм его таков: формы такого поведения закрепляются в поведенческие стереотипы, формируется асоциальный алгоритм поведения, который может перерасти в устойчивый антисоциальный. Принадлежность к девиантной группе дает подростку новые способы самоутверждения, позволяет максимизировать свое «Я» уже не за счет социально-положительных, в которых он оказался банкротом, а за счет социально-отрицательных черт и действий [5, с. 32].

Выводы. Причинами отклонений в поведении подростков являются реалии настоящего периода в жизни общества. Подростки остро переживают социальное расслоение, невозможность для многих получить желаемое образование, жить в достатке, в последние годы у несовершеннолетних в течение полугода или года изменяются ценностные ориентации. Отвержение базовых социальных ценностей является первопричиной девиантного поведения. Подавляющее большинство подростков с отклоняющимся поведением – мальчики, среди которых у 50% выражена склонность к употреблению алкогольных напитков. Известно, что социальные отношения среди подростков имеют высокую конфликтность [4, с. 103].

Таким образом, необходимо еще раз подчеркнуть, что главными институтами и социализации, и адаптации остаются семья, социальное окружение, школа и другие воспитательные и образовательные учреждения.

Литература

1. Белинская Д.Б., Гончарова Е.М. Креативность в структуре профессионально-значимых качеств инспектора по делам несовершеннолетних системы органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 6.
2. Беличева С.А. Основы превентивной психологии. – М.: Социальное здоровье России, 1994.
3. Зубкова Т.С. Организация и содержание работы по социальной защите женщин, детей и семьи: Учеб. Пособие; 2-е изд. – М.: Академия, 2004.
4. Книжникова С.В. Девиантология для педагогов и психологов. Краснодар: Экоинвест, 2013. 364 с.
5. Леонгард К. Акцентуированная личность. – М, 1968.
6. Реан А.А., Белинская Д.Б., Наровский В.М. Проблемы социальной адаптации учащихся «Группы риска» и детей сирот // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 5.
7. Сердюковская Г.Н., Кастионистова Н.С. и др. Медико-психологическая помощь детям и подросткам группы риска социальной дезадаптации // Территориальные социальные службы: теория и практика функционирования. – М., 1995.

8. Суворова Н.В., Пивоварова И.В., Пилипенко Л.М. Материальный достаток как фактор благополучия современной семьи // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 44-52.
9. Шаталов Е.А., Малаева Л.О. Преступность среди несовершеннолетних: влияние семьи // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: Изд-во СибАК, 2015. – С. 44-51.
10. Шурыгина И. И. Девиантное поведение: методология и методика исследования. – М.: РЕГЛАНТ, 2004.

РАЗДЕЛ 3.

СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И ПРАКТИКА ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ

УДК: 378.2

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТА СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ ПО РАБОТЕ С СЕМЬЕЙ КАК ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ РЕБЕНКА

Акутина Светлана Петровна,
заведующая кафедрой социальной работы, сервиса и туризма,
доктор педагогических наук, доцент, профессор
ФГАОУ «Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского» Арзамасский филиал, г. Арзамас;
Столярова Елена Валентиновна
ассистент кафедры социальной работы сервиса и туризма
психолого-педагогического факультета
ФГАОУ «Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского» Арзамасский филиал, г. Арзамас

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы подготовки специалиста социальной сферы, которая определяет его как главного субъекта профессиональной деятельности в контексте реалий современного мира. Рассмотрены социально-педагогические и психологические условия, влияющие на эффективность работы с семьей в профилактике девиантного поведения детей.

Ключевые слова: подготовка, специалист, социальная сфера, семья, профилактика, девиантное поведение, ребенок.

Annotation. The article examines the problems of training a specialist in the social sphere, which defines him as the main subject of professional activity in the context of the realities of the modern world. The socio-pedagogical and psychological conditions affecting the effectiveness of work with the family in the prevention of deviant behavior in children are considered.

Keywords: training, specialist, social sphere, family, prevention, deviant behavior, child.

Постановка проблемы. Научная проблема исследования заключается в выявлении особенностей профессиональной подготовки специалиста социальной сферы по работе с семьей в системе высшего образования посредством формирования профессиональной компетентности в условиях региона, актуализации и развития его субъектной позиции в целях профилактики девиантного поведения ребенка. Кроме того, недостаточная изученность проблемы, связанная с исследованием конкретных социально-педагогических и психологических условий, способствующих формированию личности специалиста социальной работы на этапе вузовской подготовки в контексте нестандартных факторов жизнедеятельности современного общества, таких, как, природные катаклизмы, пандемия и др. Требуют дальнейшего анализа и синтеза теоретико-методологические подходы к профессиональной подготовке специалиста социальной сферы, осуществляющего профессиональную деятельность с разными типами семей в профилактике и коррекции девиантного поведения детей.

Данные проблемы выявили ряд противоречий между требованиями современной социальной ситуации в регионах и недостаточным развитием региональных аспектов подготовки специалистов по социальной работе в высшей школе; между потребностью общества в специалистах по социальной работе и готовностью самих специалистов вести свою

деятельность в соответствии с современными требованиями, вытекающими из социально-экономических, образовательных, культурных и других проблем; между статичностью программы подготовки специалистов в социальной сфере и их ограниченностью стандартами, квалификационными требованиями и необходимостью мобильности, креативности, творческого подхода в самой профессиональной деятельности специалиста; между наличием индивидуальных профессиональных и личных потребностей студентов и отсутствием опыта проектирования процесса их удовлетворения.

Целью статьи является теоретическое обоснование профессиональной подготовки специалиста социальной сферы по работе с семьей в профилактике девиантного поведения детей.

Изложение основного материала исследования. Высшее образование в России переживает в настоящее время весьма серьезные проблемы, которые затрагивают все сферы жизни, особенно в области подготовки специалистов социальной сферы. С одной стороны такие специалисты востребованы в обществе из-за разрушения социального института семьи, с другой – нехватка таких специалистов в практике, затрудняют профессиональную деятельность в сфере образования. В условиях кризиса семьи, изменения ее функций в современных условиях становится актуальной социально-педагогическая проблема усиления воспитательной, защитной, эмоционально-психологической функций, которые необходимо решать в образовательной организации вместе с институтом семьи, профессионально корректируя его усилия и помогая стабилизации и укреплению семьи в профилактике девиантного поведения детей.

Социально-экономические преобразования, произошедшие в стране, привели к переосмыслению и смене ценностных ориентаций, особенно в среде детей и подростков. В этих условиях процесс социализации личности сопряжен с большими трудностями. Наиболее сложными проблемами в подготовке специалистов социальной сферы оказались: явление буллизма в семье, в криминализации в обществе; низкий уровень жизни российских семей, имеющих детей, особенно многодетных. Кризис современной семьи, охватывающий все стороны жизни; согласно результатам исследований В. Базарного у многих молодых матерей отсутствует чувство материнства; остро стоят проблемы организации детского и молодежного досуга; усиливаются миграционные процессы; нарастает межнациональная рознь; социальное неравенство в меняющемся мире, что приводит к отклоняющемуся поведению у детей. Попав в ножницы между школой и семьей, дети вынуждены лавировать, приспосабливаться, что приводит, в конечном счете, к двойной морали, бездуховности и безнравственности. Мы имеем явление, которое можно назвать как «глубь страдающего детства» [3].

Духовно-нравственная незрелость толкает подростков на путь алкоголизма, наркомании, проституции, делинквентного поведения; у подрастающего поколения российских детей не сформировано чувство ответственности перед семьей и близкими, обществом, нацией, государством; в силу духовной и психологической пустоты семейных отношений дети и подростки тяготеют к пребыванию в родительском доме, заменяя семью бессмысленным времяпрепровождением в компаниях своих друзей и сверстников.

Особенно сложным оказалась вынужденная изоляция людей в связи с пандемией коронавируса COVID-19 во всем мире. В связи с необходимостью самоизоляции, в центре внимания остается проблема взаимоотношений в семье. Мы видим, что семьи с детьми столкнулись с необходимостью решения ряда безотлагательных вопросов таких, как организация жизнедеятельности детей и функционирование семьи в целом.

Возникли серьезные угрозы: угроза заражения, повышенная тревога у родителей за детей и у самих детей; неопределенность ситуации, невозможность долгосрочного планирования отпусков, учебы и т.д.; финансовые риски и нестабильность у родителей повышает тревогу за организацию быта семьи, образования детей; социальная изоляция, невозможность непосредственного общения со сверстниками, изоляция бабушек и дедушек; вынужденное нахождение дома в постоянном контакте друг с другом, невозможность посещения школы, кружков детьми, перегрузка родителей; гиподинамия, статистическое напряжение мышц из-

за сидения за экраном телевизора или монитором компьютера; нарушение режима дня и ухудшение качества сна; утрата привычных источников удовольствия и у родителей, и у детей; разрушение привычного образа жизни и привычных стереотипов поведения. В период пандемии работники социальной сферы стали для многих само-изолированных пожилых людей, семей, граждан с ОВЗ единственной связующей ниточкой с окружающим миром. Таким образом, ситуацию пандемии можно уподобить кризису семьи при разных стрессовых событиях, которая сопровождается высоким уровнем дистресса, требующей перестройки функционирования всей семейной системы.

Совершенно становится понятным, что выход из сложной ситуации будет непростым. Далеко не все семьи смогут самостоятельно решать возникающие проблемы из-за пандемии: эта и потеря работы, это и преодоление затянувшейся эмоциональной и психологической депрессии, это и утрата определенных коммуникативных навыков, это и социальная изолированность и многое другое. Вот именно в этот период и важна роль многих специалистов, в нашем случае, социальных работников, которые помогут разрешить возникшие проблемы, оказать помощь и поддержку в экстренных ситуациях.

В связи с этим меняется и подготовка специалистов социальной сферы с учетом реалий современного мира, которые могут быстро адаптироваться к меняющимся условиям жизни и профессиональной гибкости. Развитие социальной работы как профессиональной деятельности обуславливает новую парадигму специалиста социальной сферы, которая определяет его как главного субъекта профессиональной деятельности, выдвигает систему требований к квалификации и морально-этическому поведению специалиста. Сегодня для того, чтобы быть социальным работником, недостаточно иметь только доброе отношение к людям, нужно обладать профессиональными компетенциями, владеть новыми социальными технологиями, так как помогать надо уметь, а милосердие должно быть эффективным; необходима реализация различных моделей подготовки в целях интеграции глобальных, национальных и личностных потребностей и интересов, обусловленных региональными особенностями.

Университет как социокультурный институт в зависимости от применяемой концепции образования обеспечивает использование новых педагогических технологий, направленных на вариативность, субъективность, творческую индивидуальность, личностный потенциал будущих специалистов, полностью подготовленных к практической деятельности, способных быстро участвовать в инновационных процессах и адаптировать их в профессиональной деятельности.

Методологической основой, в связи с этим, выступили теории профессиональной подготовки и профессионально-личностного развития специалиста социальной сферы, исследованные в трудах В.Г. Бочаровой, С.И. Григорьева, И.Г. Зайнышева, И.А. Зимней, Г.М. Медведевой, Е.И. Холостовой, В.Н. Ярской.

Проблемы профессиональной деятельности и подготовки социальных работников исследуются также в работах С.А. Беличевой, Л.Г. Гусяковой, Н.Ф. Дементьевой, В.И. Жукова, Р.М. Куличенко, А.И. Ляшенко, Г.П. Медведевой, В.А. Никитина, П.Д. Павленка, А.М. Панова, Н.Б. Шмелевой [6; 7].

Мы полагаем, что основополагающими социально-педагогическими условиями в подготовке специалистов социальной сферы по работе семьей является:

- создание и внедрение системы социально-педагогических ситуаций, обеспечивающих единство и преемственность педагогического взаимодействия субъектов образовательного процесса в период обучения,

- ориентация педагогического процесса на формирование профессионально значимых качеств личности студента как субъекта социально-творческой и научно-исследовательской деятельности [1];

- включение студентов в различные формы социальной практики на основе осознанного выбора ими средств и способов удовлетворения профессиональных, социальных и личностных потребностей [4],

- умение владеть различными способами самопомощи: налаживание рабочего процесса, планирование своего рабочего дня, разделение времени на работу и личную жизнь, занятие по душе,

- осуществление волонтерского социального патронажа семей студентами направления подготовки «Социальная работа» со специалистами социальной сферы по оказанию помощи семьям с детьми в профилактике девиантного поведения (помощь в организации досуга, оказание поддержки и помощи в учебных проблемах) [2],

- овладение инновационными личностно-ориентированными педагогическими и социальными технологиями в процессе вузовской подготовки [4].

Важным фактором в подготовке специалистов социальной сферы является включение в образовательный процесс дисциплин семейведческого направления, таких, «Семьеведение», «Социальная диагностика семьи», «Система социальной защиты детства», «Планирование социальной работы с различными категориями граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации», «Технологии социальной работы с семьями с детьми», «Организация социального сопровождения и патронажа семей с детьми, находящихся в трудной жизненной ситуации», «Организация деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав», «Организация деятельности органов опеки и попечительства несовершеннолетних» [5] и др., предусмотренных учебным планом, а также прохождение практик в различных учреждениях социальной сферы, что уже в период подготовки студентов, позволит им понять сферу профессиональной деятельности изнутри. Полученные знания необходимы студентам для эффективной деятельности при разрешении острых социальных, нравственных проблем семьи в профилактике девиантного поведения детей.

Выводы. Теоретический анализ различных научных источников свидетельствуют о том, что в условиях вуза уделяется недостаточное внимание в практической подготовке специалиста социальной сферы, а именно вопросам работы с разными типами семей, особенно с семьями социального риска. Выявлено, что одним из существенных факторов, влияющих на формирование девиантного поведения у детей, являются дисгармоничные детско-родительские отношения: нарушения стилей семейного воспитания, эмоциональное отвержение, гипоопека или гиперопека, безответственное родительство. Психокоррекция данных нарушений выступает эффективным средством профилактики девиантного поведения.

Вуз как социокультурный институт в зависимости от применяемой образовательной концепции обеспечивает применение новых педагогических технологий, ориентированных на субъектность, творческую индивидуальность и личностный потенциал будущих специалистов социальной сферы, максимально готовых к практической деятельности, способных быстро включаться в инновационные процессы и корректировать свою профессиональную деятельность с учетом определенных социально-педагогических и психологических условий, обеспечивающих высокую эффективность будущих специалистов по работе с семьей как фактора профилактики девиантного поведения детей в изменяющихся реалиях современного мира.

Литература

1. Акутина С.П. Проектирование успешного взаимодействия семьи и школы в условиях реализации ФГОС / С.П. Акутина // Социосфера. – 2014. – №1. – С. 203-206.

2. Акутина С.П. Волонтерство как ценностно-смысловая ориентация студентов в будущей профессиональной деятельности/ С.П. Акутина // Гуманизация образования, 2019, № 1. – С. 10-18.

3. Акутина С.П. Формирование у современной молодежи ответственного родительства как профилактика девиантного поведения/ С.П. Акутина // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, 8-10 октября 2019 года / под ред. Коврова В.В. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – 498 с.

4. Базарова Т.С. Система профессиональной подготовки социального работника в условиях регионального ВУЗа/ Т.С. Базарова // Автореф. докт. пед. наук. 13.00.01 - общая педагогика, история педагогики и образования 13.00.08 – теория и методика профессионального образования. – Улан-Удэ. – 2010. – 46с.

5. Прохорова О.Г. Семейное воспитание: теория и практика: учебник для академического бакалавриата / О.Г. Прохорова, Е.И. Холостова; под ред. О.Г. Прохоровой, Е.И. Холостовой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 379 с. – (Серия: Бакалавр. Академический курс). – ISBN 978-5-9916-3627-8. // ЭБС "Юрайт":[Электронный ресурс]. – Адрес доступа: <http://biblio-online.ru/>. – Режим доступа: <https://www.biblio-online.ru/viewer/semeynoe-vostranienie-teoriya-i-praktika-425247#page/1>

6. Теория и практика психолого-социальной работы в современном обществе: сборник статей участников VI Международной научно-практической конференции 15-16 апреля 2019 г. / науч. ред. С.П. Акутина, Т.Т. Щелина; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. – 268 с.

7. Холостова Е.И. Социальная работа / Е.И. Холостова. – М.: Дашков и К, 2017. – 612 с.: ISBN 978-5-394-01904-3 – Режим доступа: <http://znanium.com/catalog/product/415156>

УДК: 378.18

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА СО СТУДЕНТАМИ КАК УСЛОВИЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ

Алпатовна Ольга Борисовна,

кандидат педагогических наук, доцент,

доцент кафедры специального дефектологического образования

НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», г. Москва;

Кулешова Элеонора Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент,

заведующая кафедрой специального дефектологического образования

НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», г. Москва

Аннотация. Современное общество требует от профессионального образования повышенного внимания к личности будущего специалиста, к его смысло-жизненной ориентации и мотивационной составляющей в выборе профессии. В этом плане важно понимать, что личность и специалист – неразделимые понятия. В ходе получения высшего профессионального образования формируется личность будущего специалиста. Правильно организованная университетская среда, состоящая из целого ряда воспитательных элементов, создает условия для профессионального становления студентов. В статье представлена система организации воспитательной работы со студентами как условия подготовки специалистов-психологов и дефектологов к профилактике девиантного поведения детей и молодежи.

Ключевые слова: воспитательная работа, социокультурная среда, смысло-жизненные ориентации, профессиональные ориентации, профилактика девиантного поведения.

Annotation. Modern society demands from professional education increased attention to the personality of the future specialist, to his life orientation and motivational component in choosing a profession. In this regard, it is important to understand that the individual and the specialist are inseparable concepts. In the course of obtaining higher professional education, the personality of the future specialist is formed. Properly organized University environment, consisting of a number of educational elements, creates conditions for professional development of students. The article

presents the system of organization of educational work with students as a condition for training specialists-psychologists and defectologists to prevent deviant behavior of children and youth.

Keywords: educational work, socio-cultural environment, life orientations, professional orientations, prevention of deviant behavior.

Постановка проблемы: Современное общество требует от профессионального образования повышенного внимания к личности будущего специалиста, к его смысложизненной ориентации и мотивационной составляющей в выборе профессии. В процессе получения высшего профессионального образования формируется личность будущего специалиста. Правильно организованная университетская среда, состоящая из целого ряда воспитательных элементов, создает условия для профессионального становления студентов.

Целью статьи является изложение системы организации воспитательной работы со студентами как условия подготовки специалистов-психологов и дефектологов.

Изложение основного материала исследования. Главной, на наш взгляд, характеристикой воспитательной работы университета является ее гуманистическая направленность. Воспитательное воздействие осуществляется специальным образом в организованном социокультурном пространстве. Это пространство состоит из материального, духовного, профессионального и корпоративного компонентов среды вуза.

Социокультурная среда представляет собой синтез устойчивости и воспроизводимости, стабильности и динамичности различных микросред, в которых студент формируется как будущий специалист. В социокультурной среде вуза происходит взаимодействие учебной, профессиональной, молодежной студенческой субкультур.

Это очень важно для студентов, которые отличаются такими возрастными особенностями личности как самостоятельность, самонадеянность, самореализация и др. Кроме этого, необходимо помнить, что студенты являются активными потребителями профессиональной культуры и молодежной субкультуры. Эти особенности требуют особого внимания при планировании воспитательной работы в университете.

Социокультурная среда – это сочетание материальных (производственных) ресурсов и нематериальных (внепроизводственных) активов вуза. Материальная база вуза состоит из аудиторного фонда, современных технических средств обеспечения учебного процесса, помещений для культурно-массовой и спортивно-оздоровительной работы. Социально-бытовые условия для учебно-воспитательного процесса и финансовые ресурсы также относятся к материальной базе социокультурной среды вуза.

Нематериальные активы образовательной организации высшего профессионального образования состоят из корпоративно-профессиональных ценностей, поддержания профессиональных связей между поколениями, и различных неформальных объединений выпускников и студентов.

В воспитательную среду вуза входит учебная и внеучебная деятельность деканатов и кафедр, таких подразделений как научная библиотека, музей вуза, отдел внеучебной работы, студенческие клубы и объединения, органы студенческого самоуправления и др.

Существенный вклад в формирование личности специалиста его гражданско-патриотической позиции, опыта межличностного общения вносит учебно-воспитательная деятельность кафедр. Таким образом формируется социально-личностная и общекультурная компетентность будущих профессионалов.

В каждом вузе существуют свои особенности организации воспитательной работы со студентами. Хочется поделиться с коллегами наработками в области воспитательной работы в Московском институте психоанализа. НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа» (до 2011 года «Институт психоанализа») – негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования, осуществляющее образовательную деятельность на основании лицензии и свидетельства о государственной аккредитации. Институт осуществляет подготовку специалистов по программам высшего, дополнительного и

послевузовского (аспирантура) профессионального образования в области психологии, клинической психологии, психоанализа, психолого-педагогического и специального (дефектологического) направлений.

В институте уделяется много внимания работе по формированию личности будущих психологов, педагогов и дефектологов: Так как эти специальности подразумевают работу с людьми, находящимся в трудных жизненных ситуациях, в студентах воспитываются такие качества личности как толерантность, отзывчивость, эмпатия. В воспитательной работе участвуют кафедры; деканаты факультетов; отделы внеучебной работы, психолого-социологической службы; музей; тематические аудитории, посвященные известным психологам и педагогам.

Преподаватели активно внедряют новые методы внеучебной работы со студентами. Привлечение студентов к организации мероприятия, а затем коллективная рефлексия и обсуждение проведенного дела. Такая совместная деятельность дает возможность студенту окунуться в профессиональную деятельность и почувствовать себя профессионалом. Студенты института с первого курса работают в качестве волонтеров от Московского института психоанализа в детских садах, школах и психолого-педагогических центрах г. Москвы.

Целями учебно-воспитательной работы кафедр являются: создание условий для самореализации личности будущего психолога и дефектолога; активизация учебно-исследовательской позиции студентов; формирование устойчивого научно-познавательного интереса студентов к исследованиям в сфере психологии; педагогики и дефектологии, формирование целостного профессионального самосознания будущего специалиста.

В Московском институте психоанализа активно применяются различные формы внеучебной работы: вузовский смотр-конкурс студенческих работ, конференции, круглые столы и дискуссии, профильные КВНы и викторины. Это дает возможность вести целенаправленную работу по формированию смысловых и профессиональных ориентаций студентов института. Одним из приоритетных направлений в работе со студентами Московский институт психоанализа считает привлечение к научной деятельности своих студентов с самого начала их обучения.

Большое внимание в институте уделяется воспитанию патриотизма. Экскурсии для студентов – всегда и в полной мере финансируются руководством Московской института психоанализа. В течение учебного года студенты обычно совершают несколько поездок по местам, связанным с культурой и историей нашей страны. Учебно-экскурсионные занятия направлены прежде всего на воспитание чувства гордости за многовековую историю нашей страны.

В Центре толерантности Еврейского музея действует лекторий «Территория ребенка» – совместный проект Еврейского музея и центра толерантности и Московского института психоанализа. В нем принимают активное участие студенты старших курсов. Совместно с педагогами и психологами они помогают родителям разобраться в вопросах воспитания и наладить диалог с ребенком.

Студенты Московского института психоанализа принимают участие в разработке и реализации Комплексной программы профилактики деструктивного поведения в интернете у подростков и молодежи «Мы в ответе за цифровой мир» В Федеральном агентстве по делам молодежи был проведен конкурс, и команда преподавателей и сотрудников Московского института психоанализа одержала победу в номинации «Профилактика негативных проявлений в молодежной среде и межнациональное взаимодействие» с проектом комплексной программы профилактики деструктивного поведения в интернете у подростков и молодежи: «Мы в ответе за цифровой мир», которая способствует выработке норм по повышению уровня цифровой компетентности, формированию позитивной культуры поведения в онлайн и устойчивых стратегий совладания с деструктивным поведением в интернете. Основной целью программы является формирование позитивной цифровой культуры, снижение и профилактика деструктивного поведения в интернете подростков и

молодежи. Программа предусматривает работу со старшими подростками 14-17 лет и молодежью 18-25 лет.

Литературно-художественные способности студенты могут реализовать, участвуя в студенческом театре, школе Большого балета и вокальной студии «Глория».

В институте большое внимание уделяется работе с профессорско-преподавательским составом. С целью повышения психолого-педагогической компетентности преподавателей вуза проводится профессиональная переподготовка с учетом современных особенностей работы института условиях пандемии.

Воспитательная работа широко представлена на сайте института в разделе «Институт в деталях. Студенческая жизнь (<http://inpsycho.ru/institut-v-detalyah>).

Выводы. В институте уделяется много внимания работе по формированию личности будущих психологов, педагогов и дефектологов: Так как эти специальности подразумевают работу с людьми, находящимся в трудных жизненных ситуациях, в студентах воспитываются такие качества личности как толерантность, отзывчивость, эмпатия. Система воспитательной работы направлена на подготовку будущих специалистов к профилактике девиантного поведения детей и молодёжи.

Литература

1. Алпатова О.Б. Содержание воспитательной среды образовательной организации МВД России//Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности/ Алпатова О.Б. - 2016.- № 1.- С. 57-61.

2. Ковров В.В. Нравственные ценности в социальной реальности: дихотомия выбора целей воспитания в современной образовательной практике// Вестник Академии права и управления. / Ковров В.В. – 2016. –№ 1 (42). – С. 195-201.

3. Словарь педагогического обихода: основные термины и понятия по общей и социальной педагогике / Самойлов В.Д., Алпатова О.Б., Садеков Р.Р., Тихомиров С.Н. – Москва, 2012. – 120 с.

4. Ульянова И.В. Специфика воспитательной среды образовательной организации МВД России / И.В. Ульянова, О.Б. Алпатова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 5. – С. 541.

УДК 378.016

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА ПРОЕКТОВ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ К ОБУЧЕНИЮ И ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Атаманова Галина Ивановна,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры психологии, педагогики и правоведения,
ФГОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления,
г. Новосибирск

Аннотация. Статья посвящена описанию опыта работы, который можно критиковать, оспаривать, соглашаться или не соглашаться, но можно взять идею для реализации на занятиях в школе или в вузе при изучении любого предмета. Идея описанного опыта заключается в разработке заданий для групповой работы с применением метода проектов. Опыт показывает, что такие занятия являются хорошей адаптацией студента к обучению, мотивируют к дальнейшей работе и являются профилактикой агрессивного, девиантного поведения обучающихся.

Ключевые слова: студент, изучаемая дисциплина, адаптация, групповая работа, метод проектов, мотивация, интерес, результат.

Annotation. The article is devoted to the description of work experience, which can be criticized, disputed, agreed or disagreed, but you can take an idea for implementation in the classroom at school or at a university in the study of any subject. The idea behind the experience described is to develop group assignments using the project method. Experience shows that such classes are a good adaptation of the student to learning, motivate for further work and are the prevention of aggressive, deviant behavior.

Keywords: student, discipline studied, adaptation, group work, project method, motivation, interest, result.

Постановка проблемы. Адаптация студентов в процессе обучения, особенно с использованием изучаемой дисциплины влияет на формирование отношения к изучению предмета, к успехам как для получения результата в зачетку, так и к желанию или нежеланию изучать это направление по окончанию вуза.

Современная действительность ставит личность в такие условия достижения успешной жизни, когда необходимо развитие качеств стрессоустойчивости, жизнестойкости, лабильности, что обеспечит эффективную адаптацию к ситуациям вне привычных рамок. Так как ценности определяют характер взаимодействия личности с миром, формируют отношение человека к происходящим с ним событиям [5], то гармоничность выстроенных отношений между преподавателем и студентом в вузе играет ключевую роль в адаптации студента к процессу обучения. Структурированность в отношении изучения предмета, эмоциональное взаимодействие в процессе изучения дисциплины, сбалансированная требовательность и понятный для студента путь к получению запланированного им результата, являются основополагающими факторами организации образовательного процесса с точки зрения адаптации студента к обучению. В свою очередь такой процесс будет являться еще и профилактикой различного рода девиаций, девиантного поведения, в том числе проявления направленной агрессии по отношению к преподавателю или сокурсникам.

Согласно большому психологическому словарю, девиантное поведение (англ. deviation – отклонение) – действия, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе (социальной группе) моральным и правовым нормам и приводящие нарушителя (девианта) к изоляции, лечению, исправлению или наказанию. Основные виды девиантного поведения преступность, алкоголизм, наркомания, суицид, проституция, сексуальные девиации. Синоним отклоняющееся поведение, девиация. Понятие девиантное поведение шире понятий «делинквентность» (противоправное, преступное, криминальное поведение) и «антиобщественное поведение» (асоциальность) [4].

Важно подчеркнуть, что те сценарии, образцы, стили, схемы и т. д., которые личность «примеривает» к своей жизни, являются культурными формами хранения и трансляции жизненного опыта, выработанного отдельными людьми и человеческими сообществами [5]. В связи с этим возрастает роль педагога в том, а какой сценарий, стиль, образец возьмет в качестве жизненного опыта студент. Поэтому метод проектов, как адаптация студентов к обучению может служить одним из примеров, который можно рассмотреть и как профилактику девиантного поведения обучаемых.

Целью статьи является передача опыта обучения студентов с использованием групповой формы работы с применением метода проектов для адаптации студентов к обучению, формированию устойчивого интереса к изучаемому предмету, и профилактике агрессивного поведения студентов (на примере изучения психологии менеджмента, магистратура).

Изложение основного материала исследования. Теоретический анализ изучения проблемы адаптации студентов в процессе обучения в вузе для профилактики девиаций, девиантного поведения, эмпирические исследования, собственный опыт свидетельствуют о том, что одним из существенных факторов, влияющих на агрессивное поведение студентов, проявляющихся в разных формах является некорректное выстраивание отношений студент-преподаватель.

Чаще всего преподаватель выстраивает отношения с позиции «Я знаю, что вам надо». Это исходит из документов, где прописано что нужно изучить студенту, в какой форме и т.д. Но чаще всего в документах, называемых РПД – рабочая программа дисциплины и ФОС – фонд оценочных средств описано содержание и деятельность чисто формально. Новые формулировки, прописанные в документах такие как деятельностный подход, личностно-ориентированное, студентоцентрированное обучение и т.д., никак не описываются, а лишь перечисляются. Многие преподаватели, особенно молодые, следуют этим документам без особенностей личности студента, без особенностей его интересов, без оглядки на студента. При таком подходе возникают недовольства студентов, написание жалоб и т.д. Некоторые, возможно, редкие случаи проявления агрессивного поведения, такого как избиение преподавателя, нанесения ему телесных повреждений можно увидеть, услышать, прочитать в средствах массовой информации различного формата.

Многолетний опыт работы в школе, потом в вузе показывает, что только организованная деятельность обучаемых, выстроенная с учетом их психофизиологических особенностей, дает студенту адаптацию к обучению, устойчивый интерес к изучаемому предмету, включенность в процесс обучения, а преподавателю удовлетворенность в труде [1, 2, 3]. При такой деятельности студент понимает, что он получит материал на понятном для него языке восприятия, в своем темпе и для того результата, который он хочет или может, или планирует. Минимальное знание о психофизиологических особенностях студентов дает возможность преподавателю выстроить так учебный процесс, чтобы он был открытым для дискуссии, интересным, нужным и адаптированным к каждому студенту. Тогда все, что будет организовано преподавателем на занятиях будет достигать поставленной цели и формировать интерес к предмету, развивать познавательную активность и максимальное включение в процесс обучения не только на занятиях, но и в качестве самообразования.

На первом этапе изучения дисциплины, не важно какой дисциплины, для студента важно: что ему сделать, чтобы получить тот результат, который нужно ему, в те сроки, что нужно ему, а не преподавателю. Для этого в арсенале преподавателя есть балльно-рейтинговая система, которую кто-то ругает, кто-то равнодушен, кто-то радуется, что она есть. Именно балльно-рейтинговая система дает студенту видение не на «ближнем свете», а на «дальнем», с перспективой на то, где что он может сделать здесь и сейчас, а что он может перенести на потом и все будет законно в запланированные сроки без ущерба получения знаний.

Не вдаваясь в описание системы балльно-рейтингового контроля, далее будут даны некоторые рекомендации или направления, которые не взяты с учебников, а сформированы многолетним опытом. Представленный опыт можно взять как идею для применения на своих занятиях. На основе предложенного примера каждый преподаватель, если будет иметь к этому интерес, сможет разработать занятия под свою дисциплину, под своих студентов. Детальное описание баллов для подсчета рейтинга в рамках данной статьи не предоставляется возможным. Здесь будут представлены этапы, которые нужно выполнить, чтобы студент был доволен, чтобы преподаватель был доволен и тогда студент обязательно заинтересуется вашей дисциплиной и, конечно, у такого студента будет развиваться только интерес, а не агрессия.

Первый этап. Знакомство с дисциплиной. На первом занятии студент должен знать, что ему нужно сделать, чтобы получить заветный результат. Для этого предлагается три варианта, как в школе «3», «4», «5». «5*», но не в формулировках цифр, а в формулировках слов: «Минимум», «Оптимум», «Максимум», «Творческий». Сегодня нужно помнить преподавателю, что его роль не дать знания, умения, навыки, а научить студента учиться. Показать, где искать нужные источники, нужную информацию, направлять работу с полученной информацией и т.д.

Каждый преподаватель может заявить свое количество баллов за каждый уровень усвоения материала, чтобы студент видел сколько баллов ему нужно заработать, чтобы получить заветный результат. На этом этапе у студента возникает шок, когда он видит цифру, например, проходной балл для получения заветного результата минимум 70. Тогда дается простой расчет. Например, 34 занятия, и чтобы получить 70 баллов, нужно получать по 2 балла

каждое занятие. А 2 балла это уже мало. Психологический аспект достижения цели, когда одна большая цель разбивается на маленькие шаги, которые достижимы, и это снимает напряженность.

Результат для студента: он знает сколько баллов ему надо вообще, знает за что он может это получить и знает, как он это может сделать. Он уже понял, что может, что хочет, что необходимо выполнить. У студента снята тревожность за полученный результат.

1. Чтобы преподавателю выстроить гармоничный процесс взаимодействия со студентами он должен знать намерения студентов. Для этого студенту предлагается написать в своей тетради: мои намерения при изучении дисциплины. То есть что он хочет получить от изучения этой дисциплины здесь и сейчас. Как он понимает, но просто и понятно. Это может быть отметка, это может быть знания, это может быть что-то хочет изучить, чтобы и т.д. Это их формулировки, зафиксированные в тетради (планшете), это их мысли, которые родились в голове.

2. Домашнее задание, обязательное для выполнения. То есть это закрепление того, что было сказано на занятии, но с фиксацией пожеланий студента, мыслей для размышления преподавателю после проверки полученных материалов. Домашнее задание состоит из двух пунктов: заполнение таблицы «Мой план» в баллах и заполнение таблицы «Мои перспективы в изучении дисциплины».

В чем заключается домашнее задание? В век интернета все делается быстро и оперативно. Поэтому можно получать обратную связь от студентов удобным для каждого преподавателя способом.

Например, преподаватель делает Gugi документ и дает ссылку в коллективную электронную почту. Каждый студент должен заполнить свою строчку и проставить баллы на каждое занятие.

Таблица может отражать: ФИО, напротив баллы за каждое занятие в семестре и результат. Вторая строчка этой таблицы, это фактически выполненные задания. Это контроль выполненного задания, визуализация того, что сделано и что нужно сделать.

Важно, чтобы эта таблица была заполнена до следующего занятия в формате «Мой план». Все студенты видят кто какие результаты себе спланировал. Когда студент выставляет себе баллы, он берет ответственность, что это будет выполнено, это психологическая сторона будет его стимулировать к выполнению задания. Конечно, есть нюансы, которые тоже надо учитывать и прописывать для каждого случая с учетом контингента обучаемых.

Вторая таблица, которую студенту необходимо заполнить и отправить на проверку преподавателю – это таблица «Мои перспективы в изучении дисциплины».

Основные вопросы, которые нужно отразить в этой таблице могут быть такие, какие нужно преподавателю, чтобы получить обратную связь. Далее будут предложены те вопросы, которые предлагаются студенту для отправки ответа. Каждый вопрос задается для получения определенной информации. В рамках данной статьи описание каждого вопроса в подробностях, не представляется возможным.

Вопросы должны быть сформированы в таблицу, где в начале должна быть информация о студенте, который отправляет ответы на эти вопросы. Какая информация про студента необходима, преподаватель решает сам. В конце благодарность за выполненное задание.

Важно, в таблице при описании того, что нужно сделать студенту, написать так, чтобы он понял, что эти вопросы относятся только к вашей дисциплине и только на период ее изучения. Вопросы:

- Ваша цель в успешном изучении дисциплины - как вы её себе представляем (слова, ощущения, образы)?

- Почему для нас важна эта цель (описать ваши ценности и убеждения, которые поддерживают эту цель)?

- Что вы лично можете сделать для достижения этой цели?

- А что от вас не зависит?

- Какие трудности на пути вам могут встретиться?

- Что вы будете делать для достижения цели (запасные варианты)?
- Что вы будете делать, если не достигните цели?
- Как вы узнаете, что достигли цели?
- Как вы узнаете, что движетесь к цели?
- Промежуточные цели (какие и когда)?
- Как вы будете это делать?
- Когда вы будете это делать?
- Что вы получите, достигнув цели?
- Какие ресурсы вам нужны для достижения цели?
- Ваши первые шаги для достижения цели (и когда это будет)?

Конечно, эти вопросы можно модернизировать, но это те вопросы, при ответах на которые преподаватель будет знать какому студенту что нужно. Кто-то хочет просто отметку и все, а кто-то хочет творчество. Уже будут мысли для размышления о формах, методах, средствах обучения для каждого студента в обобщенном виде, но с учетом их потребностей.

Результат для студента: он знает, что он хочет от изучаемой дисциплины, так как он понимает важность поставленной цели, он знает когда что ему нужно сделать, как преодолеть трудности, если они будут возникать и как прийти к запланированному результату.

Результат для преподавателя: он понимает какие формы, методы, средства обучения, какая деятельность для этих студентов будет наиболее эффективной, продуктивной, результативной. Он может подобрать формы, методы, средства для достижения гармоничных отношений со студентами для привития интереса к изучаемой дисциплине. Он способен сделать выбор организации учебного процесса при изучении дисциплины в пользу студента для адаптации к обучению, но в рамках документов изучаемой дисциплины.

Домашнее задание «Изучи себя». Это задание можно давать студентам, если у преподавателя к этому есть интерес. Если интереса нет, то это будет бесполезная трата времени.

Данное домашнее задание заключается в заполнении таблицы про себя, в определенной последовательности. В таблице дается ссылка на страницу, где можно пройти тестирование. Ссылка дается для того, чтобы была одинаковая интерпретация результатов студентов.

Основные вопросы, которые должны войти в эту таблицу направлены на изучение психофизиологических особенностей студентов, но минимальное его изучение.

К этим вопросам относятся: пол – девушка, описывает какая она, что она хочет про себя написать, пол – мужчина, тоже описывает себя, что хочет написать. Остальные вопросы могут быть направлены на изучение: полушарий (правое, левое, равнополушарный), тип нервной системы (темперамент), тип восприятия, какая геометрическая фигура больше всего нравится/не нравится (тест геометрические фигуры). Это далеко не весь перечень тех направлений о студенте, которые могут дать полезную информацию, но это необходимо знать каждому преподавателю, чтобы работать со студентами эффективно, продуктивно, результативно не только с пользой для них, но и для себя. Это очень большой эмпирический материал, который можно получать и обрабатывать постоянно. Появляются новые возможности для разработки своих занятий с целью гармонизации отношений и профилактики агрессивного или пассивного поведения студентов.

Результат для студента: студент проявляет интерес к своей личности, открывает для себя что-то новое и для него открываются некоторые возможности, в том числе при изучении дисциплины.

Результат для преподавателя: преподаватель минимизирует риски агрессивного поведения студентов, так как знает психофизиологические возможности каждого студента и его потребности в изучении дисциплины. Преподаватель может адекватно оценить возможности каждого студента, оценить свои возможности в реализации гармонически выстроенного процесса обучения. Преподаватель способен принять желание студента получить тот результат, который он запланировал без личностной оценки этого студента.

Второй этап. Организация работы студентов с учетом деятельностного подхода лично-ориентированного обучения.

На этом этапе преподавателю нужно выстроить всю свою деятельность, на основе программы, потребностей студентов, своих возможностей, своих потребностей таким образом, чтобы процесс этот приносил максимальную пользу как студенту, так и преподавателю. А получить он это может от организованной деятельности и обратной связи-благодарности за занятие. Это самая большая награда для преподавателя, когда после занятия студенты благодарят за проведенное занятие.

В качестве примера далее будет представлено несколько занятий при изучении дисциплины «Психология менеджмента» для экономических специальностей Новосибирского университета экономики и управления.

Трудности изучения дисциплины заключаются в том, что магистранты учатся очно-заочно, количество часов, отведенное на изучение дисциплины очень мало, а вопросов, которые требуют рассмотрения достаточно много. Поэтому на помощь приходит метод проектов и работа в группах. Работу в группах с применением метода проектов можно организовывать и проводить при изучении любой дисциплины как в вузе, так и в школе. Именно, при использовании проектного метода можно добиться результатов, которые обязательны в школе такие как личностные, метапредметные (предметные, регулятивные, коммуникативные) или в вузе – компетентностный подход.

Дисциплина: психология менеджмента

Количество часов для аудиторного взаимодействия – 8 ч., в том числе 2 ч. лекции.

Темы, которые требуется изучить: Формирование группового поведения в организации; Лидерство и стиль руководства; Управление конфликтами и переговорами; Стресс.

Если рассматривать традиционно, вопрос-ответ, или дискуссия, то задействованы будут не все студенты, результат будет формальный. Поэтому, соотнеся количество вопросов для изучения, количество отведенного времени, их полноту и широту, возможности на занятиях, возможности преподавателя, были разработаны занятия для работы в группах, с использованием метода проектов.

Лекция – это введение в изучение дисциплины через практическую направленность, нужность студенту и т.д. Чтобы студент понял, что это ему надо.

Одно занятие полностью посвящается тому, чтобы разобрать основные понятия, но на уровне понимания, обобщение того, что было высказано, то есть единопонимание определений. Коротко даются разъяснения как эти определения будут полезны на следующем занятии. То есть первое занятие это как бы экскурс к тому, что предстоит изучить студентам, но в их понимании, в их желании, в их предпочтении, в их специфике работы и учебы.

На втором занятии реализуется групповая работа.

Чтобы групповая работа была продуктивной, организованной и адаптировала студентов к взаимодействию с незнакомыми еще людьми, чтобы все это побуждало к действию, задания должны быть проработаны до мелочей. Работа в формате отзыв о занятии, дает возможность корректировать формулировки уже к следующей группе. Такая обратная связь – в виде отзыва – добровольное задание, но дает возможность заработать определенное количество баллов и стимулирует на работу.

Для выполнения задания студентов заранее нужно предупредить на первом занятии, что будет групповая работа, чтобы у них было время сформировать ту группу, которую они хотят. Перед занятием студентам нужно предложить сесть по группам, причем количество должно быть не более 5, в крайних случаях может быть 3 или 7. Самый оптимальный вариант – 5 студентов. 3 студента – большая работа на каждого, 7 студентов – найдутся те, кто не будет участвовать в этой деятельности.

Перед занятиями каждая группа получает материал в том виде, в котором им удобнее: печатном или электронном. В этом материале обязательно даны критерии оценивания результатов работы до этого занятия, во время занятия, после занятия, а также критерии оценивания результатов тех, кто не смог присутствовать на занятиях, но хочет принять участие

и получить заветный результат. В начале занятия студенты получают ответы на все вопросы по выполнению задания. Преподавателю необходимо проконтролировать понимание выполнения задания каждой группой, чтобы не затягивать процесс обсуждения.

Далее представлено задание так, как оно дается студентам, без изменения формулировок.

Практическое задание для работы в группе.

При разработке практического задания, помните, что мы изучаем *психологический аспект в управлении*.

Перечитайте, пересмотрите текстовый материал по предложенным темам (*Этот материал может быть подготовлен преподавателем в печатном и электронном виде*).

Задание: разработать какой-то проект (на ваше усмотрение) для реализации какой-то цели или задачи (на ваше усмотрение). Для этого вам нужно собрать группу для реализации задуманного.

Цель: разработать проект, для реализации которого необходимо создать группу, описать реализацию проекта на основе психолого-управленческого аспекта изучаемых вопросов и представить полученный результат в виде отчета (устного, письменного, другого).

Задачи:

1. Подумать и сформулировать для реализации какой задачи или какой цели нужно собрать группу. Это может быть любое мероприятие от шуточного до реального.

2. Подумать и описать свою группу с акцентом формирования группового поведения, лидерства, стиля руководства и т.д. То есть вы должны подобрать группу людей для реализации задуманной цели или решения задачи и описать ее в аспекте изучаемых вопросов.

Задача или цель может быть связана с вашей профессиональной деятельностью, с вашей специальностью, по которой вы учитесь, с вашим хобби, в целом это ваша фантазия, но продемонстрировать и описывать вы будете только ту часть, которая касается формирования группы, управления, лидерства, конфликтов, стресса.

1. Разработать модель, стратегию, тактику деятельности своей группы для достижения цели или решения задачи в аспекте группового поведения, управления, конфликтов, стресса.

2. Продемонстрировать разработанный проект в аудитории для обсуждения и дать ответы на задаваемые вопросы.

3. Оформить свой проект и сдать отчетную документацию по этой деятельности и получить заветные баллы.

Прежде чем начать работу в группе, вам необходимо сформулировать некоторые ее аспекты для выстраивания структурного порядка: *создание структуры, описание структуры, организация структуры*.

Тема: сформулируйте тему, которая будет интересна всем участникам вашей группы. Название – это ваша фантазия.

Цель: собрать группу для реализации цели (или для решения задачи) и здесь пишете ваше направление деятельности для полноты формулировки цели.

Задачи: пересмотрите задачи для вашей групповой работы, переосмыслите их и сформулируйте для своего проекта. Задачи, то есть это шаги, которые вам нужно сделать, чтобы достичь цель по той теме, что вы выбрали и с тем описанием, что вы сделали.

Описание вашего проекта от идеального состава вашей группы (профессиональные особенности, увлеченность и т.д.), то есть кто должен быть в идеале, до ее реализации. Это и есть описание группы: состав, отношения, описания деятельности, управления, конфликты и т.д.

При описании вам главное нужно определить количество человек в группе, их роли. Распределить все роли что нужно для реализации и распределить роли, которые будут у каждого. То есть пересчитать кто что и сколько будет делать.

То есть пишете: нужно 7 человек. Не важно, что вас 5. Пишете сколько нужно для реализации вашей задумки.

1) организатор или лидер, как вы его назовете, будет выполнять... (акцент делаете психологическую составляющую для решения профессиональной задачи. То есть *управление группой и групповым поведением*)

2) кто, что будет делать для достижения профессиональной цели, какую роль будет выполнять в команде, сколько будет таких ролей. Помните, что роли должны быть направлены на организацию, стимулирование и контроль группы, группового поведения, влияния на группу, лидер и его особенности и т.д.

3) кто, что будет делать для достижения... И так каждого. Когда вы посчитаете у каждого сколько будет ролей, то будет видно, где может быть конфликт, так как не пропорциональное их распределение.

Средства: то есть какой «инструмент» вам необходим для решения задач, достижения цели на каждом ее этапе.

Ресурсы: здесь продумываете, какие ресурсы для решения задач при достижении цели вам нужно использовать. Это могут быть ресурсы печатные, электронные, и др., в том числе человеческие ресурсы, которые помогут достичь цель (здоровье, психика, коммуникация, конфликтность и др.).

Критерии оценивания: что будет мерил, что задачи решены, цель достигнута. Минимум, максимум, оптимум. То есть критерии оценивания, что результат достигнут, числовые показатели, что результат удовлетворяет на «уд» «хор» «отл».

Лидер: то есть, кто из вашей группы будет организовывать эту деятельность, то есть кто лидер в вашей группе. Дать краткую характеристику действующему лидеру, описать возможные варианты лидерства и отметить при каком варианте будет наилучший результат.

Постарайтесь сформулировать модель вашего взаимодействия (см. в теории вопроса табл.)

После того, как вы сформулировали ответы на выше поставленные вопросы, оформили модель взаимодействия, приступайте к описанию взаимодействия в процессе деятельности вашей группы с акцентом изучаемых вопросов о группе, групповом управлении, лидерстве, конфликтах, стрессе и т.д. Вы можете использовать весь теоретический материал по предложенным вопросам как для понимания, что вам нужно сделать, так и для описания деятельности.

Далее, вам необходимо расписать *роль каждого участника* в решении задач для достижения цели. Можно посчитать количественно, сколько каждому досталось ролей и будет ли это эффективно или нужно что-то изменить, чтобы внести коррективы в структуру группы. Описать деятельность группы для решения поставленных задачи и достижения цели.

Итак, что нужно сделать, чтобы представить свой проект перед одногруппниками:

1. *Описать кратко свою группу*, сформулировать то, что вы хотите сделать от темы (вопроса) до описания деятельности с пояснениями и аргументацией к сказанному. То есть обосновать, почему выбранное такое количество участников для выполнения этого задания. Что будет, если взять больше или меньше людей в группу. И так каждый пункт обосновывать свой выбор. В том числе сравните тезис идей и то, что получилось. Есть ли отличия, если есть, то в чем. Дать кратко характеристику вашей группы, краткую характеристику каждого участника с учетом психофизиологических особенностей (что получается, что кто лучше может сделать и т. д.), дать кратко характеристику тех ролей, которые будут выполнены каждым участником и их обоснование. Помните, что все это с акцентом на организацию группы, управления групповым поведением, лидерство, конфликт, стресс.

2. *Описать кратко лидера* вашей группы, основные характеристики, используя теоретические знания этого вопроса и исследования, проведенные ранее. Выделите достоинства и недостатки, как можно компенсировать эти недостатки другими участниками группы, какие риски и ваш план по преодолению рисков и т. д., какой стиль руководства присутствует у вашего лидера, какой может быть еще, какой не может быть никогда, так как цель не будет достигнута. То есть эта часть работы касается вопросов о лидере. Рассмотрите

варианты для вашей деятельности всех стилей руководства, обоснуйте свой выбор лидера и его управления.

3. *Описать кратко конфликты*, которые могут возникнуть на пути к цели, какие ваши решения в этом вопросе. Какие ситуации могут быть стрессовыми.

4. *Представить свою группу для обсуждения с сокурсниками*. Предварительно скорректируйте свой ответ, используя критерии оценивания вашего выступления. Ответьте на вопросы, которые будут заданы.

А теперь проверьте, все ли вы сделали и все ли отметили критерии оценивания своего выступления (в помощь отвечающим и слушателям).

Это те вопросы, которые вам помогут отследить все ли отмечено и все ли вопросы учтены. (*Обратить внимание студентов на критерии только тогда, когда они все сделают. То есть это проверка. Это пожелания студентов, чтобы не путаться в понимании того, что нужно представить*). То есть это есть самоанализ о выполненном задании перед защитой проекта.

Представленные ниже пункты являются основой для описания характеристики вашей группы для достижения цели в выбранном вами мероприятии. Поэтому все пункты должны быть представлены в вашем описании и то, как они представлены будет являться критерием выполненного задания. Помните, что все это с акцентом на организацию группы, управления групповым поведением, лидерство, конфликт, стресс.

1) Какое мероприятие вы хотите организовать? Тема, описание, цель, задачи, этапы, сроки, результат, критерии оценивания, что результат достигнут, числовые показатели, что результат удовлетворяет на «уд» «хор» «отл».

2) Какое количество участников вы выбираете для проведения этого мероприятия и почему? Свой выбор обосновать, чтобы было понимание можно ли достичь поставленной цели в таком составе.

3) К какому типу относится ваша группа?

4) Каковы стадии развития вашей группы?

5) Какая основная характеристика группы?

6) Опишите факторы группового поведения в вашей группе. Роли каждого участника; статус каждого участника; нормы, конформность, сплоченность в группе и т.д.

7) Опишите модель развития вашей группы в соответствии с сформулированными задачами и этапами.

8) Перечислите формы, методы или приемы, которые применялись при организации работы в группе, чтобы она была более эффективной. Что будет считаться эффективностью в вашей группе?

9) Что будете считать потенциалом вашей группы? Что будет считаться результативностью?

10) Что будет мерилом или критерием, что вы идете в ту сторону, куда прописали задачи, этапы, сроки, результаты и т.д.

11) Как определить сплоченность группы, ваши критерии сплоченности (характеристика, цифры).

Отдельно прописываются задания и дополнительные баллы, которые может получить студент, выполнив их. Например, это отзыв о занятии, подсчет эффективности группы, подсчет кпд группы и др. задания.

Особую роль нужно отвести тем, кто не может посещать занятия, по каким-то причинам, но хочет получить заветный результат. В этом случае разрабатываются практико-ориентированные задания и творческий проект, который каждый делает самостоятельно по той же схеме, что работала каждая группа.

Результат для студента трудно переоценить. На этом занятии они впервые начинают общаться, выяснять интересы, возможности и т.д. Так как магистранты уже определенные в профессии люди, в основе своей занимающие управленческие должности по своему профилю обучения, поэтому в плане организации на такую работу идут с удовольствием. Студент начинает реализовывать свои профессиональные навыки через другой аспект, психологический. Многие говорят, что они смотрят на эти вопросы с другой стороны впервые,

что будут это применять на практике в своей работе. Благодарные студенты, которые не смогли посетить занятия имеют мотивацию к изучению дисциплины, а не отработку пропущенных занятий, которые только приносят раздражение всем участникам этого процесса. Они с удовольствием делают практико-ориентированные задания, подкрепляя свою мотивацию и применяя творчество при индивидуальной разработке проекта.

Результат для преподавателя трудно описать те положительные эмоции, которые получаешь в процессе такого общения, ту благодарность, которая не имеет цены, те отзывы, которые направляют и двигают дальше в разработке форм и методов изучаемой дисциплины.

Третий этап. Это непосредственно защита разработанных проектов, ответы на вопросы сокурсников и сбор документации для зачета. Это самый ответственный этап. В начале была неуверенность, что дома они что-то смогут сделать при представлении документации, так как кроме учебы есть еще основная работа. Однако опыт показал, что дома, распределяя обязанности и роли, они еще лучше работают, чем в аудитории и представляют такие результаты, которые невозможно было бы получить, если бы была организована деятельность вопрос-ответ или дискуссия.

Вот некоторые примеры названия проектов, которые придумали студенты экономического профиля при изучении дисциплины «Психология менеджмента»:

- Проект «Создание тренингового агентства «Точка роста»;
- Проект «Открытие точки общественного питания на/возле территории ВУЗа «Для здоровья!»;
- Проект «Дискотека для глухих»;
- Проект «Фильм «Магистрант»;
- Проект «Приют для бездомных животных»;
- Проект «Шиномонтаж «Колесо»;
- Проект «Организация квеста по мотивам фильма «Оно»;
- Проект «Создание команды для организации корректирующих мероприятий по результатам аудита»;
- Проект «Центр помощи для людей в трудной жизненной ситуации»;
- Проект «Современный рекламный менеджмент брендового товара»;
- Проект «Специализированная спортивная школа по горнолыжному спорту и сноуборду для трудных подростков»;
- Проект «Детство без насилия»;
- Проект «Полезное и безопасное селфи»;
- Проект «Свободный полет без парашюта»;
- Проект «Как сделать мир чуточку добрее?»;
- Проект «Цветы без повода – счастье в вашем доме»;
- Проект «Академия КОФЕ»;
- Проект «Как заработать на яйцах страуса свой первый миллион?»;
- Проект «Твой, здорового образа жизни, день»;
- Проект «Хочешь увидеть Новосибирск за 1 день? Посети незабываемую экскурсию!»;
- Проект «Как открыть кинотеатр в Новокузнецке за год и начать получать прибыль?».

Это далеко не все темы, которые придумали студенты. Важно то, что все работали, все думали над своими экономическими задачами в аспекте изучаемой дисциплины «Психология менеджмента».

Результат для студента: вовлеченность в изучаемую дисциплину в знакомой ему области согласно выбранной профессии, но в психологическо-управленческом аспекте. Интерес к изучению предмета, который хотят перенести за стены вуза.

Результат для преподавателя: банк разработанных проектов, банк идей, банк представленных презентаций, видеofilmов в аспекте изучаемой дисциплины. Из

представленных отзывов преподаватель видит, что нужно исправить, изменить, усовершенствовать. Для преподавателя это поле для реализации новых идей.

Выводы. Для того, чтобы сформулировать вывод, уместно привести некоторые высказывания студентов о занятиях, которые написаны откровенно, от души. В пожеланиях в основе было увеличение количества часов на изучение дисциплины.

Вот некоторые выдержки из отзывов, которые демонстрируют описанное выше содержание:

1. Первое лекционное занятие сопровождалось мультимедийным материалом, который наглядно помогал в усвоении интересного материала. Вводная лекция помогла углубиться в познание себя путем заполнения таблицы «Познай себя» уже дома. Данный процесс оказался очень увлекательный за счет того, что необходимо было пройти определенные тесты и сделать свой «психологический» итог. В процессе работы трудностей не возникало, хотелось даже еще больше работать в этом направлении, чтобы еще больше о себе узнать.

2. Семинарские занятия оказались достаточно увлекательными т.к. выполнение творческого задания помогло еще больше сблизиться с новой группой, узнать больше информации. Все необходимые пункты для выполнения задания были выполнены и раскрыты: постановка цели, решения задач, определение ролей участников, сбор ресурсов и средств, характеристика конфликтов, определение финансовой, эмоциональной составляющей и т.д. создали некий ореол вокруг группы, который способствовал максимально погрузиться в эту деятельность. Возможно, для более детального рассмотрения данного проекта требовалось чуть больше времени для обдумывания, но, тем не менее, результатом от выполнения данной работы я осталась довольна.

3. Мне понравилось, что мы в подгруппе в процессе работы сблизились, познакомились и даже, несмотря на разногласия, создали конечный продукт.

4. В целом мне понравились семинары. Во время первой пары Вы заставляли нас самих логически искать ответы на заданные вопросы. Это полезная практика, потому что на самом деле мы все это знаем, но просто не можем структурировать информацию.

Таким образом можно сделать вывод, что многое зависит от того, в каких условиях студент обучается. Если на лекции студент понял, что перед ним профессионал, которому можно доверять, то у него появляется интерес. Если студенту интересно, тогда он ищет что важно для него в этом интересе. Если студент находит, что это ему нужно, важно, тогда и появляется желание дальше изучать материал, дальше изучать предмет, а не писать кляузы и проявлять агрессию. Преподавателю важно побудить этот интерес, а потом направить в ту сторону, которая даст наилучший результат. А педагог, который выстраивает гармоничные отношения со студентом с учетом различных факторов, можно сказать, что он способствует адаптации студентов не только к обучению, но и к жизни в целом. А это профилактика депрессии, пассивности, безразличия, различного рода девиаций, девиантного поведения и др.

Литература

1. Атаманова Г.И. Интегративный подход экологического образования на уроке «Проектная деятельность». Успехи современной науки. – Белгород. – 2017. – Т.1. №4. – С. 265-268.

2. Атаманова Г.И., Мотолова Н.И. Интеграция образования в области экологии, здоровья, безопасности через урок «Проектная деятельность» Материалы НПК. Научные труды ТувГУ, посвященная году экологии в РФ и году молодежных инициатив в Туве. Кызыл, 21 октября 2017 года. Вып. 4. – Кызыл : Изд-во ТувГУ. – 2018. – С. 78-81.

3. Атаманова Г.И., Цветкова Н.И., Габер И.В. Человеческий фактор в обеспечении безопасности жизнедеятельности на примере крупных техногенных катастроф: методические рекомендации для специалистов общеобразовательных организаций по проведению открытых уроков, классных часов и других учебно-воспитательных мероприятий. Новосибирск, ГАУ

ДПО НСО НИПКиПРО, 2017 г. – 56 с. (Точка доступа: http://s_vlad.ubin.edu54.ru/DswMedia/bezopasnost-naprimeretexnogennyixkatastrof.pdf).

4. Мещеряков Б.Г. Словарь - Большой психологический словарь. / Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. – Издательство Прайм-Еврознак, 2007. (Точка доступа: <https://psychological.slovaronline.com/>)

5. Тувышева Д. А., Атаманова Г. И. Эмпирическое исследование взаимосвязи качеств жизнестойкости и ценностно-смысловых ориентиров личности // Ярославский педагогический вестник. – 2020. – № 1 (112). – С. 156-164. DOI 10.20323/1813-145X-2020-1-112-155-163

УДК: 376

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Блясова Ирина Юрьевна,

кандидат педагогических наук,
профессор кафедры истории и права
ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет»,
г. Шадринск, Курганская область;

Бякова Наталья Владимировна,

кандидат психологических наук,
ведущий специалист по развитию персонала АО «ШААЗ»,
педагог-психолог МБОУ «Лицей №1»,
г. Шадринск, Курганская область;

Зайцева Любовь Юрьевна,

доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и
муниципального управления Курганского филиала
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
г. Шадринск, Курганская область

Аннотация. В статье рассматривается важность целенаправленной работы по подготовке студентов к работе по предупреждению правонарушений в среде несовершеннолетних.

Annotation. The article discusses the importance of purposeful work to prepare students for work on the prevention of offenses among minors.

Ключевые слова: подготовка, система профилактики, правонарушения, несовершеннолетние.

Key words: education, system of prevention of offenses of minors.

Постановка проблемы. Среди решаемых в современных условиях проблем социально-экономического оздоровления общества важное место занимает совершенствование системы профилактики правонарушений в молодежной среде. Важность её решения обусловлена высокими показателями детской преступности, совершением тяжких и особо тяжких, повторных преступлений, недостаточно эффективной работой органов и учреждений, осуществляющих деятельность по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних. Также претерпевает изменения и мотивация преступности несовершеннолетних: увеличивается численность преступлений, в которых доминируют не ситуативные мотивы, а мотивы, носящие предумышленный характер, имеющие порой не детскую, а взрослую мотивацию: агрессию, жестокость и др. В то время как состояние и

тенденции развития преступности выступают важными показателями нравственного состояния и положения подрастающего поколения в обществе.

Цель статьи. Показать, что в числе мер направленных на повышение эффективности профилактики девиантного поведения несовершеннолетних важным направлением выступает подготовка кадров, способных грамотно осуществлять предупреждение социального сиротства, диагностику раннего выявления детей и подростков «группы риска», а так же эффективно использовать формы, методы, приемы в этой области.

Изложение основного материала исследования. Внимание исследователей, занимающихся проблемой расстройства поведения у подростков, сосредоточено как на поиске его коренных причин, так и на вопросах его предупреждения и своевременной коррекции. Так, в работах М.А. Алемаскина, В.С. Афанасьева, С.А. Беличевой, А.С. Белкина, Л.И. Беляевой, Е.В. Змановской, Е.И. Игошева, Ю.А. Клейберга, В.Т. Кондрашенкова, Ю.Г. Кулакова, Г.М. Миньковского, А.В.Митькиной, Н.А. Невского, Р.А. Овчаровой, Г.М. Потанина, М. Раттер, Н.А. Тюгаевой, В.М. Фокина, Л.Р. Хусаинова и др. проанализированы различные аспекты воспитания и перевоспитания несовершеннолетних с отклоняющимся поведением.

Рассматривая технологии, методы, формы профилактики отклоняющегося поведения ученые обращают особое внимание на роль образовательных учреждений в решении этой задачи. Педагог же является одной из ключевой фигур системы профилактики. Теоретические аспекты подготовки будущих педагогов к работе с трудными, педагогически запущенными подростками рассматриваются в исследованиях С.И. Андреевой, Р.У. Арифудиной, Е.Н. Быковой, Н.А. Зинчук, И.А. Михеевой, Н.В. Прозоровой, В.А. Пятуниной, В.Н. Рязанцевой, Р.М. Хмурич и др.

В своих работах указанные и другие авторы подчеркивают, что именно работа педагога, направленная на развитие личности, формирование умения преодоления стрессов, развития уверенности, развитие навыков продуктивного взаимодействия с окружающими может снизить воздействие факторов риска возникновения поведенческих расстройств. По своей сути, каждый педагог, вносит свой вклад в решение проблемы профилактики девиантного поведения. При этом далеко не каждый это осознает.

В исследовании А.А. Ивановой приводятся результаты опроса работников образовательных организаций, которые показали, что только 18% респондентов считают образовательные учреждения эффективным субъектом системы профилактики расстройств поведения несовершеннолетних. Подавляющее большинство (49%) дали отрицательный ответ на вопрос «Являются ли образовательные организации эффективным субъектом системы профилактики отклоняющегося поведения детей и подростков?». Кроме того, педагоги школ низко оценивают эффективность педагогического контроля в ОУ [2]. С одной стороны, это свидетельствует о слабой осведомленности педагогов о возможностях, условиях, формах и методах профилактики девиантного поведения, с другой – о низком уровне готовности к деятельности в этом направлении.

Работа по предупреждению девиантного поведения носит комплексный характер и требует от специалистов, которые в ней участвуют знаний и навыков совершенно разного плана. С одной стороны, педагог должен помогать учащимся сформировать навыки межличностной коммуникации, принятия решений в сложной жизненной ситуации, саморазвития, проактивности и т.п. С другой стороны – от него требуются знания специальных правовых категорий и умения использовать их в своей работе с детьми и подростками.

Это свидетельствует о необходимости изучения вопроса психолого-педагогической готовности педагогов к работе по профилактике отклоняющегося поведения и разработке эффективных путей его решения. Методологическую основу работы по формированию готовности будущих педагогов к осуществлению профилактики девиантного поведения должны составлять личностно-ориентированный, системный, субъектно-деятельностный и компетентностный подходы.

В работах современных отечественных психологов, педагогов, методистов (Н.А. Алексеев, Е.В. Бондаревская, И.С. Якиманская, В.В. Сериков, А.В. Хуторской, В.Д. Шадриков и др.) личностно-ориентированное образование понимается как целенаправленный, планомерный, непрерывный, специально-организованный процесс, результатом которого должно стать развитие и саморазвитие личности, реализация её потенциальных возможностей, формирование активной жизненной позиции, профессиональных интересов, субъектного опыта, её становление с учетом индивидуальных особенностей. В личностно-ориентированном подходе предполагается, что основой всех образовательных воздействий является сам человек, его индивидуальные особенности, ценностные ориентации, установки, мотивы деятельности и поведения. Личностный подход предполагает опору на личностные качества студента, его ценностные ориентации, жизненные планы, сформировавшиеся установки, доминирующие мотивы деятельности и поведения, активность.

Планируя образовательную деятельность с будущими специалистами, необходимо принимать существующий субъектный опыт как ценность и строить взаимодействие (а не воздействие) на основе этого опыта. Преподаватель, работая со студентами, оказывает помощь в выборе целей и форм саморазвития и самовоспитания, в развитии самостоятельности и инициативы. Предполагается, что такое взаимодействие будет способствовать развитию у детей и подростков эмпатические умения, которые позволяют отображать внутренний мир собеседника, его эмоции, мотивы поведения. В таком обучении у педагога на первый план выходят роль фасилитатора, диагноста, помощника в развитии личности, а роли информатора и контролера уходят на второй план.

Близок к личностно-ориентированному и субъектно-деятельностный подход, который так же исходит из того, что именно человек является первоисточником собственной активности. К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, Л.М. Митина, А.В. Петровский, А.А. Смирнов, В.Э. Чудновский и другие исследователи убедительно доказали, что человек способен к наиболее эффективному проявлению собственных личностных качеств. Такая активная позиция в жизнедеятельности представляет собой развертывающийся многоаспектный процесс личностного самоопределения: нравственного, профессионального, семейного, социального.

Во многих отечественных исследованиях подчеркивается, что психологические особенности человека стоит анализировать через призму его собственной целенаправленной, субъектной активности. Начало такому исследованию человека было положено в работах С.Л. Рубинштейна, в трудах которого подход к построению методологических категорий психологии начинается с анализа категории «деятельность», и заканчивается постановкой проблемы человека, субъекта этой деятельности. Изучая проблему субъекта деятельности, автор выступает против отграничения субъекта от деятельности, указывая на их внутреннюю глубокую и сложную связь. В деятельности С.Л. Рубинштейн видит условие формирования и развития субъекта. Субъект не только действует, преобразуя предмет в соответствии со своей целью, но и выступает в разном качестве в процессе и в результате ее осуществления. В результате деятельности изменяются и объект, и субъект. Люди, умеющие управлять своими действиями, и справляющиеся с препятствиями и затруднениями в своей жизни отличаются большей самостоятельностью и независимостью от давления обстоятельств и окружающих их людей. Для них характерна более развитая рефлексия, хотя она может и не затрагивать вопросов нравственности и смысла жизни [5]. Субъектное всегда связано со способами разрешения проблем, способами реализации потенциалов человека, проявлениями его авторской, активной позиции. Субъектность выступает и как свойство человека производить осознанные, преобразования в окружающем мире и самом себе [5].

Субъектное связано прежде всего с проблемами преобразующей активности человека: что преобразовать, как преобразовать, довольствоваться ли результатами преобразования или предпринять новые дополнительные усилия. А личностное – с проблемами самоопределения, и того, в какой мере ей стать субъектом собственной жизнедеятельности.

Таким образом, специфичность субъектного, А.К. Осницкий связывает преимущественно с авторской постановкой и решением задач, определением приоритетных действий и поступков, осуществляемых человеком, а специфически личностное - с определением отношений к решаемым задачам, к жизни, иными словами с самоопределением своих позиций по отношению к миру, людям и самому себе.

Важным условием формирования профессиональной готовности специалиста к будущей деятельности является формирование у них свойства субъектности. Именно субъектность будет характеризовать человека как деятеля, способного к самостоятельной постановке цели и задач своей деятельности, поиску средств их достижения, постоянному ее контролю и коррекции. Весь ход профессиональной подготовки должен быть направлен на то, чтобы молодые люди воспринимали себя не просто студентами, учащимися, а видели некоторую перспективу своего профессионального будущего, осознавали себя формирующимся специалистом, собственная активность которого является решающим фактором его развития в профессии.

В процессе подготовки педагогов к деятельности по предупреждению правонарушений несовершеннолетних следует опираться и на *системный подход*, который ориентирует на раскрытие целостности объекта, на выявление многообразных типов связей в нем и сведение их в единое целое[1]. Суть системного подхода сформулирована в работах Л. фон Бергаланфи, К.А. Абульхановой, Б.Г. Ананьева, Л.И. Анцыферовой, Л.С. Выготского, Э.А. Голубевой, А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова, Н.И. Рейнвальда, С.Л. Рубинштейна, В.Д. Шадрикова и др. Системный подход – совокупность методов и средств, позволяющих исследовать свойства, структуру и функции объектов, явлений или процессов в целом, представив их в качестве систем со всеми сложными межэлементными взаимодействиями, взаимовлияниями элементов на систему и на окружающую среду, а также влиянием самой системы на ее структурные элементы. Другими словами – это подход к объектам реальности как системным, предполагающий постоянный учет и использование в процессе познания и практической деятельности закономерных связей, присущих системам.

Исходя из системного подхода, практическую подготовку будущих педагогов важно строить с учетом всех внутренних связей элементов системы и внешних связей с социумом и социальными институтами. Помимо этого, следует учитывать, что преобразование одного элемента системы неизбежно ведет к изменению других. Системный подход создает условия для целостности изучения проблемы готовности будущих специалистов к работе с детьми и подростками, дает возможность исследовать природу поведенческих расстройств и внутренние механизмы их функционирования.

При построении системы профессиональной подготовки следует сосредоточить внимание и на *компетентностном* подходе, где основным элементом подготовки специалиста-педагога становится компетентность. Компетентностный подход предполагает уход от простого воспроизведения знаний к их практическому применению в реальных профессиональных ситуациях и организации.

В указанном подходе компетентность и компетенции представляют собой взаимосвязанные компоненты активности субъекта. Компетенция выступает как готовность и стремление к определенным видам деятельности, в то же время как компетентность может реализоваться в деятельности при посредстве механизмов саморегуляции и самореализации.

Компетентность педагога рассматривается как проявленные им на практике стремления и способности (готовности) реализовать свой потенциал для успешной продуктивной деятельности в профессиональной и социальной сфере при осознании социальной значимости и личной ответственности за результаты этой деятельности[3]. Мы разделяем точку зрения О.И. Мыртынюк, О.И. Соловьева, которые выделяют три группы компетентностей [4].

- ключевые компетентности, являющиеся общими для современных специалистов (социально-личностные);
- компетентности базовые для всех специалистов педагогического профиля (педагогические, общепрофессиональные);

- компетентности, обусловленные предметной областью (специальные, академические, предметные).

К ключевым компетентностям относятся информационная, коммуникативная, компетентность самосовершенствования, правовая. Общепрофессиональная компетентность включает компетентности в области научно-исследовательской, проективной, управленческой, производственной, педагогической деятельности.

Специальная профессиональная компетентность представляет собой степень профессиональной подготовки выпускника, наличие у него профессиональных компетенций (готовности и стремления), необходимых для выполнения определенной профессиональной деятельности. То есть специальная профессиональная компетентность есть готовность реализовать важные качества, обеспечивающие продуктивность профессиональной деятельности специалиста.

Для выпускника вуза важным результатом его подготовки является готовность нести личную ответственность за собственное благополучие и благополучие общества. В настоящее время речь идет о формировании специалиста с высоким уровнем правовой культуры и правовой компетентности.

Т.И. Шамова понимает под правовой компетентностью способность специалиста ориентироваться в реальной жизненной ситуации с позиции законодательства, решать проблемы на основе имеющихся знаний, осуществлять оценочно-ценностную рефлексию [7].

Знание нормативно-правовых актов, умение применять их на практике необходимы в профессиональной деятельности педагогов, так как они призваны охранять права детей в образовательных учреждениях, содействовать развитию правовых гарантий; оказывать помощь в правовых вопросах школьникам, педагогам и родителям. В современных условиях практическими задачами педагога становятся выявление и развитие сущностных сил подростка, внушение ему сознания собственной неповторимости, побуждения его к самовоспитанию, к тому, чтобы стать творцом самого себя и своих обстоятельств. Для реализации указанных задач необходима соответствующая подготовка к педагогической деятельности.

Термины «подготовка» и «готовность» в литературе не рассматриваются как синонимы, хотя между собой они тесно связаны, взаимозависимы и взаимообусловлены. Это объясняется тем, что готовность специалиста во многом определяется тем, какую подготовку он получил.

Под термином «подготовка» к педагогической деятельности понимается динамический процесс, конечной целью которого является готовность к этой деятельности.

К.К. Платонов рассматривал готовность в контексте общих планов соответствия преподавательской профессии. Подобный подход не утратил своей актуальности и может быть отнесен к готовности к преподавательской деятельности в области профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Готовность рассматривается и как качество личности, состояние субъекта деятельности, предшествующее выполнению какого – либо осознанного вида деятельности, и обусловлено психологическими особенностями, присущими данному человеку, а так же конкретными условиями, в которых осуществляется эта деятельность [6].

Исходя из выше сказанного, под *готовностью педагога к профилактике преступности несовершеннолетних* мы понимаем единство теоретической и практической подготовки специалиста, а так же состояния его мотивационно-потребностной сферы, необходимое для осуществления деятельности по социально-педагогической поддержке позитивных механизмов реализации субъектами образовательного процесса потребности быть успешными и способности противостоять негативным влияниям внешней среды.

При этом подготовка студентов вуза к работе с по профилактике нарушений в поведении должна носить организованный, целенаправленный характер, обеспечивающий комплексное получение необходимых научно – правовых и психолого-педагогических знаний, умений и навыков. В случае низкой или недостаточной готовности педагог может допускать ошибки в деятельности, игнорировать или не замечать важные признаки, сигнализирующие о

неблагоприятном состоянии учащихся. Столкновение с реальными условиями деятельности и учащимися, проявляющими отклонения в поведении, приводит к конфликтным ситуациям, разочарованию в педагогической деятельности.

С целью выявления представлений будущих педагогов о причинном комплексе девиантного поведения подростков, основных направлений профилактической работы, путей её проведения и желания ею заниматься был проведен опрос.

В опросе приняли участие 134 человека – студенты 1-5-го курсов, обучающихся по специальности «Социальная педагогика», «Педагогика и психология», «История и право». Проанализировав ответы, на вопросы анкеты мы выяснили, что большинство студентов достаточно информированы о понятии и видах отклоняющегося поведения. Низкие результаты показали студенты первого курса, что можно объяснить самой спецификой образовательного процесса вуза, где удельный вес профессиональных дисциплин в данный период незначителен. На вопрос о том «Что такое девиантное поведение?» студенты отвечают: «поведение, не соответствующее установленным социальным нормам», «отклоняющееся от нормы», «отклоняющееся от нормы, вредное для общества и личности», «... в некоторых случаях преступное» и т.п., что соответствует терминологии, существующей в специальной литературе.

Причины девиантного поведения студенты видят в нарушении социальных отношений ребенка, особенно деформации в диаде «ребенок-родитель». Если говорить более конкретно, то это «стиль воспитания в семье», «невнимательность родителей по отношению к детям, безразличие», «чрезмерная занятость родителей», к ребенку, «проживание в «асоциальной» семье», «унижение со стороны взрослых», «унижение со стороны сверстников», «непринятие коллективом». Очень редко назывались биологические причины («плохая наследственность»).

Нас интересовал вопрос о том, кто является ключевым звеном профилактики отклоняющегося поведения. Третья часть участников анкетирования (31%) указала, что вопросы профилактики – основная задача семьи. Причем ответы студентов 1 – 4-го курсов практически идентичны. Так ответили 40% первокурсников, 33,3% второкурсников, 35,3% третьекурсников, 38,7% студентов четвертого курса. Ситуация резко изменяется к пятому курсу - только 4,2% пятикурсников считают профилактику основной задачей семьи, половина студентов пятого курса, участвующие в анкетировании, отметили, что это заботы семьи и школы. Появляется и новый вариант ответа – необходимость комплексного решения данного вопроса (так ответили 37,5 студентов пятого курса). В итоге по выборке мы получили следующие данные – ответственность за решение задачи профилактики поведенческих расстройств возлагается на совместную деятельность специалистов разных направлений (29,4% ответов), а также на семью и школу (22,8%). Можно предположить, что практические занятия в образовательных учреждениях, учебная и производственная практика, работа над проектами способствует формированию целостного подхода к проблеме.

Ответы на вопрос о том, с какого возраста следует начинать данную работу, распределились следующим образом: 27% студентов указывают – 6 лет и ранее, 31,6% – с поступления ребенка в школу, 22,7% – с 10 лет, 17,6% – с подросткового возраста.

Мы так же предложили указать эффективные формы и методы профилактической работы. Здесь респонденты назвали достаточное количество форм и методов, однако их особенностью является однообразность и выраженный «воспитательный» характер, а так же пассивность со стороны несовершеннолетних – классные часы, показ фильмов, лекции, беседы, встречи с представителями правоохранительных органов, экскурсии в учреждения закрытого типа («показать последствия»). В то же время, в педагогике общепризнанным является тезис «воспитанник меньше всего желает, чтобы его воспитывали». Следовательно, формы и методы воспитания должны проектироваться таким образом, чтобы несовершеннолетние чувствовали себя не объектами, а субъектами собственных изменений, саморазвития и самовоспитания. Только в 3% случаев встречались предложения по трансформации содержания учебных дисциплин (увеличение количества часов по

правоведению) и предложения по включению школьника в значимую для него и социально приемлемую деятельность.

Для понимания истинного состояния готовности к профилактической работе с подростками важно обратить внимание на ответы на два вопроса – вопрос о том, насколько важна работа по профилактике девиантного поведения и насколько выражено желание ей заниматься.

Студенты оценили:

1) важность работы по профилактике девиантного поведения *для себя лично* по шкале от 1 до 9, где «1» означает, что «считаю, что данное направление в моей работе является абсолютно не важным». Средняя оценка, которая была получена при подсчете результатов всех анкет – 7,3. При этом самые высокие оценки были у студентов второго и пятого курса (7,8 и 7,7 соответственно), самые низкие – у студентов третьего и четвертого курса (6,7) «9» означает, что «данное направление в моей работе является одним из приоритетных».

2) своё желание проводить профилактическую работу с несовершеннолетними по предупреждению девиантного поведения по шкале от 1 до 9, где «1» означает полное отсутствие какого-либо желания; «9» – максимально выраженное желание вести данную работу. В этом случае средняя оценка была равна 5,7 балла. Это говорит о том, что с одной стороны студенты понимают важность данного направления педагогической деятельности, с другой – не испытывают большого желания ее проводить. Проведенный статистический анализ подтвердил эти выводы и показал отсутствие значимой корреляционной взаимосвязи между указанными переменными. С нашей точки зрения на эти данные стоит обратить внимание тем, кто занимается подготовкой будущих специалистов.

Выводы. Проведенное исследование не позволяет дать исчерпывающий ответ на вопрос о готовности специалиста к профилактической работе в области девиантного поведения, но еще раз демонстрирует необходимость целенаправленной работы над формированием мотивационной основы деятельности, над помощью будущим специалистам в осознании ее социально-значимого смысла, для того, чтобы так приобщать студентов к этому важному направлению работы.

Литература

1. Большой Энциклопедический словарь.
2. Иванова А.А. Педагогическая профилактика в системе предупреждения преступлений. Автореф. дис. канд. юр. Наук. – Нижний Новгород. – 2006.
3. Коротун А.В., Глухих С.И. Формирование правовой компетентности будущих социальных педагогов // Педагогическое образование и наука №10. – 2008. – С. 96.
4. Опыт формирования компетентностной модели выпускника педагогического вуза как нормы качества и базы оценки результатов образования: Материалы XI симпозиума «Квалиметрия в образовании: методология, методика, практика» / Под ред. И.Н. Медведева, Н.А. Селезневой. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. – 48 с.
5. Осницкий, А.К. Структура, содержание и функции регуляторного опыта человека [Текст] : дис. ... доктора психол. наук : 19.00.01 – Москва, 2001 – 370 с.
6. Хачатрян, Э.В. Педагогическая модель формирования готовности учителей к применению инновационных технологий // Вестник университета Российской академии образования. – № 5. – 2010. – С. 80.
7. Шамова Т.И., Худин А.Н., Анненкова Н.В., Поздняков А.В. Формирование нормативно-правовой компетентности педагогических кадров: Учебное пособие – М.: Педагогическое общество России, 2006. – С.96.

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ КУРСАНТОВ-БУДУЩИХ ИНСПЕКТОРОВ ПДН

Брылева Юлия Александровна,
преподаватель кафедры педагогики Учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности,
ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»,
г. Москва

Аннотация. Компетентностный подход – ведущая новация ФГОС ВО. Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя реализует ФГОС ВО 44.05.01 – Педагогика и психология девиантного поведения, в соответствии с которым кафедрой педагогики Учебно-научного комплекса готовятся специалисты-будущие инспекторы ПДН. Инспектор ПДН – один из ведущих специалистов в У(О)МВД России в виду их непосредственного взаимодействия с подрастающим поколением, независимо от возрастного ценза, невзирая на Федеральный закон № 120-ФЗ, где прописано, что несовершеннолетний – лицо от четырнадцати до восемнадцати лет.

Ключевые слова: компетентностный подход, курсант, специалист, образовательный процесс, этапы профессионального становления.

Annotation. The competence approach is a leading innovation of the Federal state educational standards of higher education. Moscow University of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot' implements of the Federal state educational standard of higher education in the specialty 44.05.01 – Pedagogy and psychology of deviant behavior, where the Department of pedagogy, educational and scientific complex prepares specialists-future inspectors on Affairs of minors. The inspector on Affairs of minors– one of the leading specialists in the of Department of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, Departments of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation and Municipal Offices of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation in view of their direct interaction with the younger generation, regardless of the age limit, in spite of Federal law № 120, which stipulates that a minor is a person from fourteen to eighteen years of age.

Keywords: competence approach, cadet, specialist, educational process, stages of professional development.

Постановка проблемы. В современных условиях диверсифицированности социальной жизни, обновления, развития и совершенствования телеинформационных коммуникаций, потери границ между действительностью и интернет-пространством актуализируется значимость профессиональной подготовки конкурентоспособного специалиста – готового к самовоспитанию, самосовершенствованию, постоянному повышению квалификации.

Проблема подготовки кадров для системы Министерства внутренних дел Российской Федерации является особо важной и перспективной деятельностью. Особое внимание уделяется подготовке кадров по работе с несовершеннолетними, в том числе и несовершеннолетними правонарушителями. Изменение кадровой политики в третьей пятилетки XXI века повлияло и на качество выполнения служебных обязанностей, согласно должностному регламенту повысились требования к выполнению должностных обязанностей, расширились обязанности и права сотрудника органов внутренних дел, увеличился обслуживаемый участок и возросло количество населения, закрепленного за сотрудником (инспектором по делам несовершеннолетних, участковым уполномоченным полиции); усилился контроль за качеством ведения служебной документации, за количеством несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете в ПДН, за группами несовершеннолетних. Поэтому социумом и заказчиком – Министерством внутренних дел РФ

предъявляются колоссальные требования к уровню профессиональной компетентности сотрудников, в том числе и инспекторов по делам несовершеннолетних.

Цель статьи. Преобразования в системе высшего образования декларируют и повышения требований к качеству подготовки специалистов, в частности специалистов по работе с несовершеннолетними. Последние годы отличительной чертой в подготовке специалистов выступает компетентностный подход в образовательном процессе, посредством которого студенты овладевают всеми компетенциями, обозначенными во ФГОС ВО (например, 44.05.01 – Педагогика и психология девиантного поведения (ФГОС ВО 2017 г.): общекультурные, общепрофессиональные, профессиональные, а также профессионально-специализированные компетенции, которые заложены в основных профессиональных образовательных программах ВО). Соответственно выдвижение требований заказчика и ФГОС ВО накладывает на образовательную организацию обязательства по совершенствованию подготовки и формирования у курсантов-будущих инспекторов ПДН компетенций, необходимых в будущей профессиональной деятельности. На основании изложенного, целью настоящего исследования определим теоретико-педагогическое осмысление компетентностного подхода в образовательном процессе курсантов-будущих инспекторов ПДН.

Изложение основного материала исследования. Актуальным системообразующим подходом в подготовке кадров для работы с несовершеннолетними выступает компетентностный подход. Обращаясь к этимологии слова «компетенция», поясним, что в словаре Европейского фонда образования данная дефиниция расшифровывается как способность выполнять свою трудовую деятельность эффективно; выполнять необходимые требования при трудоустройстве и особые трудовые функции [2]. Многие исследователи направления компетентностного подхода позиционировали на значимых отличиях между «квалифицированным» и «компетентным» специалистом; они подчеркивали, что для «компетентного» специалиста не достаточно обладать традиционными знаниями, умениями и навыками, «компетентный» специалист должен обладать готовность к реализации усвоенных знаний, умений и навыков, в том числе и в нестандартных ситуациях (Л.П. Алексеев, А.А. Базулина, О.М. Дорошенко, В.В. Сериков, И.В. Ульянова, А.В. Хуторской и др.) [1; 3; 4].

На основе компаративистского анализа научной литературы, мы пришли к выводу, что толкование компетентностного подхода (в последние годы) нивелируется, ссылаясь на компетентностный подход как на практико-ориентированный. Поэтому мы, в своих исследованиях, как правило указываем на необходимость достраивания образовательного процесса и другими подходами, укрепляющими главенствующую роль компетентностного (таким образом интегрируя одни подходы в другие).

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя реализует 18 специальностей по очной и заочной формам обучения, одним из приоритетных направлений подготовки выступает специализация – социальная педагогика (очная и заочная формы обучения) – кадры для инспекции по делам несовершеннолетних, чья непосредственная профессиональная деятельность связана с предупреждением и профилактикой правонарушений несовершеннолетних, а также взаимодействием и сотрудничеством с субъектами профилактики.

Ведущей кафедрой при подготовке указанных кадров выступает кафедра педагогики Учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, которая интегрирует в том числе и компетентностный подход. Разработанные позиции по практике реализации компетентностного подхода позволяют сочетать теоретические знания с практическими навыками будущей профессиональной деятельности. Схематично на рисунке 1 отображен диапазон подготовки курсантов-будущих инспекторов ПДН с учетом реализации компетентностного подхода.

Необходимо отметить этапы профессионального становления курсантов-будущих инспекторов ПДН. Нами выделены 3 этапа становления, в котором каждый обучающийся приобретает необходимые знания, умения и навыки для успешного взаимодействия с несовершеннолетними, их родителями и субъектами профилактики, что является залогом

успешного специалиста-профессионала, четко выполняющего свои должностные обязанности. Этапы реализации компетентного подхода продемонстрированы на рисунке 2.

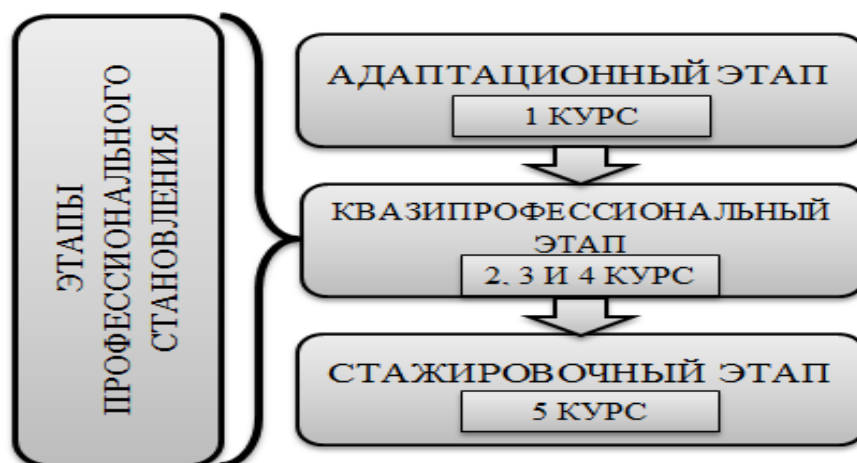

Рисунок 2 – Универсальная структура этапов профессионального становления курсантов с учетом реализации компетентного подхода

В период адаптационного этапа курсанты включены в курсантский научный кружок от кафедры, в рамках которого развиваются первые навыки взаимодействия с несовершеннолетними (коммуникационный и организаторский опыт) и пробы научно-исследовательской деятельности. В период квазипрофессионального этапа курсанты включены в дискретные практики (2-3 курсы), учебные педагогические практики (3-4 курсы) и производственные практики (4 курс). В период стажировочного этапа обучающиеся находятся на преддипломной практике (5 курс).

№ курса	Семестр	Время проведения	Диапазон подготовки
1	1 – 2	На протяжении всего периода обучения на 1-м и 2-м курсах	<i>Первичные практические пробы</i> Проектная деятельность курсантского научного кружка (КНК) кафедры педагогики УНК ПСД совместно с Молодежным образовательным проектом Психологического института РАО «Смысл жизни и судьба. Как построить собственное будущее?»
			<i>Квазипрофессиональные пробы</i> Учебная практика по формированию первичных профессиональных умений и навыков практической деятельности в образовательных организациях (Дискретно)
2	3	1,5 недели	<i>Квазипрофессиональные пробы</i> Учебная практика по формированию первичных профессиональных умений и навыков практической деятельности в образовательных организациях (Дискретно)
	4	2,5 недели	<i>Квазипрофессиональные пробы</i> Учебная практика по формированию первичных профессиональных умений и навыков практической деятельности в образовательных организациях (Дискретно)
	6	4 недели	Учебная педагогическая практика в ФКУ «ЗДП «Русичи» МВД России»
3	5	1,5 недели	<i>Профессиональные пробы</i> Учебная практика по формированию первичных профессиональных умений и навыков практической деятельности в образовательных организациях (Дискретно)
	6	2,5 недели	<i>Профессиональные пробы</i> Учебная практика по формированию первичных профессиональных умений и навыков практической деятельности в образовательных организациях (Дискретно)
	8	6 недель	Учебная педагогическая практика в ФКУ «ЗДП «Русичи» МВД России»
4	7	1,5 недели	Производственная практика по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности в ОПДН
	8	2,5 недели	Производственная практика по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности в ОПДН
	8	6 недель	Учебная педагогическая практика в ФКУ «ЗДП «Русичи» МВД России»
5	9	17 недель	Производственная преддипломная практика в ОПДН

Рисунок 1 – Процесс подготовки курсантов-будущих инспекторов ПДН с учетом реализации компетентного подхода

Выводы. Таким образом, при реализации ФГОС ВО по специальности 44.05.01 – Педагогика и психология девиантного поведения (в рамках обучения курсантов-будущих инспекторов ПДН) в полной мере реализуется компетентностный подход, учитывая личностный и профессиональный модули развития обучающихся в образовательном процессе. При помощи такой реализации ФГОС ВО и ОПОП ВО, где прописаны и профессионально-специализированные компетенции, у курсантов-будущих инспекторов ПДН формируется не только весь спектр компетенций, но и этические, моральные, нравственные, творческие и коммуникативные навыки.

Литература

1. Базулина А.А Совершенствование педагогических технологий подготовки курсантов (слушателей) образовательных организаций МВД России / А.А. Базулина // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство: сборник научных трудов: Волгоград, 2019. – С. 14-16.

2. Глоссарий терминов рынка труда, разработки стандартов образовательных программ и учебных планов. Европейский фонд образования. ЕФО, 1997. –160 с.

3. Дорошенко О.М. Проектирование социально-педагогической деятельности инспектора по делам несовершеннолетних с подростками девиантного поведения / О.М. Дорошенко, Н.В. Дегтярева // Актуальность педагогического наследия А.С. Макаренко в современных условия: сборник статей: Москва, 2019. – С. 134-139.

4. Ульянова И.В. Компетентностный подход в системе российского гуманитарного образования: сущность, проблемы, перспективы / И.В. Ульянова // Актуальные вопросы экономики, права, психологии и образования: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Отв. ред. Е.В. Федосенко, Л.Ф. Уварова, 2019. – С. 17-21.

УДК: 377.013.42

АДАПТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА В ПРОФИЛАКТИКЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ДЕВИАЦИЙ

Горобец Наталия Николаевна,

кандидат педагогических наук, доцент, заместитель
директора по воспитательной работе ОП «Стахановский
педагогический колледж Луганского национального
университета имени Тараса Шевченко»,
г. Стаханов, Луганская Народная Республика

Аннотация. В статье раскрывается сущность понятия адаптационного потенциала студентов педагогического колледжа в контексте профилактики девиантного поведения. Выделены основные черты адаптационного потенциала, а также представлены основные характеристики, которые способствуют снижению адаптационного потенциала личности студентов педагогического колледжа. Раскрыт ресурсный потенциал семьи в снижении и профилактике студенческих девиаций.

Ключевые слова: адаптационный потенциал, девиантное поведение, ресурсный потенциал семьи, профилактика поведенческих отклонений студентов.

Annotation. The article reveals the essence of the concept of the adaptive potential of pedagogical college students in the context of the prevention of deviant behavior. The main features of the adaptive potential are highlighted, and the main characteristics are presented that contribute to a decrease in the adaptive potential of the personality of students of a pedagogical college. The resource potential of the family in reducing and preventing student deviations is revealed.

Keywords: adaptive potential, deviant behavior, family resource potential, prevention of students' behavioral deviations.

Постановка проблемы. Вопросы адаптации студенчества в обществе и в условиях обучения достаточно дискуссионные и требуют нестандартных подходов к их решению. С одной стороны, полноценное развитие потенциала личности происходит, если социум, так или иначе, поддерживает данную личность. Однако своеобразные проявления девиантного подростка часто нарушают его связи с одноклассниками, преподавателями, родителями. Вместе с этим, наличие определенных ресурсов расширяет поле деятельности личности студента педагогического колледжа, делает возможным менять цели его жизни на позитивные и достигаемые.

Особенности адаптационного потенциала личности раскрыты в трудах Т. Батухтиной, С. Добряк, Ю. Паненковой, В. Якунина и других исследователей. Снижение адаптационных возможностей в генезисе девиантных проявлений представлено в работах Ф. Баррона, Я. Глинского, Т. Мироновой, К. Платонова, Ф. Фарли и др.

Однако, эта проблема недостаточно изучена в контексте профилактики негативных проявлений в поведении студентов педагогического колледжа путем поддержки и повышения их адаптационных возможностей.

Целью данной статьи является анализ сущности и основных параметров адаптационного потенциала студентов педагогического колледжа в контексте профилактики девиантных проявлений в их поведении.

Изложение основного материала исследования. Анализ научной литературы показывает, что достаточно часто адаптационный потенциал рассматривают как синоним понятия «адаптивность» и определяют как свойство, которое выражает возможность личности к адаптации [2, с. 136]. Приобретая качества адаптивности, личность становится наиболее жизнестойкой, имеющей определенные ресурсы по преодолению трудностей, которые возникают в процессе обучения в педагогическом колледже.

Как указывают О. Титова и Е. Холодцева, «адаптивность» может быть внутренней и внешней. При этом, внутренняя адаптивность проявляется в форме перестроения функциональных структур и систем личности, а внешняя – связана с формированием адаптивным, социально принятым поведением. То есть, внешняя адаптивность проявляется в поведении как приспособленческая, инструментальная адаптация личности, внутренняя – как гармония личности, состояние психологической защиты [5, с. 48].

Также адаптационный потенциал определяют, как способность под действием внешних факторов приобретать уровневые и структурные изменения [4, с. 118].

Анализ научных источников дает возможность рассматривать адаптационный потенциал студента педагогического колледжа как один из интегративных феноменов адаптации, основными чертами которого являются:

- совокупность индивидуально-психологических признаков и черт, которые обуславливают эффективность адаптации;
- латентные возможности, которые могут проявляться при смене содержания, интенсивности, направленности воздействия адаптационных факторов;
- границы адаптационных возможностей личности и стойкости к факторам воздействия, предпосылки к определенному диапазону соответствующих адаптационных реакций;
- связь с возрастными и психологическими особенностями личности, которые рассматриваются как условие по реализации потенциальных возможностей студента.

Анализ источников научной литературы позволяет рассмотреть определенные возрастные параметры адаптационного потенциала студента педагогического колледжа. Поскольку в колледж приходят учиться после девятого класса общеобразовательной школы, то студенты первого-второго курсов педагогического колледжа относятся к подростковой возрастной категории.

При поступлении в педагогический колледж у студентов-первокурсников возникает необходимость быстрого приспособления к новым условиям и требованиям, оправдания ожиданий родителей и преподавателей касательно успешности в обучении. Все это относится к стрессогенным факторам и вызывает риск возникновения дезадаптации.

Рассматривая адаптационный потенциал студентов педагогического колледжа как единую личностную характеристику, можно выделить такие его критерии: уровень психического здоровья, личностные особенности, система взаимоотношений, личностная позиция по отношению к возникающим проблемам в процессе обучения в колледже.

Такие исследователи, как Т. Батухтина, Н. Попова, О. Бурзунова рассматривают адаптационный потенциал личности одаренного подростка как многогранную систему, которая включает в себя здоровье, эмоциональный, мотивационный, креативный, социально-психологический и рефлексивный компоненты. Они утверждают, что подростки с высоким уровнем креативности и интеллекта могут чувствовать максимальное давление социума, что связано со сменой социального, образовательного, личностного статусов. Это влияет на уровень общего адаптационного потенциала подростка.

Изучая особенности формирования Я-концепции подростков, ученые отмечают, что доминирование негативных установок в содержании собственного «Я» является препятствием на пути конструктивного взаимодействия с другими людьми, развитием потенциала личности. У неприспособленной личности Я-концепция не соответствует потенциальным возможностям, поведение отягощено защитными механизмами [1, с. 3].

Изучение научной литературы дает возможность выделить основные характеристики, которые способствуют снижению адаптационного потенциала личности студентов педагогического колледжа. К ним можем отнести:

- физиологические особенности (нервно-психическая нестойкость, низкий уровень трудоспособности, быстрая утомляемость, склонность к нервно-психическим срывам);

- психологические особенности (повышенная эмоциональность, высокий уровень тревожности и агрессивности, акцентуации характера, личностные расстройства, неадекватная самооценка, потеря интереса к учебе и жизни, отсутствие жизненных перспектив);

- социальные особенности (нарушение социальных норм поведения, трудности в коммуникации, негативное отношение со стороны других студентов и преподавателей, отсутствие поддержки, осознание собственной ненужности).

Чем меньше выражены данные характеристики, тем выше вероятность успешной адаптации студента.

Структуру адаптационного потенциала, по мнению Т. Посоховой, составляют такие компоненты как:

- биопластический (эволюционно закрепленные инстинктивные формы жизнедеятельности человека и его ресурсы, которые влияют на здоровье, трудоспособность и либеральность к негативному воздействию внешней среды);

- биографический (опыт противодействия негативным воздействиям, который накоплен в семье и передан в результате взаимодействия ребенка с родителями);

- психический (реальные возможности личности, которые позволяют наладить отношения с собой и окружающей средой – мотивационные, речевые, креативные, темпераментные, интеллектуальные новообразования);

- личностно-регулятивный (благодаря данному компоненту достигается необходимый уровень адаптированности, который позволяет противостоять сложным ситуациям, активизировать защитные механизмы для сбережения личностной ценности) [4, с. 118].

Таким образом, адаптационный потенциал студентов педагогического колледжа имеет ряд особенностей, которые обусловлены как объективными, так и субъективными причинами. С одной стороны, это неадаптированность личности студента, а с другой – негативное отношение социума к нему. Отметим, что ученые, выделяя компоненты адаптивного

потенциала подростка, в большинстве случаев уделяют внимание таким параметрам, как процесс его взаимодействия с окружающей средой, взаимоотношения со сверстниками, семьей, учет индивидуальных характеристик.

Рассматривая социальную сферу развития и становления личности студента в контексте проблемы профилактики поведенческих девиаций, отметим, что в большинстве случаев эта проблема может рассматриваться в русле подходов, основанных на взаимодействии студента и среды, где особое внимание уделяется семье. Именно в семье студент-первокурсник усваивает поведенческие навыки, которые являются основой его дальнейшей поведенческой деятельности в педагогическом колледже. Именно семья задает определенный контекст действиям подростка и позволяет понять причину тех или иных поступков студента.

Традиционно пространство семьи рассматривают как инструмент, наполненный стимулами, возможностями развития для успешной социализации ребенка. Поэтому семью мы рассматриваем как ресурс, который способствует положительной адаптации студента к условиям педагогического колледжа и формированию его стойкости к негативным воздействиям, а также приоритетным фактором в профилактике девиантного поведения студента.

Исходя из позиций ресурсного подхода, семья нами рассматривается как ресурс профилактики поведенческих девиаций студентов, где оптимальное взаимодействие родителей с подростком способствует формированию стойкости к сложным особенностям колледжного обучения. В связи с этим, в педагогическом колледже социально-педагогическая практика ориентирована на профилактическую деятельность не только со студентами, но и с их семьями.

В научной литературе зафиксировано несколько определений ресурсов семьи:

- семейные ресурсы – это силы и динамические факторы в матрице отношений, которые поддерживают развитие личностных ресурсов, потенциала членов семьи и способствуют формированию чувства удовлетворенности в семье;

- семейные ресурсы – возможности и разные компетентности членов семьи, которые используются в ответ на стрессы и кризисы, а также имеют возможность увеличивать и усиливать адаптационное функционирование семейной системы;

- ресурсы родителей – это система внутренних и внешних условий, которые способствуют стойкости личности в стрессогенных ситуациях, обеспечивают качественное воспитание и способствуют эффективному развитию ребенка. Данные понятия связаны с обеспечением процесса оптимальной адаптации студентов-первокурсников к условиям обучения в педагогическом колледже. Как отмечает В. Степаненко, семейные ресурсы делят на ресурсы адаптации и ресурсы социализации. Ресурсы адаптации – это источник развития личности, заложенный в позитивном эмоциональном фоне семьи, который дает ощущение безопасности и более удачного будущего. Семейные ресурсы социализации базируются на межличностных контактах, реализации совместных действий для достижения личностных успехов. Ресурсы социализации способствуют выработке в личности адекватных представлений о себе и о других, навыков построения успешного взаимодействия с другими людьми и позволяют личности лучше включиться в окружающую социальную реальность [3]. Учитывая вышесказанное, в контексте профилактики поведенческих девиаций студентов-первокурсников семейные ресурсы составляют совокупность внутренних и внешних возможностей семьи, которые поддерживают развитие личностных ресурсов подростка, способствуют формированию его стойкости к новым условиям обучения в педагогическом колледже и предупреждению дезадаптивных проявлений в поведении.

Ресурсный потенциал семьи дает возможность по-разному рассматривать семью в системе социально-педагогической деятельности педагогического колледжа по профилактике поведенческих девиаций студентов-первокурсников: как клиента или как непосредственного исполнителя профилактических мероприятий. Чем выше ресурс, тем выше уровень компетентности и ответственности семьи в понимании своих функций касательно

предвидения, предупреждения, минимизирования и профилактики девиантного поведения ребенка.

Таким образом, необходимым условием успешной адаптации студентов первого курса, профилактики разных поведенческих отклонений является взаимодействие педагогического колледжа не только с подростками, но и их семьями. То есть, преподавателям педагогического колледжа необходимо обеспечить взаимосвязь познавательной, личностной и социальной сфер жизнедеятельности первокурсников.

Образовательное пространство педагогического колледжа выдвигает высокие требования к адаптационным возможностям первокурсников. Полноценное развитие потенциала студентов первого курса может быть при условии поддержки их неординарности, направленности этой неординарности в положительное русло с целью профилактики разных негативных проявлений в поведении.

Адаптационный потенциал студента-первокурсника составляет ресурс, свойство, что дает возможность личности к адаптации, которая состоит в ее жизнестойкости к возникающим трудностям, способности менять свое функционирование без тяжелых компенсационных изменений. Адаптационный потенциал студента педагогического колледжа состоит из внутренних (определенный набор личностных характеристик, которые обеспечивают оптимальное функционирование в образовательном пространстве колледжа) и внешних (поведение, деятельность, опыт противодействия негативным воздействиям) характеристик.

Выводы. Исходя из вышесказанного, можем констатировать, что профилактика разных негативных проявлений в поведении у студентов первого курса предполагает создание в учебном заведении социально-педагогического пространства для позитивной адаптации к условиям обучения и активизации потенциальных возможностей студентов. При этом необходимо ориентироваться на возрастные и индивидуальные возможности студентов, ресурсы их семей, использование адекватных средств социально-педагогического воздействия, что позволит повысить адаптационный потенциал студентов первого курса и снизить риск негативных поведенческих девиаций.

Литература

1. Афанасьева В.В. Социально-педагогическая профилактика девиантного поведения подростков в деятельности общеобразовательной школы: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05. – Луганск, 2011. – 20 с.
2. Добряк С.Ю., Якунин В.А. Психологическая адаптация первокурсников к обучению в вузе. / С.Ю. Добряк, В.А. Якунин. // Ярославский психологический вестник. – Москва; Ярославль, 2004. Вып. 13. – С. 136-141.
3. Степаненко В.И. Параметры адаптационного потенциала одаренных учеников в контексте профилактики поведенческих девиаций / В.И. Степаненко. // Сб. науч. тр. Хмельницкого института социальных технологий. – 2019. – № 17. – С. 144-146.
4. Структура адаптационного потенциала одаренных подростков / О.О. Андронникова и др. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. – С. 117-124.
5. Титова О.И., Холодцева Е.Л. Жизнестойкость как фактор социально-психологической адаптации одаренных школьников. / О.И. Титова, Е.Л. Холодцева // Социальная и экономическая психология, 2017. – Т.2. – № 4 (8). – С. 43-70.

РЕФЛЕКСИВНО-ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ К КОНСТРУКТИВНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С ТРУДНЫМИ ПОДРОСТКАМИ

Давыдова Галина Ивановна,
доктор педагогических наук,
кандидат психологических наук, доцент,
профессор кафедры социально-педагогических технологий
и педагогики девиантного поведения
Гуманитарно-педагогической академии (филиала)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Ялта

Аннотация. В статье дано описание психолого-педагогических механизмов развития направленности личности подростков в процессе рефлексивного диалога, при этом выделяются две основные переменные рефлексивно-диалогического взаимодействия педагога-психолога с трудным подростком: рефлексивная позиция и диалогический контакт, выступающий как «фон», на котором происходит развитие самооценки воспитанника.

Ключевые слова: рефлексия, диалог, самооценка, свободное общение, творческая направленность личности, эмоциональное подкрепление.

Annotation. The article describes the psychological and pedagogical mechanisms of developing the orientation of the personality of adolescents in the process of reflexive dialogue. two main variables of reflexive-Dialogic interaction of a teacher-psychologist with a difficult teenager are identified: the reflexive position and Dialogic contact, which acts as a "background" for the development of self-esteem of a pupil.

Keywords: reflection, dialogue, self-esteem, free communication, creative orientation of the individual, emotional reinforcement.

Постановка проблемы. В одном из недавних исследований, посвященном проблемам подростков, встречается простая, остроумная и емкая формула понятия «трудный»: *это подросток, с которым трудно и которому трудно* [7]. Данное определение можно конкретизировать следующим образом: с одной стороны, трудно наладить контакт с подростком, научиться понимать его запросы, интересы, потребности, справиться с его агрессивностью, негативизмом, эгоизмом, равнодушием, потребительством, доказать необходимость и «заставить» учиться. С другой – ему трудно понять родителей, найти контакт с учителями, иметь авторитет среди сверстников, в том числе противоположного пола, принять себя таким, какой ты есть. С нашей точки зрения проблема разрешения трудностей во взаимодействии взрослых и подростков в настоящее время предстает в более оптимистическом свете, чем 10-15 лет назад.

Целью статьи является изложение основных принципов и приемов рефлексивно-диалогического подхода в подготовке педагогов- психологов по направлению педагогика и психология девиантного поведения.

Изложение основного материала исследования. Рефлексивно-диалогический подход дает возможность взглянуть на проблему «трудных подростков» без акцентов на девиантных, делинквентных и др., а также заострить внимание на трудностях взаимодействия с подростком, выделить меру своей ответственности, т.е. формулировать проблему взаимодействия с подростком *как собственную*. Уход от сакраментального вопроса: «Кто виноват?» (социально-политические, социокультурные или экономические изменения в обществе) автоматически будет означать переход к обсуждению вариативных технологий взаимодействия с подростком.

Актуальность такого обсуждения в рамках подготовки будущих педагогов психологов по специальности психология и педагогика девиантного поведения диктуется общим направлением подготовки студентов, и в частности, рабочей программой курса «Развитие социально ответственного и толерантного поведения у детей и подростков».

Решению образовательных задач способствует рефлексивно-диалогический подход, выступающий как поворот к совершенно иному типу социокультурного наследования, где главным должно стать не усвоение прежних рецептов, а подготовка личности к овладению творческими методами деятельности, в частности, рефлексивными технологиями, где рефлексивность выступает как победа *рациональной этичности над иррациональностью отношений* [2].

Такая рефлексивная позиция, безусловно, оправдана с точки зрения диспозиции ценностному нигилизму и состоянию аномии, характеризующему сегодня общественные настроения в целом, как ориентацию на девиантное поведение, отказ от следования моральным нормам и предписаниям, безответственность и экстремизм.

Рефлексивность педагогической направленности в ситуации взаимодействия с учащимися характеризует пребывание личности в состоянии духовного бодрствования, до минимума сводя ситуативную возможность «выпадения» из со-бытийного процесса с воспитанником. Педагогической деятельности присуща тенденция к закреплению привычных методических образов, что при определенных условиях (многофакторный и многофункциональный характер труда учителя) превращает эти образы в методические шаблоны, стереотипы.

В образовательном процессе стереотипы играют двоякую роль: с одной стороны, создают основу для соблюдения педагогических нормативов, с другой – становятся препятствием для выражения спонтанности, творческой импровизации педагога. В процессе диалога негативные проявления педагогической деятельности в виде шаблонов социального взаимодействия устраняются в ходе саморефлексии профессиональных ценностных оснований, а также посредством рефлексивной смены социальных ролей и личностных позиций [9, с. 422– 440].

Рефлексивность позиции педагога не единственная переменная, которая обуславливает работу творческого механизма взаимодействия. Знак эмоционального переживания не менее важен, поскольку известно, что отрицательные эмоции «направлены по преимуществу вовнутрь, на их субъективный компонент, а в эмоциях положительных доминирует направленность вовне, то есть на объект эмоционального переживания» [1]. Кроме того, в психофизиологической литературе отмечается феномен существенно большей интенсивности отрицательных эмоций по сравнению с положительными (Анохин, 1964; Ониани, 1972; Зыков, 1980; Михайлова, 1971).

Возможно, именно различной интенсивностью и разнонаправленностью положительных и отрицательных эмоций объясняется влияние переживаний подростков на их познавательные процессы, которые проявляются как сужение сознания, искажение (неадекватность) восприятия, размытость (нефиксированность) внимания, неконтролируемость слов и поступков, – так называемая подростковая «безответственность».

Важным принципом в процессе рефлексивного диалога является механизм подкрепления (Б. Скиннер, 1938). Смысл этой (оперантной) реакции заключается в том, что то или иное поведение закрепляется и воспроизводится чаще, когда последствия его приводят к ситуации положительного или отрицательного подкрепления. И напротив, вероятность закрепления определенного поведения снижается, если оно влечет за собой наказание.

Механизм подкрепления рассматривается как важный принцип формирования поведенческого и психического опыта, в том числе в сфере влияния эмоций на процессы познания. Многочисленные эксперименты (Смит и Хохберг, 1952; Шафер и Мерфи, 1960; Б.Кон, 1953; П.К.Анохин, 1964) привели к единодушному мнению о том, что подкрепление и наказание производят закрепляющий или тормозящий эффект на научение тогда, когда они вызывают соответствующие эмоциональные переживания. Важно при этом, что влияние

эмоций было установлено на всех уровнях познания – от непосредственного произвольного восприятия до сложных форм логического мышления. Так, экспериментально удалось показать, что, используя прием эмоционального закрепления определенных элементов проблемной ситуации, можно управлять интеллектуальными процессами [8, 6]. Понимание механизма эмоциональной регуляции было использовано нами в процессе изучения онтогенетического становления самооценки личности [4].

В частности, выделены уровни обобщенной самооценки личности, которым соответствуют разные типы переживаний. Базовому типу переживания соответствует гедонистический тип самооценки, в основе которого лежит потребность в получении удовольствия и безусловном к себе отношении (там же).

Название гедонистического типа переживания восходит к З.Фрейду (1915), который рассматривал удовольствие в качестве ведущей потребности, регулирующей поведение человека. Потребность в удовольствии выступает побуждающим механизмом в двух направлениях: во-первых, в сторону достижения удовольствия, и, во-вторых, в направлении избегания неудовольствия и дискомфорта. Побуждение, связанное с избеганием, согласно Фрейду, лежит в основании всех защитных механизмов, которые человек возводит между собой и реальностью (реальной или воображаемой), чтобы не испытывать тревогу, чувство вины, страх потерять свою самооценку.

В наших исследованиях подростковых девиаций, связанных с применением рефлексивного диалога в ситуации со-бытийного преодоления проблемно-конфликтной ситуации, было показано, что процесс творческого решения задачи, связанного с преобладанием содержательного (проблемного) характера самооценки, не только не приводит к помехам в познавательной деятельности подростка, но обуславливает собой развитие самооценки и творческой направленности личности. Напротив, если в процессе решения задачи в самооценке подростка преобладает эмоциональное содержание (конфликт привязан к субъективно приятному эталону), деятельность направляется преимущественно защитной мотивацией, что в итоге приводит к вытеснению, сокращению в сознании подростка предметного содержания и не успешности решения задачи [6]

Типы взаимодействия в рефлексивном диалоге, определяющиеся уровнем направленности личности, характеризуются позицией субъекта по отношению к конфликтным моментам взаимодействия. Эта пристрастность, связанная в том числе, с бессловесными действиями, определяется уровнем содержательной мобилизации самооценки субъекта, степенью его готовности к взаимодействию. В частности, выделяются семь градиентов готовности подростка к конструктивному взаимодействию: «0» – полное отсутствие готовности, формальное поведение; «- 1», «- 2», «- 3» – снижение градиента готовности (соответственно «не хочу» «-1»; «-2» – приносит некоторую лихорадочность: «не желаю, потому что некомпетентен»; «-3», – панические речевые интеракции в связи с восприятием ситуации как опасной (конфликтной) для самооценки: «мне это не интересно»).

С повышением градиентов готовности дело обстоит следующим образом: «+ 1» – «готов сотрудничать, если вы мне поможете»; «+ 2» – целевая правило-сообразность: «я знаю, как это делается»; «+ 3» – сотрудничество: «трудно, но смогу».

Таким образом, в качестве показателя развития творческой направленности личности выделяется степень мобилизации самооценки (готовности) в ситуациях должностования: пониженная, повышенная, оптимальная, а также оценивается качество побуждения, которая определяется понятием «вес»: тяжелый – давит подавленным настроением; облегченный – вызывает настроение легковесности; вес с достоинством – заражает своей уверенностью. Другим показателем направленности личности в рефлексивном диалоге выступает вектор взаимодействия: «на себя» (для нас субъект как бы отсутствует, он в «себе самом»); «на других» – акцент на эмоциональном общении (цели, предмет, содержание взаимодействия – «страдают»); «на проблему» – предметом внимания является содержательный предмет взаимодействия, отношение здесь – «фон». Еще одним существенным показателем развития направленности личности в рефлексивном диалоге

являются так называемые «пристройки», характеризующиеся пространственной локализацией в процессе взаимодействия: пристройка сверху (недоверие, социальная дистанция), пристройка снизу (низкая самооценка, комформность); пристройка наравне (равное отношение, диалог).

И еще выделяется комплексная характеристика развития творческой направленности личности – с одной стороны, степень ее социально-этической составляющей (рефлексия) и с другой, свобода в общении (диалог) – спонтанность, непосредственность, легкость, непринужденность, переживаемая субъектами в процессе осознания себя и партнера в качестве осознающих и реализующих возможности развития контакта, гармонично сочетать рефлексивную работу и спонтанность. Снятие ограничений свободы в рефлексивном диалоге повышает эмоциональное самочувствие подростка, усиливает интерес к взаимодействию.

Быть автономным в контакте – нонсенс, так как контакт предполагает открытость, доверие, включенность в пространство другого человека, выработку общего поля взаимодействия. Но можно быть свободным от реального контроля над другим человеком, от жесткого самоконтроля, от мысли о наблюдаемости, контролируемости себя значимым другим – партнером по общению или другим субъектом, обладающим статусом, непосредственно не участвующим в данной ситуации общения.

Тревожность партнера, доминирование скрытых манипулятивных целей, подверженность стереотипам в общении, неумение слушать другого человека, пассивность тогда, когда необходимо взять на себя инициативу в общении, отсутствие готовности брать ответственность за последствия контакта для его участников – все это тормозит возникновение свободного общения. Свобода в общении связана с общими целями совместной деятельности, с деятельностью по самоактуализации, с высокой степенью принятия себя и другого, ответственностью за результат и последствия общения, умением сочетать игровые и деловые виды общения, интенсивную рефлексивную работу и спонтанность в зависимости от индивидуальных особенностей партнера, специфики взаимодействия, интереса, желания, настроения. Такой рефлексивный диалог не ограничен временем встречи: контакт может быть продолжен за пределами реального взаимодействия, когда его результаты достигаются спустя какое-то время после непосредственной ситуации контакта.

Идеальное взаимодействие не заслоняет, не подменяет богатство реального контакта. Субъект, ориентированный на рождение нового и важного для участников взаимодействия, способный обогатить другого и эмоционально, и когнитивно, стремится к конгруэнтности и игре в общении, это человек, осознающий роли и одновременно способный с юмором отнестись к феноменам смещения рамок поведения, гибкий, при необходимости умеющий осуществлять переход от одного жанра (стиля, языка) к другому. Все это характеризует рефлексивно-диалогический стиль взаимодействия педагога-психолога с подростком, как наиболее оптимальный, обуславливающий развитие творческой направленности личности, когда «фигурой» является определенное проблемное содержание взаимодействия, фоном же – эмоционально-побуждающее, уверенное и уважительное отношение к другому.

Таким образом, можно утверждать, что именно во *взаимодействии* кумулируются, сходятся и концентрируются трудности возраста, как собственно подростковые, так и те, которые испытывает социум по отношению к подростку. Педагогу-психологу отдается авангардная миссия в работе с молодежью, следовательно, задача освоения и применения *технологий конструктивного взаимодействия* – одна из главных в подготовке педагогов-психологов в области профилактики девиантного поведения подростков.

Литература

1. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов» – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.

2. Давыдова Г.И. Развитие творческой направленности личности в образовании: новая парадигма познания //Философская школа –2018. – №4 –С. 64-73. doi.:10.24411/2541-7673-2018-10416
3. Давыдова Г.И. Методологические основания и принципы психолого-педагогического сопровождения в рефлексивном диалоге // Педагогический вестник. – Научный журнал: – Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2018. – Вып. 5. – С. 21-23.
4. Давыдова Г.И. Рефлексивно-диалогический подход в психологии развития самооценки // Рефлексивный подход к психологическому обеспечению образования: Сб. статей / Под общ. ред. А.В. Карпова, И.Н. Семенова. – М.– Ярославль: Ремдер, 2004. – С. 124-130.
5. Давыдова Г.И. Бодрая Ю.В. Развитие творческой направленности в рефлексивном диалоге будущих педагогов-психологов // Научные исследования и образование. 2018. – № 4 (32). – С. 10-12.
6. Давыдова Г.И., Самыгин С.И. Формирование личности в теории и практике рефлексивно-диалогического подхода: монография. – Москва: РУСАЙНС, 2020. – 220 с.
7. Егорычева И.Д. Подросток и взрослый в пространстве современной России: взаимодействие по касательной // Мир психологии. – 2008. – №1. – С.189-202.
8. Психологические исследования интеллектуальной деятельности/Под ред. О.К.Тихомирова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – С. 64.
9. Logren A., Ruusuvuori J., Laitinen J. Selfreflective talk in group counseling. Discourse Studies. – 2017. Vol. 19. Iss. 4. 6. Rogers C. Freedom the learn. Columbus, Ch.E. Merrill, 1969.

УДК: 159.9.072.3

ОСОБЕННОСТИ УЧЕБНОЙ И СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МВД РОССИИ В РАМКАХ ПЕРЕХОДА НА ДИСТАНЦИОННЫЙ ФОРМАТ ОБУЧЕНИЯ

Деулин Дмитрий Владимирович,

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
Учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности
ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»,
г. Москва

Климова Кристина Алексеевна,

курсант 871 взвода Института психологии служебной деятельности ОВД
ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»,
г. Москва

Аннотация. В статье рассматривается проблема девиантного поведения у обучающихся в условиях дистанционно-цифрового формата образования. Выборка исследования состоит из курсантов образовательной организации МВД России. В качестве основных методов использовались: наблюдение, анкетирование, опрос экспертов, анализ продуктов учебной деятельности, статистический и сравнительный методы. В рамках проведенного исследования удалось изучить распространенность девиантного поведения (антисоциальной формы) среди курсантов. Кроме того, авторы приходят к выводу о том, что дистанционная форма обучения с одной стороны приводит к повышению академической успеваемости, с другой стороны – усугубляет компьютерную (интернет) зависимость.

Ключевые слова: дистанционная форма обучения, девиантное поведение, наблюдение, курсант, академическая успеваемость, компьютерная зависимость, нарушение служебной дисциплины.

Annotation. The article deals with the problem of deviant behavior among students in the conditions of the distance-digital education format. The research sample consists of cadets of the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The main methods used were: observation, questioning, interviewing experts, analysis of the products of educational activities, statistical and comparative methods. As part of the study, it was possible to study the prevalence of deviant behavior (antisocial form) among cadets. In addition, the authors come to the conclusion that distance learning, on the one hand, leads to an increase in academic performance, on the other hand, it aggravates computer (Internet) addiction.

Key words: distance learning, deviant behavior, observation, cadet, academic performance, computer addiction, violation of official discipline.

Постановка проблемы. Ускорение технологического прогресса представляет определенный парадокс, изменяющий сознание людей. На наш взгляд, форсированное внедрение инновационных технологий в сфере образования может оказывать заметное влияние на психику субъектов образовательного пространства, а в качестве побочных эффектов вызывать увеличение зависимости от компьютера и пересмотр нормативов современного уклада. В информационном пространстве уже появляется устойчивый термин «другая нормальность». Это может приводить к ревизии стандартов поведения, особенно в сфере отклоняющегося поведения. Формирование повестки альтернативной нормальности порождает социальную, психологическую, философскую проблемы оценки девиантного поведения. В этих условиях будет крайне важным осуществить мониторинг процесса соблюдения обучающимися в дистанционном формате обучения установленных норм и правил поведения. Поскольку девиантное поведение молодежи является одной из наиболее актуальных проблем в условиях развития современного общества, то задача его преодоления является крайне важной в сфере образования.

Цель статьи. Теоретическое и эмпирическое изучение качественной и количественной стороны девиантного поведения обучающихся в рамках дистанционного формата обучения.

Изложение основного материала исследования. В данный момент, существует главный психолого-педагогический вопрос о роли преподавателя в условиях цифрового формата обучения, потому как дистантная форма предполагает учебное взаимодействие, опосредованное различными гаджетами и компьютерными программами. Преимущества данного формата заключаются в скорости, удаленности, мобильности и удобстве при реализации учебных программ с опорой на современную технику (при условии достаточной оснащенности минимальными технологическими (компьютерными) средствами и подключении к сети «Интернет»). К недостаткам, на наш взгляд, можно отнести психолого-педагогические аспекты, проявляющиеся при таком формате обучения в следующем: отсутствие мотивации обучающихся; диссонанс эмоционально-волевой сферы; дефицит прямого воздействия педагога на обучающихся и отсутствие классической «социальной ситуации развития». Очень важно в процессе традиционного обучения формировать социальную атмосферу, атмосферу чувственности, которая передается многообразием форм отражения объективной реальности: обонятельной, тактильной, зрительной, слуховой и др. Опытный педагог не только корректирует, но и задает темп актуальному получению знаний и формированию навыков, работает на перспективу, побуждая обучающихся к самостоятельному изучению дополнительных источников информации в той или иной области, стимулирует интерес к получению потенциальных знаний. В этой связи Л.С. Выготский придавал решающее значение социокультурному механизму взаимодействия взрослого и ребенка. Но такое взаимодействие представляло в большей степени живое общение, построенное на предметном материальном психическом обмене [1].

К слову, о групповом взаимодействии, о котором говорила А.-Н. Пере-Клермон, обозначив тему организации совместной деятельности, позволяющей получить максимальный групповой эффект. Групповую эффективность можно измерить, изучив продукт, результаты совместной деятельности членов этой группы. В этой концепции основным драйвером

развития ребенка считается совместная деятельность. Реализация совместной работы обучающихся в рамках дистанционного формата обучения требует особого внимания со стороны научного сообщества, так как отсутствует прямое воздействие педагога и непосредственное взаимодействие в целом [4].

Удаленная форма педагогических интеракций имеет риск нарушения социализации обучающегося, что представляет собой социально-педагогическую проблему. В условиях недостатка прямого корректирующего или направляющего воздействия воспитателя, преподавателя и собственно группы, могут возникнуть условия для формирования отклоняющегося поведения, возникновении проблем в воспитании, социализации и иные неблагоприятные последствия.

А.В. Столяренко объясняет отклоняющееся поведение или девиантное как нарушающее социальные нормы определенного общества. Проявление девиации можно фиксировать в поступках, поведении (действиях или бездействии) как отдельных индивидов, так и социальных групп, отступающих от установленных законодательно или сложившихся в конкретном социуме общепринятых норм, правил, принципов, образцов, обычаев, традиций. [5, с.205] Поведенческие девиации можно разделить на две большие группы: нестандартное поведение и деструктивное. Для нестандартного поведения характерны психические феномены развития индивида, например, мышление, выходящее за рамки стереотипов общества, иная модель поведения. Данная форма может способствовать оригинальности личности с положительной стороны, однако такое поведение требует отдельного наблюдения и корректировки, чтобы деятельность такого индивида была просоциальной направленности.

Деструктивные девиации представляют собой действия и поступки асоциального и антисоциального характера. Они подразделяются на антисоциальные, асоциальные и аутодеструктивное [6, с.104 - 106].

Для асоциального направления характерно избегание или уклонение от выполнения моральных и нравственных норм, в некотором роде возможно пренебрежение ими, при этом нормы права соблюдены. Антисоциальная направленность или делинквентная форма поведения характеризуется протестом личности, нарушение установленного законодательством норм. Аутодеструктивная девиация чаще связана с медицинскими, психическими отклонениями, как правило, это суицидальное поведение, проявляющееся как прямо, как и косвенно через различные виды аддиктивного и антисоциального поведения направленные на самого себя.

Проведенная нами серия предыдущих исследований мотивации обучающихся в рамках дистанционного формата обучения продемонстрировала, что большинство обучающихся адаптировалось к новому формату обучения. Вместе с тем, произошло снижение педагогического контроля, что породило определенные риски. Академическая успеваемость приобрела более латентный характер, возникли технические трудности в установление объективных критериев оценки знаний обучающихся [2].

В нашем исследовании экспериментальной базой была образовательная организация МВД России, выборку составили курсанты третьего года обучения в количестве 26 человек, преимущественно женского пола в возрасте 20-21 год. Основой методологического аппарата выступили: наблюдение, анкетирование, опрос экспертов, анализ продуктов учебной деятельности, статистический и сравнительный методы. Исследование проводилось на протяжении трех месяцев самоизоляции (дистанционного формата обучения).

В качестве экспертов были опрошены взводные офицеры и проанализирована соответствующая отчетная документация на предмет наличия фактов нарушения служебной дисциплины и законности. Таким образом, предметом исследования стала антисоциальная девиация курсантов. В результате исследования удалось установить, что за отчетный период не было выявлено ни одного факта нарушения служебной дисциплины и законности. Вместе с тем, в предыдущий период (до карантина) встречались такие, например, формы нарушения служебной дисциплины и законности, как нарушение курсантами правил дорожного

движения (административные правонарушения), нарушения на службе, опоздания на учебные занятия, нарушения правил проживания в общежитии и др.

С другой стороны, анализируя академическую успеваемость курсантов, мы пришли к выводу, что в среднем она повысилась. Выставление неудовлетворительных оценок снизилось на 95%, удовлетворительных на 40%. Вместе с тем, оценки «хорошо» и «отлично» стали выставляться в три раза чаще.

К сожалению, в исследовании не удалось установить объективную картину по иным формам девиантного поведения. Однако, тревожным остается факт увеличения зависимости от компьютера и сети Интернет, чему способствует дистанционно-цифровая образовательная среда. В более ранних исследованиях нами было установлено, что в среднем курсант затрачивает в сети Интернет от 20 до 25 часов пребывания в неделю. [3] В условиях расширения цифрового обучения, время пребывания в сети Интернет выросло практически в три раза и составило 65-70 часов в неделю. Данные результаты были получены при анализе мониторинга экранного времени смартфонов, а также суммирования времени учебных занятий, согласно утвержденного расписания.

Выводы.

1. Классическая (традиционная) форма обучения, по определенным показателям, является более востребованной по отношению к удаленной форме, потому как есть возможность напрямую контактировать с профессорско-преподавательским составом, получать практический опыт, формировать профессиональные навыки (компетенции), контролировать и изменять параметры учебного занятия. Внедрение дистанционной формы обучения требует дальнейшего совершенствования в области: доступной формы подачи материала, проверки его самостоятельного изучения, использование социальных сетей в учебных целях, использования видео-чата и другое.

2. Антисоциальная форма поведения (девиантная) в условиях перехода на дистантный формат обучения была полностью преодолена.

3. Академическая успеваемость в рамках дистанционно-цифрового формата обучения имеет явно выраженную тенденцию к повышению.

Литература

1. Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005 – 1136 с.
2. Деулин Д.В., Климова К.А. Изучение мотивации учебной деятельности курсантов в рамках реализации психолого-педагогических технологий цифрового (дистанционного) формата обучения в образовательной организации МВД России // Юридическая психология. – 2020. – № 2. – С. 36-40.
3. Деулин Д.В. Психологическая оценка восприятия времени пребывания в виртуальном пространстве курсантами образовательной организации МВД России // В сборнике: Актуальные проблемы науки и практики в исследованиях молодых ученых. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции. – 2020. – С. 66-73.
4. Перре-Клермон А.-Н. Роль социальных взаимодействий в развитии интеллекта детей : [Пер. с фр. / А.-Н. Перре-Клермон; Вступ. ст. В. В. Рубцова]. – М. : Педагогика, 1991. – 245с.
5. Столяренко А. В. Социальная педагогика. – Ростов: Феникс, 2012. – 568 с.
6. Демичева А. С. Социальная педагогика – М.: Академия, 2012. – 305 с.

ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ КАК ФОРМА ДЕВИАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Долганина Вера Васильевна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей
и практической психологии и социальной работы

ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»,
г. Ставрополь

Кольцова Ирина Владимировна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей
и практической психологии и социальной работы

ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»,
г. Ставрополь

Аннотация. В статье авторами актуализируются вопросы стремительного развития ИКТ как в обучающем процессе, так и в жизни молодежи в целом. Представлены различные классификации психологических признаков зависимости от интернета. Помимо этого, авторы предоставили результаты анкетирования студентов педагогического ВУЗа на предмет выявления склонности к интернет-зависимости и выводы, основанные на полученных результатах.

Ключевые слова: интернет-зависимость, студенческая среда, девиации, девиантное поведение, патологическое влияние интернета, социализация личности.

Annotation. In this article, the authors update the issues of rapid development of ICT both in the study process and in the life of young people in general. Various classifications of psychological signs of dependence on the Internet are described. In addition, the authors described the results of the questionnaire of students of a pedagogical higher educational institution to identify a detecting an Internet addiction. They also presented reasonable conclusions based on the results.

Keywords: Internet addiction, students environment, deviation, deviant behaviour, pathological impact of the Internet, socialization of the individual.

Постановка проблемы. Анализ исследований последнего десятилетия по проблеме длительного пользования интернета и других ИКТ, позволил клиническим психологам и психиатрам одними из первых прийти к выводу о существовании некоторых вариантов патологического влияния интернета на социализацию личности. Данные влияния в дальнейшем не исключают формирования различных форм девиаций. Многочисленные исследования девиантного (отклоняющегося от социальной нормы) поведения среди студенческой молодежи свидетельствуют о необходимости поиска и эффективного внедрения методов косвенного выявления уровня девиантности с целью если не устранения, то хотя бы предотвращения ее распространения среди молодежи.

Целью статьи является теоретическое изучение и эмпирическое обоснование склонности интернет-зависимости с формой девиации студенческой молодежи.

Изложение основного материала исследования. Современное общество предъявляет к каждому молодому человеку, вступающему во взрослую жизнь, особенно в профессиональную жизнь, требования, согласно которым он должен быть готов использовать основные методы, способы и средства получения, хранения, обработки информации, работать с компьютером как средством управления информацией; уметь работать с информацией в глобальных компьютерных сетях; понимать сущность и значение информации в развитии современного информационного общества, осознавать опасности и угрозы, которые

возникают в этом процессе, и соблюдать основные требования информационной безопасности, в том числе защиты государственной тайны.

Специфические особенности протекания деятельности в Интернет-среде, как элементе информационной среды, являются предметом исследований психологов (А.Г. Асмолов, Ю.Д. Бабаева, В.А. Бурова (Лоскутова), А.Е. Войскунский, И. Гольдберг, А. Жичкина, Л. Кеннеди-Союза, К. Мюррей, О.В. Смыслов, Г.Д. Сугуцкая, К. Янг и др.). Интернет рассматривается не просто как конгломерат компьютерных сетей, метод технических решений, а как сообщество людей, активно действующих в новой интернет-среде.

В условиях стремительно нарастающего развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и их влияния на жизнь человека, когда ИКТ становятся неотъемлемым атрибутом информационного общества, исследователи обращаются к изучению интернета не только с позиций особой сферы социализации и социального воспитания, но и с позиций негативных последствий развития личности [2, 5, 7, 9]. Анализируя последствия длительного использования интернета и других ИКТ (уход от реальности в виртуальный мир, сужение круга интересов, развитие аддикции), клинические психологи и психиатры одними из первых пришли к выводу, что существуют некоторые варианты патологического влияния Интернета в процессе социализации молодежи [9, с. 143-145].

Молодые люди оказываются в наиболее сложной ситуации, мировоззренческая система которых находится в процессе становления, а не сформированная система ценностей изменяющегося общества не может обеспечить необходимые социальные ориентиры для поведения. Исследования в области социологии молодежи в России активно ведутся с 1960-х – 1980-х годов. В рамках социологии молодежи изучались проблемы трудового воспитания молодежи, идеологического и политического воспитания, социальной активности, ценностных ориентаций и жизненных позиций. В 1990-х гг. в условиях изменений в российском обществе и формирования новой системы социальных связей активизируется проблемный подход к изучению молодежи. Исследования по проблеме девиантного поведения молодежи приобрели особую актуальность.

Исследователи отмечают, что быстрый рост числа интернет-зависимых пользователей в нашей стране объясняется тем, что четверть из становятся зависимыми от Интернета после шести месяцев его использования. В настоящее время почти каждое учебное заведение оснащено компьютерами; многие из учащихся имеют неограниченный доступ к Интернету дома, в кафе и других общественных местах. Следовательно, почти каждый школьник, учащийся среднего профессионального учебного заведения, студент вуза погружен в сеть интернет-пространства.

Особый интерес в этом контексте представляет изучение студенческой молодежи. Студенческое сообщество, будучи частью молодежи, представляет собой особую социальную группу, для которой характерны специфические условия жизни, социальное поведение и образ жизни. Следует отметить, что социальное поведение студенческой молодежи в нашей стране обусловлено противоречивостью сложившейся ситуации. С одной стороны, это формируется при серьезном ослаблении влияния государства, расширении прав и гражданских инициатив граждан. В такой среде студенчество в целом проявляет себя как социальный слой общества, способный учитывать изменяющиеся обстоятельства современной жизни и, в соответствии с этим, выбирать тип поведения, образ жизни, соотносить их со своими интересами, профессией, которую они получают, и жизненным опытом. С другой стороны, на студенческую молодежь влияют различные факторы, например, неравные возможности и положение студентов, острая дифференциация социально-экономических условий жизни и учебы, что может привести к формированию девиантного поведения. Для социологии девиации студенты представляют особый интерес из-за своего положения в обществе как потенциально наиболее значимой движущей силы социокультурных изменений. С одной стороны, будучи самой динамичной, восприимчивой частью молодежи, студенты быстро реагируют на любые изменения в обществе. В связи с этим по моральному состоянию этой социальной группы можно судить о состоянии молодежи и общества в целом. С другой

стороны, студенчество – это будущее страны, ее духовная, интеллектуальная проекция, актуализирующая изучение проблем девиантного поведения в студенческой среде [8, с. 36-39].

Психологическими признаками интернет-зависимости являются:

- повышенное настроение при использовании Интернета;
- неудержимое желание выйти в сети Интернет;
- увеличение количества времени, проводимого в интернете;
- трудности в прекращении веб-серфинга;
- нарастание негативных эмоций (апатия, дисфория, раздражительность, плохое настроение и т.д.) вне Интернета;
- утрата интереса к семье, работе, жизни;
- безответственное отношение к работе, частые ошибки в производственной деятельности.

А. Гольдберг предлагает развернутую классификацию психологических признаков интернет-зависимости. По его мнению, интернет-зависимость можно определить, если есть три или более из следующих признаков:

- Толерантность. Количество времени, которое требуется провести в Интернете, с целью достичь удовлетворения, заметно увеличивается, но если человек не увеличивает этот период времени, то эффект уменьшается.

- «Синдром отказа» наблюдается при прекращении или сокращении веб-серфинга. Характеризуется двумя или более симптомами, которые развиваются от нескольких дней до месяца: психомоторное возбуждение, беспокойство, навязчивые размышления о том, что сейчас происходит в Интернете, фантазии или мечты об онлайн-деятельности, произвольные или непроизвольные движения пальцами, напоминающие печать на клавиатуре.

- Интернет часто используется более длительное время, чем планировалось.
- Есть постоянное желание или неудачные попытки остановить или начать контролировать использование Интернета.

- Огромное количество времени уходит на деятельность, связанную с использованием Интернета.

- Значимые социальные связи, профессиональная деятельность, развлекательные мероприятия прекращаются или сокращаются из-за использования Интернета.

- Использование интернета продолжается, несмотря на осведомленность о возникновении различного рода проблем (физических, социальных, профессиональных или психологических), вызванных использованием интернета (недостаток сна, семейные проблемы, опоздание на прием, пренебрежение профессиональными обязанностями и т.д.) [7, с. 568].

Изучение работ К. Янга дает нам представление о типах интернет-зависимости, которые она определила в своем исследовании:

- Киберсексуальная зависимость, которая характеризуется непреодолимым желанием посетить порносайты и заниматься киберсексом.

- Киберкоммуникативная зависимость, определяющаяся большой сетью контактов в интернете и навязчивым желанием завести новые знакомства.

- Навязчивая потребность в сети. Человек предпочитает азартные игры-онлайн, совершает частые покупки или участвует в аукционах.

- Информационная перегрузка – это бесконечный веб-серфинг, поиск различной информации в базах данных.

- Компьютерная зависимость, которая выражается в потребности человека постоянно работать за компьютером (социальные сети, поиск информации, игры, и т.д.).

К наиболее частым психологическим причинам, которые приводят к интернет-зависимости, можно отнести следующие: трудности в принятии физического «Я» (своего тела); проблемы в прямом общении (изоляция); склонность к интеллектуализации; чувство одиночества и отсутствие взаимопонимания (возможно, связано с трудностями в общении с

противоположным полом); низкая агрессивность; эмоциональное напряжение и некоторая тенденция к негативности; наличие хотя бы одной неудовлетворенной потребности; независимость выступает как особая ценность; представления об идеальном «я» недифференцированы, переоценены или даже нереальны; самооценка недооценена; тенденция избегать проблемы и ответственность.

Молодые люди – это именно та возрастная группа, которая присуща ежедневному времяпрепровождению в интернете. Саморазвитие и самоутверждение выделяются среди основных мотивационных линий этого возрастного периода. Также в этом возрасте люди включаются в систему социальных отношений, где они учатся устанавливать контакты с большим количеством людей с учетом их потребностей и особенностей.

Наибольшая предрасположенность к возникновению интернет-зависимости наблюдается у людей, испытывающих трудности в межличностном общении. В Интернете, благодаря анонимности, доступности и чувству безопасности, человек может устанавливать доверительные отношения с незнакомыми людьми, не опасаясь негативных последствий, потому что в случае неудачи всегда есть возможность просто отключиться от Интернета или перейти на другой ресурс. В виртуальной реальности такие характеристики как социальный статус, внешность, возраст, пол, род занятий и т.д. не имеют значения. Интернет позволяет сформировать новую личность, создать новый имидж и удовлетворить нереализованные индивидуальные потребности.

По мнению Л.В. Мардахаева, студенческая молодежь имеет специфические социально-психологические особенности, наличие которых определяется как возрастными характеристиками молодых людей, так и тем, что их социально-экономическое и социально-политическое положение, духовный мир находятся в состоянии формирования. В этой связи именно эта категория склонна к возникновению различных видов зависимости, в том числе интернет-зависимости. Как правило, студенты, обладающие интровертными чертами характера, имеют такую предрасположенность: концентрация на собственном внутреннем мире, трудности в установлении социальных контактов с другими, ориентация на собственный внутренний мир - мысли, чувства, переживания и т.д.

Таким образом, анализ научной литературы по проблеме интернет-зависимости молодежи, рассматриваемой нами как одной из форм девиации, позволил провести анкетирование студентов в возрасте 18-22 года (Анкета «Интернет-зависимость у современной молодежи», авт. Долганина В.В., 2018). В качестве базы исследования был выбран ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт». Выборка составила 38 студентов 1-4 курсов отделения «Психологии и дефектологии» [4, с. 432-437].

В процессе анкетирования учитывались не только полученные ответы, но и соотносились результаты с теоретическими положениями возрастной психологии и психологии развития.

Так при ответе на вопрос: «Сколько времени Вы проводите в интернете?» половина опрошенных студентов (47,5%) признались, что интернетом пользуются регулярно, а именно более пяти часов в день, немного меньше половины (44,7%) – более двух часов в день, 5,2% – пользуются интернет-ресурсами менее двух часов в месяц и 2,6% опрошенных используют интернет всего лишь чуть более двух часов в месяц.

По мнению М.И. Дрепа, главным условием формирования интернет-зависимости у студентов выступает незавершенный кризис юности, а именно нежелание молодого человека становиться взрослым. Это в свою очередь порождает формирование кризиса идентичности, что проявляется в возникновении конфликта между самоидентичностью личности и предлагаемыми социальными ролями, который потом заменяется кризисом интимности с формированием психологической изоляции. Поэтому интернет-среда рассматривается студентами как единственный оптимальный вариант для прохождения данного кризиса за счет возможности конструирования в ней желаемой реальности [6, с. 232-239].

Поэтому пользователям можно порекомендовать учитывать серьезное влияние сети на их жизнь, ведь данный путь может привести к интернет-зависимости. Тем, кто обладает

начальным уровнем интернет-зависимости, следует стараться сокращать время, проводимое во «Всемирной паутине».

На вопрос: «Какие сайты в интернете Вы посещаете чаще всего?», удалось определить, что 60,5% опрошенных студентов используют в основном поисковые сайты, 39,4% – предпочитают развлекательные и игровые сайты и 18,4% – отводят сайтам знакомств. Стоит отметить, что на данный вопрос студенты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Навязчивое стремление находить информацию, высокий уровень познавательной мотивации, проявление социальной активности и отсутствие времени провоцируют студентов обращаться к интернету. Использование интернета для обучения позволяет приобрести новые возможности в процессе самообразования, увеличить качество своей интеллектуальной активности, достичь самореализацию.

Широкое использование интернета обогащает деятельность студента, расширяет доступ к информации, способствует быстрому росту компетенции студентов как специалистов, помогает достичь многочисленных положительных экономических эффектов.

На вопрос о том: «Способны ли Вы бросить игру или чат, если Вас зовут гулять, в кино или в кафе?», 32% опрошенных студентов ответили утвердительно, 13,1% сослались на обстоятельства, которые могут повлиять на их решение отвлечься от интернет или нет, и лишь 2,6%, т.е. один студент признался, что не способен бросить игру или чат, если его приглашают в кафе или кино. А это указывает на сформированную интернет-зависимость, требующую коррекционной работы психолога с данным студентом. Кроме того, не стоит оставлять без внимания и то, что 13,1% студентов педагогического вуза, сославшиеся на обстоятельства, которые могут повлиять на их решение продолжить играть или нет, можно отнести к тем, которые уже имеют некоторую степень интернет-зависимости и, соответственно, с данной категорией психологу необходимо проводить профилактическую работу.

На вопрос о том: «Часто ли вы переносите или откладываете домашние дела из-за того, что находитесь в интернете?», 44,7% дали отрицательный ответ, 42,1% студентов ответили, что все зависит от обстоятельств и 13,2% – дали утвердительный ответ, т.е. им зачастую приходится откладывать домашние дела для более длительного пребывания в интернет пространстве.

При ответе на вопрос: «Сначала Вы всегда проверяете свою электронную почту (сообщения на одноклассниках, Вконтакте или других социальных сетях) и только потом приступаете к другим делам?» почти половина студентов (44,7%) ответили утвердительно, 31,6% признались, что их активность, как интернет-пользователей зависит от обстоятельств и лишь 23,7% студентов ответили отрицательно, т.е. они вначале выполняют запланированные дела и только потом проверяют свою электронную почту.

Отвечая на вопрос «Как влияет интернет на Ваше общение с окружающими?», большинство студентов (84,2%) считают, что никак не влияет, 7,9% отметили, что с появлением интернета стали меньше общаться с друзьями и 7,9% отметили, что интернет заменяет им живое общение.

На вопрос о том: «Есть ли у Вас виртуальные друзья?» 55,3% респондентов ответили, что нет интернет-друзей, так как не видят в этом необходимости, 39,4% ответили утвердительно, указав, что количество виртуальных друзей достаточно большое. Соответственно они регулярно посещают социальные сети и предпочитают живому общению виртуальное. 5,3% студентов педагогического вуза отметили, что интернет-друзей у них нет, но хотелось бы завести.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в процессе виртуального общения у студентов есть возможность «спрятаться» за желаемый, фантазийный образ и не бояться разоблачения. В тот момент, когда студент прячется под маской, он с одной стороны наделяет себя качествами и личностными чертами, которыми он хотел бы обладать в реальной жизни, а с другой – теряет те ресурсы и возможности, которые он уже приобрел в реальной жизни [1].

Студент научится выражать свою точку зрения только письменно, у него появляются страхи говорить при «реальных» людях, когда он их видит и слышит в реальной жизни, а не

«за стеклом». Это создаёт проблемы при необходимости выступлений перед аудиторией, студенческой группой, при ответе на экзаменах, зачетах, во время обсуждения проблемных ситуаций в студенческом коллективе, требующих принятия решения [3].

Отвечая на вопрос: «Часто ли интернет отвлекает Вас от подготовки к учебным занятиям?» 42,1% студентов отметили, что все зависит от обстоятельств, 31,6% ответили отрицательно и 26,3% признались, что интернет достаточно часто отвлекает их от подготовки к занятиям, что отрицательно сказывается на качестве обучения и глубине знаний студентов.

На вопрос о том: «Часто ли Вам приходится скрывать время, проведенное в интернете от своих знакомых, друзей, родителей?» 86,8% не скрывают время, проведенное в интернете, 7,9% предпочитают скрыть время, проведенное во всемирной паутине, от своих родных и лишь 5,3% студентов ответили, что все зависит от обстоятельств.

И на заключительный вопрос анкеты «Считаете ли Вы, что жизнь без интернета станет скучной, пустой и неинтересной?» 71% студентов так не считают и 29% поддерживают мнение о том, что без интернета жизнь станет более скучной и безынтересной.

Выводы. Проблема интернет-зависимости как возможнейшей причины и формы девиантного поведения в настоящее время у студенческой молодежи является актуальной и в то же время мало изученной. Интернет-зависимое поведение формируется за счет возникающих противоречий между социальной средой и индивидом, субъективными и объективными предпосылками в сферах межличностных отношений и индивидуально-личностных характеристик. Беспрепятственный доступ к Интернету, простота поиска информации, широкий спектр развлечений привлекает новых пользователей, что также является определяющим фактором формирования зависимого поведения.

Теоретический анализ проблемы исследования и результаты эмпирического исследования могут стать отправной точкой для дальнейшей разработки проблемы причин возникновения интернет-зависимости у молодежи, профилактики ее формирования как стойкой формы девиации, а также просвещения педагогов и родителей в отношении возможностей конструктивного использования ИКТ в учебно-воспитательном процессе и семейном быту.

Решение проблемы интернет-зависимости в студенческой среде мы видим в противопоставлении дистанционного образования социальным сетям, онлайн-играм и пустому брожению в интернете. Для этого учебные курсы должны соответствовать времени, быть визуально привлекательными, интерактивными, предоставлять полезный контент.

Литература

1. Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е. Мотивация пользователей Интернета; 2-ая Российская конференция по экологической психологии. Тезисы (Москва, 12-14 апреля 2008 г.). – М.: Экопсицентр РОСС. – С. 245-246.
2. Архипова В.С., Кольцова И.В. Особенности формирования зависимости от социальных сетей в подростковом возрасте // Студенческий форум. – 2020. – №1 (94). – С. 13-16.
3. Выготский С.И. Обратная сторона Интернета. Психология работы с компьютером и сетью. – М.: Феникс, 2010. – 320 с.
4. Долганина В.В., Кольцова И.В., Погребная О.С. // Исследование интернет-зависимости у студентов педагогического вуза и меры профилактики. – Общество и личность: проблемы гуманизации современного социокультурного пространства // Сборник научных статей преподавателей, научно-практических работников, обучающихся вузов / С.Е. Шиянов, А.П. Федоровский (отв. ред.) – Ставрополь: АНО ВО СКСИ, 2019. – С. 432-437.
5. Кисличко Т.Р., Пекуш А.Е. Особенности гаджетозависимости у детей дошкольного возраста // Гуманитарные науки. Студенческий научный форум. – 2019. – № 6(17). – С. 41-46.
6. Ларионова С.О., Дегтерев А.С. Интернет-зависимость у студентов: вопросы профилактики // Педагогическое образование в России. – 2013. – №2. – С. 232-239.

7. Малкина-Пых И.Г. Виктимология. Психология поведения жертвы / И.Г. Малкина-Пых. – М.: Эскмо, 2010. – 1150 с.
8. Руденко Л.Д. Специфика девиантного поведения студенческой молодежи // Вестник социально-политических наук. – 2018. – №. 17. – С. 36-39.
9. Щелина Т.Т. Феномен интернет-зависимости как причина девиантного поведения подростков / Т.Т. Щелина, В.С. Маслова // Молодой ученый. – 2014. – № 21.1 (80.1). – С. 143-145. – URL: <https://moluch.ru/archive/80/13809/> (дата обращения: 17.07.2020)

УДК: 378.147

ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ОЦЕНКЕ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПРОБЛЕМЫ

Дорошенко Ольга Марковна,

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры педагогики
Учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности
ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя»,
г. Москва

Аннотация. В предложенной статье рассмотрены вопросы о проблемах отклоняющегося поведения несовершеннолетних и проблемах подготовки специалистов по данному направлению деятельности. Кроме того, отражены отдельные аспекты деятельности сотрудников подразделений внутренних дел с данной категорией подростков и молодежи.

Ключевые слова: несовершеннолетний, поведение, поступок, деятельность, общество, педагогика, норма, девиация, преступность.

Annotation. The article deals with the problems of deviant behavior of minors and the problems of training specialists in this area of activity. In addition, certain aspects of the activities of employees of internal Affairs departments with this category of teenagers and youth are reflected.

Keywords: juvenile, behavior, act, activity, society, pedagogy, norm, deviation, crime.

Постановка проблемы. В настоящее время обсуждается вопрос с внесением поправок в Конституцию РФ, а именно в статью 67, в связи с поправками дети будут признаны достоянием России. Принимаются попытки по созданию условий, способствующих всестороннему интеллектуальному, нравственному и духовному развитию детей и подростков, необходимо повысить уровень воспитания патриотизма у детей и подростков, повышение гражданской позиции, уважение к старшим. Одной из важнейших задач государства является соблюдение прав и свобод детей в Российской Федерации, в отношении детей оставшихся без попечения родителей обязанности по воспитанию, обучению, развитию, жизнеустройству на себя принимает государство.

Целью статьи является теоретическое и эмпирическое обоснование отклоняющегося поведения несовершеннолетних и подготовка специалистов по данному направлению деятельности.

Изложение основного материала. Теоретический анализ различных научных источников, а также результаты эмпирического исследования свидетельствуют о том, что «воспитание – это деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства» [7]. Однако, на фоне создающихся для воспитания и обучения условий имеет место быть отклоняющееся поведение несовершеннолетних. Согласно статистическим данным Отдела внутренних дел МВД России, несмотря на снижение

показателей правонарушений несовершеннолетних, усиливается степень жесткости совершаемых ими деяний. В целом по стране за последние 5 лет увеличилось количество нападений учеников на учителей, а так же других учащихся, первый случай нападения ученика на учителя был зафиксирован в школе № 263 (район Отрадное г. Москвы), учащийся застрелил учителя географии, убил сотрудника полиции и еще одного сотрудника ранил, так же зафиксированы ножевые ранения нанесённые учащимися педагогам, в 2018 году в результате стрельбы и взрыва в политехническом колледже г. Керчи погиб 21 человек, студенты работники данного учебного заведения, в том числе и нападавший.

В настоящее время проблема отклоняющегося поведения несовершеннолетних очень актуальна, что связано среди подростков увеличилось количество административных правонарушений, уменьшился возраст совершения преступлений, часть преступлений совершается в киберпространстве и несовершеннолетние становятся не только жертвами, но и сами совершают преступления.

Отклоняющееся поведение связано с каким-либо совершением поступков, видов деятельности, возможно совершение, культивация и распространением в группах, противоречащие нормам, правилам поведения в обществе. Нормы поведения, правила и традиции считаются общепринятыми в обществе при влиянии культуры и территориальности. Нормы являются механизмом, удерживающим и принуждающим общественную систему находиться в состоянии равновесия при условии их соблюдения [3, с. 291-298]. Норма – как отдельное понятие можно рассматривать как «предел», «условная мера» величина определенного значения допустимая для сохранения баланса системы и исключения ее перекоса.

С точки зрения социальной педагогики отклоняющееся поведение имеет два направления созидательное и разрушительного.

Разрушительный вектор отклоняющегося поведения – это деструктивная направленность, то есть совершение подростком, либо группой действий, отклоняющихся от общепризнанных норм и правил, а значит данные действия отождествляют асоциальную девиацию, преступность с явно выраженным уголовным поведением, действия, запрещенные законом – это разрушительное социальное отклонение.

Биологические и анатомические особенности организма человека, беременность, внутриутробное развитие, влияние внешних факторов на беременность, генетический набор и влияние множества факторов на социальную адаптацию ребенка формируют биологический подход. Нарушения могут быть разнообразны: дефекты слуха, зрения, пороки развития, повреждения центральной нервной системы, нарушение умственного развития. Негативное влияние на организм человека оказывают чрезмерные психофизиологические нагрузки, экология, нервные нагрузки, химические соединения, образованные в природной среде в результате жизнедеятельности человека.

Саморазрушение личности, внутренний конфликт, замедление или остановка личностного роста, обострение умственных дефектов, дегенеративность составляют психологический подход отклоняющегося поведения.

Несформированность или разрушение функциональных систем мозга, торможение психических функций, синдром дефицита внимания, синдром гиперреактивности может и в большинстве случаев является причиной отклоняющегося поведения детей и подростков. Данные отклонения необходимо рассматривать в медицинском аспекте и является предметом неврологии, психиатрии, нейропсихологии. Но большинство необычных форм поведения, отличающегося от признанных социальных норм и правил, многие ученые исследователи связывают с акцентуациями характера или особенностями личности.

Причины, по которым появляется отклоняющееся поведение, как результат сложного взаимодействия происходящих в обществе и влиянии на сознание человека рассматривает социально-психологический подход [4, с. 25-33]. Отклонение от установленным обществом норм и стандартов считается отклоняющимся поведением – это отклонение от норм права, культуры, традиций, морали, нормы психического здоровья, морали, поведение, не

удовлетворяющее социальные принятые данного общества в конкретный период времени. Интересно то, что может быть приемлемо в одной стране (обществе) будет являться яркой девиацией в другой.

В настоящее время выделены типичные причины появления отклоняющегося поведения несовершеннолетних, в первую очередь, это обусловлено низким уровнем жизни, расслоении общества на богатых и бедных. В современном обществе появились дополнительные причины отклоняющегося поведения несовершеннолетних – это родительское равнодушие, молниеносно развитие киберпространства-Интернет диктует моду, появились различные формы заявить о себе в киберпространстве, большинство «Челленджей» опасны для жизни, здоровья несовершеннолетних [1].

Таким образом, общество приобрело две огромные проблемы: социальное неравенство, что формирует у несовершеннолетних девиации в виде алкоголизации, наркомании, проституции это характерно для подростков из регионов Российской Федерации, в мегаполисах развиты другие виды отклоняющегося поведения, такие как руферы, буллинг.

Психология вещиизма выдвинула свои правила и нашла свое отражение в восприятии жизни как рынка – все продается и покупается, развивается низкий морально-нравственный уровень общества, несовершеннолетние деградируют и это находит свое отражение в распространении наркотиков, преобладании насилия, бродяжничестве, антиобщественном поведении.

В последние пять лет отклоняющееся поведение формируется не только у подростков из неблагополучных семей, но и стандартные нуклеарные семьи сталкиваются с проблемами отклоняющегося поведения детей и подростков, это формируется нейтрально-пассивная окружающая среда.

Причинами отклоняющегося поведения становятся не только неблагоприятные условия жизни и воспитания в семье, неудачи в учебе, не умение строить отношения с окружающими, конфликты, психофизические отклонения по здоровью, что безусловно приводит к ослаблению смысло-жизненных ориентаций, но и мода, стиль жизни, диктуемый киберпространством, приводят к формированию отклоняющегося поведения.

Отклоняющееся поведение имеет формы:

1. Аффективное, дезадаптивное поведения. Основой данной девиации лежит нарушение психического и личностного развития, психические отклонения, психологически неблагоприятная среда.

2. Асоциальное поведение – агрессивное, делинквентное, криминогенное. Основой может являться нарушение социализации, социальная педагогическая запущенность, десоциализация.

Несмотря на то, что понятие «отклоняющееся поведение» имеет очень размытое, многогранное понятие, данный вид поведения имеет под собой ряд вполне конкретных социальных явлений, которые проявляются в различных формах и видах.

Основными факторами побуждающие несовершеннолетних к совершению преступлений и противоправных, антиобщественных деяний, совершение поступков приводящих к саморазрушению личности можно считать: потребность в самоутверждении, в престиже, самоуважении, в риске, эмоциональная неустойчивость и несформированность, агрессивность, наличие негативных акцентуаций характера, низкое самоуважение, не адекватная самооценка, отклонения в психо-моторном развитии [4].

Противоправные действия несовершеннолетних опасны своей произвольностью, не осознанностью, как следствие происходит обесценивание семейных ценностей, ослабление семейных связей, на что активно влияет применение не педагогических методов воспитания, слабых, не развитых семейных связей.

Наркомания – это общее понятие, обуславливающее целый комплекс причин, следствий связанных с употреблением всех видов наркотических веществ. Понятие наркотические вещества и различные прекурсоры, а также их список широко рассмотрен Министерством здравоохранения и лег в основу уголовной статьи 228. Наиболее распространенные

наркотические вещества – это опиаты: героин, морфин, канабеоиды: конопля, гашиш, психотропные вещества, курительные смеси.

Наркотическое опьянение – это изменение сознания человека, искаженное восприятие реальности. Культивируемая наркокультура, романтизация употребления наркотика, занятость молодежи, большое количество свободного времени, отсутствие контроля в семье, конфликтная атмосфера в семье, возникшая высокая детская тревожность и напряженность, употребление наркотиков родителями или другими членами семьи, знакомыми, соседями, наркотическая наследственность, личные переживания вводящие несовершеннолетних в состоянии фрустрации, слабые жизненные ориентиры [10]. Пристрастие к употреблению наркотических веществ это индивидуальная история, в каждом конкретном случае имелся набор обстоятельств, которые способствовали первому употреблению наркотика несовершеннолетним.

Если анализировать общие причины – это безнадзорность и низкий контроль родителей, в части организации досуга, личного времени ребенка, его финансовых возможностей, в ряде случаев наркотика употребляют дети из финансово стабильных семей. В вопросе наркомании нельзя исключить случайность. А при развитии новых форм наркотика, психотропной группы привыкание может наступать уже после первого единичного приема.

Общеобразовательные организации в качестве профилактики наркомании несовершеннолетних должны провести ряд профилактических мероприятий, направленных на формирование негативного отношения к наркотикам. Чем раньше начать проводить профилактические беседы с подростками и детьми, тем продуктивней может быть результат, убедить ребенка относиться к наркотикам как к наивысшему злу, воспитать у несовершеннолетних ответственное отношение к своему здоровью, не восприятие асоциальных форм удовлетворения своих потребностей. К проблеме наркомании в последнее время относится так же такой момент как распространение наркотических веществ и психотропных препаратов, в связи со сложностями профессиональной ориентацией подростков и отсутствием стабильной экономики, ограниченного числа рабочих мест и не удовлетворенных амбиций молодежи возрастает такая проблема как изготовление новых видов наркотических веществ, усилия студентов=химиков направлены в негативное русло, так же обстоят дела с распространителями, возникло такое понятие как закладчик, а разработанные новые схемы сбыта с использованием интернет ресурса и системы электронных платежей делает такой вид преступности латентным.

Еще одна распространенная форма отклоняющегося поведения – это алкоголизм несовершеннолетних. Многие годы мы можем наблюдать повсеместную алкоголизацию общества, возраст употребления алкоголя снижается. Употребление алкогольных напитков детьми и подростками является очень острой социальной проблемой, принятием законопроектов приобретение алкоголя значительно усложнилось для несовершеннолетних, а после 23.00 час. для всех граждан Российской Федерации, исследования о продуктивности принятых мер проводятся и однозначно сделать вывод, что данные меры были успешными пока сделать нельзя. Алкоголь не менее вреден для развития и становления нервной системы несовершеннолетнего чем наркотические и психотропные вещества.

Эффективными мерами по борьбе с алкоголизацией молодежи можно считать контроль приобретения спиртосодержащей продукции со стороны государства, разъяснительные беседы, лекции, организация досуга несовершеннолетних.

Проституция как форма отклоняющегося поведения деформировалась и приобрела разнообразные формы проявления. Подростковый возраст, это период активного полового созревания несовершеннолетних, гормональный всплеск и период гиперсексуальности, повышенный интерес к сексу. Проституция это одна из древнейших видов деятельности, «древнейшая профессия».

Современные формы проституции носят латентный характер, переговоры об оказании сексуальных услуг ушли в сеть Интернет и сделал данный вид преступной деятельности латентным.

Таким образом, проституция разделилась на малобюджетную несовершеннолетние занимаются оказанием услуг сексуального характера на трассах и более высокооплачиваемую – это и демонстрация половых органов на закрытых интернет-каналах, изготовление и распространение порно продукции с участием несовершеннолетних, покупка и продажа несовершеннолетних на закрытых аукционах, целый приступный синдикат занимается подбор несовершеннолетних проституток для олигархов и отправки заграничным заказчикам.

Профилактикой данного отклоняющегося поведения можно считать: профилактические беседы, доверительные отношения в семье, организация досуга, в некоторых случаях применение мер медицинского характера.

Суицидальное поведение, как вид отклоняющегося поведения – крайняя точка саморазрушительного поведения, это действия, суицидальные проявления, выражающиеся в мыслях, высказываниях.

Возраст человека влияет на суицидальное поведение человека, кризисные периоды, исключительные обстоятельства, круг общения и несформированность психики. Среди подростков пубертатного периода суицидальные настроения преобладают, попытки суицида встречаются чаще, чем у детей [6].

Суицидальное поведение несовершеннолетних формируется под влиянием межличностных отношений со сверстниками, учащимися школы, класса, педагогами, родителями. Огромное значение на формирование поведения имеет место молодежные субкультуры. И этот вид отклоняющегося поведения тоже имеет латентный вид и так же «ушел в сеть». В Интернет пространстве культивируются группы смерти, в 2015 году выявлена запрещенная молодежная группа «Синий кит», где несовершеннолетним давались разного рода задания, при выполнении которых подавлялась воля и окончательным занятием было лишение себя жизни, при этом этот акт проводился публично, либо в общественном месте, либо велась съемка, видеофиксация данного действия.

Бродяжничество и самовольные уходы из дома, является крайней формой аутсайдерства. Данный вид отклоняющегося поведения сопряжен с антиобщественным поведением, общественно опасными деяниями и иными девиациями. Находясь без отсутствия какого-либо контроля со стороны родителей или сотрудников специализированных учреждений (детских домов, домов-интернатов, социально-реабилитационных центров) ребенок ставит себя в условия выживания – добыча еды в побеге, кражи в магазинах, передвижение это в большей степени зацеперство, сопровождается алкоголизацией, наркоманией.

Бродяжничество – это морально-психологическое отклонение личности. Причинами побегов у подростка являются недопонимание родителей, слабые семейные связи, отсутствие доверия, не полные семьи, недопонимание с лицами, заменившими родителей (опекунами), по статистике дети из детских домов и воспитанников специализированных учреждений совершают больше самовольных уходов. Юноши совершают эмансипированные побег, а девушки демонстрационные. Уходы совершаются как отдельно взятым подростком, так и групповые уходы. В каждом отдельном случае это и подготовленные побег, и быстро принятые решения, причину ухода дети объясняют просто я хотел погулять. Есть статистика рецидивов уходов, в отдельно взятом подразделении ПДН есть стабильно уходящий ребенок – бродяга.

Возникновению разнообразных фобий характерно для детского и подросткового возраста. Это и боязнь темноты, одиночества и разлуки с родителями, и более глубокие фобии, страхи на уровне психологических якорей. Детские страхи могут быть кратковременными, а могут быть в виде коротких приступов, имеющих достаточно продолжительный период. В настоящее время появились соматические симптомы, которые выражаются в виде «панических атак» и деперсонализации личности.

Разнообразное навязчивое мышление приводит к повышению уровня тревожности и имеет огромное влияние на формирования и развитие личности несовершеннолетних [9].

Вандализм. Данное отклоняющееся поведения является уголовно наказуемым, антиобщественным деянием. На эту тему существует много противоречивых точек зрения.

Вандализм носит как деструктивный (разрушающий) характер, так может быть и в мирном русле «граффити», например. Акты вандализма совершаются молодыми людьми до 25 лет, вольные художники старшего возраста стремление украсить стену отражают в органах местного самоуправления и в установленном законом порядке оформляет разрешение, многие поклонники такого вида уличного искусства как «граффити» реализовались в частных арт пространствах или занялись коммерческой деятельностью (раскрашивают машины, двери гаражей)

Пик вандализма приходится на 11-15 лет, это могут быть как попытки творчески самоутвердиться, так и вымещение агрессии, это можно воспринимать и как желание отомстить, подросток совершает поступки, попадающие под действие уголовного кодекса. Подростки вандалы по интеллектуальному развитию не уступают сверстникам. Мотив и причины вандализма являются задачей изучения социальной психологии, подростковой психологии и социальной педагогики. Наиболее распространенные мотивы вандализма – скука, поиск новых впечатлений, связанных с опасностью и запретностью.

Таким образом, вандализм, граффити в целом рассматриваются как подростково-молодежная девиация, хотелось бы отметить, что антиобщественное поведение несовершеннолетних распространяется ускоренными темпами. Для снижения количества детей, вовлекаемых в антиобщественные деяния, необходимо принять ряд мер на законодательном уровне.

Лица, совершающие административные преступления в раннем возрасте, с которым должным образом не проводится профилактическая работа и рычаги воздействия не велики в последствии труднее исправляются и, как правило, совершают повторные правонарушения, а достигнув совершеннолетия составляют основной резерв взрослой рецидивной преступности.

Своевременное выявление признаков отклоняющегося поведения и неотложное принятие профилактических мер к несовершеннолетним правонарушителям со стороны родителей, законных представителей, опекунов, администраций специальных учреждений, администраций общеобразовательных учреждений способствует снижению рецидивов, попыток совершить общественно опасные деяния [5].

Российская Федерация ведет активную социальную политику при работе с детьми и подростками, формируются условия, способствующие свободному развитию личности, дети являются будущим нашего государства. Борьба с беспризорностью, безнадзорностью асоциальным и антиобщественным поведением имеет особое значение, разрабатываются федеральные программы образования. Одним из основных нормативно – правовым актом, регулирующим профилактику отклоняющегося поведения, является Федеральный закон № 120 «Об основах системы профилактики отклоняющегося поведения несовершеннолетних» [8]. Данный правовой акт регламентирует основу деятельности по предупреждению, пресечению совершения преступлений и антиобщественных поступков. В ст. 4 закреплены учреждения и организации в различных правовых формах, участвующие в профилактике отклоняющегося поведения подростков, в ст. 5 указан перечень несовершеннолетних, в отношении которых направлена профилактическая работа, в ст. 6,7 обозначены основания и сроки. Одной из особенностей данного правового акта является порядок помещения несовершеннолетних в специальные учебно воспитательные учреждения закрытого типа.

Существуют проблемы профилактики безнадзорности, при обнаружении беспризорных и безнадзорных детей и подростков, при условии не совершения деяния, предусмотренного административным кодексом РФ поместить несовершеннолетнего в Центр временного содержания несовершеннолетних не представляется возможным, так как такое помещение не попадает под ст. 13 ФЗ № 120, несовершеннолетний направляется в учреждение социальной защиты населения, город Москву и Московскую область обслуживает социально-реабилитационный центр Алтуфьево на который возложены обязанности по установлению личности несовершеннолетнего, подготовке документов на определение социального статуса, перевозку до места регистрации и передачу законному представителю, опекуну, либо в специализированное учреждения региона по месту регистрации.

С определением социального статуса несовершеннолетнего существует ряд проблем, имеющих территориальный характер, например при отсутствии законного представителя в регионе регистрации, а также с несовершеннолетними гражданами других государств. При наличии различных социальных проектов социальная система не справляется с профилактикой безнадзорности в виду отсутствия заведений «закрытого типа», дети совершают рецидивы, самовольные уходы повторяются, что приводит к затруднению адаптации.

Согласно статистическим данным в Российской Федерации за последние годы имеет место спад преступности несовершеннолетних, однако возраст привлечения к административной и уголовной ответственности снижается, в Московскую городскую думу выносилось предложение снизить возраст уголовной ответственности, однако данное ходатайство не рассматривалось в виду гуманной политики в отношении детства и материнства.

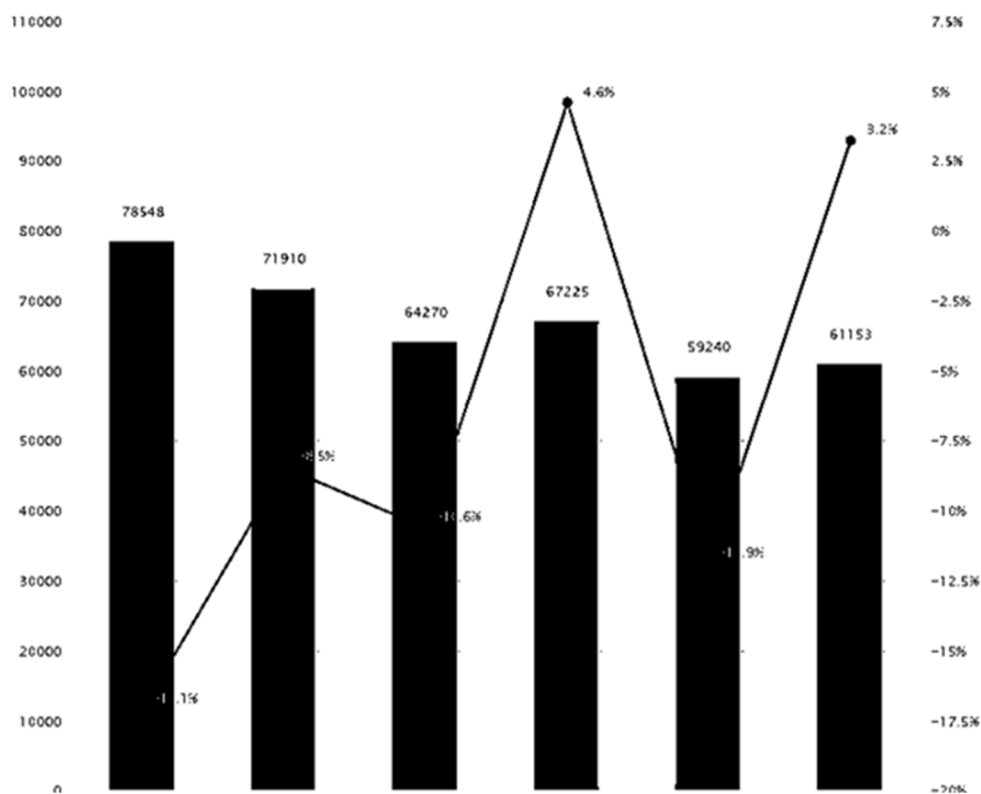

Рис. 1. Динамика преступности несовершеннолетних в РФ с 2014 по 2019 гг.

Вместе с тем, специалисты информационных центров МВД РФ замечают, что в последние три года среднее совершенное количество преступлений общей уголовной направленности стабильно.

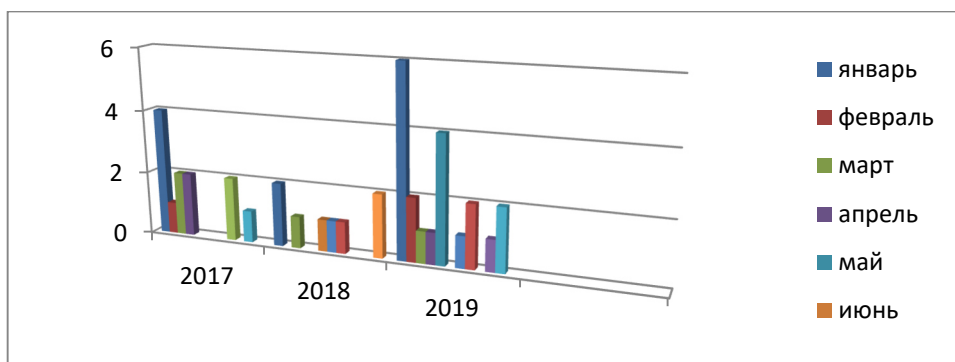

Рис. 2. Статистика ОМВД России по району № г. Москвы по самовольным уходам несовершеннолетних

Пример: Проведенным анализом самовольных уходов установлено, что в большинстве случаев заявления о розыске поступают на воспитанников детского дома, на территории оперативного обслуживания ОМВД России по району № г. Москвы расположен ГБУ ЦССВ «Алые паруса» (детский дом № 59) в котором проживают дети сироты и оставшиеся без попечения родителей и воспитанников социально-реабилитационных центров, ГБУ Ресурсный центр № г. Москвы. Куда помещаются дети по Распоряжению муниципалитета для установления социального статуса ребенка, налаживанию детско-родительских отношений и СРЦ «Алтуфьево» в который помещаются подростки, совершающие не однократные уходы из дома, несовершеннолетние граждане жители регионов, стран СНГ, сотрудники СРЦ Алтуфьево осуществляют перевозку несовершеннолетних по месту регистрации.

В 2017 году заведено 9 розыскных дел, из них 1 в отношении воспитанника СРЦ Отрадное, 5 в отношении воспитанников ГБУ ЦССВ «Алые паруса», 2 в отношении воспитанников ГБУ РЦ Отрадное.

В 2018 году заведено 8 розыскных дел, из них 1 в отношении воспитанника ГБУ СРЦ Алтуфьево, 3 в отношении воспитанников детского дома, 4 в отношении ГБУ РЦ Отрадное.

В 2019 году заведено 20 розыскных дел в отношении несовершеннолетних из них 6 в отношении воспитанников ГБУ ЦССВ «Алые паруса», при это следует учесть рецидив побегов, 4 в отношении домашних детей, 5 в отношении воспитанников СРЦ Алтуфьево и 5 в отношении воспитанников ГБУ РЦ Отрадное г. Москвы. Розыскные дела в соответствии с Положением приказа № 117 МВД РФ от 01.02.2017 года заводятся при не установлении местонахождения несовершеннолетнего в течении трех суток. В порядке ст. 144-145 УПК РФ рассмотрено 89 заявлений в том числе звонков в службу «02» ГУ МВД России по г. Москве, к административной ответственности родители детей привлечены не были. Дети отсутствовали от суток до шести месяцев. За время отсутствия в специализированном учреждении занимались мелкими кражами из магазинов, ночевали в подъездах домов, у родственников, у родителей лишенных родительских прав, у знакомых.

Детская беспризорность является первостепенным признаком отклоняющегося поведения, позже несовершеннолетние начинают употреблять наркотики, курительные смеси, заниматься мелкими кражами, объединяясь в группы, а отличительной чертой детской преступности является именно группа, совершают грабежи, позже разбои, увеличивается количество несовершеннолетних лиц, занимающихся проституцией, что следует отметить и лица мужского пола [2].

Таким образом, отклоняющееся поведение необходимо изучать во всех проявлениях, с учетом всех мотивов отклоняющегося поведения, личностных особенностей несовершеннолетних, воспитательной среде. Научно обоснованная профилактика необходима, исследования необходимо проводить своевременно, не позволяя развитию молодежных субкультур опережать методы профилактики, необходимо разработать систему профилактики, способную перенаправить деструктивное поведение в положительное русло, способствовать самореализации.

Выводы. Практика, научный социально-педагогический анализ показывают, что существующие институты государственной системы профилактики отклоняющегося поведения несовершеннолетних, ввиду слабой материальной базы, недостаточной профессиональной компетентности сотрудников не обеспечивают эффективной профилактики.

Литература

1. Дорошенко О.М. Гражданско-патриотическое воспитание как профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В сборнике: Профилактика девиантного поведения детей и молодёжи: региональные модели и технологии. Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, 8-10 октября 2019 года. / Под редакцией Коврова В.В. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – 498.с. – С. 403-409.

2. Егоров, А.Ю. Расстройства поведения у подростков: клинико-психологические аспекты / А.Ю. Егоров. – СПб.: Речь, 2016. – 448 с.
3. Ковров В.В. Проблемы раннего выявления асоциального поведения учащихся в образовательной организации. В сборнике: Профилактика девиантного поведения детей и молодёжи: региональные модели и технологии. / Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, 8-10 октября 2019 года. / Под редакцией Коврова В.В. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – 498 с. – С. 291-298.
4. Никитская Е.А. Формы психолого-педагогической работы по преодолению негативных факторов в профессиональном самоопределении подростков с девиантным поведением. Психология и право. – 2017. – Т. 7. – № 1. – С. 25-33.
5. Самыгин, П.С. Девиантное поведение молодежи / П.С. Самыгин. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2017. – 312 с.
6. Слуцкий, Е.Г. Социальная работа с молодёжью: учебное пособие [Текст] / Е.Г. Слуцкий, Р.А. Костин, Н.И. Сапова. – СПб.: Изд-во СПбГИСЭ, 2004. – 122 с.
7. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 08.06.2020) "Об образовании в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2020).
8. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" (с изменениями и дополнениями).
9. Чередниченко, Г. А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (опыт социологического исследования) / Г. А. Чередниченко. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2017. – 504 с.
10. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. – М.: Смысл, 2019. – 160 с.

УДК: 316.624

СОПРОВОЖДЕНИЕ КАК ОСНОВНАЯ СТРАТЕГИЯ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ

Дышлюк Ирина Станиславовна,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры общей и педагогической психологии
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»,
г. Ростов-на-Дону

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам подготовки кадров системы профилактики девиантного поведения детей и молодежи. В ней доказывается, что сопровождение должно стать основной стратегией подготовки таких кадров, так как это необходимое условие профилактики отклоняющегося поведения.

Ключевые слова: психолого-педагогическое сопровождение, система психолого-педагогического сопровождения, девиантное поведение.

Annotation. This article is devoted to the problems of training specialists for the prevention system of deviant behavior of children and youth. It argues that maintenance should become the main strategy for training such specialists, since it is a necessary condition for the prevention of deviant behavior.

Keywords: psychological and pedagogical support, system of psychological and pedagogical support, deviant behavior.

Постановка проблемы. Психолого-педагогическое сопровождение детей из различных категорий риска – необходимое условие профилактики отклоняющегося поведения в

жизнедеятельности подрастающего поколения. В связи с данным обстоятельством сопровождение должно выступать основной стратегией подготовки специалистов системы профилактики девиантного поведения детей и молодежи.

Целью статьи является обоснование необходимости не только включения учебных курсов, направленных на овладение технологиями сопровождения процессов социализации для различных категорий обучающихся в учебные планы вузов, готовящих специалистов системы профилактики, но и сама профессиональная подготовка должна включать психолого-педагогическое сопровождение студентов – будущих специалистов.

Изложение основного материала исследования. В современном российском обществе наблюдаются негативные тенденции к проявлению различного рода девиаций среди детей и молодежи. Эти тенденции носят объективный характер: отсутствие идеологии и, как следствие, духовный кризис общества изменили его духовно-нравственные идеалы. Сегодня молодежь все больше ориентируется на идеалы общества потребления, а низкий уровень массовой культуры, навязчивая реклама, способствуют этому. Ситуацию усугубляют перманентные реформы в различных областях жизни, и особенно в образовании, социальная дифференциация общества, снижение авторитета семьи. Все это рождает различного рода девиации, деструктивное поведение, так как сама социальная среда перестает быть безопасной.

Школа, являясь важнейшим институтом социализации детей, должна обеспечивать их социальную интеграцию в общество, а это значит формировать у них такие базовые ценности, которые бы позволяли гибко реагировать на меняющиеся жизненные ситуации, уметь принимать конструктивные решения, владеть саморегуляцией своих эмоциональных состояний. Это означает, что не ребенок должен приспособливаться к школе, а школа должна создавать условия для его развития, причем, для развития различных категорий детей и оказывать им помощь и поддержку. Таким образом, речь идет о целостной системе сопровождения, куда входят педагогические, психологические, медицинские, реабилитационные технологии и методы работы. Традиционно такое сопровождение называют психолого-педагогическим.

Понятие «сопровождение» рассматривается в научной литературе в двух аспектах: в теоретическом и практическом (технологическом) аспекте. Как феномен, психолого-педагогическое сопровождение представляет собой особую культуру помощи и поддержки ребенку в образовательном процессе в решении его индивидуальных проблем. В практическом смысле сопровождение рассматривается как системная интегративная технология социально-психологической помощи [1, с.62]. В нашем понимании – это целостная система, которая создает условия для эффективного обучения и развития каждого ребенка, направленная на сохранение физического и психического здоровья детей, развитие их нравственных и духовных качеств. Иными словами, это психологически безопасная среда, содержащая возможности для самореализации обучающихся.

В научной литературе концепции «сопровождения» можно условно разделить на ряд подходов:

1. Концепции «средового подхода», когда задача школьной среды максимально приспособливаться к нуждам и особенностям детей;
2. Концепции «информационного подхода» направлены на изучение развития каждого ребенка по различным критериям и мониторинг этого развития,
3. Концепции «личностного подхода» – исходят из того, что в центре внимания развитие конкретной личности в образовательном процессе [1, с. 63].

Психолого-педагогическое сопровождение, в структурном отношении, должно включать в себя: профилактику, диагностику, консультирование, коррекционную работу, экспертизу, а также психологическое просвещение и образование главных субъектов образовательного процесса. И все эти направления работы должны носить как индивидуальный, так и групповой характер.

Проблема сегодняшней российской школы в том, что в ней отсутствует целостная система психолого-педагогического сопровождения. Как правило, задачи осуществления психолого-педагогического сопровождения ложатся целиком на психологическую службу, которая в том виде, в котором она существует сегодня в системе школьного образования, не способна решать возникающие проблемы и противостоять различного рода рискам возникновения девиаций в полной мере. На наш взгляд, помимо школьного психолога, в систему психолого-педагогического сопровождения, как минимум, должны входить социальный педагог, медицинский работник.

Чтобы система психолого-педагогического сопровождения была эффективной, школе нужны такие специалисты, которые владели бы основами как диагностической, так и консультативной работы с детьми, имеющими трудности в развитии, знающие и понимающие суть учебного процесса для того, чтобы давать педагогам обоснованные рекомендации по обучению и воспитанию таких детей. Нужен психолог-диагност, который бы был компетентен в определении индивидуальных склонностей и способностей обучающихся, на основе которых можно было составить рекомендации по построению индивидуальной образовательной траектории того или иного ребенка. Нужны специалисты, разбирающиеся в специальной психологии, нейропсихологии, дефектологии и т. д. Все это, безусловно, требует коррекции профессиональной подготовки будущих специалистов, которые призваны работать в системе профилактики девиантного поведения детей и молодежи.

Для того, чтобы будущие специалисты могли осуществлять профессионально психолого-педагогическое сопровождение, необходимо, чтобы на этапе вузовского обучения в их подготовку были заложены соответствующие компетенции – компетенции связанные с осуществлением сопровождения процессов социализации детей. Но только обучения самих студентов технологиям сопровождения социализации различных категорий детей будет недостаточно, на наш взгляд. Необходимо, чтобы в процессе обучения осуществлялось сопровождение самих студентов. Тогда профессиональная подготовка будет осуществляться по двум направлениям: психолого-педагогическое сопровождение самих студентов и обучение их технологиям сопровождения процессов социализации для различных категорий обучающихся [2, с.137].

Если психолого-педагогическое сопровождение включает в себя: профилактику, диагностику, консультирование, коррекционную работу, экспертизу, а также психологическое просвещение и образование, то все эти направления должны являться содержанием психолого-педагогического сопровождения студентов-будущих специалистов системы профилактики девиантного поведения на этапе вузовского обучения. Кроме того, в учебные планы подготовки таких специалистов должны входить не только традиционные учебные дисциплины, но и специальные курсы, направленные на овладение технологиями сопровождения.

Одним из направлений подготовки высшего профессионального образования, которое призвано решать задачи профилактики девиантного поведения детей и молодежи, является направление «Педагогика и психология девиантного поведения». Согласно ФГОС по данному направлению, виды профессиональной деятельности, к которым готовятся выпускники по программам специалитета следующие:

- воспитательная (социально-педагогическая); (основной вид)
- диагностико-коррекционная; (основной вид)
- экспертно-консультационная;
- научно-исследовательская;
- организационно-управленческая;
- педагогическая [3].

Хотя, компетенция, связанная с процессами сопровождения, согласно стандарту – способность применять методологию сопровождения детей и подростков группы риска (ПСК-4.1) – является одной из основных компетенций для специализации N 4 «Психолого-педагогическое сопровождение детей и подростков группы риска», овладение методами и

технологиями сопровождения – одна из основополагающих задач для будущих специалистов, которые будут работать в системе профилактики девиантного поведения детей и молодежи.

На наш взгляд, эффективность овладением будущей профессией будет выше, если сами студенты на этапе обучения станут субъектами системы психолого-педагогического сопровождения, особенно на первом курсе, в адаптационном периоде.

В Южном федеральном университете студенты, обучающиеся по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения», являются субъектами системы сопровождения.

С помощью психодиагностики выявляются индивидуальные особенности личности обучающихся, ее склонности и способности, интересы и возможности в процессе обучения, определяются причины затруднений в обучении, социальной адаптации и интеграции.

Психологическое консультирование проводится в рамках психологической службы Академии психологии и педагогики Южного федерального университета (далее АПП ЮФУ) с целью обеспеченности психологической защищенности обучающихся, поддержки и укрепления их физического здоровья, создания благоприятных социально-психологических условий в их учебной деятельности и социализации. А задачами психологической службы, в частности, являются:

- организация профессиональной психологической поддержки и консультативной помощи участникам образовательного процесса;

- содействие личностному, интеллектуальному и профессиональному становлению обучающихся посредством приобщения их к волонтерской деятельности психологической службы АПП ЮФУ. Таким образом, система сопровождения позволяет студентам не просто получать помощь и поддержку, но и при желании, практически «погружаться» в будущую профессию.

Психологическая коррекция призвана поддерживать обучающихся в процессе всего периода обучения, учитывая их особенности, проблемы и затруднения, выявленные в ходе психодиагностики. Коррекционные процедуры проводятся с целью решения коммуникативных проблем студентов, снижения уровня тревожности, создания условий для саморазвития, выстраивания индивидуальной образовательной траектории.

Психологическое просвещение и образование реализуются в процессе изучения специальных дисциплин, направленных на самопознание и саморазвитие, формирование ценностно-смысловой сферы, профессиональное самоопределение студентов. Среди них: «Специальная психология», «Психодиагностика, психологическое консультирование и психокоррекция» и др. дисциплины.

Таким образом, сопровождение обучающихся в течение всего периода обучения способствует, на наш взгляд, формированию у них одной из важнейших профессиональных компетенций, компетенции, отвечающей за сопровождение обучающихся на разных этапах образования. По нашему мнению, студенты направления «Педагогика и психология девиантного поведения» могут выступать в роли тьюторов и кураторов для первокурсников как для своего, так и других направлений подготовки университета; что будет способствовать еще большему «погружению» в будущую профессию.

Что касается обучения студентов технологиям сопровождения процессов социализации различных категорий обучающихся, то, по-нашему мнению, необходим специальный курс, посвященный именно данной проблеме. По своему содержанию он, безусловно, будет иметь интегрированный характер. Может носить следующее название, например, «Технологии сопровождения социализации обучающихся».

В учебном плане подготовки специалиста по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения» в Южном федеральном университете представлен ряд модулей:

- модуль психологической помощи личности;
- модуль основы девиантологии;
- модуль психолого-педагогической коррекции и медицины;
- модуль психотерапии и практической психологии;

- модуль психологии девиантного поведения и др., и специальных дисциплин:
- психосоматика и психиатрия;
- психологическое консультирование и психокоррекция;
- психология девиантного поведения;
- психодиагностика, психолого-педагогическая диагностика и экспертиза;

психология трудных жизненных ситуаций;

-психология безопасности личности и др., направленных на решение задач организации и осуществления процессов сопровождения различных категорий учащихся. Но, к сожалению, отсутствует дисциплина, непосредственно посвященная сопровождению.

Нами были проанализированы учебные планы по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения» 8 из 20 российских вузов, предлагающих обучение по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения», в том числе Московский государственный университет им М.В. Ломоносова, Южный федеральный университет, Кубанский государственный университет, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена и другие. Анализ показал, что в учебных планах, за редким исключением, отсутствуют дисциплины, непосредственно посвященные задачам сопровождения, хотя присутствует большое количество специальных профессиональных дисциплин, направленных на решение данных проблем. Учебные планы некоторых вузов, например Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, предлагают для изучения следующие дисциплины «Проектирование индивидуальных маршрутов сопровождения воспитанника группы риска», «Поддержка и сопровождение субъектов образовательного процесса».

Наиболее эффективным, в плане построения, на наш взгляд, является учебный план Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Он содержит модуль «Психологическое сопровождение девиантных детей и подростков», куда входят специальные дисциплины:

- педагог-психолог в системе сопровождения детей и подростков;
- психолого-педагогическая экспертиза;
- методы психолого-педагогического сопровождения детей группы риска;
- методы консультативной, коррекционной и реабилитационной помощи детям группы риска;
- психолого- педагогические исследования групп риска девиантного поведения.

Эффективность данного модуля в его направленности на формирование компетенций, связанных с процессами сопровождения.

Психолого-педагогическое сопровождение также предполагает разработку специальных программ педагогической поддержки, которые были бы адресованы учащимся на разных ступенях обучения в решении их конкретных проблем. Такая работа должна осуществляться и совместно с родителями детей.

Только комплексный подход к созданию системы психолого-педагогического сопровождения позволит противостоять негативным социальным вызовам современности.

Выводы. Современному российскому обществу присущ рост различного рода девиаций среди детей и молодежи, что требует выстраивания системы профилактической работы, которая невозможна без использования различных моделей и технологий сопровождения. Проведенное исследование позволило констатировать, что сопровождение должно стать основной стратегией подготовки кадров системы профилактики отклоняющегося поведения детей и молодежи. Причем, при формировании компетенций, связанных с сопровождением процессов социализации подрастающего поколения, важное значение имеет организованное сопровождение самих студентов в вузе, особенно на этапе адаптации их к обучению в вузе, а также разработка и использование конкретных технологий сопровождения обучающихся на разных возрастных этапах.

Литература

1. Зволейко Е.В. Сопровождение как основная стратегия деятельности специального психолога и педагога. // Гуманитарный вектор. 2010. № 2 (22). – С.60-65.
2. Молокова О.А., Погодаева М.В. Подготовка студентов направления «Педагогическое образование» к сопровождению социализации обучающихся на разных этапах образования. //Преподаватель XXI века. 2014. №3. – С.133-143.
3. ФГОС ВО по направлению подготовки 44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения <http://fgosvo.ru/440501>.

УДК 331.542. 376.56

ВЫБОР ПРОФЕССИИ: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛИИ СРЕДИ СТУДЕНТОВ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ

Ерина Инобат Аъзамкуловна,
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
г. Севастополь

Аннотация. Статья посвящена исследованию соотношения совпадений ожиданий и реалий от учебного процесса студентов бакалавров к выбору профессии системы профилактики девиантного поведения детей и молодежи.

В статье представлены эмпирические результаты данного исследования, которые дают более точное представление профессиональной ориентации этой социальной группы.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, студенты бакалавры, информационная образовательная среда, учебно-методическое обеспечение, электронные издания, мультимедийные проекты.

Abstract. The article deals with the study of the correlation between the expectations and the reality in the educational process of undergraduate students who have chosen to major in the system of preventing children's and young people's deviant behavior. The article presents the empirical results of the study giving a more accurate representation of the professional orientation in this social group.

Keywords: professional competence, graduate students, information educational environment, educational and methodological support, electronic publications, multimedia projects.

Постановка проблемы. Выбор профессии всегда является важным этапом в жизни каждого человека. Стать кем-то во взрослой жизни мы все мечтаем еще с детства. Но при выборе профессии человеку необходимо знать о будущей профессии, что бы в дальнейшем она не принесла разочарования.

Выбирая будущую специальность, студенты имеют представления о процессе обучения и возможностях дальнейшего трудоустройства после выпуска. Но всегда ли в процессе обучения эти ожидания и представления совпадают. Выпускники школ выбирая рассматриваемую область профилактики девиантного поведения детей и молодежи не всегда имеют представление о полном ее содержании. Подготавливая себя для дальнейшей работы в этой области, студенты должны понимать сложность и ответственность за выполняемую ими деятельность. Самое важно, что студенты должны для себя понимать, это тот контингент, с которым им придется взаимодействовать и работать, а также с помощью различных способов, приемов развивать ее.

В.В. Ковров считает, что развитие системы профилактики проблемного (отклоняющегося) асоциального поведения учащихся остаётся весьма актуальной социально-значимой проблемой и должна строиться на раннем выявлении асоциально-аморальных поступков, негативный социальный смысл которых содержательно соответствует внутренним установкам учащихся, а также верной психолого-педагогической трактовке нравственно-неоднородных действий и поступков учащихся, с целью разработки адекватных воспитательно-коррекционных программ сопровождения [2, с.291].

Д.А. Иванова, И.Д. Крастев выделяют еще очень важную область будущей работы студентов, а именно психологическое консультирование детей с девиантным поведением в комиссиях по борьбе с антисоциальным воздействием несовершеннолетних.

Они предлагают открывать консультативные психологические бюро и кабинеты, ориентированные на работу с детьми с антиобщественными проявлениями и их окружением (семьей, школой) с целью: ограничения их асоциального поведения; улучшение отношений в семейной среде; поддержка их общения с учителями и сверстниками в школе; активизация их ресурсов и потенциала для адаптивного поведения в соответствии с их возрастом и социальными нормами [1, с.97].

Итак, выбор профессии – это очень ответственный момент молодого человека, определяющий дальнейший его жизненный путь. В жизни все взаимосвязано и правильно выбранная профессия залог успешной взрослой жизни человека, это уверенность и душевное равновесие, а также материальное благополучие [3. с. 10].

Цель статьи является рассмотрение основных вопросов при выборе профессии студентов специалистов системы профилактики девиантного поведения детей и молодежи.

Изложение основного материала исследования. Выбор профессии – это сложная и ответственная задача, встающая перед выпускником школы и абитуриентом. Сложна тем, что старшеклассникам не хватает знаний о разнообразии профессий, требованиях, предъявляемых в той или иной сфере труда [3, с. 12]. Скудна информация и о ситуации на рынке труда в конкретном городе.

Актуальность проблемы усиливается, когда речь касается выбора будущей профессии. В связи с этим вопросы теории и практики профессиональной ориентации являются одними из приоритетных направлений профориентационных отделов ВУЗов. Педагоги, социологи и психологи пытаются найти новый формат профориентационной работы, представляя ее в своих публикациях и выступлениях. В настоящее время в Крыму происходят глобальные перемены. Республика стала субъектом федерации огромной страны.

Каждому крымчанину, желающему идти в ногу со временем, хочется проникнуться этими событиями и постичь происходящее, чтобы в дальнейшем определиться с будущей профессией. С новым этапом жизнедеятельности Крыма, в самоопределении молодых людей появились новые возможности в самоопределении себя в будущей своей трудовой деятельности. Происходившие изменения в Республики Крым не сняли еще ряд жизненно важных вопросов, касающихся молодежи. Один из которых касается профессиональное становлении крымской молодежи не устает быть ее самореализация и актуализация, как полезной единицы общества.

Придя в ВУЗ, уже в статусе студентов, молодые люди погружаются в конкретную профессию, что помогает им утвердиться в своем правильном выборе или к сожалению, происходит в ней разочарование.

Для проведения исследования была разработана программа исследования и составлена анкета. Полученные данные были обработаны с помощью программного пакета IBM SPSS Statistic.

В результате сбора первичной информации по средствам анкетирования было опрошено три группы студентов, постоянно посещающие занятия. В ходе анкетирования было опрошено сорок два студента. С помощью программного пакета IBM SPSS Statistic были созданы рисунки данных по которой далее проходила обработка первичной информации. (см. ниже)

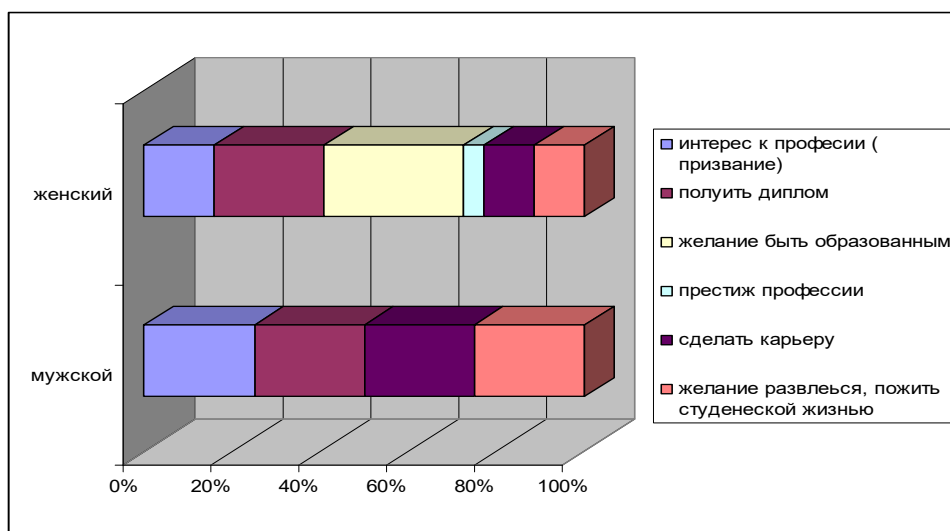

Рис. 1 Факторы, оказывающие влияние на выбор студента

По данным рисунка 1 можно отметить следующие: девушки более осознано подходят к выбору будущей профессии и процессу обучения в целом, нежели юноши.

Но даже среди ответов девушек, одним из наиболее популярных ответов является желание получить диплом и просто быть образованным человеком.

Интерес же к профессии и желание работать по специальности являются вторыми по популярности. Возможно, что это связано с малым количеством информации, получаемой при поступлении о самой специальности и о местах последующего трудоустройства.

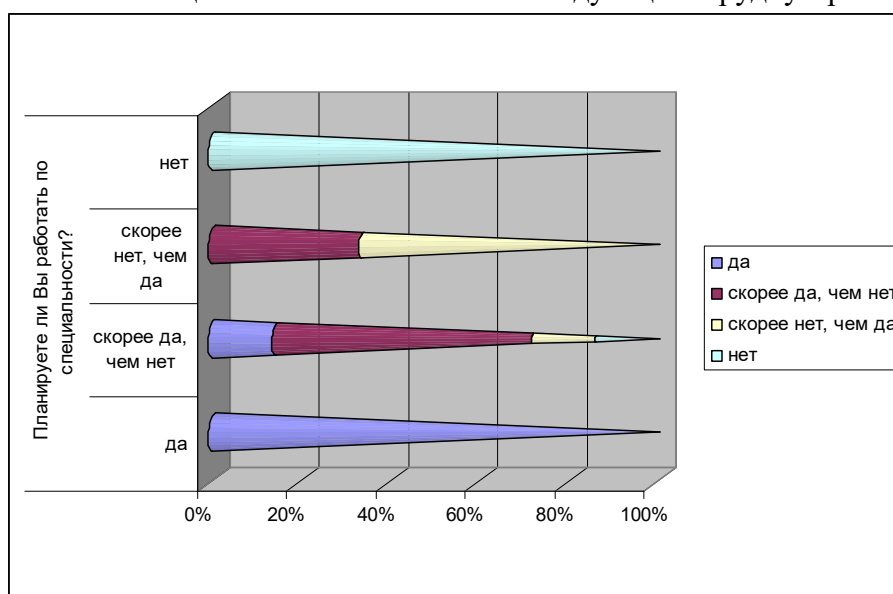

Рис.2 Планируете ли Вы работать по специальности?

Таблица 1.

Понравилось ли Вам, проходя учебную и производственную практику в ВУЗе, осваивать азы профессии?	Планируете ли Вы работать по специальности?				Всего
	да	скорее да, чем нет	скорее нет, чем да	нет	
Всего		10	11		42

Студенты разделились на удовлетворенных прохождением производственной практики, более заинтересованы в будущем работать по получаемой специальности. Следовательно, организация данной практики оказывает наибольшее влияние на выбор ответов студентов.

В среднем студенты не уверены в ответе, преобладает ответ «скорее да, чем нет» (приблизительно 25%), это может указывать на незаинтересованность самих студентов в получении данной специальности.

Таблица 2.

Что явилось для Вас приоритетом в выборе данной специальности?	Подтвердились ли Ваши ожидания в процессе обучения?			
	Да	Не в полной мере	Нет	Всего
Высокий престиж профессии в обществе	2	2	0	4
Возможность успешной карьеры	1	1	1	3
Творческий характер профессии	0	3	0	3
Востребованность на рынке труда	3	2	0	5
Высокий доход	0	0	1	1
Рассчитываю на конкретное место работы	2	3	0	5
Желание приносить пользу людям	4	4	0	8
Возможность вести научно-исследовательскую деятельность	0	2	0	2
Соответствие профессии способностям и умениям	2	5	0	7
Связь с новыми технологиями, современной техникой	1	0	0	1
Данная специальность позволит мне обрести самостоятельность, независимость	2	0	1	3
Возможность достичь признания, уважения	2	2	0	4
Стремление сделать свою жизнь насыщенной, интересной, увлекательной	1	5	0	6
Всего	20	29	3	52

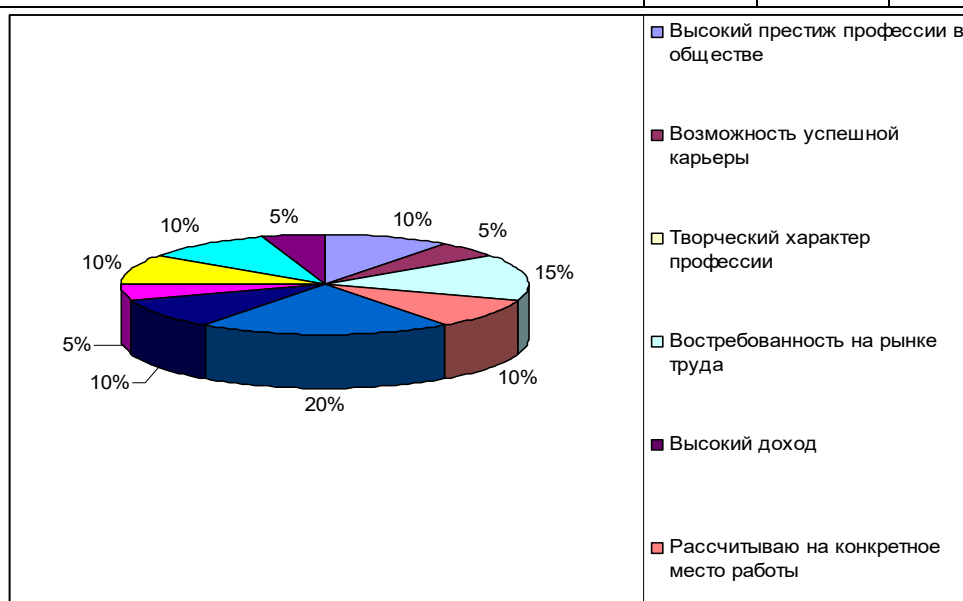

Рис. 3 Ожидания подтвердились в процессе обучения в показателе «Да»

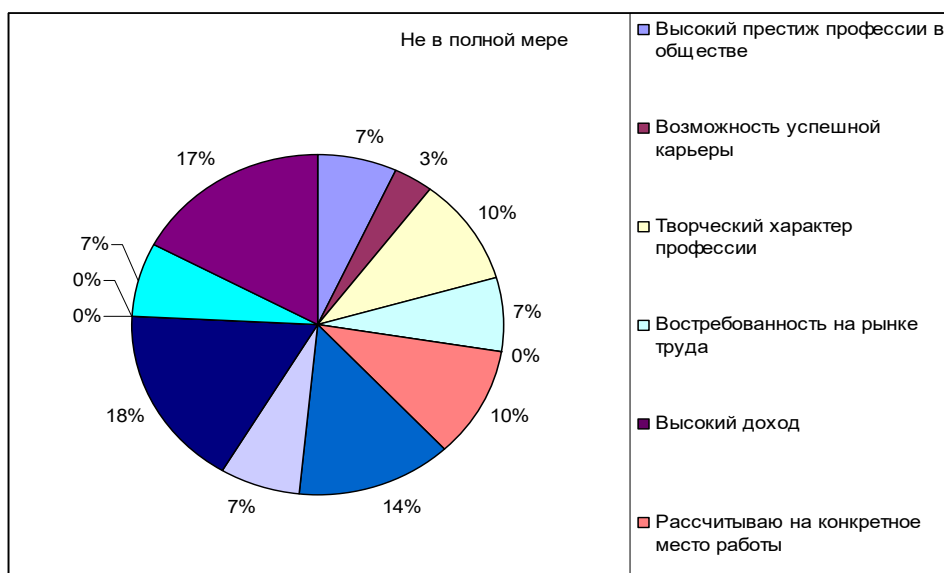

Рис. 4 Ожидания подтвердились в процессе обучения в показателе «Не в полной мере»

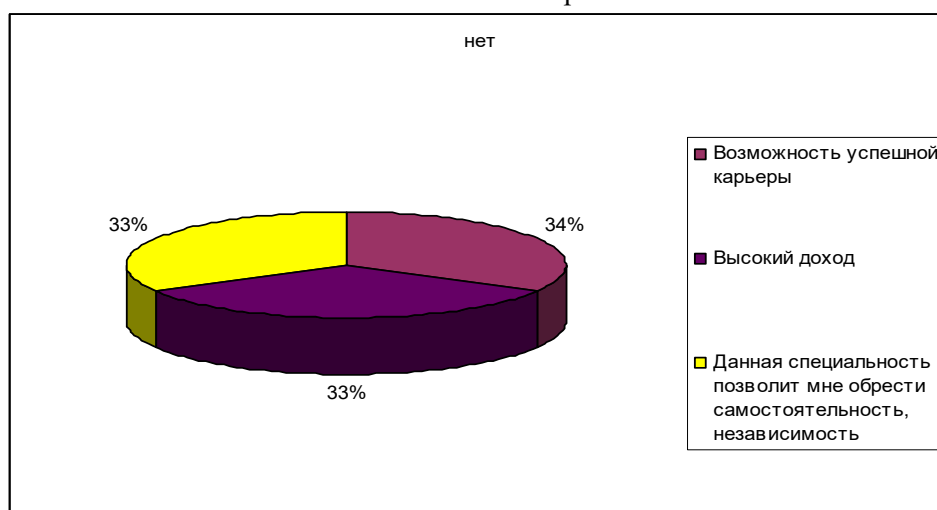

Рис. 3 Ожидания подтвердились в процессе обучения в показателе «Нет»

Большинство респондентов считают, что ожидания, возлагаемые на получаемую специальность до поступления, оправдались не в полной мере в процессе обучения, в частности такие как, соответствие профессии способностям и умениям, стремление сделать свою жизнь насыщенной, интересной, увлекательной, а также желание приносить пользу людям. Видимо по истечению некоторого срока обучения, студенты разочаровываются в пользе и рентабельности получаемой специальности.

Также выбранные респондентами ответы указывают на неудовлетворенность материально-технической базой факультета, соотношение теоретической и практической деятельности в специальности, отсутствия стимулирования студентов на повышение знаний и навыков.

Таблица 3

Назовите наиболее значимые мотивы получения Вами высшего образования	Что Вы думаете о своём профессиональном будущем?				
	Уверен, что всё будет хорошо	Не совсем уверен, что всё будет благополучно	Трудно сказать что-то определенное	Ничего хорошего от будущего не жду	Всего
Интерес к профессии (призвание)	6	1	0	0	7
Получить диплом	8	3	1	1	13

Желание быть образованным	10	2	1	0	13
Престиж профессии	3	0	0	0	3
Сделать карьеру	5	0	1	0	6
Желание развлечься, пожить студенческой жизнью	4	1	0	1	6
Всего	36	7	3	2	48

Рис. 4. Ответы студентов о своём профессиональном будущем

Выводы. Итак, наличие ограниченных знаний молодых людей о профессиях, подталкивает ответственных по профессиональной работе к новым поискам ее проведения.

Представленное исследование в статье в первую очередь было нацелено на выявление соотношений совпадений ожиданий и реалий при выборе будущей профессии студентов-специалистов шифра 44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения, специализации «Психолого-педагогическая профилактика девиантного поведения».

Следовательно, такие исследования дают возможность более точно представить профессиональную ориентацию данной социальной группы.

В ходе исследования мнение респондентов разделилось на две противоположности. Одни уверены в своем профессиональном будущем и сознательно подошли ко всем вопросам, связанным с будущей профессией и процессом обучения, другие, напротив, неудовлетворены процессом обучения и выбранной специальностью вовсе.

68,45% студентов, участвующих в опросе, уверены в своем профессиональном будущем. Возможно, что это связано с тем, что респонденты, выбравшие этот вариант ответа, изначально вкладывали большие надежды при выборе ВУЗа и профессии. Это видно из следующих ответов:

- интерес к профессии (36,84%);
- сделать карьеру (33,33%);
- желание быть образованным (68,42%);
- престиж профессии (16,6%).

Так же, выявились определенные закономерности:

- студенты, изначально подходящие с полной ответственностью к выбору своей будущей профессии, в большей степени удовлетворены прохождением производственной практики и желают работать по получаемой специальности.

- те ожидания, которые вкладывали студенты, отвечая на вопрос о выборе специальности подтвердились в меньшей степени.

- 68,45% опрошенных студентов уверено в своем профессиональном будущем несмотря на, частично или вовсе неоправданные ожидания, которые у них имелись о профессии до поступления.

Силами студентов кафедры психологии Института педагогики, психологии и инклюзивного образования была предпринята попытка создания проекта по развитию профориентационной работы в Ялте. Важным такой работы можно считать развития у студентов проектного мышления в области представления конкретной профессии.

Во всех городах России работают центры социальной помощи, центры занятости населения, клубы и кружки, в которых рассматриваются вопросы поиска себя, своего места в мире, ориентации в профессиональной деятельности.

Как видно из цитаты, профориентация молодежи охватывает не только узкие вопросы, но и вопросы творчества, проектного мышления, практической занятости, нереализованности до профессиональной деятельности и, как следствие, показывает выход из таких насущных проблем как терроризм, экстремизм и наркомания, преодоление противостояния между народами, что является животрепещущей темой для Крыма.

Россия для студентов-крымчан представляется великолепным пространством научной площадкой, где можно учиться, проявлять себя и узнавать что-то новое, в дальнейшем внедряя приобретенные знания в Крыму.

Литература

1. Иванова Д.А., Крастев И.Д. Психологическое консультирование детей с девиантным поведением в комиссиях по борьбе с антисоциальным воздействием несовершеннолетних в Болгарии // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, 8-10 октября 2019 года / под редакцией Коврова В.В. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. – С. 97-101. – 498 с.

2. Ковров В.В. Проблемы раннего выявления асоциального поведения учащихся в образовательной организации // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, 8-10 октября 2019 года / под редакцией Коврова В.В. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. – С. 297. – 498 с.

3. Парнов Д. «Кем быть? Секреты выбора профессии» – Москва: Издательство «Книжный мир», 2014. Секреты выбора профессии [Текст] : Книга, с которой начинается карьера / Дмитрий Парнов. – Москва: Книжный мир, 2014. – 256 с.

УДК: 37.068

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ-СИРОТ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА

Жокина Надежда Алексеевна,

кандидат педагогических наук, доцент,

начальник ресурсного центра по подготовке специалистов в области воспитания

ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»,

г. Рязань

Аннотация. В статье представлен опыт создания условий для адаптации студентов-сирот в образовательной среде вуза. Рассмотрены социально-педагогические аспекты организации жизнедеятельности данной категории студентов в университете. В качестве

эффективных механизмов названы развитие института кураторства, а также деятельность общественной студенческой организации.

Ключевые слова: жизнедеятельность, студенты-сироты и оставшиеся без попечения родителей, педагогическое сопровождение, взаимодействие.

Annotation. The article presents the experience of creating conditions for the adaptation of orphaned students in the educational environment of the University. The socio-pedagogical aspects of the organization of life of this category of students at the University are considered. The development of the Institute of curatorship, as well as the activities of a public student organization are named as effective mechanisms.

Keywords: life activities, students who are orphans and left without parental care, pedagogical support, interaction.

Постановка проблемы. Проблема адаптации студентов к новым условиям образовательной среды высшего учебного заведения сохраняет свою актуальность, поскольку эффективность её решения сказывается и на успешности получения молодым человеком профессионального образования. Особого внимания требуют ставшие студентами выпускники детских домов и дети из опекунских семей. Для этих студентов преодоление типичных для первокурсников проблем, связанных с новыми требованиями к организации учебного процесса, необходимостью выстраивать взаимоотношения в новом сообществе, прибавляются и проблемы, обусловленные их социальным статусом, спецификой их жизнедеятельности до поступления в вуз. Успешной адаптации детей-сирот и оставшихся без попечения родителей препятствуют их характерные особенности: безынициативность и ожидание сторонней помощи, иллюзорное выстраивание жизненных стратегий, расплывчатое представление о выбранной профессии. Тогда как в детских домах обеспечено педагогическое сопровождение, то после выпуска молодые люди сталкиваются с необходимостью самостоятельного решения всех проблем, что обуславливает риск их девиантного поведения. Таким образом, отмечается противоречие между имеющимся негативным социальным опытом и реальной ситуацией жизнедеятельности, что обуславливает сложности адаптации студентов-сирот в жизненном и образовательном пространстве.

Цель статьи. Проанализировать и обобщить опыт создания педагогических условий в университете для обеспечения благоприятной адаптации студентов-сирот в образовательной среде вуза и их дальнейшей профессиональной социализации.

Изложение основного материала исследования. Образовательная среда вуза воспринимается молодыми людьми как территория, где будут реализованы их ожидания перспективных изменений в жизни. Интенсивность "погружения" в водоворот новых отношений, событий требует от первокурсника принятия самостоятельных решений, готовности совершать выбор, самоутверждения благодаря личностным потенциалам. Исследователи называют эту ситуацию мощным стимулом развития. Так, М.А. Галагузова считает, что освоение этой новой "территории" необходимо рассматривать как условие интеграции молодого человека в общество, формирования социально значимых качеств личности за счёт освоения системы ценностей, образцов поведения, социальных норм, представленных в вузовской среде [6]. Очевидно, что успешность данных процессов зависит от характеристик образовательной среды, особенностей организации жизнедеятельности университета. Рассматривая термин "жизнедеятельность" как взаимосвязанную совокупность различных видов работы, А.В. Мудрик обращает внимание, что должно быть обеспечено "удовлетворение потребностей конкретных человека, коллектива, группы с учётом требований и потребностей более широкой социальной среды и всего общества" [4, 129]. Другими словами, за время обучения в вузе личность молодого человека претерпевает изменения, связанные с желанием реализовать свои представления о будущей профессии, достичь определённых успехов в жизни.

Как показывает практика, процесс адаптации студентов из числа детей-сирот и оставшихся без попечения родителей к новым условиям жизнедеятельности в вузе становится

для них довольно сложным этапом социализации в условиях высшего профессионального образования. Лишившись поддержки привычного окружения, молодые люди испытывают растерянность в новом для них сообществе, порой чувствуют свою непохожесть в среде "благополучных" сверстников. Положение усугубляется в тех случаях, когда при поступлении были учтены льготные условия, и студент имеет низкие баллы по сравнению с теми, кто поступал в вуз по конкурсу. Кроме того, льготные условия поступления порой провоцируют молодых людей выбирать направление подготовки, не соответствующее их способностям, а привлекательное по каким-то другим причинам (престижное, например). Безусловно, это создаёт сложности в успешном освоении учебных дисциплин, то есть в получении профессионального образования. Оказавшись в ситуации отсутствия внешнего контроля, студенты могут пропускать занятия, пытаясь избежать неприятностей при ответах, не понимают последствий своих поступков. Следует также добавить, что, молодые люди в этот период, как правило, должны решать проблемы с получением жилья, отстаиванием своих гражданских прав, самостоятельно составлять и соблюдать бюджет, обустраивать свой быт. Мы наблюдаем, что у выпускников сиротских учреждений зачастую не сформированы навыки самоконтроля, волевые качества, готовность к выполнению обязанностей [3, с.97]. В связи с этим становится очевидным, что в университете необходима такая организация жизнедеятельности данной категории студентов, которая обеспечит не только грамотное педагогическое сопровождение, но и участие сообщества сверстников. Образовательная среда вуза должна создать социально-педагогические условия для дальнейшего развития студентов-сирот, установить благоприятное состояние относительного равновесия между человеком, группой, коллективом и средой.

Именно такую задачу в воспитательной работе со студентами поставили перед собой в Рязанском государственном университете имени С.А. Есенина, где в течение нескольких лет создавались условия образовательной среды вуза, благоприятные для успешной адаптации студентов-сирот и их дальнейшей профессиональной социализации [1]. Рассмотрим опыт выстраивания жизнедеятельности студентов-сирот в вузе.

Одним из механизмов, способных решить поставленную задачу, является развитие института кураторства. Традиция закреплять за академической студенческой группой преподавателя-куратора сложилась в вузе довольно давно. Куратор воспринимается, прежде всего, как "проводник в профессию": преподаватель, представляющий собой пример служения науке, профессионал своего дела. Функциональные обязанности преподавателя-куратора сводятся к тому, чтобы обеспечить скорейшую адаптацию студентов к новым условиям обучения, сопровождение и контроль их интеграции в образовательную среду вуза за счёт привлечения студентов к разнообразным видам деятельности. Безусловно, работа куратора должна опираться на хорошее знание личностных особенностей студентов, знание их прошлого социального опыта, владение различными технологиями педагогического взаимодействия. Студентам необходима и так называемая разъяснительная работа, и дополнительные занятия, консультации по подготовке учебных заданий. Преподавателям можно рекомендовать использовать коллективные формы организации занятий, благодаря которым в группе возникает взаимопомощь, студенты должны не только обмениваться информацией, но и совместно справляться с различным уровнем заданий, распределяя нагрузку [2].

Однако предметная деятельность преподавателей не всегда помогает в выполнении подобных функций, а опора на свой жизненный опыт оказывается недостаточной. В связи с этим в университете был организован постоянно действующий семинар для преподавателей-кураторов, использован ресурс повышения квалификации, что обеспечивает профессиональную поддержку в воспитательной работе со студентами. Центр практической психологии и психологической службы, действующий в университете, оказывает консультационную помощь кураторам, проводит диагностику студентов-первокурсников, составляет рекомендации с учётом результатов исследования. Психологи работают и со студентами-сиротами, организуя для них тренинги, семинары, обучают взаимодействию,

коммуникативным навыкам, методам командообразования, стрессоустойчивости, работают над формированием доверия, положительных эмоций. Психологи работают во взаимодействии с кураторами группы, чтобы совместно решать задачи выстраивания межличностных отношений, помогающих демонстрировать важность каждого участника группы независимо от социального статуса, необходимость распределения обязанностей в группе, взаимовыручки, помощи друг другу, умения слушать и понимать партнера, прочувствовать эмоциональное состояние каждого участника, выработки стратегии работы группы и т.д. Тем самым может быть достигнут важный результат в создании условий для благоприятной адаптации студентов-сирот, когда, по мнению А. В. Мудрика, "с одной стороны, возбуждают у членов коллектива, как минимум, интерес к содержанию жизнедеятельности, желание активно взаимодействовать с товарищами, а с другой – делают это содержание настолько субъективно значимым, чтобы оно давало пищу для размышлений и побуждало стремление осмысливать себя, других, отношение к себе, с собой, к миру и с миром" [4, 134].

Важной составляющей в создании благоприятных условий социализации стала общественная студенческая организация, созданная по инициативе самих студентов-сирот. Разработка проекта основывалась на анализе проблем, с которыми сталкиваются студенты данной категории, его главная идея состояла в объединении, чтобы совместными усилиями решать общие проблемы. Проект не только стал победителем университетского конкурса, но и был поддержан администрацией вуза, что позволило в короткие сроки его реализовать: провести организационную конференцию, где было принято Положение об Ассоциации студентов-сирот и оставшихся без попечения родителей РГУ имени С. А. Есенина, а также проведены выборы совета Ассоциации. Задачей данного объединения является развитие инициативы и самостоятельности каждого студента, помощь в становлении активной жизненной позиции. Обратим внимание, что студенты Ассоциации предложили не решать проблемы за кого-то из своих членов, а учиться быть самостоятельными в решении проблем, совместно обсуждать, помогать, находить ответы, необходимых людей, с которыми надо решать конкретный вопрос. Структура Ассоциации возникла из логики решения тех проблем, которые касаются всех студентов-сирот. Так, в совете действуют информационный, юридический, отдел по трудоустройству, отдел по работе с первокурсниками и отдел по привлечению студентов к общественной деятельности. Подобные направления работы были выбраны неслучайно: студенты обсудили наиболее острые проблемы, провели анкетирование, которое показало, что для данной категории студентов очень важно, во-первых, иметь информацию о своих правах, способах решения юридических вопросов, во-вторых, решить вопрос с временным трудоустройством, а по окончании университета – найти место работы. Кроме того, две трети студентов отметили свои коммуникативные проблемы, а также сложности взаимодействия в академической группе и с преподавателями [3, с.98]. Актив Ассоциации взял на себя работу по установлению взаимодействия с различными подразделениями университета, где необходимо решать определённые вопросы, налаживанию контактов с региональными структурами. Например, для встречи со студентами-сиротами приглашаются квалифицированные юристы, которые разъясняют положения законодательства, консультируют по проблемам получения жилья, государственных льгот. Вопросы временного и постоянного трудоустройства помогают решить вузовский Центр профориентации и содействия трудоустройству и соответствующие региональные структуры. Опыт такого взаимодействия не только даёт определённые результаты, но и демонстрирует способы решения проблем, обучает самих студентов взаимодействию, позволяет формировать социальную готовность к интеграции, придавая уверенности в своих силах. Безусловно, это весьма важная особенность деятельности студенческого сообщества: формирование субъектной позиции, ответственности не только за себя, но и за других, серьёзное отношение к делу.

Отметим также, что благодаря включению студентов-сирот в общественную деятельность создаются условия для преодоления и такой личностной проблемы студентов-

сирот как сосредоточенность на собственном негативном опыте. При Ассоциации был создан волонтерский отряд, деятельность которого ориентирована на помощь учреждениям, содержащим детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Подобная работа позволяет студентам формировать активную позицию в жизни, почувствовать, что он и сами в силах помогать другим, их опыт как старших по возрасту нужен ребятам, столкнувшимся с похожей жизненной ситуацией. Студенты активно включились в реализацию проекта "России важен каждый ребёнок", сотрудничают со службой уполномоченного по правам ребёнка в Рязанской области.

За годы своей деятельности Ассоциация использовала разнообразные формы работы со студентами: проводились коммуникативные тренинги, встречи с успешными выпускниками, был организован выездной лагерь-семинар "Вектор".

С течением времени в Ассоциации появились свои традиции, выработалась система взаимоотношений, появилась преемственность: одни студенты выпускаются, приходят новые. Так, особое внимание уделяется студентам первого курса, для которых проводятся адаптационные мероприятия. Старшекурсники принимают их в свою семью, действует наставничество, благодаря которому решаются проблемы адаптации в общежитии, на факультете. В Ассоциации ведётся контроль за успеваемостью и посещаемостью, проводится работа с неуспевающими студентами. Ежегодно на отчётно-выборной конференции студенты не только подводят итоги года, но и чествуют выпускников. На это событие приходят гости, так как за время своей работы Ассоциация установила сотрудничество с представителями разнообразных организаций, которые неформально включаются в решение проблем конкретных студентов. Тем самым Ассоциация студентов-сирот и студентов, оставшихся без попечения родителей доказала востребованность подобного сообщества и его благоприятное влияние на социализацию молодых людей в условиях образовательной среды вуза. Эта общественная организация заслужила в регионе определённый авторитет, опыт университета стал интересен и другим учебным заведениям.

Выводы.

Представленный опыт организации жизнедеятельности студентов-сирот в вузе свидетельствует о том, что необходимо в полной мере использовать научно-образовательный и воспитательный потенциал университета в решении проблем адаптации студентов названной категории.

Образовательная среда вуза должна включать систему взаимодействия со студентами-сиротами, состоящую из нескольких компонентов:

- 1) педагогическое сопровождение преподавателями-кураторами;
- 2) психологическое консультирование;
- 3) деятельность общественной студенческой организации самих студентов-сирот.

Организация жизнедеятельности студентов в вузе, основанная на их разностороннем участии, выработке субъектной позиции, обеспечивает благоприятную образовательную среду для полноценного развития личности студентов.

Литература

1. Гребенкина Л.К., Жокина Н.А. Воспитание в вузе: проблемы и перспективы // Педагогическое образование и наука, 2014, №6. – С.15-19.

2. Жокина Н.А., Карпенкова О.А. Некоторые аспекты педагогического сопровождения студентов-сирот. // В сб.: Актуальные проблемы и перспективы развития учебно-воспитательной работы в системе общего и профессионального образования: м-лы Российской научно-практ. конф. с международным участием, 27-28 окт. 2011 г. / отв. Ред. Л.К. Гребенкина, Н.В. Мартишина; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2011. – 244 с.

3. Жокина Н.А., Медведева О.А. Организация жизнедеятельности студентов-сирот как педагогическая проблема // Известия Российской академии образования, 2012, №4(24). – С. 95-101.

4. Мудрик А.В. Социальная педагогика: Учеб. Для студ. пед. вузов/ Под ред. В.А. Сластенина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 200с.
5. Профессионально-личностное развитие студентов в высшей школе: учеб.-метод. пособие/ Н.В. Мартишина, О.В. Еремкина, Л.К. Гребенкина, Е. М. Аджиева, Т.В. Ганина, Н.А. Жокина; отв. ред. О.В. Еремкина. – Рязань: Изд-во "Концепция", 2016. – 172 с.
6. Социальная педагогика: Курс лекций/ Под общей ред. М.А. Галагузовой. – М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2003. – 416с.
7. Федеральный закон “Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации” от 24.07.1998г. N 124-ФЗ (последняя редакция). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (Дата обращения 09.06.2020г.)
8. Федеральный закон Российской Федерации «Об образовании в РФ» от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ. – <https://duma.consultant.ru> (Дата обращения 09.06.2020г.)

УДК: 371.134

МОДУЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЗАГОРОДНОГО ЛАГЕРЯ

Зинькевич Игорь Петрович,

Начальник Управления организации работы
с вожатыми ГАУК «МОСГОРТУР», г. Москва

Аннотация. В статье рассматривается опыт подготовки вожатых к работе с детьми в загородном лагере, оказавшимися в трудной жизненной ситуации в том числе с детьми девиантного поведения путем использования модульной системы обучения.

Ключевые слова: трудная жизненная ситуация, девиантность, дети девиантного поведения, загородный лагерь, виды воспитания, профессиональное образование, модульная подготовка.

Annotation. The article presents the experience of camp counselors' training to work with children in difficult living situation (including children with deviant behaviour) through the use of a modular training system.

Keywords: difficult living situation, deviant behavior, children with deviant behavior, countryside camp, types of education, vocational training, modular training.

Постановка проблемы. Последние несколько лет практика организации в загородных лагерях отдыха и оздоровления детей и подростков с особым социальным статусом (в том числе, воспитанников детских домов и центров содействия семейному воспитанию) показала ряд проблемных зон и, в первую очередь это дефицит подготовленных к работе с данными категориям детей специалистов.

Исторически сложилось так, что в детских лагерях работают молодые люди в возрасте от 18 до 23 лет. Это практиканты педагогических вузов или активные студенты непрофильных вузов, еще недавно сами отдыхавшие в лагерях, и не имеющие ни жизненного опыта, ни нужных компетенций для работы с категориями детей, требующими повышенного внимания, соответствующего подхода и ухода, и, в лучшем случае, прошедшие профессиональное обучение по программе профессиональной подготовки 20343 «Вожатый».

По мнению А.М. Вавилова, профессиональное обучение носит узконаправленный характер, его результатом является освоение обучающимися способов, приемов, путей решения конкретных довольно узких профессиональных задач, а, учитывая реальную практику, которая предполагает широкую самостоятельную деятельность вожатого и фактическое выполнение им функций по социальному воспитанию, образовательная программа должна предусматривать формирование у вожатого социально-педагогической,

психолого-педагогической, организаторской и др. компетенций [1, с. 581].

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» позволяет достаточно гибко подходить к построению программы профессионального обучения, вносить в нее все необходимое для подготовки специалиста к работе с детьми особых категорий, но это может увеличить объем программы, время ее реализации и повысит нагрузку на обучающихся.

В такой ситуации оптимальным решением является модульная подготовка, которая может в короткие сроки дать углубленные знания в области социальной педагогики, специальной педагогики, психологии и другие специализированные знания для работы с определенными категориями детей.

Такая подготовка реализуется в Центральной школе московских вожатых ГАУК «МОСГОРТУР» в сотрудничестве со специалистами профильных организаций и учреждений.

Целью статьи является знакомство и анализ опыта организации системы модульной подготовки используемый ГАУК «МОСГОРТУР» при обучении вожатых работе с детьми, имеющими особый социальный статус, в том числе, к работе с детьми девиантного поведения.

Изложение основного материала исследования. Московское агентство организации отдыха и туризма (ГАУК «МОСГОРТУР») – это государственное учреждение, которое в соответствии с постановлением Правительства Москвы организует отдых детей льготных категорий, детей из детских домов и центров содействия семейному воспитанию. Учитывая, что «льготная категория» подразумевает достаточно большой перечень, то и подготовка специалистов (далее – вожатых), также должна носить более широкий формат, чем просто освоение базовой программы.

Для решения данной задачи сотрудники Отдела обучения педагогического персонала ГАУК «МОСГОРТУР» разработали свою модульную систему, где каждый модуль является самостоятельной структурной единицей, то есть каждый модуль может по отдельности обеспечить обучающихся всеми необходимыми дидактическими, методическими материалами и перечнем необходимых знаний, умений и практик заложенных в теме модуля. Подобных модулей несколько, они ориентированы на различный детский контингент. Рассмотрим на следующем примере:

- Подготовка вожатого к работе с одаренными детьми;
- Подготовка вожатого к работе с детьми, с ограниченными возможностями здоровья;
- Подготовка вожатого к работе с детьми с тяжёлыми множественными нарушениями развития;
- Подготовка к работе с детьми, оказавшимися в тяжелой жизненной ситуации (в том числе, воспитанниками ЦССВ и детских домов).

Модульное обучение не является подменой базовой программы подготовки вожатого, оно реализуется после освоения основной вожатской программы обучения для вожатых и трудоустроенных в организации.

Каждый модуль имеет идентичную структуру и срок реализации: 3 блока общим объемом 24 академических часа, в которых:

- первый блок – «Категория детей»,
- второй блок – «Программный блок»,
- третий блок – «Интеграционный блок».

Блок «Категория детей». Его ключевая задача – это углубленное изучение категории детей с определенным социальным статусом, выезжающих в загородный лагерь, и наиболее эффективных подходов к работе с данной категорией.

Блок «Программная подготовка» включает в себя знакомство с программой, которая будет реализовываться в загородном лагере; проработку основных ключевых дел, мероприятий; знакомство с игровой моделью, системой мотивации, системой работы органов самоуправления при ее наличии.

Блок «Интеграционная подготовка». Идея интегративного подхода в том, чтобы объединить всю ранее полученную информацию в единую среду, то есть подготовить вожатого, к реализации конкретной программы, в конкретном лагере, с конкретной категорией

детей, учитывая их возраст, социальный статус, возможности здоровья и прочее.

Третий блок является логическим завершением первых двух, так как у обучающихся есть уже понимание об особенностях реализации программ в лагере, о специфике работы с детьми той категории, которая едет в лагерь, об инфраструктуре лагеря и зачастую знания о том детском доме, из которого в лагерь отправляют воспитанников. Обладая всей этой информацией, будущий вожатый совместно с педагогом и специалистами из детских домов и центров содействия семейному воспитанию могут создать ту благоприятную среду в лагере, в которой ребенок, например, подверженный девиантному поведению, будет испытывать комфорт, а вожатый иметь возможность работать над социализацией ребенка.

Рассмотрим более подробно один из вариантов модульной подготовки на примере реализации модуля «Подготовка к работе с детьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации (в том числе воспитанниками ЦССВ и детских домов)».

Цель модуля – сформировать компетентность вожатого для работы с детьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, в условиях пребывания в загородном лагере.

Очень часто – это дети воспитанники детских домов или центров содействия семейному воспитанию.

Данная категория детей наиболее склонна к проявлению девиантности в своем поведении, что и создает трудности в работе с ними в условиях замкнутого социума лагеря.

Первый блок «Категория детей».

В первом блоке данного модуля обучающиеся:

1. Знакомятся с категориями детей, выезжающих в лагерь, формируют их психологический портрет:

- дети, интегрированные в семью из детского дома,
- дети, находящиеся в детском доме на передержке,
- дети, проживающие в детском доме на постоянной основе.

Данные категории детей, существенно отличаются в своих поведенческих характеристиках.

2. Разбирают факторы проявления возможной девиации у каждой категории детей, где, согласно теории И.С. Кона, девиантное поведение – «это система поступков, отклоняющейся от общепринятой или подразумеваемой нормы, будь то нормы психического здоровья, права, культуры или морали» [2, с. 237].

3. Проводят анализ сформированности уровня воспитанности детей вышеуказанных категорий. Под уровнем воспитанности подразумевается уровень сформированности (в соответствии с возрастом) важнейших качеств личности, и трактуется как способность следовать моральным правилам и поведенческим нормам, принятым в референтной группе» [3].

Специалистами ГАУК «МОСГОРТУР» были выбраны для оценки следующие качества личности:

- Умственные качества,
- Трудовые качества,
- Эстетические качества,
- Нравственные качества,
- Физическая качества,
- Творческие качества.

Данные качества личности имеют уровни воспитанности (условно – высокий, средний и низкий), их оценка проводится по шкале от 0 до 10, где низкий уровень – это показатель ниже 4, средний – в диапазоне от 4 и до 7 и высокий уровень – от 7 и до 10 (см. Рис. 1). Представленный метод оценки позволяют вожатому определить проблемные зоны у ребенка, способные привести к проявлению девиантного поведения (в его деструктивном понимании) и определить точки взаимодействия, которые могут помочь расположить ребенка к себе.

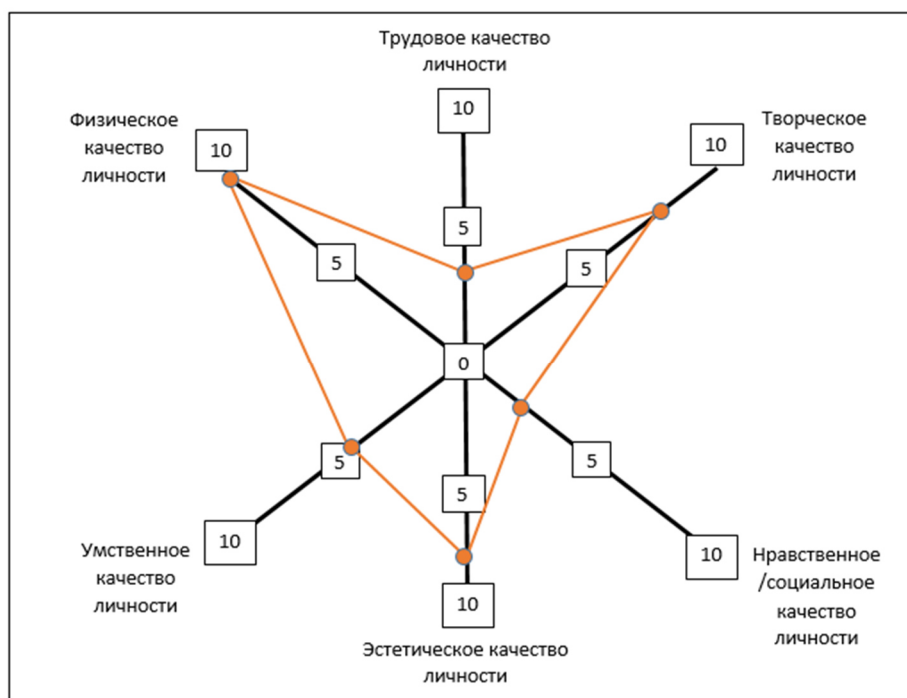
Схема на рисунке 1 демонстрирует, что у предполагаемого ребенка наиболее высокий уровень воспитанности сформирован в физическом, творческом и эстетическом качествах

личности. Следовательно, это важные для ребенка виды деятельности, и используя эти знания о ребенке, вожатый может воздействовать на ребенка и эффективно взаимодействовать с ним, через сопутствующие виды деятельности.

Работа через эти виды деятельности является фундаментом, для дальнейшего постепенного формирования и развития уровня воспитанности ребенка, по остальным «просевшим» качествам личности.

Рисунок 1

Второй блок «Программная подготовка».

Второй блок знакомит обучающихся с программой, которая реализуется в течении 21 дня на территории лагеря. Каждая программа формируется под определенный контингент участников, например, программа «Форум ГТО», затрагивает прямые интересы и увлечения большинства детей воспитанников детских домов, для которых занятие спортом является наиболее востребованной сферой.

Для продуктивного взаимодействия в рамках программы с ее участниками, вожатому необходимо самому прожить все ключевые точки ее реализации.

Данный блок важен с позиции формирования правильной мотивации у детей, склонных к девиантному поведению, к участию в реализации программы и в общем к активной жизни в лагере и отряде.

Третий блок «Интеграционная подготовка».

Заключительный блок, в отличие от предыдущего, более практико-ориентирован на работу уже с конкретными данными и конкретными людьми. Блок реализуется на территории ЦССВ (например, ЦССВ «Южный» г. Москвы, дети которого выезжают в лагерь), при непосредственном взаимодействии с сотрудниками центра. Вожатые встречаются с воспитателями центра и узнают личностные особенности и увлечения детей, наличие у них деструктивных проявлений в характере и поступках. Совместно с воспитателями определяют уровень интереса детей к программе «Форум ГТО» и ее актуальность, по итогам вносят правки в план отрядной и индивидуальной работы с детьми в лагере.

Кроме этого, также отрабатывают возможные варианты взаимодействия вожатого в лагере:

- с детьми из ЦССВ – членами сформировавшихся коллективов с предыдущих смен;
- с детьми, находящимися в лагере в период пересменка;
- с обособленными и «интеграционными» отрядами в ДОЛ ГАУК «МОСГОРТУР».

По факту, третий блок, позволяет отработать множество кейсов, которые могут произойти в период смены с детьми, в том числе девиантного поведения.

Выводы. Описанный выше модульный подход дает специалистам ГАУК «МОСГОРТУР» определенную уверенность в успешной работе специалистов, выезжающих в загородные лагеря для работы с детьми различных социальных категорий, в том числе, и с детьми, склонными к девиантному поведению.

Кроме этого, мы видим высокую продуктивность и положительный эффект в использовании именно модульной подготовки за счет следующих ключевых факторов:

1. Обеспечения методически обоснованного согласования всех видов учебного процесса, внутри каждого модуля и между ними [4, с. 111].

2. Возможности в короткий срок сформировать нужные знания и умения у обучающихся.

3. Обеспечения высокой вариативности и ориентированности на различный детский контингент.

4. Способности менять свое наполнение в зависимости от потребностей в формировании необходимых компетенций, степени подготовки обучающихся, опыта преподавателей.

5. Высокой адаптивности, что позволяет гармонично сочетаться с любой программой профессионального подготовки.

Литература

1. Вавилов А.М. Особенности профессиональной подготовки вожатых детских лагерей к реализации социального воспитания // Психология и педагогика социального воспитания. – Кострома, КГУ, 2020. – С. 581-583.

2. Кон И.С. Психология ранней юности / И.С. Кон. – М.: Аст-Пресс, 1989. – 256 с.

3. <http://www.psychologos.ru>.

4. Рогинский В.А., Азбука педагогического труда: (Пособие для начинающего преподавателя техн. вуза). – М.: Высш. шк., 1990. – 111 с.

УДК: 378.02

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА В ВУЗЕ: ЧТО НАС ЖДЕТ ПОСЛЕ КАРАНТИНА

Иванова Алла Дмитриевна,

кандидат педагогических наук, доцент,

доцент кафедры социологии и социальных технологий

ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный технический университет»,

г. Уфа

Муругова Оксана Владимировна,

магистр по направлению машиностроение,

ассистент кафедры сварочных, литейных и аддитивных технологий

ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный технический университет»,

г. Уфа

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы, с которыми столкнется образовательная система после выхода из карантина, вызванного коронавирусом COVID-19. Изучены различия в получении информации представителями разных поколений; «цифровые» особенности психологии поколения Z; характерные отличия «информационного пузыря», в котором «живут» современные студенты. Проанализирован опыт воспитательной работы, проводимой в Уфимском государственном авиационном техническом университете. Изложены рекомендации, как вести агитационную и воспитательную работу с современной молодежью на основе эссе студентов УГАТУ.

Ключевые слова: поколение Z, воспитательная работа, агитация, коронавирус COVID-19, карантин, дистанционное образование, информационный пузырь.

Annotation. The article examines the problems that the educational system will face after leaving the quarantine caused by the COVID-19 coronavirus. The difference in obtaining information by representatives of different generations has been studied; “Digital” features of generation Z psychology; characteristic differences of the "information bubble" in which modern students "live". The experience of educational work carried out at the Ufa State Aviation Technical University is analyzed. Recommendations on how to conduct agitation and educational work with modern youth based on essays by USATU students.

Keywords: generation Z, educational work, campaigning, coronavirus COVID-19, quarantine, distance education, information bubble.

Постановка проблемы. «Не решив общих вопросов невозможно решить вопросы особенные. Применительно к системе образования в качестве особенного вопроса может выступать проблема модернизации образования, а общим вопросом выступит проблема выработки общих целей и принципов образования, или иначе, образовательная парадигма» [1, с. 74]. Непредсказуемость всемирной пандемии способствует кардинальным изменениям современной образовательной парадигмы. Весной 2020 года практически одновременно все перешли на дистант и удаленку – весь мир попал в цейтнот и, как следствие, произошла глубокая трансформация обычной жизни и переосмысление житейской философии.

Целью статьи является исследование актуальных направлений воспитательной работы в вузе после выхода из карантина через призму теории поколений.

Изложение основного материала исследования. По образовательной системе карантин, объявленный из-за коронавируса COVID-19, прошелся особенно жестко – у всех преподавателей произошло резкое повышение учебной и организационной нагрузки. Все педагоги стали одновременно не только «учителями», но и «учениками» – мы продолжали учить и одновременно учились сами. Мы учились учить в новых непривычных условиях. Нас напрягала перманентная неуверенность и нервозность из-за того, сможем ли мы провести сегодня полноценные занятия: мы стали уязвимы и постоянно зависимы от нестабильности связи, переполненных сайтов, хостингов и образовательных платформ. К тому же, не у всех дома были полноценные персональные компьютеры и софт, необходимые для работы в онлайн. Многие занятия просто невозможно было проводить из-за отсутствия коммерческого программного обеспечения, недоступного для легального использования в домашних условиях (например, специализированный инженерный пакет ANSYS, на котором проводят лабораторные работы по моделированию, не имеет бесплатной ознакомительной версии). Да и обычное, неспециализированное программное обеспечение тоже вызывало определенные проблемы – у всех ли преподавателей и студентов есть лицензионный Windows и пакет Office? И этот вопрос отнюдь не риторический.

Также на удаленке произошло неизбежное увеличение «пятна» контактов с нашими студентами и, как следствие, сокращение привычной дистанции в общении, нарушение устоявшейся субординации «преподаватель-студент», повлекшее за собой определенное изменение (а где-то даже и игнорирование) классического учебного этикета.

В связи с этим при выходе из онлайн в офлайн необходимо решить важные задачи по восстановлению «докарантинного» педагогического процесса:

- вернуть традиционную этику, педагогическую субординацию и классический стиль общения преподавателей со студентами;
- восстановить «сдвинутые» на время дистанта личные границы;
- воссоздать «доковидные» стандарты знаний и методы их проверки – это один из сложнейших моментов;
- сохранить и дальше развивать «безбумажные» технологии сдачи студенческих работ и отчетности – эти скиллы, отработанные во время пандемии будут только помогать в обычном обучении;

- уменьшить административную вузовскую бюрократию и шире внедрять цифровые сервисы для упрощения и облегчения «внеаудиторной» нагрузки преподавателя (электронные рабочие программы, справки, отчеты и т.д.).

Разберем подробнее, что принес многомесячный карантин в жизнь каждого из нас и в мировое сообщество в целом.

Изменение коммуникативного профиля: телефон и интернет вышли на первый план. Мы теперь там фактически «живем». Общение, работа, учеба, развлечения – всё одновременно стало виртуальным.

К психологическим последствиям можно отнести: психоэмоциональную усталость, дезадаптацию и дезориентацию, падение жизненного тонуса и концентрации внимания, участвовавшие депрессивные состояния. Это наблюдается повсеместно и во всех странах – везде проявляются одинаковые проблемы.

Социально-экономические факторы – массовое понижение доходов населения и, как следствие, ощущение неопределенности в завтрашнем дне. Одни уже потеряли работу, другие понимают, что это неизбежно.

Несмотря на то, что на карантине все постоянно сидели в интернете, всё равно люди чувствуют некий информационный вакуум из-за резкого сужения круга общения и сокращения каналов получения информации. Мы стали острее понимать, что интерпретация новостей по телевизору и на разных сайтах достаточно разнится. Вследствие этого ощущается нарастание социальной напряженности в обществе.

Современный информационный «риф» заключается в том, что все сегодня живут в собственно настроенных медийных пространствах (так называемых «информационных пузырях»), которые могут кардинально отличаться друг от друга! «Стремительная цифровизация современного мира и развитие мобильных технологий значительно повлияли и кардинально изменили все сферы передачи информации. Интернет дал человечеству онлайн-библиотеки, электронную почту, быстрый поиск и заказ товаров и услуг и др. Разумеется, увеличивающееся влияние интернета на общество не осталось незамеченным, и возникла идея массового воздействия на социум с целью формирования определённого общественного мнения» [2, с. 18].

Взрослое население России сегодня представлено пятью поколениями и у каждого свои предпочтения по способам получения информации:

- Молчаливое поколение (1921-1943 год рождения) в основном смотрит государственное телевидение и слушает радио, интернетом пользуются далеко не все и достаточно редко. В социальных сетях представлены чаще всего в «Одноклассниках», реже в «Facebook».

- Беби-бумеры (1944-1962 г.р.) – государственное и кабельное ТВ, радио. Как только научились пользоваться интернетом – сразу нашли друзей молодости в «Одноклассниках» и стали активными пользователями. Еще у них популярны сети «Facebook» и «ВКонтакте», новостные и развлекательные сайты и «YouTube».

- Поколение X (1963-1980 г.р.) телевидение смотрит уже гораздо реже, чем старшие поколения. Это продвинутые пользователи интернета – они представлены практически во всех социальных сетях. Общаются в основном в профессиональных сообществах или с теми, кто близки им по духу и статусу - чаще всего в «Facebook», «ВКонтакте», «Instagram».

- Поколение Y (1981-1995 г.р.) телевидение практически не смотрит, получая новости из «YouTube» от «авторитетных» блогеров. Всё, что им надо и интересно, находят в интернете: смотрят фильмы, обзоры и ролики; слушают музыку и подкасты. В социальных сетях у них разнообразные друзья на все случаи жизни, но доверительное общение ведется с небольшим кругом в «Facebook», «ВКонтакте», «Instagram», «Twitter», «Telegram».

- Поколение Z (1996-2009 г.р.) телевизор и радио не приемлют в принципе – в их приоритете только интернет. Любимые соцсети – те, где много картинок и мало букв, а также есть иллюзия прозрачности и открытости: «Instagram», «TikTok», «Telegram». Для всего остального есть «YouTube».

Как мы уже отмечали, после окончания карантина в обществе может возникнуть серьезная опасность социальной нестабильности. На это влияют: растущая безработица, стремительно распространяющаяся психическая и физиологическая усталость, резкое обнищание населения и активизировавшееся массированное влияние разных политических партий и движений нигилистского толка в интернете. И правда – когда же, если не на карантине, искать своих новых адептов и «вербовать» последователей?! А, если учесть, что поколение Z (школьники и студенты) обитает в своем собственном информационном контексте и взрослые даже не подозревают, что они там смотрят и кого они там слушают, то ситуация в обществе может «неожиданно» выйти из-под контроля! На легкую смену приоритетов молодежи влияет и то, что у них «мало естественно-технических знаний для развития логического и критического мышления, и гуманитарных – исторических, политических и экономических, чтобы иметь возможность сравнивать и анализировать фактический материал и понимать, что в мире было вчера и что происходит сегодня» [3, с. 107].

Кроме того, на тотальном дистанте произошли определенные изменения в отношениях студент-преподаватель. Во-первых, в этой перманентно-стрессовой ситуации происходило смещение ролей «ведущий-ведомый» – мы стали чаще просить у студентов советы, например, как наладить ZOOM, или передавали им управление нашим экраном для демонстрации учебных материалов. А, во-вторых, произошло некое «очеловечивание» общения – мы все работали из дома (практически приглашали студентов к себе в гости) и к тому же, в сети как бы все равны. На это еще и накладывалось размытие социальной и временной дистанции в общении преподавателей и студентов.

В итоге мы все за эти месяцы раскрылись и показали себя с другой, неизвестной ранее стороны. Чаще стала возможной ситуация, когда в восприятии студента педагог из категории «обычный преподаватель дисциплины...» перешел в разряд «учитель-наставник». А, значит, наши студенты теперь могут обратиться к преподавателю уже как к «старшему товарищу» с вопросами (каких раньше и не возникало): о жизни, политической обстановке, мировосприятии. И, если это начнет происходить, то преподавателю очень важно правильно себя вести, чтобы не обмануть доверие молодежи.

Надо констатировать, что в практике современных вузов не считается правильным заниматься профилактикой распространения экстремистских и антиправительственных идей в педагогической среде. Но, одновременно с этим, все понимают, что именно преподаватели формируют научную картину окружающего мира у студентов. На миропонимание молодежи влияют аксиологические идеи и преподавателей гуманитарного блока (философия, история, педагогика и др.), и преподавателей профессиональных (специальных, естественно-научных, технических и т.д.) дисциплин. «Само мировоззрение профессорско-преподавательского состава, их восприятие науки и в какой-то мере сциентистской идеологии позволяет выделить идеи, разрушительные для научного мировоззрения и распознать студента, который поддался (или может поддаться) вербовочной работе экстремистских организаций» [4, с. 29]. Поэтому сегодня надо учиться по-новому разговаривать со студентами и учить молодежь формировать защитные реакции на манипуляции. И не случайно 22 мая 2020 года Президент России В.В. Путин внес в Госдуму поправки в закон об образовании, чтобы воспитательная работа направлялась на целенаправленное, длительное и регулярное формирование у учащихся чувства патриотизма и гражданственности. Это очень своевременная инициатива, поскольку сегодня основная форма работы, рекомендуемая в многочисленных методических указаниях всё еще сводится к участию в разовых «митингах или конференциях на патриотическую и/или противоекстремистскую тематику или к мониторингу настроений в студенческой среде, осуществляемому по формальным тестам, дающим ложноотрицательный результат» [4, с. 21].

Чтобы правильно вести воспитательную работу со студентами, необходимо помнить, что Z – это поколение Digital natives со своими «цифровыми» особенностями развития и психологии. Рассмотрим подробнее, что и как именно влияло на формирование ценностных ориентаций:

1. «Социальное развитие поколения Z во многом проходило в социальных сетях и мессенджерах. Регулярное присутствие во ВКонтакте во многом способствовало статусу и признанию их в кругу сверстников. Соцсети для молодежи уже стали определенным маркером «свой-чужой» [5, с. 85]. К тому же, социальные сети практически всегда «под рукой», позволяют совмещать несколько дел одновременно и помогают стать популярным и узнаваемым в определенном сообществе или группе людей.

«Современной молодежи, воспитанной в соцсетях, необходимо чувствовать вовлеченность в большое дело: решать реальные и сложные задачи, дающие профессиональное и личностное развитие. <...> Юным нужен наставник, учитель, руководитель, способный не только показать и похвалить (поставить «лайк»), но и давать регулярную обратную связь – честную, с конструктивной критикой и подробную. Поколение Z – пилотное поколение нового цифрового мира. Изучение и понимание его «родовых» особенностей помогает гармоничному развитию общества» [5, с. 90].

2. Постоянное виртуальное общение откладывает отпечаток и на общение в реальной жизни. Молодежи привычно самовыражение, самореализация и саморазвитие в сети, где для этого есть масса возможностей. У них наблюдается явная зависимость от связи и необходимости быть всегда в онлайн – они зачастую боятся «вдруг что-то произойдет, а я не в курсе!». И, что интересно, несмотря на то, что центениалы постоянно находятся в онлайн-социуме, в офлайне они себя нередко чувствуют одинокими и застревают на своих мыслях и внутренних переживаниях. «Интернет и социальные сети – это прекрасные средства коммуникации и объединения, но и, одновременно, не менее замечательные линии разграничения и средства изоляции друг от друга» [6, с. 499].

3. Из-за легкости и доступности любой информации, у поколения Z теряется смысл в заучивании и запоминании: зачем учить, если всё есть в сети! Алиса, Siri и Ok Google всё сами найдут и подробно расскажут. Фактически голову современная молодежь «носит в кармане» и отдает свою память на интернет-аутсорсинг.

4. Тренд «заигранности» и «креативизации», захвативший российское образование еще 1990-х годах, актуален и сегодня – повсеместно наблюдается излишняя гипертрофированность творческого компонента в обучении. Всё больше говорят о том, что учиться надо легко и весело, что дисциплина в классе «убивает» творческое начало, а трудностей в учебе надо избегать, потому что с ними не интересно. В итоге мы начинаем забывать, что учеба – это, в первую очередь, не развлечение и не квест – это серьезный и очень важный умственный труд, это задел на успех в будущем. Играя, заодно можно и подучиваться. Но гораздо лучше учиться, иногда поигрывая.

5. Слово 2016 года, по мнению редакции Оксфордского словаря – «постправда». Это значит, что объективные факты менее значимы, чем эмоции, мысли и убеждения конкретной личности. То есть сегодня на формирование общественного мнения решающее воздействие оказывают субъективные факторы, что приводит к подверженности манипуляциям и массовому принятию спонтанные и непродуманных решений (причем на всех уровнях!).

В Уфимском государственном авиационном техническом университете (УГАТУ) с 2016 года авторы целенаправленно занимаются патриотическим воспитанием и формированием целостного мировоззрения российской молодежи. Например, дополнительную образовательную программу для студенческого актива «Гражданское население в противодействии распространения идеологии терроризма» (разработчик Иванова А.Д.) за это время прослушало более 500 студентов. На занятиях по «Педагогике и психологии» (лектор Иванова А.Д.) в рамках изучения темы «Психология группы» проводится семинар «Психология толпы. Технологии цветных революций», где аспиранты, магистры и бакалавры обсуждают проблемы современного общества. А при изучении «Психологии личности» подробно рассматриваются особенности психологии центениалов [3, с. 110]. Студенты с неподдельным интересом изучают и анализируют характерные черты себя и своих ровесников, обсуждают, какие воспитательные методы воздействуют на подрастающее поколение, а какие – неэффективны. Особое внимание уделяется противодействию

манипулированию общественным сознанием и новым правилам построения и ведения агитационной и пропагандистской работы в молодежной среде [7, с. 184]. «Отдельно слушателям даются четкие рекомендации: как вести себя в агрессивно настроенной толпе и как выходить из нее, как в толпе сохранить собственную точку зрения и способность критически осмысливать происходящее» [3, с. 111].

Кроме устного обсуждения вопросов, по итогам семинаров студенты пишут эссе, выбирая любые из предложенных тем:

1. Манипуляции общественным сознанием в интернете. Интернет-революции.
2. Роль студентов и молодежи в цветных революциях.
3. Как сегодня нужно строить агитационную и пропагандистскую работу с молодежью?
4. Какие воспитательные подходы центениалы считают приемлемыми, а какие не дают результат?
5. Можно ли доверять нашим и зарубежным СМИ?
6. Роль психологов в политических кампаниях и выборах.
7. Особенности и опасность виртуальной толпы.
8. Роль российских СМИ в формировании негативного имиджа России у россиян.
9. Молодежь и телевизор: что нам показывают? А что мы хотим смотреть?
10. Мой опыт нахождения в толпе.

За несколько лет собралось уже 213 эссе, в которых студенты излагают свои мысли о государственной молодежной политике, пропагандистской и агитационной работе. Центениалы отличаются от предыдущих поколений, они живут в новых условиях и у них другая система ценностей. По их работам видны изменения в мировоззрении молодого поколения и четко обозначены требования, предъявляемые ими к вузовской воспитательной работе. Они достаточно критично относятся к себе и к своим ровесникам. Вот, к примеру, цитата из эссе магистранта 1 курса направления «Наноинженерия» (апрель 2018 г.): «Мы, центениалы, не задумываемся о последствиях своих действий, мы легко внушаемы и ПОСТОЯННО сидим в социальных сетях! Достаточно пары месяцев «правильной» активной пропаганды – и в России может появиться своя революционная армия фанатиков, готовая кидать коктейли Молотова и заживо сжигать людей, спрятавшихся в здании» [2, с. 21].

Весной 2020 года мы как раз и получили 3 месяца карантина, когда вся страна (и весь мир!) практически не выходила из интернета и соцсетей. А если учесть, что у каждого поколения – свой информационный пузырь, существенно отличающийся от нашего, со своими гуру и кумирами, своими сайтами и темами для обсуждения – то мы должны быть готовыми к тому, что мировосприятие молодежи может «вдруг» измениться и станет не таким, как было раньше. Необходимо четко осознавать, что «в современном информационно-насыщенном мире различные внешние силы могут использовать накопившиеся в обществе проблемы для установления лояльных им режимов и решения своих геополитических и экономических задач. Наиболее эффективным методом борьбы с силами, направленными на разрушение государственного строя, является активная профилактическая работа с молодежью» [3, с. 111].

Рассмотрим подробнее выдержки из эссе – фактически это рекомендации студентов УГАТУ, как вести воспитательную работу с современной молодежью.

1. Наши главные митинги – в интернете и соцсетях! Собрания и митинги с микрофоном на сцене уже не работают так, как работали 50 лет назад, а прогосударственные политтехнологи, такое ощущение, остались именно 50-тилетней давности. Нам не интересны речи с мегафоном на площади – мы предпочитаем обсуждать насущные проблемы, сидя дома. Мы – диванная армия, сидящая в чатах и на форумах.

2. Нам нравится тонкая, ненавязчивая агитация. Но, чтобы мы поверили – нас сначала надо убедить. И только тогда, когда мы станем лояльны к выступающему, мы будем его слушать. Мы прекрасно понимаем, что каждый автор, блогер, ведущий, модератор преследует

свои собственные цели и любую информацию может легко обратить в свою пользу: что-то замалчивать, что-то выпячивать, что-то высмеивать. В интернете очень просто исключить инакомыслие, убирая не нравящиеся комментарии и забанивая неудобных посетителей. «Главное – соблюдать «условную» достоверность по принципу: «правду, только правду и никогда всю правду». Например, сообщать только негативные стороны любого события, а положительные либо игнорировать, либо оценивать как малозначительные и, таким образом, формировать у аудитории искаженный взгляд на ситуацию» [2, с. 19].

3. У нас хорошо развито чувство противоречия: если запрещают, значит, это интересно, и мы пойдем из принципа «Баба Яга против».

4. При работе с молодежью, нельзя отрицать проблемы, существующие в России. «Можно долго и правильно говорить, что Навальный популист, но если отрицать существование коррупции в России, то это сразу же смажет весь эффект агитации «в ноль»» [2, с. 20].

5. Мы не очень доверяем представителям власти:

- Мы видим, что партия «Единая Россия» слишком «ресурсная», а у других политических партий таких административных возможностей нет. И нам это не нравится.

- Сегодня есть конкретные подвижки с гражданским контролем бюджетных расходов - например, партией «Единая Россия» был организован «Объединенный народный фронт». И, хоть в сам момент его создания, я к данной организации отнеслась достаточно скептически, то сейчас признаю, что они заняты общественно-полезным делом и приносят реальную пользу. При этом было бы очень кстати создание аналогичной контрольной структуры и от какой-то оппозиционной партии. Перекрестный контроль помог бы замечать то, что (возможно и сознательно) не видит ОНФ.

- К сожалению, в российской административно-политической системе чиновники предпочитают удаленность от народа и старательно дистанцируются от острых и неудобных вопросов. Но, если граждане видят, что на их мнение региональные чиновники не обращают никакого внимания, то о какой нормальной агитационной работе с этими же местными жителями может идти речь? Сейчас, когда до чиновника можно «дотянуться», написав ему в личку ВКонтакте, нельзя вести агитационную работу свысока и дистанционно.

- Нередко представители власти сами эту власть и дискредитируют. Сегодня все тиражируется в СМИ и интернете. Сразу видно чиновников и депутатов, не умеющих разговаривать с гражданами и журналистами. Нужны подвижки в реагировании местных властей на громкие сообщения прессы. Чиновники, которые забывают о том, что они слуги народа и прилюдно допускают нелестные высказывания (типа «лечитесь боярышником» или «питайтесь макаронками»), должны уходить в отставку (но, к сожалению, происходит это далеко не всегда и пока еще на низовом местечковом уровне).

- Жаль, но мы не можем назвать ни одного политика, которому бы всецело симпатизировали – так как каждый из них хоть однократно был замечен в нечестности или других методах грубой пропаганды

6. Нужны системы по обратной связи с населением. Как пример – единый ресурс в Москве, где горожане могут высказаться в различных рубриках о своем недовольстве (например, чистотой двора, дорогами, детсадами и т.д.) и быстро получить ответ и даже исправление проблемы. Это помогает увеличить процент удовлетворенности жителей. А что может быть лучше для государства, чем довольные граждане?

7. Мы хотим, чтобы важная информация подавалась с разных сторон: с «плюсами» и «минусами», с причинами и следствиями, с финансовой подоплекой. Сегодня один из важнейших вопросов: «Кому это выгодно?». «Демонстрация финансовой выгоды и экономических последствий гораздо эффективнее, чем унылые мантры про экстремизм и радикализм» [2, с. 20]. Вот тогда мы и научимся делать правильный выбор.

8. Молодежь – продукт либерально-демократического подхода к воспитанию. Мы не боимся высказываться, даже при старших по возрасту и по статусу. Мы свободны в отстаивании своей позиции, нам не нравится приказной тон и общение «сверху вниз», мы

предпочитаем тонкую и умную пропаганду. Мы хотим задавать вопросы (в том числе и неполиткорректные) и получать честные ответы – но не с «высоты», а с уважением к нам, без назидания и покровительственного тона.

Выводы. Наши студенты выросли среди социальных сетей и интернет-коммуникаций. Они – продукт гуманистической педагогики и либерально-демократического подхода к воспитанию. Они оттачивали свои мысли на интернет-форумах, где каждый имел право высказаться и возможность быть услышанным, где все равны и нет субординации. В диалоге в чате никому не важно, кто ты – за аватаркой не видно ни должности, ни звания, ни погон. Центениалы к этому привыкли с детства и не боятся высказываться при старших по возрасту и по статусу. Они свободны в отстаивании своей позиции, им не нравится приказной тон и общение «сверху вниз», они ждут открытую и умную беседу на важные для них темы. Они хотят задавать вопросы (в том числе острые, неудобные и неполиткорректные – иногда их задают специально, для проверки честности отвечающего) и получать честные и прямые ответы. Ответы не со снисхождением с «высоты», а с уважением к их точке зрения, без назидания и покровительственного тона. Тогда они идут на диалог и даже позволяют убедить себя.

Еще очень важный вывод – нашей молодежи нужен наставник, старший товарищ – человек, которого они уважают и к мнению которого они прислушиваются. И было бы просто отлично, если бы в этой роли выступил педагог, а не «кто-то из интернета».

Древние говорили, что если невозможно победить врага на поле брани, то надо воспитать его детей. Сегодня, в непростой и непредсказуемой коронавирусной ситуации, одна из основных задач руководства нашей страны – выиграть в невидимой (но от этого не менее жестокой) войне за умы и сердца нашей молодежи. Школьные учителя и вузовские преподаватели сегодня снова на передовой. Именно на них возлагается задача по гражданскому, патриотическому и нравственному воспитанию молодого поколения. Будущее России – в наших руках!

Литература

1. Душин А.В. Принципы античного образования для формирования современной российской образовательной парадигмы // Формирование гуманитарной среды в высшей технической школе: опыт проектирования и реализации: Материалы Всероссийской научно-методической конференции (Москва, 15 ноября 2013 г.). – М.: Издательский центр РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина, 2013. – С. 74-77.

2. Иванова А.Д., Иванов С.В., Муругова О.В. Агитационная и пропагандистская работа в молодежной среде глазами молодежи // Образование и духовная безопасность (научный журнал НИИ ДБ и РРО БГПУ им. М. Акмуллы). – Уфа: Мир печати, 2018. – № 2(4). – С.18-23.

3. Гизатулин А.Р., Иванова А.Д. Профилактическая работа с молодежью как действенный способ предотвращения революционных потрясений // Молодежный Вестник УГАТУ. – Уфа: РИК УГАТУ, 2018. – № 2(19). – С. 106-112.

4. Бигнова М.Р., Иванова А.Д. К вопросу о формальном подходе к формированию представлений об экстремистских и псевдорелигиозных группах у педагогов и студентов высшей школы как форме противодействия распространению экстремистских идей в образовательной среде // Профилактика экстремизма в системе образования: дайджест Центра профилактики религиозного и этнического экстремизма в образовательных организациях РФ. – М.: МПГУ, 2019 – №2 (1). – С. 20-26.

5. Иванова А.Д., Муругова О.В. Поколение Z – пилотное поколение цифрового мира // Поколение Z: социальный характер, идентичность и ориентации современных подростков: сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием – Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. – С. 84-91.

6. Иванов С.В., Иванова А.Д. Интернет-сектантство: как лучшее средство связи стало лучшим способом изоляции // Современное образование: векторы развития. Цифровизация

экономики и общества: вызовы для системы образования. Сборник статей по мат. IV межд. конф. (24-25 апреля 2018 г., МПГУ). – М.: МПГУ, 2018. – С. 498-506.

7. Политов А.С. и др. Противодействие манипуляциям в интернете (на примере профилактической работы со студентами) // Молодежный Вестник УГАТУ. – Уфа: РИК УГАТУ, 2019. – № 2(21). – С. 183-188.

УДК: 378, 37.09

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ЧЕЛЛЕНДЖА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТНОЙ ПОЗИЦИИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНТНОЙ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Ковров Владимир Викентьевич,

кандидат педагогических наук, доцент,

доцент кафедры социально-педагогических

технологий и педагогики девиантного поведения

Гуманитарно-педагогической академии (филиала)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

им. В.И. Вернадского», г. Ялта;

Глузман Юлия Валериевна,

доктор педагогических наук, доцент,

заведующая кафедрой социально-педагогических

технологий и педагогики девиантного поведения

Гуманитарно-педагогической академии (филиала)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

им. В.И. Вернадского», г. Ялта

Аннотация. В статье обсуждаются содержательные и методические аспекты использования социально-педагогической технологии образовательного челленджа как средства формирования субъектной позиции студентов специальности 44.05.01 – «Педагогика и психология девиантного поведения» в условиях дистанционной формы организации обучения в вузе; обосновывается, что в ситуации самоизоляции одной из форм организации учебного процесса в вузе является социально-педагогическая технология образовательного челленджа, позволяющая эффективно формировать профессиональные компетенции студентов – будущих специалистов в области профилактики девиантного поведения подростков.

Ключевые слова: субъектная позиция студента, образовательный челлендж, дистанционное образование, интернет-технологии, коронавирус COVID-19, образовательный процесс в вузе, девиантное поведение, профилактика девиаций.

Annotation. The article discusses the substantive and methodological aspects of using the socio-pedagogical technology of the educational challenge as a means of forming the subjective position of students of the specialty 44.05.01 - "Pedagogy and psychology of deviant behavior" in the conditions of a distance form of organization of education at a university; it is substantiated that in a situation of self-isolation, one of the forms of organizing the educational process at a university is the socio-pedagogical technology of the educational challenge, which makes it possible to effectively form the professional competencies of students - future specialists in the field of prevention of deviant behavior in adolescents.

Key words: student's subject position, educational challenge, distance education, Internet technologies, coronavirus COVID-19, educational process at a university, deviant behavior, prevention of deviations.

Введение. Практическая ориентированность организации образовательного процесса является ключевой целью всей системы отечественного образования, главным ориентиром для студентов и преподавателей вуза в каждой из учебных дисциплин различных специальностей. Применительно к системе образования в качестве особенного вопроса может выступать проблема модернизации образования, а общим вопросом выступит проблема выработки общих целей и принципов образования, или иначе, образовательная парадигма» [5]. Особенно это актуально в настоящее время, в условиях «дистанционки» и известных ограничений социальных контактов при удалённом доступе и самоизоляции.

Целью статьи является исследование актуальных направлений организации образовательного процесса в вузе на основе использования дистанционных интернет-технологий; анализируются результаты использования социально-педагогической челлендж-технологии как средства развития субъектной позиции студента в процессе обучения в вузе в условиях самоизоляции в период пандемии коронавируса COVID-19.

Основной материал. Фиксируемые сегодня кардинальные изменения в существующей образовательной парадигме произошли в связи с воздействием, ранее непредсказуемых, мега-угроз всемирной пандемии, вследствие которой, привычные будничность и ритмичность образовательной практики (и, во-многом, предсказуемость процессов в системе образования) глобально трансформировалась, произошли изменения в укладе жизни людей, подверглись критическому переосмыслению их ценности и смыслы житейской философии в широком социальном контексте, в том числе применительно к сфере образования и в жизнедеятельности образовательных организаций.

Дистанционный режим организации образовательного процесса вследствие угрозы от коронавируса COVID-19, вскрыл значительное количество проблем (и мы фиксируем в настоящее время всего лишь их небольшую видимую «айсберговую» часть), которые свидетельствуют о недостаточной готовности системы отечественного образования к должному реагированию на обозначенные вызовы-угрозы, изменившим «традиционность» существующего процесса социализации обучающихся, что при удаленной форме педагогических интеракций проявилось: в снижении (отсутствии) мотивации обучающихся; в отсутствии классической «социальной ситуации развития» и дефиците прямого воздействия преподавателя на обучающихся; в диссонансе эмоционально-волевой сферы и росте психологической напряжённости во взаимодействии субъектов образовательного процесса и др. Несмотря на победные реляции менеджеров от образования, значительное количество проблем «дистанционки», полностью так и не удалось решить.

Можно предположить (результатов научных социально-психологических исследований, в настоящее время, крайне недостаточно), что изменившийся профиль традиционной коммуникации преподавателя со студентом(ми) и замещение её на дистантную форму общения, в условиях недостатка (отсутствия) прямого корректирующего общения и воздействия преподавателя, существенно повышается рискогенность формирования паттернов отклоняющегося поведения обучающихся, проявлений различных форм (видов) девиаций в ближайшем окружении и социальной среде (в том числе сети-Интернет).

Последнее, во-многом связано с изменением субъектной позиции обучающегося к образовательному процессу, что проявляется (может проявляться) в деформации развития:

- ценностно-смыслового отношения к профессиональному образованию, его результатам, к себе самому в процессе образования;
- деятельностных способов реализации ценностного отношения к профессиональному образованию, выражающихся в таких формах проявления активности, как инициативность и ответственность;
- личностных механизмов, позволяющих обучающемуся реализовать субъектную позицию: рефлексии, смысловторчества, избирательности, автономности [4].

Поскольку развитие субъектной позиции студента происходит (должно происходить) в условиях лично- и гуманитарно-ориентированного образования, то целевая

направленность организации процесса этого развития может быть связана не с достижением идеально представленной модели субъектной позиции, а с проектированием разнообразных ситуаций и задач, обеспечивающих ему возможность ее проявления по отношению к тому или иному компоненту образовательного профессионального опыта. Проектирование этих задач объективно должно предусматривать возможность включения студентом необходимых личностных механизмов для их решения, что в условиях дистантной формы организации обучения и ограниченных возможностей необходимого психолого-педагогического сопровождения студента со стороны преподавателя (куратора) в известной степени осложняется [4; 5].

Поэтому, нам представляется значимым, вне зависимости от категории, типа и содержания профессионально ориентированных задач в каждой их них предусматриваются ситуации: оценки обучающимся себя и своих возможностей в их решении; определения личностного смысла предлагаемого профессионального содержания; выбора варианта решения; реализации принятого решения; прогнозирования возможных последствий принятого решения.

Определение целевого, содержательного и технологического компонента данной стратегии может базироваться на полученных в результате теоретического анализа и сбора экспериментальных данных о значимости субъектной позиции студента по отношению к образованию, образовательному процессу и его элементам.

Направленность субъектной позиции обучающегося на освоение актуального образовательного опыта может способствовать: развитию студента как субъекта образовательной деятельности и коррекции его отношения к образованию как самоценности, ценности развития и самореализации; развитию личностно-образовательной потребности как жизненно необходимой; формированию профессионально-личностной готовности к профессиональной деятельности по профилактике девиантного поведения подростков и молодежи [6].

Наблюдения и результаты рефлексивного анализа по итогам использования технологии образовательного челленджа в период дистантной формы организации учебного процесса показали, что при реализации субъектной позиции по отношению к образованию студенты чаще всего испытывает затруднения: в конкретизации и глубоком осознании смыслов образования в личностном процессе профессионального становления; в содержательном определении спектра задач, которые возникают (могут возникать) в ходе осуществления образовательного процесса; в освоении и совершенствовании методов и приемов решения образовательных задач, определяющих уникальный «авторский образовательный маршрут» студента в личностном и профессиональном становлении.

Ситуации решения образовательной задачи, с одной стороны, может актуализировать, а с другой стороны, оптимизировать формирование личностных механизмов реализации субъектной позиции студента, что связано с постановкой проблемного вопроса, что требует от него развитых рефлексивных умений в оценке индивидуальных возможностей и имеющихся условий (как возможностей для личностного и профессионального развития) образовательного процесса. Процесс осознания «личного проблемного поля» в процессе получения профессионального образования (ориентация в проблеме), безусловно, ставит задачи смыслов творчества, то есть выделения и осознанной формулировки личностных смыслов и ценностно-содержательных аспектов «проблемного поля». На этапе принятия решения, важным является наличие компетентности делать правильный выбор, умений систематизации, конкретизации, избирательности из имеющихся путей (способов) и вариантов решения проблемы, что в процессе их дальнейшей реализации самостоятельно (автономно) опредмечивается посредством разнообразных способов деятельности. Наконец, оценка степени реализации цели (решения задач) и их значимости для собственного личностного и профессионального развития определяется включенностью в процесс критического осмысления процесс, качественной рефлексией [4; 5].

Форс-мажорная ситуация, связанная с коронавирусом COVID-19, явилась мощным ускорителем развития (реформирования) всей системы отечественного образования. Ведь преимущества использования информационных технологий – очевидны и заключаются в скорости, удаленности, мобильности и удобстве при реализации учебных программ с опорой на современную технику (при условии необходимой и достаточной оснащенности компьютерными средствами и бесперебойностью работы сети «Интернет»).

Разумеется, увеличивающееся влияние интернета изменило всю сферу передачи информации в социуме. Как говорится в известной народной мудрости: «Нет худа без добра!». Цифровизация современного мира и развитие мобильных технологий существенно, если не сказать кардинально, меняют (изменило) образовательную среду образовательных учреждений и технологии организации учебно-воспитательного процесса.

В сложившихся обстоятельствах дистантной формы организации образовательного процесса важно было творчески использовать современные образовательные технологии и новые формы организации учебного процесса, одной из которых стала технология проведения образовательного челленджа, (с английского «Challenge») в буквальном смысле, – сложное задание, которое необходимо выполнить студенту, чтобы «быть успешным в учебной дисциплине» и (или) «знатоком определённой области знания». Челлендж, как «брошенный Другим и принятый Тобой вызов» – это проблемная ситуация, сложная задача, требующая от участника мобилизации сил для ответного творческого решения – более успешного результата, по сравнению с результатами других участников или же своих собственных, демонстрируемых ранее в будничной повседневности. Благодаря соревновательности и характерной для челленджа конкуренции, этой форме организации учебных занятий присущи творческая активность, положительные эмоции и чувства, азарт эстафетной деятельности, что развивает когнитивные способности и критическое мышление обучающихся, усиливает мотивацию учебной деятельности (в рамках дисциплины и специальности), укрепляет уверенность в своих способностях и в правильном выборе профессии. Челлендж побуждает участников генерировать дополнительную энергию, которая не проявилась бы в обычных условиях.

В условиях интернет-пространства, челлендж предстаёт как специфический жанр Интернет-роликов, выполняемых задание на видеокамеру с последующим размещением его в сети, с предложением повторить это задание другим блогерам, используя сервис-приложение TikTok [1; 7]. В 2018 г. TikTok вошёл в десятку самых скачиваемых приложений, его аудитория превысила полмиллиарда человек; основной аудиторией приложения являются представители Z-поколения, для которых такой видеоконтент является более привлекательным, нежели чем людям более зрелого возраста. Каналами распространения челленджей в Интернете являются популярные социальные сети: YouTube, Facebook, Twitter, Instagram.

Данную технологию мы успешно использовали при организации учебных занятий со студентами специальности 44.05.01 – Педагогика и психология девиантного поведения (специализация: «Профилактика девиантного поведения») и направления подготовки 44.03.02 – Психолого-педагогическое образование (направленность подготовки: «Психология и социальная педагогика») по ряду дисциплин: «Методика и технология работы социального педагога», «Практикум по решению социально-педагогических задач», «Методы психолого-педагогической профилактики и коррекции девиантного поведения подростков» и др.

В марте – апреле 2020 года группа студентов Института педагогики, психологии и инклюзивного образования Гуманитарно-педагогической академии (филиала) «Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского» в г. Ялте⁵² приняла участие в сетевом межвузовском проекте «Психологический Челлендж 2020. Брось себе вызов!» [2; 3].

---

⁵² Авторы статьи выражают благодарность студентам – участникам проекта «Психологический Челлендж 2020. Брось себе вызов!», капитану команды студентов Герману Герашенко (41-ППД), модераторам команды: Кристине Самаль (41-ППД), Марине Ткачук (21-СП), Анастасии Рогалевич (21-СП), работа которых во-многом обеспечила успешность данного мероприятия.

Образовательный челлендж (своеобразная «игра в реальность») успешно был использован в рамках учебных дисциплин «Практикум по решению социально-педагогических задач», «Методика и технология работы социального педагога», где студенты предлагали творческое решение вызовов в учебно-игровой форме, и разрабатывали свой кейс в соответствии с образовательными задачами учебных дисциплин. Также образовательный челлендж был реализован как социально-образовательный межвузовский проект, организованный в социальной сети «ВКонтакте», в котором приняли участие команды студентов ещё нескольких вузов: Государственного социально-гуманитарного университета в г. Коломна (организаторы сетевого челленджа; куратор проекта – доцент кафедры психологии ГСГУ, к. психол. н. Елена Валерьевна Омельчанко), Тульского педагогического государственного университета имени Л.Н. Толстого, Московского университета имени С.Ю. Витте, Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Целью проекта являлось не только организация учебных занятий в период дистанционного обучения и, в изменившихся условиях, решение образовательных, развивающих и воспитательных задач в рамках учебных дисциплин. Челлендж был направлен на поиск решений ситуативных психолого-педагогических задач из жизни современной школы и современного подростка, с которыми могут столкнуться студенты как молодые специалисты – учителя, педагоги-психологи, специалисты в области профилактики девиантного поведения взрослых детей. Его суть заключалась в следующем: студент задавал проблемную ситуацию, снимал свой вопрос на видео, выкладывал в интернет и просил решить этот кейс другого студента из команды соперника, тем самым бросая ему вызов. Студент из команды соперника решал поставленную задачу и заливал в Сеть видео-ответ. На публикацию отводилось 24 часа.

Для студентов группы (команды ГПА), это была не только соревновательная игра, направленная на поиск путей решения сложных социально-педагогических ситуаций из жизни ученика или педагога современной школы, но и реальный поиск выхода из затруднительных обстоятельств жизнедеятельности ребёнка, сложившихся непростых межличностных отношений с другими людьми (сверстниками, родителями, педагогами), возникших деструктивных ситуаций в социальной среде, с которыми могут столкнуться будущие специалисты в области профилактики девиантного поведения детей и социальные педагоги-психологи [2].

Приведём в качестве примеров, содержание учебных задач (заданий), включённых в кейсы студентов и иллюстрирующих социально-психолого-педагогическую специфику образовательного челленджа (примеры задач кейсов представлены с сохранением стилистики и пунктуации авторов).

Пример 1.

Доброго времени суток всем организаторам и участникам Психологического челленджа 2020. Здравствуй уважаемый соперник!

Представьте, что Вы – социальный педагог, работающий в школе-гимназии. В начале учебного года в 8 класс школы пришёл новый ученик – мальчик из благополучной семьи со средним достатком. Познакомившись с Николаем и побеседовав с ним, у Вас сложилось вполне благоприятное впечатление о нём: он общительный, целеустремлённый, с хорошо развитыми учебными навыками, позволяющими ему хорошо учиться. Более всего он интересуется такими предметами как информатика, алгебра и история.

По окончании первой четверти учебного года, к Вам и школьному психологу обратился классный руководитель этого класса с просьбой в организации совместной работы с учащимся, поскольку Коля систематически прогуливает занятия, однако успешен в выполнении контрольных и проверочных работ и получает за них хорошие оценки.

Осуществляя социально-педагогическое наблюдение за учеником, Вы совместно с классным руководителем и школьным психологом провели диагностическое обследование психического развития ученика (по методике Скотта). В результате было установлено о

наличии некоторых симптомов, не позволяющих говорить о психологической норме ученика. В частности: вас насторожили данные по явной симптоматике по шкале «недоверие к новым людям, вещам, ситуациям»; средняя выраженность симптомов по шкале «недостаток социальной нормативности (асоциальность)»; высокой симптоматике по шкале «эмоциональное напряжение».

В один из дней в школу прибывает наряд полиции и забирает Колю с уроков. Он обвиняется в совершении правонарушения (нарушение пропускного режима охраняемого объекта). Выяснилось, что Коля неоднократно самовольно проникал на крыши высотных зданий, а в этот раз на территорию строящейся гостиницы, чтобы запечатлеть себя на красивом фоне, который открывается с верхних этажей недостроенного здания. Личность правонарушителя долгое время не удавалось установить, но в последнем случае была установлена по камерам видеонаблюдения, которыми оборудована охраняемая территория стройплощадки.

Вопросы:

1. Насколько правомерны действия полиции и какую ответственность несёт Николай за неоднократно совершаемые правонарушения?

2. Есть ли у Вас предположения о том, что у Николая имеется устойчивое отклоняющееся поведение? Если да, то о какой именно аддикции следует говорить?

3. Какую социально-психолого-педагогическую программу коррекционной работы с Колей Вы можете предложить в данном конкретно случае?

Благодарю за внимание! Овсеенко А., студент 3 курса специальности «Педагогика и психология девиантного поведения» Гуманитарно-педагогической академии «КФУ им. В.И. Вернадского».

Ввиду последних событий, желаю всем здоровья и благополучия! **ОСТАВАЙТЕСЬ ДОМА!**

Пример 2.

Здравствуйте, уважаемый участник Психологического челленджа 2020! Доброго здоровья и хорошего настроения!

Представьте, что в общеобразовательной школе, где Вы работаете учителем и выполняете обязанности классного руководителя в 6-а классе, учащиеся старших классов организовали «бойцовский клуб» – и долгое время устраивали бои без правил с участием детей из младших классов. Старшеклассники собирали детей из 5-6 класса и уговаривали их биться друг с другом, делая при этом ставки на победителя. Школьникам присылалось предложение об участии в случае отказа ребята получали угрозы. Бои без правил происходили в лесу, вдали от посторонних глаз.

История получила огласку случайно. Одним из таких участников должен был стать 12-летний мальчик – ученик вашего класса, Роман, которому пришло «приглашение», с заснятым на видео, так называемом, «собрании клуба». Увиденный в ролике беспредел напугал и шокировал скромного и впечатлительного мальчика. Роман не знал, как поступить: ведь если он проигнорирует это сообщение – он станет объектом насмешек старшеклассников и сверстников в классе, трусом и «маменьким сыночком». Мальчик показал видео папе, на котором запечатлена драка четырех детей-младшеклассников. Возмущённый родитель обратился непосредственно к Вам, как классному руководителю: «Наведите порядок в классе, где учится мой сын! Иначе я обращусь в прокуратуру!».

Вопросы:

1. Дайте оценку, происходящих событий в школе, с правовой и психолого-педагогической точек зрения. О каких видах девиации говорится в кейсовой задаче?

2. Как Вы считаете, должен ли родитель обратиться в правоохранительные органы в связи с данным инцидентом? Аргументируйте свою точку зрения.

3. Какие действия Вы, как классный руководитель этого класса, будете предпринимать с целью предотвращения подобных ситуаций?

С уважением и пожеланиями успеха, Виктория Сивак-Штыленко, студентка 2 курса направления подготовки 44.03.02 – Психолого-педагогическое образование (направленность подготовки: «Психология и социальная педагогика») Гуманитарно-педагогической академии «КФУ им. В.И. Вернадского». Очень прошу тебя: «Оставайся дома! Береги себя, родных и близких!»

Пример 3.

Здравствуй, уважаемый соперник – участник «Психологического челленджа 2020 «Брось себе вызов!».

Молодому специалисту – предметнику, на второй год работы в качестве учителя иностранного языка в образовательной организации среднего (общего) профессионального образования, администрация колледжа поручает осуществлять функции куратора в одной из групп обучающихся 1 курса образовательной программы «Экономика и управление». В его студенческой группе обучается Лариса, рано потерявшая родителей. В течение всего периода школьного обучения Лариса обучалась в школе-интернате для детей сирот и детей из неблагополучных семей (чьи родители были лишены родительских прав). В 5 классе у Ларисы появляются приёмные родители и она воспитывалась в благополучной семье со средним достатком. Приёмные родители – уважаемые люди: отец-педагог средней школы, мать-бухгалтер крупной транспортной компании), отношения в семье хорошие. Лариса успешно окончила СОШ и поступила в колледж.

Знакомясь с личным делом Ларисы молодой педагог обратил внимание на то, что в характеристике классного руководителя из школы отмечаются её хорошие способности в обучении, дисциплинированность, ответственность, активность в общественной работе класса, её увлечённость спортом, а в соревнованиях по многоборью в лёгкой атлетике между школами района, Лариса не раз занимала призовые места (в личном первенстве).

Куратор также обратил внимание на то, что в колледже Лариса с трудом находит своё место в группе и не может наладить контакт с одногруппниками. Психолог колледжа, по обращению куратора, ответил, что у Ларисы «низкий социометрический статус в группе» и наблюдаются «акцентуации характера как истероидного типа, так и эмоционально-лабильного типа».

Педагога сильно беспокоит тот факт, что поскольку у Ларисы не складываются отношения со студентами группы, она мало контактна и не предсказуема в общении со сверстниками, то студентка может попасть под влияние неформальной асоциальной группы по месту жительства или в информационной Интернет-среде, а в её поведении будут проявляться какие-либо виды девиантного (отклоняющегося) поведения или конкретные формы девиаций как устойчивой зависимости, что несомненно скажется на успешности в обучении

Вопросы:

1. Правомерны ли, с Вашей точки зрения, опасения куратора группы в отношении Ларисы? Аргументируйте свою точку зрения.

2. Что, с Вашей точки зрения, должен предпринять куратор, исходя из имеющегося социального и психолого-педагогического анамнеза?

3. Как Вы считаете: нуждается ли студентка в психолого-педагогическом сопровождении и коррекции? И, в этой связи, существует ли необходимость в разработке индивидуальной программы организации профилактических мероприятий с Ларисой, с привлечением специалистов на межведомственном уровне?

Желаю удачи! С уважением, Анастасия Матяжова, студентка 4-го курса, специальности 44.05.01 – «Педагогика и психология девиантного поведения» Гуманитарно-педагогической академии (филиала) «Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского» в г. Ялте.

Рефлексивный анализ результатов использования челленджа как продуктивной социально-педагогической (и образовательной) технологии в ходе организации учебного процесса (в том числе в условиях дистанта) свидетельствует, что она является средством

освоения уникального опыта как для студентов, так и преподавателей, и представителей многочисленного сообщества болельщиков, поскольку обучающимся необходимо было не только ответить на проблемную ситуацию в адресованных им персональных кейсах, но и найти свои интересную историю, и видео записать, и себя в нем презентовать. Конечно, были отказы от участия, робость и известная стеснительность, однако, в ходе оценки его результатов студенты отметили: участие в челлендже «... позволило более предметно взглянуть на специфику профессиональной деятельности»; «... способствовало полнее ощутить потенциальные трудности и проблемы»; «... позволило мобилизоваться, ответственно и качественно подойти к их разрешению». Эти оценки студентов свидетельствует о «приращении субъектной позиции», показателями выраженности которой являются:

- вычленение и осознание личностного смысла участия в челлендже и формирование субъектно-ценностного отношения к изменившимся регламентам и форме дистантного обучения в условиях вынужденной самоизоляции;

- накопление участниками проекта опыта конструктивного самопознания и саморазвития, а также самоанализа и самооценки образовательных потребностей и своих возможностей в ходе дистантного обучения, что исключительно важно для профессионального становления и развития;

- приобретение студентом навыков субъектного использования изменившихся образовательных условий (и своих возможностей) в достижении личностно-значимых целей в процессе обучения и жизнедеятельности в целом;

- самостоятельное проектирование участниками челленджа индивидуально- и личностно-предназначенного образовательного маршрута в изменившихся реалиях.

Выводы:

1. Социально-педагогическая челлендж-технология является продуктивной формой и эффективным методическим средством организации дистантной формы организации образовательного процесса в условиях самоизоляции. Творческое использование современных образовательных технологий, в частности технологии проведения образовательного челленджа в изменившихся обстоятельствах организации учебного процесса, позволяет приобрести обучающимися актуальный образовательный опыт, включающий освоение значимых для профессии образовательных компетенций, приобретение опыта проектировать и решать актуальные социально-психолого-педагогические задачи в жизнедеятельности взрослого ребёнка и в образовательной среде учреждения. образования и образовательные, что связано с развитием умений проектировать индивидуально-личностный образовательный маршрут, обогащением личностных смыслов и субъектного отношения к своему профессиональному образованию.

2. Образовательный челлендж как социально-педагогическая технология, используемая в организации учебно-воспитательного процесса в вузе, является вариативной стратегией педагогической поддержки в развитии субъектной позиции студента в образовании и способствует: *развитию* личностного мотивированного и ответственного отношения обучающегося к образовательному процессу в вузе (феномену процесса «Образования Человека» в целом), индивидуальной образовательной деятельности; его образовательной компетентности; умений решать актуальные образовательные задачи и проектировать индивидуально-личностный образовательный маршрут; *формированию* личностных механизмов реализации субъектной позиции: рефлексии, смыслов творчества, избирательности, автономности; *актуализации* личностно- и профессионально-значимых качеств студента как субъекта образовательного процесса, выражающегося в ценностном отношении к профессии, к процессу профессионального становления в период обучения в вузе (в том числе в условиях дистанта), позволяющего прогнозировать динамику личностно-профессионального развития обучающегося, как будущего специалиста в области профилактики девиантного поведения подростков, и его субъектной позиции.

Литература

1. Днепров С.А., Зарева Т.В. Челлендж как метод формирования личной конкурентоспособности обучающихся. Непрерывное образование: теория и практика реализации. Материалы III Международной научно-практической конференции. – ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет». – 2020. – С.
2. Итоги Психологического Челленджа-2020: Обращение команды Гуманитарно-педагогической академии (филиала) «Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского в г. Ялте к участникам проекта <https://vk.com/psychologicalchallenge2020>
3. Психологический Челлендж – 2020 завершён // Изучая психологию с помощью социальных сетей - <https://vk.com/psychologicalchallenge2020>
4. Ковров В.В. Педагогическая поддержка и сопровождение развития субъектной позиции курсанта в образовательном процессе // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 2. – С. 294-301.
5. Ковров В.В. Проектная деятельность как инновационный ресурс в обеспечении качества профессиональной подготовки студентов в вузе // Гуманитарные науки (г. Ялта). – 2019. – № 1(45). – С. 63-67.
6. Ковров В.В. Системный подход в обеспечении качества образования в вузе // Научные исследования и образование. – 2006. – № 1. – С. 5-11.
7. Курбанова, Э.Д. Challenges как инструмент международной массовой коммуникации / Э.Д. Курбанова, О.В. Новоселова. Текст: непосредственный // Научный альманах. – 2017. – Т. 6. – № 1 (32). – С. 284-286.

УДК: 378.1

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ К РАБОТЕ С ДЕТЬМИ, СКЛОННЫМИ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Лёвкина Елена Викторовна,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры общей педагогики и
педагогики профессионального образования
Арзамасский филиал ННГУ
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского», г. Арзамас

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические основы и практические аспекты подготовки специалистов к работе с детьми, склонными к девиантному поведению, в современных условиях, особенности и перспективы профессии.

Ключевые слова: специальность, профилактика, девиантное поведение, подростки, психолог.

Annotation. The article discusses the theoretical foundations and practical aspects of training specialists to work with children who are prone to deviant behavior in modern conditions, features and prospects of the profession.

Keywords: specialty, prevention, deviant behavior, adolescents, psychologist.

Постановка проблемы. В настоящее время в связи с непростой экономической ситуацией в стране, с ростом увлечения детей и молодёжи компьютерными играми, их активным и бесконтрольным общением в социальных сетях увеличивается количество и неблагополучных семей, и количество детей, склонных к девиантному поведению. Проблемой

профилактики девиантного поведения в России занимались такие российские учёные, как Кудрявцев В.И., Кон И.С., Личко А.Е., а также продолжают заниматься Гишинский Я.И., Змановская Е.В., Шнейдер Л.Б. и др.

Целью статьи является изучение теоретических основ и практической подготовки специалистов к работе с детьми, склонными к девиантному поведению, в современных условиях.

Изложение основного материала исследования. Государство в свою очередь направляет свои усилия на изменение ситуации в обществе, разрабатывая нормативную базу, включающую документы, в основе которых лежит, как ключевая, идея профилактики девиантного поведения и создание в семье, образовательных учреждениях безопасной и комфортной среды для развития современного молодого поколения. К таким нормативно-правовым документам относятся: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [5], Письмо Министерства образования РФ «О мерах по профилактике суицида среди детей и подростков» от 26.01.2000 г. и от 29.05.2003 г. [3], Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [7], Письмо Департамента воспитания и социализации детей Министерства образования и науки РФ от 27.02.2012 г. N 06-356 «О мерах по профилактике суицидального поведения обучающихся» [2], а также Федеральный закон от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» [6].

Министерство образования и науки РФ, поддерживая государственную политику, разработало, а затем утвердило, 19 декабря 2016 г. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения (№1611) [4].

В связи с этим на уровне государства во многих вузах Российской Федерации (например, в МГУ им. М.В. Ломоносова, Южном федеральном университете, Кубанском государственном университете, Российском государственном гуманитарном университете, Московском городском психолого-педагогическом университете, Чувашском государственном педагогическом университете им. И.Я. Яковлева, в том числе Арзамасском филиале ННГУ и др.) осуществляется подготовка специалистов, сущностью будущей профессии которых является работа с трудными детьми. Педагогика и психология девиантного поведения – специальность, которая сегодня является весьма актуальной и востребованной, но не каждому окажется по плечу. Студент, готовящийся работать в данной области должен иметь высокую мотивацию и быть готов столкнуться с непростыми случаями, когда ребёнок ведёт себя асоциально, причиняет вред окружающим его людям не только физический, но и моральный, нарушает, порой, самые элементарные принятые в обществе нормы.

Главной профессиональной целью является выявление и преодоление девиантных проявлений. К ним относят деяния, идущие вразрез с общепринятыми нормами поведения, причиной которых могут быть: ещё неокрепшая психика, неспособность адаптироваться среди своих сверстников, неблагоприятная ситуация дома, в семье, или наличие серьёзных заболеваний, в том числе и патологий.

При этом основными задачами специалиста этого направления являются: своевременное диагностирование, коррекция и недопущение девиантных проявлений в группе риска, в том числе у детей и подростков, попавших в сложную жизненную ситуацию; знакомство с условиями проживания подопечных, консультирование их по вопросам обучения, трудоустройства и отношений в семье; оказание психологической поддержки детям, не справляющимся с жизненными трудностями; общение с родителями и педагогами.

Анализ работы вышеперечисленных вузов, осуществляющих подготовку студентов по специальности 44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения, показывает, что данная область является синтетической и соединяет в себе не только педагогику, психологию, но и, отчасти, юриспруденцию. При этом рассматриваемая специальность подразумевает

несколько подспециализаций: социальная педагогика; коррекция, педагогическая и психологическая реабилитация лиц с отклонениями в поведении; сопровождение подростков, потенциально находящихся в группе риска девиантного поведения; педагогика в пенитенциарных заведениях.

Особенностью профессии является то, что специалист данной сферы призван не только общаться со школьниками и подростками категории риска, с людьми, попавшими в тяжёлые жизненные обстоятельства, корректировать агрессивное поведение дошкольников, но и отстаивать права, интересы воспитуемых, консультировать по проблемам отношений с близкими людьми, по вопросам, связанным с обучением, и, даже, трудоустройством [1].

Одной из особенностей, отягощающей труд специалиста по работе с девиантными детьми, является преобладание интенсивного общения в условиях серьёзного психоэмоционального давления, а также творческий и нестандартный подход к разрешению сложившейся ситуации.

Объектами деятельности специалистов в области педагогики и психологии девиантного поведения могут выступать: процессы становления и социализации; межличностное общение и педагогическое взаимодействие; состояния индивида в асоциальной среде; факторы, особенности и причины девиантного поведения, способы его противодействия, а также общественные отношения, связанные с воспитанниками, охраной их прав, профилактикой правонарушений и антиобщественной деятельности.

В период своего обучения, студенты, обучающиеся по специальности 44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения в Арзамасском филиале ННГУ, изучают предметы, связанные с нормативно-правовыми основами профессии (Конституционное право России, Семейное право, Криминология, Предупреждение преступлений и административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, Правовое регулирование труда несовершеннолетних и др.), социально-ориентированные предметы (Социальная политика, Социология, Основы социальной работы, Методика и технология социального работника, Социология отклоняющегося поведения и др.), блок педагогически ориентированных дисциплин (Общие основы педагогики, Коррекционная педагогика, Социальная педагогика и др.), блок психологических дисциплин (Педагогическая психология, Психология девиантного поведения, Психологическое консультирование и психологическая коррекция, Психология конфликта, Психология семьи и др.), предметы, в основе которых лежат основы коммуникации специалиста (Иностранный язык, Основы риторики и профессиональной коммуникации). Основу подготовки составляют профессионально ориентированные предметы по получаемой специальности, к которым можно отнести такие предметы, как: Методология и методы профилактики девиантного поведения, Клинико-психологическое обеспечение работы, Психотерапия и психокоррекция девиантного поведения, Основы реабилитации лиц с девиантным поведением, Проектирование программ профилактики девиантного поведения, Технологии профилактической работы с разными категориями детей, Психолого-педагогическое проектирование профилактической работы с несовершеннолетними осужденными, Психолого-педагогическое проектирование профилактики социального сиротства, беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних, Межведомственное взаимодействие в профилактической работе с детьми и подростками группы риска и др.

Во время учебы в вузе студенты изучают не только педагогику и психологию девиантного поведения, но и овладевают следующими умениями и навыками: выявление причин отклонений как на ранних стадиях, так и в крайне запущенных случаях; коррекция психического состояния подопечных; профилактика девиантного поведения у учащихся школ и других учебных заведений; выявление сложных детей, а также лиц, оказывающих на них негативное влияние; организация полезного досуга подрастающего поколения; постановка трудных подростков на учет; работа с родителями и лицами, их заменяющими.

Важной частью профессиональной подготовки специалиста по профилактике девиантного поведения является практика, как учебная – практика по получению первичных

профессиональных умений, в том числе первичных умений и навыков научно-исследовательской деятельности (на 3 курсе обучения), так и производственная (практика по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности (на 2 курсе); педагогическая практика (на 3 курсе); социально-педагогическая практика (на 4 курсе); научно-исследовательская работа (на 5 курсе).

Практика по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности, как правило, проходит на базе общеобразовательных учреждений г. Арзамаса, например в МБОУ «Средняя школа №2 им. А.С. Пушкина», МБОУ «Гимназия» и др.

Основу учебной практики и производственной практики (научно-исследовательской работы) составляет работа студентов на базе Арзамасского филиала ННГУ при кафедре общей педагогики и педагогики профессионального образования. В период учебной практики студенты разрабатывают конспект программы формирования установки на здоровый образ жизни у воспитанников ДОЛ в течение смены, подбирают диагностический инструментарий, направленный на выявление риска возникновения зависимости, трудностей, проблем, конфликтных ситуаций и отклонений в поведении воспитанников.

В рамках НИР студентам необходимо подготовить доклад выступления по результатам проведенного исследования, а также написать научную статью по теме проведенного исследования в области профилактики девиантного поведения детей и подростков.

Профильными организациями для прохождения социально-педагогической практики являются многие социальные учреждения г. Арзамаса и района, среди них: ГБУ «Реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья города Арзамаса», ГБУ «Центр социальной помощи семье и детям» г. Арзамас, ГКУ «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних Арзамасского района» (р.п. Выездное), ГБУ «Центр социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов города Арзамас», ГБУ «Комплексный центр социального обслуживания населения Арзамасского района» и др.

Педагогическая практика (3 курс, 6 семестр) предполагает работу студентов в качестве вожатых и осуществление деятельности по созданию воспитательных условий для временного детского коллектива в различных организациях, учреждениях, осуществляющих временное пребывание детей в летний период каникул, посредством включения в практическую деятельность в условиях реализации компетентностного подхода. В качестве баз практик для студентов традиционно выступают: «Международный детский центр «Артек» (г. Ялта, п.г.т. Гурзуф), МБУ ДОД «Детский оздоровительно-образовательный (профильный) центр «Водопръ» (Арзамасский район, с. Пологовка), ГБУ «Областной санаторно-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Золотой колос» (Арзамасский район, с. Абрамово), ООО (ДОСККД) «Кипячий ключ» (р.п. Шатки), МБОУДО ДООЦ «Озёрный» (Ардатовский район, р.п. Мухтолово), Детская оздоровительная база отдыха «Ласточка» филиал ООО «Газпром трансгаз Нижний Новгород» (Вадский район, д. Костино), ООО «Лесная здравница» (Павловский район, п. Тумботино), МБУДО «ООЦ «Березка» (Дивеевский район, г. Саров).

Завершающим этапом является прохождение студентами преддипломной практики, в рамках которой практиканты проводят занятия (лекционные и практические), воспитательные мероприятия с целью профилактики девиантного поведения, а также разрабатывают программу социально-педагогического или психолого-педагогического сопровождения в соответствии с темой ВКР.

Работа с трудными детьми часто требует понимания внутреннего состояния каждого ребёнка. С этой целью студенты в период практики могут осуществлять знакомство с бытом и жилищными условиями школьников группы риска, изучать особенности близкого окружения ребёнка или подростка, оказывать им некоторую психолого-педагогическую помощь, а также организовывать общение с учителями, родителями (законными представителями) детей.

Неотъемлемой частью образовательного процесса, способствующей формированию соответствующих компетенций специалиста, является написание курсовой работы, участие студентов в научно-исследовательской работе факультета и вуза, участие во Всероссийских, областных и внутривузовских олимпиадах по педагогике и психологии, в научно-исследовательских конкурсах различного уровня и направленности.

Следует отметить, что в Арзамасском филиале ННГУ особое внимание уделяется организации волонтерской деятельности, в рамках которой студенты выезжают в различные социальные учреждения города и района с концертами, мероприятиями разного формата. Примером служит многолетнее сотрудничество с Муниципальным казенным общеобразовательным учреждением «Коррекционная школа № 8» г. Арзамаса. Решение проблемы повышения социальной активности и ответственности старшеклассников школы стало возможным благодаря тесному сотрудничеству с психолого-педагогическим факультетом АФ ННГУ. Объединение усилий образовательных организаций положило начало союзу детского общественного объединения школьников «Звездная страна» и добровольческого отряда студентов. Опыт совместной деятельности позволил младшим получить бесценный социальный опыт, закрепить продуктивные модели поведения в различных жизненных ситуациях, старшим – помочь на практике реализовать потребности ответственного лидерства и общественно значимой деятельности.

Студенты психолого-педагогического факультета совместно с преподавателями ежегодно принимают активное участие в реализации проектов, в том числе в международном открытом грантовом конкурсе «Православная инициатива»; работают на инновационных площадках города и района по проблеме профилактики девиантного поведения учащихся; при поддержке городских молодежных организаций и объединений города организуют игровые площадки для детей разного возраста; в рамках изучения отдельных дисциплин при сотрудничестве с администрацией города, комиссией по делам несовершеннолетних и др. структурами реализуются выходы в культурные и образовательные учреждения для встречи со специалистами, работающими в данном направлении.

Как показывает практика, выпускники вузов, ведущих подготовку специалистов по программе 44.05.01 «Педагогика и психология девиантного поведения», могут занимать на сегодняшний день такие должности: педагог по коррекции; инспектор по делам несовершеннолетних; психолог в учебных заведениях; соцработник, специализирующийся на несовершеннолетних; конфликтолог; сотрудник органов опеки и т. д.

В качестве работодателей для них выступает достаточно обширный ряд учреждений, к которым можно отнести: комиссии по делам несовершеннолетних, органы по делам молодежи, дошкольные образовательные организации, общеобразовательные организации, коррекционные и реабилитационные учреждения, система здравоохранения, центры психолого-педагогического сопровождения, организации, осуществляющие опеку и попечительство, отделы соцзащиты, попечительства, служб занятости, а также органы внутренних дел.

Выводы. Специальность «Педагогика и психология девиантного поведения» является актуальной и современной, востребованность которой растёт. Выпускник данной специальности однозначно сможет найти себе применение в сложившихся социокультурных и образовательных условиях, а также возможности для дальнейшего роста и самореализации не только в сфере образования, но и в правоохранительной системе, здравоохранения, а также социальной защиты.

Литература

1. Мардахаев, Л. В. Социальная педагогика: учебник для бакалавров / Л. В. Мардахаев. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2017. – 817 с. – (Бакалавр. Академический курс).
2. Письмо Департамента воспитания и социализации детей Министерства образования и науки РФ от 27.02.2012г. N 06-356 «О мерах по профилактике суицидального поведения»

обучающихся»

(<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=529720#05187406520300326>)

3. Письмо Министерства образования РФ «О мерах по профилактике суицида среди детей и подростков» от 26.01.2000 г. (<http://news-city.info/akty/pravila-61/tekst-xq-sovet-russia.htm>)

4. Приказ Министерства образования и науки РФ от 19 декабря 2016 г. N 1611 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения (уровень специалитета)» (<http://fgosvo.ru/440501>)

5. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изменениями и дополнениями) (<https://base.garant.ru/12116087/>)

6. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» (<https://fzrf.su/zakon/o-profilaktike-pravonarushenij-182-fz/st-12.php>)

7. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/)

УДК: 159.947

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЛАЕНСА СПЕЦИАЛИСТОВ В РАМКАХ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ АЛЬТЕРНАТИВ

Майсак Надежда Васильевна,

кандидат психологических наук, доцент,

доцент кафедры конфликтологии и организационной психологии

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,

г. Астрахань

Минасян Артур Айкович,

магистрант по направлению подготовки 37.04.01 «Организационная психология»

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»,

г. Астрахань

Аннотация. В статье показаны возможности теста «ПАУНСТ» в диагностике и рефлексивном анализе различных типов реакций испытуемых специалистов. Нормативное поведение специалиста (комплаенс) возможно в рамках поведенческих альтернатив, состоящих из гипосоциальных и гиперсоциальных реакций. Под комплаенсом понимается следование специалиста личностно-профессиональной и психолого-акмеологической норме. С точки зрения авторов, развитию комплаенса специалистов могут способствовать такие инновационные технологии обучения, как форсайт-сессия и антиципационный тренинг.

Ключевые слова: поведенческие альтернативы; нормативные, гипосоциальные и гиперсоциальные реакции; комплаенс специалиста; форсайт-сессия; антиципационный тренинг.

Annotation. The possibilities of the PAUNST-test in the diagnostics and reflexive analysis of various reaction types of tested specialists are shown. The specialist's normative behavior (compliance) is possible within the behavioral alternatives, consisting of hyposocial and hypersocial reactions. The compliance is understood as a specialist's adherence to personal-professional and psychologic-acmeological norms. According to the authors, such innovative

teaching technologies as foresight sessions and anticipation training can contribute to the development of specialist compliance.

Keywords: behavioral alternatives; normative, hyposocial and hypersocial reactions; specialist compliance; foresight session; anticipation training.

Постановка проблемы. Труд специалистов социэкономических профессий связан с интенсивным общением и взаимодействием с разными субъектами профессиональной деятельности, включая несовершеннолетних с девиантным поведением. Повышение компетентности этих специалистов в плане соответствия их личности и особенностей деятельности профессиональной и психолого-акмеологической норме делает актуальной проблему формирования комплаенса, позволяющего профессионалу достигать акме – наивысшей точки личностно-профессионального роста. Форсайт-сессия как инновационная технология коучинга персонала позволит специалистам стать более комплаентными для успешного решения профессионально важных задач на основе выбора нормативных (продуктивных, успешных, социально одобряемых) стратегий поведения и общения среди поведенческих альтернатив, которыми являются гипер- и гипосоциальные реакции.

Цель статьи: рассмотреть поведенческие альтернативы (нормативные, гиперсоциальные и гипосоциальные реакции) как основу для коучинга специалистов в профилактике некриминальных отклонений от этико-профессиональной нормы, включающей личностную, поведенческо-коммуникативную и деятельностно-функциональную норму.

Изложение основного материала исследования. Как известно, социальные нормы в любой культуре, во-первых, регулируют взаимодействие людей во всех сферах их жизнедеятельности, а, во-вторых, формируют также огромное число производных от них специальных норм, регламентирующих деловые, служебные и неформальные отношения членов общества на основе ценностей, установок и идеалов общества.

Как отмечает П.Т. Тюрин, социальные нормы выполняют следующие жизненно важные функции [6, с. 4]:

- 1) обеспечивают предсказуемость поведения окружающих, позволяя стандартно реагировать в различных ситуациях;
- 2) оказываются фактором стабилизации отношений, поскольку формируют в человеке ощущение уверенности, что снижает риск попадания в сложную, конфликтную ситуацию или ее создание для других;
- 3) способствуют эффективному осуществлению любого вида совместной деятельности, так как являются основой для их организации и координации, а также языком согласования восприятия людей и различий в их оценках;
- 4) формируют особенности людей как представителей той или иной культуры, создавая «лицо» общества, по которому люди судят об особенностях этого общества;
- 5) предупреждают возникновение у человека состояния тревоги и беспокойства, поскольку благодаря нормам он знает, чего ждать от окружающих и как себя вести, чтобы не вызвать их осуждения.

Обычно человек держится за нормативные схемы до тех пор, пока не подберет к той или иной ситуации наиболее подходящие, но обязательно санкционированные формы поведения.

Следует отметить, что личностно-профессиональная норма выступает системой обязательных требований и предписаний к поведению, общению и деятельности специалиста как типичного представителя той или иной профессии. Однако выбор личностью того или иного поведения обусловлен разным отношением к социальной норме и/или к сложившейся ситуации. П. Т. Тюрин подчеркивает, что можно относиться к

происходящему нейтрально, можно оправдывать/осуждать ситуацию или субъекта деятельности, а можно оправдывать/осуждать саму социальную норму.

Рис. 1. Оправдание/осуждение нормы/субъекта

Правила как инварианты нормы являются носителями надситуативного смысла, поэтому у них почти всегда есть преимущество перед ситуативными требованиями [1]. Однако, когда человек продолжает соблюдать правило, ставшее уже бессмысленным, он становится нарушителем требований объективной реальности, но если он не соблюдает правило, которое формально не отменено, то все равно является нарушителем. Не случайно П.Т. Тюрин выделяет два типа нарушений: 1) против предписаний реально существующего правила (нормы); 2) против требований реальной действительности.

Варианты субъективного отношения людей к нормам и правилам могут быть следующими: 1) сознательное принятие и активное владение нормами; 2) формально знаемое, но пассивно реализуемое нормативное поведение; 3) игнорирование социальных норм и противопоставление им своих программ поведения при большей или меньшей степени автономности личности (так называемое девиантное поведение).

Бывает так, что ориентация человека на следование норме, но игнорирование требований ситуации делает его внешне ответственным, а внутренне – безответственным. При этом в противоположном случае человека могут наказать за неисполнение требований регламента как нормы. Описанные варианты поведения – это идеализация типов отношения человека к сложнейшим явлениям жизни, однако часто у людей одновременно могут иметь место ситуации с двойными требованиями – и нормы, и ситуации. Уравновешенность в структуре принятия решения нормативных требований («нарушать правило нельзя») и ситуативных компонентов («правилу можно не следовать, если...») обеспечивает эффективное предотвращение конфликтов и решение возникающих проблем.

Следует подчеркнуть, что недопущение отклонений сходно с монокулярным зрением, при этом стереоскопичным видением жизни обладает тот, кто находит поведенческие альтернативы «между буквой и духом закона», то есть требованиями норм и конкретно складывающейся ситуацией. Нравственный и гибкий в изменении поведенческих паттернов человек способен к выбору альтернатив.

Так, среди морально санкционированных форм поведения в условиях требований ситуации человек подбирает наиболее подходящие альтернативы с учетом социальной одобряемости норм и уровня собственной нравственности, связанной как с эгоцентрическими мотивами, так и с защитой интересов других людей. При этом люди могут проявлять как *гиперсоциальность*, слишком строго придерживаясь формальных норм и рамок поведения, так и *гипосоциальность*, необоснованно легко нарушая нормы и правила. А идеальная поведенческая норма включает не только ориентацию на нормативность, но и гибкость, адаптивность и самоактуализацию, которая сочетается с креативностью, необходимой для развития личности в процессе деятельности и достижения акме. В целом, служение людям

должно выступать базовым этическим регулятором, предотвращающим различные нарушения социальной, личностно-профессиональной и организационной нормы.

Отметим, что сконструированная П.Т. Тюриным диагностическая методика «ПАУНСТ» (Поведенческие альтернативы в условиях нормативных и ситуативных требований) позволяет в ситуациях двойного требования исследовать способности человека учитывать значение нормативных и конкретных ситуативных требований. Процесс выбора одного из пяти вариантов ответа как решения каждой из 15-ти моральных дилемм, описанных в сюжетах методики, дает испытуемым возможность размышлять над ними, выражать свое отношение к сложным ситуациям, в которых выбор альтернатив поведения вызывает у человека ту или иную степень когнитивного диссонанса. Выявление у испытуемых доминирующих поведенческих паттернов позволяет предсказывать повторяющиеся шаблоны и образцы поведения, поэтому может учитываться при диагностике и отборе персонала.

Так, исследование А.А. Минасяна (2015) под руководством Н.В. Майсак было направлено на выявление поведенческих альтернатив у будущих государственных и муниципальных служащих. Испытуемыми выступили студенты 3 курса Астраханского государственного университета в количестве 21 человек (8 юношей и 13 девушек в возрасте 20-22-х лет).

Гипотеза исследования состояла в следующем: решение будущими специалистами моральных дилемм в ходе антиципационного тренинга позволяет выявлять и формировать просоциальные установки, необходимые для предвосхищения поведенческих альтернатив и осознанного выбора адекватного поведения в ситуациях двойных требований – нормативных и ситуативных.

Рассмотрим результаты эмпирического исследования, проведенного по методике ПАУНСТ. Проверка результатов по критерию Колмогорова-Смирнова показала нормальное распределение эмпирических данных, что позволило выбрать параметрический критерий Стьюдента при сравнении результатов исследования до и после проведения занятий, направленных на развитие гибкости мышления и выбор адекватных реакций среди поведенческих альтернатив.

Таблица 1

Типы реакций испытуемых по методике ПАУНСТ

№		Гипо-социальные		Норма-тивные	Гипер-социальные	
		Частота реакций	Сумма баллов	Частота реакций	Частота реакций	Сумма баллов
1	Среднее значение по группе испытуемых до тренинга	5,00	6,95	3,81	6,19	11,90
2	Среднее значение по группе испытуемых после тренинга	3,10	4,22	5,89	7,01	12,26
3	Показатель Т-критерия Стьюдента	2,32		2,93	1,98	
4	Достоверность различий	5% уровень		1% уровень	Нет различий	

Исследование показало, что до антиципационного тренинга в ответах испытуемых студентов «западали» нормативные реакции, проявляющиеся в вежливости, корректности, предупредительности. Гипосоциальные реакции были выражены на уровне нормы, что говорит о том, что испытуемые часто руководствовались в поведении своим субъективным мнением. Преобладающими были гиперсоциальные реакции, следовательно, испытуемые продемонстрировали преувеличенное стремление выглядеть нормативными (например, всегда прийти на помощь), тенденцию к культурности и строгому соблюдению социальных норм. Гиперсоциальная тенденция как типичная форма поведения испытуемых может говорить о демонстративном уклонении от неодобряемых социумом действий в сочетании с

настороженностью к нестандартному поведению окружающих, а также о социальной желательности ответов в целом.

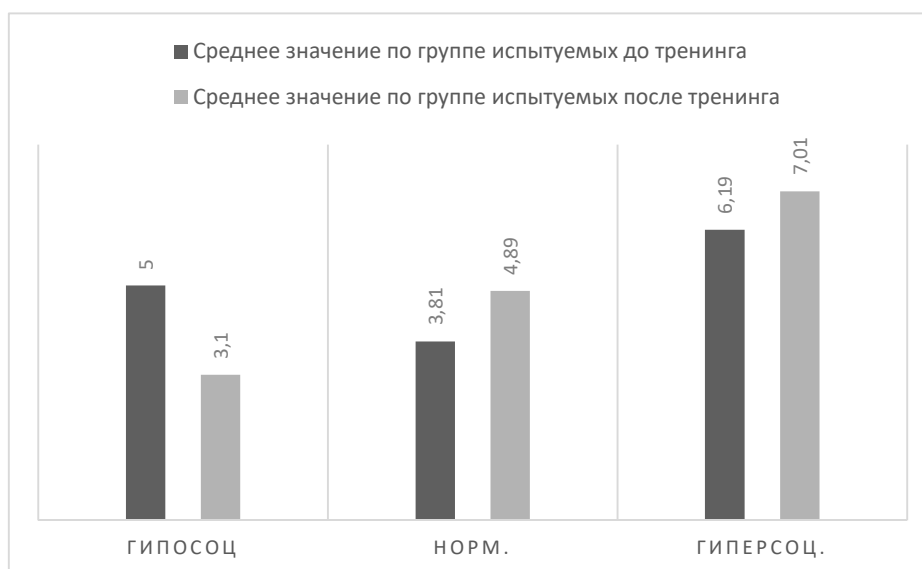

Рис. 2. Типы реакций испытуемых по тесту ПАУНСТ до и после тренинга

Как видим из рисунка, после антиципационного тренинга, обеспечившего воздействие на когнитивный уровень будущих специалистов, тенденции достоверно изменились в сторону повышения нормативных реакций и снижения гипосоциальных реакций. Тенденция к некоторому повышению гиперсоциальных реакций оказалась достоверно не значимой. В целом, выявлена тенденция к тому, что после тренинга реакции испытуемых в ситуациях решения моральных дилемм стали преимущественно адекватными, что доказывало нашу гипотезу.

Итак, испытуемые студенты после тренинга проявили следующие тенденции: 1) на уровне установок они показали следование в поведении социальным нормам; 2) испытуемые стали меньше руководствоваться субъективным мнением, выражая свое несогласие по проблемным вопросам в корректной форме, чтобы не обидеть людей и не нанести им вреда; 3) в двусмысленных ситуациях они проявили стремление не вступать в споры и не вмешиваться в частную жизнь других людей, проявляя тем самым уважение к индивидуальным особенностям других людей.

Результаты проведенного исследования позволяют полагать, что использование в дискуссиях моральных дилемм (например, стимульного материала методики ПАУНСТ) развивает способность к антиципации, дает возможность обучать не только студентов, но и специалистов следовать в поведении социальной норме, снизив субъективизм и чрезмерную строгость по отношению к другим людям без утраты гибкости и «стереоскопичности зрения» за счет расширения реестра поведенческих альтернатив и осознания форм поведения, приемлемых с точки зрения самой личности, а также социально одобряемых и универсальных морально-нравственных норм.

Мы полагаем, что формирование поведенческих альтернатив как реестра просоциальных стратегий должно в первую очередь касаться представителей социэкономических профессий, поскольку именно эти специалисты обеспечивают психологическое здоровье нации и морально-нравственное состояние общества в целом. Работа со специалистами может протекать в рамках форсайт-сессии как технологии долгосрочного прогнозирования, необходимого в построении согласованного образа своего будущего в профессии и ответственного поведения в дальнейшем. Мы также считаем, что специально организованная психологическая работа с представителями социэкономических профессий позволит сформировать у них поведенческий комплаенс (от англ. to comply – соответствовать

требованиям, соблюдать норму, следовать правилам) и комплаентность как личностное новообразование [3; 4].

Первый этап форсайт-сессии, направленной на формирование комплаенса специалистов, должен быть направлен на диагностику их личности и характера взаимодействия с субъектами профессиональной деятельности. (В батарею методик мы рекомендуем включить тест «ПАУНСТ»). Второй этап связан с обработкой и обсуждением результатов тестирования. На третьем этапе благодаря рефлексивному анализу формируются установки на нормативные и идеальные (упорствующие, достигающие) реакции, следование которым в рамках профессии и в других сферах жизнедеятельности и является проявлением комплаенса личности.

Например, при дефиците у специалистов нормативных реакций и доминировании гиперсоциальных или гипосоциальных реакций необходимо провести рефлексивный анализ типов реакций и повторяющихся поведенческих паттернов. Стимульным материалом для выявления типов реакций могут также стать ситуативные картинки из теста Г. Хитровой «Деловые ситуации» – это модификация теста С. Розенцвейга «Фрустрация толерантности». Данные методики позволяют выявлять и анализировать проявления экстраагрессии, интраагрессии и имагрессии – безобвинительных реакций, являющихся наиболее продуктивными и нормативными [7]. К тому же рефлексивный анализ непродуктивных реакций и наиболее оптимальных поведенческих альтернатив позволяет сформировать у специалистов установки на комплаенс в поведении, обогащенном идеальными (интерперзистивными) реакциями, проявление которых в рамках профессии и в других сферах жизнедеятельности является наиболее конструктивным.

Выводы. В целом, решение актуальных проблем поведения и общения специалистов повышает их профессиональную компетентность в деятельности, которая должна соответствовать психолого-акмеологической норме. Поскольку характер труда представителей социномических профессий связан с профилактикой девиаций среди детей и молодежи, их поведение нуждается в повышении комплаенса как требования современного социума. Выполнению данных профессионально важных задач могут служить инновационные модели и технологии обучения специалистов, среди которых – антиципационный тренинг и форсайт-сессия, важнейшей задачей которых должно стать развитие комплаенса личности и формирование комплаентности.

Обсуждение специалистами различных точек зрения на решение актуальных проблем профессиональной деятельности, включая рефлексивный анализ поведенческих альтернатив, позволит им сохранять ресурсы профессионального здоровья, чувствовать удовлетворенность выбором профессии без утраты личностно-профессиональной идентичности, предотвращать деформации и отклонения от личностной, поведенческо-коммуникативной и деятельностно-функциональной нормы, занимать значимое место среди конкурентоспособных специалистов, стремящихся к достижению «акме» в решении прикладных профессиональных задач [2].

Литература

1. Бурлачук Л.Ф. К психологии теории ситуации / Л.Ф. Бурлачук, Н.Б. Михайлов // Психологический журнал. – 2002. – Т.23. – № 1. – С. 5-8.
2. Деркач А.А. Развитие личностно-профессионального потенциала кадров управления / А.А. Деркач // Государственная служба. – 2004. – № 6. – С. 50 – 57.
3. Майсак Н.В. Формирование комплаенса специалистов в системе послевузовского образования / Н.В. Майсак, Г.В. Рябичкина // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 1 (45). – С. 90–96.
4. Майсак Н.В. Рефлексивно-креативный практикум в профилактике девиативных тенденций специалистов // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6; URL: www.science-education.ru/113-11722 (Дата обращения: 15.07.2020).
5. Тюрин П.Т. Психология между духом и буквой закона (теория и практика юридической психологии) / П. Т. Тюрин. – 2-е изд. – М.: ФЛИНТА, 2017. – 252 с.

6. Тюрин П.Т. Поведенческие альтернативы в условиях нормативных и ситуативных требований (ПАУНСТ) / П. Т. Тюрин. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2010. – 264 с.

7. Maysak N.V. Educational, Engineering and Medicine Personnel: The Impact of Deviant Patterns on Image and Business / N. V. Maysak, E. A. Volkova, M. V. Mashchenko, T. A. Magsumov, P. P. Khoroshikh // TEM Journal. August 2019. Volume 8, Issue 3, Pages 1031-1038.

УДК: 378.1

О ПОДГОТОВКЕ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МВД РОССИИ К УЧАСТИЮ В ПРОВЕДЕНИИ МЕЖВЕДОМСТВЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Тихомиров Сергей Николаевич,

кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики
Учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности
ФГКОУ ВО «Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя»,
г. Москва

Аннотация. В статье показана профессиональная подготовка курсантов, обучающихся по специальности 44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения, к участию в организации и проведении операций профилактической направленности, взаимодействию со всеми субъектами профилактики региона. Показано, что эффективность использования потенциала профилактических мероприятий зависит не только от их нормативного правового обеспечения, но и разноплановой подготовленности, должностной компетентности сотрудников различных подразделений полиции, органов власти, включая подразделения по делам несовершеннолетних, комиссии по делам несовершеннолетних. Представлен опыт подготовки сотрудников ПДН кафедрой педагогики университета МВД России.

Ключевые слова: девиантное поведение, должностная компетенция, профессиональная подготовка сотрудника ПДН, комплексное занятие, оперативно-профилактическая операция, противодействие преступности.

Annotation. The article shows the professional training of students studying in the specialty 44.05.01 Pedagogy and the psychology of deviant behavior, to participate in the organization and conduct of preventive operations. It is shown that the effectiveness of the use of the potential of preventive measures depends both on their regulatory legal support and diverse training, professional competency of employees of various police units, including juvenile affairs units. The experience of training juvenile commission employees by the Department of Pedagogy of the University of the Ministry of Internal Affairs of Russia is presented.

Keywords: deviant behavior, professional competency, juvenile commission, professional training for juvenile commission employee, operational and preventive operation, crime prevention.

Постановка проблемы. Проведение подразделениями полиции во взаимодействии с органами государственной власти и общественными объединениями операций профилактической направленности (оперативно-профилактических мероприятий) было и остается одним из важных направлений их деятельности по противодействию преступности. Оперативно-профилактические операции способствуют повышению эффективности правоохранительной деятельности по обеспечению правопорядка и общественной безопасности, оказывают положительное воздействие на состояние криминогенной обстановки как в стране, так и в отдельных регионах и местностях. Многие операции (акции) проводятся совместно силами работников органов внутренних дел, прокуратуры, по делам молодежи, социальной защиты населения, занятости, образования, здравоохранения,

культуры, оборонно-спортивных обществ, жилищно-коммунальных служб, общественных и религиозных организаций, средств массовой информации. В то же время следует признать, что использование потенциала данных профилактических мероприятий во многом зависит как от их нормативного правового обеспечения, так и разноплановой подготовленности сотрудников различных подразделений полиции, включающей организацию межведомственного взаимодействия различных субъектов профилактики.

Цель статьи. Так как в столичном регионе утвержден порядок межведомственного взаимодействия, и в его реализации участвуют комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления и учреждения в сфере социальной защиты населения, образования, здравоохранения, культуры, по делам молодежи, правоохранительные органы, общественные социально-ориентированные организации, нами была выдвинута гипотеза, согласно которой профессиональная подготовка социальных педагогов для участия в операциях профилактической направленности требует внесения изменений в содержание и методику подготовки, учета в ходе их проведения разных вопросов межведомственного взаимодействия органов и организаций системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Задача статьи: охарактеризовать межведомственные операции профилактической направленности, представить возможности комплексных занятий, эффективно формирующих профессиональные компетенции и навыки межведомственного взаимодействия в профилактике девиантного поведения молодежи.

Изложение основного материала исследования.

В ходе сравнительного анализа должностных компетенций сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних и профессиональных компетенций по ФГОС ВПО по направлению подготовки 44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения было установлено, что не в полной мере отражены навыки для участия сотрудников в оперативно-профилактических мероприятиях, комплексных оперативно-профилактических операциях, профилактических операциях, операциях профилактической направленности, специальных операциях, рейдах. Многие профилактические операции основаны на положениях Приказа МВД России от 13 августа 2002 г. № 772 «О совершенствовании организации проведения комплексных оперативно-профилактических операций в системе МВД России» [1].

Опрос 18 курсантов 4 курса и 22 сотрудников ПДН, проходивших подготовку на факультете повышения квалификации и переподготовки университета, показал, что они не в должной мере осведомлены об этапах и содержании работы в рамках межведомственной комплексной оперативно-профилактической операции «Дети России - 2019» [2, с. 134-135].

В частности, только в общих чертах 63,1% опрошенных смогли рассказать о задачах и направленности проверок объектов транспортной инфраструктуры, учреждений с круглосуточным пребыванием несовершеннолетних и молодежи, рейдов по отработке досуговых заведений и торговых точек. Не в полной мере 40,1% были проинформированы и принимали участие в налаживании взаимодействия с представителями иных органов исполнительной власти в сфере охраны здоровья, образования, реализующих государственную молодежную политику. Только около половины опрошенных назвали мероприятия, включавшие интерактивные лекции, обучающие семинары, профилактические беседы с несовершеннолетними и их родителями, а также иные мероприятия, направленные на повышение правовой грамотности, формирование достойного стиля поведения, ответственного отношения к своему здоровью и здоровью окружающих, развитие гражданской активности молодежи.

Анализ около 100 документов (приказы, планы проведения операций УМВД по Москве и Московской области, др. субъектам, методические рекомендации), содержания учебных планов и планов подготовки к участию в данных мероприятиях курсантов университета показал, что в рабочих программах и тематических планах юридических и педагогических дисциплин не охватываются все направления профилактических мер (их к началу 2020 г. было более 40) и виды операций профилактической направленности (их более 30, в том числе

рейды, мероприятия, операции, различаемые по целям, масштабам, участникам и т. д.). Нами было установлено, что подготовка курсантов:

- не в полной мере отражает уровни проведения профилактических мероприятий по территориальному признаку (ограничивается региональным уровнем);
- нет четкой регламентированности временных показателей операций (проведение до 10 суток с периодом их проведения не менее 15 суток),
- не все мероприятия дифференцированы по их всевозможным позициям изменений, в частности, видам, направлениям и конфиденциальности, уровням взаимодействия;
- устанавливает один показатель – комплексность, тогда как существуют целевые мероприятия; нет раскрытия терминологической особенности ряда аббревиатур, связанных с понятиями операции и мероприятиями профилактической направленности [1, 2, 5, 6].

Для повышения качества профессиональной подготовки кафедрой педагогики УНК ПСД во взаимодействии с рядом подразделений университета были внесены коррективы в содержание и формы подготовки обучающихся по специальности 44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения (специализация социальная педагогика).

Так, совместными действиями с кафедрами административной деятельности, криминологии, ОРД ОВД были внесены коррективы в рабочие программы учебных дисциплин «Криминология» (8 сем., 180 ч.), «Предупреждение преступлений и административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними» (8 семестр, 108 ч.), «Основы ОРД» (8 семестр, 144 ч.). В ряде тем было отражено, что при анализе криминогенной обстановки важно учитывать распространенность насилия в отношении детей и подростков, так как каждый одиннадцатый несовершеннолетний потерпевший стал жертвой достаточно серьезного насильственного посягательства. На практических занятиях на основании практики работы полиции были выделены наиболее вероятные места совершения преступлений в отношении несовершеннолетних. Так как таковыми являются жилые помещения и прилегающая к ним территория (лифты, подъезды, чердаки, подвалы), дворы, улицы (как правило, по маршруту следования от дома к месту учебы) – их контроль и работа на этих территориях отрабатывается как ситуационные задачи на полигоне «Фрагмент города», тренингах «Профилактическая беседа» (с отработкой вариантов – знакомство, работа в парах). На этом этапе профессиональной подготовки внимание уделяется проведению патрулирования, адресных профилактических бесед, при осуществлении предупредительной работы, в том числе при проведении целевых мероприятий.

Анализ документов показал, что виктимологическая направленность оперативно-профилактических операций (мероприятий) в них выражена не всегда четко, однако ряд операций ориентирован на работу с потенциальными жертвами преступлений. В выше указанных дисциплинах и введенной на кафедре педагогики новой дисциплине «Методы педагогической профилактики девиантного поведения несовершеннолетних» (7 семестр, 144 ч.) не только охарактеризованы, но и отрабатываются действия сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних, взаимодействия иных работников органов внутренних дел, прокуратуры, отделов по делам молодежи, социальной защиты населения, занятости, образования, здравоохранения, культуры, жилищно-коммунальных служб в операциях «Малыш», «Семья» [4; 5; 6, с. 352].

Так как целью данных мероприятий является выявление семей и несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении и трудной жизненной ситуации, а также осуществление социальной и правовой защиты детей, проживающих в социально неблагополучных семьях, то при составлении комплекта документов для проведения деловой игры на междисциплинарном уровне нами было учтено, что на этапе предварительной подготовки мини-лекции по теме игры проводятся 3-4 преподавателями разных кафедр. Курсанты для самостоятельной работы получают в практикумах под отработку комплекты материалов по выявлению и для постановки на профилактический учет в ОВД семей и несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, готовят комплекты документов и представления в инстанции для оказания им необходимой социально-правовой

помощи, по информированию заинтересованных органов и учреждений системы профилактики (взаимодействие: КДН и ЗП, органы опеки и попечительства, прокуратура и др.).

В ходе организационного этапа проводится введение стартовой игровой ситуации, осуществление сверки с территориальными администраторами по состоянию на учете семей и несовершеннолетних в едином банке данных. После информирования участников об условиях игры и ознакомления с её правилами происходит вручение курсантам документов, свидетельствующих о выявлении родителей и лиц, их заменяющих, допускающих жестокое обращение с детьми, уклоняющихся от их воспитания, негативно влияющих на поведение детей. Игровые коллективы курсантов предлагают свои варианты мер профилактического воздействия к данным родителям, производят информирование заинтересованных органов и учреждений системы профилактики (взаимодействие: КДН и ЗП, органы опеки и попечительства, прокуратура). Отдельным этапом игры является проведение разъяснительной работы с представителями «Советов общественности», КТОСов, внештатными сотрудниками, по предоставлению информации о проживании на территории обслуживания детей и семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, фактах семейного неблагополучия и жестокого обращения с детьми. В ходе которой указывается, что признаками жестокого обращения с детьми могут служить: следы сексуального насилия, побоев, истязаний или другого физического воздействия; запущенное состояние детей (педикулез, дистрофия и пр.); отсутствие нормальных условий жизни (антисанитарное состояние жилья, несоблюдение правил гигиены, отсутствие одежды, пищи и других предметов, соответствующих возрастным потребностям детей и необходимых для ухода за ними); систематическое пьянство родителей, драки в присутствии ребенка, лишение его сна и др. Общественники, а с их помощью и все население ориентируются на незамедлительное информирование полицейских в случае получения информации об указанных фактах (параллельно распространяются подготовленные участниками ДИ памятки с контактными телефонами сотрудников УУП и ПДН отделов полиции, социальной службы экстренного реагирования). Одним из вариантов учебных заданий является выявление и пресечение фактов сексуального и иного насилия в отношении несовершеннолетних, оказание пострадавшим подросткам необходимой медико-социальной, правовой и реабилитационной помощи.

При подведении итогов игры показаны обстоятельства и алгоритм действий, когда при наличии угрозы жизни и здоровью несовершеннолетних, они могут быть изъяты из семьи и помещены в государственные учреждения. Практики и преподаватели, ранее работавшие в ПДН, приводят ситуации, когда в отдельных случаях женщин с детьми помещают в центры социальной помощи семье и детям.

В заключительных занятиях по данным темам рассматриваются варианты своевременного изъятия несовершеннолетних из семьи в связи с угрозой их жизни и здоровью, помещение их в государственные учреждения (социально-реабилитационные центры, учреждения здравоохранения).

В учебной дисциплине «Деятельность подразделений по делам несовершеннолетних» (8 семестр, 144 ч.) и «Методика и технология работы социального педагога» (8 семестр, 72 ч.) на практических занятиях с участием педагогов образовательных организаций показан алгоритм проведения накануне и во время школьных каникул оперативно-профилактической операции «Каникулы». Среди её целей – профессиональные компетенции по выявлению безнадзорных, беспризорных детей, подростков, предупреждению противоправных действий со стороны несовершеннолетних, а также предупреждению фактов совершения преступных деяний в отношении несовершеннолетних. В ходе выездных занятий курсантам показывают, что в операции принимают участие все профильные службы полиции: ПДН, участковые уполномоченные полиции, ГИБДД, уголовный розыск. Курсанты в ходе изучения данных дисциплин реализуют проекты по подготовке и проведению тематических уроков, утренников, викторин, соревнований в организациях социальных партнеров университета. Особое внимание уделяется пресечению фактов «зацепинга», установлению лиц,

занимающихся популяризацией или вовлечением подростков в это травмоопасное противоправное деяние, а также попыток сделать «селфи» на опасных для жизни объектах [2, 3, 7].

При изучении «Основ ОРД» и новой дисциплины кафедры педагогики «Система профилактики безнадзорности несовершеннолетних» формируются профессиональные компетенции, позволяющие организовывать (участвовать) в межведомственных комплексных оперативно-профилактических операциях «Подросток» и «Дети России». Для отработки профессиональных навыков и организации взаимодействия с другими участниками профилактических операций и акций проводится межкафедральное комплексное учение. При составлении фабулы учения и его поэтапного развертывания нами было учтено и то, что профилактические мероприятия (акции, операции, декады, месячники) операций ежегодно проводятся поэтапно. Вот их условные наименования: «занятость» – выявление неучащихся и неработающих подростков, их трудоустройство; «всеобуч» – выявление и учет несовершеннолетних, не посещающих или систематически пропускающих по неуважительным причинам занятия в образовательных организациях, оказание им соответствующей помощи в определении на учебу; «здоровье» – предупреждение злоупотребления спиртными напитками, наркотическими средствами, психотропными и одурманивающими веществами среди несовершеннолетних; «дорога» – предупреждение детского дорожного травматизма, краж и угонов автотранспорта со стороны несовершеннолетних; «отсрочка» – активизация профилактической и воспитательной работы с несовершеннолетними, осужденными к мерам, не связанным с лишением свободы, а также вернувшимися из воспитательных колоний, специальных учебно-воспитательных учреждений; «коммерсант» – выявление взрослых, вовлекающих несовершеннолетних в незаконную коммерческую деятельность, а также предупреждение случаев незаконного предпринимательства со стороны несовершеннолетних, установления источников и путей его осуществления; «возрождение надежды» – оказание социально-правовой помощи подросткам, оставшимся без попечения родителей и нуждающимся в защите со стороны государственных органов. Каждая подгруппа получает комплект кейсов (вспомогательной информации по каждому этапу, позволяющей анализировать кейс; описание криминогенной ситуации на конкретной территории, задание по кейсу) для выполнения заданий и реализации своих задач учения и групповых проектов. В ходе учения выполняются ряд упражнений, включающих анализ многочисленной и разной информации, планирование и осуществление правоохранительной и профилактической деятельности. В парных упражнениях (один на один) используется методика создания сложной ситуации «подсадными» участниками. На групповых упражнениях с нераспределенными ролями курсанты решают какую-то ситуацию (занятость, отсрочка и т.п.) и приходят к согласию относительно того, как её решить с учетом территории и ресурсов.

Учение как комплексная форма занятий позволяет использовать множество методик. Профессиональная компетенция оценивается как минимум двумя-тремя упражнениями. Преподаватель делает акцент на поведении участников при моделировании рабочей правоохранительной реальности. Продолжительность комплексных занятий и учений позволяет достигать объективности результатов

Выводы. Кафедра педагогики УНК ПСД с использованием взаимодействия с выпускающими кафедрами, введением дисциплин «Система профилактики безнадзорности несовершеннолетних», «Методы педагогической профилактики девиантного поведения несовершеннолетних», внесением корректив в учебные дисциплины «Методика и технологии работы социального педагога» учли в содержании профессиональной подготовки то, что неотъемлемой чертой оперативно-профилактических операций является взаимодействие специализированных и неспециализированных субъектов, которое требует корректив в формировании ряда профессиональных компетенций. Это позволило комплексно выявлять объекты, требующие воздействия, и субъектам профилактики и оказывать на них всестороннее влияние.

После внесения изменений в содержание и методики подготовки курсантов в общих чертах 98,1% опрошенных смогли рассказать о задачах и направленности проверок объектов транспортной инфраструктуры, учреждений с круглосуточным пребыванием несовершеннолетних и молодежи, рейдов по отработке досуговых заведений и торговых точек. В достаточной мере 96,1% были проинформированы и принимали участие в налаживании взаимодействия с представителями тех или иных органов исполнительной власти в сфере охраны здоровья, образования, реализующих государственную молодежную политику. Все опрошенные назвали мероприятия, включавшие интерактивные лекции, обучающие семинары, профилактические беседы с несовершеннолетними и их родителями, а также иные мероприятия, направленные на повышение правовой грамотности, формирование достойного стиля поведения, ответственного отношения к своему здоровью и здоровью окружающих, развитие гражданской активности молодежи.

В учебных заданиях было показано из-за каких ошибок участники межведомственных операций профилактической направленности порою оказываются далеки от цели реальной профилактики, представлены планы организации ОПН на региональном уровне. Отмечено, что иногда задачи мероприятий сводятся к погоне за соответствующими статистическими показателями (выявленных, задержанных, поставленных на учет лиц и пр.), что противоречит самой педагогической идее проведения профилактических операций. Представлены условия преодоления формализма, отсутствия инициативы в вопросах совместной работы субъектов профилактики. Установлено, что ОПН, имея плановый характер, не всегда проводятся в «увязке» с объективно сложившейся криминогенной ситуацией и необходимостью реализации данных мер именно в ходе периода проведения операции. Именно поэтому субъектам профилактики приходится строить свою работу в отношении уже сложившихся девиантов, виктимоопасных ситуаций и потенциальных жертв. Такой подход ранее возможности раннего предупредительного воздействия сводил к минимуму. Изменение в планировании повысило эффективность акций, месячников и операций по профилактике девиантного поведения.

Для будущих сотрудников ПЛН показано, что при проведении ОПО в недостаточной мере осуществляется правовое информирование самих несовершеннолетних (по каким признакам ребенок должен понять, что стал жертвой преступления, куда ему обратиться за помощью и защитой в случае возникновения подобной ситуации). Отдельное внимание было уделено социально-психологической помощи детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, в т.ч. методике работы по экстренной психологической помощи через бесплатный круглосуточный «телефон доверия», подключенный к номеру «Всероссийского детского телефона доверия» посредством переадресации звонков.

Литература

1. О совершенствовании организации проведения комплексных оперативно-профилактических операций в системе МВД России: приказ МВД России от 13 августа 2002 г. № 772 : в ред. приказа МВД России от 9 декабря 2008 г. № 1075. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Евсеева И.Г., Тихомиров С.Н. Социально-педагогические стратегии, модели и методы профилактики девиантного поведения подростков. В сборнике: Башкатовские чтения: «Психология притеснения и деструктивного поведения в детско-подростковой среде». Материалы девятнадцатой Всероссийской научно-практической конференции посвящённой памяти Ивана Павловича Башкатова. Под редакцией М.Н. Филиппова. – 2019. – С. 133-139.
3. Никитская Е.А., Гладышева Е.О., Соколова В.С. Проблемы образовательного процесса поколения Z // Инновации в образовании. – 2020. – № 1. – С. 12-17.
4. Оперативно-профилактическая операция "Каникулы" Адрес данной страницы в интернете: https://xn--g1aohgee.xn--b1aew.xn--p1ai/UT_MVD/novosti/item/15368254.
5. Итоги межведомственной комплексной оперативно-профилактической операции «Дети России – 2019». 25 Декабря 2019 <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/19199115>.

6. Тихомиров С.Н. Межведомственное взаимодействие и социально-педагогическое сопровождение несовершеннолетних, привлеченных к административной и уголовной ответственности. // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии. Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, 8-10 октября 2019 года. / Под редакцией Коврова В.В. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – 498 с. – С. 350-355.

7. Тихомиров С.Н. Представления подростков о допустимом и девиантном поведении в рискогенном обществе // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. – 2018. – № 1. С. 33-37.

УДК: 378.147

АКТИВИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ», В ХОДЕ РАБОТЫ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «СОЦИОЛОГИЯ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ»

Федосеева Наталия Викторовна,

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры общей педагогики и педагогики
профессионального образования
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
Арзамасский филиал, г. Арзамас

Аннотация. В статье рассматриваются пути повышения активности студентов, обучающихся по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения» на занятиях при изучении дисциплины «Социология отклоняющегося поведения» с учетом специфики содержательного материала, интегративного характера данного учебного курса. Были предложены пути повышения познавательной активности студентов, представляющие собой комбинацию групповых, парных и иных форм взаимодействия с использованием интернет-сервисов, мобильных приложений, применяемых при обработке, осознании, осмыслении, систематизации учебной информации. В ходе их апробации было установлено положительное влияние предложенных способов активизации деятельности студентов на занятиях.

Ключевые слова: активизация деятельности, qr-кодирование, интернет-сервис, отклоняющееся поведение, девиантология.

Annotation. This article discusses ways to increase the activity of students studying in the specialty «Pedagogy and psychology of deviant behavior» in the classroom when studying the discipline «Sociology of deviant behavior», taking into account the specifics of the content material, the integrative nature of this training course. Ways to increase students' cognitive activity were suggested, which are a combination of group, pair and other forms of interaction using Internet services, mobile applications used in processing, awareness, comprehension, and systematization of educational information. During their testing, the positive impact of the proposed methods of activating students' activities in the classroom was established.

Keywords: activation of activity, qr-coding, Internet service, deviant behavior, deviantology.

Постановка проблемы. Активизация деятельности студентов в ходе работы на практических занятиях является одной из важных проблем при организации преподавания. Подготовка квалифицированного специалиста, бакалавра, магистра, диктуется требованиями адекватной готовности к профессиональной деятельности, обусловленной условиями

развития общества. Систематическая переоценка ценностей как на личностном уровне в ходе становления человека, так и на уровне социального развития приводит к изменениям во взаимодействии людей, возникновению новых молодёжных движений, организаций, эволюции уже сложившихся, изобилию различных неформальных групп, групп в социальных сетях, оказывающих воздействие на подрастающее поколение, порой смещая ориентиры в сторону девиантного поведения. Все это обуславливает необходимость владения знаниями о взаимоотношениях между людьми, способах воздействия между ними, но, в первую очередь, выявлению причин возникновения различного рода девиаций, как источнику и способу их своевременного устранения. В связи с этим овладение дисциплиной «Социология отклоняющегося поведения» призвано вооружить студентов, обучающихся по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения» знаниями о причинах отклоняющегося поведения, умениями выявления, распознавания девиантного поведения, знаниями о способах его исправления, коррекции в случае возникновения.

Специфика овладения данным предметом, согласно учебному плану, разработанному психолого-педагогическим факультетом Арзамасского филиала ННГУ, состоит в том, что оно осуществляется исключительно в ходе практических занятий. В то время, как сама дисциплина предусматривает значительное количество теоретического материала, включающего специфический терминологический аппарат, носящего интегративный характер, требующего наличия представлений у обучающихся о методологии психологии и социологии как смежных наук, психологии человека, его возрастном развитии, основ технологии организации воспитательного воздействия и взаимодействия.

В связи с этим возникает ряд сложностей в преподавании «Социологии отклоняющегося поведения», приводящих к снижению активности студентов в ходе её изучения. Как показывает опыт работы в рамках преподавания других дисциплин, отсутствие лекционных занятий воспринимается студентами как отсутствие необходимости изучать теоретический материал, ожидание проведения на практических занятиях каких-либо бесед, самостоятельное осмысление теоретического материала также может вызывать сложности в виду незнакомой терминологии, специфики построения предмета, логики изложения.

Цель статьи. Поэтому рассмотреть способы активизации деятельности студентов на практических занятиях по дисциплине «Социология отклоняющегося поведения» является условием успешного овладения дисциплиной и адекватной подготовки будущего специалиста.

Изложение основного материала исследования. Разрешить возникающее противоречие между необходимостью овладения «Социологией отклоняющегося поведения» как дисциплиной мировоззренчески формирующей, так и вооружающей системой специфических умений и навыков, и снижающимся уровнем активности студентов позволит разработка системы способов стимулирования студентов к познавательной деятельности.

Проблемы активизации студентов неоднократно рассматривались в литературе по вопросам методологии и методики организации образовательного процесса в вузе В.А. Слостениным, П.И. Образцовым, М.Я. Виленским, И.В. Охременко, М.Н. Дудиной, Н.С. Макаровой, С.Д. Смирновым, Т.С. Паниной, Л.Н. Вавиловой и другими. Особое внимание современными авторами (И. Блинов, В.Г. Виненко, И.С. Сергеев, В.Н. Кругликов, М.В. Оленникова, Е.Н. Ашанина, С.П. Ежова и др.) уделяется интерактивным образовательным технологиям как средствам стимулирования и интенсификации деятельности студентов. Однако, пути активизации в ходе изучения дисциплин социально-гуманитарной направленности, с учетом специфики их содержательной стороны рассматриваются недостаточно.

В качестве основ рассмотрения данной проблемы были определены компетентностный и деятельностный подходы к содержанию и организации практических занятий, обуславливающие необходимость субъектной позиции студентов на занятии, овладении ими совокупностью представлений и способов осуществления профессиональной деятельности. Инновационный подход к выбору путей и средств активизации деятельности студентов с

учетом информатизаций современного общества. Дидактический подход в рассмотрении этапов обучения в образовательном процессе вуза при освоении предмета «Социология отклоняющегося поведения».

Теоретическими методами исследования в рассмотрении поставленной проблемы явились анализ литературы и периодики по соответствующим вопросам, моделирование учебного курса с включением путей активизации студентов на занятиях; эмпирическими – наблюдение за ходом работы на занятиях, опросы, тестирование.

В качестве основных был намечен ряд путей активизации деятельности студентов. Предлагаемая классификация условна и подразумевает дифференциацию в виде двух групп путей активизации деятельности студентов.

Первая группа путей связана с овладением понятиями, категориями, терминами, осмыслением теоретического материала, формированием понимания сущности отклоняющегося поведения как неотъемлемой части жизни человека и общества, осознание причин отклоняющегося поведения. Необходимый технологический инструментарий, который может помочь активизировать деятельность студентов – это дискуссии, беседы обсуждения по самостоятельно изученному материалу, групповые формы взаимодействия (работа в группах постоянного и сменного состава, в парах и т.д.). В случае возникновения сложностей при изучении, можно прибегнуть к частичному конспектированию в ходе занятий. Особую значимость здесь приобретает использование современных сервисов (либо версий мобильных приложений) по созданию интеллект-карт (x-mind, mindomo, mindmester и т.д.), так как позволяет систематизировать знания студентов как по отдельным темам, так и представить в обобщённом виде дисциплину в целом (взаимосвязь тем, сущность явлений, причинно-следственные связи и т.п.).

Во вторую группу были включены инструменты по вооружению умениями и навыками применения полученных знаний.

1. Использование в ходе занятий фильмов (художественных, документальных) соответствующей тематики, позволяющих применить теоретический материал, умения и навыки распознавания девиантного поведения.

Их анализ не только позволяет распознавать такое поведение, причины его возникновения, оценивать соотношение социальных и личностных предпосылок в развитии отклоняющегося поведения, использовать предлагаемые классификации девиаций и т.п., но также овладевать подспудно дидактическими и методическими критериями отбора фильмов. Поэтому в дальнейшем можно уже предложить задание в виде самостоятельного создания фильмотеки и ее презентации с обоснованием подбора фильмов, системы заданий к ним.

Специфика работы с фильмами состоит в том, что большая их часть продолжительны по времени, поэтому преподавателю необходимо определиться, как будут использованы фильмы полностью или только фрагменты, будут ли они включены в игровое действие или выступят источником обсуждения: просмотр и обсуждение фрагмента фильма и его анализ; просмотр фильма выносится на дом, а на практическом занятии будут даны задания, проведена дискуссия; просмотр будет осуществляться на занятии, затем небольшое обсуждение, а на дом дается задание (эссе, создание портфолио методик для героя фильма и т.п.).

Особое внимание следует уделить подбору фильмов. Они должны соответствовать целям занятия, содержанию темы, способствовать раскрытию наиболее проблемных и сложных моментов той или иной темы. Педагогу рекомендуется провести предварительный просмотр, проанализировать органичность использования показа в ходе работы со студентами, сократить фильм, если это необходимо, продумать систему заданий или вопросов.

2. Использование различных соревновательно-игровых моментов.

При работе в группе это могут быть мини-презентации (например, портфолио методик по изучению семьи как источника возникновения девиаций и т.д.), взаимообмен заданиями, взаимоконтроль, с выполнением заданий на скорость, конкурсы на лучшую работу.

3. Создание различных игровых приемов с помощью современных средств (онлайн сервисов, мобильных приложений).

Преподаватель может сделать предварительно игровые задания самостоятельно, а может предложить сделать студентам игровые задания друг для друга. Так при изучении сложной терминологии, лучшего ее запоминания целесообразно предложить сделать кроссворд (чайнворд и т.п.), инфографику, ребус, qr-код и т.д., используя генераторы или сервисы (learningapps.org, canva и др.). Педагог может начать занятие с расшифровки термина, вовлекая в дальнейшем в групповую работу. Разнообразить данный этап можно конкурсом на лучшую работу (уместны будут и различные номинации). Можно по жребию создать из нескольких обучающихся экспертную группу, которая выступит в качестве жюри, выбирая лучший кроссворд, ребус, инфографику и т.д.

Наличие у вузов собственных платформ для работы позволит педагогу сохранять и систематизировать выполненные задания на персональном виртуальном диске и использовать их как объект анализа в работе уже с другими студентами. Преподаватель, в зависимости от целей занятия, уровня группы, может прямо на занятии предложить сделать в группах или парах кроссворды, зашифровав в них некоторые слова с помощью qr-кодов, обменяться ими, выполнить их и выбрать наиболее интересный. Каждое выполненное задание должно быть оценено. Если педагог практикует рейтинговую систему оценивания, то необходимо «встроить» в нее подобные задания, с четким указанием критериев оценивания и выставления баллов.

4. Анализ мероприятий по правовой тематике, профилактике девиантного поведения разработанных другими студентами и курсами, также является активизирующим студентов фактором. Они могут выступить в роли экспертов, руководителей какой-либо организации, ведущей приём специалиста, который в качестве одного из компонентов своего портфолио предлагает собственную разработку. Подобное задание может быть дано в группе или индивидуально, проводиться непосредственно на занятии или даваться в качестве домашнего задания с последующей отчётностью.

5. Очень интересным активизирующим и практико-ориентирующим заданием на занятии может стать создание чек-листа (как самостоятельное задание, как часть деловой игры и т.п.). Чек-лист – это, по сути, пошаговый алгоритм, руководство, позволяющее с определённой долей успеха выполнить какое-либо дело. Например, можно предложить студентам создать чек-лист для социального педагога по созданию мероприятий по профилактике девиантного поведения, чек-лист для родителя, составляющий пошаговую программу действий, если родитель обнаружил у ребенка наркотическую зависимость, чек-лист для психолога по распознаванию суицидального поведения у подростков и т.д.

Выбор предлагаемых путей активизации зависит от преподавателя, тех целей, которые он ставит перед собой и студентами на занятии. Традиционная дидактика, как и дидактика высшей школы, придерживаются правила оптимального и целесообразного выбора путей повышения познавательной активности на занятии во избежание переутомления, повышенного напряжения обучающегося.

В качестве испытуемых выступили студенты 2 курса, обучающиеся по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения» в количестве 25 человек. В ходе занятий со студентами были использованы выборочно некоторые приемы активизации на занятии.

Сначала студентам предлагалось ознакомиться с организационными вопросами преподавания дисциплины и решить совместно с педагогом, какой формат занятий для них более предпочтителен: традиционная форма семинарских занятий с предварительным выставлением плана практического занятия, заданий для выполнения, вопросов бесед, или с использованием различных средств, сервисов, мобильных приложений. Большинство студентов выступили за второй вариант (20 человек). Было проведено входное тестирование (20 вопросов по девиантологии, часть из которых могла им встречаться в ходе изучения психологии, например) по дисциплине, показавшее низкий уровень представлений (12 человек показали невысокий уровень: ответили на большую часть вопросов, при выполнении заданий на выбор вариантов ответов, были равны в основном по количеству верные и неверные варианты, либо с незначительным преимуществом преобладали верные, такие же результаты

в вопросах на соответствие, 7 человек показали уровень ниже среднего, и лишь 2 человека выполнили верно больше половины предлагаемых вопросов).

Затем, были проведены практические занятия с использованием различных способов активизации, в ходе которых велись наблюдения за активностью студентов.

В нашем случае курс выглядел следующим образом. На первую тему «Теоретико-методологические исследования девиантности» отводится 6 часов, то есть три пары занятий. Это достаточное количество времени для реализации интересных идей преподавателя и студентов. Первое занятие предполагало составление каталога учебников и учебных пособий по дисциплине с использованием электронных библиотечных систем (например, Юрайт), составление небольшого словаря терминов (посредством конспектирования из разных пособий), сравнительной таблицы (отклоняющееся поведение, девиантное поведение, делинквентное поведение, норма, отклонение в опоре на медицинские, социальные и психологические аспекты), схема основных признаков отклоняющегося поведения. На втором занятии студенты объединяются в микрогруппы по 3-4 человека для выполнения интеллектуальной карты, отражающей сущность и специфику девиантологии как науки, взаимосвязи с другими науками, основы и т.д. Для этого студенты могут пользоваться мобильным приложением X-mind, сервисом canva или любым другим на выбор, который им знаком и с которым они уже работали. Студентам предлагается свободный выбор структуры и оформления. Третья пара по данной теме – это презентация подготовленных проектов, для чего группа самостоятельно готовит небольшое выступление, определяет формат выступления (или дозируют выступление каждому, или кто-то один от группы выступает, а остальные помогают отвечать на вопросы и т.д.).

Вторая тема «Агрессия как социальное явление» изучается в течение двух занятий (4 часа). Предварительное задание, которое дается студентам – это составление сводной таблицы «Теории агрессивности», в словарь терминов вносятся понятия данной темы (фрустрации, правонарушения антидисциплинарное, антисоциальное, делинквентное и т.д.). В ходе занятия осуществляется просмотр фильма «Республика ШКИДТ», которой затем обсуждается, дается задание проанализировать одно из героев, используя полученные по теме знания. Также студентам предлагается осуществить небольшую подборку фильмов (1-2), в которых хорошо представлена социопатическая личность, оформив ее в виде презентации, и предложить на следующем занятии сокурсниками.

На третью тему «Преступность в современном обществе: теория и практика» отводится 6 часов. Студентам можно предложить в качестве предварительного задания составление сравнительной таблицы «Агрессия, делинквентное поведение, криминальное поведение» (возможны варианты). Затем проводится защита подборок фильмов. В задачу сокурсников входит согласиться с выбором, обосновав его, или аргументированно опровергнуть. Вторая пара по данной теме предусматривала просмотр и обсуждение фильма «Писатели свободы». Фильм затрагивает целый спектр различных социальных и внутриличностных проблем, которые можно в дальнейшем обсудить, проанализировав причины и источники возникновения отклоняющегося поведения. Также фильм интересен наличием разнообразных сюжетных линий, так как рассматривается судьба разных героев, каждый из которых может стать предметом детального разбора. Педагогом в фильме применяются интересные технологические приемы взаимодействия с воспитанниками, которые могут являться примером коррекции поведения, создания психологически адекватной атмосферы в классе. После просмотра можно обсудить фильм в целом, а затем в группах провести анализ героя, выбор которого будет осуществляться либо по жребию, либо по желанию студентов (в нашем случае предпочтение было отдано второму варианту).

«Насилие в семье как вид девиантности» составляет 4 часа. В ходе изучения темы должны быть рассмотрены такие вопросы, как виды насилия в современном обществе, политическое и экономическое насилие, вандализм как общественное явление, типология насильственных преступников, насилие и жестокость в подростковой среде, проблема «насилия на свидании», современные методы предотвращения насилия, а также исследования

насилия в семье, виды насилия в семье, насилие против супруги/супруга, в отношении престарелых, домашнее насилие и агрессия, жестокое обращение с детьми и его формы, помощь жертвам домашнего насилия. Для наглядного показа примера насилия в семье можно использовать фрагменты фильмов «В постели с врагом» (1991г.) или «С меня хватит» (2002г.), предварительно опросив студентов посмотреть их заранее. В этом случае педагог будет готов, если студенты захотят сравнить эти фильмы, поведение героев-агрессоров и способы защиты женщин от агрессии.

Для осмысления материала студенты, объединившись в творческие группы, выполняют задания следующего плана: с помощью генератора ребусов или QR-кодов, зашифровывают понятия и термины по данной теме, названия фильмов и книг, содержащих сюжеты насилия в обществе и насилия в семье, ссылки на законодательство РФ в области защиты от насилия. Затем группами проводится обмен выполненными заданиями и расшифровка. Как правило, сами студенты предлагают выбрать лучший ребус, лучшую шифровку. Выполнение таких заданий, позволит снизить возможный эмоциональный накал при рассмотрении данной темы, концентрируясь на теоретическом материале.

Две пары было выделено и для изучения темы «Наркомания в молодежной среде». В спектр вопросов этой темы входит рассмотрение проблемы наркомании в РФ, наркомания и преступность, причины и механизмы употребления психоактивных веществ в подростковом и юношеском возрасте, технологии организации первичной профилактики наркомании среди учащихся школ и вузов, проблема борьбы с наркоманией в современном обществе. Для разбора материала могут быть использованы фрагменты фильмов или полностью просмотр и дискуссия по содержанию. Например, лента «История Рона Кларка» об учителе, который по своей инициативе пошел работать в самый трудный класс в школе, собравший детей из проблемных семей. Если смотреть фильм полностью, то на следующем занятии целесообразно повторить пройденные темы, еще раз обсудить вопрос агрессии в отношении детей, причины возникновения отклонений в поведении, и затем обратиться к проблеме наркотической зависимости на примере одного из школьников, оказавшегося втянутым в торговлю наркотическими средствами (но можно просто использовать данный эпизод для анализа). Задание к этому занятию – предлагается составить проект внеклассного мероприятия со школьниками по профилактике наркотической зависимости, разработать буклет для мероприятия с использованием сервисов по созданию инфографики.

Для изучения следующей темы «Молодежные преступные сообщества» также предусмотрено 4 часа. Первое занятие – это просмотр и анализ фильма «Педагогическая поэма», позволяющего повторить и закрепить ранее пройденный материал посредством его применения при разборе характерных эпизодов. В процессе обсуждения студенты подводятся к тому, какие в настоящее время возникают молодежные преступные группировки и как это происходит. В результате дается задание для подготовки ко второму занятию – это выступление по одному из молодёжных сообществ.

В ходе изучения темы «Проституция как вид девиантного поведения» также было проведено два занятия. В ходе осмысления теоретического материала студентам на выбор предлагается или составить сводную таблицу или интеллект-карту, отражающую социологические теории проституции, теорию врожденной проституции Ч. Ломброза, социологические исследования проституции начиная с XIX-XXI вв., причины данного явления в современном мире, способы предотвращения вовлечения детей в занятия проституцией. При желании можно провести разбор видеофрагментов, но следует пояснить, что выбор должен быть целесообразен и адекватен (например, можно взять некоторые фрагменты фильма «Учитель на замену» 2011г.), так как проблема сложная, неоднозначная. Правильно подобранные ситуации помогут показать социальный аспект возникновения проблемы проституции в современном обществе. На втором занятии студентам предлагается объединиться в группы и разработать проект внеклассного мероприятия со школьниками по профилактике подобного рода девиантного поведения, раскрытия вреда для здоровья, пропаганде нравственности и здорового образа жизни. На второй части занятия группам

предлагается самостоятельно предлагается выбрать наиболее удачный на их взгляд фрагмент мероприятия и реализовать его с сокурсниками в виде инсценировки, а участникам-ученика предлагается дать оценку мероприятию, а участникам-педагогам провести рефлексю.

Завершает курс тема «Самоубийства как вид девиантности», тоже довольно сложная и неоднозначная. В процессе занятия обязательно должна быть затронута проблема подросткового суицида, источники возникновения и способы профилактики и предотвращения суицидального поведения, следует обратить внимание на особую роль родителей, семьи в профилактике самоубийств. Студентам предлагается, работая в парах, составить интеллект-карту по теме. Затем объединиться в две группы и, используя свои интеллект-карты, одной группе разработать чек-лист для педагога-психолога по распознаванию суицидального поведения, другой – рекомендации для родителя. Второе практическое занятие по данной теме носило обобщающий характер по всему пройденному материалу дисциплины, проводилось в режиме групповой работы по созданию кроссвордов (и использованием генератора кроссвордов), с включением в них QR кодов понятий, терминов, либо фотографий, их изображающих, либо ссылок на видео. А затем взаимный обмен и отгадывание. Данный вид заданий позволяет не только вспомнить пройденное, но и провести небольшую проверку знаний.

Выводы. После проведения занятий было проведено контрольное тестирование, с которым студенты успешно справились (высокий уровень результатов показали 7 человек, средний уровень – 12, 2 – чуть ниже среднего). Также был проведен опрос о характере проведения занятий. Все студенты выразили удовлетворённость данной формой проведения занятий по дисциплине «Социология отклоняющегося поведения», особенно воодушевлял их просмотр и анализ фильмов. Студенты отметили, что с примерами из фильмов гораздо легче было понять, о чем шла речь в материале, осмыслить, осознать рассматриваемые явления. Особый энтузиазм вызвало и создание картотеки фильмов. Студенты нашли довольно много фильмов по теме отклоняющегося поведения с самыми разнообразными сюжетами, которые рекомендовали бы посмотреть сокурсникам и преподавателям.

Таким образом, использование как традиционных методов активизации, так и современных сервисов и ресурсов при изучении дисциплины «Социология отклоняющегося поведения» в качестве стимула познавательной активности на занятии повышает интерес студентов к учебному материалу, облегчает его освоение.

Литература

1. Блинов, В.И. Методика преподавания в высшей школе: учебно-практическое пособие / В.И. Блинов, В.Г. Виненко, И.С. Сергеев. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 315 с. – [Электронный источник]. ЭБС Юрайт. – URL: <https://urait.ru/bcode/450099>
2. Дудина, М.Н. Дидактика высшей школы: от традиций к инновациям учебное пособие для вузов / М.Н. Дудина. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 151 с. – [Электронный источник]. ЭБС Юрайт. – URL: <https://urait.ru/bcode/453318>
3. Кругликов, В.Н. Интерактивные образовательные технологии / В.Н. Кругликов, М.В. Оленникова. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 353 с. [Электронный источник]. ЭБС Юрайт. – URL: <https://urait.ru/bcode/453474>
4. Макарова, Н.С. Дидактика высшей школы. От классических оснований к постнеклассическим перспективам: монография / Н.С. Макарова, Н.А. Дука, Н.В. Чекалева – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 172 с. – [Электронный источник]. ЭБС Юрайт. – URL: <https://urait.ru/bcode/456295>
5. Психология и педагогика высшей школы: учебное пособие для вузов / И.В. Охременко и др.; под редакцией И.В. Охременко. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 189 с. – [Электронный источник]. ЭБС Юрайт. – URL: <https://urait.ru/bcode/454089>
6. Смирнов, С.Д. Психология и педагогика в высшей школе: учебное пособие для вузов / С.Д. Смирнов. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 352 с. [Электронный источник]. ЭБС Юрайт. – URL: <https://urait.ru/bcode/451678>

7. Современные образовательные технологии: учебное пособие для вузов / Е.Н. Ашанина и др.; под редакцией Е.Н. Ашаниной, С.П. Ежова. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 165 с. – [Электронный источник]. ЭБС Юрайт. – URL: <https://urait.ru/bcode/454163>

8. Современные образовательные технологии: учебное пособие для вузов / Л.Л. Рыбцова и др.; под общей редакцией Л.Л. Рыбцовой. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 92 с. – [Электронный источник]. ЭБС Юрайт. – URL: <https://urait.ru/bcode/454848>

9. Технология профессионально-ориентированного обучения в высшей школе / П.И. Образцов, А.И. Уман, М.Я. Виленский; под редакцией В.А. Слостенина. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 258 с. [Электронный источник]. ЭБС Юрайт. – URL: <https://urait.ru/bcode/453412>

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Государственная политика и социальное партнёрство в профилактике отклоняющегося поведения детей и молодёжи: проблемы и противоречия ценностно-нормативного и правового обеспечения

<i>Акопов Гарник Владимирович, Белкин Антон Игоревич, Ярушкин Николай Николаевич</i> КАТЕГОРИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ В СИСТЕМЕ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ СОЗНАНИЯ	4
<i>Алехина Екатерина Валентиновна, Поветкина Татьяна Евгеньевна</i> СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АДВОКАЦИЯ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ДЕТЕЙ С ОВЗ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	9
<i>Баева Людмила Владимировна</i> ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ	15
<i>Балашова Татьяна Николаевна</i> РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ	19
<i>Вихляев Александр Александрович, Харламова Дарья Андреевна</i> К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ, БЕСПРИЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	24
<i>Власенко Мария Сергеевна</i> НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	30
<i>Герасимова Вера Вадимовна</i> СИСТЕМНАЯ БИОПСИХОСОЦИОДУХОВНАЯ ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ.....	36
<i>Горбунова Наталья Владимировна</i> СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ	42
<i>Дорошенко Оксана Викторовна</i> ПОЛИЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЕЕ ПСИХОЛОГО- ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ (НА ПРИМЕРЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА)	49
<i>Зографова Йоланда Константинова</i> НОРМАТИВНЫЙ КОНТЕКСТ И АГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ	52
<i>Иванова Десислава Асенова, Крастев Иван Димитров</i> ПРОФИЛАКТИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ И АГРЕССИИ У ПОДРОСТКОВ: ИЗ ПРАКТИКИ РАБОТЫ КОМИССИИ ПО БОРЬБЕ С АНТИСОЦИАЛЬНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В БОЛГАРИИ	57
<i>Клейберг Юрий Александрович</i> ЛИМИНАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ФЕНОМЕН.....	62
<i>Клещенко Людмила Леонидовна</i> СИМВОЛ ДЕТСТВА В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СМИ	66

Ключко Ольга Ивановна ТРАНСФОРМАЦИИ В ГЕНДЕРНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ КАК ОСНОВАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ ..	72
Комлев Юрий Юрьевич КИБЕРДЕВИАНТНОСТЬ МИЛЛЕНИАЛОВ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ.....	77
Кренева Юлия Анатольевна, Верещагина Елена Сергеевна СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, НА СЕМЕЙНОЕ ВОСПИТАНИЕ	82
Кудряшѐв Алексей Валериевич БОРЬБА С ПОТРЕБИТЕЛЬСКИМИ ДЕВИАЦИЯМИ СОВЕТСКИХ ПОДРОСТКОВ В 1960 – 1970-Е ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА).....	87
Лаврищева Ольга Анатольевна ПРОФИЛАКТИКА БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	91
Максимова Светлана Геннадьевна, Максимов Максим Борисович СОЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОТИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ КАК ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ	98
Нардина Оксана Владимировна ПРИОРИТЕТНЫЕ ЗАДАЧИ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В СРЕДЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	106
Попов Максим Николаевич ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕЗОСРЕДЫ СОЦИУМА МАЛОГО ГОРОДА В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ	111
Порозов Роман Юрьевич СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В ИНТЕРНЕТЕ: МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	116
Расчетина Светлана Алексеевна РЕБЕНОК КАК СУБЪЕКТ ВОСПИТАНИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИИ В НЕСТАБИЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ СОЦИУМА	119
Сабирзянова Инна Викторовна ЦЕННОСТНОЕ СОЗНАНИЕ КАК ДИНАМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РЕГУЛЯЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ	125
Савельев Алексей Олегович ТЕХНОЛОГИЯ АВТОМАТИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИЗУЧЕНИЮ РАДИКАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА	130
Самаркина Ирина Владимировна РЕСУРСЫ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ КОНСТРУКТИВНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИК ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ	135
Скрипченко Нина Юрьевна ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ МЕДИАЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)	142
Старых Станислав Михайлович ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОВД ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ	148

Суркова Ирина Юрьевна, Щепланова Вероника Вячеславовна, Логинова Лариса Викторовна	
ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА И ПРЕВЕНЦИЯ ДЕСТРУКТИВНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ	153
Тесленко Александр Николаевич, Салиенко Василий Васильевич	
ЮВЕНАЛИСТИКА КАК ТЕХНОЛОГИЯ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРАВОНАРУШИТЕЛЯ.....	162
Хломов Кирилл Даниилович	
МОДЕЛЬ ЦЕНТРА ПО РАБОТЕ С ПОДРОСТКАМИ И СЕМЬЯМИ "ПЕРЕКРЕСТОК" 2004-2020 ГОДОВ КАК ОТВЕТ НА ИЗМЕНЯЮЩИЕСЯ ВЫЗОВЫ РИСКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ	169
Хусаинова Светлана Владимировна	
СОГЛАСОВАННОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ	176
Черкасов Сергей Альбертович (иеромонах Павел)	
СИСТЕМА УСТАНОВОК ПРАВОСЛАВНОЙ АНТРОПОЛОГИИ КАК РЕСУРС ДЛЯ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ	180
Чечикова Ирина Владимировна	
РОЛЬ ИНСПЕКТОРА ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ СОПРОВОЖДЕНИИ ПОДРОСТКОВ С ОТКЛОНЯЮЩИМСЯ ПОВЕДЕНИЕМ	184
Щелина Тамара Тимофеевна	
ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ВОСПИТАННИКОВ ЗАКРЫТЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ	188

**Раздел 2. Психологические и социально-педагогические аспекты профилактики
девиантного поведения детей и молодёжи: инновационные практики модернизации
моделей и технологий сопровождения**

Александров Евгений Павлович, Пивнева Наталья Сергеевна	
ВОСПИТАННИК УЧРЕЖДЕНИЯ ИНТЕРНАТНОГО ТИПА: ШТРИХИ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ	194
Алиева Фериде Гаджихалиловна	
ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАЦИЙ НА ОСНОВЕ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ ПРОГРАММ	202
Бабиянц Каринэ Артемовна	
БИОЛОГИЧЕСКАЯ ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ КАК МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОЛЬНОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ ГИПЕРАКТИВНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	208
Баева Ирина Александровна, Кондакова Ирина Владимировна	
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ОЦЕНКАХ ПЕДАГОГОВ И УЧАЩИХСЯ КОЛЛЕДЖЕЙ	213
Беганцова Ирина Серафимовна	
ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЙ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ.....	221
Бочавер Александра Алексеевна	
ПРОФИЛАКТИКА ШКОЛЬНОГО БУЛЛИНГА И РАСПРОСТРАНЕННЫЕ СТЕРЕОТИПЫ	223

<i>Вачков Игорь Викторович</i> МЕТАФОРА И ДРУГИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СРЕДСТВА В ПРОФИЛАКТИКЕ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ	228
<i>Веселова Елена Константиновна, Коржова Елена Юрьевна</i> ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ ПСИХОЛОГА ПО ПРОФИЛАКТИКЕ НАРУШЕНИЙ ЗДОРОВЬЯ МОЛОДЕЖИ	233
<i>Виноградов Павел Николаевич</i> СОЦИОПРИРОДНЫЕ ФАКТОРЫ В ПОРОЖДЕНИИ И ПРОФИЛАКТИКЕ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА	237
<i>Вихляев Александр Александрович</i> К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИОЛЕКТА КАК ФАКТОРА СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОТДЕЛЬНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР	242
<i>Вовк Валентин Николаевич, Журавлев Артур Дмитриевич</i> ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	247
<i>Гасилина Мария Александровна, Минияров Валерий Максимович</i> ДЕЗАДАПТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ПУТЬ К БУДУЩЕЙ ДЕВИАЦИИ	251
<i>Голубева Галина Федоровна, Спасенников Валерий Валентинович</i> ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИАГНОСТИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ И АКЦЕНТУАЦИЙ ХАРАКТЕРА ПОДРОСТКОВ	257
<i>Горелкина Мария Александровна</i> СЕМЕЙНАЯ МИКРОКУЛЬТУРА И ИСТОКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	266
<i>Горобец Даниил Валентинович</i> ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ ПОДРОСТКА КОЛЛЕДЖА ИЗ ПРОБЛЕМНОЙ СЕМЬИ	268
<i>Димитрова Екатерина</i> ВЛИЯНИЕ СЛОЖНОГО УЧЕБНОГО КЛАССА НА СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИМАТ В ШКОЛЕ	273
<i>Дубровина Ирина Владимировна</i> ЛИЧНОСТНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ	278
<i>Ерофеева Мария Александровна</i> ТРАНСФОРМАЦИИ В ГЕНДЕРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	285
<i>Зайцев Игорь Станиславович</i> МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ В СТРУКТУРЕ РАЗВИТИЯ В ОБЩЕСТВЕ	289
<i>Зайцева Людмила Александровна</i> ЗНАЧЕНИЕ МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫХ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГА В ПРОФИЛАКТИКЕ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ	293
<i>Зиновьева Елена Викторовна, Костромина Светлана Николаевна, Москвичева Наталья Львовна</i> САМОЭФФЕКТИВНОСТЬ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ В СВЯЗИ С ЖИЗНЕННОЙ УСПЕШНОСТЬЮ ИХ РОДИТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ	299

Иванов Дмитрий Викторович ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ДЕТСКОЙ И ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ.....	303
Исаева Эльмира Гаджиевна, Сутаева Аида Рамазановна ПРОФИЛАКТИКА ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ.....	308
Калина Надежда Федоровна, Щетинин Даниил Сергеевич ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ К СЕРИАЛАМ.....	313
Каменева Ирина Юрьевна ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА	320
Кара Жанна Юрьевна ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОПРОВОЖДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ, СКЛОННЫХ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ И ПЕРЕЖИВАНИЮ СОСТОЯНИЯ ОДИНОЧЕСТВА.....	325
Карнович Татьяна Ефимовна ПРОФИЛАКТИКА ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ДЕВИАЦИЙ ПОСРЕДСТВОМ ПРЕОДОЛЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПРОКРАСТИНАЦИИ У ПОДРОСТКОВ.....	329
Кириллова Татьяна Васильевна ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ КОЛОНИИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ.....	334
Клейберг Юрий Александрович ДЕВИАНТОЛОГИЯ АМОКА И ШУТТИНГА: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ, АКТУАЛИЗАЦИЯ И ПРОФИЛАКТИКА	341
Ковтунович Марина Георгиевна ПРАВОСЛАВНЫЙ ПОДХОД К ПРЕОДОЛЕНИЮ ДЕЗАДАПТАЦИИ И ДЕВИАНТНОСТИ ПОДРОСТКОВ	347
Кожухарь Галина Сократовна ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВИД ДЕВИАЦИЙ ПСИХОЛОГА-КОНСУЛЬТАНТА И ЕГО ПРОФИЛАКТИКА.....	350
Костина Любовь Николаевна ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ОСТРАКИЗМА В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ	355
Кот Тамара Алексеевна ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ ПОВЕДЕНИЕ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА: ПРИЧИНЫ, ПРОФИЛАКТИКА И КОРРЕКЦИЯ	359
Кузнецова Елена Андреевна, Зиновьева Елена Викторовна ЛИДЕРЫ МНЕНИЙ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ КАК РЕСУРС ДЛЯ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ	362
Куприянов Борис Викторович, Лебедев Роман Сергеевич, Смирнова Ирина Эдуардовна ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ДЕТСКОЙ ШАЛОСТИ В РАМКАХ КОНСТРУКТА «ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ».....	365
Купченко Виктория Евгеньевна СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА У ПОДРОСТКОВ.....	374
Кучеренко Светлана Валериевна КРИЗИСНЫЕ И КРИТИЧЕСКИЕ СИТУАЦИИ КАК ПРЕДИКТОРЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ	384

Лактионова Елена Борисовна, Тузова Александра Сергеевна ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОДАРЕННЫХ УЧАЩИХСЯ КАК РЕСУРСЫ ИХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ	387
Латышева Марианна Александровна МУЗЕЙНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ПСИХОПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ.....	390
Масленникова Алена Анатольевна, Майсак Надежда Васильевна ИГРА «SMARTGAME» В ПРОФИЛАКТИКЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ДЕВИАЦИЙ ПОДРОСТКОВ.....	395
Мирзоян Вананэ Хачиковна ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИНТЕРНЕТ- ЗАВИСИМОСТИ И ИНТЕРНЕТ-ИГР	402
Молчанова Дарья Владимировна, Реан Артур Александрович ЗАРУБЕЖНЫЕ ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРЕНИНГОВ СОЦИАЛЬНО- ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В ПРОФИЛАКТИКЕ ШКОЛЬНОЙ ТРАВЛИ	408
Моцовкина Елена Владимировна, Нистрян Светлана Владимировна ПРОЯВЛЕНИЯ РАЗНЫХ ТИПОВ МОНЕТАРНОГО ПОВЕДЕНИЯ У СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	415
Мулик Александр Борисович, Срослова Галина Алексеевна, Улесикова Ирина Владимировна, Юсупов Владислав Викторович, Шатыр Юлия Александровна ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННАЯ ДИАГНОСТИКА РИСКОВ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ В СРЕДЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ	420
Мустафина Лилия Шаукатовна ВЗАИМОСВЯЗЬ НРАВСТВЕННЫХ УБЕЖДЕНИЙ С ЦЕННОСТНЫМИ ОРИЕНТАЦИЯМИ СТУДЕНТОВ	424
Низовских Нина Аркадьевна ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К САМОРАЗВИТИЮ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ	428
Никитин Владимир Николаевич ТРАСПЕРСОНАЛЬНЫЕ ТЕХНИКИ КОРРЕКЦИИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ	434
Никитская Екатерина Александровна, Пирязева Марина Владимировна ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ НАПРЯЖЕНИЕ КАК ФАКТОР ДЕСТРУКЦИИ ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ У ПОДРОСТКОВ С ДЕВИАНТНЫМИ ФОРМАМИ ПОВЕДЕНИЯ	439
Николаева Наталья Викторовна СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ЦЕНТРА.....	443
Ничипоренко Надежда Павловна ХАРАКТЕРИСТИКИ СТРЕССА И КОГНИТИВНЫЕ РЕСУРСЫ СОВЛАДАНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ КАК ОРИЕНТИРЫ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ВУЗЕ	447
Ощепков Алексей Александрович ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИКИ МОЛОДЕЖНОГО ЛИДЕРСТВА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА КАК ФОРМА ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ	452

Пацева Елена Николаевна ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОРДОСТИ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ	458
Полтава Николай Сергеевич (изумен Никита), Ковров Владимир Викентьевич ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ СРЕДСТВАМИ ПРАВОСЛАВНОГО ТЕАТРА	465
Пряжникова Елена Юрьевна СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОДРОСТКОВ ГРУППЫ РИСКА	469
Регуш Людмила Александровна ДИАГНОСТИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЕЖИ – ОДИН ИЗ ПУТЕЙ ВЫЯВЛЕНИЯ ГРУПП РИСКА.....	475
Саенко Людмила Александровна СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ	478
Сапогова Елена Евгеньевна ЛИЧНОСТНЫЕ МЕТАПАТОЛОГИИ В «ВОЗРАСТАХ ВЗРОСЛЕНИЯ»: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД	483
Сафина Юлия Фаилевна ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ	493
Сиврикова Надежда Валерьевна КИБЕРЛАФИНГ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ: ДЕВИАЦИЯ ИЛИ ОСОБЕННОСТЬ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ.....	498
Симонова Галина Ивановна, Власов Александр Сергеевич ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ У МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ	503
Склярченко Инна Сергеевна, Курипенко Юлия Игоревна ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ СОТРУДНИКОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ К РАБОТЕ С СЕМЬЕЙ ГРУППЫ СОЦИАЛЬНОГО РИСКА	510
Тесленко Александр Николаевич ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В СИСТЕМЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ РАБОТЫ: КАЗАХСТАНСКИЙ ОПЫТ	516
Тихомирова Евгения Ивановна ВАРИАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ПОЗИТИВНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ В ВОСПИТЫВАЮЩЕЙ СРЕДЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	523
Федотов Сергей Николаевич, Милюкова Юлия Дмитриевна ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ	527
Халилова Альфия Габдулловна ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА СКЛОННОСТЬ К ДЕВИАЦИИ ПОДРОСТКОВ	536

Раздел 3. Современные реалии и практика подготовки специалистов системы профилактики девиантного поведения детей и молодежи

Акутина Светлана Петровна, Столярова Елена Валентиновна ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТА СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ ПО РАБОТЕ С СЕМЬЕЙ КАК ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ РЕБЕНКА	542
Алпатова Ольга Борисовна, Кулешова Элеонора Владимировна ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА СО СТУДЕНТАМИ КАК УСЛОВИЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ	546
Атаманова Галина Ивановна ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА ПРОЕКТОВ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ К ОБУЧЕНИЮ И ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ...	549
Блясова Ирина Юрьевна, Бякова Наталья Владимировна, Зайцева Любовь Юрьевна ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	560
Брылева Юлия Александровна КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ КУРСАНТОВ-БУДУЩИХ ИНСПЕКТОРОВ ПДН.....	567
Горобец Наталия Николаевна АДАПТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА В ПРОФИЛАКТИКЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ДЕВИАЦИЙ	570
Давыдова Галина Ивановна РЕФЛЕКСИВНО-ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ К КОНСТРУКТИВНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С ТРУДНЫМИ ПОДРОСТКАМИ	575
Деулин Дмитрий Владимирович, Климова Кристина Алексеевна ОСОБЕННОСТИ УЧЕБНОЙ И СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МВД РОССИИ В РАМКАХ ПЕРЕХОДА НА ДИСТАНЦИОННЫЙ ФОРМАТ ОБУЧЕНИЯ.....	579
Долганина Вера Васильевна, Кольцова Ирина Владимировна ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ КАК ФОРМА ДЕВИАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....	583
Дорошенко Ольга Марковна ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ОЦЕНКЕ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПРОБЛЕМЫ	589
Дышлюк Ирина Станиславовна СОПРОВОЖДЕНИЕ КАК ОСНОВНАЯ СТРАТЕГИЯ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ.....	597
Ерина Инобат Аъзамкуловна ВЫБОР ПРОФЕССИИ: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛИИ СРЕДИ СТУДЕНТОВ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ	602
Жокина Надежда Алексеевна СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ-СИРОТ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА.....	608

<i>Зинькевич Игорь Петрович</i> МОДУЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЗАГОРОДНОГО ЛАГЕРЯ	613
<i>Иванова Алла Дмитриевна, Муругова Оксана Владимировна</i> ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА В ВУЗЕ: ЧТО НАС ЖДЕТ ПОСЛЕ КАРАНТИНА	617
<i>Ковров Владимир Викентьевич, Глузман Юлия Валериевна</i> СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ЧЕЛЛЕНДЖА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТНОЙ ПОЗИЦИИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНТНОЙ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА	625
<i>Лёвкина Елена Викторовна</i> ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ К РАБОТЕ С ДЕТЬМИ, СКЛОННЫМИ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ	633
<i>Майсак Надежда Васильевна, Минасян Артур Айкович</i> ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЛАЕНСА СПЕЦИАЛИСТОВ В РАМКАХ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ АЛЬТЕРНАТИВ	638
<i>Тихомиров Сергей Николаевич</i> О ПОДГОТОВКЕ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МВД РОССИИ К УЧАСТИЮ В ПРОВЕДЕНИИ МЕЖВЕДОМСТВЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ	644
<i>Федосеева Наталия Викторовна</i> АКТИВИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ», В ХОДЕ РАБОТЫ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «СОЦИОЛОГИЯ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ».....	650

Для заметок

Научное издание

**ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЁЖИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И ТЕХНОЛОГИИ**

Сборник материалов

Второй Международной научно-практической конференции

(г. Ялта, 8-10 октября 2020 г.)

Под редакцией В.В. Коврова

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 77,66. Тираж 500 экз. Заказ № 09А/12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ»

295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ»

295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

ISBN 978-5-907376-13-7

9 785907 376137